

РЕАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

РИСКОВАННАЯ ИГРА СТАЛИНА

Майкл
Джабара
Карлей

В ПОИСКАХ
СОЮЗНИКОВ
ПРОТИВ
ГИТЛЕРА

1930–1936

**РИСКОВАННАЯ ИГРА СТАЛИНА:
В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ ПРОТИВ ГИТЛЕРА
1930–1936 гг.**

Майкл Джабара Карлей

**РИСКОВАННАЯ ИГРА СТАЛИНА:
В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ
ПРОТИВ ГИТЛЕРА
1930–1936 гг.**

К КУЧКОВО ПОЛЕ
издательство

**Москва
2023**

УДК 94 (100)
ББК 63.3 (0) 61
К23

Проект создан при поддержке Фонда
«История Отечества»

Michael Jabara Carley
Stalin's Gamble: The Search for Allies against Hitler, 1930–1936

Карлей, Майкл Джабара

К23 Рисканная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930–1936 гг. / пер. с англ. Н. Л. Алексеевой; предисл. В. Ю. Крашенинниковой, С. В. Кудряшова. — М.: Издательство «Кучково поле», 2023. — 800 с.: ил.; 8 л. ил. — (Реальная политика).

ISBN 978-5-907171-98-5

В представленной монографии Майкл Джабара Карлей воссоздает объемную картину международных отношений и дипломатии в первой половине 1930-х годов. Исследование проведено на базе обширных материалов из российских архивов (Архива внешней политики МИД РФ, Российского архива социально-политической истории), архивов Франции, Великобритании, США, отказавшись от традиционных для западной исторической науки антисоветских стереотипов.

Рассмотрев международные отношения и дипломатию в первой половине 1930-х годов, Карлей приходит к выводу, что провал советских дипломатических усилий, направленных на создание системы коллективной безопасности, был связан, прежде всего, с позицией западных стран, преследовавших узкокорыстные национальные интересы и не заинтересованных в паритетном сотрудничестве с СССР. Карлей уверенно развенчивает один из устойчивых мифов западной историографии о том, что создание системы коллективной безопасности было объективно невозможно по причине скрытого стремления СССР к сговору с Гитлером.

**УДК 94 (100)
ББК 63.3 (0) 61**

ISBN 978-5-907171-98-5

© Карлей М. Дж., 2023

© АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», издание на русском языке, название серии, 2023

© ООО «Издательство «Кучково поле», оригинал-макет, художественное оформление, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Уважаемый читатель, перед вами уникальный труд по истории взаимоотношений Советского Союза с Западом в критически важные 1930-е годы. Уникальность этой монографии в особой тщательности, огромном охвате проблем и глубоком архивном фундаменте: использованы источники из архивов России, Великобритании, США, Франции и опубликованные германские архивные материалы. В результате книга впечатляет своими многочисленными открытиями. Авторский стиль таков, что погружает вас в историю и делает свидетелем тех событий. Книга обладает редким качеством — она обращена как к ученому, так и к широкому читателю. Ее уникальность состоит в выводе, к которому приходит автор: единственной страной в Европе, приверженной коллективной безопасности и взаимопомощи против нацистской Германии, был СССР.

Для российского или, скорее, советского ученого такой вывод очевиден, однако автор этого труда — известный канадский историк Майкл Джабара Карлей.

Он родился и учился в Соединенных Штатах. В 1960-е годы, в разгар войны США в Юго-Восточной Азии, он переехал в Канаду, принял гражданство этой страны и стал профессором Монреальского университета. В 1976 году в Королевском университете в Кингстоне (Канада) Карлей получил степень доктора философии. На протяжении всей своей научной карьеры профессор Карлей изучает историю СССР и его роль в международных отношениях, начиная с Октябрьской революции и до конца Второй мировой войны. Для того, чтобы сохранять профессиональную объективность, не идти на поводу у политических и академических потребностей момента и системы, западному историку требуется особая верность науке, крепкий стержень и мужество. Этими качествами профессор Карлей обладает в полной мере, они и делают его работу уникальной.

Российский читатель уже знаком с Майклом Джабарой Карлеем по его обстоятельной и скрупулезной работе «Тайная война: Запад против Советской России, 1917–1930», вышедшей в издательстве «Историческая литература» в 2019 году. На русском языке также опубликованы несколько его статей, которые освещают отдельные эпизоды советской политики в слож-

ные десятилетия межвоенного периода. На других языках в разных странах опубликовано более сотни статей профессора Карлей.

Данная монография стала продолжением книги «Тайная война». Изначально автор, как он рассказал в интервью, поставил себе задачу написать повествовательную историю под рабочим заголовком «Невероятный великий альянс Второй мировой войны». Карлей собирался свести воедино материалы, собранные за несколько десятилетий, и рассказать, как СССР, Великобритания и США, враждовавшие друг с другом в межвоенные годы, стали союзниками против нацистской Германии и стран Оси.

Из задуманного одного тома работа превратилась в фундаментальную трилогию, и в ваших руках первый ее том: в нем рассматриваются отношения Советского Союза с Западом в период с 1930 по 1936 год. Второй том, в английском оригинале «*Stalin's Failed Alliance: The Struggle for Collective Security, 1936–1939*» («Неудавшийся альянс Сталина: Борьба за коллективную безопасность»), посвящен усилиям СССР по построению системы коллективной безопасности в период с мая 1936 по август 1939 года. Третий том «*Stalin's Great Game: War and Neutrality, 1939–1941*» («Большая игра Сталина: война и нейтралитет, 1939–1941») охватывает первый этап Второй мировой войны в Европе до декабря 1941 года. Два последующих тома, надеемся, также увидят свет в России.

Очевидно, что для подготовки такого гигантского труда потребовались годы исследований. Сам автор считает эту трилогию трудом всей жизни, вершиной своей работы как историка и писателя. Тридцать лет он по крупицам собирал в архивах государств документы, которые легли в основу этого трехтомника.

В этом томе профессор Карлей убедительно дезавуирует устойчивые стереотипы восприятия политики СССР, прочно закрепившиеся во многих западных публикациях. Архивы Кремля не подтверждают какой-либо симпатии И. В. Сталина к А. Гитлеру, не говоря уже об «одержимости» добиться любой ценой соглашения с нацистами за счет других стран. Наоборот, приход фашистов к власти в Германии воспринимался в Москве как реальная угроза собственной и европейской безопасности. Как пишет канадский историк, советская сторона пыталась убедить западные страны возродить что-то вроде Антанты времен Первой мировой войны. Поэтому Советский Союз в отношениях с Великобританией и Францией проявлял поразительную терпеливость. С точки зрения СССР, у него не могло быть иных союзников в противостоянии нацистской Германии, кроме тех, с которыми он так усердно пытался выработать общую позицию. К сожалению, добиться каких-либо существенных успехов не удалось. Почему? Это главный вопрос книги, на который автор отвечает, подробно анализируя отношения Москвы с основными европейскими странами.

Архитектура безопасности Европы в межвоенный период зависела главным образом от двух стран: Великобритании и Франции, причем «первая скрипка» принадлежала Лондону. Это связано не только с более стабильным и богатым финансово-экономическим состоянием Британской империи и ее колоний, но и с политической неустойчивостью Кабинета министров в Париже. Там постоянно менялись премьеры, министры, послы, советники, что существенно осложняло выработку последовательной политики, а главное ее преемственности.

Карлей показывает, что западная элита не была едина в своей враждебности к СССР. Во многих странах были политики, готовые к сотрудничеству с Советским Союзом. По словам будущего министра иностранных дел Британии Э. Идена, «говорить о том, что европейский мир можно построить без СССР нелепо. Это ясно всякому». Это было ясно и У. Черчиллю в преддверии и во время войны. Во Франции премьер-министр и министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур, министр иностранных дел Л. Барту, министр и председатель Палаты депутатов Э. Эррио, парламентарий и министр Ж. Мандель отстаивали необходимость сотрудничества с СССР. Президент Ф. Рузвельт сделал Соединенные Штаты союзником Москвы. В Восточной Европе министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску в 1932–1936 годах пропагандировал идею сохранения мира. Но они были в меньшинстве.

Далеко не всем в правящих элитах западных стран хотелось иметь дело с Кремлем. Германия, несмотря на риторику и действия нацистов, казалась более естественным и надежным партнером против коммунизма.

В книге приводится красноречивый пример. На одном из обедов рядом с советским полпредом И. М. Майским сидел консерватор, министр здравоохранения Великобритании Эдуард Хилтон Янг военный, потерявший руку на Первой мировой войне, весь в орденах и медалях. И он произнес следующее: «Военная опасность со стороны Германии? Чепуха. Все эти толки страшно преувеличены. А если опасность даже есть, какое нам, англичанам, до этого дело? Мы имели глупость во время последней войны послать на континент миллионную армию, — больше этого никогда не будет. Хватит повоевали. Если Германия и СССР подерутся, это их частное дело. Нам даже будет выгодно: обе стороны ослабеют, а мы будем торговать». Майский отметил, что «в голове у Хилтона Янга не хватает каких-то клепок». Однако многие британские консерваторы и не скрывали, что «рассматривали гитлеровскую Германию как бастион, который должен защитить Европу от СССР и засилья коммунизма. Они с радостью развязали бы Гитлеру руки на востоке, какой бы глупой ни была эта идея», сказал Майскому заместитель министра иностранных дел Соединенного королевства Роберт Ванситтарт.

Профессор Карлей отмечает, как умело нацисты пользовались нежеланием Европы воевать и страхом правящих классов перед «большевизацией» Европы. Параллельно Гитлер выставлял себя в виде исполнителя воли униженной и оскорбленной нации и якобы добивался «справедливости» и изменения «унизительных» условий Версальского договора. Среди его аргументов был следующий: если Германия вернет утраченные территории или получит какие-то колонии, то можно будет создать прочный мир для всей Европы. Подобные заверения фюрера принимались во многих столицах за чистую монету. Часть западных политиков склонялась к мысли, что «несправедливости» прошлого можно легко устранить, договорившись с господином Гитлером. При этом, лично фюрер, встречаясь с западными лидерами и дипломатами, производил на них весьма благоприятное впечатление. Его воспринимали как человека европейской культуры, с которым можно и нужно иметь дело.

Резкая критика Германии со стороны наркома иностранных дел М. М. Литвинова вызывала у многих его оппонентов насмешку. Им казалось, что он сильно преувеличивает. Когда же нарком ссылался на книгу фюрера «Майн кампф», то ему отвечали, что это старомодное издание, потерявшее свою актуальность. Сейчас мы видим, что прав был именно Литвинов и его прозорливость нельзя не отметить. Вообще, портрет Литвинова, воссозданный на страницах книги, это, бесспорно, одна из удач автора.

Для нас, создателей книжной серии «Реальная политика», издательства «Кучково поле» и Института внешнеполитических исследований и инициатив, монография Майкла Джабары Карлея — это мощное продолжение усилий по исследованию межвоенного периода. В 2018 году, к 80-летию Мюнхенского сговора, мы опубликовали сборник материалов российских историков «Мюнхен — 1938: Падение в бездну Второй мировой». В следующем году, к 80-летию подписания договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, мы выпустили в свет сборник «Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала».

Фундаментальный труд профессора Карлея — это самый верный путь к пониманию событий и процессов предвоенного десятилетия.

Сергей Кудряшов,
руководитель Центра по изучению истории
Великой Отечественной войны,
Институт российской истории РАН

Вероника Крашенинникова,
глава Института внешнеполитических исследований и инициатив,
член Российского исторического общества

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Я задумался: а что я, как историк, могу сообщить открывшему эту книгу российскому читателю? Прежде всего подчеркну, что перед вами исследование, посвященное деятельности самого первого поколения советских дипломатов. Среди них были русские, грузины, армяне, некоторые родились в Польше, еще входившей в состав императорской России, или на Украине, но все они встали на защиту национальных интересов Советского государства и его рубежей, часто плохо защищенных от иностранного вторжения. Кто-то получал образование в царское время в университете или был самоучкой, знал языки, отличался утонченностью. До революции многие из них проживали в изгнании в Европе или Северной Америке, знали мир и чувствовали себя в нем комфортно.

Советские дипломаты справлялись со своими задачами на отлично. Иначе и быть не могло в государстве, к которому большая часть мира была настроена враждебно. После провала иностранной интервенции в годы Гражданской войны (1917–1921) большевики, сменившие идеи мировой революции на принципы дипломатии, отправились за границу заново налаживать разорванные политические и торговые связи. Элиты Европы и Америки в целом были не в восторге от идеи нормализации отношений с СССР, однако на личном уровне, как это ни странно, представители этих элит сумели очень тесно сойтись со своими советскими коллегами.

С течением времени Советский Союз возобновил дипломатические отношения с большинством западных стран, за некоторыми исключениями. Таким исключением были Соединенные Штаты, которые отказывались возобновлять отношения вплоть до 1933 года. Отсутствие дипломатии, правда, не мешало восстанавливать торго-

вые связи. Вероятно, я удивлю моих российских читателей, если скажу, что большевики, совершившие революцию в России и сражавшиеся в Гражданской войне, оказались неплохими бизнесменами. Поначалу они наделали ошибок, но впоследствии научились торговать и торговаться не хуже прожженных западных капиталистов. Именно поэтому их успехи и владение премудростями бизнеса так возмущали Запад.

В первые годы существования СССР торговля с Западом имела для него решающее значение. По окончании Гражданской войны экономика страны лежала в руинах. Уровень промышленного производства был на 15% ниже довоенных показателей. Бумажные деньги обесценились. Выставляя зерно на продажу, крестьяне не имели возможности ничего купить: если коротко — нарушились торговые связи города и деревни. Начался голод. Наступала катастрофа.

Запад также нуждался в торговле, и внутриевропейские торговые связи после Первой мировой войны также были в плачевном состоянии. К тому же конец войны ознаменовался экономической рецессией и ростом безработицы. Западные бизнесмены жаждали торговать не меньше, чем их советские партнеры. В течение 1920-х годов отношения буксовали: за некоторыми успехами следовали откаты назад. Один из главных героев нашего нарратива Максим Максимович Литвинов сравнивал советскую дипломатию с Сизифом, героем древнегреческих мифов, которого боги обрекли вечно вкатывать на вершину горы огромный камень, каждый раз срывающийся вниз. Советские дипломаты в своей работе постоянно наталкивались на самые досадные препятствия. Невзгоды их только закаляли... Беда ждала их и на Родине, но это уже другая история, к которой мы обратимся позднее на страницах этой книги.

Советские дипломаты и торговые представители дотошно документировали свои действия. Они писали подробные депеши, телеграммы, вели дневники встреч с иностранными коллегами, направляли детальные отчеты о положении дел во внутренней и внешней политике страны своего пребывания. Невероятно ценным качеством оказалось их умение расположить к себе собеседника. Иностранные дипломаты, политики, бизнесмены и журналисты, даром что были «классовыми врагами» большевиков, обожали болтать и сплетничать.

Западные коллеги советских дипломатов вели записи своих бесед не столь аккуратно, и в западных архивах историки по прошествии времени находят далеко не все. Своим студентам я в шутку советовал для изучения, скажем, внутренней и внешней политики Франции межвоенного периода выучить русский и работать в российских архивах. В каждой шутке, как известно, есть большая доля правды: я хотел показать им, какую огромную ценность представляют советские дипломатические документы — без обращения к ним невозможно изучать первопричины Второй мировой войны.

Читатели увидят, что я использовал огромный массив советских архивных документов, как опубликованных, так и неопубликованных. Я много времени провел в АВПРФ. Неприметное здание находится в Плотниковом переулке недалеко от Старого Арбата, всего в паре кварталов от памятника Булату Окуджаве.

Некоторые подборки и папки полезных документов, благодаря российским архивариусам, сегодня доступны в Интернете. В АВПРФ я изучил огромное количество дел по межвоенному периоду, и я благодарен, что мне предоставили к ним доступ. Конечно, документов никогда не бывает много. Оружие историка — любопытство, настойчивость и удача.

По моему повествованию читатель также поймет, что я обращался и к архивам других государств, особенно к французским, британским и американским. Когда сводишь воедино разные части одной картины, существенно расширяется поле зрения при взгляде на этот сложный исторический нарратив. Выясняется, что нарком Литвинов был все время прав. В 1930-е годы СССР пытался создать антинацистскую коалицию, чтобы с ее помощью сдерживать Германию до последнего, а если это не удастся, то победить ее на поле боя. Литвинов открыто говорил, что такую коалицию Советский Союз не сможет сформировать в одиночку. Он нуждался в поддержке западных держав: Соединенных Штатов, Франции, Великобритании, даже фашистской Италии. Но эти страны, одна за другой, *отказали* Советскому Союзу. Поляки, что бы они там ни говорили, всем сердцем ненавидели Россию как таковую: имперскую ли, советскую ли. Малым европейским державам эта инициатива пришлось не по душе. Потенциальные союзники вроде Чехословакии и Румынии вели дела с оглядкой на сильную Францию и не собирались выходить за рамки обещаний, данных Москве Парижем. Франция равня-

лась на Великобританию. Ключевая роль была именно за британцами: если бы они были готовы выступить на стороне СССР, все остальные просто бы подчинились. А поскольку британцы не собирались становиться союзниками Советов, все и развалилось. К лету 1936 года все советские усилия, направленные на заключение пактов о взаимопомощи, пошли прахом, и Советский Союз оказался в изоляции. Повторю еще раз: союза с Москвой против нацистской Германии не желала ни одна страна; все вышеперечисленные европейские государства, включая Чехословакию, вели переговоры с Берлином, надеясь отвести от себя прожорливого хищника.

События, описанные под занавес первой части моего труда, говорят о полном провале попыток СССР защитить Европу, что называется, от самой себя. Факты говорят сами за себя: ни одно европейское правительство так и не стало для СССР искренним союзником в борьбе против общего врага. Малые державы рассчитывали на непоколебимость Франции и Великобритании — как оказалось, зря. СССР был для Европы Кассандрой, пытавшейся донести правду о нацистской угрозе, но презираемой и гонимой почти всеми. В этом нарратив отличается от того, что часто приходится слышать на Западе из уст не только историков, но и политиков, придерживающихся антироссийской повестки. Я же попытался внести ясность в исторические события.

*Майкл Джабара Карлей
Монреаль,
август 2023 года*

БЛАГОДАРНОСТИ

Данная работа — продолжение моей книги «Тайная война» («Silent Conflict»)¹ об отношениях СССР с западными державами в 1920-е годы, а также первая часть трилогии, посвященной внешней политике Советского Союза в Европе в преддверии Второй мировой войны и Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Эта работа представляет собой исторический нарратив, основанный на обширных данных из архивов разных стран. Старые папки, хранящиеся в европейских и американских фондах, содержат документы, авторов которых давно нет в живых. Эти документы рассказывают нам о том, какими усилиями эти люди пытались противостоять международным кризисам 1930-х годов. Внешняя политика СССР под руководством И. В. Сталина была направлена то, чтобы, найдя в Европе союзников среди больших и малых держав, выставить заслон на пути нацистской Германии. Если сдержать угрозу не получится, то ее необходимо разгромить на поле боя.

Чтобы данная книга оформилась и обрела окончательный вид, должно было пройти время. Впервые к материалам 1930-х годов из архива французского МИД и других парижских фондов я обратился примерно в 1990 году. Затем я отправился в город Кью графства Суррей, в британский Национальный архив, а также в Москву, где после 1992 года стали постепенно рассекречивать архивные дела этого периода. В Архиве внешней политики Российской Федерации дела то открывались, то закрывались, потом открывались вновь. Есть подозрение, что архивариусы не очень понимали, что именно в этих пап-

¹ Carley M. J. Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014. Русское издание: Карлей М. Д. Тайная война. Запад против России. 1917–1930 / пер. с англ. Д. Горбач и Е. Польшиковой. М.: ИстЛит, 2019.

ках, потому не спешили давать к ним доступ. Рассекречивание материалов — это всегда праздник. Не стану раскрывать всех подробностей своей работы в Москве, но помню, как однажды мне на стол легло с десятков дел. Это было 26 лет назад. Я пришел в неописуемый восторг: можно было приступить к работе. И в этой работе, как и в жизни, случались не только взлеты, но и падения. Так, однажды мне отказались выдать запрошенные дела. Я помню, как от моей настойчивости архивариус АВПРФ пришла в ярость и на весь зал запричитала, мол, что он себе позволяет! «Мне бы только взглянуть на дела» — продолжал настаивать я, точь-в-точь как сержант полиции в одном американском сериале. Порой в беседе с архивариусами без чувства юмора никак.

Не подумайте, что жалуюсь, просто я привык рыть как можно глубже. Я, как бы сказали французы, архивный крот, и я не успокоюсь, пока не доберусь до самых тайных глубин... если, конечно, сумею. Читатель уже понял, что я предпочитаю эмпирический подход. Меня слабо интересуют исторические «теории», умопостроения, не подкрепленные обоснованными доказательствами и по возможности архивной базой. Я ознакомился с большим количеством материалов, но их никогда не бывает достаточно. Добавлю еще, что российские власти в последние годы очень поспособствовали моей работе, выложив значительное количество дел и подборок документов в онлайн-доступ — я смог продолжить изучение московских фондов из своего кабинета в районе Пьерфон провинции Квебек. И в пандемию COVID-19 наличие такой возможности имело для меня решающее значение. Терпение, настойчивость, вежливость и удача — вот слагаемые успеха архивно-исследовательской деятельности, будь то в Москве или где бы то ни было.

От работ большинства моих коллег мое исследование отличает скрупулезный подход к изучению прямых источников по советской внешней политике. Благодаря обнаруженному мной материалу, становятся возможны новые интерпретации отношений СССР с Западной Европой и США. В данной книге рассматривается период с 1930 по 1936 год. В следующих частях мы охватываем периоды 1936–1939 и 1939–1941 годов. Я делаю упор на отношения СССР с западными державами, а также на предпосылки и начальный этап Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. В книге читатель встретит упоминания исторических персонажей, извест-

ных и не очень. Каждый из них сыграл свою роль в цепочке трагических событий, приведших в 1936 году к Гражданской войне в Испании, в 1939 году к войне в Европе, в 1941 году к нацистскому вторжению в Советский Союз.

Я всемерно обязан людям, тем или иным образом оказавшим мне помощь в работе над материалами европейских архивов. Основная заслуга здесь принадлежала и принадлежит архивариусам. Целое поколение архивных работников, с которыми свела меня жизнь на начальном этапе моей долгой работы, давно на пенсии или уже не с нами. Я никогда не забуду ту отзывчивость и доброту, которую они проявляли к вашему покорному слуге на протяжении долгих лет — если быть точным, на протяжении полувека! Взять хотя бы Анну Николаевну Залееву, которая долгие годы руководит АВПРФ и помогает мне безотказно. Я помню, как впервые встретился с ней в комнате отдыха по соседству с читальным залом; помню этот оценивающий взгляд и мелькнувшую на лице улыбку — и ответную на моем. Госпожа Залеева урегулировала вопрос авторских прав на фотографии советских и европейских дипломатов, которые опубликованы в данной книге. Было бы огромным упущением не поблагодарить легендарного Сергея Витальевича Павлова, работника АВПРФ, который сейчас на пенсии. На протяжении целого поколения он терпеливо выступал посредником между исследователями, желающими получить доступ к как можно большему количеству дел, и архивариусами, которые порой не слишком охотно шли им навстречу. В моих исследованиях в Москве мне помогали также Надежда Михайловна Барина, директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ, и ее коллеги Игорь Владимирович Фетисов, Андрей Сергеевич Романов и Виктория Николаевна Фролова. А также отвечающая за работу читального зала АВПРФ Мария Анатольевна Донец.

Я также признателен Совету по научно-исследовательской деятельности в сфере социальных и гуманитарных наук в Оттаве (SSHRC). Там с 1980-х годов моему исследованию оказывалась существенная поддержка. Недавний пример — выделенный в 2016 году щедрый исследовательский грант (Insight Grant).

Благодарности заслуживает и издательство университета города Торонто, и отдельно редактор Стивен Шапиро, занимавшийся

оценкой моего авторского текста и потративший силы на объемную рукопись. Издательский грант, покрывший значительную часть будущих расходов, был предоставлен мне в рамках программы поддержки научных публикаций в Оттаве.

Все это время неоценимую помощь мне оказывали коллеги и друзья. Не могу не упомянуть в этой связи Джефффри Робертса, с которым мы почти 30 лет делились друг с другом своими соображениями насчет Сталина, советской внешней политики, первопричин Второй мировой войны. Также совершенно особый для меня человек — покойная Зара Стайнер. Мы много обсуждали первопричины войны с ней в переписке, а также при встрече в Кембридже, куда я заезжал, когда работал в Национальном архиве в Кью. Она была рядом, пока я работал над рукописью, следила, чтобы я не отвлекался, сделала так, чтобы ничто не могло помешать мне закончить мой труд. Очень жаль, что она не увидела результата моих мытарств.

Были и другие коллеги, помогавшие мне многие годы: Алексей Филитов, Вероника Крашенинникова, Сергей Кудряшов, Владимир Печатнов, Владимир Симиндей (и его коллега Александр Дюков), Дмитрий Суржик. В. В. Симиндей и А. Р. Дюков публиковали переводы ряда моих очерков¹. С. В. Кудряшов и В. Ю. Крашенинникова, в числе прочего, курировали русский перевод книги «Тайная война»². Не раз за ужином в Москве мы вели разговоры о великих и трагических личностях, писавших историю Второй мировой и Великой Отечественной войн.

¹ Антибольшевизм во внешней политике Франции: польский кризис, 1920 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10). С. 52–73; История провала: англо-франко-советский альянс, которого не было, и неопубликованная Белая книга британского правительства, 1939–1940 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 3 (14). С. 6–49; Отделяя зерна от плевел: истоки Второй мировой войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4 (19). С. 64–98; «Комедия, обернутая иронией внутри трагедии»: франко-советские попытки консультаций между генштабами (1936–1937) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 1 (24). С. 45–91; «Новая история Второй мировой», индоктринированная и ненадежная // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 3 (26). С. 226–249.

² Карлей М. Д. Тайная война: Запад против Советской России, 1917–1930. М.: ИстЛит, 2019.

Отслеживать жизненный путь исторических персонажей подчас довольно унылое занятие: год за годом корпишь за столом над рукописью, не видя вознаграждения за свои труды. И в то же время ты волей-неволей начинаешь ощущать себя связанным дружескими узами с людьми, которые жили много лет назад и не могли представить, что в далеком будущем кто-то вновь воскресит память о них. Я рад, что познакомился с этими личностями поближе, что сумел рассказать на страницах этой книги про их успехи и их трагедию. Писателю должно быть свойственно упорство, при этом он всегда полагается на поддержку друзей и коллег. «Продолжай, не сдавайся», — говорила мне Зара и не переставала напоминать мне про некоторых наших ученых, которые берутся за большую книгу и бросают на половине. Про такое она говорила: «Трагедия».

Наконец, хочу выразить признательность Лии Левитской, которая помогала мне набирать текст, и работавшим со мной научным сотрудникам: Сэмюэлю Аллару и особенно Луи Вальеру. Карты предоставили Майк Бехтхольд и Артур де Робер. Наконец, спасибо моей супруге Ирине Борисовне за то, что почти все это время она была вынуждена терпеть меня, с головой ушедшего в изнурительную работу над рукописью.

*Майкл Джабара Карлей,
Монреальский университет,
январь 2023 года*

ВСТУПЛЕНИЕ: НАЧАЛО КРИЗИСА

Мало кому в Европе 1 января 1930 года приходила в голову пугающая мысль о том, что скоро начнется Вторая мировая война. Разве что только парижские гадалки, рекламируя свои услуги, могли пугать подобным сенсационным предсказанием. Французам, конечно, было не по себе от мысли, что Германия попытается взять реванш. Французский политик Эдуард Эррио, не будучи предсказателем, еще в 1922 году предрекал войну через 15 лет. Неоднократно о вероятности такого сценария говорил народный комиссар по иностранным делам СССР Максим Максимович Литвинов. Марксистским идеологам мировая война представлялась неизбежным результатом капиталистической и империалистической борьбы. Литвинов полагал, что ни одно правительство Европы войны не хочет, за исключением разве что итальянского фашистского лидера Бенито Муссолини и польского маршала Юзефа Пилсудского. Конечно, в 1927 году в истории СССР имела место так называемая военная тревога на фоне разлада с Лондоном, но ей Литвинов не придавал особого значения, как и многие рядовые коммунисты, которые считали, что этот кризис просто способ взбудоражить общественность, и были правы¹.

Помимо итальянского вождя Муссолини, в Европе появился еще один фашистский лидер. В Германии к власти пришел Адольф Гитлер, возглавлявший небольшую политическую организацию — Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП), или нацистскую партию. Он стремился военным путем вернуть своей стране былое могущество. В 1925 году он даже опубликовал книгу

¹ Встреча М. М. Литвинова с П. Скоу. 26 января 1927 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 05. Оп. 7а. П. 32. Д. 27. Л. 17; *Di Biagio A.* Moscow: The Comintern and the War Scare, 1926—28 // *Russia in the Age of Wars, 1914—1945* / eds. S. Pons and A. Romano. Milan: Feltrinelli Editore, 2000. P. 83—102.

«Майн кампф», в которой изложил свои планы по будущему доминированию в Европе. «Майн кампф» трудно дочитать до конца, но нет никакой необходимости подробно изучать каждую страницу для того, чтобы понять идею в целом. Национал-социалисты получали не очень много голосов на выборах в рейхстаг в 1920-е годы, поэтому казалось, что угрозы для мира в Европе они не представляют. Вряд ли в январе 1930 года Литвинову или кому-то еще из советского руководства было дело до Гитлера.

В начале нового десятилетия Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД) работал плюс-минус в привычном для него режиме. Основной целью была нормализация отношений с западными державами и США. Новой мировой войны на повестке не значилось. Осенью 1929 года правительство Великобритании возобновило дипломатические отношения с СССР, которые оно разорвало более двух лет назад на очередном витке антикоммунистической истерии. Это стало победой советской дипломатии. Основные опасения в НКВД были связаны с попытками Запада организовать антисоветский блок. Литвинов считал, что они вряд ли увенчаются успехом, поскольку на Западе этому препятствует неизбежная при капитализме политическая и экономическая конкуренция между странами¹.

К началу 1930-х годов СССР и Веймарскую Германию связывали довольно продуктивные двусторонние отношения, и, конечно, в Москве никто не думал, что через 10 лет страны вступят в войну. В начале 1920-х годов СССР и Германия считались изгоями: СССР оказался вне закона из-за социалистической революции, а Германию заклеили как поджигательницу Первой мировой войны, при том что демократическая Веймарская республика была образована в ноябре 1918 года. Версальские договоры, подписанные в июне 1919 года, были призваны ослабить Германию, но ничего не получилось. Десять лет правительство Германии пыталось вырваться из версальских рамок, а советское — из дипломатической изоляции, и нет ничего удивительного в том, что два изгоя решили объединить усилия. В апреле 1922 года в Италии они подписали Рапалльский договор: аннулировали довоенные долги и обязательства друг перед другом, а также восстановили дипломатические и экономические

¹ М. М. Литвинов — Б. С. Стомонякову. 4 июля 1929 г. // Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля, 1920—1941. Сб. документов: в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2011. Т. II: 1920—1926. С. 341—344.

отношения. Государства Антанты, такие как Франция и Великобритания, пришли в ужас от того, что два изгоя вырвались из-под их контроля. В Париже и Лондоне полагали, что теперь на них будут оказывать политическое и экономическое давление, вынуждая договориться с Веймарской Германией и СССР.

В рамках сложившейся системы международных отношений, действовавшей в Европе все 1920-е годы, Германии удалось сблизиться с Великобританией и Францией сильнее, чем Советскому Союзу. Во время Первой мировой войны Антанта смогла победить вильгельмовскую Германию, но не советскую власть, установившуюся в России после большевистской революции, — хотя и старалась изо всех сил. Настоящим бельмом на глазу для Запада был основанный в 1919 году Коммунистический Интернационал (Коминтерн), созданный не только для того, чтобы служить делу мировой революции, но и чтобы защищать СССР от иностранного вмешательства. В 1920-х годах в советско-западных отношениях были взлеты и падения, периодически назревал то один кризис, то другой, но никто не опасался повторения мировой войны.

В Западной Европе царили относительная стабильность и процветание. Не зря это время прозвали «ревущими двадцатыми»: у европейской буржуазии были деньги на отдых и активное потребление. В таких столицах, как Париж и Берлин, мужчины в смокингах и женщины в изящных вечерних платьях отплясывали в ночных клубах и кабаре под ритм биг-бендов и американского джаза. Пока танцоры потели на танцполе, в ресторане их ждали дорогие блюда, которые хорошо сочетались с вином и шампанским. На террасах популярных кафе можно было легко наткнуться на богачей, где они тесно общались с приезжими американскими специалистами, художниками, писателями, социалистами. «Происходит братание классов», — мог бы пошутить марксистский идеолог.

Между Францией и Великобританией то и дело возникали политические распри. На самом деле их военное сотрудничество начало сходить на нет уже 11 ноября 1918 года — в день, когда окончилась Первая мировая война. У Германии и СССР оставалось пространство для маневра. У Германии дипломатические позиции были лучше. «Красная угроза» 1920-х годов и затянувшиеся революционные амбиции СССР мешали нормализации отношений с Западом. В январе 1924 года после преждевременной кончины советского ли-

дера Владимира Ильича Ленина между Иосифом Виссарионовичем Сталиным и Львом Давидовичем Троцким разгорелась борьба за власть. Когда пытаешься описать отношения между этими двумя советскими лидерами, то в первую очередь на ум приходит слово «ненависть». Этот конфликт оказал влияние на внутреннюю и внешнюю политику СССР. В конце десятилетия внутрипартийная борьба была завершена. Сталин стал новым советским вождем с непрекращаемым авторитетом. Троцкий оказался в изгнании. Сталин сумел унять вечный зуд большевиков по поводу мировой революции и запустил пятилетний план индустриализации и коллективизации сельскохозяйственных земель. Из-за сложностей, вызванных этими внутриполитическими мерами, появилась дополнительная мотивация поддерживать правильные отношения с Западом.

В 1920-х годах внешней политикой СССР занимался нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин и его первый заместитель — замнаркома Литвинов.

**Георгий Васильевич Чичерин и Максим Максимович Литвинов.
10 апреля 1922 года, Генуя. Фотограф Уолтер Гирке.
Коллекция Гренджер, Нью-Йорк**

Это была странная парочка. Один происходил из русского аристократического рода, другой — из весьма эксцентричной еврейской семьи со средним достатком. Они часто не сходились во мнениях, отчасти из-за личного соперничества и ревности, а отчасти из-за разницы в темпераментах. Как считают историки, они придерживались противоположных взглядов на политику: Чичерин якобы выступал за Германию, а Литвинов за Великобританию. Это неправда: ни Чичерин, ни Литвинов не поддерживали ни одно западное правительство, они были просоветскими. Они хотели защитить национальные интересы СССР в том виде, в каком они их себе представляли. На северо-западе имелись в виду балтийские границы, на юге — границы с Центральной Азией. Их взгляды на серьезные вопросы — Рапалльский договор, улучшение отношений с Западом, проблемы Коминтерна — совпадали. Их личное соперничество влияло скорее на тактику, а не на стратегию. Если Чичерин говорил «белое», Литвинов тут же бросался доказывать, что «черное». И наоборот. Соперничество продолжалось до 1928 года. Потом Чичерин заболел и взял отпуск, но так и не вернулся к работе. Литвинов стал вначале исполняющим обязанности наркома, а потом и собственно главой НКВД.

СССР во внешней политике было непросто. НКВД приходилось противостоять не только враждебным западным правительствам, но и самой Москве, где часто жертвовали внешней политикой, так как Сталин, Троцкий и другие политические противники были заняты борьбой за власть. Эта борьба шла повсюду, но главным образом в Политбюро, которое фактически являлось советским правительством. В большинстве правительственных кабинетов министр иностранных дел занимает высокопоставленное положение. Что же касается Политбюро, то Чичерин даже не был его членом. Они с Литвиновым выступали в качестве приглашенных консультантов, когда обсуждалась внешняя политика. С другой стороны, был Коминтерн — в 1920-е годы заклятый враг не только Запада, но и... НКВД. Коминтерн в Советском Союзе, друг за другом, представляли лица, являвшиеся в какой-то момент соратниками Сталина: Григорий Евсеевич Зиновьев и Николай Иванович Бухарин. Эти два большевистских политика не просто выступали от лица Коминтерна, но и использовали его как основу для власти и влияния на Политбюро. Сталин, погруженный по внутрипартийную борьбу, временами давал им полную свободу. Члены Политбюро считали, что разбирают-

ся во внешней политике лучше, чем НКВД, к немалому раздражению Чичерина и Литвинова. Те жаловались, что Зиновьев и Бухарин слишком много болтают, мало думают и раздражают западные правительства без всякой на то причины. НКВД часто не по своей воле оказывался в положении управляющего в отеле, которому приходится улаживать споры между постояльцами. Иногда Литвинов проговаривался иностранным дипломатам и сообщал им, что он устал от Коминтерна. Сталин такого произнести, конечно, не мог.

До сих пор существует мнение, что в межвоенные годы советской внешней политикой занимался Коминтерн, и в ней главенствовали идеи мировой революции. Концепт «национального интереса» не очень активно использовался в Москве¹. Но эти утверждения легко опровергаются при внимательном изучении советских архивов. После укрепления Сталиным своих позиций Коминтерн отошел на задний план. Он все еще существовал, по-прежнему пытался руководить зарубежными коммунистическими партиями и также раздражал Запад, но все же уже меньше, чем раньше. Если где-то вспыхивало сопротивление французскому или британскому колониализму, Министерства иностранных дел Франции и Великобритании обвиняли в этом Коминтерн. У Литвинова на этот счет был дежурный ответ, что сопротивление в колониях растет и без всякой помощи Коминтерна. В самом деле, неужели СССР стал бы оправдывать колониальные империи? Забегая вперед, скажем, что такой вопрос возник всерьез в октябре 1935 года, когда Италия вторглась в Абиссинию... Постепенно к Коминтерну стали привыкать даже капиталисты. Он был как камень в резиновом сапоге, который нельзя вытряхнуть, пока не выберешься из болота. Западные страны и открыто, и в кулуарах полагали, что СССР должен отказаться от социализма и перейти к капитализму, как все остальные страны. Но с чего бы Сталину и его коллегам принимать такое решение? А капиталисты сами были готовы отказаться от капитализма?

¹ Например: Dimitrov and Stalin, 1934–1943. Letters from the Soviet Archives / eds. A. Dallin, F. I. Firsov. New Haven, CT: Yale University Press, 2000. P. 76; *Ulam A. B.* Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917–1967. New York: Frederick A. Praeger, 1968. P. 131, 142; *Haslam J.* The Spectre of War. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 13, 156, 181, 381 passim; *Carley M. J.* Soviet Foreign Policy in the West: 1936–1941: A Review Article // *Europe-Asia Studies*. Vol. 56. No. 7 (2004). P. 1080–1092.

В 1930-е годы Коминтерн иногда еще стоял на страже советских национальных интересов, например, во время Гражданской войны в Испании, хотя в НКВД по этому поводу велись споры. В отношениях все еще сохранялось небольшое напряжение, оставшееся после 1920-х годов, но все же внешней политикой теперь в основном занимался НКВД, а Политбюро (а на самом деле Сталин) одобряло ее и вносило коррективы. Иногда Сталин сам давал добро лидерам Коминтерна, например Георгию Димитрову, на то, чтобы решать политические вопросы без него. «Я слишком занят, — говорил он, — решайте сами»¹. Но он никогда не говорил такого Литвинову или его заместителям в НКВД. Внешней политикой Сталин занялся в 1922–1923 годах на фоне тяжелой болезни Ленина. Нарком предлагал, а вождь, то есть Сталин, в большинстве случаев одобрял. Иногда случались столкновения. Как постоянно уверяет нас Запад, даже в 1935 году, когда в Германии к власти уже пришел Гитлер, существовало две советские внешние политики: прозападная — Литвинова и прогерманская — Сталина². Вождь явно предпочитал Германию, но он позволял Литвинову уговорить себя отказаться от Рапалльского договора³. Часто можно услышать следующий тезис: да, коллективной безопасностью занимался Литвинов, но каковы были истинные предпочтения Сталина? Этот подход распространен среди западных историков, которые пытаются дать объяснения политике коллективной безопасности Литвинова. Но на самом деле не было никакой личной политики, и двойственности тоже не было. Была только одна советская политика, которая определялась Сталиным.

На Западе очень многие думают, что Сталин был обманщиком, который только и ждал возможности, чтобы обмануть Запад и вернуться к «старым» рапалльским договоренностям с нацистской Германией. А пока просто водил всех за нос. Коллективная безопас-

¹ 26 April 1939 and 25 February 1940 // Dimitrov and Stalin, 1934–1943. P. 39, 122; Haslam J. *The Spectre of War*. P. 188.

² Tucker R. C. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941*. New York: Norton, 1990; Pons S. *Stalin and the Inevitable War, 1936–1941*. London: Frank Cass, 2002; Dullin S. *Des hommes d'influences: Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939*. Paris: Payot, 2001; Uldrick T. J. *War, Politics and Memory: Russian Historians Reevaluate the Origins of World War II* // *History & Memory*. Vol. 21. No. 2 (2009). P. 60–82, цит. по: СССР — Германия, 1933–1941 / отв. ред. С. В. Кудряшов. М., 2009. С. 17.

³ Напр.: Haslam J. *Op. cit.* P. 270. См. также: Haslam J. *The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe. 1933–39*. New York: St. Martin's Press, 1984.

ность и взаимопомощь были фикцией. Сталин хотел стать победителем, таким красным Чингисханом, и просто ждал возможности начать действовать¹. Сторонники подобного подхода ссылаются на данные советских архивов, но на самом деле из этих данных следует, что советское правительство серьезно относилось к вопросу коллективной безопасности, а вот британское и французское нет (за исключением разве что периода 1933—1934 годов, если говорить про Францию). Это открытие удивит некоторых читателей, кто-то может вообще в него не поверить и остаться при своем уже заранее сформированном мнении. Свидетельств ведения Сталиным тайной прогерманской политики почти не существует. В любом случае довольно забавно такое слышать, поскольку сотрудничество с Гитлером в 1930-е годы не было грехом, а даже если и было, то грешили тогда абсолютно все во главе с Великобританией, Францией и, конечно, Польшей. По мнению некоторых западных историков, западные страны мучились «либеральными угрызениями совести» из-за того, что им приходилось иметь дело с «антихристом». Проблема в том, что для многих европейских консерваторов антихристом был Сталин, а вовсе не Гитлер. Вообще, отношения этих двоих со всем миром напоминают игру «любит — не любит».

При этом даже нарком Литвинов утверждал, что с Гитлером необходимо поддерживать минимальные отношения, в основном экономические, для того чтобы избежать дипломатического разрыва. Литвинов боялся изоляции СССР, которая могла бы привести к тому, что Великобритании и Франции было бы проще договориться об обеспечении безопасности с Гитлером.

Взгляд на Сталина как на хитреца, «германофила» и «союзника Гитлера» был распространен довольно долго, и он появился на волне антикоммунистического настроения и ненависти к СССР межвоенных лет, а также во время второй стадии «холодной войны» после 1945 года. Знаменитый британский историк середины XX века Алан Джон Персиваль Тейлор и не надеялся в своей жизни дождаться выхода на Западе хоть сколько-нибудь объективной научной работы по советской внешней политике. «Большинство моих коллег-историков, — говорил он, — настолько испорчены и ослеплены своей одержимостью “холодной войной”, что они просто не могут ясно

¹ *Uldrick. T. J. War, Politics and Memory...* P. 66—67.

видеть советскую политику и честно о ней рассказывать». То же самое можно сказать об их советских коллегах¹. Тейлор старался сохранять объективность. «Холодная война» закончилась в 1991 году (во всяком случае многие на это надеялись) после распада СССР. Начали открываться гигантские советские архивы. Для историков это было что-то невероятное: они могли впервые в жизни приехать в Москву и взять в руки только что рассекреченные дела, которые до них, кроме архивариусов и пары советских историков, никто не то что не изучал, а в глаза не видел. Имеет смысл поделить историю на «до нашей эры», то есть до открытия советских архивов, и «после нашей эры», то есть после открытия. При всем уважении к коллегам я настаиваю, что историки не могут изучать истоки Второй мировой войны без советских архивных источников. Имея доступ ко всему массиву этих документов или хотя бы к большей его части, мы можем ответить на важный вопрос, который разделял поколение Тейлора на два лагеря.

Однако до сих пор мы этого не сделали. Вроде бы новое поколение англоязычных писателей должно презирать своих предшественников, а они охотно перенимают их привычки и манеры. Взывают к «памяти», лишь бы не идти в архив². А кто-то идет и отбирает только те доказательства, которые служат его непоколебимым идеологическим установкам, и отвергает те, что свидетельствуют об обратном. Это очковитительство. Такой подход, как написал один обозреватель, «подрывает доверие» к автору. Но даже когда автора ловят за руку, ни он, ни издатель не обращают на справедливые упреки никакого внимания³. В начале 1980-х годов допустивший

¹ *Taylor A. J. P. 1939 revisited*. London: German Historical Institute, 1981. P. 11.

² H-Diplo Roundtable XXII-18 on Snyder. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America / ed. G. Fujii. Review by J. Kellner. 21 December 2020. URL: https://networks.h-net.org/node/28443/discussions/6990543/h-diplo-roundtable-xxii-18-snyder-road-unfreedom-russia-europe#_Toc59206493 (дата обращения: 03.11.2023).

³ Напр.: *McMeekin S. Stalin's War: A New History of World War II*. New York: Basic Books, 2021 [см. также рецензии на этот труд С. Макмикина: *Overy R. Wicked Uncle Joe*. Literary Review. April 1921. P. 1–3; *Edele M. Better to Lose Australia*. Inside Story. 25 May 2021. URL: <https://insidestory.org.au/better-to-lose-australia> (дата обращения: 03.11.2023)]; *Roberts G. Stalin's War: Distorted History of a Complex Second World War* // Irish Times. 29 June 2021; *Bartov O. Through a Glass Darkly: Barbarossa, and the Divergent Conclusions to be Drawn from One Body of Knowledge* // TLS. 30 July 2021. P. 3–4; см. также: *Карлей М. Дж.* Новая история Второй мировой,

несоответствия при работе с документами преподаватель истории марксизма в Принстонском университете был с позором изгнан из профессии. Старшие коллеги обвинили его в «систематическом подлоге», назвали «лжецом» и «жуликом»¹. И вот сейчас мы можем так же назвать некоторых преподавателей и политиков, вот только аналогичной меры наказания к ним никто не применяет. Из политиков хочется вспомнить премьер-министра Канады Джастина Трюдо или депутатов Европейского парламента в Страсбурге².

С учетом преобладания подобных западных идей утверждать, что в СССР внешняя политика функционировала примерно так же, как в других странах (где руководство исходит из своих представлений о национальных интересах), — это значит плыть против течения. Отношение к Германии и рапальскому курсу у Политбюро СССР было в значительной мере враждебным при том, что в 1920-е и начале 1930-х годов были свои взлеты и падения. Германия оставалась единственной западной страной, с которой СССР построил приемлемые отношения. Это была его единственная опора в Европе, которую следовало оберегать, иначе СССР остался бы в изоляции, что было опасно. Неплохо было бы, утверждал Литвинов, наладить отношения и с другими странами, но только не в ущерб Рапальскому договору. Иллюзий насчет постоянства данного союза у Литвинова не было. Он был уверен, что пути СССР и Германии в итоге разойдутся³. Необходимо было подготовить другие варианты, на тот момент казавшиеся несбыточными.

Напряжение между странами Запада и СССР напоминало изменения погоды: то спадало, то нарастало. Торговый оборот то рос, то падал в зависимости от экономических и политических потребностей Запада. Москва использовала торговлю как приманку для

индоктринированная и ненадежная // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 3 (26). С. 226–249.

¹ Это был Дэвид Абрахам. См.: *Campbell C. A Quarrel over Weimar Book* // The New York Times. 23 December 1984. Sec. 1.1.

² *Carley M. J. The Canadian Prime Minister Needs a History Lesson*. Strategic Culture Foundation (Moscow). 1 September 2019. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2019/09/01/the-canadian-prime-minister-needs-a-history-lesson/> (дата обращения: 03.11.2023).

³ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 21 января 1927 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 10. П. 27. Д. 2. Л. 2, опубли.: Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля. Т. II: 1927–1932. С. 9–11.

улучшения политических отношений с западными странами. Эта стратегия работала разве что только с Веймарской Германией, но даже с ней отношения часто были натянутыми. Рапалльский договор продолжал действовать не столько благодаря торговле, сколько благодаря политическому расчету руководств обеих стран, отстаивавших свои национальные интересы.

К концу 1920-х годов правительство СССР смогло выйти на довоенный уровень производства. Но развитие шло медленно — слишком медленно для большевиков, ведь все они были индустриализаторами и модернизаторами и расходились только в оценке необходимых темпов развития. В СССР существовали миллионы крестьянских наделов, которые давали достаточно зерна лишь для того, чтобы прокормить самих крестьян. Иногда его не хватало, и тогда беднякам, чтобы свести концы с концами, приходилось наниматься батраками в более преуспевающие хозяйства — к так называемым кулакам. На то, чтобы в рамках поддержания индустриализации поставлять сельхозпродукцию в города по разумным ценам или чтобы продать Западу в обмен на важные зарубежные товары, сельскохозяйственной продукции не хватало. Надо было что-то делать. Победив во внутрипартийной борьбе и заняв место Ленина, Сталин железной рукой снес все барьеры на пути к индустриализации: в 1928 году он запустил первую пятилетку и в то же время провел коллективизацию небольших крестьянских хозяйств, объединив их в колхозы. Из-за насильственной коллективизации началось «восстание луддитов» (выражение придумал покойный Исаак Дойчер), а кроме того, случилась засуха и нашествие саранчи, что в 1932—1933 годах привело к трагической цепочке событий. Регионы советского пшеничного пояса накрыл голод⁴. Однако на внешнюю политику СССР и его потребность в торговле это не повлияло. Разве что из-за индустриализации выросла необходимость закупать товары производственно-технического назначения и продавать сельскохозяйственные товары, пиломатериалы, масло и марганец Западу.

В 1930-х годах отношения СССР с Западом в корне изменились. В октябре 1929 года в Нью-Йорке рухнула фондовая биржа, из-за

⁴ *Deutscher I. Russia after Stalin. London: Hamish Hamilton, 1953 (chap. 4); Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York: Oxford University Press, 1996. P. 69—71; Kotkin St. Stalin. Vol. II: Waiting for Hitler, 1928—1941. New York: Allen Lane, 2017 (chap. 2).*

чего началась Великая депрессия, которая оказала влияние не только на США, но и на Европу. Обманчивая политическая и экономическая стабильность 1920-х годов пошатнулась. Кредиты закончились, банки и бизнесы закрылись, произошел спад в промышленном производстве и международной торговле, цены на товары народного потребления взлетели, а безработица достигла колоссального уровня.

«Ревущие двадцатые» остались лишь в воспоминаниях. Дорогие фраки и вечерние платья пылились в кладовке, а потом попадали в комиссионку. Американцы по-прежнему приезжали в Париж, в кабаре до сих пор играли джаз, но реальность изменилась. Музыка была все та же, но не люди. Люди впали в отчаяние и обозлились. Ультраправые лиги во Франции и нацисты в Германии выходили на улицы, провоцируя драки с коммунистами и членами профсоюзов. Были погибшие и раненые. Шла война, пока что еще не в полную силу, но это была именно она.

Из-за Великой депрессии снова возникла политическая нестабильность, особенно в Германии, где нацисты во главе с Гитлером неожиданно получили большое количество голосов на федеральных выборах в сентябре 1930 года — 107 мест в рейхстаге вместо прежних 12. Гитлер уже не воспринимался как политик-маргинал. Власть нацистов сильно укрепилась, и в 1933 году Гитлер стал канцлером. В европейских столицах и в Вашингтоне должны были по этому поводу сильно встревожиться и изменить политику, однако это произошло не везде. В Москве произошло. Если раньше война угрожала лишь в теории, то теперь она превратилась в реальную ощутимую опасность. В результате СССР серьезно изменил подход к внешней политике и отношениям с западными странами. Он понял, что европейскому миру и безопасности теперь угрожает гитлеровская Германия. Как говорил Литвинов в 1927 году, рано или поздно Германии и СССР было суждено пойти разными дорогами. И вот теперь это время пришло.

ГЛАВА I

ТУСКЛЫЙ СВЕТ В НОЧИ: ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ РАЗРЯДКИ В ПАРИЖЕ И ВАРШАВЕ. 1929–1932 ГОДЫ

С учетом тревожных изменений в Германии можно было предположить, что Париж задумается об улучшении отношений с СССР, чтобы было что противопоставить ожившему враждебному немецкому государству, однако этого не произошло. Во Франции дела шли, как обычно, несмотря на попытки советских дипломатов обсудить возможность разрядки. Отношения оставались плохими. В конце 1928 года Литвинов пришел к выводу, что с Парижем «совершенно неосуществимо» ни одно соглашение, даже такое, которое было бы односторонне выгодно одной лишь Франции. Он записал: «... по-моему убеждению оно [соглашение. — *Ред.*] в настоящее время совершенно неосуществимо. Франц[узское] пра[вительство] уклонялось от заключения каких бы то ни было соглашений с нами и даже таких, которые были бы односторонне выгодны Франции»¹. Французы хотели придерживаться «политики ночной лампочки». То есть пусть она освещает отношения с Москвой, но тускло. Французский посол в Москве Жан Эрбетт враждебно относился к советскому правительству. «Мы вступили в стадию открытой борьбы с ним», — говорил Литвинов в 1928 году, его поведение «становится нестерпимым»².

¹ М. М. Литвинов — В. С. Довгалеvскому. 24 ноября 1928 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 12. П. 124. Д. 406. Л. 58–54. (В некоторых документах АВПРФ нумерация листов обратная.)

² М. М. Литвинов — Г. З. Беседовскому. 25 августа 1928 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 12. П. 124. Д. 406. Л. 32–31.

Эрбетта не потребовали отозвать только потому, что боялись ответных мер со стороны Франции. Литвинов часто с ним встречался и каждый раз еле сдерживался. Посол регулярно жаловался на то, что советская пресса враждебно относится к Франции. Кто бы говорил! Если бы Литвинов решил пожаловаться на французскую прессу, то не смог бы остановиться, и пришлось бы вызывать Эрбетта почти каждый день. Но все же нарком не оставлял надежды на улучшение отношений¹.

Максим Максимович Литвинов

Максим Максимович Литвинов очень интересный человек. Читатели встретят его еще много раз на страницах этой книги. Он родился в еврейской семье в польском Белостоке в 1876 году, в принадлежавшей императорской России Польше. Родители постоянно ссорились и жили недружно. Отец Литвинова работал мелким банковским служащим и считал себя «бизнесменом».

В отличие от многих коллег Литвинов не имел университетского образования: его было очень трудно получить евреям в Польше во времена империи. Он пошел служить в армию артиллеристом и начал читать Карла Маркса, Фридриха Энгельса и других писателей-революционеров. В 1901 году его впервые арестовали как члена Киевского комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Вообще его звали Макс Валлах, но во время сотрудничества с революционерами он использовал много псевдонимов, чтобы запутать царскую полицию. Например: Папаша, Феликс, Граф и Ниц. Он сбежал из царской тюрьмы в 1902 году и отправился в Европу. В Россию вернулся в 1905 году. В Санкт-Петербурге он участвовал в первой революции, пытаясь свергнуть царя с престола. Литвинов помогал большевикам редактировать газету «Новая жизнь», а потом занялся торговлей оружием и отмыванием денег для большевиков в Европе.

Максим Максимович был полиглотом, искателем приключений и секретным агентом. На ранних фотографиях у него рубашка как у казака, усы как у моржа и длинные темные кудрявые волосы. У Литвинова грозный вид, и он похож на бандита. Длинные усы в то время были признаком лидера. Про то, как Максим Максимович

¹ Дневник Литвинова. Встреча с Ж. Эрбеттом. 5 января 1929 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 43. Д. 3. Л. 5–6. См. также: Дневник Литвинова. Запись беседы с Ж. Эрбеттом. 22 мая 1929 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 12. П. 124. Д. 406. Л. 99–100.

Максим Максимович Литвинов.
1920-е годы. АВПРФ (Москва)

в самом начале своего жизненного пути торговал оружием для большевиков, можно было бы написать хороший приключенческий роман или снять голливудский фильм. В 1908 году его арестовали во Франции по российскому ордеру и экстрадировали, но не в Россию, а в Великобританию. Обосновавшись в Великобритании, он решил перестать торговать оружием, но при этом не отказался от революционных идей, так как продолжал по инструкции Ленина публично выступать от лица большевиков. Однако ему нужна была работа, и он устроился в лондонское издательство. В 1916 году, когда Литвинову исполнилось 40 лет, он женился на 27-летней англичанке Айви Лоу. Родители Айви — британцы — были интеллектуалами и представителями среднего класса, а она сама — талантливой писательницей. У них быстро родились двое детей, и если бы не революция, Максим Максимович мог бы стать эксцентричным лондонским издателем, интеллектуалом и завсегдатаем салонов.

Однако ему было уготована другая судьба. В 1917 году произошла революция, а в ноябре того же года большевики захватили власть. В 1918 году Литвинов стал неофициальным советским представителем в Лондоне. Его первые телеграммы советскому правительству были написаны клером¹ и часто по-английски. В сентябре 1918 года его арестовали и позже обменяли на британского дипломата Брюса Локкарта. Айви и дети остались в Лондоне из соображений безопасности, а Литвинов вернулся в Советскую Россию — в тот момент голодную, холодную и очень опасную страну, находившуюся в политической блокаде и окружении, — чтобы сражаться за революцию.

¹ Клером — без использования кода или шифра; то есть открытым текстом. — *Примеч. ред.*

Американское, британское и французское правительства пытались свергнуть большевиков. Они бы их всех повесили, если бы у них была такая возможность. Представлять Советскую Россию на Западе было нелегкой задачей. Требовалась сильная воля, а ее у Литвинова было в избытке. Противники называли его упертым, упрямым, несговорчивым, чем, сами того не желая, делали ему массу комплиментов. Литвинову необходимо было убедить Запад в необходимости улучшить отношения с СССР, сославшись на практическую необходимость и взаимную выгоду. Главным образом это касалось торговли, экономического развития и уплаты части царского внешнего долга в обмен на мирное сосуществование. Запад, конечно, если бы мог, уничтожил бы большевиков подчистую, вот только под конец Первой мировой войны революционными настроениями было заражено большое количество людей. За то, чтобы не потерять комфорт своих кресел и элитных клубов, готовы были драться высшие слои общества в разных европейских столицах. «Fini les Boches, voilà les Bolchos» («Прощайте, фрицы, берегитесь, большевики!») было их боевым кличем... из клубов и правительственных зданий. Простые люди, и в особенности солдаты, выжившие после четырех лет бойни, совершенно не хотели рисковать жизнью и здоровьем, сражаясь с большевиками в России. Если бы на них сильно давили, они могли бы перейти на сторону революции. И тому было немало красноречивых свидетельств. Так, французские солдаты и моряки, отправленные воевать с советской властью на Украине и в Крыму, подняли бунт и пригрозили, что сдадут оружие и корабли большевикам. Это отрезвило салонных интервенционистов.

Западные элиты, наконец, с большой неохотой примирились с необходимостью поддерживать отношения с советской властью в стиле «сам живи и дай жить другим», но не потому, что этого хотели, а потому что не видели других вариантов. Литвинов играл важную роль в 1920-е годы, пытаясь в трудных обстоятельствах добиться дипломатического признания и начать торговлю с Западом. Он больше не был симпатичным бандитом и торговцем оружием. Усы как у моржа и длинные темные волосы остались в прошлом, а с ними и плоский живот молодого человека. У Литвинова появился небольшой двойной подбородок и лысина, но он все же был похож на дипломата, хотя иногда и ходил со спутанными волосами и в мятом костюме, не всегда сидевшем по фигуре. С самого

начала он вел себя как прагматик, как торговец, который пытался и Западу, и СССР продать идею разрядки. Но продавалась она довольно плохо, в том числе и в Москве, где многие его коллеги («наши ораторы», как называл их Литвинов) все еще выступали за мировую революцию. Для них отношения с Западом были временной уловкой. А для Литвинова и его коллег по НКВД единственной жизнеспособной политикой был прагматизм.

Небольшой скандал

Французский посол Эрбетт был не единственной проблемой Литвинова. В октябре 1929 года в полицейский участок, расположенный в роскошном VII округе Парижа, пришел посетитель. Это был советский дипломат Григорий Зиновьевич Беседовский, советник посольства СССР во Франции. Он сказал полиции, что ему необходимо организовать побег, так как его преследуют агенты ЧК. Согласно отчету, Беседовский был взволнован, так как его жену и сына удерживали в посольстве. Как выяснилось, даже у большевиков бывают семьи. Беседовский попросил полицейских вернуться в посольство вместе с ним, чтобы помочь вырвать родных из лап бывших коллег. Возможно, даже силой.

Слушая Беседовского, полицейские переглянулись. Они не знали, что думать, но согласились сопроводить его обратно в посольство. Но до этого попросили сдать браунинг, который лежал у него в кармане куртки. «Он мне нужен для самозащиты, — ответил Беседовский (я позволю себе пересказать его слова). — Вы не представляете, с чем я столкнулся. Поверьте, я знаю лучше других, что там происходит». Они приехали в посольство, и Беседовский от консьержа позвонил жене и попросил прийти туда вместе с сыном. Полицейские предположили, что, возможно, ее вовсе не держат в заложниках. Однако два сотрудника посольства начали громко ругаться с Беседовским прямо у них на глазах. Полицейские снова переглянулись, не зная, что и думать. «Да он просто сумасшедший! — сказал один из сотрудников. — Это длится уже несколько дней». Полицейские кивнули, но ничего не ответили.

Чтобы доказать, что никто никого не похищал, сотрудники показали полицейским собранный багаж Беседовского. Затем вышел еще один сотрудник рангом выше и подтвердил, что Беседовский

сумасшедший. Он не знал, какие могут быть последствия, если один из коллег сошел с ума. Полицейские объяснили советскому дипломату, что они приехали в посольство по просьбе Беседовского, так как он просил их помочь «избежать насилия». Пока шел этот разговор, Григорий Зиновьевич быстро поставил «свои многочисленные чемоданы» на тротуар перед посольством, и он, его семья и полицейские ушли без происшествий. Все это заняло не более получаса¹.

С точки зрения французов, ничего страшного не произошло, но все выглядело куда серьезнее для советской стороны. Через неделю об этой истории рассказала московская пресса. В редакционной статье «Правды» говорилось, что Беседовский — мошенник, укравший казенные деньги. Как сообщил исполняющий обязанности комиссара Литвинов послу Эрбетту, Григорий Зиновьевич был недоволен текущим положением дел. Он не хотел работать и украл 5000 долларов, которые принадлежали посольству². Советский полпред в Париже В. С. Довгалецкий во время побега Беседовского находился в Лондоне и проводил переговоры с британцами. В итоге он все же обсудил эту историю с Филиппом Бертло, секретарем Министерства иностранных дел Франции в ранге посла. «Он полупомешанный и интриган», — сказал полпред. Довгалецкий ранее работал инженером-электриком и получил образование во Франции. Он проанализировал, что произошло, согласился, что полицейские вели себя как положено, и посчитал дело закрытым³. Но, конечно, оно не было закрыто, так как глава резидентуры Британской секретной разведывательной службы (MI-6) в Париже побеседовал с Беседовским через два дня после его ухода из посольства. «Крайне болтлив и несдержан», — пришел к выводу он, чем был очень доволен и позабавлен. Впоследствии Беседовский зарабатывал на жизнь журналистикой и написанием книг. Это он опубликовал поддельный дневник Литвинова, озаглавленный как «Заметки для дневника». Однако эта плохая подделка не смогла ввести в заблуждение историков. НКВД ничего не потерял,

¹ Directeur de la police judiciaire to the Préfet de police. 3 Oct. 1929. Paris. Ministère des Affaires étrangères, Europe, 1918–1940 (далее — МАЭ) Russie/1116. P. 302–306.

² Herbette. No. 609. 10 Oct. 1929 & enclosure. МАЭ Russie/1116. P. 312–313; Herbette. No. 646bis, confidential. 20 Oct. 1929. Ibid. P. 324–327.

³ Aristide Briand to Herbette. No. 704. 23 Oct. 1929. МАЭ Russie/1116. P. 318; Briand to Herbette. No. 714. 29 Oct. 1929. Ibid. P. 328.

избавившись от Беседовского: он был слишком мелкой рыбешкой и не заслуживал внимания ОГПУ — советской секретной полиции. Беседовский пережил Вторую мировую войну, и вероятно, что он даже работал на ОГПУ в послевоенный период¹.

Это было не единственное «дезертирство» советского чиновника в 1929 году. Весной 1929 года бывший нарком и заместитель наркома А. Л. Шейнман ввязался в неприятности и отказался возвращаться в Москву. Это было намного неприятнее, чем история с Беседовским, поскольку Шейнман был советским чиновником высокого ранга. Политбюро даже отправило за ним в Берлин его близкого друга, чтобы тот уговорил его вернуться, но Шейнман твердо стоял на своем. «Я не настолько безрассуден, чтобы вернуться в Москву, где меня, несомненно, расстреляют», — примерно так сказал он. В результате была заключена сделка: Шейнман, помимо всего прочего, согласился отдать секретные средства взамен на то, что его оставят в покое. В конце 1930-х годов он возглавил «Интурист» (советское туристическое агентство) в Лондоне². Странная история.

Большой скандал

По парижским стандартам скандал с участием Беседовского не был чем-то серьезным — так, небольшое развлечение, о котором интересно почитать за завтраком в воскресных газетах. А вот более серьезные проблемы во франко-советских отношениях оставались по-прежнему нерешенными. Противоречия усилились три месяца спустя после сенсационного похищения в центре Парижа. 28 января 1930 года пропал белогвардеец генерал Александр Павлович Кутепов, и с тех пор никто ничего о нем не слышал. Считалось, что его похищение организовали агенты ОГПУ. Парижская пресса забурлила, журналисты требовали разрыва дипломатических отношений с Москвой. Довгалецкий написал официальное письмо парижской полиции, в котором сообщил, что посольство и советская власть не имеют никакого отношения к пропаже Кутепова, а также жало-

¹ West N. The A to Z of British Intelligence. Langham, MD: Rowman & Littlefield, 2009. P. 46–47.

² Préfecture de police. Paris. 26 Nov. 1929. MAÉ Russie/1110. P. 267; Carley M. J. Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014. P. 376–379.

вался на кампанию в прессе министру иностранных дел Франции Аристиду Бриану.

Бриан хотел узнать, что же случилось с генералом Кутеповым. «Расскажите мне, пожалуйста, что вы сделали с генералом? Как вы ухитрились похитить такого важного человека в центре Парижа? Сюжет для кино, да и только». Довгалеvский не хотел подробно обсуждать исчезновение Кутепова. «Я попытался попасть в тон Бриану и отделаться шутками, — писал он в Москву. — Но Бриан, приняв дружески-серьезный вид, попросил меня объяснить ему, как я представляю себе причины и обстоятельства похищения Кутепова». Читателям, наверно, будет интересно, что на самом деле знал Довгалеvский. Бриану он этого не рассказал, всячески избегая темы и делая упор на то, что именно писала французская пресса о возможных похитителях. Подозревали не только ОГПУ: писали и о том, что, возможно, это сведение счетов между противоборствующими антибольшевистскими группировками. Бриана версии прессы не слишком интересовали, и он сел на извечного конька — заговорил о «пропаганде», и от этого разговора уйти было не так просто. Довгалеvский, наконец, сменил тему и заговорил о проблемах французско-советской торговли. Бриан обещал с ним связаться. Проблемы оставались все те же: раскол между банкирами, ненавидевшими СССР, и не дававшими кредиты советским торговым предприятиям и предпринимателями, которые хотели увеличивать объем торговли с СССР. Советские дипломаты предлагали более выгодные договоры, надеясь таким образом оказать давление на правительство и банки и заставить их обеспечивать франко-советскую торговлю кредитами и страховкой.

Но все тщетно, так как Париж притягивал белых эмигрантов, которых привлекала юридическая возможность подать в суд на СССР и добиться вынесения решения вопреки советским интересам. Показательный в этом смысле пример — дело Херцфельда. Гарри Херцфельд был русским белогвардейцем, который подал в британский суд, требуя возместить ему финансовые потери, которые, как он утверждал, он понес в связи с революцией. Он приехал в Париж, чтобы добиться конфискации активов торгового представительства СССР во Франции, и французские суды сначала хотели удовлетворить его иск. Советское торговое представительство было готово вывести все активы, чтобы предотвратить их потерю. Это стало бы

катастрофой для французских производителей, которые хотели работать с СССР¹. В конечном счете Херцфельд ничего не добился.

Таким образом, отношения между Парижем и Москвой оставались плохими. Дело Кутепова тянулось до весны. Как докладывал Довгалеvский, «полпредство было окружено атмосферой враждебности и настороженности». Все говорили о «таинственном похищении Кутепова». Все. «В лучшем случае нас подозревают: вообще же нас обвиняют», — писал он. Ситуация была опасной. «Мы стремимся держать себя в руках, но готовы к любому исходу. Приняты все меры к соблюдению спокойствия и выдержки при одновременном соблюдении бдительности»².

Весной, в марте в Париже давление стало спадать: «кутеповщина» стала превращаться в фарс, и, как писал Довгалеvский, «теперь ясно для всех», что белые эмигранты в Париже тесно связаны с парижской полицией и властями. Монархисты ввязывались «в совершенно откровенную драку, к большому конфузу своих французских покровителей». Довгалеvский не знал, что будет дальше. Кто знал, вдруг какой-нибудь негодяй раздобудет доказательства прямого или непрямого участия агентов ОГПУ в похищении Кутепова?³

Весной 1930 года Эрбетт поехал в отпуск в Париж. Его последняя встреча с Литвиновым перед отъездом прошла в обычном ключе. Они обсуждали парижскую кампанию в прессе. Посол сказал, что советское правительство должно выдвинуть предложения. Мы уже выдвигали, парировал Литвинов, в 1927 году, но французское правительство на них не ответило. Отношения между государствами, добавил Литвинов, нельзя наладить с помощью односторонних предложений. Обычно ведутся переговоры, но до настоящего момента французское правительство их избегало. Перед уходом Эрбетт несколько смущенно спросил, нельзя ли его освободить от уплаты таможенных пошлин за личные вещи, которые он приобрел в Москве. Литвинов

¹ В. С. Довгалеvский — М. М. Литвинову. 14 апреля 1930 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 14. П. 140. Д. 586. Л. 40—37; также см.: Запись беседы В. С. Довгалеvского с А. Брианом от 25 марта 1930 г. (вложение на франц. яз. по делу Херцфельда). 1 апреля 1930 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 14. П. 139. Д. 585. Л. 30—37.

² В. С. Довгалеvский — М. М. Литвинову. 5 февраля 1930 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 14. П. 140. Д. 586. Л. 4—3.

³ В. С. Довгалеvский — М. М. Литвинову. 6 марта 1930 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 14. П. 140. Д. 586. Л. 23—20.

саркастически ответил, что таможенные пошлины были отменены из опасений разжигания кампании в прессе из-за Кутепова¹. Литвинов был готов на такую уступку — лишь бы убрать Эрбетта из Москвы.

В Париже Довгалеvский попросил свою жену Надежду Ивановну осторожно выяснить у мадам Эрбетт, не собирается ли ее супруг возвращаться в Москву. Жены должны были встретиться во время светского визита. Так в те дни работала дипломатия: иногда женщины могли растопить лед, если это не удавалось их мужьям. Однако, как сообщил Довгалеvский, Надежда Ивановна не узнала ничего определенного². Литвинов был разочарован. Как и Довгалеvский.

Осенний кризис

Осенью 1930 года разразился новый кризис. В конце сентября Литвинов узнал о возможном западном сговоре против «так называемого советского демпинга», то есть продажи товаров по цене ниже стоимости производства. Любое правительство, втянутое в такое «антисоветское движение», писал Литвинов, должно понимать, что мы примем меры против экспорта его товаров³. Конечно, через два дня, 1 октября французское правительство наложило ограничения на советский импорт, обвинив Москву в «демпинге». Советские власти официально отрицали эти обвинения и через три недели ответили тем же, наложив эмбарго на французский импорт в СССР. Подобный поступок застал французских чиновников врасплох, и вскоре им пришлось иметь дело с разозленными производителями, лишившимися доступа на советский рынок. Великая депрессия поздно докатилась до Франции, но тем не менее производители понимали, что им нужны новые клиенты и контракты, чтобы предотвратить остановку производства и закрытия предприятий. Какой был смысл изолироваться от прибыльного рынка? Все равно что выстрелить себе в ногу.

Тем не менее кризис продолжался до весны 1931 года. Французы дрогнули первыми. В марте Эрбетт нанес визит Литвинову и сооб-

¹ Выдержка из дневника Литвинова. Встреча с Ж. Эрбеттом. 26 февраля 1930 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 14. П. 139. Д. 585. Л. 17.

² В. С. Довгалеvский — М. М. Литвинову. 24 мая 1930 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 14. П. 140. Д. 586. Л. 47—46.

³ М. М. Литвинов — Л. М. Кагановичу. 28 сент. 1930 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 10. П. 56. Д. 2. Л. 90.

шил ему, что он скоро уезжает в Париж. Он спросил, не хочет ли Литвинов что-нибудь передать Бриану. Это звучало как приглашение, и Литвинов воспользовался им в полной мере. В СССР не до конца уверены, ответил Литвинов, кто в большей степени его враг — Великобритания или Франция? Франция была «активнее» во время иностранной интервенции, но советское руководство считало Великобританию главным агрессором. Конечно, это мнение сложилось под влиянием «наследия прошлого англо-российского антагонизма». Литвинов напомнил ему о российской поговорке «англичанка гадит». Эта фраза обозначала разные способы, к которым прибегала Великобритания, чтобы противостоять российским внешнеполитическим планам перед Первой мировой войной. Он привел длинный список кризисов, которые произошли в 1920-х годах, чтобы подтвердить свою точку зрения. Но неприязнь в обществе по отношению к Великобритании теперь сменилась неприязнью к Франции. И снова Литвинов выдал длинный список недавних французских провокаций, нацеленных против СССР, из-за которых складывалось впечатление, что Франция хочет устроить противостояние. Если это так, то о чем тогда вообще говорить? С другой стороны, если Франция хочет развивать другую политику, то «мы охотно пойдем ей навстречу». Как писал Литвинов, Эрбетт «горячо благодарил и крепко жал руку» и сказал, что сделает все возможное, чтобы организовать переговоры¹. Возможно, Литвинов сомневался, что посол сможет сыграть положительную роль в улучшении франко-советских отношений, и Довгалецкий постарался довести до сведения Парижа, что НКВД не желает участия Эрбетта в этом деле. «Разумеется, пользы от Эрбетта в переговорах не будет никакой, но, мне думается, и вреда большого он не причинит, — шутил Довгалецкий, — не считая разве некоторой излишней порчи нервов мне лично»². Ко всеобщему облегчению в Москве, МИД Франции не настаивал на том, чтобы Эрбетт остался послом в Москве. 20 апреля Берто, который по-прежнему был секретарем Министерства иностранных дел в ранге посла, навестил больного Довгалецкого в посольстве СССР. Читатели уже, возможно, встречали упоминание Берто в книге

¹ Выдержка из дневника Литвинова. Встреча с Ж. Эрбеттом. 10 марта 1931 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 15. П. 148. Д. 659. Л. 20—18.

² В. С. Довгалецкий — Н. Н. Крестинскому. 23 мая 1931 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 15. П. 148. Д. 661. Л. 52—51.

«Тайная война. Запад против России. 1917–1930»¹. Достаточно сказать, что он был влиятельным дипломатом, серым кардиналом французской дипломатии на протяжении большей части времени после 1914 года. В 1918 году Бертло сыграл важную роль в уменьшении враждебности Франции по отношению к новому советскому правительству. В 1920-е годы он проявлял мягкость и даже приветливо общался с Довгалевым. Однако когда он разговаривал с британской стороной, большевиков все еще упоминал с плохо скрываемым презрением.

Советско-французские отношения налаживаются

В тот день в апреле 1931 года Бертло предложил Довгалеву разрешить экономический спор с помощью торгового соглашения и пакта о ненападении. Это не было чем-то новым. Подобные документы уже обсуждались в 1926–1927 годах. В то время переговоры сорвал председатель Совета министров Раймон Пуанкаре, так как хотел поддержать антикоммунистическую предвыборную кампанию, направленную против левоцентристского «картеля левых». Пуанкаре ушел в отставку летом 1929 года и, таким образом, больше не стоял на пути. Председателем Совета министров в то время являлся Пьер Лаваль, бывший социалистом, разочаровавшимся в своих убеждениях, который и в тот раз повел себя не по-социалистически. На него давили французские производители, разозленные тем, что их отрезали от советского рынка. Лаваль хотел от них отделаться и отправил Бертло на встречу с Довгалевым, чтобы разрешить этот кризис. Пакт о ненападении был необходим, чтобы компенсировать то, что Франции пришлось отступить в торговой войне². Учитывая лицемерное поведение французов в прошлом, советские дипломаты скептически отнеслись к предложению Бертло. И это неудивительно, с учетом того, что правительство Франции не могло прийти к согласию по поводу отношений с Москвой. Если Министерство торговли реагировало на возмущение производителей, то Министерство финансов и Банк Франции даже не скрывали враждебного

¹ См.: Carley M. J. Silent Conflict. Русское издание: Карлей М. Тайная война. Запад против России. 1917–1930. М., 2019.

² R. H. Campbell, british chargé d'affaires in Paris. No. 964. 5 Sept. 1931. N6077/431/38. [Kew, Richmond, Great Britain] National Archives (далее — TNA) Foreign Office (далее — FO) 371 15613.

настрою и не хотели одобрять кредиты и оформлять страховки тем, кто собирается торговать с СССР. Произошел традиционный раскол между банкирами, которые думают о невыплаченных долгах, и производителями, мечтающими заполучить побольше заказов.

Бертло и Довгалецкий продолжали встречаться и в начале мая. Москва приняла предложения Франции. Литвинов, теперь уже официально вступивший в должность народного комиссара по иностранным делам, предложил аннулировать октябрьские указы Франции и СССР, чтобы создать положительную обстановку для переговоров. Состоялись две или три встречи торговых делегаций, и стороны наконец согласились на этот шаг. Переговоры должны были начаться в июне.

Стороны не доверяли друг другу. Никто не хотел выступать в роли просителя или показать, что ему не терпится поскорее заключить соглашение. В начале мая Довгалецкий сказал, что Бертло уже пытается уклониться от взятых на себя в ходе переговоров обязательств. Полагаться на французские обещания нельзя, даже если их зафиксировали стенографисты. Французы часто меняют свою позицию¹. Франция также явно не доверяла СССР. Сотрудники французского МИД сомневались, что СССР на самом деле хочет улучшить отношения с Францией. Скорее всего, Москва стремится всего лишь «разделять и властвовать» над капиталистическими силами, чтобы завоевать благосклонность прессы на Западе². Франция не замечала сигналы СССР? Или была слишком слепа, чтобы их увидеть?

Британский посол в Москве сэр Эдмонд Овий заявил, что в советской политике появилась новая «тенденция», направленная на «сотрудничество с другими странами». Литвинов даже конфиденциально подтвердил это изменение, но сказал, что, если новость просочится в прессу, он даст официальное опровержение³. Эрбетт явно прозевал изменения в советской политике, как и многие другие сотрудники МИД Франции. Поэтому было очень непросто заключить соглашение в Париже.

¹ В. С. Довгалецкий — М. М. Литвинову. 3 мая 1931 г. // Документы внешней политики (далее — ДВП): в 26 т. М., 1968. Т. XIV. С. 306–309; В. С. Довгалецкий — Н. Н. Крестинскому. 1 июня 1931 г. // Там же. С. 358–361

² Note pour Monsieur le secrétaire general. Europe ns. 20 April 1931. MAÉ URSS/1006. P. 16–21.

³ Ovey. No. 343. 30 June 1931. N4721/393/38; Ovey. No. 126, very confidential. 27 July 1931. N5256/393/38. TNA FO 371 15612.

Довгалеvский считал, что Бертло отстывает из-за враждебности Министерства финансов и Банка Франции. Министерство твердо стояло на своем: никаких кредитов и никакой страховки на торговлю с СССР. По словам министра финансов Пьера-Этьена Фландена, что касается кредита, СССР, очевидно, просит «слишком много». Довгалеvского надо было спустить с небес на землю: до решения вопроса с долгами любое соглашение с СССР может быть заключено лишь в ограниченном объеме¹. Возможны были лишь частные соглашения о кредите, и то Банк Франции вел себя «очень сдержанно»². Можно предположить, что банкиры забыли о том, что это правительство Пуанкаре в 1927 году отвергло советское предложение погасить царские кредиты. Это был самый щедрый поступок СССР из всех за межвоенный период. Если соглашение так и не было подписано, то винить в этом французы могли только себя.

В самом Министерстве иностранных дел Франции не могли прийти к согласию относительно налаживания отношений с Москвой. Бертло сказал Довгалеvскому, что французская политика изменилась главным образом благодаря его вмешательству. Позже, по словам Бриана, именно он требовал реализации новой инициативы, а Бертло не всегда выступал за улучшение отношений, хотя вроде бы теперь уже смирился³. Бертло иногда хвастался обострением отношений с Москвой, так что, возможно, стоило верить Бриану.

И Бриан, и Бертло пытались заверить советских дипломатов, что Франция благосклонно к ним настроена, но с учетом прошлого опыта СССР относился к этим словам с большим скептицизмом. Как сказал Бриан Литвинову в конце мая, прекращение переговоров в 1927 году было ошибкой Пуанкаре, но он надеется, что политические и экономические отношения улучшатся. Чтобы продемонстрировать свое расположение, Бриан спросил, не будет ли советское правительство возражать против того, что Эрбетт останется на должности посла. Литвинов пришел в ужас. Он напомнил Бриану

¹ Réunion chez M. Flandin. 30 May 1931. Paris, Ministère des Finances (далее — MF) B32015; Flandin to Briand. No. 705–750. 2 June 1931. Ibid.

² J.-J. Bizot. [sans titre]. Senior Finance official. 3 June 1931. MF B32015.

³ В. С. Довгалеvский — Н. Н. Крестинскому. 21 апреля 1931 г. // ДВП. Т. XIV. С. 254–258; Стенограмма встречи М. М. Литвинова с А. Брианом. 26 мая 1931 г. // Там же. С. 350–352.

о том, что СССР уже давно выражал свои опасения насчет Эрбетта и что из-за него могут быть неприятности. Бриан ответил, что тогда поищет кого-то другого¹. «Слава богу», — скорее всего подумал Литвинов.

Довгалеvский ожидал, что переговоры будут тяжелыми. Так и вышло. Первая встреча прошла в июне 1931 года. Стороны изложили свои основные цели. Франция хотела значительно улучшить баланс внешней торговли и добиться погашения всех долгов, потому что иначе парламент откажется ратифицировать долгосрочное торговое соглашение. Представители СССР предлагали временный вариант. Они были готовы увеличить объем промышленных заказов, но на условиях соответствующего кредита и с учетом решения вопроса правового статуса советской торговой миссии во Франции². Этого было достаточно для того, чтобы 16 июля аннулировать октябрьские указы, однако переговоры длились все лето и всю осень, поскольку никак не получалось добиться результата из-за сложностей, связанных с кредитным вопросом. Что касается Бриана, то он сдержал слово насчет Эрбетта. Его отправили в Мадрид и заменили на профессионального дипломата Франсуа Дежана.

С политической точки зрения Бертло и Довгалеvский обсудили заключение пакта о ненападении и подготовили в августе его текст. В данном документе говорилось о необходимости соблюдать нейтралитет в случае нападения третьей стороны, и сам по себе он не был ничем примечателен, однако произошла утечка информации, и о нем узнала пресса. Французские правые подняли шум. Чтобы избежать критики, Бертло переложил ответственность за начало переговоров на советскую сторону³. В советско-западных отношениях часто так бывало, что каждая сторона пыталась не показывать, что уступила другой. В данном случае предложение Франции заключить пакт о ненападении стало приманкой для СССР, чтобы заставить его обсуждать более важные экономические вопросы.

¹ Отчет о беседе М. М. Литвинова с А. Брианом. 26 мая 1931 г. // ДВП. Т. XIV. С. 350–352.

² Comité franco-soviétique d'experts, séance du 5 juin 1931. MAÉ Relations commerciales (hereinafter — RC). Russie/2052, dos. 1.

³ Ряд замечаний по этому поводу см.: ДВП. Т. XIV. С. 367, 370, 386–387; Ovey. No. 95. 8 May 1931. N3256/2200/38. TNA FO 371 15619.

Осложнения

Возникли и другие осложнения. Два французских союзника — Польша и Румыния — враждебно относились к СССР и боялись его. Обеим странам принадлежали территории, на которые претендовал СССР, и обе входили в систему восточного альянса Франции и стояли на страже антисоветского санитарного кордона. То есть, если СССР хотел подписать пакт о ненападении с Францией, то необходимо было предложить похожие договоренности Польше и Румынии.

Переговоры с Польшей шли медленно, и Сталин, который в это время был в ежегодном отпуске в Сочи, решил узнать, что происходит. «Дело очень важное, почти решающее (на ближайшие 2—3 года) вопрос о мире, и я боюсь, что Литвинов, поддавшись давлению т[ак] наз[ываемого] “обществ[енного] мнения”, сведет его к пустышке». Сталин велел Политбюро принять более активное участие в этом деле. «Постарайтесь довести его до конца всеми допустимыми мерами».

«Было бы смешно, — добавил он, — если бы мы поддались в этом деле общемещанскому поветрию “антиполонизма”, забыв хотя бы на минуту о коренных интересах революции и социалистического строительства». Сталин также хотел, чтобы в Париже как можно быстрее заключили торговое соглашение. «Почему там застряло дело? — спрашивал он. — Почему все заказы направляются в Германию, в Англию, а французам не хотят давать заказов?»¹.

Французская сторона связала торговую сделку с погашением долгов, чтобы это было неприемлемо для Москвы. Политбюро велело своей стороне попытаться заключить отдельные контракты с французскими производителями². Лазарь Моисеевич Каганович, секретарь ЦК (Центрального комитета) ВКП (б), продолжал критиковать НКВД за нерешительность. «Наши же дипломаты исходили только из необходимости успокоить немцев и, как вы предвидели в письме, поддались вою т[ак] н[азываемого] общественного мнения и выскочили торопливо, не прощупав ничего»³. Не надо думать, что Сталин был мягок с французами. Он начал терять терпение. «Мы имеем луч-

¹ И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. 30 августа 1931 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 71–73.

² Л. М. Каганович — И. В. Сталину. 3 сентября 1931 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 77.

³ Там же. С 77–79.

шие условия кредита в Германии, Италии, Англии, — заметил он. — Либо французы принимают итало-германские условия кредита, либо могут убраться к черту». Но затем Сталин предложил «последнюю уступку» — британские условия, согласно которым кредиты предлагались на приемлемых условиях, «но без прямой гарантии англ[ийского] пра[вительства]»¹. Сталин не первый раз был недоволен Литвиновым. В 1927 году произошла печально известная история, когда он написал от руки служебную записку, в которой на пяти листах ругал Литвинова за то, что тот осмелился сомневаться в политике Политбюро². Сталин часто так делал — выпускал пар, а потом начал думать практично. Он был великим циником. Этим как раз объясняются его отношения с Литвиновым, который порой выступал для него в роли мальчика для битья, однако Сталин в целом соглашался с его политическими рекомендациями. Они оба были реалистами, хотя из-за внутренней политики Сталину часто приходилось скрывать практическую сторону своей натуры за грубостью и сарказмом.

Иосиф Виссарионович Сталин

Тут необходимо подробнее рассказать о Сталине — вожде СССР. Его слово было решающим как в важных, так и в не очень важных государственных вопросах. О нем писали многие поколения, начиная с 1930-х годов, когда его начали критиковать Троцкий и Борис Суварин. Можно подумать, что о Сталине уже было сказано все, что только можно, однако любопытство историка удовлетворить очень трудно.

Сталин родился в Грузии в Гори в декабре 1878 года. Его настоящее имя — Иосиф Виссарионович Джугашвили. Его отец работал сапожником, а мать была дочерью крестьянина. Оба были детьми крепостных. Маленький Джугашвили рос в бедности, в отличие от многих его коллег-большевиков, которые воспитывались в обеспеченных буржуазных семьях. От бедности рождается горе и насилие, и семью Джугашвили оно не миновало. Их первые два сына умерли в младенчестве. Отец Виссарион какое-то время неплохо зарабатывал. Но он также был алкоголиком, и, как говорят, бил жену Екате-

¹ И. В. Сталин, В. М. Молотов — Л. М. Кагановичу и Я. Э. Рудзутaku. 5 сентября 1931 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 82.

² Carley M. J. Silent Conflict. P. 275—279.

Иосиф Виссарионович Сталин.
1932 год

рину на глазах у их единственного выжившего сына. Пара в итоге разошлась. Как писал один из ранних биографов Сталина, покойный Исаак Дойчер, у отца были и хорошие стороны. Виссарион и Екатерина отправили сына учиться в церковную школу. Как и большинство отцов, он хотел, чтобы его сын жил лучше, чем он сам. Виссарион умер в 1890 году. Иосиф Виссарионович в возрасте 15 лет получил стипендию на обучение в семинарии в Ти-

флисе. Сталин учился хорошо, но, как и с Лениным и Троцким, с ним периодически случались неприятности. В подростковом возрасте он много бунтовал и в итоге так и не окончил семинарию. Его поглотило революционное движение, как и многих представителей его поколения.

Если Литвинов отмывал деньги и торговал оружием, то Джугашвили представлял собой более жесткий грузинский вариант: бандит, пропагандист и профсоюзный организатор — это все ради революции на Кавказе.

Вскоре он принял участие в беспорядках в Баку и попал в царскую тюрьму. Как и Троцкий, Сталин сбежал из ссылки в Сибири, но его поймали и отправили обратно. Помимо других псевдонимов, он также использовал Коба и Иванович, но потом остановился на Сталине — от слова «сталь». Он был сильным мужчиной. В юности носил бороду, но потом начал бриться и оставлял только ухоженные пышные усы. Молодой Сталин нравился женщинам и легко с ними сходилась. Женщины считали его привлекательным, несмотря на физическое увечье — его лицо было изуродовано оспой. Сталин дважды был женат и дважды стал вдовцом. Его вторая жена Надежда Сергеевна покончила жизнь самоубийством. У него было два законных сына — Яков и Василий — и дочь Светлана, а также два незаконнорожденных ребенка, которых он так никогда и не признал.

Последний биограф Сталина Стивен Коткин писал, что Сталин тоже был «человеком»¹. Это безусловно. Он любил женщин, табак, компанию, мог сильно выпить и пировать до утра. Сталину нравилась музыка, фильмы и театр. Он также хорошо играл в бильярд, много читал, коллекционировал часы и увлекался садоводством. Такова была его нормальная сторона, но была и другая — не такая уж нормальная и совсем непривлекательная. Сталин был трудоголиком и знал все документы наизусть. У него было мало друзей, так как он был целиком поглощен вначале революцией, а потом делами Советского государства. Он мог с теплотой относиться к коллегам, а мог отвернуться от них в мгновение ока. Мог быть грубым и циничным, а иногда безжалостным и жестоким. Эта сторона Сталина впервые проявилась в 1918 году во время Гражданской войны. Человеческая жизнь почти ничего для него не значила, за исключением периода Великой Отечественной войны, когда его ужаснули колоссальные потери Красной армии и жуткое насилие нацистов над советским гражданским населением. В то же время настоящих и вымышленных конкурентов или врагов СССР свободно отдавали под трибунал, отправляли в трудовые лагеря и приговаривали к смертной казни. Любому могло не повезти, и он мог попасть в поле зрения милиции. По одной из версий в разгар репрессий погибло около 700 000 человек, начиная от самых верных слуг Советского государства и заканчивая никому не известными случайными людьми. «Нельзя зевать и спать, — писал как-то Сталин, — когда стоишь у власти!»² За властью нужно было следить непрерывно, а то мог прийти кто угодно и отобрать ее у тебя. Конечно, в истории России было много жестокости. Крепостное право представляло собой определенную форму рабства, и на протяжении более чем трех веков из-за него вспыхивали восстания, которые жестоко подавлялись. Во второй половине XIX века сложилась переходная форма капитализма: заводы, шахты и промышленные центры больше напоминали исправительно-трудовые лагеря, где процветало насилие.

Когда в марте 1917 года началась революция, Сталин был в Сибири. Но он и другие ссыльные большевики быстро направились в Петроград. В 1917 году Сталин прославился, став членом внутрен-

¹ *Kotkin St. Stalin. Vol. II: Waiting for Hitler. P. 1.*

² И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. После 16 августа 1934 г. // Сталин и Каганович. Переписка С. 439—440.

него круга лидеров большевиков. Во время Гражданской войны он находился на юге на западном берегу Волги в Царицыне, который позднее был переименован в Сталинград. Именно там происходила большая часть первых стычек с Троцким, когда Ленин, теряя терпение, был вынужден успокаивать горячие головы. Сталин был заурядным оратором, теоретиком и памфлетистом. Троцкий называл его язык «убаюкивающим». Но Сталин был умным и умелым организатором — этот талант разглядел и ценил в нем Ленин. И тем не менее, несмотря ни на что, он находил время на нападки на Троцкого. Ленин или старался их не замечать, или менял тему. Летом 1920 года во время войны с Польшей враждебное отношение Сталина к Троцкому и его непокорность привели к тому, что был открыт южный фланг Красной армии. Этим воспользовался польский генерал и заклятый враг СССР Юзеф Пилсудский, чтобы предотвратить падение Варшавы. Вот пример последствий враждебного отношения Сталина к Троцкому. Сталин был вспыльчив, капризен, мстителен и нетерпим к инакомыслию, кроме того, он никогда не забывал и не прощал политического несогласия. Достаточно было проголосовать за Троцкого на съезде партии много лет назад и обронить необдуманное замечание. Как и английские «твердолобы»¹, Сталин умел ненавидеть. Он считал, что если враг чем-то себя запятнал, то это уже навсегда. Он мог выждать много лет и только потом обрушить возмездие на тех, кто выступал против него, или на любого человека, косо на него посмотревшего. Вряд ли его товарищи могли себе представить масштаб, до которого он дойдет в своем преследовании «врагов».

Ошибка Сталина во время летнего контрнаступления на Польшу в 1920 году не нанесла долгосрочный вред его репутации. В апреле 1922 года всего за два месяца до своей болезни Ленин выдвинул Сталина на пост генерального секретаря (генсека) РКП (б). Таким образом, он получил контроль над правительственными назначениями и стал давать своим союзникам ключевые посты. По мнению Троцкого, назначение Ленина противоречило здравому смыслу. Достаточно быстро Ленин пожалел о своем решении, но было уже позд-

¹ Твердолобые — прозвище ультраконсервативных британских правых. Как политический термин употребляется с 1910—1911 гг. Характерная черта политических взглядов твердолобых — ненависть к Октябрьской революции в России, СССР и политике большевиков. — *Примеч. ред.*

но¹. В мае 1922 года у него случился первый удар, а умер он в январе 1924 года. В результате началась борьба за власть. Сталин смел на своем пути всех конкурентов — вначале Троцкого, потом всех остальных, включая бывших союзников, одного за другим. Это продолжалось до конца 1920-х годов, пока он не стал единоличным вождем Советского государства. Сталин уничтожил конкурентов, но при этом сформировал небольшой круг сторонников, которые оставались с ним до его смерти в 1953 году. К ним относились Вячеслав Михайлович Молотов, Климент Ефремович Ворошилов и Лазарь Моисеевич Каганович. В 1930-х годах многие приходили и уходили по разным причинам, а эта «тройка» была бессменна и постепенно оказалась в центре формирования политического курса страны. После 1933 года они получали копии важных телеграмм НКВД, многие отчеты, которые Литвинов писал Сталину, а также другие депеши из советских посольств. Когда Сталин отдыхал в Сочи или Абхазии, Молотов и Каганович обычно заменяли его в Москве и консультировались с ним по важным политическим вопросам. Никакие политические решения, важные или нет, не одобрялись Политбюро без согласования со Сталиным. Никто не принимал никаких политических решений минуя Сталина, и уж тем более Литвинов. Политика НКВД — это была политика Сталина. В 1920-х годах Литвинов привык писать Сталину служебные записки и отчеты и продолжал так делать до своего увольнения в 1939 году. Вождю была интересна внешняя политика не меньше, чем внутренняя или партийная. Он прикладывал руку ко всему.

Внешняя политика Литвинова и Сталина

Литвинов хотел как можно быстрее заключить экономическое и политическое соглашение с Францией. «Это диктуется вновь создавшимся в Европе положением»². Каким именно, — не уточнял,

¹ *Souvarine B.* Stalin. New York: Longmans, Green & Co., 1939; *Deutscher I.* Stalin: A Political Biography. New York: Vintage, 1949; *idem.* Trotsky. 3 vols. New York: Vintage, 1965; *Tucker R. C.* Stalin as Revolutionary, 1879–1929. New York: W. W. Norton, 1973. P. 173–180, 211; *Service R.*, Stalin: A Biography. Cambridge, MA: Belknap Press, 2004. P. 129–149, 284–285; *Trotsky L. D.* My Life. New York: Pathfinder Press, 1970. P. 553.

² М. М. Литвинов — В. С. Довгалеvскому. 26 июля 1931 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 15. П. 149. Д. 668. Л. 79.

но в Германии нацисты были на подъеме. В июле 1931 года Сталин тоже начал терять терпение и принялся жаловаться на неправильное, с его точки зрения, ведение переговоров с Польшей о пакте о ненападении. В этот раз он обрушил свой гнев на замнаркома Льва Михайловича Карахана, который встречался с польским послом Станиславом Патеком. Разгорелся спор о том, кто первый решил начать переговоры. Сталин подметил, что это чувствительный вопрос для всех, так как никто не хочет провоцировать политическую оппозицию. Какая разница, кто был первый? Карахан разозлил Патека своей «глупостью» и «испортил дело». Он не мог сопротивляться и также обвинил Литвинова в «грубой ошибке»¹. Как ответил Каганович, проблема заключалась в том, что НКВДовцы (то есть советские дипломаты) слишком сильно подстраиваются под Германию. Они не хотят ради Польши оскорблять Берлин. «Они не учитывают, что у нас сейчас нет такой обстановки, которая вынуждала бы нас заискивать перед Германией, скорее она в нас сейчас больше всего нуждается»². Литвинов сопротивлялся давлению, которое оказывал на него Каганович, вынуждая того вновь писать насчет Польши. «Должен вам сказать, — сообщал Каганович Сталину, — что из беседы с Литвиновым я еще более убедился в его своеобразном “германофильстве”. Мы, говорит он, “сейчас играем с германской подачи”, поскольку с французами ничего пока нет. Он не понимает, что мы не можем свою дипломатию подчинить одним отношениям с Германией». Литвинов «самовлюбленный и уверенный в своем “величии”», но это бог с ним, главное в его ошибке по существу»³. Каганович вел нечестную игру, грубо упрощая позицию Литвинова, что, несомненно, должен был понимать Сталин. 15 сентября Литвинов вернулся к этой теме, принеся подробные документы, с помощью которых пытался показать, что НКВД не знает, к каким хитростям прибегает Польша. Польское правительство враждебно относилось к СССР и имело территориальные притязания в БССР и на Украине. Больше всего Польша хотела бы,

¹ И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. 7 сентября 1931 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 89.

² Л. М. Каганович — И. В. Сталину. 11 сентября 1931 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 90—97.

³ Л. М. Каганович — И. В. Сталину. 16 сентября 1931 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 105—108.

чтобы Рапалльский договор был расторгнут, а она сама могла бы договориться с Германией. Это было верным решением осенью 1931 года. Литвинов дальше продолжал отстаивать свою точку зрения перед Сталиным. Идея Польши состояла в том, чтобы заставить Германию сблизиться с Францией и Польшей, оставив СССР в изоляции.

Германия была единственной страной, с которой у СССР были приемлемые отношения, утверждал уже не первый раз Литвинов. Италия была ненадежна, а если консерваторы вернутся к власти в Великобритании, то уже не будет никакой надежды на сближение с Лондоном. Единственное, что было у СССР, — это Германия, и терять ее без гарантированной выгоды в другом месте было немыслимо. Дискуссии, наверно, шли очень жаркие. По словам Кагановича, Литвинов сказал: «Я лучше знаю, а ты здесь ничего не знаешь». С учетом отсутствия Сталина это было вполне возможно и объясняло, почему Каганович обвинил Литвинова в «нарциссизме». 20 сентября 1931 года на заседании Политбюро под давлением Сталина отвергло аргументы Литвинова и велело НКВД выдвинуть предложения по заключению пакта о ненападении с Польшей. В своем докладе Сталину Каганович подчеркнул (в этот раз без грубых комментариев), что Литвинов стоит на своем¹.

Переговоры в Париже

Осенью 1931 года Политбюро дважды обсуждало польский вопрос. После долгих совещаний и дипломатических движений Франции в Москве начались переговоры с польским послом Патеком на тему пакта о ненападении². Как и предсказывал Литвинов, время шло, а результата не было. Франко-советские переговоры тоже ни к чему не привели и были приостановлены в октябре 1931 года, хотя в этом не было вины НКВД или наркома. Прогресс был невозможен из-за политического несогласия и нестабильности во Франции. Си-

¹ Л. М. Каганович — И. В. Сталину. 21 сентября 1931 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 113—115; Резолюция Политбюро № 63. 20 сентября 1931 г. // Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928—1934: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 2000. С. 258—266.

² Резолюция Политбюро № 68. 10 окт. 1931 г.; Резолюция Политбюро № 76. 20 ноября 1931 г. // Там же. Ч. 1. С. 268—272, 274—276.

туация изменилась весной 1932 года в связи с новыми парламентскими выборами. Советские дипломаты решили, что теперь пришло подходящее время для попытки улучшить отношения. К сожалению, Кабинету министров Франции не хватило мужества. Об этом советской стороне рассказал чиновник французского МИД. По его словам, министр, ответственный за торговые переговоры, испугался постоянных нападок правых.

Довгалеvский объяснил, что министр торговли оказался между двух огней: между теми, кто выступал за торговлю с СССР, и теми, кто был против. Он очень переживал из-за нападок прессы, главным образом, потому что не хотел, чтобы журналисты начали копать в его прошлом¹. Так часто было во Франции в межвоенные годы. Постоянно разгорались скандалы, от которых простые люди получали извращенное удовольствие: им нравилось, как сбивали спесь с больших шишек.

На этом советские проблемы во Франции не заканчивались. Правительства менялись с головокружительной скоростью. На тот момент председателем Совета министров был бывший социалист Лаваль. Он напомнил Довгалеvскому о том, как он не любит Коминтерн и о том, как Коминтерн поддерживает Французскую коммунистическую партию. «Москва тогда и сейчас финансировала революции и забастовки», — прокомментировал Лаваль. Довгалеvский возразил, отметив, что его правительство не имеет ничего общего с Коминтерном. «К сожалению, — ответил Лаваль, — эта граница, которую вы нарисовали, не такая уж и четкая».

Это была старая жалоба, и Литвинов ранее уже объяснил Довгалеvскому, как на нее реагировать.

«Мы, конечно, решительно отрицаем какую бы то ни было финансовую связь между правительством и иностранными компартиями, но нельзя все-таки отрицать факта получения компартиями денег из Москвы. Мы всегда дело разъясняем таким образом, что компартии платят определенное отчисление Коминтерну, а т[ак] к[ак] ВКП является самой многочисленной партией, то ее отчисления, конечно,

¹ Запись беседы Уполномоченного Правительства СССР по переговорам о кредитах и кредитах [В. И. Межлаук]... с [Робером] Кулондром. 16 октября 1931 г. // ДВП. Т. XIV. С. 573—581; В. С. Довгалеvский — М. М. Литвинову. 12 октября 1931 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 15. П. 149. Д. 668. Л. 127—126; В. С. Довгалеvский — в Наркомат иностранных дел (далее — НКВД). 25 января 1932 г. // ДВП. Т. XV. С. 55—57.

составляют существенную часть Коминтерновского фонда, который распределяется между другими партиями. Таким образом, мы отнюдь не отрицаем, что Коминтерн из Москвы посылает деньги Французской компартии, но настаиваем на том, что эти деньги не идут от правительства или от правительственных органов или через посредство этих органов. Вы не могли полностью отрицать получение компартией денег из Москвы уже потому, что Вы этого не можете знать»¹.

Это было лицемерием, и понятно, почему Лаваль был прав. Но Литвинов не мог закрыть Коминтерн, так же как не мог контролировать риторику большевиков в Москве, хотя пытался. Нарком надеялся, что его западные собеседники прислушаются к тому, что он и его послы говорят в личных беседах, и не примут во внимание то, что большевистские «ораторы» высказывают публично. Но для Запада это было сложно.

НКИД хотел надавить на Францию и заставить ее подписать франко-советский пакт о ненападении, но не знал, как это сделать. Литвинов пытался использовать Андре Тардьё, который в период с ноября 1929 года по май 1932 года делил пост председателя Совета министров с Лавалем. Тардьё был традиционным французским правым националистом. Он враждебно относился к Германии и к СССР. В марте 1932 года Литвинов пожаловался ему, что прошло уже девять месяцев, а французское правительство до сих пор отказывается подписывать пакт. Тардьё пожал плечами и пошутил на тему задержки. Тогда Литвинов пожаловался на отсутствие прогресса в торговых переговорах, но Тардьё не понимал, почему Франция должна торговать с СССР и помогать ему (по словам советской прессы) добиться «превосходства над капиталистическим миром». Тардьё перечислил жалобы французов на советское правительство: Рапальский договор с Германией, неоплаченные долги, деятельность Коминтерна во французских колониях, французская коммунистическая партия. Тогда в ответ Литвинов перечислил жалобы СССР: злобная «буржуазная» пресса и вражеская деятельность белых эмигрантов во Франции. Что касается Коминтерна, Литвинов ответил в том же духе, в каком он предлагал отвечать Довгалеvскому, только частично убрав из своей речи ложь, так как Тардьё никогда бы на нее не купился.

¹ Запись беседы В. С. Довгалеvского с П. Лавалем. 28 января 1932 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 16. П. 154. Д. 730. Л. 15–13; М. М. Литвинов — В. С. Довгалеvскому. 7 февраля 1930 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 14. П. 139. Д. 584. Л. 3–2.

Но что важнее, Литвинов изложил ключевой аргумент за улучшение отношений. Простой политический прагматизм: у правительства СССР нет крупных конфликтов с Францией. «Мы ищем сотрудничества с другими странами и берем это сотрудничество, где его находим. Мы свободны от всяких национальных предрассудков и хотели бы иметь дружественные отношения с Францией, и не наша вина, если этого до сих пор не было», — писал Литвинов. В период действия Рапалльского договора и длительное время после «мы были одиноки и изолированы, и мы были бы идиотами, если бы отказались от сотрудничества, на которое соглашалась тогда одна только Германия. Любое правительство на нашем месте поступало бы точно так же». Хотя у СССР и Франции были разные политические системы, они все равно могли бы торговать на взаимовыгодных условиях. Тардье вел себя очень дружелюбно, писал Литвинов, и сказал, что все обдумает¹. Наверняка он так и сделал, но его размышления не принесли пользы, так как в мае 1932 года правительство снова поменялось.

Весной 1932 года после выборов в парламент французское правительство слегка сдвинулось налево, и к власти вернулся политик-центрист Эдуард Эррио. Он стал председателем Совета министров и министром иностранных дел. Тем не менее расклад сил менялся: Тардье больше не руководил правительством. Пуанкаре, Бриан и Бертло ушли с политической арены. В конце 1934 года они все были мертвы. Эррио держался за свою «идею фикс» (как он сам ее называл), связанную с франко-советскими отношениями. Он хотел в том или ином виде восстановить франко-советский альянс против Германии, который существовал до Первой мировой войны. В 1924 году первое правительство Эррио восстановило дипломатические отношения с СССР. Он считал, что Германия ставит под угрозу существование Франции, а растущая мощь нацизма в Германии только укрепляла это убеждение. Весной 1932 года Гитлер занял второе место на президентских выборах. Эррио же боялся возрождения Германии еще в 1922 году, задолго до того, как нацисты стали опасными. «Через 15 лет Германия снова на нас нападет», — говорил он в то время, и не так уж ошибся: всего лишь на три года.

¹ Н. Н. Крестинский — В. С. Довгалевскому. 9 февраля 1932 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 16. П. 154. Д. 720. Л. 5—4; М. М. Литвинов — В. С. Довгалевскому. 17 марта 1932 г. // Там же. Л. 13—18.

Кто главный враг?

В 1930-х годах часто звучал вопрос: «Кто главный враг: нацистская Германия или СССР?» Эррио легко бы на него ответил. Но проще сказать, чем сделать — сподвигнуть правительство на сближение с Москвой никак не удавалось. Эррио признался Довгалевскому, что он не доверяет враждебно настроенным работникам французского МИД¹. Советские дипломаты им тоже не доверяли. Они также не были уверены, что Эррио серьезно настроен подписать пакт о ненападении и торговое соглашение. Как говорил замнаркома Николай Николаевич Крестинский, Эррио по-разному вел себя с советскими дипломатами, и им не стоит полагаться на «большое дружелюбие», но все же пусть лучше будет Эррио, чем Тардье².

Крестинский, наверно, подумал бы, что его скептицизм оправдался, если бы знал, что Эррио в середине июня встречался в Лозанне с немецким канцлером Францем фон Папеном. Папен предложил антисоветский франко-германский блок. НКВД в итоге узнал о предложениях Папена. Эррио от них отмахнулся, они в любом случае были просто уловкой, но Москву беспокоила политика Германии. В ноябре Литвинов потребовал объяснений у немецкого посла в Москве Герберта фон Дирксена. «Широкая общественность, — сказал Литвинов, — читала в газетах об известных предложениях, сделанных им Эррио, она, вероятно, сохраняет некоторый скептицизм касательно советско-германских отношений». Посол ответил, что эти «так называемые предложения» французам были отвергнуты. По форме, а не по существу, возразил Литвинов, добавив, что Германия не должна обижаться на то, что Франция «информировала нас о недружелюбных нам предложениях, исходящих от немцев».

В декабре Литвинов узнал от итальянского посла в Москве, что Папен снова изложил свои предложения Бертло в Париже, но теперь в более конкретной форме³. Европейская политика всегда была та-

¹ В. С. Довгалевский — в НКВД. 26 июля 1932 г. // ДВП. Т. XV. С. 440–441.

² Н. Н. Крестинский — В. С. Довгалевскому. 10 июня 1932 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 16. П. 154. Д. 720. Л. 23.

³ Выдержка из дневника М. М. Литвинова. Встреча с Г. фон Дирксеном. 9 ноября 1932 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 12. П. 81. Д. 3. Л. 42–5; Дневник М. М. Литвинова. Встреча с Б. Аттолико. 9 декабря 1932 г. // Там же. Л. 10–14.

кой: с двойным дном и с ножами наготове, чтобы воткнуть друг другу в спину. В 1930-х годах это называлось дипломатией. Германия волновала не только Литвинова. Верные помощники Сталина — Молотов и Каганович — также были обеспокоены растущим уровнем нацистского насилия и хулиганства среди профсоюзов и рабочих организаций. Они предложили (и Сталин одобрил) создать единый фронт рабочих организаций под управлением коммунистов, чтобы оказывать сопротивление нацистам¹. Это было в июле 1932 года. Информацию передали исполнительному комитету Коминтерна. Сталин, наверно, подумал, а почему бы нам не дать пару советов немецким коммунистам?

Из-за событий в Германии Литвинову все больше не терпелось подписать пакт о ненападении с Францией. И тут вдруг объявился Анатолий де Монзи, который возглавлял делегацию на переговорах с СССР в 1930-х годах — легок на помине! Монзи был политиком с большим самолюбием и не всегда сходил с советской стороной. Он обвинял полпреда Довгалева в том, что тот его избегает. Но это неправда, пояснял Довгалева Крестинскому, однако: «Наши отношения почти оборвались, ибо меня претило от развязного и поучительного тона этого господина, который позволял себе разные выпады и нелестные эпитеты против Чичерина, Вас и других лиц»². Как и он, в 1930-х годах Монзи иногда привлекал внимание советских дипломатов. Он говорил высококомпетентному временному поверенному в Париже Марселю Израилевичу Розенбергу о том, что франко-советское сближение крайне необходимо из-за «немецкой опасности»³. Так же считал и Эррио.

В конце ноября 1932 года наконец был подписан пакт о ненападении, как раз незадолго до падения правительства Эррио. В межвоенное время правительство в Париже быстро менялось. Полгода Эррио не были рекордом, но это было неплохо для 1930-х годов. В январе 1933 года его последователь, социалист Жозеф Поль-Бонкур, работавший как в Социалистической партии, так и за ее преде-

¹ Л. М. Каганович, В. М. Молотов — И. В. Сталину. 21 июля 1932 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 236–237.

² В. С. Довгалева — Н. Н. Крестинскому. 1 июня 1931 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 15. П. 148. Д. 661. Л. 55–53.

³ М. И. Розенберг — в НКВД. 4 сентября 1932 г. // ДВП. Т. XV. С. 505.

лами, продержался всего полтора месяца. Историкам приходится записывать тех, кто был у власти во Франции в межвоенные годы. Говорили, что Поль-Бонкур также торопился укрепить франко-советские отношения. Это было правдой. Довгалеvский волновался из-за ратификации пакта, но Поль-Бонкур оставался министром иностранных дел при следующем правительстве, которое возглавлял радикальный политик Эдуард Даладье, поэтому Москва могла немного расслабиться¹.

Жозеф Поль-Бонкур

Жозеф Поль-Бонкур родился в Сент-Эньян (департамент Луар и Шер) в 1873 году. Его отец Луи был врачом, и Жозеф, как и многие представители его класса и поколения, окончил юридический факультет Парижского университета. Во время Первой мировой войны он участвовал в рабочем движении, то есть примкнул к левым, но не к самым крайним. В первый раз Жозеф стал министром в 1911 году, затем в 1932 году был военным министром в кабинете Эррио, а затем сам стал председателем Совета министров. В 1930-х годах Поль-Бонкур был привлекательным мужчиной, таким лихим парнем невысокого роста с прекрасными длинными седыми кудрями. Его современники говорили, что он ничего не смыслил в работе, хорошо говорил, но мало делал. Однако в советских делах он разбирался и читал телеграммы из посольства в Москву без сводных отчетов. Он хорошо ладил с Довгалеvским и Литвиновым и продолжил политику Эррио, направленную на сближение Франции и СССР. На самом деле Поль-Бонкур пошел даже дальше. Он активнее настаивал на улучшении отношений с СССР. Он пытался с переменным успехом контролировать «клерков» французского МИД, которые полагали, что министры — это просто случайные прохожие, а всю политику на самом деле определяют они сами. Иногда он навлекал на себя гнев и презрение сотрудников Министерства иностранных дел, которые не хотели сближения Франции и СССР. Вообще критику со стороны МИД Франции стоило бы считать (и иногда так и делали) знаком почета.

¹ В. С. Довгалеvский — Н. Н. Крестинскому. 27 января 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 22–23; Н. Н. Крестинский — В. С. Довгалеvскому. 4 февраля 1933 г. // Там же. Л. 28.

Литвинову не терпелось ратифицировать пакт о ненападении. «Придаю большое значение скорейшей ратификации пакта, — писал он Довгалеvскому, — и мне кажется, что можно было бы осторожно подталкивать Бонкура на проведение ратификации упрощенным способом без Палаты. Иначе неизбежны затяжки, а, возможно, и провал»¹. В политике Франции никто никогда не знал, что будет дальше. Сегодня у французского правительства одна политика, а завтра совсем другая, говорил Литвинов французскому послу Дежану. «Советско-французское сближение является выражением политики партий, стоящих ныне у власти во Франции, — снова заявил он, — и что нельзя ручаться за продолжение той же политики в случае прихода к власти правых партий»². В середине мая 1933 года Национальная ассамблея проголосовала за одобрение пакта о ненападении (технически за обмен инструментами ратификации). Эррио был тогда председателем Комитета по иностранным делам Палаты депутатов. Во время дебатов он напомнил о союзе французского короля-католика Франциска I и османского султана Сулеймана Великолепного, заключенном в XVI веке против общего врага — Габсбурга. Это был такой элегантный способ проиллюстрировать принцип «враг моего врага — мой друг». В Палате депутатов 554 человека поддержали пакт, 41 воздержался и только один проголосовал против — это был Тардьё³. Он вполне заслуженно славился своим упрямством. Литвинов не держал на него зла. Слабым моментом в сближении с Францией всегда было будущее этих отношений: если к власти придут правые, то на этом все закончится? «Я рекомендовал бы, — писал Литвинов советскому поверенному в Париже, — используя нынешние настроения, укреплять связи с Тардьё и его политическими единомышленниками и вообще с правыми партиями»⁴.

¹ М. М. Литвинов — В. С. Довгалеvскому. 14 января 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 90. Д. 11. Л. 5—7.

² Дневник М. М. Литвинова. Встреча с Ф. Дежаном. 10 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 89. Д. 4. Л. 72—73.

³ *Duroselle J.-B. La Décadence, 1932—1939/ 3rd ed. Paris: Imprimerie nationale, 1985. P. 75.*

⁴ М. М. Литвинов — М. И. Розенбергу. 19 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 64. Л. 5.

Важность Польши

Работая над улучшением отношений с Францией, НКВД не забывал об отношениях с Польшей. На самом деле эти два вопроса были связаны друг с другом. Сближение с Францией шло рука об руку со сближением с Польшей. Если в 1931 году Сталин в переписке с Молотовым и Кагановичем постоянно упоминал Польшу, то в 1932 году она в ней почти не встречалась. Это значит лишь то, что Сталин был доволен тем, как НКВД работал с польским вопросом. Литвинов всегда предпочитал хорошие отношения с западными соседями, и Польша не была исключением. 25 июля 1932 года был подписан пакт о ненападении, но о нем так и не упомянули Сталин, Молотов и Каганович в Москве.

В начале 1933 года улучшились отношения не только с Францией, но и с Польшей. Или во всяком случае так казалось. В конце января Гитлер стал канцлером Германии. Это привлекло общественное внимание. Несмотря на это, в отношениях с Польшей наблюдались взлеты и падения в зависимости от отношений Польши с Францией и Германией. Когда между Польшей и Германией появлялось напряжение, то Польша начинала больше интересоваться СССР¹. Борис Спиридонович Стомоняков, член коллегии НКВД, отмечал этот момент в беседе с Владимиром Александровичем Антоновым-Овсеенко, полпредом в Варшаве. «Торжество Гитлера в Германии и прогрессирующая офензива² ревизионистских элементов в Европе продолжают усиливать настроение за сближение с нами в Польше и вызывают со стороны поль[ского] пра[вительства] стремление преувеличивать перед внешним миром улучшение отношений с СССР». Это была системная пропаганда, распространяющая неверные слухи из польских источников о дальнейшем советско-польском соглашении для «единого фронта... против Гитлера». Ничего страшного, считал Стомоняков: НКВД нет никакого резона разоблачать эти преувеличения, так как они могут оказать «весьма полезное влияние на политику герм[анского] пра[вительства]». Советские дипломаты были такими же скрытными и искусными, как и западные. Стомоняков проин-

¹ Ken O. N. Collective Security or Isolation? Soviet Foreign Policy and Poland, 1930–1935. St. Petersburg, 1996. P. 53–82.

² Наступательная тактика и стратегия; наступление в войне. — *Примеч. ред.*

структурировал Антонова-Овсенко на тему того, что ему необходимо выяснить, так как это была возможность разрушить стену изоляции вокруг советского посольства. Нужно было поговорить с представителями как левых, так и правых, и понять, что происходит¹.

Конечно, в НКВД понимали, что польское правительство пытается заинтересовать Берлин улучшением отношений с Польшей. И вправду, в апреле 1933 года маршал Пилсудский, глава государства, и министр иностранных дел Юзеф Бек уже прошупывали почву, пытаясь узнать у немецких властей, существует ли возможность «стабилизации отношений»². Польша вела двойную игру, но тем же самым занимались НКВД и Франция. И все же Стомоняков был доволен прогрессом. Из-за политики Гитлера польское правительство пыталось укрепить связи с Францией и Малой Антантой, состоявшей из союзников Франции: Чехословакии, Румынии и Югославии.

Тогда Стомоняков сказал следующее: «Если еще несколько месяцев тому назад во Франции были еще иллюзии относительно возможностей договориться с Германией, уступить ей в вопросах вооружения и пожертвовать некоторыми интересами своих союзников, то теперь, благодаря политике Гитлера, эти иллюзии исчезли, и мы имеем фактически единый фронт от крайне правых до социалистов включительно». Эти изменения отвечали интересам СССР, продолжал он: «Мы поэтому решили по всем текущим вопросам наших отношений, где это только допускается нашими интересами, идти навстречу польским предложениям и стремиться не только укрепить наши отношения с Польшей, но также манифестировать перед внешним миром их улучшение»³.

Борис Спиридонович Стомоняков

Вскоре после реорганизации НКВД в 1934 году Бориса Спиридоновича Стомонякова повысили в должности до замнаркома. Он отвечал за дела в Польше и Прибалтике. Это были крайне важные регионы для европейской коллективной безопасности и взаимопомо-

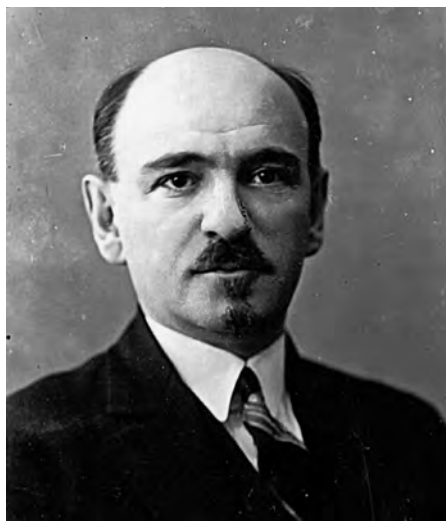
¹ Б. С. Стомоняков — В. А. Антонову-Овсенко. 4 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 48. Л. 4—6.

² Ken O. N. Collective Security or Isolation? P. 64.

³ Б. С. Стомоняков — В. А. Антонову-Овсенко. 19 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 48. Л. 7—11.

**Борис Спиридонович Стомоняков,
1930-е годы. АВПРФ (Москва)**

ши. Стомоняков родился в 1882 году в Одессе — портовом городе на берегу Черного моря. Его родители были болгарами. Его отец Спиридон Иванов являлся купцом. Мы мало знаем о родителях Стомонякова, однако нам известно, что в период с 1900 по 1904 год у его отца хватило денег отправить сына учиться в Санкт-Петербургский горный институт. Стомонякова часто называют болгарским подданным, но он родился в Одессе. Болгарский паспорт у него был только благодаря национальности отца.

Болгарский паспорт у него был только благодаря национальности отца.

Когда Стомонякову исполнилось 18 лет, он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Это был обычный путь революционера. В 1905 году он находился в Бельгии, откуда переправлял оружие в Россию. Вернулся в 1906 году и был арестован, но ненадолго. В период затишья и репрессий, которые начались после 1905 года, Стомоняков не участвовал в революционном движении. В 1912 году он переехал в Болгарию, возможно, по семейным причинам. Его отец умер там же в следующем году. В результате Борис Спиридонович пошел служить в болгарскую армию и принимал участие в войне с Россией в октябре 1915 года. В 1917 году он отправился в Москву, а в 1921 году поехал в Берлин в качестве советского торгового представителя. Он участвовал в торговых переговорах с Веймарской Германией в 1920-х годах.

На фотографиях мы видим Стомонякова в костюме с галстуком, с усами и бакенбардами и частично лысого. У него довольно доброжелательный взгляд, и он похож на советского купца, кем, собственно, он и был. Мы мало знаем о личной жизни Стомонякова, но можно предположить, что он был импульсивным волевым человеком. В 1928 году он жаловался напрямую Сталину на то, что Политбюро слишком торопится подписать новое торговое соглашение с Берлином. Мы слишком на многое соглашаемся, писал он. По сути, Стомоняков критиковал политические рекомендации НКВД, то есть

противоречил Литвинову. Он был настолько недоволен, что попросил назначить его на другую должность. В то время он уже был членом коллегии НКВД, исполнительного комитета комиссариата, до тех пор, пока его не упразднили в 1934 году в ходе реорганизации правительства. Говорят, что позднее он уже хорошо ладил с Литвиновым.

Сближение Польши и СССР

Стомоняков хорошо выполнял свою работу и держал под жестким контролем советскую политику в Польше. В своих депешах полпреду Антонову-Овсеенко он четко выражал намерения СССР. Весной 1933 года появилась небольшая надежда, что Польша захочет улучшить отношения с СССР. Карл Радек, старый большевик и журналист «Известий», докладывал о своем разговоре с Богуславом Медзиньским, который возглавлял «Газету Польску» — полуофициальное издание в Варшаве. Медзиньский был связующим звеном и действовал неофициально, обсуждая с Радеком «чувствительные вопросы», которые пока что не «созрели» для официальных дипломатических переговоров. Он был близок к главным пилсудчикам, сражался на стороне Пилсудского во время войны и помогал неофициально решать вопросы, которые возникали у советской стороны. О беспокойстве СССР было доложено всем основным польским лидерам, а не только министру иностранных дел Беку. Переговоры между двумя журналистами велись более открыто, чем между дипломатами на официальных встречах. Как писал Медзиньский, польское руководство «убеждено, что Германия идет к войне с ними [поляками. — *Ред.*], но сама не хочет форсировать события». Также оно не думало, что СССР стремится к ослаблению Польши по сравнению с Германией. Польша «не намерена быть орудием чужих интересов против нас [СССР]». Как сообщил Радек, Медзиньский был убежден, что Германия постарается «создать осложнения между нами и Польшей, усиливая в Румынии направленные против СССР тенденции». По словам Медзиньского, следующим шагом Германии должна стать Прибалтика. Прибалтийских фермеров могут привлечь более высокие цены на сельскохозяйственную продукцию, которые появятся благодаря таможенному союзу, а правительство Великобритании может поддержать расширение Германии в этом направлении. За счет него получится подготовить плацдарм для нападения

на Ленинград. Польша не хотела, чтобы Германия оказалась в Прибалтике, и тут интересы СССР и Польши совпадали. Медзиньский таким образом предлагал облегчить их сближение¹. В первых попытках противостоять гитлеровской Германии снова возникло двойное дно, и многие люди были вовлечены в этот процесс открыто или тайно. Читатели пока не знают их имен, но это ненадолго. Многие герои этого повествования станут нашими хорошими друзьями по мере того, как мы будем продвигаться по 1930-м годам.

Будет ли Польша придерживаться этой совершенно новой линии? А Франция? Был ли советский анализ «объединенного фронта» преждевременным? Через две недели Стомоняков удивился: польское правительство прибегло к «известной сдержанности» в отношении сближения «как в больших, так и в малых делах»². По мере снижения напряжения между Польшей и нацистской Германией Польша все меньше интересовалась сближением с СССР. 1 мая Пилсудский встретился с Антоновым-Овсеенко, но ограничился дружеской болтовней³. Стомоняков полагал, что четко все понял: «Содержание разговора с Вами Пилсудского подтверждает наши предположения, что, приглашая Вас, Пилсудский имел ввиду не дальнейшее развитие польско-советских отношений, а исключительно эффект в других странах, особенно в Германии». Но ничего страшного, отмечал он, мы занимаемся тем же самым. Пусть Германия будет озабочена «перспективами дальнейшего сближения СССР с Польшей и Францией». Обе страны могут вести двойную игру. Как полагал Стомоняков, польская политика основывалась на отсутствии уверенности в силе англо-французского «антигитлеровского» настроения⁴. Литвинова это тоже беспокоило.

¹ Запись беседы с редактором «Польской газеты» Б. Медзиньским. 4 мая 1933 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 790. Л. 20—1, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах (комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов). URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 21.11.2023).

² Б. С. Стомоняков — В. А. Антонову-Овсеенко. 4 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 48. Л. 12—15.

³ Ken O. N. Collective Security or Isolation? P. 65.

⁴ Б. С. Стомоняков — В. А. Антонову-Овсеенко. 19 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 48. Л. 16—20.

ГЛАВА II

КРУТОЙ ПОДЪЕМ: БОРЬБА СССР ЗА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ США. 1930–1933 ГОДЫ

В США политика по отношению к СССР менялась медленнее, чем в Европе. В 1920-х годах республиканская администрация отказалась пойти на дипломатическое признание СССР, но тем не менее разрешила торговлю, которая шла с переменным успехом. Во время президентства Герберта Гувера политика оставалась неизменной. Торговые отношения улучшались, но из-за этого предприниматели переставали давить на правительство и требовать признать СССР. Как и во Франции, в США каждый раз, когда пресса решала осветить вопрос признания, она начинала антикоммунистическую пропаганду. В 1930 году «Дейли ньюс» и другие нью-йоркские газеты опубликовали ряд фальшивых документов и обвинили сотрудников «Амторг трейдинг корпорейшн», советского торгового представительства в США, в поддержании связей с революционными организациями и распространении революционной пропаганды. Литвинов назвал это антикоммунистическим «крестовым походом»¹. Использование поддельных документов было испытанным методом антикоммунистической пропаганды, который дал удивительные результаты в ходе предвыборной кампании в Великобритании в 1924 году. В октябре 1924 года было опубликовано так называемое письмо Зиновьева,

¹ П. А. Богданов — А. И. Микояну. 2 мая 1930 г. // Москва — Вашингтон: Политика и дипломатия Кремля, 1921–1941. Сб. документов: в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2009. Т. II: 1927–1932. С. 227–228; М. М. Литвинов — И. В. Сталину (включая вложения). 18 мая 1930 г. // Советско-американские отношения (далее — САО). Годы непризнания, 1927–1933. М., 2002. С. 282–288.

из-за чего проиграло оказавшееся в меньшинстве лейбористское правительство. Не обошлось тут без поддержки службы британской разведки и Консервативной партии. Методы, работавшие в Великобритании и Франции, работали и в США, где процветал антикоммунизм. Поддельные документы были важным оружием в борьбе с Советским государством.

Комитет Фиша

В Палате представителей Гамильтон Фиш, ярый республиканец-антикоммунист, организовал Комитет для расследования коммунистической деятельности в США. Неофициальный представитель СССР в Вашингтоне Борис Евсеевич Сквирский отправил в Москву подробный отчет о дебатах в Палате представителей на тему формирования этого комитета.

Большинство присутствующих конгрессменов (видимо, их было немного) поддержали это решение. Сквирский упомянул об одном исключении — о конгрессмене, который назвал создание такого комитета «охотой на ведьм». Он добавил, что с учетом экономического кризиса Палате следует больше внимания уделять безработице, а не пытаться отвлечь общественность от реальных проблем. Стоит упомянуть имя этого конгрессмена — Кристиан Уильям Рамсейер, республиканец из Огайо. Нужна была смелость, чтобы противостоять антикоммунистам¹.

По словам Сквирского, американское правительство ожидало, что экономический кризис пойдет на спад, но оптимистические прогнозы не оправдались. По всему было видно, что становится только хуже. Из-за плохой экономической ситуации происходили нападки на любой конкурирующий импорт. Как отмечал Сквирский, СССР продавал США пиломатериалы, уголь и спички, но этот импорт был невелик на американском рынке «астрономических цифр» и составлял всего 12 млн долларов в год. Но тем не менее для нынешнего кризиса СССР был подходящей мишенью, позволявшей сформировать общественное мнение. Политики преувеличивали значимость советской торговли, преследуя свои политические цели. Точно так же поступали враги СССР в Американской федерации

¹ Б. Е. Сквирский — М. М. Литвинову. 29 мая 1930 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 288–292.

труда (АФТ), которые «защищали интересы рабочих», якобы лишившихся своих мест из-за советского импорта. В таких обстоятельствах сгодится любой инструмент: главным образом использовались обвинения в демпинге и применении каторжного или принудительного труда. Сквирский очень подробно объяснил, что делал «Амторг», чтобы защитить свои коммерческие интересы. Если американские производители хотели продавать свои товары СССР, тогда логично предположить, что и советские представительства также хотели бы торговать на американском рынке¹. Но антикоммунистическая паника была настолько сильна, что часто никто не принимал во внимание вред деловым интересам США.

В конце июля 1930 года конгрессмен Фиш вызвал Петра Алексеевича Богданова, главу «Амторга» в Нью-Йорке, и потребовал, чтобы он выступил перед Комитетом Фиша, а затем вызвал Сквирского. Действия Богданова застали Политбюро врасплох, и оно затребовало более подробную информацию о его показаниях. Анастас Иванович Микоян, комиссар внешней торговли и начальник Богданова, пришел в негодование и потребовал выяснить, почему Петр Алексеевич добровольно пошел давать показания перед Комитетом². Коммуникация между Москвой и нью-йоркским офисом «Амторга» резко ухудшилась, и это был не первый случай в советско-американских отношениях.

Богданов защищался, как мог. Его допрос длился три дня и одиннадцать часов. Атмосфера была враждебной, и он с трудом прочел подготовленное заявление. Как утверждал Богданов, требование «отвечать односложно “да”, “нет”, “не знаю” затрудняло выяснение дела». Из-за его отказа отвечать Комитет пригрозил, что его посадят в тюрьму. Присутствующий на допросе «белогвардеец» (а на самом деле автор поддельного документа) подсказывал вопросы члену Комитета. Все было заранее спланировано. Комитет затребовал копии всех зашифрованных телеграмм, которые «Амторг» отправлял в Москву, по крайней мере за последние две недели. Конечно, это было неприемлемо. Богданов попросил сказать, что ему делать, хотя, наверно, стоило озаботиться этим вопросом до того, как он отправился

¹ Б. Е. Сквирский — М. М. Литвинову. 10 июля 1930 г. // САО. Годы неприятия, 1927—1933. С. 303—309.

² Резолюция Политбюро № П2/5-с. 25 июля 1930 г.; А. И. Микоян — П. А. Богданову. 25 июля 1930 г. // Москва — Вашингтон. Т. II: 1927—1932. С. 261.

в Комитет Фиша. «Лично полагал бы, — писал он, — отказать [предоставить телеграмму. — М. К.]... вплоть до тюрьмы»¹. Это был настоящий цирк.

У Литвинова, Богданова, «Амторга» и СССР не было четкого понимания происходящего. Литвинов пытался понять, почему Богданов не отказался отвечать на «политические» вопросы, которые не имели отношения к «Амторгу». Он выяснял у Сквирского, почему Петр Алексеевич поддался на «провокации» Комитета Фиша? Сквирский объяснил, что у Богданова просто не было выбора. Когда он отказывался отвечать на неподходящие вопросы, члены Комитета обвиняли его в неповиновении и угрожали тюремным заключением. Богданов также пытался «лабиринтировать» в ответах и отговариваться незнанием. Когда он пытался «лабиринтировать», члены Комитета «грубо» требовали отвечать «да» или «нет». Такая травля и злоупотребление властью привели Москву в бешенство. Микоян подтвердил, что Богданов ни при каких обстоятельствах не должен передавать Комитету зашифрованные телеграммы, а кроме того, Политбюро запретило ему делать дальнейшие публичные заявления без согласования с Москвой². Богданов попал в ловушку. Комитет Фиша запугал его, вызвав критику со стороны советских коллег в США и в НКВД. Бедняга Богданов отправил телеграмму Микояну, в которой сообщил, что он в отчаянии и ему нужен отпуск³.

Как утверждал Сквирский, Комитет Фиша ожидал, что телеграфная компания «Вестерн Юнион» передаст ему зашифрованные телеграммы, отправленные из Москвы в «Амторг» и обратно, и надеялся, что специалисты по дешифровке смогут их расшифровать. Поскольку даже британским дешифровщикам не всегда удавалось расшифровать советские телеграммы, вряд ли Политбюро сильно переживало из-за этих «специалистов». Комитет «показал те силы, которые ведут систематическую враждебную кампанию против СССР

¹ П. А. Богданов — А. И. Микояну. 25 июля 1930 г. // Москва — Вашингтон. Т. II. С. 262.

² См.: М. М. Литвинов — Б. Е. Сквирскому. 26 июля 1930 г.; Б. Е. Сквирский — в НКВД. 27 июля 1930 г.; А. И. Микоян — П. А. Богданову. 28 июля 1930 г.; Резолюция Политбюро ПЗ/38. 30 июля 1930 г. // Там же. С. 263—265.

³ Н. Н. Крестинский — В. М. Молотову. 30 июля 1930 г.; И. В. Косиор и М. И. Калманович — А. И. Микояну. 1 августа 1930 г.; П. А. Богданов — А. И. Микояну. 7 августа 1930 г. // Там же. С. 276—281, 284—285.

и “Амторга”; — это все те же лидеры [Американской] федерации труда, патриотических организаций и католики. К ним примкнули политики, пытающиеся “политически” заработать на борьбе с “красной опасностью”. Среди этих политиков имеются помельче и покрупнее...» Сквирский упомянул имена некоторых политиков Нью-Йорка и добавил к ним республиканских лидеров, которым «“красная опасность” нужна, чтобы отвлечь внимание избирателей от экономического кризиса и безработицы накануне ноябрьских выборов, когда переизбираются треть Сената и вся Палата представителей». Сквирский более подробно рассказал о различных экономических интересах и о тех, кто ищет поддержки сенаторов и конгрессменов. Руководство АФТ наслушалось этих криков о помощи и объявило «торговую войну» СССР. Комитет Фиша поддержал это движение, «забыв на время о коммунизме и занявшись исследованием Союза в качестве ведущего экономического конкурента». Сквирский также более подробно рассказал о показаниях Богданова и грязных приемах, которые применялись по отношению к нему: так, например, Комитет пользовался тем, что Богданов не понимал английский язык. Фиш и его люди не останавливались ни перед чем. Эти обстоятельства вызвали раздражение администрации Гувера и важных экономических групп, которые вели дела с СССР. Как сказал Сквирский, Комитет Фиша критиковали даже отдельные представители прессы — за то, что он сконцентрировал все силы на разрыве советско-американской торговли¹. Тут снова проявился старый конфликт между идеологами и предпринимателями, которые хотели заключать контракты с СССР, а также стало понятно, как трудно работать с США без дипломатического признания. Подобный оскорбительный допрос пришелся не по душе даже таким структурам, как Государственный департамент или Министерство торговли, и они встали на защиту торговых отношений СССР и США.

Дело Дельгаса

Летом 1930 года у Богданова были и другие проблемы. Один из его подчиненных Василий Васильевич Дельгас, вице-президент «Амторга» и как минимум агент ОГПУ, заявил, что хочет остаться

¹ Б. Е. Сквирский — М. М. Литвинову. 4 августа 1930 г. // САО. Годы неприятия, 1927–1933. С. 314–325.

в США. Он планировал переехать в Калифорнию и работать там инженером-консультантом по российским делам. «Прошу Вас телеграфировать в Москву, — писал Дельгас, — чтобы меня публично не расстреливали». Учитывая все проблемы Богданова, радоваться тут было нечему. Он пытался понять, почему Дельгас хочет остаться в США¹. Через 10 дней Богданов проинформировал Москву, что Василий Васильевич совершенно точно порвал все связи с СССР, собирается подавать прошение о получении американского гражданства и работать в компании, которая поставляет в СССР нефтяное оборудование. Как выяснилось, Дельгас хотел реализовать «американскую мечту». Кроме того, он вращался в «белогвардейских кругах». Богданов сообщил, что они уволят сотрудников, которые были связаны с его работой.

Чем больше Богданов погружался в это дело, тем больше неприятных новостей ему приходилось докладывать в Москву. Дельгас боялся, что, если он вернется, его обвинят во взяточничестве. Но тем не менее обещал молчать, если «Амторг» не будет его беспокоить. Он довел до всеобщего сведения, что никогда не пойдет по «пути Беседовского». Читатели помнят этого человека. Это тот самый советник посольства СССР в Париже с пистолетом, который сбежал, по слухам, прикарманив 5000 долларов. Богданов не поверил Дельгасу, подозревая, что он передавал информацию Комитету Фиша. Москва не была в этом так уверена, но считала любого «невозвращенца» врагом. Никто всерьез не принимал высказывания таких людей о том, что они не «пойдут по пути Беседовского». «Все невозвращенцы всегда становятся на путь Беседовского»².

Дело Дельгаса дошло до Политбюро, которое передало его Центральному комитету и Верховному суду СССР. Дельгаса объявили вне закона и конфисковали его имущество — это был мягкий приговор по советским стандартам. Предположение о том, что Дельгас может выступить перед Комитетом Фиша, оказалось верным. Один провал следовал за другим.

Комитет Фиша возобновил слушания осенью, и Богданов, очевидно, опасавшийся того, что его посадят в тюрьму за невыполне-

¹ П. А. Богданов — Э. А. Эшбе. 4 августа 1930 г. // Москва — Вашингтон. Т. II. С. 281—282.

² П. А. Богданов и др. — в НКВТ. 28 августа 1930 г.; Л. М. Хинчук — В. М. Молотову. 30 августа 1930 г. // Там же. С. 294—297.

ние требований Комитета, предложил Москве странный выход: перефразировать телеграммы. Это было уже слишком. Политбюро велело Богданову больше не ходить в Комитет и ни при каких обстоятельствах не передавать содержание зашифрованных телеграмм¹. Можно понять, почему Москва хотела, чтобы ее торговые представители были защищены дипломатическим статусом.

В конце ноября Сквирский отправил в Москву телеграмму, в которой сообщил, что его также вызывают повесткой в Комитет. «Увернуться мне не удастся, — писал Сквирский, — ибо меня будут разыскивать, и Фиш, кроме того, сделает “сенсацию” из моего исчезновения». Такой сенсацией уже стал Дельгас, давший показания Комитету, что доказывало правоту Москвы. Сквирский понимал, что у него есть два варианта: не идти в Комитет, но тогда его могли арестовать и закрыть советские представительства, или все же пойти и «дать показания, отстаивая наше достоинство». По его словам, сенатор-республиканец Уильям Э. Бора, поддерживающий признание СССР, посоветовал ему идти и отвечать на вопросы — очень осторожно, но все же попытаться склонить слушателей на свою сторону. НКВД неохотно согласился, поручив Сквирскому опровергнуть «клеветнические утверждения против СССР», которые выдвигались против самого государства и его американских представительств².

Сквирский и Фиш

Допрос Сквирского длился пять часов, и, судя по его отчету, он произвел хорошее впечатление, поскольку несомненно извлек урок из опыта Богданова. Представитель Госдепартамента Роберт Келли, отчаянно ненавидевший СССР, уговорил Сквирского выступить перед Комитетом, сказав, что это будет стандартный процесс. Но все оказалось совсем не так. Сквирского подвергли агрессивному перекрестному допросу, пытаясь выяснить связь между Коминтерном и советским правительством. Допрос начался с приведения

¹ П. А. Богданов — А. И. Микояну и др. 13 сентября 1930 г.; Резолюция Политбюро № П10/опр-51. 25 сентября 1930 г. // Москва — Вашингтон. Т. II. С. 301—302, 305—306.

² Б. Е. Сквирский — в НКВД. 26 ноября 1930 г.; Б. Е. Сквирский — в НКВД. 27 ноября 1930 г.; Н. Н. Крестинский — Б. Е. Сквирскому. 28 ноября 1930 г. // Там же. С. 312—313.

к присяге. Сквирский отказался, так как он атеист. Вместо этого ему пришлось «торжественно поклясться» говорить только правду. Можете себе представить реакцию Фиша и его коллег на признание Сквирского в том, что он атеист. Затем позже он рассказал, что он коммунист и член Всесоюзной коммунистической партии. Сквирский хотел сразу дать бой Комитету, и у него это получилось, хотя в результате они долго препирались с Фишем и его коллегами, которые так или иначе пытались вернуться к Коминтерну. И Фиш снова попросил передать им советские телеграммы, но Сквирский отказался.

«Вам есть что скрывать?» — спросил Фиш.

Сквирский ответил, что прожил в США девять лет и вел дела со многими государственными учреждениями и сомневался, что кто-то из них может подтвердить, что он был в то время замешан в какой-либо «подозрительной» деятельности.

Тогда Фиш снова спросил, передаст ли «Амторг» телеграммы. Сквирский ответил, что нет, и Фиш оставил эту тему.

Он попытался втянуть Сквирского в обсуждение Американской коммунистической партии, ее программы и деятельности. Но ничего не получилось. «Полагаю, — ответил Сквирский деловито, — что программа такая же, как у любой другой коммунистической партии».

«Разве не каждый коммунист работает над свержением капитализма?» — спросил Фиш. В России, ответил Сквирский, произошла социалистическая революция и был свергнут капитализм. Задача каждого советского гражданина за границей — укреплять Советское государство. Противостояние с Фишем продолжалось. Сквирский говорил с апломбом.

Фиш снова вернулся к деятельности Коминтерна. Сквирский привел в ответ несколько комментариев, посвященных истории Интернационала.

«А вы являетесь членом Коминтерна?» — поинтересовался Фиш.

«Я нет», — ответил Сквирский и пояснил, что работает на Наркоминдел, то есть на советское правительство. «Молодец», — вероятно, подумал Литвинов. — Товарищу Сквирскому консультации не были нужны.

А затем Сквирский пошел дальше, чем мог бы пойти и сам Литвинов: «Я категорически отрицал причастность советского правительства к пропаганде, указав, что никто не может обвинить его в посылке войск для свержения иностранных правительств; между

тем как советское правительство может обвинить многие правительства, в том числе и американское, в попытке свергнуть его путем вооруженной интервенции». В самом деле не стоило забывать о не-большой проблеме — «союзнической» интервенции с целью задуть молодое Советское государство, о которой конгрессмен Фиш не упомянул в своем выступлении.

Сквирский продолжил: «Я указал на ненормальность положения, при котором каждого советского гражданина подозревают, что он не ест, не пьет, а лишь думает, как бы ему свергнуть американское правительство; если бы мы последовали их примеру, мы должны были бы подозревать каждого американца или иностранца вообще в СССР в желании свергнуть советское правительство ввиду несогласия его с нашими принципами. Мы, однако, этого не делаем». Тут, к сожалению, Сквирский перегнул палку, так как ОГПУ в самом деле относилось ко всем иностранцам с подозрением.

Когда Сквирскому наконец разрешили поговорить о советско-американской торговле, он отметил, что, хотя она развивается, баланс крайне неблагоприятен для СССР. «Эта торговля могла бы быть в пять раз больше, если бы мы имели нужные банковские кредиты», — сказал он. СССР и США интересно торговать друг с другом, их интересы совпадают. Зачем США стреляют себе в ногу, отказываясь от торговли с СССР во времена массовой безработицы? Это был стандартный аргумент СССР в пользу улучшения торговых отношений.

Как саркастически заметил Сквирский, в конце допроса Фиш поблагодарил его за «сотрудничество» с Комитетом¹. Тем не менее отношения с США не улучшились. По словам Богданова, были предприняты согласованные усилия, чтобы остановить советский импорт. Комитет Фиша пытался продемонстрировать, что «Амторг» занимается политической пропагандой и «демпингом» советских товаров в США. Богданов тем не менее выразил надежду, что верх в итоге одержат те производители, которые хотят увеличить объемы внешней торговли, чтобы спастись от Великой депрессии². Сквирский всячески старался подчеркнуть этот момент в Комитете Фиша.

¹ Б. Е. Сквирский — М. М. Литвинову. 29 декабря 1930 г. // САО. Годы неприятия, 1927—1933. С. 387—393.

² П. А. Богданов — А. П. Розенгольцу. 16 дек. 1930 г. // Москва — Вашингтон. Т. II. С. 314—319.

Комитет отчитался перед Палатой представителей в 1931 году и порекомендовал, помимо всего прочего, ужесточить иммиграционные правила, чтобы коммунисты не могли въехать в страну, запретить государствам, которые не признают США, использование зашифрованных сообщений, запретить импорт пиломатериалов в том случае, если СССР не допустит до мест производства инспекцию чиновников США для проверки на предмет использования принудительного труда, и так далее. По сообщению Богданова, это был неплохой результат, так как в Конгрессе, скорее всего, начнутся дебаты на тему возможного применения данных рекомендаций¹.

В конце января Сквирскому казалось, что Комитет Фиша не смог добиться реализации своих основных рекомендаций. Сильное сопротивление оказывали американские деловые круги, которые хотели торговать с СССР. Конгрессмен Фиш понял, что его анти-советская кампания не дает желаемого результата, и отправился искать союзников в Палате представителей. Он все еще настаивал на необходимости отправить в СССР инспекторов, чтобы расследовать обвинения в использовании принудительного труда, хотя прекрасно понимал, что советское правительство никогда этого не одобрит. Тогда это могло бы стать предлогом для наложения эмбарго на советские товары. Также Фиш планировал принять несколько законов для противодействия «красной опасности». Так, например, он хотел потребовать депортации Богданова и других чиновников «Амторга». Хотя, что интересно, к Сквирскому это не относилось. Один из членов Комитета Фиша оказался в меньшинстве, заявив, что последний вариант отчета «истеричен». Многие «серьезные люди в Вашингтоне и других местах» смеялись над Фишем и его коллегами. А кроме того, Комитет не смог расшифровать телеграммы «Амторга», которые ему предоставил «Вестерн Юнион», от чего оказался в еще более неловком положении. В итоге Фиш не сильно продвинулся вперед и начал публично жаловаться на несправедливое обращение со стороны определенных средств массовой информации. Оценку Сквирского подтвердил влиятельный американский специалист по связям с общественностью Айви

¹ П. А. Богданов — А. П. Розенгольцу, Е. А. Эшбе. 20 января 1931 г. // Москва — Вашингтон. Т. II. С. 333–334.

Ледбеттер Ли. Он сказал советскому дипломату в Лондоне, что попытка Фиша запретить импорт из СССР провалилась, во всяком случае пока¹.

Борьба в Вашингтоне продолжалась. Фиш и его союзники продвигали свою повестку, которой сопротивлялся сенатор Бора, дружно настроенные по отношению к СССР журналисты и определенные деловые круги. В 1931 году эта борьба то затихала, то вспыхивала с новой силой. Советские цели не менялись: СССР хотел получить дипломатическое признание и доступ к более дешевым и долгосрочным кредитам. По этому поводу Богданов поделился взглядами одного неизвестного посредника, который встречался с президентом Гувером и пришел к выводу, что вряд ли в ближайшем будущем в американской политике произойдут перемены. В деловых кругах США отсутствие признания считалось самым серьезным препятствием к улучшению торговых отношений². Конечно, «черная сотня», как Сквирский называл АФТ, и многие другие ассоциации пытались и дальше лоббировать полное эмбарго на советский импорт. Видимо, неудачная попытка сделать то же самое во Франции не привлекла внимание этих антисоветских групп. Торговая палата Нью-Йорка проголосовала за поддержку эмбарго на любую торговлю с СССР, включая импорт и экспорт. Но на самом деле получилось много шума из ничего. По словам Сквирского, советский импорт представлял собой незначительный процент общего объема импорта, а экспорт из США составлял всего лишь 16% от общего количества товаров, ввозимых в СССР. Доступ на финансовые рынки не удавалось получить из-за отсутствия «нормальных отношений» с США и из-за невыплаченных долгов. Как сообщал Сквирский, СССР даже не мог импортировать золото, поскольку пробирные палаты его не принимали. Большинство американских банков также не учитывали советские векселя или долговые обязательства (за несколькими важными исключениями), так как Федеральный резерв их потом не переучтет. Поэтому бизнес с СССР представлял собой «большой риск». После очередного краха фондового

¹ Б. Е. Сквирский — М. М. Литвинову. 31 января 1931 г.; Выдержка из дневника С. Б. Кагана. 16 марта 1931 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 411–417, 431.

² П. А. Богданов — И. В. Сталину и др. (включая вложения). 28 июня 1931 г. // Там же. С. 460–468.

рынка в середине 1931 года ситуация стала только хуже. «Амторг» старался установить новые связи с другими важными банками Нью-Йорка, но безуспешно. Из-за нехватки банковских кредитов компаниям, которые хотели работать с СССР, приходилось самим предлагать кредиты, но это было слишком дорого, и ставка порой составляла 53%. Таким образом, стоимость сотрудничества с США была слишком высокой, а кроме того, торговый баланс был крайне неблагоприятным. Несмотря на незначительный объем советского импорта, с ним по-прежнему шла свирепая борьба, вызванная серьезным экономическим кризисом и усиленная АФТ и ее отраслевыми союзниками, а также «общей позицией Вашингтона», которую поддерживал ее вдохновитель конгрессмен Фиш и его друзья¹.

Сталина проинформировали о том, как идут дела, и он решил вмешаться. «Ввиду валютных затруднений и неприемлемых условий кредита в Америке высказываюсь против каких бы то ни было новых заказов на Америку». Он велел приостановить текущие переговоры и, если возможно, отменить предыдущие заказы. Советский бизнес надо было перевозить в Европу или на советские заводы. «Никаких исключений»². Американские торговцы наконец нашли достойного соперника.

Как сообщил в сентябре 1931 года Политбюро нарком внешней торговли Аркадий Павлович Розенгольц, ситуация казалась бесперспективной. Он значительно уменьшил число американских заказов. Богданов, находившийся в США, подтвердил, что дела идут еще хуже из-за усиления экономического кризиса. В первые девять месяцев 1931 года более тысячи американских банков объявили о банкротстве. Остальные едва держались на плаву. Золото утекало из страны. В деловых кругах царил пессимизм. Из-за этих обстоятельств «Амторгу» было еще труднее получать кредиты. Как пояснил Богданов, «наши друзья» в банковских кругах не видят обнадеживающих признаков того, что получится договориться об улучшении условий. Вашингтон, и в особенности Гувер, был, как и раньше, настроен враждебно по отношению к СССР, но в других местах в политических и деловых кругах атмосфера постепенно стала меняться. СССР надо

¹ Б. Е. Сквирский — М. М. Литвинову. 29 июня и 1 июля 1931 г. // САО. Годы непризнания, 1927—1933. С. 468—469.

² И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. 25 августа 1931 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 64.

было работать дальше, чтобы установить «нормальные торговые отношения». Как сказал Айви Ледбеттер Ли Богданову, банки впервые оказались в таком тяжелом положении. Не думайте, что отказ дать кредит, сказал Ли, связан с неприязнью к «Амторгу». «Сейчас в этой стране никто не получает и никто не дает кредит»¹.

Друзья и враги

Новости из США были не такими уж плохими. Американские дипломаты не возражали против торговли с СССР. Соглашайтесь, если предлагают, — кажется, посыл был именно таким. Сейчас Россия стабильна, и советские торговые представительства с уважением относятся к обязательствам по кредитам и оплачивают счета². В декабре 1931 года открылась новая сессия Конгресса. «Снова зашевелились “друзья” и “недрузи” Союза», — тонко подметил Сквирский. «Друзья» предлагали решить вопрос с дипломатическим признанием СССР, а «враги» — полностью запретить советский импорт. Конгрессмен Фиш представил на рассмотрение резолюцию, в которой предлагалось на ежегодной основе исследовать «революционную пропаганду и деятельность коммунистов и других групп, выступавших за насильственное свержение власти в США». Как говорил Сквирский, в прессе циркулировали новые слухи о том, что СССР находится на грани финансового краха и не сможет оплатить счет за границей. Он посчитал необходимым опубликовать заявление, опровергающее эти слухи³. Читатели, конечно же, заметили иронию происходящего: на грани финансового краха были США и европейские страны, а вовсе не СССР.

Однако это был трудный период для СССР: как внутри страны, так и за ее пределами. Внутри советскому правительству приходилось справляться с непредвиденными последствиями индустриализации и насильственной коллективизации сельскохозяйственных

¹ А. П. Розенгольц — в Политбюро. 19 сентября 1931 г.; П. А. Богданов — А. П. Розенгольцу (включая вложения). 26 октября 1931 г. // Москва — Вашингтон. Т. II. С. 406–410, 412–420.

² Б. И. Вайнштейн — И. А. Пятницкому (вложения). 12 июля 1931 г. // Там же. С. 381–390.

³ Б. Е. Сквирский — М. М. Литвинову. 18 декабря 1931 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 515–517.

земель. И то и другое развивалось с бешеной скоростью, что встречало сопротивление со стороны крестьянства. Крестьяне жгли зерно, убивали скот, уничтожали оборудование, только чтобы оно не попало в руки советских коллективизаторов. В деревнях разгоралась новая гражданская война, что привело к повсеместным разрушениям, голоду, депортациям и насилию, которое применяли, чтобы подавить крестьянское сопротивление. В то же время на международной арене СССР находился в опасном положении. Отношения с Францией и США оставались плохими. Там, как и в Восточной Европе, процветали антикоммунизм и ненависть к СССР. «А здесь — один сплошной лес враждебности, русофобии и советофобии, в котором не видно просвета», — писал полпред в Хельсинки Иван Михайлович Майский своему другу¹. И все же Литвинов завоевывал уважение на Западе. Он был «умным парнем» — так охарактеризовал его один американский дипломат. Майский писал Литвинову в 1931 году, что его «личный авторитет» растет. Сталин одобрил назначение Литвинова наркомом в июле 1930 года, хотя это было удивительно, ведь «босс» постоянно его критиковал. Помощник Сталина Каганович, секретарь ЦК ВКП (б), тоже не любил Литвинова и часто на него нападал. Тем не менее нарком оставался на своем месте, опровергая ежегодно возникавшие слухи о том, что его скоро уволят. В 1932 году казалось, что Сталин успокоился настолько, насколько это было возможно. «Запросите мнение Литвинова», — говорил он Кагановичу, когда возникал внешнеполитический вопрос. А именно о пактах о ненападении с Францией и Румынией, которые были крайне важны для Сталина². Проглотил ли это Каганович? Вероятно.

Сталин как предприниматель

Советско-американские отношения медленно, но развивались. По крайней мере так казалось в январе 1932 года. Политбюро тщательно за ними следило. Его мотивировали торговые соображения, основанные на информации, полученной от Богданова, и на

¹ И. М. Майский — А. А. Нестерову. 17 сентября 1930 г. // *Майский И. М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 т. М., 2005. Т. I. С. 370—371.*

² И. В. Сталин, В. М. Молотов — Л. М. Кагановичу. 16 августа 1932 г. // *Сталин и Каганович. Переписка. С. 281.*

рекомендациях Розенгольца. Когда нью-йоркский «Нэшнл Сити Банк» предложил кредит в обмен на урегулирование претензий, Сталин оживился. Этот банк не первый раз делал предложения¹. Если условия были недостаточно хорошими, Сталин предлагал другие, крайне невыгодные и нереалистичные с учетом экономического кризиса в США. «Мы можем пойти на частичное удовлетворение претензий частного банка, — сказал он, — лишь при условии получения большого займа»². Сталин торговался как кулак, когда речь шла о торговле, но даже кулаки соглашались заключить сделку на приемлемых условиях. Если Сталин и правда хотел договориться, то стоило поручить такое дело Литвинову или Розенгольцу. Когда американские посредники приезжали в Москву в надежде заключить контракт, Сталин мог вести себя заинтересованно, но цинично. Даже самым важным гостям оказывался грубый прием. Например, полковнику Хью Л. Куперу, инженеру-строителю, работавшему на Днепровской плотине, где работы были завершены в 1932 году. За участие в строительстве самой большой плотины в мире Купер получил орден Трудового Красного Знамени. Эта награда не была простой безделушкой. Ее присваивал ЦИК СССР за важные заслуги перед государством. «Купер — большой нахал, — писал Сталин из Сочи (где проводил ежегодный отпуск), — и избалован легкостью приемов у советских деятелей». Он хотел встретиться с Политбюро, что значило, что он представляет важные деловые круги в США. Как писал Сталин, конкретных предложений у Купера не было. Он просто искал себе новое дело. «Не следует его баловать, — писал Сталин. — Тем не менее его надо принять вежливо, выслушать внимательно и записать каждое слово, доложив обо всем ЦК»³. Как выяснилось, у Купера в самом деле было предложение для Москвы от «Дженерал моторс»: 100–200 тысяч подержанных грузовиков и автомобилей с гарантией, что они проедут еще по крайней мере 150 тысяч километров, с «полной комплектацией» в виде новых шин. Средняя цена — примерно 200 долларов на условиях десяти-

¹ См.: *Carley M. J. Silent Conflict*.

² И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 21 июня 1932 г.; И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. После 21 июня 1932 г.; И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 1 июля 1932 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 186–187, 205.

³ Л. М. Каганович, В. М. Молотов и др. — И. В. Сталину. 29 июля 1932 г.; И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу и др. 30 июля 1932 г. // Там же. С. 251–252.

летнего кредита. Каганович и его коллеги в Москве спросили Сталина, что он думает¹.

«Дело о подержанных автомобилях “Дженерал моторс” очень подозрительное, — ответил Сталин. — Нас могут надуть и постараться сбыть всякий хлам». Тут читатели могут посмеяться, вспомнив анекдоты о продавцах подержанных автомобилей, особенно если речь о тех, что были плохо сделаны в США. В этом случае это были хотя бы не «форды». «Тем более что наши приемщики никогда не отличались добросовестностью». Тут в Сталине вновь проснулся непобедимый кулак: «Тем не менее следует попытаться купить не более 50 тысяч штук автомобилей, если цена будет более низкой, скажем, 100 долларов и кредит не менее 10 лет. Если соглашение на 50 тысяч даст хорошие результаты, — добавил Сталин, — и машины окажутся действительно годными, можно будет купить еще такое же количество машин. Обязательно надо выяснить вопрос о запасных частях, и сделку надо понимать так, что машины продаются с запчастями. Нам нужны главным образом грузовики. Поэтому из 50 тысяч машин следует взять 45 тысяч грузовых и 5 тысяч легковых»².

Когда в Москву с предложением приехал еще один американец, Сталин посмеялся. На этот раз это был Лестер Барлоу, который хотел начать работу с Богдановым — продать ему чертежи бомбы, которая была интересна «Амторгу», чтобы покрыть свои расходы. Сталин тоже заинтересовался, но цинизм взял верх. «Я бы не советовал, — писал он из Сочи, — просто и “вежливо” выпроваживать из СССР Барлоу. Все буржуазные иностранные спецы являются или могут быть разведчиками. Но это не значит, что надо их “вежливо” выпроваживать. Нет, не значит! Советую: не разрывать связей с Барлоу, быть к нему внимательным, подбросить ему кое-какие деньги, взять чертежи, но своих достижений не показывать ему (можно сказать, что мы — люди отсталые и готовы учиться у Барлоу, конечно, — конечно! — за деньги)»³. Сталин был по-прежнему в своем стиле: циничен и груб в личном общении, но при

¹ Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов и др. — И. В. Сталину, В. М. Молотову и др. 22 августа 1932 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 295–296.

² И. В. Сталин, В. М. Молотов и др. — Л. М. Кагановичу и др. 23 августа 1932 г. // Там же. С. 296.

³ И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. До 19 июня 1932 г.; И. В. Сталин — К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др. 7 августа 1932 г. // Там же. С. 269–270.

этом, как грузинский кулак, готов заключить сделку на выгодных условиях.

Но Барлоу был важен не только из-за чертежей бомбы. Он был связан с Франклином Делано Рузвельтом, политиком-демократом, а впоследствии губернатором Нью-Йорка, выдвинувшим свою кандидатуру на должность президента США. Когда Барлоу вернулся в США, Франклин Рузвельт позвал его к себе, чтобы обсудить переговоры с СССР. По словам Лестера, Рузвельт сказал, что не будет делать «русский вопрос» частью своей кампании, но, если его избежат, он «предпримет меры, чтоб быстро его решить»¹. Иногда «вежливость» с иностранными спецами приносила свои дивиденды.

После мрачных и тусклых отношений предыдущих двух лет наконец впереди появились лучики света. У Сталина улучшалось настроение, когда он изучал мировую арену. На Дальнем Востоке японцы годом ранее оккупировали Маньчжурию, что вызвало беспокойство в Вашингтоне. А в Германии дела обстояли все более нестабильно и тревожно. Веймарское правительство Генриха Брюнинга рухнуло в конце мая 1932 года. На его место пришел Франц фон Папен, злобный аристократ, ненавидевший большевиков. Сталин считал эти изменения положительными в том смысле, что они должны были встревожить американское правительство и, как он писал, расположить их в большей мере «искать связи с СССР»². Из-за многочисленных визитов американских банкиров и бизнесменов в Москву тем летом он и его коллеги полагали, что наступает переломный момент. Каганович, как обычно, был согласен со Сталиным.

Взлеты и падения

Американский «журналист» Айви Ледбеттер Ли летом 1932 года вернулся в Москву и долго разговаривал с Крестинским. По его словам, существовали два фактора, которые способствовали сближению. Во-первых, бизнес. «Американские бизнесмены все чаще задают вопросы, почему все остальные правительства строят заново нормальные отношения с СССР, а США нет». Во-вторых, поведение

¹ П. А. Богданов — М. А. Логановскому. 30 сентября 1932 г. // САО. Годы непризнания, 1927—1933. С. 611.

² И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. До 12 июня 1932 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 158—159.

Японии на Дальнем Востоке. Как и во Франции, на всем Западе в отношениях с Москвой начинал одерживать верх прагматизм, когда речь шла об угрозах безопасности.

Как же быть с «пропагандой», интересовался Крестинский? Где кроется проблема: в правящих элитах или широкой общественности?

«В широкой общественности, — ответил Ли. — В особенности против вас работает АФТ. Ее предводители боятся утратить влияние и лишиться теплого места и привилегий после обновления отношений с СССР». А кроме того, добавил Ли, оказывает влияние Католическая церковь, которая имеет большое влияние в США.

Крестинский сменил тему и заговорил о событиях на Дальнем Востоке. Ли ответил, что большинство людей в США заняты внутренними вопросами. События на Дальнем Востоке волнуют от силы сотню человек, и у них же есть полная информация по этому вопросу. Ли считал, что входит в их число. Так, например, гипотетически предположил он, если Япония соберется оккупировать Владивосток, то это сблизит США с СССР.

То есть для оживления советско-американских отношений нужна оккупация Владивостока? Крестинский был немало удивлен. А если японцы нападут на Тихоокеанский флот США? Тогда американцы обратят внимание на СССР?

Ли не знал, что сказать. Тем не менее он предположил, что война на Дальнем Востоке приведет к «постепенному изменению американского общественного мнения в пользу СССР». Он добавил, что в любом случае «деловые круги в США не боятся коммунистической пропаганды, и в этих деловых кругах растет желание работать с СССР и нормализовать с ним отношения».

«Во внешнеполитических взаимоотношениях, — ответил Крестинский, — требуются выдержка и терпение. И нам остается терпеливо ждать, пока вопрос о нормализации отношений созреет». Ли много-словно заверил его, что это ожидание в конце концов окупится¹.

Вопрос «пропаганды» был намного серьезнее, чем пытался показать Ли, хотя, возможно, американские предприниматели не хотели, чтобы он мешал им заключать контракты с СССР. Полковник Купер в свою очередь встречался с людьми в Нью-Йорке. Он иначе смотрел

¹ Стенограмма беседы Н. Н. Крестинского с А. Ли. 31 июля 1932 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 597–599.

на «пропаганду», хотя, вероятно, это было связано с личным недовольством Москвой. «Возьмите, например, меня, — говорил он сотруднику “Амторга” в Москве, — человека, работавшего не покладая рук последние пять лет над вопросом признания. Это обходится мне примерно в 12 тысяч в год, поскольку у меня служат два человека, которые специально занимаются этим делом. Тем не менее российское правительство мне за это не платит, и я бы в любом случае отказался от оплаты, даже если бы мне ее предложили. И несмотря ни на что, все впустую»¹. Купера, очевидно, раздражало, что он работает бесплатно, хотя ему платили за строительство Днепровской плотины.

«Черное и белое»

Купер продолжал жаловаться на «тех негров, которых вы привезли сюда для съемок антиамериканского фильма, демонстрирующего преследование негров в Америке. Вы знаете, кто они? Очень часто они насильники, которые насилуют белых американок, и за это мы их бьем, линчуем и будем линчевать». Купер признавался, что на самом деле случаев насилия со стороны негров меньше, но это только потому, что они понимают, что с ними потом случится. А вы защищаете этих «чудовищ и снимаете фильм о преследовании негров в Америке».

Купер говорил о фильме «Черное и белое», который планировалось снять в СССР, чтобы показать расизм и трудовые конфликты в Монтгомери и Алабаме, то есть в тех регионах, где царила сегрегация. В Москву для участия в проекте пригласили 21 темнокожего американца, в том числе поэта Лэнгстона Хьюза.

«Это возмутительно! — твердил Купер. — И я говорю это не конфиденциально, а вполне открыто, вы можете это передать». Представьте, добавил он, что было бы, если бы американцы наняли 20 кулаков и сняли фильм об их преследовании в СССР. «Вам бы это понравилось?»²

Собеседник Купера отреагировал спокойно и сказал, что нет ничего страшного в приезде в Москву американских негров. «Наша

¹ Стенограмма беседы И. А. Лившица с Х. Л. Купером. 1 августа 1932 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 600–601. Копии стенограммы были отправлены Н. Н. Крестинскому и в III Западный отдел НКВД.

² Там же.

страна, — добавил он, — не руководствуется расовыми и национальными предрассудками». Затем он спросил, обсуждал ли Купер с Молотовым свою жалобу. «Не думаю, что необходимо, — ответил Купер, — обсуждать такие дела с главой правительства, которому не хватает ума самому понять нежелательный исход подобного события. Я просто поражен, насколько эти начальники гениальны и в то же время невероятно глупы. Они ничего не понимают в событиях в Америке. Они не знают, что подобное мероприятие несомненно настроит американский народ против идеи о признании СССР, и получается, что вся наша предыдущая работа была проделана зря». «А вы сами за или против негров?» — спросил затем Купер.

«Я не противник негров и таким ни в коем случае не мог быть», — ответил сотрудник «Амторга».

«Это значит, что вы за негров, — парировал Купер. — В таком случае вы не сможете взаимодействовать с американцами. Никак. Когда я доберусь до Нью-Йорка, я это объясню, и вас изолируют от любых контактов. Вас здесь больше не будет».

В конце сотрудник «Амторга» добавил: «Он меня выставил из комнаты в присутствии своего переводчика, русского гражданина, фамилию которого я не знаю»¹. Конечно, Купер просто запугивал младшего чиновника «Амторга». Попробовал бы он так разговаривать с Молотовым — ему бы тут же указали на дверь, а проводили бы его до границы сотрудники ОГПУ. Кажется, цинизм Сталина был оправдан. Вопиющий расизм Купера стал напоминанием о том, как жилось в то время неграм в Америке, где царила сегрегация.

Однако на съемки фильма жаловался не только он. Государственный департамент поднял этот вопрос в беседе с Фредериком Поупом, еще одним американским инженером и бизнесменом, работавшим в СССР. Он был президентом корпорации «Найтроджен Инжиниринг» и приехал в октябре в Вашингтон на встречу с чиновниками Госдепа. В июне 1932 года Поуп ездил в Москву, где его встретили с распростертыми объятиями советские чиновники. Он сказал, что американское правительство будет готово отправить в Москву неофициального представителя, если прекратится

¹ Стенограмма беседы И. А. Лившица с Х. Л. Купером. 1 августа 1932 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 600–601. Копии стенограммы были отправлены Н. Н. Крестинскому и в III Западный отдел НКВД.

пропаганда Коминтерна. Политбюро одобрило это сообщение и ответило, что советское правительство примет такого представителя на условиях взаимности. Про пропаганду ничего не было сказано¹.

Эти переговоры в июне не дали никакого результата. Но к вопросу пропаганды вернулись в октябре, когда Поуп снова приехал к Келли. Представитель Госдепартамента воинственно упомянул «фильм про негров, который большевики хотят снять в Москве». Он вспомнил о нем, чтобы проиллюстрировать вмешательство СССР во внутренние дела США, а затем разразился долгим монологом на тему Коминтерна и Американской коммунистической партии. Ведь она ни дня самостоятельно не продержится. «О признании даже речи быть не может, — сказал Келли, — пока они... [большевики] не прекратят пропаганду в США»².

Государственный секретарь Генри Стимсон также обсудил с Поупом «негритянский фильм». «Что побудило большевиков пригласить этих негров и снять негритянский фильм? — пытался понять Стимсон. — Эти негры, они кто? Никто из них никогда не был в негритянском квартале, никто не знает негритянских проблем. Они вообще не настоящие негры. Это завсегдатаи ночных клубов, взяточники и выродки. Съемки этого фильма показывают, насколько можно доверять большевикам, утверждающим, что они не вмешиваются в наши дела». Стимсон затем повторил слова Келли о том, что не может быть никакого признания, пока не прекратится «пропаганда».

Но Поуп — это не Купер, потому что он спросил Стимсона, нужно ли ему вернуться в Москву и объяснить большевикам, как им следует управлять своей партией? Поуп как будто хотел своим вопросом загнать Стимсона в угол, но тот не проглотил приманку. Нет, прямо ответил он, пусть занимаются своими делами.

Поуп пришел к выводу, что Стимсон, Келли и другие теперь менее расположены к сотрудничеству с СССР, чем в начале лета. Тем не менее у него были хорошие новости для сотрудника «Амторга» Г. И. Андрейчина. «Я встречался с Рузвельтом, мы с ним познакомились в 1902 году, когда он работал в юридической фирме “Рузвельт

¹ Г. И. Андрейчин — в Политбюро. 9 июня 1932 г.; Резолюция Политбюро № П106/12-рс. 28 июня 1932 г. // Москва — Вашингтон. Т. II. С. 486—489, 499.

² Г. И. Андрейчин — М. М. Литвинову. 22 октября 1932 г. // САО. Годы непризнания, 1927—1933. С. 624—627.

и Марвин”. Марвин мой старый друг, мы вместе учились в колледже, а мой двоюродный брат Роберт Поуп — также близкий друг Рузвельта. Ничто так не ускоряет прогресс, как семейные и деловые связи. Узнав, что я вернулся из СССР, Рузвельт мне написал и пригласил в Олбани». Поуп рассказал, что они провели вместе весь день и что Рузвельт «с большой симпатией относится к СССР». Он считал постыдной торговую дискриминацию советских товаров. Рузвельт знал, что эти законы придумали демократы, но собирался их изменить. Это будет первое, что он сделает для СССР. Очевидно, Рузвельт планировал победить на предстоящих выборах. Поуп пришел к выводу, что увеличение советско-американской торговли улучшит ситуацию¹.

Литвинов ненавидел западных посредников и скептически относился к деятельности Поупа. «Я лично думаю, что Поупу не следует устраивать свидания ни до, ни после 10 ноября. Он достаточно разоблачен уже как Хлестаков, стремящийся при нашей помощи создать себе рекламу в Соединенных Штатах без всякой пользы для нас. Его разговоры... приносят больше вреда, чем пользы. Я отнюдь не рекомендую отталкивать Поупа, но, выслушивая его рассказы, не следует ему давать никаких поручений и сведений и никаких свиданий ему не устраивать»². Так считал Литвинов, но не Политбюро, которое организовало встречи с Поупом, гостеприимно его встретило и передало информацию в Вашингтон. Когда Литвинов говорил о своем личном мнении, он имел в виду именно свое мнение, а не политику Политбюро.

Наверно, интересно было бы узнать, затормозило ли создание фильма «Черное и белое», а также расистские высказывания Купера кампанию по признанию СССР. Но расистом был не только Купер. Когда Стимсон назвал темнокожих американцев, которые поехали в Москву, празднующими «выродками», это было ничуть не лучше, чем слова Купера о неграх — насильниках белых женщин, заслуживающих линчевания. Читатель может себе представить, как Купер употребляет словечко и покрепче. Он родился в Миннесоте, а Стимсон — в Нью-Йорке. Они не были бедняками с юга. Но так

¹ Г. И. Андрейчин — М. М. Литвинову. 22 октября 1932 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 624–627.

² М. М. Литвинов — Г. И. Андрейчину. 25 октября 1932 г. // Там же. С. 627.

обстояли дела в США в 1930-х годах. Расизм был повсюду. Вернувшись в США в конце осени, Купер направился на встречу с Богдановым. Он снова завел разговор о «негритянском фильме», но уже не позволял себе расистские и грубые высказывания, как во время визита в Москву. Купер сообщил Богданову, что он попросил Молотова остановить съемки, но, так как удовлетворительный ответ не предвиделся, он выдвинул ультиматум. Либо съемки прекращаются, либо он уезжает из СССР и прекращает там дальнейшую работу. Он пояснил Богданову, что власти пообещали выполнить его условия и он думает, что дело закрыто. Но, видимо, советские чиновники считали иначе, так как, пока он оставался в Москве, ему оказывали холодный прием. Куперу предложили еще один договор генерального подряда, но он затребовал в два раза больше денег, чем было предусмотрено, и отказывался снизить цену. В результате Госплан остановил переговоры¹. Купер запятнал свою репутацию.

Президент Рузвельт и начало с чистого листа

10 ноября 1932 года Франклина Рузвельта избрали президентом США. По словам Богданова, избрание Рузвельта значило, что можно начать отношения с чистого листа. Хотя будущий президент не говорил ничего про СССР во время избирательной кампании, в частных разговорах с разными людьми, содержание которых доходило до Богданова, он предполагал, что новое правительство пересмотрит «вопрос СССР». Поскольку Рузвельт строил свою кампанию на решении экономических проблем, то, скорее всего, в первую очередь он должен был заняться советско-американской торговлей и поставить ее на службу американским интересам. Богданов понимал, что Рузвельт — это не Гувер. Он шире мыслил и не испытывал, как Гувер, ненависти к СССР. Так оно и было.

Много было разговоров о том, что же будет дальше, и упоминались обычные вопросы: долги, «пропаганда», Япония, Китай, слож-

¹ В. И. Межлаук — И. В. Сталину. 7 октября 1932 г.; П. А. Богданов — В. И. Межлауку. 2 ноября 1932 г. // Москва — Вашингтон. Т. II. С. 540–541, 550–553. См. также: *Roman M. L. Opposing Jim Crow: African Americans and the Soviet Indictment of U.S. Racism, 1928–1937*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2012 (chap. 4).

ности на Дальнем Востоке. Американские журналисты в Европе свободно давали рекомендации советским дипломатам. «Рузвельт не сказал ни да, ни нет, — высказал свое мнение один из них в Варшаве. — Он свободен». Советское правительство должно оказать ему помощь, так как он находится под давлением «реакционных элементов». Другой американский журналист в Лондоне утверждал, что разворот в сторону СССР однозначно произошел еще до того, как Рузвельт занял свою должность. Министерство обороны было не против восстановить дипломатические отношения, в отличие от Госдепартамента. Все терялись в догадках, как поступит Рузвельт, но одно было понятно наверняка: он не будет придерживаться антисоветской политики, как Гувер. Он не питал личной неприязни к СССР, но и не планировал никакой конкретной политики. Что касается «советского вопроса», Рузвельт был готов начать с чистого листа. В следующие несколько месяцев станет понятно, что будет¹.

Сквирский доложил из Вашингтона о том, что можно ожидать изменения политического курса. Оставался один вопрос: сможет ли новая администрация верно оценить раздутое сопротивление и, проигнорировав его, повернуть в сторону признания СССР без посредников и проволочек². А посредники в Нью-Йорке появлялись очень быстро. Например, сенатор Роберт Лафоллет-младший, предложивший провести неофициальные переговоры. По его словам, Рузвельт не хотел преждевременной публичности в вопросе советско-американских отношений. Литвинов сразу же закрыл этот канал, так как возражал против любых переговоров о предварительных условиях³.

Появились и две хорошо знакомые фигуры: Купер и Поуп. Купер встречался с Рузвельтом и с чиновниками Госдепартамента в апреле

¹ Выписка из дневника советника полпредства СССР в Польше Б. Г. Подольского о беседе с американским журналистом Э. Маурером о перспективах признания СССР со стороны США. 1932 г.; Из записи беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского с корреспондентом агентства «Юнайтед пресс» в Берлине Ф. Ку по вопросам советско-американских отношений. 15 декабря 1932 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 650–651, 656–658.

² Б. Е. Сквирский — М. М. Литвинову. 22 февраля 1933 г. // Там же. С. 670–672.

³ Ю. Д. Михальский — М. М. Литвинову. 24 марта 1933 г.; М. М. Литвинов — Ю. Д. Михальскому. 26 марта 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. II. С. 621–624.

1933 года. Президент Рузвельт считал «желательные» нормальные советско-американские отношения «не только интересными для обеих стран, но и необходимыми для установления всеобщего мира». Однако в тот момент в стране существовала серьезная оппозиция, которая мешала признанию СССР. Купер попытался начать давать советы Богданову, и Литвинов снова быстро среагировал. Он не понимал до конца, что именно предлагает Купер и предлагает ли он вообще что-нибудь. Поэтому он сообщил Сквирскому, на что готово советское правительство, а на что нет. Это необходимо было упомянуть на переговорах с США в той или иной форме, но не через такого представителя, как Купер, который выдвигает свои собственные идеи, а не передает то, что думает Рузвельт или представители СССР. Сквирский должен был проинформировать об этом Богданова, чтобы больше не было путаницы¹.

У Поупа тоже были странные идеи несмотря на то, что он встречался напрямую с Рузвельтом и новым госсекретарем Корделлом Хэллом. Например, он полагал, что СССР согласится принять любого человека, которого обвинили в США в том, что он — коммунист. Это было бы хорошим первым шагом для облегчения процедуры признания. Наверно, заместитель директора Госплана Валерий Иванович Межлаук, с которым беседовал Поуп, едва сдержал смех. Это «необычайно комическая и совершенно несерьезная» идея, сказал Межлаук Поупу. Ничего не получится. Поуп ответил, словно оправдываясь, что это идея Купера².

Все лето 1933 года продолжалось маневрирование, лоббирование и борьба за общественное мнение. В августе Богданов сообщил, что Рузвельт выступает за торговые отношения с СССР независимо от срока, когда произойдет дипломатическое признание. Торговые отношения были политическим козырем, рассматривалась даже возможность начать выдавать кредиты. Богданов пришел к выводу, что СССР необходимо донести до прессы мысль о том, что торговые отношения не могут развиваться без установления «нормальных дипломатических отношений».

¹ П. А. Богданов — А. П. Розенгольцу, М. М. Литвинову. 15 апреля 1933 г.; М. М. Литвинов — Б. Е. Сквирскому. 17 апреля 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. II. С. 634—635.

² В. И. Межлаук — И. В. Сталину (включая вложения). 27 мая 1933 г. // САО. Годы непризнания, 1927—1933. С. 692—694.

Лед тронулся

Лед тронулся через три месяца. Как сообщил в начале октября Сквирский, состоялась «последняя битва» за признание СССР. В деловых кругах и в прессе много о нем говорили. Американский легион консерваторов снова выступил против. Мэтью Уолл из АФТ, давно возражавший против признания, опубликовал открытое письмо к Рузвельту. Торговая палата Нью-Йорка — известные профессиональные оппозиционеры, поддержавшие Комитет Фиша, — снова выступила против. Это стало последним приступом гнева. Как сообщил Сквирский, оппозиционеры были не единственными, кто высказался. Руководство АФТ, которое было близко администрации Рузвельта, попросило замолчать тех, кто раньше был против, несмотря на позицию Уолла. Деловые круги хотели заключать договора с СССР, и Американско-российская торговая палата выступала за признание¹.

Через четыре дня после отправки отчета в Москву Сквирский послал срочную телеграмму. Он сообщил, что по указанию Рузвельта встречался с официальными лицами: Генри Моргентау-младшим и Уильямом Буллитом. Генри Моргентау был давним и близким другом Рузвельта. Вскоре его должны были назначить министром финансов. Уильям Буллит работал в команде американского президента Томаса Вудро Вильсона на Парижской мирной конференции и ездил в Москву на переговоры с большевиками. Теперь он работал с Рузвельтом. «Через несколько часов, — писал Сквирский, — передаем перевод текста проекта письма Рузвельта на имя Калинина с предложением о назначении представителей для обсуждения вопроса американско-советских отношений лично с президентом»². Сквирский отправлял и другие телеграммы с более подробной информацией о происходящем. Если советская сторона приняла бы черновик Рузвельта, он бы подписал его для отправки Калинину. Как пояснил Сквирский Буллиту, в письме по факту предлагалось предварительное обсуждение, против которого обычно возражало правительство СССР. Буллит ответил, что письмо значило намного больше. Это

¹ Б. Е. Сквирский — М. М. Литвинову. 7 октября 1933 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 702–703.

² Б. Е. Сквирский — в НКВД. 11 октября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 7.

официальное письмо, подписанное Рузвельтом, в котором советскому правительству предлагают прислать представителей для личной встречи с президентом.

«Я, конечно, согласился на полную секретность, — сообщил Сквирский, — и на передачу текста письма в Москву... Я рекомендовал бы приезд Литвинова для разговора с Рузвельтом. Это укрепило бы наше положение». Сквирский попросил ответить как можно быстрее¹.

Молотов и Каганович отправили телеграмму Сталину, который отдыхал в Абхазии, и передали ему телеграммы Сквирского и черновик письма Рузвельта. Они изложили свои рекомендации: придерживаться стандартной советской политики (то есть никаких предварительных переговоров до официального признания), а также дать письму отрицательный ответ. Также они предложили формулировки, которые использовались при предварительных обсуждениях процедурных вопросов с британцами в 1929 году². Сталин не согласился. «Мы думаем, что надо согласиться на текст письма Рузвельта и потом, по получении его официального письма на имя Калинина, ответить, что посылаем своего человека для разговора с Рузвельтом. Лучше будет послать Литвинова»³.

То есть он сам предложил Литвинова. Времена изменились. Сталин больше не насмехался над наркомом. Когда Литвинов ответил, что ему нет смысла ехать в Вашингтон и что вместо него должен поехать кто-то другой, Сталин возмутился: «Настаиваем на посылке Литвинова. Действуйте смелее и без задержек, так как сейчас обстановка благоприятна»⁴.

14 октября Политбюро одобрило черновик письма Рузвельта. Булит попросил посмотреть черновик ответа СССР и предложил небольшие изменения, которые были приняты в Москве. «Поторопитесь

¹ Б. Е. Сквирский — в НКВД. 11 октября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 8.

² Л. М. Каганович, В. М. Молотов — И. В. Сталину. 13 октября 1933 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 385; *Carley M. J. Silent Conflict*. P. 352–370.

³ И. В. Сталин, Я. Э. Рудзутак — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 13 октября 1933 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 386.

⁴ М. М. Литвинов — Л. М. Кагановичу. 16 октября 1933 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 706–707; Л. М. Каганович, В. М. Молотов — И. В. Сталину. 16 октября 1933 г.; И. В. Сталин, М. И. Калинин — В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу. 17 октября 1933 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 391–393.

с ответом Рузвельту», — отправил с юга телеграмму Сталин¹. Когда он говорил, что надо поторопиться, он имел в виду именно это, и дела пошли очень быстро. 17 октября Политбюро официально одобрило ответ СССР и назначило Литвинова участником переговоров с Рузвельтом в Вашингтоне². В последнюю минуту Сквирский, переговорив с Буллитом, внес небольшое изменение в формулировку текста. Рузвельт хотел вначале опубликовать письма в американской прессе. Через несколько дней обмен письмами был опубликован в советских и американских газетах. Некоторые новостные издания не дождались положенного времени, хотя впоследствии отрицали нарушение запрета³. Но это была буря в стакане, с учетом такого невообразимого прорыва для советской дипломатии.

Литвинов предложил примерный план переговоров, и Сталин его одобрил. Важнейшие вопросы остались неизменными: требование возмещения долгов, пропаганда, торговые возможности.

Литвинов добавил, что, возможно, стоит также рассмотреть религиозные аспекты. Некоторые вопросы трудно поддаются решению, такие как, например, погашение долгов, и они не должны быть привязаны к официальному признанию СССР. И что, если Рузвельт захочет поговорить про Японию? Каганович и Молотов рекомендовали придерживаться общих вопросов, но Сталин не согласился. «Я думаю, — писал он, — что Литвинов не должен уклоняться от конкретных разговоров о наших отношениях с Японией. Я думаю, что если в разговоре с Литвиновым Рузвельт будет добиваться некоторого сближения с нами или даже временного соглашения против Японии, Литвинов должен отнестись к этому благожелательно». Если Рузвельт хотел иметь дело с СССР, то Сталин был готов идти ему навстречу. В скором времени было получено одобрение Политбюро⁴.

¹ Резолюция Политбюро № П147/121-опр. 14 октября 1933 г.; Б. Е. Сквирский — М. М. Литвинову. 15 октября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 9; И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 16 октября 1933 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 390.

² Резолюция Политбюро № П148/4-опр. 17 октября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 13.

³ Б. Е. Сквирский — М. М. Литвинову. 19 октября 1933 г.; М. М. Литвинов — Б. Е. Сквирскому. 21 октября 1933 г. // Там же. С. 13–14.

⁴ М. М. Литвинов — Л. М. Кагановичу. 20 октября 1933 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 707–709; И. В. Сталин — В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу. 24 октября 1933 г.; Л. М. Каганович, В. М. Молотов — И. В. Сталину. 24 октя-

Литвинов едет в Вашингтон

Интересно, о чем думал Литвинов, когда направлялся в Вашингтон? 7 ноября он впервые встретился с Рузвельтом. Присутствовали миссис Элеонора Рузвельт и госсекретарь Корделл Хэлл. Стоял ли Хэлл на страже интересов Госдепартамента? Рузвельт был очарователен и старался сделать так, чтобы Литвинов чувствовал себя комфортно. Вначале они пообедали, рассказывал Литвинов, а затем Рузвельт обсудил с ним все вопросы. «Здесь проблем не будет, — сказал Рузвельт, — поскольку мы говорим на одном языке. Хотя меня предупредили, что вы наверно единственный дипломат в мире, который получает все, что хочет». Скорее всего, услышав лесть, Литвинов насторожился. Но Рузвельт упомянул «Майн кампф» — опубликованный план завоеваний Гитлера. Так он гарантированно привлек внимание Литвинова. Об этом моменте переговоров дипломат сообщил в Москву в телеграмме. Как мы увидим, Литвинов часто упоминал «Майн кампф» в разговорах с иностранными дипломатами, в том числе из Германии, когда хотел показать потенциальную опасность нацистской Германии.

«Я обратил внимание, — сказал Рузвельт, — что в английском переводе исчезли самые оскорбительные части книги Гитлера... Несомненно, за это ответственны сами немцы». Литвинов не рассказывал, ответил ли он что-то на это и если ответил, то что именно. Теперь он точно должен был насторожиться. «Буллит сказал мне, — отметил Литвинов — что надеется на благоприятный исход переговоров тоном весьма неуверенным»¹. Следующим утром Литвинов встретился с Хэллом. Как и предполагал Литвинов, в первую очередь Хэлл заговорил о религии. Больше книгу «Майн кампф» не упоминали. Хэлл посоветовал Литвинову не думать, что пресса выступает в поддержку признания, так как нарком не знает про многочисленные требования отказаться от этого курса, которые выдвигают правительству. Как пояснил госсекретарь, президенту приходится нелегко. Ему нужно помнить о следующих выборах, и он не может себе позволить

бря 1933 г.; И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 24 октября 1933 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 402—403; Резолюция Политбюро № П148/81-опр. 25 октября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 20.

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 7 ноября 1933 г. // Там же. С. 25—26.

игнорировать важную часть электората. У американской общественности сложилось мнение (верное или нет), что религия в СССР преследуется. Хэлл хотел понять, какие гарантии может предложить советское правительство. Литвинов ответил, что подобные вопросы являются внутренним делом страны, хотя истории о преследовании религии на самом деле «являются плодом односторонней пропаганды, дезинформации и клеветы». Не совсем честный ответ, так как Литвинов сам ранее писал Сталину и просил его усмирить ОГПУ. Из-за их действий про СССР плохо думают за рубежом¹. «После длительного спора», как записал Литвинов, Хэлл сформулировал главное: ему требовались гарантии того, что американцы в СССР смогут свободно исповедовать религию. Он добавил, что если это невозможно, то и установление отношений тоже «невозможно». Литвинов ответил, что в СССР как у всех граждан страны, так и у иностранных подданных есть право исповедовать их религию (хотя он отлично знал, что это неправда), а затем сказал главное: советское правительство не может давать специальных привилегий иностранцам.

Тогда Хэлл перешел к вопросу о правах живущих в России американских граждан в случае ареста. Будет ли у них право на адвоката и на освобождение под залог? Литвинов повторил, что в СССР ко всем одинаковое отношение, и правительство не даст специальных привилегий иностранцам. Под конец переговоров зашла речь о финансовых требованиях и «пропаганде». Литвинов сильно не углублялся в эти вопросы, хотя хорошо умел на них отвечать².

Очевидно, что Литвинов и Хэлл также обсудили безопасность, так как эта тема снова всплыла на встрече с Рузвельтом тем же утром. Литвинов сказал о «наличии двух источников военной опасности», не называя их конкретно. Хэлл, очевидно, проинструктировал президента, потому что, как отметил Литвинов, Рузвельт ничего не имел против менее обтекаемого варианта. Тогда он «расшифровал» сделанное заявление, сказав, что речь идет о Японии и Германии. Рузвельт ответил, что мы сталкиваемся с одинаковыми угрозами и «вместе... мы сможем противостоять им». После обеда Рузвельт вежливо поблагодарил гостей за приезд, но попросил Хэлла остаться. Как сообщил Литвинов, они вместе с Хэллом рассказали о переговорах

¹ Carley M. J. *Silent Conflict*. P. 401–402, а также в других источниках.

² М. М. Литвинов — в НКВД. 8 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 28–30.

этим утром. Рузвельт заступился за госсекретаря и пояснил, что на него давят со всех сторон, особенно со стороны Католической церкви и евангелистов. Как скоро узнают читатели, у Литвинова с католиками разговор был короткий. Судя по тому, что он рассказал о замечаниях Рузвельта, президент тоже не собирался с ними церемониться, но ему приходилось спорить с ними в Конгрессе, где они «лили слезы» и наносили вред. Рузвельт согласился, что США не должны вмешиваться во внутренние дела СССР и что американской интервенции в Северной России нет оправданий. Президент также конфиденциально пожаловался на британцев. Они и французы работали на войне, и теперь могут выплатить свои долги, а Советский Союз не получил ничего, кроме разрушений. Рузвельт уговаривал Литвинова попытаться договориться о такой формулировке, которая удовлетворит противников признания СССР. По тем же причинам нужно было что-то решить с Коминтерном. Рузвельт понимал, что советское правительство не может просто выслать Коминтерн со своей территории, но полагал, что можно отправить его в Женеву, где он составит компанию Лиге Наций. Это было бы самым лучшим решением. Литвинов ответил, что все эти вопросы не так важны, по сравнению с международной значимостью советско-американского сотрудничества. Рузвельт подтвердил «важность вопроса», который может «вероятно, [означать] разницу между войной и миром на ближайшие пятьдесят лет»¹.

Хэлл и Литвинов снова встретились во второй половине дня. Они обсудили финансовые требования, а затем Хэлл «неожиданно вновь вернулся к вопросу о религии». Он «внезапно» передал Литвинову документ, в котором были перечислены все права, гарантированные США. «Я от Америки никаких гарантий религиозных не требую», — ответил Литвинов. Затем разразился полчасовой спор, который ни к чему не привел. Литвинов неохотно согласился с тем, что понадобится какой-то минимальный письменный ответ Хэллу, в котором бы говорилось, что, согласно существующим советским законам, у американцев в СССР будет право придерживаться своих религиозных убеждений. Литвинов писал, что, если мы не сделаем этот минимальный шаг, «трудно будет продолжать переговоры». Нарком также ожидал, что США потребуют, чтобы их консулов информировали об

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 8 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 30–31.

аресте американских граждан, и предлагал использовать тот же вариант, что применялся в Германии. «Прошу срочного ответа по этим двум вопросам, — телеграфировал Литвинов в Москву. — Затягивание переговоров будет вредно отражаться на них». Он также предлагал отказаться от требований, связанных с американской интервенцией на Дальнем Востоке, в обмен на то, что США откажутся от своих требований выплаты царских долгов. Тогда Рузвельт будет частично удовлетворен, и после официального признания появится возможность обсуждения оставшихся финансовых требований¹.

На следующий день состоялись еще одни переговоры с Хэллом по тем же темам и по некоторым новым. Хэлл, казалось, был готов принять предложение Литвинова по религиозному вопросу, но по некоторым другим сгладить острые углы не удалось. «Заседание кончилось, — писал Литвинов, — констатацией разногласий по всем вопросам». Присутствующий на встрече Буллит «охарактеризовал положение как безнадежное». Литвинов сообщил, что на следующий день снова намечены переговоры, в том числе с Хэллом и Рузвельтом. В то же время Сталин без всяких насмешек согласился с предложением пойти на компромисс².

Литвинов сообщил об еще одной встрече с Рузвельтом, Хэллом, Буллитом и Уильямом Филлипсом, заместителем государственного секретаря. Рузвельт сообщил, что он бы хотел обсудить более серьезные вопросы, но перед этим необходимо успокоить противников признания. Так, например, у него должна быть возможность убедить общественность, что у американцев в России будет возможность исповедовать религию. Кроме того, требуются гарантии, что не будет пропаганды. И нельзя оставлять открытым вопрос погашения долгов. Рузвельт передал Литвинову письменные предложения и посоветовал изучить их и, если необходимо, проконсультироваться с Москвой. Тогда позже они смогли бы их обсудить с глазу на глаз, без формальностей, чтобы иметь возможность немного поругаться. Литвинов ответил, что приехал в Вашингтон не для того, чтобы решить все вопросы, а для того, чтобы заложить основу для их обсуждения на условиях равенства и без давления, что возможно только после уста-

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 9 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 31—32.

² М. М. Литвинов — в НКВД. 9 ноября 1933 г.; И. В. Сталин, В. М. Молотов — М. М. Литвинову. 10 ноября 1933 г. // Там же. С. 33—35.

новления дипломатических отношений. Он был готов обсуждать серьезные темы, которые уже упомянул Рузвельт. Все остальное блекло на их фоне. На самом деле Сталин уже разрешил Литвинову согласиться на сближение, основанное на совместных действиях против Японии. Нарком еще раз попытался обойти различные нерешенные вопросы и отложить обсуждение запутанных финансовых проблем на потом, понимая, что тут вряд ли получится достичь соглашения. Он также напомнил Рузвельту, что СССР не даст специальных привилегий американским гражданам и не согласится на «капитуляцию». Советское руководство уже отвергло подобное предложение 10 лет назад и не стало бы его принимать теперь, когда СССР стал намного сильнее. Об этом не могло идти и речи. Переговоры продолжились, но безрезультатно. «Мое впечатление, — писал Литвинов, — что Рузвельт купил молчание враждебных организаций неосторожным обещанием в области религии и пропаганды и что в этом корень встретившихся затруднений»¹.

Литвинов отправил в Москву черновики Рузвельта, но Сталин их не одобрил. Он больше не хотел идти на уступки по вопросам религии и пропаганды. Затем Сталин более подробно описал советскую программу заказов в США, если СССР предложат кредиты на приемлемых условиях. 11 ноября состоялась еще одна встреча Литвинова с Рузвельтом и Буллитом, которая продлилась три часа. Говорили в основном о религии и пропаганде. Но Рузвельт также передал Литвинову список, состоявший из 11 вопросов, которые он хотел бы решить. Там, помимо всего прочего, говорилось о признании так называемого долга Керенского — займов, которые брало Временное правительство под недолгим руководством А. Ф. Керенского в 1917 году. Кажется, Литвинов расстроился. «По-видимому, Рузвельт и Государственный департамент преувеличивают незаинтересованность в признании и последствиях провала моей миссии и будут упрямы до конца. Вопрос, однако, в том, хватит ли у них ума... не отрезывать себе пути отступления, чтобы уступить в последний момент. Сегодня завтракаю с глазу на глаз с Буллитом, — писал Литвинов, — которого я уже подготавливаю к мысли о возможности разрыва»².

¹ М. М. Литвинов — в НКИД. 11 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 37—39.

² И. В. Сталин, В. М. Молотов — М. М. Литвинову. 11 ноября 1933 г.; М. М. Литвинов — в НКИД. 11 ноября 1933 г. // Там же. С. 41—46.

Что касается 11 пунктов Рузвельта, Литвинов полагал, что Москва не сможет от всех них отказаться. И он указал те вопросы, в которых можно пойти на уступки, и попросил прислать ему инструкции по поводу того, в чем еще допустимо (если допустимо) пойти навстречу. «Продолжительно обрабатывал Буллита, сказал ему, — писал Литвинов, — что я отвергаю почти все новые предложения и что если Рузвельт будет на них настаивать, смогу уехать, не запрашивая даже Москву». То есть оба могли пригрозить прервать переговоры, если вторая сторона захочет слишком многого. Литвинов сообщил, что ему удалось привлечь внимание Буллита, и он пообещал обсудить камни преткновения с Рузвельтом перед следующей встречей. Что касается других вопросов, Буллит улыбнулся, услышав предложение Литвинова отказаться от требований возмещения убытков за интервенцию на Дальнем Востоке в обмен на долг Керенского, но дал слово, что постарается снизить долг до «символического значения» в обмен на отказ от требований СССР возместить убытки за американскую интервенцию на севере России. Рузвельт сам сказал Литвинову, что долг будет снижен «до минимума»¹.

Сталин снова отказался давать особые права американским гражданам в СССР, но согласился пойти на уступки по некоторым вопросам, в которых не затрагивались фундаментальные советские принципы. Он обошелся без насмешек и нереалистичных встречных предложений. Исключительно деловой разговор. Сталин пытался договориться с Рузвельтом². Дальнейшие переговоры в Вашингтоне вел уже непосредственно президент. Хэлл больше не принимал в них участия. Литвинов сообщил, что информация о разногласиях просочилась в прессу: «Кардинальным пунктом является вопрос о претензиях». Что касается религиозных и юридических прав, то это дело удалось более-менее утрясти, для чего использовались уже существующие соглашения с другими странами или действующие советские законы. Литвинов предпочитал отсрочить принятие решения по взаимным требованиям и передать досье финансовым специалистам. Это была старая советская стратегия — откладывать решения до тех пор, пока рак на горе не свистнет.

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 11 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 48—49.

² И. В. Сталин, В. М. Молотов — М. М. Литвинову. 12 ноября 1933 г. // Там же. С. 51.

Но Рузвельт хотел все решить здесь и сейчас. «На соглашение надежды мало», — телеграфировал Литвинов в Москву¹.

Буллит и Рузвельт стояли на своем, и Литвинов отправил еще одну телеграмму с просьбой прислать ему инструкции. Они встретились снова и два часа обсуждали разные вопросы. Теперь уже Буллит грозил прервать переговоры. «Я пропустил это мимо ушей», — писал Литвинов в отчете. Рузвельт «горячо доказывал необходимость немедленного разрешения вопроса о претензиях». Вероятно, состоялось бурное обсуждение, настоящая ссора купцов, как и предполагал Рузвельт. Президент предложил снизить общую сумму и закрыть все долги. Он признал, что долги действительно преувеличены. Теперь разговор пошел уже о цифрах. Буллит предложил примерно 150 млн долларов. По его словам, эта сумма могла закрыть долг Керенского и помочь избежать создания прецедента — еще один важный вопрос для СССР. Литвинов пытался тянуть время. Существовали «конституционные затруднения». Рузвельт полагал, что все можно решить за несколько дней, и, конечно, Литвинов может отправить телеграмму в Москву и запросить инструкции. Обсуждался также вариант «услуги за услуги». У американцев были замороженные активы в Германии — долги немецкого правительства. Их можно было передать СССР без дополнительных затрат для Министерства финансов. Литвинов проявил некоторый интерес, но все же рекомендовал отложить этот вопрос. «Хотя теперешний момент действительно позволил бы отделаться от всех американских претензий ничтожной суммой в 100 млн долларов и получить некоторый заем на выгодных условиях, я предлагаю не соглашаться на переговоры теперь же, а обещать начать их вскоре после обмена послами. Вопрос сложный и потребует долгого времени». Литвинов сомневался, но не сильно. В случае риска срыва переговоров мы (в Вашингтоне) могли бы согласиться на обсуждение возмещения убытков, но только так, чтобы оно шло всего несколько дней. «Думаю, что если соглашаемся на признание долгов Керенского, то Рузвельт настаивать на немедленных переговорах не будет, но и это я сделаю лишь в самом крайнем случае», — телеграфировал в Москву Литвинов и попросил немедленно выслать ему указания,

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину, В. М. Молотову. 12 ноября 1933 г.; М. М. Литвинов — в НКВД. 12 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 52–53.

возможно ли вообще заключение сделки. «Рузвельт опять упомянул, что хочет поговорить со мной о больших проблемах и о мире, а также на приватные темы, но свидания пока не назначил. Очевидно, хочет сперва устранить разногласия»¹.

Политбюро велело создать подкомитет, в который вошли Сталин, Молотов, Каганович и Крестинский. Это было необходимо для решения «всех вопросов», связанных с переговорами в Вашингтоне. В двух телеграммах Сталин одобрил все рекомендации Литвинова и дал ему полномочия договориться с Рузвельтом «по всем вопросам». Сталин напомнил, что СССР согласится выплатить долг Керенского при условии, если США выдаст кредит наличными. «В наших телеграммах мы даем Вам возможность маневрировать. От Вашего искусства зависит дать американцам минимум и вообще не продешевить»². В Сталине снова проснулся грузинский кулак, но теперь он верил, что Литвинов сможет заключить сделку с наименьшими затратами для советской казны.

Перед СССР открылась возможность договориться с США. Хорошие отношения с Вашингтоном всегда были красной нитью советской политики. Мог ли потянуть за нее Литвинов, не требуя слишком многого и не предлагая чересчур мало в ответ, как обычно поступал Сталин? Литвинов сообщил еще об одной встрече с Буллитом. Она прошла 13 ноября. Переговоры шли уже неделю. Стороны до сих пор не могли прийти к согласию по вопросам религии, юридических прав и пропаганды. Литвинов сообщил, что по этим вопросам он почти не идет навстречу, но придется сделать шаг навстречу в вопросе выплаты долгов. «Буллит объясняет это желанием Рузвельта после неудачи разрешения вопроса о долгах с другими странами добиться этого хотя бы с нами хотя бы ценой больших уступок. Кроме того, Рузвельту хочется самому заняться этим вопросом, а это он сможет сделать только со мной, так как посла и других делегатов он не сможет так часто принимать, как меня, и должен будет передать дела Государственному департаменту или Казначейству», — писал он. Буллит пребывал в хорошем

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 12 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 54—56.

² Выдержка из протокола Политбюро, № П149/64-опр. 13 ноября 1933 г. // Там же. С. 56; Телеграмма И. В. Сталина, В. М. Молотова — М. М. Литвинову о согласии с его позицией на переговорах с Ф. Рузвельтом. 13 ноября 1933 г. // Там же. С. 58.

расположении духа, так как рассчитывал заключить сделку. Как сказал Литвинов, он полушутя заявил, что в рамках реализации американских требований советское правительство может не только построить, но и украсить новое американское посольство в Москве. Нарком был почти также прижимист, как Сталин, поэтому он не стал комментировать «шутку» Буллита¹.

Сталин быстро ответил на последнюю телеграмму Литвинова. Он слегка уступил по вопросам религиозных прав. Что касается прав арестованных граждан США, он предложил статус наибольшего благоприятствования, то есть, по сути, те же консульские права, что были у граждан Германии. «По пропаганде можете дать все, что имеете в каких-либо из наших прежних договоров, — подчеркнул Сталин, — но на большие уступки не стоит идти»².

14 ноября Литвинов снова встретился с Буллитом. Шел восьмой день переговоров. «Мы с Литвиновым спорили два часа на тему возмещения долгов, — отчитывался Буллит. — Наконец мне удалось слегка выбить его из колеи, сказав, что в январе наверняка будет принят закон Джонсона, запрещающий давать займы странам, не выполнившим свои обязательства перед... США, и если советское правительство будет делать абсурдные предложения по погашению, то их совершенно точно отклонит Конгресс, и тогда советское правительство не сможет получить ни одного пенни кредита»³. Так торговался настоящий янки, жестко, но большевик Литвинов смог справиться с этим. Рузвельт был весь день занят, но должен был встретиться с Литвиновым на следующий день. Буллит снова подчеркнул желание президента заключить сделку. Рузвельт уезжал в Уорм-Спрингс в Джорджии лечить полиомиелит и звал Литвинова поехать с ним, чтобы закончить начатое. У президента там должно было быть больше времени, чем в Вашингтоне. Литвинов ответил, что сможет поехать только после официального возобновления дипломатических отношений. Буллит затронул вопрос займов, говоря о признании долга Керенского, и снова сослался на замороженные «кредиты»

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 13 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 59–60.

² И. В. Сталин, В. М. Молотов — М. М. Литвинову. 14 ноября 1933 г. // Там же. С. 60.

³ Bullitt to Roosevelt. 15 Nov. 1933. Hyde Park, New York, Franklin D. Roosevelt Library. President's Secretary's File, box 50, Russia: Bullitt, 1933–1936.

США в Германии. Литвинов, кажется, был не против и попросил Сталина дать ему дальнейшие инструкции¹.

15 ноября Литвинов снова встретился с Рузвельтом. Шел девятый день переговоров. «Только что обменялся с Рузвельтом рукопожатием, — телеграфировал Литвинов в Москву, — в знак достигнутого соглашения с тем, чтобы завтра изготовить все документы и подписать их в пятницу»². «Мы были слишком мягкими с ним сегодня утром», — сказал позднее Буллит Франклину Рузвельту³. Канцелярские работники всегда выступают за более трудные сделки. После девяти дней тяжелых торгов удалось прийти к соглашению, но, даже обменявшись рукопожатием с президентом США, Литвинов продолжал сомневаться. «Я, однако, несколько не уверен, что до подписания не возникнет новых неожиданных затруднений или что Рузвельт по настоянию своих сотрудников не попытается изменить пункты соглашения». Этот комментарий очень напоминал наблюдение Довгалецкого о том, как трудно заключить соглашение с французами даже в присутствии стенографистов. Рузвельт не так плох, вероятно, думал Литвинов. Я предлагаю полную секретность, телеграфировал он Сталину, пока не будут получены телеграммы, подтверждающие подпись под соглашением. Затем Литвинов кратко суммировал варианты решения сложных вопросов, начав с долгов. «Никаких заявлений о признании каких бы то ни было долгов я не делаю. Пресса сообщает, что имел место обмен мнений [так в тексте. — *Ред.*] о методах разрешения вопросов о взаимных претензиях, что позволяет надеяться на скорое разрешение вопросов». Литвинов должен был ненадолго остаться в Вашингтоне после подписания соглашения и постараться достигнуть договоренностей с Буллитом и Моргентаву по вопросу снятия взаимных требований в обмен на признание долга Керенского или еще каким-то образом прийти к окончательной сумме, которую нужно будет выплатить в качестве дополнительных процентов к американскому кредиту. «Я дал, однако, джентльменское слово, что берусь убедить свое правительство предложить не менее 75 милл. долларов, при максимальном требо-

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 14 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 61.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 ноября 1933 г. // Там же. С. 62—63.

³ Bullitt to Roosevelt. 15 Nov. 1933. Hyde Park, New York, Franklin D. Roosevelt Library. President's Secretary's File, box 50, Russia: Bullitt, 1933—1936.

вании Америки в 150 милл. долларов, но об этом моем обещании Рузвельт публично не заявляет», — писал он. Разница между этими двумя цифрами, процентная ставка, размер и длительность кредита должны были стать темой переговоров с Буллитом и Моргентау. Затем Литвинов перешел к другим вопросам, которые удалось урегулировать по мере того, как он давал объяснения Сталину и делал предложения Рузвельту.

Закончил нарком свой отчет предупреждением: «Я полагаю, что, судя по обстановке и ходу переговоров, надо считаться с возможностью новых затруднений. Переговоры были крайне трудными, и я даже не сообщал Вам о разных требованиях, которые удавалось ликвидировать немедленно». Он упомянул в качестве примера продление признания американской независимости. Рузвельт пошутил, что, когда он будет отчитываться перед Конгрессом по этому вопросу, он скажет: «Я заткнул [уши] и отказывался даже слушать»¹.

В то же время Сталин прислал дальнейшие инструкции к переговорам по вопросу долга и кредита, предложив суммы, процентные ставки и график платежей. Процентные ставки были низковаты, но все же не совсем безнадежные. Что касается размера долга, который нужно было выплатить, Сталин не стал делать никаких предложений. Эта телеграмма пришла одновременно с телеграммами Литвинова, в которых он объявил, что достиг договоренностей с Рузвельтом и более подробно рассказывал о переговорах. Нарком просил предоставить ему более подробные инструкции о предстоящей встрече по вопросам долга и кредита. Литвинов объяснил, что Конгресс должен рассмотреть в январе закон, который запретит давать кредиты любой стране, не выполнившей свои обязательства перед США. После принятия этого закона Америка уже не сможет дать кредит СССР, пока не будут выполнены все американские требования. Тогда никак не получится реализовать соглашение, подписанное в Вашингтоне. Вот почему Рузвельт торопился заключить сделку и получить одобрение в начале января. Президент предполагал, что многие будут против, но считал, что соглашение утвердят, если советское правительство согласится выплатить 150 млн долларов. Литвинов полагал, что ему придется

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 62–63.

предложить больше, чем планировалось изначально, и поднять сумму до 100 млн долларов во время переговоров. «Я имею ваше разрешение», — добавил Литвинов. Также более подробно обсуждали извлечение иностранной валюты из замороженных немецких кредитов, хотя Сталин скептически относился к этой идее¹.

15 ноября Литвинов отправил несколько телеграмм. В последней он сообщал больше подробностей, связанных с переговорами с Рузвельтом. Президент лишь в последнюю минуту второго и финального раунда наконец согласился «с большой неохотой» подписать соглашение, не решив до конца вопрос долгов и кредита. «Оказался он человеком жилистым, а подзуживали его газеты, придававшие его переговорам со мной спортивный характер “кто кого”»².

На десятый день переговоров, 16 ноября, возникла проблема. «Как [я] и ожидал, — писал Литвинов, — Буллит принес сегодня отредактированные Рузвельтом документы, несколько меняющие и расширяющие соглашение». То есть на подобные уловки в работе с советскими дипломатами шли не только французы. Президент попытался впихнуть в текст все свои пожелания в отношении религиозных прав, на которые согласился Литвинов. Но, что важнее, он также попытался увеличить размер долга, который должно погасить советское правительство, до 150 млн долларов. По утверждению Литвинова, когда они заключали так называемое джентльменское соглашение не для публики, он согласился на сумму не меньше 75 млн. Однако Рузвельт полагал, что Конгресс никогда ее не одобрит, и поэтому Литвинов должен уговорить Москву согласиться на 100 млн.

«Этим самым он дает понять, что и он согласится на 100 миллионов, тогда как вчера он заявлял, что не сможет предлагать Конгрессу меньше 150 миллионов», — отметил советский дипломат. Литвинов вел переговоры с западными странами с 1918 года и во многих случаях мог дать отпор. Но даже несмотря на то, что он был начеку, он не был доволен тем, что Рузвельт попытался смошенничать. «Я с негодованием отклонил эти новые требования, — сооб-

¹ И. В. Сталин, В. М. Молотов — М. М. Литвинову. 15 ноября 1933 г.; М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 64–66.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 ноября 1933 г. // Там же. С. 67–68.

шил Литвинов в Москву. — Буллит отправился докладывать президенту. Завтра Рузвельт уезжает, и если придется выбирать между моей погоней за ним на курорт и немедленным подписанием хотя бы с некоторыми уступками, я выберу последнее, поскольку уступки укладываются в Ваши инструкции. Увижу Рузвельта в 22 часа по местному времени»¹.

Тем вечером Литвинов заставил президента отступить по некоторым вопросам. Что касается долга, нарком пообещал обосновать 100 млн долларов, хотя правительство СССР не взяло на себя никаких обязательств. По мнению Литвинова, Рузвельт не согласился бы на меньшее, а мы не согласились бы на большее, и в результате соглашение отвечало советским интересам. В пятницу, на одиннадцатый день переговоров они снова встретились с Рузвельтом. Это был прощальный визит. Литвинов согласился назначить Буллита послом и выделить здание посольству. Здание имелось, и вполне сносное, но нужно было его отремонтировать и обставить мебелью².

Новые указания Сталина пересеклись с последней телеграммой Рузвельта. В целом соглашение включало выплату 100 млн долларов в качестве компенсации задолженности в 200 млн в виде долгосрочного кредита со ставкой 7 или 8% годовых: 4% за кредит и 3—4% за выплату долга. «Грузинский кулак» убеждал Литвинова попытаться добиться 7% и соглашаться на 8%, только если не будет другого выхода. Также Сталину не нравился вариант с получением американских кредитов в Германии, если предположить, что это вообще возможно. Это могло ухудшить отношения СССР и Германии, а они уже и так были плохими. Дело осложнялось еще и тем, что Сталин не хотел брать на себя обязательства размещать новые заказы в Германии в 1934 году. Что касается остальных вопросов, Сталин уполномочил Литвинова предложить Александру Антоновичу Трояновскому стать советским послом в Вашингтоне. «Предлагаем Вам довести переговоры до конца самому, хотя бы Вам пришлось остаться для этого в Вашингтоне до конца месяца»³.

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 16 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 69—70.

² М. М. Литвинов — в НКВД. 17 ноября 1933 г. // Там же. С. 72.

³ И. В. Сталин, В. М. Молотов — М. М. Литвинову. 17 ноября 1933 г. // Там же. С. 71.

В субботу, 18 ноября, на двенадцатый день переговоров Литвинов встретился с Моргантау и Буллитом, чтобы обсудить вопросы погашения долга и кредит. Литвинов напомнил американской стороне, что он остается в Вашингтоне только для определения суммы в соответствии с «джентльменским соглашением». Он собирался уехать 25 ноября. Если получится достигнуть договоренности до его отъезда, то хорошо, если нет, переговоры продолжит новый посол. Моргантау и Буллит не возражали, но настаивали на заключении соглашения до января. Затем они стали обсуждать процентные ставки. Литвинов предложил свои «максимальные» 7%, включавшие 2–3% на выплату долга. Читатели, наверно, заметили, что это меньше, чем одобрил Сталин, однако Литвинову было необходимо сохранить возможность позднее пойти на уступку, если договоренность будет возможно достигнута. Моргантау предложил 10%, из которых 6% шло на погашение кредита. На самом деле это не сильно отличалось от 8% Сталина. Могли бы стороны сойтись на 9%? Или 8,5%, из которых 5% шли бы в счет погашения долга? Следующая встреча должна была состояться в воскресенье. Литвинов попросил Богданова к ним присоединиться, так как он лучше знал процентные ставки. Нарком сомневался, что удастся достигнуть соглашения. Пресса тщательно следила за переговорами. Ей сообщали о каждой встрече, и она требовала результатов. Переговоры с участием Трояновского привлекали бы меньше внимания. «К тому же нам выгоднее, — отметил Литвинов, — вести переговоры в присутствии президента, который будет, как опыт показал, более уступчив, чем его советники». Литвинов сообщил, что накануне он спросил Буллита, почему Рузвельт так настаивал на религиозном вопросе. Буллит откровенно ответил, что этот вопрос относился строго к внутренней политике. Документы, связанные с религией, добавили бы Рузвельту 50 голосов в Конгрессе, которые ему необходимы для экономических реформ. Сама по себе религия не имеет никакого отношения к СССР¹. Во время дальнейшего разговора с представителем Госдепартамента Литвинову стало понятно, что Рузвельт не информирует Госдеп о содержании переговоров. Существуют «весьма неприязненные отношения между Госдепартаментом и Буллитом, — добавил Литвинов в своем сооб-

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 18 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 73–74.

щении, — но последний весьма близок к Рузвельту, с которым будет сноситься, вероятно, непосредственно»¹.

Придя к договоренности по вопросам признания, Рузвельт и Литвинов наконец перешли к обсуждению политических проблем. Если убрать общие фразы Рузвельта и перейти к сути, то он сказал, что главными угрозами миру являются Германия и Япония. А США и СССР «должны встать во главе движения за мир». Он считал, что Германия вполне может обратить внимание на восток, однако надеялся, что Гитлер долго не протянет и «сдуется». По словам президента, японские вооруженные силы представляли собой «серьезную опасность». Он не боялся нападения, но из-за Японии США приходилось тратить «сотни миллионов долларов на вооружение». Рузвельт заметил, что США может построить три военных корабля в ответ на каждый, который создаст Япония, и задался вопросом, сможет ли Япония выдержать такую финансовую нагрузку. Затем он быстро дошел до сути дела. СССР понадобится 10 лет, чтобы Сибирь достигла необходимого уровня развития. Литвинов сообщил, что Америка готова на все, что можно, чтобы только сдержать японскую угрозу. Америка не готова к войне, ее не хочет ни один американец, но Рузвельт на 100% готов предоставить СССР моральную и дипломатическую поддержку. Например, два правительства могут обмениваться информацией о Японии. Рузвельт предложил подписать пакт о ненападении, и Литвинов сразу же согласился. Президент сказал, что он попросит Буллита заняться этими вопросами и затем перед ним отчитаться. Литвинов попытался понять, как далеко готов зайти Рузвельт в этом направлении? Что он думает о двустороннем сотрудничестве в области безопасности с СССР? Тут президент сдал назад и сказал, что предпочитает односторонние декларации, когда это будет необходимо. «Из моих многократных бесед с Рузвельтом я вынес впечатление, что в случае урегулирования вопроса о долгах и при отсутствии инцидентов с американцами в Союзе у нас могли бы установиться с Рузвельтом весьма дружественные отношения». Литвинов также добавил, что общественность нас тоже в этом поддерживает².

¹ М. М. Литвинов — в НКИД. 20 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 77.

² М. М. Литвинов — в НКИД. 17 ноября 1933 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 719–721.

Возможно ли это? Рузвельт был настроен двигаться вперед, как и Сталин. Вождь перестал вести себя как циничный грузинский кулак, снизив цену во время обмена телеграммами с Литвиновым. Что касается процентной ставки, то вариант СССР отличался от предложения Моргантау на 2%. Если говорить об общем размере долга, в начале переговоров речь шла о 75 млн и 150 млн. На самом деле это были не такие большие суммы и для США, и для СССР. Размер кредита пока не обсуждался. Сталин хотел 200 млн. Пререкания из-за религиозных и правовых вопросов, важных лишь для небольшой группы американцев, удивили Литвинова, так как он не считал их важными. У Рузвельта были на то политические причины, как объяснили они вместе с Буллитом. Забавно, что США так настаивали на правах американцев в СССР, но при этом у них в стране темнокожие подвергались линчеванию и страдали из-за законов о расовой сегрегации. Не менее странными покажутся читателям слова Литвинова о соблюдении законности Советским государством на фоне коллективизации, вызвавшей страшное крестьянское сопротивление и масштабный голод, и с учетом того, что через несколько лет Сталин начнет репрессии и будет устраивать массовые расстрелы. Тем не менее оставался главный вопрос: можно ли будет достичь согласия по экономическим вопросам? Согласится ли враждебно настроенный Госдепартамент на сотрудничество? Достаточно ли сильная угроза исходит от нацистской Германии и Японии, чтобы преодолеть другие препятствия на пути к совместной работе США и СССР? Следующий год это покажет.

Литвинов свободно общался с американской стороной, пока находился в Вашингтоне. Он много говорил о японской угрозе советской безопасности. Он сказал заместителю государственного секретаря Уильяму Филлипсу, что Красная армия, к счастью, укрепляет линию обороны на маньчжурской границе. Этого должно быть «достаточно, чтобы на настоящий момент держать японцев в узде». Литвинов также открыто указал Филлипсу на то, что важно, а что нет. Отношения с Францией улучшились «во многом благодаря политической ситуации. Политически Франции было выгодно быть в хороших отношениях с Россией». Затем последовал вот этот комментарий: «Это сердечное согласие было достигнуто, несмотря на то, что французы были держателями российских ценных бумаг в огромных количествах... Хотя они не получили удовлетворения

от этих ценных бумаг, это не препятствовало растущей дружбе Франции с Россией, основанной на *потребности в безопасности* [курсив наш. — М. К.]». В этом и заключалась вся суть, правда? Филлипс пришел к выводу: «Гитлер и его режим очевидно не пользовались благоволением Литвинова, так как он активно высказывался против кампании нацистов, направленной против евреев»¹.

Тем не менее советские дипломаты добивались успехов как в Париже, так и в Вашингтоне. Из существующей переписки становится понятно, что Литвинов завоевал уважение Сталина. Вождь перестал над ним насмехаться, во всяком случае на данный момент, в своих письмах Кагановичу и Молотову. Это было хорошо, так как и на Западе, и на Востоке росла угроза безопасности СССР.

¹ Memorandum of conversation with Mr. Litvinov. November 20th. William Phillips. NA RG 59, 701.6111/742, box 3663.

ГЛАВА III

ОХЛАЖДЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ: ДЕЛО «МЕТРО-ВИККЕРС». 1933 ГОД

Если в отношениях с Францией и США советскому правительству удалось добиться потепления, то Великобритания оказалась куда более крепким орешком. В 1920-х годах отношения СССР с Великобританией были даже хуже, чем с Францией. Предпринимались попытки их улучшить, особенно в 1924 году, когда у власти недолго были находившиеся в меньшинстве лейбористы. На новых выборах в октябре 1924 года победили консерваторы. В последнюю неделю кампании им помогла публикация так называемого письма Зиновьева — поддельного документа, в котором говорилось о вмешательстве СССР во внутренние дела Великобритании. В итоге британское правительство разорвало дипломатические отношения с Москвой в мае 1927 года¹.

В 1920-х годах англо-советская торговля росла, и это мешало повестке Консервативной партии, упорно направленной против СССР. Вначале британских предпринимателей, таких как Артур Г. Маршалл из «Бекос Трейдерс», поддерживавших деловые отношения с Советской Россией, плохо принимали в Министерстве иностранных дел, так как там считали, что «достойные» англичане не имеют права торговать с СССР. Однако в 1920-х годах торговый оборот с Великобританией рос, а вместе с ним и прагматический подход британцев к делу. Борьба с большевиками — это одно, а бизнес — совсем другое. Однако этого прагматизма было недостаточно, чтобы преодолеть страх перед «пропагандой» Коминтерна и подрывной деятельностью в Британской империи.

¹ Carley M. J. Silent Conflict (chaps. 4, 5, 9).

В 1929 году второе правительство лейбористского меньшинства восстановило дипломатические отношения с СССР. Британские коммерсанты хотели работать с Россией, и их поддерживало советское правительство, обещавшее хорошие контракты. Даже консерваторы, которые сами не хотели возобновлять отношения, были рады, что лейбористы взяли на себя такую ответственность¹. В 1929—1930 годах лейбористское правительство дало кредитные гарантии российской торговле и подписало коммерческое соглашение с СССР, но на этом все и остановилось, так как против большевиков была как Палата общин, так и пресса. «Мне кажется, — писал один сотрудник Министерства иностранных дел в протоколе, — что если британская антикоммунистическая пресса объявит о перемирии в долгосрочной бомбардировке Москвы... то половина их тиража будет уничтожена»².

В 1931 году было сформировано национальное правительство под началом тори. Британский МИД подготовил справочный документ для нового министра — либерала сэра Джона Саймона: «Одним из печальных последствий войны является то, что англо-советские отношения стали предметом острейших внутривластных споров...

Если до войны Россия была загадкой, то после войны превратилась в навязчивую идею... о ней спорят партии во время большинства послевоенных обращений к британскому электорату. До тех пор, пока одна сторона, даже находящаяся в меньшинстве, тянется к советской звезде, а другая только и мечтает о ее закате, задача по нормализации англо-советских отношений остается безнадежной»³.

Как показали дальнейшие события, в МИД были правы. В 1932 году британское правительство обсуждало торговые соглашения с доминионами Британского Содружества наций, предоставляя им специальные условия и другие торговые привилегии и дискриминируя другие страны. В октябре 1932 года из-за давления со стороны Канады, заинтересованной в древесине и пшенице, британское

¹ R. Atherton, U.S. chargé d'affaires, London. No. 3340. 4 Feb. 1929. 741.61/210, NA, RG59, Microfilm (далее М)-582/6; Atherton. No. 382. 8 Nov. 1929. 741.61/259, *ibid*.

² Minutes by C.H. Bateman, Northern Department. 28 Jan. 1930. N499/77/38, TNA FO 371 14866.

³ Notes on Anglo-Soviet Relations (1929—1931), Bateman. 25 Nov. 1931. N7818/225/38, TNA FO 371 15609.

правительство аннулировало англо-советское торговое соглашение от 1930 года. Из-за этого снова начались переговоры на тему нового договора, продолжавшиеся зимой 1933 года. Советские чиновники были не слишком довольны этими изменениями, но им пришлось согласиться на новый раунд. В марте 1933 года, пока шли переговоры, разразился кризис.

Аресты в Москве

В субботу вечером, 11 марта, в Подмоскowie отряд агентов ОГПУ ворвался на территорию компании «Метро-Виккерс» — британской электро-промышленной компании, которую наняло советское правительство для обслуживания различных фабрик и заводов. Также были проведены рейды в других офисах и квартирах сотрудников. В итоге ОГПУ арестовало шесть британских граждан и конфисковало коробки с документами. Они искали доказательства шпионажа, саботажа и диверсий на советских заводах, где работали британские инженеры. Этот случай был очень похож на «Шахтинское дело» 1928 года, в ходе которого было арестовано шесть немецких граждан, что привело к серьезной ссоре с немецким правительством. В данном случае в обвинении речь снова шла о саботаже на промышленном предприятии. В одной из резолюций Политбюро в марте 1928 года упоминается «Метро-Виккерс», а также говорится о необходимости обращаться с британскими гражданами осторожно, однако тщательно расследовать деятельность этой компании на территории СССР¹. От необходимости «обращаться осторожно» пять лет спустя решили отказаться.

Британское посольство в Москве быстро узнало об арестах. Уильям Стрэнг, занимавший тогда должность первого секретаря посольства, сразу же отправил телефонный запрос в НКВД. Это было воскресенье, выходной день, поэтому на месте присутствовало лишь несколько человек. Стрэнг получил домашний телефон Льва Борисовича Гельфанда, помощника заведующего Западным отделом, и дозвонился до него примерно в полдень. Гельфанд выслушал рассказ об арестах. Стрэнг пытался понять, за что арестовали сотрудников «Метро-Виккерс», где их держат, и когда посольство может

¹ Резолюция Политбюро № 14. 8 марта 1928 г. // Лубянка: Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 147–148.

отправить к ним своего человека. Гельфанд ничего не знал об арестах — слышал о них впервые от первого секретаря. В воскресенье он ничего не мог сделать, но обещал утром сразу же навести справки. Стрэнг тем не менее настаивал на личной встрече. Гельфанд был недоволен, но согласился — он не хотел тратить на это свой выходной. На этой встрече во второй половине дня Стрэнг намекнул «в частном порядке», что «посольство сегодня вынуждено было телеграфировать в Лондон о случившемся, где, бесспорно, это сообщение произведет “очень тягостное впечатление”»¹.

Тут должен был развернуться ад. На следующий день Стрэнг снова позвонил Гельфанду, и тот ответил, что по-прежнему не получил никакой информации. При разговоре присутствовал посол сэр Эсмонд Овий, и он велел первому секретарю немедленно запросить встречу с Литвиновым. Нарком ответил, что он занят весь день, но Овий настаивал, и Литвинов направил на встречу с ним Крестинского. Когда посол прибыл, Крестинский написал у себя в дневнике: «Я сказал ему, что после доклада мне сегодня утром Гельфандом о вчерашнем визите Стрэнга я немедленно обратился с запросом к следственным властям, но ответа еще не получил и поэтому ничего по существу дела сообщить ему пока не могу». Не такой ответ хотел получить Овий. Как записал Крестинский, «видимо сильно волнуясь» Овий старался сдерживать эмоции. Замнаркому нечего было добавить, пока он не получит информацию от ОГПУ. Крестинский оказался в гуще событий во время «Шахтинского дела» в 1928 году и вступал в спор со Сталиным². Думал ли он об этом, когда записывал разговор? Овий повторил, что Великобритания, скорее всего, плохо отреагирует на арест инженеров «Метро-Виккерс». Как и Стрэнг, посол спросил, какие арестованным предъявляют обвинения и где их держат. Как сказал Овий, в интересах англо-советских отношений он надеется, что аресты произошли из-за «недопонимания» и арестованных скоро освободят. Крестинский писал, что Овий, конечно, перебарщивал, но, скорее всего, он действовал в соответствии с инструкциями, полученными из Лондона³.

¹ Запись беседы Л. Б. Гельфанда с У. Стрэнгом от 12 марта 1933 г. 13 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 1–2.

² Carley M. J. Silent Conflict. P. 391–396, 400.

³ Встреча с послом Великобритании Э. Овием. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 13 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 36–38.

Эти инструкции Овий получил от постоянного заместителя министра иностранных дел сэра Роберта Ванситтарта. Он отправил первую телеграмму в Москву 13 марта, в которой согласился с оценкой арестов, данной Овием. Посол сказал, что это «безрассудный поступок, который произвел крайне плохое впечатление» в Лондоне. Голословные обвинения не «вызывают никакого доверия», и в итоге будет сделан вывод, что «уважаемые британские граждане» не могут работать в СССР без риска. Тогда нет смысла обсуждать новое торговое соглашение¹. МИД поддержал мнение Овия: советские обвинения, выдвинутые против британских граждан, не имеют под собой никаких оснований, хотя никто в Лондоне или в британском посольстве в Москве не знал до сих пор, в чем их обвиняют.

Вечером 13 марта НКИД получил информацию об арестах. Гельфанд позвонил Стрэнгу и попросил его прийти в НКИД в 00:30. Когда они встретились, Гельфанд зачитал ему подготовленное заявление на тему арестованных. Двух британских и трех советских граждан отпустили. Остальные британцы находились в Москве и сейчас пытались договориться о допуске к ним консула. Стрэнг сделал пометки и попросил разрешения воспользоваться телефоном, чтобы позвонить послу. То, что произошло дальше, напоминает небольшую комедию.

Гельфанд подробно описал те события: «Чрезвычайно волнуясь и подергиваясь, Стрэнг добавил, что посол должен немедленно по телефону сделать мне какое-то сообщение. Вид Стрэнга показывал, что сообщение будет “не из приятных”. Поэтому я указал ему, что теперь уже очень поздно, я был лишь уполномочен сделать посольству записанное им сообщение и что не имеет никакого смысла делать мне какие-то заявления по телефону в настоящий момент, ибо я все равно не имею возможности эти заявления передать кому-либо сегодня. Поэтому я прошу Стрэнга объяснить это послу и рекомендовать всякие сообщения, если в них есть необходимость, отложить до завтра».

Гельфанд, очевидно, не хотел передавать своему начальству этот «неприятный» разговор с британским послом. Стрэнг, сочувствующий Гельфанду, ответил, что Овий, скорее всего, будет настаивать

¹ Vansittart to Ovey. No. 19. 13 March 1933. N1610/1610/38, TNA FO 371 17265.

на немедленном телефонном разговоре. «Мне стало очевидным, — писал Гельфанд об этой беседе, — что либо заявление действительно весьма срочное (что маловероятно), либо завтра делать его будет может быть значительно труднее». По словам Гельфанда, Стрэнг жестами ему показал, что он не согласен с послем, настаивающим на немедленном разговоре, но он следует его инструкциям. Поэтому Гельфанд предоставил Стрэнгу телефон, а сам пошел в соседнюю комнату, чтобы позвонить Крестинскому и решить, что делать. В результате они решили, что отказаться от телефонного разговора с Овием будет «неудобно и невозможно». Гельфанд вернулся в свой кабинет, где Стрэнг зачитывал послу заявление НКВД об арестованных инженерах «Метро-Виккерс». Овий попросил его передать трубку Гельфанду.

«Начал Овий раздраженным и достаточно наглым тоном, который в процессе беседы и моих твердых ответов постепенно снижал. Он сообщил, что только что получил поручение своего правительства довести до нашего сведения следующее (здесь он соврал, что поручение получено уже после отъезда Стрэнга ко мне в Комиссариат, тогда как Стрэнг за две минуты до этого предупредил меня, что у Овия есть для нас специальное сообщение)».

Затем Гельфанд записал довольно длинное заявление посла, который с трудом сдерживался. Овий утверждал, что в Великобритании общественность негодует из-за арестов, и это может повлиять на торговые переговоры. Это было первой угрозой советскому правительству. Второй было то, что британское правительство остановит торговлю с СССР. По словам Овия, в Великобритании никто не верит обвинениям, выдвинутым против арестованных. Правительство Его Величества требует подробных объяснений.

«Я снова здесь перебил Овия, — откровенно записал Гельфанд, — и сказал ему, что, с моей точки зрения, он имеет возможность передать в Лондон наш исчерпывающий ответ на поставленные посольством вопросы». Овий был недоволен и стал спрашивать дальше. Гельфанд повторил то, что сказал Стрэнгу, и заверил посла, что он получит все ответы.

«Нет, — ответил Овий, — мне нужно немедленно отчитаться перед моим правительством. Мне придется доложить, что арестованным грозит смерть и что их отправили в тюрьму из-за абсурдных обвинений. Мы пытаемся улучшить отношения между нашими странами,

господин Гельфанд, вы и я, мы с вами дипломаты, и вы понимаете, что это значит!» Гельфанд не остался в долгу, но не смог должным образом отреагировать на завуалированную угрозу разорвать дипломатические отношения. «Почему, если Овий имел столь неотложные вопросы, на которые не может даже ждать ответа, он их не поставил сегодня в беседе с т[оварищем] Крестинским, а вспомнил задать их мне в половине второго ночи?» Это стало напоминанием для Овия, что уже поздно, и встреча вскоре закончилась. Для помощника заведующего Гельфанд смог достойно противостоять разъяренному британскому послу. В целом он считал, что Овий искал повод для ссоры. «По-моему, целесообразно ответить на последние вопросы Овия побыстрее для того, чтобы ограничить враждебную активность Овия и возможность его провокационных сообщений в Лондон»¹.

Разгар кризиса

На следующий день, во вторник, Овий понял, что наступил его звездный час, и отправил в Лондон телеграмму, в которой принялся разглагольствовать о советской «глупости» и о том, что советское правительство «не в своем уме». Британцы даже представить себе не могли, что у СССР на самом деле были причины арестовать британских граждан. Овий считал, что с Москвой можно говорить только на языке силы, и что «без угроз ничто не возымеет действия, если суд вынесет решение или начнется расследование, больше похожее на пародию, то мы остановим переговоры или даже разорвем дипломатические отношения». Таким образом, Овию было недостаточно одной угрозы, и он добавил новую — возможное прекращение дипломатических отношений. Британский МИД уже их разрывал в 1927 году, однако на Москву это никак не повлияло. А угрозы, по-видимому, должны были. «Может показаться, что дело зашло слишком далеко, — продолжал Овий, — но мне кажется, что одно только это должно привести их в чувство». Если только, конечно, продолжил посол, советское правительство не собирается выслать британские компании². Юрисконсульт Министерства иностранных дел Джеральд Фицморис высказал свои сомнения и посоветовал не

¹ Запись беседы Л. Б. Гельфанда с послом Великобритании Э. Овием. 14 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 3—8.

² Ovey. No. 39. 14 March 1933. DBFP, 2nd series, VII, 306—307.

рубить с плеча¹. Вначале Ванситтарт не хотел слушать юридические советы или проинструктировать Овия проявить осторожность.

Овий вернулся к этой теме на следующий день, 15 марта, на этот раз он говорил с начальником Гельфанда — Евгением Владимировичем Рубининым. Ссора поднималась вверх по служебной лестнице НКВД. Литвинов, видимо, надеялся, что его эта проблема не затронет. Овий снова задал по телефону те же вопросы, что Гельфанду ночью. Рубинин рассказал все, что знал, с учетом предоставленной НКВД информации.

«Овий делал усилия, чтобы сохранить спокойный тон в разговоре, — отмечал Рубинин, — и лишь один раз сорвался». И опять-таки, Овий сказал, что британцы взволнованы, и это может привести к еще одному делу «АРКОС», как это было в 1927 году, когда в советских торговых представительствах устроили обыски. Это прозвучало как еще одна угроза. Почему западные страны никак не могли понять, что на НКВД и Сталина угрозы не действуют? «Я сухо ответил, — писал Рубинин, — что я действительно не могу понять смысла подобных аналогий и не рекомендовал бы давать беседе направления, в котором я не мог бы ее продолжать»². Это был такой дипломатический способ сказать «пожалуйста, прекратите мне угрожать».

Получив ответы от Рубинина, Овий не успокоился и позвонил Гельфанду. Он задал ему все те же вопросы о судьбе британских заключенных: будет ли суд, будет ли он открытый или закрытый для публики, кто будет председательствовать на процессе. По словам Овия, ему велели получить ответы до того, как в тот же день состоится заседание Палаты общин. Посол зачитал телеграмму из Лондона и начал давить изо всех сил, чтобы добиться своего. Требовал, чтобы Литвинова проинформировали о «невозможном состоянии» англо-советских отношений, возникшем из-за того, что британских граждан обвиняют в государственной измене (так в исходном тексте телеграммы) и устраивают над ними показательный суд исключительно во внутривнутриполитических целях. Эти слова Ванситтарт отправил Овию в качестве дополнительных инструкций³. «Это серьез-

¹ Fitzmaurice's minute. 15 March 1933. N1658/1610/38, TNA FO 371 17265.

² Беседа Е. В. Рубинина с послом Великобритании Э. Овием. 15 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 89. Д. 24. Л. 9—12.

³ Vansittart to Ovey. No. 20. 14 March 1933. N1649/1610/38, TNA FO 371 17265.

ное дело, — сказал Овий Гельфанду, — которое представляет собой огромную опасность для отношений СССР и Англии». И снова угроза. Гельфанд ответил, что у НКВД тоже нет ответов на все вопросы, но как только они будут, посла проинформируют. Поговорив с Овием, Гельфанд отчитался перед Литвиновым. Нарком отказался слушать полный текст британской телеграммы и велел сообщить об этом послу¹. Стороны начали выходить из себя.

Овий не успокаивался и принялся донимать Рубинина, хотя тот постарался предоставить всю необходимую информацию об аресте и судебном преследовании сотрудников «Метро-Виккерс» и о том, как с ними обращаются. Посол хотел выяснить, почему Литвинов отказался выслушать отчет о британской телеграмме. Рубинин ответил, что нарком никогда бы не признал законным британское заявление, в котором подразумевалось бы вмешательство во внутренние дела СССР. Но Овий не обратил внимания на эти слова и продолжал настаивать, что сотрудников «Метро-Виккерс» обвиняют без всяких доказательств. Он спросил, неужели Рубинин с ним не согласен? Как мог посол утверждать, что арестованные не виновны, не предполагая при этом, что ОГПУ действовало незаконно? В этом была вся суть, и Рубинин ответил, что он не компетентен отвечать на этот вопрос². Как сказал Овий Ванситтарту: «Я жестко с ним [Рубининым] поговорил» об ответах на вопросы, которые пока не были получены. В отчете посла едва слышен голос Рубинина. По его мнению, советское правительство не понимало серьезности ситуации³.

Литвинов хотел, чтобы дело «Метро-Виккерс» не превратилось в громкий скандал, и именно поэтому изначально отказался встретиться с Овием и отправил к нему Гельфанда и Рубинина. 16 марта, через пять дней после ареста, Литвинов понял, что его стратегия не сработала, и согласился увидеться с послом. Они долго разговаривали. Учитывая яростные телефонные звонки и непрекращающиеся встречи с Гельфандом, Рубининым и Крестинским, читатели могут предположить, что Овию пришлось с Литвиновым нелегко. Нарком умел вести себя соответствующим образом, когда встречался с пра-

¹ Запись беседы Л. Б. Гельфанда с послом Великобритании Э. Овием (по телефону). 15 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 13–15.

² Дискуссия Е. В. Рубинина с послом Великобритании Э. Овием. 16 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 18–2.

³ Ovey to Vansittart. Nos. 47–48. 15 March 1933. DBFP, 2nd series, VII, 312–313.

вительствами и дипломатами, недружелюбно настроенными по отношению к СССР. Однако в этот раз он выслушал взволнованного посла и его уже многократно повторенные слова о риске для англо-советских политических и торговых отношений. В Палате общин выступало несколько членов правительства, и Литвинову пришлось выслушать Овия, который решил зачитать речь исполняющего обязанности премьер-министра Стэнли Болдуина, пока Рамсей Макдональд был в Женеве.

Когда нарком наконец отреагировал на речь посла, ему было что сказать. Если кратко, то речь шла о следующем: британское правительство, видимо, полагает, что его граждане могут не соблюдать советские законы, и их нельзя арестовывать и привлекать к ответственности. Но это невозможно, а также невозможно их выпустить только потому, что британское правительство утверждает, что они невиновны. Так случалось, что граждане других государств нарушали законы стран, в которых они жили, и из-за этого возникали сложности в отношениях между государствами. Но это происходило и в других странах, а не только в СССР. В международных отношениях такое случается, но каким-то образом решается, а дела сдаются в архив. «Международные отношения — сказал Литвинов, — определяются и должны определяться более высокими и глубокими соображениями, чем подобные эпизоды». Но Овий все равно нервничал. Он стал задавать вопросы о подробностях дела. В большинстве случаев Литвинов, если не знал ответа, обещал спросить и дать послу знать, когда он получит дальнейшую информацию. Тогда Овий немного успокоился и спросил Литвинова, как бы он посоветовал ему себя вести. Нарком согласился дать «неофициальный» ответ. «Я думаю, — сказал он, — что как посол, так и его правительство проявляют слишком большую нервозность в этом деле и поднимают слишком много шума. Это не в интересах дела. С одной стороны, и Болдуин, и посол высказывают убеждение в абсолютной невиновности арестованных, а в то же время рассуждают так, как будто виновность всех арестованных будет обязательно доказана и что их неизбежно всех ждет расстрел».

Литвинов полагал, и что и первая, и вторая точка зрения слишком категорична и противоречива, хотя стороннему наблюдателю можно простить сомнения. В любом случае нарком посоветовал послу успокоиться. Двух арестованных уже предварительно освободили.

Остальным не помогут грубость и угрозы, и англо-советские отношения от этого не станут лучше. А как раз совсем наоборот. Советское правительство не испугается угроз. Совершенно точно. «Чем спокойнее английское правительство отнесется к делу, тем лучше для арестованных и для наших отношений». По менее важным вопросам Литвинов посоветовал Овию связываться с его подчиненными, чтобы быстрее получить ответ, так как он (нарком) не всегда доступен. Но какое-то ведомство НКВД непременно будет открыто. Литвинов писал, что в конце разговора Овий успокоился¹. Если и так, но это длилось недолго.

Овий составил отчет о встрече для британского МИД. В основном там говорилось о том, что посол сказал Литвинову, и намного меньше о словах наркома. Комментарии Литвинова были сокращены до двух абзацев, и многое оттуда пропало. Он был представлен «раздражительным и в некоторых отношениях добродушным хамом». Наверно, это значило, что он не соответствовал стандартам британской элиты, и поэтому не надо было уделять много внимания тому, что он говорит. Овий также отметил, что встреча прошла «совершенно спокойно», хотя, по словам Литвинова, большую часть разговора посол был на взводе.

Кроме того, Овий сообщил, что, по его мнению, еврейские круги в Наркомате иностранных дел, где они преобладают, а также и в других местах достаточно разделяют буржуазно-интеллигентские настроения, чтобы понять, в каком опасном направлении сейчас движется Сталин. Пока еще не до конца видно, что корабль будет затоплен, поэтому крысы не бегут в безопасное место. «Мне кажется, что те, кто искренне предан партии, положительно отнесутся к действиям Великобритании, которые не позволят Сталину потопить свой собственный корабль, поссорившись с нашей страной».

По словам Овия, Литвинова «заставляют играть в эту игру, [но] глубоко в душе он, как мне кажется, не одобряет приказы, которые ему отдают». Поэтому посол рекомендовал предпринять «самые решительные действия», чтобы Великобритания не потеряла «весь престиж» в СССР. Он считал, что стоит потребовать немедленно «освободить арестованных и попросить прощения». Раз Овий так прокомментировал происходящее и посоветовал подоб-

¹ Встреча с британским послом Э. Овием, 16.III.33. Выдержка из дневника М. М. Литвинова // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 89. Д. 4. Л. 30—37.

ные политические решения Лондону после встречи с Литвиновым, это значило только то, что он совершенно не понял, что сказал ему нарком¹.

Литвинов так и думал. Он предупредил Сталина, что события развиваются в неправильном направлении после того, как англичане подняли шум в парламенте и прессе, а английский посол начал ежедневно беседовать с зарубежными корреспондентами, «давая им одностороннее изложение переговоров с нами», хотя мы при этом «совершенно молчим». «Я опасаясь, что Овий вводит в заблуждение не только корреспондентов, но и собственное правительство, искажая разговоры с нами и передавая из них лишь то, что он считает для себя выгодным, чтобы показать свою энергию и превосходство своей аргументации». Литвинов был прав. Он рекомендовал опубликовать краткое содержание его беседы с Овием и отправил черновик на согласование Сталину².

Учитывая телеграммы, которые посол посылал в Лондон, Литвинов был на правильном пути. Вечером в среду, 16 марта в квартире у Рубинина зазвонил телефон. Разумеется, Евгений Владимирович посмотрел на часы: было 11 вечера. Звонил Овий. Он хотел немедленно видеть Литвинова. «Теперь что стряслось?» — наверное, подумал Рубинин, почувствовав себя нянькой. «Могу я вам помочь?» — спросил он. Овий потребовал, чтобы он немедленно приехал в посольство, так как он сам никак не мог приехать в НКВД. Шофер заболел, а жена уехала ужинать, и он ждал, пока она вернется. Рубинин не хотел снова начинать эти игры, поэтому он извинился и сказал, что уже поздно, а завтра у него выходной. Ему нужно будет подготовить отчет и отправить его Литвинову и Крестинскому, а они его не прочтут, пока не вернутся на работу на следующий день. «После довольно продолжительной дискуссии на эту тему» Овий наконец объяснил, почему он так торопился встретиться с Литвиновым или на худой конец с Рубининым. Он слышал, что в московской прессе будет опубликовано официальное сообщение о его встрече с наркомом. Он боялся, что там напишут что-то, что может «плохо повлиять на развитие событий». С учетом «удивительной настойчивости»

¹ Ovey to Vansittart, nos. 68—9, 17 March 1933, N1772 & N1778/1610/38, TNA FO 371 17265.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину, № 39/Л, секретно, 17 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 26—8.

Овия Рубинин согласился более подробно изучить вопрос и дать ответ.

Повествование превратилось в фантазмагорию, но пусть Рубинин сам расскажет, что дальше произошло: «Переговорив с товарищем Литвиновым, я позвонил Овию и сказал ему, что я, к сожалению, лишен возможности сейчас уехать из дома. К тому же, — добавил я, — мне удалось сейчас связаться с нашим Отделом печати, и я выяснил, что коммюнике о беседе Овия с тов[арищем] Литвиновым уже пошло в печать. Я заметил при этом, что мы, естественно, не могли откладывать дольше осведомление печати об ответе Советского правительства на британские демарши, поскольку со стороны Британского правительства имел место ряд публичных заявлений по этому вопросу, а сам посол информировал иностранных корреспондентов о каждом предпринимаемом им шаге.

Овий спросил меня, что содержится в коммюнике, которое нами дано в прессу, нет ли там чего-нибудь “очень резкого”». Рубинин ответил уклончиво, что «оно излагает разъяснения, данные тов[арищем] Литвиновым послу, и следовательно, «последний знает их лучше меня».

«Ну, если так, то все в порядке, — ответил посол, — наша беседа была вполне корректной».

За исключением того, что они дали о встрече совершенно разный отчет. Именно это волновало Овия, хотя и зря. Разговор не закончился, так как посол снова вернулся к обвинениям и попросил Рубинина на следующий день с утра сразу же приехать в посольство. «После этого Овий настойчиво просил меня заехать к нему завтра рано утром, и после многократных попыток убедить его в бесполезности такого свидания в выходной день, — подвел итог Рубинин, — я согласился приехать к нему в 9 ч[асов] 30 м[инут]»¹.

В это время Ванситтарт немного отступил от своей изначально крайне радикальной позиции по московским арестам. Ему не понравилось предложение посла потребовать извинений от советского правительства, однако он предоставил ему свободу действий и позволил изменить план без дополнительных обсуждений с Лондоном, а также одобрил манеру общения Овия с Литвиновым². Чего

¹ Дискуссия Е. В. Рубинина с послом Великобритании Э. Овием. 17 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 24—25.

² Vansittart to Ovey. No. 27. 17 March 1933. DBFP, 2nd series, VII, 329—330.

Ванситтарт не понимал, так это того, что Овий неточно передал ему комментарии и рекомендации наркома.

Рубинин вернулся из британского посольства и за завтраком написал еще один отчет о разговоре с Овием. Вначале посол начал жаловаться, что он каждый день до четырех утра занимается делом «Метро-Виккерс». Литвинов уже сказал, что он выглядит больным. Овий согласился: видимо, хотел, чтобы ему посочувствовали. Он сообщил Рубинину, что потратил три с половиной года на улучшение англо-советских отношений, а теперь все рухнуло. «Знаю, — продолжил Овий, — что люди говорят, что я специально осложняю дело, что пытаюсь играть роль колониального управляющего. Но это совершенно точно неправда. Я ваш лучший друг. Некоторые люди в Англии даже обвиняют меня в любви к большевизму».

По словам Рубинина, Овий довольно подробно рассказал обо всем этом, а затем снова стал твердить то же, что и всегда, а именно завел речь о возмущении британского общества. Он также намекнул на возможное ухудшение англо-советских отношений. Рубинин несколько раз пытался его перебить и спросить, зачем он повторяет то, что уже сказал, и задает вопросы, на которые уже получил ответы. Хотя Овий переживал из-за коммюнике Литвинова, однако согласился с тем, что оно «полностью правильное», даже несмотря на то что пресс-отдел НКВД слегка переборщил. Наконец посол вернулся к своей главной идее о том, что, хотя британское правительство уважает право СССР применять свои законы, оно просит немедленно освободить британских подданных. Советскому правительству также следует, «если это возможно», выразить сожаление из-за совершенной ошибки и «неприятностей», которым были подвергнуты заключенные. Овий получил последнюю телеграмму Ванситтарта с указаниями на этот счет и решил добавить «если это возможно» и испробовать такой вариант на НКВД. Рубинин отказался обсуждать предложение посла и сказал, что передаст его Литвинову, хотя мог поклясться, что нарком даже рассматривать его не станет¹.

Рубинин старался вести себя дипломатично, он слишком хорошо знал, что думает по этому поводу Литвинов. Овий в тот же вечер столкнулся с наркомом на приеме у шведов и попросил о встрече.

¹ Дискуссия Е. В. Рубинина с послом Великобритании Э. Овием. 18 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 29—32.

Литвинов согласился, но объяснил, что Овий напрасно тратит время, выдвигая новые предложения об освобождении арестованных и о выражении сожалений. Об этом и речи идти не может. «Я не понимаю поэтому, — писал Литвинов в своем дневнике, — зачем посол хочет повторить мне вновь это предложение, заранее зная мой ответ». Добавить было нечего. Овий сказал, что он получил инструкции от своего правительства. Литвинов ответил, что готов встретиться, чтобы дать послу возможность выполнить то, что ему велели, но он не должен думать, что из этого будет толк. Овий попытался втянуть в разговор жену Литвинова, англичанку Айви Лоу. Он старался вызвать в ней сочувствие к гражданам ее страны. Это было ошибкой. «Моя жена сухо сказала ему, — писал Литвинов, — что она полагала, что он в достаточной мере англичанин, чтобы вести корректно разговоры и на корректные темы»¹.

Овий тоже написал отчет об этом разговоре. «По тем нескольким минутам, которые он мне дал, можно оценить циничное равнодушие или расчетливое упрямство советского правительства... Я спросил, читал ли он о последних заявлениях и выступлениях в Англии. Он имел наглость утверждать, что именно из-за них начались все проблемы»². Это был классический случай того, как два дипломата могут говорить на совершенно разных языках. Овий не упомянул свой краткий разговор с Айви Лоу.

Столкновение посла и наркома

Литвинов, как и обещал, встретился с Овием на следующий день. Это было воскресенье, 19 марта. После арестов прошло восемь дней. Посол выполнил данные ему указания и предложил немедленно освободить британских заключенных. Они, Овий и Литвинов, могут вместе решить, как об этом объявить. Однако советская сторона должна заверить британское правительство, что «такого больше не повторится». Литвинов ответил Овию так, как обещал.

«Я заметил О[вию], — написал нарком в своем дневнике, — что он исходит из совершенно неверного предположения о нашем ре-

¹ Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 19 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 89. Д. 4. Л. 40—41. Копии были отправлены И. В. Сталину и В. М. Молотову.

² Ovey to Vansittart. No. 79. 19 March 1933. N1814 //6/0/38, TNA FO 371 17265.

шении освободить арестованных и прекратить все дела и что мы будто бы желаем лишь спасти лицо, в чем он любезно готов нам помочь. Я должен эту его иллюзию совершенно рассеять». Этому не бывать, продолжил Литвинов, поскольку дело уже передано прокурорам, которые будут решать, что делать дальше. Тогда Овий задал несколько вопросов относительно того, какое, скорее всего, будет принято решение. Литвинов не стал его обнадеживать.

Затем нарком решил преподать урок дипломатии: «НКВД следит за этим делом под углом зрения наших отношений с Англией, но мы не можем, однако, упускать из виду общегосударственные интересы. Мы стараемся, елико возможно, смягчить положение, выхлопотали посольству первое свидание [с заключенными. — М. К.], ускорение следствия и т. п. К сожалению, начавшийся вслед затем шум в английской прессе, неосторожные заявления Болдуина в Палате и неумеренные заявления Ванситтарта [советскому полпреду Ивану Михайловичу. — М. К.] Майскому и Овия мне со скрытыми угрозами ослабили и нейтрализовали усилия НКВД. Я боюсь, что если поведение английской прессы и самого правительства не изменится, то я вряд ли в чем-либо смогу быть Овию полезным в данном деле и мое сотрудничество, о котором посол меня просит, сведется к нулю».

Затем Литвинов более подробно рассказал, какие действия он предпринял, чтобы облегчить ведение дела, но отметил, что это не поможет, если британское правительство не научится вести себя сдержанно.

Но Овий не сдавался и твердил, что единственный способ выйти из этого тупика — это освободить заключенных без всяких предварительных условий. Британское правительство не может контролировать прессу, и само находится под давлением общественного мнения. Также Овий не мог сказать руководству, что своими действиями оно наносит заключенным вред. В ответ Литвинов снова озвучил свою позицию и попросил Овия передать ее британскому правительству. СССР не требуется его согласие на суд. Тогда посол сказал, что раз арест таких важных людей — обычная история для СССР, тогда будет труднее наладить экономические отношения с Великобританией. А затем повторил, что в Англии люди «абсолютно убеждены, что все дело сфабриковано». В этот момент Литвинов оборвал посла: «Я остановил Овия и предложил ему не

продолжать высказывать подобные мысли, если он не хочет заставить меня сказать ему все, что я думаю об его правительстве». Таким образом, разговор подошел к концу. «Овий закусил губы», — написал Литвинов, — и сменил тему. Разговор быстро закончился. Когда Овий уходил, он сказал, что не уверен, что советское правительство верно оценивает «серьезность ситуации». Поверьте, наверное, ответил Литвинов, «у нас есть достаточно воображения, чтобы предвидеть все последствия и учесть их»¹. Овий тоже записал разговор, который местами отражает, а местами нет содержание дневника Литвинова. Посол пытался убедить наркома, что они близки к тому, чтобы достигнуть договоренностей: надо сделать лишь небольшой рывок, и все получится. «Что бы ни говорил господин Литвинов, я всячески пытался сгладить острые углы, — писал Овий. — Теперь требовался лишь деликатный, но настойчивый толчок, чтобы добиться немедленного освобождения»². Если Литвинов верно записал разговор, то у читателей может возникнуть вопрос: как мог Овий прийти к такому заключению? Как Овий «сглаживал острые углы» в разговоре с наркомом? Из дневника Литвинова это непонятно. Или два дипломата снова говорили на разных языках?

Овий предложил встретиться с Майским, чтобы он помог сделать финальный рывок. Наверно, Литвинов подумал о том же. НКВД не верил, что посол верно передаст слова Литвинова в Лондоне, и поэтому Крестинский велел Майскому, который занимал должность всего несколько месяцев, сказать британскому МИД, что его тактика работает против него и «может только повредить делу». Он повторил то, что Литвинов сказал Овию.

Суть ответа Майского была в следующем: ни одно суверенное правительство не может прекращать следствие и освобождать арестованных по обвинению в совершении преступления иностранцев, только потому, что иностранное правительство заявляет о своей уверенности в невиновности арестованных, или потому, что это иностранное правительство требует освобождения своих подданных. Удовлетворение требования англичан обозначало бы признание нами капитуляционного режима, на что мы, конечно, не пойдем

¹ Встреча с Э. Овием. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 19 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 89. Д. 4. Л. 42–45.

² Ovey to Vansittart. Nos. 82–83. 19 March 1933. N1816 & N1817/1610/38, TNA FO 371 17265.

и для чего, как не может не понимать англ[ийское] правительство, нет никаких оснований в нынешней политической обстановке».

Крестинский предоставил Майскому дальнейшую информацию об этом деле и объяснил, как дальше общаться с британской стороной, чтобы держаться того же курса, что выбрал Литвинов. «Мы отдаем себе отчет, — писал Крестинский, — что это дело испортит на известное время наши отношения с англ[ийским] пра[вительством], но мы тем не менее не можем под давлением иностранного правительства прекращать следствие и освобождать лиц, относительно виновности которых имеются серьезные данные»¹.

НКВД считал, что Овий слишком много берет на себя, но до 19 марта он следовал инструкциям Ванситтарта. После встречи с Литвиновым Овий отправил свои рекомендации в Лондон, в которых пояснил, как добиться освобождения заключенных, и посоветовал пригрозить разрывом дипломатических отношений, если больше ничего не сработает. Кольер и Олифант были против. Кольер считал, что советской стороне важнее бизнес, чем дипломатические отношения. «Мне кажется, сэр Э. Овий заходит слишком далеко и движется слишком быстро», — писал Ванситтарт в протоколе. Он был против отзыва послов и разрыва дипломатических отношений². Однако Овий не успокаивался и продолжал на этом настаивать. Он полагал, что таким способом можно заставить СССР сдаваться, но тут он сильно ошибался. Овий неправильно понял подаваемые ему сигналы. «Враг готов полностью сдаться, — сообщил он Ванситтарту. — Они должны где-то уступить. Чем скорее, тем лучше»³. Овий не готов был идти на попятную и отправил еще одну телеграмму, в которой рекомендовал разрыв дипломатических отношений, если арестованных из «Метро-Виккерс» не освободят. Заместитель юрисконсультанта британского МИД Фицморис считал, что Овий зашел слишком далеко: «Нам уже задают вопросы о том, почему мы не предпринимаем подобных действий в отношении британских подданных, арестованных в Германии, и, хотя эти дела не со-

¹ Н. Н. Крестинский — И. М. Майскому. 19 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 34–35.

² Collier's minute. 20 March 1933; Oliphant and Vansittart. 21 March 1933. N1850/1610/38, TNA FO 371 17265; Memorandum by Sir R. Vansittart for the Cabinet. 21 March 1933. N1951G/1610/38, *ibid*.

³ Ovey to Vansittart. No. 87. 20 March 1933. N1844/1610/38, TNA FO 371 17265.

всем аналогичны, все равно возникает неловкая ситуация». Начальник Фицмориса также рекомендовал соблюдать осторожность. А что, если, спросил он, страны поменяются ролями и советское правительство выдвинет похожие требования Лондону?¹ Овий перестал называть Рубинину, а вместо этого снова попросил о встрече Литвинова. Он получил указания от Ванситтарта, как давить на СССР, в которых исключался разрыв дипломатических отношений. Овий должен был сказать, что в парламенте скоро рассмотрят законопроект, который дает правительству полномочия наложить эмбарго на советскую торговлю².

28 марта, через 17 дней после арестов, Овий снова встретился с Литвиновым. Встреча прошла быстро и плохо. Овий спросил, есть ли новости. «О чем?» — шутки ради уточнил Литвинов, прекрасно понимая, о чем его спрашивают. Он серьезно разозлился и обрушил всю свою язвительность на Овия. Посол попытался проинформировать наркома о законопроекте, который будет рассмотрен парламентом, но Литвинов его перебил. «Я выразил удивление, — писал он в дневнике, — что английское правительство любезно считает нужным знакомить меня со своими законопроектами до внесения их в парламент». Овий достал из кармана лист бумаги и начал зачитывать угрозу наложить экономическое эмбарго на СССР, если немедленно не будут освобождены заключенные из «Метро-Виккерс». Литвинов прервал его на полуслове. Ему уже порядком надоели английские угрозы. «Я остановил Овия, сказав, что я могу сберечь ему время и сразу могу заявить, что, по мнению прокуратуры, процесс будет иметь место и что этот процесс ни в коем случае не будет приостановлен, что бы мне ни заявлял английский посол, и что если то, что Овий хочет мне прочесть, имеет целью повлиять на наше решение, то я не вижу надобности выслушивать это сообщение, ибо оно никакого влияние на мое правительство не окажет».

Дальше последовало небольшое препирательство. Овий пытался говорить о «последствиях», но Литвинов снова его прервал. «Позвольте, сэр Эсмонд, мне сказать, что если подобные методы дипломатии могли быть успешны в какой-нибудь Мексике, то они заранее

¹ Fitsmaurice's minute. 24 March 1933. N2028/1610/38, TNA FO 371 17266; Memorandum by S. W. E. Beckett, legal advisor. N2082/1610/38, *ibid*.

² Vansittart to Ovey. No. 35. 27 March 1933. N2101/1610/38, TNA FO 371 17266.

обречены на полную неудачу в СССР. Мы своей независимостью не торгуем». А затем Литвинов зафиксировал последнюю часть перепалки: «Покраснев, Овий спросил, кем употребляются такие методы в Мексике. Я напомнил, что я сказал условно — “если такие методы употреблялись в Мексике кем бы то ни было”». Как писал Литвинов, Овий ушел, «совершенно растерянный» и «смущенный». Вся встреча продлилась не более десяти минут. Литвинов также сделал сноску о том, что Овий, прежде чем приехать в Москву, был посланником Великобритании в Мексике¹.

Конечно, если читателю интересно это знать, Овий передал свою версию событий в Лондон. Она не полностью подтверждает записанное Литвиновым. Овий сказал, что вначале последовал обмен репликами, а потом отметил: «Ближе к концу я немного успокоил Литвинова». После Овий записал следующее:

«Литвинов был нервный и возбужденный. Очевидно, что услышанное было ему неприятно, но, как мне кажется, оно не стало для него полнейшей неожиданностью. Другими словами, я все еще думаю, что он сам не разделяет оптимистические теории о полном безразличии правительства Его Королевского Величества, в которые верит Сталин, дающий Литвинову указания вести себя так же.

Когда я ушел, я проинформировал его о том, что, если у него есть что добавить, я готов с ним встретиться в любое время. Он ответил: “Больше нечего!” Разговор длился всего семь или восемь минут»².

Овий «совершенно растерялся», записал Литвинов. Литвинов был «нервный и возбужденный», говорил Овий. Единственное, в чем они сходились, — тоже довольно относительно — это короткий диалог о Мексике. Овий не упомянул его в своем изначальном отчете, однако ТАСС опубликовал официальное сообщение о встрече, которое было максимально приближено к тексту Литвинова. А в нем упоминалась Мексика. Овий был вынужден как-то объясниться с Лондоном. «Я не сообщил тогда об этой типичной причудливой фантазии отчасти потому, что я привык к таким вспышкам,

¹ Встреча с Э. Овием. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 28 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 89. Д. 4. Л. 51–52. Копии были отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову.

² Ovey to Simon. Nos. 129–130. 28 March 1933. N2140 & 2141/1610/38, TNA FO 371 17266.

а отчасти потому, что чувствовал, что довольно ловко справился в этот раз, ответив очень спокойно и с недоумением: “Я не совсем понимаю, господин Литвинов, почему вы упоминаете Мексику. Вы имеете в виду, что кто-то или какая-то страна имеет привычку применять такие методы в Мексике? Если да, то кто?” На что он, видимо, раскаявшись в своих словах, несколько вяло ответил: “Да какая угодно страна”».

Эти строчки как будто были написаны карикатурным представителем британской элиты: толстым, заносчивым и чванливым, который всем своим видом дает понять, что ни один мелкобуржуазный польский еврей не победит сэра Э. Овия, человека огромных достоинств, недавно посвященного в рыцари Его Величеством Георгом V. Корреспонденты в Москве пытались получить у посла публичный отчет о том, что произошло, но он ответил, что не хочет быть втянутым в «полемику» с Литвиновым¹. Это было хорошо, так как с наркомом точно не стоило вступать в публичную перепалку. В тот же день Саймон отозвал Овия в Лондон². На этом закончилось столкновение посла и наркома. Следующим вечером, 30 марта, Овий уехал из Москвы и больше не вернулся. В роли посла он напоминал Жана Эрбетта — в самом начале был полон оптимизма, который в конце сменился враждебностью. Только Литвинову не пришлось ждать четыре года, чтобы от него избавиться.

Не сразу стало понятно, что британский посол навсегда уехал из Москвы. 29 марта, на следующий день после последней встречи с Овием Литвинов написал Сталину и попросил разрешения опубликовать еще одно официальное сообщение в ТАСС. «Я исхожу из того, что нам репрессивных мер со стороны английского правительства все равно не избежать и что поэтому наше сообщение делу не повредит, но оно все-таки будет уроком и для Овия, и для других послов»³. Литвинов по-прежнему полагал, что Овий неправильно представляет советскую политику в Лондоне, и он сможет это показать в своем коммюнике. Овий был не первым послом, который приукрашивал свои отчеты из Москвы. Французский посол Эрбетт

¹ Ovey to Simon. No. 137 (by telephone). 29 March 1933. N2188/1610/38, TNA FO 371 17266.

² Simon to Ovey. No. 40. 29 March 1933. N2204/1610/38, TNA FO 371 17266.

³ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 29 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 43.

также выбрал эту стратегию, хотя ее никогда не понимал МИД Франции или, возможно, не мог понять идеологически. Овий на самом деле неточно передавал в Лондон взгляды Литвинова. Он был не первый и не последний, кто так делал и делает. Также вмешался замнаркома Лев Михайлович Карахан, что было необычно, так как он не отвечал за Западную Европу. «В связи с отъездом Овия и кампанией, которую он и англопресса будет вести против нас, изображая Овия как агнца божия, надо предпринять кое-что для его дискредитации». Он продолжил: «Из разных источников мы знаем, что Овий настаивал на разрыве отношений с нами и что это не встретило сочувствия в Лондоне. Потерпев неудачу в этом, он хотел уехать, оставив Стрэнга поверенным; ему в свое время не разрешили этого. Известно также, что он получил указание свои донесения составлять более сдержанно, чтобы их можно было в случае надобности опубликовать, ибо опубликование его телеграмм с требованием разрыва было бы скандалом для англ[ийского] пра[вительства]».

Это было разумно. Карахан рекомендовал проинформировать британскую прессу о деятельности Овия, а лучше — лейбористов, которые симпатизируют СССР и могут устроить скандал в парламенте. «Мне кажется, — написал Карахан, — надо действовать в этом направлении и немедленно»¹.

Учитывая, что раньше Литвинов и Карахан были соперниками, нарком мог бы не оценить совет своего заместителя, хотя он, наверно, согласился бы с оценкой Овия — эдакого британского Эрбетта, хотя не настолько стойкого. Через несколько дней Крестинский отправил Майскому неприглядную оценку Овия, назвав его смутьяном, который разжигает вражду после своего возвращения в Лондон: «Он очень самолюбив, очень упрям и злопамятен. Кроме того, он чванный, спесивый человек, желающий проводить политику сильной руки и не сумевший до сих пор за все три года понять, что по отношению к нам этой политики применять нельзя. Вначале он, может быть, сам надеялся, что при помощи бурного нажима удастся заставить нас отступить, освободить англичан, не передавая дела в суд. Потом он понял, что этого не будет, но свое правительство он сознательно информировал в том духе, что если

¹ Л. М. Карахан — М. М. Литвинову. 30 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 81. Копии были переданы И. В. Сталину и В. М. Молотову.

на нас нажимать, то мы уступим. Этим он толкал и толкает англ[ийское] пра[вительство] на такие шаги, которые в своем логическом развитии, по его мнению, приведут к разрыву сначала торговых, а потом и дипломатических отношений. К этому он теперь стремится, это он рассматривал бы сейчас как свою победу, как свой реванш»¹.

НКВД читал телеграммы Овия или просто догадывался? Или же информация поступала «из разных источников», как сказал Карахан? Крестинский дал правильную оценку стратегии посла, изложенной в телеграммах в Лондон. Литвинов согласился с советом Карахана и подтвердил это в разговоре с молодым британским журналистом Гаретом Джонсом: «Овий был слишком бестактным и агрессивным. Он напрашивался на ссору, а его целью был разрыв дипломатических отношений... Мы не готовы принять его агрессию и бестактность. Это очень неудачный представитель»². Литвинов сказал такое британскому журналисту, потому что хотел, чтобы все узнали, что он думает об Овие.

Овия отозвали. Что теперь?

Что касается англо-советских отношений, в начале апреля Литвинов был настроен пессимистично. Прочитав обвинительные заключения, он написал Майскому: «Знакомство с обвинительным актом заставляет меня опасаться довольно сурового приговора в отношении некоторых [обвиняемых. — М. К.] англичан». Торговля и торговые переговоры с британцами будут заморожены. Будут ли разорваны дипломатические отношения? «Трудно гадать относительно перспектив наших отношений с Англией. Я, однако, склонен думать, что, сколько бы ни старался Овий в Лондоне, заручившись содействием твердолобых, англ[ийское] пра[вительство] на полный разрыв отношений не пойдет, причем не последнюю роль будет играть забота его о судьбе осужденных англичан. Возможно введение эмбарго на наш импорт и более или менее длительная заминка в наших торговых отношениях». Литвинов не думал, что Овий вер-

¹ Н. Н. Крестинский — М. М. Майскому. 4 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 94–97.

² Jones G. The Arrest of the British Engineers. URL: https://www.garethjones.org/margaret_siriol_colley/metrovik_trial.htm#_ednref12 (дата обращения: 23.11.2023).

нется в Москву. Для британцев это была такая форма «наказания». Литвинов полагал, что на самом деле все к лучшему: «По существу же наши отношения с Англией только выиграют от отсутствия Овия в Москве». Возможно, МИД Великобритании потребует отозвать Майского, но, скорее всего, этим все и ограничится¹.

Литвинов встречался со Сталиным шесть раз в марте и одиннадцать раз в апреле (чаще, чем обычно), а также регулярно виделся с Крестинским, а в апреле — с Караханом. Так, например, он говорил со Сталиным 16 и 19 марта, то есть в те же дни, в которые он встречался с Овием, а затем 27 марта — перед столкновением с послом на шведском приеме и перед их последней встречей на следующий день. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Литвинов подробно обсуждал политику со Сталиным, и вождь соглашался с его рекомендациями. Литвинов и Сталин иногда не сходились во мнениях, порой яростно противостояли друг другу, но чаще всего они придерживались одной и той же политики, даже когда Сталин жаловался на наркома Молотову и Кагановичу.

Овий вернулся в Лондон в воскресенье, 2 апреля, и на следующий день встретился с Кабинетом министров в узком составе. Но после этого он исчез из документов по делу «Метро-Виккерс». О нем не упоминает ни британский МИД, ни СССР. На него вскользь ссылается Ванситтарт 8 апреля, и на этом все². Для пояснения: разговор Литвинова с Овием с несколькими интересными опущениями был опубликован в «Известиях» 16 апреля. Он был переведен на английский и передан в британский МИД³. Никто не сделал пометки на полях и не составил длинный протокол. Всем было все равно. Овий остался в прошлом. Никто не собирался за него «мстить», хотя, возможно, он на это рассчитывал. Стрэнг занял должность временного поверенного в Москве. Он более бесстрастно относился к работе с советской стороной, а Майский в это время стал более важной фигурой в Лондоне, где пытался найти выход из кризиса. Конечно, он не мог знать об арестах больше, чем НКВД, и жаловался, что они застали его врасплох. Впервые он узнал о случившемся от сотруд-

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 22. Л. 100—102.

² Vansittart's minute. 8 April 1933. N2412/1610/38, TNA FO 371 17277.

³ Запись бесед наркома иностранных дел и посла Великобритании сэра Эсмонда Овия // Известия. 16 апреля 1933 г. N3091/1610/38, TNA FO 371 17270.

ников «Метро-Виккерс» в Лондоне. Они позвонили ему, чтобы узнать, что произошло в Москве. «Это известие свалилось как гром из ясного неба», — писал Майский Крестинскому. Нам нечего было сказать об арестах, мы могли только обещать задать все необходимые вопросы Москве. «Не думаю, чтобы подобное положение могло послужить укреплению авторитета и престижа полпредства и торгпредства в Англии». Уж точно не в глазах британского МИД, где сотрудники полагали, что Майский не обладает нужной информацией и не может повлиять на Москву. На самом деле посольство не получало никаких новостей от НКВД целых пять дней. Не было ни информации, ни указаний. Когда Майского вызвали в британский МИД, у него не было указаний из Москвы, что делать, и он попал в неловкое положение. «Мы... вынуждены были сами, на свой риск и страх, — писал он, — импровизировать меры защиты и контратаки против развернувшейся в Англии бешеной кампании, не вполне уверенные, что наши действия совпадут с действиями, предпринимаемыми в Москве».

В подобных обстоятельствах Майский удачно предвидел, что Литвинов, скорее всего, сказал Овию: помимо всего прочего, британские власти должны успокоиться и «не терять голову». Британские граждане подчиняются советским законам. Исключения составляют только дипломаты. Поэтому «угрозы разрывом торговых и дипломатических отношений не только не облегчают, а лишь осложняют положение». А именно это Литвинов сказал Овию. Как и нарком, Майский предупредил британскую сторону, что советское правительство не поддастся угрозам, а как раз наоборот. Утверждения о том, что сотрудники «Метро-Виккерс» не виноваты, представляли собой попытку обойти советские законы, а значит вмешаться во внутренние дела СССР. Подобные заявления (например, такие, как сделал Болдуин в Палате общин) могли привести только к одному результату: «заставить советское правительство в максимальной степени подчеркивать свой суверенитет»¹.

На встрече 16 марта Ванситтарт записал большую часть того, что он говорил Майскому, но не наоборот: «Посол... конечно, оспаривал мое заявление на протяжении всей беседы». Ванситтарт сказал

¹ И. М. Майский — Н. Н. Крестинскому. 24 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. 52–59.

примерно то же, что Овий Литвинову. «Я никому не угрожаю, — заявил он Майскому, — но я обязан убедиться, что советское правительство понимает, на что идет». Конечно, это была угроза¹.

Учитывая, что Ванситтарт не осветил комментарий Майского, нужно ему тоже предоставить слово и дать возможность рассказать о встрече. У Майского не было указаний из Москвы. Он сказал, что не знал подробностей дела и пытался импровизировать, отделяясь общими словами. «Я вынужден был, — писал он, — соблюдать в разговоре величайшую осторожность». Можно себе представить. Майский пытался отделить торговые переговоры от арестов в Москве и опровергнуть слова британцев о том, что их инженеры не могут быть ни в чем виноваты, но безуспешно. На каком основании, спрашивал он, британское правительство утверждает, что советские обвинения фальшивые? Какие есть этому доказательства? Тут, по словам Майского, Ванситтарт потерпел тактическое поражение, признавшись, что он всего лишь выражает общественное мнение².

В отчете Крестинскому Майский написал, что британская пресса пребывала в смятении. «Пресса с первого же момента арестов начала совершенно бешеную кампанию. Я видал на своем веку не одну антисоветскую кампанию в печати и не в одной стране, но кампания, развернувшаяся между 12 и 20 марта, превзошла все, что мне до сих пор было известно. Во-первых, она развивалась с молниеносной быстротой, а во-вторых, она охватила решительно всю прессу, за исключением коммунистической». Правое крыло «Дейли мейл» объединилось с «Манчестер гардиан». Макдональд и Саймон находились за границей, и их заменял Болдуин, поэтому правительство легко поддавалось давлению «крепкого» крыла Консервативной партии. Как писал Майский, именно этим объясняется «неосмотрительное» заявление Болдуина в Палате общин 15 марта. 16–17 марта ситуация обострилась до предела, и «нажим твердолобых и прессы создал в кабинете такое положение, что ряд его членов ([лорд] Хейлшем, [Дж. Г.] Томас и др.) стали открыто ставить вопрос о разрыве с нами экономических и даже дипломатических отношений». И только официальное сообщение в ТАСС о встрече

¹ Vansittart to Ovey. No. 25. 16 March 1933, DBFP, 2nd series, VII, 321–322.

² Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 16 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 64–67.

Литвинова с Овием 16 марта слегка отрезвило британскую общественность.

Майский также писал об Овие и его роли в кризисе. «У вас, в Москве, по-видимому, существует представление, что Овий по всем спорным вопросам всегда занимает более непримиримую позицию, чем его лондонское начальство. Мне кажется, что это не совсем так... Одно из двух, — или Овий полностью отражает точку зрения Форин-офиса, или же Форин-офис слишком легко поддается убеждениям Овия». На самом деле у Майского сложилось впечатление, что британский МИД занял «бескомпромиссную позицию». Возможно, это было действительно так на первом этапе, но если мы говорим про 21 марта, то в это время Ванситтарт уже пытался замедлить движение к дипломатическому разрыву. То есть Майский был прав, по крайней мере, если говорить про первые дни кризиса. Он предупреждал, что британский Кабинет министров может ввести торговое эмбарго. Майский полагал, что советскому правительству нужно стоять на своем в принципиальных вопросах, которые касаются суверенитета страны, но можно пойти на уступки в том, что не затрагивает суверенные права СССР, например, в вопросе залога. «Такое маневрирование несомненно укрепляло бы в правительстве более умеренное крыло и вместе с тем давало бы меньше материала для антисоветской демагогии в печати»¹.

Из своего «английского окошка», как он его назвал, Майский отправил «в виде частного письма для Вас лично» депешу Литвинову, позволив себе предложить пути выхода из кризиса, которые будут «с минимумом неприятностей для нас». Хотя он откровенно написал, что не стоит себя обманывать, это дело оставит «серьезный след в советско-английских отношениях» в будущем. Поэтому Москве надо завершить судебный процесс как можно быстрее, без промедлений. «Ибо раз хирургическая операция неизбежна, то лучше ее сделать скорее, чтобы раньше мог начаться после операции процесс постепенного заживления раны». Но важно, чтобы судили инженеров «Метро-Виккерс», а не саму компанию. Как сказал директор компании сэр Феликс Поул, «Метро-Виккерс» хотела бы продолжить работу в СССР, «в крайнем случае, готов был бы примириться

¹ М. М. Майский — Н. Н. Крестинскому. 24 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. 52–59.

на признании виновности тех или иных индивидуальных служащих компании». Если суд задастся целью обвинить компанию, то тогда она, чтобы защититься, будет, само собой, выступать против советского правительства. «Это очень серьезная вещь», — добавил Майский. Доказательства должны быть убедительными, и если будут вынесены обвинительные приговоры, то наказание не должно быть суровым. Он также выдвинул и другие предложения, как можно успокоить британское общественное мнение и выйти из кризиса¹. Литвинов передал письмо Майского Сталину, осторожно его дополнив. Он считал, что Майский порой «слишком оптимистичен», но однозначно согласился с ним по ключевым вопросам выхода из кризиса с минимальными потерями². Он также рекомендовал дать визы британским корреспондентам. Поскольку Майскому задавали вопросы, нужно было принять решение, и Литвинов спросил Сталина, будут ли они допускать журналистов и в каком количестве: «Коллегия НКВД, обсудив этот вопрос, пришла к заключению, что, поскольку мы говорим о гласности процесса и о наличии серьезного обвинительного материала, который должен убедить всех беспристрастных людей в виновности подсудимых, огульный отказ был бы неправильно истолкован». Время суда приближалось, поэтому решение необходимо было принять как можно быстрее³.

В тот день, когда Литвинов последний раз встретился с Овием, к Майскому приехал Джордж А. Макмиллан, член парламента от консерваторов и издатель, а также Артур Маршалл из «Бекос Трейдерс». Макмиллан явно был в советском посольстве новеньким, а Маршалл — завсегдатаем еще с 1920-х годов. Он был предпринимателем, и у него имелись экономические интересы в России еще до революции, поэтому он хотел заключить контракты с советским правительством. Таким образом он стал посредником между советскими дипломатами и британским МИД. Ванситтарт не хотел, чтобы в деле «Метро-Виккерс» были промежуточные звенья, так как не был уверен, что он получит точную информацию. «Более того, —

¹ М. М. Майский — Н. Н. Крестинскому. 24 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 85–88.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 31 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 146.

³ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 2 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 50.

добавил он, — на данном этапе мы не можем пытаться урегулировать вопрос во внесудебном порядке за спиной сэра Э. Овия и с помощью этого довольно хитрого метода»¹. Тут Ванситтарт и Литвинов имели схожую точку зрения как о самом принципе, так и о фигуре Маршалла. Нарком терпеть не мог работать с посредниками, так как они редко правильно понимали, что им говорят, или же просто хотели заключить договоры с советским правительством. «Мой опыт в НКВД убеждает меня во вредоносности всяческих посредников, — объяснял Литвинов Майскому. — Исключения бывают так редки и случайны, что ради них не стоит нарушать общее положение об их нежелательности»².

Тем не менее никого лучше Маршалла найти не получалось, а обеим сторонам было удобнее работать через посредника. В Москве и Лондоне накалялись страсти. Британскому МИД приходилось иметь дело с разозленными журналистами и решать щекотливую проблему посла Овия. Почему это было так сложно — другой вопрос. Москва не собиралась поступаться принципами советского суверенитета и капитулировать перед британцами, а Овий подвергался беспощадной критике.

Майский поприветствовал Макмиллана и Маршалла в посольстве и записал их разговор. Макмиллан начал с того, что сказал, что представляет тех консерваторов, которые выступают против разрыва дипломатических отношений с СССР и за развитие торговли. Он также добавил, что недавно ездил в СССР и считает себя его «другом». «В довольно ярких красках, — писал Майский, — он описал мне настроения, господствующие сейчас в Консервативной партии. Настроения эти крайне опасны и угрожающи. До московских арестов большинство консерваторов относились к СССР в общем и целом спокойно. Сравнительно большая группа твердолобых злобствовала по “русскому вопросу”, но не имея сколько-нибудь серьезного влияния». После арестов начался ад.

«События в Мск [Москве] дали изумительный козырь в руки твердолобых. Он прямо свалился к ним “с неба”. Они никогда не могли даже мечтать о столь выгодном для себя лозунге. Неудивительно, что твердолобые лезут из кожи вон и стараются до максимума

¹ Vansittart's minute. 29 March 1933. N2309/1610/38, TNA FO 371 17267.

² М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 248—252.

использовать благоприятную ситуацию. Их задачей является введение эмбарго на советские товары, но если им удастся достигнуть своей цели, то следующим этапом будет разрыв дипломатических отношений».

По словам Макмиллана, бушевали не только «твердолобые», гудело почти все руководство Консервативной партии. «Таких людей, как он сам, сохранивших трезвую голову и не забывающих о завтрашнем дне, в Консервативной партии сейчас сравнительно мало. Если бы правительство завтра вышло перед парламентом и заявило о разрыве отношений с СССР, — вся Палата (за исключением лейбористов и, может быть, десятка — другая либералов) встретила бы такое заявление оглушительными аплодисментами». Что тогда делать? Макмиллан сказал: «Я готов помочь, чем только могу... разрешить конфликт». Он попросил советскую сторону сделать ответный «жест» и освободить четырех оставшихся арестованных под поручительство без необходимости выплачивать залог. Так, возможно, удастся изменить тенденцию и предотвратить разрыв дипломатических отношений. Макмиллан и Маршалл сказали, что они постараются использовать свое влияние в консервативных кругах, чтобы найти выход из кризиса.

Майский не записал, как отреагировал на предложение Макмиллана, но отметил, что 29 марта, на следующий день, после обеда Маршалл снова приехал к нему на встречу. Он утром разговаривал с Кольером в МИД.

«По словам Маршалла, Кольер высказался в том смысле, что переговоры Овия с тов[арищем] Литвиновым в Мск [Москве] зашли в тупик, что Ф. О. [Форин-офис] не может толком себе объяснить, в чем там дело и почему у Овия ничего не выходит, но факт тот, что в Москве положение плохое. Поэтому в Ф. О. [Форин-офисе] назревает желание перенести переговоры из Мск [Москвы] в Лондон и попробовать чего-нибудь добиться с этого конца».

Майский снова не рассказал, как он отреагировал на полученную информацию. Маршалл уехал и вернулся вечером. Он снова разговаривал с Кольером. «На этот раз он пришел с такого рода “предложением”: если бы я попросил свидания с Кольером или Ванситтартом, то они охотно со мной поговорили бы о создавшемся положении и, может быть, мы общими усилиями могли бы найти какой-нибудь приемлемый для обеих сторон выход». Но Майский ответил, что не видит

смысла в этой встрече: ведь газеты уже объявили, что на следующий день будет введено эмбарго на торговлю с СССР. А если это действительно так, то значит, государство не хочет сглаживать ситуацию, а, наоборот, идет на обострение конфликта. О чем тогда говорить?

Маршалл вернулся следующим утром, 30 марта. Он сказал Майскому, что накануне вечером ездил в МИД на встречу с Кольером и еще одним сотрудником, чье имя он отказался называть. Возможно, это был Олифант. Маршаллу сказали, что законопроект рассматривать не будут, чтобы не мешать попыткам урегулировать конфликт. На следующее утро в британском МИД Маршалл выяснил, что законопроект все-таки будет представлен в парламенте. Причиной стало официальное сообщение в ТАСС о последней встрече Литвинова и Овия. Оно вызвало «бурное возмущение» и было воспринято как признак советского упрямства. Поэтому в МИД было принято решение все-таки рассмотреть в парламенте законопроект. Маршалл также добавил, что Ванситарт хотел пригласить полпреда на встречу, однако Майский повторил, что при условии введения эмбарго в ней нет никакого смысла. Маршалл снова вернулся в МИД. Он позвонил Майскому и сообщил, что рассмотрение законопроекта откладывается до тех пор, пока Овий не вернется в Лондон, так как с ним хотят «проконсультироваться». Саймон решил прояснить этот вопрос, чтобы прекратить слухи о том, что правительство планирует разорвать дипломатические отношения с Москвой.

Это все произошло утром 30 марта. В полдень в тот же день Кольер позвонил в посольство и пригласил Майского на встречу в МИД. Майский отказался, так как подумал, что у Кольера недостаточно полномочий для принятия решений, и он может выступать только качестве передатчика информации. Пока они говорили по телефону, вернулся Маршалл и сообщил, что «настроение в МИД намного лучше. Дела идут на лад, и Майскому надо обязательно принять приглашение Кольера. Макмиллан отстаивал интересы СССР. Освобождение заключенных под поручительство без залога произвело бы «большое впечатление» в Лондоне. По словам Маршалла, в МИД полагают, что подобный «жест» изменил бы «настроение влиятельных кругов» и был бы воспринят как проявление стремлений СССР найти выход из кризиса. Майский был настроен скептически. Маршалл уговаривал его дать Москве реко-

мендации. «Я сказал Маршаллу, — написал Майский в отчете в Москву, — что не вижу пока никаких конкретных проявлений доброй воли со стороны британского правительства, наоборот, я все время слышу из разных деловых источников сообщения о предполагаемом разрыве экономических и даже дипломатических отношений с нашей страной. Я не могу делать Мск [Москве] никаких предложений по урегулированию конфликта, ибо в создавшейся обстановке из этого ничего не может выйти».

Майский также с подозрением отнесся к приглашению Кольера, имевшего более низкое звание, чем у постоянного заместителя министра Ванситтарта. Мы обсуждаем важные политические вопросы, сказал Майский Маршаллу, а не проблемы второго или третьего уровня. Их необходимо обсуждать с министром или его заместителем. При всем уважении к Кольеру, выход из сложившегося кризиса следует обсуждать не с ним. Проблема в том, что Саймон заявил, что он не сможет ничего сделать, пока не встретится с Овием. За несколько дней ничего не случится. Непонятно, сказал ли это все Майский Маршаллу или просто зафиксировал для НКВД. В любом случае он решил отправить на встречу с Кольером первого секретаря советского полпредства Самуила Бенциановича Кагана. Это было безопасным шагом. Маршалл уехал в МИД, а через полчаса Кольер позвонил Кагану и пригласил его на встречу. Каган сразу же уехал. Как писал Майский, результатом стало следующее: Кольер сказал, что он говорит от лица Саймона, и что британское правительство не собирается разрывать экономические или дипломатические отношения и не пытается найти предлог для введения советского торгового эмбарго. Это звучало многообещающе, хотя Майский постарался воздержаться от комментариев в отчете¹.

Возможно, читателю будет интересно узнать, сохранились ли какие-нибудь записи Кольера или его коллег об этих событиях. На самом деле да. В Лондоне активно обсуждали залог или освобождение под поручительство. Директору «Метро-Виккерс» Поулу вначале не понравилась эта идея, но потом он изменил свое мнение и попросил Маршалла обсудить этот вопрос с Майским. Их разговор состоялся уже после встречи с Макмилланом и Маршаллом 28 марта.

¹ Дискуссии И. М. Майского с представителями МИД Великобритании. 28 марта — 3 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 156–163.

Майский рассказал о своей встрече с Маршаллом. По его записям становится понятно, что, как выяснил Маршалл, МИД хочет перенести обсуждения в Лондон, поскольку переговоры между Овием и Литвиновым зашли в тупик.

Очевидно, в МИД считалось неприемлемым критиковать Овию в письменном виде, поэтому Кольер об этом не упоминает. Вот что он пишет:

«Сегодня [30 марта. — *М. К.*] господин Маршалл снова мне позвонил и сказал, что господин Майский, хотя и сильно обеспокоен официальным сообщением ТАСС [о встрече Литвинова и Овие 28 марта. — *М. К.*] и готовящимся заявлением в Палате общин, тем не менее готов рекомендовать Москве освободить оставшихся британских заключенных под залог, как и предлагалось, “с целью окончательной ликвидации всего дела”, однако ему необходимо получить от МИД подтверждение, которое он мог бы передать своему правительству, того, что Его Королевское Величество не ищет предлога для введения эмбарго или разрыва отношений, а искренне хочет найти решение. Я ответил, что господин Майский уже наверняка это знает, но господин Маршалл возразил: “Да, он знает, но думает, что не знает Сталин”».

По словам Маршалла, в МИД планировали пригласить Майского для обсуждения и спросить его, понимает ли он точно, как рекомендовать Москве освободить оставшихся арестованных под залог. В качестве услуги за услугу посол уточнит, «может ли он заверить свое правительство, что мы не хотим разрывать отношения. Получив подтверждение, он отправит в Москву телеграмму или позвонит и скажет, что он получил необходимые заверения и, соответственно, рекомендует освобождение под залог с целью обсудить окончательное решение». По мнению Кольера, это был очень сложный способ решить простой вопрос. «Да, — ответил Маршалл, — но Майскому необходимо помочь своему правительству сохранить лицо, а также сохранить свое лицо перед правительством». Какая интересная информация была опущена, наверно, подумает читатель. Кольер не упомянул утрату доверия к Овию, а Майский ничего не говорил про «сохранение лица», хотя именно так интерпретировал Маршалл его замечания. Именно в этом заключалась проблема посредников, о которой говорили Ванситтарт и Литвинов. Они редко правильно доносили информацию. Тем не менее обе стороны все поняли,

и Кольер сказал, что он даст рекомендации своим начальникам. Почему бы не попытаться — терять было нечего. Но проблема была в том, что Майский ничего не говорил про «сохранение лица», и Литвинов четко сказал Овию, что советскому правительству неинтересно такое решение. Эта информация не дошла до Кольера, проницательного аналитика советской политики. Олифант предложил дожидаться возвращения Овия в Лондон, но Ванситтарт отверг его предложение, и Саймон дал разрешение на продолжение переговоров¹.

Как написал в протоколе Кольер, Каган приехал, как положено, в британский МИД, и Кольер передал информацию о том, что Великобритания не хочет рвать отношения и не ищет предлога для введения эмбарго. Каган ответил, что проинформирует Майского, и так и поступил².

По словам Кольера, Майский хотел не только получить гарантии того, что не будет введено эмбарго, но и заключить временное соглашение, которое продлило бы англо-советский торговый договор на месяц, чтобы за это время возобновить переговоры. Что касается залога, «Метро-Виккерс» должна была договориться с советскими властями об освобождении оставшихся арестованных под поручительство. «Такую схему... стоит попробовать, — полагал Кольер. — Если она сработает, то мы получим все, что могли бы получить в разумных пределах... а если не сработает, то хуже все равно не будет»³. Затем Саймон прояснил позицию МИД: британское правительство «не хочет разрывать отношения и не ищет “предлога” для введения эмбарго, но, конечно, господину Майскому нельзя говорить, что если арестованных все же отпустят под залог, то никаких рычагов власти это не даст. Его Королевское Величество не торгуется из-за залога». Залог был проблемой для «Метро-Виккерс», а не для МИД. Саймон подчеркнул, что «мы не торгуемся» и не «связываем себе руки»⁴. Майский считал, что он торгуется. Он писал, что в любых переговорах важно соблюдать принцип «даю, чтобы ты дал»⁵.

¹ Collier's minute. 30 March 1933; Oliphant, Vansittart, and Simon. 30 March 1933. N2183/1610/38, TNA FO 371 17266.

² Collier's minute. 31 March 1933. N2183/1610/38, TNA FO 371 17266.

³ Untitled note. Collier. 29 March 1933. N2309/1610/38, TNA FO 371 17267.

⁴ Simon's note. 30 March 1933. DBFP, 2nd series, VII, 383–384.

⁵ И. М. Майский — Н. Н. Крестинскому. 9 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 267–272.

Получается, что советская сторона что-то даст, но ничего не получит взамен. Сталин бы сразу заподозрил неладное. Непонятно, подозревал ли Майский, что его хотят обвести вокруг пальца.

Если мы вернемся к хронологии событий в изложении Майского, он писал, что Маршалл вернулся днем 3 апреля, до этого успев поговорить с Кольером, который пребывал в радостном настроении, поскольку надеялся, что «наконец конфликт вступил в фазу постепенного разрешения». Маршалл стал вспоминать, как помог покойному Л. Б. Красину во время кризиса Керзона в 1923 году. «Я выслушал Маршалла, — записал Майский, — и спросил, чему он, собственно, радуется?» Майскому позвонили и сообщили, что премьер-министр только что объявил в Палате общин, что завтра будет рассматриваться законопроект о введении эмбарго. По словам Майского, «Маршалл был потрясен. Он весь переменялся в лице, сказал, что это совершенно невозможно и что он сейчас же поедет в Ф. О. [Форин-офис] для выяснения вопроса о том, что такое случилось. Спустя два часа Маршалл вновь появился у меня. Настроение у него было совсем упадочное. Он с раздражением говорил о том, что в кабинете происходят какие-то неожиданности. Еще только в 12 часов дня он говорил с Кольером, и Кольер в тот момент даже не подозревал, что три часа спустя премьер-министр заявит в парламенте о внесении билля об эмбарго».

Маршаллу удалось узнать, что «неожиданный сдвиг» произошел утром. В кабинете узнали, что советское правительство не согласилось освободить инженеров под поручительство (хотя трех из четырех отпустили под залог на следующий день, 4 апреля), но, как писал Саймон, британского правительства это не касалось. Более того, накануне Стрэнг телеграфировал, что всем инженерам будут предъявлены обвинения. Тем же утром Овий встретился с Кабинетом министров в узком составе. Ему в итоге удалось отомстить, как, по мнению Крестинского, он и мечтал. Стрэнг и Овий жестко и даже порой провокационно описали сложившуюся ситуацию в Москве и в советском правительстве. Стрэнг говорил: «Обвинения настолько фантастичны, что становится очевидно: Его Королевское Величество прав, утверждая, что это все подстроено». По словам Овия, инженеры стали «жертвами... “охоты на ведьм и еретиков” в постановочном суде». СССР, говорил он, — это не «нормальная цивилизованная страна». По словам Стрэнга, меньшее, что может сделать

правительство Его Королевского Величества, это ввести эмбарго и всячески выразить свое неудовольствие советскому правительству»¹.

Маршалл и Майский не могли особо повлиять на происходящее. «Как бы то ни было, — писал Майский, — но Маршалл был сильно обескуражен и ушел от меня в полном унынии»². Вскоре Майский получил более детальную информацию о том, что произошло в конце марта — начале апреля. Во-первых, он должен был отчитаться по вопросу Овия: «Разговор т[оварища] Литвинова с Овием 28.III не только закончил карьеру Овия в Москве (послом в СССР он больше не будет), но и произвел чрезвычайно сильное впечатление в Форин-офисе. Последний [Овий. — М. К.] еще до этого разговора чувствовал, что в Москве дело обстоит неладно, но, по-видимому, не отдавал себе ясного отчета, где же кроется причина московских затруднений. Разговор 28.III и последующее опубликование его в советских газетах сразу открыло глаза Ф. О. [Форин-офису]. Саймон понял, что Овия в Москве больше держать нельзя, и потому уже 29.III он вызвал Овия “для консультации” в Лондон. Одновременно в Форин-офисе стали наблюдаться признаки некоторой растерянности. Как теперь совершенно ясно из содержания “Белой книги”, Овий был инициатором той политики “большой палки”, которая систематически применялась и до сих пор применяется британским правительством в данном конфликте. Форин-офис поддержал инициативы Овия и благословил его к агрессивным действиям».

Белая книга, о которой пишет Майский, представляла собой сборник документов, опубликованных британским МИД. Полпред верно подметил, что Ванситтарт придерживался более осторожного подхода и что если бы Овий вел себя сдержаннее и менее «антисоветски», то все могло бы быть иначе. Это было не совсем в духе марксизма, зато, скорее всего, правда. «Однако Овий есть Овий», — писал Майский, и Овий заморочил МИД голову, хотя МИД и пытался сопротивляться. А теперь вдруг он «вспомнил», что в Лондоне есть советский посол, и пытается с помощью Маршалла найти выход из кризиса «Метро-Виккерс». Однако этот дипломатический шаг не увенчался успехом по нескольким причинам, главным образом потому что Овий

¹ Strang. No. 164. 2 April 1933. N2296/1610/38, TNA FO 371 17267; Foreign Office memorandum. 2 April 1933. DBFP, 2nd series, VII, 400—402.

² Дискуссии И. М. Майского с представителями британского МИД. 28 марта — 3 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 156—163.

вернулся в Лондон. Хотя было воскресенье, 2 апреля, он все равно встретился с Кольером и Саймоном и долго с ними совещался в тот вечер. А на следующее утро он встретился с «большой семеркой» (так Майский называл Кабинет министров в узком составе — Джеймса Макдональда, Джона Саймона, Невилла Чемберлена, Уолтера Ренсимена, лорда Хейлшема, Джеймса Генри Томаса и Стэнли Болдуина). Они говорили «примерно два часа», и Овий настаивал на жестких мерах по отношению к СССР и в особенности на немедленном рассмотрении парламентом законопроекта об эмбарго. По словам Майского, «большая семерка» не могла договориться насчет дальнейшей тактики. Макдональд, Саймон и Ренсимен выступали за более осторожный подход, а Хейлшем, Томас и Чемберлен — за жесткий. Майский ничего не написал про Болдуина. В качестве аргумента (никто не знает, откуда он это взял) Овий сказал, что советское правительство собирается вынести обвинительный приговор и расстрелять британских заключенных. Спасти их можно только, введя эмбарго и выдвинув угрозу прекратить советский экспорт в Великобританию.

По словам Майского, Хейлшем и Томас постарались извлечь максимальную пользу из аргумента Овия, а мягкая душа Макдональд не смог противостоять такому давлению, и «большая семерка» поддержала рекомендации. Законопроект легко прошел в Палате общин. Можно только гадать, откуда Майский узнал эту внутреннюю информацию кабинета. Возможно, Кольер поведал ее Маршаллу, а Маршалл — ему. Майский понимал, что британское правительство находится в «сложном положении». Он писал: «Благодаря “усердию” Овия, оно, из соображений престижа и необходимости поддержать своего посла, зашло гораздо дальше, чем хотело». Оно «несомненно» искало выход из кризиса без «потери лица», хотя Великобритания полагала, что такова цель СССР¹.

Суд

На самом деле в апреле не было шанса заключить сделку, потому что Саймон не был готов к условиям Майского и уж тем более Москвы. Суд должен был состояться. Он начался 12 апреля. Но Майский

¹ И. М. Майский — Н. Н. Крестинскому. 9 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 189—196

все равно пытался найти решение и выйти из кризиса. Он передал через Маршалла сообщение, что хотел бы встретиться с Саймоном. Встреча состоялась 13 апреля. Обе стороны записали разговор, хотя Майский сделал это более подробно и интересно, чем Саймон. По его словам, ему позвонили из офиса Саймона и сказали, что министр иностранных дел хотел бы с ним встретиться через 45 минут. То есть уведомили за три четверти часа. Майскому не понравилось такое приглашение в последний момент, и он принял это на свой счет, однако все равно надел шляпу, плащ и отправился в МИД. Когда он приехал в офис Саймона, то сразу увидел Ренсимена. «Оба министра весьма многозначительно со мной поздоровались, как бы желая подчеркнуть, что данному свиданию придается особенно важное значение». В основном говорил министр иностранных дел. «Саймон старался все время быть чрезвычайно любезным, но за этой любезностью явно ощущались кошачьи когти». Поэтому Майский был начеку. Вначале поговорили о «пустяках», а потом разговор зашел о важном. В Москве шел суд. Британский МИД хотел, чтобы инженеров освободили каким бы то ни было образом. Саймон предположил, что было бы неплохо обсудить вопросы, представляющие интерес для обеих сторон. Майский сказал, что его правительство не просило его добиться встречи, но он готов к разговору с министром. Саймон махнул рукой и стал выкладывать, что у него на уме. Было несложно догадаться. Во-первых, торговое соглашение, которое истекает через несколько дней. Во-вторых, торговая делегация и ее статус. У британского правительства будут развязаны руки, и оно сможет закрыть торговое представительство и уволить его сотрудников. Но, по словам Саймона, таких планов нет. Напротив, правительство ценит англо-советскую торговлю и хорошие отношения в целом и упростит работу представительства. Как писал Майский, министр продолжал говорить в таком ключе несколько минут, а потом повернулся к Ренсиму и попросил подтвердить его слова. «Ренсимен, слушавший все эти словесные фиоритуры Саймона с видом явно скучающего человека, вышел тут из своей пассивности и кратко бросил: “Да, конечно, мы хотим торговать. В этом единодушно все правительство”». Затем Ренсимен вернулся к своей роли молчаливого наблюдателя, а слово снова взял Саймон. «Его гладкая адвокатская речь, — писал Майский, — полилась опять бесконечным потоком». Британское

правительство дорожило хорошими отношениями с СССР, но столкнулось с неприятной ситуацией, которая возникла из-за арестов в Москве. Майский уже много раз слышал все, что Саймон собирается ему сказать: арестованные инженеры не виноваты, британская общественность возмущена и так далее. Полпред вежливо слушал и ждал своей очереди. Саймон заговорил об эмбарго. Он подчеркнул, что оно было введено с единственной целью освободить заключенных. Тут Саймон повторил еще раз, чтобы было точно понятно: британское правительство не пытается шантажировать СССР с помощью торговли. Майский почувствовал, как по-разному расставили акценты Саймон и Ренсимен. Затем министр иностранных дел продолжил: «Я не хочу вам угрожать. И совершенно не пытаюсь никаким образом давить на советское правительство. Но я, как министр иностранных дел Великобритании, обязан вас — советского посла — просто проинформировать, что, к моему огромному сожалению, произойдет, если в ходе суда будут вынесены обвинительные заключения». Конечно, британское правительство никогда не помышляло о том, чтобы вмешаться во внутренний юридический процесс в СССР, оно признает суверенные права советского правительства. В таком духе Саймон говорил еще долго. Майский подмечал все детали с легкой, но очевидной иронией. Конечно, если заключенных оправдают или просто отпустят, отношения быстро вернутся в норму, а лорд Ренсимен будет только рад возобновить переговоры о торговле. В этот момент Майский отметил: «Ренсимен тут вновь обнаружил признаки жизни и коротко вставил: “О, конечно, конечно. Я был очень удовлетворен ходом наших торговых переговоров, и я очень хотел бы их скорейшего возобновления”». Это остановило Саймона. «Теперь наступила моя очередь говорить», — писал Майский. Выслушав комментарии британского министра иностранных дел, он понял, что британская политика не изменилась — это по-прежнему была «политика дубины». Саймон перебил Майского и «довольно жарко» принялся убеждать, что он не разделяет этот подход.

«Я, однако, продолжал, — писал Майский, — свое контрнаступление». Он напомнил Саймону о поведении Овия в Москве и о публичных заявлениях Болдуина и других министров. Напомнил об угрозах прекратить торговлю и ввести торговое эмбарго. Как еще можно назвать британскую политику, если не «большой дубиной»?

«Если перевести на простой язык все то, что он мне сегодня изложил, — продолжил Майский, — то дело сводится к следующему: если вы оправдаете английских инженеров, то мы не будем применять билль об эмбарго, мы возобновим торговые переговоры и предоставим торговой делегации возможность свободного функционирования. Если, наоборот, вы осудите хотя бы одного из англичан, то мы вас стукнем эмбарго на советский экспорт. Иными словами, опять угроза». Саймон снова перебил Майского и принялся утверждать, что он никогда ему не угрожал и не угрожает сейчас. Он сообщает, что «неминуемо» произойдет, несмотря на его пожелания, если в Москве будут вынесены обвинительные вердикты. Майский ответил, что объяснение Саймона ничего не меняет. «По существу, речь идет именно об угрозе, о политике “дубины”, которая заранее обречена на неудачу в приложении к СССР». Далее последовал обмен колкостями. Майский сказал, что у МИД должно было бы хватить ума не угрожать такой великой и независимой стране, даже он (Майский) это понимает, несмотря на свой ограниченный дипломатический опыт. «Я не сомневаюсь, — вставил Саймон, изобразив “особенно доброжелательное выражение лица”, — что у Его Превосходительства богатый дипломатический опыт». Какое-то время стороны продолжали в том же духе. Майский сказал, что если Великобритания действительно хочет наладить хорошие отношения с СССР, то ей необходимо изменить свои методы.

Саймон уточнил, что посол имеет в виду. Во-первых, отказаться от метода «большой дубины», ответил Майский, и попробовать «порядок дружественных переговоров и взаимных уступок». А затем он сказал следующее: «Если Саймон захочет вступить на этот путь, я думаю, что нам удастся найти какой-либо приемлемый для обеих сторон выход из положения». Майский рекомендовал не оценивать заранее вердикты суда, а вначале их дожидаться, и потом уже исходить из того, что будет. Саймон вежливо его выслушал, а затем снова взялся за свою «дубинку»: если в Москве кого-то признают виновным, то немедленно будет введено эмбарго. «Не правда ли?» — спросил он, снова повернувшись в поиске поддержки к Ренсимену, который «несколько апатично кивнул головой в знак согласия». Тут Майский взял реванш и сказал, что, по его мнению, советская общественность отрицательно отнесется к эмбарго, и тогда правительство уже ничего не сможет сделать для «облегчения участи

осужденных англичан». Так в деле появился новый аргумент, но обе стороны принялись снова повторять то, что уже было сказано. На этом встреча закончилась, и, возможно, Ренсимен вздохнул с облегчением¹.

Отчет британского МИД о разговоре с Майским короче и суше, чем советский. Конечно, в нем нет ни слова о скуке и дремоте Ренсимена. Менее очевидны угрозы Саймона, намного реже слышен голос Майского, а его взгляды представлены более схематично. Не так выделяются слова посла относительно дипломатического разрешения конфликта, но больше внимания уделено тому, что произойдет после суда. Майский сказал, что «после вынесения приговора будет возможность провести переговоры, так как приговор еще не будет означать окончание юридической процедуры». В отчете британского МИД также отсутствует предупреждение Майского о реакции советской общественности на эмбарго².

У Стрэнга в Москве было свое представление о допустимых условиях разрешения конфликта, но он не купился на призывы Майского найти дипломатическое решение. Для него было неважно даже если часть сотрудников оправдают, а других депортируют из страны. Советское правительство зашло слишком далеко. Стрэнг писал: «Учитывая более широкие взгляды и высокую ответственность Его Королевского Величества, возможно, он посчитает, что все разрешилось, и теперь не требуется вводить эмбарго, которое не может не нанести ущерб определенным британским коммерческим и финансовым интересам.

Но (я позволю себе говорить откровенно) мы здесь все были потрясены до глубины души жестоким преследованием этих людей, и поэтому принять такой результат для нас было бы невыносимым.

Если бы мы не потребовали возмещения ущерба или извинений, если бы мы не применили эту санкцию, советские власти смогли бы сфабриковать дело немыслимых масштабов против этих шести совершенно невиновных (хотя и не всегда осторожных) британских подданных, основанное на “признаниях” агентов-provokаторов или запуганных российских коллег, подвергнуть их строгому тайному допросу, о котором они сами нам рассказали... заставить их предстать перед их фарсовым судом, пройти через все неприятные

¹ Дискуссия И. М. Майского с Д. Саймоном и У. Ренсименом от 13 апреля 1933 г. 25 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 234–240.

² Simon to Strang. Nos. 75–76. 13 April 1933. N2760/1610/38, TNA FO 371 17268.

моменты процедуры на глазах у травящего их председателя и зло-радствующей аудитории, осудить их за преступления, которые они не совершали, а затем презрительно выбросить их тела, отправив обратно нам, и просто считать, что инцидент исчерпан (как они могут подумать)»¹.

Лондон не мог устоять перед призывом Стрэнга, даже если Саймон рассматривал вариант не прибегать к эмбарго. Но на настоящий момент оставалось только ждать результатов суда, который окончился 17 апреля. Сотрудники ОГПУ подвергли обвиняемых долгим допросам и в итоге смогли в определенной степени настроить одного против другого. Стрэнг пытался их приободрить и давал им советы настолько, насколько мог. Иногда они вели себя на суде неуверенно, что не произвело хорошего впечатления на западных журналистов, присутствующих на процессе. «Я по-прежнему полагаю, что они невиновны, — писал Стрэнг, — но в результате использования жестокой и мощной машины некоторых из них удалось выставить не только виновными, но и малодушными»². Двое подписали признание. В суде иногда казалось, что обвиняемые пытаются переложить вину друг на друга. Некоторые внешние обозреватели начали задаваться вопросом, не стоит ли на самом деле что-то за советскими обвинениями. Возникали вопросы относительно платы российским сотрудникам. В «Метро-Виккерс» утверждали, что это премии, а ОГПУ называли их взятками. Также обсуждались испорченные турбины: бракованные и восстановленные, по мнению «Метро-Виккерс», и нарочно испорченные в ходе диверсии, по мнению советского обвинения. Кроме того, инженеры периодически болтали с российскими коллегами, неосмотрительно критикуя советское правительство.

Можно представить, как все это наскучило ОГПУ. На встречах с Саймоном и Ренсимоном Майский утверждал, что советский суд был независимым, но не мог убедить британскую сторону. На самом деле в марте и апреле Литвинов встречался со Сталиным девять раз. Также присутствовал Андрей Януарьевич Вышинский, прокурор в деле «Метро-Виккерс». 15 и 17 апреля они встречались два раза в день. Об их разговоре не сохранилось отчетов, но можно предположить, что они обсуждали британских инженеров и вырабатывали

¹ Strang to Simon. No. 266. 14 April 1933. N2761/1610/38, TNA FO 371 17268.

² Strang to Simon. No. 281. 15 April 1933. N2773/1610/38, TNA FO 371 17268.

стратегии поведения. Литвинов, несомненно, пытался снизить напряженность — об этом его желании Овий забыл доложить в Лондон. В дипломатических московских кругах ни для кого не было секретом, что Литвинов «очень хотел... чтобы победа была за ОГПУ»¹. Про Вышинского говорили, что он с большим уважением относится к правовым формам и процедурам, и Литвинов, скорее всего, хотел понять, что лежало в основе дела и были ли обоснованные причины для суда. В документах НКВД хранится длинный отчет, в котором подробно описываются обвинительные заключения². Примерно в это время Литвинов «конфиденциально» проинформировал британского журналиста Гарета Джонса о том, что он сказал 16 марта Овию: «Чем сильнее давление, тем меньше у меня возможности помочь, потому что мы не можем поддаваться давлению... Этих людей не расстреляют. Будет суд. Дело забрали у ОГПУ и передали в Верховный суд»³. Нарком снова хотел, чтобы произошла утечка этой информации, чтобы успокоить разозленных британцев.

В советском зале суда разыгрался жестокий поединок с применением дипломатических дубинок, а за кулисами обрабатывали прессу. «Иностранцы, живущие здесь, рады, что наконец-то у кого-то хватило мужества сделать хоть что-то, чтобы нанести удар советскому правительству, и они надеются, что мы не дадим слабину, — писал Стрэнг Кольеру. — Мы сделали все возможное, чтобы иностранные корреспонденты шли по правильному пути, но некоторые из них сбились с дороги. [Артур Дж. — М. К.] Каммингс [«Ньюс Кроникл». — М. К.] оказался не так уж и плох, как я опасался. «Рейтер» колебалось. Информационный отдел МИД Великобритании творил чудеса в работе с дипломатическими корреспондентами. Что же касается всего этого и двух Белых книг [в Лондоне. — М. К.], на этот раз мы дали советскому правительству попробовать их собственное пропагандистское лекарство»⁴.

¹ Strang. No. 256, immediate. 13 April 1933. N2744/1610/38, TNA FO 371 17268.

² Обвинительное заключение по делу «Метро-Виккерс». 6 апреля 1933 г. // АВВРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 104—145.

³ Jones G. The Arrest of the British Engineers. URL: https://www.garethjones.org/margaret_siriol_colley/metrovik_trial.htm#_ednref12 (дата обращения: 23.11.2023).

⁴ Extract from private letter from Mr. Strang to Mr. Collier. 24 April 1933. N3250G/1610/38, TNA FO 371 17270.

Суд завершился 17 апреля. Одного из шести инженеров оправдали, трех выслали из СССР, а двух приговорили к двум и трем годам заключения. По словам репортера Каммингса из «Ньюс Кроникл», приговор был мягким, и это удивило как тех, кто следил за судом, так и самих обвиняемых. На их лицах читалось облегчение. Стрэнг считал, что приговор был таким мягким благодаря давлению из Лондона. Иностранные наблюдатели думали так же. Однако британское правительство все равно ввело эмбарго на советский импорт, а советское правительство в ответ запретило торговлю с Великобританией.

Ликвидация последствий

Затем последовала весна 1933 года, в течение которой обе стороны пытались найти выход из кризиса. После суда Крестинского раздражали попытки Майского решить, что делать. «Ведь мы же не собираемся капитулировать перед англичанами, — писал он. И продолжал: — Если бы мы считали возможным уступить требованию англичан, то рациональнее было бы это сделать в самом начале, не доводя дела до суда. Если же не уступили нажиму, предали арестованных англичан суду и суд вынес приговор, то очевидно все это было сделано не для того, чтобы немедленно после суда вступать в переговоры с англичанами о смягчении участи осужденных за ту или иную компенсацию в области англо-советской торговли».

Крестинский считал, что решение суда должно быть приведено в исполнение. В конце концов, приговоры были «чрезвычайно мягкими». Если бы британскому правительству было интересно найти решение, то оно не стало бы вводить эмбарго. Он писал, что, судя по отчетам «Рейтер», оно будет введено, и советское правительство вскоре узнает, что это обозначает.

«Ничего не поделаешь, придется принять и выдержать борьбу. Если введение эмбарго станет фактом и будет известен размер его, тогда обсудим, какие контрмеры могли бы мы принять. То, что я пишу в этом письме, не является результатом какого-либо специального решения по поставленному Вами вопросу. Это есть мнение Максима Максимовича и мое, которое совпадает, по нашему убеждению, с точкой зрения всех руководящих товарищей»¹.

¹ Н. Н. Крестинский — И. М. Майскому. 19 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 197–198.

В подобном заявлении Крестинского нет ничего удивительного, учитывая, сколько раз он встречался со Сталиным в марте и апреле.

СССР мгновенно отреагировал на британское эмбарго. МИД Великобритании должен был ожидать такую реакцию, учитывая французский опыт в 1930 году. Если британцы хотят развязать войну, то они ее получают.

СССР всегда разделял принцип ответных действий и применял его быстро. Литвинов сообщил Майскому, что на настоящий момент не может идти и речи об освобождении заключенных. «Никаких решений у нас на этот счет нет, — писал Литвинов, — и не может быть, да и вряд ли было бы своевременно даже ставить теперь этот вопрос». Все зависело от британцев. Если они успокоятся, приостановят эмбарго и так далее, то можно было бы поднять вопрос о «судьбе осужденных». Если же, напротив, продолжится кампания в прессе и эмбарго будет введено, то возникнет «весьма сложное положение и нам скорее всего придется думать об экономических контрмерах». Литвинов также изложил свою позицию по торгпредству: при необходимости мы обойдемся без него. Оно было ставкой для дальнейшего торга. «В разговорах с друзьями надо всячески доказывать, что после выступления Болдуина и Томаса [в марте. — М. К.] и, в особенности, при известном поведении Овия в Москве, начавшего свой первый разговор на тему об англичанах с угроз и запугиваний, дело не могло получить иного направления»¹.

Литвинов не проявлял добродушие, если какой-то дипломат или правительство пытались бесцеремонно вести себя с СССР. Благодаря этой черте характера он завоевал уважение Сталина. Это произошло как раз в этот период. Если кто-то ударил тебя по голове, дай сдачи. 21 апреля советское правительство отреагировало на британское эмбарго тем, что ввело свое. Литвинов одобрил этот указ и рекомендовал придать его огласке. Более того, коллегия НКВД не ждала быстрого окончания кризиса и поэтому рекомендовала отменить предыдущие заказы, если не было судебных рисков².

В Лондоне Майский понял, что ему не удастся быстро найти решение, хотя он снова пожаловался на отсутствие информации из Мо-

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 199—200.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 21 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 201.

сквы. «Самое тяжелое в моем положении на протяжении всего конфликта было то, что я никогда не знал, даже не имел никакого ясного представления о том, как и что мы предполагаем делать завтра. Я получал обычно сообщения лишь уже о совершившихся фактах. Между тем мне в высшей степени важно знать хотя бы приблизительно, каких шагов с нашей стороны можно ожидать в ближайшем будущем»¹.

Литвинов начал уставать от нытья Майского. «Прошу Вас помнить о том, чего нельзя требовать от самой красивой женщины². Нельзя писать о решениях, когда их нет, или прежде, чем они принимаются. Предположения же, в особенности личные, могут только вводить в заблуждение». Сняв этот вопрос, Литвинов проинформировал Майского о ситуации в Москве. Два инженера «Метро-Виккерс», признанные виновными, подали петиции о смягчении приговора. Комиссии, которая должна была их рассматривать, велели не браться за дело при отсутствии особых обстоятельств, пока не пройдет хотя бы полгода от каждого срока. Эти инструкции не публиковали, «чтобы не связывать себе рук». Литвинов писал, что помилование осужденных в настоящее время было бы истолковано как уступка давлению эмбарго и как наша капитуляция, и с этой точки зрения чем позднее будет совершен этот акт, если ему вообще суждено совершиться, тем лучше для нас. «Для рассеяния посольских и лондонских иллюзий, ожидающих помилования со дня на день, Рубинин, по моему поручению, сделал Стрэнгу сообщение, о котором я Вам телеграфировал. Таким образом, никаких изменений в положении в ближайшее время не предвидится».

Затем Литвинов обсудил предложенную Майским «схему окончания кризиса». Суть была в том, чтобы помиловать заключенных, но не отпускать их, пока не будет снято эмбарго. Этот подход напоминал взятие заложников, консерваторы только о таком и мечтают и, конечно же, воспользуются сложившейся ситуацией по полной программе. Помилование не может быть связано с эмбарго. Литвинов был совершенно прав: британский МИД уже был готов к такому исходу дела³.

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 25 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 218–219.

² Намек на французскую поговорку: «La plus jolie fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a» («Даже самая красивая женщина не может дать больше, чем имеет») — Нет смысла требовать невозможного. — *Примеч. ред.*

³ Collier to Strang. No. 92. 22 April 1933. N2990/1610/38, TNA FO 371 17270.

Но Литвинов предложил Майскому как можно более тонко связать эти два момента, но чтобы внешне они остались независимыми друг от друга. Британцы все поймут. Майский писал, что главная проблема состояла в том, что британцы уже зашли слишком далеко и не пойдут на попятную из страха «потерять лицо». Забавно, что обе стороны считали, что найти решение невозможно из-за пресловутого «лица». В любом случае, как считал Литвинов, следующий шаг должна сделать Великобритания. По мнению Майского, Саймон не спешил найти решение, так как полагал, что СССР сдастся из-за эмбарго, и это станет британским дипломатическим успехом. Но это не имело никакого смысла, так как советское правительство не спешило объявлять о помиловании. Таким образом, чем дольше заключенные просидят в тюрьме, тем о меньшем успехе сможет сообщить Саймон. Тогда он и британский Кабинет министров наверняка захотят найти решение как можно быстрее¹.

Предположения Литвинова о британской политике были по сути верными, но он умолчал о том, что сам ничуть не меньше хотел закончить конфликт. Вопрос заключался только в том, как начать процесс сближения. В результате британцы сделали первый шаг. 24 апреля Стрэнг предложил британскому правительству проявить инициативу и указать на то, что если британских граждан отпустят, то эмбарго будет снято. Стрэнг понимал, что это дело стало для обоих правительств «вопросом престижа», но надо как-то начинать процесс переговоров. Это можно было сделать, публично заявив в Лондоне, что эмбарго будет снято, как только заключенных отпустят². 26 и 27 апреля Хейлшем и Саймон сделали заявления в парламенте по этому поводу, и на следующий день Стрэнг проинформировал об этом Рубинина. Рубинин ничего не ответил, но подтвердил, что два заключенных подали прошение о помиловании. Рассмотрение займет примерно два или три месяца, а может, больше³.

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 248–252.

² Strang. No. 345. 24 April 1933; Collier's minute. 27 April 1933. N3084/5/38, TNA FO 371 17239.

³ Дискуссия Е. В. Рубинина с У. Стрэнгом. 29 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 255; Strang. No. 364. 30 April 1933. N3246/1610/38, TNA FO 371 17270.

НКВД раскрыл эту информацию некоторым зарубежным корреспондентам в Москве, и они отправили отчеты в свои газеты, но Литвинов написал Майскому, что он не знает, дошло ли это сообщение до британской прессы. Майский упорно считал, что Саймон затягивает разрешение конфликта, но нарком стоял на своем: министр сможет заявить о победе, только если заключенных незамедлительно освободят. Окажется, что они оба — и Майский, и Литвинов — были в чем-то правы, а в чем-то нет. Когда в начале мая Стрэнг рекомендовал принять дополнительные меры, МИД велел ему подождать и дать возможность советской стороне проявить инициативу. «Если мы будем настаивать... то только покажем свою тревогу и дадим возможность советскому правительству требовать большего. Я согласен, что мы должны избегать провокационных ответов в парламенте, но я полагаю, что мы должны показать, что мы умеем ждать»¹. Таким образом, оставалась все та же проблема: кто сделает первый шаг? Советская сторона отпустит заключенных или британцы снимут блокаду? Очевидно, что это нужно было сделать одновременно, но прошло еще полтора месяца, прежде чем обе стороны пришли к такому решению².

Прозрение

Прозрение случилось в Лондоне во время Международной экономической конференции, которая началась в середине июня и длилась до конца июля. Литвинов убедил Сталина в необходимости отправить туда делегацию, несмотря на сомнения Политбюро. На конференции у советского правительства будет возможность представить план экономического развития и обязательно импорта в контексте плана борьбы с «международным кризисом». Не стоит ожидать от этого события конкретных результатов, но оно может заложить основу для дальнейших переговоров с другими странами или группами стран. Можно будет обсудить с ними советские предложения³. Литвинов в шутку сказал итальянскому послу, пытавшемуся

¹ Strang. No. 393. 11 May 1933; Simon to Strang. No. 113. 17 May 1933. N3565/5/38, TNA FO 371 17240.

² М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 24. Л. 273—275.

³ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 14 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 60—63.

получить от него информацию, что он бы хотел, чтобы конференция состоялась где угодно, только не в Лондоне. У посла сложилось впечатление, что Литвинов «работал над решением, но сталкивался с трудностями». Это было бы неудивительно, но еще один советский информатор в Москве, таинственный посредник Борис Сергеевич Штейгер, сообщил Стрэнгу, что «дела идут хорошо» и «Литвинов едет в Лондон с “четкими идеями по данной теме”»¹. Таким образом, теперь переговоры будут проходить не в Москве между Стрэнгом и Рубининым, а в Лондоне между Литвиновым и британской стороной.

Обсуждение началось в Лондоне 15 июня. Вначале состоялась встреча между директором «Метро-Виккерс» сэром Феликсом Поулом и Литвиновым. Как писал нарком, Поул поинтересовался, что можно сделать, чтобы освободить его людей в Москве. Он быстро дошел до сути дела и предложил одновременно объявить об амнистии и снять эмбарго. Но Литвинов стоял на своем: статус двух британских инженеров был юридическим вопросом. Их могут освободить по амнистии, но она подразумевает между прочим «устранение созданной неблагоприятной атмосферы». То есть британское правительство должно сделать первый шаг и снять эмбарго. Британцы развязали «экономическую войну», и они же могут ее закончить. Советское правительство не предлагает за это встречную услугу. «Мы людьми не торгуем». Это была позиция Литвинова, озвученная им в Москве. Он писал Сталину, то есть позиция была жесткой.

По словам Литвинова, «Поль [Поул] ответил, что он в таком случае не видит никакого выхода из положения, ибо правильно ли поступило его правительство или нет, но оно уже так ангажировалось, что снять эмбарго до высылки осужденных оно не сможет. Он, Поль [Поул], и другие промышленники крайне недовольны создавшимся положением, но есть в Англии и люди, которые торжествуют. На вопрос Поля [Поула], не желаю ли я встретиться с Саймоном, я сказал, что мне нечего предлагать Саймону и не о чем просить и что и Саймону я мог бы только повторить то, что сказал Полю [Поулу]».

Британский МИД никогда бы не принял эту позицию ни на каком уровне. Поул сказал, что ушел от Литвинова в «полном отчаянии»,

¹ Strang. No. 389. 8 May 1933. N3480/1610/38, TNA FO 371 17272; Strang. No. 417. 4 June 1933. DBFP, 1st series, VII, 556.

так как понимал, что конфликт может тянуться месяцами. По словам наркома, эмбарго необходимо обновить через полтора месяца, или же государство может больше этого не делать. Также он сказал, что ему не звонили из британского МИД, но создавалось впечатление, что ему все равно. На правительственном ужине Макдональд и Саймон пытались завязать разговор, но Литвинов отказывался им отвечать. Также подходили различные посредники. Наркому это было неинтересно. «Положение для меня так же ясно, как оно было в Москве: английское правительство на снятие эмбарго без обещания компенсации не может пойти, не потеряв лица». Во время конференции Литвинов предложил «экономическое перемирие», которое могло бы включать в себя снятие эмбарго, но он не думал, что его идею примут в британском МИД. Таким образом, Литвинов предложил Сталину подождать и придерживаться политики, уже изложенной в Москве, согласно которой никакой обмен невозможен. Записи Поула о разговоре очень похожи на отчет Литвинова¹.

Наркома пытался прощупать не только Поул. Реджинальд Липер, работавший старшим служащим в информационном отделе МИД, нанес визит Литвинову в советском посольстве. Он хотел осторожно разузнать у него насчет решения. Липер знал наркома еще в 1918 году, когда он был неофициальным советским послом в Лондоне. «Обе стороны понимали, — утверждал Липер в длинном рукописном отчете о разговоре, — что я приехал исключительно по личным причинам, чтобы снова повидаться спустя 15 лет». Он также дал Литвинову интересную характеристику, к которой мы еще вернемся. Однако это не было целью визита Липера. Он хотел понять, можно ли заключить сделку, чтобы освободить инженеров «Метро-Виккерс». Литвинов придерживался той позиции, которую он изложил Сталину, и отказался сделать предложения по разрешению конфликта. Липер не слишком обрадовался тому, что услышал, и дал задний ход.

«Он [Литвинов], вероятно, убежден, что за обвинениями что-то стоит... так как он полностью разделяет подозрения своих товари-

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 июня 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 20. Л. 1—5; Notes of interview with Mr. Litvinoff. Sir F. Pole. 15 June. N4591/1610/38, TNA FO 371 17273.

щей-большевиков... Он будет упрямо гнуть свою линию, поскольку считает, что его усилия по налаживанию удовлетворительных рабочих отношений не получили здесь должную реакцию... хотя он — человек умеренных взглядов по советским стандартам и, по сути, довольно доброжелательный, но он всецело коммунист ленинской школы и будет упорно стоять на своем во всем, что он считает принципиальным вопросом»¹.

Ванситтарт не был рад, получив отчет Липера. «Думаю, надо оставить Литвинова в покое примерно дней на десять. Его здесь прощупывают уже второй раз. И Липер считает, что вряд ли он сам делает первый шаг. Мы не можем обратиться к нему в третий раз слишком быстро»².

Стороны продолжали еще какое-то время расшаркиваться друг перед другом в ожидании первого шага, однако длилось это недолго. Британские бизнесмены давили на МИД, требуя найти выход из тупика. Это выражалось, например, в виде резолюции Федерации британской промышленности, в которой призывали к освобождению инженеров и возобновлению торговых отношений. Из-за нее Саймон решил проявить инициативу и встретиться с Литвиновым, не дожидаясь звонка из советского посольства³. Кроме того, пробный шар запустил Каммингс из «Ньюс Кроникл» — «очень пророссийский корреспондент газеты, который недавно был в Москве и сейчас поддерживает тесный контакт с советским посольством [это по словам Кольера. — М. К.], предположил, что Литвинов готов двигаться вперед»⁴.

А возможно, пробный шар был запущен из советского посольства. Через три дня, 24 июня Литвинов уже не был столь уверен в своей позиции. Он написал Крестинскому:

«Хочу лишь добавить, что мы в Мск [Москве] не имели никакого представления о влиянии дела “Метро-Виккерс” на общественное мнение Англии. В этом отношении мы вернулись здесь ко времени, предшествовавшему возобновлению отношений. Англичане из воксовских организаций заявляют, что вся их работа за эти годы пошла насмарку. Полпредство находится в состоянии полубойкота.

¹ Untitled, handwritten note by Leeper. 17 June 1933. N4812/5/38, TNA FO 371 17241.

² Vansittart's minute. 19 June 1933. N4812/5/38, TNA FO 371 17241.

³ Vansittart's minute. 20 June 1933. N4611/5/38, TNA FO 371 17241.

⁴ Collier's minute. 21 June 1933. N4607/5/38, TNA FO 371 17241.

Оскорбления наносятся на каждом шагу. При всех стремлениях англичан оказывать всяческое внимание нашей делегации было немало и неприятных моментов нашего общения с ними. Наши враги работают вовсю, используя благоприятное настроение, а промышленники мало активны и беспомощны перед лицом крупных политических интриг. Даже “друзья” не понимают нашей нынешней позиции в конфликте и обвиняют нас в преувеличении вопросов престижа. “Наше правительство наделало много глупостей, но оно уже ангажировалось и отрезало себе путь к отступлению. Вы должны быть умнее и вывести нас из тупика” — вот к чему сводятся их рассуждения»¹.

Решение

С учетом происходящего и чтобы не затягивать кризис, Литвинов изменил свое мнение и попросил Москву одобрить измененное «минимальное» предложение британцам². Он сообщил Сталину, что Саймон пригласил его в МИД. Насколько Литвинову было известно, британцы хотели снять эмбарго одновременно с освобождением заключенных. Поэтому Литвинов решил изменить границы дозволенного, но не сильно. Он хотел предложить британскому правительству снять эмбарго и разрешить возобновление торговли на неделю, а в это время советское правительство аккуратно амнистирует и депортирует сотрудников «Метро-Виккерс». В качестве следующей максимальной уступки советское правительство или НКВД могли бы обещать поддержать амнистию после снятия эмбарго. В любом случае Литвинов просил Сталина уполномочить его разрешить спор³. Литвинов изменил свою позицию, но не сильно. Удивительно, что, по его мнению, британское правительство могло принять такое предложение. В любом случае Липер дал ему верную оценку. Литвинов не был мягким мечтателем, влюбленным в Запад.

Первая встреча Саймона и Литвинова состоялась 26 июня. Литвинов попытался сделать предложение, но Саймон, само собой,

¹ М. М. Литвинов — Н. Н. Крестинскому. 24 июня 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 20. Л. 6–8.

² Там же.

³ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 24 июня 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 20. Л. 9–13. Копии были переданы В. М. Молотову и Н. Н. Крестинскому.

ему отказал. Или стороны одновременно идут на уступки, или сделки не будет, а эмбарго продлят дальше. На этом они остановились. Литвинов попросил дать ему время на раздумье, а затем он сам скажет, когда назначить следующую встречу. Нарком сразу же написал в Москву и попросил дать ему указания. Вряд ли британцы согласятся вначале снять эмбарго, и вряд ли Саймон сделает еще какие-то предложения. Поэтому Литвинов считал, что нужно согласиться на вариант Саймона, то есть одновременно пойти на уступки: снять эмбарго и отменить советские контрмеры и в тот же день смягчить наказание двум инженерам «Метро-Виккерс». Единственная особенность была в том, что вначале отменяют эмбарго и контрмеры, а потом в течение того же дня смягчат наказание. Ответ из Москвы пришел быстро: «...в качестве крайней и последней уступки». Сталин согласился с рекомендациями Литвинова¹. На той неделе Саймон и нарком встречались еще три раза, и один раз британский министр встретился с Майским, чтобы обсудить детали и убедиться, что каждая сторона с уважением отнесется к взятым на себя обязательствам². Таким образом на выходных удалось достигнуть договоренностей, и вечером 1 июля арестованных освободили. Через два дня они пересекли границу с Польшей.

Английский аристократ и большевик польского происхождения наконец смогли достаточно доверять друг другу, чтобы достигнуть договоренностей, а также реализовать их без сучка и задоринки. Что изменилось и заставило стороны так быстро договориться и закончить конфликт? С британской стороны бизнес давил на правительство и требовал найти такое решение, чтобы не останавливать торговлю с СССР. МИД был не единственной заинтересованной стороной. Министерство торговли и Ренсимен также искали решение. О том, насколько сильное было лобби со стороны бизнеса, стало известно из разговора, о котором сообщил Майский. В нем участвовал торгпред Александр Владимирович Озерский и Ф. Х. Никсон из Департамента гарантирования экспортных кредитов. Никсон,

¹ Simon to Strang. No. 381. 26 June 1933. N4842/5/38, TNA FO 371 17241; М. М. Литвинов — в НКВД (для И. В. Сталина и В. М. Молотова). 26 июня 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 366–368; Н. Н. Крестинский — М. М. Литвинову. 27 июня 1933 г. // Там же. С. 372–373.

² Simon to Strang. Nos. 382, 387, 388. 28, 30 June & 1 July 1933. N4842/4930/4931/5/38, TNA 371 17241.

видимо, под влиянием алкоголя, стал рассказывать про «Метро-Виккерс», сообщив, что «во время конфликта и в особенности после [введения. — М. К.] эмбарго МИД все время пытался разорвать дипломатические отношения с СССР».

«Он встречал, однако, сильное сопротивление со стороны Министерства торговли, а также некоторых других членов правительства. Кроме того, для британского кабинета было крайне неудобно разрывать отношения с СССР как раз накануне созыва всемирной экономической конференции. Когда последняя собралась, Министерство торговли стало настаивать на необходимости использования пребывания т[оварища] Литвинова в Лондоне для ликвидации конфликта. Форин-офис отчаянно сопротивлялся. Тогда Колвилл (глава Департамента заморской торговли) в весьма решительной форме поставил вопрос о снятии эмбарго перед Ренсимоном (министр торговли). Ренсимен поддержал Колвилла. Вместе они отправились к Макдональду и устроили ему грандиозный скандал. Макдональд вызвал к себе Саймона и предложил ему начать переговоры с т[оварищем] Литвиновым».

По словам Никсона, только тогда Саймон наконец пригласил Литвинова в МИД и предложил обсудить разрешение конфликта в присутствии Колвилла, который будет играть роль политического комиссара и проследит за тем, чтобы все шло как надо. Майский был уверен, что эта информация соответствует действительности, так как она совпадала с тем, что ему удалось выяснить во время кризиса¹. Читателям нужно сказать спасибо Никсону, который разболтался под воздействием алкоголя, а также Майскому, который это все записал.

Что касается СССР, то Литвинова очевидно беспокоила угроза, надвигавшаяся со стороны нацистов. Он говорил об этом в своих письмах Крестинскому и Сталину. «С Германией, очевидно, ладить не удастся, — писал Литвинов Крестинскому. — Надо поэтому искать опору, где только возможно». А это означало, что нужно было уладить дело «Метро-Виккерс», которое, с точки зрения наркома, никогда не стоило серьезной ссоры. В письме Сталину Литвинов упомянул так называемый меморандум Альфреда Гугенберга, в котором

¹ И. М. Майский — Н. Н. Крестинскому. 24 мая 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 18. Л. 105–109.

говорилось о расширении Германии на восток, и рекомендовал укрепить связи с Францией¹. Британский МИД уловил изменения в советской политике. Их трудно было не заметить. Журналист Карл Радек опубликовал статьи, которые привлекли внимание МИД Великобритании². Штейгер, таинственный советский информатор в Москве, упомянул в разговоре со Стэнгом речь Гугенберга в Лондоне и сказал, что «она определенно дала импульс в пользу урегулирования» конфликта «Метро-Виккерс». «Кажется, все свидетельствует о том, — писал Кольер, — что советское правительство настолько занято угрозой, исходящей от Гитлера, что не будет ссориться ни с кем больше, пока она не исчезнет». Хотя Литвинов не мог сообщить об этом в своих депешах из Лондона, Штейгер намекнул: «В рядах части стоящих у власти сил наблюдается заметное желание установить спокойные и стабильные отношения с... [Великобританией. — М. К.]»³. Чиновникам МИД не приходило в голову (во всяком случае в рамках дела «Метро-Виккерс»), что Великобритании тоже следовало бы «заняться», как писал Кольер, «угрозой, исходящей от Гитлера».

Тем не менее британский МИД, несомненно, был заинтересован в урегулировании англо-советских отношений. Когда после освобождения арестованных Кольер попытался снова устроить противостояние, никто его не поддержал. «Я твердо уверен, — писал Олифант, — что нам следует потушить догорающие угли и не превращать их снова в пламя». Когда Кольер спросил про гранки третьей Белой книги, Олифант и Ванситтарт выступили против публикации. По словам Олифанта, это было все равно, что «сыпать песок в оборудование». Ванситтарт считал, что оставшиеся два инженера «Метро-Виккерс» больше не заслуживают их внимания. «Эти люди могут нам поведать только о своем эгоизме и трусости. Они были невиновны, но на них едва надавили, и они тут же сдались, спасая

¹ М. М. Литвинов — Н. Н. Крестинскому. 24 июня 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 20. Л. 6–8; М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 24 июня 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 20. Л. 6–13. Копии были переданы В. М. Молотову, Н. Н. Крестинскому.

² Strang. No. 287. 23 May 1933; Collier's minute. 31 May 1933. N4046/748/38, TNA FO 371 17261.

³ Strang to Simon. No. 410, confidential. 25 July 1933; Collier's minute. 26 July 1933. N5526/1610/38, TNA FO 371 17273.

(как они думали) свою шкуру и не подумав о товарищах. Я был удивлен, когда узнал, насколько небольшим было давление, — я полагал, что оно будет намного больше. Мы поступили правильно и добились значительного успеха, но мы сделали это ради никчемных людей, и я не считаю, что нам нужно дальше затягивать это дело, которое достигло кульминации, когда они уехали из России»¹. Пришло время двигаться дальше, хотя бы к тому, что маячило на горизонте.

Дело «Метро-Виккерс» представляет собой хороший пример того, как урегулировались ссоры СССР с Западом. Также оно показывает, что решения внутри советского руководства относительно отношений с другими странами не всегда принимались без участия НКВД. Ситуация становилась опасной, и в Москве наконец осознали нацистскую угрозу и необходимость искать союзников на Западе. В июне Литвинов точно распознал ее и предупредил Сталина. Необходимо было наладить правильные отношения с Великобританией, и два британских инженера не стоили того, чтобы поднимать из-за них такой шум, с учетом растущей нестабильности в Европе. В результате из-за дела «Метро-Виккерс» СССР был вынужден на год приостановить попытки добиться сближения с Великобританией. Теперь всем нужно было остыть, а советской дипломатии — обратить внимание на другие страны.

¹ Vansittart's minute. 8 July 1933. N5356/1610/38, TNA FO 371 17273.

ГЛАВА IV

РАПАЛЛО ИЛИ НЕТ? СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ. 1933 ГОД

В Германии быстрыми темпами шли политические изменения. В 1932 году правительства в Берлине менялись почти так же часто, как в Париже. Все прекратилось в январе 1933 года. Канцлером стал Адольф Гитлер, и он сразу начал устанавливать нацистский диктаторский режим, запретив вначале Коммунистическую, а потом Социалистическую партии. Гитлер не скрывал своих намерений. В 1925 году он опубликовал книгу, которая называлась «Майн кампф». Это был его план немецкого доминирования в Европе и территориального расширения на восток до Уральских гор. Книга не раз привлекала внимание Литвинова и его коллег по НКВД.

Могла ли нацистская Германия сохранить Рапалльский договор?

В середине 1933 года советский полпред в Риме Владимир Петрович Потемкин сказал своему немецкому коллеге, что воинственные высказывания нацистских лидеров ставят под сомнение будущее советско-германских отношений¹. В конце февраля 1933 года, чуть меньше чем через месяц после того, как Гитлер стал канцлером, замнаркома Крестинский встретился с немецким послом Гербертом фон Дирксеном. Посол неплохо ладил с советскими коллегами.

¹ Беседа В. П. Потемкина с германским послом У. фон Хасселем от 14 февраля 1933 г. 3 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 90. Д. 11. Л. 143–145.

По его словам, немецкая политика по отношению к СССР останется неизменной. Может продолжаться внутренняя борьба правительства Германии с коммунизмом, но в то же время будут сохраняться хорошие отношения с СССР. «Мы не хотим проводить и не проводим никакого изменения нашей политики по отношению к Германии, — ответил Крестинский в ходе долгого разговора, — но у нас не могли не вызвать беспокойство сообщения о тех предложениях, которые бывший рейхсканцлер и нынешний вице-канцлер фон Папен делал французскому правительству». В текущих обстоятельствах недостаточно дружелюбных заявлений, сделанных представителями немецкого правительства советским дипломатам с глазу на глаз. О них не знает общественность, и ничто не помешает утверждать параллельно противоположное. Дирксен попытался его переубедить¹. Через два дня у Литвинова состоялся похожий разговор с министром иностранных дел Германии Константином фон Нейратом. Тот повторил уже знакомые слова: изменения в правительстве не означают политические изменения отношений с СССР². Однако слов было недостаточно, чтобы успокоить советское правительство, часто отвечал нарком своим немецким коллегам. Важны действия. «Не знаю, — писал Литвинов Потемкину, — известны ли широко за границей многочисленные случаи недружелюбных и оскорбительных актов со стороны новых германских властей в отношении советских граждан и учреждений»³. Забавно, что в 1927 году Литвинов и Дирксен, не сговариваясь, решили, что Рапалло не продлится вечно. Это всего лишь вопрос времени и интересов⁴.

В ходе кампаний, направленных против немецких коммунистов, нацистские хулиганы донимали советских граждан, работавших на различных советских учреждениях. «Все наши протесты против провокационных действий германских фашистов, — отчитывался Литвинов Сталину, — до сих пор не дали результатов». Можно сделать вывод, что в советско-германских отношениях назревало

¹ Встреча с германским послом Г. фон Дирксеном. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 27 февраля 1933 г. // АФПРФ. Ф. 082. Оп. 16. П. 71. Д. 1. Л. 45–41.

² Беседы с К. фон Нейратом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 1 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 16. П. 71. Д. 1. Л. 57–53.

³ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 15 марта 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 90. Д. 15. Л. 1–5.

⁴ Carley M. J. Silent Conflict. P. 253–254, 277.

охлаждение или даже кризис. Литвинов считал, что есть единственный способ надавить на Германию. Нужно отправить в Польшу деловую делегацию и всячески осветить ее визит в прессе¹. Учитывая сомнительную политику Варшавы, мы понимаем, что это был слабый рычаг давления, но что еще оставалось Литвинову?

Словом и делом

Советник СССР в Берлине обратил внимание на то, что публичные заявления представителей нацистской партии соотносятся с основными идеями «Майн кампф»². 3 апреля, тогда же, когда Литвинов написал Сталину, Крестинский снова встретился с Дирксом и обсудил с ним ухудшение советско-германских отношений. Он сказал, что сейчас ситуация сложная как никогда, и заверений Гитлера во время его речи в рейхстаге 23 марта недостаточно. Судят не по словам, а по поступкам, а с учетом этого критерия было видно, что на улицах продолжают нападать на советских служащих. «Наше общественное мнение» (то есть Сталин и его союзники по Политбюро) взволновано. Канцлер говорил одно, но его коллеги делали другое. Что это значило? Дирксен и военный атташе Германии, который присутствовал вместе с ним на встрече, старались приободрить Крестинского. Неприятности закончатся³. У Литвинова были сомнения, и мимо него не прошли предупреждения берлинского посольства относительно «Майн кампф». Он обратил внимание Сталина на волнения в Прибалтике, которые начались после прихода к власти Гитлера, а также на его известные из «Майн кампф» предложения по завоеванию «жизненного пространства на востоке»⁴.

После разговора с Крестинским Дирксен также встретился с Литвиновым. Они обсуждали примерно то же самое, только немного откровеннее. Дирксен пытался объяснить, что нападения на советских граждан и сотрудников в Германии — это единичные случаи,

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 3 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 51.

² Б. Д. Виноградов о внешней политике национал-социалистов. 13 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 28. Л. 219–228.

³ Встреча с германским послом Г. Дирксом. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 3 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 28. Л. 127–130.

⁴ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 13 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 55–59.

и они закончатся, но Литвинов на это не купился. «Я ответил, — писал нарком в дневнике, — что мы действительно были встревожены приходом к власти в Германии людей, политическое кредо которых не могло внушать нам оптимизма касательно судьбы наших взаимоотношений». «Мы, — сказал Литвинов послу, — должны понимать то возмущение и негодование, которое в нашей общественности вызывают события [в Германии. — М. К.]». На самом деле комментарии в прессе «даже в отдаленной степени не отражают чувств нашей общественности». Литвинов все говорил и говорил. Возможно, для Дирксена это единичные случаи, «но дело в том, что в Германии мы сейчас имеем дело не с отдельными локальными случаями, а с массовой травлей всего, что носит название советского. Речь идет об организованной кампании, направляемой из единого центра... причем [германское. — М. К.] правительство никаких мер не принимает для ликвидации ее». Так продолжаться не может, сказал Литвинов, «наша общественность требует ответных мер». Дирксен смущенно ответил, что советская пресса может воздержаться от публикаций новостей о Германии. «Вопрос, — ответил Литвинов, — еще должен быть решен правительством»¹. Дирксен несомненно усвоил сказанное. «Я уверен, — писал он в Берлин, — что в наших взаимоотношениях начинается серьезный кризис». Если его не удастся решить, то СССР может пересмотреть политику в отношении Германии². Дирксен был встревожен ухудшением советско-германских отношений, но Гитлера они волновали намного меньше. Дирксен сообщил в Министерство иностранных дел Германии, что продление договора с Берлином было единственным способом стабилизировать ситуацию. Так и поступили в начале мая, но положительного результата это не дало. По словам Крестинского, продление договора было всего лишь способом навредить улучшающимся отношениям между СССР, Францией и Польшей. Однако Крестинский все равно осторожно надеялся на положительные изменения немецкой политики, хотя, как он говорил, «мы не должны уменьшать нашей бдительности»³. Таким образом, советское правительство

¹ Беседа с Г. Дирксеном 3.IV.33. Выдержка из дневника Литвинова. 3 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 89. Д. 4. Л. 55—59.

² Dirksen. No. 60, most urgent, secret. 3 April 1933. DGFP, C, I, 241—242.

³ Н. Н. Крестинский — Л. М. Хинчуку. 7 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 27. Л. 16—1.

сделало предупредительный выстрел в сторону Германии. Литвинов надеялся, что его заметят Франция и Польша. В «Правде» вышла статья Карла Радека, в которой он выступал против пересмотра Версальского договора. «Пересмотр, — писал он, — означает лишь новую мировую войну». Литвинов отметил, что Дирксен отреагировал на статью протестом, а польские источники отнеслись к ней с одобрением. А что же французы? Литвинов задал вопрос Довгалеvскому¹. Но французское посольство, видимо, не сообщило о статье в Париж. Литвинов согласился с Крестинским, который утверждал, что Германия ищет выход из изоляции, хотя нарком больше говорил о сближении с Францией, чем о восстановлении советско-германских отношений². Крестинский гораздо лучше относился к сохранению «рапальской политики». А может, и нет. Хотя НКВД отрекся от статьи Радека в разговоре с Дирксеном, Крестинский полагал, что она совершенно верно описывает Версальский договор³. Не стоит также забывать, что ухудшение советско-германских отношений произошло тогда же, когда и кризис «Метро-Виккерс».

Николай Николаевич Крестинский

Крестинский был первым заместителем наркома иностранных дел СССР. Этот симпатичный человек уже знаком читателям. Он вступил в РСДРП в 1903 году и после раскола партии встал на сторону большевиков. Крестинский родился в 1883 году в провинциальном городке Могилеве. То есть он на семь лет младше Литвинова. Николай Николаевич хорошо учился в гимназии, что, наверно, неудивительно, учитывая, что его родители были учителями. В результате он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Крестинский был членом первого Политбюро и наркомом финансов. Он был близок с Лениным и работал ответственным секретарем ЦК РКП (б), но в 1921 году его уволили, по словам Молотова, за то, что он не уделял внимание «политике». Крестинский уехал в Берлин в качестве полпреда. Это была самая

¹ М. М. Литвинов — В. С. Довгалеvскому. 17 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 78—83.

² Там же.

³ Н. Н. Крестинский — Л. М. Хинчуку. 17 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 27. Л. 37—42.

Николай Николаевич Крестинский.
1930-е годы. АВПРФ (Москва)

важная советская должность за границей. Николай Николаевич, как и Литвинов, говорил на нескольких языках и был прагматиком. Ему подходила работа со средним классом, социал-демократами и прусскими консерваторами Веймарской Германии. Крестинский понимал, как себя вести с немецкой элитой.

На фотографиях Николай Николаевич, как и остальные советские дипломаты, не похож на свирепого большевика со сталь-

ным взглядом. Некоторых непредсказуемых личностей отсеяли на ранней стадии. Крестинский едва заметно, но по-доброму улыбается. У него частично выпали волосы, но сохранились усы и борода клинышком, и он носил круглые очки в золотой оправе. Он поддерживал хорошие отношения с представителями берлинских деловых кругов, что раздражало некоторых немецких дипломатов, но именно такой человек был нужен для поддержания советской торговой политики. Как говорил французский посол в Берлине, Крестинский знал, как избежать нежелательного внимания и не навлекать на себя неприятности. Что касается политики, во время борьбы за власть Крестинский поддержал Троцкого, но сделал это более аккуратно и незаметно, чем его коллеги. Молотов называл его троцкистом. Это правда, Сталин не очень нравился Крестинскому, а он не сильно нравился Сталину. В 1928 году Сталин резко отчитал Крестинского за то, что тот во время работы в Берлине не вполне точно следовал указаниям Политбюро. Письмо было написано так, что мороз по коже, и Крестинский отступил. Даже в 1928 году не стоило ссориться со Сталиным. В 1930 году Крестинский вернулся в Москву и стал замнаркомом НКВД. Некоторые полагают, что он хотел получить должность Литвинова, но из переписки НКВД это

не следует. Возможно, Крестинский немного сильнее желал сохранить Рапалльский договор. Это было понятно, так как он потратил столько времени на улучшение советско-германских отношений. Но даже если так, это была лишь мелкая деталь, поскольку в итоге его позиция совпадала с позицией Литвинова.

Литвинов и Дирксен

В Москве продолжалось противостояние и прощупывание почвы между немецким послом и НКВД. Литвинов и Дирксен снова встретились в середине мая. «Фашизм сам по себе, как и всякая иная социально-политическая идеология буржуазных правительств, — писал нарком, — не является препятствием для установления и развития наилучших взаимоотношений». Однако в отличие от Италии нацистское правительство как будто нарочно из кожи вон лезло, чтобы испортить отношения с СССР. На ратификацию обновления Берлинского договора в Москве отреагировали хорошо, особенно «правительственные круги», но все еще сохранялись серьезные сомнения. «У нас есть люди, — писал он, — которые считают, что Гитлер скрывает свои истинные намерения по отношению к СССР и что у него есть план, как испортить советские отношения с Францией и Великобританией или другими правительствами». Литвинов был на редкость прямолинеен. «Мне кажется, — сказал он Дирксену, — что не осталось ни одного советского или полусоветского учреждения в Германии, которое не подверглось бы обыску или разгрому». Разговор шел по той же схеме, что и раньше. «Мы ничего большего не хотим, как продолжения тех же отношений с Германией, какие существовали у нас при [Вальтере] Ратенау, [Густаве] Штреземане и [Юлиусе] Курциусе [помимо других министров иностранных дел Германии. — М. К.]. Возможность этого зависит, однако, не от нас, а от германского правительства». Затем Литвинов саркастически добавил, что будет проще достигнуть любого улучшения отношений с Берлином за счет того, как развивается «наша политика сближения с Францией, Польшей и другими странами»¹. Он также подтвердил это

¹ Беседа с Г. Дирксеном 16.V.1933. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 16 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 16. П. 71. Д. 1. Л. 195–191.

через две недели в разговоре с Нейратом¹. СССР все еще хотел спасти рапалльскую политику и придерживался этой идеи в том числе и летом, пока Литвинов разбирался с делом «Метро-Виккерс».

Крестинский сформулировал советскую позицию для полпреда в Берлине Льва Михайловича Хинчука. Внешняя политика национал-социалистов была «ярко антисоветской», и после прихода к власти Гитлера «коричневорубашечники наносили нам один удар за другим». Если и было смягчение нацистской политики, то только потому, что Германия пыталась вырваться из дипломатической изоляции, вызванной беспомощной внешней политикой. «По мнению значительной части нашей общественности, — сказал Крестинский, — это есть лишь временная вынужденная тактика, а основной линией внешней политики нац[истского] пра[вительства] Германии по-прежнему остается стремление расширять свои владения на Восток за счет расчленения Сов[етского] Союза». Советская общественность видела подтверждение этих намерений в высказываниях нацистских чиновников, которых поддерживали белоэмигранты, оказывавшие заметное влияние на немецкую внешнюю политику. «При этом ни Литвинов, ни я, ни Штерн не солидаризуются с этими настроениями нашей общественности, но защищаем законность таких настроений...», — писал Крестинский.

Советское правительство вело себя очень осторожно в отношении Германии и надеялось на лучшее, в то же время пытаясь наладить отношения с Францией и Польшей и снова надеясь на лучшее. «Мы не желаем путем ненужного внешнего подчеркивания дружбы с Германией мешать улучшению наших отношений с Францией и Польшей». Но, по словам Крестинского, «в то же время по существу мы хотим улучшения наших отношений с Германией, хотим ликвидации всех конфликтов, имевших место за последние месяцы, одним словом, хотим, чтобы наши отношения вернулись в прежнее спокойное русло». По сути, Крестинский надеялся, что перерыв в немецкой враждебности послужит советским интересам, и чем дольше он продлится, тем лучше. Если же враждебное отношение будет продолжаться, то Крестинский предупреждал, что тогда может

¹ Беседа с К. Нейратом. Выдержка из дневника М. М. Литвинов. 29 мая 1933 г. // СССР — Германия, 1933—1941. С. 63—64.

произойти¹. Интересно почитать размышления замнаркома о Рапалло. В 1920-х годах советско-германские отношения были часто сложными и редко «тихой гаванью».

Крестинский сказал Хинчуку, что они с Литвиновым придерживаются одних взглядов и считают желательным сохранить старую политику, хотя, возможно, не всю. «С Германией, очевидно, ладить не удастся, — писал Литвинов в июне, — надо поэтому искать опору, где только возможно». Он имел в виду Францию. Но также он считал необходимым улучшить отношения с Малой Антантой в Центральной и Восточной Европе (то есть с Чехословакией, Румынией и Югославией), что в свою очередь должно положительно повлиять на советские отношения с Францией и Польшей².

В середине июня Альфред Гугенберг, министр экономики правительства Гитлера и глава немецкой делегации на Международной экономической конференции в Лондоне, выступил с речью, в которой, помимо других тем, затронул потребность Германии в новом жизненном пространстве, а также в «новых территориях за счет СССР». В своем так называемом меморандуме Гугенберг выступил от своего имени, но центральной темой стали идеи Гитлера, отраженные в «Майн кампф». Именно эта речь так взволновала Литвинова. Он тогда находился в Лондоне и пытался улучшить англо-советские отношения. Так или иначе в Москве встревожились не на шутку. Советское посольство в Берлине выпустило официальный протест³. Как помнят читатели, Литвинов написал Крестинскому, что речь Гугенберга — «это еще одно предупреждение, которое должно побудить нас усилить нашу активность в Париже»⁴. И успокоить бурю в Лондоне, мог бы добавить он.

В этом письме Литвинов не упомянул Польшу, возможно, потому что летом 1933 года НКВД с подозрением относился к намерениям польского правительства. Эти подозрения только окрепли

¹ Н. Н. Крестинский — Л. М. Хинчуку. 17 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 27. Л. 37–42.

² М. М. Литвинов — Н. Н. Крестинскому. 24 июня 1933 г.; М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 июня 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 20. Л. 6–8, 9–13, 1–5.

³ Запись беседы Л. М. Хинчука с германским статс-секретарем по иностранным делам Б. В. фон Бюловом. 22 июня 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 360–361.

⁴ М. М. Литвинов — Н. Н. Крестинскому. 24 июня 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 20. Л. 9–13.

после польских попыток оспорить предложение наркома ввести определение агрессора. Он считал, что это должно стать дополнением к заключению Советским Союзом различных пактов о ненападении. Он впервые сделал эти предложения в феврале 1933 года на Женевской конференции по разоружению, которая началась в 1932 году, но теперь зашла в тупик. Германия требовала «военного равенства», а Франция хотела сохранить преимущества, которые получила как победитель в Первой мировой войне. Литвинов полагал, что конференция по разоружению потерпела фиаско, а Лига Наций распадалась. Однако нужно было все равно в ней участвовать и быть видимыми, что «послужит укреплению нашего международного положения»¹.

Будет ли продолжаться советско-польское сближение?

В советско-польских отношениях, помимо всего прочего, существовала одна проблема. Польша упорно не желала признавать «усиление международного влияния и авторитета СССР и укрепление его международного положения». Как писал Стомоняков (он отвечал в НКВД за Польшу): «Закулисное поведение Польши доказывает, что Польша ведет весьма сложную дипломатическую игру, которая учитывает не только возможность дальнейшего улучшения советско-польских отношений, но и возможность ухудшения их. Именно поэтому вся история переговоров о конвенции обязывает нас к весьма большой настороженности по отношению к Польше и к серьезному недоверию к польской политике». Стомоняков также с подозрением относился к взаимодействию Польши и Германии. В обеих странах было много признаков того, что они пытались избежать напряжения. Например, в прессе встречалась информация о том, что две стороны воздерживались от критики друг друга. Также ходили слухи о германо-польских переговорах, и их нельзя было считать дезинформацией. Эдуард Даладье и Жозеф Поль-Бонкур дважды привлекали внимание Литвинова к этим переговорам, от которых они старались держаться подальше. Французский посол в Москве Шарль Альфан также отмечал недавнее

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 13 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 55–59.

«странное» поведение Польши. Поэтому нельзя было исключать, что Польша и Германия заключат соглашение. Стомоняков говорил, что «мы должны ясно видеть наличие опасности» такого поворота в польской политике. Французы уже опубликовали воодушевленный комментарий в парижской прессе. У поляков есть два варианта: выступить за или против нас. Нужно укреплять политические силы в Польше, которые выступают в поддержку СССР, и «всемерно стремиться к укреплению, развитию и углублению наших отношений с Польшей»¹.

Для этого в Польшу отправили Карла Радека — старого большевика польского происхождения. Он должен был провести там две недели в июле и обсудить улучшение советско-польских отношений². Об этом очень много писали в прессе. Радек даже нанес визит своей матери, которая жила в Тарнуве в Галиции, где он родился. В Варшаве ему помогал с контактами Богуслав Медзильский. Кроме того, Радек встретился с польским министром иностранных дел Юзефом Беком и генеральным инспектором вооруженных сил Польши Эдвардом Рыдз-Смиглы. Радек полагал, что эти переговоры стали шагом вперед и свидетельствовали о «полной перемене настроения». Он повторил некоторые идеи Медзильского, которыми тот с ним делился во время предыдущих встреч. У поляков не было иллюзий, и они понимали, что Германия хочет превратить их страну в «вассала» и использовать в будущих кампаниях против СССР. «Они думают, что Гитлер хочет выиграть возможно много времени, оттянуть войну». Однако война могла разразиться на Дальнем Востоке или на Балканах. Если начнется противостояние между Японией и СССР, то Германия может использовать эту возможность, чтобы атаковать с запада. Советская сторона хорошо была знакома с этими слухами. Отношения СССР с Японией были натянутыми. Польша собиралась играть с Гитлером в игры и совершать «мирный маневр» в ответ на мирный маневр, но поляки непременно вступят в сражение, чтобы защитить Польский коридор, отделявший Восточную Пруссию от основной территории Германии. «Все говорили, что надо идти дальше по пути сближения», — писал Радек. Об этом говорил даже Бек, но было ли это правдой? Стороны

¹ Б. С. Стомоняков — В. А. Антонову-Овсенко. 19 июля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 48. Л. 23–29.

² *Ken O. N. Collective Security or Isolation?* P. 67–69.

могли бы оказать друг другу услугу: СССР бы помог Польше защитить коридор, а Польша могла бы помешать немецкому продвижению на северо-восток к Ленинграду. Радек хотел попытаться заключить соглашение по всем вопросам «от Черного моря до Балтики». Бек был мечтателем и всегда хотел многого, но, несомненно, возможность для обсуждения безопасности в Прибалтике действительно существовала. У Польши были не только мечты. Еще ее преследовали кошмары, например, «что Франция их [Польшу. — М. К.] продаст немцам». Поляки понимали, что чем активнее Польша будет следить за своей безопасностью, тем больше сможет положиться на нее Франция. Это было правдой. Радек также отметил, что Бек намекнул на опасения Польши относительно рапальской политики. Поляки боялись влияния немецкой армии и «германских традиций в НКВД»¹.

Кто мог сказать, как оценивать заявления Бека? Французский посол в Варшаве Жюль Ларош описал визит Радека и сообщил Парижу, что появился еще один признак улучшения советско-польских отношений, или во всяком случае так кажется.

Ларош писал, что Бек *prend des airs mystérieux*², намекая коллеге, что что-то затевается, но необязательно, *forcément*, с СССР³. Ларош давно жил в Варшаве и хорошо знал Бека, лучше, чем Радек. Польский министр мог использовать Карла как приманку, чтобы вызвать интерес у немцев. Сталин никак не прокомментировал и не распространил первый отчет Радека, но он прокомментировал второй отчет, в котором подробно говорилось об усилении советско-польского сближения⁴. Визит Радека главным образом был необходим для привлечения общественного внимания и не имел долгосрочных последствий. Медзиньский как посредник оставался еще какое-то время открытым, но это так и не дало результатов.

¹ К. Радек — И. В. Сталину. 12 июля 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 790. Л. 23–32, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

² Напускает таинственный вид (*фр.*)

³ Laroche. Nos. 427–430. 17 July 1933. DDF, 1re, IV, 4–5.

⁴ К. Радек — И. В. Сталину. Не позднее 21 июля 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 790. Л. 59–63, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

Жалоба Антонова-Овсеенко

В Варшаве находился советский полпред Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, который также отреагировал на происходящее. Он был очень доволен ходом переговоров Радека и считал, что НКВД делает недостаточно для усиления польско-советского сближения. Он все еще ограничен рапальской политикой. «Но не поляки, а мы, — писал он Стомонякову, — оказались несозревшими к “сближению” с Польшей»¹. Тут вмешался Крестинский, которого встревожила эта полемика. Он отправил длинную депешу полпреду, а в ней написал, что его позиция не сильно отличается от позиции Стомонякова. Кроме того, Крестинский был не согласен с утверждением Антонова-Овсеенко о том, что Даладье и Поль-Бонкур предоставили ложные разведданные относительно секретных переговоров Польши и Германии.

Были и другие доказательства правдивости информации, полученной от французов. Самым важным было отсутствие резкого ответа поляков на меморандум Гугенберга, в котором содержались такие же угрозы Польше, как и СССР. «Мы должны поэтому проявлять чрезвычайную бдительность, — писал Крестинский, — и противодействовать тем тенденциям польской политики, которые мешают нашему сближению с ней [Польшей. — М. К.]». Поэтому в «Правде» опубликовали редакционную статью, чтобы показать «нашим врагам и в Германии, и в Польше, что их игра нами замечена»².

Осенью стало понятно, что Польша активно продвигается к заключению соглашения с Германией. В начале октября Стомоняков сообщил о последних изменениях посольству в Варшаве. Французско-польские отношения были враждебными, стороны не доверяли друг другу, однако отношения оставались прежними. Бек ездил в Париж, что свидетельствовало о том, что обе стороны все еще ценят франко-польский союз, который останется «политическим “браком

¹ В. А. Антонов-Овсеенко — Б. С. Стомонякову. 20 июля 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 790. Л. 52–56, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

² Н. Н. Крестинский — В. А. Антонову-Овсеенко. 26 июля 1933 г. // Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. (далее — СПО): в 4 т. / под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина: в 4 т. Т. III. М., 2017. С. 118–121.

по расчету”», — пришел к выводу Стомоняков. Он также сообщил Антонову-Овсеенко, что польское правительство поддерживает антисоветскую деятельность на Западной Украине, и эта кампания начала затрагивать другие страны¹. Через две недели советского чиновника, работавшего в консульстве во Львове, убил украинский националист. На самом деле в середине октября польские и немецкие дипломаты обсуждали урегулирование спорных моментов. 15 ноября министр иностранных дел Польши сообщил Ларошу о встрече польского посла Юзефа Липского с Гитлером². Антонов-Овсеенко такой чести не удостоился. На следующий день вышло совместное польско-немецкое заявление. Стомоняков позвонил польскому послу Юлиушу Лукасевичу и потребовал у него объяснений. По словам Стомонякова, посол смутился и признался, что, видимо, скоро будет заключен польско-немецкий пакт³.

Тем не менее Стомоняков подтвердил Антонову-Овсеенко, что НКВД будет все равно стремиться к сближению с Польшей и что польско-немецкие отношения не повлияют на советскую политику. По-прежнему упор делался на укрепление тех польских движений, которые поддерживали «дружбу с СССР против Германии».

Единственное, что могло повлиять на изменение политики, это прямое польско-немецкое соглашение, направленное против СССР. До этого могло бы прийти, только если Япония нападет на Дальний Восток. Стомоняков добавил, что улучшение отношений с США облегчает сохранение советско-польской политики. Вся советская политика представляла собой огромную мозаику, элементы которой складывались в единую картину. «Единственный практический урок, который мы должны извлечь из последних событий для наших отношений с Польшей, — отметил Стомоняков, — заключается в необходимости проявлять больше осторожности и больше бдительности в отношении наших польских партнеров. Нельзя переоценивать значение тех заверений, которые делаются нам польскими политиками, нельзя, под влиянием весны в наших отношениях, принимать за чистую монету “излияния”, которые делаются иногда прямо с дезинформационной целью». Стомоняков все еще пытался

¹ Б. С. Стомоняков — В. А. Антонову-Овсеенко. 4 октября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 48. Л. 33—37.

² Laroche. Nos. 691—700. 16 Nov. 1933. DDF, 1re, V, 27—29.

³ Ken O. N. Collective Security or Isolation? P. 95—96.

развезать излишне оптимистический настрой Антонова-Овсеенко, связанный с перспективами советско-польских отношений¹.

На встрече с Бекм Антонов-Овсеенко обвинил информационный отдел польского МИД в «прямой дезинформации» и даже в неприкрытой лжи, так как он отрицал в разговоре с варшавским корреспондентом ТАСС то, что между Германией и Польшей идут переговоры. Как говорил Антонов-Овсеенко, вряд ли такое поведение приведет к росту уверенности в Москве. Это, конечно, мягко говоря. Бек покраснел и отказался отвечать. Он попытался объяснить, что в политике Польша действует по принципу «спасайся, кто может». «Женевские учреждения развалились, так же провалилась Конференция по разоружению», — сказал Бек. Поэтому польское правительство пытается воспользоваться теми возможностями, которые возникают за пределами Женевы. Тем не менее Бек предложил «тесно контактировать» по вопросам разоружения и другим темам².

Антонов-Овсеенко предложил свое объяснение польской политике ведения переговоров с Германией. Оно сводилось к следующему: Польша может положиться только на себя в вопросе защиты национальных интересов. Объединенного антигерманского фронта не существует. Польша не может полагаться на Францию или Малую Антанту, и еще меньше — на Великобританию или Италию. Это ненадежные союзники в борьбе с Германией. Польша окружена государствами, готовыми ее продать, чтобы спастись от конфликта. На самом деле изоляция грозила полякам, а не немцам. По словам Антонова-Овсеенко, Польша могла бы ее избежать, укрепив отношения с СССР. А достичь этого можно было, прекратив рапальскую политику. Польше, поскольку предотвратить войну с Германией было вряд ли возможно, пришлось снижать давление, чтобы выиграть время, а также обеспечить себе место среди других европейских держав. Видимо, Антонов-Овсеенко полагал, что Москва все еще рассматривает возможность в дальнейшем придерживаться рапальской политики, хотя она на

¹ Б. С. Стомоняков — В. А. Антонову-Овсеенко. 19 ноября 1933 г. // СПО. Т. III. С. 168–170.

² Запись беседы В. А. Антонова-Овсеенко с министром иностранных дел Польши Ю. Бекм, редактором и журналистом «Газеты польской» Б. Медзиньским и И. Матушевским. 20 и 23 ноября 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 667–673; В. А. Антонов-Овсеенко — Б. С. Стомонякову. 1 декабря 1933 г. // Там же. С. 697–699.

самом деле уже находилась на последнем издыхании. Он предупредил, что этот подход на руку немцам¹.

Корреспондент ТАСС в Варшаве написал, что поляки не собираются сбрасывать советские карты со счетов. Они укрепляют позицию Польши в Берлине. Всем раздали карты. Поляки начали игру, чтобы выиграть время, где-то три года. Бек не стремится к «прогерманской политике». Ему нужна пропольская политика, и он «очень осторожно маневрирует»². Однако проблема была в том, что нацистская Германия — это не просто очередная великая держава. Польша полагала, что сможет оседлать тигра, но так же думали и остальные европейские страны. Как мы увидим, ошибались все, включая СССР.

В дело вмешивается Радек

Радек, вероятно, мнил себя специалистом по Польше, потому что он вмешался в обсуждение польско-советских отношений. Он знал, что лезет не в свое дело, когда писал Сталину, и признавал это. «Очень много зависит теперь, — писал Радек, — от расстановки людей. Тов[арищ] Антонов-Овсеенко смалодушничал и не сказал Вам, что мне говорил». Таким образом, Радек занял одну из сторон в конфликте, который, по его мнению, произошел между НКВД и Антоновым-Овсеенко из-за советской политики в отношении Польши. Полпред и Стомоняков «постоянно обмениваются полемическими письмами». Аппарат НКВД, сформировавшийся во время действия Рапалльского договора, занимал одну позицию, а Антонов-Овсеенко — противоположную. У Радека была неверная информация. Рапалльский договор умирал, а Стомоняков с осторожностью относился к сближению с Польшей, а вовсе не возражал против него. Радек полагал, что внутри НКВД распространяются ложные слухи. Так, например, начальник пресс-бюро, передавая информацию от Литвинова пресс-службе варшавского посольства, сказал, что, с его точки зрения, все разговоры о сближении с Польшей — это не что

¹ В. А. Антонов-Овсеенко — Б. С. Стомонякову. 27 ноября 1933 г. // СПО. Т. III. С. 176–180.

² И. А. Ковальский — К. Радеку. 28 ноября 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 790. Л. 105, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

иное, как радековское рвение. Таким образом, Радек защищал свои собственные политические взгляды, а не взгляды советского посольства в Варшаве. Он видел, как разворачивается соперничество внутри НКВД, и это мешает сближению с Польшей. В корреспонденции НКВД все выглядит иначе, но откуда мы знаем, о чем она умалчивает? «Если будете считать полезным при разборе отношений с поляками меня вызвать, — написал Радек Салину, — то буду очень благодарен»¹.

Крестинский сохранял хладнокровие. НКВД не нужно ничего говорить ни Германии, ни Польше об их сближении, советовал он посольству в Берлине: «Как до свидания Гитлера с Липским, так и после этого мы сохраняли и сохраняем осторожность и сдержанность»². Один неизвестный большевик в частном разговоре с французским военным атташе Эдмоном Мендрасом высказался более язвительно: «Когда поляки со мной любезничают... мне всегда становится интересно, какую еще грязную шутку они решили со мной сыграть»³. Но, конечно, поляки могли то же самое сказать про русских. Так обстояли между ними дела уже по меньшей мере несколько веков подряд.

В середине декабря Антонов-Овсеенко написал напрямую Сталину, не отправив копию письма в НКВД. «Как ни оценивать польско-германскую игру (моя оценка Вам известна), несомненно одно — нам необходимо противодействовать усилению германо-фильских тенденций в Польше. Сейчас Германия производит невиданный нажим на Польшу. Мы бы облегчили антисоветскую работу немцев и японцев, если бы не продолжали начатой линии сближения с Польшей». Никто в НКВД не говорил Антонову-Овсеенко, что сближение приостановлено, но его все равно мучили подозрения, и он решил напрямую надавить на Сталина. Он выдвинул ряд предложений, в частности, посоветовал дать польскому представительству в Москве статус посольства и «заставить» Литвинова во время следующей поездки за границу остановиться в Варшаве

¹ К. Радек — И. В. Сталину. 3 декабря 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 790. Л. 106—107, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

² Н. Н. Крестинский — Б. Д. Виноградову. 27 ноября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 27. Л. 78—79.

³ Mendras, compte-rendu mensuel. No. 9. 27 Feb. 1934. Château de Vincennes, Service historique de l'armée de terre (далее — SHAT) 7N 3121.

и встретиться с Бек. Сталин уделил особое внимание этой депеше и сказал, что ее необходимо прикрепить к его архиву¹.

В середине сентября Литвинов также встретился с Лукасевичем и попросил объяснить то, что Бек сказал Антонову-Овсеенко. Планируется ли превратить немецко-польскую «декларацию» в письменный пакт? Посол ответил отрицательно, но не убедил Литвинова. Тем не менее он сменил тему и заговорил о проекте совместного польско-советского заявления, посвященного миру и безопасности в Прибалтике и консультациям в случае возникновения угрозы независимости Прибалтийских стран. Это была идея Антонова-Овсеенко. Лукасевич воспринял ее без восторга, но Литвинов попросил передать черновик Беку². О чем думал нарком? Пытался удержать поляков в игре или проверить их намерения? Лукасевич вернулся через несколько дней и передал ответ Бека. В целом он был согласен, но считал, что черновик нужно переписать и проконсультироваться с остальными. Литвинов предложил Беку приехать в Москву и пообщаться лично. Лукасевич, конечно, согласился, но спросил, какую дату удобно выбрать для встречи³. В тот же день Стомоняков сообщил о сложностях в работе с Лукасевичем, который вспомнил о старом споре, возникшем 10 лет назад⁴. Что затеяли поляки?

Бек раскрыл карты в разговоре с Антоновым-Овсеенко, как бы угадав шаг Литвинова. Он сам поднял вопрос, который не был задан напрямую. Нет ничего непоследовательного в переговорах с Германией и в сближении с СССР. Это взаимосвязанные вопросы. Он не торопился утвердить черновик Литвинова, но согласился приехать в Москву. Антонов-Овсеенко хотел обсудить дипломатический шаг поляков в Берлине. По словам полпреда, окружающая его секретность вызывает недоумение в Москве. Бек не реагировал напрямую на это наблюдение, но сказал, что в целом он считает возможным

¹ В. А. Антонов-Овсеенко — И. В. Сталину. 13 декабря 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 558. П. 11. Д. 359. Л. 19–20, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

² Запись беседы М. М. Литвинова с польским послом Ю. Лукасевичем. 14 декабря 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 746–747.

³ Запись беседы М. М. Литвинова с польским послом Ю. Лукасевичем. 19 декабря 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 755–756.

⁴ Б. С. Стомоняков — В. А. Антонову-Овсеенко. 19 декабря 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 48. Л. 38–39.

заклучение пакта о ненападении с Германией. Он также добавил, что экономические переговоры идут не очень хорошо. «Но Польша завершила свой маневр в Берлине и добилаcь кое-чего другого: она сформулировала и защитила свою международную позицию... Польша не хочет, чтобы вопросы, касающиеся ее интересов, решались без нее». Конечно, это было честное объяснение польской политики. Вопрос заключался только в том, хватит ли у Польши сил, чтобы это осуществить. Бек также обсудил Францию и другие страны и спросил о переговорах Литвинова с США. Он отметил, что есть признаки сближения США с СССР. Полпред ответил, что Рузвельт и Литвинов также обсуждали создание «тройственного союза» из Польши, Франции и СССР. Бек на это ничего не ответил¹. Все становится понятно в ближайшие недели.

Юзеф Бек

Юзеф Бек был не слишком популярен в дипломатических кругах. Он занимал высокий пост, но был чересчур молодым для него. Бек родился в 1894 году в Варшаве. Ему еще не исполнилось 40 лет, когда он стал министром иностранных дел. Отец Бека был юристом и польским националистом. Перед Первой мировой войной у него начались проблемы с царской полицией. В итоге семья переехала в Австро-Венгрию. В 1914 году, когда началась война, Бек только окончил университет. Он вступил в Польский легион Юзефа Пилсудского, сформированный венским правительством, чтобы сражаться с русскими. В конце войны Бек был офицером польской армии и служил военным атташе в Париже, где его все терпеть не могли. Возможно, это хорошо характеризует Бека, так как французы после войны вели себя высокомерно и относились к Польше как к зависимой стране, а поляков часто считали подмастерьями. Польская элита тоже отличалась высокомерием и мечтала снова превратить Польшу в великую державу, какой она была в Позднем Средневековье. На самом деле ни французы, ни поляки не были так сильны, как им казалось. Циник мог бы сказать, что они друг друга стоили. На фотографиях Бека мы видим сильного

¹ Запись беседы В. А. Антонова-Овсеенко с Ю. Бекон. 22 декабря 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 763–765.

высокомерного мужчину с редкими прилизанными черными волосами и носом, крупноватым для его лица. Он был женат, но изменял супруге. Как и многие его современники, Бек был настоящим мачо, предпочитавшим, как говорили, юных девушек. Однако ненавидели его и не доверяли ему не поэтому. Бек был коварен и двуличен, а кроме того, считал Польшу великой державой. О таком, как он, могли бы сказать: «Нет худшего слепца, чем тот, кто не желает видеть».

Антонов-Овсеенко по-прежнему не в ладах с Москвой

По информации советской разведки, полученной из немецкого посольства в Варшаве, поляки переложили решение вопроса о заключении пакта о ненападении на Германию¹. Говорили, что Германия согласна. Разведданные всегда нужно оценивать осторожно, но Бек сам подтвердил, что они движутся к подписанию договора. Предложения Антонова-Овсеенко, о которых он писал Сталину, ничего не могли изменить, если поляки уже решили пойти на сближение с Германией. Состоялась еще одна встреча с журналистами Медзиньским и Матушевским, но этот канал информации, похоже, уже исчерпал себя. Они не знали подробностей переговоров с немцами. Медзиньский пытался оптимистично высказываться о польско-советском сближении, но это было не очень хорошим признаком².

Антонов-Овсеенко все еще был недоволен своими коллегами из НКВД. Он написал от руки письмо Радеку, в котором радостно сообщил, что Бек согласен встретиться с Литвиновым в Москве (визит состоялся в феврале 1934 года). Этой «антигерманской демонстрацией должно б[ы], казалось, заткнуть рот тем, кто кричал о провале “линии Радека”». По словам Антонова-Овсеенко, Бек

¹ В. В. Давыдов — А. И. Егорову. Не позднее 27 декабря 1933 г. // Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 37977. Оп. 5. Д. 335. Л. 10–14, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

² Беседа В. А. Антонова-Овсеенко с И. Матушевским и Б. Медзиньским. 21 декабря 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 790. Л. 119–123, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

пытался выиграть время у немцев, чтобы укрепить польскую позицию. Так же считал и Медзиньский. И что же это значило? НКВД не был готов разделить уверенность Антонова-Овсенко в поляках. Однако тот все видел под другим углом: «переизбыток недоверия к полякам» приводит к тому, что НКВД искажает заявления Бека. «Опасаясь, что [будет провален. — *Ред.*] серьезный полит[ический] акт [непонятно, какой, но, видимо, двусторонняя гарантия безопасности Прибалтики. — *М. К.*], задуманный хозяином НКВД [Литвиновым. — *М. К.*], который разумеет его только, как проверочный маневр и будет проводить, соответственно, небрежно и высокомерно (по адресу поляков), этим его невольно срывая». Антонов-Овсенко вернулся к рекомендациям, которые он дал Сталину. Ему нужна была помощь Москвы. «Поддержите меня, друг, в этом». В Варшаве много возможностей, «но средств (людей, денег) нет. Надо б[ы] подкрепить [связи И. А.] Ковальского [корреспондент ТАСС в Варшаве. — *М. К.*]»¹. Ему следовало обратиться за помощью к Стомонякову или Крестинскому. Возможно, они были бы не против. Радек не мог ничего сделать. Он был журналист, а не дипломат, и он не входил в ближний круг Сталина.

Крестинский и Дирксен

Летом и осенью 1933 года, пока шли переговоры между Польшей и СССР, также продолжались встречи Дирксена и Крестинского. Дирксен любил повторять, что все руководство в Берлине выступает за поддержание хороших отношений с СССР. Они хотят понять, собирается ли СССР отказаться от предыдущей политики по отношению к Германии. Такой вывод можно сделать, например, почитав французскую и польскую прессу. Дирксен изображал обиженного, но в Москве это не сработало. На тот момент Крестинский дежурно ответил, что советское руководство не хочет менять политику, но не может игнорировать немецкое отношение к СССР. Кроме того, он, как обычно, упомянул советскую общественность и ее подозрения на тему нацистского продвижения «антисоветского блока». Совет-

¹ В. А. Антонов-Овсенко — К. Радеку. 30 декабря 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 790. Л. 116, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

скому правительству оставалось только благоразумно ждать в ответ на «зигзаги» политики Германии, но в то же время чутко реагировать на сигналы, полученные из других мест. Однако пока планировалось придерживаться старой политики¹.

Через две недели, в середине июня, состоялась еще одна встреча. В этот раз речь зашла о меморандуме Гугенберга. Дирксен хотел обсудить другой вопрос, но Крестинский сменил тему. «За 12 лет работы моей по линии советско-германских отношений, — 9 лет в Берлине и уже почти 3 года здесь, — сказал Крестинский, — мне ни разу не приходилось говорить по столь неприятному поводу. Я имею в виду ярко антисоветское выступление германской делегации в Лондоне». Он кратко суммировал речь для Дирксена: колонизация Южной России и Восточной Европы в целом и конец СССР и его революции. Немецкая делегация в Лондоне открестилась от речи Гугенберга, но Крестинского не убедил этот фальшивый жест. Он обтекаемо заявил, что идеи принадлежали другим нацистским лидерам, поскольку Гугенберг не упоминал Гитлера или «Майн кампф». Речь настолько противоречила Берлинскому договору и «дружеским отношениям» между Германией и СССР, что от Берлина потребовали объяснений. Дирксен ответил, что он только что узнал о лондонской речи и отправил телеграмму в Берлин, попросив пояснить, что случилось. Затем Дирксен перешел к «текущему вопросу», а именно к железнодорожной линии между Ленинградом и Штеттином и Ленинградом и Гамбургом. «Я сказал, — писал Крестинский в дневнике, — что наше решение об отказе продолжать совместную эксплуатацию этих линий является окончательным». Хотя замаркома не упомянул об этом, однако именно в это время советское правительство приостановило программы военного обучения офицеров по обмену с Германией. Был только конец июня, а СССР уже притормаживал Рапалльский договор. Дирксен в ответ упомянул отрицательные комментарии о Германии в советской прессе, но Крестинский на это не купился. На самом деле ситуация в Германии была в десять раз хуже самых пессимистических замечаний в советских газетах. Создавалось ощущение, что всю его работу, проделанную за последние 12 лет, просто выкинули в окно.

¹ Встреча с германским послом Г. Дирксеном. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 3 июня 1933 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 16. П. 71. Д. 1. Л. 233—226.

С меморандумом Гугенберга нельзя было смириться. Это было бы уже слишком¹.

Через несколько дней Дирксен снова встретился с Крестинским. У них был обычный диалог, но в этот раз Дирксен жаловался на недавние демонстрации в Москве во время похорон высланной немецкой коммунистки Клары Цеткин. Было 22 июня. Присутствовали все важные советские лидеры, в том числе Сталин, Молотов и Ворошилов, а также толпа из 10 тысяч человек. «Вы совершенно правы», — ответил Крестинский после того, как Дирксен замолчал.

Крестинский добавил, «что широкие массы не только партии, но и всего Советского Союза очень нервно реагируют на то, что происходит в Германии как по отношению к СССР, так и по отношению к коммунистам, рабочим, евреям и прогрессивной интеллигенции самой Германии. Но авторитет нашего парт[ийного] руководства настолько велик, что оно, конечно, сумело бы провести нужную внешнеполитическую линию по отношению к Германии». При правильных условиях, само собой. Однако партийное руководство должно быть убеждено в доброй воле Германии, но пока, к сожалению, у него нет необходимой уверенности².

Дирксен вернулся в НКВД в июле, хотя в этот раз Крестинский не был так снисходителен. Он пожаловался на новую антисоветскую кампанию в немецкой прессе, которую, очевидно, поддерживало правительство. «Наша общественность» (снова те же слова) воспримет подобные проявления враждебности как «объявление ей войны немецкими политическими кругами и немецкой общественностью». В конце отчета Крестинский отметил, что он не сказал ничего успокаивающего Дирксену на тему продолжения рапальской политики³.

¹ Встреча с германским послом Г. фон Дирксеном. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 19 июня 1933 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 497. Л. 163–165, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

² Встреча с германским послом Г. фон Дирксеном. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 23 июня 1933 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 16. П. 71. Д. 1. Л. 264–261.

³ Встреча с германским послом Г. фон Дирксеном. Выдержка из дневника Крестинского. 2 июля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 16. П. 71. Д. 1. Л. 271–268.

Не по словам судят, а по делам

Через три недели Дирксен снова встретился с Крестинским, на этот раз он хотел сообщить ему, что его переводят в немецкое посольство в Токио. Судя по записям Крестинского, он ответил, что НКВД очень жаль, что Дирксен уезжает. Посол признался, что ему тяжело покидать Москву, но условия работы очень сильно изменились за последние несколько месяцев, и ему сложно приспособиться. Так Дирксен попытался вернуться к делам и снова озвучил мысль о том, как хорошо было бы восстановить советско-немецкие отношения. Он поддел Крестинского: «Очевидно, советское правительство не может приспособиться к фундаментальным изменениям в политической структуре Германии и переменам во внешней политике».

Крестинский в ответ сказал то, что Дирксен уже слышал ранее: «Я ответил, — писал он в дневнике, — что наша настороженность по отношению к Германии объясняется вовсе не нашим отношением к внутриполитическому строю Германии. Это — есть реакция на внешнюю политику Германии. До тех пор, пока Германия делами, а не словами не докажет своего желания продолжать прежнюю политику, до тех пор, пока с германской стороны будут продолжаться антисоветские выступления, до тех пор мы не можем отказаться от нашей выжидательной настороженности». Дирксен опять сел на своего конька: я говорил с людьми в Берлине. Я убежден, что они хотят сохранить «предыдущую политику». «Немецкое правительство уже сделало несколько шагов для достижения этой цели, — настаивал Дирксен. — Сейчас, как мне кажется, следующий шаг должен сделать СССР, а не Германия»¹. Эти слова часто произносились, когда речь шла об отношениях западных держав и СССР: «Вы первый!» «Нет, нет, что вы! Только после вас!»

Временный поверенный Германии Фриц фон Твардовски приехал к Крестинскому через два дня и затянул ту же песню про улучшение отношений. «Мы считаем, — сказал Крестинский, — что герм[анское] пра[вительство] должно не только словами, но и

¹ Встреча с германским послом Г. фон Дирксеном. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 25 июля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 90. Д. 11. Л. 178—182.

делами доказать свою добрую волю и свою искренность в отношении продолжения прежней политики». Наверно, это был необычный разговор, так как Крестинский отправил запись о нем Сталину¹.

Дирксен также вернулся к обсуждению этого вопроса. Он не был доволен ответом, который получил от Крестинского, и попросил о встрече с Молотовым. Замнаркома ответил, что Молотов очень занят, но тем не менее он нашел время через несколько дней встретиться с послом. Крестинский сообщил советскому посольству в Берлине, что снова состоялся такой же разговор, как у него с Дирксеном и Твардовски. Молотов заверил Дирксена, что советская рапалльская политика остается неизменной, но из-за недавних событий в Германии возникают сомнения. В качестве примера Молотов упомянул речь министра пропаганды Йозефа Геббельса, в которой он осуждал Рапалльский договор. Как сообщил Крестинский посольству в Берлине, после встречи Дирксен сказал, что теперь он более уверенно сможет объясниться в Берлине².

«Нехватка дисциплины»

В начале сентября появились сообщения о «новой серии случаев нелояльности и недружелюбия германских властей». Литвинов поручил посольству в Берлине обсудить этот вопрос с МИД Германии, так как подобные эпизоды еще раз подтверждают изменение немецкой политики. Твардовски встретился с Литвиновым, чтобы обсудить с ним стандартную тему «нормализации отношений». Нарком сказал, что никакие объяснения или заявления не помогут до тех пор, пока немецкое правительство официально или неофициально будет придерживаться существующей политической линии³.

¹ Встреча с советником германского посольства Ф. фон Твардовски. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 27 июля 1933 г. // АВПРФ, Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 271–268.

² Запись беседы товарища Молотова с германским послом Г. фон Дирксеном. 4 августа 1933 г. // СССР — Германия. 1933–1941. С. 66–68; Н. Н. Крестинский — С. А. Бессонову. 4 августа 1933 г. // АВПРФ, Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 298–297.

³ М. М. Литвинов — С. А. Бессонову. 4 сентября 1933 г. // АВПРФ, Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 310; Встреча с Ф. Твардовски. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 14 сентября 1933 г. // Там же. Л. 313.

Твардовски снова встретился с Литвиновым в конце сентября. Опять затянул ту же песню и стал строить из себя обиженного. Твардовски сказал, что отношения ухудшаются, «несмотря на то что руководящие круги Германии искренне хотят вновь наладить эти отношения, устранить все недочеты и поводы к жалобам». Можно себе представить, как Литвинов закатил глаза и подумал: снова то же самое, не считайте нас идиотами! Но Твардовски продолжал: «Мы заметили все большее и большее отклонение нашей [советской] политики в сторону Франции. Дело дошло, мол, до того, что посланник дружественной державы сообщил его правительству, будто советское правительство сообщило Парижу детальные сведения о германских мероприятиях по вооружению». Затем разговор зашел о другом, например об обращении с советскими журналистами. Твардовски сказал, что в этом виновато новое правительство, новым властям немного не хватает дисциплины. «Я перечислил, конечно, — ответил Литвинов, — далеко не исчерпываяще, антисоветские выступления германских властей, по поводу которых мы совершенно бесплодно протестуем, не добиваясь никаких результатов. Аусамт [Министерство иностранных дел Германии. — *Ред.*] любезно принимает наши протесты, выражает сожаление, приносит извинения, обещает принять меры, но на следующий день антисоветские выходки повторяются. Мне кажется, что в Германии переоценивают наше терпение».

Твардовски ответил, что им не хватает дисциплины.

«Германское правительство, — сказал Литвинов, — как будто стало привыкать уже к нашим протестам как к совершенно нормальному явлению и перестало быть восприимчивым к ним. Очевидно, нужны более сильные средства, чтобы заставить германское правительство почувствовать, что нашему терпению есть предел». А слова Твардовски о том, что советское правительство передает информацию Франции является «совершенно вымыслом какого-либо досужего или зловредного дипломата», — заметил Литвинов. И снова предупредил: «Когда Германия пренебрегает нашей дружбой, а другие страны этой дружбы ищут, мы, естественно, сближаемся с этими другими странами, но из этого не вытекает какая-либо враждебность к Германии или желание ей вредить». То есть дверь все еще оставалась открытой, на случай, если Германия захочет переступить порог и войти внутрь. Твардовски все понял и уже неофициально спросил Литвинова, что, по его мнению, нужно сделать,

чтобы выйти из тупика. Литвинов ответил, что это пока не обсуждалось, но нужно по крайней мере «устранить те причины, которые вызвали данный конфликт»¹.

Литвинов в Берлине

Осенью все шло по-прежнему. Читатели, наверно, помнят, что эти события разворачивались в то время, когда шли польско-германские переговоры, и Антонов-Овсеенко продвигал политику сближения с Варшавой. Много всего происходило осенью 1933 года. В начале октября Литвинов отправил новые инструкции советскому посольству в Берлине, повторив то, что он сказал Твардовски. Литвинов также выступил категорически против встречи в конце октября Крестинского с Гитлером в Берлине. В особенности это неприемлемо, рассудил он, после того как Германия вышла из Лиги Наций и покинула Конференцию по разоружению. Оба эпизода произошли только что². «Какое нам дело до Лиги Наций и почему мы должны произвести демонстрацию в честь оскорбленной Лиги и против оскорбившей ее Германии?» Сталин был циничен, как обычно, но потом он признал, что, возможно, не владеет всей необходимой информацией. Решение оставалось за Крестинским, но Политбюро поручило Литвинову, который в этот момент направлялся в Вашингтон, чтобы обсудить восстановление дипломатических отношений США и СССР, остановиться в Берлине и встретиться с Нейратом или Гитлером, если он захочет. Советское правительство все еще склонялось к «восстановлению прежних отношений»³.

Литвинов встретился с Нейратом в Берлине. Переговоры продолжились полчаса. Они уладили спор из-за журналистов, но серьезный разговор о советско-германских отношениях не состоялся.

¹ Встреча с Ф. фон Твардовски. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 26 сентября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 89. Д. 4. Л. 134–137.

² М. М. Литвинов — Л. М. Хинчуку. 4 октября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 27. 62–64; М. М. Литвинов — Л. М. Хинчуку. 17 октября 1933 г. // Там же. Л. 67–68.

³ И. В. Сталин, М. И. Калинин — В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу. 16 октября 1933 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 388–389; Выдержка из протокола Политбюро № Р148/82-опр. 25 октября 1933 г. // СССР — Германия. 1933–1941. С. 77.

Снова, как и во время встреч с Дирксом, была затронута тема отношений с Польшей и Францией. «Я отметил, — писал Литвинов в своем дневнике, — что мы так же, как и Германия, будем стремиться к дальнейшему сближению с этими двумя странами. Я в шутку добавил, что наше расположение к Франции и Польше будет повышаться по мере роста любви Германии к ним. Нейрат ответил, что он не возражает против такого рода “конкуренции”». Но если серьезно, то как могла получасовая встреча решить проблему советско-немецких отношений? Нейрат пожелал Литвинову удачи в США¹. Как оказалось, успешное завершение дела, по которому Литвинов ездил в Вашингтон, повлияло на советскую политику по отношению к Германии. В Москве Дирксен наносил прощальные визиты в НКВД и повторял все то, что уже много раз было сказано. Крестинский написал в дневнике, что он вежливо его слушал, но в привычной для СССР манере предпочитал не отвечать². Какой в этом был смысл?

¹ Беседа с К. фон Нейратом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 28 октября 1933 г. // СССР — Германия, 1933—1941. С. 78—80.

² Встреча с германским послом Г. фон Дирксом. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 28 октября и 1 ноября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 347—343.

ГЛАВА V

«КУЙ ЖЕЛЕЗО, ПОКА ГОРЯЧО»: УКРЕПЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С ФРАНЦИЕЙ. 1933 ГОД

Пока шли переговоры с Германией и Польшей, советские дипломаты активно работали в Париже. Вначале казалось, что в укреплении франко-советских отношений больше заинтересованы французы, чем СССР. Шел январь 1933 года. Советское посольство чувствовало французский интерес. Пьер Кот, молодой представитель партии радикалов и заместитель министра авиации, предложил помощь в решении различных вопросов, которые возникали во время работы с МИД Франции¹.

Обмен военными атташе

«Надо ковать железо, пока горячо», — рекомендовал Довгалеvский, чтобы не упустить удобную конъюнктуру «для завязывания прямой и серьезной связи с французским воен[ным] ведом[ством] и Генеральным штабом и военной промышленностью». Он предложил двигаться вперед по вопросам обмена военными и морскими атташе. Французы не хотели проявлять инициативу, так как считали, что это станет для них публичным унижением. «Мне удалось в частном разговоре заинтересовать этим вопросом... Пьера Кота, без того, чтобы я сам выказывал интерес к нему (подробнее вам расскажет тов[ариш] Розенберг)». Довгалеvский попросил разрешить

¹ М. И. Розенберг — Н. Н. Крестинскому. 1 января 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 2—4.

ему «неофициально затронуть вопрос» в разговоре с МИД Франции. Он полагал, что это можно сделать, не рискуя потерять лицо («наш престиж»), и получил отказ. Как трогательно: просто двое юных влюбленных, робеющих сделать первый шаг! Больше никаких банальных расшаркиваний! Довгалеvский попросил немедленно прислать ему указания¹. Однако это была излишняя предосторожность, так как посол Дежан уже в ноябре 1932 года рекомендовал называть имя военного атташе. В феврале французское и советское правительства договорились: полковник Эдмон Мендрас едет в Москву, а комдив Семен Иванович Венцов — в Париж².

Дела пошли быстрее, когда 30 января Гитлер стал канцлером. Пора было выкидывать тусклый светильник. «Приход к власти Гитлера, как иначе быть не могло, — считал советский временный поверенный Розенберг, — усилил здесь настроение сдержанной тревоги»³. Крестинский относился к этому скептически. По его мнению, «маневр временного характера», продиктованный событиями в Германии или еще где-то, облегчал наш ответ им. «Мы его делаем, — писал Крестинский, — так как советофильские выступления во Франции льют до известной степени воду и на нашу мельницу»⁴.

Розенберг не знал, что думать. Сложилась «интересная ситуация»: французский Генеральный штаб хотел тесно сотрудничать с верховным командованием СССР. По мнению Розенберга, подобный расклад назревал несколько месяцев, но начальник Генштаба генерал Морис Гамелен был против. Розенберг был потрясен, так как велись разговоры о возрождении военного союза и даже о выдаче кредита. Он отмечал, что «более ярые сторонники сближения с нами» в Генштабе говорили и о том, и о другом. «Я Вам сигнализирую все это, так как эти настроения, повторяю, характеризуют политическую атмосферу Парижа, ими болеет Эррио». Франция была

¹ В. С. Довгалеvский — Н. Н. Крестинскому. 9 января 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 8—10.

² Léger to Dejean. No. 33. 15 Feb. 1933. МАЁ, Bureau du chiffre, télégrammes au départ de Moscou, 1933—1934; Dejean. No. 20. 21 Feb. 1933. МАЁ, Bureau du chiffre, télégrammes à l'arrivée de Moscou, 1933—1934.

³ М. И. Розенберг — Н. Н. Крестинскому. 11 февраля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 30—32.

⁴ Н. Н. Крестинский — В. С. Довгалеvскому. 19 февраля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 38—39.

обеспокоена. Она ощущала свою изоляцию и искала выход. «Вреда от этого всего по-моему нет, поэтому мне сдается, можно выждать дальнейшей кристаллизации всех этих разговоров, не поощряя их прямо, но и не обливая ретивых французов ушатами рационалистической жидкости»¹.

Крестинский полагал, что это всего лишь «маневр», но Розенберг, опасавшийся упустить такую возможность, думал, что дело не только в этом.

«Вы склонны считать происшедшую перемену в здешних настроениях как большой маневр. Большой маневр — это тоже неплохо, если он находится в соответствии с теми маневрами, в которых мы сами нуждаемся в настоящее время. Я лично склонен, однако, считать, что мы имеем дело с известным поворотом во французской политике, поворотом, за основательность которого, конечно, трудно поручиться, но все-таки с поворотом. Об известном сдвиге в настроениях можно было говорить и до прихода к власти Гитлера, но последнее событие придало этим настроениям более определенную форму и направление».

В парижской ежедневной газете «Ле Журналь» вышла статья, в которой утверждалось, что «в воздухе витает франко-советский военный союз». Розенберг писал: «Маневр или поворот, — но несомненно большое давление за “сближение” с нами в последнее время исходит от Генштаба»².

Михаил Семенович Островский

Слова Розенберга подтвердил его коллега, живущий в Париже, — Михаил Семенович Островский, возглавлявший «Союзнефтеэкспорт» во Франции (советский нефтяной синдикат). Островский будет играть важную роль в этой книге, особенно после того, как его назначат полпредом в Бухаресте в 1934 году. Он был франкофилом и свободно говорил по-французски. Он даже любил вставлять французские обороты в свои отчеты, которые он отправлял в Москву. Как и Розенберг, Островский хорошо ладил со своими французскими

¹ М. И. Розенберг — М. М. Литвинову. 25 февраля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 40—41.

² М. И. Розенберг — Н. Н. Крестинскому. 25 февраля 1933 г. // Там же. Л. 43—45.

Французский министр авиации П. Кот. 1933 год

коллегами, что помогало улучшать отношения между Францией и СССР. Учитывая его обязанности, он был тесно связан с Министерством обороны и «Компани франсез де петроль», а в особенности с полковником Жаном де Латром де Тассиньи и вице-президентом компании Робером Кейролем.

По словам Островского, де Латр («мой полковник», как он любил его называть) был серым кардиналом генерала Максима Вейгана, вице-президента Высшего военного совета. Эта должность считалась очень высокой в военной структуре. У Островского сложились близкие отношения с де Латром, так как он пытался укрепить франко-советские связи. С Кейролем он сблизился для этих же целей. В итоге смог, например, получить тайную информацию о ссоре, которую затеял новый министр авиации Пьер Кот, выступивший в Женеве с противоречивым докладом о европейской безопасности. Вейган в знак протеста подал в отставку, но председатель Совета министров Даладье отказался ее принять. Тогда Вейган пошел к президенту республики Альберу Лебрену, который попросил его забрать прошение и держать себя в руках. Подождите до лучших времен, сказал Лебрен,

скоро они настанут. «Готовьтесь к великим событиям, но пока сохраняйте спокойствие и держите армию наготове». Де Латр полагал, что Вейган не справился и «собирается уйти», так как «устал от этих политиканов».

По отчетам Розенберга и Островского видно, что настроение в Париже менялось даже на уровне Министерства обороны. Вейган отправил де Латра встретиться с Эмилем Буре, работавшим в ежедневной парижской газете «Ордр». Она принадлежала влиятельной группе руководителей черной металлургии. Генштаб хотел, чтобы «Ордр» изменила свой враждебный настрой по отношению к СССР, и Буре стал работать над этим заданием. Вы видите, как обстояли дела в Париже. Еще один журналист, некий Пьер Доминик, опубликовал гадкую статейку о СССР в радикальной социалистической газете «Республик». Де Латр вызвал его на ковер. Журналисту было велено изменить подход, или (как сказали Островскому) будут опубликованы документы, которые связывают Доминика с «кошельком» итальянского посла в Париже. «Я должен, — сказал Кейроль, — обратиться Генштаб и наших политиков в просоветскую веру. Я считаю, что на данном этапе выполнил это задание и неплохо справился». Следующим шагом, по мнению Островского, были большие банки — их необходимо было обработать. «Начинаю я с [Горация. — М. К.] Финали, председателя Парижско-нидерландского банка («Банк де Пари э де Пеи-Ба»), самого антисоветского банка в Париже». Это должно быть проще, чем обработать Генштаб и политиков, хвастался Островский. Дело было в начале 1933 года. Внешнеполитический флюгер дрожал и менял направление.

Островский также сообщил, что в Москву в качестве посла придет Шарль Альфан. Он входил в окружение Анатоля де Монзи, который в 1920-х годах пытался наладить отношения с СССР, но безуспешно. Альфан выступал в поддержку сближения с СССР. Про нового военного атташе полковника Мендраса также говорили, что у него просоветская позиция. Островский обедал с Мендрасом перед его отъездом в Москву. Он произвел на него хорошее впечатление. Мендрас преподавал артиллерию в Академии Генштаба.

Островский подметил, что новый атташе неплохо говорит по-русски и бывал в России до войны. По словам Кейроля, коллеги считали Мендраса русофилом. В 1919 году он представил отчет, высту-

пив против военного вторжения Франции на территорию Южной России. Однако результата добиться не удалось. Мендрас производил впечатление «скромного, вдумчивого человека, взвешивающего каждое слово, очень сдержанного». Он много говорил о своем желании продвигать франко-советское сближение, «но без обычного французского пафоса и трескучих фраз». Островский написал письмо наркому обороны Ворошилову, в котором рассказал про обед с командным составом, и добавил легкомысленную приписку: «Если благополучно пройдет май — войны в Европе в этом году не будет»¹. В воздухе уже витали разговоры о войне. Заканчивался февраль 1933 года. Островский хорошо разбирался в обстановке в Париже и был воодушевлен успехами советских дипломатов в продвижении франко-советского сближения. Все было так хорошо, что даже не верилось².

Сложно сказать, где больше сплетничали о политике и готовности начать диалог с советскими дипломатами — в Париже или других столицах, однако во Франции было много политиков и салонных завсегдатаев, которые были более чем открыты для общения. Для встречи хорошо подходил парижский отель «Лютетия», расположенный в VI округе.

Можно было услышать самые разные истории, например, о том, откуда сыскающая полиция узнает всю «подноготную Кремля». Вероятно, от «народного комиссара, который часто приезжает в Париж». Во всяком случае так утверждал специалист по делам России, «некий Алек». Разумеется, это был не Литвинов, хотя порой он на самом деле довольно свободно общался с зарубежными дипломатами. Также ходило много сплетен о советской общине в Париже и всяких русских эмигрантах, которые распространял клерк префектуры полиции по фамилии Лажери, хорошо осведомленный обо всех делах. В Генштабе главным сторонником франко-советского сближения

¹ М. С. Островский — К. Е. Ворошилову. 23 февраля 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 432. Л. 61–64, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

² См. также: *Vershinin A.* «My Task Is to Get into the French Army»: Soviet Strategy and the Origins of Soviet-French Military Cooperation in the 1930s // *Journal of Strategic Studies*. Vol. 44. No. 5 (2020). P. 685–714; *Guelton F.* Les relations militaires franco-soviétiques dans les années Trente // *La France et l'URSS dans l'Europe des années 30* / M. Narinskii et al. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2005. P. 61–72.

был генерал Вейган. Главным противником — генерал Анри Альбер Ниссель, ненавидящий Советскую Россию еще с самых первых дней большевистской революции. Масоны в высокопоставленных военных кругах и полиции играли роль информаторов и тайно следили за «реакционерами», такими как Вейган. Эти истории представляют сомнительную ценность для историка, но они были достаточно интересны, чтобы пересказать их в Москве¹.

Пьер Кот также был надежным источником информации. Его имя часто использовалось в отчетах, которые отправлялись в Москву. В конце января он стал министром авиации в новом правительстве Даладье. В апреле Пьер Кот сообщил Довгалеvскому, что хотел бы отправить в Москву военно-воздушного атташе². В мае он снова связался с советским посольством, пытаясь улучшить франко-советские отношения в целом, а также обсудить (довольно опрометчиво) переговоры в Совете министров. Он был не первым и не последним министром, который решил так поступить. Как только военный атташе генерал Венцов прибыл в Париж, он сразу же встретился с генералом Гамеленом, который стал «напоминанием о франко-русском военном союзе». Гамелен увлекся. По словам Розенберга, правые начали меньше противиться сближению с СССР. Так, например, он упомянул бывшего министра финансов Поля Рейно и «одного из наиболее умных людей среди полит[ических] деятелей правых». Говорили, что даже Тардьё занял «более приличную позицию», хотя это еще надо было подтвердить³.

Марсель Израилевич Розенберг

Марсель Израилевич Розенберг родился в еврейской семье в Варшаве в 1896 году. Отец занимался торговлей, и семья жила довольно скромно. До 10 лет Марсель Израилевич говорил только по-польски. Он выучил русский, чтобы поступить в училище. Однако вскоре семья переехала в Кёнигсберг, и там Розенберг пошел учиться

¹ В. А. Соколин — Е. В. Рубину. 26 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 56.

² В. С. Довгалеvский — М. М. Литвинову. 10 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 90. Д. 11. Л. 146–148.

³ М. И. Розенберг — М. М. Литвинову. 10 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 71–73.

Марсель Израилевич Розенберг.
Середина 1930-х годов.
АВПРФ (Москва)

в местную гимназию. Когда ему исполнилось 17 лет, он снова переехал, на этот раз в Берлин, где жили его родственники — российские эмигранты. В Германии Розенберг заинтересовался марксизмом, прочитал внушительный труд Маркса «Капитал» и подружился в Берлине с немецкими социал-демократами. Весной следующего, 1914 года, молодой Розенберг отправился в Англию. Как он позднее утверждал, он поехал туда учить английский язык, чтобы проще было найти работу. Розенберг хорошо говорил на разных языках. На следующий год он опять переехал, на этот раз в Нью-Йорк, где начал работать переводчиком на оружейном предприятии, поставлявшем продукцию царскому правительству. Непонятно, как 19-летний Розенберг смог улизнуть от английских сержантов, рыскавших в поисках призывников. Он не мог устроиться на постоянную работу в Нью-Йорке и после Февральской революции 1917 года вернулся обратно в Россию.

По своему происхождению Розенберг не был похож на типичного большевика-революционера, однако знание языков сослужило ему хорошую службу. И разве мог молодой человек с таким происхождением, как у Розенберга, сопротивляться зову революции? В 1918 году он вступил в партию большевиков, а в апреле вместе с советским дипломатом Адольфом Абрамовичем Иоффе вернулся в Берлин, где должен был возглавить пресс-службу в советском посольстве. Розенберг подружился с будущим главой внешней разведки поляком Вячеславом Рудольфовичем Менжинским, который взял его под крыло. Марсель Израилевич вернулся в Москву в 1920-х годах и занял должность личного секретаря наркома Чичерина. Позже он работал в советских посольствах в Европе, Турции и Афганистане, хотя ему еще не исполнилось даже 30 лет. В конце 1920-х годов Розенберг вернулся

в Москву, так как НКВД поручил ему координацию деятельности разведки, и снова начал работать с Менжинским, возглавившим ОГПУ. На нескольких сохранившихся фотографиях Михаила Израилевича мы видим невысокого лысеющего мужчину с усами. Он был женат на скульпторше Марианне Емельяновне Ярославской. На самом деле Розенберг немного похож на Леже. В 1931 году в возрасте 35 лет он отправился в Париж, где занял должность первого секретаря посольства, и вскоре с головой погрузился в переговоры об улучшении франко-советских отношений. Через два года он, как и Островский, прекрасно ориентировался в парижском обществе.

Слухи о сближении Франции и СССР, воспоминания Гамелена о союзе между этими странами и высказывания Кота привлекли внимание Крестинского. Он подумал о том, что необходимо пойти на сближение. Вспомнив свой собственный опыт работы послом в Берлине, Крестинский посоветовал сделать так, чтобы отношения с французским военным руководством не были завязаны на одном лишь Венцове, но чтобы в переговорах также были задействованы Довгалецкий и Розенберг. Однако он попросил вести себя осторожно и не брать на себя обязательств по военной поддержке в случае конфликта между Францией, ее союзниками и третьими странами. По словам Крестинского, «таких заявлений нужно избегать и потому, что они не соответствовали бы нашему действительному намерению и, потому, что будучи переданными немецким правительственным и военным кругам (а передавать их, и притом в искаженной форме, конечно, будут), они подорвали бы в значительной степени доверие к нам со стороны Германии»¹. Шел май 1933 года, и Крестинский и советское правительство все еще думали о возможности сохранения «старой политики» по отношению к Германии. Однако флюгер колебался.

Будут ли сделаны шаги на пути к сближению с Францией?

Литвинов был недоволен тем, что сближение с Францией ограничилось заключением пакта о ненападении. Проблема была не во

¹ Н. Н. Крестинский — М. И. Розенбергу. 19 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 64. Л. 6—8.

Франции, где постоянно появлялись сообщения в прессе от лица Эррио и других, а в СССР. Пресса вела себя сдержанно. «Мы теперь обдумываем некоторые конкретные манифестации сближения (о которых сообщим Вам позднее)», — писал Литвинов. К сожалению, в Палате депутатов «друзья» заговорили о довоенных долгах, что никак не могло помочь в текущей ситуации¹. Политика начала меняться: и в Москве, и в Париже заскрипели шестеренки.

Тем не менее у советской политики постепенно появлялся стимул к изменениям. Во-первых, советско-германские отношения развивались в нежелательном направлении, а во-вторых, Франция стремилась к укреплению связей. Альфан приехал в Москву в июне 1933 года. Он изо всех сил стремился к сближению и немного разбирался во франко-советских отношениях. Альфан активно участвовал в переговорах в 1920-х годах, а 1932 году был управляющим делами кабинета² главы правительства и министра иностранных дел Эррио. Он был достаточно квалифицирован, чтобы наладить отношения с Москвой. Не все чиновники МИД выступали против их улучшения.

5 июля Альфан встретился со Стомоняковым. Литвинов все еще находился за границей. Альфан обсудил разные темы: Польшу, Румынию, загнивающую французскую прессу. Но на самом деле ему хотелось поговорить про дальнейшее усиление франко-советского сближения. СССР должен играть более серьезную роль в международной политике. Альфан вспомнил первое выступление Литвинова в Женеве и «ироническое отношение к нему в аудитории». Но теперь времена изменились, и делегаты в Лиге Наций стали к нему прислушиваться. Важность СССР возросла и будет расти дальше. «Нормализация отношений с Францией — только начало. Нужно стремиться к согласию (антант) между Францией, СССР и Англией». Альфан даже привел в пример «Сердечное согласие» (Антанту), подписанное до Первой мировой войны. Помните, пока шел только июль 1933 года. Альфан полагал, что для улучшения франко-советских отношений необходимо исправить англо-советские отношения. Это было правдой. Литвинов только что уладил кризис «Метро-Виккерс».

¹ М. М. Литвинов — В. С. Довгалеvскому. 17 мая 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 78–83.

² Начальник канцелярии. — *Примеч. ред.*

Стомоняков записал в дневнике: «Так как разговор велся в очень дружественных тонах, я должен был, в меру осторожности, соглашаться в отдельных местах с Альфаном, а потом заметил, что, учитывая значение мелочей, нужно в то же время не упускать из виду различия режимов в СССР и Франции, из-за которого иногда невозможно здесь по какому-нибудь вопросу принять положительное решение, которое во Франции является само собой разумеющимся. И, прежде всего, — прибавил я, — отдавая должное мелочам, не следует упускать из виду больших интересов, которые связывают наши страны».

Альфан попытался объяснить свою позицию: постарайтесь быть гибкими «в мелочах», которые важны для Франции, и это позволит легче двигаться на пути к «большим вопросам». Стомоняков уверил Альфана «в самом дружественном к нему отношении со стороны НКВД»¹.

Шестеренки скрипели, однако официально СССР стремился сохранить «старую политику» по отношению к Германии, и в то же время улучшить отношения с Францией и Польшей. На следующий день Литвинов встретился в Париже с Даладье и Поль-Бонкуром. Именно после этой встречи Антонов-Овсеенко высказал свои подозрения в том, что СССР дезинформируют. Литвинов искал эти «конкретные проявления сближения». Одним из вариантов было уговорить французское правительство подписать конвенцию наркома об определении агрессора. Другим было «джентльменское соглашение» об обмене секретной информацией в интересах обеих стран².

Во время переговоров Литвинов и Даладье также упомянули Польшу. Они обедали 8 июля: «За завтраком Даладье снова говорил о странной политике Польши и о своем недоверии к Беку. Получалось впечатление, что он заранее хочет отмежеваться от возможной известной ему польской авантюры. Не мешало бы пустить в печать сообщение какого-нибудь корреспондента ТАСС или “Правды” о польско-германских затеях. Было бы, однако, неправильно вести в наших газетах такую кампанию, чтобы в Германии *создалось*

¹ Встреча с французским послом Ш. Альфаном. Выдержка из дневника Б. С. Стомонякова. 5 июля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 90. Л. 10–16, опубл.: ДВП. Т. XVI. С. 411–416.

² М. М. Литвинов — в НКВД. 6 июля 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 416–417.

впечатление, что мы бесповоротно порвали с ней и окончательно переориентировались [курсив наш. — М. К.]»¹.

Летом 1933 года Литвинов уже вел тонкую политику в отношении Германии. Все было не так, как казалось на первый взгляд, и сплеталось в причудливый узор.

Отношения с Францией тоже были не такими, какими казались. Несмотря на секретные обеды Литвинова с Даладье, французское правительство проводило свою политику по отношению к СССР. Дружественные СССР страны подписали конвенцию Литвинова об определении агрессора, но Леже считал, что Франции рано делать выбор в пользу кого-то. Он «не хочет причинить неприятность Англии»². Читателям стоит запомнить это имя — Алексис Леже.

«Джентльменское соглашение» тоже не принесло успеха. Политическое руководство МИД отказалось его обсуждать по причине секретности, так как это может рассматриваться как «острие копья, направленное против Англии, согласие с которой до сих пор лежит в основе французской политики»³. Поль-Бонкур, остававшийся министром иностранных дел, пытался выгородить Францию перед Довгалеvским и сказал, что конвенция Литвинова имеет, по сути, региональное значение и «джентльменское соглашение» не требуется, так как французскому и советскому правительству не нужно обмениваться информацией⁴. Это были небольшие задержки, но они указывали на возможные препятствия, которые могли возникнуть по мере укрепления франко-советских отношений. Пока тем не менее были организованы поездки в Москву для Эррио и Кота, активно выступавших за сближение. В августе французское правительство согласилось обмениваться военно-воздушными и военно-морскими атташе⁵. Это был шаг вперед.

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 8 июля 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 213. Л. 23, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023). Копии были отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову.

² В. С. Довгалеvский — в НКВД. 18 июля 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 845–846.

³ Note, Directeur politique (Paul Bargeton), not signed. 19 July 1933. МАЕ, URSS/1002, 86–88.

⁴ В. С. Довгалеvский — Н. Н. Крестинскому. 26 июля 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 848.

⁵ Léger to Alphand. No. 258. 7 Aug. 1933. МАЕ, Bureau du chiffre, télégrammes au depart de Moscou, 1933–1934.

Визиты Эррио и Кота прошли хорошо, с точки зрения как Франции, так и СССР. По словам Альфана, Эррио оказали прием, достойный главы правительства. Он съездил на Украину, где не заметил последствий голода, охватившего весь так называемый пшеничный пояс и теперь подходившего к концу¹. В Москве для него устроили банкет на 150 человек. Русские умеют устроить такую вечеринку, на которой ты сразу почувствуешь себя желанным гостем. Все пили и произносили обязательные тосты. Энтузиазм, подпитанный водкой, был заразителен. Кто-то выдвинул идею возможного франко-советского альянса. «Да здравствует Франция!» — дружно и громогласно крикнули все в ответ². Эррио сказал Литвинову, что сделает все, что в его силах, чтобы укрепить сближение их стран. Литвинов ответил в том же духе, упомянув о «нашем твердом решении и желании идти на дальнейшее сближение с Францией». Описывая встречу, Литвинов использует местоимение «наше», имея в виду советскую политику. Помните, что шел сентябрь 1933 года, и Политбюро пока что еще не отказалось официально от «старой политики» в отношении Германии. Возможно, Литвинов поторопился со своим «наше», а может, и нет. Нарком не стал скрывать от Эррио, что ощущает некоторую недоговоренность со стороны Франции. Он привел в пример конвенцию об определении агрессора и «джентльменское соглашение». Эррио привлекло последнее предложение, и он пообещал его поддерживать.

Пока Эррио не пришел к власти, министром авиации был Кот, у которого были вполне определенные идеи относительно франко-советского авиационного сотрудничества³. Литвинов встретился с Котом на следующий день после встречи с Эррио. Они обсудили общие темы. Кот сказал, что его сильно впечатлили военно-воздушные силы СССР как в настоящий момент, так и в потенциале. У членов его делегации было похожее мнение. Литвинов снова заговорил о своем постоянном страхе того, что правительство сменится на правое, и это может помешать сближению. Кот предложил организовать визиты членов Национального собрания от всех партий,

¹ *Kotkin St. Stalin. Vol. II: Waiting for Hitler.* P. 122—130.

² *Duroselle J.-B. La Décadence.* P. 27.

³ М. М. Литвинов — М. И. Розенбергу. 19 сентября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 64. Л. 23—26, опубл.: ДВП. Т. XVI. С. 521—523.

чтобы они сами могли увидеть, чего добился СССР. Тогда они просто не смогут противиться сближению¹.

Альфан отреагировал через два дня. По словам Литвинова, он радовался визитам Эррио и Кота, но также задал откровенные вопросы о «джентльменском соглашении». Даладьё не понравилось предложение Литвинова, так как он не понимал, как оно будет сочетаться с теми же обязательствами, данными Германии. Нарком ответил, что у нас перед ней нет никаких официальных обязательств, а также ни перед каким другим правительством, за исключением Турции. Затем Литвинов вспомнил разговор Папена и Эррио в 1932 году, в котором предлагалось сотрудничество Франции и Германии, направленное против России. Это часто обсуждали в советской переписке, и такая перспектива очевидно беспокоила наркома и его коллег. Дирксен также отчитывался по этому вопросу в Берлин. Литвинов сказал Альфану, что они получили информацию не от Германии, а от самого Эррио. Нарком отстаивал свое предложение, и Альфан ответил, что относится к нему с симпатией. Потом Литвинов заговорил об удивлении нерешительностью французов в вопросе сближения. Конечно, когда появляются новые «друзья», старые пропадают, или связь с ними становится слабее. Литвинов заговорил о том, что очевидно его волновало: «Мы сейчас спокойны, имея дело с нынешним французским правительством, но у нас нет никакой уверенности в том, что его политическая линия будет продолжена в случае смены правительства, в особенности после прихода к власти людей толка Тардьё». Альфан ответил, что советскому руководству надо завоевать «правительственный аппарат», а это было проще сказать, чем сделать. Франко-советскому сближению также мешали третьи страны, в том числе Германия, Италия, Польша и Малая Антанта. «И Англия?» — спросил Литвинов. Англия не проводит во Франции антисоветскую кампанию, ответил Альфан, но дважды упомянул Польшу². Ах да, Польша и ее «странная политика»!

¹ Беседа с П. Котом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 20 сентября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 89. Д. 4. Л. 126–127, опубли.: ДВП. Т. XVI. С. 523.

² Встреча с Ш. Альфаном. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 22 сентября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 90. Л. 28–30, опубли.: ДВП. Т. XVI. С. xx.

Вся эта информация дошла до Парижа, особенно после того, как Кот и Эррио вернулись домой¹. Кот сообщил Совету министров о «диспозиции... нескольких советских руководителей, связанной с возможностью заключения соглашений о безопасности». Он обсудил этот вариант с Поль-Бонкуром. Леже написал Альфану, чтобы узнать, что он думает, и получить рекомендации. МИД всегда с опаской относился к сближению, так как Леже боялся, что из-за него у Франции могут начаться проблемы с Японией. Помните, последний раз, когда Леже искал предлог, то выбрал Великобританию? Хотела ли советская сторона заставить Францию взять на себя обязательства перед Азией?²

Альфан быстро ответил: «Литвинов уже несколько раз сообщил нам, что он убежден: Германия начнет войну через два года». Посол отправил Леже несколько рекомендаций относительно улучшения отношений, в том числе он согласился подписать конвенцию об определении агрессора, однако ничего не сказал про «джентльменское соглашение». Он также предложил технологический обмен для сотрудничества, кроме всего прочего, в области железных дорог и авиации. По его мнению, более тесное сотрудничество с Москвой не повредит франко-японским отношениям³. Видимо, Литвинов открыто говорил с Альфаном о возможном начале войны, так как через несколько недель военный атташе, полковник Мендрас, сообщил о том же самом в Париж⁴. На тот момент нарком не делился со Сталиным своей точкой зрения, во всяком случае нет письменных свидетельств этому. Литвинов был прав, предсказывая войну, однако ошибся в дате начала на четыре года. Интересно, что Эррио говорил о том же самом в 1922 году на встрече с советскими чиновниками в Москве: Германия снова нападет на нас через 15 лет⁵. Сроки он угадал точнее, чем Литвинов, но они оба были правы насчет немецких намерений. С точки

¹ О ходе миссии П. Кота см.: *Jansen S. Pierre Cot: Un antifasciste radical*. Paris: Fayard, 2002. P. 178–189.

² Léger to Alphand. No. 325, confidential. 27 Sept. 1933. MAÉ, Bureau du chiffre, télégrammes au départ de Moscou, 1933–1934.

³ Alphand. Nos. 378–382. 28 Sept. 1933. MAÉ, URSS/1002, 133–137.

⁴ Mendras. No. 82. 7 Sept. 1933. Compte-rendu de conversation avec Radek. SHAT 7N 3121.

⁵ *Carley M. J. Silent Conflict*. P. 76

зрения Мендраса, советские власти были готовы решительно двигаться вперед и работать над «эффективным сближением», как только они будут уверены, что Германия хочет того же¹.

В Париже Розенберг сразу же услышал отголоски двух миссий, отправленных в СССР. Про них рассказал сам Кот. Резонанс от визитов Эррио и Кота превзошел все ожидания. Розенберг писал Литвинову об опасениях, что антагонизм между Даладье и Эррио «может помешать делу», но этого не произошло. «Эррио с чрезвычайной экспансивностью повел кампанию за нас, и косвенным показателем удельного веса, который он сохранил в политической жизни страны, является то обстоятельство, что даже враждебные нам газеты, как “Матэн” и другие воспроизвели на видном месте его заявления». Розенберг похвалил Кота: «Кот человек более практичный и лишь постепенно наживающий политический капитал, действовал более сдержанно и исключительно по согласованию с Даладье. Он представил Совету министров сухой фактический материал о состоянии нашей авиации и т. п.». Кот сказал Розенбергу, что его отчет пользовался «большим успехом». Он упомянул имена нескольких министров, которые отреагировали положительно. «Что касается самого Даладье, то Кот уверяет, что он согласен пойти на пакт о взаимопомощи и на тому подобные, еще дальше идущие, вещи»². Кот преувеличивал? Про Даладье говорили, что он больше заинтересован в сближении с Германией, чем с СССР, но то же самое утверждали и про Сталина. Во всяком случае официально СССР пытался наладить «старые отношения», хотя Литвинов считал, что их уже не существует.

Читатели помнят, что Политбюро поручило наркому по пути в Нью-Йорк поговорить с Нейратом или даже с Гитлером, если он согласится встретиться. Переговоры с Нейратом ничего не дали, и Литвинов поехал в Париж на встречу с Поль-Бонкуром. По словам наркома, она прошла сердечнее, чем все предыдущие, и Поль-Бонкур заговорил о пакте о взаимопомощи. Он намекал на это неделю назад Довгалеvскому. «Бонкур вновь говорил о необходимости подумать нам и Франции о контрмерах в случае вооружений

¹ Mendras, compte-rendu mensuel. No. 4. 25 Sept. 1933. SHAT 7N 3121.

² М. И. Розенберг — М. М. Литвинову. 26 сентября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 162—155.

и подготовки Германии к войне, причем упоминал несколько раз о взаимной помощи в дополнение к пакту о ненападении». В отличие от МИД Франции Литвинов считал, что взаимопомощь должна включать в себя всю Европу: «Я сказал, что нам приходится думать не только о Западе, но и о Востоке и что Франция должна быть заинтересована в том, чтобы у нас не было осложнений на Востоке». Как было написано в телеграмме наркома, они договорились, что «он и я будем думать о возможных способах сотрудничества»¹. Они также обсудили технологический обмен, о котором Кот говорил в Москве, и упомянули текущие торговые переговоры, которые тянулись бесконечно.

Помните, что они начались летом 1931 года. Французы хотели добиться более выгодного торгового баланса — советская сторона продавала намного больше, чем покупала. Франция также требовала выплаты довоенных долгов, но тут у нее не было никаких доводов, так как премьер-министр Пуанкаре и его правительство недобросовестно вели переговоры и саботировали советское предложение по царским облигациям, которое сочли приемлемым высокопоставленные чиновники в Министерстве финансов. Предвыборные интересы правящего правоцентристского национального блока, который боролся с левой коалицией, были важнее, чем урегулирование долгов в интересах французских инвесторов, принадлежащих к среднему классу². Советское правительство также хотело получить преимущественные условия по кредитам, которые у него были в самом начале. Как сказал один сотрудник Министерства финансов Великобритании в 1931 году, «кредит — это бог для России». Если бы в СССР верили в Бога, то его место бы точно занял кредит. Чем больше советские торговые представительства хотели покупать товаров, тем интереснее их предложения были для французских и других западных промышленников, которые мечтали набрать заказов, так как Великая депрессия разрушала европейскую экономику. Французские банки, в особенности Банк Франции, отказывались давать кредиты и оформлять на них страховки советским торговым представительствам, пока не будут выплачены довоенные долги. Однако после провала переговоров

¹ В. С. Довгалецкий — в НКИД. 20 октября 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 576–578; М. М. Литвинов — в НКИД. 31 октября 1933 г. // Там же. 595–596.

² *Carley M. J. Silent Conflict*. P. 311–315.

в 1926—1927 годах на это рассчитывать не приходилось. Советское правительство полагало, что сделало отличное предложение, а Франция на него не отреагировала. Нельзя конкурировать самому с собой¹.

Торговля была важна, но также она должна была стать серьезным шагом на пути к улучшению политических отношений. С самых первых дней советское правительство пыталось наладить контакт, делая торговые предложения. Поль-Бонкур хорошо понимал этот принцип, и сам им воспользовался, пытаясь ускорить сближение с СССР. Он был министром и настаивал на заключении соглашения. «Бонкур согласился, — писал Литвинов в НКИД, — что необходимо переговоры ускорить и закончить»². Поль-Бонкур сказал наркому то же самое, что и его сотрудникам. Он говорил, что надо торопиться. Это понятно по полям документов, которые попадали к нему на стол. На одном отчете он написал: «Мы должны добиться успеха». На другом — «закончить быстро», и еще на одном — «закончить, закончить». Поль-Бонкур был вечно торпящимся министром. Он пережил четыре смены правительства в 1933 году, но никто не знал, сколько он продержится в МИД. Он уже и так добился успеха вопреки ожиданиям. Кто знал в Москве, переживет ли сближение с Францией следующую смену правительства? Литвинов все время задавал себе этот вопрос. Торговые переговоры в ноябре практически сорвались, и были проблемы с технологическим обменом. Французской стороне под давлением Кота была интереснее авиация, а обмен военно-морскими миссиями адмиралам в Париже был не так интересен, так как они полагали, что советские коллеги их ничему не научат³. Сталин быстро понял, в чем дело. Он был в отпуске на юге и оттуда отправил телеграмму Кагановичу: «Французы лезут к нам для разведки. Наша авиация интересуется их потому, что она у нас хорошо поставлена, и мы сильны в этой области. Авиационное сотрудничество приемлемо, но его надо обусловить сотрудничеством по строительству военно-морских кораблей, особенно по подлодкам, миноносцам, где мы несколько слабы». Все или ничего,

¹ См.: *Carley M. J. Silent Conflict* (chaps. 4, 5, 10, and 11); *idem. Five Kopecks for Five Kopecks*. P. 23—58.

² М. М. Литвинов — в НКИД. 31 октября 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 595—596.

³ Bargeton to Alphant. No. 412—415. 25 Nov. 1933. МАЭ, Bureau du chiffre, télégrammes au départ de Moscou, 1933—1934.

так сказал Сталин¹. Ворошилов возражал против обмена авиационными специалистами, но понял, что после визита Кота нельзя было сказать «нет», так как необходимо было учитывать «политические минусы» такого отказа².

Кабинет продержался до октября, но сам Даладье остался военным министром. Он не ладил с Поль-Бонкуром и Эррио. На самом деле Даладье с удовольствием бы уволил Поль-Бонкура, оставшегося членом нового кабинета³. Альфан давил на МИД и требовал укрепления отношений с Москвой. Все обстоятельства, а в особенности «агрессивный национализм» нацистской Германии, свидетельствовали о необходимости «реального политического союза с СССР». «С такой страной, как СССР, — писал Альфан, — необходимо считаться в Европе»⁴. «Абсолютно согласен, — отвечал Поль-Бонкур, — с вашей депешей... Я ее внимательно изучил, как и все, что вы присылаете». Советское дело считалось важным.

Письмо Альфана читали только члены Совета министров и Леже. Последнему, наверно, было неприятно наблюдать за тем, как Франция кинулась в объятия красной Москвы, хотя Розенберг слышал, что Леже «прилично к нам расположен»⁵. Но это было неправдой.

Алексис Леже

Алексис Леже сменил Филиппа Бертло на посту генерального секретаря МИД Франции. Он родился в богатой семье в Пуэнт-а-Питре в Гваделупе в 1887 году. Его отец и дед были юристами и владельцами плантаций. Получается, что Леже — выходец из крупной французской буржуазии. Он окончил юридический факультет

¹ И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. 20 сентября 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 21. Л. 21, 22–23, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023); также: Сталин и Каганович. Переписка. С. 352.

² Н. Н. Крестинский — В. С. Довгалеvскому. 19 ноября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 64. Л. 35.

³ В. С. Довгалеvский — Н. Н. Крестинскому. 9 апреля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 54–55.

⁴ Alphand. No. 311. 5 Nov. 1933. DDF, 1re, IV, 701–704.

⁵ Paul-Boncour to Alphand. No. 403. 17 Nov. 1933. МАЕ, Bureau du chiffre, télégrammes au départ de Moscou, 1933–1934; М. И. Розенберг — Н. Н. Крестинскому. 28 октября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 173–176.

и пошел учиться в элитную Высшую коммерческую школу в Париже. Позднее он женился, но детей у него не было. Впервые он получил назначение на дипломатическую службу в Китае в период между 1916 и 1921 годом. Затем он вернулся в Париж, где в скором времени его повысили с должности заместителя начальника отдела до заместителя директора Азиатского департамента, а потом до директора по политическим вопросам. В 1933 году он сменил на посту Бертло. На фотографиях он не выглядит особо представительным. У него залысины и тонкие тщательно подстриженные усы. Истинные мачо уже в то время не носили длинные усы, правда, Леже в их число не входил. Ему, очевидно, нравились галстуки-бабочки, так как на фотографиях его часто можно увидеть в них. Еще Леже редко улыбался. Единственная фотография, на которой он улыбается, была сделана в 1960 году, когда он получил Нобелевскую премию по литературе. Но это случилось уже много лет спустя после того, как он ушел из МИД. Поэт с псевдонимом Сен-Джон Перс из него получился намного лучше, чем дипломат с настоящим именем Леже. Ему было далеко до Бертло, и он ошибался практически во всем, что касалось отношений с СССР и нацистской угрозы.

Леже саботировал отношения с Москвой. Он играл эту роль с галльским высокомерием и оттенком ориентализма¹. Как и Бертло, Леже смотрел в сторону Лондона, но ему не хватало уверенной и вдохновляющей улыбки его предшественника, а также его апломба. Никто бы не сказал про Бертло, что он заискивает перед вероломным Альбионом. На самом деле многие коллеги Леже по МИД (мы вскоре с ними познакомимся) так же, как и он, заблуждались по поводу того, как нужно вести себя с Гитлером. И это продолжалось вплоть до 1939 года. В данном случае речь идет не про стандартные рассуждения историков о том, как должно было быть, или ретроспективный взгляд. Как мы увидим, Леже упрямо придерживался неверной политики, хотя слышал из многих источников, что путь к французской безопасности лежал через Москву. Во Франции было много таких людей, как Леже. Они были растеряны или в корне неправы относительно того, как нужно бороться с гитлеровской Германией.

¹ В политической терминологии ориентализм — это целостное мировоззрение, легитимизирующее превосходство и господство Запада над Востоком (в широком смысле над всем, что не принадлежит Западному миру и его ценностям). — *Примеч. ред.*

Островский ужинает с де Латром и Кейролем

Однако мы забегаем немного вперед. Речь все еще идет об осени 1933 года. Москва получала информацию из Парижа из самых разных источников. В том числе от Островского, который продолжал встречаться и беседовать с де Латром и Кейролем.

20 октября они вместе поужинали. Это произошло за несколько дней до того, как Литвинов встретился с Поль-Бонкуром. Обсуждали в основном Женеву и выход Германии из Лиги Наций, срыв переговоров по разоружению, а также политический кризис в Париже. Правительство Даладье долго не продержится. Сложно управлять страной в такой момент и придерживаться жесткой политики. По словам де Латра, нельзя исключать возможность проведения франко-немецких переговоров. Вейган полагал, что такие переговоры невозможны без абсолютного большинства в правительстве. В таком случае они не будут бесполезными, так как позволят Гитлеру продемонстрировать его заинтересованность в перевооружении, а не мире, а также желание выиграть время. Все всё поймут. К сожалению, абсолютного большинства в правительстве не будет, и любые франко-немецкие переговоры приведут к уступкам, опасным для Франции. Также говорили о совместном фронте для Франции, Англии, Италии и США, но это была призрачная и опасная идея по ряду причин. Взгляды Вейгана донес до Островского по-прежнему де Латр.

Разговор неизбежно зашел о франко-советских отношениях и о беспокойстве Литвинова относительно политической нестабильности Франции и, как следствие, нестабильных политических мер. Тут де Латр сказал следующее: «Одним из главнейших факторов в стабильности французской внешней политики является французская армия. Французский Генеральный штаб в своем значительном большинстве, — и это я вам заявляю от имени генерала Вейгана, — свою российскую политику наметил не в связи с приходом к власти левого большинства и левого кабинета, а исключительно в связи с непосредственной опасностью войны, угрожающей Франции со стороны противника, который, по мнению франц[узского] Генерального штаба, угрожает в одинаковой мере и Советскому Союзу. Этот противник — Гитлер». Де Латр сослался на предыдущие переговоры и подчеркнул, что, к сожалению, французский

Генштаб не может снизить напряжение, которое возникло на Дальнем Востоке между Японией и СССР, но все равно проводит «совершенно лояльно свою политику сближения и сотрудничества всех 3 родов войск: сухопутных, морских и авиационных».

За день до этого, 19 октября, де Латр сказал, что подобные политические меры были утверждены Вейганом и начальниками штабов ВМФ и ВВС. Даже военно-морские командиры были смущены задержками в области военных обменов с СССР, которые, очевидно, возникали из-за чиновников МИД. Де Латр старался изо всех сил подчеркнуть преданность Генштаба франко-советскому сотрудничеству. Однако не все новости были хорошими. По его словам, в радикальных кругах, особенно в тех, где вращался Эррио, ходили слухи о том, что Даладье выступает за подписание двустороннего соглашения с Германией. Но слухов в целом было очень много, и часто они противоречили друг другу. Наконец де Латр отметил, что пытаться все уладить только с помощью министров и без Генштаба — это потеря времени и «откладывание решений на потом». Тем не менее ужин закончился на оптимистичной ноте. Де Латр заверил, что, по мнению Вейгана, франко-советские отношения развиваются в правильном ключе и сотрудничество двух генштабов станет серьезной гарантией мира в Европе¹.

Пришло время двигаться вперед

Москва также получала информацию через советского поверенного Розенберга. Он часто неофициально беседовал с Эррио и Котом, а также с другими французскими политиками и хорошо знал о курсе правительства Франции. Его волновали разногласия между Даладье и Эррио. «Даладье предлагает прямые переговоры с Германией, — писал Розенберг Крестинскому, — более того, он исходит из возможности того, что они приведут к какому-то соглашению. Говорят, что в особенности Даладье не будет против “аншлюса”, поскольку его реализация столкнет лбами Германию и Италию». Что касается Эррио, то он не питал никаких иллюзий относительно соглашения с Германией, даже если с тактической точки зрения подход

¹ М. С. Островский — К. Е. Ворошилову. 24 октября 1933 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 500. Л. 138—141, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

Даладьё мог бы «прояснить ситуацию», то есть показать истинные намерения Германии. Эта информация подтверждала то, что Островский слышал от де Латра. По словам Розенберга, Даладьё считал отношения с СССР страховкой на случай, если «Германия начнет... проявлять агрессивные тенденции». Забавно, что похожую цель преследовала и советская политика.

С точки зрения Розенберга, картина отношений с Францией была хорошая, но на ней присутствовали темные пятна. Некоторые группы промышленников, например Комитет металлургической промышленности, хотели заключить с Германией «общее соглашение», а это было возможно, только если договориться о полной свободе для Германии в Восточной Европе. Любые задержки в ответ на предложения Кота «лили бы воду на мельницу» тем элементам в Париже, которые хотели сотрудничать с Германией, а не с СССР, и искали доказательства того, что советское правительство только болтает и ничего не делает. На самом деле Кот не понимал, почему Москве нужно столько времени, чтобы начать действовать. «Мне незачем открывать истину, — писал Розенберг, — что носителями политики являются живые люди и что тот же Кот является самым ярким сторонником сближения с нами. К нам поступают из самых разнообразных источников сведения о том, что Кот до сих пор в этом отношении проявил действительно неутомимую энергию». Розенберг добавил:

«Проталкивание через всякие инстанции морских вопросов в значительной степени заслуга Кота, причем со стороны нам известно, что он зверски обругал директора политотдела французского МИД — Баржетона, когда последний пытался затормозить прохождение морских вопросов.

Поэтому я еще раз хотел бы со всей настойчивостью подчеркнуть, что отнюдь не в наших интересах выливать ушат холодной воды на голову сего пламенного сторонника сближения с нами.

Мы тем самым его персонально размагничиваем и даем аргументы в руки наших противников, ибо, повторяю еще раз, здесь противники гнилой сделки с Германией аргументируют, главным образом, возможностью опереться на нас, и нам, мне сдается, не следует их дезавуировать».

Розенберг подчеркнул, насколько это срочно: «Мне кажется, что если тов[арищ] Литвинов на обратном пути проедет через Париж,

ему будет неудобно отделаться общими фразами на сделанное ему Бонкуром предложение, которое он обещал “продумать”»¹.

В это время Розенберг получил отчет Довгалеvского о переговорах в Женеве с Поль-Бонкуром, который рассказал про неустойчивость политического положения во Франции и необходимость принимать решения как можно быстрее, таким образом подтвердив взгляды Розенберга. Французская общественность не могла прийти к единому мнению по вопросу Германии. Поль-Бонкур сказал, что стало труднее придерживаться единой позиции и выступать против признания немецкого перевооружения, на котором настаивают Великобритания и Италия.

Также «имеются влиятельные политические и торгово-промышленные круги, добивающиеся соглашения с Германией». Он добавил, что эта информация строго секретная, но если бы не сопротивление Поль-Бонкура, то «Даладье провел бы уже прямые переговоры с Германией». Поль-Бонкур снова поднял вопрос о вхождении СССР в Лигу Наций, что могло бы помочь найти выход из тупиковой ситуации, которая создалась из-за набирающей силу Германии. Франция не могла больше придерживаться исключительно отрицательной позиции. Если получится убедить общественность поддерживать «положительную политику путем создания прочного барьера против натиска гитлеровской Германии, то это (внесет успокоение в общественное мнение и) выбьет оружие из рук тех, кто настаивает на сговоре с Германией». Как видно из советских записей, Поль-Бонкур «мыслит себе барьер в виде договора о взаимопомощи»².

Итак, теперь все было сказано напрямую, и министр, что называется, взял быка за рога. Розенберг прекрасно понимал важность разговора Поль-Бонкура с Довгалеvским, так как он добавил приписку к своему изначальному отчету:

«Когда я вчера набросал это письмо, я еще не знал содержание бесед тов[арища] Довгалеvского с Бонкуром. Эти беседы являются несравненно более веским аргументом, чем все мои предположения. Они целиком подтверждают, что всякие промедления с нашей стороны обезоруживают сторонников сближения с нами. Я лично меньше

¹ М. И. Розенберг — Н. Н. Крестинскому. 25 ноября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 190—194.

² М. И. Розенберг — Н. Н. Крестинскому. 25 ноября 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 682—685.

всего являюсь сторонником того, чтобы вешаться на шею, но когда мы имеем дело с конкретными предложениями, нельзя их замораживать. Здесь происходит ожесточенная борьба различных тенденций и нам необходимо, когда это требуется, быстрее маневрировать»¹.

Крестинский быстро отреагировал на депеши Розенберга и написал, что они в Москве согласны с предложением Бонкура и готовы вступить в Лигу Наций. Что касается взаимопомощи, этот вопрос нужно обсудить. «Вопрос о взаимопомощи также считаем дискуссионным... Можете... начать беседу с Бонкуром. Результаты сообщите»².

Довгалеvский заболел, но тем не менее пригласил 1 декабря Поль-Бонкура в советское посольство. Теперь все торопились: и СССР, и Франция. Поль-Бонкур пообещал, что перейдет от общих вопросов к конкретике как по вопросу вступления в Лигу Наций, так и по поводу взаимопомощи. В основном он повторил то, что сказал Розенбергу в ноябре. Крестинский ответил, что Довгалеvскому нужно сказать следующее: советское правительство выступает против перевооружения Германии, потому что оно представляет угрозу «для всеобщего мира»³.

Политика СССР так резко изменилась в ноябре и начале декабря, когда Литвинов был за границей. На самом деле Политбюро уполномочило его вернуться из США на пакетботе и заехать в Рим, чтобы заручиться там поддержкой Муссолини в борьбе с Германией⁴. Крестинский дал подобные рекомендации Политбюро. Литвинов отметил, что, как ему кажется, ехать надо. Прошло три месяца после подписания советско-итальянского пакта о дружбе и ненападении. «Я лично думаю, — писал Крестинский, — что уклоняться от встречи мне не следует. Не надо задевать Муссолини. Италия будет играть теперь в международной жизни все более и более растущую роль. У меня крепнет убеждение, что с Германией отношения не

¹ М. И. Розенберг — Н. Н. Крестинскому. 25 ноября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 190—194.

² Н. Н. Крестинский — В. С. Довгалеvскому. 29 ноября 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 695.

³ В. С. Довгалеvский — Н. Н. Крестинскому. 1 декабря 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 696—697; Н. Н. Крестинский — В. С. Довгалеvскому. 2 декабря 1933 г. // Там же. С. 700.

⁴ Выдержка из протокола Политбюро № 149. 10 ноября 1933 г. // Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923—1939. М., 2001. С. 296.

налажаться. Тем более необходимо “дружить” с Италией»¹. 10 ноября Политбюро одобрило рекомендации Крестинского, а в это время переговоры в Вашингтоне подходили к концу.

Теперь все вставало на свои места и оправдывало отказ СССР от рапалльской политики. Переговоры в Вашингтоне продвигались хорошо. Рузвельт и Литвинов обсудили взаимопомощь в борьбе с двумя возможными общими врагами. Островский и Розенберг сообщали хорошие новости из Парижа. В конце октября Мендрас сообщил, что советское руководство боится, что нацисты объединятся с японцами и выступят против СССР².

Литвинов встретился с Муссолини 4 декабря. Он сказал итальянскому лидеру, что советское руководство хотело бы сохранить хорошие отношения с Германией — это была стандартная позиция СССР. Но нельзя не обращать внимание на различные проявления немецкой враждебности, например на «Майн кампф» Гитлера и рассуждения о «расширении на восток». Сближение с Францией было необходимо, чтобы предотвратить заключение франко-немецкого союза, который мог образоваться для борьбы с СССР³. «Наши отношения с Францией, — писал Крестинский Довгалеvскому, — начинают активизироваться по ряду направлений»⁴. Было 4 декабря. В тот же день Литвинов в Риме разговаривал с Муссолини. Тогда же Крестинский написал Довгалеvскому письмо. Он был прямолинеен без всякого давления со стороны своего начальника. Если ранее в том году можно было заметить нюансы в позициях Крестинского и Литвинова, то сейчас все изменилось. «Мы решительно против увеличения германских вооружений, так как при внешнеполитической установке нынешнего германского правительства эти дополнительные вооружения рано или поздно обратятся против нас»⁵. Итальянское, польское и британское правительства, возможно, не будут возражать против перевооружения Германии. Даже во Франции не было единой позиции.

¹ Н. Н. Крестинский — И. В. Сталину. 9 ноября 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 508. Л. 15, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <http://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

² Mendras, *compte-rendu mensuel*. No. 5. 25 Oct. 1933. SHAT 7N 3121.

³ М. М. Литвинов — в НКВД. 4 декабря 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 712–714.

⁴ Н. Н. Крестинский — В. С. Довгалеvскому. 4 декабря 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 64. Л. 39–40.

⁵ Н. Н. Крестинский — В. С. Довгалеvскому. 4 декабря 1933 г. // Там же. Л. 41–43.

«Нам важно поэтому поддержать тех членов нынешнего французского правительства и тех кандидатов в руководители французского правительства в ближайшее время, которые являются противниками как сепаратных переговоров с Германией, так и увеличения германской армии. Такими политиками являются Бонкур и Эррио. Наше принципиальное согласие говорить о вступлении в Лигу Наций и заключить соглашение о взаимопомощи дает Бонкуру возможность в спорах со своими противниками в кабинете противопоставить более тесное сближение с нами предложению частично уступить Германии в вопросе о довооружении. Вот почему мы решили ответить положительно на предложение Бонкура».

После выхода Японии (в марте 1933 года) и Германии из Лиги Наций Крестинский добавил: «Мы стали бы играть в Лиге одну из руководящих ролей и могли бы, в известной степени, использовать Лигу Наций в интересах своей безопасности». Следовательно, советское правительство должно предложить США вступить в Лигу в то же время. Это идея лично Крестинского. Не слишком привлекательное предложение для Вашингтона, но в целом хорошая идея. Тогда Крестинский сделал важное заявление: «Если же наше согласие вступить в Лигу Наций окажется недостаточным для противодействия росту направленных против нас германских вооружений, мы готовы сделать дальнейший шаг и пойти на непосредственное соглашение со всеми противниками германской экспансии». Крестинский предупредил, что в Москве не обсуждали подробно этот вопрос и что в его письме содержатся в основном его «личные комментарии» к директивам Политбюро, которые Довгалецкий получил в телеграмме¹.

В Москве полагали, что действовать надо незамедлительно, особенно с учетом того, что на этом настаивал Поль-Бонкур. Розенберг рассказал об ухудшении внутренней ситуации во Франции. Росли панические настроения, а также «тенденция к диктаторству». Из-за инфляции, дефицита бюджета и девальвации франка возникала правительственная нестабильность. Что касается внешней политики, то тут «тенденция Эррио» соперничала с «тенденцией Даладье». Розенберг уже говорил, что Даладье склоняется к тому, чтобы пойти на

¹ Н. Н. Крестинский — В. С. Довгалевскому. 4 декабря 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 64. Л. 41–43.

уступки нацистской Германии: «[Андре] Франсуа-Понсе [французский посол в Берлине. — М. К.] якобы уже месяца три тому назад выдвинул фантастически звучащее предложение о негласной встрече между Гитлером и Даладье на франко-германской границе, причем каждый из них должен вылететь на аэроплане к месту встречи».

Розенберг не сказал этого в открытую, но он имел в виду, что Даладье становится слугой Гитлера в Париже, и это произойдет, даже если встреча, предложенная Франсуа-Понсе, не состоится¹.

Решение о коллективной безопасности

Вот в такую московскую «атмосферу спешки» вернулся Литвинов. Теперь, когда он в США добился дипломатического признания СССР, его авторитет и престиж взлетели до небес. Нарком несся вперед на всех парусах. Вскоре после его возвращения в Москву он сказал Альфану, что «глубоко привержен» идее сближения с Францией². Литвинов хотел отдельно обсудить Лигу Наций, но Поль-Бонкур настаивал на объединении этого вопроса с взаимопомощью. Что касается последнего пункта, Поль-Бонкур предлагал ограничиться Бельгией, Францией, Чехословакией, Польшей, СССР, Прибалтикой и даже Финляндией. Или же как-то сочетать эти страны, но Франция и Польша должны участвовать обязательно³. Это было 15 декабря 1933 года. Через четыре дня Литвинов сделал официальное предложение Политбюро. Он написал Сталину и рассказал ему про недавние предложения Франции по пакту о взаимопомощи, направленному против Германии. Поль-Бонкур поднял этот вопрос в октябре. «Я обещал ему, конечно, подумать, поговорить об этом в Москве и сообщить ему наши соображения». Французы не дождались ответа Литвинова, и 26 ноября Поль-Бонкур снова поднял этот вопрос в разговоре с Довгалеvским. Он сказал, что Франция не может подписать договор о взаимопомощи, если СССР не вступит в Лигу Наций. Тогда Литвинов рекомендовал различные шаги Сталину. И он положительно отреагировал на инициативу Поль-Бонкура.

¹ М. И. Розенберг — Н. Н. Крестинскому. 10 декабря 1933 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 89. Л. 205–208.

² Alphand. Nos. 528–531. 11 Dec. 1933. МАЭ, URSS/1003, 23–26.

³ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 декабря 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 169–171.

19 декабря 1933 года Политбюро одобрило эти предложения в том виде, в каком они были представлены. На аналитической записке Литвинова стоит пометка Сталина «за» и одобрение всех остальных членов Политбюро, как будто таким образом подчеркивается изменение советской политики¹. Рапалло пришел конец.

Стимул для этого появился, пока Литвинова не было в Москве. Несомненно, благодаря его успехам в Вашингтоне советское правительство стало более уверено себя чувствовать и поняло, что можно рискнуть изменить политический курс. Также давил Альфан, хотя Поль-Бонкура не нужно было уговаривать. Он и сам хотел двигаться вперед. В Париже Довгалецкий и особенно Розенберг тоже настаивали на немедленных действиях. Все торопились: и СССР, и Франция. Коллективная безопасность не была проектом только Литвинова. Стимул для ее формирования появился как в Москве, так и в Париже.

На самом деле вначале Поль-Бонкур заговорил о взаимопомощи. Он написал Альфану, что он проявил инициативу и поговорил с советским послом в Париже «очень секретно» о формах франко-советской взаимопомощи, но никаких подробностей не рассказал. Более подробная информация о предложениях Поль-Бонкура встречается в переписке НКВД. Литвинов явно осторожничал, когда обсуждал с западными коллегами опасность нацистской Германии. На встречах с Рузвельтом и итальянским дуче Муссолини Литвинов, как он сказал Альфану, подчеркнул, что «двумя военными силами» были Германия и Япония². Конечно, Муссолини на тот момент еще не связал свою судьбу с Гитлером, и Литвинов надеялся, что Италия тоже присоединится к антинацистскому пакту о взаимопомощи. Но мы забегаем вперед.

Мендрас сообщил о разговоре на декабрьском обеде в посольстве Франции в СССР между временным поверенным Жаном Пайяром

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 19 декабря 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 191—195; Резолюция Политбюро № 151. 19 декабря 1933 г. // Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. С. 305—307. Сталинская копия документа Литвинова за номером 170/Л находится в РГАСПИ (Ф. 17. Оп. 166. Д. 510. Л. 26—30), опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1933 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

² Paul-Boncour to Alphand. Nos. 452—455, very confidential, reserve. 6 Dec. 1933. DDF, 1re, V, 173—174; Alphand. Nos. 528—531. 11 Dec. 1933. МАЭ, URSS/1003, 23—26.

и советским послом в Варшаве Антоновым-Овсеенко, который вернулся в Москву, чтобы получить инструкции. Советская политика «очень простая», объяснил посол: «Она продиктована следующим: мы против всего, что укрепляет Германию, и за все, что укрепляет Францию». Мендрас также рассказал про выступление Литвинова на заседании ЦК ВКП (б) 29 декабря, где он объявил о новой внешней политике. Он сказал: нас не интересуют «старые военные союзы», но мы готовы «сотрудничать по общему делу законной защиты всех тех, кто не заинтересован в нарушении мира. СССР со своей стороны готов к реализации этой идеи». Однако Литвинов также упомянул о том, что его постоянно беспокоит: о нестабильности капиталистических стран (конечно, в первую очередь Франции), где правительства постоянно меняются. Из-за этих обстоятельств к власти могут прийти группы людей, которыми руководит сильная классовая ненависть. Она «может их ослепить настолько, что они пожертвуют интересами своей собственной страны». Литвинов похвалил развитие франко-советских отношений. «Я бы хотел верить, — сказал он, — я убежден, что [“восходящее развитие” этих отношений. — М. К.] будет ускоряться по мере увеличения угроз миру»¹. Это был риск, но Политбюро только что решило на него пойти.

Большой риск

Это был большой риск. Быстро, слишком быстро появились тревожные признаки надвигающихся проблем. 28 декабря Довгалевский встретился с Поль-Бонкуром. В первую очередь они обсудили взаимопомощь. Поль-Бонкур одобрил список потенциальных участников, о котором говорили ранее, но уже начались сложности. Бельгия отказывалась присоединяться без Великобритании. Довгалевский настаивал на включении Румынии и Чехословакии. «Он [Поль-Бонкур. — М. К.] не возражал против моих доводов, — писал Довгалевский, — хотя он приветствовал мысль о включении Прибалтики, но добавил, что в конце концов самое существенное <...> — это СССР, Польша, Франция и Чехословакия». Кроме того «Пункт о помощи в случае других конфликтов ему [Поль-

¹ Mendras, compte-rendu mensuel. No. 7. 31 Dec. 1933. SHAT 7N 3121.

Бонкуру. — М. К.] не понравился». Он также возражал против «материальной помощи, аргументируя тем, что помощь военным материалом может создать презумпцию участия в конфликте». Затем зашел разговор о прессе, хотя, по словам Поль-Бонкура, ее влияние было лишь минимальным. Кого он обманывал? Парижские газеты были наемниками, готовыми служить тому, кто больше заплатит. Возникало ощущение, что начался откат назад. Что касается пакта о взаимопомощи, включать в него Великобританию и Бельгию было плохой идеей. Прибалтика была щекотливой темой, это уже становилось понятно, а Польша... Кто знает? Поль-Бонкур предложил Довгалеvскому продолжить обсуждение пакта с Леже¹.

Он хотел добить пакт? Ведь Леже никогда не проявлял энтузиазма в деле о взаимопомощи. Что случилось с Поль-Бонкуром? Наверно, Литвинов состроил гримасу, когда читал эту телеграмму. Это был тот самый ушат холодной воды Розенберга, только теперь его вылили на Литвинова. Однако Политбюро одобрило переговоры с Францией по вопросам коллективной безопасности. Было слишком поздно менять курс. И в любом случае взаимопомощь была единственным способом борьбы с нацистской Германией. Придется искать решения. В начале января Леже действительно пригласил Довгалеvского в МИД, чтобы продолжить разговор, начатый 28 декабря. В результате была выпущена нота, в которой обсуждалось вступление СССР в Лигу Наций и взаимопомощь. Когда читаешь этот документ, то создается ощущение, что инициатива исходила от советской стороны, а не от Поль-Бонкура. В конце в ней говорилось, что когда отдел достаточно исследует данные вопросы, он снова пригласит Довгалеvского². Таким образом, получается, что энтузиазм Поль-Бонкура наткнулся на аппарат МИД Франции.

Нужно было что-то делать с этой неудачей. Политбюро приняло официальное решение утвердить новую долгосрочную политику, ориентированную на Францию. Соответственно, в середине января 1934 года Литвинов предложил Сталину создать новую еженедельную газету на французском языке и заменить ею немецкую «Москауэр рундшау», которая недавно прекратила работу. Нарком искал

¹ В. С. Довгалеvский — в НКВД. 29 декабря 1933 г. // ДВП. Т. XVI. С. 772–774.

² Note du département. Conversations politiques franco-russes, confidential. 4 Jan. 1934. DDF, 1re, V, 402–405.

авторитетный способ рассказать о советской политике и донести советский взгляд на международные отношения до более широкой аудитории, но в особенности до «политических кругов существенных для нас стран». То есть Франции, Малой Антанты и Польши. Начать можно было с шести-восьми страниц и с тиража в 2—3 тысячи экземпляров. Газета не будет официальным рупором советского правительства, но ее будут редактировать и выпускать в НКВД. То есть это будет неофициальный рупор НКВД: «Кроме собственных руководящих внешнеполитических статей газета должна регулярно давать обзор советской печати, в особенности в области внешней политики, наряду с обработанной под углом зрения иностранной аудитории информацией по вопросам внутренней жизни и строительства СССР».

Литвинов попросил Политбюро дать ему разрешение на новое издание, и он его получил¹. Газету назовут «Журналь де Моску». Переход с немецкого на французский язык и выбор его в качестве канала коммуникации с внешним миром свидетельствует об изменении в советской внешней политике.

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 16 января 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 96. Д. 11. Л. 52—53.

ГЛАВА VI

У МОСКВЫ ПОЯВЛЯЮТСЯ СОМНЕНИЯ: УКРЕПЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. 1933–1934 ГОДЫ

Новый немецкий посол в Москве ощутил на себе изменения в советской политике. Речь идет о Рудольфе Надольном. Раньше он работал в немецком посольстве в Турции. Как и Дирксен, он выступал за сохранение Рапалло — «старой», или «предыдущей», политики и надеялся, что получится все вернуть на свои места. Надольный прибыл в Москву 16 ноября 1933 года. В это время советская политика склонялась в сторону коллективной безопасности. Литвинов был в США, и нового посла встретил Крестинский. Последовал обычный обмен вежливыми репликами, как положено в данном случае. Крестинский полагал, что Надольному придется труднее, чем его предшественнику. Посол ответил, что надеется восстановить хорошие советско-немецкие отношения. Различия в политических системах привели к «недопониманиям», но их следует преодолеть. По словам Крестинского, так полагают многие немецкие политики и дипломаты, но не нынешнее руководство Германии, которое уже давно высказывается против Рапалло. Поэтому, скорее всего, Надольный столкнется со сложностями в Москве, подчеркнул замнаркома, «при этом не с нашей стороны». Посол ответил, что политики обычно критикуют своих предшественников, пока сами не придут к власти. А потом им приходится придерживаться той же самой политики, что и их политическим соперникам. Крестинский отметил, что СССР никогда не стремился к изменениям предыдущих отношений, и если Надольный вернет все, как было, то он может рассчитывать на положительную реакцию советской

стороны¹. Надольный снова встретился с Крестинским через неделю. На этот раз разговор продлился дольше, и он был в духе предыдущего посла. Не изменился и стандартный ответ замнаркома: действия германского правительства противоречат словам его представителя. Надольный попросил назначить встречу с Молотовым. Ему ответили, что он слишком занят. Если говорить про личное общение, то к послу относились со всем уважением. Однако на обед в его честь пришли только сотрудники посольства и их коллеги из НКВД².

«Майн кампф»

В следующий раз Надольный приехал в НКВД на встречу с Литвиновым после его возвращения из США и Италии. В отличие от Крестинского нарком не стал любезничать с послом. Во всяком случае такой вывод можно сделать из его записи разговора. Литвинов только вышел на работу, и у него было назначено много встреч с послами, поэтому у него оставалось мало времени на Надольного. Разговор шел все в том же ключе, который можно охарактеризовать поговоркой «чья бы корова мычала». Литвинов озвучил послу перечень жалоб. Надольный ответил, что советское правительство само виновато в том, что отношения с Германией испортились еще до того, как Гитлер пришел к власти. Переговоры продолжились через два дня — 13 декабря. В это время Литвинов готовил политические документы для Сталина и Политбюро, посвященные сближению с Францией. На второй встрече Литвинов предоставил впечатляющий отчет о немецкой политике, начиная с того момента, как министром иностранных дел был назначен Густав Штресеман. Все это время Германия скрытно действовала против СССР. Но нарком отмахнулся от этих событий. Настоящие проблемы начались, когда к власти пришел Франц Папен, а затем Гитлер. Было понятно, что Литвинов потерял терпение, потому что он упомянул «Майн кампф».

¹ Встреча с германским послом Р. Надольным. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 17 ноября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 16. П. 71. Д. 1. Л. 356–354.

² Встреча с германским послом Р. Надольным. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 25 ноября 1933 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 16. П. 71. Д. 1. Л. 373–365; Н. Н. Крестинский — С. А. Бессонову. 4 декабря 1933 г. // Там же. Л. 378–377.

Дирксена не подвергали такому допросу. «Что вы можете сказать по поводу литературных трудов Гитлера?» — резко спросил Литвинов. Но это было только началом многочисленных обвинений в адрес Германии из-за ее антисоветской деятельности. «Я не могу допустить, — писал Литвинов в дневнике, — чтобы Надольный мог серьезно говорить о нашей вине в ухудшении отношений с Германией, если он это говорит серьезно, то боюсь, что нам с ним объясняться будет нелегко».

«Надольный прибег к обычным оправданиям», — отметил Литвинов. Что касается «Майн кампф», или «книги Гитлера», посол сказал, что она «относится к прошлому». Литвинов, конечно, ему не поверил. Что касается всего остального, то на страницы дневника наркома была вытряхнута целая корзина грязного белья, начиная от попыток Папена вовлечь Эррио в антисоветскую коалицию и заканчивая болтовней нацистского идеолога Альфреда Розенберга о захвате Украины и дополнительными колкостями на тему «Майн кампф». Посол был подавлен. «Надольный развел руками и заявил, что мои слова приводят его в совершенное уныние, ибо, если он передаст в Берлин сказанное мною, там создастся впечатление совершенной безнадежности отношений». Надольный предложил некоторые общие принципы для восстановления отношений, чтобы главным образом успокоить разбушевавшуюся прессу и уменьшить взаимные упреки и недоверие. «Против этих принципов не возражаю», — ответил Литвинов, хотя он сомневался, что существует взаимное доверие ко всему, что предложил посол¹. Нарком не сделал копию своего отчета Сталину и Политбюро, что свидетельствовало о том, что Надольный вмешался слишком слабо и слишком поздно и не мог остановить изменение советского политического курса. Из записей посла мы узнаем, что встреча продлилась два с половиной часа и привела к «острой дискуссии, но наконец закончилась на дружеской ноте». Произошел обмен обычными обвинениями. Литвинов в своем отчете больше внимания уделил «Майн кампф», чем Надольный, который едва упомянул о книге². В конце декабря 1933 года Хинчук, советский полпред в Берлине, отправил Литви-

¹ Встречи с германским послом Р. Надольным. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 13 декабря 1933 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 6—2.

² Nadolny. No. 281. 13 Dec. 1933. DGFP, C, II, 226—228.

нову подробное описание нового издания книги. Там в том числе упоминались взгляды Гитлера на евреев и Австрию. Внимание Хинчука также привлекла «восточная политика гитлеровской Германии». Он был сильно озабочен «так называемой, “восточной политикой”, то есть политикой расширения германских границ на Востоке, путем войны, за счет лимитрофов и Советского Союза»¹. Получив депешу Хинчука, Литвинов поднял эту тему в разговоре с французским послом Альфаном в начале января 1934 года. «Обращало ли французское правительство внимание Берлина, — весело спросил он, — на распространение книги “Майн кампф”, в которой Гитлер призывает взять реванш над Францией — “старым врагом” Германии»? Альфан также составил отчет об этой встрече, но не упомянул сарказм наркома. Германии, сказал Литвинов, «нужно два-три года, чтобы подготовиться к нападению на нас. Чтобы получить эту отсрочку, она подпишет любые договора и пакты, какие захотите, придавая им не больше значения, чем [Теобальд фон] Бетман-Гольвег [немецкий канцлер в 1914 году. — М. К.] ранее»². Хинчук, очевидно, привлек внимание наркома.

Мендрас также обратил на это внимание. Он сообщил о том же разговоре в Париж, и еще он заметил пророческую статью Радека, которая вышла к Новому году. «Где бы она ни началась, это будет мировая война, которая закрутит в своем вихре все державы. Сегодня не остается ничего другого, кроме как объединить усилия в борьбе с ней, или начнется буря, которую никто не сможет остановить». Предсказания Мендраса тоже были пророческие: «СССР прекрасно понимает, что есть всего один барьер, которые сдерживает наступление Германии на нас. Все иностранные дипломаты четко понимают, что происходит, а наши враги, прошлые и будущие, тревожно отслеживают малейшие признаки сотрудничества Франции и СССР... Можно поддаться соблазну и увидеть в этом еще одну причину для упорного движения [к этой цели. — М. К.]»³. Да, это был реалистичный аргумент. Враг моего врага — мой друг.

¹ Л. М. Хинчук — М. М. Литвинову. 30 декабря 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 29. Л. 1—3.

² Встреча с французским послом Ш. Альфаном. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 4 января 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 10; Alphand to Paul-Boncour. Nos. 8—10, reserve. 4 Jan. 1934. DDF, 1re, V, 400—401.

³ Mendras, *comptendu mensuel*. No. 8. 30 Jan 1934. SHAT 7N 3121.

Немецкие уши в Москве

Интересно, что немецкое посольство в Москве узнало про предложение Франции заключить «региональный пакт». «Вечером 21 декабря американский журналист, расположенный к Германии, — писал Твардовски, — сообщил мне, что в последние несколько дней Франция предложила СССР заключить пакт о взаимопомощи на случай, если на европейскую территорию одной из сторон нападет третья сторона». Советское правительство теперь сильнее, чем раньше, склонялось к тому, чтобы «согласиться с предложением Франции», особенно из-за ситуации на Дальнем Востоке. Один журналист сделал материал об этом. Он посчитал, что такая новость — это «первостепенная политическая сенсация». Твардовски написал, что депешу заблокировала советская цензура, заявив, что этот отчет «преждевременный» и так далее. Интересно было понять, что это за источник информации: возможно, это был Уильям Буллит — новый посол США в Москве. На депеше Твардовски стоит дата — 26 декабря 1933 года. Поль-Бонкур повторил свое предложение Довгалеvскому 26 ноября — то же, что он сделал Литвинову в конце октября по дороге в Вашингтон. Американский журналист не совсем верно понял, что происходит, однако он был достаточно близок к истине, и за это на его материал наложилa вето советская цензура.

Твардовски обсудил эту тему с «местным дипломатом, нашим близким другом». Тот был «крайне удивлен», но полагал, что такое вполне возможно. Он говорил с Литвиновым перед Рождеством, и нарком был «нервным» и не слишком общительным. Выслушав общие фразы, дипломат пытался надавить на него, но Литвинов «только пожал плечами» и ничего не сказал. Твардовски решил, что история похожа на правду и что, благодаря французскому предложению, может сформироваться «оборонный союз»¹. Именно это и планировал Поль-Бонкур, если бы ему дали возможность осуществить его намерения. Чиновники французского МИД, как увидит читатель, уже пытались саботировать план министра. На следующий день Твардовски отправил еще одну телеграмму, в которой говорилось, «что не стоит больше сомневаться в том, что Франция сделала

¹ Twardowski's memorandum. No. A. 2848, secret. 26 Dec. 1933. DGFP, C, II, 274–276.

предложение СССР»¹. Кто допустил утечку информации? Поднимет ли Надольный этот вопрос в разговоре с Литвиновым?

Итальянский посол организовал прием в честь Нового года, и на нем присутствовали почти все, кто имел какой-то вес в дипломатических кругах. Твардовски вызвал Литвинова на разговор. Вначале он поинтересовался речью наркома от 29 декабря, о которой сообщил Мендрас. Литвинов ответил, что надеялся на то, что его слова привлекут внимание в Берлине. Твардовски ответил, что обвинения в адрес Германии были смехотворными. Дальше все продолжалось в том же духе. «Разговор прервал французский посол, который пожал Литвинову обе руки и принялся хвалить его речь»². Это нужно было напомнить Твардовски.

Надольный против Литвинова

После Нового года НКВД приходилось работать без устали. Надольный попросил Литвинова о встрече. Скончался старый большевик и бывший нарком Анатолий Васильевич Луначарский, и посол выразил сожаление, а «затем сразу перешел к политическим вопросам». Посла огорчила последняя речь Литвинова в конце декабря в ЦК. Почему надо было обязательно выступать публично, пытался понять Надольный. Ведь они договорились, а теперь он выглядел в Берлине дураком, успокаивающим общественность. Литвинов как будто от него отрекся. Нарком ответил, что ему необходимо было проинформировать советских граждан о состоянии отношений с Германией. На самом деле он просто хотел быть вежливым. Литвинов открыто заявил об изменении политического курса. Рапалло больше не существовало. Надольный был не глуп, он это чувствовал. По записям Литвинова видно, что разговор продлился какое-то время. Нарком острил и отпускал саркастические замечания. Он сказал, что комментирует советско-немецкие отношения не так жестко, как Гитлер и другие нацистские лидеры. «Нельзя ли как-нибудь исправить эффект [вашей] речи? — спросил Надольный. — Я отнюдь не считаю ее ошибкой, которую надо исправлять», — ответил Литвинов. В конце разговора посол хотел обсудить советские отношения

¹ Twardowski. No. 291, urgent, secret. 27 Dec. 1933. DGFP, C, II, 278–280.

² Unsigned note, presumably by Twardowski. 1 Jan. 1934. DGFP, C, II, 296–298.

с Францией. В прессе появились сообщения о предложении французов организовать оборонительный союз — именно об этом Твардовски ранее сообщил в Берлин. Когда Литвинов ответил отказом, Надольный утратил терпение и воскликнул, что Москва ведет «бесчестную политику». «Я сказал Надольному, чтобы он не забывался, что я не позволю ему говорить со мной в таком тоне и что, если он немедленно не возьмет своих слов обратно и не извинится, я разговор прекращаю. Я закрыл свою записную книжку и встал. Надольный стал умолять меня не прекращать на этом разговора, но я строго настаивал на том, чтобы он немедленно извинился. Надольный, извиняясь, протянул мне руку и стал объяснять свою выходку “патриотическим” волнением». Литвинов снова сел, и вскоре разговор закончился¹. На следующий день о встрече узнал Альфан. По словам Литвинова, «Надольный был очень расстроен, однако новости о франко-российском союзе просочились в прессу»². С немцами решили больше не церемониться. Надольный сообщил, что они с Литвиновым разговаривали два часа. Видимо, это было для него крайне непросто. Результаты посла не удовлетворили. Литвинов был «излишне сдержан, а порой недружелюбен». Немецкие дипломаты уже не первый раз жаловались на холодный прием у наркома. Что интересно, Надольный активно возражал против речи Литвинова и его характеристики Германии как «нарушителя мира». Он сказал, что это провокация. Надольный также умолчал об эпизоде, когда Литвинов встал и указал ему на дверь, а затем пришлось извиняться. Затем, по словам посла, он сказал, что у советской враждебности будут «последствия», но нарком только безразлично пожал плечами³. Это был его привычный жест. Надольный вернулся в НКВД через два дня и встретился там с Крестинским и Караханом, который все еще был замнаркома. Он хотел наладить контакт после отпуска, проведенного в Берлине. По крайней мере он так сказал. Однако на самом деле Надольный пытался понять, два дня назад на той неудачной встрече Литвинов просто выразил свое личное мнение или же

¹ Встреча с германским послом Р. Надольным. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 3 января 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 1–7, опубл.: ДВП. Т. XVII. С. 17–22.

² Alphand. Nos. 11–13. 4 Jan. 1934. MAÉ, Bureau du chiffre, télégrammes à l'arrivée de Moscou, 1933–1934.

³ Nadolny. No. 3, top secret. 4 Jan. 1934. DGFP, C, 2, 301–304.

это была официальная советская позиция? Посол придерживался той же линии и говорил, что немецкое руководство хотело наладить отношения с Москвой, но речь Литвинова в ЦК стала «тяжелым ударом», разбившим все надежды. «Он [Надольный] сообщил мне, что он был у т[оварища] Литвинова, с которым у него был очень тяжелый разговор». Карахан притворился, что ничего не знает про разговор, хотя он читал отчет Литвинова.

Надольный начал рассказывать про встречу. Он заявил, что с точки зрения Германии «мы-де придаем большое значение книгам, которые написаны 10 лет тому назад». Посол, конечно, имел в виду «Майн кампф». Он как будто пытался добиться перелома в позиции НКВД. Но Карахан был слишком умен, чтобы купиться на эту уловку. «Речь т[оварища] Литвинова, по его [Надольного] мнению, вновь обостряет положение». Карахан внимательно его выслушал и ответил так же, как и Литвинов. Надольный «пытался поймать меня, — писал Карахан, — на том, что Литвинов, якобы, сообщил ему об идущих переговорах с французами, о намечающихся соглашениях о взаимной помощи т. д. и т. п.». Карахан отметил, что посол сменил тему, когда понял, что его хитрость не сработала, и снова начал жаловаться на разговор с Литвиновым, из которого следует, что СССР становится на сторону врагов Германии, в частности Франции.

Карахан наконец его перебил: «Я ему объяснил, что он просто не понимает нашей политики. В настоящей международной ситуации основной вопрос — вопрос о войне». Посол не мог отрицать эту «основную опасность» и даже не пытался это сделать. По словам Карахана, это нормально, что СССР готов сотрудничать с любой державой, которая выступает против войны, например, с Францией. Надольный стал «жарко настаивать», что Германия тоже не хочет войны, и снова принялся жаловаться на советские отношения с Францией, из-за чего было слишком поздно пытаться улучшить советско-германские отношения. «Никогда не поздно изменить нынешнюю линию германского правительства», — ответил Карахан. Надольный заметил, что он, как посол, хочет улучшить отношения. Замнарком сказал, что проблему можно решить, если прекратить отрицать текущую немецкую политику и начать работать над ее изменением с тем, чтобы прийти «к возврату к старой позиции германского правительства». Карахан попросил Надольного в будущем встречаться с Литвиновым и Крестинским, поскольку именно они

отвечали за отношения с Германией. Он также отправил Сталину, Молотову и остальным членам Политбюро запись разговора¹.

Это интересный момент, потому что Литвинов не отправлял Политбюро копию своего разговора от 3 января. Это случайность или Карахан хотел подстраховаться из-за того, что встречался с Надольным? Или в последний раз закипело старое соперничество и замнаркома хотел привлечь внимание Сталина к грубому поведению Литвинова с немецким послом? Мы не можем знать наверняка. Однако интересно то, что руководство НКВД, Литвинов, Крестинский и Карахан дали одно и то же объяснение. После встреч Надольный составил длинный меморандум. В нем он перечислил возможные меры, которые помогут «выбить Литвинову почву из-под ног». Они включали в себя контроль немецкой прессы и Альфреда Розенберга, а также необходимость спрятать подальше «Майн кампф». Посол узнал из каких-то советских источников, что Литвинов зашел «слишком далеко» в своих высказываниях о намерениях Германии. Немецким властям следует проявлять к наркому больше уважения, рекомендовал Надольный, так как это может дать хороший результат².

Посол продолжал встречаться в Москве с различными высокопоставленными лицами. 11 января он встретился с одним из главных сторонников Сталина, наркомом обороны Ворошиловым. Разговор продлился один час. Ворошилов упомянул те же проблемы, что и Литвинов. Снова главной темой стала книга «Майн кампф». По словам посла, аргументы Литвинова произвели большое впечатление на Ворошилова, но он хотя бы был открыт к улучшению германо-советских отношений³. На следующий день Твардовски долго беседовал с начальником штаба Александром Ильичом Егоровым, который придерживался взглядов Литвинова и отмечал, что охлаждение естественно повлияло на отношения между армиями. Егоров подчеркнул, что мы не хотим отправлять наших офицеров в Германию, сказал Егоров. Их там могут избить или начать задиравать нацистские штурмовики. «Измените вашу политику, — сказал он, — и все снова будет хорошо»⁴.

¹ Беседа с германским послом Р. Надольным. Выдержка из дневника Л. М. Карахана. 5 января 1934 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 22–19.

² Nadolny. No. A. 90, secret. 9 Jan. 1934. and enclosure, DGFP, C, II, 318–332.

³ Nadolny. No. 5. 11 Jan. 1934. DGFP, C, II, 338–339.

⁴ Nadolny. No. 7, secret. 13 Jan. 1934. DGFP, C, II, 352–353.

Советско-французские торговые переговоры

НКВД не совсем зрело оценивал международную ситуацию, по сравнению со многими советскими западными коллегами. Лучшим официальным представителем был Литвинов, но он был не единственным сторонником политики, которая выкристаллизовалась после его отъезда в Вашингтон, пока отдел возглавлял Крестинский.

Судя по переписке Крестинского, изменения политического курса начались под влиянием Политбюро после указаний Сталина. Еще из советских бумаг становится понятно, что Поль-Бонкур, заручившись поддержкой Эррио за пределами правительства и Кота в правительстве, всячески продвигал идею взаимопомощи с СССР. Хотя это не так заметно по французским документам. Наконец в результате его усилий 11 января 1934 года было подписано торговое соглашение¹. Забавно, что тут французское правительство работало себе в ущерб, потому что Министерство финансов и Банк Франции выступали против переговоров и отказывались одобрить конкурентоспособные кредитные условия, чтобы финансировать франко-советскую торговлю. Предварительное соглашение было скромным и гарантировало, помимо всего прочего, 250 млн франков в год на советские заказы. Переговоры были жаркие, стороны торговались, как два купца на базаре, и продолжалось это до последнего момента. Советская сторона хотела снизить стоимость советских заказов во Францию с 250 до 200 млн франков, но Франция стояла на 250 млн².

Учитывая жесткость переговоров, можно подумать, что соглашение было важнее с политической, а не с экономической точки зрения. Поль-Бонкур и Литвинов, оба подчеркивали политическое значение этих договоренностей³. «Известия» и «Правда» положительно отзывались о соглашении, подчеркнув, что оно хорошо вписывается в более широкий контекст улучшающихся франко-советских

¹ Carley M. J. Five Kopecks for Five Kopecks. P. 39–42.

² Alphand. No. 551. 20 Dec. 1933. МАЁ, RC, Russie, carton 2053, dossier 3. Данные соответствуют оригинальной классификации, которая претерпела изменения с момента моего обращения к этим документам в начале 1990-х гг.

³ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 декабря 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 166–168; Note pour Monsieur le président du Conseil, not signed. 17 Jan. 1934. МАЁ, RC, Russie, carton 2054, dossier 1.

отношений. «Это звено в цепочке укрепления отношений между двумя странами», — сказал Литвинов Альфану¹. Банкиры в Париже были недовольны, но им не следовало винить Москву за то, что она не хочет платить царские долги. Ответственность лежала исключительно на правительстве Пуанкаре².

Снова Надольный и Литвинов

Надольный, конечно, прочитал про торговое соглашение и 15 января снова приехал на встречу с Литвиновым. Он придерживался своих рекомендаций, изложенных в меморандуме, и старался вести себя мягче, чем в предыдущий раз. Вначале он затронул менее щекотливые темы, а затем перешел к переговорам с Францией о пакте о взаимопомощи. «Наши сношения с Францией, — ответил Литвинов, — за последнее время ограничивались переговорами о торговом соглашении». Так оно и было, но только если забыть про переговоры Довгалева с Поль-Бонкуром и Леже, а кроме того, нарком не упомянул о том, что считает торговое соглашение ключом к общему улучшению франко-советских отношений. В результате речь зашла о Прибалтике. Надольный предложил обсудить подозрения Литвинова относительно намерений Германии, если таковые имелись. Подобная выходка разозлила наркома. Если у советского правительства есть какие-то подозрения, ответил он, то «они вызваны разглашениями немецких политиков и журналистов на тему об экспансии на Восток». Так он снова косвенно сослался на «Майн кампф» и Альфреда Розенберга, хотя и не упомянул ни книгу, ни человека. Литвинов все же пытался вести себя вежливо и в конце разговора даже высказывался вполне мирно, хоть и с легким сарказмом³.

Политические рекомендации Надольного потерпели фиаско. Министр иностранных дел Нейрат написал послу, что ему не следует гоняться за Литвиновым и вообще проявлять инициативу и встречаться с «важными людьми» в Москве. «Нет никакого смысла пытаться предпринимать безнадежные попытки изменить отношение

¹ Alphan. Nos. 21–23. 12 Jan. 1934. МАЕ, RC, Russie, carton 2054, dossier 1; Alphan. No. 27. 14 Jan. 1934, *ibid*.

² Carley M. J. *Silent Conflict* (chap. 10).

³ Встреча с германским послом Р. Надольным. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 15 января 1934 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 26–23.

главных государственных деятелей СССР»¹. Надольный вначале возражал, а потом смирился с данными ему инструкциями. Судя по записям Литвинова, он держался уверенно и не обращал внимания на вымышленные жалобы посла на неверное понимание СССР немецкой политики. Еще месяца не прошло, как Политбюро отказалось от Рапалло и приняло решение сблизиться с Францией и договориться о взаимопомощи с теми странами, которые тоже были встревожены из-за нацистской Германии. Конечно, в прессе очень много говорилось о подписании временного торгового соглашения, и поэтому, возможно, Литвинов уделял недостаточно внимания внутренней политике Франции. А ведь от этого зависела стабильность ее внешней политики. В 1933 году было четыре кабинета. Дольше всех просуществовал кабинет Даладье — немного меньше, чем девять месяцев, что было неплохо по французским стандартам. Обычно из-за смены правительства дела в Москве вставали на паузу, за исключением того года, когда министром иностранных дел оставался Поль-Бонкур, активно выступавший в поддержку сближения с СССР. Он даже зашел так далеко, что предлагал в октябре подписать пакт о взаимопомощи. Наверно, благодаря Поль-Бонкуру Литвинов и его коллеги чувствовали себя несколько увереннее, чем должны были, а кроме того, после успеха в Вашингтоне у СССР явно прибавилось апломба.

Небольшой скандал в маленьком французском городке

24 декабря 1933 года, через пять дней после того, как Политбюро одобрило переход к политике коллективной безопасности, полиция Байонны — небольшого городка на юго-западе Франции, расположенного недалеко от Биаррица, — арестовала директора местного отделения банка «Муниципальный кредит» Гюстава Тиссье и обвинила его в мошенничестве на сумму в 200 млн франков. Не стоит винить Литвинова в том, что он ничего не слышал об этом событии. Байонна располагалась далеко от Парижа, и кто вообще когда-нибудь слышал о Гюставе Тиссье за пределами этого городка? Более того, в межвоенные годы скандалов во Франции было как грибов после дождя, поэтому просто не стоило обращать внимание на оче-

¹ Neurath to Nadolny, urgent. 17 Jan. 1934. DGFP, C, II, 373–375.

редную новость в канун Рождества. Во время допроса Тиссье стал «сливать» информацию и обвинил во всем мэра Жозефа Гара, которого арестовали 7 января за такие преступления, как растрата и мошенничество. Это произошло за четыре дня до подписания торгового соглашения в Париже. И снова кто может обвинить Литвинова или советское посольство в том, что они не обратили внимания на то, что происходит в далекой Байонне?

На следующий день, 8 января французская пресса сообщила сенсационную новость: Александр Ставиский, известный мошенник, несходивший со страниц желтых изданий, погиб в Шамони, горном курорте на границе с Италией и Швейцарией. По словам полиции, это был суицид. Однако многие граждане и обозреватели подозревали, что Ставиского убили французские полицейские, чтобы он не начал давать показания. Александр дружил с Гара, а также активно участвовал в делах Радикальной партии Эррио и Даладье. Наверно, ему было что сказать. Более того, его адвокатом был брат Камиля Шотана, тогдашнего председателя Совета министров. А зять Шотана — Жорж Прессар — был главным обвинителем, который 19 раз откладывал рассмотрение дела о мошенничестве, возбужденного против Ставиского в 1928 году. В общем, вы поняли, в чем была проблема.

С каждым днем история становилась все фантасмагоричнее. В какой-то момент советское посольство в Париже сообщило о происходящем НКВД, но там все были слишком заняты, учитывая шумиху из-за торгового соглашения, и не обратили на это никакого внимания. 9 января, за два дня до подписания соглашения, ушел в отставку радикал-социалист и министр по делам колоний Альбер Далимье. Были арестованы и другие высокопоставленные лица. В течение пары недель скандал переместился из маленькой Байонны в Совет министров в Париже. 12 января он докатился до Палаты депутатов. После дебатов правительство получило вотум доверия, прошло несколько дней, однако скандал не утихал. В конце месяца, 26 января, после того, как в прессе появились сообщения о том, как полиция предлагала защиту Ставискому, известному как «монсеньор Александр», в отставку ушел министр юстиции.

Это стало последней каплей. На следующий день в отставку вышел весь кабинет Шотана.

Это настоящий кошмар?

Сбылся худший кошмар Литвинова. Даладье сформировал новое правительство и захватил МИД. Поль-Бонкура уволили. Даладье наконец смог от него избавиться. Так во всяком случае казалось. 28 января, за два дня до увольнения, Поль-Бонкур позвонил Довгалеvскому и заверил его, что суть французской политики останется неизменной, возможно, поменяется только стиль¹. Несмотря на утверждения Поль-Бонкура, означала ли смена правительства, что позиция Даладье будет теперь иметь приоритет над позицией Эррио? Вероятно, у Литвинова закрадывались сомнения. Скорее всего, они были и у Сталина, хотя Политбюро одобрило новую политику всего лишь месяц назад. В своей речи 26 января на XVII съезде ВКП (б) Сталин предупредил Запад, что не надо принимать по факту СССР как должное:

«Некоторые германские политики говорят по этому поводу, что СССР ориентируется теперь на Францию и Польшу, что из противника Версальского договора он стал его сторонником, что эта перемена объясняется установлением фашистского режима в Германии. Это не верно. Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору. Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое надо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. (Бурные аплодисменты.) И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний.

Нет, не в этом дело. Дело в изменении политики Германии»².

¹ В. С. Довгалеvский — в НКВД. 29 января 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 101–103.

² Roberts G. The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1933–1941. London: Macmillan, 1995. P. 15–16 (цит. по: Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. М., 1953–1954. Т. XIII. С. 308–309).

Да, конечно, Сталин был прав: СССР отстаивал свои интересы, как и любое независимое государство, однако Политбюро на самом деле сменило политический курс, ориентируясь на Францию и США. Польша была под вопросом. Надольного вдохновили слова Сталина, в отличие от того, что сказал Литвинов, и он представил их Берлину в выгодном свете, сказав, что для Германии открыта дверь и можно сделать заявление «с уважением к страхам России». В советских газетах об этом не писали. Интересно, что Надольный считал Литвинова одним из «четырех самых важных людей в СССР», наряду со Сталиным, Молотовым и Кагановичем. Берлин никак не ответил на слова Сталина, что только подтвердило советские опасения относительно политики Германии¹.

А что же Польша?

Что же тогда насчет Польши? Признаки были неутешительными. Полпред Антонов-Овсеенко попытался вытащить министра иностранных дел на встречу 5 января. Начался новый год, и это был хороший период для изменения международной ситуации. Полпред завел разговор о Германии. Советские отношения с Германией были «четко определены», сказал Антонов-Овсеенко, но польские не до конца. Так, например, непонятна позиция Польши по перевооружению. Бек ответил, что правительство проинформировало Париж о том, что Варшава выступает против и готова поддержать Францию в данном вопросе, а также противодействовать ослаблению Франции. Польское правительство начало переговоры с Германией, направленные на «выравнивание с ней отношений, потому что не хотело повторения Локарно [когда интересам Польши не было уделено должное внимание, и их не защищали. — М. К.]». Удалось добиться небольшого успеха, продолжил Бек. «Мы не собирались и не собираемся рвать с Францией, но она должна должным образом оценивать нас». Затем Бек быстро добавил, что он одобряет позицию Франции, выступавшей против отдельных переговоров с Германией. «Что насчет нас? — поинтересовался Антонов-Овсеенко. — А мы не будем вновь поставлены перед какой-либо неожиданностью в политической области?» Бек повторил, что Польша

¹ Nadolny. No. 21. 28 Jan. 1934. DGFP, C, II, 435–436.

хочет «ныне придерживаться сотрудничества» с СССР в вопросах перевооружения¹.

Через неделю, 11 января, Литвинов встретился с польским послом Лукасевичем, так как хотел еще раз прощупать Польшу на предмет ее намерений. Разговор зашел о переговорах с Германией и о слухах о пакте о ненападении. «Лукасевич конфиденциально сообщил мне, что Польша получила от Германии формальное предложение о заключении такого пакта». В Варшаве подробно его обсудили и дали указания Юзефу Липскому, польскому послу в Берлине, начать переговоры с немецким правительством. Лукасевич не знал, сколько ему понадобится времени, чтобы заключить соглашение: может, один день, а возможно, переговоры затянутся. Литвинов попросил посла поблагодарить Бека за эту информацию, а затем вежливо сменил тему².

Пакт о ненападении между нацистами и Польшей был подписан 26 января 1934 года. В тот же самый день, когда Сталин выступил с речью на съезде партии. Он явно не знал про то, что пакт уже подписан, и сказал следующее:

«Неожиданности и зигзаги политики, например, в Польше, где антисоветские настроения еще сильны, далеко еще нельзя считать исключенными. А перелом к лучшему в наших отношениях, независимо от его результатов в будущем, — есть факт, заслуживающий того, чтобы отметить и выдвинуть его вперед, как фактор улучшения дела мира».

Как бы скептически ни относились в Москве к намерениям Польши, СССР все еще был нацелен на сближение с ней. Теперь удалось эти намерения проверить.

26 января польский министр иностранных дел вызвал Антонова-Овсеенко и проинформировал его о заключении соглашения. А через три дня Бек снова пригласил его на встречу, чтобы пожаловаться на речь Сталина. «Бек отметил, что удалось добиться должного понимания и добавил: «Меня удивило то выражение недоверия в стабильности нашей политики по отношению к вам, которое звучит в одном месте речи г[осподина] Сталина. На чем это основано?»

¹ Беседа В. А. Антонова-Овсеенко с министром иностранных дел Польши Ю. Бек. 5 января 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 99. Д. 62. Л. 41–42.

² Запись беседы М. М. Литвинова с польским посланником Ю. Лукасевичем. 11 января 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 37–41.

Антонова-Овсеенко застали врасплох. «Я ответил, — писал он, — что полного текста речи еще не имею; лично полагаю, что данная тактика Польши в отношении Германии не может не внушать некоторых сомнений. Всякое усиление Германии вредно для дела мира, данный договор несомненно укрепляет режим Гитлера, увеличивает кредитоспособность за границей». Антонов-Овсеенко перечислил довольно длинный список негативных последствий. Наверно, полпред был расстроен, учитывая, сколько он работал над улучшением советско-польских отношений. Как он писал, Бек говорил убедительно и дал отпор по многим пунктам¹. Справедливо было предположить, что Москва будет не слишком довольна польской «сделкой с дьяволом». Антонов-Овсеенко предупредил, что немцы надеются, что пакт о ненападении ухудшит польские отношения с Францией и СССР². Таким образом, Германия поставила ловушку: если у Польши ухудшатся отношения с этими двумя странами, то она станет еще более зависимой от Германии.

28 января Литвинов попросил Сталина разрешить ему опубликовать комментарий в советской прессе на тему пакта между Польшей и Германией. «Мы не можем не приветствовать заключение польско-германского соглашения о ненападении, поскольку оно будет служить укреплению мира вообще и на востоке Европы в частности. Мы не заинтересованы в сохранении напряженности отношений между нашими соседями и Германией или другими странами». В некоторых газетах написали, что это соглашение было «как нечто вроде Восточного Локарно». Когда министром иностранных дел был Штресеман, немецкое правительство выступало против подобных договоров. И меньше всего можно было такое ожидать от Гитлера, который обвинял Веймарское правительство в излишней уступчивости и призывал к политике реваншизма и насильственному восстановлению довоенных немецких границ. Так почему же он согласился на пакт с Польшей? Это был маневр (и при этом успешный), который помог бы избежать дипломатической изоляции. Получается, Гитлер «капитулировал», то есть пошел на огромную уступку, ничего

¹ Выдержка из дневника В. А. Антонова-Овсеенко. 30 января 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 99. Д. 62. Л. 75–81.

² В. С. Антонов-Овсеенко — в НКВД. 27 января 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 165. Д. 1259. Л. 10, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

не получив в ответ, и изменил свою политику? Как писал Литвинов, этот вопрос задавали себе правительства по всей Европе.

Возникали и другие. Как повлияет договор о ненападении на франко-польские отношения? Польская безопасность была одной из причин конфликта между Францией и Германией. Во Франции было немало политиков, которые ранее предлагали пожертвовать польскими интересами ради соглашения с Германией. Сепаратный договор только подкрепит эти идеи, и в итоге Польша останется в полной изоляции. Было недостаточно просто предоставить полную гарантию безопасности польских границ. «Совершенно очевидно, — писал Литвинов, — что проблема Польского коридора и польско-германской границы не разрешается этим соглашением»¹.

Как сказал французский посол в Польше Ларош Антонову-Овсеенко, «Польша морально привязалась к Германии». В польской прессе развернулась кампания на тему Тешина — чехословацкого округа, в котором проживало много поляков, — что свидетельствовало о том, что маршал Пилсудский хотел расширить границы Польши. Это была его мечта². В Варшаве полагали, что, отстранившись от Франции и приблизившись к Германии, Польша сможет реализовать свои собственные скромные территориальные амбиции. Скромные, конечно, но тоже опасные.

Вскоре Литвинову пришлось вступить в жаркий спор с польским послом из-за комментария в советской прессе. «Лукасевич тут же агрессивным тоном сообщил о недовольстве, которое вызвало в Польше заявление товарища Сталина о зигзагах в польской политике». У посла были и другие поводы для жалоб, в частности комментарии в «Известиях». Очевидно, что Сталин одобрил публикацию «тезисов» Литвинова. Нарком не пытался спорить. «Я спокойно выслушал Лукасевича», — написал он у себя в дневнике. Интересно, что польский посол получил спокойный ответ, а немецкого посла всего месяц назад за возмущенное замечание вызвали на ковер. Тогда Литвинов потребовал принести извинения, но не сейчас. Он вежливо

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 28 января 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 103. Д. 117. Л. 16–17, опубли.: Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля. Т. III. С. 30–31.

² В. А. Антонов-Овсеенко — в НКВД. 1 февраля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 165. Д. 1259. Л. 15, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

отреагировал на все жалобы польского посла. Конечно, иногда нарком отпускал саркастичные замечания, но было понятно, что НКВД, что бы там ни думал Стомоняков, хотел сохранить и усилить сближение с Польшей, но не с Германией. Бек должен был приехать в Москву, и Литвинов не хотел, чтобы встреча отменилась, на что пытался намекать Лукасевич. Если верить отчету наркома, то можно сказать, что разыгрывался искусный дипломатический спектакль. Лукасевич был груб и порой перебивал наркома, но тот вел себя терпеливо и продолжал давать объяснения, когда появлялась такая возможность. Иногда терпение бывает вознаграждено, так как посол в итоге признался, что высказал свою позицию относительно визита Бека в Москву. Литвинов был изумлен и прочитал ему короткую лекцию о дипломатическом протоколе. После этого встреча завершилась¹.

Польского посла взволновала стычка с Литвиновым, и через неделю он отправился на встречу со Стомоняковым, чтобы разрядить атмосферу перед трехдневным визитом Бека в Москву. «Я пришел, — сказал Лукасевич, — по личной инициативе переговорить в совершенно частном порядке». Он все еще был сильно взволнован реакцией Москвы на «договор между Польшей и Германией» и речью Сталина на съезде партии. Он надеялся, что постепенно буря стихнет, но этого не произошло. Если и были какие-то изменения, то только к худшему. У меня не складывается впечатление, продолжил Лукасевич, что Бека примут как почетного гостя. Стомоняков выслушал длинный монолог и разразился таким же длинным ответом, детали которого нам неинтересны. Но суть заключалась в том, что Стомоняков заверил посла, что Бека непременно примут как желанного гостя. Лукасевич успокоился, но тем не менее выглядел взволнованным, даже когда уходил².

Бек в Москве

В итоге визит Бека состоялся, как и было запланировано. Все прошло без нежелательных инцидентов. О размолвке из-за речи Сталина забыли. Встречи Литвинова и Бека продолжались больше

¹ Встреча с польским посланником Ю. Лукасевичем. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 1 февраля 1934 г. // АФПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 99. Д. 61. Л. 15–20.

² Встреча с польским посланником Ю. Лукасевичем. Выдержка из дневника Б. С. Стомонякова. 9 февраля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 99. Д. 61. Л. 31–36.

трех дней. Как писал нарком, беседа проходила с глазу на глаз. Темы были разные: Лига Наций, нацистская Германия, Прибалтика и другие вопросы, связанные с миром и безопасностью в Европе. Бек начал с того, что выразил опасения относительно Лиги Наций и ее слабости в решении международных проблем. Это вызвало «нервозность и нестабильность». С точки зрения Бека, проблему бесполезности Лиги Наций можно было решить, заключая двусторонние договоры, такие как, например, соглашение с Германией о «неприменимости силы».

«Я выразил мнение, — писал Литвинов в дневнике, — что существующая нервозность... вызывается не отсутствием [международных. — М. К.] инструментов для разрешения вопросов, а наличием реальных опасностей нарушения мира, для предотвращения которых действительно средств не найдено, и не только потому, что их нет, но и потому, что не все их ищут и хотят их найти». После этого началась долгая дискуссия по поводу соглашения о ненападении

**Встреча наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова (справа)
и польского министра иностранных дел Ю. Бека в Москве.
13 февраля 1934 года. АВПРФ (Москва)**

между Германией и Польшей. Литвинов спросил, почему, с точки зрения Бека, нацистское правительство согласилось на этот пакт, хотя различные веймарские министры от него отказывались. Бек ответил, что это объясняется внутренней слабостью, а кроме того, Пруссия прекратила свое существование. Гитлер понял, что Польша не является каким-то там «маленьким сезонным государством», которым можно пренебрегать.

Литвинов подверг сомнению предположения Бека. Гитлер был объединяющей силой, которая опиралась в том числе на непризнание Польского коридора и реваншизм. Договор о ненападении не соответствовал этим постулатам и вызывал разногласия в Германии и в нацистской партии. И Пруссия никуда не делась. Наоборот: «Германия есть сплошная Пруссия». По сути, Литвинов объяснил Беку, что тот допустил ужасную ошибку. Затем нарком продолжил: «Прусские изречения о необходимости найти место под солнцем, об избытке населения, которому нужно найти новые территории для колонизации, глорификация военного духа, военных завоеваний находят себе наиболее яркое выражение в учениях гитлеровцев. О стремлениях гитлеровцев мы судим по прежней гитлеровской литературе, а не по тем политическим речам, которые Гитлер теперь произносит, переключаясь на пацифистскую фразеологию. Эти речи вызываются тактическими соображениями. Гитлеровцы так же, как и японцы, убедились, что бряцание саблей и громкие разговоры о необходимости и неизбежности войн и подготовки к ним мобилизовали общественное мнение всего мира против них. Учтя этот урок, гитлеровцы, как и японцы, отнюдь не отказываясь от основных принципов своей внешней политики и от подготовки к претворению этих принципов в жизнь, сочли за благо временно убеждать мир в своем миролюбии».

Пусть вас не вводят в заблуждение, добавил Литвинов, различия между возможными новыми захватами территории и восстановлением старых территорий, потерянных после Первой мировой войны. Это всего лишь тактический вопрос: когда, где и на что напасть в первую очередь. Именно поэтому обеспокоено так много стран. Договор с Польшей сыграл Гитлеру на руку. Еще больше их волнует отсутствие стандартного пункта о прекращении договора в случае нападения одной из сторон на третье государство».

Бек вежливо выслушал Литвинова, а затем начал возражать, что не было «опасности со стороны Германии или вообще опасности

войны в Европе. Ему кажется, что я слишком далеко смотрю вперед». Бек принимает во внимание «менее значительный отрезок времени и судит с точки зрения сегодняшнего дня». Если Польша могла обеспечить свою безопасность на настоящий момент, то это уже было хорошо. Что касается того, что отсутствует «особая статья о прекращении действия пактов в случае агрессии одной из сторон», Бек отказался обсуждать этот вопрос. Литвинов не настаивал, но отметил, что такой пункт включен в советско-польский договор. Казалось, что министра ничто не беспокоило, пока Литвинов, расхрабрившись (на самом деле нет), не упомянул этот нюанс. Бек «заеревновал» и сказал, что пакт с Германией заключен на 10 лет, а с СССР — только на три года. «Бек явно смутился, — отметил Литвинов, — единственный раз за все время нашей беседы и даже заерзал на стуле и невнятно сказал, что это можно исправить». Бек также настаивал, что Польша нацелена на сближение с СССР. Литвинов тогда снова предложил сделать совместное польско-советское заявление в поддержку независимости Прибалтики¹.

Для Литвинова безопасность этого региона была важным вопросом. «События последнего времени, — писал он Сталину, — требуют энергичной активизации нашей политики в Прибалтийских государствах. Их большое значение как возможного плацдарма будущей войны против СССР еще более выросло для нас после прихода Гитлера к власти в Германии». Польша и Великобритания также активно работали в этой области. Советскому правительству нужно оказывать больше влияния на Прибалтику, не только политического, но и экономического, чтобы происходило «развитие дружественных отношений». Он дал несколько рекомендаций, одобренных Политбюро². В следующем письме Литвинов предупредил Сталина, что Прибалтика не очень хорошо отреагировала на предложение обеспечить ей безопасность. НКВД сообщил о нем правительствам, но Финляндия ответила, что она не чувствует угрозы, и поэтому никакие гарантии ей не нужны. «Как мы

¹ Запись беседы с польским министром иностранных дел Ю. Бекком. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 13, 14, 15 февраля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 53–62, опубл.: ДВП. Т. XVII. С. 131–140.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 11 января 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 103. Д. 117. Л. 1–3; Выдержка из протокола Политбюро № 152. 17 января 1934 г. // Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. С. 308–310.

ожидали, финны немедленно предали гласности наш демарш с целью срыва его»¹.

Бек отнесся к идее Литвинова так же, как финны, хотя обсуждение длилось долгое время. В итоге разговор зашел о другом, но для наркома было очевидно, что, несмотря на внешние признаки, советско-польское сближение обречено. В конце отчета Литвинов сделал несколько выводов. Во-первых, исчезло сотрудничество с Польшей для борьбы с Германией в ближайшем будущем. На самом деле казалось, что дела обстоят еще хуже. «Бек не только своим категорическим заявлением закрыл дорогу к такому сотрудничеству в настоящее время, но даже не делал никаких оговорок о возможности возвращения к этим темам позднее. Приходится заключить, что Польша считает себя на ближайшее время обеспеченной со стороны Германии». Литвинов полагал, что вряд ли с нацистами заключены какие-то секретные соглашения, но нельзя исключать вероятность их появления в случае, если СССР столкнется с Японией. Также пришел конец любым советско-польским гарантиям независимости Прибалтики. Возможно, Польша скрывает свой поворот в сторону Германии, изображая сближение с СССР. Советскому правительству нужно воспользоваться ситуацией и поддерживать хотя бы культурные связи, считал Литвинов, чтобы предотвратить наихудший сценарий².

Казавшемуся когда-то (хотя и недолго) перспективным сближению с Польшей пришел конец. Как сказал Бек Литвинову, его интересовала краткосрочная выгода, и он не считал Германию опасной. Нарком пытался предупредить польского министра, что тот совершает страшную ошибку, что Гитлер маскирует подготовку к войне и территориальную экспансию ласковыми словами о мире. Войны все равно не миновать, и, если Гитлер решит, что пришло время атаковать, Беку не стоит думать, что договор о ненападении уберет Польшу. Анализ Литвинова был настолько точен, что в 1965 году его отчет был рассекречен и в дальнейшие годы опубликован. И вы поймете почему.

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 января 1934 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 635. Л. 8—10, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

² Запись беседы с польским министром иностранных дел Ю. Беком. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 13, 14, 15 февраля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 53—62.

Альфан тоже сообщил в Париж о надвигающейся опасности. «У Польши изменилось отношение как к Франции, так и к СССР». По словам Альфана, Бек даже хвастался своими достижениями. По слухам, он заявлял следующее: «Мы не боимся нападения со стороны Германии». С точки зрения Альфана, как и с точки зрения Литвинова, Бек серьезно заблуждался. «Нет никаких сомнений, что Польша ошибается. Ее предыдущие разделения — это как раз результат подобных заблуждений, игр и маневрирования между соперниками»¹. Посол ссылаясь на разделы Польши в XVIII веке, который привел к ее исчезновению в 1795 году. Интересно, вспоминал ли Бек этот разговор с Литвиновым чуть более чем через пять лет, 4 сентября 1939 года, когда бежал из Варшавы после того, как вермахт взял ее в окружение. Сейчас он был абсолютно уверен, что прав, а Литвинов ошибается.

Стомоняков кратко изложил мнение СССР о визите Бека посольству в Варшаве. «Основное значение его приезда в Мск [Москву] заключается в том, что он внес большую ясность в наши отношения с Польшей. Беседы тов[арища] Литвинова с Беком выявили, что Польша, идя на сближение с нами, стремится прежде всего сохранить за собой свободу рук, и что ни на какое сотрудничество с нами против Германии она на данном этапе не желает идти». Таким образом, ничего не осталось от существовавших ранее идей о взаимодействии Польши с СССР для борьбы с Германией. Казалось бы, Стомоняков уже все изложил прямолинейнее некуда, однако он добавил, что советское правительство будет продолжать стремиться к многостороннему сотрудничеству с Польшей. «Мы отнюдь не заинтересованы в том, чтобы показывать во вне какое бы то ни было разочарование результатами приезда Бека и вообще состоянием наших отношений с Польшей после заключения ею договора с Германией. Мы рассчитываем, что сотрудничество с СССР, нацеленное против Германии, будет более популярно среди поляков, чем сотрудничество с Германией, нацеленное против СССР». В то же время «выяснение позиции Польши в отношении СССР подчеркивает необходимость максимальной бдительности с нашей стороны во всем, что касается польско-германских отношений»². Такова была советская

¹ Alphand. Nos. 87–90. 25 Feb. 1934. МАЁ, Bureau du chiffre, télégrammes à l'arrivée de Moscou, 1933–1934.

² Б. С. Стомоняков — Б. Г. Подольскому. 19 февраля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 99. Д. 61. Л. 27–30.

политика, переживавшая свои взлеты и падения, пока Сталин не решил поменяться ролями с Польшей и не заключил в августе 1939 года свой собственный пакт с гитлеровской Германией. Они могли бы сыграть в игру Бека, но результат в итоге был не лучше, чем у него.

Однако мы забегаем вперед. Пока что Литвинов все еще стремился к сближению с Польшей, несмотря на ее сопротивление. Стомоняков продолжил разговор с Лукасевичем и попросил пояснить недавнее публичное проявление враждебности по отношению к СССР, в особенности две речи влиятельного консервативного политика Януша Радзивилла. «По Радзивиллу выходит так, что сближение с Германией является более естественным и нормальным, чем сближение с СССР, которое он, по-видимому, считает временным и конъюнктурным. В то время, как он ожидает дальнейшего развития отношений с Германией, он как будто находит, что сближение с СССР уже зашло слишком далеко и что его нужно не развивать, а тормозить». Все не так плохо, заметил Лукасевич, стараясь сгладить острые углы. Но это было сложно сделать в беседе с советскими дипломатами. Разговор зашел об «австрийском вопросе». Лукасевич прямо сказал, что считает аншлюс неизбежным. «Польша не настолько заинтересована в австрийском вопросе и не настолько сильна, чтобы помешать аншлюсу». Это было необычное высказывание польского дипломата. Обычно поляки остро реагировали, если кто-то пытался оспорить их статус великой европейской державы. Вряд ли это обрадовало Литвинова.

Разговор на этом не закончился, поскольку началось обсуждение культурного обмена. Говорили об организации в Варшаве спектаклей советского Театра имени Вахтангова. У Стомонякова были сомнения относительно уместности этой идеи, так как в репертуар труппы входили и революционные пьесы. Это могло не понравиться польским националистам и российским эмигрантам. С точки зрения Лукасевича, все должно было пройти хорошо, если убрать из репертуара одну-единственную пьесу. Далее последовало обсуждение конкретных спектаклей. Стомоняков поинтересовался, как поступить с пьесой, посвященной французской интервенции на Украине и в Крыму. Состоялся следующий разговор.

Стомоняков: «Ну а то, что в пьесе показаны в очень неблагоприятном свете французские военные?»

Лукасевич (с удивлением): «Ну так что же из этого?»

Стомоняков: «Ну, вы союзники. Может быть, это [пьеса] вызовет недовольство? Может быть, кто-нибудь обидится?»

Лукаевич (сильно оживившись, сначала как бы запнулся, потом выпалил с большим чувством): «Ну, этим [спектаклем] вы в Варшаве доставите только удовольствие»¹.

Читатели оценят иронию в этих словах. Полякам надоели высокомерные французы, а СССР, пострадавший от Франции, теперь собирался укрепить с ней отношения. Неужели это был тот редкий случай, когда СССР и Польша могли посочувствовать друг другу?

Пока что поляки все еще не дали ответа на предложение Литвинова расширить советско-польский пакт о ненападении. Прошел месяц после приезда Бека в Москву. Была середина марта. Невольно возникает вопрос, стоило ли дело того, чтобы из-за него так переживать? О речах Радзивилла не забыли, а наоборот, как выяснилось, они отражают позицию Пилсудского. Как сообщил Западный отдел НКВД, в польской официальной прессе, близкой к правительству, стало появляться все больше антисоветских статей, при этом сближение с Германией комментировалось очень осторожно. Литвинова раздражало отсутствие ответа на его предложение. Стомоняков дал указания Антонову-Овсенко не показывать заинтересованность СССР в данном деле. Тем не менее все новости, которые приходили из Польши, были плохими. Ходили слухи о том, что нацистский министр пропаганды Йозеф Геббельс посетил Варшаву. Никто в Польше не противился немецкому перевооружению. Польское правительство упорно ссорилось с Чехословакией из-за района Цешин². Тем не менее НКВД придерживался политики сближения с Польшей. Так было всегда, когда советское правительство пыталось улучшить отношения с Францией. Наверно, Антонов-Овсенко чувствовал себя довольно глупо из-за того, что он из кожи вон лез, чтобы добиться теперь уже никому не нужного сближения. Возможно, НКВД считал так же, поскольку вскоре его отозвали в Москву.

Литвинов сообщил Сталину, что из Варшавы приходят не очень хорошие новости, а точнее слухи, о продлении пакта о ненападении.

¹ Встреча с польским посланником Ю. Лукаевичем. Выдержка из дневника Б. С. Стомонякова. 26 февраля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 99. Д. 61. Л. 37–44.

² Б. С. Стомоняков — В. А. Антонову-Овсенко. 19 марта 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 99. Д. 61. Л. 47–50.

Лукасевича отозвали в Варшаву, но он должен был вернуться через несколько дней. А неофициально говорили, что Польша ответит так же, как и другие Прибалтийские страны, которым НКВД сделал такое же предложение. «Я не считал бы удобным, — писал Литвинов, — чтобы наши отношения с Прибалтикой налаживались по указке Польши»¹.

В конце марта Литвинов наконец получил официальный ответ от польского правительства, в котором оно отказалось от продления пакта на 10 лет, но предложило пересматривать его каждые два года. Казалось, это был тривиальный спор, однако не совсем. Литвинов понимал, что Польша затеяла игру и хочет иметь выбор на случай советско-японской войны. Хотя нарком был циником и реалистом, но все же была в нем некоторая наивность. Как будто пакт о ненападении мог бы помешать Польше атаковать СССР в критический момент. Литвинов сообщил Сталину, что Польша хотела бы иметь возможность прекратить действие пакта в 1935 году. Нарком решил отплатить той же монетой и рекомендовал не давать ответа Лукасевичу, пока все правительства Прибалтики не отреагируют на советские предложения. По всем признакам они должны были согласиться на продление, что окажет давление на поляков. Политбюро одобрило рекомендацию Литвинова на следующий день². Нарком поймал поляков на приманку. В конце марта все четыре Прибалтийские страны, включая даже Финляндию, приняли предложение СССР. Бек долго мешкал, но в итоге польский пакт о ненападении был так же продлен на 10 лет. Не слишком большой выигрыш для советской дипломатии, но из-за плохих отношений с Варшавой переговоры могли буксовать из-за пустяков.

Яков Христофорович Давтян

Политбюро также одобрило статус посольства для польской миссии, и, таким образом, Лукасевич стал послом. Это была одна из идей Антонова-Овсеенко, но его уже отозвали. НКВД попросил Польшу

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 17 марта 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 103. Д. 117. Л. 43–45.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 26 марта 1934 г. // СПО. Т. III. С. 225–226; Протокол Политбюро № 4. 29 марта 1934 г. // Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Ч. 1. С. 432.

**Советский посол в Польше
Я. Х. Давтян. Середина 1930-х годов**

принять нового советского посла. Им стал Яков Христофорович Давтян, который тогда работал полпредом в Афинах. Как и многие его коллеги, Давтян знал несколько языков. Он говорил по-французски, по-немецки и немного по-английски¹. Он родился в 1888 году в Азербайджане. Его отец был армянином и занимался торговлей. Жила семья скромно, но тем не менее у них хватило средств отправить сына учиться в гимназию в Тбилиси. Давтян был «старым большевиком», он вступил в партию в 1905 году, когда ему было 18 лет. В 1907 году он переехал в Санкт-Петербург (тогда ему исполнилось всего лишь 19), где участвовал в партийной работе большевиков, пока его не арестовала царская полиция. В следующем году он эмигрировал в Бельгию, где окончил университет и получил диплом инженера. Однако Давтян продолжил работать на партию. В начале Первой мировой войны он не захотел (или не смог) бежать из Бельгии, и в 1915 году его арестовали немецкие оккупационные власти. Он много раз пытался бежать и побывал в разных лагерях для интернированных.

Наверно, Давтян был довольно смелым. На ранних фотографиях мы видим молодого человека с копной черных волос, аккуратными усами и тщательно подстриженными бакенбардами. Позднее Давтян пополнел, но сохранил густые темные волосы и усы. После подписания Брестского мира полпред в Берлине Иоффе добился его освобождения. Давтян вернулся в Россию летом 1918 года. Он был уже опытным большевиком. Во время Гражданской войны и интервенции Давтян служил в советской контрразведке. С 1919 года он работал в советских представительствах в Прибалтике, Китае, Франции, Персии и Греции. Во Франции

Начиная с середины 1930-х годов, Давтян работал в советской контрразведке. В 1934 году он был назначен советским послом в Польшу. В 1939 году он был арестован польскими властями и заключен в тюрьму. В 1940 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1941 году он был назначен советским послом в Грецию. В 1942 году он был арестован греческими властями и заключен в тюрьму. В 1943 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1944 году он был назначен советским послом в Китай. В 1945 году он был арестован китайскими властями и заключен в тюрьму. В 1946 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1947 году он был назначен советским послом в Персию. В 1948 году он был арестован персидскими властями и заключен в тюрьму. В 1949 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1950 году он был назначен советским послом в Францию. В 1951 году он был арестован французскими властями и заключен в тюрьму. В 1952 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1953 году он был назначен советским послом в Прибалтику. В 1954 году он был арестован литовскими властями и заключен в тюрьму. В 1955 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1956 году он был назначен советским послом в Грецию. В 1957 году он был арестован греческими властями и заключен в тюрьму. В 1958 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1959 году он был назначен советским послом в Китай. В 1960 году он был арестован китайскими властями и заключен в тюрьму. В 1961 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1962 году он был назначен советским послом в Персию. В 1963 году он был арестован персидскими властями и заключен в тюрьму. В 1964 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1965 году он был назначен советским послом в Францию. В 1966 году он был арестован французскими властями и заключен в тюрьму. В 1967 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1968 году он был назначен советским послом в Прибалтику. В 1969 году он был арестован литовскими властями и заключен в тюрьму. В 1970 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1971 году он был назначен советским послом в Грецию. В 1972 году он был арестован греческими властями и заключен в тюрьму. В 1973 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1974 году он был назначен советским послом в Китай. В 1975 году он был арестован китайскими властями и заключен в тюрьму. В 1976 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1977 году он был назначен советским послом в Персию. В 1978 году он был арестован персидскими властями и заключен в тюрьму. В 1979 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1980 году он был назначен советским послом в Францию. В 1981 году он был арестован французскими властями и заключен в тюрьму. В 1982 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1983 году он был назначен советским послом в Прибалтику. В 1984 году он был арестован литовскими властями и заключен в тюрьму. В 1985 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1986 году он был назначен советским послом в Грецию. В 1987 году он был арестован греческими властями и заключен в тюрьму. В 1988 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1989 году он был назначен советским послом в Китай. В 1990 году он был арестован китайскими властями и заключен в тюрьму. В 1991 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1992 году он был назначен советским послом в Персию. В 1993 году он был арестован персидскими властями и заключен в тюрьму. В 1994 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1995 году он был назначен советским послом в Францию. В 1996 году он был арестован французскими властями и заключен в тюрьму. В 1997 году он был освобожден и переехал в СССР. В 1998 году он был назначен советским послом в Прибалтику. В 1999 году он был арестован литовскими властями и заключен в тюрьму. В 2000 году он был освобожден и переехал в СССР. В 2001 году он был назначен советским послом в Грецию. В 2002 году он был арестован греческими властями и заключен в тюрьму. В 2003 году он был освобожден и переехал в СССР. В 2004 году он был назначен советским послом в Китай. В 2005 году он был арестован китайскими властями и заключен в тюрьму. В 2006 году он был освобожден и переехал в СССР. В 2007 году он был назначен советским послом в Персию. В 2008 году он был арестован персидскими властями и заключен в тюрьму. В 2009 году он был освобожден и переехал в СССР. В 2010 году он был назначен советским послом в Францию. В 2011 году он был арестован французскими властями и заключен в тюрьму. В 2012 году он был освобожден и переехал в СССР. В 2013 году он был назначен советским послом в Прибалтику. В 2014 году он был арестован литовскими властями и заключен в тюрьму. В 2015 году он был освобожден и переехал в СССР. В 2016 году он был назначен советским послом в Грецию. В 2017 году он был арестован греческими властями и заключен в тюрьму. В 2018 году он был освобожден и переехал в СССР. В 2019 году он был назначен советским послом в Китай. В 2020 году он был арестован китайскими властями и заключен в тюрьму. В 2021 году он был освобожден и переехал в СССР. В 2022 году он был назначен советским послом в Персию. В 2023 году он был арестован персидскими властями и заключен в тюрьму. В 2024 году он был освобожден и переехал в СССР. В 2025 году он был назначен советским послом в Францию. В 2026 году он был арестован французскими властями и заключен в тюрьму. В 2027 году он был освобожден и переехал в СССР. В 2028 году он был назначен советским послом в Прибалтику. В 2029 году он был арестован литовскими властями и заключен в тюрьму. В 2030 году он был освобожден и переехал в СССР.

¹ Встреча Н. Н. Крестинского с польским посланником Ю. Лукасевичем. 27 марта 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 99. Д. 61. Л. 51–52.

он принимал активное участие в переговорах по выплате долгов, которые закончились неудачей. В Варшаве он сразу же ринулся в бой, получив одобрение в Москве от Стомонякова.

Инструкции Стомонякова

Стомоняков порекомендовал Давтяну продлить пакт о ненападении, который был подписан в Москве 5 мая. Он писал, что поляки пытаются использовать новое соглашение и превратить его в знак того, что СССР оставляет соседнюю Литву в изоляции и бросает ее на произвол судьбы, отдавая Польше и Германии, которые присматриваются к ее территориям. Стомоняков велел Давтяну переломить эту польскую линию в разговорах с журналистами и дипломатами. Но вот что было главным: «Продление пакта [о ненападении. — М. К.], при всей значимости этого акта, все же не может изменить того положения, что советско-польское сближение на данном этапе можно считать в основном законченным. Все говорит за то, что Пилсудский не желает идти на дальнейшее сближение с СССР. Мы будем, конечно, и впредь, как и до сих пор, стремиться планомерно и систематически к расширению связей во всех областях, но должны при этом учитывать указанные перспективы». Тем не менее Стомоняков подчеркнул, что польские правительственные элиты не полностью поддерживают Пилсудского. Некоторые влиятельные поляки полагали, что защитить безопасность Польши можно, только сотрудничая с Францией и СССР в их борьбе с Германией¹. Возникает вопрос, как он пришел к такому выводу, ведь в отличие от Парижа и Лондона оппозиционеры курсу правительства нечасто имели связи в советском посольстве в Варшаве.

Через неделю Литвинов отправил информационный документ Сталину, в котором в основном повторялось то, что Стомоняков написал Давтяну. Он на удивление положительно оценивал ситуацию в Польше с учетом обстоятельств. «Крупнейшим реальным результатом нашей политики сближения за последние два года был несомненный перелом в отношении польской общественности к СССР. Интерес к сближению с СССР в Польше несравненно более велик, чем к сближению с Германией. Это относится особенно

¹ Б. С. Стомоняков — Я. Х. Давтяну. 5 мая 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 99. Д. 61. Л. 65–68.

к нашим достижениям на культурном и хозяйственном фронтах». Нам нельзя терять момент и нужно воспользоваться текущей ситуацией, утверждал Литвинов. Он предложил Сталину подробную программу во всех сферах для укрепления советско-польских связей¹. Забавно, что и Франция, и СССР хотели перетащить Польшу на свою сторону. Могли ли эти усилия сломить сопротивление Пилсудского и его окружения? Или, если говорить более цинично, могли ли поляки перестать быть поляками, чтобы укрепить безопасность своей страны?

Небольшой скандал привел к попытке государственного переворота

Пока НКВД пытался продвигать политику сближения с Польшей, дела во Франции принимали серьезный оборот. Публичные высказывания Сталина в январе на тему «зигзагов» вызвали возмущение поляков, однако, когда он заговорил о политической нестабильности во Франции, это не встретило никакого сопротивления, и оказалось, что он прав. В Третьей республике вот-вот должен был развернуться ад. Возможно, читатели не знают, но в то время это была Франция, в которой «абсолютно честные люди были в хороших отношениях с достаточно честными людьми, которые были в хороших отношениях с сомнительными людьми, которые были в хороших отношениях с презренными мошенниками». 25 января, накануне речи Сталина и ухода в отставку министра юстиции, Довгалевский отправил телеграмму Литвинову, в которой сообщил, что ни Поль-Бонкур, ни Леже к нему не заходили и не обсуждали с ним Лигу Наций или «взаимную оборону». «Я занимаю выжидательную позицию, — писал он, — ибо я не хочу, чтобы вопрос повернулся так, будто мы заинтересованы больше, чем французы». Поль-Бонкур медлил: «Медлительность Поль-Бонкура следует, несомненно, приписать его нерешительности, являющейся отражением борьбы во Франции и даже в самом кабинете двух доктрин: просоветской и прогерманской». Это объяснялось более серьезными проблемами, чем просто противостояние между Эррио и Даладьё².

¹ М. М. Литвинов — [И. В. Сталину]. 13 мая 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 99. Д. 61. Л. 69–72.

² В. С. Довгалевский — М. М. Литвинову. 25 января 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 70–71.

В шифрограмме Литвинову Довгалецкий не упомянул правительственный кризис, из-за которого должен был рухнуть кабинет. Возможно, он говорил об этом в другом письме. Сложно забыть такой важный момент. Утром 30 января премьер-министром стал Даладье. У него не было времени на отношения с Москвой. Нужно было разбираться со скандалом, связанным со Стависким, или его правительству пришел бы конец. «Немного водевиля» — так называл один историк усилия Даладье. 3 февраля, через три дня после формирования правительства, в отставку ушли два правых министра. Они были не согласны с увольнением единомышленника — префекта парижской полиции Жана Шиappa. Его уволили, потому что он оказал услугу радикальному политику и не заметил пропажу одной папки в деле о предполагаемом мошенничестве Ставиского. В политике всегда приходится идти на компромисс, особенно если речь идет о Париже в межвоенные годы. Очевидно, Даладье уволил Шиappa, чтобы хоть как-то порадовать социалистов. Еще интереснее то, что, уволив Поль-Бонкура с поста министра иностранных дел, Даладье тут же взял его обратно в качестве военного министра, чтобы заменить одного из правых коллег, покинувших свой пост накануне. «Мне сейчас больше нужны левые, чем правые», — вероятно, подумал Даладье. Он всегда так делал. В конце концов в политике не стоит крупно ссориться с врагом, ведь наутро может оказаться, что нужно превратить его в своего союзника. Это правило было особенно важно для Франции, где правительства менялись в среднем каждые три-четыре месяца. Если бы потенциальные министры слишком долго обижались, не получилось бы собрать новый кабинет. Таким образом, Поль-Бонкур вернулся, но это не особенно помогло новому правительству.

Было 4 февраля, воскресенье, и парижская пресса забавлялась, рассказывая про последние изменения в правящих кругах. Журналисты явно хотели повеселить французов, которые читали утренние газеты за завтраком. В этот день Даладье выпустил коммюнике, в котором сообщил, что новое правительство планирует разобраться в деле Ставиского. Одно дело потешаться над правительством, а другое — читать про то, как многочисленные правые организации призывали своих членов выходить на улицы.

Во вторник днем, 6 февраля, Палата депутатов вынесла вотум доверия новому правительству. А в это время правые и присоединившиеся к ним недовольные собрались на площади Согласия напротив

Национального собрания, расположенного на другом берегу Сены. Они собирались устроить там настоящий кошмар. Палата депутатов тоже превратилась в ужасное место, так как по крайней мере дважды ее члены чуть не подрались. Пришлось вмешаться приставам, чтобы предотвратить кровопролитие. Коммунисты и их союзники (их было около 20) пели «Интернационал», а более многочисленные правые — «Марсельезу». Снаружи на площади началась настоящая война. Один присутствовавший там американский журналист Уильям Ширер писал, что была предпринята попытка совершить «фашистский переворот». Он следил за событиями с балкона отеля. Это было не очень хорошее место наблюдения. Рядом с Ширером стояла женщина, и вдруг она упала с пулей во лбу. «Если они перейдут по мосту на другую сторону [Сены. — М. К.], — писал Ширер у себя в дневнике, — они убьют всех депутатов Палаты»¹. В уличных боях погибло 15 человек, и 1500 получили ранения.

На следующий день Даладье ушел в отставку. Его правительство продержалось неделю. Был собран новый кабинет, который возглавил бывший президент, 70-летний «папа» Думерг. В него вошли бывшие премьер-министры и руководители партий. Правительство состояло из правоцентристов. Даладье и Поль-Бонкура там не было. А также не было Кота, зато вернулся левый Эррио в качестве министра без портфеля, а уравнивал его правый Андре Тардье, враг Литвинова, который так его беспокоил. Министром иностранных дел стал Луи Барту — старый националист-консерватор. Литвинов наблюдал за происходящим в Париже из Москвы и наверняка размышлял о том, не пришел ли конец сближению с Францией. Нарком и Барту помнили друг друга по Генуэзской конференции, состоявшейся в 1922 году².

Через несколько дней в отчете для нового полпреда в Вашингтоне Александра Антоновича Трояновского Литвиновым была упомянута «намечающаяся фашизация Франции», которая может привести к «новым изменениям, хотя, может быть, и не очень резким, в наших взаимоотношениях» с Парижем³. В этом была проблема

¹ *Shirer W. L. Berlin Diary: The Journal of a Foreign Correspondent, 1934–1941. New York: Knopf, 1941. P. 6–9 (entry of 7 Feb. 1934).*

² *Carley M. J. Silent Conflict. P. 55–65.*

³ М. М. Литвинов — А. А. Трояновскому. 10 февраля 1934 г. // Советско-американские отношения (далее — САО), 1934–1939 / авт.-сост. Б. И. Жилиев. М., 2003. С. 27–28.

отношений с Францией — взлеты сменялись падениями. Стоило надеяться на лучшее, но готовиться к худшему.

«Пока нам не приходится вносить коррективы в наши последние прогнозы, в частности в отношении жизнеспособности нынешнего правительства», — писал Розенберг в отчете НКВД. Если не будет ухудшений финансовой ситуации и новых скандалов, компрометирующих членов нынешнего правительства, кабинет может продержаться до лета, а возможно, даже дольше. То есть полгода, но кто мог знать наверняка? Полгода — это неплохо. Розенберг продолжал делиться наблюдениями:

«Парижская атмосфера характеризуется тем, что, за немногими исключениями, наиболее видные политические деятели как справа, так и слева, прямо или косвенно скомпрометированы делом Ставиского, этого талантливейшего господина, который всю свою авантюристическую карьеру пытался “обезопасить” путем вовлечения в свою сеть виднейших представителей парламента, правительства, суда, печати, уже не говоря о полиции. Характерно сделанное в разговоре со мною замечание одного бывшего министра, что один тот факт, что он был членом правительства, в нынешней парижской атмосфере превращает его в какую-то подозрительную личность, причем это говорил человек из наименее подмоченных во всех скандальных аферах».

Это уже было плохо, но затем Розенберг заговорил про фашизм во Франции. Он упомянул Анатоля де Монзи, который в 1920-х годах выступал за франко-советское сближение. «Такие люди, как де Монзи, которые сами восхваляли фашизм, теперь содрогаются при мысли о той участи, которую им готовят военно-фашистские банды, причем де Монзи, как и многие другие, желая воздействовать на нас, чтобы мы добились изменения тактики компартии, предвещает, что французские фашисты немедленно заключат союз с Гитлером. Из всех моих собеседников только Альбер Мило, ген[еральный] секретарь Радикальной партии и пламенный французский патриот, убеждал меня в том, что и французские фашисты останутся противниками Германии».

Может, так и было до событий на площади Согласия, но вряд ли это стало возможно после них. «У меня перебывало немало людей, заклиняющих нас доказать “Москве” зловредность тактики компартии, которая, де-мол, отвергая совместные действия с социал-демо-

кратией, способствует успеху фашизма... Выдерживая эту осаду, мы, конечно, объясняем этим людям, что они обращаются не по адресу и т. п.». Розенберг не мог похвастаться хорошими новостями о Радикальной партии, которая ранее была оплотом поддержки франко-советского сближения. Казалось, что партия распадалась, не было лидеров, сохранявших авторитет. Эррио не был исключением, о нем говорили, что он сдался¹.

Учитывая, что Москва всего несколько месяцев назад сменила политический курс в пользу Франции, отчет Розенберга точно не мог никого порадовать. Его посчитали достаточно важным, чтобы отправить Сталину, который подчеркнул в нем важные абзацы, в том числе описание политики французских коммунистов по отношению к «социальной демократии». Ее отменили в июле по просьбе французских коммунистов, когда коммунисты и социалисты решили выступить единым фронтом для противодействия фашизму во Франции. Это стало первым шагом на пути к организации Народного фронта в 1935 году, когда к коалиции присоединилась партия Радикал-социалистов, чтобы принять участие в борьбе на парламентских выборах в следующем году. Пойдут ли все эти изменения на пользу франко-советскому сближению, мы узнаем позже.

¹ М. И. Розенберг — Н. Н. Крестинскому. 10 марта 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 390. Л. 7—9, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

ГЛАВА VII

«ШАГ ВПЕРЕД И ДВА НАЗАД»: ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ В СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ С ЗАПАДОМ. 1934 ГОД

Оценка ущерба

Мятежи, а точнее неудавшийся государственный переворот на площади Согласия, не могли не всплыть в разговорах между советскими и французскими дипломатами. Через неделю после формирования правительства Думерга Стомоняков встретил Альфана на дипломатическом приеме и ужине, организованном в честь польского министра иностранных дел Бека. Между ними состоялся разговор. «Он [Альфан. — М. К.] пригласил меня сесть <...> в сторонке на диване, и мы имели довольно интересную беседу», — писал Стомоняков. Они обсудили разные темы, а самое главное, французскую внутреннюю политику и влияние на внешнюю политику. Альфан сказал, что вряд ли французская политика изменится, но Стомоняков сомневался, поскольку министрами стали Тардьё и Барту. «Они еще более антигерманские [чем антисоветские. — М. К.]», — ответил Альфан. Думерг ранее в радиообращении высказался в пользу сближения. Стомоняков спросил о французском договоре с Германией. Многие люди в окружении Тардьё высказывались в его поддержку. Однако Альфан сказал, что это невозможно, учитывая, что министр иностранных дел — Барту. Стомоняков уточнил насчет Генштаба: ведь в нем были те, кто выступали против сближения с СССР, и те, кто был за соглашение с Германией. «Это верно, — ответил Альфан, — но они не решают дела, и Вейган настроен “неплохо” в отношении СССР». В окружении Вейгана, по секрету добавил посол,

были те, кто сыграл большую роль в его назначении в Москву. Эти вопросы возникали постоянно, пока в Париже главенствовал Поль-Бонкур.

Затем Альфан пожаловался на «малые дела», такие как задержка отправки французской военной-морской миссии в Москву. В Париже тоже все движется медленно, ответил Стомоняков и сослался на жалобы Довгалева на Поль-Бонкура. Это было не совсем справедливо, и Альфан эмоционально ответил, что, честно говоря, бюрократический аппарат правительства и заинтересованные лица за его пределами сопротивляется сближению. С одной стороны, «наши капиталисты вас боятся». С другой, что не менее важно, правительство опасается советско-японской войны. Из-за слишком дружеских отношений с СССР Япония может захватить французские колониальные владения в Индокитае. У Франции нет способа их защитить. В связи с этим Альфан упомянул Леже. Другие, например Альбер Сарро, боялись распространения коммунизма в Индокитае¹.

Альфан мог бы также упомянуть сотрудников МИД. В начале января 1934 года Леже сказал, что Франция будет тщательно изучать вопрос вступления СССР в Лигу Наций и договор о взаимопомощи. Лига не была в приоритете. Главным способом укрепить франко-советские отношения был договор о взаимопомощи. Это «исследование» распространялось в январе политическим отделом МИД Франции. Его возглавлял Поль Баржетон, который выступал против сближения с Москвой. В отчете представлены юридические аргументы против взаимопомощи, то есть те же, что использовались против Локарнских договоров. Соглашение о взаимопомощи, которое Франция предлагала СССР, отменялось одним предложением. «Несомненно, по ошибке было сказано, что господин Поль-Бонкур предвидел подписание конвенции о взаимопомощи, в которую входила Франция». В отчете не уточняется, кто именно говорил такое про Поль-Бонкура, хотя, если почитать советскую корреспонденцию, становится понятно, что это наверняка был Литвинов. Далее говорилось, что «Рейнский пакт едва ли позволил бы нам [Франции. — М. К.] (не больше, кстати, чем

¹ Запись беседы Б. С. Стомонякова с Ш. Альфаном. 13 февраля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 140–142.

Бельгии) оказать непосредственную помощь России». Кроме того, проблему представляла Япония. «Политическая обстановка во Франции» этого бы не позволила¹. Разумеется, обстановку во Франции должны были оценивать политики, а не служащие МИД. А по сути, этот документ, датированный 26 января (на следующий день рухнуло правительство Шотана), убил на корню идею того, что было самым важным для советского правительства: договор о подлинной взаимопомощи для борьбы с гитлеровской Германией и Японией. Эту тему Литвинов и Рузвельт обсуждали в Вашингтоне. Видимо, служащие МИД добрались и до Поль-Бонкура, учитывая, как он в конце декабря начал отступать в разговоре с Довгалеvским.

У советских чиновников оставались сомнения, хотя они, кажется, не поняли, что МИД Франции выступил против договора о взаимопомощи. Полковник Мендрас подтвердил то, что Стомоняков сказал Альфану. Советское правительство опасалось полного вовлечения в отношения с Парижем из-за французской политической нестабильности. Широко распространены были опасения, что к власти вернуться заклятые враги СССР. Это был кошмар Литвинова. «Нам об этом совершенно открыто говорили самые авторитетные источники, — подчеркнул Мендрас. — Несколько раз они высказывали озабоченность неожиданным исчезновением Пьера Кота». Мендрас заметил, что руководство страны наблюдало за недавними событиями в Париже, уделяя им особое внимание и испытывая некоторую тревогу².

Новый министр иностранных дел Франции

Барту, видимо, слышал отголоски советских тревог, так как 24 февраля он пригласил к себе Довгалеvского и заверил его в том, что открыт сотрудничеству. Он сказал Довгалеvскому, что просто старается быть вежливым в отношениях с немецким послом, и не более того. Барту упомянул свое «сложное прошлое в Генуе [в 1922 году. — М. К.]», но дал недвусмысленно понять, что он поддерживает сближение, которое начали его предшественники. Помимо всего прочего, он упомянул технологический обмен в области ВВС. Разговор пришлось прервать, так как далее была назначена

¹ Note de la Direction politique, Observations sur la communication de l'ambassadeur de l'U.R.S.S., confidentiel. 26 Jan. 1934. DDF, 1re, V, 535—542.

² Mendras, compte-rendu mensuel. No. 9. 27 Feb. 1934. SHAT 7N 3121.

еще одна встреча с немецким послом, но тем не менее казалось, что это уже неплохое начало для нового министра¹. Возможно, Альфан был прав насчет Барту.

Эррио также хотел успокоить Литвинова. Он написал личное письмо Альфану, предыдущему управляющему делами его кабинета, и попросил его передать Литвинову, что «хотя его коллеги по кабинету не находятся в той же стадии желания сближения с СССР, который они плохо знают, он, Эррио, будет защищать свои идеи с упорством». С точки зрения Эррио, Советскому Союзу необходимо было вступить в Лигу Наций. Литвинов ответил, что следующий шаг должно сделать французское правительство². Это безусловно свидетельствовало о дурных предчувствиях СССР. Через несколько дней в Париже состоялось заседание Кабинета министров. Как отмечал Эррио, Барту сказал, что поддерживает улучшение отношений с СССР³. Однако это будет не так-то просто.

Во французском Кабинете министров не удавалось достичь единства по данному вопросу. 27 марта Эррио сообщил временному поверенному Розенбергу, что кабинет «лучше расположен к нам», чем правительство Даладье. Произошел обмен военно-воздушными и морскими миссиями, и теперь министры полагают, что «удовлетворительно продвигаются общие переговоры». Розенберг ответил, что это не так. Леже видит проблему в Японии, а Барту недостаточно активен. Эррио ответил на это, что поговорит с Думергом⁴. Как могут успешно продвигаться переговоры в целом, если МИД Франции противится договору о взаимопомощи? В следующие два дня состоялись заседания Кабинета министров, и в своих заметках Эррио подтвердил, что Барту не интересуется взаимопомощью, или по крайней мере он о ней ничего не говорит⁵. 28 марта Барту рано ушел с заседания, чтобы встретиться с Розенбергом. Как писал временный поверенный, Барту явно получил инструкции от Эррио и стал расспрашивать о темпе переговоров, успешно ли они проходят. Розенберг ответил

¹ В. С. Довгалецкий — М. М. Литвинову. 24 февраля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 165–166.

² Встреча с французским послом Ш. Альфаном. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 26 февраля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 45. Д. 154. Л. 6.

³ *Herriot E. Jadis: D'une guerre à l'autre, 1914–1936.* Paris: Flammarion, 1952. P. 389 (entry of 20 Feb. 1934).

⁴ М. И. Розенберг — М. М. Литвинову. 27 марта 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 213.

⁵ *Herriot E. Jadis.* P. 401 (entry of 29 March 1934).

отрицательно. Тогда Барту пожаловался на то, что он завален вопросами, которые, конечно, не так важны, как переговоры с СССР, но тем не менее тоже требуют срочных решений, и даже показал свое расписание. Он обещал изучить документы во время пасхальных каникул и затем снова встретиться с Розенбергом. Временный поверенный писал: «Просил оказать ему “кредит” [доверия. — *Ред.*] на небольшой срок, заверяя, что стоит за развитие дружбы и тому подобное»¹. Казалось, Барту говорил искренне, и Розенберг не мог ему отказать.

Через три дня у Розенберга состоялся разговор с Эррио, который продлился более трех часов. По словам временного поверенного, Эррио настаивал, что нынешнее правительство больше расположено к СССР, чем предыдущее, и что Думерг, министр авиации Виктор Денен и военный министр маршал Петен выступают за сближение. Даже Тардьё не высказывается открыто против². Однако на заседании кабинета 10 апреля все равно возникли проблемы. Думерг и Барту то ли колебались, то ли вообще были готовы отложить принятие решения. «Очевидно, существует скрытое сопротивление», — писал Эррио. Тардьё «симпатизировал» Японии. Министр труда, социалист Адриен Марке был настроен откровенно враждебно. По словам Эррио, на него влияли проблемы внутренней политики и сильный «антимарксизм». Он отрицал «внешнюю» (то есть наступательную) ценность Красной армии³. Ненавидящие Советский Союз всегда себя так вели (а самые ярые из них были среди социалистов). Они постоянно находили предлог для отказа от сотрудничества с СССР. Однако единственное, с чем стоило считаться, это с французской национальной безопасностью.

17 апреля состоялось еще одно заседание Кабинета министров в Париже. Французский МИД подготовил документ, который примечателен тем, что в нем не упоминается инициатива Поль-Бонкура по соглашению о взаимопомощи. Когда его читаешь, создается впечатление, что позиция изменилась и теперь оно не направлено против Японии⁴. Барту позвонил Розенбергу и сообщил, что правительство ему разрешило «продолжать с нами переговоры». Розенберг попросил пояснить, что он имеет в виду. «Означает ли это, что

¹ М. И. Розенберг — М. М. Литвинову. 28 марта 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 220–221.

² М. И. Розенберг — в НКВД. 30 марта 1934 г. // Там же. С. 787.

³ *Herriot E. Jadis*. P. 403–404 (entry of 10 April 1934).

⁴ *Négociations franco-soviétiques, not signed* (Note pour le Conseil des ministres du 17 avril). 16 April 1934. MAÉ, URSS/1003, 112–119.

правительство Думерга решило продолжать переговоры на базе сделанного нам Бонкуром предложения?» Барту ответил утвердительно. По его словам, он не хотел обсуждать данный вопрос, пока не получит информацию о том, как продвигается обсуждение разоружения в Женеве и какую позицию занимают союзники Франции в отношении СССР. Барту попросил обсудить детали с Леже, а потом снова встретиться с ним. Ну конечно же, с Леже — главой аппарата МИД! «Буду просить свидания с ним», — телеграфировал Розенберг в Москву¹.

Встреча состоялась 24 апреля. Розенберг сделал подробную запись разговора, которая наверняка встревожила Литвинова. Леже настаивал, что переговоры должны оставаться строго конфиденциальными. Розенберг ответил, что есть те, кто уже в курсе: в частности, чехословацкие и румынские дипломаты, которым французы сами все рассказали. А посол Чехословакии в Париже уже пообщался с прессой. Леже признал, что общие условия переговоров известны «более широкому кругу лиц», так как их обсуждают в Совете министров. В МИД все подробности знают только он сам и Баржетон. Что касается Барту, он вряд ли допустил утечку, «так как он, — как Леже снисходительно добавил, — всего вопроса не усвоил». Ему нужно подготовить «коротенькую шпаргалку» для заседания министров. Это имел в виду Альфан, когда говорил про аппарат и Леже. Генеральному секретарю нельзя доверять. Взаимопомощь была важной частью этого разговора. Леже изображал сомнения в том, что Поль-Бонкур начал обсуждение взаимопомощи. Он также с неохотой обсуждал детали, поскольку утверждал, что не получил четких инструкций от правительства, хотя раньше делал вид, что они ему не нужны. В конце разговора Леже уверил Розенберга в своей полной лояльности и в том, что, чтобы не произвести «превратное впечатление» в Москве, надо встретиться прежде, чем Барту вернется в Париж из путешествия по Восточной Европе².

Из-за странных комментариев Леже Розенберг решил на следующий день написать Литвинову и сообщить ему, что он не до конца уверен в позиции французов. Леже «дал мне понять, что нет еще ясности в отношении объема переговоров и что правительство тем самым-де, мол, не суживает инициативу МИД». Розенберг скептически

¹ М. И. Розенберг — в НКВД. 20 апреля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 279–280.

² Запись беседы М. И. Розенберга с А. Леже. 24 апреля 1934 г. // Там же. С. 295–298.

отреагировал на это утверждение. Он процитировал то, что ранее сказал ему Барту относительно приема делегации из Кабинета министров для продолжения переговоров¹. Явно где-то закралась ошибка.

28 апреля Литвинов, прочитав депешу Розенберга, отправил телеграмму. «В разговоре с Барту Вы должны даже в случае ликвидации банкуровских предложений в результате позиции Польши заверять его в неизменности нашего стремления к сближению и сотрудничеству с Францией в деле укрепления мира»². Непонятно, получил ли Розенберг эту телеграмму до следующей встречи с Леже в тот же самый день.

Все получилось, как и предполагал Литвинов. Леже нанес визит Розенбергу, и у них состоялся еще один разговор. Леже предложил заключить Восточный пакт, куда вошли бы Германия, Чехословакия, Польша и Прибалтика, но не вошли бы Франция и Бельгия. Но Польша и советская сторона хотели совсем другого. Все подписавшиеся стороны должны были согласиться на отказ от силы и взять на себя обязательства оказывать поддержку соседям в случае агрессии третьих стран. Этот пакт стал бы «промежуточным» вариантом для «франко-советской конвенции» в соответствии со следующими строчками: «Учитывая значение для сохранения мира регионального пакта (Восточного), а также Локарнский пакт, СССР и Франция обещают оказывать друг другу помощь в случае, если они подверглись бы нападению вследствие нарушения вышеозначенных соглашений любым из участников таковых». Леже добавил, что эту формулировку можно изменить в соответствии с Локарнскими договорами и сделать ее объектом только Германию. «Он заявил, что его руководящей мыслью было найти наиболее эффективную формулу для сотрудничества СССР и Франции против Германии».

Розенберг отреагировал на это без энтузиазма. Предложения Леже кардинально отличались от предложений Поль-Бонкура. Но Розенберг отказался далее их комментировать, так как у него не было указаний из Москвы. Он попросил кое-что для него прояснить, чтобы составить отчет в НКВД. Почему Франция не хочет присоединиться к Восточному пакту? Почему обязательства со стороны Франции не включают Прибалтику, которая может «послужить воротами для нападения на нас»? Леже дал поверхностные объяснения, а его формулировка

¹ М. И. Розенберг — М. М. Литвинову. 25 апреля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 299–301.

² М. М. Литвинов — М. И. Розенбергу. 28 апреля 1934 г. // Там же. С. 306.

взаимопомощи показалась Розенбергу слишком размытой. Кроме того, в ней отсутствовали советские предложения. Тем не менее Леже проявил некоторую гибкость. Розенберг предложил Литвинову продолжить обсуждение с ним и Барту до достижения окончательных договоренностей. Ему нужно было получить одобрение его позиции Москвой. На самом деле если почитать французский меморандум, который не дали Розенбергу, он еще менее оптимистичен, чем советский отчет. Франция хотела максимально ограничить свои обязательства, как будто договор о взаимопомощи был нужен не ей, а СССР¹.

Оказывается, две недели назад Леже предложил свои идеи Барту, и министр с ними согласился². Поэтому Леже вел себя так уклончиво во время предыдущей встречи с Розенбергом. Леже и Баржетон переправляли изначальные предложения Поль-Бонкура, а затем представили их на рассмотрение новому министру, который изначально был не уверен в своей позиции. Советская сторона опасалась, что в переговоры с Францией вмешается Польша. Ведь в конце апреля Барту ездил с визитом в Варшаву. Из-за Польши возникали проблемы, но главной была «скрытая оппозиция» во французском МИД и Совете министров, которую не всегда можно было разгадать. Леже действовал конструктивно или был частью «скрытой оппозиции»? Смотря кому мы зададим этот вопрос. Его биограф Рено Мельц полагает, что Леже действовал из лучших побуждений. Он хотел убедить Барту «разыграть русскую карту»³. Леже пытался заверить Розенберга в своей полной преданности. Возможно, так и было. А может, у него на руках были только шестерки и семерки, а вовсе не тузы.

Было 1 мая. Прошло три дня после встречи Розенберга с Леже. В тот день он встретился с Барту. Розенберг спросил, согласен ли Барту с предложениями Леже, и написал следующее: «Барту дважды безоговорочно заявил, что принимает схему Леже, предложенную нам, на свой счет, но добавил, что не может заангажировать свое правительство». Барту сказал, что еще рано идти в кабинет: «Доклад

¹ М. И. Розенберг — М. М. Литвинову. 28 апреля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 309–311; Note de la Direction politique, Assistance mutuelle franco-soviétique, not signed [annotation: Pour M. Léger. N'a pas été remis par lui et (sic) Rosenberg, mais seulement exposé verbalement (sauf la fin)]. 28 April 1934. DDF, 1re, VI, 376–378.

² Young R. J. Power and Pleasure: Louis Barthou and the Third Republic. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1991. P. 214–215.

³ Meltz R. Alexis Léger dit Saint-John Perse. Paris: Flammarion, 2008. P. 428–430.

на Совете министров вызвал бы ненужные трения, ибо не все министры относятся к нам, как Эррио, и кроме того, получилась бы лишняя огласка. Правительство уполномочило его на переговоры, но он не хочет ни преждевременно вентилировать вопрос, ни создать совершившегося факта». То есть все еще приходилось считаться со скрытой оппозицией. Барту тоже полагал, что обсуждение должно быть впредь «строго конфиденциальным». Он попросил советское посольство не вдаваться в детали переговоров с Эррио, но «сказать ему, что мы опять прониклись доверием». Затем Барту стал обсуждать подробности Восточного пакта. Он повторил то, что сказал Леже, и рассказал о своей поездке в Польшу. Несколькими днями ранее Давтян прислал телеграмму, в которой сообщил о результатах переговоров с Барту в Варшаве. С ним этой информацией поделился Ларош. Барту хотел снять проблемы, возникшие во франко-польских отношениях, и, по словам Лароша, ему это удалось. Пилсудский и Бек дали гарантии со своей стороны. Конечно, это были плохие новости. Отношения Польши с нацистской Германией не могли не беспокоить СССР. Так, например, Пилсудский полагал, что информация о перевооружении Германии преувеличена. Бек высказывался менее определенно об аншлюсе и вступлении СССР в Лигу Наций. Что касается советско-польских отношений, то Барту или ничего не делал, или ничего не добился. В конце концов, поляки оставались поляками. С этим нужно было просто смириться и Франции, и СССР. В Париже Розенберг был доволен встречей. Казалось, это был шаг вперед¹. Литвинов думал так же. Он сообщил, что считает предложение Леже приемлемым, хотя не все аспекты полностью понятны. Эти вопросы нужно будет задать в ходе дальнейших переговоров².

Переговоры Литвинова и Барту в Женеве

19 мая Литвинов и Барту встретились в Женеве. По словам наркома, встреча прошла хорошо. Для советской стороны крайне важным был вопрос безопасности Прибалтики. Барту согласился

¹ М. И. Розенберг — М. М. Литвинову. 1 мая 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 312–314; Я. Х. Давтян — в НКВД. 27 апреля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 165. Д. 1259. Л. 68–69, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

² М. М. Литвинов — М. И. Розенбергу. 3 мая 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 795.

поговорить о «распространении помощи Франции на Прибалтику, сказав, что это отнюдь не исключено». Он также согласился пойти на уступки, включить Финляндию в большую прибалтийскую зону и рассматривать их единое пространство ради договора о взаимопомощи. «Он [Барту. — *Ред.*] вновь подтвердил свое и своего правительства расположение к нам, употребив фразу о “дружбе вплоть до военного союза”». Также зашел разговор о вступлении СССР в Лигу Наций. Барту согласился, что СССР не должен выступать с позиции просителя. Это подходило Литвинову¹. Сохранилась также более подробная французская запись разговора, и она совпадает с телеграммами, которые Литвинов отправлял в Москву. «Что делать, если Германия не согласится на эти предложения?» — спросил Литвинов. «Если Германия откажется, то нам будет разрешено заключить пакт без нее. Но нельзя показывать, что мы торопимся. Нельзя делать того, что может быть воспринято как шаг против нее. Если [Германия. — *М. К.*] присоединится к системе безопасности, то тем лучше для всех. Если нет, то она сама виновата». Много говорили о Польше. Литвинов переживал, что Польша ведет двойную игру, а Барту пытался его утешить². Однако независимо от того, чей отчет читаешь — советский или французский, — результаты были положительными. Встреча стала шагом вперед. Но дальше легко не будет. 4 июня Литвинов и Розенберг встретились с Барту и Баржетоном. Они посетили заседание Комиссии по разоружению. Литвинов давил на Барту, пытаясь добиться принципиального согласия французского Кабинета министров на «Восточный Локарно». «Мы не можем вечно, — сказал Литвинов, — вести переговоры только от имени Барту и моего». Барту согласился отправить Баржетона в Париж с отчетом Думергу, а затем на следующий день вернуться в Женеву с ответом. Читатели помнят, что Барту не хотел раньше времени обращаться к Совету министров и без необходимости будоражить оппозицию, но на него давил Литвинов. На переговорах обсуждали

¹ В. С. Довгалецкий — в НКИД. 18 мая 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 168. Д. 1273. Л. 9, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023); В. С. Довгалецкий — в НКИД. 19 мая 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 168. Д. 1273. Л. 10–11, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

² Conversation entre M. Barthou et M. Litvinov à Genève le 18 mai 1934, Projet de pacte oriental, DDF, 1re, VI, 496–502.

и другие темы. Что касается французской помощи Прибалтике, Барту признал советские аргументы убедительными, но не мог дать определенный ответ. Литвинов затронул еще одну волнующую его тему: что, если Германия и Польша не согласятся на Восточный пакт? Какое личное мнение Барту: существуют ли «возможности какого-либо соглашения между нами»? Барту ответил положительно. Литвинов боялся, что Польша будет «саботировать переговоры». За кулисами Бек инициировал «бешеную агитацию против нашего вступления в Лигу и против предлагаемых нами пактов»¹.

Литвинов и Бек

Литвинов никогда ничего не спускал с рук полякам и всегда призывал их к ответу. В тот же день он обедал с Бекком. Литвинов спросил мнение Бека о французском предложении. В ответ Бек принялся жаловаться на Лигу Наций и на все, что происходит в Женеве. Он перечислил причины, по которым ему не нравится французское предложение.

Литвинов знал, как докопаться до сути, спросив Бека, дал ли он Барту отрицательный ответ.

«Правительство это обсудит», — ответил Бек.

«Мое впечатление таково, — продолжил Литвинов, — что без Германии Польша, наверно, отклонит пакт, а при согласии Германии тоже маловероятно, чтобы она его приняла». Польша также может уговорить Германию отказаться от пакта, если ее, конечно, нужно уговаривать. Такого мнения был Литвинов о поляках. «Бек всячески ругал Лигу Наций и Женеву и тут же заверил меня, что слухи о польской агитации против нашего вступления в Лигу не-правильны»².

Поездка Барту в Париж и возвращение в Женеву

Барту, видимо, решил вернуться в Париж вместе с Баржетоном, чтобы поговорить с Думергом. Как сказал Эррио на заседании Кабинета министров 5 июня, Барту попросил разрешения провести

¹ М. М. Литвинов — в НКИД. 4 июня 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 371.

² М. М. Литвинов — в НКИД. 5 июня 1934 г. // Там же. С. 372.

переговоры по региональному пакту о взаимопомощи. «Русские даже предложили взять на себя обязательства, схожие с теми, что были у нас перед Англией в 1914 году. Так сказал мне Литвинов». В личном разговоре, может, и так. Но это не было официальной советской политикой. Эррио также отметил, что Барту был все еще очень сдержан. Он просто старался вести себя осторожно? «Скрытая оппозиция» превратилась в открытую. На этот раз возражать принялся министр по делам колоний Лаваль, выступавший в поддержку соглашения с Германией и «линии Даладье» и против сближения с СССР. Он был крайне последовательным. Для Лавалья сближение с СССР означало то, что во Франции появится «Интернационал и красный флаг». Однако Эррио утверждал, что эмоциональное вмешательство Лавалья было вызвано его недавним столкновением с коммунистами в Обервилье, где он был мэром. Причина несерьезная, зато какой эффект, писал Эррио. Но дело было не только в этом¹. Лаваль ненавидел французских коммунистов, которые были его соперниками на выборах в Обервилье.

Барту вернулся в Женеву и на следующий день встретился с Литвиновым. Как писал нарком, «французское правительство под председательством президента [Думерга. — М. К.] вчера одобрило его переговоры со мной и предложения касательно пактов». Однако правительство не могло согласиться на помощь французам Прибалтике. Литвинов продолжал беспокоиться из-за поляков:

«Буду иметь с Барту еще один разговор для уточнения деталей, причем буду настаивать на ускорении переговоров с Германией до того, как Польша успеет ее обработать. Французы все больше выражают сомнение относительно позиции Польши. Со всех сторон делается нажим на Францию, чтобы оторвать ее от нас и вернуть на путь франко-английского и франко-германского соглашений. По существу борьба здесь на конференции является борьбой между нами и Германией»².

Литвинов был крайне настырным. Он стоял на своем во время встречи с Барту через два дня. Снова заговорил о Прибалтике и о важности «французской помощи». «Барту сказал, что, хотя Совет министров решил пока вопрос отрицательно, он не считает это

¹ Herriot E. Jadis. P. 437—438 (entry of 5 June 1934).

² М. М. Литвинов (через В. С. Довгалевского) — в НКИД. 6 июня 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 168. Д. 1273. Л. 43, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

окончательным ответом и готов вновь обсудить мое замечание на этот счет, которое я обещал изложить ему письменно». Барту также пообещал переговорить с Польшей и надавить на Прибалтику¹.

А в это время во французском посольстве в Москве...

Мендрас находился в Москве и не знал про проблемы в Женеве. Он с осторожностью относился к двусторонним отношениям, которые часто были непростыми. «Русские всегда были далеки от нас, — писал он, — а сейчас они к тому же коммунисты». Между иностранцами и СССР существовал барьер. Разговор не строился так легко, как, например, между британцами и французами. Все было иначе из-за коммунистического Интернационала, даже если его держали в узде. Как писал Мендрас, февральские протесты в Париже разожгли «пламя революции». Именно поэтому Лаваль в Обервилье пострадал от рук коммунистов, выступивших против фашизма. И все же Коминтерн «недалеко ушел от реалиста Литвинова». Мендрас добавил, что не настаивает на том, что нужно отказаться от «сближения с большевиками», но самый лучший способ преодолеть сложности — это хорошо их узнать. «Я по-прежнему убежден, что СССР — это большая сила, которая растет и которую мы можем и должны ввести в нашу игру»².

Французский поверенный Пайяр заметил укрепление позиции Литвинова. После некоторой неопределенности, вызванной «противотоком», победила «политика национальной безопасности» наркома. «Его положение стало более стабильным, даже крепким, и мы можем только приветствовать такое изменение»³. Если проанализировать летнюю переписку Сталина с Молотовым и Кагановичем, то можно заметить, что там не упоминается взаимопомощь и сближение с Францией. Если бы вождю и его сторонникам в Москве внешняя политика не нравилась или внушала бы беспокойство, то они, несомненно, об этом бы упомянули.

Летом 1934 года у антикоммуниста Лавалья было не то положение, чтобы помешать франко-советскому сближению. Переговоры в Женеве между Барту и Литвиновым дали хороший результат. Через

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 8 июня 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 378–379.

² Mendras, compte-rendu. No. 12. 1 June 1934. SHAT 7N 3121.

³ Payart. No. 223. 28 May 1934. MAÉ, URSS/1003, 165.

несколько недель Альфан обсудил это с наркомом в Москве. Он сам заметил изменения к лучшему в министре до и после Женевы. Пресса также заговорила другим тоном, и иначе стал себя вести аппарат МИД. Даже Леже был настроен менее враждебно. Альфан уделял аппарату МИД отдельное внимание, поскольку, как он любил говорить, министры уходят, а аппарат остается¹. С ним надо сохранять тесный контакт и вести себя любезно. Советские дипломаты очень хорошо справлялись с этой задачей, но это редко приводило к улучшению двусторонних отношений.

В Москве Альфан часто проводил время с нарками и чиновниками. Это был привычный и менее официальный способ обмениваться информацией и обсудить проблемы. «Настоящий восточный суверен» Сталин был «невидим» для иностранных дипломатов, поэтому необходимо было налаживать отношения с его подчиненными. Стоит добавить, что у Альфана были отличные источники информации. Он часто устраивал ужины во французском посольстве и наладил хорошие отношения с наркомом обороны Ворошиловым. На этот раз Ворошилов решил, что пора ему выступить в роли хозяина, и пригласил Альфана к себе на дачу. Таким способом можно было укрепить отношения и сформировать взаимное доверие. Альфан писал, что неделей ранее его пригласил на обед Литвинов. Он предложил приехать к нему на дачу, расположенную по ленинградскому шоссе, и провести день в кругу семьи. Что касается ужина у Ворошилова, Альфан подробно описал дом, который был намного роскошнее, чем у Литвинова, а также парк размером в 40 гектаров. Ужин был роскошным. Гостями были Крестинский и еще несколько сотрудников НКВД, а также заместитель Ворошилова Тухачевский и начальник штаба Егоров. С французской стороны присутствовали Мендрас и Альфан, а также их жены. После ужина мужчины сняли пиджаки и пошли играть в русский бильярд, а женщины танцевали. Примерно около полуночи Ворошилов и Альфан провели переговоры, которые продлились около двух часов. При них присутствовали Крестинский, Мендрас и один из сотрудников НКВД. Альфан говорил о Восточном пакте, а Ворошилов — о безопасности в Дальневосточном регионе и о беспокойстве СССР из-за Японии. Советское правительство все еще рассчитывало тут на

¹ Встреча с Ш. Альфаном. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 23 июня 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 45. Д. 154. Л. 12—13.

французскую поддержку. Альфан ответил, что это невозможно. Тогда Ворошилов заговорил о беспокоящих его отношениях Польши с Германией. Он был убежден, что их можно прекратить только с помощью Франции. Он надеялся, что поляки наконец образумятся. Мендрас похвалил военные контакты между двумя сторонами. Ворошилов согласился, но отметил, что нет движения вперед. Альфан упомянул, правда, очень осторожно, «пропаганду» — тему, на которую постоянно жаловалась Франция. Ворошилов ответил эмоционально: «Поверьте, мы не настолько глупые, чтобы вмешиваться в дела других стран, которые нас не касаются». Альфан и Мендрас остались довольны сердечным тоном переговоров. Мендрас сделал вывод, что «разговор позволил нам еще раз отметить, как советское правительство ценит союз с Францией, необходимый для безопасности западных границ СССР»¹.

И снова Германия (январь — июнь 1934 года)

Учитывая, сколько внимания СССР уделял Франции, читателю может стать интересно, что же происходило в это время с немецким послом Надольным? Неужели зимой 1934 года его бросили одного в посольстве? Надольный редко видел Литвинова и Крестинского после их встреч в начале января. Однако нарком никогда не забывал о нацистской Германии. Надольный все еще выступал за возврат к «старой политике». Он говорил об этом со Стомоняковым за ужином в резиденции посла. Надольный снова повторил то же самое про ошибки нацистов в начале правления и про желание все уладить. Стомонякова это не убедило: «Основная причина недоверия нашей общественности кроется в резко антисоветской идеологии национал-социалистической партии. Устранить это недоверие можно только устранением причины, то есть отказом Гитлера от всех высказанных им раньше антисоветских призывов». Стомоняков сказал, что именно в этом необходимо убедить общественность, и подчеркнул: пока это лишь его личное мнение, но пока это не сделано, недоверие никуда не исчезнет. «Такая декларация со стороны Гитлера невозможна. Гитлер считает себя апостолом, — хитро улынувшись,

¹ Alphand. No. 283. 20 July 1934, including Mendras, Réception chez Vorochilov, n.d., MAÉ, URSS/967, 168–170 (r/v).

сказал Надольный, — и он, Гитлер, не может, особенно теперь, вскоре после прихода к власти, признать публично, что он ошибался». Надольный полагал, что советское правительство просто должно взять под контроль прессу — ведь все знали, что в СССР прессой руководит правительство. Затем он обрушил на Стомонякова поток жалоб на антинемецкие статьи¹.

В тот же день Литвинов снова написал Сталину про Прибалтику. Он хотел увеличить там советское влияние и уменьшить влияние других государств. Больше всего его беспокоили Германия и Польша. Литвинов рекомендовал предложить немцам дать совместные гарантии независимости Прибалтике. Таким образом можно улучшить советские отношения с данным регионом. Что касается Германии, то, если она согласится, отношения улучшатся, а если нет, то будут понятнее намерения нацистов. Кроме того, так можно преподать «хороший урок» Польше. Он попросил разрешения участвовать в обсуждении данного вопроса в Политбюро². Поскольку у Литвинова не получилось добиться совместного заявления от Польши, 28 марта 1934 года он предложил то же самое Надольному. Посол задал много вопросов относительно текста черновика протокола и заявил, что, с его точки зрения, немецкое правительство вряд ли с ним согласится. Это было связано с городом Мемель, где проживали немцы, а сам он находился под контролем Литвы. Надольный полагал, что предложение СССР может стать первым шагом на пути к улучшению отношений, несмотря на наиболее вероятный ответ Берлина. В телеграмме посол не написал, что ожидает отказ. Напротив, он утверждал, что отрицательный ответ «вряд ли возможен»³. В тот же день Надольный организовал ужин в честь Ворошилова. Присутствовали Крестинский, Карахан, а также военные и гражданские официальные лица. У Надольного было хорошее настроение. Он был доволен, что Ворошилов принял его приглашение и что недавно в Берлине было подписано торговое соглашение.

¹ Беседа с германским послом Р. Надольным. Выдержка из дневника Б. С. Стомонякова. 17 марта 1934 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 110–108.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 17 марта 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 103. Д. 117. Л. 43–45.

³ Встреча с германским послом Р. Надольным. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 28 марта 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 87–89; Nadolny. No. 63, secret. 28 March 1934. DGFP, C, II, 683–685.

Надольный отчасти в шутку, а отчасти всерьез заявил, что немецкая сторона пошла на слишком большие уступки, однако торговое соглашение «...является первым проблеском света» в не очень хороших советско-немецких отношениях. Он явно только вернулся после встречи с Литвиновым и был вдохновлен предложенным Прибалтийским протоколом, хотя и не ожидал положительного ответа из Берлина. Крестинский и остальные гости ответили, что если Германия откажется, то мировая общественность воспримет это как «агрессивные намерения в Прибалтике». Надольный ответил, что основным камнем преткновения являются Литва и особенно Мемель. А разумно ли, что Германия «так сильно цепляется за ничтожный клочок своей прежней территории?», спросила советская сторона. Затем стали обсуждать более общие аспекты советско-немецких отношений. Разговор пошел по привычной схеме, уже хорошо знакомой читателям. Время от времени стороны упоминали таинственный Коминтерн и белогвардейцев в Германии, которые вели ее непонятно куда. Скорее всего, вечер удался. Этому способствовало вино, водка и отсутствие горячих дискуссий. Как писал Крестинский, разговор был местами неплох, стороны вели себя даже дружелюбно, но, конечно, это ничего не могло изменить¹.

14 апреля Надольный встретился с Литвиновым якобы для того, чтобы обсудить Прибалтийский протокол, но на самом деле это был всего лишь предлог. Посол хотел высказать свои возражения против статьи Радека, озаглавленной «Шипение фашистских вредителей». Надольного можно понять, но Литвинов, как обычно, не проявил сочувствия. «Я порекомендовал ему обратиться к т[оварищу] Штерну, который представит ему досье антисоветских выступлений германской печати». Наконец они дошли до обсуждения протокола, который предложил Литвинов. Надольный не сообщил ничего утешительного. Берлин дал отрицательный ответ, и нарком не мог этого изменить². Крестинский написал Хинчуку, что посол был удивлен отказом, но на самом деле он говорил у Ворошилова, что не

¹ Запись беседы за обедом, данным германским послом Р. Надольным. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 28 марта 1934 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 97–92.

² Запись беседы М. М. Литвинова с Р. Надольным. 14 апреля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 260–261.

ожидает принятия протокола¹. Возможно, Крестинскому стоило перечитать свой дневник.

Литвинов посчитал ответ Германии четким признаком агрессивных намерений в прибалтийской зоне. Он велел советскому полпреду в Риге сослаться на это в неофициальных разговорах. «Можете даже обратить внимание на то обстоятельство, что при циничном отношении к пактам, позволяющем Гитлеру готовиться к войне и в то же время предлагать всем пакты о ненападении и даже подписать пакт с Польшей, Гитлер все же отказывается дать бумажное обязательство в отношении Прибалтики. Это означает, что действия против Польши откладываются на некоторое время, в течение которого впечатление от подписанного германо-польского соглашения может испариться...». По словам Литвинова, если бы немцы приняли его предложение, то они взяли бы на себя обязательства перед Прибалтийскими странами и СССР. Это весьма странный аргумент, так как протокол наркома имел бы не больше ценности, чем пакт о ненападении, заключенный с Польшей. Однако это был способ выиграть время. После того как поляки и немцы отказались давать гарантии Прибалтике, Литвинов сдался. «Единственным действительным радетелем о независимости Прибалтики, — писал нарком, — является СССР»². Читатели, конечно, справедливо засомневаются, а считали ли так же прибалтийские правительства. Дальнейшие события покажут, что Литвинов был неправ относительно роли СССР как хранителя независимости этого региона. Однако произойдет это более чем через шесть лет, и совсем при иных обстоятельствах.

21 апреля Надольный снова встретился с Литвиновым. В первую очередь они обсудили отказ немецкого правительства подписать протокол о независимости Прибалтики. Литвинов, очевидно, был раздражен, но у читателей может возникнуть вопрос почему. Одержимость Гитлера пактами была всего лишь ширмой для того, чтобы успокоить будущих жертв, в том числе Польшу и СССР, перед тем, как напасть на них. Литвинов был более прозорлив, чем его современники. Тогда какой смысл расстраиваться и срываться на Надольном? Разве что ему хотелось только выпустить пар? Посол позволил

¹ Н. Н. Крестинский — Л. М. Хинчуку. 17 апреля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 263.

² М. М. Литвинов — С. И. Бродовскому. 17 апреля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 104—102.

себе личный, неофициальный комментарий и сказал, что было «огромной ошибкой» немецкого правительства не отречься от «Майн кампф». Он все еще пытался найти выход. Литвинов не стал отвечать прямо на слова о «книге Гитлера» или на предложение попытаться выяснить новые предложения Германии. Надольный не упомянул в отчете свой личный взгляд на «Майн кампф» и объяснил поведение Литвинова «чувствительностью из-за отказа»¹.

В каком мире жил посол? Можно подумать, у Литвинова не было своих собственных источников информации в советском посольстве в Берлине. На встрече с Надольным у него уже был на руках отчет Хинчука. «В центре внешней политики Гитлера в настоящий момент находится вопрос о вооружении Германии». Чтобы перевооружить и сформировать войска, нужны время и деньги, и именно для этого Гитлер «прибег к известным пацифистским маневрам». Он общался с англичанами и надеялся, что консерваторы поддержат его антисоветские планы, а кроме того, выступят посредниками в диалоге с Францией. Подобная информация не могла не взволновать Москву, и Хинчук подробно рассказал о Франсуа-Понсе, французском после в Германии, и его попытках договориться с Берлином. На самом деле везде в Европе Гитлер сеял семена раздора и разногласий. С Германией разговаривали все. Хинчук писал, что поляки разложили карты по всему столу для покера, играя с Германией, Францией и СССР. Немецкое соглашение с Польшей позволило Гитлеру спасти Германию от международной изоляции и вытащить из французской цепочки союзников самое важное звено — Польшу. Что касается отношений с СССР, то Хинчук описал их как находящиеся «в стадии скрытого или явного напряжения». Нацисты вели в отношении СССР все ту же политику: «Дранг нах Остен» («Натиск на Восток») и борьба с мировым большевизмом. «С тех пор, как выяснилось, что интервенция против нас — дело нелегкое, что она требует серьезной экономической, военной и дипломатической подготовки, нацисты перешли от тактики прямых наскоков к более искусным маневрам». Тут Хинчук зря старался. Он подчеркнул, что нацисты также разыгрывают советскую карту, чтобы давить во время переговоров на французов и поляков. На самом деле Франция

¹ Встреча с германским послом Р. Надольным. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 21 апреля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 122–123; Nadolny. No. 92. 21 April 1934. DGFP, C, II, 763–764.

и Польша занимались тем же самым. Это была сложная игра со множеством ходов. Дела в Германии шли очень тяжело, сообщил Хинчук, и поэтому Гитлер не мог рисковать и снова создавать напряжение в отношениях с СССР¹.

Тем не менее он ответил отказом на протокол Литвинова, и это привело к отставке Надольного в июне. Мендрас писал, что на этот раз Надольный, не получив поддержку «старой политики» от Литвинова, решил действовать через его голову и пошел к Ворошилову, чтобы обсудить с ним улучшение отношений с Берлином. Ворошилов, видимо, проинформировал Сталина, так как он велел Литвинову смягчить политику по отношению к Германии, пока на востоке угрожает Япония. Литвинов страшно разозлился из-за того, что Надольный попытался действовать в обход него, хотя на самом деле это был всего лишь курьез, поскольку послу так и не удалось добиться от Гитлера согласия на улучшение отношений с СССР. Надольный рассказал о своем январском разговоре с Ворошиловым, что послужило основой для отчета Мендраса. Посол оказался между Берлином, не одобрявшим его инициативы, и Москвой, которая их отвергала. Таким образом, его отъезд был неизбежен. По словам Мендраса, из случившегося можно было извлечь урок: мосты между Москвой и Берлином сожжены не до конца, и неожиданное изменение политического курса все еще возможно. Поэтому французскому правительству надо строить свои собственные мосты с Москвой, чтобы занять место, освобожденное Германией². Как и многие другие хорошие парижские советы, он был приложен к делу.

Литвинов встретился с Нейратом в Берлине в середине июня. Они обсуждали реакцию Германии на создание «Восточного Локарно», или Восточный пакт. Нарком пытался объяснить, что данное соглашение поможет успокоить общественность, тревожащуюся из-за европейской безопасности. Нейрат ответил, что знает про советские опасения, но для его страны повода для них нет. Это правда, что несколько глупцов в Германии «мечтают об экспансии на Восток, о колонизации и т. п., но германское правительство об этом и не думает». Новый пакт, продолжал Нейрат, был неприемлем для Германии, неинтересен и не нес никакого практического смысла.

¹ Анализ германской внешней политики последнего времени Л. М. Хинчука // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 29. Л. 37–40.

² Mendras, compte-rendu mensuel. No. 13. 25 June 1934. SHAT 7N 3121.

На это Литвинов ответил, что о расширении на Восток писали не «несколько глупцов», а сам «нынешний “вождь” страны. Он никогда от этой программы не отрекался, а, наоборот, разрешает распространение в Германии до сих пор книги, в которой эта программа изложена. На этой программе, следовательно, воспитывается германский народ, который приучается к мысли о необходимости и неизбежности экспансии на Восток». Кроме всего прочего, отметил Литвинов, нацистское правительство предпринимает ряд мер, чтобы реализовать цели, изложенные в «книге». Затем важны еще высказывания таких людей, как Гугенберг, Альфред Розенберг и остальных, кто продвигает подобные идеи. «Если бы мы даже на 99% верили заявлениям об отсутствии агрессивности у некоторых представителей правящих германских кругов и сомневались лишь на 1%, то и в таком случае мы как государство должны были бы предпринять все необходимые меры предосторожности».

Нейрат выслушал длинный монолог Литвинова, в конце, несколько замялся и сказал, что Германия может ответить только так, как раньше. Германия не собирается никуда расширяться. У нее есть интерес только в Польском коридоре, но она дала по этому вопросу десятилетние гарантии. «Несмотря ни на что, — сказал Нейрат в конце переговоров, — я надеюсь, что наши личные отношения останутся такими же, как раньше». В отчете Нейрата отсутствует упоминание «нескольких глупцов», а также подробный ответ Литвинова. В обоих описаниях есть и другие детали, но основной смысл заключается в том, что Германии неинтересен «Восточный Локарно»¹.

Нейрат отметил, что Литвинов был «менее уверен в себе, чем обычно», но, по заявлению советского посольства в Берлине, немецкая пресса пребывала в «паническом настроении» из-за встречи Литвинова с Барту в Женеве. Из-за этой паники и, чтобы разрушить планы Литвинова, немецкая пресса устроила новую кампанию травли СССР². В ней разоблачались заверения Нейрата. Вскоре все узнали о его встрече с наркомом. В тот же день Франсуа-Понсе сообщил

¹ Запись беседы с министром иностранных дел Германии К. фон Нейратом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 13 июня 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 159–163; Neurath's memorandum. 13 June 1934. DGFP, C, II, 902–904.

² Д. Б. Виноградов о советско-германских отношениях. 18 июня 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 29. Л. 41–43.

о том, что Нейрат выступил против Восточного пакта. У Литвинова сложилось впечатление, что Бек или польский посол Липский обсудили свою позицию с МИД Германии. При этом ответственность за отказ от французских предложений лежала на Франции¹. На следующий день, 14 июня Бек проинформировал французского посла Лароша, что он отрицательно относится к «Восточному Локарно». Франции пора привыкать к тому, что у Польши наконец сложились «нормальные» отношения с Германией. Бек заявил, что он уверен в намерениях Гитлера «поддерживать хорошие отношения с Польшей». Возможно, это объясняется тем, сухо ответил Ларош, что Германия слишком занята проблемами на западе, которые так же для нас важны, как и восток для Польши².

А что же Великобритания?

Когда дела шли плохо, Франция обычно обращалась к Лондону. Барту настаивал на «Восточном Локарно». Если не удастся удержать СССР на своей стороне, то он может переключиться на «исключительно азиатскую» политику³. Министр отправился в Лондон 9 июля, чтобы заручиться поддержкой Великобритании. Он ее получил, но при условии, что Германия должна также быть включена в систему гарантий. Литвинов узнал о французской политике из газет, которые сообщали, что Франция согласилась выступить гарантом Восточного пакта. Вначале нарком не понял, что это означает, что Франция гарантирует безопасность Германии в случае агрессии со стороны СССР. Только представьте — гарантирует безопасность гитлеровской Германии! Литвинова всегда беспокоила Прибалтика, и поэтому он хотел понять, будет ли она включена в договор. Политбюро решило не возражать против немецких гарантий, но Литвинов попробовал снова настоять на включении Прибалтийского региона в новую систему соглашений⁴. Безопасность Прибалтики была основой безопасности СССР.

¹ François-Poncet. Nos. 1068—1069, confidential. 13 June 1934. MAÉ, URSS/965, 108.

² Laroche. Nos. 526—538. 14 June 1934. MAÉ, URSS/965, 120—132.

³ Barthou (revisions by Léger) to Charles Corbin, ambassador in London. Nos. 1080—1081. 20 June 1934. MAÉ, URSS/965, 147.

⁴ М. М. Литвинов — М. И. Розенбергу. 11 июля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 466; М. М. Литвинов — М. И. Розенбергу. 16 июля 1934 г. // Там же. С. 479.

Поддержка пакта со стороны Великобритании не изменила мнения Польши. 13 июля в разговоре с Ларошем Бек по-прежнему был настроен скептически. Эта поддержка была всего лишь «платонической». Франция могла выступить гарантом, но не Великобритания. Это ничего не меняло для Германии, которая все еще была настроена «отрицательно». Польскому министру иностранных дел было несложно найти причины, почему от пакта не будет никакой пользы. Новый советский полпред в Варшаве Давтян писал следующее: «Позиция Польши к пакту ясна — она не хочет его. Поль[ское] пра[вительство] будет максимально тянуть переговоры, занимаясь всякими “выяснениями”, чтобы провалить пакт». Ключевой была позиция Великобритании. Если она выступит за заключение пакта, Польше придется смириться, но британцы пытаются сократить его содержание. На встрече с Давтяном через несколько дней французский посол пришел к тому же выводу: «Бек в основном выступает против пакта»¹.

В конце второй недели июля Москва и Париж активно обменивались письмами. 13 июля Альфан встретился с Литвиновым и по указанию Барту передал ему заявление об англо-французских переговорах в Лондоне. «Я высказал сомнения в согласии Германии на подписание пакта, — писал нарком, — даже после английского демарша и сказал, что единственным средством склонить Германию к подписанию пакта было бы давление на Варшаву. Только когда перед Германией будет стоять угроза заключения пакта с участием Польши даже без Германии, последняя предпочтет присоединиться к пакту. У Франции же имеются достаточные средства давления на Варшаву». Альфан сказал, что он полностью согласен с выводами Литвинова².

На следующий день, 14 июля во Франции был национальный праздник — День взятия Бастилии. А в советском посольстве был траур. В тот день умер Довгалецкий, который лечился в клинике в Париже от рака. Он более шести лет был советским послом в Париже. Через несколько недель в Москве прах Довгалецкого был

¹ Laroche. Nos. 650–661, reserve. 14 July 1934. DDF, 1re, VI, 967–970; Я. Х. Давтян — Б. С. Стомонякову. 12 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 100. Д. 63. Л. 90–94; Запись беседы Я. Х. Давтяна с Ж. Ларошем. 17 июля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 482–483.

² Встреча с Ш. Альфаном. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 13 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 45. Д. 154. Л. 14–16.

погребен у Кремлевской стены Сталиным, Калининым, Молотовым и другими. Неплохое прощание с полпредом СССР.

В день, когда умер Довгалеvский, Литвинов сообщил Сталину новости из Лондона: Великобритания одобрила региональный пакт, но также пыталась помешать Франции и СССР заключить договор о гарантиях. МИД Великобритании выступал за то, что надо сильнее увязать содержание предлагаемого Восточного пакта с существующими положениями Локарнских договоров. Литвинов писал, что англичане, возможно, придерживаются этой линии, так как прекрасно понимают, что Германия и Польша откажутся подписать подобный документ. «Несомненно, что <...> на Англию оказал влияние несколько запугивающий прием Франции, говорившей направо и налево, что она заключит военный союз с СССР в случае неосуществления пакта». Литвинов писал: «Во всяком случае, перед нами сейчас стоит вопрос, не предусмотренный при моих переговорах с Барту». Был вариант заключить двусторонний пакт с Францией или же договор о гарантиях между Германией, Францией и СССР. Литвинов предпочитал второй вариант, так как «мы и раньше выдвигали идею общего пакта с участием Франции, в каковом случае гарантии были бы даны также и Германии»¹. Возможно, читатели будут удивлены тем, что Литвинов полагал, будто Польша и Германия вряд ли согласятся на такой общий договор.

Это было не единственным препятствием на пути к заключению Восточного пакта или двустороннего франко-советского соглашения. Еще одной проблемой была Великобритания, как мы позднее увидим. Ничего нового. МИД Великобритании сдерживал франко-советские отношения в 1920-х годах. В начале 1930-х годов в этом не было необходимости, так как Франция не была заинтересована в нормализации отношений с СССР, пока Эррио не стал премьер-министром. Затем к власти пришел Гитлер, и тут Москвой заинтересовались Поль-Бонкур и Барту. Британское правительство стало уделять этому вопросу больше внимания. «Консерваторы и религиозные организации, в особенности католики, — писал французский советник Роже Камбон, — совершенно не доверяют СССР». Затем он продолжил:

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 14 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 103. Д. 117. Л. 178—179.

«Каждый раз, когда он начинает сближаться с другим государством, эти круги полагают, что их опасная зона увеличивается... Большинство английских консерваторов считают коммунистическую угрозу крайне важной и больше нее опасаются разве что недавних событий в Германии. До сих пор они с симпатией относились к идеям порядка, которые вдохновляют нацистов, и к антибольшевистским службам, которые использует Гитлер, начиная с его прихода к власти. С точки зрения консерваторов, даже самые стабильные нации могут стать объектом для угрозы, если будут сближаться с СССР.

Либералы и лейбористы, — продолжал Камбон, — относятся к СССР несколько иначе. Они, конечно, от него не в восторге, но с сочувствием относятся к франко-советскому сближению». МИД Великобритании также признает, что оно оправданно, но хорошо понимает желание французов «избежать слишком сильной близости с СССР».

Потом шел следующий комментарий: «Если спросить личное мнение моих коллег по МИД, то они в целом считают русских очень одаренными с точки зрения воображения и интеллектуальных способностей. С другой стороны, они сдержанно относятся к политическим, экономическим и даже просто организационным способностям советских служащих. Они полагают, что если за ними [советскими гражданами. — М. К.] не следить, то у них ломаются даже самые передовые механизмы, особенно это касается производства и транспорта».

Это звучало как традиционный британский ориентализм, но на этом депеша Камбона не заканчивалась. Мы это видим из его дальнейших комментариев: «В глазах английских дипломатов Россия, сейчас или в будущем, может стать настоящей международной угрозой, если попадет в руки иностранных элементов... Как уже показали немцы, они прекрасно могут сыграть эту роль. Однако политика франкофилии, которую выбрала Москва, представляет собой наилучшее противоядие против немецкой угрозы». В конце Камбон резюмировал, что именно поэтому не стоит удивляться, что министр иностранных дел Джон Саймон поддерживает попытки французов заключить Восточный пакт¹. К сожалению, Камбон ошибался. Британское правительство не собиралось потакать французскому желанию укрепить отношения с Москвой. Но мы забегаем вперед.

¹ Cambon. No. 881. 16 Aug. 1934. МАЕ, Grande-Bretagne/294, 53—57.

А что же Польша?

В то лето 1934 года коллективной безопасности угрожала Польша. Общаясь с Парижем, Ларош недоумевал: неужели каждый шаг Франции на пути к Москве будет толкать Польшу к Германии?¹ Латвийский министр в Варшаве Ольгерд Гросвальд сообщил Ларошу, что Прибалтийские страны не очень довольны перспективой заключения франко-советского союза. Германия отделена от СССР другими государствами, и Гросвальд подчеркивал: «Мы не позволим советским войскам пройти по нашей территории, и у меня есть сомнения по поводу того, что это будет привлекательной идеей и для Польши». Поляки мучились дурными предчувствиями из-за перспектив франко-советского союза². Польские дипломаты вскоре сформировали свою собственную позицию. Они говорили, что Красная армия никогда не покинет польскую территорию, вступив на нее, а остальные добавляли, что может «разгореться революция». Польский заместитель министра иностранных дел Ян Шембек был в ярости по этому поводу: подобный расклад приведет к очередному разделу Польши³. В это все упиралось. Об этом говорили постоянно в период между 1934 и 1939 годом, и вплоть до начала войны в сентябре 1939 года это оставалось препятствием на пути советско-польского сотрудничества, направленного на борьбу с Германией. Даже немцы не были сильно взволнованы. «Нынешнее русское заигрывание с Францией нас не очень пугает, — говорилось в одном из посольских отчетов, отправленном в Германию и перехваченном советской разведкой. — Россия не наш сосед, Красную Армию в ближайшее время трудно использовать вне страны, не говоря уже о том, что ни одно соседнее государство ее не пропустит через свою территорию»⁴.

В середине 1934 года донесения советской военной разведки по Польше были всегда отрицательными. В одном из них говорилось,

¹ Laroche. Nos. 503–506. 9 June 1934. МАЭ, URSS/965, 96–99.

² Laroche. Nos. 483–486. 5 June 1934. МАЭ, URSS/965, 63–65bis.

³ Untitled note (Geneva), secret, not signed. July 1934. МАЭ, URSS/967, 128–130; Laroche. No. 514, very confidential. 16 July 1934. DDF, 1re, VI, 975–979.

⁴ Начальник военной разведки СССР — И. В. Сталину. 13 ноября 1934 г. // Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 гг.: сб. документов из российских архивов / сост. М. Уль, В. Хаустов, В. Захарова. М., 2015. С. 405–409.

что Ларош сильно приукрасил свой рассказ о том, как Барту удачно съездил в Варшаву. Эту информацию передали Давтяну в конце апреля. Все прошло не так хорошо, как предположил Ларош. Однако Барту удалось сыграть на самолюбии поляков, поэтому постепенно атмосфера стала более теплой. В конце концов Барту затронул вопрос советско-польских отношений. По словам министра, «они оставляют желать лучшего, и в случае отсутствия понимания с Германией Польше также придется столкнуться с враждебностью СССР». Как сообщил советский источник в Париже, у которого были связи во французском МИД, когда Бек был в Москве, его предупредили, что не стоит «делать ставку на двух лошадей» — Францию и нацистскую Германию. Барту настоятельно рекомендовал полякам улучшить отношения с СССР. На это Пилсудский ответил, что он не верит московскому правительству и что «советская армия крайне слаба», а советский «режим» нестабилен и хрупок. Таким образом, попытки Барту наладить советско-польские отношения провалились¹.

Как сообщалось в советском отчете, полученном из польского источника, связанного с Бекон и другими членами правительства, Польша и Германия, помимо всего прочего, собирались объединиться, чтобы помешать Франции, Малой Антанте и СССР заключить союз. Если же все-таки не удастся это предотвратить, то Польша разорвет союз с Францией и открыто примет сторону Германии. Они будут сотрудничать, чтобы помешать заключению союза между Прибалтийскими странами, а также не дать СССР, Франции и Великобритании укрепить свои позиции. Германия и Польша будут вместе мешать подписать Восточный пакт. Эти строчки подчеркнуты в отчете, к которому сделал приписку Сталин и велел разослать его всем членам Политбюро².

В конце июля Барту потерял терпение. Польша продолжала блокировать Восточный пакт: «У господина Бека есть некоторые

¹ Полученный от агента из Парижа доклад ОГПУ. Не позднее 14 мая 1934 г., с пометками Сталина // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 9–23, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

² Доклад ОГПУ от «серьезного польского информатора». Не позднее 29 июня 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 28–44, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

возражения и опасения, которые заслуживают обсуждения, если, конечно, он не скрывает настоящую враждебность по отношению к самой идее подобного договора. Все готово. Мы не хотим расстраивать Польшу, но нам необходимо сделать так, чтобы она заняла принципиальную позицию и отказалась от дипломатии, которая на самом деле слишком медлительна»¹. Ларошу были отправлены официальные инструкции, и он попытался сдвинуть дело с мертвой точки в Варшаве, но Бек все равно отказывался принимать решение².

Вступление СССР в Лигу Наций

В это время на повестке дня стояло вступление СССР в Лигу Наций. В сентябре должно было состояться ежегодное заседание. В начале июля советская позиция пока что еще не была ясна. Литвинов отправил письмо Сталину и объяснил, как обстоят дела. Главным образом вступлению СССР в Лигу Наций противились две страны, которые из нее вышли, а именно Германия и Япония. Ну и, конечно же, Польша, которая уже окончательно утвердилась в своей роли вредителя европейской коллективной безопасности. Из французского отчета становится понятно, что Бек смирился с вступлением в Лигу СССР. Этот вопрос всплывал много раз в Женеве. Как писал Литвинов, Франция и Малая Антанта давили. «Я подчеркивал, что самостоятельно этот вопрос нами не обсуждается и может встать лишь в случае осуществления пакта о взаимопомощи»³. Однако в июле 1934 года это вряд ли представлялось возможным. Три недели спустя Литвинов снова написал Сталину. Франция и остальные государства ожидали, что СССР подаст заявку на вступление в Лигу в сентябре. Этот шаг был связан с договором о взаимопомощи. Если возникнут задержки, то вступление придется отложить до 1935 года. Какова бы ни была позиция советского правительства, о ней необ-

¹ Barthou's marginal note. 24 July 1934; Note de Monsieur Laroche, ambassadeur à Varsovie. 22 July 1934. MAÉ, URSS/967, 182–187.

² Dessberg F. Le triangle impossible: Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Brussels: Peter Lang, 2009. P. 342–344.

³ Untitled note (Geneva), secret, not signed. July 1934. MAÉ, URSS/967, 128–130; М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 2 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 103. Д. 117. Л. 152–156.

ходимо уведомить Францию. Поэтому Литвинов предложил назначить заседание перед летними отпусками¹. Через четыре дня Политбюро одобрило вступление СССР в Лигу Наций, отказавшись от своих первоначальных планов в первую очередь заключить региональный пакт о взаимопомощи. В качестве условий было предложено официальное приглашение и постоянное место в совете². Литвинов предупредил, что Бек саботирует договор. Все, как обычно, было непросто. «Немцы почему-то распространяют слухи, — писал Литвинов Розенбергу, — о предстоящем будто бы изменении позиции СССР в направлении сближения с Германией. Очевидно, это делается с целью подорвать к нам доверие Франции и Чехословакии. Нет никаких моментов, которые указывали бы на возможность нового сближения с Германией»³. В начале сентября были еще дополнительные попытки маневрировать, особенно со стороны Польши. Литвинов волновался, что дела зайдут в тупик. «Препятствия растут с каждым днем», — телеграфировал он во Францию, ожидая решения в Женеве. Министр иностранных дел Великобритании сэр Джон Саймон затягивал процесс и прятался за спинами доминионов и Бека⁴. Наконец Бек перестал бояться. На него надавил Барту, кроме того, его сомнения всячески пытался развеять Литвинов. 18 сентября СССР официально стал членом Лиги Наций⁵.

Пока Литвинов во Франции занимался вступлением СССР в Лигу, посол США Буллит побеседовал с Радеком, который все еще работал у Сталина журналистом и освещал советскую политику. Его колонки часто привлекали внимание посольств в Москве. Вот что он сказал Буллиту о взглядах Сталина на внешнюю политику: «(Первое) то, что он [Сталин. — М. К.] согласился <...> на необходимость убрать все препятствия на пути к тесному сотрудничеству между

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 21 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 103. Д. 117. Л. 182—183.

² Выдержка из протокола Политбюро № 11. 25 июля 1934 г. // Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. С. 314—315.

³ М. М. Литвинов — М. И. Розенбергу. 1 августа 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 527.

⁴ М. М. Литвинов — в НКВД. 14 сентября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 168. Д. 1273. Л. 55—56, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵ Dessberg F. Le triangle impossible. P. 344—347; Хормач И. А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919—1934 гг. М., 2011. С. 556—560.

М. М. Литвинов произносит речь в Женеве по случаю вступления СССР в Лигу Наций. 1934 год. АВПРФ (Москва)

США и СССР, поскольку оно было крайне важно для поддержания мира на Дальнем Востоке, (второе) то, что в настоящий момент еще важнее организовать защиту тыла СССР на случай нападения Японии, добиться понимания с Францией и установить дружеские отношения с Англией, (третье) то, что на настоящий момент нельзя делать ничего такого, что могло бы разозлить Францию и Англию»¹.

Радек описывает советскую политику вполне правдиво. Сталин четко расставил приоритеты.

Вернувшись в Москву, Литвинов обсудил с Буллитом Лигу Наций и ситуацию в Европе в целом. Буллит писал, что нарком был в плохом настроении, «сдержан и пессимистичен». Женева не произвела на него хорошего впечатления. Участие в делах Лиги огорчило Литвинова. Он вернулся домой, по словам Буллита, «уверенный, что война в Европе неизбежна и что ни одно правительство, даже французское, не готово что-то сделать для сохранения мира. А СССР не остается ничего другого, кроме как укреплять Красную армию всеми возможными способами и надеяться, что она сможет защитить стра-

¹ Bullitt. No. 304, strictly confidential and secret. 15 Sept. 1934. 800.51W89USSR/124, NA, RG59, box 4610.

ну от нападения». Однако Литвинов все еще надеялся, что получится задействовать Лигу для решения вопроса о европейской безопасности и уговорить США так или иначе заняться женевскими делами¹.

Читатели, возможно, помнят, что примерно об этом же говорил Крестинский в конце 1933 года. Литвинов публично всегда призывал к миру, а в прошлом выступал за масштабное разоружение. В текущих обстоятельствах самым правильным было разговаривать на языке мира, в противном случае европейские правые мгновенно начинали обвинять СССР в развязывании войны для распространения мировой революции. Литвинов, конечно, имел в виду мир, если получится его сохранить, сдержав или подавив гитлеровскую Германию, и войну, если ничего не выйдет. Нарком полагал, что Конференция по разоружению потерпела фиаско, а по словам одного американского дипломата, его смущало обсуждение этой темы, так как ранее СССР занимал радикальную позицию. Советское правительство не собиралось разоружаться с учетом угрозы, исходящей от Германии и Японии. Напротив, оно перевооружалось с бешеной скоростью².

Встреча Барту с Беком

Вступление СССР в Лигу Наций не помогло решить вопрос «Восточного Локарно». В июне Нейрат сказал Литвинову, что Германия не согласится на коллективную безопасность. В Женеве Барту (как и нарком) продолжал давить на Бека, пытаясь заставить Польшу согласиться на пакт. Бек выдвинул условия: данный договор не должен делать недействительным соглашение с Германией, а также из него нужно убрать Литву и Чехословакию.

«Я сообщил господину Беку, — писал Барту, — что он лишает пакт его важной составляющей». Затем он задал Беку гипотетический вопрос: что он думает про союз России и Франции?

«Это ваше дело, — ответил Бек, — тут вы свободны».

«Нет, — сказал Барту, — это и ваше дело тоже. Во-первых, потому что мы не подпишем новый договор, не посоветовавшись

¹ Bullitt. No. 340, strictly confidential. 5 Oct. 1934. 500.A15A4/2588, NA, RG59, box 2396.

² Hugh R. Wilson (Geneva), US representative. No. 936, strictly confidential. 4 Oct. 1934. 500.A15A4/2589, NA, RG59, box 2396.

с дружественной страной и нашим союзником, а во-вторых, потому что вы являетесь напрямую заинтересованным лицом». Барту сослался на недавний шаг Польши, которая предложила включить в Восточный пакт Румынию. Это была ловушка. «Они прибегли к уловке, чтобы саботировать пакт», — высказался ранее Литвинов о польской инициативе. Барту думал точно так же и считал выпад Бека недобросовестным. На это Бек ответил: мы поговорили с Румынией. Румынское правительство собирается извлечь максимальную выгоду. Барту был совершенно недоволен комментариями Бека и отметил в своей записи разговора, что на протяжении всей встречи польский министр чувствовал себя не в своей тарелке¹.

Через два дня, 9 сентября, немецкое правительство объявило об отказе заключить Восточный пакт. Чуть позже, в том же месяце, точно так же поступила Польша. Французский поверенный в Варшаве предупредил, что франко-польский союз находится под угрозой — он сейчас «в состоянии кризиса». Тому было много причин, которые Пьер Бресси перечислил в длинной депеше. Поляки в целом считали, что СССР придет конец: либо из-за неурожая, либо из-за войны с Японией. Некоторые полагали, что в подобной ситуации Польше следует заключить союз с другими державами. Точно необходима Германия. Даже те поляки, которые не верили в подобный фантастический сценарий, опасались вмешательства СССР в европейские дела и «интриг за счет Польши»². Польский поверенный в Москве говорил своему американскому коллеге Вили, что «русские войска в роли союзников либо вообще не приходят на помощь, либо приходят после битвы, и тогда от них избавиться тяжелее, чем от врагов». Поляк полагал, что он так пошутил, но было не смешно³.

В Москве Альфан сообщил об уже ставших привычными опасениях, что Красная армия пройдет через Польшу. Лукасевич поднял эту тему во время приема во французском посольстве. Советская

¹ Barthou (Geneva) to Paris, Quai d'Orsay. no. 177, very confidential, reserve. 7 Sept. 1934. DDF, 1re, VII, 389–392; М. М. Литвинов — М. И. Розенбергу. 26 июля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 501–502.

² Pierre Bressy, French chargé d'affaires in Warsaw. No. 656. 3 Oct. 1934. DDF, 1re, VII, 651–657.

³ Wiley to Bullitt, personal & confidential. 1 Dec. 1934. FDR Library, Wiley Papers, Russia 1934–1935, Ambassador Bullitt, box 2.

сторона также беспокоилась из-за Польши, которая все больше и больше сближалась с Германией. Тем не менее Стомоняков сообщил Альфану, что советское правительство было очень довольно тем, как шли дела в Женеве и в других местах, и поблагодарил Барту за помощь в вопросе вступления в Лигу Наций. «Они понимают, — писал Альфан, — что после завершения первой стадии пришла пора заняться более тонкой и деликатной работой по устройству и обеспечению мира. По этой линии СССР по-прежнему хочет работать в полном согласии с Францией»¹. Так считал как Стомоняков, так и Литвинов. Это было 8 октября 1934 года. На следующий день во Франции сбился самый страшный кошмар СССР.

Трагедия во Франции

Вечером 8 октября Барту уехал ночным поездом в Марсель. Ему не суждено было прочитать последнюю телеграмму Альфана, в которой его благодарит Стомоняков. В Марселе Барту собирался поприветствовать короля Югославии Александра I. Франция пыталась таким образом укрепить отношения с Малой Антантой. Не успели король и Барту сесть в кабриолет и поехать в город, как к ним подскочил мужчина с пистолетом и открыл огонь. Король был трижды ранен и погиб. Барту также получил ранение, вероятнее всего, в него попала шальная полицейская пуля. Она вошла в руку. Рана была на первый взгляд не опасная, однако пуля пробила плечевую артерию, из-за чего Барту начал истекать кровью. Службы безопасности работали не настолько хорошо, чтобы предотвратить убийство, однако на легендарной фотографии того времени изображен конный жандарм, собирающийся зарубить убийцу своей саблей. В это сложно поверить, но Барту отправили в больницу на такси. Никто не обработал должным образом ему рану, и он умер в операционной. Это была глупая смерть, которой можно было бы избежать. Она случилась из-за плохой работы службы безопасности и неумелой первой помощи². Сталин полагал, что короля убили «немецко-польские агенты». Убийства в Австрии и Румынии также были работой «немецких фашистских агентов», которые хотели изменить политику

¹ Alphant. No. 361. 26 Sept. 1934. DDF, 1re, VII, 580–582; Alphant. No. 365. 8 Oct. 1934. Ibid., 680–681.

² Young R. Power and Pleasure. P. 224–225.

в этих странах. Преступление в Марселе было совершено с той же целью. «Это для меня ясно», — говорил Сталин¹.

Советская разведка выпускала один отчет за другим, отмечая польские заигрывания с Германией и Японией, неизбежность войны на Дальнем Востоке и немецкое перевооружение. Конечно, эти сообщения повлияли на Сталина. Если Германия была потенциальным врагом, то и Польша тоже. Если бы Барту выжил после ранения, все равно не факт, что он остался бы надолго министром иностранных дел, учитывая частые перемены в правительстве в Париже. Кто знает, смог ли бы Барту что-то изменить и укрепить отношения с Москвой? «Кладбища полны незаменяемых людей», — говорится в одной французской пословице. Что мы знаем наверняка, так это то, что в Москве нарком и его коллеги были потрясены смертью Барту. К НКВД вернулись прежние страхи Литвинова относительно смены правительства в Парижа и, как следствие, смены французской политики. Альфан бил тревогу. Он говорил, что после событий в Марселе он сильно обеспокоен возможным изменением политики Франции в менее благоприятную для СССР сторону. В прессе уже появились сообщения, что в смерти Барту виноват Коминтерн². На самом деле убийцей был болгарин. Его наняла хорватская фашистская организация «Усташа», за которой стояла Италия. После февральских протестов на площади Согласия зародилось движение, объединившее левых для борьбы с фашистским захватом власти во Франции. В июле 1934 года Социалистическая и Коммунистическая партии объединились в Единый фронт, что в свою очередь беспокоило французских правых и ставило под вопрос поддержку националистами франко-советского сближения. События в Марселе еще больше дестабилизировали внутреннюю политическую обстановку. 13 октября, всего через четыре дня после смерти Барту, Альфан позвонил Литвинову, чтобы обсудить политическую обстановку во Франции. Он упомянул секретное письмо Пайяру от правого журналиста Анри де Кериллиса, посвященное внутренней политике. После возвращения журналиста из Москвы он отметил, что ситуация полностью изменилась. Правые круги боятся политического

¹ И. В. Сталин — В. М. Молотову, А. А. Жданову. 12 октября 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 558. П. 11. Д. 86. Л. 89, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

² Alphand. Nos. 444–446. 12 Oct. 1934. DDF, 1re, VII, 718–719.

союза социалистов и коммунистов, что в свою очередь влияет на их видение внешней политики. Они неохотно поддерживали сотрудничество с СССР перед лицом немецкой угрозы, а сейчас изменили свое мнение. Теперь считается, что надо намного сильнее опасаться коммунистов, а не Германию. По словам Кериллиса, политический союз социалистов и коммунистов стал ошибкой, и он подорвал поддержку правыми франко-советского сближения. Журналист пообещал Пайяру поддержать политические меры Барту в своей колонке, но передумал, когда вернулся во Францию. Он написал письмо, чтобы объяснить, почему у него не получится сдержать слово.

Читатели могут представить себе реакцию Литвинова на рассказ Альфана всего через четыре дня после гибели Барту. Неожиданно сбылись его худшие кошмары. «Я поблагодарил Альфана за сообщение, — написал нарком в своем дневнике, — выразив сожаление, что вопросы внутренней политики могут влиять на внешнюю политику Франции, против чего, однако, мы бессильны что-либо сделать». Это было довольно наивное замечание. Ведь Литвинов, как и все в Москве, прекрасно знал, что внутренняя политика почти всегда влияет на внешнюю. Да и у Политбюро были возможности повлиять на общественное мнение во Франции, то есть инвестировать средства советского посольства в Париже в «довольствия» для французских газет и журналистов. Советское правительство использовало этот способ с начала 1920-х годов, но безрезультатно. СССР хотел, чтобы во французских газетах сформировался более привлекательный образ Советского государства, хотя, как отметил один советский дипломат в 1920-х годах, было довольно трудно купить благосклонность первых полос. Кроме того, как отмечал Литвинов, сложно было конкурировать с другими правительствами, а в особенности с МИД Франции, поскольку у них было намного больше денег, которые они могли заплатить журналистам. Французские службы безопасности прекрасно знали про «довольство» со стороны СССР, и Альфан тоже был в курсе. Он уже в прошлом поднимал в разговоре с Литвиновым этот вопрос. Обе стороны не упомянули очевидное из соображений излишней осторожности.

У наркома, конечно, было еще что сказать про обстановку во Франции. «Мы не диктуем политики ни Коммунистической, ни Социалистической партии Франции». Читатели, наверно, знают, что это было правдой в отношении социалистов, но все во Франции,

кто не были коммунистами, полагали, что Французская коммунистическая партия получает приказы от Коминтерна, то есть, другими словами, из Москвы. Но тут я перебил Литвинова. Давайте дадим ему закончить то, что он хотел сказать про Альфана. «Точно так же, как франко-советское сближение подсказано опасностью германской агрессии, так и “общий фронт”, вероятно, продиктован опасностью фашизма, а фашизм и внешняя агрессия — разные стороны одной и той же медали». В советской пропаганде подчеркивался этот момент: фашизм — это война.

Закончив жаловаться Альфану, нарком переключился на вопрос крайней важности. Кто сменит Барту на его посту? Альфан рассказал о возможных вариантах, но одно он знал наверняка: внешняя политика во Франции не изменится. Если бы Литвинов мог быть в этом уверенным! Однако это было невозможно, и он упомянул имя Франсуа-Понсе, посла в Берлине и известного адепта франко-немецкого договора, то есть крайне нежелательного кандидата. У него нет шансов, ответил Альфан, но признался, что соглашение с Германией поддерживают в Париже все больше людей. Они использовали следующие аргументы: Франция ранее отказалась заключать договор с Германией, чтобы не навредить своему союзу с Польшей. Но теперь Польша сама бросила Францию, или так, во всяком случае, казалось. Так почему же теперь не договориться с Германией и не скормить ей Польшу? Альфан добавил, что британское правительство или по крайней мере некоторые британские консерваторы продвигают эту идею. Как будто Литвинов этого не знал!

Нарком ответил, что советскому правительству известен этот аргумент, но есть и контраргумент: Франция не должна оставаться с Германией с глазу на глаз, ей следует обеспечить себе безопасность, сойдясь с СССР. Альфан заметил, что он говорил то же самое Даладье, когда тот склонялся к сближению с Германией. Посол полагал, что Германия согласится на такое сотрудничество с Францией, и интересовался, как на это отреагирует советское правительство. «Я ответил, — писал Литвинов, — что такая мысль нам не приходила в головы, и что всякие комбинации мы будем рассматривать с точки зрения наилучшего обеспечения мира»¹. Конечно, СССР

¹ Встреча с Ш. Альфаном. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 13 октября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 222–224.

думал об этом, но последняя часть комментария Литвинова звучит загадочно. Что он имел в виду? Альфан не записал этот разговор, поэтому мы не можем сравнить отчеты. В ноябре новый полпред в Берлине Яков Захарович Суриц сообщил о желании Франции и других стран улучшить отношения с Германией. «Пока наши отношения с Францией еще окончательно не оформились, — поделился он своим мнением, — не в наших интересах создавать во французском лагере уверенность, что наши отношения с Германией безнадежно испортились». Да, конечно. На копии Сталина эти последние строчки подчеркнуты синим карандашом¹.

Альфан и Литвинов не упомянули в своем разговоре Пьера Лаваль. Он трижды был председателем Совета министров и министром по делам колоний во время правления Думерга. Он принадлежал к «скрытой оппозиции» и выступал против франко-советского сближения и договора о взаимопомощи. Его преследовал страх Коминтерна и красного флага. На заседании кабинета в июне он высказался против сближения с Москвой. На это его спровоцировали воинственно настроенные коммунисты в избирательном округе Обервилье, где Лаваль был мэром и заседал в Сенате. Если бы Литвинову пришел в голову Лаваль, он бы подумал, что это катастрофа. Они были знакомы, встречались в Париже, и нарком слышал его жалобы на Французскую коммунистическую партию и Коминтерн, который вмешивается во внутренние дела во Франции и Индокитае. Боже мой, неужели такой вариант возможен?

¹ Я. З. Суриц — в НКВД. 19 ноября 1934 г. // РГАСПИ. № 558. Оп. 11. Д. 210. Л. 65—66, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 27.11.2023).

ГЛАВА VIII

НИКТО НЕ ХОЧЕТ ДАВАТЬ ЗАЕМ БОЛЬШЕВИКАМ: КРАХ СОВЕТСКО- АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ. 1933–1935 ГОДЫ

СССР и США начали быстро налаживать отношения. Новый министр финансов Генри Моргентау-младший хотел подписать договор до января 1934 года. Чиновники Госдепартамента искали способы реализации «джентльменского соглашения» между Литвиновым и Рузвельтом. Нарком тоже торопился. Задержки в переговорах могли лишь нанести вред. Но нам нужно сделать шаг назад более чем на год и вернуться в осень 1933 года.

Александр Антонович Трояновский

19 ноября 1933 года Политбюро одобрило назначение Александра Антоновича Трояновского полпредом в Вашингтоне, и в тот же день его кандидатуру одобрил Госдепартамент. Сквирский оставался в США в качестве советника. Литвинов обсудил назначение Трояновского с Молотовым и Кагановичем¹. Александр Антонович родился в 1882 году в Туле — городе, расположенном к югу от Москвы, который во время Гражданской войны превратился в крепость. Его отец был царским офицером, и семья была довольно состоятельной. В этом не было ничего необычного. Многие большевики раньше принадлежали к привилегированным социальным слоям. Трояновский пошел

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 ноября 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 65–66.

по стопам отца и тоже стал офицером. В это время произошли события 1905—1907 годов. В 1908 году его арестовали. Через два года он уехал за границу, жил в Вене и Париже. Он примыкал то к большевикам, то к меньшевикам, в зависимости от того, о чем шла речь. Когда началась революция 1917 года, он, как и многие другие, вернулся в Россию. На тот момент он в большей степени считал себя меньшевиком, чем большевиком. Во время Гражданской войны Трояновский служил в Красной армии, был на преподавательской работе (в Школе старших инструкторов). В середине 1920-х годов он начал работать в Комиссариате внешней торговли. Нарком Анастас Иванович Микоян утверждал, что Трояновский, когда был в форме, не уступал американскому бизнесмену. Большевику приходилось быть мастером на все руки. В 1927 году Трояновского назначили полпредом в Токио, и он там служил шесть лет. Таким образом, он был хорошо знаком с японской внешней политикой. Он также владел английским и немецким языками. Знание английского было необходимо для работы с американскими партнерами. Сохранились фотографии Трояновского в Вашингтоне. На них мы видим сидящего мужчину с аккуратной прической. Он похож на предпринимателя. На работу Трояновский ходил в дорогих костюмах или смокинге для вечерних приемов и ужинов. Благодаря знанию английского и консервативному внешнему виду он хорошо вписался в советское посольство в Вашингтоне. Однако у Трояновского были недостатки. Он был высокомерным и полагал, что лучше, чем НКВД, знает, как взаимодействовать с американцами. В скором времени он скрестил шпаги с Литвиновым.

Уильям Буллит

В ноябре 1933 года советское правительство также согласилось принять Уильяма Буллита в качестве американского посла в Москве. Он произвел хорошее впечатление на Сквирского, который полагал, что он выступает за налаживание отношений между США и СССР. Литвинов встречался с Буллитом в Вашингтоне и относился к нему как к помощнику и советнику по достижению признания. Буллит уже бывал в СССР. В 1919 году президент Вильсон послал его в Москву на переговоры с большевиками. Буллит был тогда импульсивным молодым человеком 27 лет, и он отправился в опасное путешествие в Советскую Россию. Ленин познакомился с ним,

и Буллит произвел на него хорошее впечатление. Во всяком случае, так говорили. Буллит пытался уговорить Вильсона и Ллойда Джорджа, тогдашнего премьер-министра Великобритании, подписать мирное соглашение с большевиками, но ничего не вышло. Ллойд Джордж объяснил, что Уинстон Черчилль, занимавший в то время должность военного министра, был настроен категорически против мира с Советской Россией. Все полагали, что в итоге победят белогвардейцы и повесят всех большевиков. Интересно, не правда ли, как время от времени пересекаются пути главных героев этой книги?

Родители Буллита были республиканцами и относились к американской элите. Они были состоятельными и жили в Филадельфии. Буллит получил образование в Йельском университете, где набрался радикальных идей. После смерти отца Уильям унаследовал его состояние. Его путь не слишком отличался от пути молодых большевиков, его ровесников, за тем исключением, что Буллит лишь заигрывал с радикальными идеями. Он был талантливым журналистом и быстро поднялся вверх по карьерной лестнице в Вашингтоне. На фотографиях мы видим привлекательного гладко выбритого молодого человека в хорошем костюме. Со временем он начал лысеть, а его лицо приобрело более жесткие черты. В результате он начал выглядеть так, как и должен выглядеть человек, в которого он превратился: подлый, высокомерный выходец из богатой американской элиты. В 1920-х годах он развелся с первой женой, принадлежавшей к высшему обществу, и женился на Луизе Брайант — вдове американского журналиста Джона Рида, автора книги «Десять дней, которые потрясли мир». Луиза и сама была известной журналисткой, но после свадьбы Буллит, видимо, не особо поддерживал ее деятельность, и в итоге она стала просто женой богатого человека. Наверно, Уильям считал ее очень привлекательной: независимая, чувственная, свободная духом. Вскоре после свадьбы у них родилась дочь Анна. Буллит любил погулять и в 1920-х годах часто проводил время с прожигателями жизни в Париже, как и многие другие богатые американцы.

Французская столица притягивала к себе всех, кто мог себе это позволить. Там можно было встретить писателей всех сортов, представителей богемы и просто эксцентричных людей. Особенно хорошо было тем, кто любил потанцевать и поужинать в красивом месте. В 1926 году Буллит опубликовал сатирический роман про элиту из Филадельфии, и книгу моментально раскупили. Это был человек,

который добивался успеха во всем, за что брался. Но не в браке. В 1930 году Буллит развелся с Брайант. Он утверждал, что это произошло потому, что она изменила ему с женщиной. Таков был Париж — дикий и свободный. Однако после того, что случилось, Буллит решил положить конец своему шикарному богемному образу жизни. Ему тогда было 39 лет. Развод был непростым, однако эмоционально почти не затронул Буллита, и ему удалось получить опеку над Анной. Брайант пострадала сильнее. Она сильно заболела, рано постарела и, оставшись без денег, начала пить. Она больше никогда не видела дочь. Однако Буллит не был законченным подлецом и время от времени посылал Брайант деньги, которые помогали ей держаться на плаву. Она умерла в Париже в январе 1936 года от кровоизлияния в мозг. В том же году во Францию приехал Буллит, так как его назначили американским послом¹.

Буллит познакомился с Рузвельтом еще во время правления Вильсона и стал его неофициальным советником и поддерживал его во время президентской кампании 1932 года прежде, чем Буллита назначили специальным помощником заместителя госсекретаря Госдепартамента США. Неудивительно, что Рузвельт взял его с собой на переговоры с СССР, а затем назначил послом. Буллит был абсолютно уверен в себе, когда отправился в декабре 1933 года в Москву. Даже слишком. Он полагал, что советское правительство так мечтает наладить отношения с США, что согласится почти на все, что угодно. Буллит был не первым, у кого возникли подобные мысли. Эти люди не умели ладить с советской стороной. Ее нельзя было просто «обработать». Хуже всех были французы. В 1927 году они отвергли предложение СССР оплатить царские долги, хотя это было лучшее предложение, которое советское правительство когда-либо делало иностранному. Неужели Буллит и Госдепартамент совершат ту же ошибку?²

¹ *Shura P. O'Neill's Strange Interlude and the 'Strange Marriage' of Louise Bryant // The Eugene O'Neill Review. Vol. 30 (2008). P. 7–20; Stansell Ch. Louise Bryant Grows Old // History Workshop Journal. Vol. 50. No. 1 (2000). P. 156–180; Pinals R. S. Louise Bryant: An Adventurous Life and Painful Death from Dercum's Disease // The Pharos. (Winter 2019). P. 21–23.*

² См. напр.: *Севостьянов Г. Н.* Москва — Вашингтон. Дипломатические отношения 1933–1936. М., 2002. Г. Н. Севостьянов — русский и советский первопроходец в изучении советско-американских отношений.

Поездка Буллита на поезде в Москву

Поначалу все было иначе. Советские власти организовали прием Буллита на высшем уровне. 10 декабря делегация НКВД встретила Уильяма на приграничной станции Негорелое. Делегацию возглавляли Я. С. Ильинский, уполномоченный НКВД при правительстве Белорусской ССР, и корреспондент ТАСС. Они оба составили отчеты об их беседах с новым американским послом. Они пересекли границу советской территории вечером. Было холодно. Железнодорожный комиссариат даже отправил за Буллитом недавно отремонтированный VIP-вагон, чтобы доставить его в Москву. Перед отъездом на вокзале был организован «импровизированный» ужин. Конечно, это было из ряда вон выходящее событие, и ресторан готовился к приему таких высокопоставленных гостей. Ильинский писал, что был организован практически банкет, на котором подавали вино и даже шампанское. Присутствовали американские журналисты с женами и сотрудники Буллита, а также его маленькая дочь Анна. Она, наверно, удивлялась такой суете и была под впечатлением от внимания, которое уделили ее отцу. Буллит точно был впечатлен. Ильинский писал, что посол был польщен приемом и сиял, когда журналисты ему сообщили, что такая встреча в приграничной зоне представителями НКВД была «беспрецедентной в истории советской дипломатии».

В поезде Буллит много говорил с Ильинским, рассказывал, как он заинтересован в СССР и во всем советском. Обещал к следующему разу выучить русский язык. Это было, конечно, крайне непросто: для представителей западных стран русский очень сложный язык. В тот раз они оба говорили по-французски. Буллит хорошо владел этим языком, отметил Ильинский, как и его 9-летняя дочь. Это было неудивительно, ведь Уильям с бывшей женой проводили много времени в Париже. «Много раз подчеркивал свои связи с Рузвельтом, — отметил Ильинский, — стараясь создать впечатление, что является его доверенным лицом».

Буллит объяснил, что он приехал в Москву ненадолго. Ему нужно понять, как обстоят дела, и распорядиться насчет открытия посольства. Затем он вернется в США, но в СССР останутся двое его коллег. Один из них — Джордж Ф. Кеннан — будет следить за ремонтом здания. Буллит сказал, что у него будет крайне важное задание:

он должен будет выбрать сотрудников посольства, таких, чтобы они не могли обидеть советских коллег. В Америке это не так просто сделать, потребуются время и силы. Забавный комментарий. Ведь в будущем Буллит сам пойдет против своих хозяев, а Кеннан, образованный человек, прекрасно знающий русский язык и разбирающийся во всем русском, окажется высокомерным человеком, с которым невозможно будет договориться. Конечно, подобное поведение свойственно молодым людям, а Кеннану было всего 29 лет, когда он приехал в Москву. На самом деле Буллит им хвастался и заявил, что он с большой симпатией относится к СССР, а кроме того, он троюродный племянник знаменитого Джорджа Кеннана, который сам был журналистом и писал книги про Россию и Сибирь. «Б[уллит] производит впечатление искренне нам дружественного человека, — писал Ильинский, — готового энергично работать для сближения между САСШ¹ и СССР». Буллит даже сказал крайне эмоциональный тост «в память о Ленине», о котором он точно захочет забыть, когда приедет в Москву².

Корреспондент ТАСС попросил Буллита дать ему интервью. Тот ответил, что только после того, как он вручит свои верительные грамоты в Москве. Это касалось как ТАСС, так и американской прессы. Тем не менее Буллит много говорил, но не под запись и не для публикации. Во время ужина он сидел с американскими журналистами, которые старались выпытать у него результаты переговоров в Вашингтоне. Буллит отказывался их комментировать, и журналистам пришлось обсуждать между собой отношения СССР, США и Великобритании³.

На следующий день Буллита в Москве приветствовала еще одна группа представителей НКВД, в которую входил Трояновский. Уже в первый день Уильям долго беседовал с Литвиновым, а затем отправился посмотреть на здание американского посольства. Через два дня он вручил верительные грамоты в Кремле. Конечно, советская сторона была рада его видеть. Как писал Буллит, он приятно пообщался с Михаилом Ивановичем Калининым. Советская пресса

¹ В источнике дано название США, принятое до начала 1930-х гг.: Северо-Американские Соединенные Штаты. — *Примеч. ред.*

² Я. С. Ильинский — М. М. Литвинову. 11 декабря 1933 // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 728–730.

³ В. Ровер — Я. Г. Долецкому. 11 декабря 1933 г. // Там же. С. 730–732.

также подробно осветила приезд посла в Москву. «Они не только радовались, но незаслуженно мне льстили», — писал Буллит Рузвельту¹. Конечно, это была притворная скромность, которую президент, несомненно, распознал. В тот же день Буллит посетил НКВД и познакомился с тремя заместителями наркома: Караханом, Сокольниковым и Стомоняковым. Что касается Карахана, то они встречались в 1919 году во время визита Буллита в Москву и немного помнили друг друга. Разговор зашел о намерениях Японии и о вероятности войны на Дальнем Востоке. Буллит сообщил, что «одна часть [японских. — М. К.] правящих кругов» была готова к войне, а другая не решила, «когда». Он также добавил, что, по мнению японцев, СССР и США заключили «какое-то соглашение о Дальнем Востоке, направленное против японской агрессии». Это было «крайне полезным для нас и для дела мира». Буллит произвел на Карахана хорошее впечатление. «Хотя я Буллита видел 15 лет тому назад, но он не очень сильно изменился за эти годы. Как и в 1919 году, он выглядит молодо и полностью сохранил свою тогдашнюю живость и энергию»².

С Сокольниковым состоялся похожий разговор о намерениях Японии на Дальнем Востоке и возможном нападении на Владивосток. Сокольников особо не беспокоился по этому поводу, так как город был лучше защищен с воздуха. Как и Буллит, он полагал, что японцы не могут решить, напасть сейчас или позднее, когда они станут сильнее. Однако «оттяжкой сроков мы выиграем больше, чем Япония». Также затронули тему англо-японских отношений. «На англичан нельзя полагаться, — сказал Буллит. — Американцы избегают информировать англичан о своих планах по части политики на Дальнем Востоке, ибо англичане обо всем передают японцам»³. Дело было в том, что тогда никто не мог положиться на англичан.

В разговоре со Стомоняковым Буллит презрительно отозвался о нацистской Германии. Помимо всего прочего, он отрицательно

¹ Bullitt to Roosevelt, personal and confidential, on board Steamship Washington. 1 Jan. 1934. Hyde Park, New York, Franklin D. Roosevelt (hereinafter FDR) Library, President's Secretary's File (hereinafter PSF), box 49, Russia, 1934.

² Запись беседы Л. М. Карахана с У. Буллитом. 13 декабря 1933 г. // САО. Годы непризнания, 1927—1933. С. 732—733.

³ Запись беседы Г. Я. Сокольникова с У. Буллитом. 13 декабря 1933 г. // Там же. С. 734—735.

высказался о немецких планах заключить соглашение с Японией и Польшей против СССР. Переговоры Германии и Японии идут уже давно, и поэтому Буллит поинтересовался переговорами с Японией. Стомоняков ответил, что они длятся какое-то время. Помните, это был декабрь 1933 года. Буллит прямо спросил, был ли заключен тайный пакт о ненападении? Стомоняков ответил, что сохранить такой договор в секрете бы не удалось. Стороны обменялись лестными комментариями о Рузвельте и на этом закончили разговор¹. Буллит уже сказал все, что мог, а у Стомонякова были более важные дела в этот день.

Вечером 15 декабря Литвинов организовал официальный прием в честь нового посла, на который пришли многие представители советской правительственной элиты. «Банкет был прекрасен, — писал Буллит. — Нас угощали такими яствами и винами, которые никто не осмелится подать в Америке в наши дни. Поднималось много тостов за вас, за меня и за США». Это был всего лишь один из многочисленных приемов и ужинов, которые были необходимы, чтобы познакомить Буллита с различными официальными лицами и с народными комиссарами, с которыми ему предстояло работать. Шикарный банкет устраивали и ради Альфана, когда он приехал в Москву несколькими месяцами ранее. Если СССР хотел улучшить отношения, то все было организовано на высшем уровне с икрой и алкоголем.

В воскресенье, 17 декабря Буллит поехал к Кремлевской стене. Он писал Рузвельту: «Я, как и планировал, возложил цветы на могилу Джона Рида». Это был интересный комментарий, так как Буллит познакомился с Ридом во время Первой мировой войны, а затем у него начался роман с его вдовой. Иногда судьбы пересекаются в неудачный момент. Буллит был разочарован тем, что ни советская, ни иностранная пресса не заинтересовалась его воскресной попыткой сыграть на публику.

Буллит также описал Рузвельту свою встречу с военным наркомом: «Я несколько раз говорил с Ворошиловым. Он один из самых обаятельных людей, с которыми я когда-либо встречался. У него прекрасное чувство юмора, и он в идеальной физической форме — старше 35 не дашь». Ворошилов пригласил посла на ужин в Кремль.

¹ Запись беседы Б. С. Стомонякова с американским послом У. Буллитом. 13 декабря 1933 г. // САО. Годы непризнания, 1927—1933. С. 735—738.

Должен был присутствовать Сталин. Казалось, что советское правительство просто из кожи вон лезет. Никому из дипломатов не оказывалось такого приема. «Подобное отсутствие близких отношений частично объяснялось склонностью иностранных дипломатов считать себя шпионами во враждебном государстве». Еще они, очевидно, были скучными. Конечно же, в отличие от Буллита. «На настоящий момент во главе советского правительства стоят умные, опытные и активные люди. Нельзя их убедить тратить время на таких обычных, типичных дипломатов. С другой стороны, они очень хотят общаться с человеком блестящего ума и высокого уровня. Так, например, им доставил удовольствие молодой Кеннан, который приехал со мной». Конечно, Буллит не мог заявить Рузвельту, что «удовольствие» им доставил он сам.

«Ужин у Ворошилова прошел в соответствии со всеми правилами». Ворошилов отправил машину за послом, чтобы отвезти его в Кремль. «Там я обнаружил, что меня ожидают Ворошилов с женой, Сталин, Калинин, Молотов, Литвинов, Егоров... Пятаков... Каганович». Судя по описанию Буллита, ужин больше напоминал начало встречи высшего света в Филадельфии, только дело происходило в Москве. Также присутствовали представители НКВД: Крестинский, Карахан, Сокольников, Трояновский и Довгалеvский. «Я осмотрел комнату, и Литвинов мне сказал: “Здесь присутствуют те, кто на самом деле всем управляет — внутреннее руководство”». Посла представили, в том числе Сталину, и он всем пожал руки. Буллит подробно описал Рузвельту Сталина: «Я был удивлен, когда впервые увидел Сталина. По его фотографиям я полагал, что он высокий с железным лицом и гремящим голосом. Но напротив, он довольно низкого роста... типичного телосложения и скорее жилистый, чем мощный. На нем была обычная солдатская форма — черные брюки и серо-зеленый мундир без каких-либо знаков отличия и наград — и сапоги».

Закуски на банкете не могли не понравиться большинству простых людей: икра, крабы и «все мыслимые и немыслимые виды водки». Буллит сидел по центру длинного стола рядом со всеми важными людьми. Гости устроились за столом и начали поднимать тосты. Первым был Сталин: «За президента Рузвельта, который, несмотря на тихое ворчание сторонников Фиша, осмелился признать СССР». Буллит пояснил, что он имел в виду Гамильтона Фиша

(республиканского критика), ненавидевшего СССР, хотя Рузвельту бы не понадобилось объяснение, в отличие от читателей. В ответ Буллит поднял тост за «президента» Калинина, а затем было еще много тостов, которые продолжались до конца вечера. «Примерно после десятого тоста я понял, что будет более разумно лишь слегка пригубливать напиток, а не опустошать рюмку полностью». Однако на это обратил внимание Литвинов и сказал, что тот, кто произносит тост, обидится, если Буллит не выпьет все до конца. Русские любят поозорничать, ведь они знают, что большинство жителей Запада не могут с ними сравниться, когда речь заходит о водке. Буллит сказал, что продержался до конца. «Прозвучало, наверно, 50 тостов, и я никогда не был так благодарен Богу за то, что меня не берет никакое количество ликера». Однако 50 рюмок водки — это много даже для русских. В конце люди, наверно, едва смогли встать из-за стола.

«Бросалось в глаза полное отсутствие благоразумия», — писал Буллит. Много говорили о перспективе нападения японцев с востока. Сталин представил начальника штаба Егорова как человека, который разобьет японцев. Затем Сталин за столом сказал Буллит, что СССР нужна четверть миллиона тонн американских рельсов, можно подержанных, которые, по его словам, подойдут для двухпутной Транссибирской магистрали. Это могло бы помочь организовать снабжение советских вооруженных сил на Дальнем Востоке. Вопрос был серьезный, но его обсуждение сопровождалось распитием водки. После ужина все перешли в соседний кабинет. Сталин уговорил Юрия Леонидовича Пятакова сыграть несколько мелодий на фортепиано. Сам встал позади него и «время от времени обхватывал рукой Пятакова за шею и с любовью прижимал его к себе». Пятаков был в то время замнаркомом тяжелой промышленности и хорошо справлялся со своей работой. Конечно, Сталин не всегда был так мил. Через пять лет большинство людей, присутствовавших на этом банкете, расстреляют или отправят в лагеря. Мы забегаем немного вперед, однако рука Сталина у кого-то на шее не всегда обозначала выражение дружеских чувств.

Сталин в конечном итоге подошел поговорить с Буллитом и подчеркнул, как сильно советское правительство хочет наладить тесные отношения с США, сославшись на необходимость сохранить мир на Дальнем Востоке. «Сталин был очень веселый, как и мы все, но мне показалось, что он говорит искренне». Буллит довольно сильно

преувеличивал для Рузвельта, однако нет причин полагать, что Сталин говорил не всерьез. Уильям воспользовался возможностью и попросил для посольства США то здание, которое ему хотелось. Сталин сразу же согласился¹. С 1918 года большевики стремились наладить отношения с США, и сейчас, казалось, наконец-то у них это получилось.

21 декабря, незадолго до своего отъезда, Буллит провел долгие переговоры с Литвиновым. Он сообщил Рузвельту, что нарком много рассказывал про вступление СССР в Лигу Наций. Франция оказывала давление. На самом деле за два дня до этого Политбюро одобрило новую политику, основанную на Лиге и коллективной безопасности, для укрощения нацистской Германии. Читатели, наверно, помнят, что нам пришлось немного вернуться назад во времени. СССР вступит в Лигу Наций только через девять месяцев. Япония представляла собой угрозу на востоке, и советскому правительству было необходимо защитить свои западные границы. Германия и Польша не были опасными на настоящий момент, но могли стать, если бы СССР втянули в долгую войну с Японией. По словам Литвинова, они знали, что эти страны ведут «переговоры... и мечтают в итоге напасть на СССР», если на Дальнем Востоке начнется длительная война. Польша нацелилась на Украину, а Германия — на Прибалтику. Через месяц, в январе 1934 года, они заключат пакт о ненападении. Так что если на тот момент Буллит был слегка удивлен подходом Польши, то скоро его удивление прошло. Литвинов не упомянул разговор с Поль-Бонкуром, однако сказал: «Франция предложила заключить оборонительный союз с СССР, в рамках которого страны бы договорились о следующем: если на одну из них нападет Германия, то другая должна сразу же объявить Германии войну». Важным условием было вступление СССР в Лигу Наций. Читатели уже знают, что хотя Поль-Бонкур всячески поддерживал эту идею, чиновники МИД Франции выступали против. Литвинов только что получил от Политбюро одобрение новой внешней политики на Западе и очевидно был уверен в себе. Буллит упомянул, что у СССР нет общей границы с Германией, но Литвинов оставался невозмутим. Означает ли это, спросил американский посол, что «Красная армия пойдет против Германии, чтобы поддержать Францию?».

¹ Bullitt to Roosevelt, personal and confidential, on board Steamship Washington. 1 Jan. 1934. FDR Library, PSF, box 49, Russia, 1934.

«Это будет легко, — ответил Литвинов, — по сравнению с тем, насколько будет трудно заставить французскую армию выступить против Германии и оказать поддержку СССР». Литвинов умел остерить. Он четко подсветил главную проблему в франко-советских отношениях на ближайшие годы. Но давайте не будем слишком забегать вперед.

Для СССР безопасность на западе была связана с безопасностью на востоке. Разговор снова зашел о Японии. Литвинов понятия не имел, соберется ли Япония сражаться или нет, но предположил, что она сама пока не знает. «Мы обсуждали, — писал Буллит, — способы и средства предотвращения нападения». Помимо поставки рельсов, Литвинов предложил еще заключить ряд пактов о ненападении между США, СССР, Китаем и Японией. Буллит полагал, что это будет непросто. Однако сдержать агрессию Японии можно, даже если просто показать, что СССР и США теперь сотрудничают. В связи с этим Литвинов предложил организовать весной 1934 года визит американской эскадры или военного корабля во Владивосток или Ленинград. Буллит согласился предложить эту идею Рузвельту.

Затем разговор перешел к торговым вопросам, но не к «джентльменскому соглашению». Литвинов сказал, что СССР стремится к экономической самодостаточности, но если правительство сможет получить долгосрочные кредиты, то продолжит закупать товары в США. «На настоящий момент Литвинов полностью сосредоточен на сохранении мира на Дальнем Востоке, — пришел к выводу Буллит. — Я уверен, что СССР готов отдать нам все, что угодно, с точки зрения коммерческих договоров, в ответ на моральную поддержку в сохранении мира». Тут Буллит начал переоценивать американские позиции.

По дороге домой Буллит отправил в Вашингтон телеграмму, в которой осветил еще несколько интересных моментов. Снова возник вопрос франко-советских отношений и страха перед войной с Японией, которая может выступить вместе с Германией и Польшей. По словам Литвинова, «СССР считает, что Япония вполне может напасть этой весной, и полагает, что необходимо всеми возможными способами укрепить западные границы». Что касается соглашения с Францией, Литвинов надеялся, что в скором времени будет подписан «четкий договор, имеющий обязательную силу». Затем он добавил: «Соглашение может провалиться, так как против него

выступают Даладье и британцы, а Эррио и большинство французского правительства поддерживают». Таким образом, на тот момент германофилия Даладье была проверена. Из-за растущей угрозы, исходящей от Германии и Японии, советское правительство все сильнее хотело улучшить отношения с США. «Сложно переоценить сердечность, — писал Буллит, — с которой меня принимали все члены правительства, включая Калинина, Ворошилова и Сталина». В сопроводительном послании Рузвельту Филлипс обратил внимание на слова Литвинова о возможном германо-польском нападении на СССР совместно с Японией. Это «что-то настолько новое и неожиданное, что я подумал, что необходимо поставить вас об этом в известность»¹.

Вечером 21 января Буллит уехал из Москвы. Он сделал остановки в Берлине и Париже. Буллит поговорил, помимо всех остальных, с Поль-Бонкуром, и тот сказал ему, что Франция вряд ли сможет оплатить свои долги США. Посол всячески возмущался, но это не произвело никакого впечатления на французов. Долги перед США были не только у СССР. Буллит спросил Поль-Бонкура о возможной войне на Дальнем Востоке, на что тот ответил, что она вполне вероятна. Но затем добавил, что «многие войны, которые должны были начаться, так и не начались»².

Литвинов также записал в своем дневнике разговор с Буллитом, и там намного больше фактов. Вначале нарком упомянул про поставку американских рельсов, о которой упомянул Сталин на банкете у Ворошилова. Буллит высказал сожаления относительно того, что Трояновский не сможет сопровождать его обратно в США, так как он думал возобновить переговоры о выплате долга. Посол также упомянул законопроект Джонсона о невыплаченных долгах, который находился на согласовании в Конгрессе. Он запрещал выдачу кредитов тем странам, которые не закрыли свои предыдущие финансовые обязательства перед США. Если до 15 января не будет найдено решение, то Рузвельт может столкнуться с серьезными политическими сложностями. Также обсуждались торговые вопросы,

¹ Phillips to Roosevelt. 26 Dec. 1933; covering Bullitt (Paris) to Roosevelt, et al. No. 576, strictly confidential, triple priority. 24 Dec. 1933. FDR Library, PSF, Russia, 1932–1933, box 48.

² Bullitt to Roosevelt, personal and confidential, on board Steamship Washington, 1 Jan. 1934, FDR Library, PSF, box 49, Russia, 1934.

и Литвинов предупредил Буллита о препятствиях и ограничениях, которые мешают развитию торговли между СССР и США. Кроме того, обсудили возможный визит американского флота в СССР, но по инициативе Буллита, а не Литвинова. Нарком рассказал о сложностях, которые возникают при заключении пакта о ненападении на Дальнем Востоке. Здесь все соответствовало рассказу Буллита. В своем отчете Литвинов не написал ничего, что можно было бы трактовать как волнение из-за неминуемой войны с Японией и что посол мог бы использовать как рычаг давления на Москву для оплаты долгов. Однако Франция и Великобритания, как и другие страны, долги тоже не оплачивали¹. На самом деле Рузвельт не меньше Литвинова переживал из-за Японии. Возобладают ли интересы в сфере безопасности над долгами, которые никто (кроме Финляндии) не собирался платить? Литвинов передал отчет Сталину и обратил его внимание на то, что Буллит считает крайне важным завершить переговоры о выплате долга до 15 января. Таким образом, он просил Сталина надавить на Трояновского, чтобы тот больше не откладывал свой отъезд в Вашингтон из-за «организационных пустяков». Ему нужно было поторопиться, если он хотел успеть на следующий пароход в США, который уплывал из Франции 28 декабря². Что происходило с Трояновским? Были какие-то сложности?

Трудности с Трояновским

Проблема существовала на самом деле, как на следующий день Литвинов объяснил Сталину в информационной записке. «Я только что получил выписку о работниках полпредства в Америке. Я не знаю, было ли Вам доложено, что НКВД решительно возражает против некоторых из кандидатур Трояновского и наши соображения. Вы неоднократно и еще на днях упрекали меня, что я не пользуюсь своим авторитетом наркома в своих сношениях с полпредами. Вы, вероятно, согласитесь, что не может быть этого авторитета у наркома, когда при его конфликте с полпредом по делу, в котором полпред ничего не может понимать, ЦК всецело решает спор в его

¹ Запись беседы М. М. Литвинова с У. Буллитом. 21 декабря 1933 г. // САО. Годы непризнания, 1927–1933. С. 737–739.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 21 декабря 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 197.

пользу». Таким образом, между Литвиновым и Трояновским назревала ссора. Полпреду ударило в голову назначение в Вашингтон? Видимо, да.

«Я хочу только обратить Ваше внимание на политическую сторону дела, — продолжал Литвинов. — Я застал в Вашингтоне у Сквирского вполне налаженный аппарат, который работал в течение 11 лет не за страх, а за совесть, для установления отношений. Выбрасывание людей из этого аппарата на второй же день после восстановления отношений произведет крайне отрицательное впечатление не только среди наших работников в Америке, но и в американском общественном мнении и в американской прессе». Сквирский проделал хорошую работу в очень тяжелых условиях. Он пытался наладить и укрепить хорошие отношения с прессой и американскими официальными лицами. Он уверенно справился с комитетом Фиша. Такая работа подходила не всем. Она была непростой для неофициального представителя СССР, особенно попавшего в логово антисоветски настроенных англосаксов в Госдепартаменте. Литвинов не хотел, чтобы Сквирского и его коллег просто выбросили, как ненужную вещь. Пусть Трояновский вначале осмотрится в Вашингтоне, поймет, что к чему, а потом уже будет все менять и вставлять палки в колеса хорошо работающего механизма. Литвинова, очевидно, возмущала заносчивость полпреда, и он хотел сбить с него спесь. Поэтому он попросил отменить некоторые встречи, назначенные в посольстве Вашингтона, и без дальнейших промедлений отправить Трояновского в путь. «В случае отъезда Трояновского из Москвы 26-го [декабря], он на [ближайший. — М. К.] американский пароход, как это ему советовал сделать Буллит, не попадет уже, а следующий американский пароход выходит из Шербурга только 25 января. Нет никаких деловых причин, почему Трояновский не может выехать 23-го или 24-го, чтобы ехать вместе с Буллитом на американском пароходе, отходящем из Гавра 28-го». Видимо, новый полпред хотел полюбоваться красотами Парижа или произвести впечатление на местное советское сообщество, чтобы они все увидели, что это едет важное официальное лицо¹. Что-то было не так. Важно было поспешить, но Трояновский торопиться не собирался.

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 22 декабря 1933 г // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 198—199.

Серьезные вопросы не решались из-за пустяков и высокомерия. Последняя неделя в Москве перед Рождеством превратилась в настоящий фарс. Литвинов не был уверен, получил ли Трояновский инструкции и изучил ли вообще документы НКВД по советско-американским отношениям. Об этом он сообщил Сталину, который воспринял его слова как жалобу. Тогда Литвинов сам составил инструкции и отправил их Сталину на одобрение. В них в целом описывалось «джентльменское соглашение» с Рузвельтом (без параметров переговоров), возможность заключения пакта о ненападении и другие, более рядовые вопросы. Инструкции сразу же одобрило Политбюро¹.

Однако у Литвинова никак не получалось заставить Трояновского сдвинуться с места. Откуда такие сложности? Наконец вмешалось Политбюро. Трояновский все же сел на пароход, который отправлялся из Гавра, и встретился с Буллитом, а также с остальными сотрудниками посольства в Вашингтоне². Нет подтверждений того, что между двумя дипломатами состоялись важные переговоры. 6 января они без всяких приключений прибыли в Нью-Йорк и там встретились со Сквирским и другими советскими официальными лицами. Также присутствовал чиновник Госдепартамента. Специальный катер доставил их, а также Буллита, его секретаря и дочь с острова Эллис в город, который сильно отличался от приграничной деревни Негорелое. 8 января Трояновский вручил свои верительные грамоты Рузвельту. С учетом обстоятельств это было настоящим достижением.

Скрытые сложности

Еще до прибытия Трояновского в Вашингтон начались сложности с получением кредитов для советской торговли, о которых договорились в рамках «джентльменского соглашения». «Я чувствую себя просто вторым Понци», — писал сотрудник Госдепартамента Джон Уайли Буллит в середине декабря. Он имел в виду печально известного бостонского мошенника, основателя финансовой пирамиды Карло Понци. Уайли имел в виду, что ему приходится

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 25 декабря 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 203—204; Резолюция Политбюро № П152/37-опр. 25 декабря 1933 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 85.

² Theodore Marriner (Paris) to Hull. No. 584. 30 Dec. 1933. NA RG 59, 701.6111/743.

охотиться за деньгами: одалживать их у Питера, чтобы заплатить Полу и финансировать советско-американскую торговлю. Правительство США не хотело одалживать СССР средства напрямую или выступать в качестве гаранта, поэтому приходилось искать другие пути для того, чтобы реализовать «джентльменское соглашение». Первым делом, как помнят читатели, решили воспользоваться немецкими облигациями СССР, которые хранились в США, и обменять их на советские долгосрочные облигации. А немецкие использовать для оплаты советских векселей, срок по которым подойдет в Германии. Как только удастся это организовать, будет сформирован механизм возобновляемого кредита для финансирования советско-американской торговли. С точки зрения Уайли, таким образом можно было найти какое-то решение, не прибегая к помощи правительства, не считая «груза моральной ответственности». Джон сообщил, что в правительстве поменялись некоторые люди, и это может пойти во вред поиску вариантов финансирования торговли с СССР. «Существуют скрытые сложности, и этот новый поворот может быть неудачным». Уайли полагал, что министр финансов Моргантау будет «только рад найти удобное местечко для депозита большевиков». Кроме того, давили сроки, и не только из-за рассмотрения Конгрессом законопроекта Джонсона о невыплаченных долгах. У советского правительства были счета, которые надо было оплатить в Германии в феврале, а кроме того, были «самопровозглашенные импресарио» и американские компании, которые хотели подписать договоры с советским правительством. Так что время поджимало. Уайли полагал, что лучше всего подойдет экспортно-импортный банк, поддерживаемый правительством. С его точки зрения, «с этим не было связано никаких препятствий»¹. Может ли сработать такой вариант?

Изначально Трояновского хотели отправить в Вашингтон, чтобы он начал переговоры как можно скорее, помог заключить «джентльменское соглашение» и определить окончательную сумму долга. Правительство СССР исходило из суммы 75 млн в обмен на большой долгосрочный заем. Но не вышло. На самом деле в начале февраля появились признаки потери советских позиций в Вашингтоне, из-за чего Литвинов написал Трояновскому письмо и напомнил ему

¹ Wiley to Bullitt (care of Paris embassy), 14 Dec. 1933, FDR Library, John C. Wiley Papers, box 6.

о том, что было для советского правительства приемлемым условием. Конечно, это было еще не все. Литвинов хотел понять, удалось ли Трояновскому добиться успехов в деле об организации визита американского флота в СССР и в обсуждении соглашения о продаже рельсов в целом¹. Казалось, постепенно все начало сдвигаться с мертвой точки.

20 февраля сотрудник Госдепартамента Роберт Келли, давний противник СССР, вручил Трояновскому предложения США по урегулированию «джентльменского соглашения». Госдепартамент повысил требования по сумме долга, процентным ставкам и заговорил о кредитах, а не о долгосрочном займе. Было похоже, что враги просто заманили СССР выгодными условиями и теперь пытаются обмануть. Трояновский обратил внимание на эти изменения, однако Келли ответил, что Буллит одобрил предложения. А что же президент? Трояновский предложил организовать переговоры в Москве между Литвиновым и Буллитом, а не в Вашингтоне, как предполагалось изначально. Он встретился с Рузвельтом через два дня и сказал, что обсуждение долгов проходит очень тяжело и лучше организовать его в Москве. Президент ответил, «... что ему хочется держать это дело в своих руках и лично руководить переговорами в Вашингтоне», но не стал возражать против смены места². Понятно, почему. Переговоры превратились в задачу, которую хочется спихнуть на кого-то другого.

Переговоры с Буллитом

Буллит вернулся в Москву в начале марта 1934 года и, конечно, начал обход всех официальных лиц. Литвинов болел гриппом и лежал в больнице, поэтому посол отправился к генеральному секретарю НКВД Ивану Анатольевичу Дивильковскому, с которым он не успел познакомиться во время визита в Москву в декабре. У посла были для него пикантные новости. В Госдепартаменте ответственным за российскую политику назначили Р. Уолтона Мура. Теперь

¹ М. М. Литвинов — А. А. Трояновскому. 10 февраля 1934 г. // САО, 1934—1939. С. 27—28.

² А. А. Трояновский — в НКВД. 21 февраля 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 101—102; А. А. Трояновский — И. В. Сталину, В. М. Молотову. 23 февраля 1934 г. // САО, 1934—1939. С. 37—38.

он будет читать все входящие и исходящие телеграммы из Москвы в Москву. Келли возглавлял Восточноевропейский отдел Госдепартамента и был всего лишь «маленьким чиновником» и «бюрократом», по словам Буллита. Его отношения с СССР будет определять американское правительство. Однако сам он настроен враждебно, и его следует осадить. Что еще интересно, Буллит полагал, что отношения СССР и Японии улучшаются. Японцев убедили, что во время первого визита Буллита в Москву удалось заключить соглашение о том, что США окажет военную помощь, если произойдет столкновение армий СССР и Японии. По пути в Москву Буллит случайно в Гааге встретил японского министра, который ранее был поверенным в Вашингтоне. По его словам, министр иностранных дел Японии заявил, что до тех пор, пока все зависит от него и его кабинета, войны с СССР не будет. И уж, конечно, решение не будут принимать вспыльчивые полковники, которые сидят на берегу Амура¹. Буллит снова приехал к Дивильковскому через несколько дней и спросил, когда он сможет встретиться с Литвиновым, который был сильно болен. Это зависит от докторов, ответил генеральный секретарь, и добавил, что повседневными делами занимается Крестинский, и посол может встретиться с ним. Но Буллит ответил, что вопросы, которые поднимались в Вашингтоне на встрече с Рузвельтом, можно обсудить только с Литвиновым².

Буллит встретился с Крестинским на следующий день и затронул примерно те же темы, что и в разговоре с Дивильковским. По словам Крестинского, они беседовали долго, но не очень содержательно. Буллит передал информацию о польско-немецких отношениях, которую он получил в Париже и Варшаве по пути в Москву. Польско-немецкий пакт о ненападении был подписан всего полтора месяца назад, и он вызывал «крайнее беспокойство французского правительства». Как, наверно, помнят читатели, в Париже обсуждалась необходимость научиться ладить с Польшей. Всего несколько недель назад в Москву приезжал Бек. Ходили слухи, что письменное соглашение включало в себя несколько пунктов: Польша не интересуется аншлюсом, обещает не заключать пактов с Чехословакией,

¹ Запись беседы И. А. Дивильковского с У. Буллитом. 7 марта 1934 г. // САО, 1934–1939. С. 47–49.

² Запись беседы И. А. Дивильковского с У. Буллитом. 12 марта 1934 г. // Там же. С. 49–52.

и если Япония нападет на СССР, то Германия и Польша вступают в войну с СССР на западе. Польша может забрать себе Белоруссию, а Германия — Украину. Конечно, для НКВД были важны отношения с Польшей, и она вызывала сильное раздражение. В Варшаве Буллит встретился с Бекком и другими польскими официальными лицами. По словам Крестинского, посол полагал, что Германия и Польша не подписали соглашение и ни о чем не договорились устно, что бы ни думали в Париже, однако обмен мнениями, вероятно, состоялся ¹. Для Крестинского тут не было ничего нового, и он не стал это комментировать.

Литвинов шел на поправку, и на следующий день, 9 марта, Буллиту наконец удалось с ним встретиться. Это было впервые. С точки зрения Литвинова, конкретных результатов достичь не удалось. Что касается Японии, Буллит повторил все то, что уже сказал ранее. Вряд ли есть опасность того, что Япония вступит в войну. Литвинов спросил, что он думает о пакте о ненападении. Буллит ответил уклончиво, из чего нарком сделал вывод, что американское правительство не собирается проявлять инициативу. Что касается продажи рельсов СССР, Буллит сказал, что нужно подождать, пока не будет создан новый банк, как предлагал Уайли. Затем разговор зашел о «джентльменском соглашении». Буллит не был в курсе предложений, которые сделал Келли Трояновскому в Вашингтоне. Литвинов передал ему копию для ознакомления. Все это выглядело как саботаж. Нарком сформулировал основные сложности. Советское правительство не хочет заключать соглашение, которое может послужить прецедентом для других правительств и дать им возможность потребовать похожих условий. Именно поэтому нужно было сконцентрироваться на долге Керенского и исключить любые отсылки к царским долгам. Кроме того, вставал еще вопрос о сумме. Литвинов предлагал 75 млн долларов, в самом крайнем случае — 100. Госдепартамент хотел получить 150 млн. Заем, который взял Керенский, был в основном потрачен на финансирование белогвардейцев, и, по словам наркома, СССР не считал, что должен платить хотя бы один цент. В документе Келли говорилось о выплате в золоте, но Литвинов соглашался лишь на бумажные доллары, в которых советское правительство должно было выплачивать проценты. Это было уже

¹ Запись беседы Н. Н. Крестинского с У. Буллитом. 13 марта 1934 г. // САО, 1934–1939. С. 53–57.

слишком, причем нарком еще не до конца перечислил все уловки Келли. Вместо займа СССР теперь должен был получить кредит на коммерческих условиях. «На это мы согласиться не можем», — сказал Литвинов. По сути, Госдепартамент предлагал обложить налогом советский экспорт. Обеим сторонам это было невыгодно, и торговля с США становилась неконкурентоспособной¹. Отношения между США и СССР должны превратиться в сделку, выгодную для США, или их должно мотивировать признание общих врагов и важность коллективной безопасности?

Буллит снова поехал к Литвинову в больницу, чтобы обсудить оставшиеся вопросы. По главному пункту не было никаких подвижек. По словам наркома, Буллит сказал, что если не будет найдено решение, то после вступления в силу законопроекта Джонсона вся советско-американская торговля, основанная на кредитах, будет остановлена². Буллит отправил Хэллу отчет. Он сказал Литвинову, что о займе и речи не идет. Предлагается кредит в экспортно-импортном банке, открытом в начале февраля. Либо так, либо никак. «Я выразил надежду на то, что даже при отсутствии торговли мы все равно можем остаться в дружеских отношениях. Литвинов ответил: “Мы можем поддерживать дружеские отношения с США без взаимной торговли, но я боюсь, что США не останутся в дружеских отношениях с СССР”». Если посмотреть версию Литвинова, то Буллит сказал, что можно поддерживать дружеские отношения и без торговли, но «в этой ситуации многие круги будут разочарованы». Литвинов же ответил, что дружеские отношения могут сохраняться без торговли, но предложил отделить торговлю от выплаты долгов. Буллит рекомендовал «максимально быстро принять законопроект Джонсона, а Госдепартаменту следует жестко вести себя с Трояновским и показать ему, с какой неприязнью отнесутся в США к тому, что СССР вскоре после признания откажется придерживаться политики сотрудничества между двумя странами». Минутку, но ведь Литвинов сказал совсем другое. Напротив, по его словам, когда его выпишут из больницы, он собирается поднять этот вопрос в разговоре со Сталиным.

¹ М. М. Литвинов — А. А. Трояновскому. 14 марта 1934 г. // САО, 1934—1939. С. 57—61.

² Запись беседы с американским послом У. Буллитом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 18 марта; 21 марта 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 83—86.

«Как показали предыдущие переговоры с Литвиновым, — пришел к выводу Буллит, — его решительность часто сменяется согласием, и мне не кажется, что данная проблема неразрешима»¹.

Литвинов, как и обещал, выдвинул свое предложение, которое одобрило Политбюро. Он отверг вариант Келли и предложил американскому импортно-экспортному банку предоставить СССР кредит в размере 150–200 млн долларов на 20 лет под 7% годовых. Нарком изначально предлагал то же самое: 3% пойдет на выплату долга Керенского, который составит от 75 до 100 млн. 100 млн были важной уступкой СССР, учитывая, насколько скупым был Сталин. Литвинов и сам был непрост. Сумма кредита должна была в два раза превосходить сумму долга². В то же время НКВД решил отправить Рубинина, которого читатели помнят по делу «Метро-Виккерс», в Вашингтон и проинформировать Трояновского о выработанном направлении в советской политике. Это свидетельствовало о том, что НКВД все еще искал способ двигаться вперед. Буллит нравился Рубинин, и он полагал, что этот визит может быть полезен. Как он сказал помощнику государственного секретаря Муру, «Рубинин может нам как очень сильно помочь, так и очень сильно навредить, и я надеюсь, что вы окажете ему еще больше почестей, чем положено. Он приятный молодой человек. Прекрасно говорит по-французски и может общаться по-английски»³. В конечном итоге Буллит получил больше информации о целях приезда Рубинина в Вашингтон. «Меня неофициально проинформировали, но я считаю источник вполне надежным, что, по сообщению Трояновского, он не знает, что делать, не может успешно интерпретировать гарантии, которые Литвинов дал в Вашингтоне, или оспорить позицию Госдепартамента»⁴.

В это время 8 апреля Буллит снова встретился с Литвиновым. Советское встречное предложение было неприемлемым, и если СССР не примет изначальное предложение Госдепартамента (Келли), в силу

¹ Bullitt to Hull. No. 24, strictly confidential. 21 March 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

² М. М. Литвинов — в Политбюро. 23 марта 1934 г. // CAO, 1934–1939 С. 75–76; Резолюция Политбюро, № П5/26-опр. 1 апреля 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 123.

³ Bullitt to Moore. 3 April 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

⁴ Bullitt to Hull. No. 51, strictly confidential. 13 April 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

вступит законопроект Джонсона. Таким образом, никто не оценил советский компромисс. Литвинов начал терять терпение. Нарком обвинил Госдепартамент в шантаже, а это был именно шантаж. Буллит предложил, например, экспортировать большую партию советской платины, чтобы смягчить позицию США. Он не был уверен, что Госдепартамент передумает, но это может подсластить пилюлю. На Литвинова предложение не произвело никакого впечатления. Законопроект Джонсона не распространялся на экспортно-импортный банк. «Но по чьему неудачному совету, — спросил Литвинов, — решено было связать руки банку?» И сам ответил на свой вопрос:

«Такой совет мог дать человек, совершенно не разбирающийся в наших позициях и в истории наших взаимоотношений с внешним миром. Если он думал этим советом нас запугать и оказать на нас давление, чтобы вынудить у нас то или иное урегулирование старых претензий, то его ожидает горькое разочарование. Подобные давления на нас оказывали со всех сторон в течение десятилетия европейские страны, и они должны были убедиться в недействительности подобных средств и от них отказаться».

СССР торговал с другими странами с более серьезными требованиями, чем у США, без всяких условий. Попытка Госдепартамента обложить налогом советские заказы не увенчается успехом. Забудьте об этом. Литвинов подчеркнул, что мы будем торговать с другими странами, раз США хочет обложить наши сделки налогами. Он выложил все карты на стол. «Буллит был очень смущен, — написал Литвинов в своем дневнике, — ибо он явно приходил проверить впечатление тех мер запугивания, автором которых он сам является». Поэтому Литвинов задал вопрос об авторе мер Госдепартамента. Он хотел вывести Буллита на чистую воду. В будущем необходимо придерживаться «твердого тона», пришел к выводу Литвинов¹. Буллит предпочел занять жесткую позицию. Но Литвинов тоже умел играть в эту игру.

Буллит также составил отчет о встрече с Литвиновым. Итак, США заняли жесткую позицию. Буллит сразу отказался от предложения СССР и не захотел даже его рассмотреть. «Я крайне неудачно поговорил сегодня днем с Литвиновым. Он был зол и непреклонен».

¹ Встреча с У. Буллитом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 8 апреля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 101–103.

Нарком отказался взять черновик Келли и использовать его в качестве «основы для обсуждения сейчас или потом». Это был тупик. Буллит пытался добиться дополнительных уступок со стороны СССР, по факту рассчитывая, что советское правительство изменит свое собственное предложение без всяких подвижек со стороны США. Послу было бы неплохо знать (если он вообще знал хоть что-то), что советская сторона никогда не попадала в эту ловушку — ни при Чичерине, ни при Литвинове. «Он [Литвинов. — М. К.] заявил, что это его последнее слово и максимум, что он может предложить... поэтому, что касается его, дело закрыто». Последовал жаркий обмен обвинениями. Очевидно, американская сторона избрала ту же стратегию, что и французы в 1926–1927 годах. Не сработала тогда — не сработает и сейчас, как недвусмысленно дал понять Литвинов. Теперь вместо того, чтобы получить хоть что-то, США не получают вообще ничего.

Когда Буллит заговорил об угрозе остановить советско-американскую торговлю, согласно законопроекту Джонсона, Литвинов пожал плечами и от него отмахнулся. «Он сказал, что прекрасно это понимает, и ему все равно. Также он добавил, что этот законопроект предположительно касается Англии, Франции и Италии, а также СССР, и добавил: “Мы будем в очень хорошей компании”». По факту Литвинов затронул важную тему: почему США затеяли жесткую игру с СССР, хотя никогда не осмеливались так себя вести со своими бывшими западными союзниками? Правда, хороший вопрос. Госдепартамент никогда не поддерживал политику признания Рузвельта и таким образом саботировал «джентльменское соглашение» и советско-американское сближение. С учетом растущей военной опасности со стороны Японии и нацистской Германии Госдепартамент, по сути, стрелял себе в ногу. США могли травить государства Центральной Америки или устраивать там госперевороты, если травли оказалось недостаточно, но такая политика не могла сработать против СССР. Уже пробовали. Иностранная интервенция провалилась, а травля не сработала, когда СССР был слаб, и точно от нее не будет толку теперь, когда он силен. Буллит принадлежал к американской элите и полагал, что он лучше во всем разбирается. Он выступал против дальнейших обсуждений с Литвиновым, «пока его не впечатлит полное отрицание с нашей стороны»¹. То есть решили в итоге ничего не получить.

¹ Bullitt to Hull. No. 43, urgent. 8 April 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

Литвинов сообщил Трояновскому, что США пытаются давить на советское правительство. Они полагают, что мы настолько заинтересованы в торговле, что выбрали ее в качестве единственного способа давления на нас, чтобы заставить нас изменить курс. В качестве оружия они используют законопроект Джонсона. Даже в Вашингтоне Буллит использовал его в качестве дубинки. Литвинов пояснил:

«Не подлежит сомнению, что Буллит издавна был сторонником восстановления отношений и сыграл немалую положительную роль в этом деле, но в то же время он задался целью выжать у нас возможно больше в пользу Америки, и поэтому даже в моих переговорах с президентом он играл отрицательную роль, заостря спорные вопросы и заняв более непримиримую позицию, чем Рузвельт. Делает он это, очевидно, либо с целью отвести упреки в излишнем советофильстве, либо же чтобы доказать Госдепартаменту и Рузвельту, что, несмотря на свое советофильство или даже благодаря ему, он способен твердо защищать американские интересы. Мы должны побороть шантажистские наклонности Буллита, и это мы сможем сделать только выдержкой и спокойствием. Мы должны показать, что прекращение торговли с Америкой не производит на нас ожидаемого Буллитом впечатления, что оно бьет не по нам, а лишь по заинтересованным в торговле американцам».

Литвинов четко дал понять, что он не предлагает бойкотировать американскую торговлю. Напротив, если торговая корпорация «Амторг» может заключить контракты с американскими фирмами на выгодных условиях, то пусть это делает. Однако если США будут препятствовать торговым отношениям, СССР сможет обойтись без них. Литвинов велел встретиться с Рузвельтом, поскольку не мог сделать этого сам, и постараться убедить его принять советскую сторону¹. В тот же день Крестинский также написал Трояновскому. Речь шла о повседневных делах, таких как приобретение рублей, размещение сотрудников американского посольства и так далее. Во всех этих вопросах советское правительство старалось, как могло, идти американцам навстречу². Таким образом, в советской политике намечались какие-то сдвиги, но не в американской.

¹ М. М. Литвинов — А. А. Трояновскому. 10 апреля 1934 г. // САО, 1934—1939. С. 109—111.

² Н. Н. Крестинский — А. А. Трояновскому. 10 апреля 1934 г. // Там же. С. 105—109.

Конец «медового месяца»

Буллит считал иначе. Вскоре после встречи с Литвиновым 8 апреля он написал Рузвельту и предупредил его, что все идет не так, как надо:

«Перед моим приездом атмосфера медового месяца полностью исчезла. Как говорит Уайли: “Японцы серьезно нас подвели”. Русские уверены, что Япония не нападет на них этой весной или этим летом. У них больше нет необходимости в нашей срочной помощи, а под маской крепкой дружбы начинает проявляться враждебность ко всем капиталистическим странам. Нам необходимо работать с ними по формуле Клоделя: использовать метод осла, морковки и дубины».

Если бы Литвинов увидел это письмо, то он был ответил так же, как 8 апреля: СССР — не осел, и метод дубины с ним не сработает. Что касается «морковки», то посмотрим. В разговоре с Рузвельтом Буллит упомянул «недопонимания» (его слово) по различным темам, включая «дополнительные проценты по кредитам». СССР предсказуемо отреагировал на предложения Келли, но никто как будто не понимал этого с американской стороны. «Я полагаю, что единственным эффективным способом справиться с этим общим подходом, — продолжал Буллит, — может стать поддержание максимально дружеских личных отношений с русскими, но при этом необходимо дать им четко понять, что если они не хотят двигаться вперед и брать морковку, то они получают дубиной сзади». Конечно, это был путь к провалу. «В следующий раз, когда я буду обсуждать выплату долгов и требования с Литвиновым, я дам ему понять, что если СССР не хочет воспользоваться возможностями импортно-экспортного банка, то их с удовольствием использует японское правительство для финансирования крупных закупок в определенных областях американской тяжелой промышленности»¹.

Согласится ли Рузвельт? Буллит абсолютно ничего не понял и неправильно представил проблему. Литвинов отказался от предложения Келли, но предложил компромисс. Американцы застряли на своем изначальном варианте. Это позиция была неприемлема для Москвы и не имела никакого отношения к «враждебности ко всем

¹ Bullitt to Roosevelt, personal and confidential. 14 April 1934. FDR Library, PSF, Russia — Bullitt, box 50.

капиталистическим странам». Рузвельт не отнесся к вопросу с большой серьезностью. «Меня крайне забавляют ваши пикирования с Литвиновым. Продолжайте работать так же хорошо!»¹ А надо было бы.

Хэлл полностью поддерживал позицию Буллита и полагал, что Литвинов «отказывается» выполнять условия соглашения, заключенного с Рузвельтом. Хэлл писал Буллиту, что, если торговый договор провалиться, японцы, скорее всего, будут очень довольны. «Казалось бы, Литвинов должен понимать необходимость сделать все возможное, чтобы сохранить преимущества, которые он получил, благодаря признанию и перспективам активной торговли»². Хэлл полагал, что США оказывают СССР услугу и что американское правительство не получит никакой выгоды от улучшения советско-американских отношений. Таким образом, Литвинов правильно понял позицию США. Подход Хэлла и Буллита определенно вел их к провалу. Это не было проблемой для Госдепартамента. 16 апреля Трояновский встретился с Хэллом и пояснил позицию СССР по выплате долга. Литвинов не отказывается придерживаться договоренностей, достигнутых с Рузвельтом, сказал он. Хэлл немного сдал назад и признал, что есть недопонимание со стороны Госдепартамента³.

Американско-советская ссора из-за выплаты долга и организации работы дипломатов США в России не была никак связана с более важными вопросами международной безопасности. Через неделю после того, как Литвинов отправил указания Трояновскому, эта тема снова вышла на передний план из-за военных действий японцев в Китае. 17 апреля министр иностранных дел Японии выступил с заявлением, согласно которому отношения между Японией и Китаем касались только этих двух стран и больше никого. Другими словами, США и СССР не должны были лезть не в свое дело. В Москве Буллит приехал к Литвинову. В этот раз они не спорили. Буллит предположил, что японцы имели в виду установление протектората над Китаем. Литвинов согласился, что «... этого надо было ожидать, поскольку Япония не встречала препятствий на своем агрессивном пути до сих пор». Буллит спросил, что можно сделать. Литвинов ответил, что этот вопрос в меньшей степени волнует СССР, так как

¹ Roosevelt to Bullitt, 9 May 1934. FDR Library, PSF, Russia — Bullitt, box 50.

² Hull to Bullitt. No. 36. 9 April 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

³ А. А. Трояновский — в НКИД. 16 апреля 1934 г. // CAO, 1934–1939. С. 119–120.

у него нет там инвестиций или военных обязательств. Единственное, что могло бы привлечь внимание Японии, это совместная декларация всех стран Тихоокеанского бассейна. Буллит отнесся к этой идее с сомнением. Он полагал, что Япония не решилась бы на этот шаг, не согласовав его с Великобританией. Литвинов так не думал¹.

Буллит отправил телеграмму Хэллу: «СССР даже не пытается скрыть свою радость от заявления Японии в отношении Китая. Советская позиция сильно улучшилась, так как теперь, вероятнее всего, США и Великобритании придется открыто противостоять Японии, а СССР сможет остаться на заднем плане». По словам посла, у Литвинова было хорошее настроение, и он широко улыбался.

«Возможно, ваше правительство [это Буллит передавал слова Литвинова. — М. К.] теперь поймет, что Япония пойдет на что угодно. Любая уступка приведет лишь к новым требованиям. Это равно установлению протектората над Китаем». Подождите, разве не Буллит это сказал, если смотреть записи Литвинова? Так часто бывало в советских и западных отчетах. Всегда лучше показать, что чувствительные темы затронул собеседник.

Буллит спросил Литвинова, почему с совместной декларацией не может выступить Лига Наций?

«Она не станет», — ответил нарком.

«А могут ли помочь слова, — спросил Буллит, — пока мы не готовы противостоять действиями, к которым никто из нас не стремится?»

«До сих пор Япония использовала только слова, — ответил Литвинов, — так что на настоящий момент вполне можно ответить так же»².

К сожалению, что касается «джентльменского соглашения», для него Япония была мимолетной проблемой. Американский посол в Польше Джон Кудахи пояснил свою позицию полпреду Давтяну. В США нет лидера, способного повести страну на войну. Рузвельт «очень влиятельный», но он занят, так как у него «слишком много внутренних сложностей». По словам Кудахи, американцы были слишком провинциальными, и им сложно было сосредоточиться на более важных вопросах³.

¹ Запись беседы М. М. Литвинова с У. Буллитом. 22 апреля 1934 г. // CAO, 1934–1939. С. 122–123.

² Bullitt to Hull. No. 60. 22 April 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

³ Запись беседы Я. Х. Давтяна с Дж. Кудахи. 24 апреля 1934 г. // CAO, 1934–1939. С. 124–125.

Итак, стороны снова вернулись к зашедшим в тупик переговорам о выплате долга и кредите. Трояновский подтвердил слова Кудахи и сказал, что Рузвельт нерешителен в деле СССР из-за внутренних сложностей. Республиканцы готовились атаковать со всех сторон. Президент терял преимущество и не мог поэтому сделать решительный шаг. По словам Трояновского, судьба советских отношений с США была связана с судьбой Рузвельта. Посол рекомендовал проявить терпение, что, вероятно, разозлило Литвинова, так как американские бизнесмены хотели торговать с СССР и давить бы начали не на него, а на американское правительство, вынуждая ослабить законопроект Джонсона и снять запрет с экспортно-импортного банка. Соответственно, ситуация не была безнадёжной, и переговоры все еще были возможны¹.

Трояновский был настроен слишком оптимистично, но полагал, что он сможет справиться с этим делом, если только Литвинов ему позволит. Мур встречался с Рузвельтом, чтобы обеспечить себе прочную позицию в переговорах. По мнению Трояновского, существовали разногласия между президентом и Госдепартаментом. Если это действительно так, то Мур их уладит. Рузвельт одобрил то, как Буллит ведет переговоры с Литвиновым. Если советская сторона предложит пойти на дальнейшие уступки, то Рузвельт, возможно, тоже «согласится на какие-то изменения». Это одна сторона дела. Но кроме того, Трояновский хотел встретиться с президентом без Рубинина². Ах да, Рубинина отправили в Вашингтон помогать Трояновскому, которому это было не нужно. Что произошло? Рубинин вернулся в Москву, так и не повлияв на проведение переговоров в Вашингтоне.

30 апреля Трояновский наконец встретился с президентом. Вместе с ним на встрече присутствовали Хэлл и Мур. Встреча не увенчалась особым успехом. Вероятно, Хэлл и Мур приехали, чтобы убедиться, что Рузвельт не отклонится от согласованного курса, изложенного ранее Муром. Так и получилось. Прорыва не случилось, и президент дал понять, что хотел бы, чтобы переговоры продолжились в Москве. Трояновский полагал, что сможет добиться большего

¹ А. А. Трояновский — М. М. Литвинову. 27 апреля 1934 г. // CAO, 1934—1939. С. 125—127.

² Moore to Bullitt. No. 50, strictly confidential. 23 April 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

успеха, если возьмет инициативу в свои руки в Вашингтоне, но Рузвельт отверг эту идею¹.

Хэлл набросал отчет о встрече с Трояновским. Там написано то же, что и в советском отчете, а главное, указано, что Рузвельт хочет, чтобы переговоры проходили в Москве. Однако Хэлл полагал, что, возможно, с Трояновским будет проще справиться, даже если предложение, сделанное в Вашингтоне, должно будет пройти через Москву и Литвинова с Буллитом².

Литвинов не был доволен результатами встречи: «К сожалению, Вы в разговоре с Рузвельтом не придерживались директивы...». Появлялось все больше признаков того, что Литвинов и Трояновский придерживаются разных взглядов. Трояновский даже не заговорил о займе, не упомянул конкретные цифры или долгосрочные кредиты — все то, что Литвинов предлагал Буллиту. С точки зрения наркома, встреча была совершенно бесполезной. «Мы из этого тупика не выйдем, пока Госдепартамент не даст Буллиту новых инструкций по центральному пункту разногласий. Разъясните это немедленно Госдепартаменту». Трояновский фокусировался на деталях, забывая, что на самом деле важно, сделал вывод Литвинов³.

9 мая Буллит снова обсудил с Литвиновым разные вопросы, однако главная тема долгов и кредита не была затронута. Когда посол собрался уходить, нарком сказал, что получил телеграмму от Трояновского, в которой говорилось, что Госдепартамент отправил Буллиту дальнейшие инструкции. Литвинов рассказал про переговоры с Рузвельтом и Муром. Буллит удивился и сообщил, что он получил телеграмму из Вашингтона, в которой говорилось, что его хочет видеть Литвинов. На этом месте они оба засмеялись: им понадобилось посредничество Вашингтона, чтобы преодолеть сложности в отношениях. Благодаря юмору получилось конструктивно обсудить основные пункты, по которым возникли разногласия, примерно так, как Литвинов просил Трояновского. Нарком даже упомянул моменты, которые посол опустил в разговоре с Рузвельтом. Они долго

¹ А. А. Трояновский — в НКВД. 30 апреля 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 131–133.

² Draft of Despatch to Bullitt, Hull, n.d. (but perhaps 1 May 1934), FDR Library, PSF, Russia, box 49.

³ М. М. Литвинов — А. А. Трояновскому. 4 мая 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 133–134.

беседовали, и наконец Буллит согласился, что предложения Литвинова и уступка в виде дополнительных 25 млн в счет долга Керенского могут стать выходом из тупика¹. Однако, отметил нарком, приоритеты расставлены неверно. 25 млн долларов — это пустяк с учетом того, что Европа и Азия вот-вот взорвутся.

Также стороны сделали небольшие шаги навстречу друг другу, чтобы удержать отношения от эскалации. Литвинов отправил Рузвельту коллекцию советских марок (это было хобби президента), а тот в ответ согласился принять сына наркома в Вашингтоне. Буллит и Литвинов встретились снова через три дня. Посол был не так непреклонен, как обычно. Он отправил в Вашингтон телеграмму и попросил прояснить позицию Госдепартамента и теперь ждал ответа. Встреча прошла без озлобленности и ссор. Стороны, скорее, пытались понять подход друг друга. Литвинов сообщил, что он уезжает в Женеву и что переговоры продолжит Крестинский и Рубинин². «Во время нашего разговора Литвинов держался крайне дружелюбно, — сообщил Буллит. — Мне показалось, что отсутствие его обычной воинственности объясняется отчасти желанием советского правительства достичь соглашения и убеждением, что мы непреклонны, но главным образом еще тем, что ему лично не придется идти на уступки»³.

16 мая Буллит встретился с Крестинским и Рубининым. Однако это не помогло продвинуться вперед. Буллит передал Крестинскому копию оригинального предложения Госдепартамента, что означало, что США не изменили свою позицию, несмотря на уступки советской стороны. Крестинский отказался ее обсуждать или принять как основу для обсуждения. Буллит ответил, что всего лишь хотел ознакомить его с ходом переговоров. Крестинский сказал, что он полностью в курсе всего происходящего, и спросил, есть ли новые предложения у Вашингтона. Буллит ответил, что нет. Другими словами, советская сторона пошла на две важные уступки: согласилась на дополнительные 25 млн долга и на экспортно-импортный банк

¹ Встреча с У. Буллитом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 9 мая 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 146—150.

² Встреча с У. Буллитом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 9 мая 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 154—156; Bullitt to Hull, no. 81, 13 May 1934, FDR Library, PSF, Russia, box 49.

³ Bullitt to Hull. No. 82. 13 May 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

в роли посредника для получения кредита (или, другими словами, займа) для покупки американских товаров. Тогда Буллит предложил перенести переговоры в Вашингтон, но Крестинский сослался на Рузвельта и сказал, что они должны проходить в Москве. Видимо, официальные лица Госдепартамента решили, что они могут добиться большего от Трояновского, чем от Литвинова. Буллит считал Литвинова упрямым, но ведь на уступки согласилась советская сторона, а не американцы. Затем состоялся обмен мнениями насчет их текущих позиций, который никуда не привел. По словам Крестинского, предложения США были неприемлемыми. Это полностью совпадало с позицией Литвинова. По сути, Крестинский объяснил, что СССР торгует в своих собственных интересах, а не в интересах других стран. В том-то и была загвоздка, поскольку именно это Государственный департамент никак не хотел признавать. Если он прижмет к ногтю советскую торговлю, то сможет контролировать цены, процентные ставки и деньги, выплаченные в счет долга Керенского. Под конец Крестинский заявил, что Госдепартамент должен принять советское предложение. Это означало, что США должны были пойти на уступку. Буллит уточнил, последнее ли это слово советского правительства, и Крестинский ответил, что да и что послу следует передать его Рузвельту. На этом встреча окончилась. Крестинский добавил, что, хотя он не пошел на уступки, переговоры прошли в дружеской атмосфере¹.

Буллит выяснил, что Крестинский может быть таким же жестким, как Литвинов. Он написал, что встреча не дала результата. По сути, предложение Крестинского заключалось в следующем: пусть импортно-экспортный банк даст скидку 100% на товары «Амторга», то есть предоставит СССР заем в размере 200 млн. «А мы, — добавил замнаркома, — выплатим 100 млн долга, и на этом вопрос будет решен. Мы не будем заключать соглашения, если оно не даст нам возможность покупать за наличные, а не в кредит». Буллит ответил, что такое предложение неприемлемо для Вашингтона и продолжать разговор будет потерей времени. Посол также предложил следующий вариант: Госдепартамент подготовит документ, в котором изложит свою минимальную позицию, и нужно будет его передать Трояновскому для

¹ Запись разговора Н. Н. Крестинского с У. Буллитом. 16 мая 1934 г. // САО, 1934–1939. С. 139–141.

того, чтобы «правительства обеих стран перестали тешить себя иллюзиями». Крестинский ответил, что он «предпочел бы бесконечно продолжать разговор». Подобное высказывание отсутствует в отчете Крестинского. «Рубинин целый час пытался меня убедить принять [советское. — М. К.] предложение». Буллит ответил, что это невозможно¹.

Рубинин записал разговор с послом, в котором затронул несколько тем. Когда они в конечном итоге заговорили о долгах и кредитах, Рубинин попытался убедить Буллита, что США заинтересованы в принятии советского предложения, так как оно позволит обеспечить американские компании заказами. Конечно, так бы и было. Рубинин также позволил себе личный комментарий. Он сказал Буллиту, что ему предстоит «очень важная задача», что он «вписал свое имя в историю советско-американских отношений, он занял определенное, весьма видное место в этой истории как активный и смелый борец за дело нормализации этих отношений». Это, конечно, было грубой лестью, но за ней стояло нечто большее. Профессиональный дипломат четко следовал инструкциям своего правительства, механически передавал сообщения и так далее. «Задача политического деятеля, каким является Буллит», была в интерпретации мнения правительства, которое он представлял. А это была сложная работа в Вашингтоне, признал Рубинин, где не всегда были готовы понять советскую точку зрения и сделать вклад в разрешение насущных вопросов. Буллит насторожился и уточнил у Рубинина, разделяет ли он точку зрения некоторых своих коллег, которые полагают, что Келли враждебно относится к СССР. Рубинин ответил уклончиво. Затем Буллит сказал, что пока у власти Рузвельт, он будет работать на него. Что будет дальше, он пока не думал. Посол также добавил, что, конечно, нельзя игнорировать общественное мнение в США, но трудно его оценить, находясь в Москве. Он попросит президента сделать подробное предложение НКВД. Рубинин завершил отчет следующим комментарием:

«Буллит произвел на меня впечатление большой растерянности. Совершенно незаметно, чтобы он занимался серьезно своей работой или изучением СССР. Единственное дело, которому он отдается с рвением, это изучение русского языка. По-видимому, он твердо

¹ Bullitt to Hull. No. 85. 16 May 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

решил выполнить обязательство, данное Рузвельту, изучить русский язык не то в три, не то в шесть месяцев. Образ жизни, судя по его собственным словам и по рассказам некоторых товарищей, он ведет довольно нелепый, праздный, не культивируя связи даже с теми товарищами, с которыми он давно знаком... Не заметно у него интереса к каким-либо серьезным вопросам. Сказывается результат того почти 15-летнего бонвиванства, в которое Буллит погрузился после своего разрыва с Вильсоном в [1919] году»¹.

Как неожиданно! Буллиту нравился Рубинин, и он относился к нему с уважением. Он был «приятным молодым человеком». И Рубинин поладил с послом, во всяком случае настолько, что мог обсудить какие-то личные вопросы. Это довольно неожиданно, обычно отношения между советской стороной и Западом описываются совсем иначе. Читатель еще увидит похожие истории позже.

Госдепартамент одобрил отказ Буллита от предложений Крестинского: это был «практически... заем в размере 200 млн долларов без всяких условий».

Да, так и было. 200 млн долларов должны были быть выплачены в полном размере с процентами, а разница выше рыночной ставки — пойти на оплату 100 млн долга Керенского. Таким образом, через 20 лет экспортно-импортный банк получил бы обратно свои деньги вместе с процентами и дополнительной надбавкой на погашение долга. Что тут не так? Ситуация была выгодна обеим сторонам. Американские производители получили бы 200 млн долларов на развитие бизнеса, а рабочие — новые рабочие места. Примерно это пытался объяснить Буллиту Рубинин. Вот в чем была проблема: «Поскольку все кредитные операции окажутся под контролем “Амторга”, у него будет право определять условия, класс закупаемых товаров и поставщиков, из-за чего [американский] бизнес окажется в зависимости от “Амторга”, а экспортно-импортный банк выпадет из поля зрения»². Но постойте. Ведь СССР — покупатель, разве «Амторг» не должен решать, какие товары ему нужны и сколько он готов за них заплатить? По мнению Госдепартамента, нет, не должен. У экспортно-импортного банка тоже должно быть право

¹ Запись разговора Е. В. Рубинина с У. Буллитом. 16 мая 1934 г. // CAO, 1934–1939. С. 141–145.

² Proposed Reply to Bullitt, n.d., FDR Library, PSF, Russia, box 49.

голоса. Госдепартамент хотел держать советско-американскую торговлю под каблуком, то есть по факту ее контролировать. Обложить ее налогом, как сказал Литвинов. Это была одна из многих причин, почему НКВД отклонил предложение США.

Переговоры заходят в тупик

После встречи с Крестинским переговоры остановились, так как окончательно зашли в тупик. В начале июня Хэлл спросил Буллита, не следует ли перенести переговоры в Вашингтон. «Судя по тому, что он говорит, Трояновский осознает важность действий, так как он полностью проинформирован о многочисленных кредитных операциях, которые могут пойти на пользу обеим странам. Это все станет возможным, когда будет достигнуто соглашение о погашении долга»¹. Хэлл тут же получил ответ из Москвы. Буллит назначил встречу с Крестинским, а Литвинов все еще находился в Женеве. «До того, как я пойму взгляды Крестинского, Госдепартаменту не стоит разговаривать с Трояновским, который, возможно, разделяет подход своего правительства, а возможно, и нет»². То есть Трояновский полагал, что сможет справиться лучше, чем его руководители в Москве? Это мы узнаем позже.

Крестинский составил отчет о своей встрече с Буллитом 9 июня. Они обсудили повседневные вопросы, связанные с организацией визита генерального консула в Москву и арендой здания посольства, а затем они перешли к переговорам на тему долга и кредита, которые, «по утверждению прессы, — сказал Буллит, — не то ведутся, не то не ведутся вовсе». Интересный способ задать вопрос Крестинскому, но на самом деле Буллит хотел понять, должны ли стороны согласиться, что они достигли той точки, на которой нужно остановиться из-за неразрешимых разногласий и, таким образом, завершить обсуждение, или же они могут перейти к конкретным переговорам о том, какие товары закупать, по какой цене и как организовать кредит. Если можно было достичь согласия на основе «закупочной программы», это могло бы стать выходом из тупика. «Я ответил Буллиту, что тот компромисс, который он предлагает,

¹ Hull to Bullitt. No. 108, 6 June 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

² Bullitt to Hull. No. 124, 8 June 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

является фактическим проведением в жизнь их позиции», — ответил Крестинский. То есть налог на советские закупки в США в пользу американского правительства и американских кредиторов. Это было не улучшением, а ухудшением предыдущей позиции.

Затем стороны стали обсуждать, что означало «джентльменское соглашение». Они не первый раз возвращались к этому вопросу. Крестинский заявил, что советское правительство уже сделало уступку и не пойдет на большее. «Я не могу все-таки понять, — сказал Крестинский, — того упорства, которое проявляется американским правительством в этом вопросе, материальное значение которого для ам[ериканского] пра[вительства] ничтожно». Именно так. Буллит согласился, что обсуждаемые суммы были ничтожны, по сравнению с английским и французским долгом, но проблема была, как он всегда говорил, в «общественном мнении». Затем посол принялся ругать англичан, что, вероятно, очень позабавило Крестинского и Рубинина. Встреча никуда не привела, и Буллит не поднимал вопрос о смене места для продолжения переговоров¹.

Через пять дней, 14 июня, после обеда с Крестинским посол встретился со своим любимым сотрудником НКВД — Рубининым. Две воюющие стороны все еще могли встретиться за едой.

«Мы надеялись на улучшение отношений, — сказал Буллит, — но так никуда и не пришли».

«В этом целиком виноваты вы сами», — довольно откровенно ответил Рубинин.

«Кто? Я лично?» — спросил Буллит.

«Я сказал, — написал Рубинин в дневнике, — что я не касаюсь сейчас личной роли самого Буллита, но вообще американскую линию поведения в отношении СССР очень трудно понять». Рубинин заговорил о том же, о чем и Крестинский на прошлой встрече. Он упомянул, что обсуждаемая сумма настолько незначительна, по сравнению с миллиардами долларов, которые США тратит на борьбу с экономическим упадком. Почему американское правительство превращает этот вопрос в камень преткновения, который лежит на пути улучшения советско-американских отношений?

Рубинин записал удивительный ответ посла. «Буллит сказал, что, пожалуй, он сам несет значительную долю ответственности за

¹ Запись беседы Н. Н. Крестинского с У. Буллитом. 9 июня 1934 г. // САО, 1934–1939. С. 154–158.

создавшийся тупик. Он должен был бы в свое время добиться внесения большей ясности в вопрос о долгах и кредитах. Он теперь днем и ночью думает о том, как выйти из создавшегося положения. Он ничего не может придумать, кроме того, что он последний раз предлагал Крестинскому». Затем Буллит повторил то, что уже говорил ранее. Необходимо сделать президенту прагматичное предложение: выплата такой-то суммы долга за такой-то кредит на таких-то условиях для покупки таких-то американских товаров. Рубинин ответил, что не понимает, как это может сработать с учетом отсутствия соглашения по основным вопросам.

Хотя Рубинин ничего не сказал по этому поводу, зато сказал Крестинский: СССР хотел так или иначе получить долгосрочный заем, чтобы заплатить наличными за товары, которые будут полезны для советского экономического развития без контроля со стороны США. В ответ советское правительство было согласно оплатить 100 млн долга Керенского, и ему было все равно, что США сделают с этими деньгами. Буллит немного сдал назад, добавив, что это его предложение и он не знает, примут ли его в Вашингтоне. В США, если кто-то упоминал кредит иностранному правительству, начинались возгласы возмущения. Необходимо привязать его к американским товарам, которые будут закупаться. К хлопку, например, чтобы обеспечить поддержку со стороны сенаторов южных штатов, или к меди, чтобы поддерживали северные штаты. Потом можно обсудить железнодорожное оборудование для Пенсильвании и Огайо. Так можно показать практическую ценность работы с СССР и представить ее президенту¹.

Однако проблема была в том, что Буллит говорил одно Крестинскому и Рубинину и совсем другое — Госдепартаменту. «На меня постоянно давят американские корреспонденты, — писал он Хэллу, — и требуют предоставить информацию о переговорах с советским правительством, в особенности о выплате долга. До сих пор я все время утверждал, что здесь не проводится никаких переговоров, о которых стоит упомянуть, *потому что советское правительство отказывается принять для них хотя бы какую-то основу*» [курсив наш. — М. К.]². Как сразу поняли читатели, последняя часть

¹ Запись беседы Е. В. Рубинина с У. Буллитом. 14 июня 1934 г. // CAO, 1934–1939. С. 159–160.

² Bullitt to Hull. No. 125. 8 June 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

предложения — неправда. Но, по крайней мере, Буллит или его отдел просили предоставить им инструкции относительно того, какой линии он должен придерживаться в Москве: своей или какой-то другой. Хэлл ответил очень любопытно: «американские предприниматели постоянно интересуются», какие есть перспективы успешного завершения переговоров с Москвой. «Мы не считаем временное их прекращение отменой». И еще вот такой комментарий: «Мы не собираемся обсуждать дела с Трояновским, пока не получим ответ от вас»¹.

В Москву вернулся Литвинов, и Буллит приехал к нему, чтобы поделиться своей идеей относительно прагматического решения, которое он уже озвучивал Крестинскому и Рубину. Литвинов вежливо его выслушал. А затем ответил, что если Вашингтон отказывается от долгосрочного кредита на основе ответных предложений СССР, то это значит, что Рузвельт не хочет соблюдать «джентльменское соглашение». Литвинов даже зачитал Буллиту соответствующую часть текста, чтобы показать, что он имеет в виду. СССР может обойтись без погашения долга. Это идея США, а не его. СССР готов поддерживать максимально хорошие отношения с США, не выплачивая долг. «Я не отношусь так трагически, как Буллит, к возможности новых вспышек антисоветской агитации на почве неуплаты старых долгов, когда, за исключением Финляндии, ни одно европейское правительство не платит долгов более обязательных и более бесспорных, чем долг Керенского, и когда Германия прекращает платежи даже по облигациям Дауэса и Юнга». Однако Литвинов оставил дверь приоткрытой и сказал Буллиту, что он спросил Госплан о том, какие товары он был хотел купить на 200 млн долларов кредита. В ответ нарком попросил посла изложить его идею в Вашингтоне, чтобы Госплан не терял времени даром. Буллит согласился, но сказал, что лучше, если подобная просьба будет исходить от Трояновского. Литвинов кивнул, но ответил: «Я сошлюсь при этом на его инициативу. Несколько покраснев, Буллит сказал, что не возражает против этого». Затем нарком отправил информационную записку Сталину и попросил утвердить его предложение, чтобы «сдвинуть нас с места в переговорах»².

¹ Hull to Bullitt, not numbered. 8 June 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

² Встреча с американским послом У. Буллитом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 16 июня 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 167–169; М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 17 июня 1934 г. // CAO, 1934–1939. С. 160.

Переговоры перенесены в Вашингтон

Трояновский ухватился за идею Буллита и решил обсудить ее в Вашингтоне с Муром. Видимо, он не до конца ее понял, так как написал, что посол хочет опубликовать советский план закупок. Мур отверг эту идею, полагая, что из-за нее может возникнуть «не-нужный шум» и появятся препятствия в переговорах. Скорее всего, причина была в том, что представители американского бизнеса давили на Госдепартамент и требовали, чтобы он договорился с СССР. Мур предложил организовать переговоры в Вашингтоне. Это подходило Трояновскому, который ждал своего шанса и рекомендовал Литвинову согласиться: «Я считаю, что мы должны ориентироваться не на то, на что мы надеялись, а на то, что сейчас возможно и вместе с тем нам выгодно». Вряд ли такие слова могли понравиться его начальнику. Трояновский предложил определенные цифры, но согласился с Госдепартаментом, который предлагал автоматически возобновляемые коммерческие кредиты через экспортно-импортный банк и частные фирмы, против чего ранее выступало советское правительство¹. Мур также записал разговор. Трояновский «согласился со мной, — писал Мур. — Если мы бы с ним проводили переговоры здесь, то нам было бы несложно заключить предварительное соглашение»².

Когда Литвинов прочитал телеграмму Трояновского, он, наверно, пришел в ярость, так как в ней говорилось об отказе от его позиции в переговорах. «Трояновский фактически предлагает согласиться на условия Госдепартамента, — объяснил Литвинов Сталину, — приняв на себя обязательство по возмещению долга Керенского без получения займа или долгосрочного кредита». Мур тоже так считал. СССР получил примерно те же самые коммерческие кредиты в других странах, но если США примут предложение Трояновского, то другие страны захотят то же самое. Литвинов не был против переноса переговоров в Вашингтон, но только на основе прежнего предложения Буллита³.

¹ А. А. Трояновский — в НКВД. 20 июня 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 142–143.

² Memorandum of conversation between the Russian Ambassador and Assistant Secretary of State Moore. June 20 1934. 800.51W89 U.S.S.R./74, NA RG59, box 4609.

³ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 22 июня 1934 г. // CAO, 1934–1939. С. 161.

Прояснив свою точку зрения для Сталина, нарком набросился на Трояновского. «Ни Буллит, ни Литвинов не предлагали опубликовать план закупок СССР. Если вы невнимательно прочли мои инструкции, — продолжал нарком, — вам необходимо незамедлительно проинформировать об этом Мура». Конечно, ни одному послу не понравится такой выговор, но Литвинов только начинал закипать. «Ваше предложение инстанция [то есть И. В. Сталин. — М. К.] решительно отвергает как совершенно капитулянтское». Литвинов разрешил провести переговоры в Вашингтоне, но только основываясь на предложениях и уступках СССР, а не на условиях Госдепартамента. «Вашингтон не сдвинулся с первоначальной своей позиции, которую Вы теперь поддерживаете». Трояновский мог обсуждать заказы и коммерческие кредиты, но только без привязки к выплате старых долгов¹.

Столкновение Литвинова с Трояновским

Из предыдущей переписки становится понятно, что Литвинов и Трояновский не ладили. Теперь разлад стал явным. «Я понимаю директиву, что в переговорах здесь надо добиваться наших условий, и не понимаю ее так, что без принятия наших условий невозможны переговоры в Вашингтоне. Я, конечно, не намерен сейчас спорить против принятия решения [Москвой. — М. К.], я должен был сообщить свое мнение, основанное на том, что существо позиции Буллита и Госдепартамента состоит в том, чтобы избежать фиксации сроков кредитов и сколько-нибудь значительного удлинения их против установленных практикой “Амторга” сроков». Перепалка. Как будто обстреляли друг друга из артиллерийской винтовки. Трояновский постарался, как мог, проявить сарказм. В целом он хотел сказать, что если Москва хочет заключить соглашение с Вашингтоном, то это будет на условиях Госдепартамента с небольшими изменениями тут и там. Но Трояновский никак не мог понять, что если СССР согласится выплатить 100 млн долга Керенского, то он хочет получить взамен что-то серьезнее, чем обычный коммерческий кредит, который доступен для него и так, без всяких выплат. Литвинов называл его налогом на торговлю

¹ М. М. Литвинов — А. А. Трояновскому. 25 июня 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 143–144.

с США. Трояновский отвечал, что Москва хочет невозможного и то, что предлагает он, лучше, чем ничего. В этом была разница между Литвиновым и Трояновским. Нарком уже сказал Буллиту, что СССР хотел бы сохранить хорошие отношения с США даже без соглашения о кредите и выплате долга. По этому высказыванию видно, что было у него на уме. И ему было бы несложно убедить Сталина с ним согласиться. Старый «кулак» никогда не любил платить старые долги. Только если это могло принести большую пользу СССР. Трояновский объяснял происходящее следующим образом:

«Президент трусит, до ноябрьских выборов большой уступчивости от него ждать нельзя. Опасно, что после выборов положение может ухудшиться. Само отсутствие соглашения о долгах будет использовано нашими врагами против нас. Политически надо добиться соглашения. Коммерчески в среднем кредит в 7–8 лет нам выгоден. При отсутствии соглашения или затяжки (чего надо ожидать) нам придется покупать за наличные или на краткие сроки. 200 миллионов долларов, когда бросаются миллиарды, не такая большая сумма, чтобы она соблазняла на большие уступки. Моя “капитулянтская” позиция может оказаться в будущем совершенно недостижимой»¹.

На этом ссоре Литвинова с Трояновским не закончилась. Было 21 июля, прошло две недели после того, как Литвинов и Крестинский написали свои последние депеши. Нарком снова написал Сталину и пожаловался на Трояновского, который предложил зачем-то взаимный отказ от притязаний и никак не мог понять данные ему инструкции. Я попросил его объясниться, сказал Литвинов, но он ответил, что «вопрос до сих пор до конца не ясен». Трояновский должен был возобновить переговоры с Госдепартаментом, но Буллит пожаловался, что переговоры не ведутся, а Трояновский «довольствуется случайными разговорами за обедом с Муром». Что происходит? Литвинов с 1924 года ни с кем так не ссорился. Тогда он столкнулся с советником в Париже Александром Шляпниковым². «Я понял это [жалобу Буллита. — М. К.] как намек со стороны

¹ А. А. Трояновский — М. М. Литвинову. 26 июня 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 144–145.

² Carley M. J. Episodes from the Early Cold War: Franco-Soviet Relations, 1917–1927 // Europe-Asia Studies. Vol. 52. No. 7 (2000). P. 1275–1305.

американцев о желательности возобновления переговоров, и я дал поручение Трояновскому немедленно зайти в Госдепартамент и выяснить, есть ли у него какие-либо новые предложения... Вместо исполнения поручения Трояновский шлет какие-то путанные новые предложения». Литвинов попросил Сталина дать ему инструкции¹.

Трояновский уехал в Вашингтон только в январе, поэтому можно было бы предположить, что он оставит все, как есть, и не будет усугублять ситуацию. Однако этого не произошло. Он написал Сталину и попросил его отозвать, но при этом не отправил копию наркому. В подобных обстоятельствах его поведение выглядело вызывающе. Это была открытая война. Трояновский жаловался на пустяки, уколы Литвинова относительно предложения Буллита о плане закупки, а затем на то, что переговоры проводятся одновременно в Москве и в Вашингтоне. После он перешел к высказыванию наркома о том, что Трояновский просто продвигает те же идеи, что и Госдепартамент. И другими словами, он решил капитулировать. «Это очень серьезное обвинение», — писал Трояновский. Так и было, но он это отрицал. Я не могу допустить подобных обвинений, сказал полпред. А затем последовал залп ответного огня. «Я знаю, что этот человек зол на меня до последней крайности за то, что ЦК не согласился с его позицией по вопросу о кандидатурах для полпредства и консульств в Америке. Свою злобу он вымещает теперь вместо ЦК на мне. У него достаточно мелочности, чтобы доходить до обвинений, подобных приведенному выше. Но вся беда в том, что при таком положении, когда этот человек пышет злобой и так относится ко мне, что может бросать обвинения вроде указанного, моя работа здесь плодотворной быть не может». На этом Трояновский не остановился. Он обвинил Литвинова в том, что он к нему придирается и ищет поводы для критики. «Я думаю, что меня необходимо отозвать, — добавил он, чтобы произвести нужное впечатление, — ибо я отдаю себе отчет, Литвинова снять невозможно». То есть с точки зрения Трояновского, Сталин должен был уволить Литвинова. Это уже было слишком. «Между прочим, — добавил Трояновский, в качестве последнего удара в спину, — основная беда в наших переговорах с Соединенными Штатами о долгах состоит в том, что Литвинов не хотел договориться

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 21 июля 1934 г. // САО, 1934—1939. С. 186.

о них, когда был здесь»¹. Тут Трояновский совершил большую ошибку. Скорее всего, причиной стал его разговор с Муром в Госдепартаменте, который также придерживался политики Буллита и нападал на наркома².

Читатели помнят, что, когда Литвинов был в Вашингтоне, он постоянно отправлял телеграммы Сталину, который одобрил все, что нарком предложил Рузвельту. Соответственно, критика Литвинова означала критику Сталина. Тем не менее Сталин велел Кагановичу, секретарю ЦК ВКП (б), отказать Трояновскому в его просьбе. А затем он добавил: «Письмо это не следует показывать Литвинову». Каганович и Молотов с ним согласились. И понятно почему: нарком бы тут же потребовал отставки Трояновского или уволился бы сам, из-за чего разразился бы скандал в Вашингтоне и не только, что навредило бы советско-американским отношениям. Сталин еще не был готов ими пожертвовать. Трояновский остался в США, но проиграл спор. Политбюро утвердило резолюцию, согласно которой он должен был придерживаться прежних указаний, которые дал ему Литвинов³.

В тот же день, когда Трояновский написал письмо Сталину, он также написал и Литвинову, как будто он не пытался его сместить. «Уважаемый Максим Максимович», — начал он, а затем описал, как произошло охлаждение в отношениях между СССР и США, отметив, что американцы, особенно республиканцы, все еще выступают против признания, а сам Рузвельт тоже больше не испытывает энтузиазма по данному вопросу. В признании большую роль сыграл Дальний Восток, и это по-прежнему важный вопрос, однако большая часть населения США больше думает о торговле, чем о Японии. Все это звучало так, как будто Трояновский пытался добиться права вести переговоры. Хорошие отношения с США, добавил он, невозможны, пока не будут выплачены старые долги. А затем последовали новые предложения для Госдепартамента, которые так смутили Литвинова⁴.

¹ А. А. Трояновский — И. В. Сталину. 24 июля 1934 г.; Резолюция Политбюро № П11/73-опр. 25 июля 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 159—161.

² Moore to Francis Sayre, Assistant Secretary of State. 19 July 1934. 800.51W89U.S.S.R./85-1/2, NA RG59, box 4609.

³ А. А. Трояновский — И. В. Сталину. 24 июля 1934 г.; Резолюция Политбюро № П11/73-опр. 25 июля 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 159—161.

⁴ А. А. Трояновский — М. М. Литвинову. 24 июля 1934 г. // CAO, 1934—1939. С. 187—189.

В это время Литвинов немного остыл. Он не ответил на телеграмму Трояновского, но вместо этого отправил ему длинную и подробную депешу, в которой изложил советскую политику в отношении царских долгов. Во-первых, он объяснил, что СССР уже 16 лет борется с внешним миром из-за отказа платить царские долги и национализации иностранного имущества без компенсации. Другие страны, в особенности Франция и Англия, использовали все возможные способы давления и угрозы, чтобы заставить советское правительство изменить политику. И конечно же, США отложили признание. СССР успешно сопротивлялся, и в итоге Франция и Англия отказались от своих притязаний. Советское правительство, пояснил Литвинов, всегда отказывалось признавать какие бы то ни было старые долги, однако оно готово к практическому подходу, основанному на взаимовыгодном обмене соответствующих займов. А правительство США также отказывалось давать заем напрямую и через американский банк-посредник, и это являлось нарушением «джентльменского соглашения». Литвинов согласился с тем, что Рузвельту было сложно предоставить заем, но, поскольку это условие отпало, то СССР больше не обязан выплачивать долг Керенского.

Нарком также перечислил несколько советских уступок (с которыми читатели уже знакомы), на которые Вашингтон ничем не ответил. Затем Литвинов прочитал лекцию о разнице между обычными коммерческими кредитами и банковским кредитом. Госдепартамент предлагал (а Трояновский поддерживал) коммерческие кредиты на определенный период времени, возможно, автоматически возобновляемые, но не правительственную ссуду и не ссуду с правительственной гарантией. Коммерческие кредиты советские торговые организации могли получить в Европе и не платить старые долги. Литвинов снова повторил, что советское правительство не хочет создавать прецедент в США, потому что иначе другие страны могут начать тоже требовать компенсацию. Именно поэтому упор делался на долге Керенского. Литвинов подробно объяснил Трояновскому, в чем разница, как будто читал лекцию студенту-первокурснику. И конечно, он не смог удержаться и снова назвал предложение Трояновского «капитуляцией» или же, предположил он, полпред «невнимательно» прочитал инструкции¹. Так что прошлое не осталось в прошлом.

¹ М. М. Литвинов — А. А. Трояновскому. 7 июля 1934 г. // САО, 1934—1939. С. 168—172.

Трояновскому также написал Крестинский. Он в более мягком товарищеском тоне изложил основные пункты, которые упоминал Литвинов, и особенно подчеркнул советские уступки, на которые не отреагировал Госдепартамент, за исключением тех, что пересекались с его собственным предложением. Крестинский сделал вывод, что переговоры никуда не ведут. А затем он поделился интересным наблюдением: если в Японии к власти придет более «америкафобное» правительство и США захотят продемонстрировать близкие отношения с СССР, они откажутся от «неразумного упорства, и договориться будет легко»¹. Забавно, ведь Буллит уже добился движения в обратном направлении. Учитывая уступки СССР и их отсутствие со стороны США, у Москвы были веские аргументы, в отличие от Вашингтона.

Буллит приехал к Литвинову 9 июля и, когда об этом зашел разговор, сказал, что Трояновский даже не начинал переговоров с Госдепартаментом. Нарком ответил, что полпред «неверно понял» его инструкции. Литвинов позволил себе критиковать своего сотрудника в разговоре с послом, что свидетельствовало о его раздражении. Нарком упомянул длинную депешу, которую он только что закончил, и даже частично зачитал ее Буллиту. Посол отметил, что по инструкции от Трояновского требовалась непреклонность, что делало его работу невозможной. Он предупредил Литвинова, но нарком ответил, что у СССР не может рисковать отношениями с другими государствами из-за долгов и требований. Соглашение с США должно быть таким, чтобы оно не создавало прецедента для других правительств². Буллит писал, что когда Литвинов беспокоился из-за того или иного изменения, он пытался его высмеять, в особенности если речь шла об американо-японских отношениях. «Я сообщил, что наши отношения с Японией стали лучше, и спросил, не улучшились [ли] отношения между Японией и СССР». Литвинов засмеялся: «Единственное улучшение заключается в том, что мы еще до сих пор не воюем»³. Хэлл ответил Буллиту, что ему стоит с меньшим пессимиз-

¹ Н. Н. Крестинский — А. А. Трояновскому. 7 июля 1934 г. // CAO, 1934—1939. С. 173—175.

² Bullitt to Hull. No. 177, strictly confidential. 9 July 1934. 800.51W89-U.S.S.R./78, NA RG59, box 4609.

³ Bullitt to Hull. No. 178, strictly confidential. 9 July 1934. 800.51W89-U.S.S.R./79, NA RG59, box 4609.

мом относиться к будущим переговорам. Если Трояновский предлагает взять их на себя, то они «обсудят с ним всю сложившуюся ситуацию и постараются ему внушить важность как можно скорее заключить соглашение»¹. Для Буллит же хорошие новости были плохими новостями. Уолтер Дюранти, руководитель московского бюро «Нью-Йорк Таймс» в Москве, сказал ему, что «многие американские банкиры и промышленники» дадут кредит СССР, нравится это Госдепартаменту или нет. Буллит плохо на это отреагировал: «Такая новость сделает позицию Литвинова еще более непреклонной». Забавно, что телеграммы Дюранти на эту тему блокировала советская цензура. «Литвинов сказал Дюранти, что подобные телеграммы выглядят так, как будто на них его вдохновило советское правительство»².

Буллит меняет стратегию

В Москве Буллит затеял опасную игру, назначив Литвинова главным препятствием на пути к достижению соглашения о долгах и кредите. «Осмелюсь высказать свое мнение, — писал он Хэллу, — что до тех пор, пока Литвинов так относится к США, мы не можем рассчитывать на искренне дружелюбное сотрудничество с ним». Таким образом, Буллит выступал против отправки американского военного корабля в советский порт. Посол утверждал, что у него есть информация из советского источника, «частная информация», что Литвинов не пользуется полной поддержкой окружения Сталина. «Сталин и военное руководство уверены, что сотрудничество с США должно укрепляться, а не разрушаться, и я не считаю, что мы не сможем побороть непоколебимость Литвинова». На самом деле все члены советского правительства хотели улучшить отношения с США, однако не на любых условиях, а Литвинов ни в коем случае не был «непоколебим». Его просто раздражало то, что СССР шел на уступки, а Госдепартамент нет. Буллит напрашивался на неприятности. США не должны заходить слишком далеко «в демонстрации холодности, чтобы не вызвать неприязнь у тех лидеров советской власти, которые хотят тесно с нами сотрудничать. Я предлагаю в целом придерживаться

¹ Hull to Bullitt, not numbered. 10 July 1934. 800.51W89-U.S.S.R.79, NA RG59, box 4609.

² Bullitt to Hull. No. 180. 11 July 1934. 800.51W89-U.S.S.R./80, NA RG59, box 4609; Bullitt to Hull. No. 191. 17 July 1934. 800.51W89-U.S.S.R./82, NA RG59, box 4609.

следующей линии: мы очень хотим сотрудничать с СССР, но Литвинов равнодушен к развитию нашего сотрудничества»¹. Нарком не относился равнодушно к улучшению отношений с США. Буллит снова предоставил Вашингтону неточную информацию.

Литвинов все еще пытался поддерживать хорошие личные отношения с Буллитом. Он пригласил его на обед к себе на дачу в Подмоскowie. Разговор зашел о плане закупок (помните, что это была идея посла) и о том, что Госдепартамент его заблокировал. По словам Литвинова, «что касается советского правительства, там пока этим вопросом никто не занимается». Буллит утверждал, что он не в курсе. «Вчера Литвинов старался, как мог, и принял меня очень сердечно, — писал Буллит. — Мне кажется, он надеется, что переговоры о компенсации долга мирно впадут в кому навсегда»².

Буллит продолжал нападать на Литвинова. «Необычное дружелюбие, проявленное по отношению к посольству на прошлой неделе, — телеграфировал он Хэллу, — стало результатом опасений того, что из-за непоколебимости Литвинова... США надолго потеряют желание... сотрудничать в какой бы то ни было сфере с правительством СССР». Советские дипломаты были уверены, что Япония не начнет войну на Дальнем Востоке, но военные думали иначе и волновались из-за «упрямства наркома». Таким образом, сейчас был благоприятный момент, чтобы начать переговоры с Трояновским³.

26 июля Литвинов обедал с Буллитом, а затем они вместе отправились посмотреть «первый матч по поло в СССР». Посол привез оборудование для поло, чтобы научить этой игре кавалеристов Красной армии. На игре также присутствовал Ворошилов, а затем он вернулся с Буллитом в посольство США и остался там до утра. Ворошилов был компанейским человеком. «Мы долго и очень доверительно беседовали, и я выяснил, как и думал, что Литвинов неточно передает Сталину и Ворошилову содержание наших разговоров». Буллит утверждал, что Ворошилов решительно хотел улучшить отношения между США и СССР и что он «использует свое влияние на Сталина, чтобы... смягчить упрямство Литвинова»⁴.

¹ Bullitt to Hull. No. 167, strictly confidential. 30 June 1934. 800.51W89-U.S.S.R./76, NA RG59, box 4609.

² Bullitt to Hull. No. 173. 7 July 1934. 800.51W89-U.S.S.R./77, NA RG59, box 4609.

³ Bullitt to Hull. No. 207. 21 July 1934. 800.51W89-U.S.S.R./86, NA RG59, box 4609.

⁴ Bullitt to Hull. No. 221. 27 July 1934. 800.51W89-U.S.S.R./89, NA RG59, box 4609.

Ворошилов также записал их разговор с Буллитом. По его словам, для Буллита главной проблемой в отношениях между США и СССР было недопонимание и попытка Литвинова заполучить «любыми способами» американский правительственный кредит. Также посол и слышать не хотел об участии правительства США в займах, которые СССР мог бы получить у банков и промышленников. Это было правдой. Буллит запел привычную песню про «мнение общественности», которая злится из-за отказа правительств платить военные долги и выступает против займов кому бы то ни было. «Буллит несколько раз (и почти раздраженно), — писал Ворошилов, — подчеркивал упорное нежелание Литвинова сойти с занимаемой им позиции, “без чего нельзя сдвинуть переговоры с мертвой точки”». Затем нарком добавил:

«Закончил Буллит в несколько патетических тонах, заявив, что сейчас фактически решается направление внешней политики Америки: пойдет ли она по пути сближения с Советским Союзом (искренними сторонниками чего являются Рузвельт и он, Буллит) или же она должна будет принять английскую ориентацию. Последнее возможно, если мы будем продолжать упорствовать и этим раздражать американское общественное мнение, что неминуемое скажется и на позиции президента».

Подобный подход был похож на угрозу. Ворошилов вежливо ответил Буллит, что неправда, будто проблема заключается в упрямстве Литвинова. Поскольку правительство США хотело, чтобы СССР нес ответственность за долг Керенского, логично обсуждать кредит именно с правительством, а не с банками и бизнесом. Ворошилов добавил, почти невинно, что он не понимает, почему недовольство общественности Францией, Великобританией и другими странами, отказавшимися платить военные долги, должно также влиять и на СССР. Советское правительство выплатило все долги до последней копейки. Это было правдой. СССР не признавал царский долг, как часто говорил Литвинов. И наконец, отметил Ворошилов, долг Керенского не имел никакого отношения к советскому правительству, а был взят «правительством, против которого мы боролись».

Ворошилов сделал следующий вывод: «Каждому сейчас очевидно, что мы торговали гораздо лучше до восстановления дипломатических отношений, чем сейчас. Это абсолютно ненормальное

положение необходимо в кратчайший срок ликвидировать, и сделать это можно при доброй воле с обеих сторон. У нас она есть в достаточном количестве, ее может и должна проявить и американская сторона»¹. Получается, Ворошилов прямо так и сказал Буллит. В любом случае посол должен был прийти к выводу, что не стоит пытаться сделать из Литвинова козла отпущения. Если его защищает Ворошилов, значит, Литвинов выступает в соответствии с политикой Сталина. Отчеты Буллита и Ворошилова были разными, как небо и земля.

Посол так ничего и не понял и продолжал винить наркома в своих проблемах. «С Литвиновым я не могу сдвинуться с места, — писал Буллит Рузвельту. — У нас с ним хорошие личные отношения, но я попытался нанести ответный удар в Кремле с помощью Ворошилова и Карахана». Однако удар не сработал, так как политика Литвинова была политикой Сталина, вот почему за нее заступался Ворошилов. Что касается Карахана, когда-то у него были близкие отношения со Сталиным, но теперь уже нет. Он должен был уехать в Турцию и стать полпредом в Анкаре. «Мы видели множество намеков в последнее время, — продолжил Буллит. — Сталин, Ворошилов и Молотов хотят, чтобы у нас были дружеские отношения, и мне кажется, сейчас главное, что я могу сделать, это довести до ума мой слабый русский и попытаться поговорить с ними». Буллит был прав. Сталин и его коллеги действительно хотели улучшить отношения с США — такова была советская политика с 1918 года, — но не готовы согласиться на любые условия. И уж точно они не были готовы пожертвовать советской политикой в отношении старых долгов. Нельзя улучшить отношения, попытавшись их купить за 100 млн долларов и крупные заказы американских товаров. Необходимо также защищать общие национальные интересы и учитывать Японию и нацистскую Германию. Но Буллит никак не хотел этого понять: «В конце концов мы сможем сломить сопротивление Литвинова»². Проблема была не в наркоме. Сопrotивлялся Сталин. Чем жестче торговался Литвинов, тем больше уважал его начальник.

США хотели добиться от СССР всех возможных уступок, и именно это так злило Литвинова. В конце июля экспортно-импортный банк предложил вести дела со всеми странами, кроме СССР.

¹ Запись беседы К. Е. Воршилова с У. Буллитом от 26 июля 1934 г. 27 июля 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 162—163.

² Bullitt to Roosevelt. 5 Aug. 1934. FDR Library, PSF, Russia, box 49.

Трояновский попросил объяснений у Хэлла. В некоторых американских газетах высказывали мысль о том, что действия банка представляли собой дубинку, направленную против советского правительства. Некоторых людей бесполезно учить. Жесткая политика никогда не сработает в Москве. Хэлл сказал, что Госдепартамент не имеет никакого отношения к высказыванию банка¹.

Литвинов крайне редко позволял себе критиковать полпреда в присутствии иностранного дипломата, но он продолжал жаловаться Буллитту на Трояновского, который не понимал данных ему инструкций и присылал в Москву «непонятные телеграммы» с предложениями США. Нарком хотел предупредить Госдепартамент, что высказывания Трояновского необходимо проверять в Москве. На самом деле он даже попросил прислать ему американские предложения в письменном виде, чтобы он мог увидеть оригинальный текст и не зависеть от «интерпретаций Трояновского»².

Литвинов считал полпреда бесполезным, но он не видел другого выхода, кроме как позволить ему встретиться с Госдепартаментом. В конце концов, это была его работа. Литвинов предупредил Трояновского, что необходимо соблюдать осторожность³. В начале августа состоялись встречи между Трояновским, Хэллом, Муром и Келли. В результате переговоров в Вашингтоне так и не получилось достигнуть договоренности или хотя бы уменьшить разногласия. Политбюро одобрило инструкции для Трояновского и повторило, что изначальное предложение Келли неприемлемо и полпред должен придерживаться своих изначальных инструкций. Встреча в Вашингтоне 10 августа прошла плохо. Трояновский сообщил Хэллу, что Москва считает недавние предложения Госдепартамента «хуже, чем самые первые». Рубинин кратко подвел итоги переговоров и сделал вывод, что в последний раз США предложили условия, в которых никак не улучшили свои прежние позиции⁴. Хэлл плохо

¹ Memorandum of conversation between Secretary of State Hull and the Soviet ambassador Mr. Alexander Troyanovsky. 30 July 1934. 800.51W89U.S.S.R./90, NA RG59, box 4609.

² Bullitt to Hull. No. 231. 30 July 1934. 800.51W89U.S.S.R./91, NA RG59, box 4609.

³ М. М. Литвинов — А. А. Трояновскому. 28 июля 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 164.

⁴ Отчет Е. В. Рубинина о статусе советско-американских переговоров. 9 августа 1934 г. // Там же. С. 166—171.

воспринял полученную от Трояновского информацию. «Крайне неудовлетворительно, — полагал Госдепартамент. — Наше правительство сильно разочаровано позицией господина Литвинова и тем, что переговоры никуда не ведут»¹. Госдепартамент был слеп в своем собственном упрямстве и отказывался обсуждать что-либо, кроме коммерческих кредитов и изначального предложения.

Трояновский предупредил Москву, что, скорее всего, переговоры скоро прервут. Рузвельт одобрил позицию Госдепартамента, так что теперь отношения точно ухудшатся. «Мне давно передавали, — телеграфировал Трояновский, — что Рузвельт сильно озлоблен и бранит всю Литвинова». Это явно шло от Буллита. Трояновский не мог упустить возможность очернить наркома и обвинить его в том, что переговоры зашли в тупик. Он все еще не понимал, что Литвинов придерживается политики Сталина, как и все Политбюро. «На последнем свидании Мур, больше других отражающий настроение Рузвельта, горел злобой и не мог без негодования и ненависти слушать меня. В такой степени возмущение было для меня неожиданным». Трояновский не думал, что дело дойдет до разрыва отношений. В конце концов, это была политика Рузвельта. Полпред полагал, что лучше все сказать Госдепартаменту, что «мы сделали много уступок, теперь очередь за Госдепартаментом: если он сделает значительно лучшее предложение, то мы со своей стороны попытаемся пойти им навстречу». Помимо всего прочего, он предложил вернуться к займу в размере 200 млн и разделить его пополам: 100 млн взять в качестве долгосрочного кредита (на 20 лет), то есть по сути ссуды, а 100 млн — в качестве краткосрочного коммерческого кредита. Казалось, Трояновский был уверен, что дальнейшие уступки приведут к достижению соглашения².

Предложение сделать Госдепартаменту еще большие уступки было изначально плохо воспринято в Москве. Крестинский, исполнявший обязанности Литвинова во время его отсутствия, выступал против этого. Рузвельт не станет делать никаких шагов до выборов в Конгресс, СССР тоже стоит от них воздержаться. Если уступить, то того же потребуют Франция и Великобритания. На следующий

¹ Memorandum of Conversation, State Department, Division Eastern European Affairs. 10 Aug. 1934. 800.51W89U.S.S.R./103, NA, RG59, box 4609.

² А. А. Трояновский — в НКВД. 13 августа 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 173–174.

день после заключения соглашения с США все страны-кредиторы выставят Москве счета. Крестинский рекомендовал придерживаться изначального предложения: 100 млн в счет долга и 200 млн в качестве долгосрочного кредита. Он утверждал, что Госдепартамент шантажирует советское правительство, используя в качестве рычага любое усиление напряжения на Дальнем Востоке. Конечно, Буллит пользовался как раз таким подходом. Крестинский рекомендовал придерживаться оговоренной линии¹. Каганович и Молотов поддержали его позицию и написали Сталину, который уехал в Сочи в отпуск. Трояновский, с их точки зрения, был «немного подвержен паническим настроениям»².

Сталин не согласился. «Мне кажется, что у Трояновского есть доля правды, и мы могли бы пойти на некоторые уступки Рузвельту. Имейте в виду, что соглашение с Рузвельтом может облегчить как проведение Восточного регионального пакта со всеми вытекающими последствиями, так и борьбу с Японией, что для нас очень важно»³. Вождь сказал свое слово. Политбюро одобрило основной пункт, о котором говорил Трояновский, и велело ему вручить Хэллу предложение в письменном виде⁴.

Крестинский отправил послу длинную депешу и объяснил в ней советскую политику. Позиция была не новой, но стоит отметить несколько пунктов. Самым главным было следующее: советское правительство волновалось из-за создания опасных прецедентов. Разница между долгом Керенского и царским была всего лишь технической, и французы, например, прекрасно это поймут. Соглашение о выплате долга с США может плохо повлиять на отношения с Францией. «Эти отношения в настоящий момент являются более серьезным стержнем нашей внешней политики, чем отношения с Америкой». Советская позиция в переговорах с Госдепартаментом строится на этом расчете. «Мы не хотим идти на обострение. Наоборот, мы более по политическим, чем по экономическим соображениям

¹ Н. Н. Крестинский — Л. М. Кагановичу (прилагается черновик телеграммы А. А. Трояновскому). 13 августа 1934 г. // CAO, 1934—1939. С. 193—196.

² Л. М. Каганович, В. М. Молотов — И. В. Сталину. 14 августа 1934 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 433—434.

³ И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. 15 августа 1934 г. // Там же. С. 437—438.

⁴ Резолюция Политбюро № П12/152-опр. (прилагается черновик телеграммы А. А. Трояновскому). 21 августа 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 176.

хотим договориться с американцами». Отношения должны в большей степени строиться на совместной безопасности, а не на старых долгах и торговле. Как всегда, для СССР торговые отношения были всего лишь промежуточным шагом на пути к улучшению политических отношений.

С другой стороны, Крестинский отметил, что СССР не нравится, когда Госдепартамент на него давит. «Мы... не хотим, чтобы американцы продолжали позволять себе обвинять нас в недобросовестности — в нарушении соглашения от 15 ноября [джентльменское соглашение. — М. К.]». И наконец Крестинский попросил Трояновского дать ему обратную связь по советским предложениям или идеям Литвинова, которые должны быть представлены Хэллу. «Мою просьбу дать отзыв по поводу схемы М. М. [Литвинова] Вы ни в коем случае не должны понять в том смысле, что, если бы Вам эта схема показалась приемлемой, Вы можете задержать вручение Госдепартаменту нашего меморандума. Нет, Вы должны, независимо от Вашего отношения к схеме М. М., провести в жизнь те указания, которые будут посланы Вам по телеграфу». Крестинский сделал интересный вывод из своей длинной депеши, в которой он хотел предупредить Трояновского о необходимости придерживаться инструкций, а не своих собственных взглядов на политику¹.

Советское предложение стало еще одним компромиссом, о котором Трояновский рассказал Хэллу 24 августа. Однако госсекретарь от него отмахнулся и даже отказался обсуждать. Вот что он сообщил об этой встрече Буллит: «Он [Трояновский. — М. К.] был проинформирован, что его предложение неприемлемо, а после нашего разговора мы сообщили прессе о том, что “советский посол представил встречное предложение в письменном виде, и с его учетом вряд ли можно надеяться, что будет достигнуто какое-либо соглашение”»². Хэлл не просто отверг предложение СССР так, как будто он имел дело с Гватемалой, но еще и проинформировал об этом прессу. По факту это означало конец переговоров и конец попыткам реализовать «джентльменское соглашение».

¹ Н. Н. Крестинский — А. А. Трояновскому. 21 августа 1934 г. // CAO, 1934—1939. С. 200—204.

² Hull to Bullitt. No. 214. 24 Aug. 1934. 800.51W89U.S.S.R./108A; «Conversation» between Troianovskii, Hull, Moore, and Kelley, State Department, Division of Eastern European Affairs. 24 Aug. 1934. 800.51W89U.S.S.R./112 ½, NA RG59, box 4609.

Но надо отдать должное Буллиту: он не прекратил плести интриги против Литвинова. В начале сентября он встретился с Радеком, и у них состоялся долгий разговор. Радек, у которого, как помнят читатели, была плохая привычка лезть в дела НКВД, высказал мнение, что Литвинов не полностью информирует Сталина о ходе переговоров и пытается «добиться личного триумфа, выторговав наилучшие условия». Радек обещал проверить документы в секретариате у Сталина и потом связаться с Буллитом¹. Через неделю заговорщики снова встретились. Радек сообщил, что он ознакомился со всеми документами в кабинете Сталина и считает, что Литвинов «передает факты без заметных искажений». «Вот черт», наверно, подумал Буллит. Но затем Радек вселил в него надежду. Он видел отчет Ворошилова о встрече с Буллитом. Читатели помнят, что у них состоялся разговор в американском посольстве после матча по поло в конце июля. По словам американского посла, Ворошилов подробно описал Сталину позицию американцев и потребовал принять их предложения. Сам Ворошилов иначе описывал их разговор. Затем Радек заговорил о депеше, которую Крестинский отправил Трояновскому, о важности отношений, в особенности с Францией, и о том, что нельзя создавать прецедент, так как Франция и Великобритания могут тоже начать требовать выплатить старые долги. Сталин сказал, что хорошие отношения с США «крайне важны». Это было правдой, но с этим были согласны не все в НКВД. Радек высказал мнение, что советскому правительству нужно «разработать новый принцип расчета», который удовлетворит США, но не Францию и Великобританию. Да, подумал Буллит, главное — это «принцип расчета, хотя советское правительство несомненно продолжит торговаться из-за процентных ставок»².

На самом деле принцип расчета не был проблемой. Советская сторона хотела получить долгосрочный кредит, чтобы покупать за наличные, а американская сторона не хотела его предлагать. Вот в чем была проблема. Советское правительство было готово выплатить 100 млн долларов за долгосрочный заем на 20 лет. Это было втрое выгодное предложение для США: 100 млн в кармане в счет

¹ Bullitt to Hull. No. 292, strictly confidential and secret. 9 Sept. 1934. 800.51W89-U.S.S.R./116, NA RG59, box 4610.

² Bullitt to Hull. No. 304, strictly confidential and secret. 15 Sept. 1934. 800.51W89-U.S.S.R./124, NA RG59, box 4610.

долга Керенского, 100 млн кредит, а по сути, ссуда, которая будет выплачена с процентами в течение 20 лет, и 100 млн краткосрочных коммерческих кредитов. А главное бизнес — серьезные сделки СССР с американскими компаниями. Что тут не годилось даже для славящегося своей скупостью торговца-янки? Да ничего. Проблема была в том, что Госдепартамент смотрел на все иначе, а Рузвельт был слишком занят другими делами, чтобы настаивать на своем решении. Была и более серьезная сложность: Буллит неточно передавал Вашингтону позицию СССР, из-за чего троица из Госдепартамента — Хэлл, Мур и Келли — полагали, что если они достаточно долго будут стоять на своем, то советская сторона сдастся. Это был худший совет, который когда-либо давали Вашингтону.

Однако обсуждение не затухло до конца. Мур, исполнявший обязанности госсекретаря, провел 4 сентября пресс-конференцию и ответил на вопросы о ходе переговоров. Он упомянул критику американского правительства, которое было ответственно за задержку в достижении соглашения и за то, что Госдепартамент называл «попыткой торговли». Однако Мур сказал, что все было иначе. «Это настолько далеко от правды, насколько возможно, — сказал он. — Когда станут известны факты, то будет понятно, что мы были настроены не только миролюбиво, но и максимально либерально и щедро»¹. Конечно, восприятие — понятие относительное, но если одна сторона, в данном случае СССР, идет на важные уступки, а другая — США — ни на одну существенную, то можно заподозрить, что Мур не совсем верно воспринимает переговоры. Поскольку сомнения были как у собравшихся журналистов, так и у более широкой аудитории, было решено организовать еще одну встречу с Трояновским и назначить ее на 5 сентября на 20:30, что было довольно поздно для подобного мероприятия. Хэлл отсутствовал. Обсуждение начал Мур, исполнявший обязанности госсекретаря. Он рассказал про текущее состояние переговоров и быстро перешел к вопросу о том, почему они зашли в тупик, а именно, потому что СССР стал требовать долгосрочный кредит. Если советское правительство настаивает на ссуде, считая ее ответным шагом на согласие выплатить долг Керенского, то нет никакого смысла продолжать обсуждение. Мур рассказал про американское предложение коммерческих кредитов

¹ Memorandum of the press conference. Tuesday, September 4 1934. 800.51W89-U.S.S.R./119, NA RG59, box 4610.

длительностью от полутора до пяти лет, в зависимости от типа заказываемого товара. Тут он отметил, что Рузвельт «может согласиться на особые условия в исключительных случаях, например, на оборудование для крупных промышленных проектов» и на срок шесть-семь лет. Трояновский вернулся к позиции СССР, согласно которой нельзя было создавать прецедент и к требованиям предоставить долгосрочный заем. Он откровенно сказал, что уже использовал по максимуму свою изобретательность, представив последнее советское предложение, но он открыт для любых встречных предложений «в соответствии с этой линией», которые могут появиться у Госдепартамента. Трояновский не надеялся, что советское правительство откажется от пункта о займе¹.

На следующий день Мур публично заявил, что последняя встреча с Трояновским не дала результата: «Мы достигли предела и не можем больше идти на уступки... иначе мы непомерно пожертвуем интересами общественности»². Это, конечно, была грубая лесть, очевидно необходимая, чтобы смягчить скепсис. Единственная уступка, которую сделали США, это предложение продлить коммерческие кредиты на шесть-семь лет в исключительных случаях... и больше никаких обещаний. Это было не слишком похоже на уступку. Мур писал Буллит: «Лично я считаю, что вряд ли советские официальные лица придут к какому-либо разумному соглашению. Литвинов отметил свою победу, когда добился признания, а все остальное для него не так важно»³. Нет, это было неправдой.

Трояновский все еще хотел добиться успеха и отправил в Москву свежее предложение: урезать до 50 млн 20-летний кредит или заем, взять коммерческий кредит в размере 50 млн на срок до 5 лет и 100 млн на срок от 5 до 10 лет⁴. Можно представить, как отреагировал бы на это предложение Литвинов, но он все еще был в Женеве, а обязанности наркома исполнял Крестинский. Он был более

¹ «Conversation», with Troianovskii and Moore and Kelley. 5 Sept. 1934. 800.51W89 U.S.S.R./116 ½, NA RG59, box 4610.

² Statement by the acting secret of state R. Walton Moore. 6 Sept. 1934. 800.51W89-U.S.S.R./120, NA RG59, box 4610.

³ Moore to Bullitt. No. 246. Strictly confidential. 15 Sept. 1934. 800.51W89 U.S.S.R./121, NA RG59, box 4610.

⁴ А. А. Трояновский — в НКВД. 17 сентября 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 181–182.

терпелив, но не более мягок. На самом деле порой он бывал даже жестче Литвинова:

«Вы считаете, что надо принять решение о минимуме, ниже которого мы ни в коем случае не спустимся, но ведь телеграммой от 21 августа Вам по поручению инстанции [И. В. Сталина] сообщено, что наши уступки, изложенные в меморандуме от того же числа, являются крайними [слово подчеркнуто. — М. К.]. Непонятно, почему Вы предлагаете изменить решение инстанции и пойти на новые уступки, хотя прошло всего 4 недели, и американцы ни на шаг не пошли нам навстречу. Почему мы должны нервничать и торопиться с уступками?»

Крестинский писал, что значительно улучшилась позиция СССР на Дальнем Востоке, и сейчас мы обсуждаем торговые условия, которые «значительно лучше, чем то, что предлагают США»¹.

21 сентября, через три дня после того, как Крестинский отправил телеграмму в Вашингтон, по инициативе Трояновского состоялась еще одна встреча с Хэллом (который уже вернулся), Муром и Келли. Трояновский, видимо, проигнорировал телеграмму Крестинского (телеграфное сообщение между Вашингтоном и Москвой работало очень хорошо и занимало менее суток) и отправил или велел кому-то отправить в Госдепартамент меморандум, подписанный третьей стороной, в котором говорилось о погашении старых долгов. Весьма загадочная история, так как Трояновский отрицал, что в данном документе излагались его взгляды, но утверждал, что он знает содержание и автора. На встрече Трояновский утверждал, что Москва настаивает на займе или долгосрочном кредите (это было правдой), а затем добавил, что он может быть меньше 100 млн долларов (что было неправдой). Полпред решил затеять свою игру? Он точно получил телеграмму от Крестинского, но сказал Хэллу, что у него нет новых инструкций из Москвы. Хэлл дал понять, что заем невозможен, но проявил некоторую гибкость в отношении долгосрочных коммерческих кредитов. Это было похоже на уступку со стороны США. Затем последовало обсуждение процентных ставок, но тут предложение американцев не сильно изменилось².

¹ Н. Н. Крестинский — А. А. Трояновскому. 18 сентября 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 182—183.

² «Conversation» with Troianovskii, Hull, Moore, and Kelley. 21 Sept. 1934. 800.51W89 U.S.S.R./150, NA RG59, box 4610.

Трояновский сообщил в телеграмме, что его пригласил на встречу Мур, но не сказал, что он просил его об этом. Он подробно рассказал об их разговоре, что соотносится с версией США, а затем (хотя в это невозможно поверить) посоветовал сделать Хэллу то самое предложение, которое было совершенно точно исключено, по словам Крестинского¹. Литвинов все еще находился в Женеве, поэтому не знал про последний акт неповиновения полпреда. Крестинский в Москве сообщил Буллиту несколько дней назад, что он отзывает Трояновского в СССР для консультации. Во время долгих переговоров Крестинский дал ясно понять, что предложение от 24 августа — это последний вариант, который предлагает СССР для решения вопроса долгов и кредита. «Это невозможно», — ответил Буллит так же жестко, как отвечал всегда, когда речь заходила о долгосрочном кредите. Крестинского раздражали обычные обвинения Буллита, но он держал себя в руках. Буллит старался делать то же самое. Он отправил вопрос в Госдепартамент, нужно ли ему уехать из Москвы (он планировал вернуться в Вашингтон через Китай и Японию) до возвращения Трояновского, чтобы «показать, что поведение советского правительства настолько отвратительно, что я чувствую: сотрудничество между нашими странами практически невозможно»². Это были слова заносчивого человека, который никак не мог или не хотел понять точку зрения другой стороны. Не нужно ждать Трояновского, пришел ответ из Вашингтона. «Вы и мы старались, как могли, чтобы сделать наиболее либеральное предложение». То есть наша совесть чиста. «Насколько нам известно, — добавил Хэлл, — Трояновский считает, что предложение Госдепартамента должно быть принято, и он едет в Москву по своей инициативе, чтобы убедить свое правительство его принять»³. Интересное суждение. Ведь Крестинский вызвал Трояновского для консультации. Очевидно, что он это сделал потому, что посол не хотел придерживаться инструкций. Литвинов должен был вернуться в начале октября. Случится ли скандал из-за поведения полпреда?

¹ А. А. Трояновский — в НКИД. 22 сентября 1934 г. // Москва — Вашингтон. Т. III. С. 184—186.

² Запись беседы Н. Н. Крестинского с У. Буллитом. 26 сентября 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 612—615; Bullitt to Hull. No. 330. 27 Sept. 1934. 800.51W89 U.S.S.R./132, NA RG59, box 4610.

³ Hull to Bullitt. No. 264. 1 Oct. 1934. 800.51W89 U.S.S.R./137A, NA RG59 box 4610.

Переговоры Сквирского

В сентябре Сквирский находился в отпуске в Москве и записал два интересных разговора. Один — с американским военным атташе, майором Филипом Феймонвиллом. Этот человек сыграл интересную роль в отношениях между СССР и США, особенно после нападения нацистов в 1941 году. Феймонвилл хорошо ладил с советской стороной, что вызывало подозрения у его коллег, у которых отношения с советскими дипломатами не складывались и которые не любили и не уважали русских и СССР¹. Сквирский давно знал майора и поэтому отправился с ним пообедать. Они говорили о делах, и Сквирский пытался объяснить старому знакомому, что думает советская сторона про отношения с США. Они обсудили тупик, в который зашли переговоры о долгах и кредитах, и то, как это портит отношения. Сквирский еще раз объяснил, что СССР не хочет создавать ненужный прецедент, чтобы не тревожить Париж или Лондон. Политика правительства США находится «под влиянием Госдепартамента», который придерживается своего изначального предложения, но отошел от позиции, которую он обсуждал с Литвиновым в Вашингтоне. Госдепартамент обвинил наркома в том, что он не держит слово. Сквирский полагал, что Рузвельт может принять предложение СССР, не опасаясь оппозиции, так как американские предприниматели хотят заключать контракты с СССР и нуждаются в них. Феймонвилл согласился и сказал, что, возможно, ситуация изменится после выборов в Конгресс, которые должны были состояться в ноябре. Также Феймонвилл добавил, что влияние Буллита на Рузвельта со временем выросло. Он полагал, что посол в большей степени готов выслушать аргументы Сквирского, чем кого-то другого. Сквирский со своей стороны добавил, что у Феймонвилла хорошие связи в Белом доме, и он поможет переубедить Буллита и противостоять антисоветским настроениям в США². Но у Феймонвилла были его собственные враги, которые работали против него.

¹ Herndon J. S., Baylen J. O. Col. Philip R. Faymonville and the Red Army, 1934–1943 // *Slavic Review*. Vol. 34. No. 3 (1975). P. 483–505.

² Запись беседы Б. Е. Сквирского с Ф. Феймонвиллом. 10 сентября 1934 г. // CAO, 1934–1939. С. 218–219.

На следующий день Сквирский согласился встретиться с Буллитом. Они наконец заговорили о долге и кредите, и посол повторил, как обычно, что американская общественность не согласится на заем или долгосрочный кредит для СССР. Он произнес долгий монолог, о котором читатели уже знают. Сквирский признал, что переговоры зашли в тупик. «Мне стало совершенно ясно (я это подозревал и раньше, зная Буллита), что он не понимает нашего положения, что его также не вполне понимают и что накапливающееся раздражение делает возможность такого взаимного понимания еще труднее».

«Я решил поэтому, — писал Сквирский, — подробно разобрать аргументацию Буллита, чтобы доказать ему нашу правоту». Неправда, что СССР сейчас «менее заинтересован в создании действительно дружественных отношения с США». Сквирский объяснил, что США не ответили взаимностью на уступки со стороны СССР. Что же касается точки зрения Буллита, полагавшего, что советское правительство заинтересовано только в политических отношениях, но не в экономических, так как опасается угрозы со стороны Японии и Германии, и именно поэтому оно пошло на признание, то это неправда. Сквирский долго жил в США. Американские предприниматели оказывали и продолжают оказывать давление, так как хотят торговать с СССР. Он подкрепил свою точку зрения несколькими примерами. Буллит возразил, сказав, что основными факторами были взаимные расчеты и условия кредита. Сквирский ответил, что предпринимателям интересно продвигать свой товар в России, и им нет дела ни до каких взаиморасчетов. Затем он перешел к вопросу долгосрочного кредита и изложил все те аргументы, которые уже слышал Буллит. Он был уверен, что Рузвельт может перетянуть общественность на свою сторону, облегчив торговлю с СССР. В конце концов, это США заинтересованы в том, чтобы предложить долгосрочные кредиты на покупку американских товаров, что принесет пользу бизнесу и рабочим, которые будут обеспечены работой за счет советских заказов. Это был выгодный исход для США. Тогда в чем была проблема? «Вот для чего нужен капитализм». Что касается долга Керенского, то большая часть денег (по мнению Литвинова) была потрачена на поддержку различных белогвардейских отрядов, которые пытались уничтожить советскую власть.

Почему СССР должен нести ответственность за эти долги? В чем логика?¹

Под конец долгих переговоров Буллит, кажется, немного смягчился. Сквирский попытался его убедить привести эти аргументы Рузвельту, чтобы уговорить его принять последнее предложение СССР. Но он не был уверен, что это сработает. Буллит был политически тесно связан с Рузвельтом. Он не стал бы делать ничего такого, что могло бы навредить политической позиции президента. Если Рузвельт откажется от советского предложения, значит, на настоящий момент он политически не в том положении, чтобы его принять. Нужно понимать, сделал вывод Сквирский, что «медовому месяцу» в советско-американских отношениях пришел конец. «Враги начинают поднимать головы, а Госдепартамент уже начинает вспоминать о “пропаганде”<...> Чем скорее состоится соглашение о долгах, тем лучше»².

Попытка Сквирского успокоить Буллита не дала никаких результатов. Ему не терпелось уехать из Москвы и отправиться в долгое путешествие домой через Китай и Японию. Он буквально бился о стены своего посольства, как хотел отправиться в путь. В разговоре со своими советскими собеседниками он придерживался следующей линии: осталось совсем мало времени, чтобы наладить отношения США и СССР. И если не получится заключить соглашение о долгах и кредите, то советско-американские отношения ждет мрачное будущее. По сути, это была угроза: или вы принимаете условия Госдепартамента, или нет. Буллит повторил, что СССР как будто больше не заинтересован в улучшении отношений. Подобные утверждения никогда не использовались в разговоре с Францией и Великобританией, которые должны были США больше денег, чем СССР, и открыто отказывались их платить. У читателей может возникнуть вопрос почему.

¹ *Foglesong D. S. America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1995. P. 70–71.*

² Запись беседы Б. Е. Сквирского с У. Буллитом. 11 сентября 1934 г. // САО, 1934–1939. С. 219–223.

Колкости Буллита

5 октября Буллит повторил все то же самое Литвинову, который вернулся в Москву после отпуска во Франции и долгого пребывания в Женеве. «Литвинов вместо того, чтобы ответить как обычно враждебно, сидел молча и выглядел расстроенным». В телеграмме Хэллу Буллит хвастался своими угрозами. «Я старался, как мог, показать ему, какое мрачное будущее ожидает советско-американские отношения, если не будет достигнуто соглашение, и я надеюсь, что смог подготовить почву для приезда Трояновского»¹. Если читать эти телеграммы между строк, то появляется ощущение, что Трояновский был в сговоре с американцами.

Новое предложение США

Наконец в Вашингтоне начались небольшие подвижки. В начале октября Госдепартамент озвучил Буллиту новые условия. Теперь США наконец были готовы на небольшие уступки, но не в отношении ключевого вопроса, связанного с кредитами.

Госдепартамент был готов согласиться на 100 млн в качестве долга СССР с процентами или на 125 млн без процентов, которые должны быть выплачены в течение 20–25 лет. Экспортно-импортный банк даст коммерческие кредиты на сумму 200 млн с дополнительными процентами, которые пойдут в счет выплаты долга. Общий срок выплат составит пять лет (уже лучше), но может быть увеличен «в исключительных случаях»². «Крайне либеральное предложение», — заявил Госдепартамент. Хорошо, но почему тогда Буллиту нужно было прибегать к угрозам, чтобы заставить советское правительство его принять? И почему американцы так сильно рассчитывали на Трояновского?

Тем не менее Госдепартамент продолжил свою политику угроз и шантажа. Мур отправил Буллиту следующую телеграмму: «Крайне желательно, чтобы у Литвинова создалось впечатление, что, если он нарушит данные здесь обещания и откажется урегулировать вопрос о выплате долга на тех разумных условиях, что мы предложили,

¹ Bullitt to Hull. No. 342. 5 Oct. 1934. 800.51W89 U.S.S.R./140, NA RG59, box 4610.

² Hull to Bullitt. No. 266. 2 Oct. 1934. 800.51W89 U.S.S.R./138, NA RG59, box 4610.

отношения между двумя государствами неизбежно будут менее близкими и дружескими, чем предполагалось, и у нашего правительства может пропасть желание осуществлять многое из задуманного»¹. В последнем предложении содержалась угроза остановить строительство нового здания посольства и открытие новых консульств. И опять говорилось, что Литвинов отказывается «на разумных условиях» выполнять свои обязанности в Вашингтоне. То есть Госдепартамент считал, что лучше может оценить советские интересы, чем советское правительство.

Буллит еще раз встретился с Рубининым, однако разговор не был таким же душевным, как раньше. Посол снова стал повторять то же самое, что он уже говорил Литвинову. «СССР имеет очень немногочисленных друзей в Америке, — сказал он, — и нет никого лучше, чем Рузвельт и я». Советское правительство не должно отказываться от такой возможности. У него их немного. Рубинин подробно ответил на различные высказывания Буллита. Читатели уже знакомы с большей частью советских взглядов. Рубинин также дал недвусмысленно понять следующее: советское правительство всегда стремилось к хорошим отношениям с теми странами, которые хотели наладить хорошие отношения с СССР, но оно не будет за ними бегать. «С американской стороны мы встречаем и в более крупных, и в мелких вопросах постоянное нежелание считаться с нашим общественным мнением, с нашим внутренним законодательством и с нашей практикой». В качестве примера Рубинин привел американское консульство в Москве. Почему советские граждане должны ездить в Ригу или Берлин, чтобы получить американскую визу? Это было небольшое разногласие, по сравнению с вопросом о долге и кредите, однако оно было не единственным. И наконец Буллит затронул старую, запасную тему Коминтерна. Когда должна состояться встреча в Москве? Рубинин не помнил, но сказал, что газеты опубликовали даты. Буллит ответил, что он получил длинную телеграмму из Вашингтона, в которой говорилось о коммунистической активности в США и ему велели поднять этот вопрос в разговоре с НКВД. «Я решил этого не делать», — ответил Буллит, с мрачным видом посмотрев на Рубинина².

¹ Hull to Bullitt. No. 273. 8 Oct. 1934. 800.51W89 U.S.S.R./140, NA RG59, box 4610.

² Запись беседы Е. В. Рубинина с У. Буллитом. 7 октября 1934 г. // CAO, 1934–1939. С. 238–240.

Этого было достаточно. На следующий день Литвинов написал Молотову и попросил разрешить ему жестко поговорить с Буллитом. Ему надоели скрытые и открытые угрозы. Нарком напомнил Молотову, что он уполномочен признать долг Керенского, только если ему предложат в ответ заем, а не коммерческий кредит. «Не подлежит никакому сомнению, — писал Литвинов, — что Америка отступает от соглашения, и отсюда все затруднения». Помните, что американцы решили сделать из Литвинова козла отпущения и обвинить его в нарушении договоренностей с Вашингтоном. Нарком высказал свое мнение: «Мы в займе не нуждаемся и готовы торговать с Америкой на тех же условиях, что и с другими странами. Но мы можем и от этой торговли отказаться, если Америка считает нужным оставаться на почве закона Джонсона». Нам нужны хорошие отношения с США, добавил Литвинов, но не за счет ухудшения отношений с европейскими странами. «С нами нельзя разговаривать языком угроз и запугивания, ибо результаты получаются обратные ожидаемым»¹.

Буллит встретился с Молотовым через два дня после встречи с Рубининым. Советско-американские отношения — это маленькое нежное растение, сказал посол, которое требует особого ухода «и на которое не следует мочиться». Молотов ответил, что с советской стороны всегда будет «безусловная вежливость», но также отметил, что необходимо, чтобы так вели себя и США тоже. Тут Буллит сбился со своей обычной речи и быстро согласился с Молотовым, который льстил ему, как мог, чтобы успокоить посла². Надолго ли хватит соблюдения этих правил?

На следующий день состоялся пробный пуск. 10 октября Буллит нанес Литвинову прощальный визит. Встреча началась довольно хорошо. Они обсудили убийство Барту в Марселе и ситуацию на Дальнем Востоке. А потом перешли к сложному вопросу. Литвинов снова озвучил основную советскую позицию по займу и снова напомнил о намерении реализовать «джентльменское соглашение». Советское правительство не требует соблюдать договоренности, если президент не может, однако в то же время, добавил Литвинов, «мы не можем допустить, чтобы нас обвиняли в нарушении соглашения». По словам

¹ М. М. Литвинов — В. М. Молотову. 8 октября 1934 г. // САО, 1934–1939. С. 241.

² Запись разговора В. М. Молотова с У. Буллитом. 9 октября 1934 г. // Там же. С. 242–243

Сквирского «в некоторых вашингтонских кругах и чуть ли не в самом Госдепартаменте слышны иногда такие обвинения». А затем Литвинов решил подлить бензина в огонь и предупредил, что если это продолжится, то НКВД опубликует текст вашингтонского соглашения. Нам не нужен заем, сказал нарком, и мы готовы пообещать больше не поднимать этот вопрос, если вы не будете поднимать вопрос старых долгов. Это было понятно. Затем Литвинов повторил другие пункты позиции СССР в отношении переговоров с США, в частности, он упомянул нежелание создавать прецедент, о котором уже знают читатели. По словам наркома, вопрос старых долгов был заморожен во Франции и Великобритании, и советское правительство не хочет снова его затрагивать, так как он неминуемо станет яблоком раздора в этих странах. Наконец, Литвинов повторил, что СССР плохо реагирует на угрозы. Теперь, наверно, в кабинете наркома стало по-настоящему жарко.

В ответ Буллит стал, как обычно, жаловаться. По его словам, советское правительство «не хочет ничего делать для Америки». СССР относится к США так же, как к остальным странам, с которыми отношения не такие хорошие, и не хочет идти на уступки. Рузвельт был заинтересован в сближении с СССР, но если советское правительство будет держаться за свои позиции, то президент не сможет ничего сделать. В США мало кому интересны эти отношения, а кроме того, все еще остается вопрос Коминтерна. У Литвинова было не то настроение, чтобы давать Буллиту спуску, и он обвинил его в том, что он путает два дела. Что касается Коминтерна, советское правительство «знает, что [этот вопрос] является для всех стран резервным фондом, из которого и черпают или не черпают аргументы, смотря по тому, хотят ли они улучшить или ухудшить отношения с нами... Во всяком случае, мы не можем понять того, что осью наших отношений с Америкой должен быть только вопрос о 100 млн долл[аров], в которых заинтересованы каких-нибудь 3–4 частных компании и что в зависимость от этого маленького вопроса можно поставить проблемы мира и вообще мирового порядка. Франция имеет к нам гораздо большие денежные претензии, затрагивающие к тому же миллионные массы населения, и тем не менее она смогла забыть о них, когда признала нужным, в интересах мира»¹. Литвинов

¹ Встреча с американским послом У. Буллитом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 10 октября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 219–221.

продолжил, что «в интересах мира» Франция смогла отложить вопрос о царских долгах и укрепить сближение с СССР. Для Америки это было еще проще, так как ее правительство было более стабильным и имело больше власти. «Буллит ушел несколько смущенный», — написал в дневнике Литвинов.

Читателям, наверно, интересно, записал ли разговор Буллит, — конечно, да. Он, как обычно, многое опустил, и в его изложении «сабли были наголо», а многие высказывания перевернуты по смыслу. Литвинов «разразился рядом заявлений, которые, очевидно, были нужны, чтобы произвести на меня впечатление и показать, что советское правительство *ни за что не собирается уступать* [курсив наш. — М. К.] правительству США». Затем Буллит упомянул слова Литвинова о том, что Госдепартамент обвиняет СССР в нарушении Вашингтонского соглашения. «Он сказал... что президент нарушил договоренность». Обсуждение было «крайне враждебным», и Литвинов «побагровел». Да, возможно, стороны общались «враждебно», но нарком не обвинял лично президента в нарушении договоренностей. Если уж он кого-то и обвинял, так это Госдепартамент.

Буллит продолжил: «Я ответил, что, очевидно, ему не нужны дружеские отношения с США. Затем я добавил, что, если после отрицательного отношения к вопросу погашения долгов последует еще активность Коминтерна, направленная против США, наши отношения будут сложными, если не сказать невозможными». Буллит передал комментарий Литвинова о Коминтерне, но переделал его так: «Ни одна нация не начинает говорить о деятельности Коминтерна, если только не хочет с нами максимально плохих отношений... это просто предлог для разрыва дипломатических отношений». Литвинов записал иначе. Затем Буллит снова начал угрожать: «Он [Литвинов] должен ожидать самую жесткую реакцию в случае, если состоится съезд Коминтерна, и будет доказано его вмешательство во внутренние дела США». Что делал Буллит? Выслуживался перед Госдепартаментом или пытался испортить американские отношения с Москвой? А может быть, и то и другое?

Затем Буллит описал переговоры по вопросам долгов и кредитов. В отчете посла упоминается имя Трояновского, но не Литвинова. Буллит снова свел советскую позицию по нежелательным прецедентам к следующему: «Если вопрос о выплате долгов и убытков [обратите внимание: не долгов и кредитов. — М. К.] будет решен каким-то

образом, у него [СССР. — *Ред.*] возникнут большие сложности в отношениях с Англией и Францией». Литвинов никогда не описывал неудачные прецеденты таким образом. Буллит искажал все его слова. Он пытался спровоцировать Госдепартамент и испортить советско-американские отношения. Далее Буллит сделал еще несколько ударов в грудь и патетических вздохов. «Он [Литвинов] наконец сказал, что сделает итоговое предложение через Трояновского, и отказался дальше обсуждать это дело». Конечно, нарком не высказывался подобным образом и точно не говорил ничего, даже отдаленно похожего на приписываемые ему строки. И снова Буллит попытался сделать из Литвинова козла отпущения: «Я глубоко сожалею, что он, кажется, твердо намерен уничтожить все возможности развития близких и дружеских отношений между нашими странами». Затем последовала полурасистская отсылка к еврейскому происхождению наркома: «Сегодня у меня было ощущение, что я разговариваю с традиционным базарным торговцем на Ближнем Востоке»¹.

Из отчета Литвинова никак не следовало, что он решил торговаться с Буллитом. Был лишь призыв к США проявить благоразумие и попытаться посмотреть на дело с советской стороны, который должен был передать посол своему правительству. Если Литвинов на это рассчитывал, то зря. Его слова не передали в Вашингтон. Если бы нарком прочел отчет Буллита, он бы перестал с ним разговаривать. Литвинов повторил то же самое, что посол уже много раз слышал от Сквирского, Рубинина, Крестинского, Ворошилова и даже Молотова. Буллит пытался сделать из наркома козла отпущения и выставить его противником отношений с США, так как хотел его дискредитировать или даже добиться снятия его с должности. Он полагал, что Трояновский сможет заключить сделку, если убрать с пути Литвинова. Посол или Госдепартамент рассчитывали на это очень зря.

Уход Буллита, выход Трояновского

На следующий день после встречи с Литвиновым Буллит уехал из Москвы во Владивосток по Транссибирской магистрали. Отъезд посла спустя 11 месяцев поразительно контрастировал с его приездом

¹ Bullitt to Hull. No. 354. 10 Oct. 1934, 800.51W89-U.S.S.R./143, NA RG59, box 4610.

в прошлом декабре. Об этом не сохранилось записей, что само по себе уже говорит о многом. Вскоре в Москву приехал Трояновский. Он надеялся заручиться поддержкой своей позиции по вопросу о том, как надо решить советско-американский спор. 20 октября он обедал с Уайли. «Я спросил его, — писал Уайли, — каких он добился результатов в обсуждении со своим правительством вопроса выплаты долгов и компенсации». Трояновский ответил, что он «ненадолго» встречался с Литвиновым и Молотовым. Уайли должен был бы понять, что зря они сделали ставку на советского посла. Сталин, Каганович, Ворошилов и другие еще не вернулись с юга в Москву. По словам Уайли, Трояновский был «уверен, что его правительство должно согласиться со способом урегулирования, который главным образом был предложен последний раз Госдепартаментом». Посол, «казалось, был убежден, что он сможет донести свою точку зрения до советского правительства». Декабрь должен был стать ключевым месяцем в переговорах. «Из одного-двух насмешливых замечаний, — писал Уайли, — стало очевидно, что у него не очень хорошие отношения с Литвиновым».

После обеда Уайли встретился с наркомом, и у них состоялась «оживленная дружеская дискуссия, в ходе которой было достигнуто много компромиссов». Такой разговор должен был быть с Буллитом. Возможно, Литвинов хотел донести свою точку зрения кому-то, кто сможет верно передать ее Вашингтону. По сути, он дал то же самое объяснение, что и ранее, которое никак не мог понять Буллит. Литвинов был умен и, вероятно, хотел донести до Уайли, что инстанция (И. В. Сталин) поддерживает политику НКВД, а не Трояновского. Уайли сделал совсем иные выводы, нежели Буллит. «Мне совершенно не показалось, что вопрос разрешения наших разногласий с советским правительством безнадежен». По его мнению, Москва хотела заключить сделку в «относительно скором будущем, а сейчас Литвинов отказывается подчиниться в ходе переговоров, так это его метод решения финансовых проблем»¹. Телеграмму Уайли передали Рузвельту, который, видимо, понял, что Буллит сообщал ему далеко не все.

Трояновский изложил свои предложения напрямую Сталину, но Литвинов его опередил и представил Политбюро проект резолюции, а также велел послу передать Рузвельту, что советское правительство

¹ Wiley to Hull. No. 368. 20 Oct. 1934, 800.51W89 U.S.S.R./146, NA RG59, box 4610.

не отступится от своей позиции по долгам и кредитам. Это было окончательное решение: больше не будет уступок США¹. Когда Трояновский в следующий раз встретился с Уайли на официальном обеде через три недели, то ему в качестве главного блюда досталось унижение. «Трояновский сказал мне, что вопрос о выплате долгов и компенсации... столкнулся с серьезными трудностями», — писал Уайли. Это мягко говоря. «Сообщают, — добавил он, что отношения Трояновского и Литвинова после возвращения посла в Москву переживают трудные времена». В другой раз Уайли сказал, что они «сталкивались, как олени во время гона». То есть секрет вышел наружу. Трояновский в Москве пытался убедить в своей правоте других партийных лидеров, но лишь попусту терял время².

А может, нет? Через три дня, 13 ноября, Трояновский сказал Уайли, что он встречался со Сталиным. «Он сказал мне, что надеется еще раз с ним поговорить», — писал Уайли. По словам Трояновского, он сказал руководителю московского бюро «Нью-Йорк Таймс» Дюранти, что советское правительство все еще настаивает на 100 млн долларов в виде долгосрочного кредита. Затем Уайли сообщил следующее: «В дальнейшем ко мне в квартиру приехал высокопоставленный советский чиновник, который пользуется доверием Кремля». Он «категорически отрицал существующие слухи о том, что положение Литвинова ненадежно (он утверждает, что партийные лидеры намеренно игнорировали Литвинова на приеме в Кремле 7-го числа³)». Уайли полагал, что чиновник к нему приехал, получив «специальные инструкции из Кремля»⁴. Готовился заговор, чтобы отстранить от должности Литвинова? Или это были обычные интриги, которые всегда случаются между целеустремленными людьми у власти? Альфан тоже был в курсе этих слухов, но не обратил на них особого внимания. А как же утверждение Трояновского, что он встречался со Сталиным? Если посмотреть записи Кремля, у вождя

¹ Выдержка из послания М. М. Литвинова И. В. Сталину. 2 ноября 1934 г.; А. А. Трояновский — И. В. Сталину. 2 ноября 1934 г. // CAO, 1934–1939. С. 262–264.

² Wiley to Hull. No. 380. 10 Nov. 1934. 800.51 W89 U.S.S.R./148, NA RG59, box 4610. См. также: последние строки отчета Х. С. Вейнберга о переговорах. 14 ноября 1934 г. // CAO, 1934–1939. С. 269–274; Wiley to Bullitt. 26 Nov. 1934. FDR Library, Wiley Papers, diplomatic files, box 2.

³ Имеется в виду прием 7 ноября в честь годовщины Октябрьской революции. — *Примеч. ред.*

⁴ Wiley to Hull. No. 382. 13 Nov. 1934. 800.51 W89-U.S.S.R./149, NA RG59, box 4610.

не было встреч между 9 и 14 ноября. На следующий день после того разговора, который якобы состоялся у Сталина с Трояновским, вождь виделся с Литвиновым. Они разговаривали три часа. Также присутствовали Молотов, Каганович, Ворошилов и Андрей Жданов, тоже близкий Сталину человек. Трояновский пришел на встречу поздно, пробыл один час и ушел раньше, чем Литвинов¹. В тот же самый день Хаим Семенович Вейнберг, заместитель заведующего III Западным отделом НКВД, составил отчет, в котором говорится, что Политбюро «решило, что больше не будет уступать американцам»². Так что, видимо, Трояновский преувеличил свою важность. Он еще не встречался со Сталиным, во всяком случае официально, в тот день, когда говорил с Уайли. А когда все-таки увиделся на следующий день, то на встрече присутствовал Литвинов и вся «тройка». Судя по записям Кремля, Трояновский больше не приезжал к вождю. На следующий день Литвинов уехал в Женеву, где должен был, помимо всего прочего, встретиться с Лавалем. Решение было принято, и у наркома были более важные дела, в особенности связанные с французами. Собаки лают, а караван идет.

Поскольку Литвинов пекся о советских отношениях с Лавалем после смерти Барту, Уайли считал его профранцузски настроенным. Но это было неправдой. Литвинов всегда выступал только в интересах СССР. Иностранные дипломаты любят тщательно следить за коллегами, чтобы понять, что они замышляют. Уайли был точно такой же. Это касалось политики Литвинова во Франции или на Дальнем Востоке. Но нарком не двигался с места, не прояснив вопрос со Сталиным. Он придерживался не своей личной, а государственной политики. Уайли слишком буквально воспринял слухи, которые ходили по Москве. Он снова встретился с Трояновским на обеде во французском посольстве. Посол хвастался своим пребыванием в Токио. «Я никогда не ошибался в своих оценках происходящего». Просто примадонна, которая потерпела крах. В Москве он играл с огнем, по-прежнему плохо отзываясь о Литвинове. Как сказал Уайли, «это уже ни для кого не секрет, что Трояновский и Литвинов уже давно работают над противоположными целями...

¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.) / авт.-сост. А. В. Коротков и др. М., 2008. С. 140.

² Отчет Х. С. Вейнберга о переговорах. 14 ноября 1934 г. // САО, 1934–1939. С. 269–274.

Он считается открытым противником Литвинова в вопросах американской и дальневосточной политики». Посол отложил свой отъезд в Вашингтон, так как Кремль хотел «извлечь пользу из его взглядов». Американцам Трояновский казался внушительной фигурой, человеком дела, возможно, потому что он сам себя таким считал. У Литвинова и Молотова не было на него времени. Сталин посвятил ему один час в присутствии наркома. Трояновский просто раздувал щеки, а Уайли на это купился¹. Кроме того, Трояновский рассказывал всем в Москве, что он оптимистично смотрит на возможность заключения договора с Госдепартаментом после возвращения в Вашингтон. Трояновский не мог держать рот на замке².

Он снова взялся за свое, когда встретился с Уайли перед отъездом в Вашингтон через Дальний Восток. «Вопрос выплаты долгов и компенсации... становится все более сложным». Трояновский придумывал свою версию событий. У него не было ни малейшего шанса противостоять Литвинову и Сталину. Он также знал об интригах других государств, таких как Англия, Германия, и в особенности Франция, которые говорили о низких процентных ставках по коммерческим кредитам, чтобы сорвать переговоры с Вашингтоном. Кажется, Трояновский без всякого основания приписал себе право говорить от лица Сталина, особенно говорить «дружески» с США. Ситуация была сложная, и нужно было найти выход, чтобы двигаться вперед. Посол был уникальным человеком. Других таких в НКВД не было с 1920-х годов³. Вот как описал его Уайли:

«Мне кажется, он очень собой доволен и всячески себя хвалит за то, что смог добиться важных уступок от американского правительства. Возможно, он полагает, что может добиться новых уступок, и поэтому ревностно относится к своим оппонентам дома и за границей, которые путают ему карты и мешают заключить сделку. А он считает ее не только полезной для своей страны, но и предметом своей гордости. Понаблюдав длительное время за Трояновским, я пришел к выводу, что он очень независимый товарищ, который хорошо разбирается в партийной иерархии, и с ним следует считаться»⁴.

¹ Wiley to Hull. No. 389. 18 Nov. 1934. 800.51W89 U.S.S.R./151, NA RG59, box 4610.

² Wiley to Hull. No. 396. 22 Nov. 1934. 800.51W89 U.S.S.R./152, NA RG59, box 4610.

³ Wiley to Hull. No. 397. 28 Nov. 1934. 800.51W89 U.S.S.R./153, NA RG59, box 4610.

⁴ Wiley to Bullitt. 26 Nov. 1934. FDR Library, Wiley Papers, diplomatic files, box 2.

Возвращение Трояновского в Вашингтон

Все пошло не так. Уайли переоценил этого человека. Позже он узнал, что Литвинов расстроил планы Трояновского, и тот уехал из Москвы «крайне разочарованный»¹. В конце января 1935 года он вернулся в Вашингтон обескураженным. Трояновский дважды посетил Госдепартамент, но не смог сказать ничего нового в ответ на последние предложения США. Тогда Хэлл решил положить конец переговорам и объявил об этом в пресс-релизе 1 февраля². Это устраивало Литвинова. Он попросил Сталина разрешить ему ответить и одобрить следующие инструкции для Трояновского: «Мы не заинтересованы в возобновлении переговоров и предлагаем ему таких переговоров не стимулировать, а также не навязывать нам тех предложений, которые он защищал в Москве и которые были уже Политбюро отвергнуты»³. Это был как осиновый кол в сердце. Как увидят читатели, советское правительство двигалось к решению отказаться от любых дальнейших переговоров по царским долгам со всеми странами. В Вашингтоне Буллит все еще ругал наркома за его «дерзкую политику»⁴. «Мне кажется, — писал он Уайли, — что политика Литвинова такая же опасная, как любая другая, которую он проводит. Хорошее отношение к СССР, выстроенное в США за последние три-четыре года, теперь уничтожено... Единственное, что может вернуть прежние хорошие чувства, это выплата долгов и компенсаций и договор о справедливой торговле»⁵. Буллит написал «единственное», как будто не умел работать ни с чем, кроме нулевых сумм⁶. Литвинов не понимал, почему США так одержимы навязыванием своих условий советскому правительству как основы для

¹ Wiley to Bullitt. 31 Jan. 1935. FDR Library, Wiley Papers, diplomatic files, box 2.

² For the press. State Department. 31 Jan. 1935. 800.51W89 U.S.S.R./167C, NA RG59, box 4610.

³ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 2 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 23.

⁴ Bullitt (Washington) to Wiley, strictly private, personal and confidential. 7 Jan. 1935. FDR Library, Wiley Papers, diplomatic files, box 2.

⁵ Bullitt (Washington) to Wiley, personal. 21 Jan. 1935. FDR Library, Wiley Papers, diplomatic files, box 2.

⁶ Нулевая сумма — термин из теории игр, описывающий взаимодействие двух сторон, при котором выигрыш одной стороны происходит за счет проигрыша другой и их общая сумма равна нулю. — *Примеч. ред.*

улучшения отношений. Как могут 100 млн долларов, недоумевал он, быть важнее, чем общие интересы США и СССР в сфере безопасности? Торговые вопросы должны быть вторичными. Однако Госдепартамент пока не понимал, какую огромную угрозу представляли собой Япония и нацистская Германия. Какая бы ни была опасность, ее можно было решить с помощью переговоров. «Теперь Германия стала вместо Японии новым пугалом», — высказал свое мнение Уайли. То есть он полагал, что эту угрозу выдумал СССР и она не существует на самом деле. Уайли особо не было дела до переговоров о долгах и кредитах — обратите внимание, как американцы постоянно твердят о «долгах и компенсации». Кредит в их формулировке отсутствует. Это могло быть «упорство в безнадежном деле». Уайли сказал Буллиту, что его совесть чиста. Последнее предложение Госдепартамента было «крайне щедрым». В Москве были приняты ответные меры, так как советское правительство с ним не согласилось. Генеральное консульство в Москве было упразднено и присоединено к посольству, два военных атташе отозваны, а штат посольства сокращен. Советская политика не будет меняться, как отметил Уайли. Значит, это было сделано назло... чтобы послать сигнал, что «мы» недовольны¹. Литвинов бы только пожал плечами, решив, что, значит, он попытается добиться улучшения отношений в следующий раз. Но этого не произойдет еще долгих шесть лет.

¹ Wiley to Bullitt. 31 Jan. 1935. FDR Library, Wiley Papers, diplomatic files, box 2; Wiley to Bullitt. 6 Feb. 1935. FDR Library, Wiley Papers, diplomatic files, box 2.

ГЛАВА IX

КОШМАР: УЖАСНЫЙ ПОВОРОТ В ОТНОШЕНИЯХ С ФРАНЦИЕЙ. 1934–1935 ГОДЫ

Ущерб советской стороне

Пока отношения с США катились под откос, отношения с Францией тоже начали портиться. Литвинов правильно опасался политической нестабильности во Франции, которая усилилась после беспорядков в Париже в феврале 1934 года. Весной на улицах различных французских городов постоянно происходили столкновения между правыми военизированными организациями и коммунистами и синдикалистами. Смена правительства или министра отрицательно влияла на внешнюю политику Франции. Кошмар Литвинова продолжался. Но в этот раз это был не просто плохой сон. Даже когда внешнюю политику поручили троице — Эррио, Поль-Бонкуру и Барту, все равно существовала скрытая оппозиция, которая выступала против СССР. В особенности она была активна в аппарате МИД и в правительстве. Несмотря на «Майн кампф», предпочтение все равно отдавалось сделке с нацистской Германией, то есть «варианту Даладье». 13 октября 1934 года президент Думерг назначил Лавалю на пост, который ранее занимал Барту. Это может показаться невероятным, но он думал, что Лаваль сможет продолжить политику своего предшественника. Через несколько недель правительство Думерга ушло в отставку, и Думерга сменил правоцентристский политик Пьер-Этьен Фланден. Новый премьер-министр сохранил в кабинете Лавалю, так как хотел прикрыться им от излишнего пацифизма и англо-саксонских германофилов. Фланден полагал, что

сможет и дальше проводить политику «заграждения от немецких амбиций». Лаваль должен был стать уступкой германофилам¹. Это было довольно глупо, так как французское правительство редко существовало дольше, чем несколько месяцев. В любом случае Фланден сильно заблуждался. Если ты рассчитываешь следовать двумя противоречащими друг другу курсами, то тебя очень редко ждет успех. Альфан, который все еще оставался французским послом в Москве, назвал этот маневр «утопическим»². Надо выбрать или одно, или другое. Немецкая общественность радовалась назначению Лавалья на должность министра иностранных дел, что подтверждало анализ Альфана³.

Лаваль как будто прочитал предупреждение посла относительно беспокойства СССР из-за стабильности внешней политики Франции. 19 октября он позвонил советскому поверенному Розенбергу, чтобы его успокоить и подтвердить, что он будет придерживаться того же политического курса по отношению к СССР, что был у Барту. «Европе угрожает война, — сказал Лаваль. — Любой толчок может привести к кровавой развязке». По крайней мере, тут он думал так же, как Литвинов. По словам Розенберга, Германия возлагала на Лавалья большие надежды, так как он не скрывал своего желания улучшить франко-германские отношения. Если соглашение с Германией возможно только обходным путем, с помощью соглашения с Москвой, то он попытается это сделать, добавил Лаваль. СССР часто придерживался такой политики: пытался заключить соглашение с одной страной, чтобы затем заключить его с другой. Но сработает ли этот план с гитлеровской Германией? Лавалья окружали люди, которые толкали его к сближению с нацистами. Кроме того, у него были политические задачи в Обервилье, где его пытались сместить коммунисты. «Я проверил по ряду источников, — добавил Розенберг, — что Думерг под влиянием Тардьё и других факторов стал к нам за последнее время относиться сдержаннее»⁴.

Через несколько дней Розенберг позвонил Думергу, чтобы разобратся самому, как обстоят дела. Думерг вел себя совсем не сдержанно. «Он начал с того, что давно хотел со мною познакомиться, и сказал прочие приятные вещи». Думерг сразу перешел к делу, как

¹ *Duroselle J.-B.* La Décadence. P. 123.

² *Alphand.* No. 383. 23 Oct. 1934. MAÉ, URSS/1004, 22–4 (r/v).

³ *Meltz R.* Alexis Léger. P. 438.

⁴ М. И. Розенберг — в НКИД. 19 октября 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 647–649.

будто хотел развеять слухи, о которых Розенберг докладывал в НКВД. Поверенный писал: «Думерг пространно говорил о германской опасности, заявив, что от этих сумасшедших можно ожидать что угодно. Он говорил о том, что воспоминания о союзе с Россией еще крепки во французском народе, несмотря на известные препятствия. Нужно быть дураком или невеждой, воскликнул Думерг, чтобы не понять общности интересов французского правительства и правительства СССР».

Думерг полагал, что Великобритания также должна быть частью договора о сотрудничестве между Францией и СССР. Он несколько раз упомянул термин «Тройственная Антанта» — соглашение между Англией, Францией и Россией перед Первой мировой войной. На вопрос о поляках Думерг отвечал уклончиво. «Полякам вредна независимость», — говорил он, цитируя полемиста XIX века Пьера-Жозефа Прудона. Розенберг был рад все это слышать. Он предложил добавить конкретики в отношения между Францией и СССР. Думерг предложил встретиться еще раз через две недели, когда политическая ситуация немного прояснится¹. К сожалению, эта встреча не состоялась. Через две недели правительство Думерга пало (9 ноября). Он ушел, а Лаваль остался. Просто катание на американских горках!

Владимир Петрович Потемкин

В Москве Литвинов попросил Сталина одобрить нового полпреда во Франции, который должен был заменить Довгалецкого, умершего в Париже в День взятия Бастилии. Французские дипломаты в Женеве дали понять, что они «немного обижены» длительным отсутствием советского посла. Литвинов рекомендовал назначить Владимира Петровича Потемкина, работавшего в то время в Риме, а до этого в Афинах. Потемкин родился в 1874 году в Твери, расположенной примерно в 180 километрах к северо-западу от Москвы. Его отец был врачом. Семья принадлежала к провинциальной буржуазии и жила вполне комфортно. Владимир Петрович поступил в Московский университет и, как многие представители его поколения, присоединился к революционному движению. Он участвовал в стычке с царской полицией, и его ненадолго посадили

¹ М. И. Розенберг — в НКВД. 24 октября 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 649—651.

Владимир Петрович Потемкин.
1930-е годы. АВПРФ (Москва)

в тюрьму. Потемкин окончил университет в 1900 году и начал преподавать историю в гимназии, но в то же время снова начал заниматься революционной деятельностью в Московском комитете РСДРП. После Октябрьской революции он работал в Народном комиссариате просвещения. В 1919 году Потемкин вступил в РКП (б) и сражался на стороне большевиков во время Гражданской войны. В 1922 году он поступил на дипломатическую службу. Владимир Петрович был хорошим дипломатом и умел ладить с иностранными коллегами.

На существующих фотографиях Потемкин мало похож на большевика-фронтовика. У него было круглое лицо, редеющие седые волосы, которые пушатся над ушами и на затылке. Потемкин носил очки в золотой оправе, из-за чего был похож на школьного учителя, которым он раньше работал. На своем новом месте службы в Париже он упорно трудился над улучшением отношений с Францией, но в итоге утратил иллюзии и стал циничным. Потемкин был терпелив, как святой, но иначе с французами было невозможно общаться. Его отчеты в основном лишены эмоций, пронизательны... и прекрасны для современных историков. Ему приходилось иметь дело с неуравновешенными французами, а позднее, когда в 1937 году он стал замнаркома, — с коварным Альбионом. Потемкин мог быть сдержан и язвителен с западными коллегами. Если посмотреть его записки о встречах с ними, то сразу становится понятно, куда дул ветер в советской политике. Поэтому я называю его товарищ Барометр.

Розенберг по-прежнему оставался первым секретарем посольства, но на него ложилось все больше нагрузки по мере того, как Довгалецкий терял трудоспособность. У него не было превосходства в виде возраста, которое было у Потемкина (Розенберг был на

22 года младше). Литвинов писал, что на настоящий момент наш самый важный дипломатический пост — в Париже¹. Париж даже важнее, чем Вашингтон, говорил Крестинский Трояновскому². Советское правительство решило пойти ва-банк во французском казино. Это был большой риск, но что еще оставалось?

Азартная игра во французском казино

Альфан понимал, на какой риск идет Литвинов. Он настолько бросил все силы на сближение с Францией, что если его политика провалится, то это может стоить ему «его престижа и положения». Другими словами, это могло стоить Литвинову работы. Французское правительство не могло допустить провала. В Москве сомневаются в приверженности Франции отношениям с СССР, предупредил Альфан, и важно («наш основной интерес») эти сомнения развеять. Если, конечно, Франция не хочет выйти из отношений с Москвой, уступив свое место Германии. Он попросил уполномочить его дать официальные гарантии советскому правительству, если Лаваль не хочет сам дать их Розенбергу³. На самом деле Лаваль все уже сделал тремя днями ранее, чего бы его слова ни стоили.

24 октября, за день до встречи Розенберга с Думергом Альфан, находясь в Москве, написал важное письмо Лавалю. Он хотел привлечь внимание нового министра, пока его не загнали в угол германофилы. Московская пресса опубликовала несколько некрологов, в которых хвалила работу Барту на посту министра иностранных дел. Даже Литвинов сделал очень необычный для себя шаг: он вызвал представителя агентства «Гавас» в НКВД и зачитал ему официальное письмо о смерти Барту. Погибшего министра хвалили не из-за сентиментальности, писал Альфан. Советское правительство хотело подчеркнуть, как оно ценит «политику Антанты» с Францией. Международная ситуация настораживала. Больше всего беспокоили Польша и Германия. Каждый день появлялись признаки того, что Польша ориентируется на Германию и другие «ревизионистские»

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 31 октября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 100. Д. 117. Л. 221.

² Н. Н. Крестинский — А. А. Трояновскому. 21 августа 1934 г. // САО, 1934—1939. С. 200—204.

³ Alphand. Nos. 461—466. 22 Oct. 1934. МАЭ, URSS/1004, 15—20.

державы. В Москве полагали, что Варшаве надо выдвинуть ультиматум: пусть выбирает «между союзом с Францией и тайным сговором с Германией». Польше тогда ничего не останется, кроме как согласиться. Без поддержки Франции и СССР она превратится всего лишь в «страну второго порядка, обреченную на то, чтобы стать сателлитом Рейха». Кроме того, нельзя было забывать о беспокойстве СССР относительно вновь появившихся противников сближения среди французских германофилов. Альфан писал, что глупо думать, будто Франция сможет усидеть на двух стульях, во всяком случае пока Германия не отказалась от своей «мечты об экспансии». Конечно, хотелось бы думать, как «некоторые английские консерваторы», что если развязать Гитлеру руки в Польше и на Украине, то это утянет Германию в болото. Альфан напомнил о катастрофе, которую устроил Наполеон. А может, все будет иначе. Германия ослабит «контргруз» России, а затем пойдет обратно на запад и уничтожит европейский баланс сил.

Как и Думерг, Альфан вспомнил старый франко-русский альянс, который выступал сдерживающим фактором Германии. Это сложно было забыть. Республиканская Франция поддерживала императорскую Россию, хотя у них были разные «концепции правительства». Ничего не изменилось. Однако существовала опасность, что советское правительство решит рассмотреть другой вариант, а именно примет решение, которое потребует наименьших усилий, и заключит соглашение с Германией, чтобы направить ее агрессию в сторону Франции или Австрии подальше от советских границ. Из-за прихода к власти Гитлера СССР пришлось выбрать другую политику, чтобы сдерживать нацистскую угрозу. Советско-германская разрядка, о которой ходили слухи, была крайне маловероятна. Таким образом, Альфан пришел к выводу, что советскую политику можно кратко описать следующим образом: как часто говорил Литвинов, «мы против всего, что может увеличить силу Германии, и за все, что может ее ослабить»¹.

Вот такой аргумент привел Альфан в пользу франко-советского сотрудничества против гитлеровской Германии. Так же, как Эррио когда-то упомянул союз между Франциском I и Сулейманом Великолепным в XVI веке. Король-католик и султан-мусульманин,

¹ Alphand. No. 383. 23 Oct. 1934. МАЭ, URSS/1004, 22–24 (r/v).

а в 1934 году французский буржуа и советский большевик. Враг моего врага — мой друг. Если кому-то не нравится этот принцип, то Альфан описал возможный вариант для СССР — союз с Германией. Именно его выберет Москва в 1939 году. Прислушается ли Лаваль к просьбе посла и его предупреждению о возможных последствиях отказа?

Отчет Литвинова Сталину

Через неделю Литвинов отправил информационную записку Сталину, похожую на ту, что Альфан отправил Лавалю. «Усиленное вооружение Германии вне рамок Версальского договора не вызывает теперь никаких сомнений». Это всего лишь вопрос времени, когда Германия будет готова к войне: «через год или через полтора года». Больше ей не понадобится. Никто не говорит о длительных периодах времени.

«Быть готовым к войне не значит еще воевать. Возможно, что усиление своей военной мощи Германия на первых порах использует для дипломатического укрепления своего международного положения, для привлечения союзников и обеспечения хотя бы нейтралитета тех государств, которые не пойдут в союзники. Военная мощь притягивает, и эта задача ей удастся. А дальше встает вопрос об использовании этой мощи и укрепленного международного положения. Я думаю, что вряд ли Германия в ближайшие годы, без особой нужды, захочет померяться силами с Францией, которой обеспечена, согласно Локарнского договора и общей международной ситуации, активная помощь Англии, а формально и Италии. Не удовлетворится Германия одним присоединением Австрии, которое, вероятно, станет фактом значительно раньше, возможно, даже без войны. В случае сохранения франко-польского союза Германия не решится без надобности нападать и на Польшу. Вероятнее всего, Германия будет искать выхода накопляемой ею военной энергии в направлении Прибалтики, СССР и Украины через Румынию, иначе говоря, она будет выполнять план [нацистского идеолога Альфреда. — М. К.] Розенберга и самого Гитлера, изложенный в программной книге “Моя борьба”. Она при этом может вполне рассчитывать на поддержку по крайней мере Японии, Польши и Финляндии».

Литвинов задал риторический вопрос: что может сделать советское правительство в этих обстоятельствах? Какие «взаимные гаран-

тии» дает нам Восточный пакт в его ранее оговоренных рамках (когда мы обсуждали его с Барту)? У СССР меньше обязанностей в текущих обстоятельствах, так как у него отсутствуют общие границы с Германией и ограничена помощь странам, которые станут жертвами немецкой агрессии. Такое соглашение важно для СССР в краткосрочной перспективе, утверждал нарком, так как оно в некоторой степени гарантирует, что Франция не заключит антисоветское соглашение с Германией. Такой вариант рассматривал Даладье, а недавно — Лаваль. Еще до назначения на должность министра Лаваль открыто говорил Розенбергу, что он обсуждает с веймарским канцлером Генрихом Брюнингом «соглашение, направленное против СССР». Кроме того, Лаваль не скрывал, что он главным образом нацелен на договор с Германией. Это бессмысленная затея, прямо сказал Литвинов: «Соглашение же с гитлеровской Германией невозможно на основе мира, и оно обязательно должно быть направлено против кого-либо». Германия и Польша делали предложения, так как надеялись сорвать заключение более раннего варианта Восточного пакта, которого Германия «сильно боится, поскольку он может нарушить ее планы на экспансию». Затем Литвинов рассказал об изменениях договора или договоров о взаимной безопасности и попросил обсудить его записку в Политбюро¹.

На следующий день, 2 ноября, Литвинов отправил в Политбюро конкретные рекомендации, в которых говорилось также о возможности заключения Восточного пакта без Германии и Польши в случае соглашения с Францией и Чехословакией. Кроме того, СССР не должен по своей инициативе предлагать «легализацию немецкого перевооружения». Если его поддержит Франция, то нужно предложить, чтобы она настаивала на присоединении Германии к Восточному пакту. Наконец Литвинов рекомендовал предложить Франции заключить соглашение о взаимном с СССР обязательстве не подписывать политических соглашений с немцами без предварительных взаимных консультаций. Эти рекомендации были дословно одобрены Политбюро².

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 1 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 103. Д. 117. Л. 227–230.

² М. М. Литвинов — А. Н. Поскрёбышеву. 2 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 103. Д. 117. Л. 233–235; Выдержка из протокола Политбюро № 16. 2 ноября 1934 г. // Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. С. 318–319.

Альфан и Мендрас предупреждают правительство в Париже

Альфан и полковник Мендрас по-прежнему слышали о советской тревоге относительно возможного изменения курса французского правительства. Еще и Лаваль твердил всем на свете, что он стремится к сближению с Германией. Мендрас предупредил в начале ноября, что СССР по-прежнему беспокоится из-за стабильности французской политики и успокоить его не удалось¹. Альфан отправлял похожие депеши и телеграммы во французский МИД. НКВД в свою очередь отправлял через советскую прессу сообщения, которые писал Радек. Их замечали и Мендрас, и Альфан. Посол предупреждал, что, если Франция отвернется от СССР, Москва тут же изменит курс, опередит Париж и ответит на заигрывания Германии. В МИД заметили эту телеграмму и ответили на следующий день, выслав Альфану инструкции, согласно которым он должен был успокоить Литвинова². Однако в ответ посол написал про слухи о возможной опале наркома. У Альфана были хорошие связи в советском правительстве. Его визави владели информацией и были не против поговорить. Внутри правительства шла тихая борьба, направленная против Литвинова, но информаторы посла полагали, что он их всех переживет. На самом деле нарком был слишком уверен в себе и пусть не требовал, — поскольку никто не смел предъявлять требования Сталину, — но настаивал, чтобы его консультировали по вопросам внешней политики. Он мог выводить из себя коллег, например Кагановича и Молотова, хотя даже последний признавал его успехи. Соперничество было в основном личным, а значит, не могло повлиять на смену курса. Сталин, Ворошилов и Калинин поддерживали политику Литвинова, хотя к середине 1930-х годов в расчет стоило брать только Сталина. На самом деле основные рекомендации наркома дословно одобрялись Политбюро. В целом Альфан получил верную информацию. Однако он не мог скрыть свою тревогу, в которой пребывал довольно давно. Альфан отметил, что Франции крайне интересно, чтобы Литвинов оставался на своем месте³. Чего

¹ Mendras, compte-rendu mensuel. No. 16. 3 Nov. 1934. SHAT 7N3121.

² Alphand. Nos. 505–511. 9 Nov. 1934. MAÉ, URSS/1004, 61–67; Laval (revisions by Léger) to Alphand, nos. 493–497. 10 Nov. 1934, *ibid.*, 68–70.

³ Alphand. Nos. 518–520, very confidential. 13 Nov. 1934. MAÉ, URSS/1004, 74–76.

Полпред СССР в Германии Я. З. Суриц.
Середина 1930-х годов

посол не говорил, так это того, что Политбюро, а по сути Сталин, решили сыграть в азартную игру и сделали ставку на Францию, но по объективным оценкам шансы на успех были крайне малы.

Даже Литвинов признавал сложности. «Германия делает отчаянные усилия, чтобы задержать сближение Франции с нами, — писал Литвинов новому полпреду в Берлине Якову Захаровичу Сурицу, — и вовлечь ее в какие-нибудь переговоры. С этой целью она запугивает Францию, распространяя слухи, с одной стороны, о якобы имеющемся германо-японском соглашении и возможности скорых совместных выступлений против СССР, с другой стороны, о серьезных политических и экономических переговорах с СССР, которые должны привести к восстановлению прежних советско-германских отношений. В то же время она весьма активно в Белграде и Бухаресте старается оторвать и эти две страны от Франции, в чем помогает ей и польская дипломатия»¹.

Польская ложка дегтя

Таким образом, борьба за коллективную безопасность велась по нескольким фронтам, и почти везде поляки играли роль ложки дегтя. Замнаркома Стомоняков давно с подозрением относился к польским мотивам и спорил с предыдущим полпредом в Варшаве Антоновым-Овсеенко. Литвинов отсутствовал, и Стомоняков, находившийся в Москве, предлагал выбрать более жесткую публичную линию в ответ на внешнюю политику Польши. Он писал, что она все больше ориентируется на Германию, а польская пресса ведет себя все враждебнее.

¹ М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 193–191.

Не так плохо, как до советско-польского сближения, но все равно плохо. Пресса, лояльно настроенная по отношению к маршалу Пилсудскому, снова начала публиковать антисоветские статьи и использовать антисоветскую терминологию. Хуже всех был Ян Берсон, использовавший псевдоним Отмар — польский корреспондент в Москве, который работал на польское новостное агентство и полуофициальную «Газету Польску». Берсон тесно общался с Лукасевичем, польским послом в Москве, и Богуславом Медзиньским, редактором «Газеты Польски», который был контактным лицом Радека в 1933 году. Берсон положительно отзывался о советско-польском сближении, но за последний год его подход сменился на враждебный. Подобные статьи использовались в Польше, чтобы бороться с просоветскими настроениями. Что же делать? Стомоняков не считал правильным депортацию Берсона, во всяком случае на настоящий момент. Зачем создавать из него в Варшаве героя? Лучше ответить ему в советских газетах. Радек может написать необходимый комментарий. Кто лучше него знает, как использовать пренебрежение и сарказм? Поляк против поляка¹. Стомоняков все еще надеялся повлиять на просоветские элементы в Варшаве, но где их искать? Если в Лондоне, Париже и других городах такие люди часто приходили в советское посольство, то в Варшаве это происходило крайне редко. Это были безымянные призраки, иногда мелькающие, как тени в ночи.

Французы тоже были не слишком довольны поляками. Мендрас говорил о «возможной тайной перебежке» Польши и утверждал, что если Япония нападет на СССР, то Польша и Финляндия при поддержке Германии нападут с запада. По словам Мендраса, поляки задавались. «Они затеяли смелую игру с учетом их врожденной склонности к интригам и комбинациям с двойным дном, которая только развивается благодаря их роли заговорщиков в прошлом»². Мендрас был довольно добрым человеком. Остальные представители французской элиты были другими. «Если Польша не хочет следовать за Францией и присоединиться к военному союзу с СССР... так значит, мы обойдемся без нее», — сказал начальник Генштаба генерал Вейган в 1933 году. «Мы будем рассчитывать на Россию

¹ Б. С. Стомоняков — И. В. Сталину. 23 ноября 1934 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 635. Л. 279—281, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 28.11.2023).

² Mendras, compte-rendu. No. 15. 5 Oct. 1934. SHAT 7N 3121.

и больше не станем беспокоиться из-за Польши», — присоединился к нему покойный Барту, который уже терял терпение на последней встрече с Беком¹. Поэтому с французами было так трудно: они легко жаловались, но никогда не могли настоять на своем и начать действовать. И хуже всего обстояли дела у Лавалья. Если Франция перестанет беспокоиться из-за Польши и искренне заключит союз с СССР, это будет значить конец санитарного кордона. Польша может перейти на сторону Германии, и разгром Германии будет значить разгром Польши. Как следствие, исчезнет главный барьер, который мешает СССР проникнуть в центр Европы. Воспоминания о короле Франциске I и Сулеймане Великолепном поражали воображение, но сталкивались с суровой реальностью. Была ли Франция готова отказаться от санитарного кордона?

Встреча Литвинова и Лавалья в Женеве

Литвинов все равно ощущал беспокойство. Он отправил телеграмму Розенбергу и попросил его связаться с Эррио. «Укажите ему от своего имени, что неясная позиция Лавалья и неоднократное подчеркивание им желательности франко-германского соглашения способны вызвать беспокойство у нас, поскольку Лаваль уже имел достаточную возможность войти в курс дел, можно ожидать более четкого выявления им своего отношения к франко-советскому сотрудничеству». Литвинов планировал встретиться с Лавалем в Женеве и надеялся услышать от него что-то более определенное относительно дальнейшего развития отношений. Чтобы наверняка привлечь внимание Лавалья, Литвинов велел Розенбергу сообщить Эррио, что в Москву поступают различные экономические и политические предложения от Германии. Немцы могли делать похожие предложения и Франции. «Можете сказать Эррио... что Вы, мол, опасаетесь, что это может породить взаимное недоверие между Францией и нами, чего Германия и добивается»². Эррио ответил, что Лаваль отрекся от своих предыдущих взглядов «на возможность франко-германского соглашения». В любом случае министр сказал,

¹ *Géraud A. (Pertinax). Les Fossoyeurs. Vol. 2: Pétain. New York: Éditions de la Maison Française, 1943. P. 43; Tabouis G. They called me Cassandra. New York: Charles Scribner's Sons, 1942. P. 207.*

² М. М. Литвинов — М. И. Розенбергу. 6 ноября 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 666—667.

что он «не допустит отклонения политики»¹. Его слова должны были успокоить Литвинова, но этого не произошло.

Нарком и Лаваль встретились в Женеве 21 ноября. Они провели вместе два часа. Литвинов телеграфировал в Москву, что «он [Лаваль] снова повторил» свои «обычные» слова про продолжение политики Барту и попытку заключить Восточный пакт. Затем разговор зашел о Польше и Германии. Литвинов наконец спросил, обсуждало ли французское правительство возможность отказа Польши и Германии (а они на самом деле уже отказались) заключить договор. Лаваль ответил, что нет. Возможно, он прочитал мысли Литвинова, так как стал решительно утверждать, что Франция не заключит соглашения с другими странами без СССР. «Он не скрывает своих стремлений добиться соглашения с Германией, но он мыслит себе это только при помощи и участии СССР». Эти слова Лавалья теперь уже все хорошо знали.

Литвинов продолжил: «Я указал Лавалю на попытку Германии соблазнить СССР разными заманчивыми предложениями как экономического, так и политического характера, каковые попутно, вероятно, делаются Германией и в Париже с целью сеять недоверие между обеими странами». Германии удалось отдалить друг от друга Польшу и Францию, и сейчас она пытается сделать то же самое с Францией и СССР. «Я спросил Лавалья, не считает ли он нужным предотвратить этот процесс». Лаваль поинтересовался, есть ли у Литвинова конкретные предложения? Если да, то они могут их обсудить.

Литвинов предложил взять на себя обоюдные обязательства не заключать политического соглашения с Германией без предварительного обсуждения и договориться о постоянном обмене информацией. По словам наркома, Лаваль сразу же ухватился за эту идею. «В дальнейшем он, однако, спохватился и стал медленно отступать от данного согласия». На встрече также присутствовал сотрудник МИД Франции Баржетон. Они с Лавалем предложили подумать над соответствующей формулировкой, а также подчеркнули необходимость держать все в тайне, «во избежание впечатления о советско-французском союзе»². Важнейшая задача выс-

¹ М. И. Розенберг — в НКИД. 10 ноября 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 828.

² М. М. Литвинов — в НКИД. 21 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 168. Д. 1273. Л. 98—102, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 28.11.2023).

ших должностных лиц МИД Франции заключалась в том, чтобы не дать временным министрам начать действовать не по сценарию или слишком поспешно согласиться с политикой, противоречащей политике аппарата. Да, конечно, ответил Литвинов и предложил каждому подумать над формулировкой, проконсультироваться с правительствами и затем снова вернуться к этому разговору на следующей встрече. Так они и поступили на следующий день, 22 ноября. Лаваль предложил одностороннюю французскую декларацию. Литвинов — официальное двустороннее соглашение. У него был с собой черновик текста, и он зачитал его Лавалю и, вероятно, Баржетону, который должен был тоже присутствовать¹. Лаваль рассказал послу в Лондоне Шарлю Корбену о переговорах с Литвиновым и недавнем предложении Германии улучшить отношения. Нарком хотел, чтобы Москва избавилась от сомнений, которые у нее возникали из-за этой ситуации. Соглашение было «исключительно формальным и временным»². Другими словами, Лаваль велел Корбену заверить МИД Великобритании, что этот договор мало что значил. Это была небольшая уступка Литвинову.

Тем же вечером Литвинов пригласил на ужин американского дипломата Хью Уилсона. Больше никто не присутствовал. Литвинов не упомянул об этой встрече Лавалю и не стал обсуждать проблему долгов и кредитов. Он все еще искал способы привлечь США к Женеве и к более широкой коалиции стран, которые могли бы сдерживать потенциальных агрессоров, таких как Германия и Япония. Тут Уилсон не мог ему сказать ничего утешительного. Американская общественность выступает против участия США в решении европейских проблем. Литвинов понял, что его предложение не примут, и ему «придется придумать что-то еще». Одно Уилсон знал наверняка: «Во время всего разговора Литвинов всячески показывал, что он совершенно не доверяет Германии. Он полагал, что, пока у власти Гитлер, Германия похожа на бешеную собаку, и верить ей нельзя.

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 21 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 168. Д. 1273. Л. 103—104, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 28.11.2023); М. М. Литвинов — в НКВД. 22 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 168. Д. 1273. Л. 105—10.

² Laval to Corbin. No. 2042. 30 Nov. 1934. МАЭ, URSS/970, 235—237.

С ней нельзя заключать соглашения, а ее амбиции можно держать в узде, только окружив ее кольцом из решительных соседей»¹.

5 декабря Литвинов и Лаваль снова встретились. Лаваль принялся повторять привычные фразы об улучшении отношений с Германией, хотя его намерения не направлены против СССР. Министр утверждал, что задался целью добиться мира не только между Германией и Францией, но и между Германией и СССР. Это звучало наивно, хотя Литвинов не стал этого говорить. Он сообщил в Москву, что они договорились с Лавалем и Баржетоном о тексте соглашения, который нарком предложил 22 ноября². Лаваль и Литвинов в тот же день подписали протокол. В окончательном варианте говорилось о дальнейших попытках заключить Восточный пакт и утверждалось, что ни одна из сторон не станет вести переговоры об одностороннем или двустороннем соглашении, которое может помешать совместной работе в данной области. Конечно, такое соглашение не понадобилось бы, если бы стороны друг другу доверяли, имели одни и те же цели и одинаково оценивали международную ситуацию³. В доверии была вся проблема. Как можно доверять Лавалю? А он наверняка думал, как можно доверять большевикам? В теории этот протокол был шагом вперед. Так полагал Литвинов. Лучше бы он понял, что больше никто не придерживается линии Эррио, Поль-Бонкура и Барту. Лаваль отказался или пытался отказаться от политического курса своих предшественников. Для него протокол был прикрытием, которое позволяло ему придерживаться той линии, которую он выбрал изначально, и отделаться от Литвинова, по крайней мере, на время. Скоро должны были наступить рождественские праздники, и министр рассчитывал на несколько недель передышки. Для СССР такая политика была рискованной, что, конечно, должен был бы понимать Литвинов. Она напоминала игру в рулетку, когда заранее известно, что все шансы на выигрыш у казино. Для Франции это значило, что уже существует слишком много препятствий, мешающих укреплению франко-советского сближения. Почему она, в отличие от СССР, не видела угрозы гитлеровской Германии?

¹ Memorandum of Conversation with Litvinov, strictly confidential, Wilson. 21 Nov. 1934. 500.A15A4/2618, NA, RG59, box 2396.

² М. М. Литвинов (Женева) — в НКВД. 5 декабря 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 168. Д. 1273. Л. 122, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 28.11.2023).

³ *Dessberg F. Le triangle impossible*. P. 351–352.

Донесения советской разведки

Донесения советской разведки о намерениях Германии указывали на два направления возможной агрессии. Либо немецкое верховное командование будет расширяться на юго-восток через Австрию и на запад в сторону Франции, или же Германия попытается решить вопрос Польского коридора, заключив «дружественное соглашение» с Польшей, даже если это произойдет за счет Литвы. С другой стороны, логичной целью была Франция. После Наполеона дела в ней шли на спад. А после Первой мировой войны Франция ослабла еще больше. Французская армия сможет воевать самостоятельно не раньше, чем через 30 лет. Германия получит военное преимущество, которому нечего будет противопоставить, и сможет диктовать условия Франции с помощью ультиматума или неодолимой силы¹.

Согласно другому докладу разведки Красной армии, немецкая армия будет готова к войне весной 1935 года. Верховное командование Германии полностью разделяет взгляд нацистов на необходимость войны с СССР. Немецкая армия возьмет в союзники Польшу и Финляндию и нападет со стороны Прибалтики — «северо-восточный вариант». Это случится только после атаки Японии на Востоке. По плану верховного командования Германии, Франция в этом случае сохранит нейтралитет. Однако существовали разногласия относительно того, когда немецкая армия будет готова к войне². Кто на самом деле знал, в каком направлении она нападет?

У военной разведки были противоречивые сведения. Но в одном она была уверена наверняка: в один прекрасный день гитлеровская Германия будет готова к войне. И СССР станет ее целью. А Франция — крайне неудачный союзник. Она очень слаба и не устоит перед немецким оружием. Оценка Франции оказалась верной.

В конце декабря Сталину на стол лег примечательный отчет. В нем говорилось в основном о Франции и политике Лаваля по отношению к Германии. «Сейчас вся тактика Лаваля рассчитана на то, чтобы иметь возможность поставить французскую общественность перед фактом необходимости заключения соглашения с Германией».

¹ М. Н. Рябинин — М. Н. Тухачевскому. 26 ноября 1934 г. // Глазами разведки. СССР и Европа. С. 411—412.

² О. О. Штейнбрюк — К. Е. Ворошилову. 23 декабря 1934 г. // Там же. С. 413.

Это было первое предложение от неизвестного агента, которого знал Сталин. Пилсудский и его сторонники считали Лаваля «верным группе Тардьё — Вейгана и действующим по их приказу». Он был «умный, очень хитрый и внимательный дипломат». Так полагал Пилсудский. Информатор явно много знал о рассуждениях маршала о Лавале и Франции. Он возлагал на Лаваля большие надежды и полагал, что правительство Фландена падет в конце января 1935 года. Правительство Фландена пало из-за закона, направленного на разоружение военизированной организации полковника Франсуа де ла Рока — «Огненных крестов». Это было похоже на настоящий заговор. В нем был замешан Тардьё, который полагал, что в итоге к власти придет Лаваль, а поддерживала его организация ла Рока и радикалы. Эррио не участвовал. Кроме того, говорили, что в Германию на встречу с Гитлером и другими известными нацистами ездили французские представители, и Лаваль об этом знал. Все это было похоже на шпионский роман, только по большей части он был документальный, и его обсуждали во всей Франции¹. Лаваль встречался в Париже с видными нацистами! И даже лично с Гитлером! Вот это да! И британцы тоже участвовали. Они должны были давить на правительство Фландена, если бы оно выжило, и убеждать в необходимости заключить союз с гитлеровской Германией.

У источника этой информации, неизвестного агента, которого знал Сталин, были контакты в правительствах, в том числе он напрямую общался с Бекем. «Факт франко-германских переговоров является делом чрезвычайно серьезным». Если они увенчаются успехом, то это может возродить «старую идею» Пилсудского о польско-германско-французском блоке. И это может получиться, сообщал агент, «а факт создания этого блока уже есть начало интервенции против СССР». Если у Лаваля все получится, то тогда он отправит в Берлин в качестве посла французского генерала, возможно, даже самого Вейгана. Эта информация была получена от надежных источников в группе Тардьё — Вейгана. А возможно, генерала отправят в Лондон в качестве посла, и он заменит Корбена.

Затем агент Сталина упомянул протокол Литвинова — Лаваля. Бек сказал, что он получил информацию 2 декабря. И в то же самое

¹ См.: *Lacroix-Riz A. Choix de la défaite: les élites françaises dans les années 1930.* Paris: Armand Colin, 2006. P. 159–160.

время «надежный человек» из группы Тардьё — Вейгана был отправлен в Варшаву, чтобы объяснить Беку, что Лаваль был вынужден подписать протокол «по тактическим соображениям как внутренне-го, так и внешнего порядка». Это было временное соглашение, ограниченное по сути и по срокам. Согласно отчету, это объяснение совпадало с информацией, которая была отправлена Корбену 30 ноября. Бек говорил, что: «Литвинов добивался этого протокола от Лавалья, чтобы успокоить Москву и, пожалуй, успокоил Москву, а этого нам и надо. Надо дать время сговориться Германии с Францией». Агент не исключал возможности заключения франко-советского союза, но через два месяца может уже быть слишком поздно. Кроме того, оставался вопрос Восточного пакта. Польша не подпишет его ни при каких обстоятельствах. Лаваль снова начал переговоры, только чтобы сделать «тактический маневр» и снизить давление со стороны радикалов (таких, как Эррио и Кот, хотя они не были упомянуты), а также СССР, Чехословакии и Румынии.

По словам Бека, французы не рассказали Литвинову о двух важных моментах. Во-первых, о первичности франко-польского союза, а во-вторых, о том, что, если будет заключен Восточный пакт с Польшей или без нее, Франция гарантирует, что «ни в каком случае войска СССР не пройдут через ее территорию, а также советская авиация не полетит над территорией Польши». Тут снова встает вопрос об этом пункте, который уже обсуждали в 1934 году и будут обсуждать до августа 1939-го. Не существует доказательств, подтверждающих, что Франция официально или неофициально передала Беку эту информацию, хотя это вполне возможно, с учетом двуличности Лавалья. Если информация агента была верной, тогда настоящая «взаимная помощь» была убита на корню еще в конце декабря 1934 года.

Пусть агент Сталина продолжит свой отчет. Он расскажет нам еще много удивительного.

И снова, как говорил Бек, французы задавали вопрос Варшаве: вы с нами или против нас? Вы «с Парижем или с Берлином»? Видимо, при поддержке британцев Бек ответил: «С Парижем и Берлином вместе, но Польша не проложит дорожку для возрождения франко-русского союза». Это означало, продолжил агент, что «Польша не подпишет Восточного пакта и будет действовать против образования такового». Лаваль полагал, что Восточный пакт немислимо заключить без Германии или Польши: *«Так как франко-советский союз*

грозит полным отходом Польши от Франции и переходом ее окончательно к Германии, франко-советский союз не представляет для Франции интереса, т. е. этот союз не есть довоенный франко-русский союз, ибо теперь между Германией и Россией находится Польша — вооруженное государство, которое эвентуальную¹ помощь Франции со стороны Красной Армии сводит к нулю. Следовательно, от идеи франко-советского союза надо отказаться [курсив наш. — М. К.]».

И это еще было не все. В случае франко-советского военного сотрудничества мог возникнуть риск охлаждения отношений с Великобританией, от которой Франция больше всего зависела в случае войны с Германией. И снова в данных обстоятельствах сотрудничество с СССР могло быть опасным. Таким образом, соглашение с Германией казалось логичной альтернативой, поскольку немецкое правительство успокоило Францию и сказала, что между их странами нет разногласий, которые могли бы привести к войне. Получается, Франция могла выбрать этот вариант: договориться с Германией, сохранить особые отношения с Великобританией и заключить союз с Польшей. Далее агент рассказал более подробно о взглядах Польши: о том, что думал Пилсудский и Бек о Восточном пакте. На самом деле этот договор уже был мертв, причем давно. Франция боялась рисковать отношениями с Великобританией, у которой даже не было стоящей армии, и с Польшей, у которой не было шансов в войне с Германией, ради союза с СССР, хотя его вооруженные силы активно развивались, а правительство хотело заключить антигерманский союз под эгидой коллективной безопасности. Наверное, Сталин подумал, что Франция собиралась рискнуть всем непонятно ради чего. Он подчеркнул самые важные моменты синим карандашом и велел отправить отчет агента к себе в архив². Возникает вопрос, читал ли отчет Литвинов, и если да, то что он о нем подумал. Нарком всегда сомневался в надежности данных, полученных разведкой, хотя в этом случае у источника, кажется, была достоверная информация. Однако СССР продолжал вести ту же политику, что и раньше. Не было другого выбора.

¹ Эвентуальный — возможный при определенных обстоятельствах. — *Примеч. ред.*

² А. Х. Артузов — И. В. Сталину. Не позднее 28 декабря 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 31–52, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 28.11.2023); см. также: Глазами разведки. СССР и Европа. С. 414–420.

Еще один интересный доклад был получен от военного атташе в Варшаве, Н. А. Семенова. Он не мог не внушать опасений. Один журналист ТАСС в Варшаве рассказал историю некоего Фельдмана, который был мужем подруги его жены. Фельдман некоторое время сидел в польской тюрьме за «коммунистическую деятельность», а затем очень нуждался в деньгах и наконец согласился на работу коммивояжером. Как-то Фельдман был в гостях и там рассказал про «приключение», которое произошло некоторое время назад во время поездки в Станиславов в польской части Украины. Он часто бывал там по делам и как-то ужинал в ресторане, который ему нравился. Кроме него в ресторане была лишь группа поляков — старших офицеров. Они много пили и громко разговаривали. «Незамеченный Ф[ельдман] уселся в углу и велел подать ужин». В это время офицеры под влиянием алкоголя стали еще веселее и начали произносить тосты еще громче. «Поднимаю бокал, — сказал один из них, за наш союз с Германией и Японией. Война для солдата то же, что вода для рыбы, — пью за будущую войну. Поднимаю бокал за то, чтобы дивизия (какая, Ф[ельдман] не расслышал), которая получила орден “Виртути Милитари” за взятие Киева, получила за то же его вторично [первый раз в мае 1920 года во время советско-польской войны. — М. К.]». В этот момент кто-то из офицеров за столом заметил Ф[ельдмана]. Этот поляк был уже довольно пьян. Он встал и сказал: «Этот штатский сукин сын все слышал». И достал револьвер. «Только благодаря тому, что в последний момент ему подбили руку, пуля попала не в Ф[ельдмана], а в лампу. После этого инцидента хозяин ресторана и кельнеры подбежали к Ф[ельдману] и вывели его в комнату гостиницы в том же доме, причем хозяин сказал ему шепотом: “Уходите скорее из зала, вы знаете, что среди офицеров сам ген[ерал] Густав Константинович. — М. К.] Орлич-Дрешер (инспектор армии)”». Это был кто-то из верховного командования, кто-то близкий к правящей группе Пилсудского.

На следующее утро полиция арестовала Фельдмана и привела его на допрос. Они хотели знать, «что он слышал в ресторане». «Я ничего не слышал и ничего не знаю», — ответил Фельдман. Это был правильный ответ. Во всяком случае полиция была довольна и отпустила его целого и невредимого. Конечно, советского военного атташе во все не интересовала судьба Фельдмана. Намного больше его волновали пьяные тосты за польский союз с Германией и Японией и взятие

Киева во второй раз, в чем собирался участвовать генерал, инспектор польской армии. Этот инцидент «чрезвычайно ценен для определения не только польско-герм[анских] взаимоотношений, — написал Семенов в сопроводительном письме, — но и показывает, что сидит в головах генералитета. Орлич давно уже учитывается нами как большой любитель “погулять” в обществе офицеров и тем самым создавать себе популярность. Мы уже давно считаем его нашим откровенным врагом». Семенов полагал, что это надежный отчет¹. Орлич-Дрешер погиб через два года в авиакатастрофе.

«Маленькие шажки» Лавалья

Лаваль пытался найти гарантии безопасности везде, где только можно. Но он не понимал, о какой безопасности идет речь. Как говорили французские правые, советский вариант был испорчен, а ведь, как писал Кериллис Пайяру, они были в меньшей степени склонны считать немецкую угрозу страшнее советской. В начале 1935 года Италия, хоть и была фашистской, еще не перешла на сторону нацистской Германии. Когда австрийские нацисты попытались устроить переворот в июле 1934 года и убили канцлера Энгельберта Дольфуса, Муссолини выстроил войска около Бреннера, пограничного перевала в Австрии, чтобы предупредить Гитлера, что ему следует держаться от его страны подальше. В начале января 1935 года Лаваль отправился в Рим, чтобы встретиться с Муссолини. 7 января они подписали так называемые Римские соглашения, в которых, помимо всего прочего, предлагалось заключить пакт о ненападении для защиты австрийской независимости. Когда итальянская сторона предложила организовать переговоры на уровне Генштаба, чтобы обсудить возможную немецкую агрессию, Лаваль засомневался. Это была одна из проблем. Он делал «маленький шаг» то тут, то там, как позднее охарактеризовал его поведение покойный ученый Дюрозель².

¹ Н. А. Семенов — А. А. Ланговому (с вложением). 13 декабря 1934 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 635. Л. 290—291, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 23.11.2023).

² Duroselle J.-B. La Décadence. P. 132—133.

Литвинов спокойно относился к тому, что у Франции улучшаются отношения с Италией. Даже напротив, он относился к такому шагу положительно. СССР пытался сделать то же самое. Но Литвинова беспокоило, что в региональных пактах о ненападении, о которых говорится в Римских соглашениях, не учитывается СССР. Из-за этого могло создаться впечатление, что СССР находится в изоляции. Это не значит, писал нарком новому полпреду в Париже Потемкину, что советское правительство в меньшей степени заинтересовано в независимости Австрии, чем другие государства в регионе. Литвинов упомянул Турцию, Грецию и Румынию. Если мы начнем интересоваться, что думают в Париже и Риме, пояснил нарком, то можем столкнуться с вопросом, «желаем ли мы сами эвентуально участвовать в гарантировании независимости Австрии, а этот вопрос подлежит еще обсуждению»¹.

Вмешательство Эррио

«Маленькие шажки» Лавалья раздражали почти всех. Европа переживала кризис, и «маленькие шажки» не могли ее защитить. Эррио был взбешен поведением министра и открыто сказал об этом Потемкину 11 января. Читатели, вероятно, уже заметили, что Эррио был важным советским информатором. К нему обращались советские дипломаты, когда нужна была информация или поддержка для сближения по какому-либо вопросу. Эррио был влиятельным политиком. Он оставался министром без портфеля во французском кабинете и был председателем сильной Радикальной партии. Эррио уверенно поддерживал франко-советское сближение. «Сегодня я посетил Эррио, — написал Потемкин в своем отчете о разговоре. Это важная запись, так как Эррио и другие французские политики редко отчитывались о своих разговорах с советскими дипломатами. — Я застал его крайне раздраженным против Лавалья и его политики». Во-первых, существовали Римские соглашения. Лаваль согласился уступить некоторые североафриканские территории Италии, и Эррио был в ярости. Кроме того, он не думал, что Германия согласится гарантировать независимость Австрии. Затем он перескочил на другую тему,

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 40—41.

продолжая обдавать Лавалю презрением. Вполне понятно, почему он попросил Потемкина «соблюдать всяческую осторожность», когда он будет передавать его суждения Литвинову. На отчете стоял гриф «совершенно секретно». Вполне ясно, почему.

«Он вновь повторяет свои заверения, что, пока он жив, Франция не окажется в стане наших врагов». Стойте на своем, советовал он, займите жесткую позицию и не отказывайтесь от своих изначальных предложений, связанных с Восточным пактом и Женевским протоколом, когда будете говорить с Лавалем». Не надейтесь слишком сильно на румынского министра иностранных дел Николае Титулеску — он слишком любит Италию. Или на министра иностранных дел Чехословакии Эдуарда Бенеша, «слишком гибкого человека — более французского, нежели чехословацкого министра». «Нам удастся преодолеть заминки и затруднения, возникшие на пути сближения СССР с Францией», — продолжал Эррио. В ответ Потемкин подчеркнул историческую важность сближения и готовность СССР приложить все усилия, чтобы его укрепить. «Эррио ото-звался на это, — писал полпред, — с таким воодушевлением и горячностью, которых я не наблюдал с его стороны еще ни разу».

«Как опытный политик, — продолжил Эррио, — я привык и к хорошей погоде, и к ненастью... На смену ненастья являются ясные дни. Все проходит. После Лавалей их место занимают другие». Лаваль стремится «создать себе популярность, — добавил Эррио, — и “раздувает свой шар”. Однако рано или поздно этот шар сморщится и упадет на землю»¹.

Крестинский и Литвинов были совершенно правы, когда сомневались в Лавале, но Эррио так яростно защищал сближение, что это могло подарить им надежду на хорошее будущее. Шла борьба, и она будет идти до конца, так как не было другого выбора для тех, кто хотел защитить советскую, а на самом деле европейскую безопасность от гитлеровской Германии. «Шарик» Лавалю уже начал терять высоту.

¹ В. П. Потемкин — Н. Н. Крестинскому. 11 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 13–20.

ГЛАВА X

НАВОДЯ МОСТЫ: АНГЛО-СОВЕТСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ. 1934–1935 ГОДЫ

Прежде чем давать оценку усилиям СССР по соглашению с Францией, необходимо перенестись на несколько лет назад и понять, чем же были заняты советские дипломаты в Лондоне. Для Советского Союза с точки зрения построения системы коллективной безопасности и заключения договора о взаимопомощи с целью защиты от нацистской Германии Великобритания была союзником не менее важным, чем Франция. Без поддержки Франции и Великобритании политика СССР ни к чему бы ни привела. В начале июля 1933 года инцидент с «Метро-Виккерсом» был благополучно исчерпан, и Майскому теперь предстояло сгладить последствия нанесенного этим скандалом удара. Первым шагом на этом пути должно было стать возобновление прерванных переговоров о новом торговом соглашении между Англией и СССР. Ведь улучшение экономических связей нередко влечет за собой и потепление отношений политических... Вся советская политика основывалась на этом принципе, далеко не всегда рабочем. Экономические связи понимались не как цель, а как средство, и читатели наверняка вспомнят, что стремление Литвинова во что бы то ни стало уладить скандал с «Метро-Виккерсом» было продиктовано растущей обеспокоенностью по поводу нацистской Германии. И в этой логике его полностью поддерживал Сталин. Дипломатическое признание Советского Союза Соединенными Штатами, которого Литвинову удалось добиться в Вашингтоне, неуклонное потепление отношений с Францией — все это укрепило позиции Литвинова в Москве. И, забегаая вперед, скажем, что в отношениях с Великобританией этот кредит доверия ему пригодился.

Впечатление, произведенное Литвиновым

Находясь в июле 1933 года в Лондоне, Литвинов контактировал с сотрудником британского Министерства иностранных дел Р. Липером, с которым до этого взаимодействовал в 1918 году в качестве первого официального представителя советского правительства в Великобритании. Литвинову разговор с Липером об англо-советских отношениях изрядно помог развеять тоску. На Липера встреча произвела глубочайшее впечатление. Он подробнейшим образом описал их разговор в дневнике. Привожу фрагмент: «В 1918 году я в течение нескольких месяцев практически ежедневно контактировал с ним. В то время ему изрядно доставалось, с ним обращались неподобающе. Он периодически срывался, но в целом сохранял рассудок и хорошее расположение духа. Он был откровенен и непринужден настолько, насколько позволяли обстоятельства. С тех пор прошло 15 лет... я слышал от журналистов... что, если повстречаю его еще раз, то не узнаю его: мол, он приобрел налет цинизма, который в общении с иностранцами служит ему броней... Ничего подобного я не обнаружил: вне своей московской среды это был все тот же прежний общительный человек с непринужденными манерами».

Липер заметил, что о трудностях взаимодействия с британским правительством Литвинов говорил «не с горечью, а с легким сожалением». «Одни неудачи», — констатировал тогда Литвинов. Липер продолжал:

«Его главным желанием было установление с нами приемлемых рабочих отношений. Он женился на англичанке и прожил в нашей стране дольше, чем в какой-либо другой, не считая России, и, как следствие, относился к Великобритании с особенным уважением. При этом, налаживая отношения на официальном уровне с британским правительством, он встречал столько препятствий, сколько не встречал ни от одного другого правительства... Ни в одной стране пресса и парламент так сильно не исходили по отношению к России желчью и не жаждали реванша. <...> Он был вынужден признать, что в этой стране есть силы, из-за которых никакое соглашение о сотрудничестве между двумя правительствами попросту невозможно»¹.

¹ Untitled, handwritten minute by Leeper. 17 June 1933. N4812/5/38, TNA FO 371 17241.

Не следует, впрочем, слишком уж верить «слезам» Литвинова. Легко представить себе, как он сетует на то же самое, плюс-минус в тех же формулировках, но французскому дипломату, который также слушает его с сочувствием. Отношения с Францией у СССР складывались ничуть не проще. А во французском МИД Литвинова с его жалобами подняли бы на смех и сказали бы, что все трудности создает советская сторона.

Кампания Майского

Тем не менее новый политический курс на отношения с Францией, утвержденный резолюцией Политбюро от 19 декабря 1933 года, предполагал необходимость улучшения отношений и с Великобританией. Поэтому в начале 1934 года был дан зеленый свет полпреду Майскому. Новый курс предполагал, что посольство должно тесно общаться с британской прессой. Майский предложил ввести «послабление» для некоего британского издания, которое он назвал сокращенно «Н. Л.». Если речь действительно идет о британской газете, то под это сокращение из прессы 1920-х годов подходит лишь «Нью Лидер» под редакцией Генри Ноэля Брейлсфорда. С точки зрения коммунистов, это было типичное псевдоловое издание. Крестинского доводы в пользу «послабления» не убедили. «Большая разница, — писал он Майскому, — между субсидированием буржуазной, явно антирабочей газеты и газеты, претендующей на социалистический характер и даже на определенную социалистическую левизну. “Н. Л.”, ведущий бешеную борьбу против Коминтерна, Компартии Англии и левых кругов Независимой рабочей партии, пытается воздействовать на те круги английских рабочих, которые наиболее готовы уже к переходу в коммунистические ряды. В этом смысле “Н. Л.” опаснее и вреднее, чем лейбористские и буржуазные газеты. Поэтому к вопросу о субсидировании этого журнала нужно подходить не столько под углом зрения возможной пользы от напечатания в журнале той или другой благожелательной для СССР статьи, сколько под углом зрения общего вреда, приносимого этим журналом». Крестинский лично возражал против финансовых вложений в эту газету, но сказал, что поднимет этот вопрос на коллегии НКВД. Он предложил отправить Майскому телеграмму следующего содержания: «Мой номер такой-то подтверждается», что означало бы

«да»; или «мой номер такой-то, ждите письма следующей почтой», что означало бы «нет»¹. У читателя наверняка сложится впечатление строжайшей секретности, общения при помощи шифров... Кто тогда поручится наверняка, что «Н. Л.» означало именно «Нью Лидер»? Вообще, это самая разумная версия. НКВД много лет пытался создать благоприятный образ СССР через французскую прессу, и все безуспешно. Случаи выделения подобных ассигнований британским газетам не столь широко известны.

Коллегия НКВД тянула с решением. Майского эта задержка не радовала, и он вновь написал Крестинскому по этому вопросу:

«Вот передо мной “Дэйли Геральд”, орган Рабочей партии, — газета эта претендует быть социалистической и ловко скрывает свой антирабочий характер под флагом горячей защиты дела лейборизма. Она систематически ведет борьбу с Коминтерном и подчас выступает против СССР и его внешней политики. Если мы поддерживаем эту газету своими объявлениями, — не создаем ли мы путаницы в головах рабочих? Учтите при этом, что “Дэйли Геральд” ежедневно читают 2 милл. человек (таков тираж газеты), — стало быть, масштаб путаницы, если только она имеет место, очень велик. В Англии рабочий в массе вообще читает буржуазную или лейбористскую печать, а “Дейли Уоркер” имеет тираж всего лишь около 20 000, т. е. примерно столько же, сколько “Н. Л.”».

К чему здесь клонит Майский? «Если согласиться с вашей точкой зрения, — отвечает он Крестинскому, — то будет невозможно субсидировать никакую прессу в Великобритании». Крестинский, судя по всему, так и думал, что это пустая трата денег. Но Майский не соглашался: «Поэтому моя точка зрения остается неизменной: на настоящий момент не отказываться от субсидирования, но более тщательно следить за происходящим, и если газета снова выступит против СССР или его внешней политики или если будет падать тираж, то пересмотреть наше отношение к этому органу прессы». Он отмечал, что материал передан в Москву, и требовал, чтобы решение приняли как можно скорее. «Несколько дней назад я получил из Мск [Москвы] неподписанную шифровку, в которой сообщалось, что вопрос о “Н. Л.” в коллегии не решен. Как это понять? В шифровке также упоминалось о “рецидивах” “Н. Л.”

¹ Н. Н. Крестинский — И. М. Майскому. 19 января 1934 г. // АВАПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 96. Д. 11. Л. 41.

по части антисоветских выступлений. Я таких рецидивов не знаю (если не считать полемики НРП с ИККИ). Жду с обратной почтой Ваших указаний»¹. Здесь выходит на первый план неочевидная сторона личности Майского: он взвалил на себя миссию наладить англо-советские отношения и теперь был готов сражаться за свое дело до конца. И момент был выбран правильный.

Британская элита понемногу начала осознавать опасность, исходящую от нацистской Германии. В январе 1934 года Майский вспоминал, что полугодом раньше, едва стоило советскому представителю заикнуться о военной опасности, как британцы поднимали его на смех. К этому относились как ко все той же «старой советской пропаганде». Или говорили: «Не преувеличивайте». Теперь все изменилось. «Ситуация изменилась до неузнаваемости, — писал Майский. — Приехав в начале декабря [1933 года] в Лондон, я сразу попал в самую гущу весьма оживленных и неустанных разговоров о войне. В правительственных кругах, среди депутатов парламента, у дельцов Сити, на Флит-стрит (улице газет) <...> везде вы только и слышите, что разговоры о предстоящей войне. Теперь, наоборот, стало признаком хорошего тона говорить, что война неизбежна, что война стоит где-то вот здесь за углом, и что к войне нужно готовиться». Споры шли лишь о том, когда именно вспыхнет война, где она начнется, останется ли она локализованной, или, наоборот, превратится в новую мировую войну. «Большинство людей, с которыми мне за последние месяцы приходилось говорить, выдвигают Германию, как главный источник военной угрозы, нависшей над миром»².

Кольер, глава Северного департамента МИД Великобритании, заметил смену советских настроений, но отнесся к этому весьма настороженно. «Мы не французы, — заметил он, — и не нуждаемся в их [СССР. — М. К.] поддержке; а теперь они начинают нуждаться в нашей [выделено в оригинале. — М. К.] поддержке с целью закрепить территориальный статус-кво, и поэтому сейчас вероятность того, что в ближайшем будущем они не станут действовать в ущерб нашим интересам, мягко говоря, выше, чем в предыдущие годы». Его начальник сэр Ланселот Олифант выразился более оптимистично:

¹ И. М. Майский — Н. Н. Крестинскому. Без даты // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 96. Д. 11. Л. 51.

² И. М. Майский — Н. Н. Крестинскому. 9 января 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 35. Д. 7. Л. 4–8.

«Если Советы начнут вести честную игру, мы без всякого ущерба для себя можем оказаться с ними в одном лагере... Если они чувствуют угрозу от Японии на Востоке и Германии на Западе, вероятнее всего, они будут играть с нами в открытую, руководствуясь принципом “Они любят Бога, которого боятся”»¹. Олифант имел в виду, что большевики, оказавшись в беде, непременно призовут в союзники бывших врагов.

Благодаря улаживанию скандала с «Метро-Виккерсом» возобновились англо-советские отношения, что, в свою очередь, позволило 16 февраля 1934 года заключить новое англо-советское торговое соглашение лишь месяц спустя после аналогичного с Францией. Незадолго до подписания этого соглашения Майский сказал одному именитому консерватору, что СССР стремится к улучшению отношений с Великобританией². Советское правительство разослало во все газеты сообщения единого содержания. «Известия» выражали надежду на улучшение отношений, но замечали, что следующий ход должна сделать Великобритания. Сотрудники МИД пребывали в сомнениях: «Как всегда, надежды на улучшение отношений и подлинное сотрудничество», — иронизировал один. Другой отвечал: «Когда Коминтерн прекратит вести свою тлетворную пропаганду против Британской империи», вот тогда, возможно, отношения и улучшатся. «Но решающее слово за ними»³. А когда пришло время дать торжественный ужин в честь заключенного торгового соглашения, тотчас пошли разговоры о том, кого приглашать и кто платит. Олифант, который был тогда постоянным помощником министра, утверждал, что это настоящая мука, и не пристало министру влезать в эти хлопоты⁴.

Майский, судя по всему, и не догадывался, как утомило британский МИД советское посольство, и он в разговоре с Москвой поднял вопрос о заключении с Великобританией пакта о ненападении. Он полагал, что надо подождать, пока торговое соглашение не получит достаточную поддержку, и уже тогда решать, делать ли британскому правительству официальное предложение⁵. Майский считал, что

¹ Minutes by Collier. 1 Jan. 1934; Oliphant. 2 Jan. 1934. N1/1/38, TNA FO 371 18297.

² Запись беседы И. М. Майского с лордом Р. Сесилом. 5 февраля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 110—113.

³ Minutes by T. A. Shone and R.G. Howe. 19 Feb. 1934. N1069/16/38, TNA FO 371 18303.

⁴ Oliphant's minute. 14 Feb. 1934. N1116/16/38, TNA FO 371 18303.

⁵ И. М. Майский. 24 февраля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 35. Д. 7. Л. 10—13.

положительный исход инцидента с «Метро-Виккерсом» и новое торговое соглашение — это поворотный момент в англо-советских отношениях. Этим идеям начинали симпатизировать даже консерваторы. Признание от США, улучшение отношений с Францией и Италией — все это были шаги в правильном направлении, однако немаловажным движущим фактором для СССР оставалась победа над германским гитлеризмом. Враг моего врага должен быть моим другом (или, как говорят русские, лучшее — враг хорошего) — по словам Майского, этим принципом руководствовалась широкая британская общественность, включая «более умеренных консерваторов болдуиновского типа». Другими словами, писал он, «поскольку гитлеровская Германия кажется названным кругам более непосредственной опасностью для европейского мира, чем СССР, постольку в данный момент они готовы мягче и доброжелательнее отнестись к стране пролетарской диктатуры». Майский даже слышал от парламентария-консерватора Роберта Бутби, в меру симпатизировавшего СССР, что к данной точке зрения склоняется сам негибаемый Уинстон Черчилль: «Мировая ситуация принимает такой характер, что, пожалуй, придется занять более дружественную позицию по отношению к Вашим друзьям [то есть СССР. — *М. К.*]»¹. Вот уж действительно, враг моего врага — мой друг, даже для Черчилля.

В начале марта глава бюро НКВД Евгений Рубинин имел беседу с Ноэлем Чарльзом, британским поверенным в Москве, и вроде бы эта беседа подтвердила слова Майского о том, что взгляды британской правящей элиты поменялись. По мнению Рубинина, решающую роль сыграло заключение торгового соглашения. Чарльз был недоволен тем, что советская пресса выставляет Лондон в черном свете, Рубинин же советовал не придавать большого значения таким статьям. Ему виделись две тенденции в британской политике по отношению к СССР: позитивная, примером которой могло служить торговое соглашение, и негативная, примерами которой были «письмо Зиновьева» в 1924 году и налет на АРКОС в 1927 году. «К сожалению, — вынужден был признать Рубинин, — эта последняя тенденция довольно часто одерживает верх и это, естественно, оставляет определенный след в сознании советской общественности».

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 24 февраля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 35. Д. 7. Л. 19–41.

Чарльз согласился с этим наблюдением насчет двух тенденций. «Он убежден, однако, что вторая тенденция не имеет сейчас в Англии большого влияния... В Англии преобладает стремление жить в мире с Советским Союзом». Но затем Чарльз вновь вернулся к теме оголтелой пропаганды в советской прессе; он говорил, что, пока эти нападки не прекратятся, не будет «подлинного сближения с СССР». В этом поединке, утверждал он, у СССР преимущество, поскольку британское правительство не может ответить тем же способом. Здесь Чарльз, конечно же, наивно заблуждался, ведь Департамент печати при желании мог заставить прессу опубликовать что угодно. Рубинин вернул разговор в русло НКВД: «Нам не стоит входить в оценку внутреннего строя, существующего в наших странах, тем более что это не может иметь никакого влияния на взаимоотношения между нами». Советское правительство, продолжал Рубинин, улучшило свои отношения с Соединенными Штатами и Францией, что же мешает установить такие отношения с Великобританией? Для сближения нужна была точка соприкосновения. Он предложил сойтись на политической заинтересованности стран в укреплении мира. На языке советской дипломатии это означало наращивание коллективной безопасности перед лицом нацистской Германии. Здесь Чарльз согласился: «Посольство со своей стороны готово приложить все усилия в этом направлении»¹.

Встреча Майского с Джеймсом Гарвином

В начале марта Майский следил за дебатами в Палате общин по ратификации торгового соглашения и доложил в Москву о том, что все прошло хорошо. Среди членов Консервативной партии, решил он, все больше преобладают «антиавантюристские реалистические настроения»². В том же месяце Майский впервые встретился с Джеймсом Л. Гарвином — редактором воскресной лондонской газеты «Обсервер», широко известным человеком. Гарвин рассказал много интересного — настолько много, что Майский посвятил этому восьмистраничный доклад, который лег на стол Сталину. Обсуждение проходило у Гарвина в загородном доме,

¹ Дискуссия Е. В. Рубинина с советником посольства Великобритании Н. Чарльзом. 9 марта 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 18. Л. 67–69.

² И. М. Майский — в НКВД. 2 марта 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 167–168.

куда Майский прибыл в воскресенье в сопровождении жены Агнии. За обедом и пятичасовым чаем присутствовал только Гарвин и члены его семьи, поэтому можно считать, что все происходило в узком семейном кругу. Присутствовали дочь Гарвина Виола, еще одна его дочь, имя которой не упомянуто, но известно, что она проживала во Флоренции, а также приемный сын Оливье Вуд, студент Оксфорда. Именно на таких «интимных» мероприятиях, как утверждает Майский, наиболее откровенно говорили о политике и международных отношениях.

В тот воскресный день в марте 1934 года важной темой была Германия. У Гарвина были личные причины недолюбливать и даже ненавидеть немцев: его единственный сын погиб в 1916 году в битве при Сомме. Гарвин, как утверждал Майский, воспринимал гитлеровскую Германию крайне враждебно: «Он считает, что германский национал-социализм является дикой, человеконенавистнической и весьма опасной теорией» (эти слова были подчеркнуты Сталиным). «Майн кампф» он называл «евангелием ненависти к другим расам и народам». Оказывается, книгу Гитлера читал не только Литвинов. Как и нарком, Гарвин не верил ни единому слову Гитлера о мире и безопасности. «Это всего лишь маневр, — говорил Гарвин. — Гитлеру нужно выиграть время для того, чтобы вооружиться, и пока он готов уверять все другие народы в своих добрых чувствах и в своей готовности отказаться от войны как орудия политики. Цена всем пактам о ненападении, которые подписал или подпишет Гитлер, — грош. Они будут нарушены Германией, как только она почувствует себя для этого достаточно сильной». С точки зрения Гарвина, лучшим доказательством двуличности Гитлера была «Майн кампф», которая продавалась по всей Германии миллионными тиражами и на которой взращивалось новое поколение немецкой молодежи. Еще одно доказательство: «Не менее важный факт — быстро идущее перевооружение Германии». И эти строчки Сталин также выделил карандашом. Гарвин не переставал твердить: «Гитлеровская Германия — величайшая опасность для мира». Снова видим на этих словах пометку Сталина. «Германия мечтает о мировом господстве». Литвинова и Сталина в этом убеждать было не надо.

Когда заговорили о Японии, враждебности у Гарвина не поубавилось: он утверждал, что Япония — не меньшая угроза миру, чем Германия, и рано или поздно Англия вступит с Японией в конфликт.

Еще одна опасность — Германия и Япония образуют военный союз или просто сблизятся с целью противодействия СССР. Гарвин подозревал, что Польша уже имела «какую-то секретную договоренность с Германией о совместных действиях против СССР на предмет захвата советской Украины и Литвы». Эти строки из отчета Майского также подчеркнуты Сталиным. После прочтения публикаций Гитлера и Альфреда Розенберга не оставалось сомнений, что у Германии готов и проработан план экспансии на восток. Да, есть вещи, которые следует принимать всерьез. Гарвин рекомендовал СССР вооружиться до зубов, дабы иметь возможность отразить нападение и с востока, и с запада. Только так, с его точки зрения, можно было умерить пыл агрессоров и гарантировать мир. Эти строки Сталин также подчеркнул. Гарвин явно хотел передать для Москвы важное сообщение — что ж, как видим, в Кремле его изучили и надлежащим образом прокомментировали.

Под конец Майский задал неизбежный вопрос: что будет делать Англия, если Гитлер нападет на Францию? Гарвин тут же ответил, что Англия встанет на защиту: бросив французов, Англия подпишет себе смертный приговор. В качестве наилучших гарантов мира и безопасности Гарвину представлялась «большая пятерка»: Соединенные Штаты, Англия, Франция, СССР и Италия. К этому союзу должны были примкнуть также малые и средние страны. Это должен быть «блок мира», на который Германия и Япония попросту побоятся напасть. И вновь на тексте отметка Сталина: «Заговорили и о Лиге Наций». Гарвин высказал мнение, что вступление в организацию Соединенных Штатов и Советского Союза способствовало бы ее укреплению, а «блоку мира» дало бы возможность действовать в границах Лиги. Наконец, Майский заметил, что судьба «большой пятерки» напрямую зависит от улучшения англо-советских отношений. Гарвин согласился¹. Советская стратегия была понятна: скандал с «Метро-Виккерсом» привел к задержке внедрения системы коллективной безопасности, и Майский хотел во что бы то ни стало наверстать упущенное.

¹ Дискуссия И. М. Майского с Дж. Гарвином о международной обстановке. 24 марта 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 291. Л. 11–18, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 29.11.2023).

Недоверие в Министерстве иностранных дел

Услышанное за воскресным обедом у Гарвина, вероятно, очень воодушевило Майского. Вот только взгляды Гарвина разделяли в Англии далеко не все, и в самую последнюю очередь — британский МИД. Двумя неделями ранее советское правительство через британское посольство в Анкаре попробовало закинуть Лондону удочку о том, что желает улучшения отношений. Посол Великобритании в Анкаре сэръ Перси Лорейн воспринял эту идею без энтузиазма. Он напомнил турецкому министру иностранных дел, «что среди значительной части английской общественности господствует мнение, что все политическое устройство и идеология Советской России — это порождение сатаны, и в моей стране это мнение нельзя сбрасывать со счетов».

Посол совершил ошибку, замечает в своем дневнике премьер-министр Рамсей Макдональд: выпад Лорейна наверняка дойдет до Москвы и попадет в советскую прессу. Тем не менее министр иностранных дел Саймон предостерег Лорейна от поспешного вступления в переговоры с советским правительством и посоветовал подождать, «пока они не продемонстрируют готовность прекратить нападки и пропаганду, которые Коминтерн продолжает на нас выливать, а также провести с нами встречи по ряду важных вопросов... решению которых они до сих пор упорно препятствуют». Следующий ход за советским правительством, подчеркнул он¹. Эту мысль Кольер донес до Майского 22 марта на приеме у советской стороны, на который его пригласили телеграммой. Майский ответил, что «всеми силами пытается сделать так, чтобы торговое соглашение стало отправной точкой общего сближения». Тем лучше, ответил Кольер, но зачем же, как говорится, «скрывать свои чувства»? Должно же советское руководство, если долго тыкать его носом, понять, что от него требуется. Шутку поддержал постоянный помощник секретаря Ванситтарт: «Сообщите [Дугласу] лорду Чилстону [новому британскому послу в Москве. — М. К.], чтобы он при удобном случае по назиданию г-на Кольера потыкал их там носом»².

¹ Loraine. No. 12 saving. 22 Feb. 1934. N1316/16/38; Simon to Loraine. 29 March 1934. N1617/16/38, TNA FO 371 18303.

² Minutes by Collier. 23 March 1934. N1082/120/38, and 26 March 1934, N1699/120/38, TNA FO 371 18316; Vansittart. 28 March 1934. N1082/120/38, *ibid*.

Именно это Чарльз уже проделал с Рубининым. Советская печать и ее активные нападки на Англию с 1920-х годов были для Лондона головной болью. НКВД — и Чичерин, и Литвинов — неоднократно жаловались Сталину на «наших ораторов», которые принимались громить врага, хлебом их не корми. Иногда им удавалось сдерживать натиск прессы, иногда нет. И никто не знал, что по этому поводу думает Сталин, ведь нередко поведение газет зависело от хода внутрипартийной борьбы¹.

Литвинов, который, как читатели наверняка помнят, слег с гриппом, в конце концов отреагировал на оптимистичный настрой Майского по поводу улучшения англо-советских отношений. Он был вынужден порядком остудить пыл последнего. Не то чтобы Литвинов был против пакта о ненападении с Великобританией; он просто полагал, что британское правительство вряд ли на такое пойдет. Британцам в целом претила такая форма соглашения, по крайней мере с Советским Союзом. Кроме того, он полагал, что сейчас по ряду причин не самое подходящее время начинать разговоры на подобные темы с британским МИД. Лучше ничего не сделать, чем получить отказ. «Убежден, что одна из первостепенных задач нашей политики сейчас — улучшение отношений с Великобританией и поддержание в этой стране подобающих настроений, — заметил Литвинов, — но, к сожалению, с этой страной мы не можем чувствовать себя вне зоны потенциального конфликта»².

Читатели помнят, что в 1934 году вопрос вступления СССР в Лигу Наций стоял крайне остро. Изначально Советский Союз поддержала Франция, а вот МИД Великобритании эта идея не вдохновила. Французы сильно боялись нацистской Германии, но не меньше того боялись возобновления советско-германского сотрудничества, которое было прервано на фоне преследования Гитлером коммунистов. СССР жаждал присоединиться к Лиге Наций, при том что с самого начала выставлял ее в самом черном свете как оружие капиталистических интриг и агрессии. Как заявил посол Чилстон, советскому руководству нужны гарантии безопасности для внутренней консолидации; война могла бы «опасным образом

¹ См.: *Carley M. J. Silent Conflict*.

² М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 17 марта 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 35. Д. 7. Л. 56–58.

повлиять» на экономическое развитие Советского Союза. «Удивляться, конечно же, тут нечему, — заметил один из сотрудников британского МИД, — но насколько же велик страх Советского Союза, что ради вступления в Лигу Наций они готовы забыть о том, как насмехались и язвили в сторону этой организации». Ванситтарт замечал не без сарказма: «Советскому Союзу страшно. А ведь страх... это самое эффективное в России лекарство. Страхом больше, страхом меньше — вреда не будет». Далее Ванситтарт смягчил тон и прояснил если не свое пренебрежительное отношение к Лиге Наций, то свою позицию: «В этом клубе, не сказать чтобы элитарном и не особо в данный момент преуспевающем, я отнюдь не считаю нужным запрещать членство определенному кандидату, но я бы держал ухо востро за карточным столом»¹.

Сэр Роберт Гилберт Ванситтарт

В середине 1930-х годов тон в МИД задавал постоянный заместитель министра сэр Роберт Ванситтарт. Он родился в 1881 году в семье английских буржуа. Его отец был капитаном гвардейских драгунов; мать была дочерью зажиточного землевладельца. Как и подобает выходцу из британской элиты, он получил прекрасное образование: закончил Итон и затем два года провел в Европе, в основном во Франции и в Германии. Молодой Ванситтарт был красив и всегда чисто выбрит; в отличие от многих мужчин конца XIX века он не носил огромных моржовых усов, которые считались признаком мужественного лидера. На одном фото он выглядит холодным и замкнутым. На другом его лицо изрыто морщинами. Он был женат дважды, первая жена, которая родила ему дочь, умерла в 1928 году. Три года спустя Ванситтарт женился вновь на Сарите Энрикете Уорд, которая сама была вдовой и имела трех сыновей. Она была на 10 лет его моложе, отличалась, как говорили, удивительной красотой, утонченностью и уверенностью в себе. Первый ее муж также был дипломатом.

В 1902 году Ванситтарт начал работать в Министерстве иностранных дел, его отправляли в Париж, Тегеран и Каир, с каждой новой

¹ Chilton. No. 46. 5 Feb. 1934. N755/2/38, TNA FO 371 18298; Minutes by R.G. Howe. 21 March 1934, *ibid.*; Vansittart. 13 Jan. 1934. N140/2/38, TNA FO 371 18297; 22 March 1934. N1741/2/38, TNA FO 371 18398.

миссией повышая градус ответственности. В 1920 году он получил должность помощника постоянного заместителя министра иностранных дел, служил главным личным секретарем премьер-министров Болдуина и Макдональда, а в 1930 году стал постоянным замглавы МИД.

Ванситтарт (для близко знавших его — Ван) был не только карьеристом, сумевшим стремительно взлететь по служебной лестнице, но и поэтом, драматургом, писателем-романистом. В 1902 году в возрасте 21 года, когда он только начинал работать в МИД, он опубликовал свою первую пьесу, а в годы службы в британском посольстве в Каире — свой первый роман. Учтивый, уверенный в себе — типичный представитель английского правящего класса. На большинстве фото Ванситтарт одет в строгий костюм безупречного покроя; частью его уличного гардероба неизменно была темная широкополая фетровая шляпа. У него был не один особняк, много слуг, он состоял в Сент-Джеймском джентльменском клубе, объединявшем любителей сдержанной роскоши, любил карты. Клубы и карточные игры мелькают в его протоколах и мемуарах довольно часто. В официальных записях, которые он делал в МИД, проявляется свойственный ему писательский дар: тексты щедро и мастерски приправлены игрой слов и едкими эпитафиями. В своих политических убеждениях и мировоззрении Ванситтарт был тверд настолько, что это раздражало членов правительства: каким бы властным и влиятельным ни был этот человек, ему не следовало забывать, что он — подчиненный министра иностранных дел. Энтони Иден, который впоследствии также стал его руководителем и недолюбливал столь волевого и несгибаемого зама, говорил, что Ванситтарт ощущает себя далеко не рядовым руководителем, а главой МИД¹, и пытался, как мы увидим, от него избавиться.

Ванситтарт был политический прагматик: у него не было ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, им руководили лишь интересы Великобритании. Большевики ему совсем не нравились (еще бы!), но после прихода к власти в Германии Гитлера он готов был смириться с их существованием и отстаивать идею сотрудничества с Москвой.

¹ См.: Facing the Dictators. The memoirs of Anthony Eden. Boston: Houghton Mifflin, 1962. P. 271; *Rose N. Vansittart: Study of a Diplomat*. London: Heinemann, 1978; Robert Vansittart and an Unbrave World, 1930–1937 / ed. B. J. C. McKercher // *Diplomacy & Statecraft*. Vol. 6. No. 1 (1995). Special issue (статьи авторов: McKercher, Charles Morrissey, M. A. Ramsay, M. L. Roi, Simon Bourette-Knowles, John R. Ferris).

Зато с подозрением относился к немцам и, по мере того как развивались события в 1930-е годы, начинал их все больше ненавидеть. Он считал, что Британия должна быть могущественной страной, тогда она будет пользоваться уважением в мире и обретет верных союзников. Если она не будет таковой, то ее интересы будут попорчены, и она окажется в изоляции. В середине 1930-х годов, когда британское правительство неохотно занималось перевооружением страны и не воспринимало германскую угрозу всерьез, он всячески выказывал нетерпение. И за это ему здорово доставалось от консервативного начальства.

Работая в МИД, Ванситтарт воспитал среди подчиненных целую плеяду своих последователей. Их иногда так и называли: «парни Ванситтарта». Среди них были Ральф Уигрэм и Лоренс Кольер. Глава Центрального департамента Уигрэм рано скончался — в конце 1936 года, Кольер же стал основным союзником Ванситтарта в претворении в жизнь идей англо-советского сближения, а также в противостоянии бесконечным уступкам нацистской Германии.

Лига Наций

Но мы слегка забегаем вперед. В начале 1934 года Ванситтарт все еще относился к СССР с недоверием и сарказмом, что сказалось на его позиции по поводу вступления Советского Союза в Лигу Наций. Литвинов в Москве относился к идее вступления с крайней настороженностью. Шел март 1934 года. Смена правительств во Франции и февральские волнения на площади Согласия Москву смутили. Польша заключила пакт о ненападении с нацистской Германией, и ее отношения с Москвой быстро охладевали — отсюда и настрой Литвинова: «Что касается Лиги Наций, то нами публично совершенно четко заявлено, что у нас нет доктринерски отрицательного отношения к ней и что мы не отказываемся от любых форм сотрудничества с нею, если мы убедимся, что такое сотрудничество послужит делу мира. Убеждать нас в этом должна Лига или отдельные ее члены, которые, однако, никакой инициативы не проявляют. Одно время инициативу проявила вроде Франция, но и это заглохло пока благодаря сменам кабинетов»¹.

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 17 марта 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 35. Д. 7. Л. 56–58.

Ни Чилстон, ни большинство лондонских консерваторов не питали иллюзий насчет того, что русские коммунисты вдруг откажутся от революционных принципов. В свою очередь, большевики не ждали от британской элиты отказа от капитализма. Поговорка гласит, что для танго нужны двое... Майский все еще пытался объяснить с английской стороны: «Поначалу мы были опьянены революцией. Но и вы тоже! Нам казалось, что ваш строй рухнет через пару месяцев, а вам казалось, что мы больше этого срока не протянем. Теперь нам нужно примириться друг с другом». Ванситтарт пока что не верил в перспективы сотрудничества: «Россия по духу только тем отличается от Японии и Германии, что ей нужно больше времени, чтобы встать на ноги, и она это осознает»¹.

Литвинов не был настроен упрашивать британцев, а вот Майский не стеснялся проявлять инициативу. В разговоре со Стрэнгом, после того как тот вернулся в британский МИД из посольства в Москве, Майский пытался, следуя литвиновским указаниям, прозондировать почву. Майский упомянул мнение прессы о том, что британское правительство скорее против советского вступления в Лигу Наций. Стрэнг тут же возразил, что это мнение не соответствует действительности, «но вместе с тем он давал понять, что британское правительство не склонно проявить и никакой инициативы в данном вопросе. Я запомнил такую его фразу, — писал Майский. — “Одно дело взять на себя инициативу по вопросу о вовлечении СССР в Лигу Наций...” и дальше после некоторой заминки... “но я себе не представляю такого положения, чтобы Англия голосовала против вступления СССР в Лигу Наций”»².

Майский прощупывает почву

Майский продолжал прощупывать почву для сближения. Чилстон, отлучившись в Лондон, вместе с женой нанес в советское посольство визит вежливости. Поговорив об искусстве и театральной жизни в Москве, Чилстон уже в деловом тоне поделился впечатлениями от первых месяцев службы. «Он, по его словам, — отметил

¹ Gilbert Murray, chair, League of Nations Union, to Simon. 15 March 1934; Vansittart's minute. 27 March 1934. N1754/2/38, TNA FO 371 18298.

² Дискуссия И. М. Майского с У. Стрэнгом. 11 мая 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 18. Л. 209.

Майский, — в общем доволен, хотя признается, что многого еще не знает и многое в нашей жизни для него представляет загадку. До сих пор он не видел ничего, кроме Москвы, однако в ближайшее время он собирается съездить в Ленинград, а также посмотреть и кое-какие другие части Советского Союза. Ленинград стоит у него в качестве первоочередной задачи». Затем Чилстон рассказал о происходящем в Лондоне «большом сдвиге» в отношениях с СССР. Атмосфера стала благоприятнее, чем была до его отъезда в Москву, и ключевую роль в перемене отношения к России сыграло заключение торгового соглашения. Даже среди отъявленных консерваторов больше не было тех, кто проявлял бы к Москве откровенную враждебность¹.

В Москве в это верилось с трудом. Майский продолжил прояснять обстановку в беседах с Кольером и Стрэнгом. Он ловко вел беседу и попытался провокацией выудить из собеседников ответ на нужный вопрос: «Я вставил замечание о том, что, по моим наблюдениям, в Англии имеется много сторонников сближения с Японией и Германией». Стрэнга удалось подловить — он тут же начал возражать, что такие люди в Англии, безусловно, есть, но за последние месяцы их влияние существенно снизилось. И наоборот, в МИД, продолжал он, все большую популярность завоевывает точка зрения, что в ближайшие пять лет главными «факторами беспокойства и опасности в международной сфере» будут Германия и Япония. Япония представлялась как возрастающая угроза британским интересам. Майский продолжил свои провокационные замечания. «Я усмехнулся и в виде шутки» поинтересовался у Стрэнга, где на шкале этих угроз он бы расположил «англо-советские противоречия». Как пишет Майский, Стрэнг некоторое время колебался, затем отметил, что англо-советские противоречия носят скорее теоретический характер, ни одна из сторон не посягает на территориальные либо финансовые интересы другой, поэтому англо-советские противоречия, на его взгляд, не столь остры и непримиримы, как, например, англо-германские и особенно англо-японские. В ближайшем будущем он не видел серьезных поводов для ссор и обострения отношений между Лондоном и Москвой и прямо признавал, что страны могут успешно сотрудничать на благо мира как в Европе, так и в Азии.

¹ Дискуссия И. М. Майского с британским послом лордом Чилстоном. 18 апреля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 18. Л. 149—150.

Эту логику рассуждений Майский и привел в качестве подтверждения улучшения англо-советских отношений. Мы видим, что позиция Стрэнга существенно поменялась со времени скандала с «Метро-Виккерс», при том что с тех пор прошло меньше года. В продолжение разговора они подняли тему Японии. Стрэнг спросил «несколько нерешительно», имело ли влияние признание Советского Союза Соединенными Штатами на советско-японские отношения. «Я ответил, — заметил Майский, — что несомненно имело, и что данный акт сближения между двумя великими тихоокеанскими державами несколько отрезвит кое-какие милитаристские головы в Токио». А если говорить об англо-советском сближении, подхватил Стрэнг, «слегка осмелев», окажет ли оно благотворное влияние на Дальнем Востоке? «Я ответил, — продолжал Майский, — что сближение двух таких великих держав, как СССР и Великобритания, если бы оно стало совершившимся фактом, имело бы чрезвычайно большие последствия для укрепления мира во всем мире, в частности и на Дальнем Востоке. Стрэнг заявил, что он тоже так думает и при этом стал с горечью жаловаться на необычайные бесцеремонность и агрессивность Японии».

Из сделанной Майским записи разговора можно сделать вывод, что в нем участвовал только Стрэнг. На самом деле на встрече были и другие представители британского МИД: Кольер, Фрэнк Эштон-Гваткин, Эдуард Халлет Карр. И в их присутствии встал вопрос, сколь долгосрочным может быть мир. Только представьте: Майский за столом с мидовскими клерками обсуждает, когда придет конец мирному времени. Большинство полагало, что через пять лет; Карр, который в будущем стал знаменитым историком, назвал более оптимистичный срок — 10 лет. Между Карром и Кольером со Стрэнгом вспыхнул спор, в ходе которого было решено, что «Карр предается совершенно необоснованному оптимизму». Все гости были «совершенно единодушны в проявлении большой тревоги в отношении Японии и ее намерений на Дальнем Востоке. Все вместе и каждый персонально они подчеркивали, что японская угроза является сейчас наиболее актуальной и наиболее трудно разрешимой проблемой для Великобритании»¹. Про нацистскую Германию в этом разговоре никто и не вспомнил.

¹ Дискуссия И. М. Майского с П. Кольером и У. Стрэнгом. 5 мая 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 18. Л. 187–189.

Майский далеко не всегда поднимал в своих отчетах дипломатические вопросы «жизни и смерти». Он также присутствовал на вечере в британском МИД, и этот факт должен был служить для советского посольства знаком, что отношения нормализуются. Во время скандала с «Метро-Виккерсом» советская миссия подверглась частичному бойкоту, и Майского на светские рауты звать перестали. Но за неполный год многое изменилось. Для Майского ужины и приемы были излюбленным поводом вступить в беседу с британцами, поскольку он был человеком общительным и умел разговаривать с любым. На таких светских вечеринках люди чувствуют себя свободнее, их раскрепощают виски и вино. И вот в начале июня после одного такого обеда в МИД дипломаты устроили сборище в импровизированной курительной комнате. Саймон, обходя гостей, в конце концов заговорил с Майским. «Начал, как водится, с погоды». Саймона такое начало устроило. В Англии стояла засуха, что не очень-то волновало главу МИД. По словам Майского, потом он поднял тему, отчасти связанную с политикой. Удивительно, но, похоже, Саймон и советский посол оказались людьми с очень похожим чувством юмора. Была ли эта их встреча предвестником сближения?.. Пусть обо всем расскажет Майский:

«Потом он [Саймон] перешел на политику. Вспомнил Женеву и вдруг, сделав драматический жест обеими руками и схватившись за голову, воскликнул: “Женева! Ах, это сейчас такое пустое, такое скучное место”. Еще через мгновение: “Г[осподин] Литвинов произнес в Женеве большую речь. Я всегда люблю слушать его речи. Он умеет шутить. Это единственный человек в Женеве, который умеет подарить вас хорошей шуткой. Вот, например, сейчас г[осподин] Литвинов сказал: конференция мертва, — так давайте ее увековечим! Разве это не первоклассная шутка?”».

Наш читатель шутку, может, и не оценит, но для дипломатов — знатоков Женевы это прозвучало очень хлестко. Во всяком случае (хотя, по мнению историков, вовсе не случайно) Саймон здесь приоткрывает нам не слишком очевидную сторону личности Литвинова. Майский тут же парировал: «Я внимательно посмотрел на Саймона и ответил: “Но Вы, сэр Джон, ведь тоже произнесли в Женеве речь... может быть, без шуток, но зато весьма увесистую. Конференции, пожалуй, от Вашей речи не поздоровится”. Саймон неопределенно развел руками, что можно было понять примерно так: каждый делает, что может».

Затем беседа перешла в более серьезное русло. Лордом-хранителем печати незадолго до этого был назначен Энтони Иден, молодой парламентарий и член Консервативной партии. По словам Майского, Саймону такое назначение было не по душе: он видел в Идене конкурента в борьбе за влияние на кабинет в вопросах внешней политики¹. Об Идене речь зашла впервые, но, как скоро увидит читатель, этот человек в британско-советских отношениях сыграет важную роль, а Майский постарается наладить с ним личные отношения.

Действительно, меньше чем через год после скандала с «Метро-Виккерсом» англо-советские отношения пошли в гору. 21 июня Ванситтарт организовал на квартире в Лондоне ужин для Майского. Присутствовала также и жена Ванситтарта Сарита; был Саймон без супруги; был парламентарий-консерватор Бутби; присутствовала дочь премьер-министра Ишбел Макдональд; также главный личный секретарь Саймона и бывший глава Северного департамента Хорас Джеймс Сеймур с женой. По правую руку от Майского посадили Сариту, слева — Саймона. «Это первый завтрак подобного рода за все время моего пребывания в Лондоне, — отмечал Майский, — и, видимо, знаменует собой маленький шаг вперед в деле установления более простых отношений между советским полпредством и Форин-офисом. Интересно посмотреть, что будет дальше». У Майского о Сарите сложилось весьма высокое мнение. «Я довольно долго беседовал с женой Ванситтарта, — сообщал Майский в Москву. — Она женщина очень неглупая, образованная и интересующаяся политикой. Во всяком случае, она в курсе всех важнейших политических событий. Настроение у леди Ванситтарт явно антигерманское и профранцузское. Она также относится довольно недружелюбно к Японии и заявила мне, что считает Японию величайшей угрозой для британских экономических интересов. Много говорила потом, как она боится войны и как ее муж озабочен вопросами сохранения мира. Он ищет сейчас пути и способы этого сохранения. Леди Ванситтарт расспрашивала меня также о тов[арище] Литвинове и наших планах и намерениях в области внешней политики. Я ей отвечал, что наши планы и намерения очень просты: мы хотим мира».

Все это было так, но негласная политика СССР, как читатели вскоре узнают, была значительно сложнее. В любом случае после

¹ Дискуссии И. М. Майского за обедом в британском МИД. 4 июня 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 18. Л. 218–222.

позднего завтрака Майский довольно откровенно изложил ее сэру Роберту. «В разговоре я заметил, что общественное мнение в СССР в последнее время с известным беспокойством наблюдает за развитием британской политики. В наших партийных и советских массах широко распространено мнение, что Великобритания старается подтолкнуть на враждебные действия против СССР Японию и Германию, и что именно этим объясняется недружелюбное отношение британского правительства к проектам “Восточного Локарно”». Ванситтарт отреагировал на эти выпады с некоторым раздражением, недвусмысленно дав понять, что подозрения Советского Союза беспочвенны:

«Англичане хотят лишь одного — мира. Он, В[анситтарт], не может понять, как мы можем подозревать Англию в том, что она хочет развязать войну. Ему совершенно ясно, что, если бы началась война между Германией и СССР или Японией и СССР, то она не могла бы быть локализованной и рано или поздно захватила бы также и Великобританию. А Великобритания совсем не хочет войны, настроение британского населения крайне пацифистское. Однако, насчет “Восточного Локарно” В[анситтарт] ничего не сказал»¹.

21 июня, в день, когда Майский с супругой обедали на лондонской квартире у Ванситтартов, Литвинов в Москве встретился с Чилстоном. Чилстон среди прочего поднял вопрос о комментариях в советской прессе и об избранном по отношению к Великобритании «нежелательном тоне». Не касаясь того, как представлен Лондон в политических карикатурах и на плакатах, он высказал возражения исключительно по поводу передовиц «Правды» и «Известий», где утверждалось, что Великобритания настраивает Германию и Японию против СССР. Эти утверждения, сообщил Чилстон, «не соответствуют действительности». Согласно докладу Литвинова посол сказал, что будет лучше, если мы повлияем на нашу прессу «с целью пресечения инсинуаций и смены антибританской окраски в публикациях». Чилстон признал, что в Лондоне антисоветского тона придерживаются британская пресса, а также деятели вроде лорда Джорджа Эмброуза Ллойда, известного прожженного консерватора, но добавил, что пресса и частные лица находятся в Великобритании вне правительственного контроля. В какой-то степени

¹ Дневник встреч И. М. Майского. 25 июня 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 19. Л. 8–16.

это было правдой, хотя если Департаменту печати нужно было «по неофициальным каналам» распространить то или иное сообщение, в «Таймс» и других изданиях у него всегда находились добровольные помощники. Удивительно, что нарком не ухватился за этот тезис, ведь он никогда не упускал случая сразить собеседника контрдоводом. Литвинов в дневнике написал, что «в Советском Союзе тоже нет контроля над прессой и нет цензуры». Судя по отзывам Литвинова в 1920-е годы о «наших ораторах», он был бы и рад ввести такой контроль. На советскую прессу жаловался также Чичерин¹.

Но Чичерин был в отставке, а Литвинова роль прессы как-то не занимала. Он, однако, считал, что, когда, пусть не британское правительство, но влиятельные консерваторы вроде лорда Ллойда высказываются в пользу натравливания Японии и Германии на СССР, советская пресса должна непременно дать отпор. Литвинов в разговоре с Чилстоном, наконец, подошел к сути: «Дипломатические отношения между нами существуют только номинально, но не фактически». Откуда было советскому руководству знать мнение британского правительства по тому или иному интересующему его вопросу, если между странами не было прямых контактов? Советская пресса, как и всякая пресса в мире, собирает информацию из разных источников, строит версии и предположения. Литвинов явно не без удовольствия описывал этот разговор в своем дневнике. И добавил: «Я не вижу оснований вмешиваться в это дело, тем более, что я сам не могу исходить из каких-либо фактов или заявлений противоположного характера». Он также записал, что «недопустимо такое положение, когда английская пресса свободно лает на нас без всяких ограничений, а наша пресса должна быть заранее обуздана. Если улучшатся отношения между нами и Англией, к чему мы, во всяком случае, искренне стремимся, то и тон прессы сам по себе изменится»². Последние слова были как бальзам, именно это послание Литвинов и адресовал британскому МИД.

Чилстон так и сделал, и отнюдь не из-за литвиновских нравоучений, всех этих «если хорошо мне, будет хорошо и тебе». «Литвинов, по собственным словам, стремится к большему пониманию и улучшению *политических* [выделено в оригинале. — М. К.] отношений

¹ Carley M. J. Silent Conflict. P. 159–160, 273–274, 368, 412.

² Встреча с британским послом лордом Чилстоном. Дневник М. М. Литвинова. 21 июня 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 172–175.

между Советским Союзом и Великобританией, — писал Чилстон в отчете, — поскольку в его представлении мир на земле зависит от Великобритании и России».

Чилстон впоследствии отмечал, что его правительство было готово обменяться с СССР военными атташе; а Литвинов уверял, что советское правительство определенно решилось на вступление в Лигу Наций¹.

При этом Ванситтарт пришел в ярость от отчета Чилстона о встрече с Литвиновым 21 июня. В том, что касалось советской прессы, сотрудники МИД очень не любили, когда им указывают на бревно в глазу. «Шантаж», — заявил Кольер. «Сатана пытается выглядеть безгрешным», — озвучит Чилстон несколько месяцев спустя весьма характерное для британцев мнение². Но уже трудно было разобраться, кто же бросил первый камень... Если Кольер и Олифант не увидели особого повода для беспокойства, то Ванситтарт возразил:

«Я обязательно в следующий раз выскажу господину Майскому, что нельзя одновременно рассуждать *об улучшении* [выделено в оригинале. — М. К.] отношений и регулярно нас поносить — несмотря на мое крайне доброжелательное отношение к тому, что он делает... Советское правительство должно выбрать что-то одно и поскорее. У них не получится убедить британцев в доброжелательности своих намерений, если они будут продолжать городить эту чушь. Хотят улучшения отношений — к чему мы вполне готовы — пусть проявят в наш адрес вежливость и разумную степень доверия»³.

Иван Михайлович Майский

Иван Михайлович Майский при рождении носил имя Ян Ляховецкий. Он появился на свет в 1884 году в польско-еврейской семье. Его отец был военным врачом, мать — учительницей в сельской школе. Он родился в небольшом старинном городке Кириллове, к северу от Москвы. Как многие молодые люди из средних слоев в Россий-

¹ Chilston. No. 81. 22 June 1934. N3682/2/38, TNA FO 371 18298; Chilston to Collier. 22 June 1934. N4027/16/38, TNA FO 371 18305.

² Collier's minute. 12 July 1934. N4027/16/38, TNA FO 371 18305; Chilston to Collier. 28 Jan. 1935. N559/17/38, TNA FO 371 19450.

³ Minutes by Collier. 12 July 1934; Oliphant. 13 July 1934; Vansittart. 17 July 1934. N4027/16/38, TNA FO 371 18305.

Иван Михайлович Майский.
1930-е годы. АВПРФ (Москва)

ской империи, он получил неплохое образование, поступил в Петербургский университет, но был исключен за революционную деятельность. В 1903 году в возрасте 19 лет он примкнул к меньшевистскому крылу РСДРП. Как и многие студенты — его сверстники, он оказался не в ладах с полицией и был сослан в Сибирь. В 1908 году он покинул Россию, поселился в Германии и там завершил высшее образование, получив степень по экономике в университете Мюнхена. В 1912 году он переехал в Лондон, где подружился с соотечественниками: Чичериным, Литвиновым и другими. Экспатриан-

ты в Англии жили бурной жизнью. Наш герой был полиглотом, знал немецкий, французский и английский языки — в первом поколении советских дипломатов подобных ему людей было довольно много. Роста он был невысокого, зато имел красивое лицо с кроткими чертами; редущая шевелюра контрастировала с аккуратно подстриженными усами и бородкой клинышком. Своей широкой улыбкой он тут же располагал к себе. Он успел проявить себя в литературе как весьма небездарный романист. Отправляя отчеты в Москву, он нередко позволял себе в них рискованный юмор.

В годы Гражданской войны он, как ни странно, присоединился к антибольшевистскому правительству эсеров, которое недолго просуществовало в Самаре. После захвата Омска адмиралом Колчаком в ноябре 1918 года бежал в Монголию. В 1921 году Майскому удалось помириться с большевиками и вступить в партию, хотя прошлые прегрешения ему вспоминали еще не раз. В середине 1920-х годов он впервые получил назначение в посольство в Лондоне в качестве первого секретаря. В 1929 году его назначили по-

сланником в Хельсинки, а затем осенью 1932 года он вернулся в Лондон послом.

На эту должность его настоятельно рекомендовал Литвинов: «Он жил долгое время в Англии, знает страну, имеет связи в лейбористских кругах и по своей деятельности в Финляндии показал свою способность отстаивать наши интересы и настойчиво добиваться достижения поставленных нами целей в области его работы»¹. Хотя он и признался однажды знакомому британцу, что терпеть не может дипломатическую работу, он был для нее просто создан. Общительный, компанейский, контактный, он мало походил на дипломата в обычном понимании — сноба, который будто снисходит до любого собеседника. Официальных приемов, где невыносимая скука и поверхностное общение, он отнюдь не сторонился, а напротив, погружался в них с лихвой, отыскивая таким образом тему для своего очередного отчета в Москву. В этом его поддерживала супруга Агния Александровна, такая же дружелюбная и общительная, как он, если не больше. Она была его правой рукой и лучшим союзником: помогала встретиться в Лондоне с нужными людьми из элиты, представлявшими те или иные политические круги.

Майский подружился с бывшим либеральным премьер-министром Ллойдом Джорджем и с Беатрис Вебб и ездил к ним в гости на выходные. Он знал всех сколько-нибудь важных людей; его записная книжка представляла собой энциклопедию британской элиты от лейбористских деятелей до министров-консерваторов. Он так легко проник в самый ближний их круг, что служащие министерства посвящали ему огромные полотна своих служебных записок.

Ванситтарт, в свою очередь, питал к Майскому огромное уважение. «Многие его избегали, — писал Ванситтарт в своих мемуарах. — И, к моему сожалению, он не мог чувствовать себя в безопасности даже у себя дома: мне приходила мысль, что если он не добьется успеха, его того и гляди убьют». Между Ванситтартом и Майским возникла некоторая симпатия. Со слов Майского, свою роль сыграли жены, которые первыми завели знакомство. «Конечно, никто не обязан подставлять плечо человеку, который может оказаться твоим врагом, — писал Ванситтарт, — однако моя жена и я постарались

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 28 августа 1932 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 12. П. 88. Д. 96. Л. 69.

снабдить супругов Майских всеми необходимыми контактами, часто приглашали их к себе на ужин в компании или вдвоем». Ужины, как уже, вероятно, поняли читатели, служили не только для увеселения, но и для пользы дела¹.

Встречи Майского и Ванситтарта

3 июля Майский прибыл на первую из тех встреч с Ванситтартом, что послужили стимулом для англо-советского сближения. По итогам переговоров в британском МИД советский полпред составил 13-страничный отчет. В начале он привел любопытные детали предшествующего разговора с леди Ванситтарт, состоявшегося за обедом 21 июня на лондонской квартире Ванситтартов. За столом рядом с ней, кроме Майского, сидел еще и Саймон, и поэтому она вынуждена была говорить как можно тише. «Так как говорила она вполголоса и повернувшись лицом ко мне, то в обстановке общего шума за столом (а говорили все гости сразу) ее слова, вероятно, не долетали до Саймона». И хорошо: «Леди Ванситтарт высказывала сомнения в том, что Саймон ведет правильную линию во внешней политике, в частности в Женеве, и одновременно подчеркивала, что “солую земли” в Форин-офисе является ее муж. Он-де, формирует по существу “общественное мнение” Форин-офиса, и он же в очень сильной степени влияет на точку зрения кабинета в тех или иных международных вопросах». Под конец дискуссии она спросила Майского, что же он не спешит обсудить с ее мужем вопросы, которые уже подняли собравшиеся за столом. Ее муж, подчеркнула она, стремится к сохранению мира. СССР тоже желает мира. «Мне кажется, — сказала она Майскому, — что от Вашей совместной беседы с моим мужем могли бы получиться хорошие результаты».

«Я ответил, — написал Майский в отчете, — что до сих пор не беседовал с В[анситтартом] по большим вопросам международной политики просто потому, что здесь, в Лондоне, у нас фактически не было настоящего дипломатического контакта между советским полпредством и Форин-офисом, но что я всегда готов к такой бесе-

¹ *Vansittart R. The Mist Procession: The Autobiography of Lord Vansittart. London: Hutchinson, 1958. P. 454—455; Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925—1945 гг. М., 1971. С. 222, 290—291, 300.*

де, если В[анситтарт] действительно хочет ее иметь». Леди Ванситтарт — дабы не звучало официально, будем называть ее Сарита, — ответила Майскому с жаром, что «конечно, ее муж приветствовал бы “спокойную и откровенную” беседу с советским послом по наиболее актуальным вопросам международного положения». Сарита пошла дальше и дала понять, что может передать мужу, как и где они могли бы встретиться все вместе.

Майский после этого длинного разговора сделал три вывода. Во-первых, «тот вывод, что между Саймоном и Ванситтартом плохие отношения (политические, а может быть, и личные). Во-вторых, тот вывод, что В[анситтарт], очевидно, считает роль Саймона как министра иностранных дел приходящей к концу. Иначе было бы трудно объяснить резкую критику политической линии Саймона со стороны леди В[анситтарт] во время разговора со мной. В-третьих тот вывод, что по крайней мере, аппарат Форин-офиса начинает чувствовать необходимость в изыскании каких-то путей контакта с СССР». Майский также не допускал мысли, что жена постоянного замминистра изложила подобное советскому послу по своей воле, без одобрения мужа, хотя Майский предусмотрительно пишет, что разговор мог состояться и сам собой.

«Поэтому, — пишет Майский в отчете, — я с некоторым любопытством ждал, что последует дальше». Он решил взять паузу и пару дней отсутствовал в Лондоне, вернувшись лишь поздно вечером 26 июня. На следующее утро жена Майского Агния Александровна получила записку от леди Ванситтарт. Среди прочего в ней говорилось: «Передайте Вашему мужу, что, если он пожелает иметь спокойную и обстоятельную беседу с моим мужем, было бы хорошо, чтобы Ваш муж телефонировал моему мужу и условился об удобном для себя дне и часе встречи». Майский в отчете выражает убежденность, что разговор этот за столом с леди Ванситтарт был не просто так. Майский на следующий же день позвонил Ванситтарту и договорился о встрече. Он также отправил телеграмму в НКВД, запросив указаний, которыми Литвинов снабдил его на следующий же день, перечислив все подлежащие обсуждению вопросы; некоторые Майский уже поднял в своем отчете¹: вопрос отношений Великобритании

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 3 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 19. Л. 17–29.

с Японией и нацистской Германией и присоединение СССР к Лиге Наций.

«Скажите, что с нашей стороны имеется искреннее стремление к установлению наилучших отношений с Англией»¹. Установка была однозначной.

Встреча состоялась 3 июля. Майский, по собственным словам, сперва выразил глубочайшую признательность леди Ванситтарт за то, что та сдвинула дело с мертвой точки. Личные контакты между посольством и МИД, подчеркнул он, идут сторонам только на пользу. Отсутствие таких контактов — это серьезный недостаток англо-советских отношений. «Я с Вами совершенно согласен, — отвечал Ванситтарт, — это большой недостаток. Мы узнаем о мыслях и настроениях друг друга через третьи руки, а это имеет своим неизбежным результатом нарастание всякого рода недоразумений, взаимных подозрений и недоверчивости». Майский согласился и добавил, что личные контакты не приведут к устранению всех трудностей в отношениях, но значительно поспособствуют их преодолению.

Затем, как пишет Майский, они перешли к делу. «Основным принципом нашей внешней политики является мир», — начал Майский. И это не декларация для широкой общественности, а подлинный политический курс Советского Союза. Если у Ванситтарта на сей счет сомнения, то пусть он так прямо и скажет. У Ванситтарта это утверждение вопросов не вызвало: он и не сомневался, что в интересах Советского Союза поддержание мира. Такова же и задача британской внешней политики, добавил он, и это означает, что у нас общие цели. Пересечение наших интересов, подхватил Майский, должно послужить основой для нормализации отношений. Майский продолжил:

«Я понимаю, что данная задача не так проста. Над англо-советскими отношениями тяготеют традиции и настроения прошлого (недавнего — после революции — и более отдаленного, — относящегося к эпохе XIX века), но это препятствие не непреодолимо. Что же касается нынешних отношений между обеими странами, то я не вижу в настоящий момент ни одной серьезной проблемы, которая делала бы невозможным значительное улучшение этих

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 29 июня 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 432–433.

отношений и, может быть, даже превращение их в подлинно дружественные отношения».

Ванситтарт охотно согласился почти со всем сказанным, с одной важной оговоркой, которая касалась концессии на Ленские прииски 1925 года. Советское руководство нарушило это соглашение, и британский МИД стал на сторону инвесторов, подавших иски о компенсациях.

Майский сказал, что хотел бы устранить «некоторые трудности». «Советское общественное мнение в настоящее время относится с известной подозрительностью к английской политике в двух очень важных вопросах, близко касающихся СССР, — вопросах, которые короче всего можно охарактеризовать двумя словами: Япония и Германия». Майский начал с Японии. Правые круги в Японии пребывают в «очень агрессивных настроениях» и рвутся удовлетворить свои амбиции под лозунгом «Азия для азиатов». Они мечтают о японском господстве на всем Азиатском континенте. Собственно, одними мечтами японцы отнюдь не ограничивались.

«Вы совершенно правы, — прервал его Ванситтарт. — Мне знакомы фантастические идеи японских правящих кругов, в особенности японских военных, — эти идеи, несомненно, очень опасны. Я вообще считаю, что Япония в настоящее время является крупнейшим фокусом военной опасности». Так встретились два партнера по танго. Майский был очень доволен, что у них совпали взгляды. Ну что, станцуем? Планы Японии, как сообщил Майский, представляют угрозу для СССР. Ванситтарт опять перебил его: «Да, я знаю о японских вожделениях в отношении Камчатки и Приморья и чуть ли не в отношении всей Восточной Сибири до Байкала». Майский упомянул о некоторой разрядке в советско-японских отношениях. «Да, — вставил Ванситтарт, — благодаря тем мероприятиям военно-политического характера... Год тому назад мне казалось, что война между Японией и СССР в самом ближайшем будущем неизбежна, но сейчас я думаю несколько иначе». Некоторое время они еще поддерживали данную тему. Майский считал, что Япония в силу своей слабости не может достичь поставленных целей, поэтому ищет союзников, например Германию. Ванситтарт согласился. Майского также смущало прочитанное им в британской печати: он начал с упоминания ведущего автора «Санди Таймс», пишущего под псевдонимом Исследователь (Герберт Сайдботэм), а также консерваторов

вроде лорда Ллойда, из-за которых в СССР создавалось впечатление, что Лондон если не прямо толкает Японию к войне с СССР, то по крайней мере не был бы против их конфликта. Майский попросил Ванситтарта развеять дурные предчувствия. «Наша дальневосточная политика очень проста, — отвечал ему Ванситтарт, — я считаю Японию большой опасностью для британских интересов в Тихом океане. У нас есть много осложнений с Японией — экономических, политических и т. д., но мы очень уязвимы на Дальнем Востоке и потому должны быть осторожны. Меньше всего мы желали бы японо-советской войны. Люди, которые думают иначе, просто сумасшедшие. В наши дни война между двумя великими державами не может остаться изолированной, а нам, Великобритании, совсем не хочется воевать.

Предположим даже, что Япония победит в этой войне... Какая выгода Великобритании? Япония станет сильнее и превратится в еще большую угрозу британским интересам на Тихом океане. Исследователь и лорд Ллойд, — продолжал он, — не отражают точку зрения британского правительства. Про лорда Ллойда говорят, что он “катится по наклонной плоскости вниз”; влияния эта фигура не имеет. Что касается прессы, то она “далеко не всегда” отражает взгляды Кабинета министров. Советское правительство доверяет колонке Исследователя больше, чем эти материалы того заслуживают». Затем Ванситтарт в свою очередь сказал Майскому, что «у Вас в СССР ведь тоже есть люди, которые проповедуют весьма дикие идеи». Он упомянул Дмитрия Захаровича Мануильского, без пяти минут второго человека в Коминтерне, заявившего в одном из своих выступлений, будто британское правительство занимается созданием антисоветской коалиции из Японии и Германии. Ванситтарт с жаром, как отметил Майский, еще раз повторил, что Великобритании война на Дальнем Востоке не нужна.

Майский усомнился. Если дело обстоит так, то почему ответственными лицами из правительства не сделать соответствующих официальных заявлений на этот счет? Такие заявления помогли бы развеять неприятные предчувствия у СССР. «Это неплохая мысль, — ответил Ванситтарт, делая себе пометки, — я поговорю на данную тему с кем следует».

Затем они перешли к Германии. «Я указал В[анситтарту], — пишет Майский, — что гитлеровская Германия (по причинам несколько иного порядка, чем Япония) также исполнена чрезвычайно агрес-

сивного духа». Ванситтарт кивнул. Майский продолжил мысль, что, как и Япония, гитлеровская Германия вынашивает весьма опасные планы, связанные с претензией на мировое господство и «совершенно явственно угрожает интересам СССР, ибо, в первую очередь, ставит в повестку дня проблему экспансии на Восток».

«О да, — отметил Ванситтарт, — я хорошо знаю “Майн кампф” Гитлера, мне знакомы планы г[осподина] Розенберга в отношении Украины и Прибалтики».

«Советское правительство, — продолжил Майский, — не может относиться с полным равнодушием к этой новой опасности на Западе. Мы хотим мира, но мы должны как-нибудь оградить нашу страну от возможности атаки с этой стороны». Этой цели удастся достичь, заключив Восточный пакт, подчеркнул Майский. Он разразился длинным монологом, пытаясь прояснить позицию Великобритании по этому вопросу. Москву тревожит британский курс. Не подталкивает ли британское правительство Германию к походу на восток, против СССР?

«Я вполне согласен, — ответил Ванситтарт, — с тем, что гитлеровская Германия представляет большую опасность для целого ряда окружающих ее стран, и я ничуть не удивляюсь тому, что эти страны пытаются найти какие-либо эффективные способы самозащиты». А затем — возможно, неожиданно для Майского — Ванситтарт упомянул о недавней кровавой расправе Гитлера над бывшим товарищем, главой штурмовиков Эрнстом Рёмом, и этот факт красноречиво свидетельствовал о том, что никаких перемен во внешней политике от Германии ждать не приходится. В этих обстоятельствах Восточный пакт мог бы быть «полезной вещью», если бы он был заключен при участии Германии. Только так можно было заставить Гитлера уняться. Отметив, что у кабинета нет официальной позиции по поводу Восточного пакта, Майский поинтересовался, есть ли таковая у британского МИД. Ванситтарт ушел от прямого ответа, но еще раз постарался убедить собеседника, что Германия представляет собой «большую опасность для мира и спокойствия Европы». Майский посчитал, что имеет место значительное расхождение во взглядах относительно Восточного пакта у Ванситтарта и Саймона; последний был против.

После этого Ванситтарт «с явным раздражением» заговорил о «Таймс». В подавляющем большинстве случаев эти публикации

не отражают точку зрения МИД. Ванситтарт сказал, что его мнение очень редко совпадает с мнениями авторов, особенно по германскому вопросу. «Я нахожу ее чересчур германофильской и не отвечающей истинным интересам Великобритании». Большинство этих статей принадлежат перу Э. Л. Кеннеди, а «вдохновение он черпает по большей части в германском посольстве». Подводя итог в разговоре с Майским, Ванситтарт посоветовал послу СССР, если у того возникнут вопросы по внешней политике Великобритании, обращаться непосредственно к нему. Майский предложил, чтобы кто-нибудь из британского правительства сделал по этому вопросу официальное заявление. Ванситтарт идею поддержал. Под конец дискуссии были подняты вопросы разоружения и Лиги Наций. Разоружение представлялось неосуществимым: Майский еще раз изложил точку зрения Литвинова о том, что «разоружение в данный момент не имеет никаких шансов на практическое осуществление». Ванситтарт согласился с тем, что «та идея безнадежна». Затем, конечно же, заговорили о вступлении СССР в Лигу Наций. Здесь Ванситтарт не сказал ничего, о чем бы не было уже известно читателю, а именно что Великобритания поддержит вступление СССР в Лигу, но не будет сама выступать с данной инициативой¹. На том и закончилась эта долгая встреча. Ванситтарт и Майский разошлись по кабинетам сделать запись разговора, каждый свою.

Вообще-то Майский отправил в Москву две записи беседы: одна представляла собой телеграмму, другая — многостраничную депешу. Телеграмма весьма лаконична и отражает лишь общий ход беседы². В депеше больше подробностей, приводятся слова и Майского, и Ванситтарта. Отчет британского МИД об этой встрече также был отправлен депешей с порядковым номером, отправителем был Саймон, адресатом в Москве — Чилстон. Любопытно, насколько разнится в двух отчетах оценка этой встречи. Разумеется, полностью исчезло упоминание леди Ванситтарт, сдвинувшей дело с мертвой точки. Отсутствуют продолжительные обсуждения на тему опасности Японии и нацистской Германии. Читая британский отчет, невозможно понять обеспокоенность Советского Союза по поводу исходившей от двух упомянутых государств угрозы безопасности.

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 3 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 19. Л. 17–29.

² И. М. Майский — в НКВД. 3 июля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 436–437.

Эта мысль проходит разве что вскользь. «Есть два момента, — сообщил Майский, — которые вызывают подозрительное отношение к британской политике у него на Родине, и это Япония и Германия». То есть про страхи СССР перед угрозами безопасности с востока и запада сказано настолько подспудно, что можно и не догадаться. Про «Майн кампф» также не упоминается. Нет и свидетельств солидарности Ванситтарта с выдвинутой Майским оценкой японской и германской угрозы миру и безопасности в Азии и Европе. Из мидовского отчета эта мысль практически изъята, что лишь подтверждает обозначенную Майским в своем отчете мысль о разнице политических взглядов Ванситтарта и Саймона. В свою очередь, Ванситтарту свои взгляды насчет этих двух угроз было неловко афишировать перед членами кабинета.

Майский не уделял должного внимания жалобам Ванситтарта на статью в советской печати; Ванситтарт — наоборот. Он писал о «зловещих подозрениях» Майского насчет британской политики, как если бы они возникли на пустом месте в результате паранойи, а не по итогам контактов с британскими властями по всему свету. Темы вступления СССР в Лигу Наций и британской позиции по поводу «Восточного Локарно», а также редакционной политики «Таймс» в отчете МИД отражены, и здесь мы не видим большой разницы между двумя документами. Майский проявляет инициативу, чего-то требует; Ванситтарт в разговоре более пассивен: ему предлагают контактировать чаще и продуктивнее — он соглашается¹. Майский спешит открыть людям правду; Ванситтарт, напротив, напускает тумана в наиболее важных вопросах: например, вуалирует свои взгляды на Японию и нацистскую Германию и свое восприятие совместных англо-советских интересов, которое у него и у Майского совпадало.

Встреча произвела на Майского сильное впечатление, поэтому он отправил Литвинову еще одну депешу. «Прежде всего, считаю необходимым отметить, что данная беседа, насколько могу судить, является первой в своем роде в истории наших взаимоотношений с Англией. Возможно, что в периоды лейбористских кабинетов аналогичные беседы бывали (хотя я в этом не вполне уверен), но совершенно несомненно, что такой беседы, какую я только что имел

¹ Simon to Chilston. No. 352, confidential. 18 July 1934. N4029/16/38, TNA FO 371 18305.

с Ванситтартом, до сих пор не было и не могло быть при господстве консервативного правительства. Несомненно, что обстановка, тон и содержание самой беседы знаменуют собой известный сдвиг в благоприятную для нас сторону в настроениях британского правительства, ибо я не допускаю мысли, чтобы Ванситтарт решился вести со мной подобный разговор на свой страх и риск. Надо полагать, что он предварительно советовался с членами правительства, во всяком случае, с Болдуином».

Майский также упорно полагал, что между Ванситтартом и Саймоном существуют политические разногласия. Он сослался на июньский разговор с Саритой за обедом, но утверждал, что слышал мнения, подобные этому, и от других:

«Суть этих разногласий вкратце сводится к следующему: Саймон — прояпонский и пронемецкий, Ванситтарт — профранцузский и анти-немецкий, а наряду с этим и антияпонский (или осторожнее — с большой опаской относится к Японии). Аппарат Форин-офиса, главой которого является Ванситтарт, в основном разделяет точку зрения последнего. Между Саймоном и Ванситтартом давно уже идет борьба. Тот факт, что Ванситтарт решился вести со мной такую беседу, какую он вел, свидетельствует, на мой взгляд, о том, что, очевидно, линия Ванситтарта начинает побеждать в кабинете линию Саймона. Поведение же жены Ванситтарта на завтраке заставляет думать, что, по мнению Ванситтарта, дни Саймона как министра иностранных дел сочтены».

В то же время Майский не мог понять, когда именно Ванситтарт говорит, следуя указаниям кабинета, а когда выражает собственное мнение. Будет интересно, писал Майский, дожидаться публичных заявлений в прессе по поводу британской политики, которые Ванситтарт согласился организовать. «Поживем — увидим», — заключает он. Рассуждая о перспективах англо-советских отношений, Майский руководствовался именно этим девизом. Он указывает на признаки улучшения англо-советских отношений, но замечает, вторя словам Ванситтарта, что необходимо разрешить затянувшийся спор вокруг Ленских приисков¹. Учитывая, что в собственном отчете о встрече 3 июля Ванситтарт старался скрыть свою точку зрения

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 10 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 19. Л. 42—44.

и нивелировал германскую и японскую угрозу, можно сделать вывод, что он в беседе выражал не чье-то мнение сверху, а свое собственное.

Так или иначе, Ванситтарт, как и Майский, был удовлетворен июльской встречей. «Г[осподи]н Майский заявляет, что его страна активно и всерьез настроена на сближение Англии и СССР и улучшение отношений, — пишет Ванситтарт. — Этот настрой, конечно же, во многом продиктован страхом перед Германией, Его Превосходительство был на этот счет предельно откровенен». А судя по отчету Майского, откровенен был и Ванситтарт¹. Слова надежды на улучшение двусторонних отношений Ванситтарт и Майский вкладывают в уста друг другу — для большей убедительности в глазах скептически настроенного начальства, особенно когда каждому из них приходится сделать шаг в сторону от инструкций или политики собственного государства.

Спустя неделю после встречи Ванситтарта и Майского в Лондон приехал министр иностранных дел Франции Барту — просить поддержки Великобритании в вопросах принятия СССР в Лигу Наций и подписания Восточного пакта безопасности. Читатели помнят, что поездка Барту была удачной. Ванситтарт известил об этом Майского. Посол Франции в Лондоне Корбен сообщил Майскому, что ожидал с британской стороны большего неприятия в адрес французского курса, но ожидания не оправдались, и он уехал после встреч, будучи «очень довольным результатами»². Майский писал: «Барту сумел хорошо использовать свой шанс. Мне известно, что он поставил вопрос перед британским правительством чрезвычайно круто: либо Вы поддерживаете пакты безопасности (Восточный и франко-советский), либо в самом недалеком будущем Вы будете иметь франко-советский альянс. Это подействовало и заставило английский кабинет выступать в пользу пактов. А такое выступление, в свою очередь, уже неизбежно влекло за собой известное смягчение в англо-советских отношениях»³. Это один

¹ Simon to Chilton. No. 352, confidential. 18 July 1934. N4029/16/38, TNA FO 371 18305.

² Запись беседы И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 12 июля 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 466–468; И. М. Майский — М. М. Литвинову. 12 июля 1934 г. // Там же. С. 468–469.

³ И. М. Майский — Н. Н. Крестинскому. 24 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 35. Д. 7. Л. 111–119.

из тех нечастых за 1930-е годы случаев, когда глава французского МИД показал свою нестигаемость на переговорах с англичанами. 13 июля, на следующий день после разговора Майского с Корбеном, Саймон сделал заявление в Палате общин о том, что, ни много ни мало, британское правительство будет приветствовать вступление СССР в Лигу Наций. Другие консерваторы высказались за улучшение англо-советских отношений. Неужели Майский прав и в консервативных кругах Британии действительно произошел сдвиг?

Майский и Ванситтарт снова встретились 18 июля. Они повторили сказанное 3 июля, подтвердив настрой своих правительств на улучшение отношений. Ванситтарт вновь заверил Майского в том, что отношения Великобритании с Германией и Японией не направлены против СССР, и пожаловался на соответствующие обвинения в советской печати. Кампания по очернению Лондона развязывает руки тем журналистам и парламентариям, которые стремятся помешать англо-советским отношениям. Британское правительство не возражает против здоровой критики в советской прессе, но обвинять британское правительство в разжигании войны против СССР — это было уже слишком.

«Я понимаю ваше желание, — отвечал Майский, — но считаю необходимым отметить, что всего лишь две недели тому назад я имел случай в первый раз услышать из уст ответственного представителя Форин-офиса изложение точки зрения британского правительства на важнейшие проблемы международной политики». Перед этим Майский заявил, что вынужден в качестве источников информации использовать газеты или отчеты третьих лиц. Должно пройти время, прежде чем советская общественность заметит перемены в британской политике. История англо-советских отношений породила значительное взаимное недоверие. Оно «не может исчезнуть сразу, в один день». Начнут спрашивать: «А надолго ли это [сдвиг в британской политике. — М. К.]? Это лишь временный маневр?» Так что не ожидайте чуда, сказал Майский.

Конечно же, подобные комментарии про советскую политику исходили от сотрудников британского МИД, хотя Ванситтарт об этом не говорил. Он лишь попросил Майского задействовать свое влияние и призвать Москву проявить благоразумие. Ванситтарт заявил, что верит в приверженность Майского идеям англо-

советского сближения, а советский посол, в свою очередь, записал, что также убежден в аналогичном настрое Ванситтарта¹. «Хочу думать, — писал Литвинов в ответ на результаты первой встречи Майского, что заявления Ванситтарта — «искренни и без задней мысли»². Очевидно, в это хотел верить и Саймон, не случайно он изложил Чилстону основные пункты из разговора Ванситтарта с Майским и усилил формулировку Ванситтарта о том, что «мы, официальные лица, вполне готовы» к улучшению отношений, убрав «официальные лица» и заявив просто «мы готовы»³. Если изначально Саймон и Ванситтарт расходились во взглядах на британскую политику в отношении СССР, то теперь этих расхождений не наблюдалось. 25 июля, спустя пять дней после того, как Саймон написал записку Ванситтарту, в Австрии нацисты убили канцлера Энгельберта Дольфуса — еще одно свидетельство опасности нацистского режима, бывшее для Ванситтарта и Майского совершенно излишним.

Первые встречи Ванситтарта и Майского возымели действие в Москве. 7 августа Чилстон доложил о том, что тон советской прессы по отношению к Великобритании существенно смягчился. «Тон “существенно смягчился”, — рапортовал Ванситтарт, — хотя есть куда расти»⁴. Ванситтарт и Майский встретились еще раз 9 августа ради очередного, как выразился Майский, «весьма серьезного политического разговора». Их отчеты о встрече, составленные независимо друг от друга, удивительно похожи.

Ванситтарт не видел никаких трудностей со вступлением СССР в Лигу. «Очень скоро, — отмечал Ванситтарт, будучи, веро-

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 18 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 19. Л. 52–57, опубл.: ДВП. Т. XVII. С. 484–488; *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943: в 2 кн. Кн. 1: 1934 — 3 сентября 1939. М., 2006. С. 12–13 (запись от 18 июля 1934 г.). См. также: *The Complete Maisky Diaries*, 3 vols / ed. G. Gorodetsky. New Haven, CT: Yale University Press, 2017. Данная работа содержит ссылки исключительно на русское издание.

² М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 17. Л. 22–24, опубл.: ДВП. Т. XVII. С. 489–490.

³ Simon's minute. 20 July 1934; Vansittart to Chilston. 24 July 1934. N4027/16/38, TNA FO 371 18305.

⁴ Chilston. No. 368. 7 Aug. 1934; Vansittart's minute. 8 Aug. 1934. N4622/16/38, TNA FO 371 18305; Chilston. No. 396. 18 Aug. 1934. N4840/16/38, *ibid*.

ятно, в хорошем расположении духа, — мы с вами станем членами одного клуба. Я очень рад». Он надеялся, что, если СССР примут в Лигу (он еще раз сравнил ее с поиздержавшимся джентльменским клубом), он прекратит изливать желчь на британское правительство. «Каково будет, если в карточном зале, — спрашивал Ванситтарт, — члены клуба будут без конца обвинять друг друга в том, что у кого-то лишний туз в рукаве или автомат Томпсона под столом». Майский на это улыбнулся, но Ванситтарт, как истинно одаренный писатель, продолжал. Я «счастлив слышать», что «отношение русской прессы действительно изменилось к лучшему». Майский ответил, что сделал все возможное, а вот нападки в адрес СССР со страниц «Таймс» и других газет продолжаются.

Естественно, никто не ждал, что «в данных делах должно быть все идеально», ответил Ванситтарт и, как утверждает Майский, посоветовал советскому правительству не обращать внимания на подобные нападки. «В действительности публикация враждебных мнений и враждебной пропаганды — это роскошь, которой больше предаваться нельзя». Важно было избегать всего, что могло бы навредить англо-советским отношениям. Следовало бы поставить на первое место интересы «большой политики», заявил Ванситтарт: необходимо подчеркивать не то, что разобщает, а то, что объединяет. Англо-советское сближение — «чрезвычайно важный фактор мира». «Я не вижу в настоящее время, — добавил Ванситтарт дежурную фразу, призванную показать заинтересованность в улучшении отношений, — ни одной крупной международной проблемы, которая могла бы нас серьезно разделять». Ход событий, как утверждал Ванситтарт, «вынуждает наши страны сплотиться в Европе и Юго-Восточной Азии. Вы знаете, какова на самом деле международная обстановка, сказал Ванситтарт. Улучшение англо-советских отношений на самом деле представляет собой цель истинного государственника и продиктовано простым здравым смыслом». В разговоре ненадолго всплыл Гитлер. В июне умер президент Гинденбург, и в результате, как утверждал Ванситтарт, Гитлер стал «истинным хозяином» Германии. Кто может знать, что у него на уме: мир или война? Лакмусовой бумажкой будет Австрия. «Гитлер всегда следует правилу из “Алисы в Стране Чудес” — “Варенье только на завтра. Сегодня — никогда”». Ванситтарт попросил Майского передать

сказанное им Литвинову. Майский пообещал передать, а свое слово он держал¹.

Очевидно, что Ванситтарт в отношении Советского Союза на голову выше всех консерваторов, заметил Корбен через неделю после последней встречи Ванситтарта и Майского. Тори не доверяли советскому правительству и не были в восторге от его сближения с Францией. Для большинства тори, полагал Корбен, подъем нацизма лишь притупил их страх перед «злом коммунизма»². Такое мнение было менее оптимистично, чем мнение Майского, но незначительно. Кто же прав? — вероятно, задавался вопросом Литвинов. Вы помните, что 18 сентября 1934 года СССР разрешили вступить в Лигу Наций, но, вопреки ожиданиям Литвинова, с приемом возникли трудности. Нарком сообщил лорду-хранителю печати Идену, который также находился в Женеве, о своем «опасении, что он действовал на опережение общественного мнения, и в ближайшее время его положение будет трудным». Кольер в министерстве истолковал замечание Литвинова в том ключе, что у некоторых советских чиновников вызывает сомнения новый курс и они бы предпочли нормализацию отношений с Германией³. Кольер ни о чем не беспокоился. Летом 1934 года Москве не было никакого резона возвращаться к прежней, прогерманской, политике. Германское посольство запросило разрешение на пролет самолетов «Люфтганзы» над территорией Сибири. Каганович рекомендовал отказать, что и было утверждено Сталиным⁴. Помните телеграмму Буллита из Москвы? Сталин горячо приветствовал нормализацию франко-советских и англо-советских отношений и не хотел ни при каких обстоятельствах их портить⁵.

¹ Note by Sir R. Vansittart. 9 Aug. 1934. N4718/2/38, TNA FO 371 18299; Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 9 августа 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 19. Л. 74—80, опубли.: ДВП. Т. XVII. С. 552—557; *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 13—15 (запись от 9 августа 1934 г.).

² Corbin, no. 881, 16 Aug. 1934, МАЕ, Z-Grande-Bretagne/294, 53—7.

³ Harold Patteson, British consul, Geneva, from Eden. No. 59 saving. 19 Sept. 1934. N5455/2/38, TNA FO 371 18300; Patteson, from Eden. No. 60 saving. 27 Sept. 1934. N5602/2/38, TNA FO 371 18301.

⁴ Л. М. Каганович — И. В. Сталину. 12 августа 1934 г.; И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. 12 августа 1934 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 430.

⁵ Bullitt, U.S. ambassador in Moscow. No 304, strictly confidential and secret. 15 Sept. 1934. 800.51W89USSR/124, NA RG 59 (1930—39), box 4610.

Отношения потеплели... незначительно

После дискуссий Ванситтарта и Майского появились признаки улучшения англо-советских отношений. В конце июля Майский сообщал о содержании недавних заявлений (от 13 июля) бывшего министра иностранных дел Остина Чемберлена в Палате общин, который «резко громя» Германию горячо поддержал вступление СССР в Лигу Наций. А затем поднялся Черчилль. Майский был поражен: «Когда Черчилль приветствовал “возвращение Советской России в западноевропейскую систему” как подлинно “историческое событие” и безоговорочно признавал СССР крупнейшим фактором в сохранении мира, — я едва верил своим ушам». Он продолжал:

«Мне было известно и раньше (я об этом даже писал Вам несколько раз), что и Черчилль, и Чемберлен в последние месяцы, в связи с нынешней мировой ситуацией, начинают несколько менять свое прежнее резко враждебное отношение к нашей стране. Однако я не ожидал, что данный процесс зашел уже так далеко. Больше всего я не ожидал, что оба этих заклятых врага Советского Союза рискнут выступить открыто в нашу пользу. Зрелище, которое 13 июля я наблюдал с дипломатической галереи парламента, было по-настоящему божественным зрелищем».

Майский решил, что перемена в отношении связана с ростом политической, экономической и военной мощи СССР. Скандал с «Метро-Виккерсом» был своего рода «пробой сил», добавляет Майский, и в итоге Великобритания от него не выиграла. Затем были признание Соединенными Штатами и сближение с Францией, а также решение Японии не испытывать на прочность советские рубежи на Дальнем Востоке. Он продолжал:

«Английские консерваторы уважают силу, и когда они увидели и почувствовали, что СССР превратился в большую силу, они стали чесать в затылке и пересматривать свою тактику. Известно старинное английское изречение: “Если врага не можешь задушить, то обними его”. Крупную роль сыграли также многочисленные свидетельства силы Красной армии, и в особенности блестящие успехи нашей авиации. С этой точки зрения спасение челюскинцев имело, помимо всего прочего, огромное международно-политическое значение».

Майский долго и в деталях говорил об англо-японских отношениях и о том, что британские консерваторы перестали рассматривать Японию как традиционного союзника и начинают воспринимать как потенциального соперника. Растущая мощь Советского Союза начинает рассматриваться британскими консервативными кругами как сила для противодействия Японии. Затем нацистская Германия: многие британские консерваторы «очень симпатизируют Гитлеру», но слишком много шероховатостей у нацистского режима, которые им не нравятся. Как угрозы в отношении Австрии и перевооружение, которое проходит с головокружительной скоростью. При этом консерваторы, замечает он, не хотели бы свержения Гитлера:

«Они хотели лишь его несколько причесать, окультурить, одеть во фрак и цилиндр. Британские консерваторы рассчитывали, что Гитлеру удалось создать в Германии прочный и стабильный режим, ликвидировавший “коммунистическую опасность”, укрепивший страну, как желанный противовес излишнему могуществу Франции, и превративший “Третью империю” в потенциального крестоносца против СССР». Правда, этому режиму нужно было еще слегка устояться и окрепнуть, но английские консерваторы были уверены, что этот процесс будет происходить более или менее по «итальянскому образцу», без крутых зигзагов и тяжелых потрясений. В частности, английские консерваторы еще несколько месяцев тому назад считали почти несомненным, что им удастся лимитировать германские вооружения (особенно воздушные вооружения) на более или менее приемлемом для них уровне. Между прочим, консерваторы очень любили говорить, что у немцев просто не хватит денег на слишком большое количество танков и аэропланов.

Но события разворачивались немного не по плану консерваторов. В конце июня — начале июля чистки в рядах штурмовиков Рёма (убийство руководства СА по заказу Гитлера и правящих элит) потрясли не только либералов и лейбористов, но и представителей консервативных кругов. Нацистская Германия явно не шла по «итальянскому пути» и все больше ощущалась как угроза Великобритании. Все более влиятельными становились те же действующие лица (промышленники, «Юнкерс» и т. д.), что сыграли роль в развязывании Первой мировой войны. Некоторые консерваторы и вовсе опасались пролетарской революции в Германии, «такая перспектива бросает

консерваторов уже просто в состояние холодного озноба». Тори постигло горькое разочарование. Они как бы говорили немецким консерваторам «мы, мол, вам доверяли, а вы нас подвели». Сегодня уже никто не мог предсказать, чем все обернется. Британское правительство разрешило важнейшую проблему. Майский добавил: «Однако не подлежит сомнению, что та вера в Гитлера и его режим, которая была широко распространена среди консерваторов в прошлом году, сейчас сильно подорвана целым рядом серьезных и глубоких сомнений». С уверенностью можно сказать, заключает Майский, что разворот британцев в сторону СССР вызван страхами в отношении Японии и нацистской Германии. Вопрос в том, надолго ли этот сдвиг в британской политике. Возможно ли, что французский посол Корбен преувеличивал, говоря о свойственной британским консерваторам ненависти в СССР? Или это Майский был полон неоправданного оптимизма? Он и сам этого не знал. «Я склонен относиться к “новому курсу” в англо-советских отношениях с известными недоверием и скептицизмом». И, несмотря на заявления Ванситтарта, «я скажу: поживем — увидим. А пока надо быть по-прежнему начеку»¹.

Вскоре в Лондон прибыл советский военный атташе. Литвинов впервые поднял этот вопрос в мае, на совещании с «компетентными товарищами». Он писал Майскому, что наша сторона заинтересована, но мы не хотим торопить события и будем действовать, «не проявляя излишней заинтересованности»². В июне Чилстон сообщил Литвинову, что британское правительство согласно на обмен военными атташе. Вопрос был решен только в августе. В качестве военного атташе в Лондон должен был поехать Витовт Казимирович Путна. Воюя в рядах Красной армии в Гражданскую войну, а затем в Польскую кампанию, он заслужил репутацию «смышленного военного». До этого он служил военным атташе в Японии, Финляндии и Германии³. Это было еще одно подтверждение серьезности намерений СССР в вопросе налаживания советско-британских отношений. А следом и британское посольство стало проявлять в беседах

¹ И. М. Майский — Н. Н. Крестинскому. 24 июля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 35. Д. 7. Л. 111–119.

² М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 13 мая 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 17. Л. 16.

³ Н. Н. Крестинский — И. М. Майскому. 4 августа 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 35. Д. 7. Л. 120.

с советской стороной большее дружелюбие, что не преминул заметить Рубинин. Пока Чилстон был в отъезде, Рубинин сообщал, что поверенный в делах Ноэль Чарльз «при каждой встрече со мною подчеркивает дружественные отношения посла и его самого к СССР». Рубинин в какой-то степени воспроизвел разговор Литвинова с Чилстоном: отметил, что британские газеты, в частности «Таймс» и «Дейли телеграф», сохраняют по отношению к СССР враждебный тон. Чарльз ответил, что британское правительство не имеет влияния на газеты (хотя такие возможности есть), но если у советской стороны есть такая потребность, то МИД мог бы выступить с предельно ясным заявлением о том, что позицию правительства следует отделять от публикаций в прессе. В своем отчете Рубинин также упоминает весьма дружественную речь Чарльза на приеме, устроенном верховным командованием Красной армии в честь нового британского атташе в Москве. Не было ничего необычного в подобном тосте на вечеринке, где много алкоголя, однако речь Чарльза горячо приветствовали и, по словам Рубинина, даже охарактеризовали как «проявление несколько нового тона здешнего британского посольства, замечающегося на протяжении последних нескольких месяцев»¹.

Еще одним, даже более значимым, признаком потепления в отношениях стала резолюция по Ленским золотым приискам. Этот вопрос Ванситтарт поднимал на первой же встрече с Майским 3 июля. 4 ноября затянувшийся спор был, наконец, разрешен, и Литвинову этого хотелось не меньше, чем Ванситтарту. Советское правительство согласилось выплатить скромную сумму — 3 млн фунтов за 20 лет². «Слава небу», — записал Майский в дневнике³. Более того, Майский, возвратившись после отъезда, возобновил свою кампанию по нормализации англо-советских отношений. 6 ноября он встретился с парламентарием-консерватором Бутби и пересказал ему все те пожелания, которые высказывал на летних встречах с Ванситтартом.

¹ Е. В. Рубинин — С. Б. Кагану. 4 октября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 17. Л. 27–28.

² М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 26 октября 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 651; М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 ноября 1934 г. // Там же. С. 664. См. также: *Veeder V. V. The Lena Goldfields Arbitration: The Historical Roots of Three Ideas // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 47. No. 4 (1998). P. 747–792.*

³ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. I. С. 18–19 (запись от 5 ноября 1934 г.).

Реакция МИД была неоднозначной: часть дипломатов приветствовала идеи Майского, часть выступила против. Помощник постоянного заместителя министра иностранных дел Виктор Уэллсли был не слишком впечатлен. По словам Бутби, конечно же, Майский был прав, говоря о том, что «для нас и России наибольшую угрозу представляют амбиции Германии и Японии», и в этом своего рода основа для сотрудничества; но, к сожалению, СССР показал себя как весьма ненадежный партнер. Как бы то ни было, следует приветствовать прогресс в этом направлении, но «я слишком не склонен верить в то, что мы на протяжении какого-либо срока сможем проводить общую политику, однако готов воспользоваться этими успехами для решения спорных вопросов»¹.

Во время приема в персидском посольстве Майский вновь пересказал свои мысли Саймону. Саймон вел себя дружелюбнее, чем обычно, и пригласил Майского на переговоры в МИД. Это было 9 ноября. У полпреда об этой беседе осталось столько впечатлений, что он изложил их устно и в 12-страничной депеше, в своей телеграмме и в журнале. Следует сделать оговорку, что, беседуя с Саймоном, Майский действовал не по собственной инициативе, а по указанию Литвинова. С февраля 1934 года, когда было заключено торговое соглашение, было положено отличное начало в деле улучшения отношений. Майский передал эту информацию Саймону, повторив свой довод «реалиста»: о том, что различия в идеологии не должны препятствовать улучшению отношений, отношения должны определяться интересами. После этого Майский выложил на стол весь список советских интересов, дабы продемонстрировать, что они никак не противоречат британским. Он сбивался на штампованные фразы. Говорил, что у СССР вызывают беспокойство нацистская Германия и Япония. В британском МИД это отлично понимали, но, как следует из депеши Майского, Саймону было сложнее, чем Ванситарту, уловить, куда он клонит.

Советское правительство желает мира и нуждается в нем, говорил Майский, ведя ту же линию, что недавно в разговоре с Бутби. СССР переставляет и развивает экономику, меньше всего нуждаясь в войнах, которые помешают внутреннему развитию. Затем он

¹ Boothby to Eden. 6 Nov. 1934. N6328/16/38, TNA FO 371 18305; Wellesley's minute. 14 Nov. 1934, *ibid*.

спросил: а что вы скажете о политике Великобритании? «И мы, мы тоже хотим мира и только мира, — ответил Саймон — Война была бы безрассудством». В ответ Майский, как он это проделывал с Ванситтартом, поинтересовался о вероятности «маленькой войны» между СССР и Японией на Дальнем Востоке. Саймон ответил, что у его правительства иной политический курс. Затем Майский поднял тему безопасности в Европе. «Советские интересы можно объяснить одной основной заботой: необходимо возможными средствами предотвратить нарушение мира на германском направлении». А как, поинтересовался Майский, видит свой основной интерес Великобритания? Саймон продолжил: «Мне кажется, британские интересы формулируются схожим образом». Здесь, в отличие от Ванситтарта, Саймон не нашелся, что ответить. Майский отметил в отчете, что со стороны Саймона по поводу общности интересов стран возражений не прозвучало. Под конец начали обсуждать Дальний Восток, а именно Японию. И вновь Майский высказал мысль о совпадении советских и британских интересов. И здесь Саймон сделался еще более молчалив. «Саймон, однако, молчал, не выражая ни согласия, ни возражений. Вероятно, о чем-то задумался». Когда Майский окончил свою длинную тираду о пересечении англо-советских интересов (или по крайней мере об отсутствии серьезных столкновений), Саймон вступил в разговор. В целом он, конечно же, согласился со словами Майского. Саймон подчеркнул, что хорошие отношения британского правительства с другими странами не должны быть нацелены против третьей стороны: Великобритания стремится к хорошим отношениям со всеми.

Затем Саймон поднял тему «пропаганды», видимо, занимавшую его больше, чем германская и японская угроза. Англо-советские интересы, написал он в своем конспекте, «будут в наилучшей кондиции, если удастся заметно снизить градус коммунистической пропаганды, поддерживаемой либо вдохновляемой Советской Россией в других странах»¹. Началось обсуждение комментария, опубликованного в газетах у каждого на родине. Майский заметил, что советская пресса понемногу исправляется, а вот британским газетам, похоже, понравилось очернять СССР. Из кармана Майский достал вырезки с наглядными примерами, которые захватил с собой, чтобы

¹ Simon's note on the interview with Maiskii. 9 Nov. 1934. N6462/16/38, TNA FO 371 18305.

показать главе МИД. «С[аймон] был явно смущен. Он быстро пробежал переданные ему мной цитаты, и сразу же вернул мне бумажки с таким жестом, точно боялся о них обжечься». Выглядело так, будто Саймон принимает от советского посла какую-то официальную ноту, и его это смущало.

Они ненадолго вернулись к этому разговору тем же вечером на ежегодном обеде, который давал в лондонском Гилдхолле лорд-мэр. В ходе этой непродолжительной беседы у Майского сложилось впечатление, что в отношении Японии он и Саймон вовсе не на одной волне. Он запросил краткую встречу в МИД с целью прояснить, что СССР стремится к улучшению отношений без задней мысли «создать окружение» кому-либо, в частности Японии. Хорошие англо-советские отношения, добавил Майский, сами по себе будут сдерживающим фактором для агрессивных сил, таких как Германия и Япония. Саймон согласился, подтвердив, что именно так и понял Майского днем ранее. Саймон дал понять, что намерен вынести вопрос о будущем англо-советских отношений на обсуждение в Кабинете министров. Майский записал в свой дневник, что у него все еще остались сомнения; вполне возможно, это было связано со сдержанным поведением Саймона. Был ли это «мыльный пузырь» или «серьезное историческое событие»? Все зависело от британского кабинета. «Сию сейчас за машинкой, — пишет Майский в своем дневнике, — и гадаю, какая из этих двух возможностей осуществится. Поживем — увидим»¹. Читая отчеты Майского о беседах с Ванситтартом и Саймоном, Литвинов не мог не заметить разницу между энтузиазмом Ванситтарта и сдержанностью Саймона. Возможно, именно к этому клонила леди Ванситтарт, говоря о том, что между ее мужем и министром иностранных дел имеются определенные разногласия.

После встречи с Саймоном в МИД Майский, руководствуясь желанием лишний раз поддержать контакт, заглянул пообщаться к Кольеру. Кольер был в хорошем расположении духа, довольный, в частности, разрешением спора вокруг Ленских приисков. Северный департамент молчит, как сообщил Кольер Майскому, «сейчас тихо и нет почти никаких дел, ибо англо-советские отношения,

¹ Дискуссия И. М. Майского с Дж. Саймоном. 9/10 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 19. Л. 96—107; И. М. Майский — М. М. Литвинову. 9 ноября 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 667—668; *Майский И. М. Дневник дипломата*. Кн. I. С. 22—24 (запись от 9 ноября 1934 г.).

которые раньше доставляли ему больше всего работы, вошли в стадию спокойного и нормального развития». Теперь вся работа свалилась на Центральный департамент, который занимался Германией. «Я с улыбкой ответил, — заметил Майский, — что, к счастью, департамент К[ольера] освободился в области англо-советских отношений от “плохих дел”, но почему бы ему не загрузить себя “хорошими делами” по дальнейшему улучшению и развитию этих отношений». Более того, как не уставал твердить Майский, между Великобританией и СССР нет существенных разногласий. «К[ольер] вполне согласился с моим мнением и упомянул при этом мою вчерашнюю беседу с Саймоном, о которой он уже слышал от своего шефа. К[ольер] прибавил, что, по его мнению, в плоскости международной политики СССР и Англия все больше оказываются “по одну и ту же сторону забора”». Для Европы это утверждение было справедливо, но что насчет Дальнего Востока?

«К[ольер] на мгновение поперхнулся и затем ответил: “Мое личное мнение сводится к тому, что мы и на Дальнем Востоке находимся по одну и ту же сторону забора”. Но не все так думают». В конце концов оба согласились, что и на Дальнем Востоке у стран более-менее одни и те же интересы. Но что означает эта оговорка «более-менее»?

«Наш интерес на Дальнем Востоке, — сообщил Майский, — мир, целостность и независимость Китая, а также предотвращение нарушения мира Японией». «А наш интерес — поддержание статус-кво на Дальнем Востоке и сохранение дверей для торговли в Китае», — отвечал ему Кольер. — Это, примерно то же самое, чего желаете и Вы»¹.

Этой неофициальной беседой Майский рассчитывал поддержать дружеские отношения с Кольером, но получилось все не так радужно, и сомнения Майского относительно британской политики на Дальнем Востоке лишь усугубились. «В английских правительственных кругах идет сейчас борьба двух тенденций, — сообщает он Литвинову. — Одна за сближение с СССР и, стало быть, за некоторое охлаждение отношений (но не разрыв) с Японией, и другая — за укрепление несколько расшатанных отношений с Японией и за охлаждение отношений или по крайней мере за приостановку дальнейшего процесса сближения с СССР». И возможен был поворот и в ту, и в иную сторону. Беседы с Саймоном и Кольером лишь обнажили

¹ Дискуссия И. М. Майского с П. Кольером. 10 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 19. Л. 108–109.

борьбу этих двух тенденций. Саймон по-прежнему был настроен прояпонски, в отличие от Ванситарта, «который поддерживает линию сближения с нами». Майский рекомендовал в отношениях с Лондоном действовать на упреждение: «Предоставить дело само-теку очень опасно»¹. Майский был прав насчет двух тенденций в британской политике: летом и осенью 1934 года в британском МИД шли горячие дискуссии об улучшении англо-японских отношений и о том, как оно может повлиять на ход англо-советского сближения. В октябре Невилл Чемберлен, в то время канцлер Казначейства, и Саймон подписали совместный меморандум для кабинета с предложением англо-японского сближения. На самом деле в ноябре Майский слишком бурно реагировал на все эти перестраховки со стороны Саймона, поскольку сам Саймон уже в начале октября написал премьер-министру, что сближение с Японией спровоцирует недружественную реакцию Соединенных Штатов и СССР. В британском посольстве в Токио также было немало противников сближения с Японией; Токио никогда бы не согласился на серьезные уступки британским интересам. Итак, в конце октября кабинет взвесил варианты и решил пока оставить все как есть².

Майский продолжал неумоимо выступать за нормализацию англо-советских отношений. Через несколько дней он встретился с лордом-хранителем печати Иденом. Тема Японии не поднималась, зато говорили о Германии. По словам Майского, Иден считал, что события в Германии ведут к войне, что бы там Гитлер ни говорил о своем стремлении к миру. Летом Иден хотя и выражал сомнения в преимуществах англо-советского сближения, он, казалось, был близок к позиции Ванситарта. Рассуждения Майского об отсутствии серьезных конфликтов интересов между Великобританией и СССР Иден принял благосклонно³.

Три недели спустя Майский в качестве своего следующего собеседника выбрал Уолтера Эллиота, министра сельского хозяйства Великобритании. Разговор шел в обычном ключе. Эллиот заметил,

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 10 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 35. Д. 7. Л. 124—127.

² *Nielson K. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919—1939. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 111—114.*

³ Дискуссия И. М. Майского с Э. Иденом. 16 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 19. Л. 151—153, опубли.: ДВП. Т. XVII. С. 678—680.

что вера в то, что Россия враг, — это старая мысль, взращенная веками. Россия-друг — мысль новая, всего нескольких месяцев от роду, и, чтобы она укоренилась, требуется время «и подходящие обстоятельства». «Но я думаю, — продолжал Эллиот, — что новая идея о России как друге Великобритании постепенно завоеует Англию». Майский поинтересовался, мол, а что же Германия? Эллиот пожал плечами: «Германия делает опасность войны чрезвычайно актуальной проблемой. Наше сближение с СССР отчасти задерживается опасением, как бы Германия не заподозрила нас в стремлении к ее “окружению”». Франко-советское сближение уже породило в Германии страх, что, мол, это первый шаг к окружению, и Великобритании, продолжал Эллиот, теперь приходилось действовать более осторожно, поскольку англо-советское сближение может быть воспринято в том же ключе. Майский ответил, что Восточный пакт не предполагает окружения, ведь планируется, что Германия будет среди подписантов. Эллиот согласился и отметил, что британское правительство идею поддерживает. Разговоры об окружении, которые ведет Германия, — пустая болтовня, имеющая целью сковать британцев и французов. Литвинов уже негласно сформулировал политику сдерживания Германии, а в случае если сдерживание провалится, — политику воссоздания Антанты времен Первой мировой войны. Конечно, он не мог заявить подобно-го открыто: представьте, какой разгорелся бы скандал и как ловко бы им воспользовалась нацистская Германия. По традиции Майский поднял и японский вопрос и получил от Эллиота столь же осторожный ответ, какие уже получал от других британских официальных лиц¹.

Во время встречи в начале ноября Саймон обещал Майскому оповестить об их дискуссии кабинет, но он этого не сделал. Почему, неизвестно. Возможно, имел какой-то умысел. Майский отреагировал нервно, назвав это «некрасивым трюком»: Саймон либо хотел умолчать об их беседе перед кабинетом, либо доложить о ней с опозданием. А может, он поступил так не злонамеренно, ведь предложения Майского он передал, не исказив².

¹ Дискуссия И. М. Майского с У. Эллиотом. 7 декабря 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 19. Л. 164–167.

² И. М. Майский — М. М. Литвинову. 10 декабря 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 35. Д. 7. Л. 133–135.

Майский и Ванситтарт: все сначала

В середине декабря Майский вновь встретился с Ванситтартом, воспользовавшись тем, что тот был в отпуске. Цель была вернуться к начатому разговору и изыскать для советского посла возможность транслировать свои сообщения по иным каналам, нежели МИД. Ванситтарт вновь повторил хорошо знакомый пассаж о том, что не существует серьезных политических и экономических разногласий между Великобританией и СССР в какой бы то ни было точке мира. В Европе? — уточнил Майский для верности. «Наши британские интересы, — отвечал Ванситтарт — полностью идентичны вашим советским. Мир и предотвращение нарушения мира со стороны Германии». Это было понятно. И наконец, как с Дальним Востоком? — спросил Майский. Он изложил советские интересы, а Ванситтарт в ответ изложил британские, чуть в иной формулировке, нежели Майский, но в итоге более-менее похожими.

«Приятно слышать, — отвечал Майский. — Но все ли в Англии так думают? ...в консервативном лагере имеется группа, полагающая, что “маленькая хорошая война между СССР и Японией” была бы весьма полезна для британских интересов на Тихом океане».

«Желать японско-советской войны — безрассудство, — заявил Ванситтарт. — Такая война неизбежно перерастет в мировую войну. Этих взглядов придерживается лишь кучка людей, не имеющих веса в британской политике». Так они проговорили еще некоторое время. Наконец, Майский попросил охарактеризовать британскую политику на Дальнем Востоке. «Осторожность и еще раз осторожность», — ответил Ванситтарт.

Хотя Майский и обещал Литвинову не поднимать тему предложения Саймона выступить перед кабинетом по поводу англо-советских отношений, под конец встречи он все же не сдержался. «Ванситтарт изумленно поднял брови» и ответил, что ему ничего не известно о подобных выступлениях перед кабинетом, но он непременно выяснит. Ванситтарт решил, что Майский просто не совсем верно понял сказанное ему. «Я просил В[анситтарта] не беспокоиться, — записал Майский в дневнике, — но для себя сделал вывод, что, очевидно, Саймон со своим обычным двуличием не выполнил того, о чем он мне говорил». В этот момент секретарь Ванситтарта прервал его по срочному делу, и беседа подошла к концу. Жалко, ведь

мы так и не услышали ответ Ванситтарта на, мягко говоря, смелый комментарий Майского¹.

Майский и Ванситтарт продолжили беседу несколькими днями позже, 18 декабря. Вопросы обсуждались те же, хотя к теме Саймона, не доложившего кабинету о беседе с Майским об англо-советских отношениях, советский посол уже не возвращался. В двух конспектах беседы удивительно схоже расставлены акценты. Согласно записям Ванситтарта:

«Сэр Р. Ванситтарт ответил шутливо, что правительство г[осподи]на Майского проявляет излишнюю подозрительность и даже сделалось одержимо этими своими подозрениями. Если посол пожелает эти подозрения развеять, то он нисколько не станет препятствовать, а напротив, сделает все возможное, ведь подозрения — они как больной зуб, их надо поскорее удалить».

Собеседники обменялись новыми наблюдениями по поводу враждебного настроения печати в каждой из стран. Каждый в равной степени чувствовал обиду на журналистов. Майский выразил надежду, что данная причина трений между странами будет устранена, не случайно «на самом деле он хотел ускорить развитие англо-советских отношений».

Он напомнил сэру Ванситтарту о сказанном им в последней беседе, что, когда отношения хорошие, партнеры могут и даже должны заботиться друг о друге. Он согласился с тем, что отношения хорошие, но хорошие лишь на фоне того грозного времени, в которое они зародились. Ему бы хотелось, чтобы бури и грозы поскорее поутихли, и на смену им пришло тепло, солнце и попутный ветер².

Эта встреча произвела большое впечатление на сотрудников британского МИД. Джордж Маунси, помощник постоянного заместителя министра иностранных дел, заметил: «СССР был рожден в среде, полной подозрений». И добавил:

«Зарождение этой страны и ее молодые годы были таковы, что не могло не возникнуть подобной атмосферы, не могла она не посеять подозрения среди соседей и, как следствие, в своем собственном лоне. Неудивительно, что подозрительность все еще свойственна

¹ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 45–47 (запись от 13 декабря 1934 г.); Memorandum by Vansittart. 13 Dec. 1934. N6953/16/38, TNA FO 371 18306.

² *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 49–51 (запись от 18 декабря 1934 г.); Simon to Chilston. No. 612. 27 Dec. 1934. N7104/16/38, TNA FO 371 18306.

Советам и их представителям. Но *это и есть* [выделено в оригинале. — М. К.] хороший знак и важный шаг вперед, что эти представители могут без утайки рассказать о своих сомнениях и тревогах. Тем больше у нас причин успокаивать Советы всеми возможными способами. Но на это потребуется время и не только слова, но и дела»¹.

Служащие МИД и заместители министра постепенно начали менять точку зрения. А как насчет политиков? Майский продолжал сомневаться, как выяснилось, не без оснований. 17 декабря он присутствовал на обеде в парламенте, который организовал Бутби. Среди гостей были парламентский секретарь в Совете по делам торговли Лесли Берджин и парламентский секретарь в Министерстве труда Роберт Хадсон. Между ними и советским послом завязалась дискуссия «без политесов»: Берджин, а особенно Хадсон, стали отстаивать идею англо-японского альянса и раздела Китая на сферы влияния. «Я спорил с ними», — пишет Майский в дневнике.

Этот спор, очевидно, вызвал у Бутби беспокойство, и он доложил о нем Ванситтарту. Тот немедленно пригласил Майского встретиться. «В[анситтарт] действительно был страшно раздражен против Берджина и Хадсона. Они foolish people [валяют дурака], ничего не понимают во внешней политике и совершенно не отражают взглядов брит[анского] пра[вительства] в дальневосточном вопросе». Ванситтарт повторил уже сказанное им по поводу британской политики на Дальнем Востоке, добавив, что намерений обновлять англо-японский альянс нет. Ванситтарт также признался, что много думал по итогам их предыдущих встреч и пришел к выводу, что неплохо было бы для оценки ситуации отправить в Советский Союз британского министра. Майский поддержал идею обеими руками².

Естественно, о том, как некие неназванные члены Палаты общин безответственно болтали про идею англо-японского союза, прознал Кольер. Эти, как выражался Ванситтарт, «дурацкие формулировки» прозвучали в устах аж двух заместителей министров. Сотрудники МИД тактично не упомянули имен Берджина и Хадсона, зато это сделал в своем дневнике Майский. Кольер в длинном отчете рассказал о британских кругах, которые стремятся к налаживанию отношений с Японией. Он полагал, что советскому посольству также

¹ Mounsey's minute. 31 Dec. 1934. N7104/16/38, TNA FO 371 18306.

² *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 54–55 (запись 27 декабря 1934 г.).

многое известно, ведь оно «очень хорошо осведомлено о происходящем в Лондоне». «Прояпонский курс, — писал Кольер, — имеет поддержку в официальных кругах Лондона, особенно в Казначействе». Когда говорили о Казначействе, имели в виду Невилла Чемберлена. Всем этим многословным текстом Кольер подтвердил: Майский сомневался не зря.

В США и в британских доминионах, «как об этом ни прискорбно говорить», в последние месяцы воцарилась тревога в связи с тем, что отдельные лица в Великобритании, в том числе занимающие государственные посты, подумывают о заключении сделки с Японией в ущерб Китаю и другим странам в Азии (включая СССР) с целью потом «разделить добычу». «Я со своей стороны, — писал в отчете Кольер, — не могу понять, как кому-то приходит в голову поддерживать политику, способствующую укреплению Японии... нашего опаснейшего и непримиримого врага». Кольер также высказал мысль явно вне компетенции Северного департамента: «Мы не можем убедительно отстаивать идею европейского статус-кво, если не можем показать европейским державам, что сохраняем его также и на Дальнем Востоке; и хотя я не могу сказать, что мы прилагаем для сохранения там статус-кво максимум наших усилий, я вынужден в нынешних обстоятельствах заявить, хотя это и неочевидно для мира, что мы настроены решительно и не станем мириться с японской агрессией¹». Нет, Майский не страдал паранойей. Кольер начал выступать за англо-советское сближение и защищал свою позицию столь рьяно, что, вероятно, это помешало его продвижению по службе до помощника замминистра.

Историю с Берджином и Хадсоном Ванситтарт не хотел оставлять без ответа. Даже будучи «другом» Майскому, он вновь обратился к старому поводу для недовольства. «Пора бы Коминтерну прекратить вмешиваться в наши внутренние дела». Он заявил, что, по его «достоверной информации, подобное вмешательство <...> все еще имеет место». Майский прервал его, заявив, что ему самому об этом ничего не известно. Однако Ванситтарт настаивал, что «советское правительство и/или Коминтерн должны прекратить данную деятельность». Как уже говорил Ванситтарт ранее, сейчас важно

¹ Collier's minute. 28 Dec. 1934. N7104/16/38, TNA FO 371 18306; Vansittart to Collier. 31 Dec. 1934, *ibid*.

«не спугнуть более крупную рыбу». Ни в коем случае нельзя давать повод тем, кто пытается препятствовать англо-советскому сближению. Ванситтарт повторил, что «для Советского Союза все не настолько безоблачно, чтобы позволять случаться подобным вещам, и такого рода закулисные игры не стоят свеч по сравнению с большими и более существенными общеевропейскими проблемами»¹. Майский все эти замечания изложил в дневнике и в нумерованной депеше. Слова Ванситтарта изложены им предельно откровенно:

«Однако он, как “друг”, должен меня предупредить, что все наши усилия могут пойти прахом, если с советской стороны будет иметь место факт вмешательства во внутренние дела Великобритании. А как раз в самые последние дни он узнал о наличии такого рода фактов. Я выразил удивление по поводу слов В[анситтарта] и попросил его объяснить мне точнее, о какого рода фактах идет речь, ибо, не зная, в чем дело, я вообще лишен возможности как-либо реагировать на его слова. В[анситтарт], однако, отказался назвать мне эти факты. Он только прибавил: “Я знаю, что Вы, как посол СССР, конечно, должны и будете отрицать наличие такого вмешательства. Это Ваша обязанность”».

Ванситтарт не был склонен придавать большого значения вмешательству Коминтерна, но об этом, несомненно, узнают другие люди и спровоцируют «большой скандал», который поставит точку в англо-советских отношениях².

К концу 1934 года англо-советские отношения вступили в наилучшую свою фазу за весь межвоенный период, при том что усилия по их налаживанию оставались в основном на этапе дискуссий между Майским и его британскими собеседниками, прежде всего Ванситтартом. Конечно, в самом начале диалог значит очень многое, но, чтобы добиться реального сближения, нужно было переходить к делу. Это признали и Майский в беседах с Ванситтартом, и даже Маунси. Если сравнивать с началом года, когда мысль о посещении ужина в советском диппредставительстве бросала сотрудников британского МИД в дрожь, то отношения, конечно же, потеплели. Стимулом к дальнейшему сближению служили нацистская Германия

¹ Simon to Chilston. No. 613, confidential. 27 Dec. 1934. N7155/16/38, TNA FO 371 18306.

² Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом 10 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 1–6.

и имперская Япония. Однако британское правительство и Консервативная партия представляли собой в политическом смысле непаханое поле. Ванситтарт не был главой МИД, а был всего лишь постоянным заместителем министра. И он был не политик-консерватор, а государственный служащий. В МИД и в правительстве он имел большое влияние. Однако в Казначействе и других департаментах и министерствах, равно как и среди членов Консервативной партии, было немало тех, кто был не согласен с его представлением о нацистской Германии и Японии как об угрозах и кто не видел потенциального союзника в лице СССР. Иными словами, за улучшение англо-советских отношений, если речь шла об их укреплении и расширении, предстояло сражаться.

Литвинов настороже

Схожим образом видел ситуацию Литвинов. В начале января 1935 года в письме Майскому он призывал его быть бдительным: «Я отнюдь не возражал против Ваших встреч с Саймоном и Ванситтартом, но я не мог скрыть от Вас, что внимательное чтение записей разговоров оставило у меня такое впечатление, как будто Вы слишком настойчиво добивались от них чего-то. Инициатива все время оставалась в Ваших руках, а Ваши собеседники ограничивались общими ничего не значащими куртуазными поддакиваниями и что Вы, тем не менее, опять возвращались к этой теме. Я думаю, что мы проявили достаточно заинтересованности и что нам нужно выждать ответной инициативы другой стороны. Боюсь, однако, что она не последует»¹.

Действительно, из Москвы казалось, что Майский слишком давит на своих британских собеседников. Также казалось, что Ванситтарт для него полезнее, чем Саймон. В своих отчетах он не пытался преувеличивать свои успехи. Показательный пример — его столкновение с Хадсоном и Берджином. Не переборщил ли он? Британцы увидели, что Советский Союз действительно обеспокоен насчет нацистской Германии и Японии... Может, они не представляют угрозы? И если, например, Уэлслиотреагировал в духе «посмотрим, чего

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 16. Л. 1.

можно ждать от этой Москвы», отзывы от Олифанта, а затем и от Маунси были более содержательными. Саймон проявлял осторожность, был во многом уклончив; более откровенен был Ванситтарт. И все это — мидовцы, за исключением Саймона, а не политики. Если бы Литвинов мог сопоставить записи Майского с теми, которые сделали Саймон и Ванситтарт, это стало бы для него очевидным. Нарком, если коротко, не желал Майскому провала, а лишь хотел, чтобы тот, продвигая идеи нормализации англо-советских отношений, был осторожен.

У Майского нашлись возражения. Инициативу, писал он Литвинову, проявляет не он один, иногда она исходит от Ванситтарта. Он особо отметил их встречу 27 декабря. Все прочие разы он пытался, ведя разговор, удостовериться, в каком направлении движется британская внешняя политика. Майскому не понравилась отсылка Литвинова к тому, что имеют место лишь «общие, ничего не значащие куртуазные поддакивания». Наш полпред встал на дыбы. «Я не совсем согласен с Вами», — ответил он с присущей дипломату сдержанностью, а затем привел различные высказывания Ванситтарта об общей для двух стран японо-германской угрозе, правда, позицию Саймона он почти не приводил. И Литвинов не мог этого не заметить. Майский настаивал: «Но общее мое впечатление сводится к тому, что от моих бесед с Саймоном и Ванситтартom получится больше толку [чем вы думаете. — М. К.]. Вы хорошо знаете Англию и английскую внешнюю политику. Вы хорошо знаете, что англичане имеют пристрастие к медленным темпам и не любят резких поворотов и скачков. Процесс улучшения англо-советских отношений, который идет начиная с весны прошлого года, не может быть и не будет быстрым процессом. Все тут будет происходить потихоньку, полегоньку, шаг за шагом, без торопливости». Словно мантру, повторял Майский мысль о том, что между СССР и Великобританией нет серьезного конфликта интересов, и эти взгляды распространяются среди британской элиты. Тем не менее он повиновался указанию Литвинова предоставить британцам право сделать следующий шаг¹. И складывающаяся в Европе ситуация этому благоприятствовала.

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 24 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 48. Д. 7. Л. 27–33.

Причины для волнения

13 января 1935 года в Сааре на плебисците большинство проголосовало за присоединение к нацистской Германии; голосов, поданных за Францию, оказалось ничтожно мало. И это был вовсе не электоральный спектакль, каковыми прославился Гитлер, а мероприятие под эгидой Лиги Наций. До этого в течение осени Литвинов заверял нового германского посла Вернера фон дер Шуленбурга в том, что советское правительство не имеет непосредственного интереса к Саарской проблеме. Он даже отказался встречаться в Женеве с некоторыми антигитлеровски настроенными делегатами из Саара¹. В любом случае подобный жест не имел бы смысла, зато подлил бы масла в огонь нацистской пропаганды. Читатель скоро узнает о том, что в это время Литвинов находился в Женеве, где схлестнулся с хитрецом Лавалем и представителями Малой Антанты. Вернувшись в Москву, Литвинов написал Майскому письмо, в котором указывал, что СССР готов принять Эллиота или Ванситтарта². То был ответ на высказанную Ванситтартом 27 декабря идею о визите в СССР британского представителя. События на Европейском континенте развивались не по сценарию, и советское правительство могло и не дожидаться, пока МИД в следующий раз проявит инициативу.

В начале февраля в Лондоне встретились французы и британцы. 3 февраля они опубликовали итоговое коммюнике по итогам обсуждений, и Восточный пакт в нем упомянут почти не был. Однако справедливости ради надо сказать, что этот пакт давно не подавал признаков жизни. Детали этой встречи терпеливый читатель найдет в следующей главе. Тем временем Ванситтарт заволновался. «По мере того как проходят месяцы, — писал он, — меня охватывают все большие подозрения и убежденность относительно германской политики и ее истинных целей. Думаю, они скоро станут очевидны всем, за исключением людей предвзятых и слепых»³.

Но «предвзятые и слепые» в британском правительстве, а также вне его были представлены весьма широко. Таков был Филипп Керр,

¹ М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 9 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 98. Д. 33. Л. 44–45.

² М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 18. Л. 4.

³ Vansittart's minute. 9 Feb. 1935. C1076/55/18, TNA FO 371 18825.

лорд Лотьян, который в феврале 1935 года ездил в Берлин на «междусобойчики» к герру Гитлеру. «Таймс» развернула целую кампанию, публикуя заявления лорда Лотьяна в Берлине: «Господин Гитлер... ясно сказал и мне персонально, и публично, что Германия хотела бы не войны, а равенства, и совершенно готова отказаться от войны»¹. «Вздор! — рявкнул на это Ванситтарт. — Лотьян — неизлечимо поверхностный всезнайка»².

«И это вот такое мы слушали изо дня в день», — вспоминает сторонник умиротворения Германии А. Л. Раус³. «Макдональд и Саймон при поддержке “Таймс”, “Деيلي мейл” и некоторых других органов, — писал Майский в своем дневнике, — ведут целенаправленную кампанию по замалчиванию Восточного пакта и привлечению максимума внимания к вопросам “западной безопасности”. Иными словами, они говорят, обращаясь к Гитлеру: “Оставь в покое Францию и Англию, и — в виде компенсации — делай, что хочешь в Вост[очной] Европе”»⁴. Литвинов телеграфировал Майскому, чтобы тот прояснил британскую позицию, ведь в заинтересованность Великобритании в Восточном пакте не верят даже немцы⁵. Казалось, что Гитлер просто смеется над Францией и Великобританией, как это было не раз. Как же все изменилось за несколько недель... Майский был доволен тем, что Литвинов анонсирует смену стратегии. «Не время расслабляться. Он [Литвинов] тоже считал своевременным высказаться “plain words” [по-простому] по текущим вопросам. Он рекомендует сосредоточить внимание на доказательстве, что “мир неделим” (не может быть “западной безопасности” без “восточной безопасности”)»⁶.

Из Москвы Чилстон сообщил о том, что беспокоит Советский Союз, и Ванситтарт вызвал Майского на разговор⁷. «Я сказал ему, — зафиксировал в рабочем дневнике Ванситтарт, — все, что я думаю про лорда Лотьяна и “Таймс”... И мне не важно, если об этом кто-

¹ Rowse A. L. *Appeasement: A Study in Political Decline, 1933–1939*. New York: Norton, 1963. P. 32–33.

² Vansittart's minute. 4 Feb. 1935. C785/55/18, TNA FO 371 18824.

³ Rowse A. L. *Appeasement*. P. 33.

⁴ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 75 (запись от 10 февраля 1935 г.).

⁵ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 13 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 99.

⁶ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 75 (запись от 12 февраля 1935 г.).

⁷ Chilston. No. 72. 8 Feb. 1935. C1278/55/18, TNA FO 371 18826; И. М. Майский — М. М. Литвинову. 11 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 618.

нибудь кому-нибудь расскажет». Он дал указание Чилстону передать то же Литвинову¹. По словам Ванситтарта, было бы абсурдно полагать, что Великобритания способна развязать руки Гитлеру на востоке. В записях Майского слова Ванситтарта изложены так: «Надо смотреть на вещи реалистически... Основной факт, по мнению Ванситтарта, остается неизменным: в Европе появилась быстро вооружающаяся Германия, истинные намерения которой никому точно не известны. Такое положение (как и перед 1914 г.) неизбежно толкает окружающие Германию страны к сближению».

«Не следовало бы оживлять память о старых спорах и конфликтах, — посоветовал Ванситтарт, вспомнив нелестный комментарий в речи Молотова, касающийся посла Овия, — ибо наша задача сейчас работать над улучшением англо-советских отношений... пусть прошлое покоится в гробу, надо думать о будущем». Литвинова отчет Майского до конца не успокоил².

Ванситтарт почувствовал это беспокойство со стороны СССР и написал Чилстону: «Мы прекрасно сознаем, насколько в текущих обстоятельствах важна Россия, а также насколько важно никоим образом не дать ей повод думать, будто мы и Франция собираемся бросить ее в беде, иначе она захочет, не теряя времени, договориться с Германией»³. Следовало бы вспомнить пророческие слова Ванситтарта четыре года спустя, когда СССР окончательно вышел из системы коллективной безопасности.

На той же встрече Майский уведомил Ванситтарта о том, что его и Эллиота с радостью примут в Москве. Ванситтарт воспринял новость с воодушевлением, предположив во всеуслышание, что вместо него и Эллиота мог бы поехать Саймон. Майский саркастически записал в дневнике, что, мол, он, конечно же, одобряет кандидатуру, но без особого энтузиазма. Тогда же Ванситтарт упомянул, что для поездки рассматривается и кандидатура Идена: холодная реакция Майского по поводу Саймона давала повод думать, что лучше остановить выбор на Идене⁴.

¹ Vansittart's minute. 20 Feb. 1935. C1339/55/38, TNA FO 371 18826; Vansittart to Chilston, private. 21 Feb. 1935, *ibid*.

² И. М. Майский — М. М. Литвинову. 13 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 99–101; М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 1 февраля 1935 г. // Там же. С. 112.

³ Vansittart to Chilston. 21 Feb. 1935. C1339/55/38, TNA FO 371 18826.

⁴ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 76 (запись от 14 февраля 1935 г.).

Согласно подробной нумерованной депеше Майского, Ванситтарт однозначно давал понять, что британское правительство поддерживает идею заключения Восточного пакта. «А без Восточного пакта, — сказал он Майскому, — я не мыслю себе вообще умиротворения Европы». Британские дипломаты в Берлине и Варшаве потратили много усилий зря; германское и польское правительства были против. «Ничего не изменилось, — сказал Ванситтарт. — Если немцы распространяют слух, будто бы британское правительство не интересуется Восточным пактом, то они поступают так лишь следуя правилу: “желание — отец мысли”. Теория о том, что будто бы британское правительство ничего не имеет против германской агрессии на Востоке, — совершенная нелепость. Даже ребенок понимает, что, если бы война началась на востоке Европы, она неизбежно перекинулась бы и на Западную Европу». А что же Саймон и остальные? Майский, как всегда, хотел это знать. Что там «Таймс» и лорд Лотьян? «Это чепуха», — отвечал Ванситтарт. С этого момента записи Майского и Ванситтарта совпадают почти полностью, за исключением того, что у Майского в больших подробностях изложен желчный выпад Ванситтарта против «Таймс», — газеты, которая неуклонно деградирует. Там нет сильных авторов. Э. Л. Кеннеди, часто пишущий про международные дела, — это «человек небольшого литературного и политического калибра». Газета «живет своей старой славой». Иностранным дипломатам пора понять, что «нельзя идентифицировать “Таймс” и Форин-офис».

Ванситтарт пытался разубедить Майского насчет состоявшихся ранее в том месяце англо-французских консультаций. «Он просит меня передать советскому правительству, что ни англо-французское соглашение, ни предстоящие переговоры с Германией не окажут никакого неблагоприятного влияния ни на франко-советское сближение, ни на развитие “сильно улучшившихся отношений между Великобританией и СССР” (точные слова В[анситтарта])». Майский пишет, что пересказал Ванситтарта дословно. Ванситтарт также добавил, что в Москве все слишком подозрительные. «В международных делах, — отвечал ему Майский, — подозрительность во всяком случае лучше беспечности». Сказав это, Майский уже собрался было уходить, но Ванситтарт задержал его и задал еще один вопрос.

«В[анситтарт] подвел меня к горящему камину и, перейдя на самые интимные тона, в частном порядке заговорил о лейбористах.

Он-де имеет среди лейбористов много друзей, но должен признать-ся, что позиция лейбористов в некоторых внешнеполитических во-просах совершенно нелепа, в частности сейчас, например, в вопросе о Германии». Англичане, продолжал Ванситтарт, обычно сочувству-ют убогим, вот и в отношении Германии в последние годы такое сочувствие имело место не только среди лейбористов, но и среди либералов и консерваторов. «Однако той Германии, которой англи-чане сочувствовали тогда, в настоящее время больше нет. В настоя-щий момент имеется совсем другая Германия — опасная, угрожаю-щая, ошетилившаяся пулеметами и аэропланами». Лейбористы этой перемены не заметили и «во многих случаях механически продол-жают ту же линию поведения, которая была вполне правильна и естественна до прихода Гитлера к власти». Он хотел заострить вни-мание Майского на том, что если тому доведется беседовать с лейбо-ристами и они к нему вдруг прислушаются, «было бы совсем не пло-хо, если бы я им постарался разъяснить вредность и опасность их нынешней позиции». Майский признался, что уже общался с лейбо-ристами на политические темы, как и с либералами и с консервато-рами. «Я тоже иногда не согласен с теми взглядами, которые разви-вают лейбористы, — ответил Майский, — в частности в отношении европейских проблем, но лейбористы народ упрямый и, как все ан-гличане, любят иметь собственное мнение»¹. Так завершился разго-вор с Ванситтартом, прямолинейным дипломатом, который не все-гда раскрывал своим коллегам в МИД детали своих бесед с Майским.

Неделю спустя Ванситтарт представил в Кабинет министров за-писку, где обозначил похожие тезисы: «На протяжении года стано-вится все очевиднее страх России перед Германией, которая ныне одновременно и воодушевляет, и парализует Европу. Политика Рос-сии изменилась; объем коминтерновской пропаганды снизился, советское правительство стремится к улучшению отношений с Ве-ликобританией. Для нас, реалистов, все это имеет большой смысл, и мы не имеем права его упускать; не стоит переоценивать перемену в отношении и в то же время не стоит недооценивать пользу, кото-рую эта перемена может принести нам в тот момент, когда перед нами остро стоит проблема мирового масштаба».

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 13 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 175–183.

Страх СССР перед нацистской агрессией, продолжал Ванситтарт, привел к появлению в советском правительстве двух школ: Литвинова и военного комиссара Ворошилова. Политика Литвинова «для нас выгодна с политической и экономической точек зрения»; Ворошилов был сторонником традиционной политики сближения с Германией, и эту позицию, как предостерегал Ванситтарт, не стоит сбрасывать со счетов даже несмотря на ярый антикоммунистический настрой Гитлера. «Очевидно, — заключал Ванситтарт, — в наших интересах, чтобы возобладала школа Литвинова». Чтобы усилить ее позиции, британскому правительству следует принять давнее предложение Майского о министерском визите в Москву. «Нам это не будет стоить почти ничего, а учитывая, как Майский настойчив, отказ подпортит Литвинову и без того неидеальную репутацию»¹. Говоря о советской политике, Ванситтарт был прав и неправ одновременно. В Москве не существовало двух школ политической мысли, была только одна — сталинская. Ворошилов был человеком Сталина и не пошел бы против начальства. Если у него и были свои собственные соображения, то он держал их при себе. В посольствах западных стран в Москве постоянно ходили слухи о скорой отставке Литвинова, но эти подозрения сбудутся лишь в 1939 году. А в 1935 году Сталин поддерживал рекомендации Литвинова, часто цитируя их слово в слово. Не Сталин, так Ворошилов.

По указанию Литвинова Майский встретился с Саймоном по поводу ослабления британской поддержки Восточного пакта. На встрече присутствовал также Иден. Саймон уверял, что британское правительство выступает за пакт, но у Майского оставались сомнения. Министр спросил, готово ли советское правительство к «изменению характера Восточного пакта». Он хотел сказать, к его ослаблению, к превращению в ничего не значащую бумажку. Потому что даже такой вариант вряд ли устроил бы Берлин и Варшаву... Не обсуждается, — отрезал Майский. Это следует из его телеграммы в НКВД². Судя по всему, Литвинов не уставал поражаться непоколебимости британской политики, сравнивая записи бесед с Саймоном и Ванситтартом. Майский зондировал почву, задавая одни и те же вопросы и получая одни и те же ответы. Вот, например, какой

¹ Memorandum by Vansittart. C.P. 41 (35). 21 Feb. 1935. N912/17/38, TNA FO 371 19450.

² И. М. Майский — М. М. Литвинову. 21 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 122–124; Simon to Chilston. No. 98. 20 Feb. 1935. DBFP, 2nd, XII, 542–543.

диалог, состоявшийся в разгар дискуссии о Восточном пакте, сохранился в записях Майского.

Саймон задал гипотетический вопрос: что произойдет, если заключить пакт не получится? Британская общественность нетерпеливо скажет: «Если соглашение о востоке Европы в данный момент недостижимо, не лучше ли поставить себе более скромные и ограниченные задачи? Если бы действительно создалось такое положение, то британскому правительству пришлось бы считаться с настраиваниями общественного мнения».

«Стало быть, — воскликнул Майский, — Вы допускаете, что при известных условиях Восточный пакт может выпасть из лондонской программы?» Как пишет Майский, «С[аймон] замахал руками и стал утверждать, что он этого вовсе не думает. Он только теоретически обсуждает различные возможности. Тут неожиданно вмешался Иден и громко вставил: “Если на востоке не будет обеспечена безопасность, то не получается никакого разоружения. Не так ли?” — прибавил он, обращаясь ко мне.

Я подтвердил, что, конечно, если система “западной безопасности” будет осуществлена, а Германии на востоке будут развязаны руки, то трудно думать, чтобы какое-либо из восточных государств могло пойти на разоружение». «Совершенно верно! — воскликнул Иден. И затем, обращаясь к Саймону, заметил, что без решения проблемы “восточной безопасности” вообще трудно сделать какой-нибудь существенный шаг вперед».

«Саймон, не возражая против слов Идена, беспомощно развел руками и заявил: “Но немцы ни за что не хотят Восточного пакта? Что с ними сделать?”»

Майский записал: «Я ответил, что за германскую оппозицию Восточному пакту значительную долю ответственности несет британское правительство. В Берлине создалось твердое убеждение, что британское правительство относится к Восточному пакту прохладно, если даже не враждебно. Поэтому немцы так упорствуют в вопросе о Восточном пакте». Саймон запальчиво воскликнул, что это не так, хотя в вопросе британской поддержки он немного перестраховывался. Майский был мастер прошупывать и провоцировать. «“Откуда у немцев могло взяться такое представление? Вы что-нибудь слыхали об этом?” — спросил Саймон, обращаясь к Идену. Иден неопределенно пожал плечами».

Впечатление, которое сложилось у Майского о разговоре между Саймоном и Иденом, было сродни сценкам Лорела и Харди. Британец Стэн Лорел и американец Оливер Харди образовали голливудский кинодуэт в 1927 году, и в Англии их не могли не знать. И эти уклончивые пожимания плечами Ванситтарта явно не спасали. Диалог какое-то время продолжался, говорил в основном Саймон, но собеседники ни к чему не пришли. «Политика “сидеть у моря и ждать погоды” ни к чему хорошему привести не может, — напутствовал Майский, — нужно действовать, а не плакаться»¹.

После этого разговора настроение Майского было переменчивым, от пессимизма к оптимизму. Соответствующая запись в дневнике и нумерованная депеша были обнадеживающего содержания о положительном сдвиге в британской политике, о том, что Лондон признал литвиновскую аксиому неделимого мира и недостижимости безопасности в Европе без участия Советского Союза. Тем не менее влиятельные политические силы Великобритании выступали за сближение с Германией и не торопилась «с признанием СССР подлинной великой державой». Нынешний благоприятный настрой Лондона грозил испортиться — «надо быть очень начеку». Мимоходом Майский отмечает, что «Таймс» и «Дейли телеграф» опубликовали статью, по всей видимости, исходящую от британского МИД, в которой сообщалось, что во внешнеполитическом ведомстве обсуждается вариант с визитом в Москву британского министра. Он воспринял это как добрый знак².

Британский визит в СССР

На всякий случай Майский двумя днями позже спросил Ванситтарта, были ли те публикации «уткой» или имели под собой реальную почву. Ванситтарт ответил, что проводил опрос среди членов кабинета по поводу визита в Москву и получил одобрение³. Литвинов не очень понимал, что происходит. Майского по-прежнему беспокоило, что Саймон «продолжает свою антисоветскую линию и во что бы то

¹ Дискуссия И. М. Майского с Дж. Саймоном и Э. Иденом. 20 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 184—192.

² И. М. Майский — М. М. Литвинову. 22 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 49—50; *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. I. С. 77—78 (запись от 21 февраля 1935 г.).

³ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 22 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 18. Л. 6.

ни стало хочет договориться с Германией хотя бы на базе предоставления ей свободы действий на востоке. Только не выйдет это. Мы не позволим»¹.

Литвинов запросил инструкции у Сталина. «Я отнюдь не считаю особенно желательным приезд Саймона в Москву, но в то же время мы не должны создавать у него впечатления, что его приезд нам нежелателен». Литвинов предположил, что в случае неофициального запроса или зондирования Майскому следует отвечать, что в Москве ждут приезда Саймона или кого-либо еще из министров². НКВД, однако, не счел публикации в «Таймс» и «Дейли телеграф» сколько-нибудь заслуживающими доверия, и Майского просили дожидаться какого-либо подтверждения от британского МИД. Он не согласился с Москвой, на что ему было сказано, что НКВД и вовсе сомневается в желании Саймона приезжать в СССР. Так или иначе Майский в результате добился своего: Литвинов уполномочил его пригласить в Москву Саймона, но только его одного. «Лучше бы позвали Идена», — записал Майский в дневнике³.

По указанию Литвинова Майский 28 февраля встретился с Ванситтартом, фактически на тот момент уже старым его приятелем. Майский снова осведомился по поводу позиции кабинета относительно визита в Москву. Во время внутриправительственных дискуссий против выступили лишь два министра. Ванситтарт не назвал имен, но из других источников Майский знал, что это были военный министр Хейлшем и министр по делам Индии сэр Сэмюэль Хор. Пресса отреагировала позитивно. Ванситтарт заметил, что, если бы СССР подтвердил свое приглашение три-четыре дня назад, то решение бы было уже принято. Саймона ждут в Москве, ответил Майский, задержка связана с неопределенностью по поводу того, будет ли приглашение принято. Затем переключились на обсуждение оргвопросов, что немаловажно, но вряд ли стоит утруждать читателя излишними подробностями. Майский спросил, поедет ли вместе с Саймоном в Москву Иден. Ванситтарт ответил, что это пока не ясно⁴.

¹ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. I. С. 79 (запись от 22 февраля 1935 г.).

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 25 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 78.

³ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. I. С. 79–80 (запись от 28 февраля 1935 г.).

⁴ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом от 28 февраля 1935 г. 9 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 18. Л. 11–14.

В это время Саймон был в Париже и обсудил на встрече с Лавалем Восточный пакт. Поскольку данная инициатива уже была отвергнута Германией и Польшей, ее обсуждение в Лондоне и Париже выглядело как отчаянный шаг, попытка договориться о чем-то кроме договоров о взаимопомощи. Литвинов по-прежнему не доверял Саймону и проинструктировал Потемкина, чтобы тот перед переговорами с Саймоном встретился с Лавалем. Это позволило бы пресечь попытки ослабить Восточный пакт или заменить его пактами о ненападении¹. Можно подумать, Потемкин мог помешать Лавалю обмануть советское правительство в случае, если бы на горизонте появился берлинский вариант. Литвинов следил за Саймоном, как ястреб. Сообщите Ванситарту, писал он Майскому, о выходе редакционной статьи в «Известиях», посвященной английской «угодливости» перед Гитлером. Теперь лондонские газеты писали, что Саймон, дабы не раздражать Гитлера, может и отменить визит в Москву. Хуже того, Саймон еще до встречи с Гитлером уже рассматривал варианты уступок ему и принуждал к тому же французов. Литвинов давал понять, что будет рад видеть в Москве Идена и Ванситтарта². Ничего удивительного: наркома беспокоило, что что-то может пойти не по плану. Он, как и Майский, надеялся, что Иден, и особенно Ванситтарт, станут политическими «комиссарами», которые не дадут Саймону отклониться от курса. Литвинову приходилось пристально наблюдать и за Парижем. Задача была не допустить, чтобы Лаваль поддался Саймону или же дал Гитлеру себя одурачить.

Майский теперь отвечал исключительно за успех британского визита в Москву. С Ванситтартом он виделся если не каждый день, то через день. 4 марта в посольстве дали обед в честь Ванситтарта и Сариты. Если читатель помнит их последнюю встречу, то не будет разочарован и в этот раз, поскольку леди Ванситтарт вновь перемыла косточки Саймону, совершенно не заботясь о том, что ее слова могут случайно подслушать. Как высокопоставленная гостья, она села рядом с Майским и стала рассказывать обо всех трудностях, с которыми Ванситтарт сталкивается в МИД. «Ванситтарт

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 27 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 144–145.

² М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 3 марта 1935 г. // Там же. С. 157; М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 18. Л. 7–8.

и Саймон на многие вопросы смотрят весьма различно. Сверх того, Саймон мало времени уделяет Форин-офису и сваливает всю огромную массу текущей заботы на Ванситтарта. Последний буквально зашивается в работе, будучи занят с раннего утра и до поздней ночи, в то время как Саймон играет в гольф и ездит на свою дачу каждый уик-энд». Последние две недели, продолжала Сарита, творился настоящий организационный ад из-за всех этих встреч с французами и зарубежных поездок Саймона. Саймон лезет во все дела, может сегодня сказать «да», завтра скажет «нет», а послезавтра попросит отложить. Сарита продолжила рассказывать о своих горестях: так, 27 февраля кабинет одобрил министерскую поездку в Берлин, но не в Москву. Ванситтарт полагал, что произошла ошибка, доказывал, что важны оба направления, но не мог повлиять на кабинет отчасти потому, что советская позиция по поводу визита еще не была известна. Ванситтарт хотел решить вопрос как можно скорее. Однако Саймон спустя несколько дней после возвращения из Парижа в министерстве не показывался, проводя время у себя в загородном доме либо за игрой в гольф. Ванситтарт изо всех сил пытался отловить Саймона, но тот его избегал. Наконец, 3 марта Ванситтарт отправился на встречу с Болдуином и Макдональдом. После долгих дискуссий он получил от них одобрение на визит Саймона в Москву. По словам Сариты, у ее мужа почти что лопнуло терпение. Майский предложил ей приехать в Москву на Пасху как туристы. Сарита ответила, что поехала бы с радостью, но Саймон грозит расстроить их планы. Наконец Майский спросил, собирается ли Саймон в Берлин вместе с Иденом. «К счастью, вместе с Иденом, — отвечала она. — Саймон очень падок на лесть, а Гитлер в этом отношении, вероятно, не будет скупиться. Это может толкнуть Саймона сделать в Берлине какие-либо неосторожные заявления. Иден будет его сдерживать и поправлять»¹. Несомненно, читатель сделает из этого разговора выводы: во-первых, Ванситтарт все рассказывал супруге, а во-вторых, Саймон ей не нравился и не пользовался ее уважением. Далее логично заключить, что Сарита была женщиной болтливой, или же ей просто был симпатичен Майский и она хотела посодействовать ему и мужу с московским визитом. Литвинов

¹ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. Дискуссия с леди Ванситтарт 4 марта 1935 г. Кн. I. С. 82–83.

не зря не доверял Майскому и не хотел оказаться в ситуации, в которой министр, уже получив приглашение в Москву, отменит визит.

За обедом Майский подсел к Ванситарту поболтать о литературе. Ванситарт перебил его, заявив, что хочет говорить о делах, а именно о визите. Визит получил поддержку Болдуина и Макдональда. Прочие члены кабинета также были «за» или по крайней мере не имели возражений. Даже двое министров, которые изначально не приняли идею, теперь смягчили свою позицию. Следующее заседание кабинета, напомнил Ванситарт, через два дня. Вероятно, визит одобряют, но нам нужно приглашение от Советского Союза. Майский, в свою очередь, объяснил, что ему были даны указания не отправлять официального приглашения до одобрения визита британским кабинетом, что здесь непонятного? Майскому заметил, что теперь это напоминает юмористическую сценку между Альфонсом и Гастоном — двумя вежливыми французами, которые уступают друг другу. Немного подумав, Ванситарт подтвердил, что похоже. «Впечатление было такое, — заметил Майский, — что ему в голову пришла какая-то новая комбинация».

Затем заговорили о визите Саймона в Берлин, запланированном на начало марта, и о том, какие действия Москве предпринимать впоследствии. Обсуждали логику и тактику. Говорили о том, кто конкретно из сотрудников поедет сначала в Берлин, а затем в Москву. В других обстоятельствах Москву бы устроил визит одного Идена, благодаря хорошему отношению к нему Литвинова и других членов советского правительства.

«Однако в данном случае и при данной обстановке поездка одного Идена в Москву после того, как в Берлин ездили Саймон и Иден, естественно могла бы дать повод к разного рода нежелательным толкованиям. Надо стараться избежать таких толкований. В[анситарт] полностью со мной согласился, но прибавил: “Все-таки, как крайний случай, я думаю, что лучше визит Идена, чем совсем никакого визита”. И, когда я спросил В[анситарта], в чем же дело, почему Саймон после визита в Берлин не смог бы с равным успехом сделать визит в Москву? В[анситарт] кисло усмехнулся и с некоторым раздражением заметил: “Для всякого визита, кроме возможности, нужно еще желание”».

Майский продолжал беспокоиться по поводу британских уступок Берлину. 20 февраля он предостерегал Саймона и Идена от

ослабления Восточного пакта. Но, прибыв в Париж, Саймон начал убеждать Лаваля отказаться от идеи Восточного пакта о взаимопомощи в пользу не таких прочных двусторонних договоров о ненападении. В ответ на такое проявление слабости Гитлер, несомненно, ужесточит свои требования. Ванситтарт согласился, но повторил уже сказанное им: что Великобритания в силу географических и политических причин непосредственно не участвует в Восточном пакте и не сможет выступить его гарантом. В этой связи возможности Великобритании уговорить куда более заинтересованные стороны заметно ограничены. Под конец беседы Ванситтарт и Майский договорились встретиться вновь после двух заседаний кабинета и оценить положение дел¹.

В тот же день, 4 марта, британское правительство выпустило Белую книгу по обороне, с призывом увеличить военные расходы. На следующий день Гитлер внезапно объявил, что болен и не сможет встретиться с Саймоном и Иденом; их визит был запланирован на 7 марта. Фюрер подхватил ларингит; встреча откладывалась на неопределенный срок. 6 марта Майский, как и было условлено, приехал на встречу с Ванситтартом узнать у того, как прошло заседание кабинета. Порадовать было нечем: уже по одному выражению лица Ванситтарта стало понятно, что есть трудности. Решение по визиту в Москву вновь отложено. Вся неразбериха из-за болезни Гитлера: поездка в Берлин повисла в воздухе, планы на московский визит застопорились. Однако, поспешил добавить Ванситтарт, при обсуждении эту идею поддержали. Кабинету, однако, нужно официальное приглашение с соблюдением всех формальностей, иначе некоторые министры будут придирааться. Когда Майский спросил Ванситтарта, что тот думает о гитлеровских фокусах, тот разразился ругательствами².

На следующий день, 7 марта, Ванситтарт по телефону сообщил Майскому об одобрении Кабинетом министров визитов в Москву и Варшаву вне зависимости от визита в Берлин. Едет Иден. Об этом решении сегодня должен будет объявить Саймон в Палате общин. Майский ответил, что запросит инструкций у Москвы, поскольку не уполномочен приглашать одного Идена. Ванситтарт ответил — это

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 9 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 18. Л. 15–20.

² Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом от 6 марта 1935 г. 9 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 18. Л. 21–22.

максимум, что он мог сделать в данных обстоятельствах. Майский замечает:

«Далее В[анситтарт] стал меня убеждать, что кандидатура Идена со всех точек зрения очень целесообразна и выгодна. Иден — молодой, свежий, гибкий дипломат, прекрасно понимающий международную обстановку и важность коллективной системы мира. Он владеет языками, хорошо знаком с Литвиновым, с интересом относится к СССР. Сверх того, Иден очень влиятелен в Консервативной партии, где на него смотрят как на восходящее светило. Он, В[анситтарт], поэтому думает, что поездка Идена в Мск [Москву], несомненно, явится крупным шагом вперед по пути улучшения англо-советских отношений».

Майского кандидатура Идена вполне устраивала, но, если говорить о внешней стороне дела, Иден был младше Саймона по должности. Майский прямо поинтересовался, мог бы Иден заменить Саймона в Берлине. «Ванситтарт усмехнулся и сказал, что вопрос о берлинском визите сейчас повис в воздухе, и когда у Гитлера поправится голос, вновь будут обсуждены его детали»¹.

Иден едет в Москву

«Итак, Иден едет! — написал Майский в дневнике, — Очень хорошо»². Он немедленно информировал Москву телеграммой, а Литвинов в ответ дал ему указание немедленно уведомить Ванситтарта об «официальном приглашении» Идена в Москву. «Мы считали бы желательным его немедленный приезд, — отмечал Литвинов, — а если это невозможно, то немедленно после берлинских англо-германских переговоров»³.

Майский рекомендовал широко осветить визит в советской печати и устроить встречу со Сталиным даже при том, что Ванситтарт или Иден пока не поднимали этой темы. «Вообще визит Идена, даже независимо от своих непосредственных результатов, — полагал Майский, — будет иметь чрезвычайно крупное международно-политическое значение. Это окончательное “признание” СССР

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом (по телефону). 9 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 18. Л. 23–24.

² Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. I. С. 85 (запись от 7 марта 1935 г.).

³ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 8 марта 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 165–166.

великой державой со стороны другой великой державы и при том такой, как Великобритания». Майскому было не занимать пафоса: «Момент несомненно исторический». Британская пресса, добавил он, за исключением «Дейли мейл» и «Дейли экспресс», реагирует положительно.

Были и не только хорошие новости: источником беспокойства оставалась Лейбористская партия. Майский, по всей видимости, внял просьбе Ванситтарта и поговорил со своими знакомыми лейбористами. «Много неприятных разговоров за последнее время я имел с лейбористами, — рассказывал он Литвинову. — Эти люди сейчас совершенно растеряны в области международно-политических дел и делают одну глупость за другой».

«Привыкнув относиться к догитлеровской Германии с сочувствием и симпатией, как к жертве Версаля, они очень часто и до сегодняшнего дня бубнят все ту же старую песню, не замечая или не желая замечать, что в настоящее время приходится иметь дело с совершенно иной Германией. В результате целый ряд выступлений в печати, в парламенте, которые просто льют воду на мельницу Гитлера. Некоторые лейбористские лидеры полны абсолютного пессимизма во всем, что касается внешней политики. Сегодня, например, у меня был [Джордж] Ленсбери. Его общая установка такова: идет бешеная гонка вооружений, остановить ее невозможно. Война в недалеком будущем неизбежна, и нет тех сил, которые могли бы предотвратить надвигающуюся катастрофу. Отсюда легкомысленно-наплевательское отношение ко всякого рода практическим мероприятиям по уменьшению или отдалению опасности войны, вроде Восточного пакта взаимной помощи».

Так что же делать? Майский был намерен бороться дальше. «Самой собой разумеется, что я не скрывал и не скрываю своей оценки подобных настроений ни от кого из моих лейбористских знакомых. На некоторых это начинает действовать. Но в общем на данном этапе международно-политического развития Лейбористская партия оказывается застигнутой врасплох и плывущей без руля и без ветрил»¹.

Тем временем у Гитлера закончился его дипломатический ларингитный карантин. 9 марта нацистское правительство объявило о том,

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 9 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 18. Л. 25–27.

что у него появились военно-воздушные силы, люфтваффе. Неделью спустя, 16 марта, в нарушение обязательств по Версальскому договору Гитлер объявил о восстановлении воинской повинности и о том, что у него теперь имеется 500-тысячная армия. По логике, данные действия должны были спровоцировать дальнейшее укрепление англо-советских отношений. И вроде бы даже Саймон поменял свои взгляды, по крайней мере на время встречи. 13 марта Майский сообщил, что встречался с Саймоном по поводу предстоящего визита: «Визит Идена, по мнению Саймона, имеет историческое значение как видимое свидетельство того, что “Россия вернулась в Европу” и стала интергральной частью европейской политики»¹.

«Большая историческая дата, — написал Майский пару дней спустя. — Пройдена крупная ступень на пути к новой мировой войне! Итак, карты на стол. Версальский договор открыто и торжественно изорван в куски. Фашистская Германия превращается в грозную военную державу»². Так оно и было.

Хуже того, британское правительство совершило неосмотрительный шаг. 18 марта в 16:00 МИД отправил в Берлин ноту для уточнения, в силе ли запланированные переговоры. Не ноту протеста — ничего подобного. Три часа спустя германское правительство ответило согласием, о чем в 21:00 было объявлено в Палате общин. Майский предвидел такой исход... «Слабо! — написал он в своем дневнике. — Какой позор! Какое падение!»³ Не посоветовавшись ни с Францией, ни с СССР, британское правительство объявило, что визит Саймона состоится. «Не предполагал, что правительство Его Величества столь трагическим образом погрузится в суету, — отмечал Ванситтарт. — Всеми миру мы казались оплотом уверенности и надежности»⁴. Это было правдой, если не считать того, что днем ранее Ванситтарт уже дал изрядную слабину с Корбеном⁵. И совсем уж безжалостный разбор британской капитуляции устроил Крестинский. Он поделился своими соображениями с Майским, которого уполномочили сопровождать Идена в Москву. Крестинский

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 13 марта 1935 г. (две телеграммы) // ДВП. Т. XVIII. С. 172–173, 625.

² *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. I. С. 92–93 (запись от 17 марта 1935 г.).

³ Там же. С. 94–95 (запись от 19 марта 1935 г.).

⁴ Vansittart's minute. 19 March 1935. N524/17/38, TNA FO 371 19450.

⁵ Corbin. Nos. 321–326, 318. March 1935. DDF, 1re, IX, 603–605.

сообщил, что обстановка стала хуже, чем неделю назад. Немцы объявили о создании люфтваффе и восстановили воинскую повинность в нарушение военных положений Версальского договора. А как отреагировал Лондон? «Английское же правительство, — отметил Крестинский, — не только не реагировало на это резко, не только не потребовало экстренного созыва Совета Лиги Наций, но послало скромненькую ноту и напросилось на то, чтобы немцы не отменили берлинского свидания». Это было похоже на то, как шулер достает туз из рукава, а британцы, вместо того чтобы с негодованием перевернуть карточный стол, просят шулера сдавать дальше.

«Естественно, что при такой расстановке сил руководящая роль в берлинских переговорах будет принадлежать немцам. Англичанам нечего уже обещать немцам, ибо все английские козыри немцы взяли себе сами за последние дни. В роли просителей будут выступать англичане, напуганные размахом немцев в деле развертывания армии. Англичане будут просить немцев сократить несколько число корпусов и дивизий. Немцы же будут доказывать, что они вынуждены идти на такой рост своей армии, и будут требовать от англичан политической компенсации не за сокращение намеченной численности германской армии, а за недопущение дальнейшего ее увеличения».

«Наша позиция остается, конечно, прежней, — продолжал Крестинский. — Полуторадневная совместная поездка с Иденом даст Вам возможность и подробно выяснить все, о чем англичане говорили и, может быть, договорились в Берлине с немцами, и повлиять на Идена в нужном нам смысле. Одним словом, у Вас будет возможность проделать некоторую подготовительную для Максима Максимовича работу»¹. Любопытно, что, несмотря на все неприятные сюрпризы, преподнесенные британцами или французами, советская сторона не упускала случая предупредить об опасности гитлеровской Германии. И советское руководство осознавало эту опасность не задним умом, как историки новейшего времени, а как участники событий, которые пока не знают, что ждет впереди (или так и не узнают, как Крестинский, попавший под каток сталинских репрессий), но имеют о будущем весьма однозначное представление.

¹ Н. Н. Крестинский — И. М. Майскому. 19 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 48. Д. 7. Л. 46—47.

В Лондоне Ванситтарт попытался нивелировать ущерб от британской ноты, отправленной Гитлеру. Словно управляющий гостиницы, он прибирал за намусорившим в номерах правительством. 20 марта Ванситтарт пригласил Майского на встречу в МИД. Прежде всего он выразил благодарность Майскому за усилия по улучшению англо-советских отношений и осуществлению запланированной поездки Идена в Москву. Ванситтарт объявил, что возлагает на московский визит большие надежды, и это важный шаг на пути к улучшению отношений. Майский, конечно же, согласился. Встреча прошла в духе взаимного восхищения и подлинного товарищества в деле сохранения мира и безопасности в Европе. Из этих двоих — английского аристократа и русского революционера — получался отличный тандем.

По словам Майского, Ванситтарт также хотел поговорить о событиях предыдущих нескольких дней — в свете визита Саймона в Берлин, который то откладывался, то снова актуализировался. «Говорил он с явным волнением, местами полунамеками, но в общем так, что я мог понять». Приготовления к визиту Идена в Москву шли успешно. Сталин согласился встретиться с Иденом. Власти СССР планировали изысканный прием. Ванситтарт надеялся, что советское правительство не будет разочаровано отсутствием Саймона. Он считал, что это даже к лучшему. Ждали Идена. В британском правительстве, в том числе в МИД, развернулось противоборство между сторонниками «мягкого» и «жесткого» взгляда на Германию. Как читатели уже догадались, «мягким» был Саймон, а «жестким» Ванситтарт. «В самом деле, гитлеровская бомба требовала гораздо более твердой реакции со стороны Великобритании. Всякая слабость только поощрит Гитлера. Он [Ванситтарт] это доказывал, на этом настаивал, но, к сожалению, без успеха. Он даже узнал об отправке ноты 18 марта постфактум. В[анситтарт], однако, думает, что события, в конце концов, его оправдают как оправдывали до сих пор». Он также не сомневался в том, что визит в Берлин окажется бесполезен, и это послужит уроком лейбористам, либеральной оппозиции и даже определенным министрам-консерваторам. «Гитлер своими действиями сильно помогает тем, кто как он, В[анситтарт], давно уже пришли к выводу, что Германия является величайшей опасностью для мира».

Майский справился об указаниях, которые получил Саймон перед поездкой в Берлин. «Я указал при этом на то, — отмечал Майский

в своем отчете, — что поведение британского правительства на протяжении последних дней произвело на меня чрезвычайно гнетущее впечатление и что в Москве оно расценивается как полная капитуляция и торжество Гитлера». Что же Саймон собирался говорить и делать в Берлине? Майский хотел это знать. Очень трудно было понять истинную позицию Саймона в важнейших вопросах. Он еще не пересек границу Германии, а уже сделал публичные заявления об уступках в вопросе Восточного пакта. Ванситтарт заверил, что Саймон займет жесткую позицию, а Иден, который едет с ним, за этим проследит. Визит носил исключительно ознакомительный характер. По возвращении в Лондон Саймон и Иден должны были доложить о поездке Кабинету министров и провести консультации с Францией и Италией, а эти две страны, как и многие другие, осуждали поведение Лондона¹. То, насколько близко Ванситтарт общался с Майским, и то, что он поделился конфиденциальной информацией, свидетельствовало о доверии и убежденности в важности укрепления англо-советских отношений. Очень интересно из отчетов Майского узнать, как протекала эта замечательная встреча.

22 марта Ванситтарт вновь встретился с Майским, на этот раз вместе с Иденом. Они обсуждали организационные моменты. Майский должен был встретиться с Иденом в Берлине и оттуда поездом они должны были направиться в Москву. Кратко обсудили и программу московских встреч. Ванситтарт повторил то, что уже говорил Майскому на предыдущей их встрече о важности англо-советских отношений. Иден дал понять, что поддерживает точку зрения Ванситтарта.

«Я ответил, — отмечает Майский в отчете, — что всякое улучшение отношений между СССР и Англией встретит несомненно поддержку со стороны советского правительства. Ванситтарт, который имеет со мной дела уже на протяжении двух лет, может это легко подтвердить (тут В[анситтарт] сочувственно кивнул головой)... Надо только иметь в виду, что укрепление дружеских отношений между [нашими] странами не может выражаться лишь в одних хороших словах, нужны также и хорошие дела». То была знакомая советская

¹ Консультации И. М. Майского в связи с поездкой Э. Идена. 25 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 18. Л. 29—43; *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. I. С. 95 (запись от 20 марта 1935 г.).

фраза, которую не раз слышали вероятные английские и французские союзники. Советское правительство все еще беспокоил отложенный визит Саймона в Берлин. Майский настаивал, чтобы «во всех сношениях с Гитлером англичане проявляли твердость, твердость и еще твердость. Всякая слабость, проявленная в Берлине, создаст дополнительные трудности в Москве».

«Вы можете быть спокойны, — ответил Иден, — за исход берлинского визита. Никаких связывающих обещаний британская делегация не будет и не сможет давать, ибо сам визит носит характер выяснения точек зрения, но не принятия каких-либо решений». Другими словами, у Саймона были ограниченные полномочия. Идену ничего не стоило признать важную роль Советского Союза в Европе: «Говорить о том, что европейский мир можно построить без СССР — нелепость. Это ясно всякому, это ясно и британской делегации». Что касается жесткости в отношениях с Берлином, тут Иден несколько колебался. «Все будет обстоять благополучно, — сказал он. — Британские министры едут в Берлин для того, чтобы иметь твердый и откровенный разговор с Гитлером». Может, и так, а может, нет.

Иден полушутя заметил, что советская печать в последние дни нелестно отзывалась о британской политике. «А разве Англия это не заслужила?» — отвечал Майский, также полушутя. Полпред был мастером пикировки, как и его британские собеседники.

«Вашими бы устами да мед пить, — записал Майский в дневнике. — Посмотрим, как выйдет на деле»¹. Очевидно, что политика нацистов была направлена на то, чтобы посеять раздор между французским, британским и советским правительствами. Гитлер раздражался речами об опасности большевизма и обвинял СССР и Францию в попытках взять Германию в окружение. Эти пассажи были по душе многим консерваторам и некоторым сотрудникам британского МИД. Но как бы ни презирал британцев Литвинов за их нетвердую позицию, Иден направлялся в Москву; какими бы хрупкими ни были отношения с Великобританией, сейчас представлялся шанс их укрепить. Остановить Гитлера могла только коалиция решительно настроенных государств, в которой должна занять место Великобритания. В своей докладной записке Сталину

¹ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. I. С. 96–97 (запись от 22 марта 1935 г.); *И. М. Майский* — в НКВД. 22 марта 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 199–200.

Литвинов придерживается исключительно делового тона, сдерживая презрение, которое он не скрывал в разговорах с послами. Иден, по собственным словам, едет в Москву для обмена мнениями по разным вопросам, среди прочего проблемы безопасности, разоружения, возвращения Германии в Лигу Наций. «Нет пока никаких оснований думать, что Германия и теперь согласится на какой бы то ни было Восточный пакт, даже без взаимной помощи». Также, добавил Литвинов, нет оснований думать, что Германия согласится на какое-либо приемлемое компромиссное решение.

«Оособо стоит вопрос о Прибалтике». Этот вопрос беспокоил Литвинова больше всего, поэтому он продолжил:

«Франция решительно отказалась предоставить свои гарантии Прибалтике в случае нападения на них... Если считать оккупацию Прибалтики началом наступления на СССР, то мы должны сидеть сложа руки в ожидании перехода германской армией нашей границы, в каком случае вступит в действие гарантийный пакт с Францией и Чехословакией. Даже если бы удалось добиться от Прибалтики пропуска наших войск навстречу германской армии, то мы окончательно лишились бы помощи Франции».

Теперь читателю знакомы аргументы Литвинова. Верно, добавил нарком, что Лига может предложить решение в виде признания германской агрессии, но дело будет двигаться столь медленно, что у Германии будет больше чем достаточно времени на захват всей Балтии. Отсюда следовало, что, сыграв на нынешних страхах Франции, мы могли бы добиться распространения гарантий на Балтийские страны:

«Надо отметить крайне неустойчивую позицию Эстонии и Латвии, которые с самого начала относились более чем индифферентно к Восточному пакту. Они понимают, что оказать им помощь против Германии мы можем, лишь пройдя их территорию, и они опасаются, как бы мы не отказались вывести свои войска из Прибалтики, присоединив ее вновь к СССР. Такие опасения высказывает и Польша. *Очевидно придется согласиться на особые гарантии в отношении эвакуации из Прибалтики и эвентуально из Польши войск, которые временно очутились бы на этой территории в порядке оказания военной помощи* [курсив наш. — М. К.]».

Страны Балтии приветствовали бы гарантии независимости от западных держав — Франции и особенно Англии. Поэтому мы

обязаны обсудить, стоит ли нам в беседах с Иденом прошупать отношение Англии к предоставлению странам Балтики общих гарантий независимости.

Литвинов отметил, что, очевидно, после плебисцита в Сааре экспансионистские стремления Германии будут расти — аппетит «у Германии приходит во время еды»; и чем проще будет получаться экспансия, тем быстрее Германия выполнит намеченный план завоеваний. «И поэтому считал бы нецелесообразным, — заключил (и, надо сказать, довольно сдержанно) Литвинов, — поощрять какие бы то ни было подачки Германии, а тем более в восточном направлении». Читатель вправе удивиться, как советский чиновник оказался дальновиднее своих западных коллег и видел то, чего те видеть не хотели.

С Великобританией, продолжал Литвинов, у Советского Союза нет серьезных конфликтов, в случае «если оба государства будут стоять на почве охранения мира как в Европе, так и в остальном мире». Мы будем готовы подписать пакт о ненападении. Советское правительство не предъявляет Великобритании никаких требований по соблюдению свободы слова или печати, которые касались бы СССР; оно лишь просит, чтобы в прессе и в парламенте к СССР относились с той же корректностью, как к другим государствам. По этим пунктам советское правительство готово было ответить взаимностью. Затем Литвинов разъяснил, какое значение договор о ненападении будет иметь для Центральной Азии, где обычно сталкивались интересы Великобритании и России. Литвинов также заострил внимание на опасности, исходящей от Японии, не скрывавшей своих гегемонистских планов на Азию. Ему виделся вариант с заключением пакта о взаимопомощи на Дальнем Востоке против Японии, схожего с Восточным пактом в его изначальном виде, предложенным Францией и ее тогдашним главой МИД Барту¹. Повестка у Литвинова была насыщенной, всеобъемлющей. За неделю до приезда Идена в Москву он пять раз, в разные дни, встретился со Сталиным; большинство раз — наедине, но один раз вместе со Стомоняковым, отвечавшим за дела с Польшей². Очевидно, Сталин отнесся к визиту Идена весьма

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 22 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 117—130. Копии были отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу, Г. К. Орджоникидзе.

² Между 20 и 27 марта 1935 г. // На приеме у Сталина. С. 157—158.

серьезно. Будет ли толк от насыщенной программы Литвинова? Ванситтарт в Лондоне изо всех сил пытался убедить кабинет в важности улучшения отношений с СССР. То была тяжелая и неблагодарная работа. Накануне визита Идена в Москву в англо-советских отношениях прослеживались два ключевых мотива. В декабре 1934 года помощник замминистра Маунси подчеркивал важность не слов, но дел в улучшении отношений с Советским Союзом¹. Этот принцип перенял и Майский, вероятно, от Ванситтарта. Вторым мотивом был реализм; к этому термину часто прибегал Ванситтарт, рассказывая о главной движущей силе его политических убеждений. «Я не настроен антигермански, — объяснял он британскому послу в Берлине сэру Эрику Фиппсу. — Я считаю, что осуществляемые Германией военные приготовления, как в материальном, так и в моральном плане... далеко превосходят по масштабам те, что предполагались бы... только для поддержания внутреннего порядка. Если эта воинственная подготовка тела, духа, металла прекратится, я первым вздохну с облегчением и поменяю взгляды... Но пока эти факты — *а это факты!* [выделено в оригинале. — М. К.] — имеют место, никакими словами меня не переубедить».

«Ожидаю от тех, кто работает со мной в МИД — продолжал Ванситтарт, — такого же реалистичного подхода, как у меня»². Майский подхватывал эту тему в своем письме в Москву: он отметил что в устах Ванситтарта «слово “реалист” является синонимом человека, который сознает всю серьезность германской опасности»³. В своих мемуарах Майский обращает внимание на то, что по вопросу англо-советских отношений в Великобритании существовало два политических лагеря: тот, что руководствовался мотивом «классовой ненависти», возобладав над тем, который руководствовался «государственными интересами»⁴. Иден видел это несколько по-другому: он помнил, что кабинет без энтузиазма воспринимал англо-советские отношения, а некоторые его члены считали коммунистов чуть ли не антихристами. Теперь же, когда нацистская угроза толкала других членов кабинета «отужинать с дьяволом... они вдруг

¹ Mounsey's minute. 31 Dec. 1934. N7104/16/38, TNA FO 371 18306.

² Vansittart to Phipps. 5 March 1935. DBFP, 2nd, XII, 605–606.

³ Запись беседы И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 6 июня 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 385–387.

⁴ *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата. С. 142–143, 289.

усомнились, накормит ли он их досыта»¹. В действительности на ужине с «большевистским дьяволом» для многих членов британской элиты ложка всегда была мала.

Московские переговоры Идена

Визиту Идена в Москву предшествовала остановка в Берлине, где он вместе с Саймоном встретился с Гитлером и другими германскими руководителями. Эта встреча, как и предсказывал Вансит-тарт, не принесла ощутимых результатов. Саймон вернулся в Лондон, а Иден в сопровождении Майского отправился в Москву.

Московские встречи прошли идеально. Литвинов даже слишком расщедрился, великодушно пригласив лорда-хранителя на официальный банкет. «Поднимаю бокал, — согласно английской версии описания встречи, провозгласил Литвинов, — за здоровье Его Величества короля Великобритании, за процветание и благополучие британского народа и за Ваше здоровье!» Необычно: большевик пьет за здоровье короля Англии². За обедом, который состоялся на даче у Литвинова, на столе были выложены пачки масла с напечатанным на упаковке знаменитым литвиновским девизом: «Мир неделим». Очевидно, никто не желал испортить надпись со словами Литвинова, поэтому подносы с маслом остались нетронутыми³. Большинство дискуссий за столом вели Иден и Литвинов, но 28–29 марта на одной из встреч к гостям присоединились Сталин и Молотов. Эти дискуссии во многом представляли собой возрождение диалога между СССР и Западом, который почти сошел на нет с приходом Гитлера к власти. Иден рассказал о встречах Саймона в Берлине, но главной темой стала нацистская угроза миру. Иден сообщил, что британские министры отправились в Берлин с целью прояснить возможность участия Германии в системе европейской безопасности. Если Германия не участвует (а именно такой вариант представлялся наиболее вероятным), то предстояло хорошенько подумать, как быть дальше.

¹ Facing the Dictators. P. 181.

² Речь М. М. Литвинова (английская версия). Без даты // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 18. Л. 57–60.

³ Facing the Dictators. P. 160–182.

Прибытие британского лорда-хранителя печати Э. Идена в Москву (справа от него лорд Чилстон, слева М. М. Литвинов). 28 марта 1935 года. АВПРФ (Москва)

Литвинов говорил, что у СССР нет ни тени сомнения в агрессивных намерениях Германии. Германская внешняя политика основана на двух основных идеях — реванша и доминирования в Европе. Для воплощения своих планов Гитлеру нужно было посеять раздор между СССР и Англией, и он, по мнению Литвинова, полагал, что весь мир настолько ненавидит СССР, что простит Германии любую авантюру. Пока рано было говорить о том, куда именно Гитлер нанесет удар в первую очередь, но удар несомненно будет нанесен. Литвинов полагал, что Германия не забыла уроков истории, из которых следует, что попытки завоевать Россию оборачивались для завоевателя значительными потерями и невозможностью удержать территорию.

Затем Литвинов произнес, что советское правительство беспокоится не только о нерушимости собственных границ, но и о мире в Европе. У него достаточно внутренних забот, потребуется полвека, чтобы догнать весь мир, ушедший вперед на десятилетия в технологическом развитии и уровне жизни. Советскому руководству

не нужны лишние помехи. А война в Европе, даже если СССР не примет в ней непосредственного участия, чревата тем, что в итоге он все же будет в нее втянут. Поэтому они поддерживают идею коллективной безопасности.

Иден ответил, что британское правительство не настолько убеждено в агрессивности Германии и не хотело бы плохо думать о германских намерениях. Литвинов ответил, что Германия хочет, чтобы у нее были развязаны руки. Однажды Молотов призвал Гитлера публично откреститься от проектов завоевания СССР, которые описаны в «Майн кампф». Гитлер не ответил, хотя советское правительство истолковало молчание как ответ. Литвинов повторил свои опасения насчет британского непостоянства: то, что советская общественность настроена весьма подозрительно, — факт... Если какое-либо правительство начинает потворствовать Германии, советское общество тут же делает нелестные выводы¹.

Далее принялись обсуждать «пропаганду». Обсуждение шло по тому же сценарию, что и на встрече Ванситтарта и Майского. Иден признал, что англо-советские отношения обсуждаются давно на партийном уровне. Литвинов в конце концов заметил, что обеспокоенность вопросами пропаганды обычно служит у британцев прикрытием для антисоветской политики. Иден, конечно, такого не говорил, но у других сотрудников британского МИД эта мысль проскальзывала².

Встреча Идена со Сталиным и Молотовым состоялась 29 марта. Для Сталина текущая ситуация в мире была опаснее, чем в 1913 году, поскольку существовало два потенциальных агрессора. Иден считал ситуацию беспокойной, но не тревожной. Сталин повторил позицию, уже изложенную Литвиновым, но подчеркнул, что будущее европейской безопасности — либо ее отсутствие — зависит от британской политики. Побеседовали еще немного. Сталин подчеркнул, что во власти Британии сохранить мир, если она этого только поже-

¹ Record of Anglo-Soviet Conversation... on March 29 at 11.30 a.m. DBFP, 2nd, XII, 784–791; Запись беседы М. М. Литвинова с Э. Иденом. 29 марта 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 240–245.

² Record of Anglo-Soviet Conversation... on March 29 at 11.30 a.m. DBFP, 2nd, XII, 784–791; Запись беседы М. М. Литвинова с Э. Иденом. 29 марта 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 240–245; Bateman's interesting minute and draft answer to a Parliamentary Question. 19 апреля 1932 г. N2418/22/38, PRO FO 371 16319.

Встреча британского лорда-хранителя печати Э. Идена с М. М. Литвиновым в Москве. Слева направо: лорд Чилстон, Э. Иден, М. М. Литвинов, И. М. Майский. 28 марта 1935 года. АВПРФ (Москва)

лает. Иден отвечал уклончиво¹. В этом и была проблема: программа Литвинова на этих переговорах предполагала далеко идущие планы, но Иден сводил их на нет своими увертками. СССР был готов к решительному антигерманскому походу, британцы — не особо. Альфан оценил встречи как успешные, а Чилстон выразил беспокойство, что Литвинов переоценивает влияние Идена в Лондоне. Чилстон отметил, что нарком играл по-крупному. И мог бы отметить — по большим ставкам: если бы что-то пошло не так, он лишился бы поста². Литвинов проводил Идена на вокзал и напутствовал его словами «ваш успех — наш успех»³. У Идена были на сей счет сомнения; у Ванситтарта, когда он ознакомился с иденскими записями бесед, они тоже вполне могли возникнуть. В своем отношении к нацистской

¹ Запись беседы И. В. Сталина и В. М. Молотова с лордом-хранителем печати Великобритании Э. Иденом. 29 марта 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 246–251; Chilston. Nos. 48–49. 30 March 1935. DBFP, 2nd, XII, 766–769.

² Alphan. Nos. 202–207, 227–229. 30 March, 3 April 1935. МАЭ, Bureau du chifre, télégrammes, à l'arrivée de Moscou, 16 octobre 1934–1931 décembre 1935.

³ Facing the Dictators. P. 180.

Германии Ванситтарт был ближе к Литвинову (и Майскому), нежели к Идену. Когда в декабре 1935 года Иден был назначен главой МИД и пришло время переходить от слов к делу, это расхождение во взглядах явно не способствовало англо-советскому сближению. Но не будем забегать вперед.

На тот момент казалось, что все движется в правильную сторону. В середине апреля состоялась встреча министров Франции, Великобритании и Италии в Стресе. Присутствовал Муссолини, а также премьер-министр Великобритании Макдональд. Договорились поддерживать независимость Австрии и впредь противостоять одностороннему перевооружению Германии, которое ведет к краху Версальского договора. В то же время в МИД царили разногласия по поводу англо-французских и англо-советских отношений. Французское и британское правительства были не в лучших отношениях, словно супруги, между которыми еще сохраняется тесная связь, но уже имеют место измены и ссоры. В 1933–1934 годах Франция проводила более-менее последовательный политический курс, направленный на защиту от нацистской Германии; британцы лелеяли идею разоружения и урегулирования споров и считали французов нечуткими и воинственными. Ванситтарт заметил, что в некоторых кругах Великобритании Франция безусловно воспринимается как крайне дурной пример, впрочем, наблюдается и ответная неприязнь со стороны французов¹.

Британское Министерство иностранных дел против коллективной безопасности по-советски

После убийства Барту стрелка компаса французской внешней политики начала колебаться, что не ускользнуло от британского МИД. Читатели уже знают, что франко-советскому сближению активно препятствовал Лаваль с чиновниками французского внешнеполитического ведомства. Им помогал сэр Орм Гартон Сарджент, помощник постоянного заместителя министра иностранных дел. В январе 1935 года Сарджент подготовил длинную записку, в которой осуждал идею поддержки Великобританией Восточного пакта, так как, с его точки зрения, это был российский проект, обреченный на провал из-за протестов Польши и Германии. Литвинов стремился

¹ Vansittart R. The Mist Procession. P. 474.

к заключению франко-советского союза. Франция, не получив должных гарантий безопасности от Великобритании, к тому же потеряв веру в поляков, «чувствовала, что обязана принять предложение России о сотрудничестве». Однако французов не удалось до конца убедить в «честности русских», равно как и в наличии у Франции и СССР спектра общих интересов, поэтому они хотели бы «по возможности избежать всеобъемлющих союзных обязательств, главным образом в силу понимания того, что этот союз может стать ударом для Великобритании и нанести ей обиду».

Сарджент полагал, что дальнейшая поддержка Восточного пакта играет на руку немцам, позволяя герру Гитлеру снискать сочувствие британской общественности. Он утверждал, что франко-советский альянс — это первый шаг к реставрации довоенного расклада сил. Данная перспектива настолько ужасна, что британское правительство будет настаивать на принятии Францией нового политического курса. «У нас, — отмечал он, — остались рычаги влияния на французское правительство, французы до сих пор придают большое значение британской поддержке и одобрению»¹.

Сарджент столкнулся с возражениями: вежливыми — от Ванситтарта, и весьма желчными от Кольера. Ванситтарт согласился, что необходимо искать альтернативу Восточному пакту, приемлемую для Германии, но был против того, чтобы британское правительство силой принуждало французов отказаться от альянса с СССР. «С нашей стороны разумнее всего хранить молчание. Конечно, мы не должны высказывать одобрение, но не должны и опускаться до нравоучений»².

Сарджент отмечал, что взгляды сотрудников МИД разнятся от отдела к отделу. Именно поэтому он написал меморандум, призванный примирить мидовцев друг с другом³. Случилось ровно противоположное: из-за меморандума закипели споры. Глава Северного департамента Кольер, Центрального — Уигрэм, Дальневосточного — Орд составили документ, в котором среди прочего рекомендовали британскому правительству заранее предусмотреть вариант с заключением франко-советского пакта о взаимопомощи⁴.

¹ The Proposed Eastern Pact. Sargent. 28 Jan. 1935. C962/55/18, TNA FO 371 18825.

² Vansittart's minute. 28 Jan. 1935. C962/55/18, TNA FO 371 18825.

³ Sargent's minute. 6 Feb. 1935. C869/55/18, TNA FO 371 18824.

⁴ Memorandum signed by Collier, Wigram, and Orde. 12 Feb. 1935. N927/135/38, TNA FO 371 19460.

«Меморандум — прекрасная и мудрая идея, — отмечал Ванситтарт в своем дневнике. — Мы ни в коем случае не должны думать, будто в том, чтобы обхаживать Россию, состоит исключительно французский интерес. Напротив, в этом во многом состоит и интерес Великобритании, и если мы хотим быть политическими реалистами соответственно требованиям непростого времени, то нужно всегда держать этот факт в уме»¹. Сарджент пытался было нападать, но Ванситтарт его осадил. Да, признавал Ванситтарт, появление франко-советского союза нежелательно. «Но если это произойдет, нам нужно будет, как и из многих других событий в нашем несовершенном мире, извлечь из этого обстоятельства максимальную пользу»². Кольер отказался подписывать компромиссный меморандум о непоощрении франко-советского соглашения. Дабы не складывалась тупиковая ситуация, Ванситтарт подписал измененную версию документа, нечто среднее между непримиримо противостоящими друг другу позициями Сарджента и Кольера (тяготеющее, впрочем, к позиции Кольера)³.

Подпись Ванситтарта не положила конец спорам. Пока шла подготовка к визиту в Москву Идена, Сарджент, не будучи сторонником близких отношений с Советским Союзом, твердил: «Мы не станем потакать их преувеличенному ощущению собственной важности и не позволим думать, что они смеют диктовать, какую политику нам вести в отношении Германии»⁴. Сарджент почти исключал вероятность советско-германского сближения, которая немало беспокоило французов. Он заявлял презрительно саркастическим тоном: «это блеф», к этому «аргументу все время прибегает Литвинов, чтобы вывести французское правительство на чистую воду»⁵. Сарджент вновь заявил, что не приемлет возврата к довоенному балансу сил. Но, может, это лишь предлог для оправдания ненависти к СССР? «Да мы уже вернулись в ту самую эпоху баланса сил, — возражал ему Кольер. Сарджент не обращал внимания, подчеркивая, что британская об-

¹ Vansittart's minute. 13 Feb. 1935. N927/135/38, TNA FO 371 19460.

² Sir R. Vansittart, Sargent. 20 Feb. 1935; Vansittart's various marginal notes; and Collier to Sargent. 20 Feb. 1935, N927/135/38, TNA FO 371 1946.

³ International Position of the Soviet Union in relation to France, Germany, and Japan. 21 Feb. 1935. DBFP, 2nd, XII, 559–563, or N880/135/38, TNA FO 371 19460.

⁴ Sargent's minute. 19 Feb. 1935. C1339/55/18, TNA FO 371 18826.

⁵ Memorandum by Mr. Sargent... 7 Feb. 1935. DBFP, 2nd, XII, 501–502; and Sargent's minute, 1 April 1935, C2656/55/18, TNA FO 371 18833.

щественность, вероятно, с недоверием воспримет идею слишком тесного сотрудничества с французским правительством в случае, если его внешняя политика будет диктоваться франко-русским союзом¹. Французы «дали себя ослепить и одурачить русскими угрозами и обещаниями... Если России будет позволено диктовать Франции и нам условия для ведения дел в Западной Европе (а к этому все стремительно идет), можно попрощаться с идеей какого бы то ни было европейского урегулирования. Будем все свое время тратить на то, чтобы таскать каштаны из огня для господина Литвинова!»²

Сарджент резюмировал без всякой жалости: «Если мы... закроем Германии всякие способы вести экспансию на восток, где в конфликт с британскими или чьими-то еще интересами она вступит с наименьшей вероятностью, нужно готовиться к тому, что возрастет и давление Германии вниз по Дунаю». Посол Фиппс предупреждал об опасности натянуть слишком много «колючей проволоки» на востоке или юге, ведь тогда нацистский «зверь» будет рваться на запад. Сарджент согласился: «Никогда не мог принять за истину высказывание г-на Литвинова о “неделимом мире”»³. Литвинов, услышав такое, пришел бы в ужас, да и Майский тоже. Да и Сталин, при всем своем внешнем цинизме, тут бы наверняка рассвирепел. Но, очевидно, разглагольствования Сарджента дальше кулуаров не пошли. Он объявил, что британская общественность к союзу СССР с Францией отнеслась бы с «большой подозрительностью». Ванситтарт не скрывал раздражения: «Я тоже, да и, думаю, все мы». Но раз Германия упорствует, Великобритании придется строить коллективную безопасность «с Германией или без». «Другого пути нет, мы должны принимать вещи такими, какие они есть, должны принимать Европу такой, какая она есть, не выдавать свое представление о разумном устройстве мира за действительность». Ему вторил глава Центрального департамента Уигрэм: «Мы спустились на почву суровой реальности. Ни к чему играть словами»⁴. И Уигрэм,

¹ Minutes by Sargent. 27 Feb. 1935; Collier. 28 Feb. 1935. C1558/55/18, TNA FO 371 18827.

² Sargent's minute. 22 March 1935. N1313/53/38, TNA FO 371 19456.

³ Phipps to Sargent. 4 April 1935; Sargent's minute. 12 April 1935. C2892/55/18, TNA FO 371 18834.

⁴ Minutes by Sargent. 1 April 1935; Vansittart. 1 April 1935. C2656/55/18, TNA FO 371 18833; Wigram. 3 April 1935. C2794/55/18, *ibid.*

конечно же, был прав, а бескомпромиссный советофоб Сарджент, конечно же, нет. Ванситтарт не мог на него повлиять, Саймон даже не пытался.

Майский и Ванситтарт снова взялись за дело

Все это время для британского МИД вопрос франко-советских отношений находился на втором плане. Ведомство занималось другими делами. 26 апреля Ванситтарт и Майский впервые со времени визита Идена в Москву возобновили свои встречи. Ванситтарт вновь принялся жаловаться на внешнюю политику лейбористов. Они застряли в прошлом, утверждал он. Они не понимают, что гитлеровская Германия — это не Веймарская Германия, и, как следствие, саботируют попытки правительства вести более активную внешнюю политику. Вот как излагает Майский беспокоившие Ванситтарта моменты:

«Они [лейбористы. — М. К.] продолжают дудеть в старую дудку. Тем самым правительство, в частности Форин-офис, ставится в трудное положение. Надвигаются выборы, все думают только о голосах избирателей. Кабинет часто не решается сделать тот или иной шаг (который он, В[анситтарт], считал бы полезным в интересах европейского мира) исключительно из соображений, как бы этот шаг не дал лишних шансов Лейбористской партии. Вот, например, лейбористы подняли страшный шум против того увеличения военного бюджета на 10 млн фунтов, которое проведено было недавно. А между тем это увеличение — сущий пустяк. Как Англия может активно участвовать в системе коллективной безопасности, если она не будет иметь в своем распоряжении достаточных вооружений?»

После вот такой продолжительной прелюдии, продолжал Майский, Ванситтарт, наконец, перешел к делу. «И дальше В[анситтарт] в несколько откровенной, но достаточно определенной форме стал просить меня оказать воздействие на лейбористов в смысле изменения их позиции в международных вопросах и в вопросах вооружения».

Майский отвечал ему осторожно, что вопрос, конечно, щекотливый. Советским послам даны строжайшие указания не вмешиваться во внутренние дела стран, в которые они аккредитованы.

Безусловно, согласился Ванситтарт, у него и в мыслях не было ни прямо, ни косвенно склонять советского посла к вмешательству во внутренние дела Великобритании...

«Однако, он считал бы безусловно полезным, чтобы при встречах с лейбористами я просто знакомил их с состоянием международных дел и с той политикой, которую в этой сфере проводит советское правительство. Такого рода разговоры были бы очень ценны. Он, со своей стороны, будет вести такую же “просветительскую” работу среди тех элементов Консервативной партии, которые до сих пор еще не хотят понять необходимости более твердой политики по отношению к Германии».

Майский был предельно осторожен. Он ведь буквально только что добился финансирования для британской газеты «Н. Л.» — не сказать, что его репутация в таких делах была незапятнанной. Но он явно не хотел, чтобы его заманили в ловушку: «Я ответил, — пишет Майский, — что лейбористы нашу точку зрения достаточно хорошо знают, но что люди они довольно упрямые и, кроме того, не меньше правительства поглощены избирательными соображениями. Мне тут будет трудно что-нибудь сделать».

Затем заговорили о визите Идена в Москву. «Лично он, В[анситтарт], испытывает особое удовлетворение: это была его идея послать британского министра в Мск [Москву], кое-кто из членов правительства относился к данной идее недоверчиво и даже враждебно, ибо не верили, что из такой поездки может получиться толк, — и вот теперь В[анситтарт] имеет все основания торжествовать. Прав оказался он, а не его оппоненты». И что же дальше? — поинтересовался Майский. Ванситтарт ответил, что дальше — просветительская работа на правом и левом фланге, а затем, возможно, и новые министерские визиты в Москву. Вот такой, скромной, была программа улучшения отношений. Торопиться в этом деле не стоило¹.

28 мая Майский встретился с Ванситтартом обсудить последствия речи Гитлера «о мире», в которой тот 21 мая, как водится, заявлял о благих намерениях и громил большевизм. Ванситтарт включил в повестку встречи еще один вопрос, которого Майский, по его словам, не ожидал, — финансирование Коминтерном коммунистической газеты «Дейли уоркер». Отпираться и спорить бесполезно, отрезал Ванситтарт. Он подчеркнул, что подобное субсидирование — пустая трата денег и вредит стране на уровне большой

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом от 26 апреля 1935 г. 9 мая 1935 г. // АВПРФ. Ф. 5. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 82–85.

политики — на уровне, на котором негоже заниматься мелочами или беспокоиться о таковых¹. Впрочем, СССР не мыслил себя без пропаганды как жесткого инструмента взаимодействия с капиталистическим Западом. Интересно, что, когда в 1935 году Коминтерн официально перешел к стратегии единого фронта против фашизма, это не успокоило, а еще больше разволновало английских и французских консерваторов². Как отметил Майский, Ванситтарт повторил уже сказанное прежде — о том, что, если о фактах субсидирования станет известно широкой общественности, это отрицательно скажется на англо-советских отношениях.

Камешек на дороге

Майский не стал отвечать Ванситтарту прямо, сославшись на дискуссии Литвинова с Иденом. Подобные выпады Майский, как он сам отмечал в своем донесении в Москву, никогда не спускал с рук своим британским собеседникам, в том числе Ванситтарту. Он напомнил Ванситтарту о недавнем молебне, который провел в лондонской православной церкви архиепископ Кентерберийский и на котором присутствовало много белоэмигрантов. Ответный укол попал в цель: Ванситтарт, по словам Майского, сразу смутился, хотя и заметил, что аналогия некорректна. Купируя возможные возражения со стороны Майского, он заметил, что с его стороны это не «официальный демарш», а лишь мудрый дружеский совет от человека, который выступает за укрепление англо-советских отношений и опасается, что сближению стран помешает какой-нибудь камешек на дороге³.

Таких «камешков» опасался и Литвинов. Своими опасениями по поводу сползания Великобритании в сторону нацистов он поделился с Майским: он потребовал сообщить Ванситтарту, что для нас неприемлема любая сторонняя сделка с Гитлером, так как она гарантирует безопасность только одной части Европы и ставит под удар другую⁴.

¹ Memorandum by Vansittart, 28 May 1935, N2761/998/38, TNA FO 371 19467.

² Carr E. H. The Twilight of the Comintern, 1930–1935. London: Pantheon, 1982. P. 147–155.

³ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартот от 28 мая 1935 г. 8 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 104–108.

⁴ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 3 июня 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 371–372.

Это указание прозвучало как нельзя вовремя. В тот же день Майский присутствовал на обеде в честь покидавших посты министров, или, как их называют, «умирающих лебедей». После ухода Макдональда с поста премьера могла в любой момент начаться масштабная перестановка. Справа от Майского сидел консерватор, министр здравоохранения Эдуард Хилтон Янг — интересная историческая личность, военный, потерявший руку на Первой мировой войне, весь в орденах и медалях. Тогда за обедом он произнес следующее:

«Военная опасность со стороны Германии? Чепуха. Все эти толки страшно преувеличены. А если опасность даже есть, какое нам, англичанам, до этого дело? Мы имели глупость во время последней войны послать на континент миллионную армию, — больше этого никогда не будет. Хватит — повоевали. Если Германия и СССР подерутся — это их частное дело. Нам даже будет выгодно: обе стороны ослабеют, а мы будем торговать».

Майский предполагал, что подобные мысли были у многих консерваторов в правительстве, но услышать такое от королевского министра было слишком. «Явно в голове у Хилтона Янга не хватает каких-то клепок». Майский не преминул отметить, что слева от него сидел глава Совета по образованию лорд Эдуард Галифакс, который придерживался совершенно противоположных взглядов, схожих, насколько Майский мог судить, со взглядами Ванситтарта. Без подсказки со стороны Майского Галифакс разразился монологом на тему того, что он думает о германской угрозе.

«Крайне неприятно, что в Европе опять появилась германская опасность. Я дал бы много за то, чтобы кто-нибудь убедил меня, что такой опасности нет. Но факты есть факты». Ванситтарт, наверное, сформулировал бы так же, слово в слово. «Так как намерения Германии неясны, — продолжил Галифакс, — то в наших практических расчетах надо считаться не с лучшим, а с худшим случаем»¹. Так же думал и Литвинов. Для полпреда Майского услышанное звучало как голоса в общем хоре, но на самом деле нарушало его стройную картину сторонников и противников коллективной безопасности. Читатель вновь встретится с Галифаксом, и в самое ближайшее время: в феврале 1938 года он станет министром иностранных дел. Хотелось бы, чтобы он продолжал ту же политическую линию, но увы.

¹ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. I. С. 101–102 (запись от 3 июня 1935 г.).

6 июня Майский выступил с сообщением от Литвинова, вероятно, несколько усилив слова послания по итогам разговора за обедом с Хилтоном Янгом. Ванситтарт ответил в своем духе, заверив в надежности британской политики, и в частном порядке упомянул, что Саймона на посту главы МИД сменит сэр Сэмюэль Хор, министр по делам Индии. Ванситтарт несколько беспокоило, что это назначение в Москве будет принято в штыки, поскольку Хор в прошлом был непримиримым антибольшевиком. «За Хора не беспокойтесь: он прагматик, — продолжил Ванситтарт, — и вы скоро увидите, что волноваться не о чем». Майский на это ответил, что отношение СССР к британскому кабинету после всех перестановок будут определять не слова, а дела¹.

Работа Майского, как теперь уже наверняка понял читатель, состояла еще и в том, чтобы повсеместно встречаться с влиятельными людьми самых разных политических взглядов, фиксировать их мнение по вопросам внутренней и внешней политики и докладывать в Москву. В итоге главной его задачей стала вербовка сторонников идей коллективной безопасности и взаимопомощи. С этой задачей он справлялся прекрасно — помогала природная общительность. Он встречался с людьми на дипломатических приемах, официальных и неофициальных обедах и ужинах в МИД или советском посольстве. Были встречи и менее официальные, в парламенте. После визита Идена в Москву Майский принялся завязывать новые контакты и знакомства. Он встречался с людьми, с которыми сохранял отношения до истечения своего срока полномочий полпреда и пребывания в Лондоне.

Майский обедает с лордом Бивербруком

Одним из знакомых полпреда был Макс Эйткин, лорд Бивербрук. Канадец из провинции Нью-Брансуик, он переехал в Великобританию в 1910 году и стал одним из самых важных, если не самым важным, газетным магнатом межвоенного времени. Он владел газетой «Дейли экспресс», не слишком жаловавшей СССР, но одновременно

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 8 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 109—111, опубли.: ДВП. Т. XVII. С. 385—387; Note communicated by Soviet Ambassador. June 5 1935. C4564/55/18, TNA FO 371 18845.

и газетой «Ивнинг стэндард», публиковавшей желчные карикатуры Дэвида Лоу на Гитлера и Муссолини и выступавшей против примиренческой политики консервативного правительства. Рассказывают, что Лоу и Майский близко общались, хотя на страницах дневника Майского или в имеющихся в открытом доступе текстах депеш, отправленных им в НКВД, Лоу почти не упоминается. Лоу вместе с 38-летним парламентарием Аньюрином Беваном выступили посредниками для организации встречи Бивербрука и Майского. «29 мая лейбористский депутат Беван, встретив меня в парламенте, от имени Бивербрука спросил, — докладывал Майский в Москву, — имею ли я возражения к тому, чтобы повидаться и поговорить с Бивербруком». По словам Бевана, газетный магнат пожелал встретиться с советских послом ради серьезного обсуждения важных вопросов международных отношений. Майский, по его собственным словам, ответил, что не возражает. В итоге Бивербрук прислал ему приглашение на завтрак, который состоялся 4 июня.

В начале того самого серьезного разговора Бивербрук назвал ошибочным сложившееся, должно быть, у Майского и у правительства в Москве впечатление, будто он враг СССР. Бивербрук уверял, что это не так. Он напомнил, как в 1919 году в своей газете он начал кампанию против иностранной интервенции, а в 1927 году против разрыва дипломатических отношений. Может, он и не объявлял себя другом СССР, но врагом ему точно не был. Он приезжал в Москву в 1929 году и, по его словам, его приняли холодно. Отчего же? — недоумевал Майский. Может быть, кухня в Москве не понравилась и это определило его отношение к СССР впоследствии? «Кухня отличная — заявляю со всей ответственностью», — отвечал Бивербрук. Были другие обстоятельства, которые омрачили его визит, но в подробности он вдаваться не стал. «Он — газетный король, — удивлялся Майский, — который в Англии создает и опрокидывает правительства, а в Москве ему, видишь ли, не оказали надлежащих почестей».

«Я прервал Б[ивербрука], — продолжал Майский, — и сказал, что пусть мертвые хоронят мертвых. К чему копать в прошлом? Нам важно думать о будущем».

Бивербрук, конечно же, был полностью согласен. Он желал говорить о текущих событиях, подчеркивая, что уж сегодня его

в наименьшей степени можно считать врагом Советского Союза. Бивербрук полагал, что с приходом Гитлера к власти Германия превратилась в «величайшую опасность для Великобритании». И в этом состояла основная проблема не только для Европы, но и для Британской империи. Самым эффективным инструментом для противостояния этой угрозе он считал политическую изоляцию, однако вряд ли в этом удастся убедить большинство британцев. «Что же делать?» — задал он риторический вопрос. Вариант был только один: «союз Великобритании с Францией и сближение Великобритании с СССР». Затем Бивербрук повторил фразу, уже ставшую для Майского притчей во языцех: между Великобританией и СССР нет серьезного конфликта интересов, но есть общий враг — Германия. Вывод очевиден: надо сотрудничать. «Вы, пожалуйста, не думайте, — продолжал Бивербрук, — что я вас [СССР] очень люблю. Нет, я люблю не вас, а Великобританию. Но именно потому, что я люблю Великобританию, я нахожу, что наши британские интересы сейчас требуют сближения с Советским Союзом».

«Приветствую Вашу откровенность, — ответил Майский. — Я всегда отношусь подозрительно к тем иностранцам, которые начинают уверять меня, что они любят Советский Союз. Но когда Вы говорите, что, исходя из трезвого учета британских интересов, Вы считаете полезным сближение между Англией и СССР — это совсем другое дело. Такой язык мне больше нравится, и на такой базе нам легче что-нибудь построить».

Бивербрук согласился с этим утверждением: «Вот такое отношение я понимаю. Терпеть не могу сантиментов!» Он думал осуществить через свои издания кампанию в поддержку франко-советских и англо-советских отношений. Но есть вопрос: большинство британцев по-прежнему не ощущают исходящей от Германии опасности, они по-прежнему в «состоянии спячки».

«А как правительство?» — спросил Майский, на что Бивербрук отвечал: «Вы знаете, что я не привык гладить по головке нынешнее правительство, но должен все-таки сказать, что у большинства его членов есть осознание германской опасности. Болдуин это несомненно сознает, сознают опасность Иден, Хейлшем... Самуэль Хор, Эллиот и некоторые другие. Макдональд долгое время тянул прогерманскую линию, но месяца два тому назад он изменил свою позицию. Он считает, что Гитлер его надул и что поэтому надо

готовиться к борьбе с Германией. Саймон не имеет собственного мнения, он готов подлаживаться под кого угодно».

После перестановок в Кабинете министров германская угроза будет восприниматься острее, однако правительство в преддверии выборов будет вынуждено лавировать, исходя из настроений избирателей. Поэтому неизбежны шатания и колебания. Бивербрук тем не менее был убежден, что в ближайшем будущем в обществе начнут преобладать антигерманские настроения. Он, со своей стороны, тоже посильным образом «приложит к этому максимум усилий». Сейчас он лишь ожидал подходящего момента. Например, когда немцы попытаются забрать у Литвы Мемель. «Скажите, они скоро его захватят?» — спросил Бивербрук. Майский лишь пожал плечами: да разве можно сказать наверняка... Упомянули Австрию, принялись обсуждать Италию и среди прочего подняли темы Центральной Европы и Дальнего Востока. Так подошли к вопросу о британской прессе. По мнению Бивербрука, прогерманская ориентация «Таймс» и «Дейли мейл» — «совершенно скандальная». Он рассказал, что немцы «тратят в Лондоне колоссальные деньги на пропаганду (сотни тысяч фунтов)». Они подсылают лоббистов обрабатывать членов правительства, высокопоставленных политиков, а также газетных магнатов. Прямой намек?.. Бивербрук также упомянул о прогерманской ориентации Ллойда Джорджа. Корни ее крылись в его нелюбви к французам, и в частности к Пуанкаре. «Французы, — продолжал он, — делают массу глупостей». Он также обрушился с критикой на посла Корбена: тот мог бы лучше продвигать интересы Франции, мог бы надавить на Ллойда Джорджа, но он был все это время слишком пассивен.

Так они проговорили два часа. Газетный магнат и советский полпред прекрасно ладили. Разговор был еще не окончен. Майский готов был раскланяться, но Бивербрук вдруг выпалил: «А вы, должно быть, ловкий человек!»

Майский рассмеялся и спросил, почему он так решил.

Бивербрук посмотрел на Майского хитро и ответил: «Еще бы! У меня имеется информация. У Вас хорошее имя как среди лейбористов, так и среди консерваторов. Это нелегко сочетать, но это очень важно. Конечно, консерваторы часто делают глупости, а лейбористы еще больше, но все-таки это две основные партии Великобритании. От них никуда не денешься».

Майский поблагодарил Бивербрука за комплимент. Советского посла не оставляла мысль, что гость, возможно, начал издалека, чтобы просить о московской аккредитации для своих корреспондентов. Майский ответил, что сегодня обстоятельства изменились. «Советский Союз вырос и окреп, над горизонтом поднялась гитлеровская опасность — вот в чем дело!»

Но Бивербрук продолжал буквально рассыпаться лестью: «Если бы еще французы послали сюда толкового посла, — добавил он, — можно было бы многое сделать». Майский размышлял о том, насколько сильно изменились обстоятельства со времени скандала с фирмой «Метро-Виккерс». Тогда Бивербрук «преследовал меня по пятам со своими детективами и фотографами, ловя малейшую возможность опорочить мое имя на страницах своих газет». А теперь он адресовал Майскому один комплимент за другим, и 90% этих комплиментов «если не больше, притворство и лицемерие, но все-таки... Как поворачивается у Б[ивербрука] язык произносить такие слова». Майский отметил, что они тепло попрощались, пожав друг другу руки, и Бивербрук проводил его до машины. «Мы должны с ним снова встретиться, сказал британец, и поддерживать самый тесный контакт»¹.

Встреча Майского с новым главой британского МИД

12 июня Майский впервые изложил опасения Литвинова новому министру иностранных дел Хору. Тот отвечал уклончиво и, по собственному признанию, не хотел, чтобы его загнали в угол, «выведывая позицию британцев методом перекрестного допроса»². Согласно отчету Майского, он затронул уже ставшие привычными вопросы с целью выяснить, намерен ли Хор следовать политическому курсу, изложенному Ванситтартом и в общих чертах принятому Саймоном. Хор нехотя согласился с утверждением Майского о том, что в мире два источника нестабильности. Он не упомянул Германию и Японию, но акцентировал внимание на опасности, назревшей на Дальнем Востоке. Следом Майский настоял, что ни в Европе,

¹ Дискуссия И. М. Майского с лордом Бивербруком от 4 июня 1935 г. 8 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 93—99.

² Hoare's minute. 14 June 1935. C4564/55/18, TNA FO 371 18845.

ни в Азии между Англией и СССР нет серьезных конфликтов. Хор согласился. Хор отметил, что настойчиво, по привычной схеме, поднимал на встрече вопрос о пропаганде¹. Майский же уверял, что Хор не слишком акцентировал внимание на вопросе пропаганды, признав, что он потерял былую остроту.

Неизбежно перешли к европейским делам. Майский спросил Хора, как лучше всего сохранить мир. Министр иностранных дел пожал плечами и заметил, что он в должности всего третий день и ничего определенного сказать не может. На настойчивые расспросы Майского он лишь парировал, что должен будет тщательно изучить материалы. Но высказал мнение: «Английское общественное мнение хочет, чтобы как-нибудь, что-нибудь и где-нибудь было сделано». Майскому такая формулировка пришлась не по душе: звучало опасно, особенно про «где-нибудь». Значит ли это, что система безопасности охватит только запад Европы? Майский заметил, что это идея Гитлера, который намерен реализовать планы, изложенные в «Майн кампф»: развязать войну на востоке Европы, при этом поддерживать спокойствие в тылу, на западе. И что же, британцы поддерживают такую стратегию? Министру, который вступил в должность три дня назад, явно не стоило задавать столь агрессивного вопроса. Майский записал, что Хор был несколько обескуражен, но поспешил твердо заверить, что с пониманием относится к советской позиции и невозможно сохранить мир на западе, если в остальной Европе бушует война. Когда Майский собрался уходить, Хор выразил надежду на то, что советское правительство и пресса поумерят критику в адрес нового кабинета, пока он только выстраивает свой внешнеполитический курс. «Нашу сегодняшнюю беседу я склонен рассматривать, — заметил Майский, — как своего рода предисловие к книге, книге дел, которая должна быть написана новым правительством». Это была вариация на тему стандартного утверждения полпреда о том, что на советскую позицию будут влиять не слова, а дела. «Со всех точек зрения, — заключил Майский, — было бы неразумно заставлять нас ждать хороших дел слишком долго»². Здесь он немного хватил лишнего. И немудрено, что Хор после этого не

¹ Hoare's memorandum. 12 June 1935. N3187/17/38, TNA FO 371 19451.

² Дискуссия И. М. Майского с С. Хором от 12 июня 1935 г. 13 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 114—119.

спешил встречаться с Майским и предпочел в следующий раз отправить вместо себя Ванситтарта¹. В своей телеграмме Майский предупреждал Ванситтарта, что Хор, «как человек новый [в Министерстве иностранных дел. — М. К.] и желающий иметь успех», может попытаться договориться с Германией, но, как говорится, поживем — увидим².

Новый «друг»

Тем временем Майский продолжал заводить новые знакомства. И если на этой неделе это был лорд Бивербрук, то неделю спустя еще более важная и известная персона — главный раздражитель всех консерваторов, Уинстон Спенсер Черчилль, распекал свое руководство за скаредность и недальновидность. Британское правительство начало перевооружение армии, но, как считал Черчилль, слишком медленно. О том, что Черчилль стал лучше относиться к СССР, Майский, конечно, узнал сразу же. И тут Сарита, леди Ванситтарт, прислала супруге Майского Агнии Александровне приглашение отужинать у них на лондонской квартире. Ужин в семейном формате был намечен на 14 июня. В постскриптуме к приглашению Сарита упомянула, что на ужине будут Черчилль с женой Клементиной и, возможно, выпадет возможность обсудить текущие дела. Во второй записке Сарита отметила, что Черчилль «мечтает встретиться с г[осподи]ном Майским». «Он наш друг», — добавила Сарита. Итак, за обеденным столом собрались шестеро: Ванситтарт, Майский, Черчилль вместе с женами. Ужин носил неофициальный характер.

После ужина дамы, согласно английскому этикету, проследовали в другую комнату, а мужчины остались поговорить в гостиной. Ванситтарта несколько раз подзывали к телефону, раз или два он сходил навестить дам. Черчилль был очень оживлен, пил как лошадь, употребляя в огромных количествах вино, коньяк, виски, это на него почти не действовало, он лишь слегка багровел и начинал говорить с большим пылом.

¹ Hoare's minute, 14 June 1935, C4564/55/18, TNA FO 371 18845.

² И. М. Майский — в НКИД. 13 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 193. Д. 1425. Л. 229–230, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1953 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 01.12.2023); *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. I. С. 106–108 (запись от 12 июня 1935 г.).

Разговор продолжался почти два часа. «Черчилль начал с самооправданий. 18 лет назад он возглавил в Англии борьбу против русской революции потому, что считал ее величайшей опасностью для Британской империи». Черчилль долго продолжал в том же духе. «Я усмехнулся, — пишет Майский, — и сказал, что Черчилль, как показали события, действительно очень плохо знал Россию, а те информаторы, которых британское правительство имело во время войны и революции в России, очевидно, даром ели свой хлеб». Комментарий довольно двусмысленный, учитывая, что в годы иностранной интервенции и Гражданской войны сам Майский занимал «неправильную» сторону. И Черчилль, если бы хотел, мог это ему припомнить, но у него не было задачи самоутвердиться за счет советского дипломата. Как и в разговоре с лордом Бивербруком, Майский в итоге сказал Черчиллю: лучше не погружаться в прошлое, а сосредоточиться на настоящем и будущем. Однако Майский не смог удержаться и не уколоть собеседника напоследок. «Во всяком случае, — решил сострить он, — я выражаю Вам благодарность от имени нашей Красной Армии благодарность за то оружие и обмундирование, которое она через Колчака получила от Вас. Оно было очень хорошего качества и сильно ей помогло».

При произнесении Майским этой едкой шутки присутствовал Ванситтарт. Он, «лукаво глядя на Черчилля, громко рассмеялся. Черчилль немного смутился, покраснел, и, хлебнув еще полстакана виски, перешел к другим темам». Майский был явно поражен умением Черчилля пить спиртное, не пьянея. Реши он приехать с визитом в Москву, этот талант бы ему пригодился.

Черчилль задавал вопросы про советскую авиацию, о том, как прошел сбор урожая, все это время он не переставая прикладываться то к виски, то к вину. «Что ж, я очень рад, — резюмировал он, — если Ваша страна будет крепкой и сильной, мы от этого можем только выиграть». После того как поговорили об успехах социализма, настала пора Майскому менять тему, и он спросил мнение Черчилля о международной обстановке. «Проблема всех проблем — Германия», — произнес Черчилль. Еще 18 лет назад он ответил бы иначе: тогда для Британской империи главную опасность представляла русская революция.

Теперь времена изменились, и для Черчилля, по крайней мере на ближайшие 10–15 лет, СССР уже не выглядел как угроза. Затем

Черчилль сел на излюбленного конька британских дипломатов и политиков, говоря, что у Советского Союза и Великобритании есть один общий интерес: содействовать сохранению мира и безопасности. СССР война не нужна, согласился Черчилль, она не принесет ничего хорошего. Величайшую опасность сегодня представляет собой Германия, «это огромная научно организованная военная машина с полудюжиной головорезов типа американских гангстеров во главе. От них всего можно ожидать. Никто не знает точно, чего они хотят и что будут делать завтра».

Затем, осушив еще один бокал вина, — что Майский заметил с нескрываемым восхищением — Черчилль продолжил свой монолог. СССР не имеет ничего общего с нацистской Германией, где «полдюжины озверелых гангстеров делают все, что их правая нога хочет». И кто знает, где они нанесут свой первый удар. Вряд ли это будет СССР, он слишком силен. Возможно, Голландия или какая-нибудь территория в Юго-Восточной Азии. Ванситтарт, который успел вернуться в обеденную залу и теперь сидел и внимательно слушал, в тот момент заметил, что в таком случае Германия рискует нарваться на конфликт с Японией. Или, продолжал Черчилль, немцы выберут Австрию, Чехословакию или Балканы с целью занять «Срединную Европу» (Центральную Европу). В этом случае Германия будет диктовать свою волю Британской империи, чего допустить нельзя. Гитлер сможет отправлять самолеты бомбить Лондон, продолжал рассуждать Черчилль. Погибнут и пострадают сотни тысяч, миллион людей, город сравняют с землей, «но мы, британская нация, не сложим оружия».

«Он проглотил еще одну рюмку коньяка, — записал Майский, — и затем продолжал свои “размышления вслух”, в процессе которых я время от времени вставлял то наводящие вопросы, то пояснительные замечания». По мнению Черчилля, германская угроза столь велика, что обо всех остальных угрозах можно попросту забыть. Хотя его тревожит вероятность японской агрессии на Дальнем Востоке, он не хотел бы сложностей в отношениях с Японией. Британия сохраняет свои позиции в Китае и Юго-Восточной Азии исключительно потому, что японцы это ей позволяют. «Япония в любой момент может нанести им сокрушительный удар... Но все-таки Черчилль готов на данный отрезок времени предоставить Японии свободные руки в Китае».

Майский поинтересовался, какие Черчилль видит конкретные меры, чтобы держать Германию в узде. По его словам, меры были «совершенно ясны и конкретны. Логика вещей создает примерно такую же международную обстановку, какая была перед 1914 годом. Англия, Франция и СССР должны объединить свои усилия для предотвращения новой войны. Другие государства, также заинтересованные в сохранении мира, должны сгруппироваться около этих трех держав. Гитлеру должна быть противопоставлена столь могущественная коалиция, чтобы всякая попытка агрессии являлась для него величайшим риском». Идея Черчилля была в том, чтобы создать оборонительный альянс с целью поддержания мира.

Конечно, «из-за тактических соображений (особенно в Англии)» словосочетаний вроде «военный альянс» следовало избегать и скрыть эту инициативу за фасадом договора о «коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций». Из записей Майского непонятно, как он отнесся к тезисам Черчилля, но, скорее всего, он нашел, что они полностью соответствуют негласной политике СССР.

Черчилль заявил, что в случае успеха немцев «Англия стала бы игрушкой германского империализма». Затем он коснулся положения дел в Англии. Он не скрывал, что имеет место большое внутреннее противостояние, «сильное течение» в пользу «западной безопасности», иными словами, стремление заключить соглашение с Германией, которое гарантировало бы мир Западной Европе в обмен на предоставление ей свободы действий в Восточной и Юго-Восточной Европе. Сторонники этих идей, по словам Черчилля, были не против отправить Германию воевать против кого-то еще, будь то в Восточной, Юго-Восточной или Центральной Европе, а Англию и Францию оставить в покое. Майского это не удивило, он слышал подобное раньше. Черчилль назвал подобные идеи «сплошным идиотизмом», однако заметил, что, «к сожалению они еще пользуются значительной популярностью в известных кругах Консервативной партии». При этом Черчилль был уверен, что таким, как он и Ванситтарт, удастся отстоять идею неделимости мира, и Англия вместе с Францией и СССР образуют костяк нового оборонительного альянса, который будет сдерживать Германию. Черчилль заявил, что полностью одобряет пакты, которые СССР заключил с Францией и Чехословакией (о которых читатель узнает уже скоро), и в целом считает советскую политику весьма

разумной, сдержанной и лишенной просчетов. Черчилль упомянул о Хоре, с которым у него не ладилась отношения из-за разногласий по поводу индийской политики. Он разделял мнение Ванситтарта о том, что Хор — умелый дипломат и реалист, и он хотя и не осознает полностью немецкой угрозы британским интересам, впоследствии переменит свое мнение, нужно дать ему время. В консервативных кругах в отношении Германии будет наблюдаться разброд и шатание, но «мы должны заранее запастись достаточными терпением и выдержкой». Да, терпение было нелишним, тем более что Черчилль разделял мнение Ванситтарта о руководстве Лейбористской партии: тори были не единственными, кто говорит глупости, когда речь шла о нацистской Германии. «Черчилль сказал, что у него «часто просто уши вянут, когда он слышит слюняйские рассуждения лейбористских лидеров». Да, они потихоньку начали приходить в себя, вот только это заметно в парламентской курительной комнате, где, по словам Черчилля, люди высказываются более откровенно, но никак не в зале заседания Палаты общин. На этом и завершилась долгая беседа. Черчилль выразил радость по поводу знакомства и надежду на то, что встреча не последняя¹.

Британию штормит

«Разброд и шатание» в британской политике проявились четыре дня спустя, 18 июня, когда британское правительство подписало с нацистской Германией соглашение о соотношении численности военно-морских сил. Германский военно-морской флот, согласно документу, мог достигать 35% численности британского. Таким образом, по инициативе двух стран произошла денонсация Версальского договора и Великобритания стала соучастницей морского перевооружения Германии. Англо-германские переговоры завершились 12 июня, в тот день, когда Хор впервые встретился с Майским. Неудивительно, что новый глава МИД так неуверенно ответил на раздраженное требование Литвинова не заключать сторонние сделки

¹ Дискуссия И. М. Майского с У. Черчиллем. 25 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 135–143; И. М. Майский — в НКВД. 15 июня 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 397–398. Ср.: *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата. С. 300–302.

с Гитлером. Если судить новый британский кабинет по его делам, то начали они неважно.

Когда Литвинов узнал о соглашении, он как будто даже и не был удивлен: обычный эгоизм вероломного Альбиона. «Заключение морского соглашения, — писал Литвинов Майскому, — является вопиющим нарушением не только Версальского договора, но и договоренности Англии с Францией как в Лондоне, так и в Стрезе. Франция, несомненно, имеет все основания протестовать. Нам же заявлять что-либо по существу соглашения вряд ли приходится. Если соглашение заключено с согласия Самюэля Хора, то это несколько нарушает представление о нем как о франкофиле»¹.

20 июня лорд Бивербрук приехал в посольство на обед к Майскому. Обсуждали, скорее всего, политику и новое правительство. Бивербрук не был столь скептически настроен. Он полагал, что Болдуин осознает германскую угрозу и страстно желает улучшения отношений с Францией и СССР. Но Болдуин был политиком и слишком погряз во внутрипартийных дрызгах вместо того, чтобы занять жесткую и последовательную позицию. «Б[ивербрук] чрезвычайно недоволен англо-германским морским соглашением, — отметил Майский, — он считает его опасным политически и с военной точки зрения». Смысл соглашения был в том, чтобы навести мосты между Англией и Германией, но никаких гарантий безопасности Великобритании оно не предоставляло. А германский флот разрешенной численности, сосредоточенный в Северном море, станет «постоянной угрозой безопасности Великобритании, особенно в случае какой-либо войны». А почему же британское правительство подписало это, очевидно невыгодное для себя, соглашение? — спросил Майский. «Избирательные соображения», — ответил Бивербрук. Лейбористы и консерваторы боролись за голоса «пацифистов» на предстоящих парламентских выборах. Таких голосов было много, и обе партии состязались друг с другом в заявлениях о приверженности миру. Бивербрук не упомянул, но в те дни как раз проходило так называемое голосование о мире. Результаты опроса должны были быть опубликованы в конце июня, и они продемонстрировали бы силу пацифистских настроений в Великобритании. Бивербрук,

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 17 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 16. Л. 12–13.

по его словам, лишь ждал подходящего момента, чтобы начать кампанию против англо-германского морского соглашения. «Пусть несколько схлынут первые “восторги” по случаю соглашения, — писал Майский по поводу позиции Бивербрука, — пусть станет возможным более хладнокровное отношение к морскому договору, — тогда он ударит»¹.

Правительства Франции и Италии пришли в ярость от заключенного соглашения. Великобритания, отметил Майский, ухватила за очевидное преимущество, как жадный ребенок хватает со стола кусок пирога, а в результате получает расстройство желудка. Действительно, с каких пор мы считаем сколько-нибудь весомыми обещания, данные Гитлером? С Майским встретился сотрудник МИД Фрэнк Эштон-Гваткин, он пытался защищать позицию Великобритании: «Немцы говорили мне, что без вооружений Германию будут воспринимать как второсортную страну, и что они устали от такого отношения, хотя воевать они не хотят». Как часто писал Майский, «пусть он расскажет это своей бабушке»² (хотя с чего бы полпред недооценивал мудрость бабушек?). Несколько дней спустя Майский вновь встретился с Эштоном-Гваткиным, который на этот раз был более сдержан и признал, что соглашение на самом деле ничего не дает Англии и в то же время втягивает ее в конфликт с Францией и Италией. В целом Эштон-Гваткин без энтузиазма говорил об «успехах» британской внешней политики в последний месяц³. Это еще мягко сказано.

«Помню, в каком состоянии находился Литвинов, когда он впервые заговорил со мной о морском соглашении, — докладывал Чилстон несколько месяцев спустя. — С неподдельным смятением на лице он заявил, что это в полной мере играет на руку Гитлеру»⁴.

Один из служащих британского МИД пытался довольно беспомощно оправдываться, что французов уведомили о нем за 10 дней и даже что англо-германское соглашение было ответом на франко-

¹ Дискуссия И. М. Майского с лордом Бивербруком. 25 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 133–134.

² Report of meeting between Maiskii and Ashton-Gwatkin. 3 July 1935. N3423/135/38, TNA FO 371 19460.

³ Дискуссия И. М. Майского с Ф. Эштоном-Гваткиным // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 146–148.

⁴ Chilston. No. 533. 6 Dec. 1935. N6304/135/38, TNA FO 371 19460.

советский пакт (предмет нашего подробного рассмотрения в следующей главе). Так что же получается — око за око, зуб за зуб? В итоге каждый сам за себя¹. Именно такие настроения и пытался подогреть герр Гитлер.

Альбион, как и много раз до этого, оказался вероломен. Вначале он попытался сорвать переговоры СССР и Франции (читатели помнят, как Сарджент сыпал проклятиями) и затем внезапно заключил англо-германское морское соглашение. «Можно ли вообще доверять этим ублюдкам?» — мог бы спросить Сталин. Ублюдкам или нет — систему безопасности СССР мог строить только с Великобританией и Францией. В одиночку подобную политику он осилить не мог.

¹ J. L. Dodds to Chilston. 16 Aug. 1935. N3888/17/38, TNA FO 371 19451.

ГЛАВА XI

МОМЕНТ ИСТИНЫ: ПЕРЕГОВОРЫ О ФРАНКО-СОВЕТСКОМ ПАКТЕ. 1935 ГОД

Январь 1935 года

Пока Майский и Ванситтарт работали над улучшением англо-советских отношений, советское посольство в Париже продолжало лелеять надежды на почти недостижимое — договор о взаимопомощи с Францией. Нам придется вернуться месяцев на шесть назад, к началу 1935 года. Советские дипломаты пристально наблюдали за Лавалем и другими важными французскими деятелями. Они поддерживали тесные связи с французскими журналистами; некоторые получали от посольства гонорары, и это не должно удивлять читателей, поскольку большинство французских журналистов так или иначе получали от кого-то деньги, будь то правительство, иностранное посольство или даже несколько посольств. Возьмем Женевьеву Табуи, которая в 1930-е годы писала статьи для парижской газеты «Эвр». Она часто имела беседы с советскими дипломатами, они упоминали о ней в своих отчетах для НКВД, и в итоге она начала получать ежемесячное «жалование». Она была близко знакома с Эррио и, действительно, рассказывала ему по телефону каждый вечер о событиях, в основном в Центральной Европе и на Балканах.

С Табуи регулярно общался новый советник полпредства в Париже Евгений Гиршфельд, сменивший Розенберга, которого перевели в Женеву. Гиршфельд, опытный дипломат, легко вошел в роль своего предшественника и продолжил заводить связи с французскими политиками и журналистами. Табуи была своей

**Советник полпредства СССР
в Париже Е. В. Гиршфельд**

во французских политических кругах, много знала о происходившей там подковерной борьбе, и ей это было не по душе. Гиршфельд отмечал, что мир французской политики Табуи всегда рисовала самыми черными красками. И наименее всего она верила в перспективу Восточного пакта. «Лавалю нельзя ни в коем случае доверять», — говорила она. Для советского посольства это не было секретом. СССР, Малой Антанте, балканским государствам нужно оказать давле-

ние на французскую сторону. Нелишним будет и для Эррио надавить на коллег, особенно на Фландена, с которым он в хороших отношениях. Если помните, Пьер-Этьен Фланден все еще был председателем Совета министров. Глава МИД Румынии Николае Титулеску и его турецкий коллега Тевфик Рюштю Арас вне себя от Лавали, буквально «лезут на стенку». Более спокоен президент Чехословакии Эдуард Бенеш, он «маневрирует», продвигая Восточный пакт вкупе с неким дунайским соглашением. И кто знает, замечала Табуи, возможно, хитрая игра Бенеша принесет плоды. «Главный актер» все еще был Лаваль, который «был более надежным, если бы он не поддавался так разным влияниям». И Табуи была очень обеспокоена растущим давлением со стороны англичан¹.

Читатели должны помнить, что только что прошел референдум в Сааре, на котором подавляющим большинством голосов население высказалось за воссоединение с Германией. Литвинов пытался сохранять сдержанную позицию по Саарскому вопросу, однако это

¹ Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 25 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 152. Л. 10–16.

голосование с ярко выраженным уклоном его взволновало. Оно бросало тень на скромные успехи Римских соглашений Лаваля и Муссолини. Гитлер рассказывал сказки о том, что будто не имеет территориальных претензий к западноевропейским странам, и нарком боялся, что Англия, а также Франция легко попадутся на эту удочку. Но не все были столь слепы и доверчивы. Некоторые представители французской общественности видели «опасность, создаваемую постепенным разрушением версальского здания». Литвинов отмечал, что победа в Сааре может вскружить Гитлеру голову. Так и случилось. С Гитлером становилось все труднее ладить. «Я тоже не остаюсь пассивным, — докладывал Литвинов из Женевы, — и принимаю все меры для противодействия германской агитации». Он также упоминал разговор с одним хорошо осведомленным журналистом, Пертинаксом (Андре Жеро), который сообщил ему, что французский Генштаб будет требовать введения в случае «легализации» немецкого перевооружения обязательной двухлетней воинской повинности. Литвинов выразил надежду на то, что до отъезда из Женевы он проведет с Лавалем серьезный разговор¹.

На следующий день, 18 января, Литвинов встретился за обедом с Лавалем и другими потенциальными союзниками, чтобы обсудить наболевшие вопросы. На встрече присутствовал Потемкин и делал записи. И Литвинов, по всей видимости, сразу направил разговор в правильное русло, отметив, что по общим вопросам европейской безопасности у них нет разногласий.

Разночтения по поводу Восточного пакта, Римских соглашений, Польши, Германии и Великобритании носили чисто тактический характер. Британцы, за исключением журналиста Дж. Л. Гарвина, не придали большого значения книге «Майн кампф»: как считал Литвинов, их больше занимало германское перевооружение и возвращение Германии в Лигу Наций. Пускай тогда, согласился Литвинов, Великобритания в Берлине попытается заручиться германским соглашением по поводу Восточного пакта и Римских соглашений; и если Италия хочет гарантировать независимость Австрии, то это можно сделать только посредством Восточного пакта. Пусть Италия и Великобритания используют все свое влияние и добьются согласия.

¹ М. М. Литвинов — в НКИД. 17 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 190. Д. 1408. Л. 29, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 02.12.2023).

В отношении Польши Литвинов предлагал Лавалю провести серьезный разговор с Бекем. «Идет ли Польша с Францией или же окончательно переходит на сторону Германии?» Бек поначалу был ярким противником Восточного пакта, но теперь, похоже, начал менять свою позицию. Лаваль ответил, что он намерен обозначить свою позицию в столицах всех ключевых держав, но он настаивает, что его «друзья» — СССР, Малая Антанта и правительства балканских стран — должны продемонстрировать, что он пользуется их доверием. Он посетовал на чрезмерное давление. Сам он предпочитал «осторожную и гибкую тактику». Для этого ему нужно было единство всех союзников Франции... а им взамен нужна Франция сильная и решительная. И в этом ключ к коллективной безопасности¹.

Николае Титулеску

Также присутствовавший на обеде 18 января Николае Титулеску спросил у Лавали, что он намерен делать, если Германия и Польша откажутся подписывать Восточный пакт. Было очевидно, что откажутся, если уже не отказались. Титулеску сам ответил на свой вопрос: Франция должна установить крайний срок ожидания ответов из Варшавы и Берлина. В случае отрицательных ответов правительство Франции должно объявить, что заключит соглашения с теми странами, которые испытывают такое желание. Альянс с Советским Союзом должен быть заключен немедленно, в дополнение к существующим соглашениям и пактам, включая Малую Антанту и недавно сформированную Балканскую Антанту (Грецию, Турцию, Югославию и Румынию). Необходимо было придерживаться жесткой линии; только так можно было двигаться вперед. Вот что записал Потемкин:

«Титулеску напоминает Лавалю, что Румыния не может остаться в стороне от намечаемых соглашений. Румыния недостаточно сильна, чтобы самостоятельно организовать свою защиту. Если бы она убедилась, что Франция предоставляет ее собственной судьбе, не исключено, что Румыния вынуждена была бы на свой собственный страх договариваться с Германией. Титулеску подчеркивает, что

¹ Стенограмма обмена мнениями В. П. Потемкина с П. Лавалем. 18 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 75–82.

сам он не на вечные времена занимает пост румынского министра иностранных дел, на смену ему могут прийти другие».

Политика Румынии может измениться. Франко-советский альянс незаменим; по сравнению с ним Германия окажется «беспомощна»¹. То было красноречивое предупреждение Лавалю.

Весной 1935 года Титулеску сыграл важную роль в поддержке советской инициативы — договора о взаимопомощи. Хорошо бы читателю познакомиться с этим человеком поближе. Он родился в 1882 году и получил юридическое образование во Франции, несколько лет преподавал в Яссах и Бухаресте, после чего подался в политику и дипломатию. В качестве члена консервативно-демократической партии он в 1912 году был впервые избран в румынский парламент, в 1920-е годы был министром финансов. Затем Титулеску стал дипломатом — вначале в качестве румынского посланника в Лондоне, затем дважды — в 1920-е и 1930-е годы — в качестве министра иностранных дел. Он пользовался всеобщим уважением и в начале 1930-х годов председательствовал в Генеральной Ассамблее Лиги Наций. С сохранившихся фотографий на нас смотрит гладко выбритый мужчина с зализанными по моде тех лет волосами. Смотрелся он, мягко говоря, странно, как любитель шумных вечеринок. Где бы он ни появлялся, он всегда был в обществе своей супруги: он был женат на Екатерине Бурке, которая происходила из семьи зажиточных помещиков. Детей у них не было. Ее имя ни разу не упоминается в переписке в связи с его дипломатической и политической деятельностью. Румынские радикальные правые — грубые экстремисты, обожавшие всяческие непристойности, — открыто обвиняли его в гомосексуализме². И это лишь одно из массы обвинений, которые они выдвигали против него. Все нападки в свой адрес Титулеску переносил с честью.

С Литвиновым Титулеску ладил по большей части хорошо. В апреле 1934 года, когда во Франции в должность вступил Барту, Титулеску выступил с инициативой установления дипломатических отношений с СССР. Он уведомил советскую миссию в Женеве, что хочет встретиться с Литвиновым. Он сообщил Борису

¹ Стенограмма обмена мнениями В. П. Потемкина с П. Лавалем. 18 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 75–82.

² *Cristina A. Bejan, Intellectuals and Fascism in Interwar Romania: The Criterion Association*. London: Palgrave, 2019. P. 197–198.

Ефимовичу Штейну, который тогда от имени Советского Союза держал оборону в Женеве, что хочет поговорить «обо всем». Когда Штейн попросил уточнить, Титулеску ответил: «о восстановлении отношений и всей системе внешней политики и взаимоотношениях с другими государствами». Штейн уклончиво ответил, что для установления дипломатических отношений переговоры не нужны.

«Я не могу сделать то, чего не делают другие, — отвечал Титулеску. — Восстановление отношений с СССР — большой и глубокой важности вопрос. Я хочу знать, можем ли мы быть друзьями, а для этого нужно заранее устранить спорные вопросы». Титулеску добавил, что правые в Бухаресте его буквально проклинают за установление связей с Москвой. И он нацелен договориться не только о том, чтобы обменяться официальными нотами, но о чем-то более важном. «Я снова спросил “о чем”», — написал в отчете Штейн. В итоге Титулеску ответил, что речь о Бессарабии, о пропаганде, находящихся в Москве румынских средствах (то есть золоте). Штейн продолжал требовать разъяснений на случай, если соответствующие вопросы возникнут у Москвы. Титулеску желал бы признания румынского суверенитета над Бессарабией, а по вопросу пропаганды ему нужны были, по сути, те же гарантии, что СССР дает другим правительствам. О румынском золоте он сказал следующее: «Я знаю, что не получу от Вас ни одного сантима, а для общественного мнения нужно бросить какую-либо кость вроде смешанной комиссии, которая ничего не найдет и ничего не решит». Штейн пообещал передать эту информацию Литвинову. Германия и Италия, добавил Титулеску, «работают против восстановления отношений»¹. После установления румынским правительством в июне 1934 года дипломатических отношений с Советским Союзом Титулеску и Литвинов часто встречались и пытались урегулировать споры, связанные преимущественно со статусом Бессарабии, которую Румыния захватила при поддержке Франции в 1918 году, в первые месяцы советской власти, когда у большевиков не было возможности защищать эту территорию.

¹ Б. Е. Штейн — в НКВД. 11 апреля 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 213. Л. 77–78, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 01.12.2023).

**Встреча в Женеве наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова
с министром иностранных дел Румынии Н. Титулеску.**

**Слева направо: Н. Титулеску, М. И. Розенберг, М. М. Литвинов.
Июнь 1934 года. АВПРФ (Москва)**

Кроме того, Титулеску был намерен защищать Румынию от немецкой агрессии. Он видел для этого единственный способ: путем укрепления отношений с Советским Союзом и поддержки франко-советского сближения. Титулеску сказал советскому полпреду в Бухаресте Островскому: «Я сторонник не только соглашения с Советским Союзом, который для меня всегда остается великой Россией, но и сторонник самой горячей дружбы». В своей политике он руководствовался принципом «или Румыния должна быть в очень хороших отношениях с Советским Союзом, или она должна умереть. А так как Румыния умирать не собирается, следовательно, она должна установить самые дружественные отношения со своим восточным соседом».

Он был убежден, что основы мира в Европе — это Малая Антанта, СССР и Франция. Польская политика Титулеску не сильно занимала, при том что Польша и Румыния официально состояли в оборонительном союзе, направленном против СССР. Несмотря на то что

с Островским Титулеску виделся впервые, он себя не сдерживал: *«Политика Польши является политикой самоубийства, и ее сближение с Германией должно привести Польшу к потере ее политической самостоятельности* [курсив наш. — М. К.]». Да, румынский посланник и советский полпред прекрасно ладили друг с другом. «В прошлом году, — писал Островский в своем отчете об их встрече, — он был с первым визитом в Варшаве. Бек его встретил очень вежливо, но очень сдержанно. Что касается маршала Пилсудского, то он на Титулеску произвел впечатление сумасшедшего, в буквальном смысле этого слова “больного на вот это вот” — заявил он, постучав себя по лбу»¹.

Михаил Семенович Островский

Кандидатура Михаила Семеновича Островского для советского посольства в Бухаресте подходила как нельзя лучше: он ранее работал в Париже, где занимал должность верховного представителя советского нефтяного синдиката. Он родился в 1892 году в Фастове, юго-восточнее Киева, в семье школьных учителей. О юности Островского известно мало. Он учился в Санкт-Петербургском университете и в годы Первой мировой войны служил в российской армии офицером. В 1919 году он перешел на сторону большевиков и сражался в красной коннице; служил при штабе у Ворошилова, был его правой рукой. Вероятно, они дружили и впоследствии, поскольку Островский писал Ворошилову из Парижа о последних событиях во Франции. Островский, вероятно, начинал как военный, поскольку был назначен заместителем комиссара Военной академии РККА. Хотя снимков Островского существует не очень много, на всех фотографиях заметна его военная выправка. Лицо его было чисто выбрито, с еле заметными усиками. В 1925 году он стал сотрудником нефтяного синдиката СССР, был направлен в Турцию, Германию, а затем в 1930 году во Францию. В период франко-советского сближения он оказался в Париже и в 1933 году был назначен торгпредом. Он свободно говорил по-французски и легко поладил с французскими коллегами.

¹ Беседа М. С. Островского с Н. Титулеску. 11 сентября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 43. Д. 128. Л. 4–12.

Он был истым франкофилом и в свои донесения в Москву любил вставлять французские выражения. Служащие во французском правительстве о нем были высокого мнения и рассказали Титулеску, что Островский сыграл важную роль на раннем этапе франко-советского сближения. Помните, он был посредником, который обеспечивал связь с де Латром де Тассиньи, серым кардиналом Вейгана.

«Т[итулеску] часто охал по поводу назначения нами в Бухарест Давтяна, — писал Литвинов, — причем выяснилось, что ему нужен полпред, который нравился бы бухарестским дамам. Может быть, он имел в виду [Елену] Лупеску [любовницу короля Кароля II. — М. К.]». Согласно еще одному британскому источнику, Титулеску предъявлял особые требования к кандидатуре советского посланника: он а) не должен быть евреем; б) не должен походить на большевика; в) должен говорить по-французски; г) должен уметь поддержать разговор с румынскими дамами¹. В действительности Островский родился в еврейской семье, но он пользовался в глазах французского правительства таким безмерным уважением, что оно было выше любых предрассудков. Что касается непохожести на большевика, то почти везде на антибольшевистских плакатах большевиков изображали опасного вида анархистами-головорезами, одетыми как бродяги, немытыми, с плохими зубами и длинным клинком в одной руке и бомбой с зажженным фитилем в другой, готовыми устроить массовую бойню. Среди советских дипломатов подобных типажей в принципе не было. Островский вступил в должность в Бухаресте в августе 1934 года. Он поладил с Титулеску, часто виделся с министром, когда тот был в Бухаресте, при этом имел прекрасные отношения и с другими румынскими политиками и официальными лицами. Если коротко, он как нельзя лучше справлялся с работой в своей должности. Титулеску доверял Островскому больше, чем своим собственным товарищам по Кабинету министров. Удивительные между ними возникли отношения!

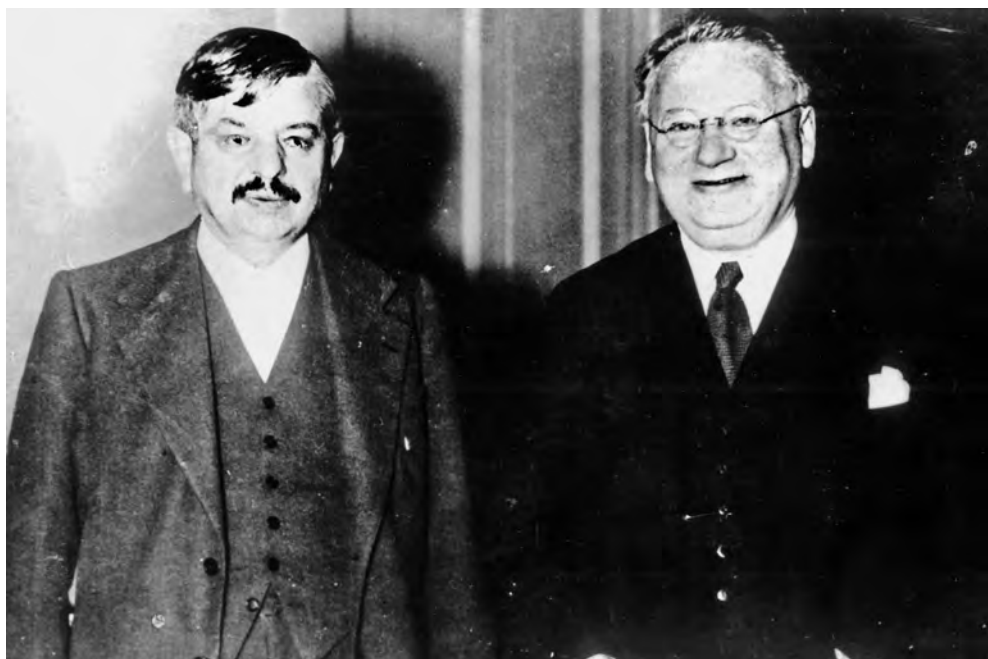
¹ Отчет о встрече с Н. Титулеску. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 16 июня 1934 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 43. Д. 128. Л. 1—2; Кен О. Н. М. С. Островский и советско-румынские отношения (1934—1938 гг.) // Россия в XX веке: сб. статей к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН проф. В. А. Шишкина. СПб., 2005. С. 336—360.

Дискуссии в Женеве

Между Румынией и СССР существовала определенная общность интересов. Им лишь надо было решить проблему Бессарабии и не дать Франции сбиться с выбранного пути. Основная дилемма коллективной безопасности состояла в том, чтобы удержаться вместе или пасть по одному под натиском нацистской Германии. Поэтому Титулеску тесно сотрудничал с Литвиновым и давил на колеблющегося Лаваль, добиваясь заключения пакта о взаимопомощи с Москвой. Румынским радикальным правым и фашистам из «Железной гвардии» не нравилась проводимая Титулеску внешняя политика, из-за чего кресло министра под ним шаталось, однако он держался молодцом, не обращая внимания на враждебные по отношению к нему настроения в Бухаресте.

18 января за ужином в Женеве Лаваль ответил Титулеску, что согласен с ним, но не считает ультиматум Германии и Польше полезной идеей. За согласием Лаваль на тему коллективной безопасности или взаимопомощи всегда следовали оговорки. Он в очередной раз подчеркнул, что необходимо придерживаться более «гибкой и осторожной тактики» и что Франция и ее союзники должны продемонстрировать солидарность и единство политики¹. На самом деле, когда Лаваль был в Женеве, он дважды — до и после встречи с Литвиновым, Титулеску и остальными — имел дискуссию с Бекком. Формально Лаваль сделал все, о чем просил Литвинов. Он адресовал Беку вопрос: вы с нами или с Германией? Бек отвечал со свойственным ему апломбом и гнул все ту же польскую линию о балансировании между двумя великими державами. «Я добавил, — докладывал Лаваль Ларошу в Варшаву, — что Польша, если будет и дальше придерживаться своих нынешних взглядов, по моему мнению, совершит серьезную и, возможно, *непоправимую* ошибку [курсив наш. — М. К.]. В любом случае она поставит себя под удар и станет жертвой того или иного крупного соседа. Более того, политики баланса, которую мне разъяснил месье Бек, она тоже уже не придерживалась». Что случилось с Лавалем? Он начал изъясняться как Барту и даже как Литвинов... Разговор проходил «в атмосфере

¹ Стенограмма обмена мнениями В. П. Потемкина с П. Лавалем. 18 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 75–82.

Французский министр иностранных дел П. Лаваль и нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов в Женеве. 1935 год. АВПРФ (Москва)

весьма дружеской», отмечает Лаваль. «У меня сложилось впечатление, что месье Бек задумался о последствиях, с которыми столкнется его страна в случае отказа ответить на призыв Франции на переговорах, успех которых более важен не для Франции, а для Польши»¹.

Литвинов также попытался переубедить польского министра, но безуспешно. Нарком сообщил, что, по данным от французов, Польша в принципе принимает Восточный пакт при участии в нем Германии. Бек тут же возразил: мол, французы не поняли позиции Польши, он имел в виду, что Польша не против продолжения переговоров². Бек изо всех сил, как только мог, уходил от неудобных вопросов. Почти все его собеседники предупреждали, что Польша

¹ Laval (revisions by Léger) to Laroche. Nos. 26–33. 21 Jan. 1935. МАЭ URSS/971, 202–205; М. М. Литвинов — в НКИД. 18 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 190. Д. 1408. Л. 32–33, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 01.12.2023).

² М. М. Литвинов — в НКИД. 17 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 190. Д. 1408. Л. 25–27, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 01.12.2023).

ступила на опасную дорожку, гибельную для себя, но Бек продолжал игнорировать эти предостережения.

Может, Лавалю удалось бы больше, если бы он мог поговорить с Бекком более жестко? Табуи, которая была в Женеве и искала сюжет для статьи, полагала, что не мог. А доклады советской разведки говорили о том, что Польша ведет антисоветскую политику. Дискуссии в Женеве ни к чему не привели. Разве что Лаваль и Литвинов показали пример успешного взаимодействия — в противном случае никакие договоренности были бы невозможны¹.

Все разговоры Лавалья о терпении и солидарности ничего не стоили в глазах тех, кто ему не доверял. Неделью спустя Потемкин по возвращении в Париж сообщил об озабоченности французских «друзей», опасавшихся, что Лаваль предаст «нашу позицию» и нанесет непоправимый вред франко-советскому сближению².

Французский визит в Лондон. Февраль 1935 года

Фланден и Лаваль — как вы помните, председатель Совета министров Франции и глава МИД — все еще думали, как обойти германское противодействие Восточному пакту, и потому приехали в Лондон на переговоры с британскими коллегами. Дискуссии начались странно. Британская сторона предложила обсудить итоговое коммюнике, а уже потом вопросы по существу³. Было хитро придумано: сразу обозначить повестку встречи и поставить французов перед фактом. Суть британского предложения, похоже, состояла в том, чтобы провести аброгацию⁴ Версальских соглашений об ограничении вооружения Германии в обмен на переговоры с Берлином в малопонятном формате о разоружении и европейской безопасности. Французам слово «аброгация» не понравилось, и они на встречах с британцами заявляли об этом прямо. Лаваль и Фланден восприняли

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 19 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 190. Д. 1408. Л. 36, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 01.12.2023).

² В. П. Потемкин — Н. Н. Крестинскому. 25 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 166–170.

³ Duroselle J.-B. La Décadence. P. 144.

⁴ Аброгация (лат. *abrogatio* — отмена) — отмена или изменение устаревшего закона (договора, соглашения). — *Примеч. ред.*

идею британцев как попытку все отдать, не получив ничего взамен. Французская сторона потребовала от Великобритании гарантий того, что она придет на помощь Франции в случае неспровоцированного воздушного нападения на нее, а совершить такое воздушное нападение могла только нацистская Германия. При желании к этому соглашению впоследствии могли присоединиться другие страны. Британская делегация не захотела брать на себя такие обязательства под предлогом того, что сначала дело должен рассмотреть Кабинет министров. СССР в ходе обсуждения почти не упоминался. Лаваль защищал Восточный пакт, Римские соглашения по Австрии, грамотно изложил замечания, которые слышал в Женеве от Литвинова, Титулеску и других. Порой, заговаривая о неделимости мира в Европе, он был неотличим от Литвинова.

Если же обратиться к французским записям переговоров на этой конференции, сделанным постфактум советником французского посольства в Лондоне Роланом де Маржери, то получится, что обсуждение не имело положительного результата. Из записей де Маржери складывается четкое впечатление, что британцы попытались водить французов за нос и протолкнуть идею абrogации положений Версальского договора о перевооружении Германии без какой-либо конкретной ответной выгоды. Когда британцы поняли, что Лаваль и Фланден их разоблачили, разыгрался настоящий фарс: премьер-министр и его подчиненные, с красными от напряжения лицами, отнекивались в ответ на просьбы дать гарантии французам на случай воздушного налета. Нет, провести французов было не так просто.

Вот отрывок из записей Маржери, который, благодаря остроумию автора, заставит читателя смеяться:

«Перед нами разыгрывалась настоящая комедийная сцена. Англичане испытали одновременно смятение и облегчение от официального разоблачения, которого они ждали и которого боялись, и теперь их смущение смотрелось в высшей степени забавно. Премьер-министр без конца настаивал на необходимости посоветоваться с кабинетом, указывал на невозможность провести встречу в субботу утром, поглядывал на часы, прикидывая, когда он сможет прибыть в свою резиденцию Чекерс, и сетовал, что на Даунинг-стрит он ночевать не может, поскольку у всех слуг выходной. Сэр Джон Саймон молчал. Г-н Болдуин [прежний и будущий премьер-министр. — *М. К.*] вспомнил, что он глуховат, а также плохо

понимает французский язык. [Британские. — М. К.] делегаты, желавшие, чтобы стороны все-таки пришли к соглашению, перешептывались и всячески пытались сдвинуть дело с мертвой точки. Когда месье Макдональд в четвертый или пятый раз упомянул о невозможности собрать кабинет утром выходного дня, месье Лаваль прервал его и самым непринужденным и великодушным тоном сообщил: мол, он прекрасно понимает, что есть большое препятствие, но ведь он со своей стороны никого не торопит, он готов подождать до вторника, если кабинет сможет провести прения по данному вопросу в понедельник, или дольше, если прения состоятся в среду — словом, он готов подстроиться под обычаи, традиции и пожелания британских друзей.

Английская делегация тут же обрела изможденный вид, на несколько мгновений за столом наступила гробовая тишина. Спины англичан покрыл холодный пот при мысли, что до середины недели по отелю “Савой” будет бродить глава МИД Франции в окружении полусотни журналистов и беседовать с самыми разными людьми».

Вот в таком едком юмористическом тоне Маржері рассказывает о происходившем. Все выдохнули с облегчением, когда премьер-министр попросил сделать небольшой перерыв и затем, вернувшись, объявил, что заседание кабинета, скорее всего, состоится в субботу утром. Есть предположение, что в отсутствие слуг на Даунинг-стрит, 10 ему самому пришлось стелить себе постель. Были трудности и с итоговым коммюнике: черновой вариант, который должны были подготовить служащие, вызвал споры у премьер-министров и министров иностранных дел обеих стран. «В итоге им более-менее удалось согласовать этот чудовищный текст (*un texte barbare*), который во французской версии резал слух еще сильнее, чем английский оригинал». Текст был, если можно так сказать, отлакирован и отдан в печать¹.

Любопытно (и по многим причинам не очень забавно), что о вещах, беспокоивших Литвинова, Титулеску и других дипломатов, в ходе этих лондонских консультаций упомянули всего один раз². Если не считать нескольких замечаний Лавалья в первый день

¹ Note de Roland de Margerie, Impressions de séances, Conférence franco-anglaise de Londres, secret. 7 Feb. 1935. DDF, 1re, IX, 286–290.

² Conversations franco-britanniques de Londres (Downing Street), morning session on 1 Feb. 1935. DDF, 1re, IX, 205–217.

конференции, то все выглядело так, будто безопасность в Восточной Европе — дело второстепенное. Будь у Литвинова доступ к протоколам встречи, он был бы неприятно удивлен. Вероломный, хитрый Альбион был пойман с поличным, так сказать, прямо над банкой с вареньем, но это не помешало стартовать политике умиротворения нацистской Германии. Впервые были предложены большие уступки за чужой счет, а взамен никто ничего не просил. Теперь уже два скунса — польский и британский — невыносимым запахом пытались оттолкнуть европейские страны от соглашений о взаимопомощи и коллективной безопасности. Где был Ванситтарт? Он вместе с Майским как раз начал обсуждать организацию поездки в Москву британского министра. Французы, похоже, об этих шагах не знали, так же до последней недели февраля не был в курсе и британский кабинет.

Оценка Литвиновым лондонских переговоров

Ознакомившись с лондонским коммюнике и вернувшись в Москву, Литвинов 4 февраля отправил телеграмму Потемкину, в которой сообщил, что «можно прийти скорее к пессимистическим выводам», и главным был вывод о том, что англичане и французы теряют интерес к Восточному пакту. Он дал указание Потемкину запросить встречу с Лавалем и получить разъяснения¹. Тем же днем Потемкин написал в НКВД, что дошедшие новости о лондонских переговорах пришлись ему не по душе. Он перечислил минусы, первый — растущая незаинтересованность в Восточном пакте, таким образом, он подтвердил впечатления Литвинова. Вторым минусом была вероятность заключения соглашений без участия СССР и Малой Антанты. Потемкину категорически не понравилось коммюнике: прослеживалась тенденция размыть любой пакт и заместить неким общеевропейским соглашением, призванным решить самые разные вопросы, включая вопрос разоружения. И если учесть, что нацистская Германия встала на путь экспансии, это вопросы неразрешимые².

Когда Литвинов докладывал Сталину о Лондонской конференции, у него в распоряжении было лишь опубликованное коммюнике,

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 62–63.

² В. П. Потемкин — в НКВД. 4 февраля 1935 г. // Там же. С. 616.

которое, как он заметил, было как обычно полно туманных мест и формулировок. Лаваль был болен, и Потемкин не смог получить необходимые разъяснения, хотя кое-что сообщил Альфан. «Легализацию» перевооружения Германии и Восточный пакт никак не увязывали друг с другом. Никаких решений относительно будущих переговоров в Лондоне не принималось. На самом деле, если судить по публикациям во французской и британской печати, Лаваль до конца стоял на своем, твердо защищая Восточный пакт и обязательства перед СССР и Малой Антантой. Литвинов заметил, что британцы наверняка всеми силами пытались сбить его с этого курса. И французские протоколы это подтверждают. Литвинов, вероятно, был приятно удивлен, хотя, конечно, не стал от этого больше верить Лавалю и остальным французским дипломатам.

В подготовленной для Сталина справке Литвинов заметил, что единственным положительным итогом Лондонской конференции был военно-воздушный пакт, призванный установить контроль над производством военных самолетов. Нарком изложил все «за» и «против». Он видел в этом соглашении потенциальную пользу с точки зрения укрепления безопасности в Европе, но видел и вероятные негативные последствия: за счет усиления англо-французского сотрудничества создавалось впечатление, будто на фоне военно-воздушного пакта Франция может потерять интерес к Восточному пакту. Противники Восточного пакта и даже Лаваль получили пространство для маневра. Получила преимущество и Германия, поскольку возникала вероятность заключения англо-германского соглашения в обход СССР и Малой Антанты. Но все это исходя из расчета, что Германия примет военно-воздушный пакт и целый ряд прочих предложений, что было маловероятно. При этом вероятность выхода из Восточного пакта была более чем реальна. Разразится борьба за отказ от взаимопомощи. Литвинов отметил, что СССР и Малая Антанта требуют от Лавалья и Фландена не отказываться от пакта, а на ближайшем партийном съезде будет объявлено, насколько выросла мощь РККА, и это должно возыметь положительный эффект. Худшим сценарием, по мнению Литвинова, являлось бы франко-германское соглашение под давлением британцев, ради которого пришлось бы принести в жертву договор о взаимопомощи. В качестве запасного варианта придется констатировать, что «без гарантии против открытой гитлеровской опас-

ности мы на ограничение наших вооружений не пойдем». Литвинов полагал, что у советского правительства достаточно сильный козырь, который может «опрокинуть все расчеты Англии».

С точки зрения тактики Литвинов рекомендовал бойкотировать все конференции без участия СССР или Малой Антанты. Необходимо также оказывать давление на Францию, чтобы она не прибегала к услугам Великобритании как посредника на переговорах с Германией. Советское правительство должно настаивать на немедленном возобновлении переговоров по Восточному пакту и потребовать от Германии и Польши окончательного ответа: вы с нами или не с нами? В случае отрицательного ответа мы должны задать вопрос Франции, можем ли мы заключить Восточный пакт без Германии и Польши?¹ 11 февраля, в день, когда Литвинов отправил отчет Сталину, Политбюро утвердило рекомендации наркома в том виде, в котором они были представлены. Сталин все еще выступал за договор о взаимопомощи и все еще поддерживал Литвинова как главного проводника этой политики, несмотря на то что ежегодно появлялись слухи о его отстранении².

Тем временем в Париже Потемкин подтвердил большую часть того, что сообщил о лондонских консультациях Маржери. Потемкин получил информацию от Леже и хорошо осведомленный журналист Пертинакс, который работал на правую парижскую газету «Эко де Пари». Оба подтвердили, что, действительно, Лаваль встал на защиту Восточного пакта и позиций СССР. Пертинакс, который встретился с Потемкиным в советском посольстве, признался, что Лаваль ему не нравится. К нему относились как к выскочке с «достаточно сомнительным личным и политическим прошлым». Он сумел сколотить состояние, но путем не слишком праведным. Можно подумать, праведниками были британские империалисты, грабившие Африку и Азию. «Словом, в Лондоне не считают Лаваль джентльменом». Пертинакс рассказал, что он чувствовал это недостаточно почтительное отношение к нему со стороны британцев, поэтому замыкался и был напряжен на протяжении всех

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 10 февраля 1935 г. // АФПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 43—47. Копии были отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе.

² Выдержка из протокола Политбюро № 21. 11 февраля 1935 г. // Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. С. 319—321.

переговоров. И, без сомнения, когда Лаваль обрушился на своих собеседников с упреками, это была реакция на британское высокомерие и плутоватость¹.

Жорж Мандель

Задействовав все ресурсы и всех сотрудников посольства, Потемкин начал кампанию против британского плана, а также принялся лоббировать определенных политиков и журналистов. «Из представителей политических кругов я беседовал с Эррио (два раза), один — с Манделем», — докладывал Потемкин в Москву. Эррио в то время был еще министром без портфеля, а Жорж Мандель — министром связи. Эррио был для советской стороны посредник со стажем, а вот Мандель среди дипломатических контактов СССР прежде не числился. Пора читателям познакомиться и с ним. Мандель родился в 1885 году в семье еврейского портного. Его отец покинул Эльзас в 1871 году после аннексии этой территории Германией по итогам франко-прусской войны, дабы сохранить французское гражданство. Мандель почти нигде официально не учился, был самоучкой. В 21 год он стал журналистом, настоящей акулой пера, под покровительством Жоржа Клемансо, затем стал управляющим делами кабинета Клемансо, когда тот в ноябре 1917 года стал председателем Совета министров. Он заслужил репутацию продажного автора, который выполняет за Клемансо всю черную работу, в результате чего нажил себе немало врагов.

В 1919 году Мандель был впервые избран в Палату депутатов; он был политик правых взглядов. Всегда чисто выбрит, с волосами, зализанными на пробор, Мандель не слишком походил на жесткого и смелого французского политика и тем более на продажного журналиста на службе Клемансо. Он был ярый националист и терпеть не мог немцев, поэтому, когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, он, как и другие французские консерваторы, поддержал идею франко-советского союза перед лицом более серьезной угрозы — гитлеровской Германии. Согласно сообщению французского журналиста Кериллиса Пайяру французскому поверенному в делах в Москве, осенью 1934 года многие правые французские политики

¹ В. П. Потемкин — Н. Н. Крестинскому. 10 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 43—54.

решили больше не поддерживать сближение с СССР после беспорядков на площади Согласия и мобилизации французских левых. Однако это не относилось к Манделю, который впервые встретился с Потемкиным осенью 1934 года. Теперь Потемкин имел возможность пообщаться без протокола уже с двумя министрами кабинета (не считая Лаваля и Фландена, контакты с которыми были более официальными).

Потемкинские встречи

В списке контактов советского посольства были не только политики. Потемкин много встречался с турецкими, греческими, чехословацкими посланниками, а также с неназванным доверенным лицом Титулеску. Было условлено единым фронтом поддерживать Восточный и Дунайский пакты — последний был направлен на сохранение независимости Австрии. «С печатью, — докладывал Потемкин, — я сносился через Табуи, [Лео] Габорио [«Эр Нувель»], [Анри] Роллэна [«Тан»] и Пертинакса». Табуи и Роллэн, начиная с 1920-х годов, получали гонорары в советском посольстве. Данные журналисты представляли французских центристов и правоцентристов. В пропагандистскую работу и в установление контактов с политиками и журналистами были также вовлечены подчиненные Потемкина, среди которых был и выдавший виды Гиршфельд. СССР вел большую кампанию по лоббированию своих интересов. «Что касается прямой инспирации прессы, то, в связи с лондонскими соглашениями, — писал Потемкин, — нами проведены — три статьи в “Эр Нувель”, три — в “Эвр”, две — в “Эко де Пари” и целый ряд заметок и телеграмм в “Информасьон”», последняя также субсидировалась советским посольством. Этим кампания не ограничивалась.

Эррио продолжал играть роль первичного посредника для СССР и продвигал его интересы в Совете министров Франции. Вот лишь несколько строк из донесения Потемкина: «Я уже сообщал Вам, что Эррио, в присутствии Манделя и Суад-бея, обещал мне отстаивать в Совете министров необходимость продолжения переговоров по Восточному пакту и скорейшего его заключения, независимо от продвижения проекта общей конвенции. Сегодня он сообщил через Табуи, что имел продолжительный разговор на эту

тому с президентом республики Лебренем. Мандель, близкий к Лавалю человек и ярый ненавистник Германии, также выражал нам свое сочувствие. Пертинакс, усердно проводящий нашу линию в своих статьях, убеждал меня познакомиться с Ноэлем, который сейчас является правой рукой Фландена по вопросам иностранной политики. По его словам, Ноэль является убежденным сторонником Восточного пакта. Мне обещано устроить это знакомство в ближайшие дни».

По мере активизации лоббистской кампании Потемкин встретился с Леже, и тот заверил его, что инициатива Восточного пакта не будет подчинена лондонским договоренностям. Условием этих договоренностей является принятие Восточного пакта Германией, как выразился Леже, — *sine qua non*¹. Если Германия не согласится, Восточный пакт будет заключен без нее, и никакой абrogации Версальского договора и «легализации» германского перевооружения не будет. Леже настаивал, что договор о взаимопомощи будет частью Восточного пакта, но у Потемкина возникли сомнения².

Три дня спустя он все же смог встретиться с Лавалем. Они обсудили все ключевые вопросы. Лаваль, по сути, признал, что необходимы компромиссы. Британцы выступали за выхолащенный, лишенный обязательств вариант Восточного пакта. Лаваль настаивал на закреплении обязательств о взаимопомощи и сообщил британцам, что в противном случае он не сможет продолжать переговоры, но для Фландена это означало отставку. Потемкин желал немедленного возобновления переговоров и конкретного ответа от Германии. Лаваль отвечал, что торопить немцев невыгодно. Более целесообразно будет подтолкнуть их к многостороннему военно-воздушному пакту. Потемкин напомнил Лавалю данное им обещание: если Германия откажется заключать Восточный пакт, двигаться дальше при ее участии или без такового. Лаваль ответил, что такова его личная точка зрения, а правительство еще не заняло определенной позиции по этому вопросу. Потемкин настаивал, чтобы Франция не позволяла Великобритании выступать в качестве посредника на переговорах с Германией. Лаваль ответил, что исключить британцев из процесса не удастся, но Франция намерена вести переговоры

¹ Непременное условие (лат.). — *Примеч. ред.*

² В. П. Потемкин — Н. Н. Крестинскому. 10 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 43—54.

самостоятельно. При этом Лаваль был настроен активно консультироваться с Советским Союзом. У Потемкина сложилось общее впечатление, что ни по одному из ключевых вопросов у Лаваля нет твердой позиции. Леже, в отличие от Лаваля, дал более четкие ответы. Дабы не дать Лавалю изменить позицию, необходимо «максимальное единство» с Малой и Балканской Антантами¹.

Состоявшийся несколько дней спустя любопытный разговор с Поль-Бонкуром наверняка посеял в душе Потемкина еще больше сомнений. Сразу заговорили о Восточном пакте:

«Он заявил, что считает себя главным инициатором этого дела. Тем более он огорчен, видя, что оно не только затянулось, но и подвергается несомненному риску потерпеть крушение. С этой стороны лондонские соглашения Бонкур рассматривает как сдачу первоначальных позиций франц[узского] пра[вительства] в данном вопросе в угоду Англии и в расчете на соглашение с Германией. Бонкур считает необходимым со всей энергией бороться против такой капитуляции. В его глазах она является прямым нарушением морально-политических обязательств, принятых на себя Францией в отношении СССР. Бонкур может засвидетельствовать, что само франц[узское] пра[вительство] добивалось вступления СССР в Лигу Наций, указывая советскому послу и через него Москве, что это весьма облегчило бы осуществление Восточного пакта и внушило бы общественному мнению Франции значительно большее доверие и симпатии Советскому Союзу. За вступление СССР в Лигу Наций франц[узское] пра[вительство] обещало в кратчайший срок провести заключение франко-советского пакта взаимной помощи».

Поль-Бонкур подчеркивал, что Франция не выполнила свою часть сделки. Более того, в результате лондонских договоренностей Восточный пакт оказался стеснен прочими сторонними соглашениями и непредвиденными условиями. Ситуация была «совершенно ненормальной». Он больше не был членом правительства, поэтому мог лишь использовать свое влияние в Сенате, среди своих друзей и в прессе. Потемкин предложил оставаться на связи².

¹ В. П. Потемкин — в НКВД. 13–14 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. 103–106.

² Беседа посла В. П. Потемкина с Ж. Поль-Бонкуром. 14 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 212–213.

Тем временем в Москве

Если в Париже лоббирование советских интересов и консультации проходили с переменным успехом, дипломаты в Москве активно действовали. Лаваль не допускал Альфана к переговорам с СССР, ведя дела с Потемкиным в Париже и с Литвиновым в Женеве. Тем не менее французский посол заваливал Париж телеграммами, в которых сообщал сведения из своих хорошо информированных источников в НКВД. Он отмечал, что советские чиновники подозрительно настроены по отношению к британскому правительству и опасаются, что Лондон уговорит французское правительство предоставить Германии свободу действий на востоке и она вместе с Польшей выступит против СССР¹. И советские подозрения насчет британцев были небеспочвенны. В разговоре с Рубининым в НКВД Альфан озвучил мнение Анри Лемери, одного из парижских правых: свобода действий на востоке в обмен на мир на западе (ибо такая политика) «дала бы Франции лишь то преимущество, которое Циклоп предоставил Одиссею — “быть съеденным в последнюю очередь”». По словам Альфана, данное мнение, прозвучавшее из правого лагеря, стоило десятка аналогичных, озвученных из лагеря слева².

Стомоняков заявил Альфану, что Германия почти наверняка откажется присоединиться к Восточному пакту, и это к лучшему, поскольку тогда другие правительства смогут продолжать переговоры без оглядки на Берлин. Стомоняков был нетерпим по отношению к Польше, которая входила в его сферу ответственности как замнаркома. Он считал, что проводимая Польшей политика объяснима нездоровым чувством собственного величия³. Стомоняков ломился в открытую дверь. Ранее Альфан заявил Рубинину, что ни у кого во Франции нет иллюзий насчет Польши⁴. Поляки прекрасно знают, что порядком замарали свою репутацию в глазах Парижа. «Идея

¹ Alphant. Nos. 103–107. 10 Feb. 1935. МАЭ, Bureau du chiffre, télégrammes, à l'arrivée de Moscou, 16 octobre 1934–1931 décembre 1935.

² Беседа с Е. В. Рубинина с Ш. Альфаном. 5 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 016. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 74–77.

³ Alphant. Nos. 115–116. 14 Feb. 1935. МАЭ, Bureau du chiffre, télégrammes, à l'arrivée de Moscou, 16 octobre 1934–1931 décembre 1935.

⁴ Беседа с Е. В. Рубинина с Ш. Альфаном. 5 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 016. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 74–77.

альянса, — говорил Ларош польскому вице-министру иностранных дел Шембеку, — серьезно пошатнулась». Шембек спросил, подпишет ли Франция пакт с Советским Союзом и Чехословакией даже без Польши и Германии? «Это возможно», — отвечал Ларош. Лаваль, по словам Шембека, сказал Беку в Женеве, «что, даже если вы не в наших рядах, я все равно намерен продолжать это предприятие»¹. Собирался ли Лаваль сдержать обещание? Скоро увидим.

В Лондоне Майский также отметил появившееся у французов раздражение по отношению к Польше. «Плывать я хотел на Польшу», — сообщил Фланден редактору «Дейли телеграф». Схожим образом в частных беседах высказывался и Лаваль. Что касается британского правительства, то «оно, очевидно, желает играть роль посредника между Германией и Женевой (конкретно — Францией), но французам это, похоже, не слишком нравится»². Было похоже, будто британский кабинет примеряет на себя роль сводни для герра Гитлера.

Нервы были у всех на пределе. В Москве Литвинов вел свою игру с польским послом Лукасевичем. Посол начал с удобного для Литвинова хода, посетовав на «неудовлетворительность польско-советских отношений». Если не брать в расчет пакт о ненападении, то ни в вопросах культурного обмена, ни в других сферах отношения никак не развивались. «Я ответил, — записал Литвинов в своем дневнике, — что меньше всего ожидал упреков со стороны Польши по нашему адресу. Не надо смешивать вопросов, лежащих в разных плоскостях и сравнивать крупные с малыми». Для советского правительства этот пакт о ненападении был лишь первой ступенью на пути к улучшению польско-советских отношений, особенно в сфере политического сотрудничества. «К сожалению, все наши предложения в этом направлении не встретили отклика с польской стороны». Литвинов в качестве примера упомянул Прибалтийские гарантии и Восточный пакт. Польские оправдания звучали неубедительно. Советское правительство не просило от Польши какой-либо жертвы; оно выдвигало предложения в условиях, когда две стороны

¹ Meeting with Laroche. 2 Feb. 1935; *Szembek J. Journal, 1933–1939*. Paris: Plon, 1952. P. 35–38.

² *Майский И. М. Дневник дипломата*. Кн. 1. С. 73–74 (запись от 4 февраля 1935 г.); И. М. Майский — в НКИД. 4 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 193. Д. 1425, Л. 31–33, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 01.12.2023).

имеют общие интересы и подвергаются общему риску. (Литвинов имел в виду нацистскую Германию, но не назвал ее прямо.) «Нам казалось, что Восточный пакт гарантирует Польшу от опасности больше, чем нас», поэтому отрицательное отношение Польши не поддавалось разумному объяснению. В силу этого дипломаты естественным образом начали искать в польской политике скрытые мотивы. Несмотря ни на что, продолжал Литвинов, НКВД необходимо продолжать развивать культурные связи с Польшей. Между странами не ладился даже театральный обмен; то же самое касалось таких сфер, как книги, газеты, журналы и кино.

Лукасевич отвечал, что масштабные внешнеполитические цели СССР не должны препятствовать развитию дружеских отношений с Польшей. «Мы не должны видеть опасность для Польши там, где сама Польша ее не видит; в частности, она считает себя совершенно обезопасенной со стороны Германии как польско-германским соглашением, так и союзом с Францией». Так в чем же дело? Советский Союз заключил пакты о ненападении со всеми своими западными соседями, и он не граничит с Германией. «Непонятно поэтому его беспокойство», — отметил Лукасевич.

Этот разговор, как и беседа Литвинова с Беком годом ранее, — еще один пример советской проницательности и польской слепоты. «Я сказал Л[укасевичу], — записал Литвинов, — что он явно наивничает, когда просит нас не беспокоиться относительно Германии. Неужели он серьезно думает, что литовская или латвийская армии могут служить барьером против нападения на нас Германии? Неужели он не понимает, что эти армии могут быть опрокинуты в три дня даже нынешним рейхсвером? Но допустим, что немцы остановятся у наших границ, захватив лишь Прибалтику. Разве Польша с этим готова мириться? Ведь ни польско-германское соглашение, ни союз с Францией гарантией против нападения Германии на Прибалтику не являются».

Лукасевич, по словам Литвинова, пробормотал что-то про осведомленность немцев про особое отношение Прибалтийских государств к Польше. «Я это подхватил, — добавил нарком, — отметив, что в германо-польском протоколе ни слова о Прибалтике не говорится. Стало быть, Германии может быть известно об отношении Польши к этой проблеме из другого соглашения, ни нам, никому другому не известного». В этом случае, продолжал Литвинов, ни один

разумный человек не поверит, что Польше будет безразличен захват Германией стран Балтии. Литвинов не мог понять польской политики. Инициатива заключить Восточный пакт исходила от Франции. На что Лукасевич не преминул вставить, что «Франция это отрицает и приписывает инициативу нам».

Литвинов ответил, что это ни для кого не секрет, что первым тему поднял Поль-Бонкур, правда, она касалась лишь заключения советско-французского соглашения. «На что мы ответили, — продолжал он, — предложением о коллективном пакте с участием Прибалтики, Польши и Чехословакии». Этот пакт имел предельно ясную цель: гарантировать мир в Восточной Европе и дать одинаковые гарантии всем странам-участницам. Вот такое продолжение получил этот разговор. Что мог сказать Лукасевич? Если Литвинов верно описал обстановку, царившую во время встречи, то польского посла на той встрече здорово прижали, что он не говорил, а «бормотал». Польша, сделав малый шаг вперед, немедленно делала большой шаг назад, вынужденно констатировал Литвинов. После нескольких комментариев Литвинов сообщил Лукасевичу, что продолжать дискуссию сегодня уже не имеет смысла¹.

На дворе было 13 февраля. Уже несколько дней прошло после встречи с Лукасевичем, но Литвинов еще не получил последних телеграмм Потемкина по поводу встреч с Лавалем и Поль-Бонкуром. В тот день Литвинов направил еще одну справку Сталину. Тема была все та же: Восточный пакт и ход переговоров. Ключевой вопрос в том, объяснял Литвинов в послании Сталину, пожелает ли Лаваль заключить какое-либо соглашение с Германией. Лаваль непременно бы на это сказал, что до того, как будет получен ответ германской стороны на англо-французское коммюнике и будет вынесено решение Советом министров Франции он не сможет дать ответ. Таким образом, он предлагал дожидаться ответа Германии, который ожидался в ближайшие дни и в котором наверняка была бы отвергнута, прямо или косвенно, инициатива заключения Восточного пакта. Литвинов предлагал в этот момент через Потемкина Лавалью прямо поставить вопрос о соглашении с Германией и потребовать ответить немедленно: да или нет².

¹ Встреча с польским послом Ю. Лукасевичем. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 10 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 3—9.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 13 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 53—54.

Ждать ответа Германии Литвинову долго не пришлось. Он пришел на следующий день, 14 февраля. Ответ был составлен хитро: в нем не было упоминания Восточного пакта, но восхвалялась идея разоружения и было заявлено о готовности Германии вступить в переговоры о военно-воздушном пакте при условии предварительных двусторонних переговоров с Великобританией. Нейрат уведомил французского посла, что решение всех прочих текущих вопросов, включая возможное возвращение Германии в Лигу Наций, будет зависеть от будущих обсуждений. Германия предпочла бы начать дискуссии с Великобританией¹. В этом был смысл, так как Великобритания в цепи коллективной безопасности была слабым звеном.

Подобного ответа Литвинов и ждал: немцы пытались отделить военно-воздушный пакт от повестки других переговоров и использовать британцев как посредника. «Мы должны считать недопустимыми, — писал он Потемкину, — какие бы то ни было переговоры с Германией на основании ее ответа, имеющего определенную цель — вырвать воздушную конвенцию из всей схемы и разрешить ее самостоятельно». Теперь, когда был получен ответ из Берлина, Литвинов мог вернуться к Лавалю. Вопрос еще не обсуждался в Политбюро, и поэтому, заметил Литвинов, он не вправе давать Потемкину директивы. Однако он «лично» думал — такой формулировки Литвинов придерживался, когда у него не было официальной директивы, — что Политбюро одобрит незамедлительное воззвание к Лавалю. Поэтому, не желая медлить, он отправил Потемкину черновой текст для Лавалю, который, он был уверен, вскоре будет одобрен Политбюро. В тексте говорилось, что Германия отвергнет Восточный пакт, и дальнейшие переговоры с ней будут лишь пустой тратой времени. «Неприемлемым для нас, — отмечал также Литвинов, — является и то, что вопрос, затрагивающий непосредственные интересы СССР и начатый обсуждением между ним и Францией, все больше и больше осложняется переговорами, которые ведутся между другими правительствами без нашего участия и начинают переплетаться с все большим количеством политических проблем». После этого Литвинов вкратце изложил содержание переговоров с Францией. Для Литвинова было важно, что именно по инициативе Франции началось обсуждение вопросов взаимопомощи —

¹ François-Poncet. No. 389, urgent, reserve. 14 Feb. 1935. DDF, 1re, IX, 333–335.

Поль-Бонкур лично подтвердил это Потемкину. Важно было продолжать дискуссии о взаимопомощи с государствами, которые этого желают. Что касается ответов Лавалю на вопросы Потемкина, они, как отметил Литвинов, не были утешительными. Лавалю явно не нравилась идея заключить соглашения без участия Германии и Польши, что решительно не давало двигаться дальше. «Не подлежит сомнению, что Франция, благодаря воздушной конвенции, еще больше дорожающая сотрудничеством Англии, не решится ни на какие шаги, против которых Англия настойчиво возражала бы». Осталось посмотреть, заметил в заключении Литвинов, насколько настойчиво Англия будет продвигать выгодную ей повестку, включая военно-воздушный пакт и другие вопросы¹.

В тот же день, 17 февраля, для документа, отправленного им по собственной инициативе Потемкину, Литвинов запросил одобрение Сталина. Он развеял опасения (которые высказывал Титулеску), связанные с выходом из декабрьского протокола Лавалю. Он отметил, что «проявление раздражения с нашей стороны подчеркивает нашу решимость покончить с неопределенностью. Пусть данные проявления, — добавил он, — наряду со слухами о том, будто СССР ведет дела с рейхсвером, занимают умы французов». При этом была вероятность, что категорическое неприятие советского демарша может поставить под вопрос декабрьский протокол. «Я не думаю, что уже в настоящий момент Франция ответит категорическим отказом. Скорее всего, ответ будет более или менее гибкий, эластичный, не прекращающий окончательно всей акции с Вост[очным] пактом. Наше заявление, однако, напугает Лавалю о необходимости считаться с нами в его дальнейших переговорах с Англией и Германией»². Очень странная рекомендация: направить жесткую ноту Лавалю, рискуя получить отказ от Франции... Хотя, вероятнее всего, Франция бы дала уклончивый ответ. Если коротко, предлагался шаг без особой надежды на успех, но с некоторым риском для отношений с Францией. Без сомнения, это говорит о том, что Литвинов отчаялся найти эффективный способ воздействовать на инертного Лавалю.

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 17 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 125—130.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 17 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 59.

Во время встречи с Альфаном в тот же день Литвинов занял более мягкую позицию. Согласно отчету Альфана, Литвинов обозначил намерение одобрить «в общих чертах» англо-французское коммюнике при условии, что Франция придерживается принципа неделимости европейской безопасности. Литвинов сообщил Альфану, что передал на рассмотрение проект документа и в ближайшие дни ждет ответа. Если Германия отвергнет англо-французские предложения, почему бы правительствам остальных заинтересованных стран не продолжить формирование собственной системы безопасности, без Германии, «для защиты от единственного на сегодня фактора, способного ее нарушить»?¹ Поменял ли Литвинов мнение насчет проекта документа, который он отправил Потемкину? Судя по отчету Альфана, отправленному в Париж, нарком (а в конечном счете Сталин) к этому склонялся.

Взгляды Ванситтарта

Тем временем в Лондоне Ванситтарт успокаивал явно раздраженную происходящим советскую сторону. Он хотел улучшения англо-советских отношений, а вероятный скандал или даже разрыв отношений из-за англо-французского коммюнике играл бы на руку немцам. «Ума не приложу, как успокоить Литвинова с его нездоровой одержимостью немецкой угрозой», — как-то заметил Ванситтарт Корбену. Не Ванситтарту было такое заявлять: уж кто в Лондоне, как не он, был «одержим» германской угрозой?.. Ванситтарт отмечал, что озабоченность СССР понять трудно, ведь у Советского Союза нет общих границ с Германией, и нынешнее наращивание немецких вооружений непосредственной угрозой для СССР не представляет. Литвинов, конечно же, ответил Ванситтарту во многом в том же духе, что и польскому послу. Корбен отметил, что Ванситтарт, хотя и в меньшей степени, чем его коллеги из британского МИД, не хотел жертвовать улучшением отношений с Германией ради пакта о взаимопомощи с СССР. Они полагали, что улучшение отношений с Берлином возможно, и именно это и волновало Литвинова. Ванситтарт дал понять Корбену, что попытается связаться

¹ Alphand. Nos. 117—120. 17 Feb. 1935. MAÉ, Bureau du chiffre, télégrammes, à l'arrivée de Moscou, 16 octobre 1934—1931 décembre 1935.

с Майским и убедить его в «искренности британского правительства»¹. Проще было сказать, чем сделать.

Как сообщал Майский в НКВД, Ванситтарт пригласил его в МИД 13 февраля. Литвинов ответил незамедлительно: в борьбе за пакт о взаимопомощи появилась возможность открыть второй фронт. «Выясните неясности Лондонского соглашения, — передал Литвинов свои указания. — Скажите, что широко распространено мнение, что англичане всячески старались убедить французов отказаться от Восточного пакта, что англичане озаботились лишь безопасностью на западе [Европы] и не интересуются Востоком, Юго-Востоком, где они готовы предоставить Гитлеру свободу действий. Несмотря на упоминание Восточного пакта в [февральском] коммюнике, даже немцы не верят, что англичане хотя бы в малейшей степени интересуются этим пактом». Литвинов считал, что ему известны намерения англичан².

Ванситтарт применил в разговоре с Майским весь свой дар убеждения. По его словам, ситуация с Германией была такова: «переговоры будут длинными, трудными и, вероятно, малоуспешными. По мнению Ванситтарта, немцы сравнительно благоприятно относятся к воздушной конвенции, пожалуй, могут примириться с Римскими пактами, но они против Восточного пакта, против возвращения в Лигу Наций и против какого-либо ограничения своих вооружений». Перед тем как согласиться на какие-либо переговоры, немцы непременно зададут тысячу и один вопрос, требуя развернутых ответов. Затем Ванситтарт поднял важные для советского правительства вопросы. Все темы, поднятые в англо-французском коммюнике, воспринимались как относящиеся к одному комплексу вопросов. «Что насчет Восточного пакта?» — допытывался Майский. Ванситтарт ответил, что, вероятно, с некоторыми изменениями, но британское правительство по-прежнему привержено этому плану. Он попросил Майского передать советскому правительству, что ему не следует беспокоиться насчет англо-французского соглашения и будущих переговоров с Германией. Эти переговоры не скажутся ни на ходе франко-советского сближения, ни на англо-советских отношениях, которые стремительно улучшаются.

¹ Corbin. No. 110. 8 Feb. 1935. МАЭ, URSS/972, 116—119.

² М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 13 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 99.

«Надо смотреть на вещи реалистически», — сказал Ванситтарт. «Основной факт, по мнению Ванситтарта, остается неизменным: в Европе появилась вооруженная и быстро вооружающаяся Германия, истинные намерения которой никому точно не известны. Такое положение (как и перед 1914 годом) неизбежно толкает окружающие Германию страны к сближению». Ванситтарт отверг мысль, что Великобритания, развязав руки Гитлеру на востоке, сможет получить из этого какую-либо выгоду¹.

К сожалению, Ванситтарт был заместителем министра иностранных дел — обычный госслужащий, не глава МИД, не премьер-министр. Контролировать вышестоящих он не мог: мог оказывать влияние, но не контролировать, оставаясь их покорным слугой. Среди консерваторов некоторые — даже многие — рассматривали гитлеровскую Германию как бастион, который должен защитить Европу от СССР и засилья коммунизма. Они с радостью развязали бы Гитлеру руки на востоке, какой бы глупой ни была эта идея, отмечал Ванситтарт. Сам он уже давно бил во все колокола, предупреждая о германской угрозе: до какой-то степени в кабинете к нему прислушивались, однако идея натравить Гитлера на восток будоражила даже его ближайших коллег в МИД. В Москве вызывал сомнения сам факт, что британское правительство видит смысл в переговорах с нацистской Германией. Литвинов, видя, что Гитлер одержим завоевательными планами, давно оставил подобные мысли. Он считал единственно возможным выходом вооружиться до зубов и заключить военные союзы с европейскими государствами, которые ощущают угрозу со стороны Германии, и, конечно, с Соединенными Штатами. Как представитель своего ведомства Литвинов отлично справлялся; но он был вынужден отстаивать политику своего правительства, то есть Политбюро и лично Сталина. В дипломатических кругах в Москве было прекрасно известно, что позиция Литвинова целиком зависит от отношений со Сталиным, и в начале 1935 года эти отношения были хорошими². Задним числом очень просто рассуждать о том, чего люди не поняли и не сумели

¹ И. М. Майский — в НКВД. 13 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 99–101; Беседа И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 22 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 175–183.

² Meeting with [Friedrich Werner] von der Schulenburg [German ambassador in Moscow]. 18 Jan. 1935; *Szembek J. Journal*. P. 20.

предвидеть. Но в этом невозможно упрекнуть Литвинова, Крестинского, Эррио, Поль-Бонкура и, конечно, Ванситтарта и Черчилля. Они прекрасно все понимали. Однако тогда, зимой 1935 года, из всех правительств лишь у советского было ясное понимание германской угрозы и мер, которые следует принимать.

Поразительное терпение

Советский Союз в отношениях с британцами и французами был поразительно терпелив. Однако, с точки зрения СССР, у него не могло быть иных союзников в противостоянии с нацистской Германией, кроме тех, с которыми он так усердно пытался выработать общую позицию. Советскому правительству оставалось лишь проявить терпение и настойчивость. Пример советской терпеливости — ситуация с англо-французским коммюнике от 3 января. С 17 по 20 февраля Литвинов прошел путь от памятной записки Лавалю в весьма агрессивном тоне до сдержанно-примирительного ответа на запрос от французского и британского послов три дня спустя¹. 19 февраля Литвинов, наряду с Крестинским и Стомоняковым, провел более двух часов у Сталина². Нам неизвестно, что обсуждали на встрече, но главной темой разговора вполне могли быть Восточный пакт, англо-французское коммюнике, позиция немцев и варианты ответа на запросы французского и британского правительств. Выбор был на самом деле только один — ответ в примирительном тоне, который был дан 20 февраля. В нем приветствовалась англо-французская инициатива и затем излагалась советская программа, с которой читатели, исходя из предшествующих комментариев Литвинова и указаний для Потемкина, уже познакомились. По сути, в советской декларации предлагалось для противостояния военной агрессии заключить пакты взаимопомощи при поддержке СССР, Франции, Великобритании и Италии, а также Малой и Балканской Антант. Советская декларация уже на следующий день была опубликована в «Известиях»³.

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому и В. П. Потемкину. 20 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 619.

² На приеме у Сталина. С. 152.

³ Советская декларация французскому и британскому правительствам. 20 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 117–119.

Некоторые политики в Париже и Лондоне наверняка вздохнули с облегчением. На следующий день Альфан встретился с Литвиновым, чтобы выразить благодарность за советскую декларацию. Французское и британское правительства, сказал он, были хорошо осведомлены о немецкой стратегии, направленной на выделение различных элементов англо-французского коммюнике, и пытались расстроить планы Германии. Ответ Литвинова Альфану был выдержан в вежливом, примирительном тоне и не имел ничего общего с предыдущим, исполненным желчи письмом Потемкину¹. Лаваль и Саймон также выразили благодарность и выступили с заверениями, которые Потемкин и Майский передали в Москву².

Обмен вздохами облегчения и любезностями, однако, не уменьшил обеспокоенности Литвинова по поводу расплывчатости позиций Лавала и Саймона. Намерены ли они и дальше держать прежний курс на заключение Восточного пакта, взаимопомощь, неделимость безопасности в Западной и Восточной Европе? В конце февраля обсуждались возможности визита Лавала и Саймона в Москву и Саймона — в Берлин. Читатель помнит, что визит Саймона был отложен на фоне «дипломатической» болезни Гитлера после публикации 4 марта британской Белой книги по вопросам обороны с призывом увеличить военные расходы. 9 марта нацистское правительство объявило о наличии у него в распоряжении люфтваффе. Неделью спустя, 16 марта, в нарушение Версальского договора Гитлер объявил о возобновлении воинского призыва и о существовании 500-тысячной германской армии. Так был похоронен Версальский договор.

Читатель помнит, что Литвинов был не в восторге от вероятного визита Саймона в Москву, хотя НКВД не давал даже малейшего повода думать, что данный визит для Москвы нежелателен. Из Женевы Литвинов получил информацию, что Саймон по-прежнему пытается отговорить Францию от идеи заключения пакта о взаимопомощи и что Фланден колеблется и ждет, какой путь выберет Британия³. На французов давил не один Саймон. Леже также пытался

¹ Встреча с Ш. Альфаном. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 21 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 14–15.

² В. П. Потемкин — в НКВД, 21 февраля 1935 г.; И. М. Майский — в НКВД, 21 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 121–124.

³ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 26 февраля 1935 г. // Там же. С. 138.

затянуть дело. Как показали контакты британского МИД с французской стороной, Леже и другие сотрудники французского внешнеполитического ведомства «были не в восторге от идеи двустороннего франко-советского пакта и враждебно настроены по отношению к любому слишком тесному сближению Франции и СССР»¹. В разговоре с британским послом сэром Джорджем Клерком Леже отметил, что «последовательно сражался против данной тенденции [по отношению к двустороннему франко-советскому пакту о взаимопомощи. — М. К.], иногда даже со своими министрами (Бонкуром и Барту), ибо это не способствовало бы восстановлению доверия, а именно доверие является основой прочного мира». Был ли он неправ? «Он [Леже] сказал мне, — докладывал Клерк, — что всеми силами пытается избежать заключения, в рамках единообразного регионального соглашения, отдельного франко-русского соглашения»². Многие лицемерили по поводу коллективной безопасности и взаимопомощи, но только не Литвинов и Сталин.

Потемкин встречался с Лавалем почти каждый день, а также по вечерам, на светских мероприятиях, где они также обсуждали дела. Следуя указаниям Литвинова, Потемкин пытался удержать Лаваль в заданном русле, а кроме того, советовал, как ему помешать Саймону осуществлять одностороннюю британскую политику уступок Гитлеру³. Как бывший школьный учитель, он пытался усадить нерадивого ученика за уроки... Напрасный труд! Было сказано, что британский министр иностранных дел оказывает давление на французов с целью заставить их уступить Берлину⁴. Майский слышал, что Лаваль, как он выразился, что-то там темнит⁵. Для Москвы в этом не было ничего удивительного.

Литвинов все еще волновался о безопасности стран Балтии. Он подготовил справку для Сталина, в которой вновь поднял эту тему. «В переговорах с Барту... мы добивались распространения гарантий пакта и на Балтийские страны, указывая, что оккупация Германией

¹ Strang (Geneva) to Ralph Wigram, head of the Central Department, confidential. 14 Feb. 1935. C1372/55/18, TNA FO 371 18826.

² Sir George R. Clerk, British ambassador in Paris. No. 31 saving. 26 Feb. 1935. C1558/55/18, TNA FO 371 18827.

³ В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 28 февраля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. 151—152.

⁴ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 3 марта 1935 г. // Там же. С. 157.

⁵ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 83—84 (запись от 5 марта 1935 г.).

этих стран была бы началом наступления на СССР, что мы не можем ждать, пока германские армии перейдут наши границы и что поэтому Франция должна оказать нам помощь немедленно по переходе германских военных сил своей восточной границы». Франция не согласилась на такое положение в договоре, но Литвинов настаивал; Барту дважды поднимал вопрос в Совете министров и дважды получал отказ. «Я заявил Барту, — добавил Литвинов, — что меня это решение не удовлетворяет и что от требования касательно Балтийских стран я не отказываюсь, и Барту соглашался в нужный момент еще раз обсудить этот вопрос».

Было ясно, что Литвинов воспринимал Прибалтийский регион как слабое место в советской обороне перед лицом вероятной нацистской агрессии. Британские идеи «компромиссного» многостороннего пакта о ненападении и необязывающие «консультации» не снимали озабоченности СССР. Литвинов отмечал:

«Должен, однако, оговориться, что я отнюдь не уверен, что даже компромиссное предложение окажется приемлемым для Германии. Но как при компромиссе, так и при первоначальной форме пактов, о которой договорились с Барту, незащищенными остаются Прибалтийские страны, ибо если даже мы и захотели бы прийти на помощь этим странам, то при дальнейшем развитии военных операций и наступлении Германии на наши границы, мы уже лишились бы и французской помощи, поскольку мы сами первые начали бы войну с Германией для защиты Прибалтики. В этой области нам предстоит очевидно большой спор с Францией и Англией»¹.

Литвинов в этом вопросе был непреклонен. Он привлек к нему внимание Потемкина примерно в тех формулировках, что содержались в докладе Сталину. В случае германской угрозы «мы должны равнодушно смотреть на оккупацию Прибалтики и ждать перехода германской армией нашей границы, для того чтобы вступила в действие гарантия Франции»².

Литвинов хотел составить проекты текстов Восточного пакта на тот маловероятный случай, если на него согласится Германия,

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 3 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 92–93. Копии были отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе.

² М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 71–74.

а на случай ее несогласия — пакта о взаимопомощи с Францией¹. Ведь Гитлер открыто оставил Францию и Великобританию с носом. Когда на переговоры прибыл французский посол, Литвинов держался с нарочитым спокойствием. Советское правительство — подписант Версальского договора, пожал он плечами в ответ на вопрос Альфана: что ж, посмотрим, как поступит Франция. Посол не попался на удочку и ушел от прямого ответа. Литвинов съязвил: британская тактика, которую поддерживает Франция, послужила стимулом для германской агрессивности. Согласно отчету Альфана об этой встрече, Литвинов предложил британцам отменить предстоящий визит Саймона в Берлин². И это тоже прозвучало не без издевки.

Отсутствие доверия

События развивались быстро. Разлетелась новость, что Саймон в конце концов все же поедет в Берлин. «М. М. [Литвинов] страшно раздражен, — писал Майский. — Считает ее [британскую ноту о визите Саймона в Берлин. — М. К.] полной капитуляцией перед Германией». То же Литвинов говорил и Альфану³. Между будущими и нынешними союзниками так доверия не выстроить. Выражаясь словами самого Литвинова, Великобритания была похожа на снисходительного отца, который отчитывает провинившегося сына. «Что же касается Франции, то, взятая на буксир обещанием воздушной конвенции, она от Англии не оторвется и не уступит ей в снисходительности Германии. Можно опасаться, что последний решительный шаг Гитлера окончательно запутает Лавалю и побудит его к еще большим уступкам». Литвинов отзывался об англичанах с презрением: «Мы знаем из разных, весьма достоверных источников, что Англия примирилась с возможностью советско-французского гарантийного пакта. Она, однако, от этого откажется, вероятно, как только осведомится об отрицательном отношении к этому

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 9 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 223–224.

² Запись беседы М. М. Литвинова с Ш. Альфаном. 17 марта 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 184–185; Alphand. Nos. 174–176. 17 March 1935. DDF, 1re, IX, 597–8.

³ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 94–95 (запись от 19 марта 1935 г.); Alphand. No. 187. 20 March 1935. MAÉ, Bureau du chiffre, télégrammes, à l'arrivée de Moscou, 16 octobre 1934–1931 décembre 1935.

Гитлера»¹. И все же Литвинов был вынужден лавировать: Майский и Ванситтарт завершали приготовления к визиту Идена в Москву.

Кстати, насчет французов Литвинов оказался прав: по крайней мере о том же свидетельствует переписка Лаваль с Корбеном, французским послом в Лондоне. Услышав о германском заявлении 16 марта, он буквально вспыхнул, но потом успокоился и отступил. Он сообщил в своей телеграмме, отправленной в Лондон и Рим (но не в Москву), что в британской ноте содержится «глубочайшее разочарование» в Париже, но высказывается «всяческое удовлетворение» Гитлеру. Лаваль отметил, что необходимо «единство действий» между Францией, Великобританией и Италией: «Любые обвинения бессмысленны». В своей телеграмме Лаваль вообще не упоминает СССР². Возможно, это по Фрейду: действительно, а значил ли СССР для него вообще что-нибудь?

Потемкину оставалось лишь обращаться с Лавалем осторожно, не давить, а лишь ненавязчиво подталкивать. Идею Лаваль приехать в Москву, впервые вынесенную на обсуждение в конце февраля, Потемкин не воспринял серьезно: подождем, посмотрим, что Лаваль на самом деле задумал. Так и было: сегодня Потемкин сомневался в намерениях Лаваль, а на следующий день ему приходила мысль о том, что все-таки его удастся уговорить. Кроме того, у Лаваль были и свои проблемы. «Лаваль неоднократно жаловался мне на отношение к нему компартии и социалистов, причем давал понять, что был бы признателен нам, если бы мы оказали содействие прекращению этой кампании и даже моральной поддержке как государственного деятеля, работающего в пользу франко-советского сближения». Звучало в точности как просьба Ванситтарта Майскому помочь с лейбористами. Читатели помнят, что Лаваль собирался переизбираться в Сенат в октябре 1935 года. Если он проиграет, то — по крайней мере на какое-то время — ему придется прервать политическую деятельность. Если бы он мог рассчитывать на поддержку фронта социалистов и коммунистов, это гарантировало бы ему переизбрание и сохранение министерского поста. «Наши друзья из Единого фронта [коалиции французских Социалистической и Коммунистической партий. — М. К.]

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 19 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 83—85.

² Laval to Corbin. Nos. 384—389 (and Rome). 16 March 1935; Laval to Corbin. Nos. 415—417 (and Rome), *priorité absolue*. 19 March 1935. DDF, 1re, IX, 584—585, 631—632.

утверждают, что им ничего не стоило бы оказать Лавалю упомянутую поддержку, если бы мы признали это полезным для франко-советского сближения». Потемкин сообщал, что как раз по этому вопросу с ним приходил беседовать известный французский коммунист Жак Садуль. «Я воздержался пока от ответа, чтобы поставить вопрос перед Вами, — писал Потемкин Крестинскому. — Мое мнение таково, что проект Садуля можно было бы осуществить лишь при том условии, чтобы Лаваль или обязался честным словом осуществить Восточный пакт, или, что еще лучше, реализовал бы его раньше сенатских выборов». Читателю, вероятно, непросто представить, как этот пройдоха Лаваль всерьез кому-то что-то обещает. «Разумеется, разговоры с ним по этому поводу должны были бы вести его прежние друзья — нынешние члены Единого фронта. Нам самим нужно было бы держаться в стороне от такого соглашения. Сообщаю Вам об этом плане и прошу меня уведомить, как Вы к нему относитесь»¹.

Читателю будет интересно, как на запрос Потемкина ответили Крестинский или Литвинов. К сожалению, ответ НКВД, если таковой существовал, найти не представляется возможным. То, что Потемкин не доверял Лавалю, это мягко сказано. Лаваль затянул переговоры о Восточном пакте, подумывал о компромиссах и соглашениях с Германией, пытался отговорить Саймона от поездки в Москву. Он был мастер ходить извилистыми тропами, предпочитал слабые решения сильным и хотел договориться с гитлеровской Германией.

В Москве тем временем Сталин получил доклад НКВД, основанный, как было указано, «на документальном материале французского МИД». Это означало, что документ перехвачен разведкой. История была что надо. «Иден прибыл в Париж с миссией получить от Франции полномочия на то, чтобы договориться с Гитлером о возвращении Германии в Лигу Наций, а также о базе будущей конвенции по ограничению вооружений». В отчете не была указана дата проведения данной встречи, но она состоялась точно до визита Саймона в Берлин. Лаваль на просьбу Идена ответил отказом. Диалог продолжился. Иден сообщил, что Восточный пакт — плохое прикрытие для военного союза, и это подтолкнет Германию на отчаянные шаги. Суть линии Идена состояла в том, чтобы тянуть, тянуть,

¹ В. П. Потемкин — Н. Н. Крестинскому. 10 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 78–82.

тянуть время и не совершать действий, которые могут спровоцировать Гитлера. Тянуть с заключением пакта о взаимопомощи с СССР, пока Германия не вернется в Лигу. От британских предложений веяло слабостью. Лаваль ответил: «Франция могла бы подождать еще несколько месяцев, но Малая Антанта и СССР требуют немедленного подписания пакта о взаимной помощи».

Требовал не только Литвинов, но и Титулеску, и Бенеш. По словам Лавалья, он уже пытался переубедить СССР, предложив вариант с конвенциями о консультациях и ненападении. Советская сторона отказалась. Лаваль сообщил Идену, что Франция может оставить идею пакта о взаимопомощи с СССР и Малой Антантой, только если будет заключен официальный англо-французский военный союз. А в Москве Иден хотел убедить советские власти повременить с заключением пакта о взаимопомощи. Правда ли это или у слишком ретивого разведчика разыгралось воображение? На этом доклад не был закончен. В Великобритании были актуальны «предстоящие выборы; стремление руководящих английских политиков идти до возможных пределов уступок для избежания войны и новая тенденция предаться политической игре на противоречиях между СССР и Германией». Высказана и такая мысль: Великобритания хочет, чтобы ее оставили в покое, пока нацистская Германия и СССР разбираются между собой. Затем следует предостережение не придавать этой мысли слишком большое значение. «Германско-советская враждебность вовсе не является неизменным фактором международной политики, на котором можно было бы базировать политику на длительный срок. Похоже даже на то, что в этой враждебности есть известный расчет и что Германия пытается вовлечь Францию в торг, при котором СССР был бы предоставлен Германии». Данная стратегия может выйти боком, если Германия и СССР придут к невыгодному для Франции соглашению. Сталин оставил помету к данному докладу: «Важно. Правдоподобно»¹. Так или иначе, именно этот сценарий, с небольшими коррективами, и реализуется в 1939 году.

¹ Иностраннный отдел ГУГБ (Главного управления государственной безопасности) НКВД, получено из Парижа, на основе документальных материалов из министерства иностранных дел Франции по итогам обмена телеграммами. 25–26 марта 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 74–78, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 04.12.2023).

26 марта Лаваль позвонил Потемкину сообщить, что Совет министров одобрил ту самую поездку в Москву, которая прежде не складывалась. Это значило, по мнению Потемкина, что поездки он избежать не может, но поставил цель ограничить свое участие в переговорах общими фразами. И как можно доверять такому собеседнику!.. Франко-советское сближение Лаваль использовал как козырь: до последнего берег и боялся потерять. Конечно, у его желания посетить Москву был еще один мотив — личный, ведь необходимо было заручиться голосами левых в избирательном округе Обервилье. Потемкин писал Крестинскому: «Как известно, Единый фронт занимает в этом округе весьма значительную позицию. Лаваль собирается в паломничество в страну Советов, чтобы вернуться к этим избирателям из Советской Мекки». Он продолжал:

«Лаваль очень верит в наше всемогущество в отношении левого фронта, и ему порой кажется, что нами уже дана директива — поддерживать его кандидатуру, как человека, полезного для сближения СССР с Францией... “Вчера я был на собрании в Обервилье, — говорил он Садулю, — мне кажется, что там уже имеется пароль — не шельмовать Лавалья. Коммунисты и социалисты уже вели себя на собрании очень прилично по отношению ко мне”. Садуль говорит, что не стал уверять Лавалья в противном. Должен отметить, что с нашей стороны мы пока ни одним словом ни обнадежили Лавалья, ни разочаровали в надежде на ожидаемую им поддержку»¹.

Другими словами, Потемкин пытался сказать, что козыри могут быть на руках у двоих. Литвинов явно не заинтересовался. Советское правительство собиралось заключить торговое соглашение с Германией. Иногда в отношениях СССР и Запада переговоры по экономическим вопросам давали старт политическим переговорам. Часто, обижаясь на Францию, Литвинов подумывал о том, чтобы разыграть германский козырь. Но не в этот раз. Он прислал телеграмму Потемкину с указаниями о заключении в Берлине торгового соглашения. Это, отмечал он, будет деловая сделка. Немцы обещали кредиты на лучших условиях, чем другие страны. Понятно, что «ни какого политического значения сделке приписывать не следует»².

¹ В. П. Потемкин — Н. Н. Крестинскому. 26 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 143–50.

² М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 23 марта 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 202–203.

Надзиратель и плут

По мере того, как московский визит Идена подходил к концу, в Париже Лаваль вновь встретился с Потемкиным. Вероятно, Потемкин ощущал себя таким гражданином Надзирателем, которому, чтобы заставить этого месье Зигзага пошевеливаться, приходилось его травить, шпынять и, в конце концов, умолять. И в итоге в конце марта Лаваль поддался — или сделал вид, что поддался. Он чувствовал давление со стороны левых и, конечно, должен был учитывать мнение избирателей Обервилье. Выборы мэра, если помните, должны были состояться в начале мая. Вероятно, Лаваль полагал, что визит Идена в Москву даст ему хоть немного передохнуть от влияния Лондона. В числе прочих стимулов были заявления Гитлера о формировании люфтваффе и возобновлении воинского призыва. Потемкин встречался с Лавалем едва ли не чаще, чем с Леже и Баржетоном. «Он [Лаваль] заявил, — сообщал Потемкин, — что не имеет еще достаточной информации о берлинских переговорах. Тем не менее, он не считает потерянной надежду привлечь Германию к участию в Восточном пакте». Вероятно, данное сообщение очень разозлило Потемкина. «Мне не стоило большого труда привести Лавалья к признанию того, что оптимизм его не обоснован и что мы подошли вплотную к вопросу о заключении франко-чешско-советского пакта взаимопомощи» Лаваль явно не это хотел слышать. Он начал отпираться, заявил, что многие в Национальной ассамблее ему противодействуют и он чувствует себя будто в осаде среди депутатов и сенаторов, предостерегающих от соглашения с СССР. Потемкин пытался загнать Лавалья в угол, но тот ловко увернулся. Снова гражданин Надзиратель не мог справиться с месье Зигзагом. Лаваль заявил, что не желал бы втягивания в войну. Вы обещали нам другое, возразил Потемкин и поинтересовался, следует ли ему доложить начальству о том, какая у Лавалья уклончивая позиция? «Лаваль завертелся, еще больше начал упрашивать меня обождать, стал развивать новые планы с участием Италии, которые якобы легче будут приняты общественным мнением Франции, больше всего боящейся военного союза с СССР». Потемкин начал терять терпение. «Я сказал, что вопрос о военном союзе не встанет, что пакт взаимопомощи был обещан нам французами за вступление в Лигу Наций, что Барту открыто

заявлял союзникам о намерении правительства в случае отказа Германии заключить пакт и без нее».

Лаваль, согласно отчету Потемкина, был явно расстроен. Он пообещал запросить у Леже документы и подготовку конкретных предложений, которые обсудит с Потемкиным в ближайшие дни. Потемкин изложил в своей телеграмме, что едва он вернулся в посольство, как ему позвонил Лаваль и пригласил встретиться утром следующего дня, чтобы начать работу над предложениями в письменном виде¹. При оглядке на события может показаться, что Потемкин немного выиграл у Лавалья, но так ли это? В тот день, возможно, удача была на стороне Потемкина, но на набережной Орсе было немало противников франко-советского соглашения. Открыто противостоял этой идее Баржетон, директор Политического департамента МИД. Мол, пакт сыграет на руку немцам и закроет возможность для изменений в германской политике. Каких таких изменений? Баржетон явно верил в сказки. Он доказывал, что любое соглашение с СССР должно носить временный характер, иначе возникнет риск заключения двустороннего пакта, «открыто направленного против Германии», который станет «постоянной основой нашей политики»². Это во многом объясняет ужимки Лавалья на встрече с Потемкиным.

Тем же днем, 29 марта в Москве Пайяр, вернувшись к работе, имел беседу с Марселем Розенбергом перед отбытием последнего в Женеву. Пайяр сообщил, что говорил с Лавалем — тот буквально поглощен предвыборной кампанией в Обервилье. Читатели помнят, что Лаваль обсуждал эту тему с Потемкиным, и Альфан также поднимал ее в НКВД³. Отказ Потемкина вмешиваться, а также «игра козырями», которую вел Садуль, заметно действовали Лавалю на нервы.

На следующее утро, 30 марта, Потемкин вновь встретился с Лавалем во французском МИД, на этот раз в присутствии Леже. Месье Зигзаг повторил, что надежда на заключение пакта о ненападении с Германией не потеряна, но переговоры могут затянуться. Потемкин отметил: «Чтобы не терять время и не допустить деморализации среди друзей Франции и рассеять сомнение в лояльности [Франции]

¹ В. П. Потемкин — в НКВД. 29 марта 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 251–252.

² Note, Directeur politique. 19 March 1935. MAÉ, URSS/973, 107–110.

³ М. И. Розенберг — М. М. Литвинову. 29 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 95.

в отношении СССР, Лаваль решил действовать». Он планировал усилить безопасность в Центральной и Восточной Европе. И на том спасибо, должно быть, подумал Потемкин. Но в чем подвох? Лаваль предлагал заключить двусторонние соглашения о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, а в будущем, возможно, и с Италией. Также он утверждал, что франко-советское соглашение должно быть заключено в ближайшем будущем независимо от каких-либо соглашений с Германией. Это был шаг вперед, и он соответствовал требованию СССР о переговорах. Затем Лаваль вручил Потемкину черновой вариант соглашения, где в двух абзацах, в формулировках Лиги Наций, говорилось о взаимопомощи¹. Так вот в чем подвох... Комментируя французское предложение, Потемкин указал, что проблема кроется в привязке договора о взаимопомощи к Лиге Наций. Процедуры Лиги проходят медленно, сложно, требуют единогласных решений. Были и другие вопросы: что, если в Совете Лиги не будет единогласной поддержки? Также в черновике не было положения о предоставлении немедленной помощи. Потемкин обсудил ситуацию с находившимся в Париже Титулеску. Титулеску высказал мнение, что предложение Лавалья, при всех его недостатках, будет благосклонно принято общественностью. Турецкий, греческий и югославский министры также сочли, что это шаг вперед. Потемкин также отметил, что ему нелегко было охладить тот восторженный пыл, с которым воспринял проект документа турецкий министр².

В тот же день с Лавалем встретился сэр Джордж Клерк, британский посол в Париже, с целью прояснить происходящее и передать просьбу от Саймона умерить пыл. Титулеску в Париже, заметил Клерк, и британцы прекрасно осведомлены о его идеях по поводу пакта о взаимопомощи. Для Лавалья Титулеску был не единственным надоедливим собеседником, вторым был Эррио. Лаваль даже пожаловался Клерку на Эррио и его «неистово антигерманский» настрой³. Когда в итоге во второй половине дня Клерк встретился с Лавалем, он отметил: «Я как будто застал у дверцы буфета нашкодившего школьника, который еще не успел добраться до банки с вареньем»⁴.

¹ В. П. Потемкин — в НКИД. 30 марта 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 253—254.

² В. П. Потемкин — в НКИД. 31 марта 1935 г. // Там же. С. 255—266.

³ Clerk. No. 62, confidential. 23 March 1935. C2458/55/18, TNA FO 371 18832.

⁴ Clerk. No. 70. 31 March 1935. C2692/55/18, TNA FO 371 18833.

Неудивительно, поскольку днем ранее Лаваль передал Потемкину французский проект двустороннего пакта о взаимопомощи. Это был момент, когда вроде бы ждать больше нельзя, но остается еще столько способов потянуть время.

Новые предложения Москвы

2 апреля в ответ на проект Лавалья Литвинов отправил свежие предложения Сталину. В письме он пояснял, чем чревата увязка пакта о взаимопомощи с Лигой Наций. Слишком много проблем и слишком непрактично. Литвинов же предлагал немедленную взаимопомощь «в случае явной агрессии». Подобное положение должно было быть включено и в военно-воздушный пакт, и Иден заверил Литвинова, что Локарнские соглашения не могут помешать Франции предоставить помощь СССР в случае нападения на него. Следовательно, в предлагаемый пакт о взаимопомощи следует, в рамках встречного предложения, добавить один пункт. НКВД не первый обратился с такой просьбой, заметил Литвинов: о добавлении такового пункта уже просил Титулеску, и ему было отказано.

Затем Литвинов уже в сотый раз вернулся к проблеме Балтии, ибо предложения Лавалья лишали Прибалтийские страны защиты от Германии. Литвинов был убежден, что Франция никогда не согласится на то, чтобы двусторонний пакт охватывал еще и Прибалтику. Поэтому он, прежде чем принимать предложения Лавалья, рекомендовал рассмотреть вопрос о региональном пакте с участием СССР, Франции, Чехословакии и стран Балтии. Даже франко-советско-чехословацкий пакт был бы предпочтительнее двустороннего соглашения. Эти идеи Литвинов оформил в виде официального предложения из трех пунктов для представления Сталину¹. В период со 2 по 9 апреля Сталин четыре дня посвятил официальным встречам в Кремле и в это время принял Литвинова. Очевидно, обсуждали пакт о взаимопомощи и литвиновскую справку.

Литвинов ответил Потемкину 2 апреля телеграммой, содержащей одобренные Сталиным директивы. Восточный пакт возможен без Германии и без Польши, но в него должны войти Франция,

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 2 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 150–152.

Чехословакия и Прибалтийские страны. Если Германия откажется присоединиться к Восточному пакту, западному военно-воздушному пакту не бывать. «На этой позиции, — писал Литвинов, — мы стояли и продолжаем стоять». Предложениями Лаваля Литвинов доволен не был. «Скажите Лавалю откровенно, что его колебания широко известны и отрицательно влияют как на позицию Англии, Германии и Польши, так и Малой и Балканской Антант, а также производят неблагоприятное впечатление на нашу общественность»¹. Литвинов также давал понять Потемкину, что Польшу он все еще не исключает из рассмотрения. «Если есть малейший шанс участия Польши в пакте взаимной помощи, то мы не должны упускать его». Советское правительство, добавил Литвинов, намерено исключить из определения взаимопомощи проход Красной армии через польскую территорию — эта масштабная уступка была призвана успокоить польскую сторону².

К несчастью (хотя и вполне предсказуемому), тот факт, что Москва держала для Польши дверь открытой, никак не заинтересовал Бека. В Москву и обратно Иден ехал через Польшу, встречался с Бекком и спрашивал того, будет ли Польша участвовать в многостороннем пакте взаимопомощи. Бек дважды ответил утвердительно. Давтян, узнав при встрече от Идена о сказанном Бекком, был настроен скептически. Давтян заметил, что если Бек сказал «да», это вовсе не обязательно означает «да». Он мог ответить утвердительно, чтобы не расстраивать Францию, зная прекрасно, что Гитлер ответит категорическим «нет». Сам Бек неоднократно говорил, что Польша не будет присоединяться к соглашениям, которые могут быть обращены против Германии³. Литвинов услышал несколько иную версию этого бековского согласия: Польша ни при каких обстоятельствах не будет участвовать в Восточном пакте без Германии. Теперь на смену региональным пактам предлагалось некое общеевропейское соглашение. В сущности, бесполезная инициатива, пыль в глаза. Литвинов написал в Прагу Александровскому, чтобы предупредить Бенеша. Он также переслал советскому полпреду утверждения некоего

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 2 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 259.

² М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 3 и 7 апреля 1935 г. // Там же. С. 260, 266.

³ Беседа с Э. Иденом. Выдержка из дневника Я. Х. Давтяна. 3 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 324—325.

неназванного польского дипломата о том, что Польша не будет возражать против захвата Германией Австрии и даже Мемеля. Советские разведслужбы также получили подобную информацию. Польша не соглашалась на формулу неделимого мира. В Варшаве считали, что если Германия аннексирует Австрию, то либо война будет локальной, либо военного сопротивления не будет вовсе, либо за оружие возьмутся только итальянцы. Источник подтвердил, что Польша противодействует Восточному пакту, особенно из-за обид на Чехословакию времен Польско-советской войны 1920 года, когда чехословаки сорвали плебисцит в Тешинской Силезии¹. Согласно тому, что слышал Бенеш от Идена, также посетившего Прагу, Бек категорически отвергал принцип взаимопомощи. Это не должно никого удивлять, ведь такой была польская позиция по Восточному пакту изначально. Бенеш сообщил Идену, что любые изменения в плане Восточного пакта будут расцениваться как капитуляция².

Невероятно, но Политбюро, а в итоге и сам Сталин все еще надеялись заманить Польшу и Германию в пакт, обеспечивающий коллективную безопасность. Как объяснял Литвинов Потемкину, «с самого начала мы считали Восточный региональный пакт полноценным лишь в случае участия в нем Германии, и в особенности Польши. Чтобы добиться этой цели, мы предприняли некоторое наступление, заявляя, что в случае отказа Германии и Польши примкнуть к пакту он будет заключен без них. Это делалось с целью воздействия на Германию и Польшу, чтобы склонить их к участию в пакте (с той же целью мы, как Вы помните, добивались от Лаваля твердых заявлений этого рода)». Советская сторона блефовала, и это не подействовало. Германия и Польша отказались присоединиться к пакту. Теперь, по словам Литвинова, ситуация изменилась. Германия распускала слухи о том, что «будто бы их отказ отвечает нашим желаниям, ибо мы будто бы стремимся к пактам без Германии и против нее». Дабы противодействовать этим слухам, советское правительство решило настаивать на включении в пакт Германии и Польши. Затем Литвинов добавил к формулировке ключевой момент: «К этому надо добавить, что некоторые товарищи у нас все еще

¹ М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 5 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 298–299.

² С. С. Александровский — в НКВД. 5 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 630–631.

не совсем утратили надежду на изменение позиции как Польши, так даже и Германии». Именно поэтому советское правительство поддерживало то, что Лаваль до прибытия в Москву должен совершить остановку в Варшаве. Вероятно, Лаваль мог бы использовать весь свой дар убеждения и уговорить Бека. Данное решение, добавил Литвинов, было принято 3 апреля, до того как стало известно о провале аналогичной попытки Идена. Из сказанного Литвиновым Потемкину подспудно можно сделать вывод, что Сталину удалось несколько умерить пыл и агрессивность Литвинова по отношению к нацистской Германии. Этот вывод подкрепляется наблюдением Мендраса, сделанным годом ранее. Время от времени Сталину приходилось сдерживать Литвинова.

Послушаем, что Литвинов сообщит Потемкину дальше: советская позиция, писал он, стала несколько сложнее: Москва не станет отказываться от пакта, даже, в худшем случае, без участия Польши и Германии. Предпочтительным все еще оставался многосторонний подход, тем более что французская общественность предпочитала именно этот вариант, пусть даже с одной только Чехословакией. Литвинов вернулся к вопросу Балтии. Он все еще пытался заручиться согласием Франции на расширение гарантий Прибалтийским государствам. Попытка Барту получить одобрение Совета министров была неудачной, но правительство сменилось, а с ним, возможно, и позиция по этому вопросу. Литвинов доказывал, что гарантии Прибалтике отвечают французским интересам, так как в случае нападения Германии на Францию СССР сможет предложить «более эффективную» поддержку: иными словами, Красная армия сможет пройти через Прибалтийские государства и атаковать Германию. Литвинов также настаивал на том, чтобы помощь в случае агрессии была оказана немедленно. Учитывая все эти обстоятельства, Советский Союз мог себе позволить немного подождать. «В общем здесь нет склонности слишком форсировать переговоры с Францией, — замечал Литвинов, — отсюда откладывание переговоров до моей встречи с Лавалем в Женеве». Литвинов оценивал положение дел так:

«Довооружение Германии во всех областях превзошло все ожидания. Не подлежит ни малейшему сомнению, что уже теперь или в ближайшее время Германия будет иметь по сухопутной армии численное превосходство над Францией. Догонит и перегонит она

Францию очень скоро и по военной авиации. Франция, таким образом, теряет положение самого могущественного военного государства в Европе. Потенциал войны, как в отношении людского материала, так и военной промышленности во много раз выше у Германии, чем у Франции. Обнаружена полная солидарность Польши с Германией, следовательно, рассчитывать на эффективность союза с Польшей Франция не может. Малая Антанта большой силы не представляет вообще, а к тому же не может быть у Франции уверенности в том, что ей удастся удержать в своей орбите Румынию и Югославию, для которых укрепившаяся Германия может стать притягательной силой».

С анализом слабых мест французов, представленным Литвиновым, трудно спорить. Литвинов говорил о французской дилемме: «Либо пойти на союз с Германией и в качестве слабейшего партнера играть второстепенную роль, и признать таким образом гегемонию Германии в Европе, утратив всех своих друзей и союзников, либо же искать опоры в укреплении связей с Малой Антантой и соглашении с нами. Не сомневаюсь, что во Франции найдется немало сторонников первой части дилеммы, но здравый смысл, вероятно, подскажет Франции иной выход. Я поэтому считаю, что заинтересованность теперь возросла больше для Франции, чем для нас»¹.

Если не забыли, шел апрель 1935 года. В Москве немецкий посол Фридрих Вернер фон дер Шуленбург приехал в НКВД пожаловаться Литвинову. Немцы в Москве часто ездили с жалобами, так что ничего удивительного. В этот раз причиной стала статья Тухачевского о германском перевооружении. Шуленбург назвал неприемлемым, что высокопоставленный советский чиновник публично в деталях рассказывает о немецких вооружениях. Тухачевский, очевидно, тщательно перепроверил все данные. Посол получил ответ, что если немецкое правительство смущают цифры, то можно опубликовать информацию в прессе. НКВД предлагал такие дела обсуждать более открыто. «Мы знаем, что Гитлер держится другого метода и предпочитает за нашей спиной говорить с англичанами об опасности, которую якобы представляет для Германии и для всей Европы наша Красная Армия, о наших агрессивных замыслах и т. п.», — не сдержался Литвинов. «Это дело

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 96–99.

вкуса, — продолжал он. — Мы предпочитаем не скрывать того, что мы думаем о политике Германии»¹.

В Париже царили волнение, озлобленность и отсутствие уверенности в завтрашнем дне. 6 апреля состоялось заседание Совета министров. По словам Эррио, Лаваль заявил, что будет иметь дело с Советами только ради того, чтобы поддержать Малую Антанту или предотвратить заключение германо-русского соглашения. Для французов это была нижняя планка в поддержании идеи укрепления франко-советских отношений. Любопытно, что при этом Лаваль выступал за франко-германское соглашение. «Но в целом — и он это признает, — отметил Эррио, — он опасается выступления большевистской армии против французских войск»². Антикоммунизм был смертельной страстью Лавалья.

Зыбучие пески французской политики

Советское посольство исправно информировало НКВД о переменчивом, как зыбучие пески, французском общественном мнении. Советский Союз держал связь с французской прессой через Владимира Соколина. «За последние дни, — докладывал тот, — близкая правительству печать все ярче отражала нежелание Лавалья ангажироваться в дела Восточного пакта, до полного исчерпания других возможностей. Из упомянутой печати и устных высказываний близких Лавалю людей явствуют следующие настроения Лавалья: он, разумеется, предпочитает широкий пакт, с участием Германии». Лаваль рассчитывал на «инициативу англичан» и собирался созвать большую конференцию с участием немцев, итогом которой может стать заключение генерального пакта о консультациях, ненападении и неоказании поддержки агрессору. Такое развитие событий Литвинов собирался предотвратить. Соколин поделился запоздалым наблюдением, что Лаваль пришел в настоящее бешенство. «Раздражение Лавалья при упоминании о Восточном пакте, о позиции СССР, о необходимости принять решение чрезвычайно велико». И это не должно удивлять читателей, поскольку Потемкин и Литвинов при каждом удобном случае твердили Лавалю

¹ Встреча с В. фон дер Шуленбургом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 4 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 40—41.

² Herriot E. Jadis. P. 523 (entry of 6 April 1936).

о недопустимости дальнейшего промедления. Политика «малых шагов» и задержек, которой придерживался Лаваль, какое-то время устраивала, но теперь Литвинов хотел положить ей конец.

В отчетах, направляемых в Москву, информация соседствует с дезинформацией, и порой там содержались весьма странные вещи. Вот что сообщил Соколин: «Из масонского источника под “большим секретом” сообщают, что представители генштаба в “Великом Востоке” говорят о превентивной войне в июне 1935 года как о принятом решении. Затруднения и возражения против Восточного пакта муссируются для маскировки. Франция втайне от нас и от своих союзников внезапно откроет военные действия в уверенности, что союзники охотно помогут ей, после начала войны».

Отражало ли данное сообщение взгляды каких-либо французских руководителей? Верховного командования — точно нет. Позже масон — информатор Соколина — сообщил, будто Генштаб не верит в эффективность поддержки в рамках франко-советского пакта, но, затягивая переговоры с советской стороной, намерен попробовать договориться с немцами. Словом, извечный французский кошмар и дилемма. Масон утверждал, что, если рассчитывать на помощь СССР, нужно действовать сейчас.

Соколин не был легковерным человеком и возразил своему масонскому информатору (по всей вероятности, офицеру французской армии), что все это звучит как несусветная фантазия. Тот настаивал, что информация проверенная, что ради дружбы с Соколиным он раскрыл ему важную государственную тайну, к которой не стоит относиться легкомысленно.

Соколин попросил разъяснений, но масон лишь сказал, что «Генштаб не может отвечать за целостность Франции, если война будет отсрочена хотя бы на год».

Пьер Лаваль

Эту запись в рабочем дневнике Соколин завершил любопытным портретом Лаваля: «Типичный французский крестьянин. Весел, склонен к откровенности, которой сам боится; в разгаре разговора может вдруг замкнуться. Крайне издевательски относится к внешним атрибутам власти, но обижается, если не воздают положенного минимума почтения ему самому. Не любит военных всех стран.

Убежден, что Красная Армия как наступательная сила “не существует”. Он повторяет это окружающим. “Меня интересует только их авиация, — говорит он, — и то, говорят, что у них быют материальную часть больше, чем в других армиях”.

Он очень не любит англичан и терпеть не может американцев. Он любит “уютных” людей, простых, “задушевных” до известной степени. Крайне чувствителен к вниманию, оказываемому его дочери, с которой он не расстанется. (Есть сплетни о ее связи с [Жаком] Дорио и с родным отцом.)

Считает, что он лучше любого французского министра может нас понять, ибо он из подлинных крестьян, был бедняком, прошел социалистическую школу. Бывает демагогически циничен, но также умиляется при воспоминании о борьбе французских рабочих за республику. Очень скуп и жаден. Умеет быть очаровательными, в особенности с рабочими»¹.

Мало кто удостоил Лавалья столь детального портрета, как Соколин. Лаваль родился в 1883 году в Шательдоне, строго к западу от Лиона и к югу от Виши. Его отец, среди прочего, владел кафе и гостиницей. Юный Лаваль сам зарабатывал себе на учебу: иногда официантом в кафе у своего отца, иногда преподавал в лицеях в окрестностях Лиона. За бакалаврской степенью он отправился в Париж, затем в Лион — за лицензиатом по зоологии, после чего вернулся в столицу изучать право. В 1909 году он женился, у пары вскоре родилась дочь Жозе. Он стал адвокатом и защищал членов профсоюза, у которых возникали проблемы с законом. С фотографии, датированной 1913 годом, на нас смотрит привлекательный, наивного вида молодой человек с роскошными, зачесанными набок волосами, гладко выбритый, если не считать не слишком пышных усов. В 1914 году он победил на выборах и прошел в Палату депутатов от партии социалистов. Социалистом в полной мере, по его собственному признанию, он не был, и в 1922 году он не стал продлевать членскую карточку. В следующем году он стал мэром Обервилье. Он зарабатывал на жизнь юридической практикой, но параллельно занялся бизнесом и обрел репутацию довольно сомнительного дельца с еще более сомнительными связями в деловых и финансовых

¹ Выдержка из дневника В. А. Соколина. 6 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 326—328.

кругах. В итоге он приобрел газету в Пюи-де-Дом, которая также стала для него источником дохода.

Лаваль, несомненно, был нечист на руку, но не более, чем остальные люди его поколения, сколотившие состояния во времена «Республики приятелей». Как читатель, наверно, помнит, в это время кристально честные люди имели связи с людьми просто честными, те — с людьми нечистоплотными, а те, в свою очередь, с отъявленными мошенниками. В данном пантеоне сомнительных граждан Лаваль еще сильнее уходил в тень. Можно сказать, что и в политике, и в бизнесе он был человеком без каких-либо принципов, за исключением разве что двух: жажды наживы и ненависти к французским коммунистам, которые были для него в Обервилье настоящей занозой. Его политический компас показывал в направлении Берлина, а все контакты с советской стороной были продиктованы исключительно левоцентристами в диапазоне от Эррио до коммунистов, а также Малой Антантой. Он, как уже видели читатели, часто говорил одно, а делал другое. Короче, для Советского Союза он бы фигурой ненадежной, хотя Литвинов и Потемкин и пытались с ним работать.

Демарш Титулеску

В тот же день, когда Соколин составил свой словесный портрет Лавалья, Титулеску прибыл с визитом в советское посольство в Париже. Он встретился с Потемкиным, вручил ему письмо и передал для Литвинова письмо на французском языке. Потемкин счел, что дело срочное, и распорядился отправить письмо в Москву дипкурьером. НКВД выполнил перевод письма на русский и отправил Сталину. «Я считаю, что необходимость подписания соглашения о взаимной помощи между Францией и СССР более настоятельна, чем когда-либо, — писал Титулеску. — Неподписание этого соглашения в короткий срок обозначало бы новый триумф для политики г[оспо]дина Гитлера. Этот последний ввел обязательную военную службу, и тремя великими державами не принято никакой серьезной меры против этой репутации¹ Версальского договора. Германская дерзость получила тем самым поощрение, все последствия которого

¹ Репудация (лат. *repudiatio*) — отказ от чего-либо. — *Примеч. ред.*

еще не могут быть предусмотрены в настоящий момент». Титулеску продолжил, что Гитлер открыто выступил против Восточного пакта, и если ему удастся сорвать франко-советское соглашение, то дерзость немцев не будет знать границ. Это будет означать не только угрозу миру, но и резкий рост нацистского влияния в Центральной и Восточной Европе. В странах Малой и Балканской Антант на смену миру и стабильности придет «крайне опасная политическая неустойчивость». Советское правительство, конечно, имеет полное право отстраниться, но если оно и дальше будет вести свою линию, не проявляя гибкость, оно подорвет общие интересы.

Титулеску предостерегал, что ситуация во французских правящих кругах такова, что любой неверный шаг будет играть на руку противникам франко-советского соглашения, стремящимся к его срыву. На кону были большие интересы, и в этих интересах было принять текущую ситуацию такой, какая она есть, а не такой, какой могла бы быть. Французское правительство сделало предложение — советское должно дать оперативный ответ и предложить свои коррективы. Лучше не давать Лавалю повода передумать. Необходим срочный ответ с предложением коррективов в преддверии подготовки переговоров Лавала и Литвинова 15 апреля в Женеве. Любое промедление — риск.

Титулеску, в свою очередь, предложил от себя две правки к французскому проекту: он предлагал прописать в тексте отказ от принципа единогласия в Лиге Наций и автоматическое вступление в силу обязательств договора в случае вопиющей агрессии. Подписание франко-советского соглашения должно состояться раньше подписания всякого рода коллективных соглашений о безопасности. Обсуждение проектов более масштабных договоренностей до заключения франко-советского соглашения сейчас будет выглядеть как затягивание или как саботаж. В конце письма Титулеску предложил встретиться с Литвиновым в Женеве в середине апреля¹. Титулеску, по сути, ломился в открытую дверь, однако та оперативность,

¹ И. А. Дивильковский — М. М. Литвинову. 6 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 329—333. Дивильковский отмечает, что отправил телеграммой некую сводную справку. Перевод на русский прилагается к письму от 10 апреля 1935 г. Э. Е. Гершельмана М. М. Литвинову (АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 163—166). Копии были отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе.

с которой в советском посольстве и затем в НКВД дали ход записке Титулеску, говорит о крайне серьезном к ней отношении.

За день до того, как Титулеску оставил свое послание в советском посольстве, Потемкин виделся с Лавалем и передал указания Литвинова из телеграммы от 2 апреля. Потемкин передал сообщение «с особой твердостью». Лаваль в ответ привычно изложил возражения и выразил озабоченность. Правда, он допускал, что в текст оригинального французского предложения могут быть внесены коррективы, и предложил, чтобы Потемкин поработал над правками вместе с Леже. Потемкин ответил, что, поскольку Восточный пакт пока официально не похоронен, его не уполномочили обсуждать какие-либо инициативы вне его. Лаваль, который собирался в Стрезу на встречу с британским и итальянским коллегами, Потемкин предупредил, что малейшая неосмотрительность может привести к обрушению «фронта государств», призванного охранять мир в Европе. Лаваль кивком дал понять, что согласен¹.

Рекомендации Литвинова

События развивались быстро. 7 апреля Литвинов отправил еще одну справку для Сталина. «Противники Восточного пакта усилили свою активность за последние дни, сделав исходным пунктом своего нового наступления на пакт окончательный отказ Германии и Польши от взаимной помощи. Мне кажется, что пакт уже по крайней мере на 75% сорван». У Литвинова после контактов с итальянским послом Бернардо Аттолико создалось впечатление, что Муссолини объединился с Польшей против Восточного пакта. После визита в Берлин Саймон начал продвигать идею более универсального соглашения по безопасности с единственной целью — «торпедировать» всякое дальнейшее обсуждение Восточного пакта. Муссолини полагал, что, продвигая идеи Саймона, он сможет отделить Польшу от Германии. На самом деле новые предложения имели немного шансов на успех, но, поскольку на их обсуждение должен был уйти не один месяц, это заставляло отложить в сторону Восточный пакт и таким образом служило достижению первоначальной цели. Литвинов отметил, что Муссолини в Стрезе фактически попытается

¹ В. П. Потемкин — в НКВД. 7 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 266–267.

поставить крест на Восточном пакте, и никому при этом будет невдомек, что он сделал.

Так что же делать? «Если мы придаем по-прежнему значение соглашению с Францией о взаимной помощи, — писал Литвинов, — то мы должны действовать немедленно, предприняв соответствующий нажим на французское правительство». Давление такого рода могло быть оказано в виде официального уведомления, сродни тому, что предложил Литвинов в середине февраля, когда было решено смягчить курс. По сути, Литвинов предложил прямо спросить у французского правительства, придерживается ли оно еще подхода Поль-Бонкура и Барту, то есть подхода, предусматривающего соглашение о взаимопомощи с СССР, Чехословакией и странами Балтии. В крайнем случае, без участия Прибалтийских стран в пактах о ненападении. Он также предложил оповестить британского и итальянского послов о неприятии Советским Союзом отказа от конкретных предложений по коллективной безопасности ради бессмысленного обсуждения пространных и неэффективных комбинаций. «Так как нам терять больше нечего, — добавил Литвинов, — то нужно отдельно обсудить также, не следует ли уже теперь в разговорах с Лавалем изъяснить готовность вернуть ему и нам свободу действий в отмену Женевского протокола [от декабря 1934 года. — *М. К.*]». Эта позиция должна получить освещение в прессе¹. НКВД подготовил проект заявления для Лавалю в духе предложений Литвинова Сталину. Литвиновские рекомендации Сталину из этого текста были удалены, и Потемкин вручил его Лавалю 9 апреля². Нетрудно понять почему. По сути, Литвинов писал Сталину, что СССР никому не может доверять — ни Саймону, ни Муссолини, ни, конечно же, Лавалю, и в наименьшей степени доверия заслуживают Польша и Германия. Ситуация была безвыходная, но, если признать ее безвыходной, то придется отказаться от коллективной безопасности и взаимопомощи, чего Сталин пока делать не желал.

В среднем в 1930-е годы встречи Литвинова со Сталиным проходили раз в две недели. В данный период нарком виделся со Сталиным

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 7 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 158–160.

² Декларация, переданная П. Лавалю. 8 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 163–166; Меморандум, врученный В. П. Потемкиным П. Лавалю. 9 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 274–277.

по 3—4 раза в неделю. С 7—9 апреля — каждый день. 9 апреля Политбюро издало новые директивы, вновь заняв позицию более мягкую, чем предлагал Литвинов. Были одобрены поправки к проекту французского МИД, который был представлен Потемкину 30 марта. Ключевые коррективы касались положения о немедленном оказании помощи в случае неоспоримой агрессии до того, как начнет действовать Лига Наций, а также принятия предложений Титулеску относительно внесения правок в текст французского проекта, с формальными аргументами об интерпретации Устава Лиги¹.

Финал

10 апреля Литвинов отбыл в Женеву, предварительно отправив свежие директивы Политбюро Потемкину². Все было готово к встрече с Лавалем, которая должна была состояться пять дней спустя. Теперь была очередь Литвинова встретиться лицом к лицу к месяце Зигзагом. Потемкин тем временем продолжал действовать в Париже. 9 апреля Лаваль согласился на совместное коммюнике, в котором говорилось, что Франция и СССР договорились заключить двусторонний пакт не позднее 1 мая. На следующий день Потемкин отправил телеграмму Литвинову о том, что встреча с Лавалем прошла не очень хорошо. Хотя Лаваль и подтвердил свою приверженность курсу Бонкура — Барту, он всячески затягивал дело с «джентльменским соглашением», которое позволило бы продвинуться вперед в обсуждении предложений по Восточному пакту, выдвинутых Литвиновым Франции 2 апреля. Лаваль ответил, что не хочет рисковать, раздражая коллег из Великобритании и Италии до встречи с ними в Стресе. Этот ответ Потемкина не устроил³.

На официальном завтраке на набережной Орсе, где присутствовал Титулеску и министры Малой и Балканской Антант, Лаваль выступил с речью, в которой поклялся в верности союзникам и пообещал защищать их интересы. Присутствовал и Мандель. Был ли он прислан министрами-единомышленниками, чтобы присматривать

¹ Выдержка из протокола Политбюро № 24. 9 апреля 1935 г. // Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. С. 322—323.

² М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 10 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 281.

³ В. П. Потемкин — в НКВД. 10 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 282—283.

за Лавалем? Очень может быть. Лаваль ударился в разглагольствования об «элегантности французской политики». «Чтобы внести ясность в положение, — докладывал не без издевки Потемкин, — я ответил ему [Лавалю] по всем пунктам». Как обычно, стояла задача поймать Лаваль на слове. Потемкин во всеуслышание заявил, что «кое-кто во Франции посмел утверждать, что СССР пытается навязывать переговоры силой», заявляя, будто Франция менее заинтересована в пакте о взаимопомощи, чем СССР, бросая тень на советскую власть, высказывая мнение, будто Франция, вступив в сотрудничество с Москвой, принесла себя в жертву. «Сами французы предложили нам пакт, — сказал он, — и они уговорили нас войти в Лигу Наций, дабы скорее его заключить». Все это было правдой. Затем Потемкин нанес удар: он упомянул Женевский протокол — соглашение, заключенное с целью не обманывать друг друга, и заметил, что французы неоднократно нарушали обязательства. В этом что, состояла «элегантность» политики Лавалья? Элегантно воткнуть нож в спину? У присутствовавших на встрече министров, вероятно, разом перехватило дыхание. Мандель точно встревожился. И решающий свой удар Потемкин нанес, заметив, что Лаваль отверг свое «джентльменское соглашение», предложенное днем ранее. По словам Потемкина, присутствовавшие на встрече его коллеги с ним согласились. «Дело завершилось торжественным заявлением Лавалья», что франко-советский пакт будет заключен к 1 мая и ничего «постыдного» в Стрезе не случится. Лаваль прямо заявил, что «либо он уйдет из правительства, либо доведет дело пакта до конца». В этот момент в разговор вмешался Титулеску, он подчеркнул важность франко-советского пакта. Это был очень грамотный дипломатический шаг, он разрядил обстановку. «Сцена закончилась тостами и излияниями, — замечает Потемкин, — весьма напоминавшими деревенский свадебный сговор». Потемкина трудно обвинить в отсутствии желчного юмора. «Лаваль был весь в поту, жена его упрасивала меня верить “этому человеку”, который окончательно де связывает свою судьбу с нами»¹. Согласно источникам Соколина, Лаваль собирался «нейтрализовать» Титулеску, яростно поддерживавшего Восточный пакт. «Не надо в Мск [Москву] сообщать о пресловутых колебаниях Лавалья, — очевидно, эта фраза принадлежала

¹ В. П. Потемкин — в НКИД. 10 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 282–283.

Лавалю и была адресована Табуи. — Нужно изображать дело так, что если еще немножко поднажать и немножко уступить, то дело вот-вот выгорит».

Неосторожные замечания Лаваля очень быстро стали достоянием общественности. В Париже, где пресса была падка на скандалы, журналисты отнюдь не были стеснены приличиями. Соколин писал: «Нахальная манера Лаваля представлять дело с Восточным пактом как уступку нам, как одолжение, распространяется через близких ему журналистов на более широкие круги общественности и “друзья” уговаривают нас не настаивать на невозможном, а примириться с тем, что Франция “дает”». Соколин также слышал следующее о завтраке Лаваля на набережной Орсе: «В связи с “обещанием” Лаваля, данным им на завтраке 9.04, в присутствии полпреда и представителей Малой и Балканской Антант, “подписать” [пакт. — *Ред.*] до 1 мая, журналисты, гавасовцы¹ и дружественные СССР деятели ставят два вопроса: является ли апрельское обещание Лаваля более серьезным, чем его январское заявление в Женеве и что он собственно обязуется подписать до 1 мая, ибо возможна такая тактика: он предложит совершенно неудовлетворительный текст, мы его отвергнем, и он скажет, что не он виноват, а мы виноваты, если к 1 мая ничего не вышло»².

Лаваль был хитер и, вполне возможно, устроил это нарочно. Стратегия была рискованная, поскольку в Совете министров, а также среди союзников Франции в Центральной Европе и среди Дунайских стран Восточный пакт все еще пользовался поддержкой. Затем в переговорах наступило своего рода затишье: Лаваль уехал в Стрезу, а Литвинов — в Женеву. Пока Литвинов ждал Лаваля в Женеве, он сообщил о многочисленных слухах по поводу предложений о франко-советском соглашении от 2 апреля. «Меня предостерегают, — телеграфировал он в Москву, — против новых интриг, пущенных в ход Польшей для срыва соглашения. Она нажала все кнопки в Париже, чтобы воздействовать на франц[узское] пра[вительство], но Лаваль все-таки заявляет, что он теперь связан джентльменским соглашением». И это было неудивительно. Очевидно, что и британцы в Стрезе работали над подрывом франко-

¹ Navas — первое французское информационное агентство, основанное в 1935 г. — *Примеч. ред.*

² Выдержка из дневника В. А. Соколина. 10 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 334–341.

советских переговоров. «Таково же мнение только что посетившего меня Бенеша», — добавил Литвинов¹. Таким образом, визит Идена в Москву уже по ряду признаков смотрелся как шоу.

Британцы и поляки не единственные пытались сорвать франко-советский пакт. Служащие во французском МИД готовили отказ на отредактированный Литвиновым вариант пакта, который он представил французам в Женеве утром 15 апреля, в преддверии встречи с Лавалем, намеченной днем позже. «Завтра он будет занесен в черный список», — отметил замглавы французской миссии в Женеве Рене Массильи².

Утром 16 апреля до окончания указанного срока (1 мая) оставалось всего 14 дней. В тот день, а также на следующий Литвинов и Лаваль пытались прийти к соглашению. Лаваль отверг советское требование о немедленном, автоматическом предоставлении помощи. Все должно быть завязано на Устав и процедуры Лиги Наций. 18 апреля Литвинов сообщил в Москву, что он и Лаваль согласовали текст. Литвинов был не слишком доволен:

«Он [Лаваль] был туг на уступки ссылаясь на то, что предложение, сделанное им раньше Потемкину, является пределом, дальше которого Совет министров ему идти не разрешил. Всем своим поведением и разговором он подчеркивал свое полное равнодушие к пакту, которое стало у него еще заметнее после Стрезы, укрепившей солидарность Франции как с Англией, так и с Италией. Он говорил друзьям, что считает себя в отношении нашего пакта подогнанной собакой».

Лаваль пошел на небольшие уступки по поводу оказания взаимопомощи без обязательного согласия Лиги Наций, а также по ряду поправок к формулировкам. Он отверг идею немедленного оказания помощи до решения Лиги, а также определение агрессора. Французы опасались, что Германия воспримет пакт как вызов Локарнским соглашениям и денонсирует их. Лаваль также был против гарантий странам Балтии. Договор о взаимопомощи должен начать действовать только в случае непосредственного нападения Германии на Францию или СССР. Литвинов считал пакт

¹ М. М. Литвинов — в НКИД. 13 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 190. Д. 1408. Л. 52—53, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 05.12.2023).

² Massigli to unknown addressee (cher ami). 15 April 1935. MAÉ, URSS/974, 26.

в нынешней редакции «проблематичным» из-за обязательств французов в рамках Локарно и участия Лиги Наций, а с советской стороны из-за отсутствия у СССР общей границы с Германией. При этом пакт имел большое политическое значение, поскольку помог бы сдерживать агрессию Германии, Польши и Японии. По словам Литвинова, он также помогал предотвратить — вопреки позиции французов — установление тесных связей между Францией и Германией. «Надо учитывать также, — отметил Литвинов, — отрицательный эффект отказа от пакта после всех этих многомесячных переговоров». Это соответствовало точке зрения Титулеску. Сделав несколько процедурных замечаний, Литвинов сообщил: подписывать или не подписывать пакт, теперь будет решать Политбюро¹. Политбюро ответило на запрос инструкций от Литвинова и приказало возвращаться в Москву. «Текст договора с протоколом можем утвердить после личной беседы с Вами, так как нет возможности согласовать по телеграфу такой важный документ»².

На следующий день, 19 апреля, в Париже было совещание Совета министров. По данным Эррио, военный министр Луи Морен был не слишком высокого мнения о боеспособности Красной армии и боялся распространения идей большевизма среди французских войск... А вот министр-консерватор без портфеля Луи Марен, в отличие от Морена, пакт одобрил и даже попросил о военных соглашениях³. В итоге в проекте пакта не упоминалось о переговорах на уровне генштабов. Несмотря на прохладное отношение военного министра Морена, в ведомстве царили разные мнения. В одном отчете, приложенном к записке от 8 апреля, за подписью Морена положительно оценивается перспектива помощи от РККА в различных формах в случае войны. Поднимался также вопрос прохода Красной армии через территории различных восточноевропейских стран, рассматривались различные сценарии. Если коротко, то документ отражает объективный и позитивный взгляд на возможность

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 18 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 190. Д. 1408. Л. 65–68, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 05.12.2023).

² Выдержка из протокола Политбюро, № 24. 19 апреля 1935 г. // Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. С. 323–324.

³ *Herriot E. Jadis*. P. 530 (entry of 19 April 1935).

советской поддержки в случае войны¹. И всего две недели спустя, в другом отчете от 24 апреля, РККА и идея «союза с русскими» оцениваются скорее негативно. Например, отмечается, что франко-советский пакт свяжет Францию обязательствами «перед правительством, которое предало нас в разгар войны, разорило наших мелких инвесторов, и доктрина которого состоит в разрушении наших институтов, прежде всего института военного»². И с чего это Военному министерству беспокоиться о мелких инвесторах?..

Предательство на набережной Орсе

Пока Литвинов в Женеве ожидал инструкций из Москвы, Потемкин 19 апреля возвратился в Париж. «Я виделся с Эррио, которому сообщил, что мы не удовлетворены результатами переговоров о нашем пакте и лишь потому просим разрешения советского правительства подписать выработанный в Женеве проект, что не хотим срыва соглашения и создания неблагоприятного международного резонанса». В своем ответе Эррио пообещал как можно скорее добиться одобрения проекта пакта. Потемкин договорился с Лавалем о встрече с Леже по поводу окончательной редакции пакта, который в Женеве согласовали Лаваль и Литвинов. А далее возникла загвоздка. Потемкин тут же уведомил свое руководство, что текст проекта претерпел значительные изменения: их в Париже внесли Леже и юрист МИД Жюль Бадеван. В новых формулировках реализация взаимопомощи даже в случае внезапного нападения была завязана на одобрении Лиги Наций. Потемкин считал, что вносить правки в текст, уже одобренный Лавалем и Литвиновым в Женеве, недопустимо. И это очевидный факт. На это Потемкин указал Леже, который пытался торговаться за исключение из проекта документа слова «немедленно». Другими словами, Леже не оставил попыток ослабить тему взаимопомощи в формулировках пакта. Потемкин позвонил в Женеву Литвинову, который настаивал на том, чтобы использовались уже согласованные

¹ Maurin to Laval. No. 485/2/SAE/ÉMA [Section des Armées étrangères, État-major de l'armée]. 8 April 1935, and enclosure "Note sur l'appui qui pourrait éventuellement être demandé à L'URSS," SHAT 7N 3143.

² Note sur les avantages et les inconvénients de l'alliance russe, ÉMA, 2e Bureau. 24 April 1935. SHAT 7N 3143.

формулировки. Затем Лаваль сообщил, что Совет министров одобрил текст с учетом правок Леже и Бадевана и уполномочил его на подписание. Потемкин ответил, что это произойдет не раньше, чем будут улажены разногласия вокруг правок, внесенных французами в одностороннем порядке. Лаваль запротестовал, что проект уже утвержден, и сейчас уже нельзя изменить его текст.

Так или иначе разногласия были связаны с формулировками. Потемкин снова позвонил Литвинову, который уполномочил его передать Лавалю, что нарком «удивлен» французскими методами ведения переговоров и что в уже согласованный текст нельзя вносить никаких изменений. В Москве проект уже породил массу недовольства; без сомнения, он изрядно усугублял ситуацию. «При таких условиях Литвинов вызывает обратно в Москву и предлагает Лавалю, если он желает выполнить свои обязательства... в кратчайший срок приехать туда же для подписания договора». Потемкин передал это сообщение Лавалю — тот, с его слов, был встревожен и попросил его еще раз приехать в МИД¹. Читатели, конечно же, понимают причину тревоги Лавалья. Происходящее начинало походить на несмешной фарс. Покойный Довгалецкий говорил: даже при наличии стенографистов нельзя ждать, что французы будут уважать тексты соглашений. Здесь был именно такой случай. Но на этом фарс не закончился: впереди рассказ Потемкина о том, как он съездил на набережную Орсе.

Лаваль принял Потемкина в присутствии Леже. «Он [Лаваль] был явно растерян, — писал Потемкин — пытался убедить меня, что ничего неприемлемого для нас в измененной редакции протокола нет, беспомощно оглядывался на Леже, который также был в подавленном состоянии». Лаваль осведомился, приедет ли Литвинов из Женевы в Париж, очевидно, надеясь, что с ним он сможет договориться. На самом деле Литвинов уже выехал в Москву, и Парижу приходилось менять планы. Возникла неловкость, поскольку в связи с отъездом Литвинова пришлось отменить запланированный официальный обед. Конечно, все мысли Лавалья были о том, что он скажет прессе, которая ждала новостей о заключении пакта. Условились сообщить, что в ближайшие несколько дней ожидается пауза, после чего пакт будет парафирован в Париже и подписан в Москве.

¹ В. П. Потемкин — в НКВД. 20 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. 295–296.

Как записал Потемкин, от Лавалья он отправился к Эррио и тот, выслушав его рассказ, воскликнул: «Катастрофа!» Читатели понимают, почему Леже и Бадеван отредактировали уже согласованный текст и затем пытались поставить Потемкина перед фактом. «Он [Эррио] заявил, что Совет министров не был информирован Лавалем о деталях переговоров. Пакт был доложен в основных чертах и одобрен единодушно». Пока Потемкин и Эррио разговаривали, Эррио поступил звонок от Леже с просьбой прибыть в МИД. Эррио попрощался с Потемкиным, «обещал уладить дело до вечера и бранил Лавалья, допустившего “бестактность” и наносящего величайший вред Франции своей “вульгарной политикой”». Часом позже, как рассказывает Потемкин, Эррио вернулся и встретился с ним в посольстве. Эррио был только что от Лавалья, который велел ему «исправить то, что произошло», пока пресса не раздула огромный скандал. Эррио привез с собой новую версию текста, им составленную, и пообещал пойти с ней в правительство. Он прочитал текст Потемкину, тот переписал его для того, чтобы отправить телеграммой в Москву. Текст не сильно улучшился, но от Потемкина комментария не последовало (он высказался позже, в длинной депеше Крестинскому). Эррио попросил Потемкина немедленно телефонировать Литвинову заверения в искренности французского правительства и его желании провести переговоры как можно скорее. Он даже желал говорить с наркомом лично. В итоге Эррио успокоился и, как только Потемкин заказал звонок в Москву, откланялся. Потемкин вкратце переговорил с Крестинским — тот заверил, что, когда Литвинов вернулся в Москву, папка была направлена на рассмотрение в правительство, то есть в Политбюро. Потемкин также отметил, что французская печать, включая правую, выражает озабоченность в связи с тем, что Литвинов не приедет в Париж. В правительственных кругах говорили, что ничего необычного не происходит. Посольство всеми силами старалось избегать конкретики и сообщало лишь, что советское правительство сейчас рассматривает женевский вариант текста и, получив отчет Литвинова, будет принимать решение¹.

Через свои связи в НКВД Альфан узнал о скандале в Париже. Лаваль утверждал, что имело место лишь разночтение в формулировках

¹ В. П. Потемкин — в НКВД. 20 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. 296–297.

договора, однако Альфан заподозрил, что все гораздо серьезнее. От него не скрылось возмущение советской стороны, и он предупредил Париж о том, что Сталин может прервать переговоры¹. Потемкин подтвердил наблюдение Альфана более подробной депешей. Когда Лаваль впервые встретился с Потемкиным 19 апреля, он поначалу не поверил, что Литвинов уехал из Женевы и отправился в Москву. Когда же Потемкин заверил его в этом, Лаваль начал тщетно пытаться убедить собеседника, что возникшие разногласия связаны исключительно с формулировками в документе. По мере того, как Лаваль осознавал потенциальные последствия отъезда Литвинова, ему становилось все больше не по себе. Потемкин отвечал, что возмущение вызывают не формулировки, а поведение Леже и Бадевана. Лаваль пытался стоять на своем, но Потемкин лишь пожал плечами и ответил, что Литвинов доложит обо всем правительству, и тогда будут готовы новые инструкции.

Сдержанное поведение французской прессы, о котором Потемкин изначально сообщал в телеграмме, продлилось недолго. Ряд газет объяснил отказ Литвинова приезжать в Париж капризом, придирчивостью и завышенными требованиями. Такая оценка была явно кем-то продиктована и не могла быть оставлена без ответа. Высказались Пертинакс, Табуи и даже лидер социалистов Леон Блюм. По-настоящему же Потемкина беспокоили нападки на Лаваль в ежедневной коммунистической газете «Юманите», где его окрестили «первым пособником Гитлера» и «Лаваль — война» («Laval-la guerre»). Конечно, подобные обвинения выглядели бы абсолютно оправданными после 1940—1941 годов, но в 1935 году пока еще нет. Лаваль болезненно отреагировал на эти нападки и собирался в ходе своей предвыборной кампании в Обервилье ответить разгромным антикоминтерновским плакатом. В прошлом, и это Потемкин прекрасно знал, подобные противостояния выливались в целые антикоммунистические кампании в печати; одна из них в 1927 году привела в конечном счете к отзыву советского полпреда. «Накануне возобновления наших переговоров о пакте, — заметил Потемкин, — едва ли можно признать уместной всю эту страстную полемику, связанную с вопросом о франко-советском пакте, в особенности когда она становится достоянием улицы и при том

¹ Alphand. Nos. 261—263, reserve. 22 April 1935. DDF, 1re, X, 384—385.

возбуждает догадки об активной причастности к ней советского полпредства». Обстановка грозила выйти из-под контроля в Обервилье, затем в Париже, а потом и во всей Франции¹.

Читателям, возможно, интересно, вел ли французский МИД стенограммы бесед Потемкина с Лавалем. Судя по всему, нет. Даже если такие записи и существовали, то вряд ли они столь же вопиюще, как записи советского полпреда, обнажили двуличность французского МИД. Эррио также не вел запись своих бесед с Потемкиным. Очевидно, он взвалил на себя задачу спасти пакт о взаимопомощи, пусть даже в исковерканном варианте. Немудрено, что Лаваль Эррио раздражал.

Телеграммы Потемкина произвели в Москве очень дурное впечатление. Поведение Лавалья и его «клерков» Леже и Бадевана напоминало, по крайней мере по рассказам Потемкина, американскую комедию пощечин, однако в Москве Сталину и его ближайшим соратникам было не до смеха. 20 апреля Политбюро вновь провело собрание и выпустило новую директиву для Потемкина: «Советуем не слишком ангажироваться на счет соглашения с французами и не забегать вперед, чтобы потом не получился у вас конфуз, если проект договора не будет одобрен в Москве.

Второй раз предупреждаем Вас не забегать вперед и не создавать тем самым иллюзии о том, что будто бы мы больше нуждаемся в пакте, чем французы. Мы не так слабы, как предполагают некоторые». На следующий день ТАСС опубликовал краткое коммюнике, предложенное Сталиным и одобренное Политбюро: «Переговоры между т[оварищем] Литвиновым и Лавалем временно приостановлены. Тов[ариш] Литвинов вызван в Москву для доклада Совету народных комиссаров»². Неудивительно, что Лаваль отчасти пошел на попятный, поскольку в случае провала переговоров он был бы вынужден подать в отставку. А еще он никогда не забывал о выборах в Обервилье.

22 апреля Литвинов вернулся в Москву и этот день, а также следующий провел в кабинете у Сталина, где также присутствовал Крестинский. Разговор продолжался около трех часов. В двух предыдущих случаях Сталин успокаивал Литвинова насчет французов, теперь

¹ В. П. Потемкин — Н. Н. Крестинскому. 25 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 122—128.

² Выдержка из протокола Политбюро № 24. 20 апреля 1935 г. // Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. С. 325—326 (№ 1).

же Литвинову приходилось унимать гнев вождя. 23 апреля нарком отправил Сталину и узкому кругу Политбюро справку о том, как следует поправить формулировки в проекте соглашения, подпорченного Леже и Бадеваном. Эти правки были согласованы на встрече днем ранее¹. Литвинов также представил справку, в которой обосновал необходимость принятия проекта документа. Да простят мне читатели, я позволю себе несколько углубиться в детали, поскольку наблюдения Литвинова представляют большой интерес. «Вызов в Москву я считаю правильным, и он соответствовал моим собственным желаниям, — начал Литвинов. — Объясняется это, может быть, скорее моими субъективными ощущениями: мне сильно не хотелось ехать в Париж, а кроме того, я был взбешен попытками со стороны французов изменить тексты, казавшиеся согласованными».

Французы проявили вероломство. Читатель помнит, что сотрудники французского МИД, особенно Леже и Баржетон, всегда были против двустороннего соглашения о взаимопомощи. Они саботировали шаги Поль-Бонкура в данном направлении, и, поскольку нынешний кабинет был на пороге провала, им это вполне могло сойти с рук. Сегодня они работали на Лавалья и под его непосредственным руководством. Править уже согласованный текст значило проявить неуважение к советским дипломатам, отнестись к ним как к непрофессионалам, которых можно в последний момент «надуть» — это излюбленное слово Сталина. В опасные времена союзникам необходимо доверие друг к другу. Могли ли советские дипломаты доверять французам? Ответ очевиден. Однако в 1935 году у советской стороны не было выбора.

Логика Литвинова

Давайте в таком случае рассмотрим аргументы Литвинова в пользу соглашения с французами. Прежде всего, он утверждал, что советской стороне не нужно добиваться от них дальнейших уступок. «Есть, однако опасность, что многочисленные противники советско-французского пакта попытаются использовать заминку и нажать на все пружины для срыва пакта. К числу внешних противников

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 23 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 168—170. Копии были отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе.

пакта в порядке наиболее активного противодействия надо отнести Польшу, Германию, Англию и Италию», не слишком довольны и турки — так называемые друзья СССР. Кроме того, были противники пакта и в самой Франции. В Женеве у Литвинова создалось впечатление, что французам пакт не очень-то нужен: «Лицо Лавалья обращено до сих пор к Берлину, и он в душе рад был бы, если бы пакт сорвался без того, чтобы в этом можно было упрекнуть его лично». По словам Лавалья, за искажением текста договора стоял лично Фланден (хотя, возможно, Лаваль таким образом пытался переложить ответственность на вышестоящего, так как Фланден в то время был председателем Совета министров). Так или иначе, Фланден, по мнению Литвинова, мог согласиться лишь на те условия, которые не вызвали бы возражений у британцев.

Конечно же, горячо поддерживал пакт Эррио, однако его влияние на кабинет было ограничено, и в том, что касается текста, он защищал позицию Лавалья, так же как, очевидно, и Мандель. О мнениях других министров ничего не известно. От бывших членов правительства, «защитников» СССР, особой поддержки не последовало. «По мнению наших парижских товарищей, — продолжал Литвинов, — пакт не очень популярен ни среди интеллигенции, ни среди мелкой буржуазии, ни даже среди рабочих (некоммунистически настроенных)». Кроме коммунистов, да и то не всех, идея франко-советского пакта никого не прельщала. Литвинов писал, что советский журналист Илья Эренбург «...рассказывал, что он недавно объезжал северные департаменты Франции, наиболее пострадавшие от мировой войны, и там высказывались рабочими опасения, как бы пакт не ускорил войну с Германией. Говорилось даже, “пусть, де, Германия дерется с Советами, это в худшем случае ослабит Германию”. Больше всего сторонников пакта имеется среди правых».

Думается, что Сталину и первым лицам государства (Молотову, Ворошилову, Кагановичу) читать такое было больно. Однако на этом удручающие наблюдения и выводы Литвинова не закончились. «В общем, [французское. — *Ред.*] правительство считает себя морально ангажированным, да и само не хотело бы отказаться от пакта, хотя бы для того, чтобы сделать невозможным наше соглашение с Германией, но пакт не должен налагать слишком больших обязательств на Францию. Характерное выражение Лавалья

и Леже, часто ими употребляемое: “надо подписать что-нибудь”». Мысли Лаваля всегда были тайно обращены в сторону Германии. Он не собирался намеренно провоцировать немцев и особенно давать им повод денонсировать Локарно. Лаваль был готов принести Восточный пакт в жертву, если бы его заключение оказалось сопряжено с рисками. Однако этого варианта не было у него в планах, поскольку он не видел никаких перспектив соглашения с Германией. «Лучше всего для Лаваля, — писал Литвинов, — было бы тянуть переговоры в надежде, что при помощи Англии Германия сделает Франции какие-нибудь заманчивые предложения. Вот почему мой отъезд в Москву несколько обеспокоил Лаваля». Литвинов не говорит об этом прямо, но понятно, что в случае провала франко-советских переговоров Лаваль начал бы разыгрывать германскую карту.

Литвинов объясняет свою стратегию переговоров с Лавалем. По сути, текст, составленный в Женеве, напоминал то, что Леже ранее предлагал Барту, а также позднее, во время последнего (февральского) визита в Женеву Литвинову:

«Нами было признано желательным внести в эти предложения некоторые поправки. Предлагая эти поправки, я заранее знал, что не все они будут для Франции приемлемы и некоторые из них считал лишь предметом торга. Так, например, французы решительно отвергли автоматическую немедленную помощь и наше определение агрессии. И то и другое противоречит Локарнским соглашениям. Мы добились, однако, согласия на необязательность для решений Совета [Лиги Наций] единогласия, а это чрезвычайно существенно. Лаваль вынужден был согласиться со мной, что требование единогласия Совета делало бы оказание нам помощи более чем проблематичным».

Внесенные французами правки, касавшиеся того факта, что помощь не должна оказываться автоматически, Литвинов оставил без внимания. Но он попытался получить от Лаваля ответы на другие вопросы и предсказуемо вернулся к теме безопасности Прибалтийских государств. Литвинов предложил, что в случае, если СССР начнет на Балтике операцию по отражению немецкой угрозы, должны вступить в силу обязательства Франции перед СССР согласно пакту. Лаваль категорически отверг такое предложение. Далее Литвинов уточнил: если аналогичный случай произойдет на западе и Франция придет на помощь, скажем, Бельгии или будет

вынуждена войти в демилитаризованную Рейнскую зону, в этом случае Советский Союз не будет обязан выступать против Германии? Лаваль тут же согласился с такой трактовкой. «Далее я предложил, — излагал Литвинов, — протокол о наибольшем благоприятствовании, т. е. в случае заключения Францией с третьим государством пакта с интерпретацией Устава Лиги в сторону автоматизма эта интерпретация перешла бы и на наш пакт. В Женеве Лаваль и Леже это предложение приняли, а, приехав в Париж, взяли свои слова обратно».

Немыслимо, что Лаваль отказался от литвиновского предложения о советских гарантиях безопасности, затрагивающих восточные границы с Бельгией, Рейнскую демилитаризованную зону и даже Швейцарию. Неужели Прибалтика для Франции была важнее, чем Бельгия? У британцев было возражение только по одному пункту, и, кстати, британский МИД лишь от своего посольства в Москве, через французского посла Альфана, узнал, что, когда французы отказали в гарантиях для стран Балтии, советская сторона «отказалась давать гарантии по Бельгии»¹. Если говорить о глубинных причинах, французы, как и британцы, боялись потерять балтийский и польский кордоны, защищавшие от советской экспансии на запад. Франко-советский пакт, как было сказано в одном французском отчете, толкал Польшу в объятия Германии; СССР уже не нужно будет запрашивать польское разрешение на проход РККА через территорию страны². Да и Францию уже никто принимать в расчет не будет. На это французское правительство ни в какие времена не могло пойти.

Литвинов завершил свой отчет в Политбюро мыслью о том, что пакт-пустышка все же лучше, чем ничего:

«Я могу лишь повторить уже ранее высказанную точку зрения. Не следует возлагать на пакт серьезных надежд в смысле действительной военной помощи в случае войны. Наша безопасность по-прежнему останется исключительно в руках Красной Армии. Пакт для нас имеет преимущественно политическое значение,

¹ Noel Charles, British chargé d'affaires in Moscow. No. 60. 1 May 1935. C3579/55/18, TNA FO 371 18838.

² Maurin to Laval. No. 485/2/SAE/ÉMA, [Section des Armées étrangères, État-major de l'armée]. 8 April 1935, and enclosure «Note sur l'appui qui pourrait éventuellement être demandé à L'URSS», SHAT 7N 3143.

уменьшая шансы войны как со стороны Германии, так и Польши, и Японии. Кроме того, пакт может оказаться препятствием осуществлению стремлений Польши к созданию антисоветского блока из Польши, Германии и Франции плюс некоторые другие страны. Если стать на эту точку зрения, то те или иные формулировки статей и протоколов значительно теряют в своем значении»¹.

Аргумент Литвинова о том, что с пактом-пустышкой лучше, чем без всякого пакта, Политбюро приняло. 23 апреля Литвинов направил инструкции Потемкину, где обозначил программу-минимум и программу-максимум при заключении соглашения. Советская сторона все еще добивалась от Франции гарантий для Прибалтики в обмен на равнозначные советские гарантии в отношении Бельгии; если же французы отказываются от Балтии, то советская сторона откажется от Бельгии. Литвинов все еще желал включения в текст пункта о режиме наибольшего благоприятствования, но отвергал формулировки, требовавшие в вопросах взаимопомощи отсылки к «державам Локарно». Он предлагал альтернативные формулировки в тех местах, где прослеживались попытки Франции закрепить свой уход от ответственности. Суть его инструкций Потемкину была в том, чтобы, выдвинув максимум нерешенных вопросов с советской стороны, в итоге решить минимум из них. Это было ближе к пожеланиям французов².

С целью уладить оставшиеся разногласия в Париже были возобновлены переговоры. Лаваль в разговорах с Альфаном не вдавался в подробности бесед с Потемкиным и продолжал настаивать, что оставшиеся разногласия связаны исключительно с формулировками³. 24 апреля с Альфаном встретился Литвинов, и посол впервые взглянул на ход переговоров с другой стороны, и этот взгляд плохо соответствовал рассказам Лавалья. По словам наркома, у него сложилось впечатление, что французское правительство больше не ведет переговоры о «независимом, искреннем сотрудничестве».

¹ К переговорам с Францией. 23 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 106–109; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 мая 1935 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 18 П. 80. Д. 1. Л. 52–49.

² М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 23 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 346–350.

³ Laval to Alphand. Nos. 171–174, very urgent, reserve. 22 April 1935. DDF, 1re, X, 385–386.

Французские переговорщики вышли из соглашения, которое было выгодно советской стороне. Литвинов настаивал на принятии серьезного, внушающего доверие соглашения, которое бы способствовало делу мира, не являлось бы формальным выражением удовлетворения, а давало бы обеим сторонам конкретные преимущества. По словам Альфана, Литвинов выразил озабоченность советской стороны тем, что страны, подписавшие Локарнские соглашения, закрывают глаза на германскую экспансию на востоке. Что мог сказать на это Альфан? Он понятия не имел о том, какая позиция у Сарджента из Центрального департамента британского МИД. На набережной Орсе его не поставили в известность об этих переговорах, при этом он настойчиво повторял, что французское правительство полно желания прийти к соглашению¹.

Саботаж англичан

Таких гарантий Литвинов не принял бы, не получив подтверждения от Потемкина, а этого не произошло. 27 апреля Потемкин срочной телеграммой сообщил, что британский поверенный Рональд Кэмпбелл прибыл на набережную Орсе по указанию Саймона, чтобы выразить обеспокоенность в связи с отсутствием в формулировках пакта отсылок к Лиге Наций. Британский МИД ввели в заблуждение. Кэмпбелл, очевидно, предложил привязать пакт не только к Уставу Лиги, но и к условиям Локарнских соглашений, которые СССР не подписывал. Следуя инструкциям своего МИД, Кэмпбелл переговорил с Лавалем 19 апреля. Это было в самый разгар споров между Потемкиным с одной стороны и Лавалем и Леже с другой. На самом деле Лаваль не сообщил Кэмпбеллу всех деталей происходящего, а попросту обманул его. «Русские создают трудности, поскольку они не удовлетворены тем, что получили», — заявлял Лаваль. «Подвох» на переговорах, как уже понял читатель, был связан с тем, что французы решили подправить уже согласованный текст².

Информация советского посольства о попытке саботажа со стороны Великобритании оказалась верной. Сарджент был инициатором указаний для посольства в Париже, одобренных Саймоном

¹ Alphand. Nos. 271–272, reserve. 24 April 1935. DDF, 1re, X, 394–395.

² Clerk. No. 78 saving. 19 April 1935. C3328/55/18, TNA FO 371 18837.

и направленных на то, чтобы лишний раз предостеречь французов от выхода за рамки Локарнских соглашений в каких-либо пактах с советской стороной. Ванситтарта, похоже, загнали в угол. Размолвка между Ванситтартом и Сарджентом мешала британскому МИД выступать с внятными заявлениями. Были сплошные метания. Майский слышал о демарше Кэмпбелла и 26 апреля встретился с Ванситтартом, чтобы выяснить, будет ли британское правительство выступать против франко-советского и чешско-советского пактов о взаимопомощи, работа над которыми находилась на завершающей стадии. Майский уверял, что задал вопрос дважды, но оба раза Ванситтарт заявил, что британское правительство не намерено противодействовать пактам, и это «не только его личное мнение, но и мнение правительства». Ванситтарт предупредил, что «очень важно, чтобы пакты были в русле Лиги Наций». Данная загадочная фраза, как он выразился, призвана значительно поспособствовать благосклонному или по крайней мере терпимому отношению к данным пактам в британских политических и журналистских кругах. И ни слова не сказал о Сардженте¹.

«Об этом [английском] демарше, — писал Потемкин, — явно подготовленном самими французами, Леже торжественно сообщил сегодня в моем присутствии Лавалю. В наших сегодняшних переговорах Лаваль все время прятался за англичан и их предупреждение. Сообщаю это, чтобы яснее представить вам атмосферу переговоров»². Леже торжествовал, сообщает Потемкин, поскольку последнее слово должно было быть за британцами. Переговоры теперь были похожи на конкурс, в котором советская сторона всеми правдами и неправдами пыталась заставить французов заключить альянс против смертельного врага, а французы должны были перехитрить советских коллег, как будто пакт им был не нужен, как будто таким образом они делали Советскому Союзу одолжение. Согласно Клерку, британскому послу в Париже, французы, возможно, пойдут на

¹ Eastern Pact, Sargent. 18 April 1935. C3333/55/18, TNA FO 371 18837; Simon to Clerk. No. 108. 18 April 1935, *ibid.*; Clerk. No. 78 saving. 19 April 1935. DBFP, 2nd, XIII, 191–192; М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 25 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 299; И. М. Майский — в НКИД. 26 апреля 1935 г. // Там же. С. 301–302; Simon to Charles, British chargé d'affaires in Moscow. No. 227. 2 May 1935. C3251/55/18, TNA FO 371 18838.

² В. П. Потемкин — в НКИД. 27 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 305.

символические уступки, чтобы позволить советской стороне сохранить лицо. Французы «остались в проигрыше», говорил Лаваль так, будто этим хвастался. Ведь «если дойдет до дела, французская помощь будет для России несоизмеримо полезнее, чем российская помощь для Франции»¹. Весной 1940 года, когда «дошло до дела», Франции вполне мог прийти на помощь мощный союзник в лице СССР. Читатели наверняка задумывались, какая дорога привела Францию к краху в 1940 году и какие на этой дороге были основные вехи... Начать стоит с весны 1935 года, когда Лаваль и Леже с апломбом доказывали, что, подписывая франко-советский пакт, они делают Советскому Союзу огромное одолжение. Помните, что в итоге СССР выдержал проверку войной. Франция нет.

Похоже, что с французской стороны никто не оповестил британцев о том, что Леже и Бадеван исказили уже согласованный текст и что именно эта бесцеремонная выходка, а отнюдь не раздражение Литвинова привела к заминке на последнем этапе и ужесточению советской позиции. Когда посол Клерк пытался прояснить эту загадочную ситуацию, Леже ответил, что отчасти она связана с «восточной манерой торговаться» и советско-германскими «заигрываниями» с торговым соглашением². Леже прекрасно знал, что загвоздку породил он сам, что заигрывание — никакое не заигрывание, как ранее Литвинов велел Потемкину передать французам. Леже не просто избегал правды, в дипломатической практике это не редкость. Он откровенно лгал, а вот это уже встречается не так часто.

Франко-советский пакт

Лаваль и Потемкин смогли, наконец, договориться 30 апреля. Официально они подписали пакт в Париже 2 мая. Покойный Жан-Батист Дюрозель назвал его «шедевром пустословия»³.

Так оно и было. Литвинов не считал произошедшее триумфом. «В виду неуступчивости Лавалья во время переговоров и употребленных им методов, — писал Литвинов Потемкину — я не мог решиться

¹ Clerk. No. 80 saving. 25 April 1935. C3429/55/18, TNA FO 371 18837; Clerk. No. 78 saving. 19 April 1935. DBFP, 2nd, XIII, 191–2.

² Clerk. No. 80 Telegraphic. 27 April 1935. DBFP, 2nd, XIII, 212–214.

³ Duroselle J.-B. La Décadence. P. 142.

на излишне “сердечную” телеграмму ему. Чтобы не слишком раздражать его, я счел нужным воздержаться от посылки телеграммы Эррио. Я рад, что Вы вспомнили о нем. Во время пребывания здесь Лавалья я найду случай публично упомянуть Эррио»¹. Это было бы как наступить на больную мозоль Лавалю, поскольку было известно, какое отвращение у него вызывало участие Эррио.

В то же время Литвинов резко отреагировал на вмешательство британцев, отправив телеграмму Майскому и потребовав объяснений. «Мы имеем сведения и о других способах давления англичан с целью срыва пакта». Он потребовал, чтобы Майский срочно встретился с Ванситтартом².

Тем временем в МИД Великобритании...

Ванситтарт еще раз успокоил Майского, добавив, что советская сторона зря так горячится. Он сказал Майскому — «вы слишком подозрительны». «Разумеется, в Англии, — продолжал он, — есть люди, которые хотят и считают возможным заключить соглашение с Германией. Для того, чтобы нужным образом трансформировать британское общественное мнение, все еще необходима большая просветительская работа»³. 2 мая Саймон подкрепил позицию Ванситтарта, объявив в Палате общин, что британское правительство находит франко-советский пакт приемлемым⁴. Что ж, засчитаем победу Ванситтарту и поражение Сардженту.

Едва улеглась пыль, Литвинов продолжил разговор с Майским: «Не подлежит сомнению, что демарш английского поверенного в делах в Париже имел целью затруднить переговоры о пакте, и эта цель действительно была достигнута. Французы козыряли этим демаршем в подкрепление своей позиции против наших поправок. Для пояснения должен сообщить, что мы отнюдь не добивались автоматической помощи, а лишь возражали против попыток францу-

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 мая 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 106.

² М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 29 апреля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 305–306.

³ Запись беседы И. М. Майского с Ванситтартom. 1 мая 1935 г. // Там же. С. 307–308; Corbin. Nos. 549–551. 2 May 1935. DDF, 1re, X, 452–453.

⁴ Corbin. Nos. 573–577. 4 May 1935. DDF, 1re, X, 475–476.

Советский полпред В. П. Потемкин в Париже подписывает франко-советский пакт в присутствии министра иностранных дел Франции П. Лаваля и официальных лиц, 2 мая 1935 года. АВПРФ (Москва)

зов слишком резко подчеркивать отсутствие обязательств автоматической помощи. Но это уже теперь дело прошлое».

В отношении пакта как такового Литвинов сказал Майскому то же, что писал в своей справке Сталину: «О пакте надо судить не с точки зрения возможных военных действий, а по политическому эффекту, который он произведет, и по той роли, которую он может сыграть в деле удержания агрессоров от авантюры». Если смотреть на вещи в положительном ключе, то, как заметил Литвинов, между царским правительством и Францией не был официально заключен военный союз, был лишь обмен нотами и соглашениями между генеральными штабами. Более того, СССР не имеет общей границы с Германией, что «ставит нас в более выгодное положение по сравнению с Францией»¹.

Заверения, которые Ванситтарт дал Майскому, разозлили Сарджента. Заявление Саймона в Палате общин — победа Ванситтарта — не заставило Сарджента изменить мнение, что Литвинов «посеял

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 3 мая 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 16. Л. 5—6.

панику среди французов и этим воспользовался», заключив «делку с выгодой для одной стороны»¹. Конечно же, все было не так. Протокол Сарджента был одним из многих документов, которые он подшил в папку в рамках своей кампании против франко-советского сотрудничества. Он не разделял мнение Литвинова о Гитлере (что тот стремится к войне) и не поддерживал идею неделимости мира. Сарджент полагал, что Восточный пакт или, что еще хуже, двусторонний франко-советский пакт спровоцирует Германию и приведет к разделению Европы между двумя противоборствующими коалициями государств, как это было до 1914 года. Французы почти смогли разглядеть опасность в том виде, в каком ее воспринимал Сарджент, и пора было действовать. Франция хотела избежать «по возможности всеобъемлющего альянса, особенно когда поняла, что появление такого альянса Великобритании воспримет как удар и обиду». Перспективы настолько ужасны, что британскому правительству следует заставить французов изменить политический курс. «У нас тоже есть рычаги влияния на французское правительство, британская поддержка и одобрение все еще значат для Франции очень многое»². И данная оценка совершенно справедлива. Хотя где-то Сарджент оказался прав в своих размышлениях!

Эдуард Бенеш и пакт с Чехословакией

Как только был заключен франко-советский пакт, тотчас встал вопрос о договоре взаимопомощи с Чехословакией. И заинтересованность Чехословакии в улучшении отношении с СССР возникла сразу с приходом в Германии к власти Гитлера. У Чехословакии была протяженная граница с Германией, в Судетской области проживало значительное по численности и нелояльное властям немецкое меньшинство. В апреле 1934 года не только Титулеску хотел переговорить в Женеве со Штейном. Встречи с ним искал и глава МИД Чехословакии Эдуард Бенеш, желая обсудить установление дипломатических отношений. Он очень торопился, так как «время не ждет, обстановка осложняется и опасность со стороны Германии растет».

¹ Sargent's minute. 4 May 1935. C3613/55/18, TNA FO 371 18838.

² The Proposed Eastern Pact, Sargent. 28 Jan. 1935. C962/55/18, TNA FO 371 18825.

В Чехословакии, продолжал Бенеш, все понимают, «какую ошибку они сделали, не возобновив отношений с СССР еще несколько лет назад». В Чехословакии опасность должна была ощущаться сильнее, чем во Франции. Германия стремительно перевооружалась. «Время не ждет, — повторял Бенеш. — Вся тактика Германии состоит в том, чтобы поставить перед совершившимся фактом»¹. Это была правда.

В июне 1934 года Чехословакия присоединилась к числу стран, признавших Советский Союз. Чехословацко-советское сближение происходило по тем же причинам, по которым другие европейские государства начинали смотреть на СССР как на потенциального союзника. От Чехословакии с советской стороны взаимодействовал в основном Бенеш. Литвинов считал его безнадёжным мечтателем, слишком много грешившим на ниве оптимизма и из-за этого совершавшим ошибки в суждениях и в политике². Бенеш родился в 1884 году в Австро-Венгерской империи в семье богемского крестьянина. Он получил прекрасное образование: изучал философию, социологию, право. Во время учебы он много лет жил в Париже. Он читал лекции по социологии в Карловом университете в Праге, а затем все изменила Первая мировая война. Он организовал чехословацкое движение за независимость и в итоге в 1915 году был вынужден бежать в Париж. Затем он участвовал в организации Чехословацкого национального совета и Чехословацкого легиона в России для борьбы против Австро-Венгрии. Весной 1918 года Чехословацкий легион, рассредоточенный по Транссибирской магистрали и направлявшийся во Францию через Владивосток, был привлечен к борьбе против нового советского правительства усилиями французских дипломатов. Они передали не менее 15 млн рублей молодым чехословацким офицерам, готовым доказать свою ценность для Франции и ее союзников. Чехословацкие солдаты были эффективны, когда сражались с плохо обученными красногвардейцами. Но при столкновении с более дисциплинированной Красной армией наркома по военным и военно-морским делам Троцкого они показали куда меньшую доблесть. Чехословацкие легионеры бежали на восток

¹ Б. Е. Штейн — в НКВД. 12 апреля 1934 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 168. Д. 1273. Л. 7—8, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1934 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 05.12.2023).

² М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 26 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 166—169.

**Полпред СССР в Чехословакии
С. С. Александровский.
Середина 1930-х годов**

и в конечном счете получили возможность вернуться из Сибири домой, откупившись золотом, захваченным у советских властей в Казани войсками адмирала Колчака и переданным под охрану легионеров. То была не слишком славная глава в истории чехословацкого освободительного движения¹. Сибирское фиаско внесло вклад во враждебность Чехословакии и СССР по отношению друг к другу, существовавшую вплоть до прихода к власти Гитлера, что привело к переоценке ценностей в интересах безопасности.

В 1935 году Бенеш много общался с советским полпредом в Праге Сергеем Сергеевичем Александровским. Если вам необходимо узнать мнение Бенеша по тому или иному вопросу, можно смело обращаться к докладам Александровского, которые он отправлял довольно часто. Бенеш любил рассказывать, а Александровский детально записывал сказанное. Бенеш недолюбливал Польшу, он говорил, что от поляков всего можно ждать, нужно быть начеку. По его мнению, Польша совершала ту же ошибку, что и в XVIII веке, — вела «политику постоянной вражды и ссоры со всеми своими соседями». К чехословакам она относилась с «глубокой плохо скрываемой враждебностью». В 1919 году в ходе Версальской конференции французская элита, по свидетельству Бенеша, полагала, что Польша может заменить Россию как противовес в Европе. В основании данной идеи лежали два тезиса: что Россия вот уже 50 лет мертва как международный игрок, а Германия еще 30 лет не сможет восстановиться. Поэтому Польша могла претендовать на роль суррогата России. На самом деле, по словам Бенеша, Польша едва ли смогла стать эффективным противовесом Германии или барьером,

¹ Carley M. J. *Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917–1919*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1983 (chaps. 4, 11).

сдерживающим СССР. Свое дальнейшее существование она могла оправдать лишь как немецкий плацдарм для нападения на СССР.

А вот Советский Союз, по словам Бенеша, возвращался к роли ведущей европейской державы. Ни один вопрос в Европе не мог быть решен без его активного участия или вопреки его воле. Никому не стоило подвергать сомнению роль СССР в поддержании мира в Европе¹. Римские и Лондонские соглашения не могли гарантировать безопасность Восточной Европе. Бенеш разделял мнение Литвинова о том, что гарантировать мир в Европе непросто, потребуется политика «durchhalten» — немалой выдержки. Бенеш поспешно заявил, что у него нет скепсиса в отношении Франции, однако это не освобождает его от необходимости следить за развитием политической ситуации в Европе. Что касается Великобритании, там общественность не поддержит «прямого и публичного ангажмента в европейских делах». Огромное достижение, что британское правительство согласилось на лондонское коммюнике (в феврале 1935 года). Бенеш защищал Лавалю и заявлял Александровскому, что «только что говорил с ним по телефону». Это было 6 февраля. Бенешу Лаваль дал те же заверения, что и Потемкину, а именно, что он не будет действовать «так сказать за спиной СССР и Чехословакии». Здесь Александровский прервал собеседника, заявив, что «таким заявлениям приходится верить, но вера не исключает сомнений и особенно желания точно знать». Бенеш, конечно же, согласился, повторив, что убежден в необходимости быть бдительным и следить за развитием событий. Он проводил различие между «субъективной искренностью» Франции, то есть Лавали, и «объективными последствиями», способными привести к изменению прежней «искренности»².

Александровский продолжал дискуссии с Бенешем, изложив ему сомнения Литвинова по поводу лондонского коммюнике и британских попыток увести французов в сторону от Восточного пакта, невзирая на мнение Ванситтарта. Бенеш разделял тревогу Литвинова. Он, похоже, считал, что британцы не возражают против позиции Франции по Восточному пакту — что могло быть правдой, если

¹ Запись беседы С. С. Александровского с чехословацким министром Э. Бенешем. 4 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 140–144.

² Record of conversation with minister of foreign affairs Beneš, 6 February 1935. Aleksandrovskii. No. 65/s, secret, AVPRF. F. 05. Op. 15. P. 104. D. 3. L. 150–154.

принять во внимание тот факт, что ни Бенеш, ни Александровский не были проинформированы по поводу оппозиции Леже. Бенеш заявил, что только самый наивный политик безоговорочно поверит в то, что британцы на самом деле могут быть против Восточного пакта. Бенеш, похоже, лукавил.

Тем не менее чехословацкий министр в Лондоне уже поговорил с Ванситтартом, и тот пытался его успокоить. В этом, конечно же, и состояла работа Ванситтарта, но не надо забывать, что он не был членом кабинета: он был госслужащий, и его слова могли отражать — а могли и не отражать — политику кабинета.

Про Лавалья Бенеш имел следующее мнение, по словам Александровского: «Что касается того, что Лавалю не следует доверять англичанам и вести дальнейшие переговоры с Германией через них, то Бенеш полагается на всегдашнюю ревность французов к англичанам во всем, что касается Германии. По мнению Бенеша, Лаваль ни в коем случае не оставит дело в руках у англичан, если он считает, что Франции придется делать хотя бы малейшие уступки». Вскоре выяснилось, что данная оценка ошибочна: на самом деле Лаваль давал британцам возможность провести переговоры с Германией. Бенеш часто заблуждался насчет французской политики, и это вылилось в большую европейскую трагедию. Александровский не комментировал французскую политику, но привел весьма мудрое высказывание своего собеседника: «Всегда выгоднее, а тем более для Франции в ее положении, сделать уступку прямо противнику и использовать это для восхваления своей политики, чем оставить пожинать лавры какого бы то ни было посредника... Бенеш думает, что Лаваль не выпустит инициативы из своих рук». В конце концов, кто мог знать, как поступит Лаваль? Бенеш так или иначе настаивал на том, чтобы на всех переговорах стороны изъяснялись максимально ясно, и тем самым ломился в открытую дверь. «Эту ясность нужно прежде всего, так сказать, преподать Франции, и в этом Бенеш видит свою задачу и задачу СССР». Он даже предупредил Лавалья в Женеве, что, если Франция не заключит соглашения с СССР, Румыния неизбежно станет союзником Германии. Так же думал и Титулеску.

Данный разговор не был окончен, поскольку Бенеш, говоря о Румынии, обрушился на Титулеску, которого рассматривал как опасного соперника, посредника-конкурента в отношениях с Францией. И, что

любопытно, неприязнь была взаимной. Бенеш полагал, что Титулеску излишне темпераментный, слишком прямой и слишком шумный. Он отмечал, что невозможно грозить французам, искушать их «слишком громкими посулами» и закатывать истерики с целью привлечь внимание. «Французы, дескать, хорошо знают Бенеша и очень ценят его манеру тихо и спокойно заявлять о тех или иных жизненных интересах Чехословакии». Бенеш вроде бы и не хотел плохо говорить о «своем личном друге Титулеску», однако поступал именно так, подчеркивая, что тот не умеет вести себя с французами. Титулеску, со своей стороны, жаловался Литвинову на Бенеша, из-за чего тот подумал, что отношения между двумя посланниками оставляют желать лучшего. В Женеве Титулеску посетовал «на уступчивость и компромиссность» Бенеша¹. Иными словами, он слишком быстро сдавал позиции.

На деле Литвинов был доволен деятельностью Титулеску. «В Женеве он прямо с вокзала явился ко мне в гостиницу», — сообщил Литвинов. Это было 21 февраля. Титулеску только приехал с конференции Малой Антанты в Любляне, где высказался в поддержку советской политики. Для взаимодействия с Лавалем это было то, что нужно. По словам Литвинова, Титулеску проводил самую крепкую и дружественную политику по отношению к СССР из всех посланников Малой Антанты. При этом он не имел широкой поддержки в его родной стране. За границей он чувствовал себя в большей безопасности, чем на родине в Бухаресте². Титулеску был похож на маленького голландского мальчика Ганса, который, заткнув пальцем течь в дамбе, спасает город от потопа. Альфан не верил, что ему удастся предотвратить катастрофу, и сказал Рубинину, что «достаточно уйти Титулеску, и политика Румынии может резко измениться»³. Титулеску считал так же.

Причиной ссоры между Бенешем и Титулеску была гордыня, а не политические разногласия. Оба, по крайней мере на словах, придерживались одного и того же курса. Титулеску ясно высказывался

¹ Запись беседы С. С. Александровского с министром иностранных дел Э. Бенешем. 11 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 104. Д. 3. Л. 156–162; М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 17 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 111. Д. 100. Л. 3–4.

² М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 21 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 71. Л. 6–7.

³ Беседа Е. В. Рубинина с Ш. Альфаном. 5 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 016. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 74–77.

за сближение с Советским Союзом. А вот что заявил Бенеш в ходе своих дальнейших бесед с Александровским, после того как Прагу, проездом в Лондон из Москвы через Варшаву, посетил Иден: «Англия не может изолировать себя от прямого участия в европейских делах». Невозможно мечтать о мире и безопасности в Восточной Европе, самому не протянув руку помощи. Бенеш сказал Идену, что мир абсолютно неделим, и позаимствовал фразу у Литвинова: не может быть мира на западе Европы, если его не будет на востоке. Фраза хорошая и, как показало время, истинная. По словам Бенеша, Иден его «полностью понимал»¹. Может, оно и так, да только ни Иден, ни британский Кабинет министров не поддерживали эту идею делом. Бенеш, конечно же, умел подобрать правильные слова о мире и безопасности в Европе, но он не всегда знал, что нужно сделать для защиты этого мира.

Александровский питал к Бенешу определенную симпатию, хотя и не считал особо надежным человеком. Прав был Титулеску насчет него. «Для уточнения атмосферы, в которой проходят мои разговоры с Бенешем, — писал Александровский Литвинову, — должен сказать, что Бенеш все время явно подделывается под наш тон. Он всегда и неизменно приходит в восторг от Ваших соображений и немедленно выражает свое полное согласие с ними. Он немедленно и все “понимает и признает”. Однако, как только он начинает развивать ход своей мысли, он немедленно впадает либо в казенный, иногда прямо наивный, оптимизм, либо начинает заниматься политикой, больше похожей на политиканство, в котором слишком много бывает от личностей, их качеств, связей, симпатий и т. д.».

По словам Александровского, Бенеш все поставил на Францию, а теперь уже не был в ней уверен. Он «чувствует, что его элементарно простая линия поведения стопроцентной ставки на роль французского вассала сейчас сильно подмочена».

«Я чувствую у него временами прямую растерянность человека, заблудившегося между тремя соснами. Конечно, я этим не хочу сказать, что Бенеш сколько-нибудь потерял ориентацию или что он не разбирается в международной обстановке. Такое утверждение доказывало бы только, что на Бенеше сильно отражается тяжелое

¹ Запись беседы С. С. Александровского с Э. Бенешем. 4 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 111. Д. 101. Л. 32–38.

международное положение Чехословакии, перед лицом которого он в значительной мере потерял свой прежний апломб и далеко не так определенен в своих рассуждениях по поводу расстановки сил на его шахматной доске»¹.

Замечание Александровского о заикливости чехословацкого министра на Франции имело под собой почву. В середине апреля Бенеш был в Женеве. Он повторил Рене Массильи уже сказанное Лавалю и Леже: мол, он «не хочет брать на себя больше обязательств в отношении СССР, чем берет Франция. Поэтому он решил подписать текст, идентичный тому, который подпишет Франция»². Из записи разговора с Бенешем, которую вел Массильи, создается впечатление лизоблюдства. Похоже, характеристика Бенеша как французского вассала, данная Александровским, была недалеко от истины.

О своем намерении подписать исключительно текст, идентичный французскому, Бенеш сообщил и Литвинову. Чехословакия должна была оказать помощь СССР не в одиночку, а только вместе с Францией. Бенеш опасался, что если Чехословакии придется воевать с Германией без Франции, то в условиях, когда у СССР нет общей границы с Германией, Чехословакию ждет изнурительная война, такая же как в годы Первой мировой — Сербию. Литвинов считал, что это вряд ли: Германия попросту разделается с Чехословакией в короткий срок. Что касается Польши, то Бенеш собирался обсудить возможность заключения соглашения о взаимопомощи на случай польского нападения. Однако он полагал, что в Праге эту идею не примут. Литвинов запросил инструкций, при этом высказал мнение, что причин продвигать заключение антипольского договора о взаимопомощи нет. На тексте телеграммы Сталин оставил комментарий о том, что заключение соглашения с Чехословакией следует отложить до возвращения Литвинова в Москву для консультаций³.

¹ С. С. Александровский — М. М. Литвинову. 8 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 111. Д. 101. Л. 1–3.

² Note du Directeur politique adjoint, Conversation avec M. Benès, Massigli, Geneva. 18 April 1935. DDF, 1re, X, 361–362.

³ М. М. Литвинов — в НКВД. 19 апреля 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 543. Л. 39–40, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 05.12.2023).

Президент Чехословакии Э. Бенеш

3 мая, когда стало известно о подписании франко-советского пакта, Бенеш отправился к Александровскому обсудить возможность заключения соглашения по образцу франко-советского¹. В общих чертах он уже обозначил свою позицию в Женеве в разговорах с Массильи и Литвиновым. Бенеш просил о двух дополнениях к французскому тексту: 1) Чехословакия должна быть освобождена от обязательств прийти на помощь СССР в случае советско-польской войны; 2) действие пакта должно быть в рамках Локарнских соглашений 1925 года. Литвинов советовал Сталину согласиться на этот вариант: французы уже выразили одобрение, поэтому отказать на этом этапе будет сложно. По словам Литвинова, он уже уведомил Бенеша о том, что два договора не могут быть идентичными, так как Чехословакия не подписывала Локарнские соглашения. Повторяя сказанное Литвинову в Женеве, Бенеш сообщил Александровскому, что «Чехословакия может оказывать помощь лишь в тех случаях, когда таковая будет оказываться

¹ Запись разговора С. С. Александровского с Э. Бенешем. 2 и 3 мая 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 111. Д. 101. Л. 46–48.

со стороны Франции». Советский Союз не граничит с Германией, и в случае войны Чехословакию ждет скорое поражение, если в борьбу против Германии не вступит Франция. У Бенеша был и другой мотив. В апреле он сказал Массильи, что не желает брать обязательств в отношениях с СССР больше, чем взяла на себя Франция, а упоминание о Локарно также снимает с Чехословакии лишнюю ответственность. Как и Лаваль, Бенеш видел договор антигерманским, но не антипольским. Литвинов считал это рискованным, поскольку Чехословакия в случае польской агрессии могла оказаться совсем без союзников и потерпеть поражение. Бенеш признал, что советское наблюдение небеспочвенно, пообещал над ним подумать, однако Литвинов не поверил, что чехословацкое правительство поменяет позицию. Как сказал Литвинов Потемкину, чехословаки хотят таких же «узких рамок», как французы, и эти обстоятельства вынуждают нас быть осторожными¹.

4 мая Политбюро одобрило текст пакта, но с включением туда положения о том, что советская помощь жертве агрессии будет зависеть от того, окажет ли такую помощь Франция². Французы не хотели пакта с жесткими обязательствами; Бенеш не хотел заключать его без Франции, и в нынешних обстоятельствах Политбюро этого не хотело тоже. Позиция Франции в итоге имела решающее значение: если она не будет оказывать помощь, Чехословакия останется с агрессором один на один. СССР, в свою очередь, не мог быть эффективным участником договора о взаимопомощи без полного одобрения Франции и Великобритании. Без такого одобрения Малая и Балканская Антанты не согласились бы на альянс с Советским Союзом. Даже Чехословакия, нуждавшаяся в альянсе, как никто другой, вела себя уклончиво. И во всем этом была виновата не советская сторона, которая из всех сил давила на Францию, пытаясь склонить ее к реальному союзу. Идею альянса с СССР отвергали любители пускать пыль в глаза, и среди

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 3 мая 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 184; М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 мая 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 106.

² Выдержка из протокола Политбюро № 25. 4 мая 1935 г. // Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП(б) и Европа. С. 326. Черновик резолюции находился у М. М. Литвинова (РГАСПИ. Ф. 17. П. 166. Д. 544. Л. 77, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905>; дата обращения: 05.12.2023).

прочих Лаваль, Леже, Баржетон и Бадеван. И в этом их поддерживал и поощрял британский МИД, несмотря на позицию Ван-ситтарта.

Визит Лавалья в Москву

Лаваль по пути в Москву остановился в Варшаве, где его принял Бек и другие польские руководители, за исключением Пилсудского, который был уже на смертном одре и скончался 12 мая. Лаваль хвастался, как ему удалось расшатать формулировки франко-советского пакта. Он не хотел придавать французской политике «флер русофильства». Франция «абсолютно лишена просоветских тенденций»¹. Эти заявления были как бальзам на душу Бека... Конец политике Барту! А с другой стороны, можно ли верить Лавалю?

13 мая Лаваль прибыл в Москву, где его с флагами и оркестрами встречала ликующая толпа и ждали банкеты. Визит Лавалья был не столько деловым, сколько церемониальным. Он провел две официальные встречи: одну в НКВД с Литвиновым, Крестинским и Потемкиным и другую в Кремле со Сталиным и Молотовым. В Кремле все ему улыбались. Глядя на официальную фотографию, трудно поверить, что пакт оказался пустышкой.

Ни на одной из бесед не велась запись. Крестинский написал Майскому, что Лаваль поднял вопрос царских долгов, но обсуждение слишком далеко не зашло. Сталин отмахнулся, заявив, что дело мертво, да и сами французы не слишком спешат платить долги. «Когда же Лаваль сказал, что французы платежи американцам увязывают с получением платежей от немцев, то тов[ариш] Сталин шутя сказал, — записал Крестинский, — что мы тоже готовы обсуждать вопросы о долгах, связывая их с убытками от интервенции. Если французы согласны покрыть нам эти убытки, мы, пожалуй, могли бы говорить о долгах». И Лаваль спешно отступил. У Крестинского сложилось впечатление, что сам Лаваль не воспринимал этот вопрос серьезно, но задал его, чтобы потом отчитаться об этом в Париже². По свидетельству Потемкина, Лаваль сам поднял вопрос о переговорах между штабами, призванных усилить франко-

¹ *Szembek J.* Journal. P. 70–72 (entry of 10 May 1935).

² Н. Н. Крестинский — И. М. Майскому. 19 мая 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 48. Д. 7. Л. 66–67.

Встреча на высшем уровне в Москве премьер-министра Франции П. Лаваля с главой СССР И. В. Сталиным (слева направо: Ш. Альфан, А. Леже, М. М. Литвинов, В. П. Потемкин и В. М. Молотов). Май 1935 года. АВПРФ (Москва)

советское военное сотрудничество. Французское верховное командование не было информировано о дискуссиях, которые вел Лаваль в Москве, но держало дверь открытой, ожидая лишь отмашки Лаваля к началу переговоров. Лаваль, как это за ним водилось, по возвращению в Париж отложил начало военных переговоров¹. Сталин согласился на совместное коммюнике с абзацем в поддержку французской национальной обороны². Это вызвало ужас у опального Троцкого. Но почему бы и не поддержать французскую национальную оборону, если на кону организация антинацистского альянса? Сталин видел в этом цель, но можно ли то же самое сказать о Лавале? Что касается Троцкого, его мнение больше никого не интересовало и могло лишь усилить желание Сталина его устранить.

Майский позднее слышал от третьих лиц, что Сталин был с Лавалем откровенен. Лаваль сразу после обмена комплиментами

¹ В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 26 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 161–170.

² Коммюнике ТАСС от 16 мая 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 336–338.

и соблюдения политеса выразил удовлетворение тем, что франко-советский пакт не обращен против какой-либо конкретной страны.

«Как не направлен? — отвечал Сталин. — Наоборот, направлен и очень направлен против одной определенной страны — Германии».

«Лаваль был несколько ошарашен, но сразу же постарался перестроиться и с той же обворожительной вежливостью стал выражать удовольствие по поводу откровенности Сталина. Так, мол, говорят лишь между настоящими друзьями».

Сталин прервал его: «Вы были сейчас в Польше, что там происходит?»

Лаваль: «Хотя прогерманские настроения в Польше еще сильны, но имеются признаки улучшения, которые постепенно приведут к изменению польской политики...»

Сталин прервал его: «А по-моему, никаких признаков нет! Вы друг поляков, *попробуйте же их убедить, что они играют гибельную для самих себя игру. Надуют их немцы и подведут. Вовлекут Польшу в какую-либо авантюру, и когда Польша ослабнет, то заберут ее или разделят с какой-либо другой державой* [курсив наш. — М. К.]. Зачем это нужно полякам?»

Лаваль был обескуражен прямоотой Сталина и поспешил сменить тему, заговорив о Католической церкви. Он поинтересовался, не может ли Сталин найти какой-нибудь «мостик» к папе Римскому и заключить с ним какой-нибудь пакт.

Сталин улыбнулся: «Пакт? Пакт с папой? Нет, не выйдет! Мы заключаем пакты лишь с теми, кто имеет армии, а папа Римский, насколько мне известно, армии не имеет»¹.

По пути назад через Польшу, куда он заехал на похороны Пилсудского, Лаваль заявил, что совершенно не возражал бы против «франко-германской Антанты». Если разразится война, пояснил Лаваль, «нас завоюют большевики»². И хотя Сталин ему советовал предостеречь поляков от безрассудных поступков, Лаваль ничего подобного не сделал. Так Лаваль показал свое истинное лицо — лицо человека, которому нельзя верить.

¹ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 110–111 (запись от 19 июня 1935 г.).

² *Szembek J. Journal*. P. 82–86 (entries of 18 and 19 May 1935).

ГЛАВА XII

КОНЕЦ НАВЕДЕННЫМ МОСТАМ: КРУШЕНИЕ АНГЛО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ. 1935 ГОД

Англо-германское морское соглашение не помешало англо-советскому сближению, хотя и усилило недоверие СССР к британскому правительству. Ванситтарт все еще настаивал на необходимости хороших отношений с СССР, и его раздражало, что его правительство никак не могло понять, почему важно срочно начать перевооружение для борьбы с нацистской Германией. Советский Союз, говорил он, должен быть настроен к нам «дружелюбно, мы не должны сбиваться с пути в погоне за “фонарем из тыквы” для успокоения Гитлера». Прогермански настроенные представители «Таймс» и Палаты лордов «жили в раю для дураков». Только «своевременный реализм» мог помочь найти выход из «этого опасного царства». «Нельзя терять ни недели, — позже отмечал Ванситтарт в своем протоколе, — надо срочно приступить к перевооружению для борьбы с Германией»¹.

Майский ведет переговоры в Лондоне

Похоже, Ванситтарту удалось удержать курс правительства, хотя и с трудом. Ему также нужно было успокоить Майского, расстроенного англо-германским морским соглашением. Для этого они

¹ Vansittart's minutes. 17 May 1935. C3943/55/18, TNA FO 371 18840; 15 June 1935. C4564/55/18, TNA FO 371 18845; 5 July 1935. C5178/55/18, TNA FO 371 18847; 9 Nov. 1935. C7647/55/18, TNA FO 371 18851.

встретились 9 июля, чуть меньше, чем через год после первых переговоров об улучшении отношений. Во-первых, Ванситтарт развеял слухи (он предполагал, что Майский мог о них узнать), что его должны назначить послом в Париже. «Мечты доброжелателей», — сказал Ванситтарт. В период апогея его влияния в МИД, кто были эти «доброжелатели», которые пытались выпихнуть его за дверь всего лишь через три месяца после визита Идена в Москву? Участвовал ли в этом недовольный Сарджент? «Исключено», — сказал Ванситтарт про Париж, но читателям стоит обратить внимание на то, что его позиция не была настолько сильной, как казалось. Ванситтарт также хотел успокоить Майского насчет Хора. Он «реалист», то есть «антигерманский и профранцузский». В британской внешней политике не будет изменений. Так полагал Ванситтарт, но сколько времени он сможет заставлять правительство придерживаться курса, который уже шатается?

Майский хотел обсудить англо-германское морское соглашение: «Я возразил, что события последних недель привели меня в большое смущение. Морское соглашение явилось несомненно прорывом “фронта Стрезы”... Невольно у всякого постороннего наблюдателя должно было рождаться впечатление о том, что с приходом нового хозяина в Форин-офис в британской внешней политике наступили крупные перемены, притом перемены резкие и крутые. Всего лишь два месяца назад Англия вместе с Францией и Италией категорически заклемила одностороннее нарушение Версальского договора Германией, а 18 июня она [Англия] сама санкционировала такое одностороннее нарушение». Таким образом, британское правительство по большей части утратило расположение, которое оно завоевало за последний год или около того в Москве и укрепило престиж нацистской Германии¹. Ванситтарт защищал морское соглашение — с паршивой овцы хоть шерсти клок. Лучше так, чем никак. Надо попытаться относиться к Гитлеру беспристрастно, весьма неубедительно оправдывался Ванситтарт. Майский полагал, что, по мнению Бивербрука, сказывалось предвыборное желание завоевать голоса пацифистов. Кроме того, постепенно утрачивалась вера в коллективную безопасность, хотя, добавил Майский, британский МИД

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 9 июля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 157–161.

никогда особенно в нее не вкладывался. Он бы еще больше разочаровался, если бы узнал о нашумевшем меморандуме и протоколе Сарджента. Майский полагал, что в Великобритании все еще придерживаются антисоветской политики. Почему бы не позволить Германии укрепить свои позиции в Прибалтике? Это будет проблема СССР¹.

В июле Хор и премьер-министр Болдуин по очереди встретились с Майским. Результат переговоров с Хором был неутешительным. В начале лета 1935 года Майский в переписке неоднократно упоминал о возможности вторжения Италии в Абиссинию (Эфиопию). Хор затронул эту тему на встрече. Он полагал, что война в Африке неизбежна, и это может помочь Германии и дестабилизировать европейскую безопасность. В итоге разговор зашел о ситуации в Западной и Восточной Европе. Складывалось ощущение, что Восточный пакт не воскресить — на самом деле он был мертв уже давно. Хор признал, что британское правительство может рассмотреть военновоздушный пакт на западе. Он утверждал, что об англо-германском пакте не может быть и речи, однако Майский с сомнением отнесся к его словам и предупредил Литвинова, что Хор рассматривает какой-то вариант «компромиссного» соглашения с Германией, основанный на безопасности на западе. Удержать его от этого шага могут только французы или британские «франкофилы»².

Через несколько дней состоялась более удачная встреча с премьер-министром Болдуином. Майский подчеркнул опасность Германии и Японии, в соответствии с результатами переговоров с Ванситтартом. Он также добавил в этот список Италию, учитывая приближающуюся «Абиссинскую проблему». По последнему вопросу Болдуин выразил свое согласие. Майский подчеркнул важность формирования большой коалиции маленьких и больших государств для сохранения мира и безопасности. Посол не упомянул Великобританию, и Болдуин сказал, что ее следует тоже добавить. Переговоры включали в себя много пунктов, Майский описал их на семи страницах. Как всегда, обсуждались общие интересы и отсутствие их столкновений. Болдуин был не до конца уверен в последнем пункте и осторожно упомянул Индию, заговорив о царских замыслах. Майский в ответ рассмеялся и сказал, что у СССР нет абсолютно

¹ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 114–115 (запись от 9 июля 1935 г.).

² И. М. Майский — в НКВД. 17 июля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 457–458.

никаких интересов в Индии. «В дни моего детства, — ответил Болдуин, тоже засмеявшись, — русский поход на Индию был в Англии постоянным кошмаром». Затем они заговорили о другом: например, об улучшении торговых отношений, это поддерживал Болдуин. В какой-то момент в переговорах произошел философский поворот, и стороны начали обсуждать преимущества и недостатки революции, но затем Майский вернулся к сути дела, то есть к европейской безопасности. Болдуин, видимо, ждал этого вопроса, так как он быстро заверил посла в том, что у Великобритании не было изменений политического курса и она не отказывалась от принципа неделимого мира в Европе. Но в политике, добавил Болдуин, необходимо быть реалистом. И проявлять гибкость, мог бы добавить он. «Трудно заранее фиксировать те пути и методы, с помощью которых легче всего добиться желаемых результатов». Некоторые вопросы лучше обсуждать с министром иностранных дел¹.

Абиссинский кризис

В конце весны и начале лета Литвинов начал заниматься Абиссинским вопросом. Итальянцы готовились к вторжению, и этот вопрос должен был обсуждаться в Лиге Наций. Итальянский посол Бернардо Аттолико приехал к Литвинову, чтобы обсудить текущие дела, но вскоре речь зашла об Абиссинии. Европейские страны не понимали итальянские интересы. Из-за чрезмерной эмиграции в Италии произошла сильная потеря населения, и она искала земли для колонизации. Конечно, странно было вести подобные разговоры с советским наркомом, поскольку СССР противостоял европейскому империализму и колонизации. Тем не менее Литвинов проявил определенное понимание. Он сказал, что в этом случае Италия совершила ошибку, проголосовав за принятие Абиссинии в Лигу Наций, хотя могла бы выступить против, сославшись, помимо всего прочего, на существование рабства и «низкий культурный уровень». Тем не менее теперь Абиссиния — член Лиги, и Италия не может требовать, чтобы Лига отказалась защищать одного из своих членов. Кроме того, Италии будет противостоять Англия, действуя в своих

¹ Дискуссия И. М. Майского со С. Болдуином. 25 июля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 162–169; И. М. Майский — в НКИД. 20 июля 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 461–462.

интересах. Об этом необходимо помнить Риму, даже больше, чем о любых решениях Лиги. Аттолико согласился и признался, что он не полностью поддерживает политику своего правительства в отношении Абиссинского вопроса. «Я заверил Аттолико, — написал Литвинов в дневнике, — что мы ни в какой степени не хотим вредить интересам Италии. Мы разделяем опасения Франции по поводу ослабления влияния Италии на европейские дела в результате абиссинских дел... К сожалению, Италия в меньшей мере считается, по-видимому, с нашими интересами, если верить множасьщимся сведениям об основе переговоров Италии с Германией и Польшей». Литвинов упомянул интриги итальянцев, направленные на то, чтобы вывести Украину из СССР. Аттолико посмеялся над этой идеей, но пообещал написать в Рим¹. Литвинов полагал, что Италия станет членом антинацистского союза, и беспокоился, что может ее потерять из-за итальянских амбиций в Абиссинии.

Прежде чем Майский уехал в ежегодный отпуск, он попросил Литвинова предоставить ему информацию о советской политике. Правительство СССР оказалось в сложной ситуации, однако нарком не хотел открыто это обсуждать. На самом деле куда ни кинь — всюду клин. Выразить поддержку Великобритании значит поссориться с Италией. Если сидеть тихо, разозлятся британцы. Литвинов с раздражением написал весьма непростую депешу, в которой выпустил пар, назвав англичан лицемерами:

«Можно вполне понять интерес английских политических, и в особенности правительственных, кругов к нашей позиции в Абиссинском вопросе. Заинтересованная в пресечении итальянской агрессии в Абиссинии Англия не прочь использовать нашу общую миролюбивую установку и специально отрицательное отношение к колониальным завоевателям. Эта наша позиция не изменилась, но я не вижу надобности теперь же осведомлять всех и каждого о нашей возможной позиции в Женеве, в случае постановки вопроса. Мы, несомненно, будем учитывать не только нашу общую идеологию, но также и конкретную обстановку, а равным образом и возможное отношение к вопросу других членов Совета Лиги. Мы также учтем и позицию Англии при нападении Японии на Маньчжурию и Китай. Англия почему-то тогда забыла о своих обязанностях члена Лиги.

¹ Дневник М. М. Литвинова. Встреча с Б. Аттолико 5 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 68–70.

Учтем мы также и сепаратное морское соглашение Англии с Германией вне Лиги и вне всякого сотрудничества даже с наиболее заинтересованными государствами».

Литвинов велел Майскому давать общие ответы, как бы его упорно ни спрашивали о советской политике, и говорить, что у него нет информации о намерениях СССР в Женеве. «Вы не должны давать никаких ответов, — добавил Литвинов, — которые могли бы быть использованы против нас в Италии для поддержки английских тезисов». Это значило, что коварный Альбион придерживался эгоистичной политики, и он, Литвинов, будет проклят, если пойдет навстречу «англичанам», по крайней мере без веских на то оснований

Нарком обрушился на Майского и раздраженно ему написал: «В связи с этим я считаю нужным оспорить высказываемый как Вами, так и другими полпредами, тезис о необходимости для них быть осведомленными о всех намерениях и планах советского правительства по любым вопросам, в том числе и по таким, которые даже не касаются страны их пребывания. Могу Вас заверить, что ни один дипломатический представитель в Мск [Москве] не находится в таком положении, чтобы он мог давать информацию о будущих или возможных решениях своего правительства даже по вопросам, непосредственно касающимся СССР. Я уверен, что и лорд Чилстон не мог бы дать мне ответа о позиции Англии на следующей сессии Совета Лиги Наций и, в частности, могу Вас заверить, что вопрос о нашем отношении к абиссинскому конфликту в Женеве не ставился и не обсуждался у нас ни в одной инстанции, ибо пока в этом надобности не было»¹.

Майский попытался защититься от этого удара из Москвы: «Вы должны принять во внимание также и мое положение». И добавил: «Информация полпредов о важнейших событиях нашей внешней политики поставлена крайне неудовлетворительно. Я, например, питаюсь преимущественно газетными сведениями (из советской и иностранной печати), но Вы, конечно, понимаете, что это не вполне надежный источник, особенно по каким-либо сложным и вновь возникающим вопросам. Между тем, в таких бойких местах, как Лондон и Париж, где советскому полпреду

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 июля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 16. Л. 14—16.

каждодневно приходится встречаться и разговаривать на текущие политические темы с десятками разнообразных людей из правительственного, политического, журналистского мира, базироваться только на газетном материале плюс собственная, — иногда удачная, а иногда неудачная — интерпретация его довольно рисковано. Естественно, поэтому, иногда обратиться к Вам с телеграфным запросом хотя бы относительно общей линии поведения по тому или иному актуальному вопросу»¹.

Майский поблагодарил Литвинова за недавнюю сумку с дипломатической почтой, куда входила корреспонденция из Москвы и от различных послов (это был символ мира), но тут он был прав. В британском МИД чиновники уважали тех дипломатов, кто был хорошо информирован и поддерживал близкие отношения с высокопоставленными лицами у себя дома. А всех остальных считали ненадежными и не особо полезными собеседниками.

В начале августа Майский был в отпуске, а Литвинов находился в Женеве, пытаясь решить Абиссинскую проблему. Оставалось мало времени, чтобы хранить молчание. 3 августа он написал Сталину: «Для Абиссинского вопроса удалось пока найти не решение, а “формулу”, позволяющую отложить его до следующей сессии Совета, намеченной на 4 сентября». Он продолжил: «Как среди англичан, так и среди французов есть такие, которые, возлагая надежды на возрастающие финансовые и экономические трудности Италии, рассчитывают, что чем дольше будет откладываться решение вопроса в Женеве, тем меньше охоты будет у Муссолини воевать. Лаваль и другие, наоборот, убеждены в неизбежности войны. Как бы то ни было, в начале сентября Женеве придется заняться итало-абиссинским вопросом во всем его объеме, и члены Совета вынуждены будут занять определенные позиции. Речь будет идти о возможном применении к Италии как к агрессору предусмотренных Уставом Лиги мер, может быть, вплоть до экономических санкций. Англия, Турция и большинство малых наций будут сторонниками санкций. Я не думаю, чтобы Франция, выступающая пока в роли адвоката Италии, решилась своим голосованием сорвать эти меры. Как бы ни хотелось нам не портить отношений с Италией, мы не

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 9 июля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 155–156.

сможем не выступать против нарушения мира и затеваемой Италией империалистической войны».

Литвинов надеялся пристыдить британцев, напомнив им об отказе от ответственности во время японского вторжения в Маньчжурию, и получить от них подтверждение того, что они будут строго придерживаться Устава в случае дальнейших агрессивных действий Италии. Проблема была в том, что никто не мог пристыдить «англичан», когда речь заходила о практических вопросах. Как узнал Литвинов из доклада Майского, даже Черчилль был готов выиграть время для борьбы с Японией за счет Китая. Нарком рассчитывал на трехстороннюю декларацию Англии, Франции и СССР, в которой говорилось бы о жестких действиях Лиги для борьбы с дальнейшей агрессией. Литвинов понимал, что Франция вряд ли на это пойдет, а вот Великобритания может, если напряжется, и тогда декларацию также подпишут Турция, Малая Антанта и другие страны. «Конечно, мы не можем делать такое выступление непременным условием нашего голосования против Италии, — пришел к выводу Литвинов, — но можем попытаться получить вышеуказанную компенсацию. Я предполагаю в этом духе здесь действовать, если с Вашей стороны не последует возражений»¹.

Ответ Сталина на просьбу Литвинова одобрить его действия не сохранился. В августе Италия завершила мобилизацию, что привело к обострению кризиса, а Великобритания сосредоточила военно-морские и военно-воздушные силы в Средиземном море и в Египте. Но даже для Литвинова абиссинские интересы не стояли на первом месте.

Обострение кризиса

Когда в начале сентября состоялось заседание Лиги Наций, кризис вошел в острую фазу. Сталин в это время отдыхал в Сочи и пошутил по поводу сложившейся ситуации. НКВД сомневался в приемлемости экспорта в Италию в свете санкций Лиги. Сталин по этому поводу написал: «Я думаю, что сомнения Наркоминдел проистекают из непонимания международной обстановки. Конфликт идет не столько между Италией и Абиссинией, сколько между Италией

¹ М. М. Литвинов (Женева) — И. В. Сталину. 3 августа 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 123. Л. 59–60.

и Францией, с одной стороны, и Англией, с другой. Старой Антанты нет уже больше. Вместо нее складываются две Антанты — Антанта Италии и Франции, с одной стороны, и Антанта Англии и Германии, с другой. Чем сильнее будет драка между ними, тем лучше для СССР. Мы можем продавать хлеб и тем, и другим, чтобы они могли драться. Нам вовсе невыгодно, чтобы одна из них теперь же разбила другую. Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой»¹.

От Сталина и его двух соратников — Молотова и Кагановича — всегда можно было ожидать циничных замечаний. Когда вождь писал об англо-немецком союзе, он, очевидно, ссылаясь на англо-германское морское соглашение. Это соглашение было подписано всего лишь через два с половиной месяца после визита Идена в Москву, что разожгло вечно тлеющий цинизм Сталина. Для него Альбион всегда оставался коварным. Он не был совсем уж не прав в этом, но Литвинов хотел восстановить Антанту, существовавшую в Первую мировую войну, а не веселиться из-за ее распада.

В начале сентября Литвинов проиграл выборы на должность вице-председателя Лиги. Ему не хватило всего одного голоса. Французам пришлось нажать на свои рычаги, чтобы получить дополнительное место для СССР. Литвинов не очень хорошо воспринял неудачу. Он отправил в Москву телеграмму и попросил разрешить ему выйти из Ассамблеи. Молотов, Каганович и Ворошилов рекомендовали принять дополнительное место вице-председателя. Сталин не согласился: «Я думаю, что правильнее будет принять предложение Литвинова и демонстративно покинуть Ассамблею, а Литвинову выехать немедленно в Москву для доклада правительству. Пусть Ассамблея сама расхлебывает абиссинскую кашу»².

Затем в Сочи пришла еще одна телеграмма, в которой говорилось о том, что раздор в Женеве улажен и советскому представителю предоставили место вице-председателя. Литвинов рекомендовал

¹ И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу и В. М. Молотову. 2 сентября 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. Л. 1–2 (р/в), опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 06.12.2023).

² Л. М. Каганович, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов — И. В. Сталину. 11 сентября 1935 г.; И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 11 сентября 1935 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С 561–563.

считать дело закрытым и не выходить из Ассамблеи. Сталин в ответ прислал длинный комментарий:

«Литвинов, видимо, сам испугался результатов своего предложения и поторопился потушить инцидент. Как видно, он не додумал своего предложения и не понял, что его предложение ведет к отъезду нашей делегации и угрозе выйти из Лиги Наций, если лиганцовские жулики-режиссеры не будут относиться к СССР с должным уважением и почтением. Он не понимает, что если мы вошли в Лигу, то это еще не значит, что мы должны быть послушными ее членами. Он не понимает, что, если мы не будем время от времени встряхивать лиганцовский навоз, мы не сумеем использовать Лигу в интересах СССР. Все поведение Литвинова продиктовано, по-моему, не столько интересами политики СССР, сколько его личным уязвленным самолюбием. Это печально, но это факт».

Сталин критиковал Литвинова за то, что тот не заметил лицемерия Франции и Великобритании, у которых тоже были колониальные интересы в Абиссинии, независимость которой была призрачной. Конечно, нарком именно по этому поводу обрушил свой гнев на Майского. Но он все еще рассчитывал на союз против Германии и поэтому не мог оскорблять своих будущих союзников. Литвинова выводило из себя положение, в котором он оказался, но ему пришлось проглотить свои принципы и обиды. Сталин уже не впервые ударил его по больному месту. Конечно, легко было говорить, находясь в отпуске в Сочи. Сталину не приходилось улаживать проблемы в Женеве. «Иначе говоря, — отметил Сталин, — он [Литвинов] не отметил разницу между нашей позицией и позицией Англии и Франции. Это, конечно, плохо. Литвинов хочет плавать по фарватеру Англии, тогда как мы имеем собственный фарватер, превосходящий по своему качеству всякий другой фарватер, по которому и обязан он плавать. Между прочим: хорошо было бы в нашей печати развить эту нашу точку зрения, смазанную Литвиновым в Женеве». По поводу изначального предложения Литвинова Сталин пошел на уступку и сказал, что, к сожалению, необходимо считать инцидент исчерпанным. В конце вождь пошутил, что «Литвинова теперь метлой не выгонишь из президиума Ассамблеи»¹.

¹ И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 12 сентября 1935 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 563—564.

Сталин спокойно мог противоречить сам себе. Он все еще находился в Сочи, когда Каганович и Молотов прислали ему текст декларации Коминтерна, осуждающей фашизм в Германии и Италии и поддерживающей сотрудничество с Социалистическим интернационалом в Брюсселе и Лигой Наций в Женеве. Они заявили: «мы сомневаемся в целесообразности» черновика, но спросили, что думает Сталин. «Не возражаю», — ответил он¹. Таким образом, Литвинов не так уж и плохо справился с Абиссинским кризисом. Безусловно, НКВД и Коминтерн должны были как-то координировать политику коллективной безопасности и деятельность Народного фронта. На самом деле, как писал Литвинов в телеграммах из Женевы, попытки урегулировать кризис запутывались в паутине противоречащих друг другу интересов. Каганович и Молотов спросили Сталина, есть ли у него инструкции для Литвинова. «Никаких указаний не имею», — ответил Сталин². Это означало: пусть Литвинов разбирается сам.

Война в Абиссинии

3 октября 1935 года итальянская армия вторглась в Абиссинию. Через четыре дня Лига Наций объявила Италию агрессором и ввела экономические санкции. Однако запрет на импорт важных товаров, таких как масло и сталь, который мог бы навредить итальянской экономике и ее возможности вести войну, введен не был. В тот же день, когда итальянские войска пересекли границу Абиссинии, Литвинов отправил длинную аналитическую записку Сталину. Итальянцы начали действовать, приняв во внимание позиции Франции и Великобритании. По мнению наркома, у Италии улучшились отношения с Францией, что включило зеленый свет для итальянского правительства. Муссолини проинформировал Лавалю в январе

¹ Л. М. Каганович, В. М. Молотов — И. В. Сталину. 23 сентября 1935 г., И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 24 сентября 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 90. Л. 59—60, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 06.12.2023).

² Л. М. Каганович, В. М. Молотов — И. В. Сталину. 26 сентября 1935 г., также ответ И. В. Сталина. 26 сентября 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 90. Л. 81—83, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 06.12.2023).

1935 года о планах Италии и добился от него не только согласия, но и заверения в том, что Франция этим планам мешать не будет». Было не так понятно, отметил Литвинов, проинформировали ли итальянцы о своих планах британское правительство. «Возможно, что, как утверждает Муссолини, Англия была давно уже в курсе подготовки Италии к захвату Эфиопии, но она, действуя по обыкновению осторожно, и, не уверенная в поддержке общественного мнения, не решалась на сколько-нибудь обязывающее предостережение по адресу Муссолини. Это обстоятельство ввело в заблуждение Муссолини, решившего, что серьезного противодействия со стороны Англии он не встретит». Литвинов слышал, что некоторые итальянские послы, в том числе Аттолико, выступили против вторжения. Также утверждалось, что существует оппозиция внутри фашистской партии и населения в целом, в особенности в тех семьях, в которых сыновей призывали в армию. «При таких обстоятельствах, война с Эфиопией стала как бы личным делом Муссолини, и это в особенности затрудняет ему отступление, за которое он лично и безраздельно должен нести ответственность. Он как будто бы признавал в беседе с французским послом, что он ставит на карту фашистский режим и даже свою голову, прибавив, однако, что пути отступления для него также отрезаны». Муссолини рассчитывал, что Лаваль сможет удержать Лигу Наций от жестких мер и предотвратит вооруженный конфликт с Англией, чего очень боялся как сам дуче, так и итальянская общественность. По мнению Литвинова, Муссолини полагал, что сможет избежать санкций, если быстро одержит победу или прибегнет к помощи Германии и Японии. Он также был открыт для переговоров за пределами Лиги — отдельно с Англией или при посредничестве Франции. Нарком полагал, что эти идеи были не более чем мечтой, с учетом британской позиции. «Англия не столько заинтересована в превращении Эфиопии в ее собственную колонию, сколько в недопущении овладения этой страной Италии. Она не может допустить господства в Эфиопии сильного европейского государства, которое угрожало бы английским владениям в Африке и ее коммуникации с Индией». Британское правительство использовало Лигу Наций как прикрытие для реализации своих колониальных, империалистических интересов в Северо-Восточной Африке. Ответственность была готова поддержать правительство под флагом Лиги. Это было важно с учетом надвигающихся парламентских выборов.

Британское правительство мечтало дать Муссолини «сдачу» и навредить его престижу. С другой стороны, отдельные представители Консервативной и Лейбористской партий поддерживали значительные уступки Италии и выступали против санкций. Именно поэтому британское правительство придерживалось более мягкого курса в отношении кризиса.

Что касается Франции, Лаваль защищал интересы итальянцев более эффективно, чем они сами. «Поскольку это от него зависело [от Лавалья. — *М. К.*], — писал Литвинов, — он уступил бы Италии по всей линии. Не останавливается он и перед явным нанесением урона престижу Лиги». Однако это была политика, которой придерживался лично Лаваль, а не французский Совет министров, в котором существовала серьезная оппозиция во главе с Эррио. Чтобы понять Лавалья, нужно вспомнить, насколько он был раздражен тем, что британцы подписали морское соглашение с Германией, а также его отношение к франко-советскому сближению, которое он считал в большей степени «грехом», чем преимуществом. Альбион навсегда останется коварным, а от большевиков всегда будет исходить угроза. Таким образом, Лаваль мог добиться успеха во внешней политике только с помощью Италии, а это не оставляло большого простора для действий. Если ничего не выйдет, то придется согласиться на еще большую зависимость от Великобритании. Лаваль питал отвращение к подобной перспективе во многом еще и потому, что не хотел больше сближаться с СССР. «Еще до открытия Ассамблеи, — писал Литвинов, — Лаваль признавался мне, что не верит в возможность предотвращения войны в Эфиопии». Затем он продолжил: «Таким образом, ему пришлось тогда уже отказаться от посредничества между Англией и Италией. Он лишь стремился к тому, чтобы Совет Лиги не занимал слишком резкую позицию против Италии, не вынуждал ее к уходу из Лиги и оставил возможность посредничества Франции после первых военных побед Италии. По мнению Лавалья, им мне высказанному, Муссолини якобы заботится об искуплении военного поражения Италии в последнюю войну с Абиссинией [в XIX веке. — *М. К.*], и поэтому после нескольких удачных боев Муссолини окажется более сговорчивым (предположение явно нелепое). За всем тем, Лаваль не мог не сознавать, что долго продержаться на своей позиции в Совете ему не удастся, что Франция не может предпочесть итальянскую дружбу

английской, но он решил в крайнем случае оказать Англии некоторое сопротивление в Совете, чтобы выжать у нее некоторую компенсацию в виде обещания в случаях агрессии, в частности в Дунайском бассейне. Политика Лавалья в Женеве может иметь своим результатом умаление престижа Лиги и поощрение агрессивности Муссолини. Не подлежит, однако, сомнению, что независимо от какой-либо компенсации от Англии, Франция пойдет за ней до конца».

По сути, общественность делилась на две политические группы: фашистов и полуфашистов, испытывающих дружеские чувства к Германии и поддерживающих Италию, с одной стороны, и рабочие организации, радикальные партии и интеллигенцию, которые выступали против. Они были недовольны нацистской Германией и поддерживали Лигу и необходимость наказать Италию за агрессию и передать таким образом послание Гитлеру. Литвинов хорошо знал своего начальника и решил вернуться в Москву, чтобы отчитаться перед правительством. В Женеве остался Потемкин. Когда Литвинов выступал в Женеве в середине сентября, у него не было каких-либо инструкций, только лишь обмен мнениями со Сталиным¹.

После того как была разослана аналитическая записка наркома, Политбюро быстро прислало ему инструкции. Советское правительство, а по сути Сталин, заявило о готовности выполнить обязательства перед Лигой наравне с другими государствами. Также Литвинову велели придерживаться независимого советского курса и ни при каких обстоятельствах не вести себя так, как будто СССР подчиняется Великобритании. «Не проявляйте большей ретивости в санкциях, чем другие страны, и сохраняйте по возможности контакт с Францией»². Хотя Сталин подверг критике поведение Литвинова в сентябре в Женеве, однако он придерживался его политики, пытаясь не навредить отношениям СССР с Францией и Великобританией, а также, насколько это возможно, с Италией.

5 октября новый итальянский посол в Москве барон Ароне ди Валентино нанес визит Литвинову и попросил его прояснить советскую

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 3 октября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 123. Л. 61—69. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу.

² Выдержки из протоколов Политбюро № 34/31, 34, 84, 142. 4, 8 и 15 октября 1935 г. // Москва — Рим: Политика и дипломатия Кремля, 1920—1939. Сб. документов. М., 2002. С. 373—374, 378.

политику. Дипломат подверг критике Лигу Наций, сказав, что она действует в интересах лишь нескольких стран, а возможно, даже всего одной. Барон пожаловался на Великобританию, которая не понимает итальянскую психологию и сочетает переговоры с угрозами. «Нашу линию поведения, — ответил Литвинов, — нельзя смешивать с английской, хотя бы эти линии в отдельные моменты пересекаются». Далее он сказал следующее: «Цель Англии — не допустить политического и, в особенности, военного господства Италии в Абиссинии, и она готова пустить в ход все средства — дипломатические и иные, — чтобы добиться своей цели. У нас же никаких целей в Африке нет. Нам безразлично, кому будет принадлежать Абиссиния — Англии или Италии, хотя с точки зрения справедливости, может быть, надо было бы отдать предпочтение Италии как обделенной колониями. Мы не можем, однако, становиться и на эту точку зрения, ибо мы против всей системы колоний. Это не значит, что мы как государство должны активно вмешиваться в колониальные споры третьих государств, и пока эти споры и конфликты происходят вне Лиги, мы в них не вмешиваемся. Наша заинтересованность появляется лишь с момента постановки вопроса в Лиге. Мы хотели бы и стремимся сделать из Лиги инструмент мира, и с этой целью мы в Лигу и вошли. Мы чувствуем, что пассивность Лиги, в случае войны между двумя ее членами, пассивность, один раз уже имевшая место, при повторении будет означать гибель Лиги, что было бы поощрением для агрессивных стран. Мы поэтому хотим, по крайней мере, выполнить лояльно наши обязательства в качестве члена Лиги».

Так Литвинов объяснил советскую политику, оставив дверь открытой для восстановления хороших италяно-советских отношений. К сожалению, часть итальянской прессы не оценила тонкости советской позиции. «В Риме должны понять, — добавил Литвинов, — что если бы мы не были заинтересованы в сохранении наилучших отношений с Италией, или если бы перед нами на месте Италии была бы другая, враждебная страна, я говорил бы в Женеве совершенно иным языком и проявлял бы совершенно иную активность. Мне кажется, что мы делали в Женеве минимум того, что мы обязаны были делать». Литвинов добавил, что, несмотря на некоторое давление, СССР продолжит экономические отношения с Италией, «чего, к сожалению, в Риме отнюдь

не оценили». Когда Валентино уходил, настроение у него было уже лучше¹.

Вскоре Литвинов вернулся в Женеву, чтобы направлять советскую политику в гуще конфликтующих интересов и столкновений, особенно между Францией и Великобританией. Все были на грани срыва. Литвинов сообщил, что ссора между этими двумя странами уже улажена, по крайней мере, на время. Лаваль все еще пытался помириться с Италией. Великобритания не хотела об этом даже слышать². Хотя Литвинов не говорил этого вслух, но казалось, что единственный политик, извлекий выгоду из абиссинского беспорядка, был Гитлер. Когда Каганович и Молотов предложили пересмотреть «неверные» политические идеи Литвинова, Сталин ответил, что его изначальные «тезисы» были слишком общими, и их могли неверно интерпретировать. Наркому стоило придерживаться курса, о котором он говорил во время последней речи в Женеве, и следить за тем, чтобы ни у кого не сложилось впечатление, что советской политикой управляет Великобритания³. Литвинов сообщил примерно то же самое Валентино перед тем, как уехал в Женеву. В инструкциях Сталина, которые он отправил Молотову и Кагановичу, уже не было сарказма, и он убрал слово «неправильный» из телеграммы, которую они предлагали отправить Литвинову. В критике не было никакой нужды. Литвинов пытался справиться с очень непростым делом.

Что касается санкций, некоторые страны не хотели полностью их придерживаться, например Франция, другие вообще не были готовы к сотрудничеству. Литвинов предупредил Потемкина в Женеве, чтобы он не выказывал слишком сильный энтузиазм, когда будут обсуждаться жесткие меры против Италии. Лаваль все еще пытался

¹ Запись беседы М. М. Литвинова с итальянским послом П. Ароне ди Валентино. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 5 октября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 95–96.

² М. М. Литвинов — в НКВД. 15 октября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 190. Д. 1408. Л. 189–190, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 06.12.2023).

³ Л. М. Каганович, В. М. Молотов — И. В. Сталину. 15 октября 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 91. Л. 89–90, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 06.12.2023); И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 15 октября 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 91. Л. 88, опубли.: там же.

поддержать Рим, всячески препятствуя введению санкций. Франция и Великобритания серьезно поссорились за пределами Женева из-за французской поддержки в случае, если на ВМС Великобритании нападет Италия. Англичане прямо задали вопрос французскому правительству, но Лаваль уклонился от ответа. Чтобы усилить свою позицию, он мобилизовал «правую и фашистскую прессу», которая «вероятно, получила для этой цели стимуляцию материального характера» из Италии. У французского МИД также был специальный бюджет на подобные цели. В прессе разразилась яростная кампания против Великобритании, на которую британские газеты ответили тем же. Английский МИД также выразил свой протест. В борьбу вступил Эррио и его сторонники — «вся оставшаяся пресса» ругала Лаваль за разрушение англо-французских отношений. Как сказал Литвинов, «Лаваль сам испугался результатов кампании, которая перехлестнула его собственные стремления, и ему с трудом удалось остановить ее». Эта ссора могла ускорить падение правительства Лаваль и замену его на Эррио, чего очень боялась «правая» пресса.

Французское верховное командование также давило на Лаваль, организовав встречу с Вейганом и Манделем. Они упрекнули его в том, что из-за него Франция попала в изоляцию, и предупредили, что если он рассчитывает на соглашение с Германией, то ему стоит хорошо об этом подумать, так как Великобритания его опередит. Судя по тому, что слышал Литвинов, «Лаваль будто бы расхохотался, давая понять, что он уже опередил Англию». Однако нарком не окончил свой отчет. Лаваль, обеспокоенный полученным предупреждением, спешно отправил в Берлин своего друга — журналиста Фернана де Бринона, — чтобы он прояснил позицию Германии. Судя по последним сообщениям из Парижа, его миссия провалилась. Лаваль наконец пришлось положительно ответить на просьбу британцев оказать поддержку их ВМС. Однако полемика между Англией и Францией «значительно ослабила значение возможных военных санкций против агрессора»¹. Отчет Литвинова, безусловно, лил воду на мельницу сталинского цинизма, однако, несмотря на то что он все еще был в отпуске на юге, в письмах больше Абиссинский кризис не упоминался.

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 26 октября 1935 г. // АВРПФ/Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 123. Л. 84—88, опубли.: Москва — Рим. С. 381—385. Копии были отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу.

2 ноября Литвинов предоставил Сталину «тезисы» о влиянии данной ситуации на советские интересы. Итальянская война в Абиссинии и усиление англо-итальянского конфликта не шло вразрез с советскими интересами. Поражение Италии или окончание войны под давлением Лиги стало бы смертельным ударом не только для Муссолини, но и для фашизма в целом и для Германии в частности. Уход Италии из так называемого Европейского концерта держав создавал предпосылки для более тесного сотрудничества между Великобританией, Францией и СССР. Удачные действия Лиги Наций против Италии «ослабляют шансы агрессии со стороны Гитлера». СССР не был бы против дальнейших санкций Лиги или других санкций против Италии, если бы их вводила только Англия. Некоторое ухудшение советско-итальянских отношений было неизбежно, так как СССР выполнял обязательства перед Лигой. Но дальнейшее обострение было нежелательным. «Потому без надобности не следует выступать открыто застрельщиком радикальных мер против Италии»¹. По этим словам видно, что Литвинов был не так уж расстроен хаосом, который творился в отношениях Франции, Великобритании и Италии, и даже разрывом отношений между СССР и Италией. У наркома оставались те же цели: организовать союз Англии, Франции и СССР для борьбы с нацистской Германией и попытаться сохранить Италию, несмотря на Абиссинский кризис. Его предположение, что итальянское вторжение в Абиссинию могло бы отрицательно повлиять на нацистскую Германию, кажется наивным. Тем не менее для Литвинова Лига Наций оставалась потенциальным оружием борьбы с немецкой агрессией, если только сработают санкции. Однако ни одно из этих умозаключений не было верным.

Тем не менее Литвинов старался предотвратить разрушение советских отношений с Италией, несмотря на риск вызвать раздражение британского МИД. Он составил отчет о двух последующих встречах с Валентино. Нарком снова сказал, что советское правительство не заинтересовано в расширении санкций и оно не будет поддерживать никакие другие ограничения, кроме тех, что принимают все члены Лиги. Он также добавил, что Италия не ответила взаимностью на попытки СССР избежать ухудшения отношений.

¹ Тезисы т. М. М. Литвинова. 2 ноября 1935 г. // Москва — Рим. С. 394.

В Риме происходили нападения на советских официальных лиц. Валентино ответил, что в Москве перед итальянским посольством проходили демонстрации. Они были мирными, пояснил Литвинова, и это не то же самое, что нападения на советских граждан. Отношения ухудшались¹. Валентино вернулся через неделю в начале декабря и снова заговорил о санкциях. «Мы не стремимся причинять ущерба итальянским интересам, — повторил Литвинов, — но в то же время мы не выступаем против того или иного размаха женевского учреждения». Он продолжил: «Мы допускаем, что нам придется в дальнейшем когда-нибудь самим обращаться к Женеве, в частности, в случае нападения Германии на Балтийские страны, и мы не хотим, чтобы нам тогда могли напомнить выступление против санкций в других случаях. Если Муссолини считает, что такая наша позиция окончательно скомпрометирует в дальнейшем советско-итальянские отношения, то и нам, конечно, придется сделать отсюда соответствующие выводы».

Однако, подчеркнул Литвинов, позиция СССР остается неизменной, несмотря на различные недружественные проявления в Италии, включая систематическую антисоветскую кампанию в прессе. Валентино в ответ разразился жалобами, которые ничего не решали. Советско-итальянские отношения развивались в нежелательном направлении².

Возвращение в Лондон

С другой стороны Литвинов не знал, что делать с британской политикой. У СССР и Великобритании пересекались интересы в плоскости Абиссинского кризиса, и тем не менее в Женеве Великобритания не только не искала поддержки у СССР, а даже избегала контактов, которые ранее поддерживал с наркомом Иден. Что случилось? Литвинов написал Майскому: «Я не думаю, чтобы это можно было объяснить только неприятными для Англии статьями и комментариями в нашей печати. Возможно, что Англия в отношении нас переживает некоторое разочарование. Она, может быть,

¹ Встреча с итальянским послом П. Ароне ди Валентино. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 28 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 102—103.

² Встреча с итальянским послом П. Ароне ди Валентино. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 5 декабря 1935 г. // Там же. Л. 108—111.

полагала, что, вступив в Лигу, мы отказываемся от всех наших принципов и готовы пойти на любые компромиссы. Из принципиальной позиции, занятой нами, по вопросу об империализме и колониях англичане могли сделать тот вывод, что соглашение с нами по интересующим ее вопросам невозможно и что мы вообще являемся неподходящим для нее партнером. Но возможно и другое — худшее предположение, а именно, что враждебный нам Хор уже решил пойти на создание новой европейской комбинации с Францией или без нее, но включающей Германию и исключаяющей СССР».

Рассуждения Литвинова навели Майского на мысль, что, возможно, Хор подумывает заключить сделку с Германией за счет СССР. Кажется, самая безумная идея, о которой сообщалось в «Таймс», заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой Германии в отношении санкций против Италии в обмен на отказ Франции от ратификации франко-советского пакта. Хор, безусловно, нашел бы подходящего партнера в лице Лавалля, если бы британцы действительно этого хотели. Майский вернулся в Лондон из отпуска. Литвинов велел ему попробовать получить ответ, когда он в следующий раз встретится с Ванситтартом и Хором¹. У наркома были причины для волнения. После разговора с британским поверенным Чарльзом Рубинин заранее предупредил, что Иден и Ванситтарт сталкиваются с сопротивлением, пытаясь придерживаться своего курса на сотрудничество с СССР².

Майский вернулся в Лондон в начале ноября и начал заново налаживать контакты со своими обычными партнерами. 6 ноября он встретился с Хором, который приветствовал его настолько учтиво и льстиво, что посол сразу насторожился. Как и велел ему Литвинов, он спросил насчет слухов о том, что Великобритания пошла на уступки Германии, чтобы поддержать санкции против Италии. Хор их опроверг. Майский отнесся к этому с одобрением. «В самом деле, — добавил он, — платить Германии премию за участие в санкциях против Италии было бы равносильно тому, как если бы инфлуэнцу стали лечить прививкой тифа». Хор засмеялся и добавил, что у советских подозрений нет никаких

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 16. Л. 35–37.

² Е. В. Рубинин — Н. Н. Крестинскому. 23 октября 1935 г. // Там же. Л. 34.

оснований¹. Если почитать отчеты обоих дипломатов, то можно заметить, что они хорошо ладили — недавно приехавший в страну большевик и английский тори. Хор посмеялся над подозрениями Майского, но полпред упорно пытался получить информацию. Он подчеркнул, что советское правительство хотело, чтобы санкции против Италии сработали, так как это станет предупреждением другим, более сильным агрессорам. Очевидно, он имел в виду Германию и Японию. Италия — не очень опасный агрессор, заметил Хор².

Разговор между ними ничего не решил. Сарджент не передумал. Он всячески пытался урегулировать вопрос с Германией, когда и если наступит подходящий момент³. Только подумайте: когда советский посол разговаривал с Сарджентом? Ответ: никогда, что не могло быть случайностью. Через два дня после разговора с Хором Майский встретился с Ванситтартом. Их беседа шла, как обычно. Следуя инструкциям Литвинова, Майский задал много вопросов. «На одном из них он особо настаивал, — отметил Ванситтарт, — а именно, он хотел знать, были ли правдой слухи об англо-франко-германском соглашении за счет России». Ванситтарт ответил, что эти слухи вообще ничем не были подкреплены, хотя, конечно, он не упомянул взгляды Сарджента. «Очевидно, господин Майский отнесся к ним с большим подозрением, но мне кажется, он ушел успокоенным». Когда посол уже собирался уезжать, Ванситтарт снова, как обычно, заговорил о пропаганде и в особенности о вмешательстве в британские парламентские выборы. Майский, как обычно, увернулся от ответа с типичным советским апломбом, хотя, конечно, Ванситтарта это не убедило. Он рассмеялся, что неудивительно. «Я вас, советских людей, совсем не понимаю. Я понял бы, если бы у вас, коммунистов, был шанс на то, что в парламент выберут 150 ваших членов. Но сейчас максимально они могут рассчитывать на одно или два места. Какую практическую ценность это несет? В чем смысл портить отношения? Как мне кажется, игра не стоит свеч».

¹ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 122–123 (запись от 6 ноября 1935 г.); Дискуссия И. М. Майского с С. Хором. 10 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 177–182.

² И. М. Майский — в НКВД. 6 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 193. Д. 1426. Л. 149–152, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 06.12.2023).

³ Sargent's minute. 30 Dec.1935. C8373/55/18, TNA FO 371 18852.

Майский ответил, как обычно¹. Помните, Ванситтарт не возражал против того, чтобы Майский вел переговоры с лейбористами или либералами. Литвинова не убедил отчет посла: «У меня получилось впечатление, что Ванситтарт Вам чего-то недоговаривал и отнюдь не держался так, как в предыдущих беседах». Возможно, это произошло, когда Ванситтарт начал рассуждать про пропаганду. Обычно это свидетельствует о защитном приеме и желании сменить тему².

Через 10 дней Майский и Ванситтарт беседовали уже более подробно. Ванситтарт спросил Майского о его впечатлениях от поездки домой в отпуск. Майский ответил на удивление прямолинейно. Или, во всяком случае, так он отчитался перед Москвой. Советское правительство выступает в поддержку дальнейшего развития англо-советских отношений, но в последние несколько месяцев появились сомнения относительно направления британской политики. «Особенно сильное впечатление на наше общественное мнение произвел факт заключения англо-германского морского соглашения. Во время моего пребывания в СССР я слышал со всех сторон озабоченные вопросы: что означает это соглашение? Не есть ли это начало англо-германской Антанты, острие которой направлено против Советского Союза?»

Ванситтарт утверждал, что для слухов об англо-германском или англо-франко-германском союзе нет никаких оснований. Также не было никаких сделок по безопасности на западе в обмен на свободу рук для Гитлера на востоке. Что касается Абиссинского кризиса, Ванситтарт заверил советского посла, что британское правительство собирается поддержать Лигу Наций в Африке и Европе. Британская политика отражает политику Лиги, и такая позиция активно поддерживается населением. Великобритания решительно выступает против итальянской агрессии. Ванситтарт также повторил свои обычные фразы о неделимости безопасности в Европе. Это он

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 10 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 173–175; *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 125 (запись от 14 ноября 1935 г.); Vansittart's short, untitled note. 9 Nov. 1935. C7596/55/18, TNA FO 371 18851.

² И. М. Майский — в НКВД. 9 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 193. Д. 1426. Л. 154–155, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 06.12.2023); М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 11 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 193. Д. 1428. Л. 128, опубл.: там же.

так бодрился? Через несколько недель его слова будут звучать смешно.

Майский вел жесткий допрос в стиле государственного обвинителя. «Какова была бы реакция Великобритании, если бы Германия, например, напала на Чехословакию?» «В[анситтарт] отвечал, что в этом случае выступление Великобритании против агрессора было бы еще более бурным и решительным, чем против Италии. Ибо Чехословакия очень популярна в Англии. Это мирная, демократическая, культурная страна, о которой никто не может сказать ничего плохого... Атака Гитлера на Чехословакию вызвала бы в Англии несомненно огромную волну негодования, и правительство было бы очень твердо в проведении политики Лиги Наций в отношении Германии». Майский не отреагировал на это высказывание, и он не мог заранее знать, что менее чем через три года Великобритания пожертвует Чехословакию нацистскому чудовищу. Однако всего через три недели он и его коллеги в Москве узнают, что значит для Великобритании быть приверженной Уставу Лиги Наций.

А как же быть с Мемелем или Литвой? Майский задал этот вопрос. Британское правительство «будет противостоять агрессору», ответил Ванситтарт, но он не мог скрыть того, что общественная реакция на нападение на Литву будет слабее, чем в случае с Чехословакией. Затем Ванситтарт заговорил про Австрию, что крайне удивило Майского. «Гитлер несомненно хочет поглотить Австрию, — сказал он, — но он почти наверняка сделает это не извне, а изнутри, путем организации национал-социалистического переворота в Вене. Если это получится, создастся весьма сложная ситуация. Как доказать британскому общественному мнению, что переворот в Вене есть дело рук Гитлера? Как убедить широкие массы британского населения в необходимости рассматривать национал-социалистический путч в Австрии как одну из форм германской агрессии? А без такой широкой общественной поддержки британское правительство не сможет решительно выступить против агрессора в случае с Австрией». Поверил ли Литвинов, прочитав отчет Майского, в то, что Великобритания будет решительно противостоять агрессии Гитлера?

Майский никак не прокомментировал Австрию. Он написал, что разговор зашел о Франции, а именно о Лавале. «Он [Ванситтарт] высказал предположение, что наши опасения насчет создания

англо-франко-германской антанты питаются, главным образом, французскими источниками (поездка Бринона в Берлин, предполагаемый приезд в Париж [Иоахима фон] Риббентропа и т. д.). Ванситтарту известен флирт Лавалья с Германией, но ему неизвестна нынешняя стадия этого флирта. Ибо Лаваль не считает нужным осведомлять британское правительство о своих переговорах с Германией, и вся информация Ф[орин]-о[фиса] по данному поводу почерпается, главным образом, из других источников».

«Если вы думаете, что данный флирт происходит с согласия и поддержки британского правительства, то вы сильно ошибаетесь, — сказал Ванситтарт. — Британскую политику не надо смешивать с французской или, вернее, с политикой Лавалья, ибо Лаваль и Франция — не одно и то же». Он продолжил: «У британского правительства своя собственная политика. Что же касается Лавалья, то он делает одну ошибку за другой... Ведь вот взять хотя бы позицию Лавалья в итало-абиссинском конфликте. Британское правительство еще в начале текущего года предупредило Муссолини, что, если Италия своей политикой поставит Англию перед необходимостью выбирать между Лигой и Италией, то Англия выберет Лигу. Муссолини имел своевременное предупреждение. Если бы французское правительство со своей стороны сделало то же самое, нынешней войны в Африке, вероятно, не было бы.

Вместо этого Лаваль, связанный своими январскими соглашениями с Муссолини, все время разыгрывал из себя человека, который всем сердцем стремится к Муссолини, но которого лишь горькая необходимость вынуждает против воли выступать на стороне Лиги и соглашаться на санкции. Что получается в результате? Франция создает себе затруднения в Англии, вызывает подозрения в странах Малой Антанты и в то же время поощряет Муссолини к упорству, т. е. фактически затягивает войну.

Сейчас Лаваль начинает свой флирт с Германией, и сразу же рождает — ну, скажем мягко — недоумение в СССР и ропот в тех же странах Малой Антанты». Ванситтарт не видел предпосылок для того, чтобы Франция договорилась с Германией, разве что ей придется уступить Гитлеру территории ее союзников. Читатели оценят иронию этого высказывания, так как именно это и сделают Франция и Великобритания в Мюнхене в сентябре 1938 года. Но мы забегаем вперед. В ноябре 1935 года Ванситтарт не мог себе представить

такой исход. Лаваль пытался оседлать две или три лошади одновременно. Было очевидно, что он упадет и стукнется головой.

Наконец Майский спросил, как Ванситтарт видит будущее англо-советских отношений. Последовал стандартный ответ. «В[анситтарт] отвечал, что тот курс на улучшение и укрепление этих отношений, который полтора года назад был начат нашими с ним политическими беседами, должен продолжаться. Британское правительство считает его правильным и отвечающим интересам Англии», — записал Майский. Так считал Ванситтарт, но что же думала Консервативная партия? Майский не спрашивал. Параллелизм в британской и советской политике усилился за последние месяцы после начала Абиссинского кризиса. «Нет поэтому препятствий, — продолжил Ванситтарт, — к укреплению политического сотрудничества между обоими правительствами».

Допрос пока не закончился. Майский хотел проверить, прав ли Литвинов, посчитав, что британцы в Женеве ведут себя холодно. Поэтому он спросил, есть ли у них возражения относительно недавних выступлений наркома. Ванситтарт удивился, так как ничего об этом не знал. Майский спросил, возможно, возражения против позиции СССР есть у Идена. «Как объяснить ту подчеркнутую сдержанность, почти холодность, которую британская делегация, в частности Иден, проявляли в отношении советской делегации на протяжении последних недель в Женеве?» Ванситтарт удивился. Он не знал, что и думать. Возможно, Иден был слишком занят, пытаясь заставить колеблющиеся делегации соблюдать санкции. В любом случае, если бы в Женеве были какие-то сложности, Ванситтарт бы о них знал¹.

Ванситтарт тоже записал разговор, длившийся полтора часа, хоть и не так подробно. В отчете говорится о тревогах Майского из-за англо-германского морского соглашения и в целом из-за британской приверженности коллективной безопасности. Ванситтарт был раздражен тем, что СССР «постоянно твердит» о морском пакте. Однако это не изменило советских взглядов. В отчете Ванситтарта пропущено обсуждение немецкой агрессии против различных государств, за исключением Литвы, но он считает виноватыми литовцев.

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 25 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 198–204.

Отчет Майского подтверждал отчет Ванситтарта. «Мне кажется, под конец [обсуждения. — М. К.], — писал Ванситтарт, — я смог развеять некоторые сомнения посла»¹.

Майский продолжал проверять факты. Через три дня он встретился с Иденом. Их разговор в целом был похож на беседу с Ванситтартом. Иден сам поднял тему, спросив, как относятся в Москве к отношениям с Великобританией, и заверил посла, что ни в Лондоне, ни в Женеве никакого охлаждения не планируется. Иден похвалил работу Литвинова и отметил «схожесть» британской и советской политики в отношении Абиссинского кризиса. Майский заговорил об англо-германском морском соглашении, как до этого с Ванситтартом. Иден ответил, что оно не имеет особого значения и не представляет угрозы для СССР. Затем он повторил заверения Ванситтарта в надежном будущем англо-советских отношений. Конечно, были определенные трудности. Иден слышал, как в обществе говорили о недоверии к СССР и жаловались на советские деньги, которые тратились в Великобритании на оплату коммунистической пропаганды. Майский рьяно отрицал обвинения Идена и снова, как обычно, рассказывал о различиях между Коминтерном и советским правительством. Конечно, Иден на это не купился, но в конце отметил, что это «неважный вопрос» и у англо-советских отношений хорошие перспективы².

Литвинова отчеты Майского не убедили. А значит, Сталина тоже. Литвинов с сомнением относился к ответу Ванситтарта: «Французские официальные круги упорно распространяют слухи, что переговоры с Германией Франция ведет по настоянию Англии». Нарком велел Майскому обсудить эти слухи с британским МИД. Также он попросил его передать лично или в письме Идену, что посол не слышал никаких замечаний наркома о нем³. Литвинов полагал, что Иден заинтересован в улучшении англо-советских отношений и на него можно положиться в этом плане. Это была ошибка.

¹ Memorandum by Vansittart. 18 Nov. 1935. N5966/17/38, TNA FO 371 19452.

² Дискуссия И. М. Майского с Э. Иденом. 25 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 205–206.

³ М. М. Литвинов — М. И. Майскому. 23 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 193. Д. 1428. Л. 146, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 06.12.2023).

Иден сказал Майскому, что пропаганда неважна, но своим коллегам в МИД он говорил совсем другое. Он прочитал отчет Ванситарта о переговорах с советским послом 18 ноября и составил следующую записку к протоколу перед собственной встречей: «Я не испытываю никакой приязни к Майскому. Надеюсь, что в следующий раз, когда он придет с жалобами, ему объяснят, что наше расположение зависит от хорошего поведения его правительства. А именно, пусть не суют свой нос в нашу внутреннюю политику. Я недавно почувствовал последствия, и никакого сочувствия к Майскому я не испытываю. Я больше не хочу иметь дела с москвичами этого типа»¹. Видимо, британские коммунисты подвергли Идена критике во время парламентской предвыборной кампании, хотя их нападки не вызывали сильное раздражение. Иден выиграл в своем избирательном округе, получив подавляющее большинство голосов². Тем не менее он все равно затаил обиду и вспоминал об этом эпизоде каждый раз, когда ему поступали предложения улучшить англо-советские отношения. На самом деле в своем отчете о разговоре он намного больше жалуется на советскую пропаганду, чем утверждал Майский, и уж, конечно, не говорит, что это неважный вопрос³.

После возвращения из отпуска, собрав информацию, 25 ноября Майский написал Литвинову, что он не выявил признаков ухудшения англо-советских отношений: «Все, что я здесь вижу, слышу и наблюдаю, приводит меня примерно к следующему заключению: британское правительство на данный отрезок времени желало бы поддержания и развития с СССР добрых отношений, однако без излишней интимности. Когда англичане в этой связи говорят об “интимности”, то они имеют в виду прежде всего Францию. Почему-то они считают, что франко-советские отношения стали очень интимными, и что в результате этого советское правительство вмешивается во внутренние французские дела, в частности, через посредство “народного фронта”. Англичане этого не хотят и боятся. Отсюда их настроение “без интимности”».

Майский был уверен, что британское правительство не заинтересовано в англо-немецком или англо-французском союзе, хотя

¹ Eden's note, 20 Nov. 1935, N5966/17/38, TNA FO 371 19452.

² Minute by R. M. A. Hankey, Eden's private secretary. 26 Nov. 1935. N5566/1/38, TNA FO 371 19448.

³ Eden's note, 21 Nov. 1935, N6030/17/38, TNA FO 371 19452.

некоторые люди, возможно, питают такие надежды. Отношения с Германией были прохладными. МИД занимался в основном Абиссинским кризисом. Но кто знал, как будут развиваться события? «Какова же будет расстановка сил и влияний через несколько месяцев, в данный момент трудно предвидеть»¹.

Майский, видимо, не заметил, что Иден все больше теряет терпение и даже злится из-за проблемы «советской пропаганды» и поддержки Британской коммунистической партии. Ванситтарт много раз предупреждал посла о возможном исходе такой советской активности, а в Москве Литвинов много лет старался сдерживать худшие проявления пропаганды большевиков, о которых он иногда писал Сталину. Майский был прав, обратив внимание на то, что у британцев сохранялся интерес к соглашению с Германией даже на уровне МИД. Главным адептом был Сарджент, но он был не одинок. Даже пока Майский допрашивал Ванситтарта на тему возможного интереса Великобритании к союзу с Германией, подчиненные замминистра обсуждали именно возможность союза с Германией, причем не только в отношении Франции, где Лаваль мог в корне изменить всю европейскую безопасность, но и в отношении СССР, который от страха мог также решиться на сближение с Германией. «Я вовсе не уверен, — писал Уигрэм в протоколе в тот же день, когда Майский написал Литвинову, — что мы не увидим Россию рядом с Германией. И это одна из причин, почему, как только придет время, мне бы хотелось, чтобы мы сами попытались заключить договор с Германией». Сарджент ответил: «Согласен». Ванситтарт добавил комментарий: «Всегда существует опасность сближения России и Германии. Но на настоящий момент она не очень серьезная, если только господин Лаваль не пытается обмануть русских так же, как и нас»².

Майский был не настолько своим в кулуарах британского МИД, чтобы узнать о Сардженте, но он ощущал возможную опасность поворота Великобритании в сторону Германии. В переговорах чувствовалось, что англичане пытаются найти хоть какое-то спасение, но о том же думали Лаваль и Сталин. Майский, Ванситтарт, Литвинов и многие другие выступали против подобного исхода, но смогут

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 25 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 190—197.

² Minutes by Wigram, Sargent, and Vansittart. 25 Nov. 1935. C7823/55/18, TNA FO 371 18851.

ли они добиться достаточной поддержки концепции коллективной безопасности и взаимопомощи? Время покажет, как часто писал посол в своем дневнике.

Майский и Бивербрук

Майский снова встретился с лордом Бивербруком в начале декабря. Он всегда старался держать руку на пульсе и следить за тем, как идут дела у тори. Газетный магнат побывал в Берлине, где встречался с Гитлером, и он рассказал об этом разговоре Майскому. Больше к тому, что уже было сказано, ему было нечего добавить. «Самой лучшей политикой для Англии была бы политика изоляции, но если она не пройдет, то надо будет идти на союз с Францией и на сближение с СССР. Б[ивербрук] выразился так: “политика изоляции — это, с моей точки зрения, здоровье, комбинация с Францией и СССР — простуда, а сближение с Германией — тиф”». Бивербрук был уверен, как никогда, что Германия готовится к войне. Майский задал свой привычный вопрос об англо-советских отношениях. Бивербрук был настроен оптимистично и хорошо проинформирован. Он был готов со своей стороны работать над улучшением двусторонних отношений, но Майский ответил с осторожностью, так как предполагал, что время покажет, как поведет себя барон¹.

Майский снова встречается с Черчиллем

Через неделю Черчилль пригласил Майского на ужин. Возможно, он хотел его подбодрить, но также отправить информацию в Москву. На этот раз они встречались на квартире Черчилля в Лондоне, но без жен. «Обед был совершенно интимный», — писал Майский. Кроме Черчилля, присутствовал еще один человек — лидер Либеральной партии Арчибальд Синклер. Он был другом премьер-министра. Во время ужина говорили в основном Черчилль и Майский.

«Ч[ерчилль] начал разговор вопросом: “Ну, как идут дела? Что Вы об этом думаете? По-моему, дела идут плохо, очень плохо”».

¹ Дискуссия И. М. Майского с лордом Бивербруком. 1 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 225–230; И. М. Майский — в НКВД. 3 декабря 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 578–579.

«Что вы имеете в виду под “плохо”?», — спросил Майский.

«Странам нужен мир», — ответил Черчилль. Новая война с современным оружием стала бы величайшей катастрофой. «Она камня на камне не оставила бы от нашей цивилизации. Между тем Германия бешено вооружается... Германия истратила... огромную сумму». Весной или летом 1937 года может наступить критический момент, когда Гитлер «бросит факел в пороховую бочку. Весной или летом 1937 года опасность новой мировой войны дойдет до своего апогея. Исходя из этих соображений, и нужно строить программу своих действий».

Майский наконец смог вклиниться в монолог Черчилля и спросил его, что он думает об изменениях в общественном настроении британцев после их последней встречи весной? Растет ли понимание надвигающейся немецкой опасности, в особенности у правого крыла? Посол снова упомянул реакцию СССР на подписание англо-германского морского соглашения и недоверие, которое оно вызвало. Ванситтарт пытался отучить Майского от постоянного возвращения к этой теме, но, видимо, не получилось. Посол настаивал, что общественность в СССР полагает, что данное соглашение — первый шаг к англо-германскому союзу.

Черчилль спросил, обсуждал ли он это с Ванситтартом. «Да», — ответил Майский. Черчилль одобрительно кивнул и сказал, что морское соглашение стало крупнейшей политической ошибкой. Оно ничего не дает Великобритании, так как немцы только увеличат до максимума свои финансово-технические возможности. Зато это соглашение вызвало в ряде стран подозрения, схожие с теми, что появились у СССР, и это неудивительно. Однако, по мнению Черчилля, этому документу не стоило придавать слишком большое значение. У него ограниченный характер. Правительство сдерживали пацифистские настроения в обществе, а Адмиралтейство не смогло получить средства на строительство британского флота. Общественность интересовалась, против кого необходимо наращивать флот, так как не считала, что какая-то из стран является серьезным врагом. Адмиралтейство рассудило, что если оно согласится на предложение Германии довести общий тоннаж кригсмарине до 35% от общего тоннажа Королевского военно-морского флота, то таким образом получится создать призрак и пугать им общественность. По мнению Черчилля, этот расчет сработал.

Майский отнесся к его словам с сомнением. Он полагал, что в Великобритании очень многие любят немцев и выступают за безопасность Запада в обмен на развязывание Гитлеру рук на Востоке. Черчилль и Синклер оба яростно отрицали существование подобной опасности. Да, были люди, которые в это верили, но их меньшинство, и они не влияют на внешнюю политику Великобритании. В стране растет понимание немецкой угрозы, в том числе в правых кругах, и оно будет расти дальше. К сожалению, британское правительство до сих пор надеется найти с Гитлером какой-нибудь «приемлемый компромисс». Однако Черчилль не представлял, как именно. Время и события преподнесут урок тем, кто был плохо осведомлен. А пока британское правительство не хотело злить Гитлера, так как, очевидно, его боялось, в особенности с учетом текущего неудовлетворительного состояния британских вооруженных сил.

Майский спросил, что Черчилль думает про будущее внешней политики. Если Великобритания сможет действовать через сильную Лигу Наций, то все может быть хорошо. Лига была популярна у британцев, как показали результаты «Голосования за мир» — национального опроса на тему Лиги и создания коллективной безопасности (анонсированного в конце июня 1935 года). Таким образом, если данная организация не будет разрушена Абиссинским кризисом, у британской политики будет прочная основа. Если же Лига не сможет с ним справиться, то в Европе начнется хаос. В этом случае у Великобритании будет «судорожная» реакция, и она заключит союз с Францией. В любом случае, продолжил Черчилль, необходимо «значительно ускорить перевооружение». Это важно, даже если с Лигой ничего не случится, и не только для Великобритании.

Затем Черчилль заговорил о Дальнем Востоке. По его мнению, росла опасность войны, так как Япония использовала европейскую нестабильность себе во благо. Взгляды Черчилля не изменились после встречи в июне. Великобритания не смогла бы устоять перед Японией. Если бы японцы захотели, Гонконг пал бы за сутки. Британцам нужны были американцы, чтобы остановить агрессию, но даже совместных сил может быть недостаточно. Черчилль предвидел морскую блокаду Японии, которую усилило бы англо-советско-американское сотрудничество.

Потом речь зашла об англо-советских отношениях. Черчилль задал много вопросов о советских внутренних изменениях. Страна

пережила тяжелые времена, ответил Майский, но эти трудности удалось преодолеть. Они быстро, как и ранее, согласились, что у их стран нет конфликтов интересов и есть общие цели в Европе и на Дальнем Востоке. Сильный СССР мог бы стать «мощным противовесом» для Японии и Германии, сказал Черчилль, и «прямым британским интересом». Майский подчеркнул: «Ч[ерчилль] приветствует укрепление военной мощи СССР». Об этом нужно говорить в консервативных кругах. «И затем почти вдохновенно, — отметил Майский, — с горящими глазами Ч[ерчилль] произнес: “Мне хотелось бы сказать СССР только одно: вооружайтесь, вооружайтесь и еще раз вооружайтесь! Ибо наш общий враг — Германия — у ворот”»¹. Уинстон всегда находил, что сказать провокационного, чтобы это передали правильным людям в Москве — в этом плане на него можно было положиться. Правда, непонятно, была ли отправлена копия отчета Майского Сталину. Одну точно получил Ворошилов и разметил ее синим карандашом².

Абиссинское Смоляное чучелко

А в это время Абиссинский кризис продолжался. Просто как Смоляное чучелко в «Сказках дядюшки Римуса» — чем больше кто-то пытался оторваться от Чучелка, тем больше к нему прилипал. По иронии судьбы в своем нежелании защищать Абиссинию Литвинов был похож на Лавалья и Хора. Наркома сдерживало определенное уважение к принципам, а именно к антиколониальной борьбе, а также Сталин, который следил за шаткими большевистскими ценностями своего сотрудника. Однако у двух величайших колониальных империй этих сдерживающих факторов не было. Почему вдруг они вообще стали выступать против того, чтобы итальянцы забрали единственный свободный лоскут африканской территории, который не был поглощен Францией и Великобританией? Да, англичане не хотели, чтобы итальянцы удобно расположились вблизи от

¹ Дискуссия И. М. Майского с У. Черчиллем. 6 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 250–257; И. М. Майский — в НКВД. 9 декабря 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 585–586.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 630. Л. 192–199, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 06.12.2023).

Суэца, но колониальные державы могли заключать сделки, в отличие от советского наркома Литвинова. Кроме того, в середине ноября в Великобритании начались парламентские выборы, в ходе которых популярной частью кампании была поддержка Лиги Наций. Причем это касалось даже консерваторов, которые вернулись к власти, хотя и с меньшим перевесом по сравнению с предыдущим периодом. Однако ничто не мешало британскому правительству до или после выборов обсудить вариант выхода из Абиссинского кризиса и обменять африканские территории на продолжительное членство Италии в потенциальной антинацистской коалиции¹.

Лаваль и Хор при поддержке реалиста Ванситтарта во время переговоров в Париже решили сделать тайное предложение Муссолини: дуче остановит колониальную войну в обмен на две трети территории Абиссинии, оставив остальное абиссинскому правительству, которому подсластят пилюлю передачей порта в Аденском заливе. Их не интересовала судьба абиссинского народа, но и Литвинова она не сильно беспокоила. Интересно, что Ванситтарт поехал с Хором в Париж. Обычно если министр иностранных дел отправлялся за границу, то его постоянный заместитель оставался в МИД.

В выходной, 7 декабря Лаваль и Хор договорились. Через два дня план просочился в парижскую и лондонскую прессу. Два журналиста, рассказавших об этом событии в Париже, были Табуи («Эвр») и Пертинакс («Эко де Пари»). Они оба были тесно связаны с советским посольством в Париже, а Табуи состояла на службе у СССР. Журналисты отрицательно отзывались о соглашении, так как, по их мнению, таким образом нужно было заплатить агрессору слишком высокую цену. Это правда, но данное решение не было продиктовано политикой умиротворения агрессора с точки зрения будущих уступок Англии и Франции Гитлеру. Они хотели, чтобы Италия осталась на стороне потенциального антигерманского союза. Табуи писала в своих мемуарах, что план Хора и Лавалья был секретом Полишинеля, и его открыто обсуждали в Париже. Табуи столкнулась в Париже с Ванситтартом в доме своего друга. Замминистра хотел обсудить переговоры. Табуи писала: «У меня сложилось впечатление, что в Лондоне теперь такое отношение: “Да, это плохо для

¹ *Robertson J. C. The Hoare-Plan // Journal of Contemporary History. Vol. 10. No. 3 (1975). P. 433–464.*

Эфиопии, но что делать”». Так же думал и Литвинов. По словам Табуи, МИД Франции и Англии запретили журналистам даже намекать на новый вариант решения Абиссинского кризиса. Однако с учетом болтовни в Париже неудивительно, что произошла утечка информации¹.

Как писал французский историк Рено Мельц, Леже рассказал о соглашении Франсуа Киличи в агенстве «Гавас», а тот в свою очередь Пертинаксу и, возможно, Табуи². Киличи был тоже служащим советского посольства. Это просто совпадение? В январе 1934 года Леже пытался сорвать план Поль-Бонкура заключить договор о взаимопомощи с СССР. Почему бы ему не помешать политике еще одного министра, который ему не нравился? А что же Потемкин? Он тоже участвовал в утечке? По совету одного из французских «завсегдатаев» советского посольства, мог бы он дать на это свое согласие? Литвинов хотел, чтобы Лаваль ушел, но также он стремился к тому, чтобы не дать Абиссинскому кризису сорвать его планы по восстановлению антигерманской Антанты времен Первой мировой войны. Табуи и Пертинакс не свергли Лавалья, но Хор ушел в отставку 18 декабря, то есть через девять дней после утечки.

Литвинов позднее объяснил свою позицию полпреду в Риме Борису Ефимовичу Штейну: «Как мы ни разъясняем итальянцам нашу позицию в Женеве, сводящуюся исключительно к последовательному ограждению Устава Лиги Наций, они все же продолжают приписывать нам заявления и действия, к которым мы совершенно не причастны». Эти обвинения придумывали Лаваль и поляки, а также антисоветская женеvская газета. Несмотря на враждебность Муссолини, Литвинов дал Штейну следующие указания: «Вам надо сделать последнее усилие и еще раз четко разъяснить им нашу позицию».

«Нас не интересует судьба Абиссинии, и мы не будем возражать против любого разрешения конфликта, поскольку это будет происходить вне Лиги и не будет задевать последнюю. Мы искренне хотели бы скорейшей ликвидации конфликта, мы искренне хотели бы, чтобы Италия вышла из конфликта сильной, способной выполнять свою роль в деле обеспечения мира в Европе. В то же время мы убеждены в том, что малейшая компрометация Лиги в этом деле в случае

¹ *Tabouis G.* They called me Cassandra. 267–270.

² *Meltz R.* Pierre Laval: Un mystère français. Paris: Perrin, 2018. P. 470. См. также: *Dullin S.* Des hommes d’influences. P. 190–191; *Duroselle J.-B.* La Décadence. P. 150–152.

отказа от санкций, а тем более формального согласия на раздел Абиссинии, означала бы конец Лиги Наций и конец системы коллективной безопасности. Мы будем поэтому при каждом случае выступать в защиту авторитета и Устава Лиги, — не более и не менее».

Фактически Литвинов повторил Штейну то же, что он сказал послу Валентино: «Если бы мы не стремились к сохранению прежних отношений с Италией или если бы мы пришли к заключению, что эти отношения окончательно скомпрометированы, то мы и в Женеве выступали бы совершенно иначе и действительно взяли бы на себя ведущую роль»¹. Короче говоря, Литвинов хотел и того, и другого. Может ли СССР одновременно защитить Лигу, удержать на своей стороне Муссолини и поддержать санкции против Италии (хоть и без энтузиазма)?

Может, план Хора и Лавая и сработал бы при других условиях. Покойный британский историк Алан Джон Персиваль Тейлор высказал мнение, что данное предложение было «крайне разумным планом», который мог бы положить конец войне в Абиссинии и понравился бы Муссолини, но не абиссинцам. «Это прекрасный пример того, — писал Тейлор, — ...как используется механизм мира против жертв агрессии». Однако вместо этого план подорвал доверие к Лиге Наций. «Сегодня это мощная организация, которая могла наложить санкции... а на следующий день она превратилась в пустышку»². Табуи и Пертинакс, а точнее их сенсация, убили Лигу. Тейлор очень талантливо подмечает ироничные моменты, особенно в своей книге «Истоки Второй мировой войны». По ней видно, что ему доставляет удовольствие злить своих более традиционных коллег. Интересы Абиссинии не были первостепенными ни для кого, кроме разве что грамотных, прогрессивных абиссинцев, но их было не так уж много. Вот что Литвинов рекомендовал Сталину: «Мне представляется, что мы должны занять следующую позицию. Предложение Лавая — Хора означает раздел Абиссинии и нарушение ее целостности. Это противоречит Уставу Лиги, гарантирующему всем членам Лиги неприкосновенность и целостность их территории, во имя чего Лига Наций и вмешалась в конфликт и стала применять

¹ М. М. Литвинов — Б. Е. Штейну. 27 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 108. Д. 47. Л. 32–33.

² *Taylor A. J. P. The Origins of the Second World War. Middlesex: Penguin, 1964. P. 126, 128.*

санкции. Лига Наций не может поэтому одобрить подобных предложений. Конечно, если бы Абиссиния по каким бы то ни было соображениям сочла возможным принять предложение, то Лига Наций не должна побуждать ее к продолжению войны, а наоборот, должна будет зарегистрировать состоявшееся между воюющими сторонами соглашение. До тех пор, пока Абиссиния не заявит совершенно добровольно о своем принятии предложения Лаваля — Хора, Лига Наций не может ни в какой мере его одобрить»¹.

Эта позиция соответствовала тому, что предлагал Литвинов после начала кризиса. Этим СССР отличался от колониальных держав. Сталин и его «тройка» одобрили политический курс наркома, написав на его рекомендациях «за». Официально Политбюро утвердило их на следующий день — 14 декабря².

19 декабря, сразу после отставки Хора, Литвинов в депеше Майскому пришел к пессимистическим выводам: «Мой прогноз поведения консервативного правительства после выборов оказался как будто правильным. Вы сегодня сообщаете, что новый зигзаг, осуществленный Хором в Париже, был задуман еще до выборов». Как помнят читатели, это так и было. Литвинов также рассказал о различных слухах, связанных с предполагаемой сделкой Великобритании с Германией. В качестве услуги за услугу предлагались Мемель, Данциг, Австрия и колонии. Последнее было единственным из этого списка, что в итоге так и не получил Гитлер. Литвинов не знал, какие слухи были правдой, но его вера в Ванситтарта пошатнулась, о чем он сообщил Майскому. «Парижский план» [то есть план Хора — Лаваля. — М. К.] после англо-германского морского соглашения окончательно подрывает остатки всяческого доверия к английской политике»³. Заметьте, что если бы Хору и Лавалю удалось осуществить свой план вне Лиги и с согласия Абиссинии, Литвинов занял бы другую позицию.

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 11 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 123. Л. 182.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 13 декабря 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 554. Л. 95, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.rplib.ru/item/1296905> (дата обращения: 06.12.2023).

³ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 16. Л. 48–50.

Майский написал крайне подробный конфиденциальный отчет о развитии и судьбе так называемого Парижского плана. В британском кабинете разделились мнения по вопросу санкций. Группа министров постарше выступала против них. А молодые, такие как Иден, — за. Ванситтарт выступал против, так как он основывался на следующем принципе: «Главный враг — это Германия. Чтобы с ней бороться, необходимо поддержать “фронт Стрезы” и СССР, а для этого необходимо ликвидировать абиссинско-итальянский конфликт». Санкции только ухудшат отношения между Великобританией и Италией и подтолкнут Италию в сторону нацистской Германии, из-за чего будет труднее сформировать антигерманскую коалицию. Эта позиция была похожа на мнение Литвинов.

Уже в начале ноября, а на самом деле раньше, Ванситтарт «с благословения министров» готовил план по урегулированию Абиссинского кризиса. Перед парламентскими выборами эта работа шла в строжайшем секрете. Майский вспоминал, как он сидел между Хором и лордом-мэром на ежегодном банкете 9 ноября. Хор заявил (вероятнее всего, с улыбкой), что британская «политика после выборов будет та же самая, что и до выборов». С точки зрения софистики это было правдой: план разделить Абиссинию рассматривался до того, как были подведены итоги выборов. Утечка, произошедшая 9 декабря, вызвала возмущение в Великобритании. В итоге группа более молодых министров во главе с Иденом потребовала отменить этот план и уволить Хора. Министры более старшего возраста сопротивлялись. Болдуин попытался пойти на хитрость. Он полагал, что электорат уже у него в кармане и что страна в итоге «проглотит» план. Поддержав министров старшего поколения, Болдуин добился одобрения кабинета, к сильному неудовольствию «молодых» министров. Как лаконично отметил Майский, расчет Болдуина не оправдался. Он столкнулся с сильной общественной оппозицией и недовольством партии. Черчилль, изгой консерваторов, отдыхал на Майорке. Он отправил телеграмму, в которой выступил против того, чтобы «британский лев склонил колени перед Муссолини». Иден и несколько других «молодых» министров пригрозили, что уйдут в отставку, если от «Парижского плана» не откажутся. Болдуин понял, что ему придется выбирать между спасением Хора и своего собственного правительства. 18 декабря Хор ушел в отставку.

Его заменил Иден, что вызвало недовольство «старых» министров. Майский полагал, что Иден будет активнее поддерживать Лигу и принципы коллективной безопасности. «Старые» министры затаятся, чтобы «убрать не очень приятного для них “молодого человека”». Майский пришел к выводу, что Литвинов был прав, когда полагал, что британское правительство может повернуться спиной к Лиге Наций. Однако Майский утверждал, что он также прав, поскольку из-за недавних выборов новому правительству будет намного труднее предать принципы Лиги, чем предыдущему парламенту¹. Как увидят читатели, Майский заблуждался. Британскому правительству ничего не стоило совершить такое предательство.

Британский заем Москве под вопросом

Абиссинский кризис был не единственным полем боя за англо-советское сближение. Понять, могут ли отношения между этими двумя странами перейти от слов к делу, можно было бы, если бы улучшились торговые связи, а Великобритания предоставила бы СССР заем. Это идея не была новой. О займе говорилось почти с самого начала англо-советских отношений. Правительству СССР необходим был заем или долгосрочный кредит. Взамен британцы хотели получить заказы от СССР или же выплату царских долгов британским гражданам. Майский снова заговорил о займе в июне 1934 года. В начале 1935 года МИД и чиновники Казначейства согласились серьезно рассмотреть этот вопрос². Это произошло как раз в тот период, когда Госдепартамент США отказался от переговоров о долге и кредите с советским правительством. С самого начала у займа была политическая подоплека.

По словам Ванситтарта, это позволит «избавиться от неприятных разногласий в отношениях с СССР, которые обе страны хотят улучшить с учетом очевидно назревающей опасности со стороны Германии». Подобное решение также понравилось бы кредиторам со стороны Великобритании, у которых были «голоса и друзья». Саймон

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 24 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 17. Л. 236—247.

² Record of conversation between Marshall, Becos Traders, and Leonard Browett, Board of Trade, by R. Kelf-Cohen, Board of Trade. 1 June 1934. N3506/16/38, TNA FO 371 18304; Sir Frederick Leith-Ross, Treasury, to F. H. Nixon, Export Credit Guarantee Department. 1 Feb. 1935. TNA Treasury [hereinafter T] 160 791/F7438/10.

согласился по обоим пунктам¹. Министерство иностранных дел хотело объединить долгосрочный кредит СССР с процентной ставкой, превышающей рыночную, с так называемыми балансами «Бэринга» — бывшими царскими денежными депозитами в «Бэринге» и других лондонских банках, для урегулирования британских претензий к советскому правительству. Разница между более высокими и рыночными процентными ставками и балансами «Бэринга» будет использоваться для выплат кредиторам. Получится немного, но это лучше, чем ничего. В апреле 1935 года Виктор Казалет, консерватор, член парламента и представитель кредиторов, выдвинул это предложение вместе с Маршаллом из «Бекос Трейдерс», который продвигал его перед Майским и Сити. Как сказал один из чиновников Казначейства, благодаря улучшению англо-советских отношений такая идея может вполне быть реализована. Так же полагал и Кольер². Майский не мог поверить в то, что «нынешнее правительство должно просить парламент гарантировать заем для СССР». Более того, он выступал против любой связи между займом и урегулированием долгов: «Англо-советское сотрудничество — это новорожденный ребенок... Он может заболеть от неприятных отсылок к прошлому». Советские официальные лица жаловались на высокие процентные ставки. Они говорили, что англо-советская торговля — это как «любовь без радости». Британские официальные лица отвечали, что если СССР хочет более дешевые и долгосрочные кредиты, он должен удовлетворить требования Великобритании. Конечно же, советское правительство хотело получить все это без всякого урегулирования, но Майский сказал, что надо подготовить обсуждение такого решения, если британцы действительно настроены серьезно³.

¹ Vansittart's minute. 21 January 1935. N281/1/38, TNA FO 371 19447; Simon to Neville Chamberlain, Chancellor of the Exchequer. 18 May 1935, *ibid*.

² См. различные газеты в: N1883/1/38, 12 April 1935, & N2711/1/38, 28 May 1935, TNA FO 371 19447; Leith-Ross to Sir Horace Wilson, Treasury, and to Runciman, 9 May 1935, TNA T160 749/F14202/1; также Collier's minute, 27 June 1935, N3253/1/38, TNA FO 371 19448.

³ Memorandum by Ashton-Gwatkin. 4 July 1935/ N3422/17/38, TNA FO 371 19451; Collier's minute. 29 July 1935. N3844/17/38, *ibid*.; Note of Conversation on 29th July, 1935, Leith-Ross, N3870/17/38, *ibid*.; Russia, Leith-Ross, 30 July 1935, *ibid*.; Interview with Mr. Rosengolz, People's Commissar for Foreign Trade, on August 5th, 1935, Ashton-Gwatkin, N4113/17/38, *ibid*.; and Russia, by Waley [?], n.d. [but early August 1935], TNA T160 749/F14202/1.

Что касается царских долгов, тут Майский вышел за пределы данных ему полномочий. В 1933 году Крестинский велел ему воздержаться от обсуждения вопроса о долге в ходе торговых переговоров. Политбюро не было заинтересовано говорить об этом повторно¹.

Среди чиновников Казначейства сформировалась оппозиция, но в особенности в Совете по делам торговли, где буквально все, начиная от простого клерка и заканчивая главой Уолтером Ренсименом, выступали против займа для СССР. Они были против главным образом потому, что возрастал риск дефолта по сравнению с продлением и увеличением существующих коммерческих кредитов и снижением страховых премий. Ренсимен также возражал по «политическим причинам». Сотрудник Казначейства С. Д. Уоли отметил, что гарантированные займы «обычно непопулярны». Британская пресса «несомненно, почувствует, что если мы хотим развивать какую-либо страну с помощью гарантированных займов, то лучше выбрать нашу колониальную империю, а не коммунистическую Россию, и многие люди согласятся с... таким подходом». Экономические сложности не были «непреодолимыми... но решение должно приниматься в зависимости от того, будет ли наше предложение гарантировать заем для России политически целесообразным»². Канцлер Невилл Чемберлен «не был готов из-за этого столкнуться с серьезными партийными трудностями. Он полагал, что Хейлшем [Дуглас Хогг, лорд-канцлер и ярый консерватор-тори. — М. К.] и ему подобные отнесутся к этому очень враждебно»³. А один из чиновников Казначейства полагал, что «Литвинов, скорее всего, присвоит себе дипломатическую победу: конечно, он не признает никаких обязательств с российской стороны выплатить то, что требуют кредиторы, но станет утверждать, что он убедил британское правительство найти самому себе компенсацию»⁴.

¹ Н. Н. Крестинский — И. М. Майскому. 19 февраля 1933 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 22. Л. 45–51.

² Minute by Dodds. 31 July 1935. N3844/17/38, TNA FO 371 19451; Sir Frederick Phillips, by Waley. 30 July 1935. TNA T160 749/F14202/1.

³ Donald Fergusson, private secretary to the Chancellor of the Exchequer, to Waley, personal. 8 July 1935. TNA T160 749/F14202/1.

⁴ Minute by Sir Frederick Phillips, Treasury, 26 Nov. 1935 on “Russia,” by Waley, 26 Nov. 1935, TNA T160 749/F14202/2.

Ванситтарт, заручившись поддержкой Хора, продвигал вариант с займом: «С точки зрения МИД, в данном случае лучше предложить заем»¹. В то же время посол Чилстон полагал, что такое решение будет «иметь выраженное политическое влияние на ситуацию в Европе. Советское правительство, безусловно, использует это событие, чтобы доказать, что Великобритания на самом деле имеет в виду нечто большее, чем говорит по поводу Восточного пакта, и это станет дальнейшим оружием в советской кампании против Германии»². Также и Эштон-Гваткин, глава отдела экономических отношений, полагал, что «заем от правительства Его Величества восстановит в глазах СССР баланс, нарушенный после заключения англо-германского морского соглашения, так как покажет миру, что мы доверяем советскому правительству»³. Предложение не было сделано летом 1935 года из-за Абиссинского кризиса, а затем из-за парламентских выборов в ноябре. Кольер терял терпение из-за задержки и пытался «двигаться вперед», но его попытки не увенчались успехом⁴.

Оппозиция из Совета по торговле блокировала старания Кольера, также существовало сопротивление в МИД. Сарджент, выступавший против англо-советского, а также франко-советского сближения, воспротивился займу. Кто бы сомневался. В этой книге видно, что на Сарджента всегда можно положиться — он непременно выступит на противной стороне, если кто-то решит поддержать англо-советское сближение. Удивительно, что его не уволили в мае 1940 года, когда Черчилль стал премьер-министром. Ведь он был не прав практически во всех важных вопросах при подготовке к войне. Он разозлился в сентябре после встречи британского посредника и Литвинова в Женеве. Они обсуждали заем и урегулирование долгов в формате услуги за услугу. Литвинов исключил возможность заключения официального соглашения, но СССР был готов на долгосрочный заем с процентными ставками выше рынка. Прибыль и балансы «Бэринга» пойдут на выплаты кредиторам, но советское

¹ Minutes by Vansittart. 31 July 1935; Hoare. 4 Aug. 1935. N3844/17/38, TNA FO 371 19451.

² Chilston. No. 352E. 13 Aug. 1935. N4113/17/38, TNA FO 371 19451.

³ Dobbs's minutes. 3 Sept. 1935, 21 Aug. 1935. C6091/55/18, TNA FO 371 18850; Hoare's minute. 4 Sept. 1935. N3844/17/38, TNA FO 371 19451.

⁴ Collier's minutes. 10, 25 Sept. 1935. N3870/17/38, TNA FO 371 19451; 15 Oct. 1935. N5273/17/38, TNA FO 371 19452.

правительство в этом не признается. Литвинов сказал, что поддержит этот вариант, и его руководство может его принять¹.

Через месяц Майский подтвердил: СССР нет никакого дела до того, что британское правительство планирует делать с доходом от долгосрочного займа². Однако это не соответствовало комментариям Литвинова в Женеве. Это был уклончивый ответ. Майский в конце сентября в Москве предложил согласиться на частичную компенсацию «старых долгов» в обмен на заем от британского правительства³. Трояновский, который все еще оставался полпредом в Вашингтоне, пытался, как ни трудно в это поверить, урегулировать вопрос о выплате долгов и писал депеши напрямую Сталину, хотя ему все время приходили противоположные указания от НКВД. О чем он думал? В конце ноября 1935 года Сталин наконец стукнул кулаком по столу. Советское правительство больше не готово обсуждать никакие выплаты царских долгов⁴.

Сарджент испытал бы огромное облегчение, если бы узнал настоящую советскую позицию, но, учитывая то, что он читал в документах, ему казалось, что стороны двигаются к соглашению. Он задавал вопрос, что скажут Германия, Польша и Франция. У займа «будет реальный политический эффект, как бы мы ни утверждали, что это просто финансовое соглашение. На самом деле этот вопрос надо рассматривать как часть целого европейского комплекса». Ванситтарт не согласился: «Не думаю, что нам стоит беспокоиться из-за того, что скажут эти три страны. Франции будет завидно, Польша, возможно, разозлится, но когда она проявляла к нам альтруизм? Что касается Германии, они пытались сделать то же самое. Мы просто добьемся того, что не получилось у них».

Хор выступал в поддержку такого решения, но Иден сомневался. «Что будут делать русские с доходом от займа: потратят его часть

¹ Note of interview with Mr. Litvinoff at Geneva, September 1935, Ernest Remnant. 24 Oct. 1935. N5566/1/38, TNA FO 371 19448.

² Record of conversation between Ashton-Gwatkin and Maiskii. 8 Nov. 1935. N5808/17/38, TNA FO 371 19452.

³ Н. Н. Крестинский — Л. М. Кагановичу. 29 сентября 1935 г. (вложение от И. М. Майского) // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 48. Д. 7. Л. 95–100; Н. Н. Крестинский — И. М. Майскому. 19 октября 1935 г. // Там же. Л. 105.

⁴ Н. Н. Крестинский — М. М. Литвинову. 29 ноября 1935 г. // CAO, 1934–1939. С. 386–387.

на коммунистическую пропаганду здесь и в других местах? Этот аспект русской политики остается, на наш взгляд, наиболее неудовлетворительным». Вмешался Кольер, чтобы успокоить Идена. Он согласился неохотно, только «в связи с событиями в его избирательном округе»¹. Иден сразу выпускал колючки, когда речь заходила о советской «пропаганде», и это оказалось предзнаменованием грядущих событий.

«Кража со взломом»

Вопрос, связанный с ВКП (б) и Британской коммунистической партией, все еще активно обсуждался в британском правительстве и представлял собой проблему. МИД потребовал, чтобы Британская радиовещательная корпорация (Би-би-си) прекратила пускать в эфир британского коммуниста Гарри Поллита. Ванситтарт ясно обрисовал положение: «Если от нас ждут, что мы заявим протест советскому правительству из-за советской пропаганды у нас в стране, то, конечно, неловко то, что сама “Би-би-си” транслирует такую пропаганду».

Заместитель министра лорд Стэнхоуп отметил: «Мне кажется, что “Би-би-си” и ее совет директоров не до конца поняли суть: распространение коммунизма в этой стране является преступлением, и если его совершил сотрудник государственной службы, то это повлечет его увольнение... Почему они не выступают с лекциями о кражах со взломом? И то, и другое незаконно, но кража со взломом хотя бы интереснее, а для отдельных людей еще и прибыльнее. Я предлагаю донести до “Би-би-си” незаконность продвижения коммунизма»².

Этот вопрос тянулся до февраля 1936 года, пока не вмешался кабинет и не остановил передачу. «Коммунистическая пропаганда», говорилось в документе Кабинета министров, «хотя и неэффективна в нашей стране, но представляет значительную опасность для других частей империи, в особенности для Индии». Проблема была

¹ Minutes by Sargent. 16 Nov. 1935; Vansittart. 18 Nov. 1935; Hoare. 20 Nov. 1935; Eden. 21 Nov. 1935. N5566/1/38, TNA FO 371 19448.

² Secretary of State, Vansittart. 16 Oct. 1935; Minutes by Stanhope. 18 Oct. 1935; Hoare. 17 Oct. 1935. N5491/998/38, TNA FO 371 19467, Hoare's minute. 18 Sept. 1935. Также см. переписку и прочие протоколы, N4463/998/38, *ibid*.

в том, что правительство Его Величества не хотело, чтобы знали о его вмешательстве в дела «Би-би-си». Кабинет был доволен, что Поллита уволили, но информация не была разглашена¹.

А что же с займом?

Если «пропаганда» мешала англо-советским отношениям, то другие обстоятельства свидетельствовали о пользе сближения. Кольер полагал, что заем — это способ гарантировать советские заказы и позволить британским производителям «сорвать куш» на советском рынке². Конкуренты — на тот момент Франция и нацистская Германия — вели переговоры с СССР. Это беспокоило тех, кто выступал за британский заем³. Хор продолжал давить и получил согласие Чемберлена, но не Ренсимена⁴. У всех сотрудников Казначейства были сомнения. Уайли писал, что «Торговая палата выступает против займа для России». Заместитель министра финансов сэра Фредерик Филлипс полагал, что «предложение МИД... довольно бестактно и может легко привести к беде». И Чемберлен передумал: «Чем больше я думаю о займе, тем меньше он мне нравится»⁵.

В МИД ощущалось нетерпение. «Меня крайне беспокоят эти долгие задержки», — писал Ванситтарт. «Мы, как и в других вопросах, можем упустить очень крупную рыбину, если даже сейчас не примем решения». Также ощущалось раздражение. «Мы выступаем против решительных попыток Совета по торговле помешать сделать предложение о займе, чего бы это ни стоило», — писал Кольер.

¹ Proposed Broadcasts by the British Broadcasting Corporation... С. Р. 29 (36), secret, Eden. 7 Feb. 1936; Cabinet conclusions. No. 6 (36). 12 Feb. 1936; Cabinet conclusions. No. 8 (36). 19 Feb. 1936. TNA FO 371 20344.

² Collier to Hankey. 23 Nov. 1935. N5566/1/38, TNA FO 371 19448; Memorandum by Collier. 21 Oct. 1935. N5542/17/38, TNA FO 371 19452.

³ Memorandum by Collier. 7 Nov. 1935. N5743/17/38, TNA FO 371 19452; Collier to Waley & Leonard Browett, Board of Trade, very secret. 17 Dec. 1935. N6340/76/38 green, TNA FO 371 19460; ср.: Carley M. J. Five Kopecks for Five Kopecks; Roberts G. A Soviet Bid for Coexistence with Nazi Germany, 1935–1937: The Kandelaki Affair // International History Review. Vol. 16. No. 3 (1994). P. 466–490.

⁴ Nixon to Waley, enclosing untitled memorandum. 17 Oct. 1935. TNA T160 791/F7438/10; Russia, Waley. 10 Oct. 1935, ibid.; Memorandum by Hoare. 28 Nov. 1935. N6160/17/38, TNA FO 371 19452; Hoare to Runciman. 4 Dec. 1935, ibid.

⁵ Sir R. Hopkins [second secretary, Treasury], Waley. 5 Dec. 1935. including Phillips's minute, nd, TNA T160 749/F14202/2; Chamberlain's minute. 25 Dec. 1935; Mr. Rowan, Russia, Waley. 25 Dec. 1935, ibid.

Совет «постоянно менял причину возражения». МИД только успевал ответить на один аргумент, как Совет предлагал другой¹. Майский «начинает интересоваться, — говорил Ванситтарт, — действительно ли мы собираемся сделать хоть что-нибудь для улучшения англо-советской торговли или англо-советских отношений в целом»².

С другой стороны, Чилстон подавал сигналы из Москвы, что англо-советские отношения хороши, как никогда, хотя советские сомнения развеются еще очень не скоро. Это был декабрь 1935 года. Чилстон считал само собой разумеющимся, что у сомнений нет никакой основы, но тут он заблуждался. Англо-советские отношения тоже были не на высоте, хотя 18 декабря Болдуин подтвердил оценку Чилстона в Палате общин³. Это произошло в тот же день, когда Хор ушел в отставку с поста министра иностранных дел.

Черчилль наблюдал за происходящим и дал своим коллегам тот же совет, что и Сталину через Майского, но он не мог их убедить действовать как можно быстрее и используя достаточное количество ресурсов. Без министерского кресла он мало что мог сделать. Дело Хора — Лавалья стало плохой новостью для Черчилля и остальных сторонников коллективной безопасности. Также он был недоволен назначением Идена на должность министра иностранных дел. «Его настигнет величие его должности», — писал он своей жене Клементине⁴. Майский питал большие надежды. Он написал письмо с поздравлениями Идену, вспомнив его визит в Москву и подчеркнув важность англо-советских отношений. Новый министр ответил одним формальным абзацем⁵. Небрежный ответ стал первым дуновением свирепого ветра, который охладил англо-советские отношения. Несмотря на то что Майский очень чутко улавливал проявления возможных проблем в будущем, в этот раз он ничего не заметил. Он полагал, что Иден — «друг» и не замечал, как он ошибался.

¹ Minutes by Vansittart. 21 Dec. 1935. N6484/17/38; Collier. 28 Dec. 1935. N6698/17/38, TNA FO 371 19452.

² Vansittart to W.B. Brown, Board of Trade. 4 Jan. 1936. N6698/17/38, TNA FO 371 19452; Collier to Waley. 23 Dec. 1935. N6484/17/38, *ibid*.

³ Chilston. No. 533. 6 Dec. 1935. N6304/135/38, TNA FO 371 19460; Parliamentary question. 18 Dec. 1935. N6601/17/38, TNA FO 371 19452.

⁴ *Manchester W. The Caged Lion: Winston Spencer Churchill, 1932–1940*. London: Cardinal, 1989. P. 164.

⁵ Maiskii to Eden. 23 Dec. 1935; Eden to Maiskii. 24 Dec. 1935. N6698/17/38, TNA FO 371 19452.

ГЛАВА XIII

ШАТКАЯ ОПОРА: ФРАНЦИЯ И ЕЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ СОЮЗНИКИ. 1935–1936 ГОДЫ

Париж был опорой советских усилий по организации антинацистского союза, однако она была сделана из плохого металла и с трудом выдерживала возложенный на нее груз. Последний раз мы встречались с Лавалем, когда он возвращался в Париж после остановки в Варшаве, где присутствовал на похоронах Пилсудского. Там он просил польские официальные лица не беспокоиться из-за франко-советского пакта. Месье Зигзаг говорил русским одно, а полякам другое. Выяснилось, что в Москве он поднимал вопрос переговоров между генштабами, которые необходимы для актуализации взаимопомощи в случае агрессии Германии. Наверно, Литвинов удивился этой идее Лавалья и подумал, что она слишком хороша, чтобы поверить в то, что это правда. По словам Потемкина, французский Генштаб ничего не знал про переговоры. Лаваль также обещал быструю ратификацию пакта, но уже было понятно, что это произойдет самое раннее весной.

Как и покойный Довгалецкий, Потемкин относился к французам с определенной сдержанностью, так как боялся, что если СССР слишком сильно будет заинтересован в укреплении связей, то это может привести к обратному эффекту. Более того, посольство сообщило о росте антикоммунистических настроений. Буржуазная пресса боялась усиления социалистического и коммунистического Единого фронта. По-прежнему большую проблему представляла «Ле Тан». «Не нужно забывать, — говорил Альфан, — что из всех французских газет эта самая продажная... самая, так сказать, буржуазная из всех буржуазных газет Франции». На политических приемах жа-

ловались на слишком сильное влияние СССР на внутренние дела Франции. Альфан настаивал, что советскому правительству надо было подсластить пилюлю и не считать, что сближение может быть основано «только на... взаимной помощи». Москве необходимо урегулировать вопрос долгов. Дело в «психологии» французов. Тогда общественность будет с большим энтузиазмом относиться к франко-советским отношениям¹. Очевидно, что Альфан не слышал о том, что советское правительство окончательно отказалось от идеи выплаты царских долгов. Неужели он полагал, что СССР сможет доверять союзнику, которого приходится покупать?

Отношение Франции к СССР хорошо изобразила одна норвежская газета, выпустившая политическую карикатуру: грузный большевик в буденовке держит под руку прекрасную и невинную Марианну (символ Французской Республики), а напуганный ребенок несет ее свадебный шлейф.

«Ты довольна?» — спрашивает ее супруг-большевик.

«Да, — отвечает Марианна, — но я была бы счастливее, если бы я не испытывала к тебе такого отвращения»².

Британцы тоже отнеслись к этому «браку» без энтузиазма. В МИД Сарджент полагал, что французов обманули: «Этот договор о взаимных гарантиях дает преимущества СССР и налагает политические обязательства на Францию. Если это так, то мы должны снять шляпу перед господином Литвиновым за его очень проницательную и успешную дипломатию, с помощью которой он, воспользовавшись паникой, блефовал и запугал французов, из-за чего они заключили эту выгодную для СССР и одностороннюю сделку»³. Сарджент снова ошибался. Сделка действительно была односторонней, но не в том смысле, в котором он думал. На самом деле Литвинов пришел в ярость из-за того, что Лаваль ослабил пакт, и не отправил ему «сердечную» телеграмму, только чтобы не усугублять ситуацию⁴.

¹ В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 26 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 133–141; Беседа с Е. В. Рубинина с Ш. Альфаном. 23 мая 1935 г. // Там же. Л. 54–56.

² François Amé-Leroy, French minister in Oslo. No. 101. 21 May 1935. МАЭ URSS/977, ff. 175–176.

³ Sargent's minute. 4 May 1935. C3613/55/18, TNA FO 371 18838.

⁴ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 мая 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 106.

Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов (справа) встречает президента Чехословакии Э. Бенеша. 8 июня 1935 года

Читатели помнят, как работник французского МИД Рене Массильи хвастался тем, как они «бойкотируют» советские предложения. Французы были готовы лишь к временному соглашению с СССР, чтобы оставить двери открытыми для Берлина. Французский Генштаб выступал против расширения пакта: у Франции уже были соглашения с союзниками, и не было никаких особых причин для заключения еще одного с СССР. Это было интересное заявление для страны, которая отчаянно нуждалась в сильных союзниках, но Генштаб не хотел, чтобы появился повод у Германии для повторной оккупации демилитаризованной Рейнской области или у Польши для заключения союза с Гитлером, чтобы защититься от «русской угрозы»¹.

У Литвинова выдался не самый лучший год. Пакт с Францией оказался крайней мерой, а вовсе не «опорой». Коварный Альбион подписал военно-морское соглашение с нацистской Германией,

¹ Note, directeur politique, Paul Bargeton. 19 March 1935. MAÉ URSS/973, ff. 107–110; Note, directeur politique. 24 June 1935. MAÉ URSS/1004, ff. 172–174.

то есть начал сотрудничать с потенциальным врагом, что нарушало Версальский договор. Назревал Абиссинский кризис, с которым Литвинов в одиночку мало что мог сделать. Летом советские дипломаты, в частности Потемкин, любили ездить в отпуск. Он напомнил Литвинову, что сейчас начинается «мертвый сезон». «Не уверен, — сказал Литвинов, — даже в том, что в этом году будет какой-либо “мертвый сезон”». Однако нарком заверил Потемкина, что не собирается лишать его отпуска. В то же время Литвинова беспокоил Лаваль, который 7 июня стал председателем Совета министров, сохранив должность министра иностранных дел. Отношения с Москвой при таком раскладе точно лучше не станут. На самом деле Литвинов был согласен с Потемкиным: «предательство» британцев (то есть военно-морское соглашение с Германией) может привести к похожему «предательству» со стороны Лавалья. «Я считаю большой неудачей, — продолжал Литвинов, — что мы не смогли заставить Лавалья провести ратификацию пакта ускоренным порядком». Он пытается надуть СССР в этом деле, устраивая задержки, отметил нарком. «Он хочет сохранить в своих руках этот козырь для переговоров с Германией». Французы могут предать так же, как и англичане¹. В августе Литвинов встретился в Женеве с Лавалем и пожаловался на задержку ратификации, но это не помогло. В ответ Лаваль начал протестовать из-за деятельности коммунистов в Индокитае и из-за подготовки политических кадров по линии Коминтерна или по линии советского правительства в Международной школе в Москве, названной в честь Сталина. Это был старый трюк Лавалья, который он использовал, когда Литвинов жаловался на французскую политику. Нарком ответил, что это все неправда, а документы поддельные. Давно прошли те времена, когда лорд Керзон или ему подобные могли предполагать, как выразился нарком, «что, не будь советского правительства, не было бы никакого недовольства и никаких антиправительственных движений в Индии и других колониях»². Это не была душевная встреча между будущими союзниками против нацистской Германии, и ратификация пакта о взаимопомощи была отложена до нового года.

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 июля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 96—100.

² Запись беседы с П. Лавалем. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 2 августа 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 7—13.

**Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов и президент Чехословакии
Э. Бенеш обмениваются ратификационными грамотами в Москве.
Слева от Литвинова Н. Н. Крестинский. 8 июня 1935 года. АФПРФ (Москва)**

Были ли у СССР вообще надежные союзники в середине 1935 года? Да, была Чехословакия. Бенеш и Александровский подписали пакт о взаимопомощи 16 мая 1935 года, и Бенеш приехал в Москву через несколько недель, чтобы подписать ратификационные документы.

Казалось бы, это хороший результат. Однако советско-чехословацкие отношения зависели от отношений СССР с Францией и особенно с Лавалем. Чехословакия не была надежным союзником. Как и Великобритания, которая подписала англо-германское военно-морское соглашение сразу же после того, как Бенеш вернулся в Прагу. По всем документам Литвинова видно, что определенности не было. Сложности возникли даже с хитрым Титулеску. В этот раз он шантажировал Францию, чтобы добиться от нее поддержки румынского пакта о взаимопомощи с СССР, чего очень хотел Литвинов. Титулеску угрожал запретить Красной армии проход через румынскую территорию, если Франция не поддержит

пакт¹. Понятно, почему он решил шантажировать Лаваля, но сработает ли это? Литвинов был в целом не против подобной тактики, но только если был велик шанс на успех.

Проблема с Польшей

Литвинов мог хотя бы надеяться, что Великобритания, Франция и Румыния поддержат его планы, но у него не было подобных ожиданий от Польши. Литвинов встретился с Беком в феврале 1934 года, после чего НКИД сделал вывод, что на Польшу нельзя рассчитывать, а Беку нельзя доверять. В мае 1934 года Литвинов и Альфан в ходе переговоров снова затронули эту тему. Французский посол собирался ехать в отпуск и спросил наркома, нужно ли ему передать что-то в Париж. По словам Альфана, он не разделял пессимизма Литвинова в отношении Польши. Обе стороны не доверяли друг другу, а Польша не верила в стабильность советской политики. Видимо, об этом говорили в Варшаве. Литвинову не понравилась дипломатическая попытка Альфана взглянуть на советско-польские отношения с обеих точек зрения. «Я ответил, — написал Литвинов в дневнике, — если говорить о нашем недоверии, то оно ведь основано на фактах. Мы вели с Польшей весьма серьезные разговоры о сотрудничестве, и эти разговоры были прекращены по инициативе поляков». Затем нарком упомянул о том, что уже знают читатели, и добавил, что ходят слухи о секретных польско-германских соглашениях. Их подтверждала информация, полученная из французских источников. Он пытался убедить Францию не винить советское правительство в проблемах с Польшей. «Я выразил удивление, — продолжил Литвинов, — что Альфан мог говорить о недоверии к нам». Очевидно, французский дипломат затронул болезненную тему².

Альфан тоже написал отчет о встрече, в котором ему не удалось передать крайнее недовольство Литвинова обманом Польши. Посол свел негодование наркома к некоторым «ограничениям, вызванным польскими опасениями по поводу СССР». Это он очень тонко описал

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 июля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 96–100.

² Встреча с Ш. Альфаном. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 7 мая 1934 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 27–28 (шифр для записи данной беседы, по всей видимости, указан неверно), опубли.: ДВП. Т. XVII. С. 317–318.

ситуацию. Альфан также добавил, что после приезда в Москву он не заметил никаких изменений в советской политике. СССР все еще стремился сблизиться с Францией и ее союзниками и старался держаться подальше от нацистской Германии. Затем Альфан довольно прямолинейно предупредил: «Эта политика может измениться, если СССР, не увидев дружеских чувств в ответ, вернется к той политике, которая приносила ему большую пользу на протяжении 12 лет». Читатели понимают, что речь идет о Рапалло¹. Были и другие предупреждения о возвращении к Рапалло от французского посольства в Москве, Альфана, его преемников и поверенного в делах Пайяра вплоть до лета 1939 года. А Литвинов и его коллеги не собирались сдерживаться, говоря про Польшу. Проблема была в том, что французское правительство не могло решиться порвать с Варшавой, и поэтому чиновники в Париже получали предупреждения из Москвы.

Хотя Литвинов рекомендовал Сталину продолжать пытаться наладить отношения с Польшей, он предпринял все меры, чтобы на Западе узнали о том, что именно он думает о польской политике в целом и о полковнике Беке в частности. Через несколько месяцев после того, как нарком облегчил душу на встрече с Альфаном, у него состоялся похожий разговор с американским послом в Варшаве Джоном Кудахи. «Я бегло обменялся с ним мнениями относительно Бека лично и польской политики. Мы оба согласны были в том, что Бек усвоил старый метод дипломатии — скрывать за словами свою мысль и что польская политика является самой загадочной и, я добавил, вероломной. Я кажется, рассказал ему, как Бек, ведя с нами переговоры о балтийской декларации, в то же время вел переговоры с немцами в противоположном направлении»². Литвинов имел в виду остроту французского дипломата Шарля-Мориса де Талейрана, который как-то сказал, что язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Это непрямая отсылка к Талейрану интересна тем, что некоторые западные обозреватели считали, что Литвинов — это советская реинкарнация французского дипломата.

НКВД все еще надеялся поймать мерцающий вдали огонек Восточного пакта. Литвинов не был наивен и не рассчитывал, что Польша в итоге прозреет. У него просто не было другого выхода.

¹ Alphand. No. 174. 8 May 1934. DDF, 1re, VI, pp. 435–437.

² М. М. Литвинов — Я. Х. Давтяну. 21 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 67. Л. 9–10.

Он все еще не отказался окончательно от Бека. Литвинов все еще пытался его прощупать, но безрезультатно. Не получилось продвигаться вперед и с польским послом Лукасевичем. В их недавнем разговоре у наркома «создалось впечатление, что Лукасевич приехал с определенным намерением проводить политику придирок, протестов и т. п.». Поскольку немцы использовали похожую тактику, возникал вопрос, было ли это простым совпадением или результатом какого-то польско-германского соглашения¹.

В 1935 году СССР все хуже относился к польским намерениям. НКВД пытался понять, в какую сторону повернется политический курс после смерти Пилсудского. Советское посольство в Варшаве тщательно следило за польской прессой и заметило поворот вправо. Даже «полуофициальные круги» склонялись к более тесному сотрудничеству с нацистской Германией. «Из совершенно достоверного источника», что значило на языке НКВД от разведки, Стомоняков слышал, что даже Лаваль был убежден, что Польша сблизилась с Германией еще больше, чем раньше полагали в Париже. Кроме того, НКВД все еще был раздражен на «шарлатанские попытки польского МИД обвинить нас в срыве всех усилий к сближению с Польшей»².

В Москве и в советском посольстве в Варшаве ходили слухи о том, что Бек подал мысль или даже сам написал статьи в прессе, в которых продвигается идея сближения с Германией. Советский полпред Давтян в это не верил. «Но Бек слишком гибкий человек, чтобы бесповоротно ставить теперь же ставку на эту карту. Поэтому болтливость [в прессе. — М. К.] для него была не очень приятной. Бек будет еще долго лавировать в вопросах внешней политики, сохраняя известное равновесие между Германией, Францией и нами до тех пор, пока прояснится, в желательном для него духе, международное положение и пока не определится его личное положение во внутренней политике. По существу же его внешняя политика является прогерманской». Давтян не ожидал больших изменений в польской политике, если только у СССР не случатся неудачи, такие как ухудшение отношений с Японией или Францией. Для Давтяна это служило советским интересам. «Я вновь повторяю, что

¹ М. М. Литвинов — Я. Х. Давтяну. 21 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 67. Л. 9—10.

² Б. С. Стомоняков — Я. Х. Давтяну. 3 июня 1935 г. // Там же. Л. 15—17.

самым выгодным для нас является спокойное выжидание событий и поддержание корректных отношений. Дальнейшее укрепление наших международных позиций будет также способствовать укреплению наших позиций и в Польше».

Отношения Давтяна с правительством и польским Министерством иностранных дел были «очень пассивными». На самом деле они были заморожены уже какое-то время. Это означало отсутствие политических контактов с Бекон, за исключением дипломатических приемов. По сути, поляки не делали ничего для улучшения отношений, как и СССР. Давтян поддерживал терпимые корректные отношения с польской стороной, в особенности на личном уровне. Он даже отметил, что Бек вел себя с ним доброжелательно и был готов помочь во время личного взаимодействия. Давтян также был в хороших отношениях с сотрудниками МИД. Он приглашал их на ужины в посольстве, а некоторых — два или три раза. Это помогало. «Я считаю, — добавил он, — что мы должны продолжать поддерживать корректные, “коллегияльные” отношения здесь и в Мск [Москве]». Давтян одобрял обмен любезностями, которого придерживался Стомоняков, «угощавший польских сотрудников посольства»¹. Не приглашал он лишь польских оппозиционеров.

Так что Литвинов был не такой уж и невежа. Он оставил дверь открытой для поляков, если бы только они захотели в нее войти. В начале июля 1935 года Стомоняков встретился с Лукасевичем, который не всегда был приятным собеседником для советских дипломатов. Они без проблем обсудили разные темы. «Вся беседа носила очень мирный характер, — отметил Стомоняков, — подтверждающий впечатление т[оварища] Литвинова, что Л[укасевич] и поляки на данном этапе решили избегать конфликтов и обострения»².

Пока Стомоняков писал эти строки, Бек отправился в Берлин, чтобы встретиться с Гитлером и другими представителями германского руководства. В Москве сразу же на это отреагировали. С точки зрения Стомонякова, подобный визит после смерти Пилсудского свидетельствовал о том, что польско-немецкое сотрудничество не ослабло, а наоборот, укрепилось. Конечно, Польше было не сложно

¹ Я. Х. Давтян — Б. С. Стомонякову. 11 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 106—111.

² Встреча с польским послом Ю. Лукасевичем. Выдержка из дневника Б. С. Стомонякова. 2 июля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 67. Л. 25—7.

вызвать недоверие СССР. Стомоняков велел Давтяну узнать все, что только можно, о переговорах в Берлине¹.

К счастью, так совпало, что французский посол Леон Ноэль приехал с визитом в советское посольство, и Давтян смог расспросить его про намерения Бека. В целом ничего узнать не удалось. До своего отъезда Бек сообщил Ноэлю (но не Давтяну), что никаких новых соглашений подписано не было. Он отправился в Германию, чтобы нанести ответный визит после приезда в Варшаву Германа Геринга. Бек надеялся поднять свой авторитет в Польше, но немцы не оказали ему особых почестей².

Ноэль мог только поделиться слухами, как и Давтян, когда он писал отчет Стомонякову: «Положение Бека после смерти Пилсудского (который был его единственной опорой) стало очень неопределенным. Оно будет зависеть от доброй воли правящей верхушки, со многими членами которой у него плохие отношения. Надо чем-нибудь закрепить свое положение и убедить всех, что он незаменим, как мининдел». Давтян продолжил: «По-моему, одной из главных политических причин поездки Бека было опасение поляков возможного германо-французского сближения и желание быть посредником в этом деле. Пилсудчики, конечно, хотят этого сближения, рассчитывая, не без основания, что оно ослабит франко-советское сотрудничество и даже совсем сведет его на нет. Но они хотят, чтобы это сближение не обошло Польшу и хотели бы, наоборот, сыграть роль посредника. Это стремление поляков логически вытекает из всей их позиции: разбить франко-советско-малоантантовский блок в Европе и противопоставить ему германо-польский, с участием Франции. Удалось ли Беку сделать что-нибудь в этом направлении, сказать трудно»³.

Давтян вероятно понимал, что Стомоняков слишком враждебно относится к Беку, поэтому он написал депешу Литвинову, пометил ее как личную и совершенно секретную. Он решил предпринять еще одну попытку убедить Москву не торопиться закрывать дверь перед Польшей на случай, если она решит изменить политику. «Я хочу...

¹ Б. С. Стомоняков — Я. Х. Давтяну. 4 июля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 67. Л. 28–30.

² Беседа с французским послом Л. Ноэлем. Выдержка из дневника Я. Х. Давтяна. 6 июля 1935 г. // СПО. Т. III. С. 341–342.

³ Я. Х. Давтян — Б. С. Стомонякову. 8 июля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 131–133.

поставить перед Вами, — писал Давтян, — вопрос о судьбе наших дальнейших отношений с Польшей». За последние полгода или около того они достигли такого момента, когда мы «не имеем ни политического, ни культурного контакта». Внешне официальные отношения оставались «корректными». Бек говорил иностранным дипломатам, и в особенности Ноэлю, что советско-польские отношения «нормальные и хорошие».

«Но это, конечно, чисто внешняя сторона, — продолжил Давтян. — А правда заключается в том, что наши фактические отношения полны всякого раздражения, злобы и недоверия. Польская пресса не упускает случая, чтобы более или менее открыто выступить против нас... Значительная часть нападок против нас идет по линии нашей внешней политики». В польской прессе почти полностью исчезли положительные статьи о СССР по любым темам. То же самое касалось и советских фильмов и книг, которые теперь стали недоступными.

Затем Давтян вернулся к вопросу польского «раздражения» из-за внешней политики СССР и «к той враждебной работе, которую поляки ведут против нас по всем дипломатическим вопросам и во всех других европейских странах». Теперь советская пресса нанесла ответный удар, возможно чересчур сильный. Поляки это заметили. «Что же будет дальше? — задал риторический вопрос Давтян. — Мы прекрасно знаем агрессивные намерения поляков, их “чувства” к нам, знаем, что они упорно готовят войну против нас, сколачивают блок против нас, везде нам гадают и т. д. Но ведь мы сейчас воевать с Польшей не собираемся и вообще хотим, чтобы были нормальные и спокойные отношения». На тот момент польская пресса более или менее сдерживалась, за исключением тех моментов, когда хотела использовать советские сложности, в особенности на Дальнем Востоке. «Поляки, сближаясь с Германией, отнюдь не хотят рвать сейчас с Францией и портить отношений с нами... По всем данным, Бек все время оглядывался на Францию и СССР, избегая всего того, что бы могло усилить наше недоверие. Это заметили и немцы». Давтян предложил разработать «какой-нибудь план действия» и придумать «какой-нибудь “жест”», чтобы сделать первый шаг, понимая, что Литвинов и Стомоняков могут вспылить из-за подобной идеи. Поэтому он добавил, что это просто «мысли вслух»¹.

¹ Я. Х. Давтян — М. М. Литвинову. 12 июля 1935 г. // СПО. Т. III. С. 343—346.

Вскоре Давтян вернулся в Москву в отпуск. Наверняка он встречался с Литвиновым и Стомоняковым, чтобы обсудить свои идеи, но вряд ли об этом сохранился письменный отчет. На самом деле Стомоняков с готовностью признал, что сторонники Пилсудского уже прощупывали почву и проявляли интерес к смягчению отношений и снижению критики в советской прессе. Он объяснил этот интерес «давлением со всех сторон» на германофильскую политику польского правительства, и в особенности на Бека. Стомоняков отмечал, что Польша находится в изоляции, «и на страницах мировой печати все чаще и чаще ее называют в числе государств, стремящихся к войне, наряду с Японией и Германией». Даже внутри страны росло давление на внешнюю политику, которую проводили сторонники Пилсудского, и «авантюризм Бека». С учетом обстоятельств было неудивительно, что желание «пилсудчиков и в особенности Бека и его друзей» было отключить звук у внешних и внутренних источников критики польского внешнеполитического курса. Пусть поляки помучаются, считали в НКВД. «Мы не заинтересованы конечно, — написал Стомоняков советскому поверенному в Варшаве Подольскому, — в том, чтобы облегчить положение Бека и пилсудчиков, и в ответ на всякие попытки добиться подобного смягчения нужно указывать на то, что наше отношение к Польше и отношение нашей прессы являются лишь слабым отражением антисоветской политики Польши». Тем не менее Стомоняков добавил в качестве шутиливой инструкции, что Подольский может сказать, если его спросят, что советская пресса ведет себя очень умеренно, когда речь заходит о Польше, чего нельзя сказать про «злобные статьи против СССР» в польской прессе, в особенности в полуофициальных источниках¹. Если польская пресса и пыталась остановить поток желчи в адрес СССР, то в Москве не отнеслись к этому серьезно.

Кроме ежедневного обмена гадостями в газетах были и другие проблемы, из-за которых было трудно реализовать идею Давтяна в Варшаве. Самолет СССР пролетел над польской территорией, что привело к ряду проблем и взаимной высылке советских и польских журналистов. В начале сентября на выборах правящие «пилсудчики» неожиданно потерпели фиаско. Стомоняков надеялся, что из-за этого в Варшаве сменится правительство, хотя он и не ожидал серьезных

¹ Б. С. Стомоняков — Б. Г. Подольскому. 4 августа 1935 г. // СПО. Т. III. С. 348—349.

сдвигов во внешней политике или ухода в отставку министра иностранных дел. НКИД внимательно следил за деятельностью Бека и его положением в польском правительстве и не терял несмотря ни на что надежды, что министра все-таки заставят уйти. Кроме Бека были и другие небольшие инциденты. Они все вместе усиливали сложившееся в Москве впечатление о польской враждебности по отношению к СССР. Таким образом, инициатива Давтяна не имела ни малейших шансов на успех¹. Видимо, ему пришлось вернуться к задаче-минимум и пытаться избежать дальнейшего обострения, которое могло возникнуть в польско-советских отношениях. Стомоняков не беспокоился по этому поводу, но он не понимал, куда двигаться дальше. В Москве произошел еще один инцидент. Шофер польского посольства небрежно вел машину и сбил нескольких пешеходов. Лукасевич потребовал для шофера дипломатической неприкосновенности, НКИД в этом отказал².

Польша и Румыния

Проблемы следовали одна за другой. Как сообщала внешняя разведка НКИД, «Польша и Германия принимают все меры к срыву переговоров между СССР и Румынией о взаимной поддержке». Поляки грозились разорвать польско-румынский союз, если румынское правительство не откажется от политики Титулеску и не сделает выбор в пользу сближения с Германией. Кароль II даже заявил, что он выступит за «активное сближение с Германией», а если правительству это не нравится, то он сменит правительство. В своей копии донесения Сталин отметил все вышеупомянутые пункты красным карандашом³.

НКИД получил отчеты о том, что польский полномочный министр Мирослав Арцишевский встречался в Бухаресте с румынским королем, чтобы отговорить его от «союза с СССР» — страной, стремившейся к мировой революции. Советское посольство в Бухаресте

¹ Б. С. Стомоняков — Я. Х. Давтяну. 19 сентября 1935 г. // СПО. Т. III. С. 355–357.

² Б. С. Стомоняков — Я. Х. Давтяну. 7 октября 1935 г. // Там же. С. 360–362.

³ ИНО ГУГБ НКВД. Отчет агента из Бухареста, тесно связанного с польским МИД. Не позднее 3 мая 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 93–94, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1935 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 07.12.2023).

получило полную информацию об этой встрече и отправило длинный отчет в Москву. По словам советских информаторов, Арцишевский упрекнул Титулеску за то, что он тягивает Румынию во франко-советско-чехословацкую «орбиту». Даже Югославия не осталась в стороне, или, по крайней мере, так казалось. По словам Арцишевского, эти события могли стать причиной возникновения проблем в отношениях между Польшей и Румынией¹.

Существует несколько версий того, как король ответил польскому министру. Некоторые версии были в пользу коллективной безопасности, некоторые — нет. Король не хотел отталкивать Германию, а его придворные поддерживали антисоветский курс румынской миссии в Варшаве. Советский полпред Островский назвал эту борьбу противоборством между польским полномочным министром и Титулеску, причем румын, по-видимому, проигрывал, в особенности из-за длительного отсутствия в Бухаресте. Арцишевскому позволили прийти в ярость, и он так «ловко машет призраком коммунизма и советизации Румынии», что даже самые верные сторонники Титулеску начали сомневаться. Однако единственное, что, судя по слухам сделал Титулеску, это задумался об отставке. Он надеялся, что к нему отнесутся с сочувствием и он укрепит свои позиции, но ничего не вышло². Конечно, учитывая зигзаги Лаваля, нельзя было полагаться даже на Францию, что мог сделать король маленькой балканской страны, кроме как перестраховываться? То есть не торопиться с выбором.

Тем временем Арцишевский встретился с министром внутренних дел Румынии и сделал ему похожее предупреждение. На что получил ответ: «Поскольку поляки связались с немцами, они будут вынуждены уступить Германии [Польский] коридор и искать компенсаций на востоке и юго-востоке... польская экспансия будет направлена не только в сторону Украины, но и Буковины и Бессарабии»³. Полякам трудно было довериться кому-либо, даже Бухаресту. Они беспокоились, что Румыния может согласиться на прохождение по своей территории Красной армии, для оказания помощи Чехосло-

¹ Беседа румынского короля Кароля II с польским посланником М. Арцишевским. Выдержка из донесения Б. Д. Виноградова. 18 октября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0125. Оп. 17. П. 111. Д. 1. Л. 221–215.

² М. С. Островский — Н. Н. Крестинскому. 26 октября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 72. Л. 106–15.

³ Г. Н. Шмидт — Я. Х. Давтяну. 10 октября 1935 г. // СПО. Т. III. С. 363.

вакии в случае нацистской агрессии. Из-за польско-румынского союза Польша полагала, что у нее есть право вмешаться в дела Бухареста с целью заблокировать советский пакт о взаимопомощи. Румынии он не нужен, говорили поляки, и он может «нанести неисчислимый ущерб Польше и Германии»¹. Отношения Польши с Чехословакией тоже ухудшались, и польские официальные лица не пытались скрыть, что причиной тому была «просоветская политика Бенеша». Давтян узнал об этом от чехословацкого поверенного в Варшаве и сообщил в Москву. «Меня это несколько не удивляет, — ответил он своему чехословацкому коллеге, — ибо такие разговоры уже ведутся поляками с румынами и французами, и они стараются убедить эти страны в необходимости отказаться от сближения с СССР». Давтян засмеялся, так как не верил, что Польша добьется успеха с помощью своих интриг. По его мнению Францию, Малую Антанту и СССР объединяли общие интересы, и никто ничего не мог с этим поделать². Давтян серьезно ошибался. У поляков были все шансы на успех. С учетом их действий невольно возникал вопрос: на чьей стороне была Польша?

Частично благодаря полякам у Титулеску начались неприятности в Бухаресте. В ноябре он ушел в отставку с поста министра иностранных дел из-за оппозиции, которая выступала против его просоветской политики, однако премьер-министр Георге Тэтэреску вместе с королем убеждали его изменить решение. Титулеску согласился и продолжил борьбу, но он находился в изоляции и потерпел политическое поражение³.

Давтян и Анатолий де Монзи

В Париже у власти все еще находился Лаваль. Таким образом, во французской столице была благодатная почва для польских диверсий. В конце ноября 1935 года Давтян дважды встретился с Анатолием де Монзи в Варшаве. Он узнал хорошие и некоторые плохие новости из Франции. Монзи приехал из Бухареста, где встретился с Островским. Французский политик тогда с большим оптимизмом

¹ Г. Н. Шмидт — Я. Х. Давтяну. 19 ноября 1935 г. // СПО. Т. III. С. 376—378.

² Диалог с чехословацким поверенным в делах Я. Смутным. Выдержка из дневника Я. Х. Давтяна. 5 ноября 1935 г. // Там же. С. 370—371.

³ М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 17 ноября 1935 г. // Там же. С. 374—375.

относился к ратификации франко-советского пакта, но его настроение немного изменилось, когда он прибыл в Варшаву¹. Возможно, он получил новости из Парижа. Давтян и Монзи давно знали друг друга. Они встречались во Франции на переговорах в 1926–1927 годах во время обсуждения финансовых и торговых соглашений. Встреча в Варшаве прошла сердечно, и Монзи держался свободно. Он утверждал, что по крайней мере семь из десяти французских политиков выступают в поддержку сближения. Никто не сомневается в необходимости ратификации пакта о взаимопомощи. Однако в этом деле возникла задержка, из-за чего создавалось впечатление, что что-то идет не так. Давтян спросил, как обстоят дела сейчас. Монзи пожал плечами, показав, что он не одобряет поведение Лавалья, но не стал открыто его критиковать. Однако Монзи прямо сказал, что Лаваль специально затягивает ратификацию и что ему не нравится политика Лавалья в отношении Германии. Никакого результата эта политика не даст и дать не может. Это было похоже на то, что сообщил Ванситтарт Майскому в Лондоне. Очевидно, что немецкая политика была направлена на захват всей Центральной Европы. То есть это предполагало аншлюс, раздел Чехословакии, установление прямого контроля над Венгрией и затем нападение на Польшу. Давтян был согласен с Монзи.

Затем разговор зашел о франко-польских отношениях. Монзи попросил Давтяна дать честный ответ и получил его: Польша сильно сблизилась с Германией, с Францией — не особенно. «Краеугольным камнем европейской политики сейчас является германская агрессивность и борьба с ней». А Польша продолжала вредить. Давтян заметил: «Уйдет Бек или нет, по-моему, ничего не изменится во внешней политике Польши, поскольку у власти находятся те же пилсудчики. Очень возможно, что поляки из-за тактических соображений и заменят Бека для того, чтобы создать дополнительные иллюзии в Париже. Но это ничего не изменит по существу». Что касается франко-советских отношений, Монзи полагал, что они очень хорошие, но сближение еще не дошло «до глубины души». Можно было и так сказать².

¹ М. С. Островский — М. М. Литвинову. 20 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 72. Л. 141–143.

² Беседа с А. де Монзи. Выдержка из дневника Я. Х. Давтяна. 25 ноября 1935 г. // СПО. Т. III. С. 379–381.

Монзи встретился с Давтяном через три дня, и у них состоялся долгий разговор за обедом в посольстве. Монзи сообщил о переговорах с польскими чиновниками и политиками, в том числе с Беком и Арцишевским, которые находились в тот момент в городе. Неудивительно, что поляки очень стремились увидеться с Монзи и организовали встречу. По словам Давтяна, Монзи довольно категорично заявил, что поляки настроены против СССР (что не было неожиданностью), и ему, помимо всего прочего, озвучили старые жалобы на Восточный пакт и «опасность коммунизма». В ответ на эти жалобы Монзи прояснил свою позицию, сказав, что поддерживает франко-советский союз. Это не могло понравиться его польским коллегам, хотя они и отмахнулись от его слов. По словам Монзи, поляки твердили об «опасности для Европы советской политики, в особенности для Франции и Румынии». В результате разговор зашел о франко-польских отношениях, к которым Монзи относился скептически. «Тон» отношений стал лучше, но это было лишь напоказ, потому что Польше все еще был нужен франко-польский союз в качестве рычага давления на Берлин, а также на Париж для получения «денег». Монзи снова заговорил о Румынии и отметил, что Арцишевский развернул полномасштабную кампанию против Титулеску. Монзи предупредил, что насколько ему известно, местные фашисты «готовили или готовят покушение как против Титулеску, так и против Островского». У него не было подробной информации, но он попросил предупредить Островского¹.

Хорошие новости и (в основном) плохие новости

НКВД получал мрачные новости. Лаваль выступал против ратификации франко-советского пакта. Поляки старались разрушить договоренности СССР о коллективной безопасности. Великобритания «предала» антинацистский блок и «фронт Стрезы», заключив морское соглашение с Гитлером. Итальянцы спровоцировали Абиссинский кризис и подвергли опасности надежность и авторитет Лиги. Однако Литвинов и стоявший за ним Сталин не собирались сдаваться. В конце июня 1935 года нарком встретился с болгарским

¹ Беседа с А. де Монзи. Выдержка из дневника Я. Х. Давтяна. 28 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 231–234, опубли.: СПО. Т. III. С. 382–384.

министром, поинтересовавшимся советской политикой на Балканах. «Наше отношение к Болгарии не изменилось, — ответил Литвинов. — Мы не имеем никаких особых интересов ни в Болгарии, ни в других странах Балкан, мы ничего от них не добиваемся, и наше отношение к другим странам *определяется исключительно вопросом об отношении этих стран к вопросу о мире или войне, а потому нас особенно интересует отношение этих стран к Германии* [курсив наш. — М. К.]»¹. Он четко и точно описал советскую политику, но, с учетом обстоятельств, сможет ли советское правительство и дальше ее защищать?

Не все новости были плохими. В сентябре 1935 года французская военная миссия посетила маневры Красной армии на Украине. Генерал Люсьен Луазо, глава миссии, написал отчет, в котором попытался развеять отрицательные настроения, появившиеся во французском Генштабе². Альфан во время встречи с Крестинским в октябре назвал этот отчет хорошей новостью. Он также сообщил, что торговые переговоры в Париже идут хорошо. Альфан сообщил две хорошие новости, чтобы было что противопоставить потоку плохих новостей³. Литвинов быстро начал продвигать торговые переговоры и сразу же затронул этот вопрос в Политбюро, которое передало его Сталину. Это была традиционная советская политика: налаживания экономических отношений для улучшения или укрепления политических. Молотов рекомендовал одобрить предложение Литвинова и велел провести переговоры в Париже⁴. К сожалению, НКВД получал в основном плохие новости. Главной проблемой был Лаваль, и он больше всего беспокоил Литвинова. Нарком писал Потемкину в Париж: «Хотя я осторожно подхожу к сообщениям посредников, а также журналистов, в особенности паникерствующей Табуи, о позиции Лавала, у меня все-таки сложилось впечатление, что Лаваль решил, поскольку это от него будет зависеть, во чтобы то ни стало сорвать франко-советское сотрудничество и включиться в германский анти-

¹ Встреча с Д. Михальчевым. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 28 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 78–79.

² Compte rendu du général Loizeau, Impressions retirées du séjour aux manœuvres de l'URSS, secret. 6 Oct. 1935. DDF, 1re, XII, 510–525.

³ Встреча с Ш. Альфаном. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 22 октября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 4–6.

⁴ Л. М. Каганович, В. М. Молотов — И. В. Сталину. 21 октября 1935 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 607–608.

советский блок, и что он фактически хочет усвоить внешнюю политику Бека, которую тот, пожалуй, сам уже проводить не сможет. Считаю не исключенным, что если Лаваль переживет ближайший кризис и, запугав радикалов, не только останется в правительстве, но и укрепит свою позицию, то он откажется даже от ратификации пакта. Но и в случае, если он будет вынужден внести пакт на ратификацию, он позаботится о создании как в Палате [депутатов], так и вне ее такой сильной оппозиции, чтобы обесценить факт ратификации и затем превратить пакт в клочок бумаги».

Литвинов пессимистически относился к возможному падению Лавалья. «Если он сейчас падет, — писал он Потемкину — он будет по-прежнему играть большую роль во французской политике и будет выплывать на поверхность при всяком правительственном кризисе. С точки зрения наших интересов можно было бы приветствовать хотя бы временный уход его из кабинета, который позволил бы не только провести ратификацию, обставив это надлежащим образом, но и уничтожить вредные последствия влияния Лавалья на Малую Антанту и отчасти даже на Англию. Но для этого нужен уход Лавалья не только с поста главы правительства, но и министра иностранных дел. Он сможет вредить, даже если останется в кабинете и без портфеля. Эррио проявляет большую наивность, если он думает, что удастся сохранить советско-французское сотрудничество при Лавале»¹.

Литвинов, Островский и Титулеску

Поведение Лавалья вызывало беспокойство во всей Европе. Из-за его уловок, с помощью которых он пытался избежать франко-советского пакта, начали саботаж поляки, а Титулеску, в одиночку сражавшийся за румынско-советское сближение, чувствовал себя обескураженным. Литвинов встретился с Титулеску в Женеве, чтобы все обсудить. «Я никогда не видел его в таком угнетенном настроении», — писал нарком Островскому. Титулеску рассказал о большом количестве проблем, которые его раздражали. Самой важной был «отход Лавалья от политики сближения с СССР при

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 210–211.

угрозе срыва ратификации советско-французского пакта». Литвинов также корил своих коллег, предположительно Сталина, Молотова и Кагановича, за «наше отрицательное и уклончивое отношение к его предложению об общем пакте взаимной помощи». Непонятно, что он имел в виду, возможно, сами условия соглашения или препятствие в виде Бессарабии¹.

С Лавалем были и другие сложности, в частности, он пытался помирить Италию с Югославией, но при этом игнорировал Чехословакию и Румынию. На Титулеску также пытались напасть в Румынии. Помните, Монзи сообщал о планируемой попытке покушения на румынского министра и Островского? В Бухаресте было опасно, и Титулеску подолгу находился за границей. Но кот из дома — мыши в пляс. Отсутствием Титулеску (последний раз его не было в Бухаресте четыре месяца) воспользовалась польская миссия.

СССР делали дружеские жесты по отношению к румынскому правительству: так, например, Сталин согласился принять Титулеску в Москве. Он редко соглашался встречаться с зарубежными гостями. Значит, это был важный момент². Титулеску не скрывал того, что он надеется подписать пакт о взаимопомощи с СССР, похожий на те, что были подписаны с Францией и Чехословакией. Он открыто говорил об этом, а также об осеннем визите в Москву. Это произошло в июне на ужине в советском посольстве в Бухаресте³. Следующим дружеским жестом стало соглашение о повторной постройке моста через Днестр между советским Тирасполем и румынскими Бендерами. Титулеску хотел назвать мост «Вечный мир на Днестре». Литвинов наверняка подумал, что это перебор и вполне достаточно «Мост мира»⁴.

Кроме того, существовали трудности, связанные с официальным опровержением, которое дал Титулеску. Он отрицал, что обсуждал

¹ М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 10 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 86. Л. 1–4, опубли.: Советско-румынские отношения (далее — СРО). 1917–1941. Док. и материалы: в 2 т. М., 2000. Т. II: 1935–1941. С. 30–33.

² И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 26 сентября 1935 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 587.

³ Jean de Hautecloque, French chargé d'affaires in Bucharest. No. 161. 10 June 1935. DDF, 1re, XI, 55–56.

⁴ Л. М. Каганович, В. М. Молотов — И. В. Сталину. 22 сентября 1935 г. // Сталин и Каганович. Переписка. С. 579.

проход Красной армии по территории Чехословакии для укрепления Румынии. Литвинов подтвердил его слова, хотя сказал при этом неправду. Он хотел помочь Титулеску избавиться от врагов. Некоторые из коллег наркома принялись возражать, но Литвинов сказал, что это крайняя мера: лучше так, чем никак. Проблема была не только в самом отрицании, чтобы избавиться от недоброжелателей, преследовавших Титулеску. «Я считаю, что дискуссия в прессе, запросы в парламенте, — объяснял Литвинов Островскому, — наносили ущерб не только лично Титулеску, но и нашему престижу, а также нашим отношениям с Румынией».

«Кроме того, они [враги Титулеску. — М. К.] мобилизовали все враждебные нам силы. Можно было бы мириться с нападками, если бы Титулеску находился в Бухаресте и как-нибудь им противодействовал бы. При постоянном же сидении Титулеску на Кап-Мартене [на юге Франции. — М. К.] и его полной пассивности односторонняя дискуссия была крайне вредна и ей надо было положить конец»¹. Титулеску предпринял смелый шаг, предложив румынско-советское сближение. Но раз уж он взялся за дело, то нельзя было пускать его на самотек, а самому наслаждаться комфортным пребыванием на Лазурном берегу.

Румынское опровержение удивило французского посла в Бухаресте, который слышал комментарии, прежде данные Титулеску во время ужина в советском посольстве в июне. Через несколько дней Титулеску приехал во французское посольство, чтобы подробно обсудить черновик пакта. Стороны стали обсуждать пункт про проход Красной армии. «Лучше мы с этим согласимся, — сказал Титулеску, — чем нам это навяжут». Таким образом, французский министр пришел к выводу, что опровержение не было правдой и просто служило прикрытием для отступления. Немцы в опровержение тоже не поверили².

Литвинов не мог больше ничего сделать в Бухаресте до тех пор, пока не разберется с советскими отношениями с Францией. Он снова объяснил Островскому то, что он сказал Титулеску в Женеве: «Свою позицию я резюмировал следующим образом: до ратификации

¹ М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 10 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 86. Л. 1—4.

² Mieux valait permettre que subir (André Lefèvre d'Ormesson. No. 407. 24 Oct. 1935. DDF 1re, XIII, 129—31); Foreign Ministry circular, Köpke, Berlin. 30 Oct. 1935. DGFP, C, IV, 780—782.

Полпред СССР в Румынии М. С. Островский (второй слева в первом ряду) и сотрудники посольства в Бухаресте. Около 1936 года. АВПРФ (Москва)

франко-советского пакта и выяснения отношений с Францией мы вообще не можем входить в какие-нибудь дальнейшие соглашения со странами Малой Антанты. Вопрос о пакте мною не ставился и моим правительством не обсуждался. Мы вообще имели в виду до сих пор региональные пакты против определенного возможного агрессора, а не общие пакты против любых агрессоров. Я лично считаю, что мое правительство никогда не пойдет на такой пакт, который обязывал бы нас защищать Румынию против любых государств, а Румыния освобождалась бы от помощи нам против одного из наиболее вероятных наших противников, — Польши. Если Титулеску готов отказаться от идеи исключения Польши, то можно будет вопрос подвергнуть обсуждению во время приезда Титулеску в Москву, причем я постараюсь заранее подготовить к этому обсуждению свое правительство».

В целом все сводится к тому, кто твой враг и против кого ты готов идти воевать. На эти вопросы Литвинов ответил следующим образом:

«Титулеску заявил, что, так как Польша без Германии на нас нападать не будет, то Румыния, обязавшись помогать нам против Германии, тем самым выступит и против Польши. Во всяком случае, Румыния готова оказывать нам помощь против Германии и других европейских соседей, кроме Польши. Я указывал на возможность выступления против нас, при известных условиях, и одной Польши при неформальной материальной поддержке Германии. Я высмеивал идею [Румынии. — М. К.] помощи нам против Латвии, Эстонии или Финляндии. Я, наконец, оговорившись, что не делаю никакого предложения, а лишь выясняю позицию Титулеску, спросил его, что он думает о пакте, который обязывал бы каждую сторону выступить в случае нападения на другую сторону любых двух государств. Титулеску отверг и эту идею».

Литвинов и Титулеску обсудили польско-румынский оборонный пакт и препятствия, которые он создавал для заключения советско-румынского пакта о взаимопомощи. Литвинов пришел к выводу, что правовые ссылки Титулеску были всего лишь предлогом и не имели никакого отношения к его позиции. «Он лишь исходит из сознания того, что союз с Польшей в Румынии настолько популярен, что ни король, ни страна не пойдут на какой-либо пакт, хотя бы теоретически направленный против агрессивной Польши».

Титулеску также не забывал о Лавале. «У меня создалось впечатление, — писал Литвинов, — что Титулеску стал сомневаться в возможности дальнейшего ведения прежней линии внешней политики, в особенности если Лаваль осуществит свои антисоветские замыслы и что он, Титулеску, уже подумывает, если не об изменении своей политики, то об ее смягчении». Литвинов продолжал: «Недаром он допытывался в Женеве у Араса [министра иностранных дел Турции. — М. К.], каким образом Турции удастся при дружбе с СССР завязывать и поддерживать весьма приличные отношения с Германией. Я поэтому ожидаю, что в Бухаресте Титулеску сделает несколько реверансов по адресу Германии. Более того, допускаю, что он под тем или иным предлогом откажется от поездки в Москву. Правда, он меня заверял, что он обязательно 25 ноября будет у нас, но он, вероятно, окончательно решит вопрос в Бухаресте, измерив силу антисоветских настроений, а также в зависимости от поведения Лавала. Намечающийся или скорее предсказанный поворот во

внешней политике Польши должен как будто облегчить положение Титулеску, но этот поворот, к сожалению, пока обращен лишь в сторону Франции, а не СССР».

Наконец Литвинов вернулся к полякам. «Я считал бы очень полезным предать гласности содержание беседы Арцишевского с королем [Румынии. — *Ред.*]... Сообщите, считаете ли Вы это возможным», — спросил он Островского. Если это действительно так, то нужно попросить Виноградова «написать что-то вроде корреспонденции из Бухареста об антисоветских интригах польского посланника и о содержании его беседы с королем». Это может быть опубликовано в Москве в «Журналь де Моску»¹. Борис Дмитриевич Виноградов ранее служил в Берлине первым секретарем советского посольства, а также был агентом НКВД. В настоящий момент он занимал должность первого секретаря посольства в Бухаресте.

Если проанализировать отношения Литвинова с Титулеску, то на ум приходит слово «достойные». Нарком не просто согласился прикрыть его в вопросе прохода Красной армии по территории Румынии, но и освободил от необходимости приезжать в Москву, то есть поговорил со Сталиным, чтобы объяснить ситуацию в Бухаресте. «Титулеску мне сообщил, — отчитался Островский Литвинову, — что в последней с ним беседе Вы не настаивали на его поездке, оставляя решение за ним в зависимости от внутреннего положения и от устойчивости его министерского портфеля. Титулеску добавил, что он был глубоко тронут этим проявлением искренности и сердечности». С точки зрения Островского, поездка Титулеску в Москву была совершенно необходима².

В целом Литвинов не возражал. Приедет Титулеску в Москву или нет? Он сам должен это решить. Если приедет, то кто будет его сопровождать, на сколько дней он останется и что бы он хотел посмотреть в Москве? Вариантов было много: спектакли, опера, балет, музеи, галереи, заводы. Островскому нужно было это выяснить и отправить телеграмму Литвинову³.

¹ М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 10 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 86. Л. 1—4.

² М. С. Островский — М. М. Литвинову. 10 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 72. Л. 127—132, опубли.: СРО. 1917—1941. Т. II. С. 26—30.

³ М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 10 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 86. Л. 1—4, опубли.: Там же. С. 30—33.

Через несколько дней Литвинов снова затронул этот вопрос, напомнив Островскому, что Титулеску сам предложил приехать в Москву, это была его инициатива, а не СССР. К сожалению, Титулеску рассказал о возможном визите прессе, и это вызвало проблемы в Бухаресте. Он хотел приехать, чтобы подписать пакт о взаимопомощи или чтобы СССР признал, что Бессарабия подчиняется Румынии. «Впустую он, очевидно, ехать не хочет, — писал Литвинов. — Нам тоже поездка ничего не даст, если за ней последует какой-нибудь поворот в политике Румынии». Все зависело от ситуации в Бухаресте: будут ли король и правительство поддерживать сближение с СССР? Если нет, Титулеску придется балансировать между двумя сторонами. Поэтому Литвинов велел на него не давить, поскольку он может сообщить об этом прессе. Но нужно попросить его дать окончательный ответ, так как необходимо подготовить его визит¹.

Через три дня, 19 ноября Титулеску сообщил Островскому, что поездка отменяется. Его политическое положение слишком неопределенное. Он не может никому доверять, так как обещания нарушаются на другой день после того, как их дали, поэтому единственный человек, на которого Титулеску может полагаться, — это король. А король никогда не будет другом СССР, «но он боится вас, как моральной силы, так и, в особенности, силы материальной... поэтому король кровно убежден, что лучше иметь Советы в числе друзей, чем врагов». Однако на Кароля II давили со всех сторон, а франко-советский пакт еще не был ратифицирован². Даже французы вступили в дискуссию. Как узнали немцы из достоверного источника, заместитель начальника штаба Франции генерал Виктор-Анри Швейсгут, наблюдавший в этот момент за маневрами в Румынии, предложил «замедлить сближение с Россией»³. Вряд ли Швейсгут дал бы такой совет по своей собственной инициативе.

Островский часто виделся с Титулеску, пытаясь придумать, как продвигаться вперед. 23 ноября они встретились, чтобы обсудить ухудшение ситуации. Титулеску признался, что он взволнован. Турки и югославы, в особенности новый югославский премьер-министр

¹ М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 16 ноября 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 557.

² М. С. Островский — М. М. Литвинову. 19 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0125. Оп. 17. П. 111. Д. 1. 262–257, опубли.: СРО. 1917–1941. Т. II. С. 34–38.

³ Circular of the Foreign Ministry, Berlin, Köpke. 7 Nov. 1935. DGFP, C, IV, 801–803.

Полпред СССР в Румынии
М. С. Островский.
Середина 1930-х годов

Милан Стоядинович, заигрывали с Польшей и Германией и пытались улучшить отношения. Это угрожало целостности Малой Антанты. Кроме того, существовала проблема политического курса Лаваля. Он тревожил Титулеску так же, как и «наглость» Польши. *«Я всегда говорил, — съязвил Титулеску, — что шею мне свернет не король, а мои союзники: вначале Польша, потом Турция, Югославия, а теперь Лаваль»* [курсив наш. — М. К.]. «До сих пор я убеждал коро-

ля, что прогерманская политика изолировала бы Румынию от ее союзников на Балканах и в Центральной Европе, изолировала бы ее от Франции и Англии. Теперь король сможет мне сказать, что Румыния, настаивая на своей политике, может сама оказаться изолированной»¹.

Литвинов отправил Александровскому депешу в Прагу, в которой отчасти повторил новости о Титулеску, которыми тот поделился с Островским. Затем Литвинов продолжил: «Из некоторых кругов нам передавали в Женеве, будто в Малой Антанте усилились прогерманские настроения. Титулеску сам мне говорил, что он теперь впервые испытывает беспокойство за позицию Югославии, назвав Стоядиновича [нового премьер-министра Югославии. — М. К.] германофилом. Титулеску вообще был страшно удручен главным образом нападками на него в самой Румынии за мнимые переговоры с нами об эвентуальном пропуске Красной Армии через Румынию и о пакте о взаимной помощи». Это означало, что два из трех членов Малой Антанты или сдавали позиции нацистской Германии, или подумывали об этом. Оставались вопросы, касающиеся

¹ Запись разговора с Н. Титулеску. Выдержка из дневника М. С. Островского. 1 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 72. Л. 161–166, опубл.: СРО. 1917–1941. Т. II. С. 39–44.

Чехословакии, однако Литвинов признавал, что прямо сейчас тревожиться не о чем. Или, по крайней мере, он так говорил. «Мне передавали, что перед своим отъездом из Женевы Бенеш вновь указал Лавалю на необходимость скорейшей ратификации франко-советского пакта и как будто добился от Лаваля соответственного обещания»¹.

Литвинов считал Бенеша неизлечимым оптимистом, так как было известно, чего стоили обещания Лаваля. Бенеш сам начал сомневаться. Лаваль сообщил Потемкину, Титулеску и другим, что он ратифицирует пакт. Он мог так и поступить, а мог провести переговоры с немцами и подписать соглашения с ними, лишив таким образом пакт какого бы то ни было политического смысла. В Берлине шли неофициальные переговоры, и, говорят, Лаваль пытался получить гарантии для Чехословакии. Даже если ему это удастся, «Гитлер, однако, никогда не откажется от своих замыслов в отношении Австрии, а овладение последней делает совершенно иллюзорным какие бы то ни было гарантии для Чехословакии». Однако если ратификация состоится, то Бенеш сможет продолжить политику сближения с СССР. Литвинов понимал, что НКВД надо тщательно следить за внешней политикой Чехословакии. Бенеш хотел стать президентом, и нарком переживал, что новый премьер-министр и министр иностранных дел Милан Годжа могут быть не так расположены к коллективной безопасности². Что угодно может пойти не так. Политика Чехословакии зависела от политики Франции, то есть от Лаваля, и была, таким образом, очень неустойчивой к внутренним политическим изменениям³.

Новые проблемы

Что касается французских переговоров с Германией, Потемкин узнал из надежных источников, в том числе от Мантелло, что Лаваль пытается получить гарантии сохранения французских, бельгийских

¹ М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 16 октября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 111. Д. 100. Л. 8—10.

² М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 11 ноября 1935 г. // Там же. Л. 11.

³ М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 25 ноября 1935 г. // Там же. Л. 12—13; М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 26 декабря 1935 г. // Там же. Л. 14.

и чехословацких границ, а также некое пятилетнее «обязательство» Германии не нападать на СССР.

Никто не знал, что предложит Лаваль Гитлеру взамен. Один немецкий министр Ялмар Шахт предположил, что в качестве ответного жеста Гитлеру предоставят полную свободу на востоке. Потемкин полагал, что подобная сделка слишком рискованная даже для Лавалья. Затем возник привычный вопрос о ратификации франко-советского пакта о взаимопомощи. Произойдет ли это? Потемкин полагал, что, если не случится ничего неожиданного, в конечном итоге он будет одобрен Национальной ассамблеей, хотя и не без сопротивления правых сил. Однако даже ратифицированный франко-советский пакт может остаться клочком бумаги. «Думается, что реализовать этот договор в первоначальном плане организации коллективной безопасности правительство Лавалья и не расположено, и не способно»¹.

С точки зрения НКВД, создавалось впечатление, что Лаваль превратил пакт в макулатуру и инструмент, который можно использовать против сторонников коллективной безопасности. Аргумент был таков: Франция на самом деле не хочет заходить слишком далеко в отношениях с СССР, и, таким образом, другим государствам тоже не следует этого делать. Польский полномочный министр в Бухаресте был не единственным, кто создавал проблемы Титулеску. Так же вел себя и югославский премьер-министр, который, действуя за спиной румынского министра иностранных дел, сообщил королю Каролю II, помимо всего прочего, что Лаваль якобы сказал Стоядиновичу, что франко-советский пакт был «мертв»². Предательство в Европе становилось все более комплексным. Это очень хорошо подходило нацистской Германии.

Нужда заставляет искать странных партнеров

Парадоксально, но даже некоторые поляки переживали из-за Лавалья. Польский военный атташе в Бухаресте подполковник Ян Ковалевский посетил первого секретаря посольства СССР и разведчика

¹ В. П. Потемкин — Н. Н. Крестинскому. 11 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 212–215.

² М. С. Островский — М. М. Литвинову. 19 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0125. Оп. 17. П. 111. Д. 1. 262–257, опубли.: СРО. 1917–1941. Т. II. С. 34–38.

Виноградова, который потом записал: «Он засыпал меня вопросами относительно нашей точки зрения на политику Лавалья. Верно ли, что Лаваль добивается соглашения с Гитлером? Я ответил Ковалевскому, что могу в данном случае сослаться на общеизвестные факты, и в частности на неоднократные заявления самого Лавалья о том, что он является сторонником соглашения с Германией при известных условиях. Другое дело, удастся ли ему добиться этого соглашения и каково будет его содержание. Ковалевский открыто сказал мне, что Польша обеспокоена... Вы понимаете, сказал Ковалевский, что мы не против того, чтобы Франция и Германия жили между собою в мире. Однако это сближение может перейти известные границы и станет опасным для Польши. Этого мы боимся...

Далее Ковалевский спросил меня, почему Лаваль не ратифицирует франко-советский пакт и не намерен ли он променять этот пакт на соглашение с Гитлером? Беспокойство Ковалевского было так велико, что казалось, что он заинтересован в скорейшей ратификации советско-французского пакта. Я ответил Ковалевскому, что мне неизвестно, как будет маневрировать Лаваль, используя франко-советский пакт, при переговорах с немцами, но что касается самого пакта, то, по имеющимся у меня сведениям частного порядка, он будет ратифицирован. Ковалевский заявил мне, что Бек останется, но его политика подвергнется некоторым коррективам. Решено улучшить отношения с Францией, охлаждение с которой зашло слишком далеко».

Это был странный разговор, который состоялся между относительно высокопоставленным польским офицером и советским временным поверенным в делах, а по сути, между двумя разведчиками. Даже лицемерные поляки не доверяли лицемерному Лавалю. В этом особенность дипломатии: нужда заставляет искать странных партнеров. Ковалевский был интересной фигурой. Он занимался разведкой и криптографией. Ранее он служил в Москве, но затем его выслали оттуда в 1933 году. Ковалевский не держал за это зла, и его разговор с Виноградовым был довольно откровенным. Все в Бухаресте, кого имело смысл принимать в расчет, знали, что польский министр Арцишевский грозился убить Титулеску, поэтому Виноградов перевел разговор на эту тему, а у Ковалевского не было возражений, и он готов был это обсудить:

«Ковалевский рассказал мне то, что я отчасти уже слышал от других моих собеседников. Месяца два тому назад Арцишевский

встретился с видным румынским журналистом, сотрудником “Универсула” Фермо. В разговоре с Фермо Арцишевский возмущался просоветской политикой Титулеску и распространением Титулеску слухов о польско-германско-венгерском союзе. Далее Арцишевский сказал Фермо, что он получает письма от многих польских офицеров, которые ему пишут, что в частной жизни за поступки, аналогичные поведению Титулеску, вызывают на дуэль или же бьют по физиономии. После этого разговора в Бухаресте распространились слухи о том, что 200 польских офицеров с нетерпением ждут того момента, когда Титулеску уйдет из правительства и сделается снова частным лицом. Тогда они приедут в Бухарест и будут, по-видимому, или вызывать Титулеску на дуэль, или же попросту его бить. Фермо, по словам Ковалевского, долгое время молчал, и лишь после того, как в части румынской прессы развернулась кампания против поездки Титулеску в Москву, Фермо рассказал о своем разговоре с Арцишевским редактору “Универсула” Стелиану Попеску и другим журналистам. Попеску при помощи одного из своих заместителей вступил в переговоры с Арцишевским. Этому последнему было заявлено, что румынская пресса и политические круги будут бойкотировать Польскую легацию¹ в ответ на подобного рода выпады против Титулеску».

Ковалевский также отметил, что Арцишевский был вовлечен в конфликты с министрами иностранных дел трех стран, где он ранее работал. Похоже, он хотел сказать, что эту информацию СССР может использовать на свое усмотрение. «После этого заявления Ковалевского у меня создалось впечатление, — добавил Виноградов, — что он, как полковник, находящийся на действительной военной службе, хотел бы дистанцироваться от штатских полковников в отставке [которые управляли польским правительством. — М. К.], к группе которых идейно принадлежит Арцишевский». В качестве постскрипума Виноградов сообщил, что Кароль II был настроен против Титулеску и на недавнем приеме пренебрежительно отозвался о советском и чехословацком министрах. Проблема была в задержке ратификации советско-французского пакта о взаимопомощи и давлении правого крыла в Париже, которое питало оппозицию в Бухаресте. Хотя Титулеску все еще пользовался некоторой поддержкой, можно понять, почему он стал колебаться относительно более тесного сотрудничества

¹ Польское посольство. — *Примеч. ред.*

с СССР. Что он мог сделать, кроме как искать прикрытие? Главной сложностью всегда был Лаваль. Один румынский журналист написал, что, как только пакт ратифицируют, все успокоится. «Румыния не может не быть союзницей Франции, и это определяет ее внешнюю политику, в частности, новые финансовые соглашения с Францией и заказы на поставку снаряжения для румынской армии предопределяют внешнеполитический курс Румынии»¹.

Виноградов был в восторге от этого разговора с Ковалевским. Это был редкий случай, когда официальные лица СССР и Польши сели и искренне поговорили. Они снова встретились через три недели, и Виноградов снова сделал запись в дневнике. Кроме того, он добавил приписку к предыдущей записи. С точки зрения Ковалевского, еще одной причиной того, что Лаваль задерживает ратификацию, была предвыборная кампания Народного фронта. Это была расширенная левоцентристская коалиция с радикал-социалистами, созданная летом 1935 года. Ковалевский добавил, что Лаваль хорошо знал, что Коминтерн существует до сих пор и никто не собирается его закрывать. Однако это был всего лишь предлог. Основной причиной задержки было желание Лавалья провести переговоры с немцами и использовать пакт о взаимопомощи и ратификацию в качестве козыря в Берлине. «Ковалевский прямо заявил, что в Варшаве опасаются франко-германского соглашения за счет Польши».

«В самом деле, — сказал он, — где еще и за счет кого компенсировать немцев, настроенных в высшей степени “динамически”? Колонии? Невозможно. Единственная надежда поляков, что немцы пойдут в первую очередь по линии наименьшего сопротивления, т. е. захватят Австрию и Судеты. В этом случае поляки не только не будут препятствовать немецкой экспансии, но даже поощряют ее, поскольку она пойдет в сторону от Польши. Правда, Ковалевский тут же признает, что линия “наименьшего” сопротивления — понятие весьма условное. Сопротивление может быть оказано и Италией, и Францией. Но кто знает, может быть, Италия настолько будет ослаблена войной и восстановлена против Франции, что Муссолини отзовет свои войска с Бреннера. Немцы настроены “динамически”, снова заявляет он. Что касается внешнеполитического курса

¹ Встреча с полковником Я. Ковалевским. Выдержка из дневника Б. Д. Виноградова. 20 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 72. Л. 144–148.

Польши, то отношения с Францией, Чехословакией, Румынией и СССР будут улучшены и уже улучшаются»¹.

К сожалению, этого не произошло. Однако видно, что в Варшаве были люди, которые придерживались не таких взглядов, как Бек. Кроме того, становится понятно, как разрушительные действия Лаваля уничтожали коллективную безопасность и пакты о взаимопомощи, направленные против нацистской Германии.

В это время вышла анонимная статья Виноградова в «Журналь де Моску», которая произвела желаемый эффект в Бухаресте, несмотря на то что некоторые официальные лица хотели запретить ее публикацию. Статью прочитала вся элита Бухареста, хотя цензоры запретили ее повторную публикацию или комментарии, чтобы «фашистская пресса» не начала кампанию против советского посольства. Виноградов писал, что поляки пришли в ярость и обвинили СССР во вмешательстве в дела Румынии. Это было нахальством с учетом действий Арцишевского и его предполагаемых угроз в адрес Титулеску. Румынские журналисты увидели положительное влияние статьи и подумали, что на нее автора вдохновил Титулеску. «И в самом деле, — отмечал Виноградов, — единственным органом, который в силу сложившихся обстоятельств может открыто сказать румынским политическим кругам о польских интригах против нас и против Титулеску, оказывается “Журналь де Моску”»². Литвинов понимал, как ответить полякам. Однако Арцишевского не выслали из страны, а это кое-что значит. Он оставался в Бухаресте до 1938 года. Румыния была важным полем сражения в войне за коллективную безопасность. И в этой битве страдали Титулеску и СССР. Шел конец осени 1935 года.

Лаваль и немцы

Советские посольства в Бухаресте, Варшаве и Праге подробно рассказывали НКВД об отрицательном влиянии маневров Лаваля. Тем же самым занималось и посольство в Париже. Лаваль сам напрямую заговорил о франко-германском союзе с немецким послом

¹ Выдержка из дневника Б. Д. Виноградова. 30 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 72. Л. 150–151.

² Б. Д. Виноградов — М. М. Литвинову. 24 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 97. Л. 29.

во Франции Роландом Кёстером. Это было в середине ноября 1935 года. Кёстер не воспринял Лавалья всерьез. Он решил, что тот просто пытается впечатлить британцев или русских или же снизить поток критики дома¹. Однако итальянский посол в Париже Витторио Черрути полагал, что предложению Лавалья стоит уделить внимание. Итальянское правительство передало его в Берлин. В целом предложение заключалось в следующем: франко-советский пакт будет «поглощен» соглашением о безопасности в Восточной Европе и таким образом будет «деактуализирован»².

Про Лавалья стоит сказать одно: он не скрывал своих намерений даже от Потемкина. На встрече в конце ноября Лаваль рассказал ему о недавних переговорах между французским послом в Берлине Франсуа-Понсе и Гитлером. Он выделил два момента. Во-первых, Франция и Германия хотят наладить хорошие отношения, чтобы сохранить мир в Европе. К сожалению, главным препятствием к франко-германскому сближению стал «пакт от 2 мая». Франко-советское сотрудничество в контексте договора о взаимопомощи не только не гарантирует безопасность в Европе, но и угрожает разрушить «его политику безопасности». СССР был дан четкий сигнал, что он проигрывает битву за коллективную безопасность в Париже. «В момент, когда в [французском. — М. К.] парламенте должен быть поставлен вопрос о ратификации франко-советского пакта, — писал Потемкин, явно сильно недооценивая ситуацию, — эти сигналы главы правительства естественно, должны заставить нас насторожиться». И это было еще не все: «Лаваль старался психологически подготовить нас к отказу от пакта взаимной помощи и к замене его соглашением или даже пресловутой декларацией Германии о ненападении... По-видимому, здесь мы имеем перед собой план, уже созревающий в голове нашего ненадежного партнера». Лаваль дошел до того, что заговорил о преступлении во имя мира, что, с точки зрения Потемкина, относилось к пакту о взаимопомощи.

И как будто этого было недостаточно, Лаваль еще и обвинил советское правительство в деятельности против «государственного порядка» и «в кампании [во Франции. — М. К.], ведущейся против него самого», о которой ходили слухи. Лаваль всегда так делал, когда

¹ Roland Köster, German ambassador in Paris. No. 1161. 18 Nov. 1935. DGFP, C, IV, 825–829.

² Köpke's memorandum. 28 Nov. 1935. DGFP, C, IV, 849–851.

хотел оттолкнуть СССР. Потемкин начал возражать, и Лаваль прибег к аргументу, что Коминтерн — «орудие вашей компартии и товарища Сталина». Это был неплохой аргумент, но он пошел дальше. «Лаваль многозначительно давал понять, что от него зависит судьба нашего пакта. Если он удержится у власти, если умерится ведомая против него кампания левой прессы, пакт может быть ратифицирован, хотя оппозиция, конечно, будет энергично против него возражать». С точки зрения Потемкина, своим последним комментарием Лаваль хотел сказать, что либо он открыто предлагает сделку, похожую на шантаж, либо предупреждает, что пакт будет настолько дискредитирован в Национальной ассамблее, что, даже если он пройдет, то не будет иметь никакой «моральной силы»¹. В отчете Потемкина отражено то, что Лаваль и его послы в Берлине месяцами твердили своим немецким собеседникам. Лаваль поделился беспокойством фюрера на тему большевизма. «Во Франции... не могут недооценивать опасность». Франко-советский пакт был попыткой увести Россию от «большевизации Европы». Он не был направлен против Германии. По словам Франсуа-Понсе, Лаваль уехал в Москву, чтоб «выбить почву из-под ног самой влиятельной парламентской группы в Париже... у коммунистов, марксистов, масонов и евреев». Если Германия договорится с Францией, сказал Лаваль Кёстеру, то «Франция отдаст все бумаги обратно России... В конце концов, — шутил он, — вы же хотели как-нибудь надуть большевиков». Лаваль был неисправим. Когда он говорил о несовместимости «пакта» со сближением с Германией, он просто повторял слова немецкого посла в Париже². В 1945 году Лаваль с удовольствием взял бы назад многие свои слова и поступки. Он признавал, что совершал ошибки, но он слишком поздно прозрел, и это не могло его спасти от казни за предательство и сотрудничество с врагом.

Для Лавалья это было не просто достижение соглашения с Германией и отказ от сближения с СССР. Народный фронт бы рухнул, если бы Франция подписала «соглашение о ненападении» с Германией. Социалисты и радикал-социалисты отмежевались бы от

¹ В. П. Потемкин — Н. Н. Крестинскому. 26 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 119—122.

² Memorandum by Neurath [German foreign minister]. 25 June 1935. DGFP, C, IV, 255—256; Köster to German foreign ministry. No. 1188. 27 Nov. 1935, *ibid.*, 859—862; Köster to German foreign ministry. No. 1223. 18 Dec. 1935, *ibid.*, 925—956.

Коммунистической партии. «После того как будет заложена основа [между Францией и Германией. — *М. К.*], — объяснял Лаваль немецкому послу, — найдется один конец клубка, и тогда появится надежда, что за него можно потянуть и полностью распутать». Нейрат написал от руки на телеграмме Кёстера: «Кто из них слишком оптимистичен: Лаваль или Кёстер?»¹

Конечно, это не могло быть так просто. В ноябре, когда Лаваль встречался с Потемкиным, шла безжалостная политическая борьба, в ходе которой Лаваль терял позиции. Его ослабила утечка секретных переговоров с Хором, в ходе которых он обещал отдать большую часть Абиссинии Муссолини. Кроме того, в новостях сообщалось о поездке французского журналиста Фернана де Бринона в Берлин и о разговоре Франсуа-Понсе с Гитлером. Из этих встреч ничего не вышло. Литвинов не был удивлен. Он сказал Альфану, что его не слишком беспокоят переговоры с Гитлером, поскольку он не видит основы для серьезного франко-германского соглашения. Единственное, что могло произойти, это рост недоверия и тревоги. С точки зрения Литвинова, недоверие к политической ситуации возникало из-за действий французского правительства. «Эта неуверенность, — подчеркнул нарком, — наблюдается не только в Москве, но и в других столицах, таких как Прага, Бухарест, и в особенности Лондон». Альфан попытался защитить своего начальника: он был расстроен из-за на шумевшей парламентской предвыборной кампании. В прессе появились статьи на тему коммунистической пропаганды, направленные на Народный фронт². Это произошло в декабре 1935 года. «Антисоветская роль Лавалья выясняется все больше и больше, — сказал Литвинов. — Есть шансы ухода Лавалья из кабинета, но я считаю возможным при абсолютной дряблости французских радикалов и Эррио не только дальнейшее оставление Лавалья в кабинете, но и укрепление его позиции, в каком-то случае франко-советское сотрудничество ближайшего будущего не имеет»³. Из-за

¹ Köster to German foreign ministry. No. 827. 27 July 1935. DGFP, C, IV, 493–496.

² Встреча с Ш. Альфаном. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 29 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. Д. 814. П. 164. Л. 2–3.

³ В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 22 ноября 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 562–564; В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 27 ноября 1935 г. // Там же. С. 567–568; М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 ноября 1935 г. // Там же. С. 667; М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. Д. 16. П. 106. Л. 35–37.

предательства Франции Литвинов стал настоящим пессимистом. Неудивительно, что у наркома периодически случались приступы цинизма. «Будем, однако, бороться», — говорил он иногда своим послам, и это было правдой¹. То же самое можно было сказать и про позицию Сталина, продолжавшего его поддерживать.

Расчеты Литвинова

В Москве нарком пытался понять, как ускорить ратификацию в Париже. Смогут ли они назначить Поль-Бонкура докладчиком в Сенате? Об этом он спросил Потемкина². Именно этот вопрос Потемкин обсуждал с различными людьми в Париже, среди которых были Эррио, Поль-Бонкур и Анри Торрес. Как можно сдвинуть с места ратификацию, как можно провести ее через Сенат после того, как она пройдет через Палату депутатов? В советском посольстве проходили стратегические сессии, в которых принимали участие сторонники пакта и Потемкин. Дипломатические поля боя были не только в Центральной и Восточной Европе, но и в Париже. Потемкин даже пытался действовать через Мадлен Декори, вдову известного парижского юриста Феликса Декори и давнюю любовницу покойного Раймона Пуанкаре. Она также была хозяйкой политического салона в Париже. Мадам Декори стала посредником между Потемкиным и старым врагом СССР Жозефом Кайо, влиятельным сенатором, который выступал против пакта³. Какой парадокс: старый большевик и элегантная представительница буржуазии работают вместе над ратификацией и коллективной безопасностью. Великие дела сведут человека с кем угодно.

Кайо и остальные пытались привязать одобрение пакта (дело национальной безопасности) к старой проблеме невыплаченных царских долгов. Сталин ясно дал понять Лавалю в Москве, что нет никакого способа снова вернуться к этому вопросу. Была ли это попытка использовать пакт в своих интересах или саботировать его? Поль-Бонкур полагал, что Кайо занимался показухой,

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 мая 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 26. Л. 4–6.

² М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 26 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 223–224.

³ Mme Félix Decori, Navachine, Dimitri... P/5047, Préfecture de police. 11 Aug. 1923. AN F7 12952; *Martin-Fugier A.* La bourgeoisie. Paris: Grasset, 1983.

но Потемкин не был в этом так уверен. У Кайо был помощник в Палате депутатов — ни много ни мало член кабинета, социалист. Единственным светлым пятном было то, что переговоры, в ходе которых обсуждалась серьезная торговая сделка, двигались вперед. Их вели с двумя французскими банками «Луи Дрейфус» и «Селигманн»¹. Еще одной проблемой был план Хора — Лавалья, информация о котором просочилась в прессу. Лаваль пришел в ярость, но его мало кто поддержал. Потемкин был хорошо проинформирован².

Хотя Хор ушел с должности министра иностранных дел Великобритании, Лаваль все еще держался за власть. Литвинов был разочарован, хотя, как помнят читатели, сам бы он поддержал сделку по Абиссинии, если бы можно было все сделать тихо, быстро и не вовлекая Лигу. «“Парижский план” ликвидации Абиссинского конфликта лишний раз и с достаточной убедительностью доказывает, — писал Литвинов Потемкину, — что в лице Лавалья мы имеем последовательного настойчивого врага коллективной системы безопасности, в том числе и Лиги Наций, решившего создать совершенно новую систему международных отношений». Это он явно льстил Лавалю. На депеше Литвинова стоит дата 19 декабря. Поэтому, возможно, он не слышал об увольнении Хора за день до этого. Литвинов не знал последние новости и поэтому полагал, что Лаваль продержится у власти до выборов весной 1936 года. Тогда все признаки предыдущей французской политики исчезнут без следа. «В первую очередь он сделает все, что в его силах, чтобы если не сорвать, то затормозить надолго советско-французский пакт. Если теперь Совет Лиги Наций пойдет в малейшей мере навстречу его пожеланиям [по Абиссинии. — М. К.], то от Лиги Наций останется скоро лишь одно воспоминание»³.

Сплетни

Альфан приехал домой в отпуск на рождественские каникулы и несколько раз на праздниках встречался с Потемкиным в Париже. Они обсуждали широкий спектр вопросов, и по ним видно, что вну-

¹ Carley M. J. Five Kopecks for Five Kopeck. P. 46–47.

² В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 11 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 148. Л. 225–231.

³ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 19 декабря 1935 г. // Там же. Л. 233–234.

тренняя политика Франции плохо действовала на франко-советские отношения, в особенности рост влияния Народного фронта, который собирался участвовать в предвыборной кампании весной 1936 года. По словам Альфана, политическая ситуация ухудшалась. Лаваль беспокоил рост влияния Французской коммунистической партии и укрепление Народного фронта. Коммунисты его не беспокоили, так как они оставались маленькой «экстремистской» группой. Они уравнивали похожие группы, такие как правая группа «Французское действие». Но когда Коммунистическая партия изменила свою позицию и решила поддержать национальную оборону, она обрела легитимность. Теперь Лаваль понял, что его правительству может скоро прийти конец. Альфан отметил, что деятельность Коминтерна также не шла правительству на пользу, и не могла бы Москва как-нибудь на Коминтерн повлиять¹. Парадокс заключался в том, что Коминтерн придерживался политики единого фронта для борьбы с фашизмом, и именно это беспокоило Лаваль и остальных правых. Левые становились слишком сильными, и правые, затеяв против них кампанию, называли Народный фронт марионеткой Сталина. Пока Альфан был в Париже, у французского поверенного в Москве состоялся интересный разговор с начальником отдела НКВД Алексеем Федоровичем Нейманом. Когда посольством руководил Пайяр, он любил зайти в НКВД поговорить с кем-нибудь, кто ему подвернется под руку. В тот день Пайяр хотел выяснить, как советское правительство ладит с Великобританией. «Произошло значительное улучшение», — ответил Нейман. Британская империя, которой грозит агрессия в разных частях света, «начинает понимать правильность принципа о неделимости мира». Нейман продолжил, что это хорошо и помогает улучшить отношения. «Однако развитие английской политики в направлении коллективной безопасности могло бы быть более определенным и менее зигзагообразным, но в этом отношении долю ответственности несет французская политика». Пайяр кивнул в знак согласия, затронув вопрос французской и итальянской политики: «Франция, по его мнению, сделала большую ошибку, когда сочла нужным платить Италии за участие во “фронте Стрезы” поощрением ее колониальных замыслов... Через шесть месяцев Италия без всякой компенсации присоединилась бы

¹ Беседа В. П. Потемкина с французским послом Ш. Альфаном. 10 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 20. Д. 828. П. 167. Л. 18—11.

к “фронту Стрезы”, французская же политика создала у нее опасные иллюзии»¹. На самом деле Литвинов вполне мог бы сделать что-то похожее, если можно было бы обойтись без скандала и не вовлекать Лигу.

В начале 1936 года Потемкин часто встречался с Жоржем Манделем, который стал членом кабинета в ноябре 1934 года при председателе Совета министров Фландене. В конце декабря они разговаривали после обеда в квартире Табуи, где находился неофициальный политический салон. Потемкин спросил, хотел бы он принять приглашение сформировать правительство. Я не стал бы отказываться, ответил Мандель откровенно, тогда «линия кабинета как во внутренней, так и во внешней политике стала бы достаточно определенной». По словам Потемкина, «Мандель... осуждает Лаваль за игру с двумя центрами фашизма — Римом и Берлином, которая может привести к окончательной изоляции Франции на Европейском континенте». Он, очевидно, поговорил с Иденом, который подумывал над созданием возможного союза, в который бы вошли США, Великобритания и СССР, а Франция будет брошена на произвол судьбы, если она продолжит тесное общение с Германией. Иден, видимо, говорил всякий вздор и пытался напугать французов. «Лаваль... лишен всякой международно-политической перспективы, — сказал Мандель. — Вся внешняя политика рассматривается им под углом зрения его собственных внутривнутриполитических интересов и в аспекте близорукого провинциального пацифизма»².

Плохие новости

Шел январь 1936 года. Казалось, что не существует возможности немедленно найти выход из тупика в отношениях с Францией. Лаваль все еще держался за власть, а франко-советский пакт лежал в столе в МИД и так и не был ратифицирован. Литвинов попросил Потемкина рассказать ему, какие есть перспективы ратификации и сообщить о «будущем Лавалья». Он хотел попробовать еще раз надавить, чтобы провести пакт через Национальную ассамблею,

¹ Запись разговора с советником французского посольства Ж. Пайяром. Выдержка из дневника А. Ф. Неймана. 21 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 29—31.

² Беседа В. П. Потемкина с Ж. Манделем [27 декабря 1935 г.]. 10 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 4—3.

и беспокоился, что если Лаваль останется у власти, он может нанести непоправимый вред¹.

Через неделю Потемкин предоставил отчет. Новости были плохими. «Положение вопроса о ратификации пакта нельзя признать удовлетворительным, — написал он и затем продолжил: — Лаваль, несомненно, затягивает это дело. Хотя он и говорит кое-кому, что намерен выполнить свои морально-политические обязательства перед нами и союзниками, заинтересованными в организации коллективной безопасности в Восточной Европе, нам известны и другие его заявления. Он продолжает твердить, что мы “не стоим” ратификации пакта, что по соображениям внешнеполитическим целесообразнее с ней не торопиться и что, во всяком случае, всякому должно быть очевидно, насколько общественное мнение влиятельных политических групп настроено против нас и сближения с Москвой, ведущей во Франции и ее колониях подрывную работу».

Все упиралось в Лаваль. Потемкин мало что мог сделать. Наши друзья, говорил он, Эррио, Блюм, Мандель и другие, все еще не вернулись в Париж, так как уехали на новогодние праздники. Потемкин разговаривал с Торресом, который сказал, что «“атмосфера” не вполне благоприятна для нас». Видимо, Палата депутатов все еще не собиралась рассматривать пакт. Торрес и другие пытались начать ратификацию, но было непонятно, получится ли преодолеть барьер, который поставил Лаваль².

Были и другие плохие новости. Много месяцев шло обсуждение кредита на 1 млрд франков на франко-советскую торговлю с «Луи Дрейфусом» и «Селигманном», но так и не получилось ни о чем договориться. Французские правые газеты (в том числе «Аксьон франсез», «Матэн», «Виктуар» и «Же сюи парту») начали кампанию против этого плана, и она набирала обороты. «Нам доподлинно известно, — писал Потемкин, — что вся эта агитация инспирируется кругами, близкими к Комитэ де Форж и французскому банку»³. Это было правдой. Банк Франции и Комитет металлургии были лидерами оппозиции и выступали против улучшения торговых от-

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 3 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 119. Л. 1–2.

² В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 11 января 1936 г. // Там же. Д. 120. Л. 1–5.

³ Там же.

ношений с большевиками. За несколько месяцев до этого Альфан подчеркивал важность советской торговой сделки и предупреждал, что французские банки могут стать серьезным препятствием на пути к успеху¹. На самом деле Банк Франции отказался одобрить кредит на миллиард франков, который обязал бы правительство обратиться за финансовой поддержкой в Фонд депозитов и консигнаций — государственный сберегательный банк. В начале января Фонд объявил, что он не готов поддержать сделку, так как боится враждебной кампании в прессе². Потемкин продолжил, что агент из банка «Селигманн» «...рассказал, что представители органов печати, ведущих борьбу против предоставления нам займа, с полной откровенностью ставят вопрос о цене, за которую можно купить их молчание, если не поддержку этого плана. Конечно, сделать что-либо в этом направлении мы бессильны. Но даже те органы, которые занимают по отношению к нам более или менее пристойную позицию, явно не решаются выступить против бурной кампании, поднятой нашими врагами». Потемкин полагал, что сделке пришел конец. «В данном вопросе решающее слово остается за Лавалем. Формально, в Совете министров, он не возражал против предложения Боннэ. Но на деле он постоянно совещается с [Жаном] Таннри [управляющим банком Франции. — М. К.] и, конечно, как всегда, прислушивается к голосу улицы [то есть прессы. — М. К.]»³. Предательство становилось все более всеобъемлющим. Лишившись торговой сделки, СССР проиграл еще одну битву в борьбе за укрепление франко-советских отношений. Со всех сторон сыпались удары, а наносил их кулак Лавалья.

Никто не знал, сколько времени Лаваль пробудет у власти. У каждого было свое мнение. «Мое впечатление таково, что Лаваль удержится по крайней мере до новых выборов», — полагал Потемкин и продолжил: «В вопросе о выходе из состава правительства между министрами, членами Радикал-социалистической партии, нет единодушия. Эррио бездействует или изрекает формулы квиетизма⁴. Мандель интригует, подстрекая более импульсивных, но сам, видимо,

¹ Alphant to Laval. No. 275. 2 July 1935. MAÉ URSS/1059, 122–125.

² Carley M. J. Five Kopecks for Five Kopecks. P. 47.

³ В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 11 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 1–5.

⁴ Квиетизм — мистико-созерцательное направление в католической философии, отрицающее человеческую активность и ответственность. — *Примеч. ред.*

не слишком рассчитывает на падение Лавалья в ближайшее время. Большинство левой оппозиции предпочитает выжидать, пока Лаваль выдохнется и окажется полным банкротом. Во всяком случае, до Женева [заседания Лиги Наций в начале февраля. — М. К.] я почти уверенно исключаю возможность падения кабинета Лавалья»¹.

Получив депешу, Литвинов решил действовать. Во-первых, он попросил Потемкина встретиться с Леже, чтобы получить от него прямые ответы. Литвинов предупредил, что если встретиться с Лавалем, то это немедленно просочится в прессу. А на переговоры с Леже никто не обратит внимания. Литвинов велел Потемкину сказать Леже, что прошло почти девять месяцев после подписания пакта о взаимопомощи, а он до сих пор не был ратифицирован. «Скажите, что мы не намерены мириться с тем, чтобы пакт бесконечно служил предметом игры внутренней или внешней для Франции, и что мы хотим, наконец, внести ясность и знать, почему пакт до сих пор не внесен в Палату и когда он будет внесен». Также нарком велел передать это сообщение Лавалю. Потемкин должен был приехать в МИД Франции через несколько дней, чтобы получить ответ². На следующий день Литвинов передал свое сообщение Альфану, который предупредил его о набирающей обороты кампании в прессе во Франции, выступающей против советско-французского сближения. По словам Литвинова, Альфан «был поражен в Париже силой этой кампании, которой охвачена не только пресса, но и политические салоны». Он полагал, что Лаваль останется у власти до весенних выборов. Литвинов ответил в духе того сообщения, что он отправил Потемкину накануне. Всему есть предел. Альфан был согласен, но не мог ничего обещать³. Французский посол также записал разговор с наркомом. Он пропустил большую часть подробностей, о которых говорил Литвинов, но подчеркнул один момент, который отсутствовал в отчете наркома. В Москве росло нетерпение из-за задержки в Париже. Возникло ощущение, что СССР должен формировать оборону и делать эту в одиночку, отказавшись от пакта о взаимопомощи с Францией.

¹ В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 11 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 1–5.

² М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 13 января 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 26–27.

³ Запись беседы М. М. Литвинова с Ш. Альфаном. 14 января 1936 г. // Там же. С. 27–28.

Литвинов пояснил, что выступает против этого подхода. Видимо, именно поэтому он не упомянул о нем в своих записях¹.

Литвинов также предупредил Сталина о проблемах во Франции. Он рекомендовал увеличить ежегодный бюджет НКВД на французскую прессу до 2,9 млн франков. Это необходимо, пояснил нарком, что объясняется враждебными политическими мерами Лавалля и «известной неустойчивостью, проявленной другими французскими кругами, в том числе даже Эррио... Нам необходимо усилить обработку французского общественного мнения путем дальнейшего проникновения во французскую печать»². В феврале Литвинов составил подробную бюджетную заявку, куда включил почти 500 000 франков в год на «Тан». СССР продолжал платить «Роллин», а также антифашистской журналистке Табуи (5000 франков в месяц). Литвинов сказал, что советское посольство не может наводить справки о самых влиятельных журналистах «без наличия твердой уверенности, что их заявка [на выплаты. — М. К.] будет удовлетворена». Литвинов имел в виду таких правых журналистов, как Пертинакс, Жюль Зауэрвайн и Андре Пиронно³. Точно так же «на заказы видным журналистам отдельных статей, на издание брошюр, на организацию публичных докладов, конференций и проч., необходимо иметь ассигнование в размере минимум — 35 000 франков»⁴. Литвинов сильно изменился с тех времен, когда Чичерин считал его прижимистым в вопросах бюджета. Кто бы мог поверить, что СССР будет так терпелив с «Тан» и что советское правительство будет настолько привержено сближению с Францией? Полмиллиона франков на «Тан»? Сколько еще времени НКВД собирался платить непонятно за что?

В конце концов Потемкин 15 января встретился с Лавалем и передал сообщение Литвинова. Потемкин сказал, что задержка в ратификации франко-советского пакта произвела крайне неблагоприятное впечатление в Москве. «Что вы хотите?» — парировал Лаваль. Оппозиция выступила против пакта, и она значительно возросла с мая. «Общественное мнение Франции, — сказал он, — констати-

¹ Alphant to Laval. Nos. 15–16. 14 Jan. 1936. DDF, 2^e, I, 69.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 13 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 15–16.

³ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 13 января 1936 г. // Там же. Л. 9–13.

⁴ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 22 февраля 1936 г. // Там же. Л. 61–65.

рует, что за истекшие полгода в стране наблюдается чрезвычайный рост революционного движения и роли компартии. Это приписывается работе Коминтерна». Лаваль всегда так говорил. «Различие между правительством СССР и Коминтерном есть, — признал Лаваль. — Но центр последнего находится в Москве, и вожди российской компартии направляют деятельность III Интернационала». Парижская коммунистическая ежедневная газета «Юманите» из кожи вон лезла, осыпая грубостями «главу правительства». Можно представить, заметил Лаваль, реакцию умеренных представителей французского общества, которые сейчас не так положительно относятся к франко-советскому пакту¹. Лаваля раздражала не только «Юманите», но и Эррио с Котом, а также другие радикалы и социалисты, в основном потому, что они выступали за франко-советское сближение. На самом деле для Лаваля не было никакой разницы между Народным фронтом и Коминтерном. Неудивительно, что это было центральной линией предвыборной пропаганды правых.

Потемкин предупредил Литвинова, что Лаваль может выступить против него в Женеве, предъявив свое знаменитое «досье», состоящее из доказательств вмешательства СССР и Коминтерна во французские дела. Потемкин заметил, что уже не первый раз Лаваль угрожает своим знаменитым грязным досье, а на самом деле никто не знает, существует оно или нет. Кроме того, оставался вечный вопрос ратификации. Потемкин поддерживал отношения со своими знакомыми из парламента: Торресом, Дельбосом, Полем Бастидом, Манделем и Эррио. Последний был «более пассивен, чем остальные» и «в состоянии, близком к смущению». Что случилось с Эррио? По-видимому, Потемкин сильнее зависел от Манделя, который давал тактические советы на тему того, как сделать так, чтобы пакт ратифицировали. «Видимо, мы вошли в решающую фазу», — сообщил Потемкин. Примерно 150 депутатов проголосуют против. Этого недостаточно, чтобы заблокировать ратификацию, но достаточно, чтобы вызвать беспокойство. Кроме того, кто знает, что случится в Сенате? Мандель был уверен, что все будет хорошо. Сенаторы не осмелятся голосовать против ратификации после того, как пакт бу-

¹ Беседа с П. Лавалем. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. 25 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 27—19.

дет одобрен Палатой депутатов. Ведь большая часть французов полагала, что это вопрос французской и европейской безопасности¹.

Дела в правительстве накалились до предела, и Лаваль поспешил вернуться из Женевы в Париж. По словам Потемкина, все могли только гадать, что будет дальше. Некоторые радикалы все еще хотели поддержать Лаваля. Эррио ушел с поста председателя Радикальной партии, и его заменил Даладье. Эррио проклинал Народный фронт и отказался поддержать его программу. По его словам, из-за нее страна сдвинется вправо. Лео Габорио, доверенное лицо Эррио и редактор «Эр нувелль», хотел встретиться с Потемкиным, чтобы «метать громы в сторону Даладье — единомышленника Лаваля, Даладье-германофила». С его точки зрения, возможные кандидаты на должность Лаваля не были, мягко говоря, оптимальными, хотя первым в списке возможных преемников был Альбер Сарро. Во Франции в 1930-х годах всегда был преемник, готовый заменить существующего председателя Совета министров. «Думаю, — предупреждал Потемкин, — что среди него [кабинета. — *Ред.*] только Лаваль знает, что ему делать. Недаром одна из газет называет его сегодня “Фениксом, способным возрождаться из пепла”»².

¹ В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 18 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 34—38; Беседа с министром почты и телеграфа Ж. Манделем [17 января]. 25 января 1936 г. // Там же. Л. 44—55.

² В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 20 января 1936 г. // Там же. Л. 42—43.

ГЛАВА XIV

ПРОВАЛ В ЛОНДОНЕ: КОНЕЦ АНГЛО-СОВЕТСКОГО СБЛИЖЕНИЯ. 1936 ГОД

Когда Иден вступил в должность в декабре 1935 года, ему было всего 38 лет. Многие коллеги полагали, что ему все еще не хватает опыта. Идена считали слишком манерным и чувствительным, поскольку он слишком бурно отреагировал на критику во время предвыборной кампании в ноябре 1935 года. С другой стороны, Ванситтарт был старше на целое поколение, более прямодушным и не собирався терпеть глупцов. Он привык добиваться своего, когда работал с Саймоном и Хором, и полагал, что любой идиот должен понимать угрозу, которую нацисты представляют для британской безопасности. В своих воспоминаниях Иден описывал Ванситтарта как «искреннего, почти фанатичного борца за правду... по складу характера он был больше похож на министра, чем на чиновника». Иден был слишком чувствителен и ему приходилось доказывать, кто тут главный. Задачу облегчал «абиссинский провал», который навредил репутации Ванситтарта. Он так и не смог от него оправиться, а Иден всячески ему мешал¹. За четыре месяца до этого Липер сказал Брюсу Локкарту, что «иностранными делами» в Великобритании «заведуют Болдуин, Невилл Чемберлен, Хор и Ванситтарт. Последний из них — больше всего»². И никто другой.

Эти обстоятельства повлияли на англо-советские отношения спустя год, как и предсказывал Черчилль, и Европа столкнулась

¹ *Rose N. Vansittart*. P. 271.

² *The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart, 1915–1946* / ed. Y. Kenneth. Vol. 1. London: Macmillan, 1973. P. 329.

с огромной угрозой¹. Дело Хора — Лавалья, навредившее надежности Лиги Наций, ослабило возможность оказывать сопротивление нацистской агрессии. Это был один из фронтов, на котором велась битва за улучшение англо-советских отношений. Другим был британский заем. Если бы кабинет придерживался единого мнения, то было бы логичным укрепить связи с СССР, чтобы противостоять фиаско в Абиссинии. Так что первым делом следовало предоставить СССР заем, но этого не произошло.

В декабре 1935 года на фоне Абиссинского кризиса разгорелся спор между Сарджентом и Кольером. Разведка Военного министерства и Министерства иностранных дел добыла доказательства возможного улучшения германо-советских отношений. Кольер использовал эти данные, чтобы оказать давление в пользу более тесного сотрудничества с СССР и займа. Сарджент был категорически против и пытался показать бессмысленность его энтузиазма. С точки зрения Сарджента, лучше всего помешать советско-германскому сближению можно было с помощью британской политики сотрудничества с *«обеими»* [курсив в оригинале. — М. К.] странами: Германией и Россией, в особенности с Германией... Нам необходимо... проверить намерения и искренность Гитлера, прежде чем складывать все яйца в русскую корзину». Сарджент сказал: «сотрудничество» с Германией и «искренность» Гитлера. Мог он хоть в чем-то быть правым? Хотя Ванситтарт отказался участвовать в споре, он отметил, что советско-германское сближение не было «непосредственно возможностью», если только «мы не поведем себя неправильно в этой ситуации»². Как увидят читатели, это был верный призыв.

Энтони Иден: друг или враг?

6 января 1936 года Майский встретился с Иденом, чтобы убедить его ускорить англо-советское сближение и прийти к решению по вопросу займа. Иден был вежлив, но, судя по отчету Майского, создавалось впечатление, что новый министр иностранных дел просто

¹ *Manchester W.* The Caged Lion. P. 166.

² Collier's minute. 19 Dec. 1935. N6255/7/38, TNA FO 371 19450; Minutes by Sargent. 17 Jan. 1936. Vansittart. 17 Jan. 1936. N6642/76/38, TNA FO 371 19460; Sargent to Vansittart. 17 Jan. 1936, *ibid.*

соблюдает формальности. Он вежливо спрашивал, что думает посол, а потом начинал, как обычно, перечислять общие интересы и говорить об отсутствии конфликта. Майский спросил про англо-германские отношения, что, видимо, застало Идена врасплох. Если посол рассчитывал на ответ в стиле Ванситтарта, то он его не получил. Иден описал эту встречу, но всего в нескольких абзацах. «По ходу разговора Майский несколько раз говорил о своем желании добиться улучшения взаимопонимания между правительствами Его Величества и СССР, — писал Иден. — Я был убежден, что единственной прочной основой для дальнейших действий было... оба правительства должны неукоснительно следовать правилу, согласно которому они воздерживаются от вмешательств во внутренние дела друг друга». Майский также зафиксировал этот комментарий, но не придал ему большого значения. А стоило бы. Иден как будто полагал, что Великобритания оказывает СССР услугу, поддерживая с ним терпимые отношения¹.

Ванситтарт понимал, что у Майского на уме. Он предупредил, что посол теряет терпение. «Он *крайне* [выделено в оригинале. — М. К.] взволнован и полагает, что мы больше не должны терять время, а также никак не может понять, в чем причина задержки». Заем стал бы «контраргументом для всех преждевременных разговоров о соглашении с Германией, на которые господин Лаваль потратил так много денег». Затем Ванситтарт добавил, как бы подтверждая то, что Черчилль сказал Майскому в декабре 1935 года: «*Здесь* [выделено в оригинале. — М. К.] тоже ведется много пустых разговоров и высказывается еще больше пустых идей, что ему [Майскому] хорошо известно»². Как могут догадаться читатели, Сарджент не оставил без внимания попытки Майского защитить заем. «Могу ли я попросить... уделить должное внимание политическим последствиям подобных действий за рубежом?» — писал Сарджент. Заем «для европейской общественности станет крайне значимым поступком, который свидетельствует о необычном и близком политическом сотрудничестве между двумя правительствами». А Гитлер станет

¹ Дискуссия И. М. Майского с Э. Иденом. 6 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 7–10; И. М. Майский — в НКВД. 6 января 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 13–14; Eden to Chilston. No. 11. 6 Jan. 1936. N120/20/38, TNA FO 371 20338.

² Vansittart's minute. 7 Jan. 1936. N120/20/38, TNA FO 371 20338; Memorandum by Collier. 7 Jan. 1936. N125/20/38, *ibid*.

Министр иностранных дел
Великобритании Э. Иден.
Середина 1930-х годов

утверждать, что заем стал частью «французской политики окружения». Подобные события затруднят британскому правительству возможность «договориться с Германией»¹. Кольер никогда не соглашался с подобной аргументацией. «Немцы так бы не ненавидели [франко-советский. — М. К.] пакт, — писал он через несколько месяцев, — если бы он не был для них настоящим препятствием»².

Иден был в большей степени согласен с Сарджентом, но он все равно волновался из-за пропаганды Коминтерна и колебался, стоит ли представлять заем в кабинете. «Я бы мог это сделать с большей уверенностью, — писал он, — если бы меня не тревожили подозрения, что по крайней мере часть этих денег будет потрачена на коммунистическую пропаганду в Британской империи». Ранее он написал: «Я не доверяю [СССР] и уверен, что он ненавидит все то, что мы представляем»³.

Заместители министра лорды Стэнхоуп и Крэнборн также высказались по этому поводу. «Я спрашиваю себя, — заявил Стэнхоуп, — какова наша политика? Хотим ли мы улучшить отношения с Россией *или* [выделено в оригинале. — М. К.] с Германией и Японией?» Стэнхоуп продолжил: «Не могу сказать, что я с большим энтузиазмом отношусь к дружбе с Россией, Германией или Японией — я им всем не доверяю. Но из них троих я больше всего не доверяю России. Помимо того, что от “русских пушек” не было для нас особого толку после 1916 года... я также разделяю подозрения министра обороны, что значительная часть этих денег, вероятнее всего, будет

¹ Sargent to Vansittart. 9 Jan. 1936. N425/20/38, TNA FO 371 20338.

² Collier's minute. 25 Nov. 1936. N5715/187/38, TNA FO 371 20347.

³ Eden's minutes. 15 Jan. 1936, 10 Jan. 1936, N479/20/38, TNA FO 371 20338.

потрачена на подрыв самого крупного бастиона борьбы с большевизмом, а именно Британской империи».

Стэнхоуп пришел к выводу: «Мне кажется, мы должны в первую очередь решить, какая у нас будет политика: антигерманская и про-российская или наоборот? Или же мы можем оседлать двух лошадей одновременно?» Примерно такой же вывод сделал Крэнборн: советское правительство «останется неизменно враждебно настроенным по отношению к Британской империи и будет плести против нас интриги, когда и где сможет»¹.

Ванситтарт ответил, что британское правительство должно блюсти свои интересы в торговых вопросах и «не позволять, чтобы нас запугивали соперники». Что касается европейской безопасности, Ванситтарт сомневался, что Германию можно «вернуть обратно в сообщество стран», заплатив за это цену, доступную для Великобритании. Если британское правительство окажется не готовым, то стоит начать торговаться. «Пока мы не узнали ответ на тему того, какие есть возможности по возврату Германии, нам следует быть осторожными и не разочаровывать тех, кто с нами в одной лодке. Таких много, и одна из таких стран *на настоящий момент* [выделено в оригинале. — М. К.] — это Россия»².

Кольер также выпустил в ответ длинный меморандум, в котором суммировал аргументы в поддержку более близких англо-советских отношений. Если советское правительство хотело, чтобы Великобритания сделала «политический жест» в виде займа, то «им руководило не желание напасть на Германию, а страх перед агрессией с ее стороны». Если британское правительство уступит давлению Германии, выступающей против займа, нацисты «решат, что мы их слишком боимся, чтобы помешать их амбициям в Восточной Европе». Кольер также сделал сильный акцент на коммерческой выгоде займа.

Что касается активности Коминтерна, «на него это в любом случае не сильно повлияет, но даже если и повлияет, то, скорее всего, он направит свою активность против других правительств, если СССР договорится с нами и будет также заинтересован в нашей стабильности, как мы — в его»³.

¹ Minutes by Stanhope and Cranborne. 14 Jan. 1936. TNA FO 371 20338.

² Vansittart's minutes. 9, 15 Jan. 1936. TNA FO 371 20338.

³ Memorandum by Collier. 23 Jan. 1936. N425/20/38, TNA FO 371 20338.

«Прекрасный пример одностороннего освещения вопроса», — ответил Стэнхоуп, который жаловался, что предложение о займе попало «сразу постоянному заместителю министра и к министру обороны» без тщательного предварительного анализа, в ходе которого он и другие могли бы его заблокировать¹. Конечно, Стэнхоуп это так не формулировал, но все поняли, что он имеет в виду. Вопрос временно отложили до возвращения в Лондон посла Фиппса из Берлина.

Майский и Ванситтарт

В это время Майский и его первый секретарь Самуил Бенцианович Каган пытались всячески понять, какова же сейчас температура англо-советских отношений. Они получали хорошую обратную связь, однако она была ограничена словами, что сближение продолжается, как и раньше. 9 января 1936 года Майский впервые с начала декабря встретился с Ванситтартом. Агния Александровна пригласила Сариту Ванситтарт и ее сына в посольство с неофициальным визитом. Майский зашел к ним, чтобы поздороваться. «Мой муж удивляется, — выговорила ему Сарита, — что Вы к нему так долго не заходите. Он всегда с Вами охотно беседует». Майский написал в своем отчете, что у него не было дел, которые нужно было обсудить с Ванситтартом, но часть этого периода Ванситтарт был в Париже, а когда вернулся в Лондон, было не самое лучшее время для того, чтобы навеститься в МИД. Тем не менее из-за упрека Сариты Майский решил встретиться с Ванситтартом. Они обсудили план Хора — Лавая. «Я его одобрил», — сказал Ванситтарт. Конечно, причина заключалась в том, что он все больше боялся немецкой агрессии и хотел удержать и укрепить «фронт Стрезы». По словам Майского, Ванситтарт пытался извлечь хоть какую-то пользу из сложившегося плохого положения: «В процессе кризиса и в результате кризиса члены правительства и британское общественное мнение яснее увидели “реальности” международной ситуации, как они есть. Урок тяжел, но полезен. Ибо самое важное сейчас — это политический реализм. И все, что служит делу укрепления реализма, делу прояснения сознания широких масс Великобритании, — все это хорошо. Ему, В[анситтарту], пришлось пережить несколько тяжелых моментов. Кое-какие элементы,

¹ Stanhope's minutes. N.d., 14 Jan. 1936. N425/20/38, TNA FO 371 20338.

знающие о его отношении к Германии, пытались использовать ситуацию для того, чтобы убрать его с этого места. (В[анситтарт] указал при этом на свое кресло), но попытка сорвалась».

Ванситтарт сказал, что он останется при своей должности и будет дальше продолжать битву. Майский отметил, что, по словам Сариты, во время кризиса Ванситтарту уже не в первый раз предлагали возглавить парижское посольство.

Майский ответил, что он очень рад, что Ванситтарт сохранит свою должность, и спросил, можно ли задать пару вопросов. Какие перспективы у войны между Италией и Абиссинией? Ванситтарт не мог ответить и сказал только, что британскому правительству надо внимательно относиться к любым попыткам ликвидировать кризис. Затем Майский спросил про отношения с нацистской Германией. Британский посол Фиппс встречался с Гитлером в середине декабря. Гитлер просил британцев вмешаться и заблокировать ратификацию франко-советского пакта? Ванситтарт ответил отрицательно. Англо-германские отношения были не настолько хороши, чтобы Гитлер стал так рисковать. Ванситтарт добавил, что кабинету необходимо определить намерения Германии и затем уже принимать решения относительно национальной обороны¹. Майский испытал облегчение, когда услышал, что Ванситтарт сохранит свою работу, однако его слова про внешнюю политику Великобритании не слишком обнадеживали. Ванситтарт едва избежал последствий утечки плана Хора — Лавая, и теперь его позиция ослабла. Это становилось понятно, судя по тому, как смело Сарджент и парламентские заместители министров выступали против предложения предоставить заем СССР. Нападая на него, они нападали на Ванситтарта. Разговаривая с Майским, тот старался не выдать ему эту информацию, также она не утекла по другим каналам в советское посольство.

Майский и Остин Чемберлен

В это время у Майского состоялся интересный разговор с Остином Чемберленом, сводным братом Невилла и бывшим министром иностранных дел, занявшим эту должность после победы тори на

¹ Дискуссия И. М. Майского с Р. Ванситтартom. 9 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 27–30.

выборах в 1924 году. Они обсудили стандартные вопросы. Чемберлен полагал, что Европа может рассчитывать еще на пять мирных лет. Майский давал полтора-два года. Помните, шел январь 1936 года. «Здесь, на Дальнем Востоке, по мнению Ч[емберлена], война, собственно говоря, уже идет, но она носит своеобразный хронический, ползучий характер. Ч[емберлен] не видит пока сил, которые могли бы воспрепятствовать дальнейшему продвижению японской агрессии в Китае. Реальным политикам приходится считаться с тем, что в течение ближайших лет Япония, вероятно, будет отрывать от Китая одну провинцию за другой, не встречая сколько-нибудь эффективного сопротивления». Чемберлен полагал, что у Европы перспективы лучше. Если великие державы договорятся друг с другом, то остальные последуют их примеру. Майский попросил Чемберлена пояснить, что он имеет в виду.

«Ч[емберлен] ответил, что сейчас положение совершенно ясное. В Лиге Наций имеются четыре великих державы — Англия, Франция, СССР и Италия. Италию он всегда рассматривал как мало надежного члена Лиги, а теперь тем более. Но три остальные великие державы — Англия, Франция и СССР — могут и должны действовать вместе в интересах мира. У них есть к этому все основания. Если Италия захочет присоединиться к этим трем державам, — очень хорошо. Если нет, названные три державы настолько велики и могущественны, что при соблюдении единого фронта они легко поведут за собой все остальные».

Чемберлен полагал, что единственным способом двигаться вперед была совместная работа трех держав в рамках Лиги. Забавно, что то же самое предлагал Литвинов перед фиаско плана Хора — Лаваля. Чемберлен не думал, что Абиссинский кризис подорвал доверие к Лиге. Майский спросил, возможно ли создание совместного фронта. Чемберлен ответил утвердительно и сказал, что трехстороннее сотрудничество не только возможно, но и желательно, однако он предупредил, что необходимо обратить внимание на деятельность Коминтерна. Это было «темным пятном», мешавшим англо-советскому сотрудничеству. Конечно, Чемберлен знал, что, по словам советского правительства, оно не несло ответственности за действия Коминтерна, однако он не соглашался с этим утверждением. Майский привел свои обычные аргументы против, но Чемберлен сказал, что не хочет возвращаться к предыдущим претензиям. В последние

годы Коминтерн уже меньше досаждал британскому правительству, однако, если он вернется, это станет серьезной проблемой и «все ныне благоприятные перспективы их сближения были бы сведены на нет». Ванситтарт думал так же.

Майский задал привычный вопрос о будущем «так называемого “западного фронта”, состоящего из Англии, Германии и Италии», который так привлекал большие группы консерваторов. Чемберлен ответил, что вряд ли кто-то всерьез задумывается о западном союзе: «Ведь что конкретно означала бы такая Антанта? Она означала бы создание под гегемонией Гитлера той “Срединной Европы”, которая являлась целью предвоенной Германии. Такая “Срединная Европа” представляла бы величайшую угрозу для Британской империи, и Англия неизбежно должна была бы вступить в войну с Германией еще до того, как очертания “Срединной Европы” стали бы конкретно вырисовываться на горизонте. Идея Западной Антанты лишена всякой реальности. На такую самоубийственную политику не могло бы пойти ни одно британское правительство. Лига Наций — вот единственный возможный путь. Но тут необходима одна оговорка. Очень многое будет зависеть от того, какой Лига Наций выйдет из итало-абиссинского конфликта. Если она выйдет живым, окрепшим организмом, то Ч[емберлен] не сомневается, что Лига Наций действительно станет краеугольным камнем британской внешней политики. Если же Лига Наций потерпит фиаско, — тогда, вероятнее всего, в Великобритании чрезвычайно усилятся изоляционистские тенденции. Великобритания поставит себе в области внешнеполитической ограниченные задачи — защита Франции, Голландии, Бельгии от германской агрессии, а на всю остальную Европу она махнет рукой»¹.

По сути, это означало бы уступку Центральной Европы и многого другого нацистской Германии, что, по словам Остина, было бы самоубийством для Великобритании. Видите, как те, кто пытался придумать, как противостоять нацистам (Черчилль, Остин Чемберлен, Эррио, Литвинов и другие), приходили к одним и тем же выводам? Единственный вопрос был, справятся ли они?

¹ Дискуссия И. М. Майского с О. Чемберленом. 22 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 19–26.

Призрачная надежда

20 января 1936 года умер король Георг V. 26 января Литвинов приехал в Англию из Женевы вместе с маршалом Тухачевским на похороны. После этого он встретился с Ванситтартом и Иденем. Нарком пытался настоять на необходимости коллективной безопасности и перейти к конкретным действиям, чтобы воплотить их в жизнь. Литвинов с успехом встретился с новым королем Эдуардом VIII, и это стало притчей во языцех. Литвинов, Ванситтарт и Майский предлагали трехсторонний союз, состоящий из Великобритании, Франции и СССР, который будет управлять Лигой. Именно так. Остин Чемберлен предлагал то же самое, но Ванситтарт отреагировал на его предложение без энтузиазма, что расстроило Литвинова и Майского¹. На встрече в МИД Литвинов сказал Идену, что нацистская Германия «не понимает никакого другого языка, кроме языка силы». Нацистскую агрессию можно подавить только с помощью решительных действий коалиции европейских стран. Литвинов предупредил, что некоторые из его коллег начали сомневаться в разумности коллективной безопасности. Он винил в этом Лаваля, который задерживал ратификацию франко-советского пакта и которого ловили на флирте с Гитлером. Тем не менее Литвинов подчеркнул, что он по-прежнему поддерживает коллективную безопасность, поскольку это единственный путь вперед. Как и Майский, нарком сказал, что хочет «сделать все, что в его силах», чтобы улучшить англо-советские отношения.

«Нет ли следующего шага, который можно сделать?» — спросил Литвинов. «Не могу придумать ничего нового», — ответил Иден².

Сарджент отнесся к советской позиции без уважения. «Господин Литвинов продвигает в чистом виде политику окружения». К нему присоединился Кольер. «“Окружение” — это тенденциозное [sic] слово!»³ Хотя Ванситтарт наверняка понимал, что битва за заем проиграна, он не собирался сдаваться, несмотря на провал Хора —

¹ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 137–138 (запись от 30 января 1936 г.).

² Eden to Chilston. No. 56. 30 Jan. 1936. N622/20/38, PRO FO 371 20339; М. М. Литвинов — в НКВД. 31 января 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 57.

³ Colin A. Edmond, British consul, Geneva, from Eden. No. 8 LN. 21 Jan. 1936. C452/92/62, TNA FO 371 19879; Minutes by Sargent. 23 Jan. 1936; Collier. 29 Jan. 1936, *ibid*.

Лавала: «Я был готов дожидаться сэра Э. Фиппса, чтобы играть по-честному с теми, кто думает, что мы должны действовать в этой игре, исходя из страха обидеть Германию и поставить под угрозу наши шансы на отдаленное и до сих пор неопределенное соглашение — неопределенное даже в нашем собственном сознании... Предвидя это, я хотел бы еще раз призвать к тому, чтобы для нас путеводной звездой были наши собственные интересы, а не призрачная надежда. Мы должны руководствоваться лишь ими»¹.

Фиппс приехал в Лондон в начале февраля. Он отрицательно отнесся к предложению дать СССР заем, так как в этом случае у Гитлера появится повод снова оккупировать Рейнскую демилитаризованную зону. В то же время договориться о возможных французских и немецких займах не удалось, соответственно, не было угрозы конкуренции. Кроме того, давило немецкое посольство в Лондоне. Фиппс стал последней каплей. Иден отказался обсуждать заем в кабинете². Фиппс не смог убедить Ванситтарта и Кольера. Они полагали, что Гитлер пойдет на все, что сойдет ему с рук. Когда Кольер упомянул возражения Фиппса в Министерстве торговли, разразился громкий смех. Сарджент и Кольер оба были раздражены, но по разным причинам³.

Майский пока не знал о том, что было решено отказать СССР в займе. 5 февраля он встретился с военным министром Даффом Купером, а через несколько дней — с Иденом. С Купером, разделявшим взгляды Черчилля на Германию, сложностей не возникло, а вот с Иденом пришлось топтаться на месте⁴. 13 февраля Кольер за обедом сообщил Майскому плохие новости. Заем отменили, так как он не получил достаточной поддержки в кабинете. Были одобрены более длительные кредиты, а это лучше, чем ничего.

¹ Vansittart's minute. 1 Feb. 1936. N515/187/38, TNA FO 371 20346.

² Notes of meeting held in the Secretary of State's room at the Foreign Office on February 3rd, 1936... C979/4/18, TNA FO 371 19885; Minutes by Wigram. 4 Feb. 1936; Eden. 10 Feb. 1936. C835/4/18, TNA FO 371 19884; Phipps. No. 29 saving, 15 Feb. 1936, & minutes, N923/187/38, TNA FO 371 20346.

³ Collier to Chilston, secret. 5 Feb. 1936. N803/20/38, TNA FO 371 20339; Minutes by Collier. 10 Feb. 1936 & Sargent. 21 Feb. 1936. N756/187/38, TNA FO 371 20346; Collier to Oliphant. 24 Feb. 1936, *ibid*.

⁴ Запись беседы И. М. Майского с Д. Купером. 5 февраля 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 62–64; Дискуссия И. М. Майского с Э. Иденом. 11 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 52–59, опубли.: ДВП. Т. XIX. С. 73–80; Eden to Chilston. No. 76. 11 Feb. 1936. N833/20/38, TNA FO 371 20339.

«Очень жаль, — сказал Майский. — Заем был бы ценен... по политическим причинам», но кредиты были не так интересны. Майский знал о сопротивлении Министерства торговли. Он спросил, почему были отвернуты рекомендации МИД. Кольер не мог сказать, что заем заблокировал Иден, поэтому ответил, что кабинет боялся оппозиции в Палате общин, хотя сам Кольер не думал, что она бы возникла. МИД в целом и он сам в частности поддерживали заем, вероломно сказал Кольер, но кабинет был против. Большинство в кабинете хотели торговать с СССР и были готовы одолжить деньги, «но они хотели это сделать с наименьшим беспокойством». Долгосрочный заем «несомненно, спровоцировал бы серьезные волнения и имел бы большой политический эффект». Кредиты сводят этот риск к минимуму¹. Очевидно, Кольер не мог признаться, что Иден, два заместителя министров и в особенности громогласный Сарджент выступали против «пропаганды» Коминтерна, не доверяли советским мотивам и не хотели разозлить господина Гитлера. Также он не хотел говорить, что они с Ванситтартом находятся в изоляции. Удивительно, что советское посольство так и не получило информацию о постоянной враждебности Сарджента.

Второй раунд в битве за актуализацию англо-советского сближения был проигран. Майский все реже встречался с Ванситтартом. Сарджент удерживал свои позиции. Он выступил против визита Даффа Купера в СССР и, что важнее, против ратификации Францией франко-советского пакта. Лаваль откладывал ее на протяжении почти девяти месяцев, пока не ушел в отставку в конце января 1936 года. Это «фатальная политика, — говорил Сарджент, — которая может привести лишь к одному результату, а именно к войне в Европе, а единственной стороной, которая извлечет из нее выгоду, будет советское правительство в лице агентов Третьего интернационала»². Это был убедительный аргумент для Идена. Он отказался вмешиваться во французские дела, но визит Даффа Купера был отменен, несмотря на благоприятную оценку растущей

¹ Запись беседы И. М. Майского с П. Кольером. 13 февраля 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 86–88; *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 138–139 (запись от 10 февраля 1936 г.); Collier's minute. 14 Feb. 1936. N833/20/38, TNA FO 371 20339; Collier to Browett, Board of Trade. 14 Feb. 1936. N856/20/38, *ibid*.

² Sargent's minute. 2 Jan. 1936. C1/1/17, TNA FO 371 19855.

военной силы СССР¹. Сарджент все время вставлял палки в колеса, а Иден был на его стороне. Именно он, а не Ванситтарт писал информационные записки «министру».

Ванситтарт перестал реагировать на протоколы, в которых говорилось, что необходимо дистанцироваться от Москвы и сближаться с Берлином. Сарджент в них просто торжествовал, саркастически высмеивая ценность «англо-советского пакта»². Мог ли он ошибаться сильнее? Ванситтарт хотел отослать в Париж, чтобы от него избавиться. Сарджент никогда не сомневался в правильности своей идеи. Это был тот человек, который в сентябре 1939 года доведет Великобританию до катастрофы. Осенью того года Великобритания была бы рада, если бы у нее появился «англо-советский пакт». Сарджента следовало бы отправить в какое-нибудь британское консульство в дальнем уголке мира с грунтовыми дорогами и открытой канализацией. К сожалению, он нанес много вреда англо-советским отношениям.

«Возможность достижения понимания с Германией в целом»

Англо-советское сближение пошло на спад, когда кабинет создал комитет, чтобы «изучить возможность достижения понимания с Германией в целом». Сарджент сказал, что правительство не должно делать ничего такого, «что может вызвать ненужное раздражение и подозрения у Германии». Его идеи имеют смысл процитировать без сокращений: «Нам следует в первую очередь действовать в одиночку и не обсуждать это с третьей стороной, чтобы не было утечки и чтобы нам не стали чинить препятствий. А кроме того, нам не следует, пока мы проверяем политику понимания с Германией, брать на себя обязательства в отношении другого курса, который может привести к конфликту с “немецкой” политикой».

В соответствии с этими принципами мы выступили против того... чтобы дать России гарантированный заем. Мы хотели бы, чтобы нас

¹ Minutes by Eden. 29 March 1936. N1840/1298/38, TNA FO 371 20352; Sargent. 2 March 1936. C1081/4/18, TNA FO 371 19886; Report by Colonel E.O. Skaife, British military attaché in Moscow. 20 Jan. 1936, 26pp., N752/287/38, TNA FO 371 20348; Neilson K. Pursued by a Bear: British Estimates of Soviet Military Strength and Anglo-Soviet Relations, 1922–1939 // Canadian Journal of History. Vol. 28. No. 2 (1993). P. 210–212.

² Sargent's minute. 2 March 1936. C1081/4/18, TNA FO 371 19886.

не связывали с действиями французского правительства, которое занимается ратификацией франко-русского пакта. Мы ведем себя осторожно и ничего не рассказываем французскому правительству, так как хотим прозондировать почву в Германии, не спрашивая заранее его согласия...

Довольно очевидно, что советскому правительству не понравится сближение Великобритании с Францией и Германией. Оно так боится Германии, что готово искать союзника среди алчных капиталистов. Оно, конечно, понимает, что его собственная ценность в глазах буржуазных стран Западной Европы во многом зависит от того, насколько они сами боятся Германии.

С учетом данных обстоятельств, я бы предложил соблюдать относительную осторожность в обсуждении немецкой политики с господином Майским и другими русскими. Особенно будет прискорбно, если мы расскажем Майскому больше, чем Корбену. Я считаю, что нам следует изо всех сил стараться не попадать в ситуации, в которых нам придется обсуждать с Майским *общую* [выделено в оригинале. — М. К.] англо-франко-русскую политику»¹.

С точки зрения Олифанта, основной вопрос Сарджента заключался в следующем: «Германия или Россия?» Иден согласился с Сарджентом: «Давайте остерегаться господина Майского. Он неутомимый пропагандист»². Как будто Великобритания оказывала СССР любезность, слушая советские сказки о гитлеровской агрессии, угрожавшей европейскому миру и безопасности. Майский действительно неутомимо продвигал англо-советский союз, и его раздражал британский МИД, в котором верховодили Иден и Сарджент. Конечно, всем было бы намного лучше, если бы британское правительство серьезнее отнеслось к аргументам Майского. Сарджент вообще предлагал действовать в одиночку и ничего не говорить Франции и СССР. Все его рекомендации по изменению курса в сторону Берлина были неправильными. В деле имеются все документы. Когда в мае 1940 года Черчилль проводил кадровые перестановки, Сарджента надо было уволить, сказав ему всего одно слово: «Вон!»

¹ «S. of S.», Sargent. 19 Feb. 1936. N833/20/38, TNA FO 371 20339.

² Minutes by Sargent & Vansittart. 1 Feb. 1936; Eden. 3 Feb. 1936. C573/92/62, TNA FO 371 19879; Oliphant's minutes. 20 Feb. 1936. N833/20/38, TNA FO 371 20339.

Идена сильно раздражала советская «пропаганда». Так, например, он прочитал отчет Чилстона о враждебной советской статье об условиях жизни рабочего класса в Англии. Кольер не обратил на нее особого внимания, но Иден рассвирепел: «После этой статьи я просто убежден, что мы должны держать Майского и его правительство строго на расстоянии вытянутой руки. Мы хотим корректных отношений, но нам следует избегать любой сердечности в отношении правительства, которое ведет себя подобным образом»¹. Иден напомнил Фиппсу свою позицию. Речь шла о политике Сарджента: «Я считаю действительно крайне важным не давать немцам никакого повода думать, что мы хотим присоединиться к политике окружения. Что касается СССР, я бы хотел, чтобы наши отношения строились на дружбе, но... у меня нет иллюзий относительно того, какие на самом деле чувства питает советское правительство к капиталистическому государству»².

Чилстон проговорил некоторые из «невывказанных предположений», которые определяли британскую позицию. «Огромная разница в системе и институтах правительства, в менталитете и концепции свобод субъекта, а кроме того, тот факт, что в этой стране невозможно выразить общественное мнение или настрой... Из-за всего этого создается огромная пропасть, через которую в настоящее время нет моста, какими бы хорошими ни были политические отношения». Чилстон также повторил возражения Идена, связанные с коммунистической пропагандой: «В этом лицемерие двуличного коммунистического государства: оно проводит двуличную политику. С одной стороны, хочет мира для себя, а с другой — нарушает внутреннюю безопасность тех государств, с которыми, по его утверждениям, оно хочет сотрудничать в области “неделимого мира” и коллективной безопасности... Тут мог бы быть строгий упрек пророка: “Что тебе до мира?” Он вполне уместен в отношении этого государства, которое защищает, кормит и использует Коминтерн»³.

На самом деле Коминтерн привлекали не для того, чтобы злить заместителей министра и клерков МИД, а для того, чтобы поддер-

¹ Chilston. No. 96. 10 Feb. 1936. N880/20/38, TNA FO 371 20339; Minutes by Collier. 19 Feb. 1936; Eden. 28 Feb. 1936, *ibid*.

² Eden to Phipps, private. 28 Feb. 1936. N1693/20/38, TNA FO 371 20339.

³ Soviet Union, Annual Report, 1935. Chilston. 31 Jan. 1936. N871/871/38, TNA FO 371 20352.

жать народные фронты или левоцентристские политические коалиции в борьбе с фашизмом в Европе. Как читатели, наверно, заметили на примере Франции, из-за этой стратегии правые развернулись в сторону нацистской Германии и стали, по меньшей мере, к ней более терпимы.

Майский не заметил признаков изменений политики МИД. Ни Кольтер, ни Ванситтарт не предупредили его об Идене и Сардженте. На самом деле Майский положительно оценил поездку Литвинова. «За последние 10 дней я имел возможность прощупать настроение, созданное Вашим визитом в Форин-офис, в дипломатических, политических и журналистских кругах. Все сходятся на том, что прием, оказанный здесь Вам, превзошел все ожидания в смысле внимания и “сердечности”, проявленных со стороны хозяев». Но тем не менее Майский не был уверен в будущем. Положительное впечатление иногда обманывает и «значительно опережает подлинные факты». В то же время он полагал, что «конечно, рассеивать созданное впечатление нам нет никаких оснований. Оно нам выгодно»¹.

«Логика вещей»

Если смотреть на голые факты, то никакой пользы для советской политики не было. В конце длинной депеши Майский поднял вопрос об англо-германских отношениях. Он вполне справедливо полагал, что британское правительство не отказалось от идеи сближения с нацистской Германией, и даже рассуждал о том, что «сердечность», проявленная по отношению к Литвинову, была нужна, чтобы впечатлить Гитлера. В Великобритании все сильнее боялись Германии и Японии, и «логика вещей» должна была привести к сближению с Францией и СССР. Да, с точки зрения логики это должно было быть именно так. Майский не хотел слишком далеко заходить в своих прогнозах и, как, возможно, заметили читатели, он часто слегка шел на попятный, как, например, в своей депеше. Великобритания все сильнее боялась Германию и Японию, однако «это не значит, конечно, что британское правительство твердо и окончательно решило делать общее дело с СССР... Нет, как и раньше, оно будет

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 10 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 89—93.

колебаться, лавировать, бросаться из стороны в сторону»¹. Майский этого не знал, когда писал эти строки, но МИД, благодаря Сардженту и Идену, уже начал склоняться в сторону Берлина. Как ненароком написал Олифант (он вполне мог бы так отреагировать на депешу Майского, если бы ее увидел): «СССР остается СССР, и аудиенция у короля, на которой побывал господин Литвинов, или другие любезности по отношению к отдельным представителям власти никогда не повлияют на основные цели этого государства, хотя иногда оно может захотеть идти в ногу с нами. Но фраза “когда старость придет...” по-прежнему актуальна»². Олифант опустил вторую часть пословицы: «Когда старость придет, то и черт в монастырь пойдет». Другими словами, обещания, данные в беде, часто не выполняются в период процветания. Ванситтарт молча следил за тем, что происходит, пока он находится у власти, и, вероятно, был разочарован.

Майский мог бы поговорить с Саритой Ванситтарт, что принесло бы ему пользу, но он всегда был ярым приверженцем англо-советского союза. Через неделю он отправил Литвинову длинную депешу, перечислив проекты для дальнейшего сближения, которому только что положили конец Иден и Сарджент: поездки в Москву для представителей парламента, в особенности консерваторов, приемы для руководителей профсоюзов и журналистов, а также различные культурные и спортивные мероприятия³.

Глупый вид

Пока МИД размышлял над поворотом в сторону Берлина, Сарджент со своими призрачными надеждами выглядел глупо уже через несколько недель — 7 марта 1936 года, когда немецкие войска вошли в Рейнскую демилитаризованную зону. Вдобавок к этому удару Гитлер осудил Версальский договор, франко-советский пакт и начал рассказывать различные утопические истории о демилитаризованных зонах, возвращении Германии в Лигу Наций и ряде пактов о ненападении. Это был так называемый план мирного урегулирования

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 10 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 89—93.

² Oliphant's minute. 19 Feb. 1936. N880/20/38, TNA FO 371 20339.

³ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 16 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 37—40.

Гитлера, и он сработал просто великолепно. Британцев и французов парализовало, и они не стали ничего предпринимать. Однако вовсе не все сидели сложа руки, в особенности во Франции, как мы увидим в скором времени. В британском МИД Ванситтарт, Уигрэм, Кольер и Липер считали, что нужно что-то делать, но их задвинул на задний план Сарджент, пользующийся поддержкой Идена, позиция которого была в особенности труслива. Ванситтарт даже велел Уигрэму организовать утечку ключевых материалов в прессу. К сожалению, уже через девять месяцев Уигрэм будет мертв.

Французы и британцы долго совещались между собой и думали, как поступить, но в результате решили бездействовать. Читатели смогут подробнее узнать об этих переговорах, когда мы перейдем к Франции. Майский писал: «мы переживаем тяжелые времена», потому что британские германофилы теперь на коне и готовы к тому, чтобы Гитлер обманул их своими торжественными объявлениями о мирных намерениях. Майский заверил Крэнборна в советской поддержке в Лиге, но снова его предупредил, что «Германия начала использовать американскую фразу “агрессор № 1”»¹.

Как в британском МИД могли настолько неверно трактовать события? Черчилль жаловался в Палате общин, что нынче выигрывает «страх против национальной чести». В целом все были окутаны страхом, член парламента от Лейбористской партии Гарольд Никольсон писал: «Страна не потерпит ничего, что может привести к войне. Со всех сторон слышится сочувствие к Германии». Для Никольсона «прогерманский» означало «боявшийся войны»². Таким образом, Рейнский кризис прошел в Великобритании с заламыванием рук, но без каких-либо реальных действий, призванных остановить Гитлера. Так началась эпоха страшных испытаний.

Майский продолжал собирать разные точки зрения. 2 апреля он встретился с Ренсимином. Они обсудили англо-советскую торговлю, а также поговорили о Гитлере. После переживаний из-за Рейнского кризиса Ренсимен хотел уехать на пасхальные праздники. Майский попрекнул его тем, что Гитлер может преподнести еще

¹ И. М. Майский — в НКИД. 8 марта 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 128–129; М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 9 марта 1936 г. // Там же. С. 130; И. М. Майский — М. М. Литвинову. 10 марта 1936 г. // Там же. С. 134; Cranborne's untitled record of conversation with Maiskii. 10 March 1936. C1716/4/18, TNA FO 371 19890.

² *Nicolson H. Dairies and Letters, 1930–1939.* New York: Altheneum, 1966. P. 248–254.

один сюрприз и помешать его отпуску. «Я спросил Ренсимена, — писал Майский, — что же теперь делать?» Ренсимен пожал плечами: «В такие моменты, как нынешний, *лучше не торопиться, авось что-нибудь сложится* [выделено в оригинале. — М. К.]».

«Типичный ответ старого поколения британских министров», — отметил Майский. «Почему не поймать его [Гитлера] на слове? — продолжал Ренсимен. — Ведь никто точно не знает, чего Гитлер хочет». Майский улыбнулся: «Могу довольно точно охарактеризовать, чего он хочет». Так посол и поступил, подчеркнув важность тесного англо-франко-советского сотрудничества и «сильной Лиги Наций», которая необходима, чтобы остановить Гитлера. «Но ведь это будет “окружением” Германии», — ответил Ренсимен. «Я разъяснил Ренсимену разницу между “окружением” и самозащитой на базе коллективной безопасности», — писал Майский. Ренсимен ответил, что Гитлер все равно будет недоволен «окружением» и в любом случае эта стратегия не сработала. Майский заметил, что ее и не пробо-вали. В Великобритании многие боятся Гитлера, но это не причина закрывать глаза на агрессора. Майский предупредил, что скоро начнется новая война, если не будет создана мощная система коллективной безопасности. «Неужели так скоро?» — спросил Ренсимен. Майский снова осветил свою позицию, и Ренсимен признал, что сейчас «опасные времена, тяжелые времена». Так и было. В конце Майский пошутил, что, видимо, испортил Ренсимену настроение перед отпуском¹. Как мог королевский министр быть настолько не-далеким? Читатели могут быть уверены, что Майский не смог досту-чаться до Ренсимена, отгородившегося от него мощными стенами, и не потревожил его во время пасхальных праздников.

Черчилль: как сильно изменилось настроение!

На следующий день Майский и Черчилль вместе обедали. По сообщению одного источника, эти двое стали «закадычными друзьями»². Майский сообщил, что Черчилль пребывал в боевом настроении:

¹ Дискуссия И. М. Майского с председателем Торговой палаты У. Ренсименом. 2 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 112–116, опубли.: ДВП. Т. XIX. С. 207–211.

² *Gilbert M. Prophet of Truth: Winston S. Churchill, 1922–1939.* London: Minerva, 1990. P. 723.

рано или поздно гитлеровскую Германию надо будет остановить. «Если до конца нынешнего года, — сказал он, — не удастся создать оборонительный союз государств, могущих пострадать от германской агрессии, неизбежна война». Этот вывод не удивил бы никого в Москве, но Черчилль сказал Майскому еще кое-что важное, что должно было его подбодрить. «Дураки те, кто пытается делать различие между Западной и Восточной Европой [безопасностью. — М. К.]. Литвинов прав: мир в Европе неделим». Чтобы успокоить сомневающих, нужно работать в рамках Лиги, потому что такие слова, как «профсоюз» и «союз», напугают британскую общественность. Прямое советское участие в антигерманском союзе будет преждевременным и встревожит некоторых консерваторов. Они постепенно меняют свое мнение, но их «прежняя вражда еще далеко не изжита». Черчилль рассказал со смехом, что он недавно выступал перед своими «твердолобыми друзьями» в старом клубе тори, где высказался о необходимости англо-франко-советского сотрудничества, направленного против Германии. Они «проглотили» Францию, но принялись возражать против СССР. «Я рассердился, — сказал Черчилль, — и заявил им: “Будьте политиками и реалистами!”» Затем продолжил: «Мы были бы совершеннейшими идиотами, если бы из-за гипотетической опасности социализма, угрожающей нашим детям или внукам, отказались от помощи СССР против Германии в настоящее время. Моя аргументация произвела весьма сильное впечатление на моих твердолобых слушателей, и они несколько поколебались в своей непримиримости по отношению к вашей стране. Но все-таки подобные настроения есть, и с ними приходится считаться... Через год наши консерваторы будут так напуганы ростом германских вооружений, что сумеют проглотить и большевиков»¹.

Литвинов заинтересовался этим разговором. Он написал Майскому, что взгляды Черчилля соотносятся с «нашим концептом» того, что должно быть сделано. Это касается соглашения «друзей мира», которые затем сформируют единый фронт, чтобы начать переговоры с Германией. Однако он не разделял уверенности Черчилля

¹ Дискуссия И. М. Майского с У. Черчиллем. 3 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 117–123, опубли.: ДВП. Т. XIX. С. 211–217; И. М. Майский — в НКВД. 3 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 220. Д. 1582. Л. 165–166, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1936 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 11.12.2023).

в Лиге. «Впрочем, я не знаю, как Черчилль, но нам известно, что противники Гитлера вроде Остина Чемберлена... неделимость мира толкуют ограниченно, заботясь о гарантиях как для Франции и Бельгии, так и для Австрии и Чехословакии, но готовы отдать на съедение Гитлеру восток Европы или, по крайней мере, СССР»¹.

Через несколько дней после встречи с Черчиллем Майский попытался суммировать свои впечатления от реакции британцев на отправку Гитлером вермахта в Рейнскую область. Казалось, что всем было все равно. Если судить по письмам, которые члены парламента получали от избирателей, тех больше заботили изменения футбольных правил, чем то, что случилось в Рейнской области. Майский отметил, что не нужно думать, будто эти письма пишут только какие-то несколько «чудаков». В Великобритании таких много: «Наряду с пассивностью масс и сумбурным состоянием их мозгов нужно, однако, отметить одно чрезвычайно острое чувство, владеющее этими массами: острый, инстинктивный, животный страх перед войной, в особенности перед воздушными бомбардировками. Все, что угодно, но только не война! — такова основная нота здешних массовых настроений. Отсюда глубокий пацифизм масс, отсюда страх перед всем, что в какой-либо мере может напоминать о войне или грозить (хотя бы в отдаленной степени) развязыванием войны».

В правительственных кругах по-прежнему существовал конфликт между «германофилами» и теми, кто хотел организовать большую коалицию для борьбы с угрозой гитлеровской агрессии. В правом крыле были сильны антисоветские настроения. Это было связано с ростом мощи СССР и его все более активной ролью в Европе. Они не хотели видеть укрепление этой страны, или, во всяком случае, так казалось во Франции и Малой Антанте. Кроме того, начался всплеск антифранцузских настроений. Британцы любили обвинять французов в «глупых» Версальских договорах и отсутствии «гибкости» в отношении Веймарской Германии после войны. Конечно же, британцы несли за это такую же ответственность, как и французы. Более того, британские консерваторы не хотели быть втянутыми в войну из-за франко-советского пакта. «Далее необходимо учитывать распространение изоляционистских настроений

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 26. Л. 1—3.

в руководящих кругах, питаемых отчасти агитацией бивербрукской прессы. Политика же изоляции, или хотя бы полуизоляции, естественно диктует ликвидацию тесных связей с Францией и Лигой Наций, т. е. фактически льет воду на мельницу Германии». На отношение Великобритании к Германии также влияла военная слабость последней, добавлял Майский, из-за чего немцы не могли придерживаться стабильного политического курса, поскольку пытались выиграть время на перевооружение.

Майский всегда сохранял оптимизм. С его точки зрения, Рейнский кризис наконец дал за прошедшие несколько недель толчок в борьбе с «германофилами» за коллективную безопасность, хотя бой с ними вовсе не был окончен. Майский все еще полагал, что Иден поддерживает англо-советское сближение и укрепление «мирного фронта», хотя новоиспеченный министр иностранных дел еще совсем недавно его саботировал. Таким образом, Ванситтарт не признался Майскому в изменении подхода МИД. Посол также говорил о том, что Черчилль и Остин Чемберлен поддерживают «группу Идена». Не было никакой такой группы, которая бы поддерживала сближение с СССР. Черчилль оставался ненавистным тори и имел лишь ограниченное влияние, а Остин будет мертв через одиннадцать месяцев. Что касается Идена, он был ярким приверженцем сближения с нацистской Германией. Когда читаешь длинный отчет Майского, становится понятно, что будущее британской политики оставалось туманным¹.

Затянувшийся Абиссинский кризис

Что касается Абиссинского кризиса, тут Литвинов очень сурово отзывался о британцах. «Меня сильно беспокоит все то, что происходит в Женеве в связи с итало-абиссинской войной, — писал он Майскому, а затем продолжал: — Я дал директиву т[оварищу] Потемкину занимать там пассивную позицию, чтобы демонстративно показать англичанам наше охлаждение к вопросу о санкциях. Англичане должны знать, что наиболее лояльные приверженцы идеи коллективной безопасности и коллективных санкций возмущены их поведением в отношении Германии. Дело не в том, чтобы Англия

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 7 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 102–111.

приняла на себя одинаковые формальные обязательства как в отношении Франции и Бельгии, так и других частей Европы. Важно общее отношение к агрессивности Германии, к нарушению ею договоров и к очевидной подготовке ею войны или серии войн. Все поведение Англии лишь подбадривает и поощряет Германию. Члены Лиги Наций, по-нашему, должны вести себя не только в Женеве, но и вне ее, даже в индивидуальном порядке, в духе непримиримости с агрессией».

У Литвинова была непростая позиция в отношении санкций. «Если мы таким образом одобряем сопротивление Франции дальнейшему усилению санкций против Италии, пока Англия не займет более решительную позицию в отношении Германии, то мы в то же время опасаемся, что слишком благосклонное отношение Франции к Италии и полное прекращение или даже ослабление санкций могут вызвать нежелательную реакцию в английском общественном мнении и еще больше ослабить связь Англии с системой коллективной безопасности». Что касается урегулирования кризиса, тут ничего не менялось: необходимо добиться соглашения, организовав двусторонние переговоры Италии и Абиссинии за пределами Лиги.

Литвинов был полностью сосредоточен на угрозе нацистской Германии. Всем остальным можно было пожертвовать¹.

Майский продолжал искать выход из европейского кризиса. Но его не было. Единственным выходом было создание англо-франко-советского союза, на который возлагали такие большие надежды в 1935 году, однако в 1936 году эта идея полностью провалилась. В письмах Литвинову Майский пытался найти решение. Его сильно впечатлил гитлеровский «план мирного урегулирования», возникший после захвата Рейнской области, и Майский явно пытался понять, как на него реагировать. Могло ли советское правительство продолжать проводить политику защиты политического территориального статуса-кво в Европе? В феврале Иден спросил Майского, как можно наконец решить «немецкую проблему». «Я слышу ежедневно [тот же вопрос] из уст лейбористов, либералов и консерваторов, так или иначе заинтересованных в поддержании системы коллективной безопасности», — ответил он. Что же делать? «Рассуждения

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 26. Л. 1—3.

этих людей идут примерно по такой линии: германская агрессия — зло, — согласны; для борьбы с германской агрессией необходимо создать “фронт мира”, — согласны; но, допустим, “фронт мира” создан, — что же дальше? Каковы задачи “фронта мира”? Силою штыков поддерживать статус-кво». Майский задал риторический вопрос: как можно сохранить статус-кво?» Как можно сохранить существующее положение в Австрии, Чехословакии, Мемеле или Данциге?

Что имел в виду Майский? «Само собой, — добавил он, — я никак не могу взять на себя ответственность за все эти рассуждения, я просто передаю для Вашей ориентировки то, что мне приходится слышать каждодневно». Все-таки не совсем «просто передал». Майский интересовался, имело ли смысл до сих пор продвигать политику статус-кво? Не стоит ли нам предложить собственный «план мирного урегулирования», спросил он Литвинова. Вероятно, Майский что-то придумал. Необходимо отреагировать на план Гитлера, например, выдвинув предложения по разоружению на конференции государств Лиги. Посол продолжал в том же духе и в итоге начал выглядеть глупо. Майский пытался быть практичным, но ему приходили в голову только несбыточные планы. Было лишь одно практическое решение: англо-франко-советский союз против нацистской Германии, который был на тот момент невозможен. В 1936 году не было способа на практике справиться с Гитлером до тех пор, пока Великобритания и Франция отклоняли любые советские предложения по коллективной безопасности и взаимопомощи. «Для меня ясно одно, — сделал вывод Майский, — без какой-либо положительной программы по урегулированию европейских дел нам очень трудно будет сохранить и укрепить свое влияние среди лейбористско-либеральной общественности Англии, да и не одной Англии»¹.

Литвинов ответил Майскому и признал, что как раз пытается придумать план, который мог бы конкурировать с гитлеровским. Существовал еще французский план. Он был утопичен, но его можно было улучшить, хотя и не сразу. Пока не время, считал нарком. «Выступить же с третьим конкурирующим планом значило бы дробить силы и по примеру треугольника на выборах оказать

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову (лично). 24 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 130—133.

косвенную поддержку гитлеровскому плану. Мне кажется более правильным на нынешней стадии всем друзьям мира солидаризироваться и выступать единым фронтом, хотя бы и не на своей собственной платформе.

Более существенным, однако, я считаю нецелесообразность выдвижения плана на основе лозунгов, приемлемых для нынешних английских пацифистов. Выступать с идейной критикой нынешнего статус-кво, оправдывать хотя бы теоретически объединение германских, австрийских, чехословацких, мемельских и данцигских немцев, стремление Германии к источникам сырья — значит, лить воду на мельницу Гитлера. За это, несомненно, ухватятся ваши пацифисты и этим будут оправдывать свое благоволение к Гитлеру. Раз у Гитлера имеются законные стремления и права, то естественно с ним разговаривать и сговариваться».

Именно так вел дела Гитлер, и это вызывало возражения и опасения. «Все, что укрепляет такое государство и поэтому увеличивает опасность нарушения мира, должно быть отмечено. Вбивать это в башку пацифистов полезнее, чем потакать их разглагольствованиям об абсолютной справедливости»¹. Майский, пытаясь разрешить дилеммы советской политики, продолжал встречаться с коллегами. Он виделся с Иденом в конце апреля, а через две недели — с Ванситтартом. Иден был занят тем, что пытался придумать, как совершить поворот в сторону Берлина. Он предложил кабинету проект опросника для Гитлера, в котором спрашивал, будет ли немецкий лидер уважать европейский статус-кво и хочет ли он подписать «подлинные договоры» для сохранения мира в Европе. Почему бы не попросить волка присмотреть за стадом овец? Не только Майскому приходили в голову бредовые идеи. Сложно понять, чего именно планировал добиться Иден с помощью этого опросника, который Фиппс вручил Гитлеру в мае. Разумеется, немецкое правительство не стало на него отвечать. Во время разговора с Иденом Майский упрекнул его в раскachiвании британской политики. Он, как обычно, начал говорить про европейскую безопасность и спросил, что войдет в опросник для Гитлера. Иден ответил уклончиво. Согласно инструкции, полученной

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 мая 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 26. Л. 4–6.

от Литвинова, Майский предложил включить вопрос о Восточном пакте (который на самом деле был уже давно мертв и похоронен), но Иден ответил однозначным отказом. Затем они заговорили об Абиссинском кризисе и вводе вермахта в Рейнскую область. Разгорелась оживленная дискуссия. «Я должен со всей откровенностью сказать, — писал в отчете Майский, — что у нас имеется достаточно оснований относиться критически к британской политике последнего времени. И[ден] точно ждал этого заявления и с оживлением воскликнул: “Вы имеете в виду наше отношение к Германии? Пожалуйста, пожалуйста, продолжайте. Говорите откровенно!” Я не заставил себя упрашивать и изложил Идену нашу точку зрения: в итало-абиссинском конфликте мы непосредственно не заинтересованы, мы поддерживали санкции против агрессора, потому что рассматривали данный случай как предметный урок для других, более опасных агрессоров. Для нас акция Лиги Наций против Италии имела ценность, главным образом, как репетиция подобной же акции против Германии, если и когда она выступит. А что мы видим сейчас? Германия совершила явный акт агрессии, влекущий за собой величайшие последствия. И что же? Англия вместо того, чтобы решительно выступить против Германии, фактически ее поддерживает. Естественно, возникает вопрос, какую ценность тогда имеют крутые меры против Италии? Такая дискриминация между Италией и Германией в пользу Германии заслуживает, с нашей точки зрения, решительного осуждения».

Министр иностранных дел все списывал на общественное мнение, которое было враждебно настроено по отношению к Франции. «И[ден] стал возражать: британское общественное мнение делает разницу между открытым нападением Италии на чужую территорию и вступлением германских войск в германскую же область. Конечно, нарушение Германией Версальского и Локарнских договоров заслуживает осуждения, но все-таки оба акта нельзя ставить на одну доску. А ведь общественное мнение в Англии — решающая сила. По нему приходится равняться правительству». Такое ощущение, что Иден собирался защищать Германию. Убедить Майского не удалось. Британское правительство должно само управлять общественным мнением, а не следовать за ним. Именно этим должен заниматься новостной отдел. Майский не

хотел никого критиковать, но Иден попросил честно сказать, что он думает. План Хора — Лавая, по крайней мере, был политическим курсом, да, не самым прекрасным, но это был именно курс. Это могло бы стать решением военного вопроса, хоть и не самым хорошим. Кроме того, британское правительство говорило, что оно будет придерживаться политики Лиги, но этого не произошло. Вместо этого оно вело себя неуверенно и колебалось. «И вот результат, — сказал Майский. — Англия провалилась между двух стульев, а Лига Наций поставлена под удар. Прошу извинения, но я совершенно не понимаю, чего хочет Ваша страна».

Иден защищал британскую политику. Он сказал: «...мы сделали все, что смогли. Мы действовали в интересах коллективной безопасности». Иден во многом винил Францию, и в особенности Лавая, так что в Великобритании сейчас были сильны антифранцузские настроения. Однако Иден боролся с этими настроениями и старался предотвратить появление разрыва между французской и британской политикой. Майский не был убежден и считал объяснения Идена неудовлетворительными. «Мне часто казалось, что по существу он согласен со мной и возражает лишь главным образом по долгу службы». Майский начал защищать Францию, хотя это не было его обязанностью. «Франция боится Германии, она ищет себе помощи — со стороны Лиги Наций, со стороны отдельных великих и малых держав. В течение всего послевоенного периода Франция добивается от Великобритании твердых обязательств помощи на случай германской агрессии и никак не может этого получить. Всякий раз, как Париж ставит Лондону вопрос, может ли он рассчитывать на безусловную поддержку, Лондон неизменно отвечает “Да, но...” И дальше начинаются различные оговорки и резервы. Надо ли удивляться при таких обстоятельствах, что Франция стала искать себе друзей и в других частях Европы?»

Иден старался защитить британскую политику, однако Майский разбил все его аргументы один за другим. Разговор снова зашел об Абиссинском кризисе. Дела Абиссинии казались безнадежными. Лига пострадала от «тяжелого удара». Если Италия окончательно победит в ближайшие недели, продолжится ли действие санкций? Иден ответил, что вряд ли. Майский заметил, что двигаться вперед можно только за счет коллективной безопасности и укрепления Лиги. Иден развел руками.

«Мы столько сил вложили, — сказал он, — столько стремления и денег, чтобы поддержать принцип коллективной безопасности в ходе итало-абиссинского конфликта. И каков результат? Как я могу сейчас после всего, что произошло, обратиться к моей стране с предложением заново инвестировать энергию, силы и деньги в поддержку коллективной безопасности в любой другой части Европы? Наша страна на это не пойдет». «Тогда остается только одна альтернатива: война», — парировал Майский. В ответ на это заявление «И[ден] беспомощно пожал плечами»¹.

Ванситтарт полагал, что ситуация очень опасная, и следующими целями Германии станут Австрия и Чехословакия. Если ничего не предпринять в ближайшее время, Германия установит в Центральной Европе гегемонию, насчет которой предупреждал Остин Чемберлен. В британской политике царил хаос, но Ванситтарт надеялся, что скоро все изменится к лучшему. Он пытался воодушевить как себя, так и Майского. Это был черный юмор: «тяжелая работа» стабилизировала «глупую и плохо обученную» британскую общественность. «Германия точно собирается ассимилировать соседей в Центральной и Восточной Европе», и Ванситтарт не понимал, как это остановить, «если только наши люди не станут по крайней мере в два-три раза более зрелыми, чем сейчас»². Настроение у Кольера было лучше: «К счастью для англо-русских отношений, перспективы англо-немецких отношений быстро отдаляются». Это, несомненно, был намек на Сарджента. Но через два месяца он был не меньше, чем Ванситтарт обеспокоен «кошмарной» сменой политического курса в Великобритании: «Естественно, я исходил из предпосылки, что есть некоторая

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 25 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. Д. 221. Д. 1586. Л. 148, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1936 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 11.12.2023); Дискуссия И. М. Майского с Э. Иденом [28 апреля 1936 г.]. 9 мая 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 141–148; И. М. Майский — в НКВД. 28 апреля 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 248–250; Eden to D. MacKillop, British chargé d'affaires in Moscow. No. 247. 28 April 1936. C3231/4/18, TNA FO 371 19904.

² Запись беседы И. М. Майского с Р. Ванситтартом. 13 мая 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 264–266; см. также например: Minutes by Vansittart. 26 March 1936. C2390/4/18, TNA FO 371 19898; 15 April 1936. C2487/4/18, *ibid.*; 17 May 1936. C3677/4/18, TNA FO 371 19905.

преимущество [британской] политики и что если бы ее не определяли “Таймс” и лорд Ротермир [медиамагнат и соперник лорда Бивербрука. — М. К.], Северный департамент уже закрыл бы лавочку»¹. Как покажут события, он мог так и поступить.

Последние вздохи

В мае 1936 года Кольер и Ванситтарт попытались снова поднять вопрос займа СССР. Ванситтарт рекомендовал обсудить его в кабинете, но Иден не согласился: «На настоящий момент у меня нет никакого желания возвращаться к этому проекту. Насколько бы ни были оправданы наши причины, они вызовут возмущение в Германии и, соответственно, снизят наши шансы на заключение западноевропейского соглашения. Кроме того, я не хочу особенно близких отношений с СССР. Достаточно “корректных”»².

Майский не знал про последнюю попытку Ванситтарта продвинуть советский заем. И он был не в курсе, что будет дальше. Это видно по его письму, которое он отправил в начале мая в ответ на депешу Литвинова от 4 мая. Конечно, дело было до того, как Иден наложил на заем окончательное вето.

«Я тоже смотрю очень невесело на открывающиеся перед нами перспективы. Предотвратить развязывание большой войны на сравнительно долгий срок могло бы только одно — быстрое (на протяжении ближайших 6—8 месяцев) создание того “фронта мира”, о котором я говорил в своей речи у фабианцев 19 марта. Конкретно это означает англо-франко-советское сотрудничество столь тесного характера, что его (независимо от юридической формы) можно было бы считать тройственным пактом взаимопомощи. Такое сотрудничество трех названных великих держав было бы горячо поддержано Малой Антантой, Балканской Антантой, скандинавами и целым рядом других стран среднего и мелкого калибра. Однако я не вижу пока оснований рассчитывать на возможность создания подобного “фронта” в ближайшем будущем».

¹ Collier's minutes. 29 May 1936. N2828/307/38, TNA FO 371 20349; 11 July 1936. N3215/20/38, TNA FO 371 20340.

² Minutes by Collier. 13 May 1936; Vansittart. 18 May 1936; Eden. 21 May 1936. N2514/16/38, TNA FO 371 20338.

Британские политические силы были поделены на изоляционистов, полуизоляционистов и сторонников коллективной безопасности. С точки зрения Майского, полуизоляционисты были самой влиятельной политической силой в Великобритании, и это развязывало Германии руки на востоке и давало возможность создания «Срединной Европы». Следующим шагом мог бы стать поход Гитлера на СССР. Это был мрачный и даже опасный прогноз. Майский не стал обсуждать эту тему, так как не хотел закрывать все возможности создания трехстороннего союза против гитлеровской Германии. Он надеялся, что французское и британское правительства вмешаются до того, как «Срединная Европа» будет полностью организована. Майский писал: «Для нас, однако, это было бы плохим утешением, ибо война была бы уже развязана, а наша основная цель состоит в том, чтобы предотвратить или по крайней мере на значительный срок оттянуть войну. Таким образом, если начинаешь хладнокровнее анализировать нынешние тенденции в развитии европейской политики, приходишь к неизбежному выводу, что в самом недалеком будущем следует ждать войны. И отсюда надо делать практические выводы».

Что хотел этим сказать Майский? В первую очередь он хотел предупредить Литвинова, что попросит дать ему кредит, чтобы построить бомбоубежище на территории посольства. Как он писал, видимо, прибегнув к черному юмору, он думал наперед «в мелкой, местной перспективе». И конечно, Майский не собирался просто сдаваться¹. Это касалось в том числе и одобрения выделения средств на бомбоубежище, которого пришлось ждать до 1939 года.

В конце 1936 года англо-советские отношения опять стали мрачными, как обычно. В этот момент вновь встал вопрос о германо-советском сближении, но Чилстон не считал, что это возможно. Британский МИД испытал облегчение, а отчет Чилстона получил высокую оценку. Кольер, хотя его никто не слушал (а оказалось, что его прогноз был пророческим), ранее предупреждал, что СССР обратится к Германии, если британское правительство

¹ И. М. Майский — М. М. Литвинову. 9 мая 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 23. Л. 151–155.

«подведет их... но не иначе»¹. Литвинов критиковал британскую политику за «смирненное согласие с желаниями... агрессоров». Как он часто повторял, СССР может себе позволить отойти в сторону и посмотреть, как Англия и Франция будут определять свой политический курс. «Агрессоры, — предупреждал он, — пытаются изолировать Запад от СССР. Это не вопрос его изоляции, ведь это Запад окажется безоружным, если маневр удастся». Как отметил один сотрудник МИД, есть что сказать в пользу «пророчества Литвинова». А Кольер подчеркнул, что британская «сговорчивость» по отношению к Гитлеру «оказала серьезную медвежью услугу интересам Франции и Великобритании». «Те, кто не хочет уступать, должен вооружаться, — добавил Ванситтарт, — как я говорил на протяжении уже многих лет»².

Британская «сговорчивость» в отношении Германии была обратной стороной ее нежелания сильнее сближаться с СССР. «Германия или Россия», — как писал Олифант. Это был серьезный вопрос, и британское правительство решило попытаться договориться с Германией. Война нежелательна, это правда «глупо», сказал секретарь Кабинета министров Морис Ханки, в особенности потому что после долгой войны Европа будет в руинах и станет «жертвой большевизма»³. Это был традиционный кошмар Запада. «Пусть доблестная маленькая Германия насытится красными на востоке, и при этом заставит замолчать декадентскую Францию», — сказал один тори, член парламента. «Иначе, — продолжил он, — у нас будут не только красные на западе, но и бомбы в Лондоне». Премьер-министр Болдуин придерживался похожего мнения⁴. Тем больше причин у британского правительства, писал Сарджент в другом контексте, на «право контроля над французской политикой»⁵. Конец французской

¹ Chilston. No. 637. 20 Nov. 1936. N5715/187/36, TNA FO 371 20347; Collier's minute. 19 Feb. 1936. N911/187/38, TNA FO 371 20346.

² Minutes by G.P. Labouchere. 24 Nov. 1936; Collier. 25 Nov. 1936; Vansittart. 28 Nov. 1936, N5722/307/38, TNA FO 371 20349.

³ *Post G. jr.* Dilemmas of Appeasement: British Deterrence and Defense, 1934–1937. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1993. P. 255.

⁴ *Nicolson H.* Dairies and Letters. P. 273 (quoting tory M. P. Henry Channon); *Lamb R.* The Drift to War, 1922–1939. London: Bloomsbury, 1991. P. 192; *Post G. jr.* Dilemmas of Appeasement. P. 106–107; *Cowling M.* The Impact of Hitler: British Politics and British Policy, 1933–1940. London: Cambridge University Press, 1975. P. 147.

⁵ Sargent's minute. 15 Oct. 1936. C7262/92/62, TNA FO 371 19880.

независимости. В основе британской политики, которая сохранялась вплоть до Второй мировой войны, лежали и другие не столь «невысказанные гипотезы»¹. Как в марте 1936 года сказал один сотрудник МИД, если нацистская Германия действительно настроится на войну, то «бывшим союзникам ничего не останется, кроме как вырезать гитлеризм ножом»². Проблема была в том, что только Россия могла обеспечить победу над Германией, но для многих тори союз с Россией был уже перебором.

¹ См., напр., Lord Halifax, Foreign Secretary, to Sir M. Peterson, British representative in Spain. No. 800. 5 Oct. 1939. C15821/15/18, TNA FO 371 22985; First Month of the War, Leeper. 4 Oct. 1939. C16151/15/18, *ibid.*; Untitled memorandum, secret, FO. 19 Oct. 1939. C16324/15/18, *ibid.*; Sargent's minutes. 11 Oct. 1939. C16573/15/18, *ibid.*

² Gladwyn Jebb's minute. 16 March 1936. C1558/4/18, TNA FO 371 19888.

ГЛАВА XV

ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ НОВОСТИ: ПАДЕНИЕ ЛАВАЛЯ И КАПИТУЛЯЦИЯ ФРАНЦИИ. 1936 ГОД

22 января 1936 года правительство Лавалья пало. Предположение Потемкина о том, что оно протянет еще какое-то время, оказалось неверным. «Феникс»-Лаваль не восстанет из пепла вплоть до падения Третьей республики в мае — июне 1940 года. К этому моменту он уже полностью превратится в нацистского пособника. Через два дня было сформировано новое французское правительство под руководством Альбера Сарро, который ранее не был другом СССР, однако, по мнению французского журналиста Лео Габорио, Сарро не обладал никакими выдающимися качествами. Лаваль был свергнут и не получил места в кабинете, как опасался Литвинов. Кошмар закончился. Кажется, теперь стало возможно начать все с начала. МИД возглавил предыдущий председатель Совета министров Фланден, а в кабинет вернулся Поль-Бонкур в должности государственного министра, ответственного за дела Лиги Наций. Мандель остался министром связи. Он надеялся сформировать правительство, но этим амбициям не суждено было реализоваться. Эррио убрали. Это была потеря, которую более-менее компенсировало возвращение Поль-Бонкура, хотя он не пользовался особым влиянием. В Москве Альфан пришел в восторг от возможности писать Фландену. Альфан был одним из немногих русофилов во французском МИД. Он продвигал франко-советское сближение в лучших традициях Эррио, так как его беспокоила французская безопасность. Однако в МИД он был в меньшинстве. Еще имелся Эрик Лабонн, но в январе 1936 года он был далек от российских дел, поскольку возглавлял

американский отдел. Также сближение поддерживал Робер Кулондр. По сути, они все были воспитанниками Анатоля де Монзи в 1926—1927 годах. Однако все те, кто помогал Лавалю саботировать франко-советский пакт, все еще сидели в своих больших и удобных креслах. Леже, Баржетон, Бадеван и другие продолжали изо всех сил удерживать Францию от сближения с СССР. Подобное поведение прекрасно можно было оправдать кампанией в «правой» прессе Парижа, выступавшей против ратификации советско-французского пакта. Коллективная безопасность стала политикой левых, Народного фронта, в то время как единственной политикой, которая могла бы сработать, было «священное единение» левых и правоцентристских сил. Время от времени Литвинов повторял эту очевидную истину, но он делал это в медийном потоке, в котором лишь немногие могли его услышать.

Альфан надеялся начать все с начала вместе с Фланденом и обхитрить Леже и его сотоварищей. Он отмечал, что на протяжении трех лет отношения с СССР стабильно улучшались, хотя за последние несколько месяцев они стали холоднее. Отчасти это произошло из-за Лавалю и из-за того, что он возглавлял Совет министров и одновременно был министром иностранных дел. Из-за этого он более чувствительно реагировал на внутренние дела, как отмечал сам Литвинов. На съезде Коминтерна в июле — августе 1935 года звучали призывы к объединению перед лицом фашизма, и это растормошило правых. Речь шла о формировании левоцентристских коалиций или народных фронтов. По сути, это было все равно что начать размахивать красным флагом прямо перед правыми. По словам Альфана, внутренняя политика смешалась с внешней, и произошло это в ситуации, когда Франция находилась в огромной опасности и должна была думать только о «национальных интересах». О том же говорил и Эррио. Альфан призывал Фландена возобновить «политику сотрудничества» с СССР. Советская сторона обратила внимание на недавний холодный прием. Франция не придерживалась обязательств, которые взял на себя в Москве Лаваль (хотя Альфан не указал его имя напрямую), связанных с ускоренной ратификацией пакта о взаимопомощи и одобрением банковских кредитов на торговлю. Альфан ссылаясь на недавние публичные заявления в Москве, но он знал по последним переговорам с Потемкиным в Париже и с Литвиновым и Крестинским в Москве,

что уверенность СССР в коллективной безопасности и Лиге пошатнулась. Они стали предупреждением о «тенденции к изоляции России», то есть СССР теперь будет полагаться только на себя и национальную оборону. Если подобная политика будет реализована, то первой поплатится Франция. «Мы можем легко все вернуть, — говорил Альфан, — если быстро ратифицируем пакт о взаимопомощи и выпустим министерскую декларацию, в которой четко возьмем на себя обязательство придерживаться политики мирного сотрудничества с СССР»¹. Телеграмма Альфана, похоже, так и осталась в шифровальном бюро. Это было признаком того, что противники СССР в МИД продолжали саботировать сближение. В последние несколько недель советское правительство воспряло духом после ухода Лавалля. Читатели помнят, что Литвинов поехал в Лондон на похороны Георга V, которые состоялись 28 января. После этого он встретился с Иденом, заменившим Хора в должности министра иностранных дел в декабре 1935 года. Литвинов отправил в Москву телеграмму, в которой довольно оптимистично отозвался об этой встрече. Отчет британского МИД был, однако, более сдержанным². Никто не брал на себя никаких обязательств, и Сарджент продолжал выступать против Литвинова и сотрудничества с СССР. Кажется, Литвинов не знал о враждебности Сарджента, то есть, получается, никто о ней не говорил или советская разведка ничего о ней не слышала. Во французском МИД полагали, что визит Литвинова и маршала Тухачевского в Лондон прошел хорошо. Это позволило французскому правительству проявить немного теплоты по отношению к наркому, когда он в конце месяца прибыл в Париж.

Потемкин быстро продвигался вперед на этом новом этапе французской политики, или, во всяком случае, так казалось. 29 января он встретился с Леже во французском МИД. Это произошло всего через неделю после падения Лавалля. Потемкин хотел организовать неофициальную встречу Литвинова и Фландена, тем более что им не удалось встретиться в Лондоне. Леже согласился. Двум министрам иностранных дел необходимо было поговорить и прийти

¹ Alphant. Nos. 36—40. 25 Jan. 1936. МАЭ, Bureau du chiffre, télégrammes, à l'arrivée de Moscou, 1936.

² М. М. Литвинов — в НКВД. 31 января 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 57; Eden to Chilston. No. 56. 30 Jan. 1936. N622/20/38, TNA FO 371 20339.

к соглашению по ряду вопросов, представляющих интерес для обеих стран. «Желательно при этом, — добавил Леже, — рассеять некоторые недоразумения, чувствовавшиеся между обеими сторонами за последние месяцы». Это, конечно, было правдой, но забавно звучало из уст Леже, который был правой рукой Лавалля и вносил свой вклад в «недопонимание»¹.

Перспективы ратификации советско-французского пакта

Потемкин быстро добрался до сути. Он хотел понять, что предлагает сделать новое министерство для ратификации пакта о взаимопомощи. «Леже ответил, что затяжку ратификации пакта он считает крупнейшей ошибкой Лавалля». Это вредило отношениям между СССР и Францией, а также вызывало «некоторые сомнения в среде друзей Франции» в Восточной и Юго-Восточной Европе», которые выступали в поддержку коллективной безопасности. Это было правдой. «В колебаниях Лавалля, — сказал Леже, — Германия нашла поддержку своей тактике запугивания и шантажа, которую применяет и сейчас, накануне ратификации франко-советского пакта. Немецкая пресса кричит о том, что эту ратификацию правительство Германии будет рассматривать как решение, нарушающее условия Локарнского пакта, и что из этого Германия сделает надлежащие практические выводы». По словам Потемкина, Леже не придавал особого значения немецким угрозам. Лучшим ответом стала бы ратификация. Леже поговорил с Поль-Бонкуром, который пообещал ускорить подготовку в Палате депутатов. Дебаты должны были состояться «в самые ближайшие дни»².

1 февраля Леже встретился с Литвиновым и передал ему оптимистичное сообщение. «Новое [французское. — М. К.] правительство, — телеграфировал Литвинов в Москву, — очень довольно приемом, оказанным мне в Лондоне, и наблюдающимся улучшением отношения Англии к СССР, делающим возможным сотрудничество Парижа, Лондона и Москвы». Представьте себе фальшивую

¹ Беседа с А. Леже. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. 11 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 68—71.

² Там же.

улыбку Леже, подчеркнутую аккуратно подстриженными усами, когда он говорил эти слова, однако это была правда: чем приветливее был Лондон с Москвой, тем менее рискованно было для Парижа разморозить франко-советские отношения. Леже зашел еще дальше: «Необходимость активного участия СССР в организации коллективной безопасности в Европе остается для Франции неоспоримой истиной». По словам Леже, Фланден твердо придерживался этой позиции и считал ратификацию пакта «неотложным делом»¹. Что произошло с Леже? У него случилось прозрение? Он хотел скрыть свое сотрудничество с Лавалем? Или решил пока приспособиться под нового министра иностранных дел? В конце концов, до весенних выборов всем заправляло правительство Сарро.

В мирное время телеграммы пишутся кратко и понятно, однако Потемкин, присутствовавший на встрече с Леже, составил подробный отчет о разговоре. Леже пытался влиять на ситуацию, даже несмотря на нового министра иностранных дел. Из вступительного слова правительства в парламенте были удалены слова о сотрудничестве Парижа с Лондоном и Москвой, которое «является основным условием обеспечения мира на Европейском континенте». «По соображениям характера редакционного и отчасти тактического», — пояснил Леже. Разумеется, существовал только один возможный союзник, который позволил бы сравнить счет с нацистской Германией. Мог новый кабинет заявить об этом открыто во время кампании против пакта о взаимопомощи, которую запустила правая пресса? Очевидно, что нет. Тем не менее Леже утверждал, что новое правительство займется ратификацией «в самые ближайшие дни». Потемкин спросил, известно ли что-то в свете недельной задержки. Леже ответил, что он не знает. Снова увиливал или правительству просто нужно было собраться, чтобы вынести первый вотум доверия?

Стороны подняли другие темы. Литвинов спросил, ведет ли Франция переговоры с Германией. Нет, ответил Леже, за исключением вопроса о военно-воздушном пакте, который возник во время встречи в Лондоне в феврале 1935 года. Франция доверила британцам разговор с немецким правительством, но Гитлер отвечал уклончиво. Литвинов ответил, как обычно: «Гитлер не пойдет ни на какие соглашения, заключаемые в интересах общего мира, пока не убедится

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 1 февраля 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 58.

в твердой решимости Франции, Англии, СССР и других европейских государств противопоставить организованное сопротивление всяким попыткам нарушить этот мир. К сожалению, некоторые колебания, наблюдавшиеся среди участников известного плана организации коллективной безопасности, в частности, со стороны г[осподина] Лавалля, содействовали усилению обструкции со стороны гитлеровской Германии».

Леже согласился с Литвиновым, хотя это был тот же самый человек, который саботировал первые шаги Поль-Бонкура на пути к пакту о взаимопомощи, отвлек от него Барту, переключил на Восточный пакт и поддерживал постоянные раздражающие попытки Лавалля саботировать ратификацию. Насколько можно было доверять Леже? Даже если просто рассмотреть очевидные факты. По словам Потемкина, «Леже заявил, что тактику, применяемую Германией... рассматривает как зондаж. Конец ему может быть положен только решительным проведением плана организации коллективной безопасности». Конечно, Леже знал, что говорить, но мог ли он предпринять необходимые действия?

Леже присматривал за колеблющимися союзниками Франции. Так совпало, что в это время в Париже находился румынский король Кароль II. По словам Леже, он был сильно восприимчив к германофильским течениям: его нужно было подбодрить. На самом деле король хотел увидеть решительность Франции, а не просто пустые слова. Литвинов в очередной раз ответил: «Препятствием, стоявшим до сих пор на этом пути, являлось замедление ратификации франко-советского пакта»¹.

Вместе с королем в Париж приехал Титулеску. Он сообщил французам (есть французский отчет об этом), что убедил правителя придерживаться советского курса. Король подтвердил это, сказав Леже в доверительной беседе, что Румынии стоит продолжать с СССР переговоры о пакте. Титулеску восстановил свой авторитет, и он отметил, что советское вмешательство будет «незаменимым» для предотвращения аншлюса. Тем не менее он признал, что Югославия все еще настроена враждебно и не хочет улучшать отношения с СССР. Фланден пришел к выводу, что Титулеску и король как

¹ Беседа М. М. Литвинова с А. Леже [1 февраля]. 11 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 52–56.

минимум урегулировали разногласия... по крайней мере на настоящий момент¹.

На следующий день, 2 февраля, Литвинов и Потемкин встретились с Фланденом без Леже. Глава правительства сразу спросил нарком, какие у него впечатления от настроений в Лондоне. Литвинов ответил, что британцев беспокоит перевооружение Германии. «В нем они видят самую серьезную угрозу общему миру. Нейтрализовать такую опасность возможно лишь согласованными и решительными действиями тех государств, которые являются действительными сторонниками мира». Так полагал Литвинов, но не британское правительство. Гитлера интересуют только двусторонние гарантийные пакты, сказал Фланден, однако для коллективной безопасности более эффективны многосторонние соглашения. Литвинов ответил, что двусторонние пакты с нацистской Германией вообще ничего не гарантируют, а лишь прокладывают путь к войне. «Это отлично понимает Гитлер, и к этому он сознательно стремится».

Они обсудили другие темы, связанные с коллективной безопасностью, начиная от Европы и заканчивая Азией. Обошлось без разногласий. Судя по отчету Потемкина, наметилось достижение соглашения. Фланден был недоволен англо-немецким морским соглашением, которое, с его точки зрения, было шагом на пути к нарушению условий Версальских договоров. Литвинов ответил, что Германия согласится на многосторонние пакты, только «если она убедится в твердой решимости держав, заинтересованных в сохранении мира, противодействовать ее экспансии». Фланден согласился: «В настоящее время Германия пытается сбросить с себя обязательства, налагаемые на нее Локарнским договором в отношении [Рейнской. — М. К.] демилитаризованной зоны. Отыгрываясь на франко-советском пакте, якобы противоречащем Локарнскому договору, Гитлер прикрывает этим свой истинный план, заключающийся в том, чтобы воздвигнуть в демилитаризованной зоне несокрушимую стену военных укреплений, “запереть” за ней Францию и Бельгию и после этого свободно приступить к осуществлению намеченной им экспансии в сторону Богемии и дальше. Единственное средство предупредить успех этих замыслов — это... ре-

¹ Notes sur les conversations de Paris (30 janvier — 8 février 1936), secret, DDF, 2e, I, 221–227.

шимость всех государств, заинтересованных в сохранении мира, не словом, а делом, в случае нужды, показать Германии, что они не допустят дальнейшего нарушения ею международных обязательств».

Литвинов мог бы сказать то же самое, но в отчете Потемкина говорится, что эти слова произнес Фланден. Могло ли такое случиться? Франция на самом деле прозрела? Литвинов добавил, что лучше всего защитить мир и безопасность в Европе можно с помощью тесного сотрудничества между Францией, СССР и Великобританией. Конечно, так полагал не только нарком, это был ключ к сдерживанию нацистской Германии. Фланден дал интересный ответ. Он сказал, что трехстороннее сотрудничество нужно расширить и включить в него Италию. Литвинов тоже ответил интересно: «Я имел в виду лишь данное положение, когда Италия, к сожалению, фактически выбыла из строя европейских государств, могущих оказать реальную помощь в защите мира в Европе. Само собой разумеется, что при нормальных условиях участие Италии в организации коллективной безопасности в Европе представляется совершенно необходимым».

Затем разговор зашел о франко-советских отношениях. Тут нарком попросил кое-что разъяснить: «Вследствие известных колебаний, наблюдавшихся во внешней политике Лаваля, в СССР стали возникать и кристаллизироваться “изоляционистские” настроения. Так как вхождение в Лигу Наций со стороны СССР связывалось с расчетами при содействии Франции и ее друзей организовать систему коллективной безопасности и обеспечить мир, зигзаги французской внешней политики, имевшие место за последние 8—9 месяцев, вызывали в общественном мнении СССР серьезные разочарование и опасения. Если бы указанная политика продолжалась, СССР вынужден был бы сделать из своего опыта сотрудничества с европейскими государствами самые неутешительные выводы».

Эти слова от Литвинова прозвучали как строгое предупреждение. По словам Потемкина, «Фланден ответил, что новое правительство приступает к своей деятельности с твердой решимостью осуществлять национальную политику Франции, тесно связанную с ее друзьями в Европе и направленную на сохранение мира. Ратификация франко-советского пакта, долженствующая произойти в ближайшее время, явится крупным шагом нового кабинета в указанном

направлении». Обсуждение ратификации должно было начаться 11 февраля. Фланден сказал Лавалю, что «...он упорно стремился если не к договору, то к некоему окончательному соглашению с Германией». Литвинов пошутил: «окончательное» соглашение с Гитлером? Фланден улыбнулся и ответил, что и «сам сомневается в такой возможности».

Последней темой для обсуждения стала Польша. Фланден признал, что его «крайне разочаровывает» польская политика, но он надеется, что его близкий друг посол Ноэль в Варшаве сможет заставить поляков образумиться. Потемкин не записал комментарии Литвинова по этому поводу¹. Французская версия этого важного разговора сводится всего к нескольким абзацам, которые включены в большой отчет о различных встречах, проходивших в МИД в начале февраля². Фланден сказал много того, о чем французы не оставили записей. Похоже, что они с Литвиновым по важным вопросам в основном согласились. Судя по первым встречам, начало было положено.

Во франко-советских отношениях так бывало не раз. Может это уже во что-то перерасти? Представьте себе мощный автомобиль. Водитель заводит двигатель, но, как только он выжимает сцепление, двигатель глохнет. В тот день, когда Литвинов встречался с Фланденом, посол Ноэль прислал телеграмму, содержание которой не могло порадовать. Хотя Бек пытался скрыть свои взгляды, писал посол, «после каждой встречи с представителями гитлеровского государства Бек становился все больше расположенным к Германии, все больше убеждался в том, какое это мощное государство, какое у него будущее, и все больше восхищался режимом, который оно поддерживает. Одним словом, Бек считает, что надо делать ставку на Германию, как раз тогда, когда польская армия и общественность, обеспокоенные перевооружением и политическими действиями Рейха, стремятся сблизиться с Францией»³. Читатели, возможно, помнят, что сказал полковник Ковалевский Виноградову в Бухаресте всего несколько месяцев назад. Это полностью соответствует анализу Ноэля.

¹ Беседа М. М. Литвинова с П.-Э. Фланденом [2 февраля]. 11 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 57–63.

² Notes sur les conversations de Paris (30 janvier — 8 février 1936), secret, DDF, 2e, I, 221–227.

³ Noël to Flandin. No. 94, confidentiel, reserve. 2 Feb. 1936. DDF, 2e, I, 179–180.

Альфан встретился с Литвиновым после его возвращения из Парижа. По словам посла, нарком был очень доволен тем, как его принял Фланден. Это и понятно, судя по записям Потемкина. Если франко-советский пакт будет быстро ратифицирован, то тогда можно будет заключить румынско-советский пакт, и это «значительно изменит текущую дипломатическую ситуацию в мирную сторону ради общего блага»¹. Двигатель завелся и заглох. Оптимизм Литвина скоро пошел на спад.

Кампания за ратификацию

В Париже Потемкин работал сутки напролет, чтобы продвинуть ратификацию. На обеде в посольстве он поговорил с теми, кто выступал в поддержку пакта. Присутствовал даже Титулеску. Дельбос спросил Поля Бастида, радикал-социалиста и председателя Комитета по иностранным делам в Палате депутатов, чем, по его мнению, окончатся дебаты. Дискуссия может стать очень горячей, ответил Бастид, но «за» должны проголосовать «по крайней мере 400 человек», то есть подавляющее большинство. Важно, чтобы в дебатах участвовал Эррио. Все присутствующие согласились².

8 февраля Потемкин встретился с Фланденом, чтобы обсудить голосование по вопросу ратификации. Фланден сообщил, что дебаты, вероятно, начнутся 13 февраля, а не 11-го, как было запланировано, и будет много выступающих. Оппозиция решила дать отпор. Фланден перечислил их аргументы. Правые хотели остановить усиление сближения с СССР, это было их главной целью. Они предпочитали заключить союз с нацистской Германией, оперируя следующим аргументом: «Без соглашения с Германией невозможно обеспечить мир в Европе. Между тем ратификация франко-советского пакта отбрасывает Германию от Франции и обрекает ее на изоляцию, могущую иметь опасные последствия». Что касается предпочтений, большинство французских правых поддерживали нацистскую Германию. Ратификация пакта привела бы к созданию франко-советского военного союза, а он, в свою очередь привел бы к созданию

¹ Alphand. No. 55. 8 Feb. 1936. DDF, 2^e, I, 216.

² Беседа с П. Бастидом. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. 11 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 72–73.

противодействующих союзов и к войне. Это, разумеется, привело бы к росту «революционного движения» во Франции и к «укреплению Народного фронта». Как уже предупреждал Потемкин, правые собирались попытаться привязать ратификацию к выплате старых царских долгов. Урегулировать этот вопрос надо было сейчас или никогда. И наконец последним аргументом стало то, что если Германия нападет на Францию, то о советской помощи останется только мечтать, «ибо во-первых, СССР отделен от Германии территориями соседних государств, и, во-вторых, Красная армия, достаточно подготовленная для оборонительных операций, едва ли может быть использована для наступления по иноземной территории».

Все эти аргументы были ложными по той или иной причине, однако целью было не выиграть академические дебаты, а поработать на пользу союза с Германией и против Народного фронта. Фланден заверил Потемкина, что он не согласен ни с одним из аргументов оппозиции, хотя он все-таки призывает урегулировать вопрос, связанный с долгами. Для этого было уже слишком поздно. Как помнят читатели, у французского правительства была возможность решить этот вопрос в 1926—1927 годах, однако правительство Пуанкаре выступило против из-за предвыборной политики. Для Пуанкаре было важнее победить на парламентских выборах 1928 года, чем защитить интересы французских инвесторов, владеющих облигациями императорской России. Другими словами, если в 1920-х годах не было заключено соглашение, то ответственность была целиком и полностью на Франции. СССР постоянно втягивали во французскую предвыборную политику в качестве оружия правых против левых и иногда наоборот. Потемкин сказал, что это деликатный вопрос. Так и было. Однако Сталин не был «деликатным», когда Лаваль поднял этот вопрос в Москве. Он ответил прямо: СССР не признает старые царские долги. Фланден ответил, что на самом деле «прилив поднимает все лодки», и ратификация будет полезна для всех аспектов франко-советских отношений. Он был уверен, что пакт получит большинство в Палате, но переживал из-за Сената. Его члены не решаются открыто выступить против, «не исключена, однако, возможность, что некоторая часть сенаторов будет пытаться положить франко-советский договор в долгий ящик»¹.

¹ Беседа с П.-Э. Фланденом. Выдержка из дневника В. П. Потемкина [8 февраля]. 11 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 74—77.

Как только ушел Лаваль (кажется, что очень давно, но на самом деле прошло всего две недели), правительство снова решило вернуться к рассмотрению ратификации. Получится ли компенсировать вред, нанесенный Лавалем? Казалось, что Фланден уверен, по крайней мере на настоящий момент, что да. Его уверенность подкрепляли отчеты французского посольства в Лондоне. Корбен сообщил, что Литвинова и Тухачевского хорошо приняли в Великобритании. Даже обычно враждебная «Таймс» сменила тон¹. Раз британцы положительно относятся к сближению с СССР, то и Фланден может занять более уверенную позицию во время дебатов. К сожалению, Корбен не знал, что Сарджент активно выступает против Литвинова, а Иден собирается притормозить улучшение отношений с Москвой.

Через два дня Потемкин встретился с Поль-Бонкуром на приеме в Сорбонне. Они тихо разговаривали за столом и дошли до вопросов, которые затрагивал Фланден. Палата депутатов должна одобрить ратификацию подавляющим большинством. «Хорошо, если там выступит Эррио, — сказал Поль-Бонкур. — Лучше всего, если это выступление произойдет в последний день дебатов, перед самым голосованием. Страна прислушивается к голосу Эррио, верит в его бескорыстие и знает, что он около 15 лет остается неизменно верен идее франко-советского сотрудничества». Что касается Сената, тут Поль-Бонкур подтвердил слова Фландена: если дела пойдут хорошо в Палате депутатов, тогда Сенат вряд ли осмелится проголосовать против ратификации². Потемкин при помощи французских сторонников организовал серьезную лоббистскую кампанию в поддержку пакта. Теперь правительству осталось только сделать свою работу. Дебаты наконец начались 12 февраля. Тут же Шарль Ластейри, занимавший должность министра финансов при первом правительстве Пуанкаре в 1920-х годах, потребовал их остановить до того момента, пока советское правительство не заключит «справедливое соглашение» с французскими кредиторами.

По сути, Ластейри требовал приостановить дебаты на неопределенный срок. Он полагал, что СССР пакт о взаимопомощи нужен больше, чем Франции, и поэтому Москве придется заплатить за

¹ Corbin. No. 104. 10 Feb. 1936. DDF, 2^e, I, 136–140.

² Беседа с Ж. Поль-Бонкуром. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. [10 февраля]. 11 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 78–79.

ратификацию. Не слишком хорошее начало дебатов, хотя нападки Ластейри были ожидаемы. Вмешался Фланден. Он хотел отделить вопрос о погашении царских долгов от вопроса французской национальной безопасности. Ответ был очевиден. Торрес делал доклад по этому законопроекту и первым выступил в защиту ратификации, обратив внимание на «ревизионизм» Германии, но не произнеся при этом слов «Германия» или «Гитлер». Из-за ревизионизма могла начаться новая мировая война. Это было в интересах обеих стран — СССР и Франции — защититься от установления нового мирового порядка, основанного на праве сильнейшего. Ластейри снова вмешался и потребовал остановить дебаты. Другие представители правых с сомнением относились к возможной помощи СССР Франции и боялись вероятных советских «империалистических» амбиций. Это было государство вне общего закона, другими словами, вне капиталистического порядка. По факту выступления против ратификации шли по тому плану, о котором говорил Фланден. Один правый депутат даже упомянул Брестский мир как пример предательства советским правительством Франции, хотя в тот период (март — апрель 1918 года) МИД противился политике сотрудничества с большевиками в борьбе с общим врагом — вильгельмовской Германией. Это была секретная информация, так как широкая общественность не должна была узнать о спорах во французском правительстве о том, друг ли или враг Советская Россия. Брестский мир был всегда хорошим аргументом французских правых в их нападках на СССР.

Началась вторая неделя дебатов. Слова Эррио о Франциске I и Сулеймане Великолепном всплыли прежде, чем сам Эррио смог их повторить. Правый депутат Ксавье Валла, будущий нацистский коллаборационист, антисемит и отъявленный подлец, работавший на правительство Виши после падения Франции, сам поднял этот вопрос, чтобы присвоить себе «реализм». «Кое-кто не упустит возможность, — заявил он, — кинуть мне в лицо историю о Франциске I и Сулеймане Великолепном, хотя во времена Франциска I у Сулеймана не было мусульманской политической партии во Франции, чьими намерениями было бы свержение монархии и замена Евангелия на Коран. В любом случае, тут нет особой разницы». Некоторые правые и даже центристы принялись аплодировать Валле. Наверно, это была бы смешная острота, если бы вопрос французской

безопасности был всего лишь шуткой. В конце войны его посадили в тюрьму, но в отличие от Лавалю не расстреляли — повезло.

Пьер Теттенже, крайне правый депутат, присоединился к нападкам Валла. Теттенже тоже арестовали в конце войны за коллаборационизм и тоже не расстреляли. «Нам скажут, что мы — страна идеалов, страна, которая строила соборы, ходила в Крестовые походы, — заявил Теттенже. — Но идти в Крестовый поход против фашизма и за большевизм? Я не могу с этим согласиться. Это одна из многих причин, почему я не буду голосовать за ратификацию франко-советского пакта о взаимопомощи, поскольку СССР, кажется, намеревается превратить это соглашение, которое должно быть ограничено защитой мира, в инструмент войны, а потом и гражданской войны». Эти аргументы использовались с 1918 года против сотрудничества для борьбы с общим немецким врагом. Под «гражданской войной» подразумевалась, конечно, коммунистическая революция. Теттенже сделал последний залп: «Я сказал достаточно, господа, чтобы дать понять, что мы, с нашей стороны, не можем доверять пакту, который подпишет страна, организующая мировую революцию и решившая поставить деньги и солдат Франции на службу перевороту». Правые как будто готовились к коллаборационизму с нацистской Германией.

Пока они расстреливали пакт в упор, защитники ратификации отвечали холостыми. Они сказали, что пакт не был направлен против нацистской Германии (хотя, конечно, он был, как Сталин и сказал Лавалю). А кроме того, он не приведет к военному союзу с СССР, хотя советская сторона, безусловно, думала именно об этом, так же, как и некоторые французские сторонники ратификации. Защитники утверждали, что пакт соответствует Уставу Лиги Наций и Локарнским договорам. По их словам, его нужно было заключить для сохранения мира, но и еще, конечно, чтобы противостоять нацистской Германии, необходимо готовиться к войне. Старый принцип «хочешь мира — готовься к войне» восходит еще к временам Древнего Рима.

Представители коммунистов в основном воздерживались от дебатов, за исключением дружески настроенного журналиста и оратора Габриеля Пери, французского патриота, которого казнят в 1941 году нацистские оккупационные власти. Он просто-напросто сказал: «Обязательным условием для сохранения мира является следующее: агрессор не осмелится напасть, если он будет знать, что ему

противостоит коалиция огромной силы (аплодисменты крайне левых). Чем более недвусмысленно описана взаимопомощь, тем выше вероятность ее эффективности, тем ниже риск конфликта и тем больше людей смогут жить в мире и спокойствии». Пери добавил, что мы отказываемся заключать какие бы то ни было соглашения с Германией, которые дали бы ей свободу действия в любой части Европы, и мы ждем, что Германия откажется от планов агрессии, о которых говорится в «Майн кампф». Ведь эта книга «все еще оставалась библией Третьего рейха». Затем Пери набросился на Валла, Теттенже и их соратников. Он выразил изумление тем, что эти «патриоты», как он иронично их назвал, забыли Седан, в битве при котором в 1870 году прусские войска победили французскую армию. Как можно так хладнокровно давать Гитлеру «полную свободу» в установлении нацистского контроля над Украиной, Австрией и Малой Антантой, то есть дать Германии возможность подготовиться к «грозному тет-а-тет с Францией»? Ссылаясь на постулат Литвинова о неделимости мира, Пери прямо заявил: «Война на востоке означает войну везде»¹.

Пери был единственным депутатом, упомянувшим план Гитлера по установлению контроля Германии над Европой. Он назвал врага Франции. Означала ли «Майн кампф» то, о чем в ней говорилось, или нет? Как написали в официальной прессе, его высказываниям аплодировали в основном «левые и крайне левые». Неужели только они во всей Палате депутатов были способны поддержать искреннюю речь Пери и «реализм»? Кто же был прав, он или будущие коллаборационисты Виши — Валла и Теттенже? Пери погиб как патриот от рук нацистов. Коллаборационистов Валла и Теттенже в итоге помиловали, и они жили обычной жизнью после войны. Где же справедливость?

В Москве Литвинов сообщил Сталину, что дебаты начались, и предложил опубликовать колонку в «Известиях» или «Правде», чтобы ответить на аргументы правых. Его информационную записку стоит процитировать целиком:

«Правые депутаты и правая печать выступают против ратификации франко-советского пакта с аргументами, позаимствованными

¹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires, Chambre des députés, 12, 13, 18 Feb. 1936.

у гитлеровской печати. Их право занимать ту или иную позицию в отношении пакта, но они не должны, однако, изображать дело так, будто речь идет об исполнении какой-то просьбы Советского Союза или об оказании ему одолжения.

Пакт о взаимной помощи был предложен Советскому Союзу французским министром иностранных дел по его собственной инициативе. Он, естественно, исходил из интересов и потребностей Франции, а не СССР. Когда переговоры велись с г[осподином] Барту и затем Лавалем, вплоть до подписания пакта почти вся французская печать без различия партийных оттенков поддерживала пакт, не исключая тех журналистов и тех органов печати, которые теперь выступают против него. Они в то время еще не знали аргументов, которые впоследствии развернул Гитлер. Можно поэтому предполагать, что это Гитлер убедил их в несоответствии пакта интересам Франции, тот самый Гитлер, который в книге “Моя борьба” объявил Францию наследственным врагом Германии и поставил себе задачей дипломатическую изоляцию Франции, которой он последовательно добивается.

СССР не имеет никаких внешнеполитических задач, кроме одной: защита своих границ. Он может полностью полагаться на растущую мощь Красной армии для осуществления этой задачи. Он защитит свои границы и без посторонней помощи. Полагая, однако, что путем организации системы коллективной безопасности можно было бы уменьшить шансы войны, он согласился включиться в эту систему и поэтому принял французское предложение о Восточном региональном пакте. По этим же соображениям он, по настойчивой просьбе г[осподина] Барту, вступил в Лигу Наций, а затем подписал пакты о взаимной помощи с Францией и Чехословакией.

Агрессивная гитлеровская Германия представляет несомненную опасность для всех своих соседей, в том числе для Франции и в особенности для Чехословакии. Если правые французские патриоты полагают, что эта опасность для Франции и ее союзницы Чехословакии уменьшится от того, что пакт не будет ратифицирован, то пусть голосуют по-своему.

В любом пакте с капиталистическими странами СССР может давать больше, чем получать. СССР имеет самое прочное правительство, тесно связанное с народами Союза, с Красной армией, которая пойдет всюду на зов своих вождей. Этого нельзя утверждать с уверенностью про все капиталистические страны с их меняющимися

правительствами, меняющимися настроениями и внутренними противоречиями.

СССР спокойно без всяких опасений и нервничания относится к прениям во французской Палате и к предстоящему голосованию»¹.

Это был правильный ответ правым депутатам, и Сталин написал синим карандашом свое известное «за» на копии записки Литвинова. Молотов тоже на ней расписался. Сталин переслал то, что написал Литвинов, в «Правду», и через два дня она опубликовала надлежащим образом сформулированную заметку². Однако кроме дегтя был и мед. Председатель ЦИК СССР Калинин выступил с речью в Горьком, где процитировал Сталина, сказав, что СССР «готов использовать любое движение на местах, которое может помешать войне или быть использовано для поддержания мира. Франко-советский пакт — один из таких примеров, и он отвечает интересам как СССР, так и Франции»³.

Возможно, Литвинов пытался помочь советским «друзьям» в Париже, поскольку их аргументы в первые дни дебатов были очень слабыми, за исключением Пери. Конечно, Литвинов не относился к происходящему абсолютно беспристрастно. Ему нужно было это сказать, чтобы напомнить французам, что СССР не бежит за ними и что пакт — это не дорога с односторонним движением. Кроме того, он хотел подчеркнуть, что «Майн кампф» направлен не только против славян, цыган и евреев, но и против французов. Нарком пытался показать, что Франции оборонный союз с СССР был нужен больше, чем самому СССР. То есть французам стоило задуматься о том, что они сами могут дать в рамках взаимопомощи, а не только о том, внесет или нет СССР вклад в укрепление безопасности Франции. Французские правящие элиты, за некоторым исключением, так никогда и не усвоили эту информацию.

Потемкин продолжал лоббирование пакта даже тогда, когда в Палате уже шли дебаты. 17 февраля он встретился с Торресом. Против правительства плелись интриги, за которыми стоял Лаваль. Конечно,

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 13 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 16. П. 114. Д. 1. Л. 30—32.

² Франко-советское соглашение и французские реакционеры // Правда. 15 февраля 1936.

³ Alphand. No. 71. 17 Feb. 1936. MAÉ, Bureau du chiffre, télégrammes, à l'arrivée de Moscou, 1936.

снова Лаваль. Правая пресса прошупывала правительство, которое возглавлял маршал Петен. Лаваль помогал Пьеру Гимье, директору «Гавас», влиятельного французского новостного агентства. Так определялась политика в Париже: во главе угла были теневые сделки, с целью без помех дать или получить пачку банкнот. Говорят, что Лаваль вовлек в свои интриги германофила Даладье и даже Эррио. С Даладье все понятно, но почему Эррио? По словам Торреса, он не мог смириться с тем, что не входит в кабинет. «“Головою турка” [то есть отрубленной головой грозного врага. — М. К.] оказывается Мандель. Ему не прощают того, что он слепил нынешнее правительство, и что он является сторонником самых твердых мер противодействия гитлеровской акции». Правые принялись нападать на «двух-трех евреев», которые толкали Францию к войне. Даже сторонники Манделя постепенно от него отвернулись. Торрес все рассказывал и рассказывал о параличе французской правящей элиты. Потемкин все это уже слышал. Торрес также упомянул недавнее поведение Константина Сезиану, румынского представителя в Париже. За несколько дней до этого он встретил его на обеде, который устраивал военно-морской министр Франсуа Пьетри. Там присутствовали четыре или пять правых депутатов, а также польский министр. Сезиану гневно осудил СССР и упрекнул французское правительство в заключении пакта о взаимопомощи. Видимо, это произошло, когда дебаты в Палате только начинались, что было еще более неуместно. «Если бы мне пришлось выбирать между варварством Сталина и режимом Гитлера, — хвастался Сезиану, — я без колебаний предпочел бы немца».

Снова возник извечный вопрос: кто враг номер один? Румынский министр, а также многие другие европейские правые дали неверный ответ. Для этого даже не нужно особо сильно «перестраивать мышление». По словам Потемкина, «нападки эти носили настолько недопустимый характер, что Торрес вынужден был резко оборвать Сезиану». Затем Торрес предупредил министра, что он собирается затронуть этот вопрос в разговоре с Титулеску, когда увидит его в следующий раз, поскольку действия министра компрометируют Румынию, и это играет на руку не той стороне¹. Сможет ли Титулеску приструнить Сезиану?

¹ Беседа с депутатом А. Торресом. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. 26 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 78–76.

20 февраля, как и планировалось, на обеде в советском посольстве наконец выступил Эррио. Он говорил примерно то же, что и Пери, однако без его прямоты, без упоминания «Майн кампф» (за исключением одного раза, и то мельком) и без нападок на правых. «Я намереваюсь выступать без полемики, — сказал Эррио своим коллегам, — если вы мне позволите». Вначале он заговорил о размере и мощи Красной армии, чтобы показать, что СССР — достойный союзник. Без него Франция не сможет реализовать политику коллективной безопасности. Все проще некуда. Оценив безопасность и интересы Франции, мы должны вынести внутреннюю политику за скобки. Иначе мы пропали, прямо заявил Эррио. «Я слышал, как некоторые из депутатов высказывались на тему франко-советского договора, как будто мы действительно можем запереться за нашими границами в своего рода святилище, как будто мы можем сказать: “Будь что будет!” Мы будем настороже, насколько получится, но мы ограничены своей территорией, которую защищают наши укрепления». Эррио не стал вспоминать Франциска I и Сулеймана Великолепного. Валла его опередил. Как писали в официальной прессе, когда Эррио закончил, раздались громкие аплодисменты «от левых и крайне левых» из амфитеатра, а когда он вернулся на место, то друзья принялись его поздравлять. Бастид оказался прав, когда говорил, что Эррио может повлиять на своих коллег. Тем не менее речь Пери была ближе к сути, производила более мощное впечатление и лучше подходила для истории¹.

Однако существовала еще одна проблема, а именно царские долги. Скунс давно умер, но все еще неприятно пах. Фланден надеялся на помощь в этом вопросе, но советское правительство не могло ее предоставить, так как наконец решило в 1935 году не вести больше переговоров о выплатах долгов. Последний шанс был у США, они еще могли бы получить скромную компенсацию, но Госдепартамент, следуя своей обычной ненависти к СССР, решил, что лучше журавль в небе, чем синица в руке, отказался от советских предложений и потребовал выплат в полной мере. Подобная стратегия никогда не действовала на советское правительство, даже когда оно было очень слабо. Что касается французов, то им предоставили шанс

¹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires, Chambre des députés. 20 Feb. 1936.

в 1927 году. Поэтому Литвинов предложил Сталину дать Фландену отрицательный ответ. «Мы никогда не требовали признания претензий аннулирования и отказа от “надежд” на урегулирование этого вопроса. Выступление Фландена с такими надеждами нас ни к чему не обязывает, если мы не дадим согласия... Я предлагаю поэтому поручить т[оварищу] Потемкину сказать завтра в день выступления Фландена, что он ответа из Мск [Москвы] не получил, но что молчание отнюдь не означает согласия»¹. Если Франция заинтересована в оборонном союзе с СССР, защита от нацистской Германии должна стать достаточным поводом для этого, и нет необходимости заставлять СССР платить за привилегию стать французским союзником.

Занял ли Сталин более мягкую позицию, чем Литвинов? Очевидно, что нет. 23 февраля нарком снова написал вождю. В Париже до сих пор тянулись дебаты. Литвинов был очень зол. Он отправил телеграмму Потемкину, чтобы выяснить, сколько еще они продлятся. Следующее заседание было запланировано на 25 февраля. «Если т[оварищ] Потемкин ответит о возможности новых отсрочек, то я считал бы полезным как-нибудь выразить французскому правительству наше недовольство. Если наше заявление не будет иметь своим результатом ускорение процедуры ратификации в виду беспомощности правительства, то все же последнее должно знать, что мы относимся отнюдь не индифферентно к дебатам, которые приняли совершенно неприличный характер». Литвинов попросил разрешить ему отправить инструкции Потемкину с жесткой формулировкой. Их можно суммировать следующим образом: встретесь с Фланденом, скажите ему, что обсуждение ратификации тянется слишком долго. Уже прошло две недели, дебаты все еще идут, в этом нет необходимости, согласно французской конституции. Лавалю удалось отложить ратификацию на девять месяцев. Теперь некоторые депутаты ругают и оскорбляют СССР. «Не предъявляя никаких требований, тем не менее мое правительство считает нужным довести до Вашего сведения, что на общественное мнение в СССР дебаты и выступления некоторых депутатов производят весьма тягостное впечатление. Характер дебатов является совершенно беспрецедентным в истории отношений между двумя

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 19 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 16. П. 114. Д. 1. Л. 42.

государствами, стремящимися к сближению и к взаимной помощи в интересах мира». «За»! — этой резолюцией Сталин одобрил инструкцию в том виде, в котором она была, и телеграмму отправили Потемкину¹.

Потемкин встретился с Фланденом 24 февраля, за день до возобновления дебатов в Палате. Голосование должно было состояться 27-го, а представление законопроекта о ратификации в Сенате — 28 февраля. Вотума доверия не будет, если возобновятся нападки на ратификацию и на политику правительства². Могли французы хоть что-то усвоить? Спустя два дня, чтобы это выяснить, Потемкин встретился с председателем Совета министров Сарро, который признался, что задержка оказала неблагоприятное воздействие на международную ситуацию. «Он... согласен с тем, что Германия, Япония, Польша и в последнее время Италия стараются использовать каждый лишний день для своих интриг против пакта». Эту стратегию выбрали правые в Палате депутатов: они тянули время, чтобы уничтожить пакт с помощью потенциальных врагов Франции. Правые начали заранее сотрудничать с нацистской Германией. Потемкин повторил свои жалобы на задержку и «на недопустимый характер антисоветских выступлений». Сарро парировал, упомянув страх перед коммунистической деятельностью во Франции и ее колониях, который подстегивают правые. Потемкин ответил, что у коммунистического движения «самостоятельные корни», а правительству ни разу не удалось доказать вмешательство СССР во французские внутренние дела. Конечно же, советское правительство не было равно Коминтерну. Сарро был тертым калачом и не раз разжигал антикоммунистические настроения во Франции, однако он не пытался непременно парировать комментарии Потемкина. Общей целью была ратификация³.

Дебаты продолжились 25 февраля. Бастид и Фланден выступили от имени правительства. Бастид обратился к правым. Забудьте о внутренней политике, сказал он. «Вы представляете СССР каким-то

¹ М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 22 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 16. П. 114. Д. 1. Л. 43—44. Копии были отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе; М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 23 февраля 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 98—99.

² В. П. Потемкин — М. М. Литвинову. 24 февраля 1936 г. // Там же. С. 99.

³ В. П. Потемкин — в НКВД. 26 февраля 1936 г. // Там же. С. 102—103.

кошмарным монстром, который никогда не откажется от подрывной деятельности». Мол, после короткой разрядки мы снова услышим призывы к мировой революции. «Разве мы не испытываем некоего смущения, видя, что вновь появляются подобные жалобы, которые несколько устарели. Мы уже не живем — по крайней мере, я на это надеюсь — в эпоху человека с ножом в зубах». Бастид ссылаясь на знаменитый предвыборный французский плакат 1919 года, на котором был изображен жуткий большевик с ножом в сломанных зубах, с которого текла кровь невинных, погибших во время большевистской революции.

В тот же день выступил Фланден. Он напомнил Палате депутатов, что действующее правительство унаследовало договор от предыдущего. Пакт не был «опасным или бесполезным». Он укреплял безопасность Франции и вносил вклад в европейскую коллективную безопасность. А кроме того, французская политика совпадает с британской, добавил Фланден, чтобы успокоить колеблющихся. По сути дела, голосовать за ратификацию было безопасно.

Дебаты продлились еще один день. Приводились одни и те же аргументы как за пакт, так и против него, и читатели только утомятся, если начать приводить их снова.

Когда наконец объявили голосование, 353 человека проголосовали «за», и 164 — «против»¹. Подавляющее большинство составляли 259 голосов, так что перевес был относительно большой, хотя и не минимум 400 человек «против», как предсказывал Бастид. Потемкин говорил про 150 голосов «против», и его прогноз оказался ближе к реальности. Более того, законопроект должен был еще пройти через Сенат, который был более консервативен, чем Палата депутатов. В Москве вздохнули с облегчением, узнав, что пакт прошел дебаты, однако все переживали, что произойдет в Сенате. Альфан доложил, что советское правительство опасается попыток отложить голосование в Париже и подождать до выборов. Это стало бы катастрофой².

Потемкин отправил в Москву описание событий, которые привели к ратификации. Это довольно необычный документ, так как из

¹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires, Chambre des députés. 25, 27 Feb. 1936.

² Alphand. Nos. 91–92. 28 Feb. 1936. Bureau du chiffre, télégrammes, à l'arrivée de Moscou, 1936.

него становится понятно, насколько тесно советское посольство, Потемкин и его коллеги сотрудничали с теми, кто их поддерживал. «Мы поставили себе несколько задач, — писал Потемкин в депеше Крестинскому. — Во-первых, нам нужно было должным образом подготовить выступления таких защитников пакта, как Эррио, Бастид, Фланден. Во-вторых, необходимо было предупредить возможность таких официальных интерпретаций пакта, которые ослабили бы его международно-политическое значение. В-третьих, нашей заботой было, насколько возможно, ускорить ратификацию пакта Палатой и передачу его на обсуждение Сената. Наконец, в-четвертых, мы считали необходимым надлежащей работой в кругах Сената и правительства, обеспечить благополучное прохождение пакта через Сенат».

Затем шел этот выдающийся и «совершенно секретный» абзац, в котором говорилось о сотрудничестве с Эррио в подготовке его вмешательства в Палате депутатов:

«Выступление Эррио готовилось путем нескольких моих личных бесед с нашим лионским другом и при активном содействии аппарата полпредства — т[оварища] Соколина, бюро печати и военных работников полпредства... Накануне своей речи в Палате Эррио просидел у нас [в посольстве. — М. К.] около 2 часов, внимательно знакомясь с представленными ему материалами, выслушивая объяснения по ним и делая для себя необходимые выписки. После своего выступления Эррио жаловался мне, что его речь оказалась, по мнению некоторых, слишком “профессорской” и чересчур перегруженной материалом. Не подлежит сомнению, однако, что она явилась центральным моментом дебатов о пакте, и что по некоторым вопросам, — как, например, о мирной политике СССР, о наших вооруженных силах, о старых долгах, о новых кредитах для СССР, — выдвинула положения, представляющие для нас крупную политическую ценность. Достаточно внимательно отнесся к нашим объяснениям и Бастид, речь которого, — не только продуманная, но и достаточно смелая, — произвела в Палате и в политических кругах достаточно сильное впечатление. Многими было отмечено, что Бастид подчеркивал единодушие комиссии по иностранным делам в оценке франко-советского пакта и достаточно явно отмежевался от прогерманских тенденций, которые ранее ему приписывались. Наконец, что касается Фландена, то Вам известно

содержание своих бесед с ним, подготовлявших его выступление. Нельзя не признать, что в своей речи нынешний министр иностранных дел учел нашу точку зрения».

Потемкин также отчитался об обеде в посольстве, на котором Эррио встретился с Титулеску, чехословацким посланником в Париже Штефаном Осуским, членом кабинета Сарро Анри Гернутом и турецким министром Арасом. Это было одно из многочисленных мероприятий, организованных Потемкиным для подготовки дебатов по ратификации. Читателям станет понятно, что в Париже существовала большая сеть влиятельных людей, настроенных просоветски. Конкретно на этой встрече разгорелась жаркая дискуссия о том, как пакт о взаимопомощи будет сочетаться с Восточным пактом. Пусть Потемкин расскажет, что произошло: «Эррио доказывал, что в случае отсутствия единогласия в Совете Лиги Наций по вопросу о признании Германии агрессором против СССР Франция обязана руководиться мнением на этот счет гарантов Локарно — Англии и Италии. Титулеску запальчиво возражал, напоминая Эррио, что сама Лига Наций, в связи с итало-абиссинским конфликтом, вступила на путь применения санкций к агрессору, минуя формальную процедуру вотума с учетом наличия или отсутствия единогласия. Я со своей стороны предложил формулу, подчеркивавшую суверенное право Франции решать по своему усмотрению вопрос о наличии агрессии и вытекающих отсюда обязательствах помощи — лишь учитывая заключения гарантов Локарно по этому вопросу, но отнюдь не подчиняя себя заранее и механически их решению».

Лаваль, Леже и другие хотели выставить на пути к договору максимальное количество препятствий, а Потемкин пытался вытащить их из чащи. Читатели также могли заметить, что Титулеску все еще активно поддерживал коллективную безопасность. Он одерживал победу над всеми присутствующими, и Эррио обещал передать его аргументы Фландену.

Затем стороны начали обсуждать ратификацию в Сенате. Дельбос, Эррио, Фланден и Сарро были настроены оптимистично. Сенат не станет противиться ратификации, если ее одобрила Палата депутатов. Поль-Бонкур не был в этом так уверен. «Быть может, Бонкур старается немножко нас попугать, — высказал предположение Потемкин, — и придать себе самому, как защитнику пакта и организатору его поддержки, особую значительность в наших глазах, —

принимает озабоченный вид, говоря с нами о предстоящих дебатах в Сенате, и предупреждает, что дело обойдется не без борьбы»¹. Потемкин добавил, что он собирается встретиться за ужином с Ивом Летроке, главой Сената, с Эррио, с промышленником Эрнестом Мерсье, выступавшим в поддержку ратификации, и многими другими «для создания в Сенате нужной нам атмосферы». У Потемкина было удивительно много полезных контактов — представителей французской политической элиты.

Непонятно, что думать о Фландене. 1 марта он отправил телеграмму Франсуа-Понсе в Берлин и велел ему договориться об аудиенции у Гитлера, чтобы обсудить франко-германский союз. Фланден также предложил передать франко-советский пакт на арбитраж в Гаагский трибунал. Фланден неожиданно утратил мужество? Франция из «основы советской политики» превратилась в «опасное место». О Гаагском трибунале слышал Литвинов. Читатели легко могут представить себе его реакцию. «Заверения Фландена и Сарро в быстром прохождении пакта через Сенат меня не очень успокаивают, — писал нарком Потемкину. — Многочисленные противники пакта выводят теперь на театр военных действий всю свою тяжелую артиллерию, первым орудием которой я считаю интервью [Франсуа-Понсе. — М. К.] Гитлера. Предупреждение Поль-Бонкура заслуживает серьезного внимания, тем более что я где-то читал, будто сам Фланден говорил о своем намерении обратиться в Гаагский трибунал. Предлагаю Вам следить за положением и сигнализировать нам всякое усиление позиции противников. Я сейчас обдумываю вопрос, не следует ли нам обратиться к Фландену и Сарро с более крепким предостережением против дальнейших проволок. Я не уверен в том, что мы не предпочитаем сами порвать пакт, чем соглашаться на гаагскую волокиту, которая даст возможность Франции вновь сделать пакт объектом торговли с Германией».

Литвинов был циничен, но кто стал бы его за это винить? Он полагал, что наибольший эффект произвела речь Бастида, а не Эррио². Счел бы он возможным похвалить коммуниста Пери?

¹ В. П. Потемкин — Н. Н. Крестинскому. 27 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 88—96.

² М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 марта 1936 г. // Там же. Д. 119. Л. 4—5.

Рейнский кризис. Ратификация советско-французского пакта

Оптимизм, в котором пребывало советское правительство после отставки Лаваля, продлился недолго. Вначале он начал иссякать из-за борьбы за ратификацию пакта, а затем, через две недели, произошла настоящая катастрофа, которая положила ему конец. 7 марта Гитлер отказался выполнять Локарнские соглашения, и вермахт вошел в Рейнскую демилитаризованную зону, заставив таким образом Версальский договор испустить последний вздох.

Французская военная разведка предвидела намерения Гитлера, но не стала ничего делать без поддержки Великобритании. А британцы во главе с Иденом не стали ничего предпринимать. СССР отреагировал моментально. Литвинов был в ярости. Он вышел из себя на встрече с американским послом Уильямом Буллитом. «Литвинов был в бешеной ярости, — писал Буллит. <...> обещания такого пса, лжеца и подлеца, как Гитлер, ничего не стоили». Нарком надеялся, что Лига Наций наложит на Германию санкции, это было наивно и нетипично для него. Лига не собиралась этого делать, хотя нарком всегда считал ее потенциальным инструментом в борьбе с Гитлером. Абиссинское фиаско положило конец этим планам, и кризис все еще не закончился. Литвинов считал отвратительным предложение Гитлера снова вступить в Лигу и прочие жульнические уловки, которые он использовал, чтобы обворовать британскую и французскую общественность. «Еще более отвратительными», по словам Буллита, он считал британцев, которые приветствовали возвращение Германии в Женеву¹.

Как утверждают советские источники, Альфан также доложил, что Франция должна занять твердую позицию, и первым шагом в этом направлении будет срочное голосование по вопросу ратификации в Сенате.

Если Франция будет держаться, то придется держаться и Великобритании. «Мы можем полностью положиться... на советскую делегацию в Женеве», — отправил телеграмму Альфан. «Литвинов завтра уезжает из Москвы»². Как помнят читатели, Иден, взяв пример

¹ Bullitt to Hull. 7 March 1936. FRUS, 1936, I, 212–213.

² Ibid.

с Сарджента, занял слабую позицию по поводу Рейнского кризиса и парализовал любую возможность совместных англо-французских действий, кроме капитуляции.

Майский сообщил о вялом настрое британской прессы. Заметным исключением стала «Санди Таймс». Корбен сказал Майскому, что Иден твердил о «спокойствии и самоконтроле». Это было плохо. Британское правительство рассматривало возможность переговоров с Гитлером¹. Наверно, Литвинов, читая эти телеграммы, разозлился еще больше. «Если занятая англ[ийской] прессой позиция отражает политику правительства, — телеграфировал он Майскому, — то это означает возвращение к политике премии агрессору, разрыв системы коллективной безопасности и конец Лиги Наций». Далее нарком отметил: «Переговоры с Гитлером на второй день после нарушения Локарно будут иметь более тяжелые последствия, чем план Лавала — Хора. Будет окончательно подорвано доверие к Англии. Лига Наций, открывающая настежь двери агрессору, теряет всякую ценность с точки зрения мира. Мы решительно осуждаем такую позицию и готовы поддержать любые действия, коллективно принятые в Женеве против Германии». Литвинов все еще полагал, что жесткие меры могут «приостановить германскую агрессию и уменьшить ее опасность». В тот же день, 9 марта, он уехал в Женеву².

На следующий день Потемкин передал Фландену сообщение от СССР. Советская делегация была готова поддержать французскую позицию в Лиге Наций. Было бы хорошо, добавил Потемкин, если бы Сенат сразу одобрил ратификацию, даже без дебатов, чтобы сгладить «тяжелое впечатление», которое произвели в Москве постоянные нападки правой оппозиции и прессы. Фланден поблагодарил Потемкина и СССР за поддержку и сказал, что по плану ратификацию должны рассмотреть в Сенате 12 марта. Дебаты и голосование пройдут в один день и как раз успеют произвести нужное впечатление в Женеве. Голосование без дебатов будет выглядеть не очень хорошо. Тем более в нем нет необходимости, так как

¹ И. М. Майский — в НКИД. 8 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 220. Д. 1582. Л. 105—108, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1936 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 12.12.2023).

² М. М. Литвинов — И. Д. Майскому. 9 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 221. Д. 1586. Л. 73, опубл.: там же (дата обращения: 12.12.2023).

подавляющее большинство проголосует за ратификацию. Те, кто был «против», сейчас будут «за». «Не беда, если даже против пакта выскажутся один-два наиболее “экзальтированных” сенаторов, — сказал Фланден. — Тем очевиднее будет слабость оппозиции, и тем яснее обнаружится, что все серьезные представители нации в Сенате сознают необходимость франко-советского пакта как гарантии мира и безопасности в Европе».

Потемкин спросил о вероятной позиции Британии. Интересен ответ Фландена. «Фланден заявил, что вчера настроение в Лондоне было несколько колеблющимся. Сегодня, как сообщает Корбен, положение как будто улучшается. По-видимому, Иден склонен поддержать французскую точку зрения. Во всяком случае, нужно подождать его сегодняшнего выступления в Палате общин. Еще важнее — проявить в Женеве должную твердость и солидарность. Англия едва ли решится возражать против санкций, долженствующих быть примененными к нарушителю договоров, если за такое решение выскажутся Франция, СССР, Малая Антанта и другие государства¹». По факту Иден готовился сдаться и надеялся на будущие переговоры с Гитлером. Его речь в тот день в Палате общин разочаровала Фландена. Он говорил обиняками и всячески уклонялся от ответа. Таким образом, надежды Фландена символизировали последние вздохи независимой французской внешней политики.

Состоялось несколько встреч. Первая прошла в Париже, и в ней приняли участие государства Восточного пакта без Германии. Затем прошла встреча в Лондоне. В ней снова приняли участие те же страны, а затем началось заседание Совета Лиги Наций. Литвинов первый раз встретился с Фланденом в Лондоне 13 марта. Фланден не мог ему сообщить ничего хорошего. Великобритания не могла согласиться с санкциями, так как они неизбежно привели бы к войне, а англичане не будут к ней готовы раньше, чем через три года. Более того, Фланден узнал, что британское правительство, не поставив в известность Францию, попросило Германию вести себя сдержанно в Рейнской области². Скорее всего, эта информация огорчила СССР.

¹ Беседа с П. Фланденом. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. [9 марта]. 12 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 109—113.

² М. М. Литвинов — в НКВД. 13 марта 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 137—138.

Однако были и хорошие новости. 12 марта Сенат ратифицировал пакт о взаимопомощи: 231 голос «за» и 52 — «против». Дебаты были короткими и беззубыми, а голосование представляло собой разрядку напряженности. Польша и Фланден, видимо, дали понять, что стоит избежать той полемики, которая имела место в Палате депутатов. Сложно было проголосовать против пакта после удара, который нанес Гитлер, однако 52 человека именно так и поступили.

Комическая опера

14 марта Литвинов доложил, что переговоры между странами Восточного пакта не дали никаких ощутимых результатов. Плохие новости сыпались одна за другой. Говорили, что Лаваль и Эррио (кто бы мог подумать!) выступают за переговоры с Гитлером¹. Через четыре дня Литвинов сообщил, что страны Восточного пакта все еще не смогли достичь согласия. Иден призывал к переговорам с нацистской Германией, так как хотел установить демилитаризованную зону с обеих сторон франко-немецкой границы. Литвинов записал, что Фланден и Польша постоянно меняли свое мнение, но в конце концов британцы загонят их в угол. По мнению Поль-Бонкура, слабость Франции объяснялась страхом войны и отсутствием политического единства внутри страны. Это был именно он: общий знаменатель всех объяснений французского бездействия — страх и отсутствие единства. Лишь Титулеску выступал за жесткую позицию Франции. Он был намного смелее, чем его современники, несмотря на то что боялся возвращения в Бухарест. Конечно, он понимал, что если французы сдадутся, это станет концом идеи коллективной безопасности в Румынии и концом его пребывания в должности министра иностранных дел. Литвинов знал, что в изоляции Франции придется пойти на уступки².

Фланден понимал, что в результате ввода вермахта в Рейнскую область Франция утратила стабильную позицию в Центральной и Восточной Европе. Он сказал об этом Ванситарту, которого использовали как жилетку, когда хотелось поплакать. Ванситарт записал по этому поводу: «Господин Фланден был сегодня очень

¹ М. М. Литвинов — в НКИД. 14 марта 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 142–143.

² М. М. Литвинов — в НКИД. 18 марта 1936 г. // Там же. С. 162.

расстроен и при личной встрече говорил искренне и удрученно. По его словам, он провалил свою миссию в Лондоне. С самого начала была тенденция отождествлять Францию и Бельгию, пострадавшие стороны, с Германией, виновной стороной. Конечно, мы должны были попытаться выступить посредниками, но мы зашли слишком далеко. Сами по себе предложения, которые Его Величество обсуждает с Фланденом, пропитаны этой несправедливостью: мы ставим на одну ступень виноватых и невинных... Далее Фланден сказал, спокойно и без враждебности, что эта встреча стала бедой не только для Лиги, но и для англо-французских отношений»¹.

Британцы, казалось, ничего не имели против. Будет проще вести переговоры с Гитлером. Массильи, все еще занимавший должность помощника директора службы политических вопросов, считал ситуацию абсурдной: «Немедленные переговоры со страной, которая только что нарушила прекрасный действующий договор, по мнению французов, напоминает комическую оперу, тем более что Германия уже несколько раз совершала это международное преступление»².

Скажите это Сардженту. На встрече с послом Клерком в Париже Леже заявил, что надо что-то делать, пока нет военных действий. Он имел в виду финансовые санкции. Другими словами, «такие страны, как Италия, Польша и Турция, которые сейчас колеблются, встанут на сторону Германии, так как будут уверены, что ее гегемония в Европе неизбежна, а западным странам придется в результате иметь дело с намного более сильным рейхом в обстоятельствах, которые менее благоприятны, чем сейчас». Настало время Жоффра, и мы больше не можем вернуться назад³. Звучало хорошо, но британцы ни о чем таком не думали. В любом случае генерал Жозеф Жоффр, сражавшийся в Первую мировую войну, умер от старости, и не было другого великого командира, который мог бы его заменить. Леже был прав. Позиция Франции в Центральной и Восточной Европе пошатнулась. Поль-Бонкур думал так же⁴. С санкциями не согласился Уигрэм, глава Центрального управления МИД:

¹ Vansittart to Sir George R. Clerk, British ambassador in Paris. No. 73, by telephone, immediate. 18 March 1936. C2026/4/18, TNA FO 371 19894.

² Memorandum by Vansittart, Seen by S. of S. 14 March 1936. C1858/4/18, TNA FO 371 19891.

³ Clerk. No.145. 17 March 1936. C1989/4/18, TNA FO 371 19893.

⁴ Untitled memorandum by Eden. 24 March 1936. C2338/4/18, TNA FO 371 19897.

Великобритания пострадает от них сильнее, чем Германия¹. Шло много обсуждений того, какое можно найти решение, однако ничего не было сделано. Это устраивало британцев и сломало Францию. По мнению Сарджента, если Франция получит надежные гарантии безопасности, она успокоится и не будет пытаться заставить вермахт покинуть Рейнскую область. В обмен «мы должны получить право контроля над внешней политикой Франции в Европе», писал он. Сарджент не питал особого уважения к Франции и полагал, что ее обязательства на востоке были помехой на пути к заключению соглашения с Гитлером. Конечно, «условия меняются», полагал Сарджент, но Франция должна спастись бегством от СССР, чтобы избежать войны с Германией². Интересно, что Москва, похоже, так и не узнала о ненависти Сарджента к СССР. Если все на самом деле так, то это, безусловно, провал советской разведки. В Лондоне многие враждебно относились к Франции. Отчасти это было связано с Сарджентом, который с большим презрением относился к Эррио и остальным «крайне левым», что бы это ни значило, которые «в кармане у большевиков и играют в русские игры, несомненно, с помощью русских денег». Он отмечал, что «пробольшевики», такие как Титулеску, в одной команде с Литвиновым³. В этой игре мог быть только один победитель, и не очень красиво было со стороны британцев так обращаться с каким бы то ни было союзником. В работах англоязычных историков Сарджент выглядит слишком хорошо⁴.

Корбен решил обратиться с просьбой к Ванситтарту, но это было бесполезно, хотя Ванситтарт старался проявить сочувствие. «Самой страшной катастрофой, — считал Корбен, — могло бы стать отдаление Франции от Великобритании в результате лондонских встреч, так как это означало бы разрушение Европы и доминирование Германии над всеми более мелкими государствами». Корбен был совершенно прав, но кто его слушал и кто запомнил, что он говорил? Когда Корбен беспокоился, что Великобритания «не выполнит взятые

¹ Wigram's minute. 18 March 1936. C1989/4/18, TNA FO 371 19893.

² Untitled memorandum by Sargent. 16 March 1936. C2134/4/18, TNA FO 371 19895.

³ Sargent's minute. 19 March 1936. C2048/4/18, TNA FO 371 19894.

⁴ См. например: *Neilson K. Orme Sargent, Appeasement and British Policy in Europe, 1933–1939 // Twentieth Century British History. Vol. 21. No. 1 (2010). P. 1–28.*

на себя обязательства», Иден усмехнулся. «Не Франции читать нам лекции», — отрезал он¹. Сарджент бы одобрил.

Генерал Морис Гамелен в Париже полагал, что немцы блефуют. Гитлера может остановить только сильный «объединенный фронт», состоящий из Великобритании, Франции, Италии и Польши. Пойдите-ка. А Гамелен говорил что-либо про СССР? Ни слова. А прошло всего восемь дней после ратификации пакта о взаимопомощи в Сенате. «Немцы не изменились, — полагал Гамелен. — Если мы сейчас не проявим твердость, то через несколько лет увидим “ан-шлюс”, после которого последует подчинение Чехословакии, а затем — Польши». Это был правильный призыв, да любой знающий человек сказал бы то же самое. Гамелен любил поговорить, но он противился мобилизации. Ванситтарт полагал, что, если начнется война, Великобритания сможет защитить Бельгию с помощью сухопутных войск. Любой другой вариант стал бы «фатальным»². Какие еще сухопутные войска? У Великобритании их практически не было. Две дивизии для Франции... на учебном полигоне.

В Париже Потемкин наносил визиты. Ненадолго появился призраком из, казалось бы, давнего прошлого. Лаваль пригласил Потемкина на встречу в Сенат. Как будто два старых врага решили предаться воспоминаниям, иначе трудно было понять, почему вообще они встретились. Они говорили о французской политической ситуации. Возможно, Лаваль полагал, что у него есть шанс вернуться. «Не без некоторого злорадства, — писал Потемкин в дневнике, — Лаваль констатировал, что правительство Сарро переживает критический момент. Лаваль не считает, впрочем, что акция Гитлера непосредственно вызвана ратификацией франко-советского пакта. Этот пакт является для Гитлера только предлогом. Гитлер давно задумал нарушить режим рейнской зоны». Сейчас было подходящее время, чтобы начать действовать, полагал Лаваль. Франция и Великобритания не ладят, а Италия выжидает в изоляции, так как она злится из-за санкций Лиги. Кроме того, Франция сейчас переживает предвыборную кампанию, полную разногласий, которая мешает

¹ Record of Conversation between the French Ambassador and Sir R. Vansittart, Vansittart. 13 March 1936. C1833/4/18, TNA FO 371 19891.

² Colonel Frederic Beaumont-Nesbitt, British military attaché in Paris, to Clerk. No. 12. 20 March 1936; Vansittart's minute. 30 March 1936. C2203/4/18, TNA FO 371 19896.

национальному единству. Очевидно, что Германия выигрывает еще один дипломатический поединок. Для Лавалю «национальное единство» означало развал Народного фронта, изоляцию коммунистов, нейтрализацию социалистов и перетягивание радикал-социалистов к правому сектору. Фланден и Поль-Бонкур в Лондоне слишком много на себя взяли. Лаваль считал, что ситуация ужасна, и он мог бы найти из нее куда лучший выход... ну конечно-конечно! «Лаваль остается неизменно верен своей идее — именно, что европейский мир невозможен без соглашения Франции и Малой Антанты с Германией». Было очевидно, что нужно ответить Лавалю, но Потемкин предпочел промолчать. Затем Лаваль заговорил о франко-советском пакте, похваставшись, как он его пытался уничтожить, чтобы у Гитлера не было больше повода для оправдания политики в Рейнской области. Дебаты в Национальной ассамблее прошли бы лучше, добавил Лаваль, если бы советское правительство не вмешивалось во внутренние дела Франции. И снова Потемкин не стал возражать. Потому что какой смысл? Они уже много раз обсуждали эту тему ранее, а Лаваль уже не был у власти¹.

18 марта Потемкин встретился с Манделем, и у них состоялся совсем иной разговор. Мандель кратко рассказал, что произошло во французском кабинете после ввода вермахта в Рейнскую область. Снова говорили о том, чтобы отправить франко-советский пакт в Гаагский суд. 13 марта Эррио отправился на встречу с Сарро и говорил там «патетически» о необходимости избежать войны и убедить Гитлера принять гаагский арбитраж. Отчет Потемкина об этом разговоре и сейчас больно читать. Мандель считал эти предложения неприемлемыми и «практически опасными». Потемкин согласился, но в целом отметил, что в Москве плохо отнесутся к арбитражу в Гааге, и Сарро, и Фланден должны это прекрасно понимать. Это будет расценено как неверность по отношению к СССР. С задержкой ратификации и «неслыханным тоном парламентских дебатов» в Палате депутатов раздражение в Москве может достичь такого уровня, что приведет к «радикальным решениям» в отношении пакта о взаимопомощи. По данному вопросу Потемкин и Мандель сходились во мнениях. Мандель тут же позвонил Сарро и сообщил ему, что встречается с Потемкиным. Сарро ответил, пусть он зайдет к нему.

¹ Беседа с П. Лавалем [15 марта 1936 г.]. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. 26 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 154—157.

Урегулировав этот вопрос, стороны продолжили разговор. Было принято решение провести мобилизацию, сказал Мандель, в ожидании ввода немецких войск в Рейнскую область. Британское правительство было об этом проинформировано 3 марта. Он имел в виду то сообщение, которое Фланден передал Идену в Женеве в тот же день. Тем не менее, когда пришло время действовать, кабинет спасовал. Французское верховное командование отказалось взяться за оружие. В результате момент был упущен, и «Гитлер пожал все плоды таких колебаний». Мандель добавил, что «известно, что немцы боялись ответной мобилизации французов и готовы были ретироваться при первых ее признаках. Они входили в зону, как во вражескую страну, оглядываясь и пугаясь каждой тени». Как видно из отчета Потемкина, Мандель «клеямит малодушие, проявленное правительством и высшим командованием в этот критический момент». Полпред писал: «Несмотря на суровое осуждение, которому Мандель подвергает французское правительство и высшее командование, он не считает положение окончательно проигранным. По мнению Манделя, в общественном мнении Франции нарастает все большее возмущение предательством англичан и озлобление против немцев. С течением времени эти настроения должны еще усилиться. Бесспорно, что Франция не хочет войны. Но видя, что на нее наступают и что на силу приходится отвечать только силой, страна в конце концов может потерять терпение, и тогда Германия увидит перед собою настоящую Францию. Мандель уверен, что с этой Францией окажется и СССР»¹.

Это были сильные и трогательные слова. Потемкин видел, как эмоционально говорит Мандель, и хотел донести его слова до советских дипломатов, чтобы коллеги поняли, что во Франции есть сильные и решительные лидеры. Однако французскому правительству понадобится больше таких Манделей, чтобы убедить скептиков в Москве в том, что Франция может быть действительно надежным союзником. Конечно, парадоксально то, что французское верховное командование не считало СССР союзником и в докладах удваивало общее число немецких солдат, чтобы запугать политиков и по-

¹ Беседа с Ж. Манделем [18 марта 1936 г.]. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. 26 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 123–128, опубл.: ДВП. Т. XIX. С. 162–166.

мешать им что-либо предпринять в связи с вводом немецких войск в Рейнскую область. На следующий день, 19 марта, Потемкин встретился с Сарро. В основном они обсуждали гаагскую инициативу. Она сильно беспокоила Потемкина, и было понятно почему, но Сарро пытался его убедить в том, что Гитлер все равно на нее не согласится. Даже британцы были не в восторге от этой идеи, так как не хотели давить на Гитлера. Теперь это был их любимый припев: «Боже, нам нельзя злить господина Гитлера». Затем стороны начали обсуждать другие темы. Сарро заверил Потемкина в приверженности Франции пакту о взаимопомощи, с учетом того, насколько важную роль СССР играет в гарантии коллективной безопасности в Европе и на Дальнем Востоке¹. Поскольку Великобритания и Франция отказались решительно противостоять вторжению Гитлера, заявления Сарро представляли сомнительную ценность для Москвы.

Кризис во Франции

В тот же день, 19 марта, в Лондоне Франция и Великобритания достигли своего рода соглашения. Это был «решающий день», по словам покойного академика Дюрозеля². Британцы заняли вялую позицию по всем французским идеям, так что в итоге ничего не осталось, кроме британских гарантий Франции и Бельгии и переговоров на уровне штабов. Эти переговоры не стоили и ломаного шиллинга — британцы пообещали предоставить две дивизии без уточнения, как их можно использовать. Тут Великобритания была неумолима. Две дивизии, и все. Или так, или никак. Таким образом, британцы были жесткими с союзниками и слабыми с врагами. Даже Ванситтарт посчитал необходимым предупредить министра иностранных дел, что двух дивизий будет недостаточно. «Ни один француз или бельгиец никогда не согласится с тем, что они будут вести сухопутные бои, а мы для нашего удобства ограничимся воздухом и морем»³. Да, дело обстояло именно так, и Ванситтарт еще будет

¹ Беседа с Сарро [19 марта]. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. 26 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 129–134, опубл.: ДВП. Т. XIX. С. 174–178.

² *Duroselle J.-B. La Décadence*. P. 176.

³ Memorandum by Vansittart. 8 Dec. 1936; Vansittart's minute. 11 Dec. 1936. C8892/4/18, TNA FO 371 19916.

об этом говорить, но бесполезно, так как в 1939 году дивизий по-прежнему было всего две. Консервативное правительство отказывалось изменить сбалансированный бюджет и повысить расходы на оборону. Это решение чуть не привело Великобританию к поражению в 1940 году. Но это уже другая история, и мы о ней поговорим попозже.

Тем не менее Литвинов отправил из Лондона в Москву телеграмму, в которой сообщил, что удалось достичь договоренности. Фланден и остальные рассказали ему подробности. Больших результатов добиться не удалось, и французы «грешат в сторону оптимизма»¹. Через два дня Литвинов запросил у Сталина инструкции. В соглашении все еще говорилось о Гаагском суде. «Эта злополучная идея исходила от французов, и ее горячо поддерживали Эррио и как французские, так и английские пацифисты. Поэтому против нее трудно было бороться здесь». Литвинов отметил, что были и другие проблемы. В Восточной Европе не говорили о безопасности. «Попытаюсь это исправить, — писал он Сталину. — Они, однако, будут спрашивать, чего мы добиваемся конкретно от Гитлера. Можно вновь выдвинуть идею взаимного гарантирования нами и Германией Балтийских государств, но на это Гитлер не пойдет. Англичане и французы скорее поддержали бы идею советско-германского пакта о ненападении»². Тут читатели могут в первый раз увидеть упоминание советско-германского пакта о ненападении. Забавно, что изначально идея принадлежала британцам и французам. Конечно, обстоятельства в 1936 году сильно отличались от того, что будет происходить через три года. Тем не менее эта фраза из телеграммы Литвинова бросается в глаза.

Из Москвы быстро пришел ответ. Получив инструкции от Сталина, Крестинский предлагал попробовать воскресить Восточный пакт. Литвинов должен был сказать, что «ежели теперь же не будет вырешен вопрос о Восточной Европе, то авторитет Лиги Наций и вопрос об ограничении вооружений в будущем будут поставлены под серьезную угрозу, и что СССР придется стать на путь дальнейшего увеличения своей армии и авиации, ибо СССР будет считать, что он предоставлен самому себе». Возможно, советско-германский

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 19 марта 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 172—173.

² М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 21 марта 1936 г. // Там же. С. 179.

пакт о ненападении возник как компромисс. «В этом случае Вы могли бы согласиться на этот пакт, имея в виду, что пакт о ненападении в то же время пакт о неоказании какой-либо поддержки агрессору, и что пакт теряет силу, если одна из сторон нападает на третье государство»¹. Сталин отказался от этой идеи в 1939 году.

Проблемы возникали одна за другой. Переслав инструкции Литвинову, Крестинский написал Потемкину и предупредил его, что французы хотят задержать обмен официальными документами о ратификации. В Лондоне Фланден пообещал Литвинову провести этот обмен незамедлительно². Можно ли вообще было верить, что французы будут придерживаться взятых на себя обязательств? «Поведение французов, — писал Крестинский, — меня просто изумляет. Ведь для них должно быть ясно, что, если бы Гитлер стремился лишь сорвать франко-советский пакт, ему не нужно было бы вводить войска в Рейнскую область, а достаточно было бы с трибуны рейхстага заявить, что он сделает это, если французский Сенат ратифицирует пакт. Я почти не сомневаюсь, что, если бы Гитлер поступил так, пакт в Сенате не прошел». Крестинский отметил, что пакт, несомненно, был всего лишь предлогом, чтобы отправить войска в Рейнскую область. О том же говорил Лаваль Потемкину. Теперь у французов не было выбора. Они должны были следовать франко-советскому пакту, так как это была их гарантия на случай немецкой агрессии. Если отложить обмен документами, отношения с Германией лучше не станут, зато французы «рискуют серьезно испортить франко-советские отношения»³. Крестинский высмеял трусость французов после нападения Германии. Если так поступил он, то это значит, что его более циничные коллеги в Москве всячески подшучивали над французами или, что хуже, интересовались, может ли Франция вообще быть надежным союзником.

24 марта Гитлер помог на время разрешить франко-советские сложности. Он отказался от всех предложений, полученных из Лондона, в том числе от Гааги. Повторная милитаризация Рейнской области уже произошла, но это, похоже, не беспокоило британцев

¹ Н. Н. Крестинский — М. М. Литвинову. 22 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. Д. 221. Д. 1586. Л. 91, опубли.: Вторая мировая война в архивных документах. 1936 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296905> (дата обращения: 12.12.2023).

² М. М. Литвинов — в НКВД. 19 марта 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 172–173.

³ Н. Н. Крестинский — В. П. Потемкину. 22 марта 1936 г. // Там же. С. 182–183.

в основном потому, что они выступали за переговоры с Гитлером. Французы, однако, разозлились, так как поняли, что их обманул вначале Гитлер, а потом — англичане.

Литвинов заехал в Париж и встретился там с Сарро, Фланденом и Леже. Они были разгневаны отказом Гитлера, в особенности потому, что понимали, что ничего не могут с этим поделать. Все понимали, что вернуться к Восточному пакту невозможно, но, по словам Литвинова, они выступали против любого соглашения, которое не будет гарантировать безопасность в Восточной Европе¹. Это был шаг в правильном направлении, но какова была его ценность для Москвы с учетом Рейнского провала?

Потемкин кратко резюмировал события, произошедшие в Париже после 7 марта. В том числе он дал исчерпывающее объяснение трусости французской политики. На Потемкина произвел большое впечатление разговор с Манделем, и он потом часто ссылался на него в своем отчете. Начал он с рассказа о сообщении, которое Фланден передал Идену в Женеве 3 марта. Читатели помнят, что в нем говорилось о том, что в случае, если Германия нарушит границы демилитаризованной Рейнской области, Франция проведет мобилизацию. «Вы убедитесь, что этот министр самым недвусмысленным образом обвиняет англичан в предательстве, выразившемся в том, что Гитлер был информирован из Лондона о необходимости помешать Англии и Франции договориться о совместном противодействии эвентуальному нарушению Германией режима Рейнской зоны».

В своем отчете Потемкин во многом повторил свои предыдущие записи разговора. Ему было что рассказать о том, как британцы обхитрили французов и заставили их отказаться от жесткой политической линии. Сдавший позиции Иден приехал в Париж, чтобы председательствовать на встрече сторон, подписавших Локарно. Там было решено перенести встречи в Лондон, а в итоге было решено, что дискуссия пройдет в Совете Лиги, который тоже заседает в Лондоне. Потемкин спросил Фландена, почему он согласился на такой вариант.

«Он ответил мне, что английские делегаты явились на Парижскую конференцию либо недостаточно информированными о позиции

¹ М. М. Литвинов — в НКВД. 28 марта 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 734, п. 55.

французского правительства, либо расположенными не принимать ее слишком всерьез. Когда-де они убедились, что французы отнюдь не склонны идти на какой бы то ни было компромисс, они обеспокоились. Иден заявил, что ему нужно вновь обсудить положение со своим правительством, что ему невозможно ежеминутно сноситься с ним по телефону и пр. Вслед за этим из Лондона поступила просьба — перенести туда и заседание Совета Лиги Наций. Фланден уступил».

Иден был министром всего несколько месяцев, но он уже всю хитрил, а оппозиция была слабая. Вначале он остановил укрепление англо-советского сближения, а спустя месяц обманул французов, заставив их отказаться от решительной защиты их самых важных интересов. Перенос переговоров и заседания Совета Лиги в Лондон, очевидно, было частью стратегии, направленной на запугивание Франции войной, хотя в Париже и без того было много страха, а также сочувствия нацистской Германии со стороны правого крыла. Британцы предложили всего-навсего гарантии безопасности и переговоры на уровне штабов, но все это не имело смысла после исчезновения буфера в виде Рейнской области и размещения вермахта у восточных границ Франции. Иден и многие его коллеги-консерваторы выступали за переговоры с Гитлером и против франко-советского пакта о взаимопомощи. Они шли к катастрофе, однако Сарджент пользовался успехом в МИД, а к Ванситарту многие относились без уважения.

«Нечего говорить, — писал Потемкин, — о разочарованиях, которые ожидали Фландена в Лондоне». Об этом рассказал Сарро. По его словам, Фландену приходилось «преодолевать затруднения», как и должно было быть, с точки зрения коварного Альбиона. Правительство Фландена и Сарро также вызвало огонь на себя в Париже. Кампанию против кабинета начал Лаваль. Правая оппозиция старалась, как могла, и говорили, что даже Даладье активно выступает за кулисами. По словам Торреса, в этом участвовал даже Эррио, который осуждал жесткую линию, выбранную Фланденом и Сарро. Эррио был в панике и боялся войны. Он надеялся воспользоваться «пацифистскими настроениями в стране», чтобы привлечь голоса на весенних выборах. Эррио испугался конфликта между Фланденом и англичанами и отправился к Сарро. Он все еще был в панике и даже почти был готов признать, что причиной конфликта

с Германией стал франко-советский пакт. Он убедил Сарро отправить инструкции Фландену и снова предложить сослаться на Гаагский суд. Мандель сообщил Потемкину, что Леже выступил против такого шага, но его голос был заглушен «криком Эррио». Сарро пришлось сдаться, с учетом позиции Эррио в Радикальной партии и в стране. Отчет Потемкина выглядел трагично. Французы опасались отчуждения с Великобританией и не хотели рисковать. Почти все французские союзники и нейтральные страны боялись войны и вели себя скрытно. Франция была окружена со всех сторон.

Леже описал происходящее Потемкину. «Должен отметить, — писал Потемкин, — что мне никогда не приходилось видеть Леже в состоянии столь мрачного и безысходного пессимизма, как в эти последние дни». В случае войны на СССР не было особой надежды. «Это приходится констатировать с полной объективностью, — сказал Леже. — Здесь твердят, что СССР находится слишком далеко. У него нет общей границы с Германией. Красная армия недостаточно подготовлена к наступательной войне». Леже все жаловался. Затем он вспомнил «инсинуации», согласно которым СССР подталкивал Европу к войне и готовился к мировой революции, поэтому в решающий момент он не будет поддерживать Францию, и вообще ему придется воевать с Японией. С учетом всего вышесказанного, легко понять «атмосферу сомнений, страха, недоверия и колебаний, в которой приходится действовать французскому правительству в данный критический момент».

По мнению Потемкина, Мандель четко описал внутреннюю ситуацию. «По его мнению, никто не решится предстать перед избирателями как сторонник войны и защитник непримиримых позиций в отношении Германии, Англии и всех колеблющихся стран. Выборы должны пройти под знаком пацифизма. При таких условиях правительству волей-неволей приходится избегать обострения конфликта, выгадывать время, выжидать результата выборов и, с другой стороны, постепенного созревания международного общественного мнения под воздействием дальнейших ударов гитлеровского кулака»¹. Это было мнение одного из самых жестких французских политиков в этом блоке. Сталин бы его понял, и именно поэтому Потемкин так

¹ В. П. Потемкин — Н. Н. Крестинскому. 26 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 139—149, опубли.: ДВП. Т. XIX. С. 189—195.

старательно передавал его взгляды в Москву. Но Мандель был евреем и посторонним человеком. Сможет ли он навязать свою волю коллегам? Получится ли после весенних выборов собрать сильное правительство? Скоро мы об этом узнаем.

Покойный Дюрозель называл Рейнский кризис «неутешительным событием». Однако это даже близко не описывает того, насколько разрушительным он оказался. Франция утратила свой престиж в Европе. Британцы стали относиться к ней без уважения, как к своему клевету, который должен следовать британскому курсу. Никто не считал Францию сильным союзником в борьбе с нацистской Германией. Для маленьких европейских стран вроде Румынии это означало, что нужно постараться изо всех сил заключить соглашение с Гитлером. В Москве кризис вызвал шквал злости и цинизма. Имело ли смысл защищать франко-советский пакт? На тот момент ответ положительный, но только потому, что не было другого выхода. Литвинов продолжал выступать за взаимопомощь и совместную безопасность, однако советской политике были нанесены сильные, а по факту смертельные удары. Дальше будет хуже.

ЭПИЛОГ

Хотя это и стало понятно не сразу, весной 1936 года попытки СССР заключить пакт о взаимопомощи для защиты от нацистской Германии окончились полным провалом. В этом точно не было намерения Сталина. Когда Гитлер пришел к власти в январе 1933 года, он нарушил планы советской внешней политики в Европе. В 1933 году сначала Литвинов и Крестинский в НКВД, а затем Сталин и его «тройка» в Политбюро осознали, что Рапалло пришел конец. Читатели, возможно, удивятся, но поначалу были сожаления о том, что невозможно сохранить «старую политику», а потом было решено изменить советские внешнеполитические ориентиры. Первыми внимание Москвы привлекли Франция и Польша. Франция была очевидным вариантом, так как являлась союзником России в Первой мировой войне. А Польша была связана с Францией договорными обязательствами. Чтобы покорить Францию, необходимо было покорить Польшу. Однако эта страна разочаровала СССР, о чем будет еще рассказано позднее. Во Франции же Германия воспринималась как угроза европейскому миру и безопасности, и примерно те же опасения были и у Москвы. Сдвиг во французской политике произошел в 1932 году еще до того, как Гитлер стал канцлером. Во время правления Эррио был заключен пакт о ненападении, а затем Поль-Бонкур и Барту укрепили поворот во французской политике, несмотря на сопротивление МИД.

В 1933 году по мере франко-советского сближения открылись новые возможности в отношениях с Соединенными Штатами. Президентом стал Франклин Рузвельт, и он изменил курс американской политики. Литвинов в Вашингтоне подписал соглашение о признании СССР, с одной стороны, а с другой — «джентльменское соглашение» об урегулировании старых долгов в обмен на долгосрочный

кредит. Это казалось огромным достижением советской дипломатии. Двумя месяцами ранее, в сентябре 1933 года, СССР подписал пакт о дружбе и ненападении с Римом. Понятно, почему в декабре 1933 года произошел официальный поворот советского курса в сторону коллективной безопасности. Это был тот момент, когда все элементы новой политики должны были встать на свои места.

Едва достигнув апогея, советская политика начала разрушаться. Весной и летом 1934 года попытка урегулировать отношения с США провалилась. Позднее, в том же году, после смерти Барту во Франции тоже все пошло наперекосяк. Новый министр иностранных дел Лаваль положил конец политике Эррио, Поль-Бонкура и Барту, задушил франко-советское сближение и выхолостил окончательную версию франко-советского пакта так, что от него осталась лишь оболочка. На Лаваль давила не только советская сторона, но и Чехословакия с Румынией, в особенности Бенеш, Титулеску и некоторые из французских коллег, поэтому он не мог открыто порвать с Москвой. Ему приходилось маневрировать, чтобы обхитрить оппозицию, хотя он с поразительной откровенностью признался Потемкину, что для Франции предпочтительнее сделка с нацистской Германией, чем союз с СССР. Лаваль приезжал в Москву на встречу со Сталиным в мае 1935 года. Он предложил переговоры на уровне штабов, чтобы укрепить пакт, который он же и уничтожил. Перед встречей со Сталиным Лаваль заезжал в Варшаву к Беку и заверил того, что он против «русофильского флера» во французской политике. Лаваль вел себя двулично. Он обещал Москве как можно быстрее ратифицировать пакт, а сам откладывал эту процедуру, так как надеялся заключить какое-нибудь соглашение с Германией или хотя бы продвинуться на пути к нему. Пакт все еще не был ратифицирован, когда в январе 1936 года Лаваль лишился власти. Его правительство сменил кабинет Сарро, который смог добиться ратификации пакта в Национальном собрании, хотя и не на лучших условиях. Франко-советские отношения тянулись еще какое-то время, но Лавалю удалось свести к минимуму размах франко-советского сближения. Получается, что у Литвинова остались только такие великие державы, как Италия и Великобритания, из тех, кого можно было привлечь в антигерманский союз. Италия была ненадежным вариантом, так как ею управлял эксцентричный Муссолини, а отношения с СССР окончательно испортились из-за итальянских

амбиций в Африке и войны в Абиссинии. Италия постепенно отошла в сторону от взаимопомощи для борьбы с нацистской Германией. Последней надеждой была Великобритания. Дело «Метро-Виккерс» временно затормозило развитие англо-советских отношений, но уже летом 1933 года Литвинов понял, что необходимо привлечь англичан к советским планам, связанным с коллективной безопасностью. Через год, летом 1934 года, Майский и Ванситтарт смогли добиться хрупкого сближения, так как советско-американские отношения затормозились, а за несколько месяцев до этого то же самое произошло с отношениями с Францией после смерти Барту и появлением во французском МИД Лавалья. Советский посол в Лондоне и аристократ из британского МИД организовали поездку Идена в Москву, и это был пик англо-советских отношений в 1930-х годах. Этот визит был подобен падающей звезде, озарившей небо и быстро погасшей. Сторонником англо-советского сближения Иден до конца не был, и всего через три месяца британское правительство подписало военно-морское соглашение с Германией, которое выбило почву из-под Версальского договора. Подписание прошло без консультаций с Францией, Италией или СССР, и, по сути, Великобритания превратилась в союзника Германии по перевооружению. Британское правительство думало иначе и не придавало соглашению слишком большого значения. Даже Ванситтарт пытался его защищать. Что еще ему оставалось? Во Франции и Италии, однако, восприняли эту новость с горечью и предавались размышлениям о коварстве Альбиона. В Москве Литвинов был потрясен.

А что удивительного? Можно ли отмыть черного пса добела? Литвинов и Сталин полагали, что да.

Худшее было впереди. В декабре 1935 года Лаваль и новый министр иностранных дел Хор были пойманы на попытке заключить грязную сделку по поводу Абиссинии. Дело было нечисто, но даже Литвинов пошел бы на подобное, если бы удалось все повернуть тихо и с согласия Абиссинии. Целью было удержать Италию на своей стороне в борьбе с нацистской Германией. Однако случилось прямо противоположное. Муссолини бросился прямо в гостеприимные объятия фюрера, а французы и британцы принялись обвинять друг друга. Ванситтарт утратил свое влияние в британском МИД в самый неподходящий момент. Хору пришлось уйти в отставку, что

не было большой потерей. Но на его место пришел никто иной, как Иден, что в свою очередь не стало большим приобретением. Тем не менее он оставался надеждой Майского и Литвинова. Майский полагал, что Иден на его стороне. Полпред ошибался. В феврале 1936 года этот вздорный молодой человек, восходящая звезда Консервативной партии, затормозил англо-советское сближение. В 1930-е годы отношения между Лондоном и Москвой так и не пришли в норму.

По поводу Польши... что тут скажешь? Она подписала пакт о ненападении с нацистской Германией в январе 1934 года, отказавшись от советских предложений о сближении. Министр иностранных дел Бек полагал, что Польша сможет всех перехитрить и купить себе десяток безопасных лет. Бек никого не слушал. Литвинов пытался предупредить его о том, что польская политика — безумие, но министр отказался его слышать. Остальные видели более ясную картину: дипломаты по всей Европе говорили, что Польша выбрала себе опасную компанию. Румыны, чехословаки и французы пришли к тем же выводам. Бенеш, Титулеску, Мендрас, Литвинов, Стомояков, Потемкин и Сталин полагали, что Польша идет на смертельный риск. Польша сговорилась с нацистской Германией, а Бек стал «лакеем» Гитлера. Заискивать перед Берлином было бесполезно, поскольку, если Гитлер решил бы реализовать свои территориальные претензии к польскому правительству, неизбежным результатом стал бы «четвертый раздел» Польши. Тут к гадалке не ходи — и так понятно, что Польша обречена. Эта судьба была ей уготована задолго до 1939 года. Когда Бек слышал такие комментарии, он криво улыбался: поляки, мол, лучше знают свои интересы. Вообще-то нет. Пока что польское правительство саботировало советскую коллективную безопасность и взаимопомощь, в особенности в Бухаресте (охотясь за Титулеску), а также в Берлине, Лондоне и Париже. Везде, где могли, поляки вставляли СССР палки в колеса.

Одним светлым пятном стала отставка Лаваля в начале 1936 года — еще одна одинокая падающая звезда, быстро сгоревшая в суматохе дебатов во французской Палате депутатов о ратификации франко-советского пакта. Ратификация пакта стала пирровой победой. Одобрение документа-пустышки привлекало все больше и больше сторонников внутренней оппозиции. Можно подумать, Франция могла бы обойтись без своего самого могущественного европейского союзника. Какая трагедия! Так распалась советская система

коллективной безопасности и взаимопомощи. США вышли из игры, так же как и Италия и Великобритания. Франция держалась, но искала уважительный повод, чтобы уйти (в случае с Лавалем не такой уж и уважительный).

А потом для всех начались страшные потрясения. Не прошло и трех месяцев от 1936 года, как вермахт вошел в демилитаризованную Рейнскую область и устроился там как у себя дома. Франция и Великобритания даже не попытались вышвырнуть немцев. Для бездействия было много причин. Британцы не были готовы к войне. Французы боялись, а начальник штаба генерал Гамелен подсчитывал каждого немецкого солдата два или три раза, чтобы оправдать бездействие численностью вермахта. Франция, вероятно, и решилась бы что-то предпринять, но только вслед за англичанами, а те под руководством Идена предпочитали не воевать с вермахтом, а грезить о соглашении с Гитлером. Таким образом, верховное командование Германии смогло спокойно укрепить рейнскую границу с Францией, ликвидировав потенциальный плацдарм, откуда французская армия могла бы прийти на помощь своим союзникам в Центральной и Восточной Европе. Не стоит думать, что эта капитуляция прошла незаметно для Праги, Бухареста, Белграда и Варшавы, но британские и французские правящие элиты (за исключением Манделя), кажется, не понимали, насколько неприятно они выглядят в глазах этих стран. Францию больше нельзя было считать сильным и надежным союзником. Она капитулировала и легла к ногам англичан, отдав внешнюю политику им на откуп. Во Франции были сильные лидеры, такие, как Пери слева или Мандель справа. Не все французы были готовы сдаться. Но они не могли раскачать правящие элиты, по крайней мере эти двое: коммунист и еврей, противостоявшие орде французских «пацифистов». Этим зрелищем наслаждались в Берлине, но в других столицах его находили душераздирающим. Литвинов, придя в ужас, попытался придумать наилучшую возможную трактовку этих событий, которые шли вразрез с интересами СССР. С учетом советского восприятия нацистской угрозы европейскому миру и безопасности, какой ему или Сталину еще оставался выбор?

Подумать только! Советская сторона наивно пыталась заставить западные страны возродить Антанту времен Первой мировой войны

против еще кайзеровской Германии. Советские лидеры отказались от марксизма? Вовсе нет, просто они видели в Гитлере угрозу миру и безопасности в Европе. В «Майн кампф» Гитлер кратко изложил свой план установления господства во всей Европе. СССР пытался объяснить, что либо следует объединиться против этой угрозы, либо придется принять немецкую «Срединную Европу». Однако советские призывы остались без внимания. Европейские элиты не верили тому, что видели собственными глазами или о чем читали в «Майн кампф». Потенциальные участники антинацистской коалиции откололись один за другим.

Многие западные историки на протяжении долгого времени (а сейчас еще чаще, чем раньше) утверждают, что Сталин, несмотря на все его заверения, оставался безжалостным лжецом и бессовестным большевиком, помешанным на идеях мировой революции, а советские предложения о сотрудничестве против нацистской Германии были обманом, военной хитростью и так далее. Вы уже слышали все эти аргументы. Можем мы просто предположить, что у Запада были честные убеждения, а у СССР нет? Конечно, Запад не был един: не все отказывались от предложений СССР. Черчилль, Ванситтарт, Мандель, Поль-Бонкур, Кот, Титулеску и другие были готовы к сотрудничеству. Они говорили: у нас нет выбора, придется забыть о разногласиях, это единственный путь к безопасности и защите от нацистской Германии. Без СССР они не могли и надеяться на победу. По мнению некоторых историков, западные правящие элиты были неспособны понять истинные мотивы СССР, то есть коммунистов, однако некоторым это удалось. Когда мы говорим, что была альтернатива капитуляции Гитлеру, это не значит, что мы рассуждаем задним умом. Существует масса свидетельств, из которых напрашивается ровно один вывод: западный взгляд на советскую внешнюю политику, представленный авторами от Адама Улама до Шона Макмикина, оказывается не совсем корректен в рамках более широкого контекста, который вытекает из анализа огромного массива российских архивных данных. У Улама и его современников не было к ним доступа, а Макмикин просмотрел документы лишь поверхностно и искажил факты в свою пользу.

Рейнский кризис стал развязкой череды мрачных событий в Европе. Мрачными они были для тех, кто пытался вместе с СССР выстроить коллективную безопасность для борьбы с нацистской

Германией. Весной состоялись парламентские выборы во Франции. Как вы помните, на фоне беспорядков на площади Согласия в феврале 1934 года французские левые и левоцентристские силы объединились против, как они полагали, фашистской угрозы внутри страны. Некоторые утверждали, что этот хаос был неудавшимся фашистским переворотом. Вначале союз сформировали коммунисты и социалисты, а потом к ним через год присоединились радикал-социалисты, и они все вместе сформировали предвыборную коалицию — Народный фронт — для борьбы на выборах весной 1936 года. Правые и правоцентристы испугались. Произошел раскол. Рикошетом ударивший, как видят читатели, по франко-советским отношениям. В то же время после длительных переговоров в Лондоне на тему того, что делать с вермахтом в Рейнской области, в Москву вернулся Литвинов. В разговоре с французским послом Альфаном он пытался держаться невозмутимо: все нормально, франко-советский пакт ратифицировали, лучше такой пакт, чем никакой. Переговоры в Лондоне прошли нормально, хотя тут Литвинов приукрасил¹. СССР все еще придерживался политики коллективной безопасности, и поэтому будь что будет, но Францию нужно было сохранить. Скрипучую французскую «опору» необходимо было заменить на что-то из более качественной стали.

С Майским Литвинов был более откровенен. Если уступить Гитлеру, то он только потребует еще больше. Что нужно сделать, чтобы его остановить? В Париже обсуждали какие-то безумные предложения, вроде того, что следует наложить «частичные санкции» на Германию, что лишь свидетельствует о том, в каком отчаянии были те, кто хотел сдерживать нацистскую угрозу и добиться мира, но не понимал, как это сделать. Трудно было смириться с тем фактом, что единственной реалистичной политикой, которая могла бы остановить Гитлера, был крепко сжатый кулак². Некоторые видели это четко, а другие отказывались видеть. Они не понимали, кто на самом деле их главный враг. Некоторые британские консерваторы не видели врага вовсе, а кто-то был абсолютно уверен, что это СССР. Французский посол Франсуа-Понсе написал мрачный отчет, в котором

¹ Alphant. Nos. 163—165. 4 April 1936. DDF, 2^e, II, 45.

² М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 26. Л. 11—13; М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 мая 1936 г. // Там же. Л. 4—6.

описал реакцию британцев в Берлине на ввод вермахта в Рейнскую область. Один из секретарей посла Фиппса полагал (Франсуа-Понсе узнал это из надежного источника), что «англичане должны радоваться немецкому перевооружению, “потому что однажды им понадобятся немецкие солдаты для борьбы с Россией”»¹. Понятно, что это был всего лишь какой-то служащий, однако кроме него подобных взглядов придерживались многие официальные лица и политики. О том же говорил Франсуа-Понсе, и это подтверждается французскими отчетами из Лондона.

Конечно, британская германофилия тоже принимала разные формы. Так, например, премьер-министр Британии Стэнли Болдуин не видел смысла подталкивать Германию к новой войне, поскольку «вероятно, это закончится лишь тем, что Германия станет большевистской»². Ванситтарт утратил влияние в МИД. Он сказал Майскому, что его взгляды не изменились, но сам он оказался в несколько более «сложном положении». Ванситтарт надеялся, что «все переменится к лучшему», надо только подождать³. Однако его прогнозы не оправдались.

Во Франции Потемкин продолжал наносить визиты, пытаясь оценить настроения французской элиты. Он встретился в Лионе с Эррио, который пришел в себя после своего разочаровывающего поведения в Париже во время Рейнского кризиса. По мнению Эррио, единственной осью обороны против нацистской Германии может стать Лондон — Париж — Москва. Любые другие участники не справятся.

Затем стороны начали обсуждать французскую политику и предстоящие выборы. По словам Эррио, коммунисты смогли добиться важных результатов, в том числе определенное преимущество есть у социалистов. Радикал-социалисты, скорее всего, останутся при своих голосах. Правые слишком сильно увеличат количество мест. Эррио не стал рассуждать о том, какая партия их потеряет, но кому-то придется их лишиться. По его мнению, подобный расклад

¹ François-Poncet to Flandin. No. 485, secret. 1 March 1936. DDF, 2^e, I, 577–579.

² *Bouverie T. Appeasement: Chamberlain, Hitler, Churchill and the Road to War.* New York: Tim Duggan Books, 2019. P. 90.

³ М. М. Майский — в НКВД. 9 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 220. Д. 1582, л. 177–178, опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1936 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296905> (дата обращения: 12.12.2023).

политических сил мог привести к власти правительства Даладье. Президент Лебрен консультировался с Эррио относительно будущего кабинета и мимоходом заметил, что Даладье непременно убедит коммунистов с министерских должностей. Эррио отметил «глубокое, хотя и скрываемое нерасположение к коммунистам, но и близость его к Лавалю, с которым его роднит германофильство». На Даладье также оказывал сильное влияние журналист де Бринон, который выступал в поддержку франко-немецкого соглашения. За Даладье нужно было пристально следить. Не исключено было, что он включит Лавала в свой кабинет. Потемкин, вероятно, надеялся, что с Лавалем покончено, но нет. Эррио признался, что, возможно, ему самому предложат присоединиться к новому правительству, и он не стал бы отказываться от этой возможности, но только не с Лавалем на важной должности и уж, конечно, не в МИД. Он говорил, что не может работать с человеком, подписавшим франко-советский пакт и «затем сделавшим все, чтобы сорвать его ратификацию или превратить в простой клочок бумаги». Прогерманская и проитальянская политика Лавалья «разрушила... на международные связи Франции и приблизила торжество двух фашистских диктатур»¹. Так-то оно так, да только к победе фашистов привела еще и нерешительность, раздробленность и слабость некоторых французских правительств и министров, в том числе самого Эррио.

Первый тур выборов в законодательные органы Франции состоялся 26 апреля. Судя по результатам, во втором туре в начале мая должен был победить Народный фронт. Непонятно, с каким количеством голосов и мест в Палате депутатов. Однако в целом прогноз Эррио сбывался. Конечно, Потемкин беспокоился, так как результаты выборов должны были определить будущее коллективной безопасности и взаимопомощи, или, во всяком случае, он так полагал. Перед вторым туром он встретился с Фланденом, которому хотелось обсудить политику.

Фланден сказал, что победит точно Народный фронт, Коммунистическая партия получит примерно 60–65 мест, а может быть,

¹ Беседа с Э. Эррио [21 апреля в Лионе]. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. 26 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828 (подпапка 1). Л. 124–120.

и больше. По словам Потемкина, Фландена не беспокоил этот результат. «Коммунисты Франции, — сказал он, — проявляют политическую зрелость и патриотизм, привлекающие к ним симпатии не только рабочих масс, но и буржуазных элементов». Фландена сильнее волновали социалисты. Их фракция получит достаточно много мест в новой Палате. «Между тем политика и тактика социалистов представляются Фландену сомнительными и даже опасными. В частности, это относится к позиции социалистов в области внешнеполитической». Они враждебно относились к Италии, отметил Фланден, и постоянно требовали все больше санкций против итальянского правительства. Однако по отношению к Германии они занимали другую позицию. «Пацифизм социалистов приводит их к соглашательской позиции в отношении Германии». Фланден по секрету рассказал Потемкину, что во время лондонской встречи стран Восточного пакта генеральный секретарь Социалистической партии Поль Фор подошел к Сарро и потребовал, чтобы Фландену велели смягчить позицию в отношении Германии. «Руководящая роль, которую социалисты, по-видимому, будут играть в новой Палате, может, по мнению Фландена, значительно затруднить проведение правительством твердой линии в отношении гитлеровской Германии». Это было не очень хорошо. На самом деле Фор был убежденным «пацифистом» и пораженцем перед лицом Германии. Он постоянно мешал Блюму, с которым они вместе были председателями Социалистической партии. Фор настаивал на уступках нацистской Германии, что было на руку Гитлеру. После падения Франции он поддерживал режим Виши Петена, из-за чего в 1944 году его выгнали из Социалистической партии. Повезло, что не расстреляли. Во Франции было много коллаборационистов, которые «переобулись» в последнюю минуту и смогли избежать правосудия в конце войны.

Именно поэтому Фланден поделился этим удивительным комментарием с Потемкиным. По его словам, в некоторых округах коммунисты намеревались снять своих кандидатов в пользу социалистов во время второго тура. Фланден считал эту тактику ошибочной. Коммунисты должны понимать, что таким образом они уступают дорогу «германофилам» и прочим неподходящим кандидатам. Особое внимание стоит обратить на социалистов в избирательных округах на севере и в Па-де-Кале. Там они больше склоняются

к заключению соглашения с Германией. С точки зрения Фландена, в этих областях коммунисты должны изо всех сил поддерживать своих кандидатов на выборах¹.

Фланден пытался попросить Потемкина секретно передать эту информацию? Вероятно, да. Если коммунисты останутся во втором туре, будет ли это означать, что кандидаты от правоцентристов или правых не победят? Потемкин никак это не прокомментировал.

Фланден хотел сказать кое-что еще. В феврале 1936 года в Мадриде к власти пришло правительство Народного фронта. Это была левоцентристская коалиция, похожая на французскую. Когда Потемкин уже собирался уходить, Фланден его задержал, чтобы передать еще одно сообщение. «Эксцессы» в Испании, которые терпит новое правительство, плохо влияют на общественное мнение во Франции, чтобы убедиться в этом, достаточно почитать французскую правую прессу. Под «эксцессами» он подразумевал столкновения между левыми и правыми активистами. По словам Потемкина, «сам Фланден опасается, что победа демократических идей далеко не обеспечена в Испании. Он не исключает того, что эта страна скатится к фашистской диктатуре. Если бы это случилось, фашизм в Европе, уже восторжествовавший в Германии и Италии, получил бы сильнейшее подкрепление, и демократическая Франция оказалась бы в самом тревожном соседстве с тремя странами, воплощающими опаснейшую форму социальной и политической реакции»². Конечно, Фланден не просил Потемкина напрямую повлиять на позицию Москвы, хотя депеша сводится примерно к этому. Предупреждение насчет Испании оказалось верным. В середине июля там началась гражданская война.

Второй тур выборов состоялся 3 мая 1936 года, и результаты оказались примерно такими, как ожидали Эррио и Фланден. Коммунистическая партия получила 72 места вместо 10 — немного больше, чем полагал Фланден. Это стало для них большой победой. Социалисты тоже получили больше мест — 146 вместо 97. Эррио не хотел обсуждать с Потемкиным, откуда возьмутся эти новые места. Их забрали у его партии — радикал-социалистов. Они получили 115 вместо

¹ Беседа с П. Фланденом [28 апреля 1936 г.]. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. 11 мая 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 187–192.

² Там же.

158 мест. А что еще хуже, они получили меньше процентов голосов, чем коммунисты. Коммунисты оттянули голоса у социалистов, а социалисты — у радикалов, которые отдали голоса еще и правым. Радикалы были недовольны и затаили на коммунистов обиду. Слева к коалиции присоединились более мелкие партии. В теории Народный фронт добился уверенной победы, получив всего 378 мест, то есть 57% голосов, а правые — 236 мест. Но на самом деле коалиция была хрупкой из-за раскола между социалистами, на который Фланден обратил внимание Потемкина, и из-за того, что радикалы презирали коммунистов и конфликтовали с ними.

Литвинов написал Потемкину из Москвы, что он недоволен результатами выборов. «Как ни радостны эти результаты на первый взгляд, в особенности победа Компартии, я предвижу в результате выборов усиление работы правых партий и дальнейший уклон в сторону фашизации Франции». Литвинов по-прежнему опасался возвращения Лавалю в МИД, а также того, что правительство будет формировать Даладье. Как это могло произойти? Литвинов интересовался вслух. «Неужели столь окрепшие Коммунистическая и Социалистическая партии не могут преградить дорогу к власти фашиствующему Лавалю и его единомышленнику по внешней политике Даладье? Сохранение нынешнего кабинета Сарро — Фланден является довольно желательной комбинацией, если невозможна лучшая»¹. На настоящий момент историк Джонатан Хэслем (полемизируя со своими убеждениями 1984 года) говорит, что «большевизм вернулся» в лице Народного фронта². На самом деле эта коалиция появилась благодаря страху перед распространением фашизма. В нее входили три партии, и им необходимо было смириться с разногласиями, чтобы добиться успеха. Однако, как бы парадоксально это ни было, Литвинов волновался, что Народный фронт только укрепит фашизм во Франции вместо того, чтобы его уничтожить.

Примерно то же самое Литвинов сказал Майскому. Что касается Германии: «Все, что укрепляет такое государство и поэтому увеличивает опасность нарушения мира, должно быть отмечено». Лучше всего было бы организовать секретные переговоры между Францией, Великобританией и СССР. Это было продолжением курса

¹ М. М. Литвинов — В. П. Потемкину. 4 мая 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 119. Л. 10—11.

² Haslam J. The Spectre of War. P. 381.

Эррио. Однако инициативу должны проявить французы и британцы. Инициатива СССР была обречена на провал. В конце Литвинов написал Майскому следующие строки: «Надо поориентироваться и выяснить, куда ветер дует. Могу Вам сказать, что настроен я весьма пессимистически и, как это Вам ни покажется парадоксальным, исход французских выборов этот мой пессимизм сильно усиливает. Будем, однако, бороться. На меня собственный пессимизм никогда не действует расслабляющее в сторону фатализма, а наоборот. Стремлюсь как бы доказать самому себе неосновательность моего собственного пессимизма»¹.

В 1920-х годах Литвинов считал, что НКВД, а точнее говоря, он сам, подобно Сизифу, катит свой валун в гору и стремится достичь вершины вопреки воле богов, наказывающих его. Он не сильно изменился за эти годы. Литвинов был предан делу обеспечения безопасности СССР. В основном он был уверен в себе, и вот, наконец, он смог признаться Майскому, что единственный раз в жизни у него появились сомнения относительно будущего и своих возможностей перед лицом всех препятствий организовать защиту Европы от угрозы нацистской Германии. В последних фразах его депеши звучало благородство духа, благородство Сизифа, который никогда не сдается даже богам.

В Париже кабинету Сарро пришлось уступить место Народному фронту. Правительство формировал социалист Леон Блюм, а не Даладье. В кабинете было 12 социалистов и 9 радикал-социалистов. Эррио и Поль-Бонкур не вошли в правительство, как и, очевидно, Мандель и Фланден от правоцентристов. Блюм предлагал МИД Эррио, но тот отказался, так как не очень любил Народный фронт. По его словам, он предпочел бы остаться председателем Палаты депутатов. Литвинов вряд ли слишком расстроился из-за отказа Эррио, учитывая его слабохарактерность во время Рейнского кризиса. Поль-Бонкура не могли избрать из-за его странной преданности Социалистической партии. Это была потеря. «Фашистский» Лаваль отсутствовал, но Фор, у которого не было места в Палате, назначили государственным министром. Это представляло собой проблему, так как Фор был пацифистом и обвинял Блюма и его сторонников

¹ М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 мая 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 26. Л. 4–6.

в милитаризме. Так уничижительно он называл их стремление занять жесткую позицию в отношении нацистской Германии. Однако его трудно было не включить в кабинет из-за его места в Социалистической партии. Еще один германofil, Даладьё, стал министром обороны и заместителем председателя Совета министров. Пьер Кот вернулся на должность министра авиации. Это помогало уравнивать Форэ в кабинете, но ничего нельзя было поделаться с расколом у социалистов.

Радикал-социалист Дельбос стал министром иностранных дел. Он был министром юстиции в кабинете Сарро. Он был также в группе министров и политиков, которые приезжали в советское посольство. Однако для Потемкина он все еще оставался темной лошадкой. Он оказался слабым министром, настоящим воском в руках Леже. Новым министром стал Жан Зей, молодой активист Радикальной партии. Он родился в 1904 году, и, таким образом, ему было всего 32 года, когда он стал министром просвещения. В критической ситуации он проявил стойкость — редкое качество для радикал-социалистов уровня кабинета. Зей был патриотом. Его арестовало правительство Виши в 1940 году, а затем в 1944 году он был убит фашистской милицией — всего через две недели после высадки в Нормандии. Говорят, перед расстрелом он дерзко крикнул: «Да здравствует Франция!» В 1940 году Франция не погибла окончательно только благодаря таким лидерам, как Мандель, Пери и Зей. Ответственность за происходящее несли другие — «могильщики», как назвал их журналист Пертинакс.

В новом правительстве не было министров-коммунистов, хотя по количеству мест и голосов они имели право на посты в кабинете. В Москве не знали, произошло это из-за Даладьё или деятельности Коминтерна. Коммунисты согласились поддерживать правительство. В кабинете господствовали радикал-социалисты, несмотря на потерю голосов и мест, если бы они решили выйти из коалиции, правительство стало бы правоцентристским. Новый кабинет Блюма начал работу 4 июня 1936 года. Литвинов не знал, чем все обернется. Это понятно, ведь коллективная безопасность не могла быть политикой только левых, как умело ее ни защищали коммунисты, подобные Пери.

Таким образом, Народный фронт был неустойчивой коалицией, хоть и получившей как будто впечатляющее большинство. Как

и Картель левых до этого, он хорошо выступил на выборах, но затем не смог сохранить единства. Лаваль полагал, что социалисты и коммунисты не смогут удержаться вместе. Народному фронту тоже не повезло. Еще до того, как новое правительство пришло к власти, Францию накрыла волна забастовок. Не было времени пробовать различные рычаги власти, необходимо было успокоить бастующих. Поначалу левые радовались и вели себя дружелюбно, но летом все закончилось. 8 июня новое правительство рассматривало «Матиньонские соглашения» между предпринимателями и профсоюзами. В соглашениях закреплялась длительность рабочей недели — 40 часов, оплачиваемые отпуска и переговоры о заключении коллективного договора. План большевизма был несколько иным. Спустя несколько дней национальное собрание одобрило соглашения, но на этом экономические сложности правительства не закончились¹.

Правительство Народного фронта пришло к власти под огнем. 14 июля 1936 года, в День взятия Бастилии в Париже проходил традиционный военный парад. На трибуне присутствовали все лидеры Народного фронта и все, кроме одного, были рады, что они тут, подняв кулаки в знак победы. Исключение составлял министр внутренних дел, социалист Роже Салангро, ставший целью клеветнической кампании правых. В ноябре он совершил самоубийство, так как не смог справиться с нападками в прессе, которая лживо обвиняла его в дезертирстве во время Первой мировой войны. Его смерть аллегорически увязывалась с судьбой Народного фронта, которому не хватило стойкости, чтобы управлять и принимать жесткие решения.

Через четыре дня после национального праздника во Франции в Испании началась гражданская война, как и предвидел Фланден. Салангро и его коллеги даже не представляли, какие неприятности на них обрушатся. Это была настоящая катастрофа — кровавое сведение счетов между правыми и левыми, отзвуки которого раздавались по всей Европе. Сотрудничество между партиями, «священное единение» для поддержки коллективной безопасности и взаимопомощи было невозможно в такой обстановке. Гражданская война в Испании стала сильным ударом по советской политике, хотя, как мы уже видели, у нее и так стало намного меньше шансов на успех

¹ См., напр.: *Weber E. The Hollow Years: France in the 1930s*, New York: Norton, 1994. P. 150—181.

из-за прежних провалов. Кто-то скажет, что обстоятельства можно преодолеть, но СССР в одиночку с этим не мог справиться. В коллективную безопасность должны были включиться Франция и Великобритания, но они так этого и не сделали, даже в самые критические моменты. Формула была проста: мелкие европейские государства, вроде Румынии и Чехословакии, смотрели, будет ли Франция противостоять нацистской Германии. Франция смотрела на Великобританию, а Великобритания так ничего и не предприняла. Поразительный вывод, подумаете вы. Даже когда уже все, кроме тех, кто добровольно пребывал в неведении, понимали, что война в Европе неизбежна, советская сторона выступала за взаимопомощь в борьбе с общим нацистским врагом. А может, Гитлер просто не был общим врагом, и в этом была проблема? Если никто не хотел остановить нацистскую Германию, почему СССР должен был пытаться сделать это в одиночку? Мы узнаем о трагических событиях последующих трех лет, которые начались летом 1936 года. Но об этом — в следующей части.

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации
Антанта — большевистское наименование союзных держав: Великобритании, Франции, Соединенных Штатов
АФТ — Американская федерация труда
ВКП (б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет ВКП (б)
Генсек — Генеральный секретарь Политбюро, И. В. Сталин
Госбанк — Государственный банк СССР
Замнарком — заместитель народного комиссара
ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала
Коллегия — исполнительный комитет комиссариата (до 1934 г.)
Коминтерн — Третий Коммунистический Интернационал
Нарком — народный комиссар
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКВТ (Наркомвнешторг) Народный комиссариат внешней торговли
НКИД (Наркоминдел) — Народный комиссариат иностранных дел
НРП — Независимая рабочая партия
НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление (секретная служба)
Политбюро — руководящий орган Российской коммунистической партии, советского правительства, Коминтерна
Полпред — советский посол, полномочный представитель
РКП — Российская коммунистическая партия
СИС — британская секретная разведслужба
Торгпред — советский внешнеторговый представитель
Торгпредство — советское торговое представительство за рубежом
«тройка» — В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александр I Карагеоргиевич, король Югославии (1929–1934) — 288
- Александровский Сергей Сергеевич, советский полпред в Чехословакии (1934–1939) — 537, 570–572, 574–576, 630, 651
- Аллилуева Надежда Сергеевна, вторая жена И. В. Сталина — 43
- Альфан Шарль (Alphand Charles), посол Франции в СССР (1933–1936) — 171, 194, 199, 200, 202–204, 208, 217, 218, 225, 228, 232, 245, 256–259, 261, 269, 270, 278, 287–292, 300, 361, 367, 370–372, 374, 471, 509, 515, 521, 525, 528, 534, 555, 556, 561–563, 573, 579, 626, 627, 631, 632, 643, 660, 662, 663, 666, 667, 703–705, 712, 724, 728, 750
- Андрейчин Г. И., сотрудник «Амторга» — 81
- Антонов-Овсенко Владимир Александрович, советский полпред в Польше (1930–1934) — 56, 57, 59, 60, 174–179, 181, 182, 188, 200, 219, 236–238, 247, 248, 375
- Ароне ди Валентино Пьетро (Arone di Valentino Pietro), итальянский посол в СССР (26 июля 1935 — 18 июня 1936) — 594, 596, 598, 599, 615
- Арцишевский Мирослав (Arciszewski Mirosław), польский полномочный министр в Румынии (1932–1938) — 638, 639, 642, 649, 654, 655, 657
- Аттолико Бернардо (Attolico Bernardo), итальянский посол в СССР (1930–1935) — 546, 584, 585, 592
- Бадеван Жюль (Basdevant Jules), профессор международного права, сотрудник МИД Франции (1930–1941) — 553–558, 565, 578, 704
- Баржетон Поль (Bargeton Paul), директор политического отдела МИД Франции (1932–1937?) — 212, 257, 261, 263, 265, 266, 378–380, 533, 534, 558, 578, 704
- Барлоу Лестер (Barlow Lester), американский инженер, изобретатель — 76, 77
- Барту Луи (Barthou Louis), министр иностранных дел Франции (9 февраля — 9 октября 1934) — 253, 256, 258–268, 276–279, 282, 284, 286–291, 356, 362, 366, 367, 370, 373, 377, 378, 380, 423, 466, 472, 498, 503, 526, 527, 533, 539, 547, 548, 560, 578, 708, 718, 744–746
- Бастид Поль (Bastid Paul), депутат, член французской делегации в Лиге Наций (1926–1939) — 669, 712, 721, 723–725, 727
- Беван Аньюрин (Bevan Aneurin), член британского парламента, лидер левого крыла Лейбористской партии — 481
- Бек Юзеф (Beck Józef), министр иностранных дел Польши (1932–1939) — 57, 59, 172–174, 176, 177, 179–182, 200, 236–238, 240–248, 256, 264, 266, 277, 278, 282–284, 286, 287, 311, 312, 377, 382–384, 497, 501, 503–505, 516, 517, 537–539, 578, 631–638, 641, 642, 644, 654, 657, 711, 745, 747

- Бенеш Эдуард (Beneš Eduard), министр иностранных дел Чехословакии (1918–1935), премьер-министр Чехословакии (1935–1938) — 388, 495, 531, 537, 538, 551, 568–577, 628, 630, 640, 652, 745, 747
- Берджин Лесли (Burgin Leslie), парламентский секретарь в Совете по делам торговли (1932–1937) — 440, 441, 443
- Берсон Ян (Berson Jan; псевд. Отмар/ Otmar), польский корреспондент в СССР — 376
- Бертло Филипп (Berthelot Philippe), генеральный секретарь Министерства иностранных дел Франции в ранге посла (1920–1922; 1925–1932) — 31, 36–40, 51, 52, 208, 209
- Беседовский Григорий Зиновьевич, сотрудник советского посольства во Франции (1927–1929) — 30–32, 66
- Бетман-Гольвег Теобальд фон (Bethmann-Hollweg Theobald von), канцлер Германской империи (1909–1917) — 225
- Бивербрук Эйткин Макс (Beaverbrook Aitken Maxwell), британский медиа-магнат — 480–484, 486, 487, 491, 492, 582, 609, 699
- Блюм Леон (Blum Léon), депутат Национального собрания (1919–1940); лидер Социалистической партии Франции; премьер-министр Франции (4 июня 1936 — 22 июня 1937; 13 марта — 10 апреля 1938) — 556, 665, 753, 756, 757
- Богданов Петр Алексеевич, глава «Амторга» в Нью-Йорке (1930–1934) — 63–67, 69–74, 76, 83, 85, 102
- Болдуин Стэнли (Baldwin Stanley), премьер-министр Великобритании (1922–1924; 1924–1929; 7 июня 1935 — 28 мая 1937) — 115, 121, 130, 131, 142, 144, 150, 402, 422, 455, 456, 482, 491, 506, 583, 584, 617, 625, 671, 701, 751
- Бонкур, см. *Поль-Бонкур*
- Бора Уильям Эдгар (Borah William Edgar), американский сенатор-республиканец — 67, 71
- Брайант Луиза (Bryant Louise), супруга У. Буллита — 295, 296
- Брейлсфорд Генри Ноэль (Brailsford Henry Noel), редактор британской газеты «Нью Лидер» — 391
- Бресси Пьер (Bressy Pierre), поверенный в делах Франции в Польше — 287
- Бриан Аристид (Briand Aristide), премьер-министр (1925–1926; (29 июля — 22 октября 1929) и министр иностранных дел Франции (1925 — 12 января 1932) — 33, 36, 39, 40, 51
- Бринон Фернан де (Brinon Fernand de), французский журналист; «Журналь де деба» (1920–1932); «Матэн» (1930-е гг.) — 597, 604, 660, 752
- Брюнинг Генрих (Brüning Heinrich), канцлер (1930–1932) и министр иностранных дел (1931–1932) Веймарской Германии — 77, 373
- Буллит Анна (Bullitt Anne), дочь У. Буллита — 295–297
- Буллит Уильям Кристиан (Bullitt William Christian Jr.), посол США в Москве (21 ноября 1933 — 16 мая 1936); посол США во Франции (15 октября 1936 — 11 мая 1940) — 86–89, 92–104, 226, 284, 285, 294–308, 310–335, 337–348, 350–360, 364, 365, 427, 728
- Буре Эмиль (Bure Emile), сотрудник парижской газеты «Одр» — 194
- Бурке Екатерина (Burcă Caterina), супруга Н. Титулеску — 498
- Бутби Роберт (Boothby Robert), консерватор, член британского парламента — 395, 408, 431, 432, 440

- Бухарин Николай Иванович, генеральный секретарь Исполнительного комитета Коминтерна (1926–1929); член Политбюро ЦК ВКП (б) (1924–1929); редактор газеты «Известия» (1934–1936) — 18, 19
- Валентино — см. *Ароне ди Валентино Пьетро*
- Валла Ксавье (Vallat Xavier), правый депутат Национального собрания Франции — 715–717, 721
- Ванситтарт Роберт Гилберт (Vansittart Robert Gilbert), заместитель министра иностранных дел Великобритании (1930–1938) — 110, 113, 114, 118, 119, 121, 123, 124, 129–139, 141, 156, 160, 399, 401–404, 408, 409, 411, 413–428, 430–434, 436, 438–450, 452–460, 462, 463, 467, 468, 470–480, 484, 486–490, 494, 508, 521–524, 529, 564, 566, 567, 571, 572, 578, 581–583, 600–608, 610, 613, 616–618, 621–625, 641, 671–673, 675–677, 679–683, 686–688, 692, 695, 698, 699, 701, 731, 733, 734, 737, 741, 746, 749, 751
- Ванситтарт Сарита (Vansittart Sarita), супруга Р. Ванситтарта — 401, 408, 414–416, 420, 422, 434, 436, 454, 455, 486, 676, 677, 687
- Вебб Беатрис (Webb Beatrice), британский общественный деятель, социальный реформатор, историк рабочего движения Великобритании — 413
- Вейган Максим (Weygand Maxime), генерал, начальник Генерального штаба французской армии (1930–1931) и заместитель председателя Высшего военного совета (1931–1935) — 193, 194, 196, 210, 211, 256, 376, 382, 383, 502, 597
- Вейнберг Хаим Семенович, заместитель заведующего III Западным отделом НКВД (1934–1937) — 362
- Венцов Семен Иванович, советский военный атташе во Франции (1933–1936) — 191, 196, 198
- Вильсон Томас Вудро (Wilson Thomas Woodrow), президент США (1913–1921) — 86, 294–296, 326
- Виноградов Борис Дмитриевич, первый секретарь полпредства СССР в Германии (1930–1935), первый секретарь полпредства СССР в Румынии (1935–1936), разведчик — 649, 654–657, 711
- Ворошилов Климент Ефремович, Маршал Советского Союза (1935), член Политбюро ЦК ВКП (б) (1926–1960), нарком по военным и морским делам (1925–1934), нарком обороны СССР (1934–1940) — 46, 184, 195, 208, 230, 269–272, 275, 300, 301, 305, 339–341, 346, 359, 360, 362, 374, 450, 501, 559, 589, 612
- Вуд Оливье (Wood Olivier), приемный сын Дж. Гарвина — 397
- Вышинский Андрей Януарьевич, заместитель Прокурора СССР (с 1933), Прокурор СССР (1935–1939) — 147, 148
- Габорио Лео (Gaboriaud Léo), французский журналист — 512, 670, 703
- Галифакс Эдуард Вуд (Halifax Edward Wood), глава Совета по образованию Великобритании (1932–1935) — 479
- Гамелен Морис (Gamelin Maurice), генерал, начальник Генерального штаба Франции (1931–1935; 1938–1939) — 191, 196, 198, 734, 748
- Гара Жозеф (Garat Joseph), мэр Байонны (Франция) — 234
- Гарвин Виола (Garvin Viola), дочь Дж. Гарвина — 397
- Гарвин Джеймс (Garvin James), редактор лондонской газеты «Обсервер» — 396–399, 496
- Гваткин Фрэнк, см. *Эштон-Гваткин*

- Геббельс Йозеф (Goebbels Joseph), министр народного просвещения и пропаганды Третьего рейха (1933–1945) — 186, 247
- Гельфанд Лев Борисович, помощник заведующего Западным отделом НКВД (1930–1933), первый секретарь (1933–1934), советник полпредства СССР в Италии (1934–1938) — 108–114
- Георг V (George V), король Великобритании (6 мая 1910 — 20 января 1936) — 126, 680, 705
- Геринг Герман (Göring Hermann), председатель Рейхстага Германии (1932–1945); министр авиации Третьего рейха (1933–1945) — 635
- Гернунт Анри (Guernut Henri), министр национального образования (24 января — 1 апреля 1936) — 726
- Гимье Пьер (Guimier Pierre), директор французского информационного агентства «Гавас» — 720
- Гинденбург Пауль фон (Hindenburg Paul von), президент Германии (1925–1934) — 426
- Гиршфельд Евгений Владимирович, советник полпредства СССР во Франции (1934–1938) — 494, 495, 512
- Гитлер Адольф (Hitler Adolf), рейхсканцлер Германии (1933–1945), фюрер Третьего рейха (1934–1945) — 14, 15, 20, 2, 25, 51, 56, 57, 89, 103, 105, 160, 162, 164, 165, 168–170, 172, 175, 178, 183, 188, 191, 192, 205, 209, 210, 215, 217, 218, 223–225, 227, 238, 242–244, 254, 270, 271, 273–275, 277, 279, 280, 371, 372, 379, 382, 386, 397, 398, 400, 402, 419, 426, 429, 430, 436, 445–447, 449, 450, 454, 455, 457–460, 462–464, 468–470, 473, 477, 478, 481, 482, 485, 488, 489, 491–493, 496, 511, 516, 522, 523, 525, 526, 528–531, 533, 537, 540, 544, 545, 556, 568, 570, 581, 582, 594, 596, 598, 602–604, 609–611, 613, 616, 628, 634, 642, 652–654, 658, 660, 672, 673, 677, 679–682, 686–689, 691, 694, 695, 700, 701, 707, 709, 711, 715, 717, 718, 720, 727–741, 743, 744, 747–750, 753, 759
- Годжа Милан (Hodža Milan), премьер-министр (1935–1938) и министр иностранных дел (1935–1936) Чехословакии — 652
- Гросвальд Ольгерд (Grosvalds Olģerts), латвийский полномочный представитель в Польше, Австрии, Венгрии и Румынии (резиденция в Варшаве; 1930–1934) — 281
- Гувер Герберт (Hoover herbert), министр торговли США (1922–1929); президент США (1929–1933) — 61, 65, 71, 72, 83, 84
- Гугенберг Альфред (Hugenberg Alfred), политический деятель Третьего рейха, предприниматель — 159, 160, 170, 174, 183, 184, 276
- Давтян Яков Христофорович, полпред СССР в Польше (1934–1937) — 248–250, 264, 278, 282, 320, 502, 537, 633–638, 640–642
- Даладье Эдуард, премьер-министр Франции (1933, 1934, 1938–1940); военный министр (1932–1934; 1936–1940); министр иностранных дел (1939–1940) — 54, 171, 174, 193, 196, 200, 201, 203, 205, 208, 210–213, 216, 217, 233–235, 251–253, 259, 267, 291, 305, 366, 373, 670, 720, 741, 752, 755–757
- Далимье Альбер (Dalimier Albert), министр труда (1932–1933), министр по делам колоний Франции (7 сентября — 25 октября 1933; 26 ноября 1933 — 8 января 1934) — 234
- Дежан Франсуа (Dejean François), французский посол в СССР (1932–1933) — 40, 55, 191
- Декори Мадлен (Decori Magdelene), хозяйка политического салона — 661

- Декори Феликс (Decori Félix), парижский юрист — 661
- Дельбос Ивон (Delbos Yvon), министр иностранных дел Франции (1936–1938) — 669, 712, 726, 757
- Дельгас Василий Васильевич, вице-президент «Амторга» — 65–67
- Денен Виктор (Denain Victor), генерал, министр авиации (1934–1936) — 260
- Джонс Гарет (Gareth Jones), британский журналист — 128, 148
- Джугашвили Виссарион Иванович, отец И. В. Сталина — 42, 43
- Джугашвили Екатерина Георгиевна, мать И. В. Сталина — 42, 43
- Джугашвили Яков Иосифович, сын И. В. Сталина — 43
- Дивильковский Иван Анатольевич, генеральный секретарь НКВД СССР (1932–1934), советник полпредства СССР во Франции (1934–1945) — 310, 311
- Димитров Георгий, член Политической комиссии Исполкома Коминтерна (ИККИ) (с 1934), генеральный секретарь ИККИ (с 1935) — 20
- Дирксен Герберт фон (Dirksen Herbert von), глава Восточноевропейского отдела МИД Германии (1928); германский посол в СССР (1928–1933); германский посол в Японии (1933–1938) — 52, 162–166, 168, 182–186, 189, 203, 222, 224
- Довгалева Надежда Ивановна, супруга В. С. Довгалева — 35
- Довгалецкий Валериан Савельевич, полпред СССР во Франции (1928–1934) — 31–40, 49, 50, 52–55, 98, 166, 190, 191, 196, 198, 201, 205, 213–220, 226, 232, 235, 251, 252, 257, 258, 278, 279, 301, 368, 369, 554, 626
- Дойчер Исаак (Deutscher Isaac), польский и британский историк и публицист — 24, 43
- Дольфус Энгельберт (Dollfuß Engelbert), канцлер Австрии (1932–1934) — 386, 425
- Доминик Пьер (Dominic Pierre), французский журналист — 194
- Дорио Жак (Doriot Jacques), член политбюро ЦК Французской коммунистической партии (1924–1934), лидер ультраправой Французской народной партии (1936–1945) — 543
- Думерг Гастон (Doumergue Gaston), президент (1924–1931), премьер-министр Франции (8 февраля — 8 ноября 1934) — 253, 256, 259–261, 265–267, 292, 366–368, 370, 371
- Дюранти Уолтер (Duranty Walter), руководитель московского бюро «Нью-Йорк Таймс» в Москве — 338, 361
- Дюрозель Жан-Батист (Duroselle Jean-Baptiste), французский историк — 386, 565, 737, 743
- Егоров Александр Ильич, Маршал Советского Союза (1935), начальник Генерального штаба РККА (1935–1937), заместитель наркома обороны (1937–1939) — 230, 269, 301, 302
- Жеро Андре (André Géraud; псевд. Пертинакс/ Pertinax), французский журналист — 496
- Жоффе Жозеф (Joffre Joseph), маршал Франции (1916), начальник Генерального штаба французской армии, заместитель председателя Высшего военного совета Франции (1911–1916) — 732
- Зауэрвайн Жюль (Sauerwein Jules), французский журналист — 668
- Зей Жан (Zay Jean), министр образования Франции (1936–1939) — 757
- Зиновьев Григорий Евсеевич, член Политбюро ЦК РКП (б)/ВКП (б) (1921–1926), председатель исполкома Коминтерна (1919–1926) — 18, 19, 61, 106, 395
- Иден Энтони (Eden Anthony), лорд-хранитель печати (1934–1935), министр иностранных дел Великобритании (1935–1938; 1940–1945) — 402, 408, 427, 436, 447,

450–458, 460–472, 474, 476–478, 480, 482, 529–531, 533, 536–539, 551, 574, 582, 589, 599, 600, 605–608, 617, 618, 622, 623, 625, 664, 671–674, 680–688, 692, 693, 695–699, 705, 714, 728–731, 734, 736, 740, 741, 746–748

Ильинский Яков Семенович, уполномоченный НКВД в Белорусской ССР — 297, 298

Иоффе Адольф Абрамович советский дипломат — 197, 249

Каган Самуил Бенцианович, первый секретарь полпредства СССР в Великобритании (1930–1933), советник полпредства СССР в Великобритании (1933–1938) — 137, 139, 676

Каганович Лазарь Моисеевич, секретарь ЦК ВКП (б) (1924–1925, 1928–1939), член Политбюро ЦК ВКП (б) (1930–1957) — 41, 46–48, 53, 56, 74, 76, 77, 87, 88, 96, 105, 129, 207, 236, 268, 293, 301, 335, 344, 360, 362, 374, 427, 559, 589, 591, 596, 645

Казалет Виктор (Cazalet Victor), член британского парламента от Консервативной партии (1924–1943) — 619

Кайо Жозеф (Caillaux Joseph), премьер-министр Франции (1911–1912), французский сенатор (1925–1940) — 661, 662

Калинин Михаил Иванович, председатель ЦИК СССР (1922–1938) — 86, 87, 279, 298, 301, 302, 305, 374, 719

Камбон Роже (Cambon Roger), советник французского посольства в Великобритании — 279, 280

Каммингс Артур Дж., британский журналист — 148, 149, 156

Карахан Лев Михайлович, заместитель наркома иностранных дел СССР (1926–1934), полпред СССР в Турции (1934–1937) — 47, 127–129, 228–230, 271, 299, 301, 341

Кароль II (Carol II), король Румынии (8 июня 1930 — 6 сентября 1940) — 502, 638, 639, 650, 653, 655, 708

Карр Эдуард Халлет (Carr Edward Hallett), британский историк, помощник советника по делам Лиги Наций (1930–1933) — 406

Кейроль Робер (Cayrol Robert), вице-президент компании «Компани франсез де петроль» — 193, 194, 210

Келли Роберт (Kelley Robert), глава Восточноевропейского отдела Государственного департамента США (1926–1937) — 67, 81, 310–314, 316, 318, 325, 342, 347, 349

Кеннан Джордж Фрост (Kennan George Frost), сотрудник посольства США в СССР (1933–1937) — 297, 298, 301

Кеннеди Э. Л. (Kennedy A. L.), корреспондент британской газеты «Таймс» — 420, 448

Керенский Александр Федорович, председатель Временного правительства России (8 [21] июля — 25 октября [7 ноября] 1917) — 93–98, 312, 314, 323, 324, 326, 329–332, 336, 340, 344, 347, 352, 356

Керзон Джордж Натаниел (Curzon George Nathaniel), министр иностранных дел Великобритании (1919–1924) — 140, 629

Кериллис Анри де (Kerillis Henri de), французский журналист — 289, 290, 386, 511

Кёстер Роланд (Köster Roland), германский посол во Франции (1932–1935) — 658–660

Клемансо Жорж (Clemenceau Georges), премьер-министр Франции (1906–1909, 1917–1920) — 511

Клерк Джордж (Clerk George), британский посол во Франции (1934 по 1937) — 526, 535, 564, 565, 732

- Ковалевский Ян (Kowalewski Jan), подполковник, сотрудник польской разведки, польский военный атташе в СССР (1929–1933), затем в Бухаресте (1933–1937) — 565, 653–656, 711
- Ковальский И. А., корреспондент ТАСС в Варшаве — 182
- Колвилл Дэвид Джон (Colville David John), парламентский секретарь Министерства внешней торговли Великобритании (1931–1935) — 159
- Колчак Александр Васильевич, адмирал, Верховный правитель России (1918–1920) — 412, 487, 570
- Кольер Лоренс (Collier Laurence), сотрудник Дальневосточного департамента МИД Великобритании (1924–1925), Северного департамента МИД Великобритании (1926–1932) глава Северного департамента МИД Великобритании (1932–1941) — 123, 135–140, 142, 148, 156, 160, 393, 399, 403, 405, 406, 411, 427, 434, 435, 440, 441, 473, 474, 619, 621, 623, 624, 672, 674, 675, 680–682, 685, 686, 688, 698–701
- Корбен Шарль (Corbin Charles), французский посол в Великобритании (1933–1940) — 424, 379, 382, 383, 423, 424, 427, 430, 460, 483, 521, 529, 684, 714, 729, 730, 733
- Кот Пьер (Cot, Pierre), министр авиации Франции (1933–1934, 1936–1938) — 190, 193, 196, 198, 201–208, 211, 212, 231, 253, 258, 383, 669, 749, 757
- Коткин Стивен (Kotkin Stephen), американский историк — 44
- Красин Леонид Борисович, народный комиссар внешней торговли СССР (1923–1925) — 140
- Крестинский Николай Николаевич, член Политбюро ЦК РКП (б) (1919–1921), полпред СССР в Германии (1922–1930), заместитель наркома иностранных дел (1930–1937) — 52, 53, 77, 78, 96, 109, 111, 112, 114, 117, 122, 123, 127–131, 140, 149, 150, 156, 159, 162–170, 174, 178, 182–186, 188, 189, 191, 192, 198, 211, 214–216, 222, 223, 228–231, 269–273, 286, 301, 311, 312, 317, 323–330, 333, 337, 343–346, 348–350, 359, 370, 388, 391, 392, 460, 461, 524, 530, 532, 555, 557, 578, 620, 630, 643, 704, 725, 738, 739, 744
- Крэнборн Роберт Артур (Cranborne Robert Arthur), заместитель министра иностранных дел Великобритании (1935–1938) — 674, 675, 688
- Кудахи Джон (Cudahy, John), американский посол в Польше (1933–1937) — 320, 321, 632
- Кулондр Робер, посол Франции в СССР (1936–1938), в Берлине (1938–1939) — 704
- Купер Дафф (Cooper Duff), военный министр Великобритании (1935–1937), первый лорд Адмиралтейства (1937–1938) — 681, 682
- Купер Хью Л. (Cooper Hugh L.), полковник — 75, 78–85
- Курциус Юлиус (Curtius, Julius), министр иностранных дел Германии (1929–1931) — 168
- Кутепов Александр Павлович, председатель белоэмигрантского Российского общевойскового союза (1928–1930) — 32–35
- Кэмпбелл Рональд (Campbell Ronald), поверенный в делах Великобритании во Франции — 563, 564
- Ла Рок Франсуа де (La Rocque François de), полковник, основатель пронацистской французской организации «Огненные кресты» — 382
- Лабонн Эрик (Labonne Eirik), директор Южноамериканского департамента МИД Франции — 703
- Лаваль Жозе (Laval, Josée), дочь П. Лавалья — 543

Лаваль Пьер (Laval Pierre), премьер-министр Франции (1931, 1932, 1935–1936) министр по делам колоний (1934), министр иностранных дел (1934–1936) — 37, 49, 50, 267, 268, 292, 362, 366–368, 370, 372–374, 377–383, 386–388, 445, 454, 457, 472, 494–498, 503–516, 518–520, 524–526, 528–539, 541–551, 553–567, 571–573, 575, 577–580, 587, 591–594, 596, 597, 600, 603–605, 608, 612–616, 625–627, 629–631, 633, 639–645, 648, 651–654, 656–670, 672, 673, 676–678, 680–682, 697, 703–708, 710, 711, 713, 714, 716, 718–720, 722, 726, 728, 729, 731, 734, 735, 739, 741, 745–748, 752, 755, 756, 758

Ларош Жюль (Laroche Jules), французский посол в Польше (1925–1935) — 173, 175, 239, 264, 277, 278, 281–283, 503, 516

Ластейри Шарль де (Lasteyrie Charles de), министр финансов — 714, 715

Латр де Тассиньи Жан де (De Lattre de Tassigny Jean), полковник (с 1935) — 193, 194, 210–212, 502

Лафоллет-младший Роберт (LaFollette Robert, Jr.), сенатор США (1925–1947) — 84

Лебрен Альбер (Lebrun Albert), президент Франции (1932–1940) — 193, 513, 752

Леже Алексис (Léger Alexis), заместитель директора Азиатского департамента МИД Франции (1925–1927); заместитель директора политического отдела (1927–1929); директор политического отдела (1929–1932); генеральный секретарь МИД Франции (1933–1940) — 198, 201, 204, 208, 209, 220, 232, 251, 257, 259, 261–264, 269, 510, 513, 514, 525, 526, 533, 534, 546, 553–558, 560, 561, 563–565, 572, 575, 578, 579, 614, 667, 704–709, 726, 732, 740, 742, 757

Лемери Анри (Leméry Henri), депутат Национального собрания, министр юстиции (1934) — 515

Ленин (наст. фамилия Ульянов) Владимир Ильич, председатель Совета народных комиссаров СССР (1923–1924) — 17, 20, 24, 28, 43, 45, 166, 294, 298

Ленсбери Джордж (Lansbury George), член британского парламента, глава Лейбористской партии (1932–1935) — 459

Летроке Ив (LeTrocquer Yves), сенатор Национального собрания Франции (1930–1938) — 727

Ли Айви Ледбеттер (Lee Ivy Ledbetter), американский журналист — 71, 73, 77, 78

Липер Реджинальд (Leeper Reginald), сотрудник Центрального департамента МИД Великобритании (1920), Северного департамента (1921–1923), глава Информационного отдела британского МИД (1935–1939) — 155–157, 390, 671, 688

Липский Юзеф (Lipski Józef), польский посол в Германии (1933–1939) — 175, 178, 237, 277

Литвинов Максим Максимович, заместитель наркома иностранных дел (1920–1930), нарком иностранных дел (1930–1939) — 14, 15, 17–21, 23, 25–31, 34–36, 38–43, 46–56, 59–61, 64, 68, 74, 75, 82, 84, 85, 87–105, 109, 113–136, 138, 139, 141, 147, 148, 150–171, 177–182, 186–189, 195, 198–207, 210, 212, 214, 215, 217–248, 250–253, 257–259, 261–279, 283–294, 298, 300–324, 327, 330–343, 345, 346, 348–352, 354–368, 370–375, 377–380, 382–384, 387–391, 395, 397, 400, 403, 404, 407–413, 415, 420, 421, 425, 427, 430–432, 434, 435, 437, 438, 443–447, 450, 452–456, 458, 459, 464–472, 474, 475, 478–480, 484, 490–492, 495–500, 502–510, 515–532, 536–542, 544–548, 550–563, 565–569, 571, 573–579, 583–603, 605–608, 612–618, 620–622, 626–637, 642–652, 657, 660–662, 664, 667–669, 678–680, 686, 687, 690, 692–694, 696, 699–701, 703–712, 714, 717, 719, 722, 727–731, 733, 738–740, 743–747, 750, 755–757

Ллойд Джордж Дэвид (Lloyd George David), премьер-министр Великобритании (1916–1922) член Палаты общин (до 1945) — 295, 413, 483

Ллойд Джордж Эмброуз (Lloyd George Ambrose), британский политик-консерватор, член Палаты лордов (1925–1941) — 409, 410, 418

Лорейн Перси (Lorraine Percy), посол Великобритании в Турции (1933–1939) — 399

Лорел Стэн (Laurel Stan), британский актер — 452

Лотьян Керр Филип (Lothian Kerr Philip), лорд — 446, 448

Лоу Айви (Low Ivy), супруга М. М. Литвинова — 28, 120

Лоу Дэвид (Low David), британский карикатурист — 481

Луазо Люсьен (Loizeau Lucien), французский генерал — 643

Лукасевиц Юлиуш (Juliusz Łukasiewicz), польский посол в СССР (1934–1936), польский посол во Франции (1936–1939) — 175, 179, 237, 239, 240, 246–248, 287, 376, 516–518, 633, 634, 638

Луначарский Анатолий Васильевич, нарком просвещения РСФСР (1917–1929) — 227

Лупеску Елена (Lupescu Elena), любовница короля Румынии Кароля II — 502

Майская Агния Александровна, супруга И. М. Майского — 413, 415, 486, 676

Майский Иван Михайлович, полпред СССР в Финляндии (1929–1932), полпред/посол СССР в Великобритании (1932–1943) — 74, 121–123, 127–147, 149–153, 158, 159, 389, 391–400, 404–409, 411–460, 462–464, 467, 468, 470–472, 475–492, 494, 508, 516, 522, 525, 526, 528, 529, 564, 566, 567, 578, 579, 581–588, 590, 599–603, 605–612, 616–620, 622, 625, 641, 672, 673, 676–682, 684–700, 729, 746, 747, 750, 751, 755, 756

Макдональд Джеймс Рамсей (MacDonald, Ramsay), премьер-министр Великобритании (1924, 1929–1935) — 115, 131, 142, 155, 159, 399, 402, 446, 455, 456, 472, 479, 482, 507

Макдональд Ишбел (MacDonald, Ishbel), дочь премьер-министра Британии Дж. Р. Макдональда — 408

Макмикин Шон (McMeekin Sean), американский историк — 749

Макмиллан Джордж Августин (Macmillan George Augustin), член британского парламента от консерваторов, издатель — 133–137

Мандель Жорж (Mandel Georges), министр почт, телеграфа, телефона (1934–1936), министр по делам колоний (1938–1940) — 511–513, 548, 549, 559, 597, 664–666, 669, 703, 720, 735, 736, 740, 742, 743, 748, 749, 756, 757

Мануильский Дмитрий Захарович, секретарь Исполнительного комитета Третьего Коминтерна (1928–1943) — 418

Марвин, совладелец юридической фирмы «Рузвельт и Марвин» — 82

Марен Луи (Louis Marin), французский политик, министр без портфеля (1934–1935, 10 мая — 16 июня 1940) — 552

Маржери Ролан де (Margerie Roland de), советник французского посольства в Великобритании — 506, 507, 510

Марке Адриен (Marquet Adrien), министр труда (9 февраля — 8 ноября 1934) — 260

Маркс Карл (Marx Karl), немецкий философ, социолог, экономист — 27, 197

Маршалл Артур (Marshall Arthur), британский предприниматель из «Бекос Трейдерс» — 106, 133–138, 140–143, 619

Массильи Рене (Massigli René), заместитель главы французской миссии в Женеве, помощник директора (1933–1937), директор (1937–1938) службы политических и торговых вопросов в МИД Франции — 551, 575–577, 628, 732

- Матушевский Игнаций (Matuszewski Ignacy) , польский политик и журналист — 181
- Маунси Джордж (Mounsey George), помощник постоянного заместителя министра иностранных дел (Великобритании) — 439, 442, 444, 467
- Медзиньский Богуслав (Miedziński Bogusław), польский политик и журналист, редактор «Газеты Польской» — 59, 60, 172, 173, 181, 182, 376
- Межлаук Валерий Иванович, заместитель председателя (1931–1934), председатель (1934–1937) Государственной плановой комиссии при СНК СССР — 85
- Мельц Рено (Meltz Renaud), французский историк — 263, 614
- Мендрас Эдмон (Mendras Edmond), французский военный атташе в СССР (1933–1934) — 178, 191, 194, 195, 204, 205, 215, 218, 219, 225, 227, 258, 268–270, 275, 374, 376, 539, 747
- Менжинский Вячеслав Рудольфович, председатель ОГПУ СССР (1926–1934) — 197, 198
- Мерсье Эрнест (Mercier Ernest), французский промышленник — 727
- Микоян Анастас Иванович, нарком внешней и внутренней торговли (1926–1930), нарком снабжения (1930–1934), нарком пищевой промышленности СССР (1934–1938) — 63, 64, 294
- Мило Альбер (Albert Millau), генеральный секретарь Радикально-социалистической партии — 254
- Молотов Вячеслав Михайлович, член Политбюро ЦК ВКП (б) (1926–1952), народный комиссар иностранных дел (1939–1946), министр иностранных дел СССР (1946–1949) — 46, 53, 56, 80, 83, 87, 88, 96, 105, 129, 166, 167, 184, 186, 223, 230, 236, 268, 279, 293, 301, 335, 341, 344, 356, 359, 360, 362, 363, 374, 447, 468, 470, 559, 578, 579, 589, 591, 596, 643, 645, 719
- Монзи Анатоль де (Monzie Anatole de), французский политик-правоцентрист, министр образования Франции (1932–1934) — 53, 194, 254, 640–642, 645, 704
- Моргентау-младший Генри (Morgenthau Henry, Jr.), министр финансов США (1934–1945) — 86, 98, 99, 102, 104, 293, 309
- Морен Луи (Maurin Louis), военный министр, военный министр Франции (1934–1935, 24 января — 4 июня 1936) — 552
- Мур Роберт Уолтон (Moore Robert Walton), помощник Госсекретаря США (1933–1937) — 310, 314, 321, 322, 331–333, 335, 342, 343, 347–350, 354
- Муссолини Бенито (Mussolini Benito), диктатор Италии (1922–1943) — 14, 214, 215, 218, 386, 472, 481, 496, 546, 547, 587, 591–594, 598, 599, 604, 613–615, 617, 656, 660, 745, 746
- Надольный Рудольф (Nadolny Rudolf), посол Германии в СССР (1933–1934) — 222–224, 227–230, 232, 233, 236, 270–275
- Нейман Алексей Федорович, начальник III Западного отдела НКВД СССР — 663
- Нейрат Константин фон (Neurath Konstantin von), министр иностранных дел Германии (1932–1938) — 163, 169, 188, 189, 205, 232, 275–277, 286, 519, 660
- Никольсон Гарольд (Nicolson Harold), член британского парламента от Лейбористской партии — 688
- Никсон Ф. Х. (Nixon F. H.), сотрудник Департамент гарантирования экспортных кредитов Великобритании — 158, 159
- Ниссель Анри Альбер (Niesse, Henri Albert), французский генерал — 196
- Ноэль Леон (Noël Léon), французский посол в СССР (1935–1939) — 635, 636, 711

- Овий Эдмонд (Ovey Edmond), британский посол в СССР (1929–1933) — 38, 109–142, 144, 148, 150, 447
- Озерский Александр Владимирович, торговый представитель СССР в Великобритании (1931–1936) — 158
- Олифант Ланселот (Oliphant Lancelot), заместитель министра иностранных дел Великобритании (1936–1939) — 123, 136, 139, 160, 393, 394, 411, 444, 684, 687, 701
- Орд (Orde C. W.), глава Дальневосточного департамента МИД Великобритании — 473
- Орлич-Дрешер Густав Константинович (Orlicz-Dreszer Gustaw Konstanty), инспектор польской армии (1930–1936), инспектор противовоздушной обороны (1936) — 385–386
- Островский Михаил Семенович, торгпред СССР во Франции (1933–1934), полпред СССР в Бухаресте (1934–1938) — 192–195, 198, 210, 212, 215, 500–502, 639, 640, 642, 644–647, 649–651
- Оуский Штефан (Osuský Štefan), чехословацкий посланник во Франции (1921–1938) — 726
- Пайяр Жан (Payart Jean,), временный поверенный в делах Франции в СССР (1931–1937, 1938–1940), советник французского посольства в Испании (1937–1938) — 218, 268, 289, 290, 386, 511, 534, 632, 663
- Папен Франц фон (Papen Franz von), канцлер Германии (1 июня — 17 ноября 1932), вице-канцлер Германии (30 января — 7 августа 1933), германский посол в Австрии (1934–1938) — 52, 77, 163, 203, 223, 224
- Патек Станислав (Patek Stanisław), польский посол в СССР (1926–1932), польский посол в США (1933–1935) — 47, 48
- Пери Габриель (Péri Gabriel), депутат, член Коммунистической партии Франции, журналист «Юманите» — 716, 717, 719, 721, 727, 748, 757
- Петен Филипп (Pétain Philippe), маршал Франции (с 1918), военный министр Франции (9 февраля — 8 ноября 1934) — 260, 720, 753
- Пилсудский Юзеф (Piłsudski Józef), председатель Совета министров Польши (1926–1928, 15 августа — 4 декабря 1930), генерал-инспектор вооруженных сил Польши (1926–1935) — 14, 45, 57, 59, 60, 180, 239, 247, 250, 251, 264, 282, 376, 382, 384, 385, 501, 578, 580, 626, 633–635, 637
- Пиронно Андре (Pironneau André), французский журналист — 668
- Подольский Борис Григорьевич, советник полпредства СССР в Польше (1932) — 637
- Поллит Гарри (Pollitt Harry), член Коммунистической партии Великобритании, член Исполкома Коминтерна (1924–1943) — 623, 624
- Поль-Бонкур Жозеф (Paul-Boncour Joseph), военный министр Франции (1932), премьер-министр Франции (1932–1933), министр иностранных дел Франции (1932–1934, 1938), министр без портфеля (1936) — 53–55, 171, 174, 200, 201, 204, 205, 207, 208, 210, 213, 214, 216–220, 226, 231–233, 235, 251–253, 257, 258, 260–263, 279, 303, 305, 366, 380, 514, 518, 520, 524, 526, 547, 548, 558, 614, 661, 703, 706, 708, 714, 726, 727, 731, 732, 735, 744, 745, 749, 756
- Попеску Стелиан (Popescu Stelian), румынский журналист, редактор газеты «Универсул» — 655
- Потемкин Владимир Петрович, полпред СССР во Франции (1934–1937), заместитель наркома иностранных дел СССР (1937–1940) — 162, 163, 368–369, 387, 388, 454, 496, 497, 505, 508–515, 518–521, 524–527, 529, 530, 532–539, 541, 544, 546–

549, 551, 553–557, 562–565, 567, 571, 577–579, 594, 596, 614, 626, 629, 643, 644, 652, 653, 658–662, 664–670, 692, 703–714, 719, 720, 722–727, 729, 730, 734–737, 739–742, 745, 747, 751–755, 757

Поул Феликс (Pole Felix), директор компании «Метро-Виккерс» — 132, 137, 154, 155

Поуп Роберт, двоюродный брат Ф. Поупа, друг Ф. Рузвельта — 82

Поуп Фредерик (Pope Frederick), американский инженер, бизнесмен — 80–82, 84, 85

Прессар Жорж (Pressard Georges), французский юрист, прокурор — 234

Пуанкаре Раймон (Poincaré Raymond), премьер-министр Франции (1922–1924, 1927–1929) — 37, 39, 51, 206, 232, 483, 661, 713, 714

Путна Витовт Казимирович (Putna Vytautas), советский военный деятель — 430

Пьетри Франсуа (Piétri François), военно-морской министр Франции (1934–1936) — 720

Пятаков Юрий (Георгий) Леонидович, председатель правления Государственного банка СССР (1929–1933), 1-й заместитель народного комиссара тяжелой промышленности СССР (1934–1936) — 301, 302

Радек Карл (Radek Karl), член ИК Коминтерна (1920–1924), позднее журналист в «Известиях» и «Правде» (1930-е) — 59, 160, 166, 172–174, 177, 178, 181, 182, 225, 272, 284, 285, 346, 374, 376

Радзивилл Януш (Radziwiłł Janusz), польский политик, депутата Сейма (1928–1935), член Сената Польши (1935–1939) — 246, 247

Рамсейер Кристиан Уильям (Ramseyer Christian William), конгрессмен от Республиканской партии — 62

Раттенау Вальтер (Rathenau, Walther), министр иностранных дел Германии (1 февраля — 24 июня 1922) — 168

Рейно Поль (Reynaud, Paul), министр юстиции (1932, 1938), министр финансов (1938–1940), премьер-министр Франции (1940) — 196

Рём Эрнст (Röhm Ernst), один из лидеров германских национал-социалистов, руководитель СА — 419, 429

Ренсимен Уолтер (Runciman Walter), президент Совета по делам торговли Великобритании — 142–147, 158, 159, 620, 624, 688, 689

Риббентроп Иоахим фон (Ribbentrop Joachim von), германский посол в Британии (1936–1938), министр иностранных дел Германии (1938–1945) — 604

Рид Джон (Reed John), американский журналист, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир» — 295, 300

Розенберг Альфред (Rosenberg Alfred), государственный и политический деятель нацистской Германии, идеолог НСДАП — 224, 230, 232, 276, 372, 398, 419

Розенберг Марсель Израилевич, первый секретарь посольства СССР во Франции (1931–1934), представитель СССР в Лиге Наций (1934–1936), полпред СССР в Испании (1936–1937) — 53, 190–192, 194, 196–198, 205, 208, 211–218, 220, 254, 255, 259–265, 284, 367–370, 373, 377, 494, 500, 534

Розенгольц Аркадий Павлович, народный комиссар внешней торговли (1930–1937) — 72, 75

Ротермир Гарольд Сидни (Rothermere Harold Sidney), британский политик и медиамагнат — 699

Рубинин Евгений Владимирович, заведующий отделом НКВД (1928–1935), полпред СССР в Брюсселе (1935–1940) — 113, 114, 117–119, 124, 151, 152, 154, 314, 321, 323, 325, 326, 328–330, 342, 355, 356, 359, 395, 396, 400, 431, 515, 573

- Рузвельт Франклин Делано (Roosevelt, Franklin Delano), губернатор Нью-Йорка (1929–1932), 32-й президент США (1933–1945) — 77, 81–104, 180, 215, 218, 258, 293, 296, 297, 299–306, 308, 310, 311, 316–326, 330, 335, 336, 340, 341, 343, 344, 347, 348, 351–353, 355, 357, 360, 744
- Рузвельт Элеонора (Roosevelt Eleanor), супруга Ф. Д. Рузвельта — 89
- Рыдз-Смиглы Эдвард (Rydz-Śmigły Edward), генеральный инспектор вооруженных сил Польши (1935) — 172
- Садуль Жак (Sadoul Jacques), деятель международного коммунистического движения — 530, 532, 534
- Сайдботэм Герберт (Sidebotham Herbert; псевд. Исследователь), ведущий автор «Санди Таймс» — 417
- Саймон Джон (Simon John), министр иностранных дел (1931–1935), министр внутренних дел Великобритании (1935–1937) — 107, 126, 131, 136, 137, 139–147, 152–159, 280, 284, 399, 407, 408, 414, 415, 419, 420–422, 424, 425, 432–439, 443, 444, 446–448, 450–458, 460, 462–464, 468, 476, 480, 483, 484, 506, 525, 526, 528, 530, 535, 546, 547, 563, 566, 567, 618, 671
- Салангро Роже (Salengro Roger), министр внутренних дел Франции (1936) — 758
- Сарджент Орм Гартон (Sargent Orme Garton), директор Центрального департамента МИД Великобритании (1926–1933), помощник постоянного заместителя министра иностранных дел (1933–1939) — 472–476, 493, 563, 564, 566–568, 582, 583, 601, 608, 621, 622, 627, 672–674, 677, 680–688, 698, 701, 705, 714, 729, 732–734, 741
- Сарро Альбер (Sarraut Albert), министр внутренних дел Франции (1934), премьер-министр Франции (1936) — 257, 670, 703, 707, 723, 726, 727, 734, 735, 737, 740–742, 745, 753, 755–757
- Сезиану Константин (Cesianu Konstantin), румынский представитель во Франции — 720
- Сеймур Хорас Джеймс (Seymour Horace James), глава Северного департамента МИД Великобритании (1929–1932) — 408
- Семенов Николай Александрович, комбриг, военный атташе СССР в Польше (1933–1935), во Франции (1936–1937) — 385, 386
- Синклер Арчибальд (Sinclair Archibald), лидер Либеральной партии (1935–1945) — 609, 611
- Сквирский Борис Евсеевич, неофициальный советский представитель в Вашингтоне, (1922–1933), поверенный в делах СССР в США (1933–1936), полпред СССР в Афганистане (1936–1937) — 62–65, 67–73, 84–88, 293, 294, 307, 308, 351–353, 357, 359
- Соколин Владимир Александрович, сотрудник полпредства СССР во Франции (1931–1935, 1936–1937), сотрудник полпредства СССР в Румынии (1935–1936), помощник Генерального секретаря Лиги Наций (1937–1939) — 541–544, 549, 550, 725
- Сокольников Григорий Яковлевич, заместитель директора Госплана СССР (1926–1928), полпред СССР в Лондоне (1929–1932), заместитель наркома иностранных дел (1932–1934) — 299, 301
- Ставиский Александр (Stavisky Alexandre), мошенник — 234, 252, 254
- Сталин (наст. фамилия Джугашвили) Иосиф Виссарионович, глава СССР (1922–1953) — 17–21, 24, 41–48, 53, 56, 58, 72, 74–77, 80, 87, 88, 90, 92–94, 96–102, 104, 105, 109, 113, 116, 117, 125, 126, 129, 133, 138, 140, 147, 150, 153–155, 157–159, 161, 163, 164, 167, 173, 177–179, 181, 182, 184, 186, 188, 204, 205, 207, 208, 217,

218, 220, 223, 224, 230, 231, 235–240, 243, 246–248, 250, 251, 255, 268, 269, 271, 275, 279, 282–285, 288, 289, 292, 301–303, 305, 306, 308, 313, 314, 330–335, 338, 339, 341, 343, 344, 346, 349, 360–364, 368, 372, 374, 375, 381–384, 389, 396–398, 400, 427, 450, 453, 458, 462, 464, 466, 468, 470, 475, 493, 508–510, 518, 520, 521, 523, 524, 526, 527, 530, 531, 536, 538, 539, 544, 546, 547, 556–559, 567, 575, 576, 578–580, 587–591, 594, 596, 598, 606, 608, 612, 615, 616, 622, 625, 629, 632, 638, 642, 643, 645, 649, 659, 661, 663, 668, 713, 716, 717, 719, 720, 722, 723, 738, 739, 742, 744–749

Сталин Василий Иосифович, сын И. В. Сталина — 43

Сталина (с 1957 — Аллилуева) Светлана Иосифовна, дочь И. В. Сталина — 43

Стимсон Генри (Stimson Henry), государственный секретарь США (1929–1933) — 81, 82

Стомоняков Борис Спиридонович, член коллегии НКВД (1926–1934), заместитель наркома иностранных дел (1934–1938) — 56–60, 171, 172, 174, 175, 177, 179, 182, 199, 200, 240, 245–247, 250, 256–258, 270, 271, 288, 299, 300, 375, 376, 466, 515, 524, 633–638, 747

Стоядинович Милан (Stojadinović Milan), премьер-министр Югославии (1935–1939) — 651, 653

Стрэнг Уильям (Strang William), советник британского посольства в СССР (1930–1933), советник по делам Лиги Наций (1934–1937), директор Центрального департамента (1937–1939), Западного департамента (1939) МИД Великобритании, помощник постоянного заместителя министра иностранных дел (1939–1943) — 108–111, 127, 129, 140, 146–149, 151–154, 160, 404–406

Стэнхоуп, лорд, заместитель министра иностранных дел Великобритании — 623, 674–676

Сулейман I Великолепный, султан Османской империи (1520–1566) — 55, 371, 377, 715, 721

Суриц Яков Захарович, полпред СССР в Германии (1934–1937), во Франции (1937–1940) — 292, 375

Табуи Женеви́ева (Tabouis Geneviève), французская журналистка (1930-е) — 494, 495, 505, 512, 550, 556, 613–615, 643, 664, 668

Талейран Шарль-Морис де (Talleyrand Charles-Maurice de), французский дипломат конца XVIII–XIX в. — 632

Таннри Жан (Tannery Jean), управляющий банком Франции (1935–1936) — 666

Тардьё Андре (Tardieu André), премьер-министр Франции (1929–1930, 2 марта — 13 декабря 1930, 20 февраля — 3 июня 1932) — 50–52, 55, 196, 203, 253, 256, 260, 367, 382, 383

Твардовски Фриц фон (Twardowski Fritz von), временный поверенный в делах Германии в СССР, советник германского посольства в СССР (1928–1935) — 185–188, 226–228, 230

Тевфик Рюшту Арас, министр иностранных дел Турции (1925–1938) — 495

Теттенже Пьер (Taittinger Pierre), французский политик-консерватор, националист — 716, 717

Титулеску Николае (Titulescu Nicolae), министр иностранных дел Румынии (1932–1936) — 388, 495, 497–503, 506, 507, 512, 520, 531, 535, 536, 544–546, 548, 549, 552, 568, 572–574, 630, 638–640, 642, 644–655, 657, 708, 712, 720, 726, 731, 733, 745, 747, 749

- Томас Джеймс Генри (Thomas James Henry), министр по делам колоний (1931, 1935–1936) — 131, 142, 150
- Торрес Анри (Torrès Henri), французский политик, адвокат — 661, 665, 669, 715, 719, 720, 741
- Троцкий Лев Давидович, нарком по иностранным делам РСФСР (1917–1918), нарком по военным делам РСФСР (1918–1923), нарком по военным и морским делам СССР (1923–1925), выслан из СССР (1929) — 17, 18, 42, 43, 45, 46, 167, 569, 579
- Трояновский Александр Антонович, полпред СССР в США (1933–1938) — 101, 102, 253, 293, 294, 298, 301, 305–310, 312–314, 317, 319, 321, 322, 324, 327, 330–339, 342–350, 354, 358–364, 370, 622
- Тухачевский Михаил Николаевич, Маршал Советского Союза (1935), заместитель наркома обороны СССР (1931–1937) — 269, 540, 680, 705, 714
- Тэтэреску Георге (Tătărescu Gheorghe), премьер-министр Румынии (1934–1937) — 640
- Уайли Джон (Wiley John), поверенный в делах США в СССР (1933–1936) — 308, 309, 312, 318, 360–365, 624
- Уигрэм Ральф (Wigram Ralph), глава Центрального департамента британского МИД (1934–1936) — 403, 473, 475, 608, 688, 732
- Уилсон Хью (Wilson Hugh), американский дипломат, посланник США в Швейцарии (1927–1937) — 379
- Уоли С. Д. (Waley S.D.), сотрудник Казначейства Великобритании — 620
- Уолл Мэтью (Woll Matthew), вице-президент Американской федерации труда (АФТ) (1919–1955) — 86
- Уэллсли Виктор (Wellesley Victor), помощник постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании — 432, 443
- Феймонвилл Филип (Faumonville Philip), майор, американский военный атташе (1934–1943) — 351
- Филлипс Уильям (Phillips William), заместитель государственного секретаря США (1933–1936) — 92, 104, 105, 305
- Филлипс Фредерик (Phillips Frederick), заместитель министра финансов Великобритании — 624
- Финали Гораций (Finaly Horace), председатель Парижско-нидерландского банка (1919–1937) — 194
- Фиппс Эрик (Phipps Eric), британский посол в Германии (1933–1937), Франции (1937–1939) — 467, 475, 676, 677, 681, 685, 695, 751
- Фицморис Джеральд (Fitzmaurice Gerald), юрисконсульт британского МИД — 112, 123, 124
- Фиш Гамильтон (Fish Hamilton III), американский политик-республиканец, анти-коммунист — 62–73, 86, 301, 307
- Фланден Пьер-Этьен (Flandin Pierre-Étienne), министр торговли Франции (1929–1930), министр финансов (1931–1932), премьер-министр Франции (1934–1935), министр без портфеля (1935–1936), министр иностранных дел (24 января — 4 июня 1936) — 39, 366, 367, 382, 495, 505, 506, 509, 512, 513, 516, 525, 559, 664, 703–705, 707–715, 721–727, 729–732, 735, 736, 738–742, 752–756, 758
- Фор Поль (Faure Paul), генеральный секретарь Социалистической партии Франции — 753, 756, 757

Франсуа-Понсе Андре (François-Poncet André), посол Франции в Берлине (1931–1938), посол Франции в Риме (1938–1940) — 217, 274, 276, 291, 658–660, 727, 750, 751

Франциск I (François I), король Франции (1515–1547) — 55, 371, 377, 715, 721

Хадсон Роберт (Hudson Robert,) парламентский секретарь в Министерстве труда (1931–1935) — 440, 441, 443

Ханки Морис (Hankey Maurice), секретарь британского кабинета министров — 701

Харди Оливер (Hardy Oliver), американский актер — 452

Хейлшем 1-й Дуглас Хогг (1st Viscount Hailsham Douglas Hogg), военный министр Великобритании (1931–1935), лорд-канцлер (1935–1938) — 131, 142, 152, 453, 482, 620

Херцфельд Гарри, русский белогвардеец — 33, 34

Хилтон Янг Эдуард (Hilton Young Edward), министр здравоохранения Великобритании (1931–1935) — 479, 480

Хинчук Лев Михайлович, полпред СССР в Германии (1930–1934), народный комиссар внутренней торговли РСФСР (1934–1937) — 169, 170, 224, 225, 272, 274

Хор Сэмюэль (Hoare Samue), министр по делам Индии (1931–1936), министр иностранных дел (7 июня — 18 декабря 1935), первый лорд Адмиралтейства (1936–1937), министр внутренних дел (1937–1939) — 453, 480, 482, 484–486, 490, 491, 582, 583, 600, 601, 612–617, 621, 622, 624, 625, 660, 662, 671, 672, 676–678, 681, 697, 705, 729, 746

Хьюз Лэнгстон (Hughes Langston), американский поэт — 79

Хэлл Корделл (Hull Cordell), госсекретарь США (1933–1944) — 85, 89–92, 94, 313, 319–322, 327, 329, 330, 337–339, 342, 344, 345, 347, 349, 350, 354, 364

Хэслем Джонатан (Haslam Jonathan), британский историк — 755

Цеткин Клара (Zetkin Clara), участница немецкого и международного коммунистического движения, одна из основательниц Коммунистической партии Германии — 184

Чарльз Ноэль (Charles Noel), поверенный в делах Великобритании в Москве — 395, 396, 400, 431, 600

Чемберлен Невилл (Chamberlain Neville), канцлер Казначейства Великобритании (1931–1937), премьер-министр Великобритании (1937–1940) — 142, 436, 441, 620, 624, 671, 677

Чемберлен Остин (Chamberlain Austen), министр иностранных дел Великобритании (1924–1929) — 428, 677–680, 691, 692, 698

Черрути Витторио (Cerruti Vittorio) итальянский посол в СССР (1927–1930), в Германии (1932–1935), во Франции (1935–1938) — 658

Черчилль Клементина (Churchill Clementine), супруга У. Черчилля — 486, 625

Черчилль Уинстон Спенсер (Churchill Winston Spencer), член Палаты общин (1924–1945), 1-й лорд Адмиралтейства Великобритании (1939–1940), премьер-министр Великобритании (1940–1945) — 295, 395, 428, 486–490, 524, 588, 609–612, 617, 621, 625, 671, 673, 679, 681, 684, 688–692, 749

Чилстон Дуглас (Chilston, Aretas Akers-Douglas), британский посол в СССР (1933–1938) — 399, 400, 404, 405, 409–411, 420, 425, 430, 431, 446, 447, 469, 471, 492, 586, 621, 625, 685, 700

Чичерин Георгий Васильевич, народный комиссар иностранных дел СССР (1923–1930) — 17–19, 53, 197, 316, 400, 410, 412, 668

Шахт Яльмар (Schacht Hjalmar), президент Рейхсбанка (1923–1930, 1933–1939), рейхсминистр экономики (1936–1937) — 653

- Швейсгут Виктор-Анри (Schweisguth Victor-Henri), генерал, заместитель начальника Генерального штаба Франции (1935–1937) — 650
- Шейнман Арон Львович, заместитель комиссара внутренней и внешней торговли (1925), председатель Госбанка СССР (1924–1925, 1926–1929) — 32
- Шембек Ян (Szembek Jan), заместитель министра иностранных дел Польши, польский посол в Румынии (1927–1932) — 281, 516
- Шиапп Жан (Chiappe Jean), префект парижской полиции (1927–1934) — 252
- Ширер Уильям (Shirer William), американский журналист — 253
- Шляпников Александр Гаврилович, торговый представитель СССР во Франции (1924–1925) — 333
- Шотан Камиль (Chautemps, Camille), премьер-министр Франции (1930, 1930–1934, 1937–1938) — 234, 258
- Штейгер Борис Сергеевич, сотрудником Государственного политического управления (1930-е) — 154, 160
- Штейн Борис Ефимович, полпред СССР в Финляндии (1933–1934), в Риме (1934–1938), член советской делегации в Лиге Наций — 499, 568, 614, 615
- Штерн Давид Григорьевич, помощник руководителя (1931–1932), руководитель (1932–1936) Западного отдела НКВД — 169, 272
- Штресеман Густав (Stresemann Ernst), министр иностранных дел Германии (1923–1929) — 168, 223, 238
- Шуленбург Вернер фон дер (Schulenburg Friedrich Werner von der), германский посол в СССР (1934–1941) — 445, 540
- Эдуард VIII (Edward VIII), король Великобритании (20 января — 11 декабря 1936; отрекся от престола) — 680
- Эллиот Уолтер (Elliot Walter), министр сельского хозяйства и рыболовства (1932–1936), министр по делам Шотландии (1936–1938) — 436, 437, 445, 447, 482
- Энгельс Фридрих (Engels Friedrich), немецкий политический деятель, ученый, предприниматель — 27
- Эрбетт Жан (Herbett Jean), французский посол в СССР (1925–1931) — 26, 27, 30, 31, 34–36, 38–40, 126, 127
- Эренбург Илья Григорьевич, русский писатель, поэт, публицист, журналист, военный корреспондент — 559
- Эррио Эдуард (Herriot Édouard), депутат Национального собрания Франции (1919–1940), лидер Радикально-социалистической партии (1919–1936) премьер-министр и министр иностранных дел Франции (1924–1925, 3 июня — 18 декабря 1932), неоднократно занимал министерские посты (1926–1936) — 14, 51–55, 191, 199, 201–205, 208, 211, 216, 224, 231, 234, 235, 251, 253, 255, 259, 260, 264, 266, 267, 279, 305, 366, 371, 377, 380, 382, 383, 387, 388, 494, 495, 511, 512, 524, 535, 541, 544, 552, 553, 555, 557, 559, 566, 593, 597, 644, 660, 661, 665, 666, 668–670, 679, 703, 704, 712, 714, 715, 720, 721, 725–727, 731, 733, 735, 738, 741, 742, 744, 745, 751, 752, 754, 756
- Эштон-Гваткин Фрэнк (Ashton-Gwatkin Frank), советник британского посольства в СССР (1929–1930); глава Департамента экономических отношений британского МИД (1934–1939) — 406, 492, 621
- Ярославская Марианна Емельяновна, жена М. И. Розенберга — 198

БИБЛИОГРАФИЯ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Франция

Archives nationales, Paris

Ministère des Affaires étrangères, Paris

Service historique de l'Armée de terre, Château de Vincennes

Великобритания

The National Archives of Great Britain, Kew, Surrey

University of Birmingham

Российская Федерация

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), Москва

Вторая мировая война в архивных документах (комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов). Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/collections/1298142>

США

National Archives, Bethesda, Maryland

Franklin D. Roosevelt Presidential Library, Hyde Park, NY

Bullitt Papers, Yale University

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ДНЕВНИКИ

Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы: сб. документов из российских архивов / сост. М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М.: Историческая литература, 2015.

Документы внешней политики СССР: в 26 т. Москва: Политиздат; Международные отношения; Полиграф-Юг, 1958–2016.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. Т. 6: 1933–1938; Т. 7: 1939–1943 гг. Москва: Наука, 1969–1973.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений: в 3 т. Т. 3: Июнь 1934 г. — март 1939 г. Москва: Наука, 1978.

Коллонтай А. М. Дипломатические дневники, 1922—1940: в 2 т. М.: Академия, 2001.

Лубянка: Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М.: Материк, 2003.

Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон, 1934—1943: в 2 кн. М.: Наука, 2006—2009

Майский И. М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 т. М.: Наука, 2005.

Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля, 1920—1941. Сб. документов: в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Наука, 2011.

Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921—1941. Сб. документов: в 3 т. М.: Наука, 2009.

Москва — Рим: Политика и дипломатия Кремля, 1920—1939. Сб. документов: М.: Наука, 2002.

Москва — Токио: Политика и дипломатия Кремля, 1921—1931. Сб. документов: в 2 кн. М.: Наука, 2007.

Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Коминтерн: 1919—1943. Документы. М.: РОССПЭН, 2004.

Политбюро ЦК РКП (б) и Европа. Решения «Особой папки», 1923—1939. М.: РОССПЭН, 2001.

Россия и США: экономические отношения, 1917—1941: в 2 т. М.: Наука, 1997—2001.

Советско-американские отношения, 1934—1939. Документы. М.: Издательство «Материк», 2003.

Советско-американские отношения. Годы непризнания, 1927—1933: Документы. М.: изд. «Материк», 2002.

Советско-польские отношения в 1918—1945 гг.: в 4 т. / под общ. ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М.: «Аспект Пресс», 2017.

Советско-румынские отношения, 1917—1941. Док. и материалы: в 2 т. М.: Международные отношения, 2000.

СССР — Германия, 1932—1941. 2-е изд-е. М.: ИстЛит, 2019.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

Documents diplomatiques français, 1re série, 13 vols. Paris: Imprimerie nationale, 1964—1984; 2e série, 19 vols. Paris: Imprimerie nationale, 1963—1986.

Documents on British Foreign Policy, 2nd series, 19 vols. London: HM Stationery Office, 1947—1984; 3rd series, 9 vols. London: HM Stationery Office, 1949—1957.

Documents on German Foreign Policy, series C, 7 vols.; series D, 13 vols. London, Paris, & Washington, DC: Government Printing Office, 1949—1956.

КНИГИ И СТАТЬИ

Вершинин А. А. СССР и Красная армия глазами военного атташе Франции Э. Мендраса 1933—1934 гг. // Новейшая история России. Т. 11. № 3 (2021). С. 686—704.

Европа между миром и войной, 1918—1939 / отв. ред. А. О. Чубарян. М.: Наука, 1992.

Карлей М. Дж. Почти не случилось: невероятный великий союз во Второй мировой войне (1929—1942) // Концепт. Т. 5. № 1. 2021. С. 75—95.

Карлей М. Дж. Тайная война. Запад против России. 1917—1930 / пер. с англ. Д. Горбач и Е. Польшиковой. М.: ИстЛит, 2019.

Кен О. Н., Рупасов, А. И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928—1934: в 2 ч. СПб: Европейский дом, 2000.

Кен О. Н. М. С. Островский и советско-румынские отношения (1934—1938 гг.) // Россия в XX веке: Сб. статей к 70-летию рождения чл.-корр. РАН проф. В. А. Шишкина. СПб: Н. п., 2005. С. 336—350.

Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925—1945 гг. М.: Наука, 1971.

Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939 г. Советско-польские конфликты 1918—1939. М.: Вече, 2009.

Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы [1918—1939 гг.]. М.: Алгоритм, 2015.

Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения 1933—1939. М.: Изд-во Московского университета, 2004.

На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924—1953 гг.) / авт.-сост.: А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008.

Нежинский Л. Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917—1933 гг. М.: Наука, 2004.

Нежинский Л. Н. Пути и перепутья советской международной политики в 1934—1941 гг. Тула: Гриф и К, 2008.

Сафонов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане, 1931—1945 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2001.

Севостьянов Г. Н. Москва — Вашингтон: Дипломатические отношения, 1933—1936. М.: Наука, 2002.

Севостьянов Г. Н. Москва — Вашингтон: на пути к признанию, 1918—1933. М.: Наука, 2004.

Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза, 1933—1935 гг. М.: Наука, 1980.

Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1989.

Советская внешняя политика, 1917—1945 гг.: Поиски новых подходов / ред. Л. Н. Нежинский. М.: Международные отношения, 1992.

СССР — Германия, 1933—1941 / отв. ред. С. В. Кудряшов. М.: Вестник архива Президента Российской Федерации, 2009.

Хормач И. А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество советского государства с Лигой Наций в 1919—1934 гг. М.: Кучково поле, 2011.

Хормач И. А. СССР — Италия. 1924—1939 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1995.

Хормач И. А. СССР в Лиге Наций, 1934—1939 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

- Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности, 1932–1939. М.: Наука, 1977.
- Шейнус З.* Максим Литвинов. М.: Изд-во политической литературы, 1989.
- Adamthwaite A.* France and the Coming of Second World War, 1936–1939. London: Routledge, 1977.
- Alexander M. S.* The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1933–1940. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Alphand H.* L'Étonnement d'être. Paris: Fayard, 1977.
- Andrew Ch.* Secret Service: The Making of the British Intelligence Community. London: Sceptre, 1987.
- Beevor A.* The Battle for Spain: The Spanish Civil War 1936–1939. London: Penguin, 2006.
- Bejan C. A.* Intellectuals and Fascism in Interwar Romania: The Criterion Association. London: Palgrave, 2019.
- Bell P. M. H.* France and Britain, 1900–1940: Entente & Estrangement. London: Longman, 1996.
- Bennett E. M.* Franklin D. Roosevelt and the Search for Security: American-Soviet Relations, 1933–1939. Wilmington, DE: Scholarly Resources, 1985.
- Berstein S.* Jean-Jacques Becker. Histoire de l'anti-communisme, 1917–1940. Paris: Orban, 1987.
- Bouverie T.* Appeasement: Chamberlain, Hitler, Churchill, and the Road to War. New York: Tim Duggan Books, 2019.
- Brogan D. W.* The Development of Modern France, 1870–1939, 2 vols. Gloucester, MA: Peter Smith, 1970.
- Broué P.* Histoire de l'Internationale communiste, 1919–1943. Paris: Fayard, 1997.
- Brower D. R.* The New Jacobins: The French Communist Party and the Popular Front. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1968.
- Burgwyn H. J.* Italian Foreign Policy in the Interwar Period, 1918–1940. Westport, CT: Praeger, 1997.
- Cairns J. C.* March 7, 1936, Again: The View from Paris // European Diplomacy between Two Wars, 1919–1939 / ed. H. W. Gatzke. Chicago: Quadrangle, 1972. P. 172–189.
- Calvitt C. J.* Russia and Italy against Hitler: The Bolshevik-Fascist Rapprochement of the 1930s. Westport, CT: Greenwood Press, 1991.
- Carew J. G.* Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2008.
- Carley M. J.* 1933–39: La drôle d'avant guerre et l'alliance de la dernière chance // Histoire(s) de la dernière guerre, 1939–1945: au jour le jour. Vol. 1 (2009). P. 14–20.
- Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. Chicago: Ivan R. Dee, 1999.
- Carley M. J.* An Eye on France from the Soviet Embassy on the rue de Grenelle, 1924–1940 // Diplomacy & Statecraft. Vol. 17. No. 2 (2006). P. 295–346.
- Carley M. J.* Behind Stalin's Moustache: Pragmatism in Early Soviet Foreign Policy, 1917–1941 // Diplomacy & Statecraft. Vol. 12. No. 3 (2001). P. 159–74.
- Carley M. J.* Down a Blind-Alley: Anglo-Franco-Soviet Relations, 1920–1939 // Canadian Journal of History. Vol. 29. No. 1 (1994). P. 147–72.

Carley M. J. End of the «Low, Dishonest Decade»: Failure of the Anglo-Franco-Soviet Alliance in 1939 // *Europe-Asia Studies*. Vol. 45. No. 2 (1993). P. 303–341.

Carley M. J. Episodes from the Early Cold War: Franco-Soviet Relations, 1917–1927 // *Europe-Asia Studies*. Vol. 52. No. 7 (2000). P. 1275–1305.

Carley M. J. Fearful Concatenation of Circumstances: the Anglo-Soviet Rapprochement, 1934–1936 // *Contemporary European History*. Vol. 5. No. 1 (1996). P. 29–69.

Carley M. J. Five Kopecks for Five Kopecks: Franco-Soviet Trade Relations, 1928–1939 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 33. No. 1 (1992). P. 23–58.

Carley M. J. Once Burnt, Twice Shy: The Failure of Mutual Assistance against Nazi Germany, 1933–1935 // *История*. Т. 11. Вып. 3 (89). 2020. DOI: 10.18254/S207987840009129-0.

Carley M. J. Prelude to Defeat: Franco-Soviet Relations, 1919–1939 // *Historical Reflections*. Vol. 22. No. 1 (1996). P. 159–188.

Carley M. J. Resurgent France or Decadent France: War Origins Once Again // *Canadian Journal of History*. Vol. 37. No. 2 (2002). P. 311–17.

Carley M. J. Revolution & Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917–1919. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1983.

Carley M. J. Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014.

Carley M. J. Soviet Foreign Policy in the West: 1936–1941: A Review Article // *Europe-Asia Studies*. Vol. 56. No. 7 (2004). P. 1080–1092.

Carley M. J. Who Betrayed Whom? Franco-Anglo-Soviet Relations, 1932–1939 // *Gab es einen Stalin-Hitler-Pakt? Charakter, Bedeutung und Deutung des deutschowjetischen Nichtangriffsvertrages vom 23. August 1939* / ed. C. Koch. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. S. 119–137.

Carley M. J. Who Was Iosif Vissarionovich Stalin? // *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. No. 7 (2015). P. 1030–1044.

Carr E. H. The Twilight of the Comintern, 1930–1935. London: Pantheon, 1982.

Carswell J. The Exile: A Life of Ivy Litvinov. London: Faber & Faber, 1983.

Cassella-Blackburn M. The Donkey, the Carrot, and the Club: William C. Bullitt and Soviet-American Relations, 1917–1948. Westport, CT: Praeger, 2004.

Charmley J. Churchill: The End of Glory. Toronto: Macfarlane, Walter & Ross, 1993.

Chips: The Diaries of Sir Henry Channon / ed. R. Rh. James. London: Weidenfeld & Nicolson, 1967.

Churchill W. S. The Gathering Storm. Boston: Houghton Mifflin, 1948.

Collision of Empires: Italy's Invasion of Ethiopia and its International Impact / ed. G. B. Strang. New York: Routledge, 2013.

Colton J. Léon Blum: Humanist in Politics. New York: Knopf, 1966.

Colvin I. Vansittart in Office. London: Victor Gollancz, 1965.

Coulondre R. De Staline à Hitler, souvenirs de deux ambassades, 1936–1939. Paris: Hachette, 1950.

Cowling M. The Impact of Hitler: British Politics and British Policy, 1933–1940. London: Cambridge University Press, 1975.

Craig G. A., Gilbert F. The Diplomats. 2 vols. New York: Atheneum, 1965.

D'Agostino A. The Rise of the Global Powers: International Politics in the Era of the World Wars. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

- Dalton H.* The Fateful Years: Memoirs 1931–1945. London: Frederik Muller, 1957.
- Davies S., Harris J.* Stalin's World. Dictating the Soviet Order. New Haven, CT: Yale University Press, 2014.
- Dessberg F.* Le triangle impossible: Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Brussels: Peter Lang, 2009.
- Deutscher I.* Russia after Stalin. London: Hamish Hamilton, 1953.
- Deutscher I.* Stalin: A Political Biography. New York: Vintage, 1960.
- Deutscher I.* Trotsky. 3 vols. New York: Vintage, 1954–1963.
- Di Biagio A.* Moscow: The Comintern and the War Scare, 1926–28 / Russia in the Age of Wars, 1914–1945 / eds. S. Pons and A. Romano. Milan: Feltrinelli Editore, 2000. P. 83–102.
- Dimitrov and Stalin, 1934–1943: Letters from the Soviet Archives / eds. A. Dallin, F. I. Firsov. New Haven, CT: Yale University Press, 2000.
- Diplomacy and World Power: Studies in British Foreign Policy, 1890–1950 / eds. M. Dockrill, B. McKercher. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Diplomat in Berlin, 1933–1939: Papers and Memoirs of Józef Lipski / ed. W. Jędrzejewicz. New York: Columbia University Press, 1968.
- Diplomat in Paris, 1936–1939: Papers and Memoirs of Juliusz Łukasiewicz / ed. W. Jędrzejewicz. New York: Columbia University Press, 1970.
- Du Réau E.* Édouard Daladier, 1884–1970. Paris: Fayard, 1993.
- Dullin S.* Des hommes d'influences: Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939. Paris: Payot, 2001.
- Dullin S.* Le Rôle de Maxime Litvinov dans les années trente // Communisme. No 42/43/44 (1995). P. 75–93.
- Dullin S.* Les Diplomates soviétiques à la Société des Nations // Relations internationales. No 75 (1993). P. 329–343.
- Dunn D. J.* Caught between Roosevelt and Stalin: America's Ambassadors to Moscow. Lexington: University Press of Kentucky, 1997.
- Duroselle J.-B.* La Décadence, 1932–1939. 3rd ed. Paris: Imprimerie nationale, 1985.
- Eden A.* Facing the Dictators. Boston: Houghton Mifflin, 1962.
- Foglesong D. S.* America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1995.
- For the President, Personal and Secret: Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt / ed. O. H. Bullitt. Boston: Houghton Mifflin, 1972.
- Gamelin M.* Servir. 3 vols. Paris: Plon, 1946.
- George M.* Warped Vision: British Foreign Policy, 1933–1939. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1965.
- Geraud A. (Pertinax).* Les Fossoyeurs. 2 vols. New York: Éditions de la Maison Française, 1943.
- Gilbert M.* Prophet of Truth: Winston S. Churchill, 1922–1939. London: Minerva, 1990.
- Glantz M. E.* FDR and the Soviet Union: The President's Battles over Foreign Policy. Lawrence: University Press of Kansas, 2005.
- Gorlov S. A.* Sovershenno sekretno, Moskva — Berlin, 1920–1933: Voennopoliticheskie otnosheniia mezhdru SSSR i Germaniei. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 1999.

Grandeur and Misery: France's Bid for Power in Europe, 1914–1940. London: Hodder Arnold, 1995.

Guelton F. Les relations militaires franco-soviétiques dans les années Trente // La France et l'URSS dans l'Europe des années 30 / Mikhail Narinskii, Élisabeth du Réau, Georges-Henri Soutou, and Alexandre Tchoubarian, with the collaboration of Christophe Réveillard. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2005. P. 61–72.

Harris J. Encircled by Enemies: Stalin's Perceptions of the Capitalist World, 1918–1941 // Journal of Strategic Studies. Vol. 30. No. 3 (June 2007). P. 513–545.

Haslam J. The Spectre of War: International Communism and the Origins of World War II. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2021.

Haslam J. Soviet Foreign Policy, 1930–33: The Impact of the Depression. New York: St. Martin's Press, 1983.

Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. New York: St. Martin's Press, 1984.

Haslam J. The Soviet Union and the Threat from the East, Moscow, Tokyo and the Prelude to the Pacific War. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1992.

H-Diplo Roundtable XXII-18 on Snyder. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. Review by Joseph Kellner // H-Diplo. 21 December 2020 / ed. G. Fujii. URL: https://networks.h-net.org/node/28443/discussions/6990543/h-diplo-roundtable-xxii-18-snyder-road-unfreedom-russia-europe#_Toc59206493.

Herndon J. S., Baylen J. O. Col. Philip R. Faymonville and the Red Army, 1934–43 // Slavic Review. Vol. 34. No. 3 (1975). P. 483–505.

Herriot É. Jadis: D'une guerre à l'autre, 1914–1936. Paris: Flammarion, 1952.

Irvine W. D. French Conservatism in Crisis: The Republican Federation of France in the 1930s. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1979.

Jackson P. France and the Nazi Menace: Intelligence and Policy Making, 1933–1939. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Jansen S. Pierre Cot: Un antifasciste radical. Paris: Fayard, 2002.

Jeanneney J. E. Journal politique, septembre 1939–juillet 1942. Paris: Armand Colin, 1972.

Jones G. The Arrest of the British Engineers // Margaret Sirioli Colley. Accessed 28September2002. URL: https://www.garethjones.org/margaret_sirioli_colley/metrovik_trial.htm#_ednref12.

Jones T. A Dairy with Letters, 1931–1950. London: Oxford University Press, 1954.

Ken O. N. Collective Security or Isolation? Soviet Foreign Policy and Poland, 1930–1935. St. Petersburg: Evropeiskiy Dom, 1996.

Kennedy P. Appeasement // The Origins of the Second World War Reconsidered / ed. G. Martel. Boston: Allen & Unwin, 1986. P. 140–161.

Khlevniuk O. V. Master of the House: Stalin and his Inner Circle. Translated by Nora Seligman Favorov. New Haven, CT: Yale University Press, 2009.

Kotkin St. Stalin: Waiting for Hitler, 1929–1941. London: Allen Lane, 2017.

La France et l'URSS dans l'Europe des années 30 / M. Narinski, E. Du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. Paris: Presses de l'Université de ParisSorbonne, 2005.

Lacroix-Riz A. Le Choix de la défaite: les élites françaises dans les années 1930. Paris: Armand Colin, 2006.

Lamb R. The Drift to War, 1922–1939. London: Bloomsbury, 1991.

- Lenoe M. E.* The Kirov Murder and Soviet History. New Haven: Yale University Press, 2010.
- Lukes I.* Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Beneš in the 1930s. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Lungu D. B.* Romania and the Great Powers, 1933–1940. Durham, NC: Duke University Press, 1989.
- Maiolo J.* Anglo-Soviet Naval Armaments Diplomacy before the Second World War // *English Historical Review*. Vol. 133. No. 501 (2008). P. 351–378.
- Maiskii I. M.* Who Helped Hitler. London: Hutchinson, 1964.
- Manchester W.* The Caged Lion: Winston Spencer Churchill, 1932–1940. London: Cardinal, 1989.
- Manevy R.* Histoire de la Presse, 1914–1939. Paris: Éditions Corr  a, 1945.
- Manne R.* The Foreign Office and the Failure of Anglo-Soviet Rapprochement // *Journal of Contemporary History*. Vol. 16. No. 4 (1981). P. 725–755.
- Martin-Fugier A.* La bourgeoisie. Paris: Grasset, 1983.
- Mazower M.* Dark Continent: Europe’s twentieth Century. New York: Vintage, 1998.
- McDermott K., Agnew J.* The Comintern: A History of International Communism from Lenin to Stalin. New York: St. Martin’s Press, 1997.
- McMeekin S.* Stalin’s War: A New History of World War II. New York: Basic Books, 2021.
- Meltz R.* Alexis L  ger dit Saint-John Perse. Paris: Flammarion, 2008.
- Meltz R.* Lorsque le Quai d’Orsay dictait des articles: la fabrication de l’opinion publique dans l’entre-deux-guerres // *Relations internationales*. No 154 (2013). P. 33–50.
- Meltz R.* Pierre Laval. Un myst  re fran  ais. Paris: Perrin, 2018.
- Micaud Ch.* The French Right and Nazi Germany, 1933–1939. New York: Octagon Books, 1964
- Middlemas K.* Diplomacy of Illusion: The British Government and Germany, 1937–1939. London: Weidenfeld & Nicolson, 1972.
- Millman B.* The Ill-Made Alliance: Anglo-Turkish Relations, 1934–1940. Montreal: McGill-Queen’s University Press, 1998.
- Miner St. M.* Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1988.
- Miner St. M.* His Master’s Voice: Viacheslav Mikhailovich Molotov as Stalin’s Foreign Commissar // *The Diplomats, 1939–1979* / eds. G. A. Craig and F. L. Loewenheim. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 65–100.
- Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics, Conversations with Felix Chuev* / ed. A. Resis. Chicago: Ivan R. Dee, 1993.
- Morrell G. W.* Britain Confronts the Stalin Revolution: Anglo-Soviet Relations and the Metro-Vickers Crisis. Waterloo, ON: Wilfrid Laurier University Press, 1995.
- Neilson K.* Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919–1939. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Neilson K.* Orme Sargent, Appeasement and British Policy in Europe, 1933–39 // *Twentieth Century British History*. Vol. 21. No. 1 (2010). P. 1–28.
- Neilson K.* Pursued by a Bear: British Estimates of Soviet Military Strength and Anglo-Soviet Relations, 1922–1939 // *Canadian Journal of History*. Vol. 28. No. 2 (1993). P. 189–221.

Neilson K. Stalin's Moustache: The Soviet Union and the Coming of the War // *Diplomacy & Statecraft*. Vol. 12. No. 2 (2001). P. 197–208.

Nekrich A. M. Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet Relations, 1922–1941. New York: Columbia University Press, 1997.

Nicolson H. Diaries and Letters, 1930–1939. New York: Atheneum, 1966.

Noël L. L'Agression allemande contre la Pologne. Paris: Flammarion, 1946.

Origins of the Second World War Reconsidered. 2nd ed. / ed. G. Martel. New York: Routledge, 1999.

Parker R. A. C. Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. London: Macmillan, 1993.

Paul-Boncour J. Entre deux guerres: souvenirs sur la IIIe République. 3 vols. Paris: Plon, 1946.

Peden G. C. British Rearmament and the Treasury, 1932–1939. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1979.

Phillips H. D. Between the Revolution and the West: A Political Biography of Maxim M. Litvinov. Boulder, CO: Westview Press, 1992.

Pinals R. S. Louise Bryant: An Adventurous Life and Painful Death from Dercum's Disease // *The Pharos* (Winter 2019). P. 21–23.

Pons S. Stalin and the Inevitable War, 1936–1941. London: Frank Cass, 2002.

Post G. jr. Dilemmas of Appeasement: British Deterrence and Defense, 1934–1937. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1993.

Robert Vansittart and an Unbrave World, 1930–37 / ed. B. J. C. McKercher // Special issue: *Diplomacy & Statecraft*. Vol. 6. No. 1 (1995).

Roberts G. A Soviet Bid for Coexistence with Nazi Germany, 1935–1937: The Kandelaki Affair // *International History Review*. Vol. 16. No. 3 (1994). P. 466–490.

Roberts G. The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1933–1941. London: Macmillan, 1995.

Robertson J. C. The Hoare-Plan // *Journal of Contemporary History*. Vol. 10. No. 3 (1975). P. 433–464.

Roman M. L. Opposing Jim Crow: African Americans and the Soviet Indictment of U.S. Racism, 1928–1937. Lincoln: University of Nebraska Press, 2012.

Rose N. Vansittart: Study of a Diplomat. London: Heinemann, 1978.

Rowse A. L. Appeasement: A Study in Political Decline, 1933–39. New York: Norton, 1963.

Russia in the Age of War, 1914–1945 / eds. S. Pons, A. Romano. Milan: Feltrinelli, 2000.

Schuker St. A. France and the Remilitarization of the Rhineland, 1936 // *French Historical Studies*. Vol. 14. No. 3 (1986). P. 299–338.

Schuker St. A. Two Cheers for Appeasement. Paper presented at the Society for French Historical Studies Conference. Boston, MA, March 1996.

Scott W. E. Alliance against Hitler: The Origins of the Franco-Soviet Pact. Durham, NC: Duke University Press, 1962.

Service R. Stalin: A Biography. Cambridge, MA: Belknap Press, 2004.

Shaw L. G. The British Political Elite and the Soviet Union, 1937–1939. London: Routledge, 2003.

Sherwood J. M. Georges Mandel and the Third Republic. Stanford, CA: Stanford University Press, 1970.

- Shirer W. L.* Berlin Diary: The Journal of a Foreign Correspondent, 1934–1941. New York: Knopf, 1941.
- Shirer W. L.* The Collapse of the Third Republic: An Inquiry into the Fall of France in 1940. New York: Simon & Schuster, 1969.
- Shura P.* O'Neill's Strange Interlude and the «Strange Marriage» of Louise Bryant // The Eugene O'Neill Review. Vol. 30 (2008). P. 7–20.
- Souvarine B.* Stalin. New York: Longmans, Green & Co., 1939.
- Stalin's Letters to Molotov / translated by C. A. Fitzpatrick; eds. L. T. Lih, O. V. Naumov, O. V. Khlevniuk, L. P. Kosheleva, L. A. Rogovaia, V. S. Lelchuk, V. P. Naumov. New Haven, CT: Yale University Press, 1995.
- Stamsell Ch.* Louise Bryant Grows Old // History Workshop Journal. Vol. 50. No. 1 (2000). P. 156–180.
- Stedman A. D.* Alternatives to Appeasement: Neville Chamberlain and Hitler's Germany. London: I. B. Tauris, 2011.
- Steiner Z.* The Lights that Failed. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Steiner Z.* The Triumph of the Dark. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Strang W.* Home and Abroad. London: A. Deutsch, 1956.
- Szembek J.* Journal, 1933–1939. Paris: Plon, 1952.
- Tabouis G.* They Called Me Cassandra. New York: Charles Scribner's Sons, 1942.
- Taylor A. J. P.* 1939 revisited. London: German Historical Institute, 1981.
- Taylor A. J. P.* English History, 1914–1945. New York: Oxford University Press, 1965.
- Taylor A. J. P.* The Origins of the Second World War. Middlesex: Penguin, 1964.
- The Complete Maiskii Diaries / ed. G. Gorodetsky. 3 vols.; translated by T. Sorokina and O. Ready. New Haven, CT: Yale University Press, 2017.
- The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / ed. I. Banac. New Haven, CT: Yale University Press, 2003.
- The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937–1940 / ed. J. Harvey. London: Collins, 1970.
- The French Defeat of 1940: Reassessments / ed. B. Joel. Oxford: Berghahn, 1998.
- The Times and Appeasement: The Journals of A. L. Kennedy, 1932–1939 / ed. G. Martel. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Thompson N.* The Anti-Appeasers: Conservative Opposition to Appeasement in the 1930s. Oxford: Oxford University Press, 1971.
- Torrès H.* Pierre Laval. Toronto: Oxford University Press, 1941.
- Trotsky L. D.* My Life. New York: Pathfinder Press, 1970.
- Trotsky L. D.* Stalin. New York: Stein & Day, 1967.
- Tucker R. C.* Stalin as Revolutionary, 1879–1929. New York: W. W. Norton, 1973.
- Tucker R. C.* Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. New York: Norton, 1990.
- Ulam A. B.* Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917–1967. New York: Frederick A. Praeger, 1968.
- Uldricks T. J. A. J. P.* Taylor and the Russians // The Origins of the Second World War Reconsidered, 2nd ed. / ed. G. Martel. New York: Routledge, 1999. P. 162–186.
- Uldricks T. J.* War, Politics and Memory: Russian Historians Reevaluate the Origins of World War II // History and Memory. Vol. 21. No. 2 (2009). P. 60–82.

Vaïsse M. Les Militaires français et l'alliance franco-soviétique au cours des années 1930 // In Forces armées et systèmes d'alliances: Colloque international d'histoire militaire et d'études de défense nationale. Vol. 2. Paris: Foundation pour les études de défense nationale, 1983. P. 689–704.

Vansittart R. G. The Mist Procession: The Autobiography of Lord Vansittart. London: Hutchinson, 1958.

Varey D. The Politics of Naval Aid: The Foreign Office, the Admiralty, and Anglo-Soviet Technical Cooperation, 1936–37 // Diplomacy & Statecraft. Vol. 14. No. 4 (2003). P. 50–68.

Veeder V. V. The Lena Goldfields Arbitration: The Historical Roots of Three Ideas // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 47. No. 4 (1998). P. 747–792.

Vershinin A. «My Task Is to Get into the French Army»: Soviet Strategy and the Origins of Soviet-French Military Cooperation in the 1930s // Journal of Strategic Studies. Vol. 44. No. 5 (2021). P. 685–714.

Vidal G. Le PCF et la défense nationale à l'époque du Front populaire (1934–1939) // Guerres mondiales et conflits contemporains. No 215 (2004). P. 47–73.

Vidal G. Une alliance improbable. L'armée française et la Russie soviétique, 1917–1939. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2015.

Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York: Oxford University Press, 1996.

Volkogonov D. Staline. Paris: Flammarion 1991.

Wark W. K. The Ultimate Enemy: British Intelligence and Nazi Germany, 1933–1939. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1985.

Watson D. Appeasement Revisited // International History Review. Vol. 17. No 3 (1995). P. 545–562.

Watson D. Molotov: A Biography. London: Palgrave, 2005.

Weber E. Action Française: Royalism and Reaction in Twentieth-Century France. Stanford, CA: Stanford University Press, 1962.

Weber E. The Hollow Years: France in the 1930s. New York: Norton, 1994.

Weinberg G. The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933–1936. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ	I
ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ	5
БЛАГОДАРНОСТИ	9
ВСТУПЛЕНИЕ: НАЧАЛО КРИЗИСА	14
ГЛАВА I. ТУСКЛЫЙ СВЕТ В НОЧИ: ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ РАЗРЯДКИ В ПАРИЖЕ И ВАРШАВЕ. 1929–1932 ГОДЫ	26
Небольшой скандал	30
Большой скандал	32
Осенний кризис	35
Советско-французские отношения налаживаются	37
Осложнения	41
Иосиф Виссарионович Сталин	42
Внешняя политика Литвинова и Сталина	46
Переговоры в Париже	48
Кто главный враг?	52
Жозеф Поль-Бонкур	54
Важность Польши	56
Борис Спиридонович Стомоняков	57
Сближение Польши и СССР	59
ГЛАВА II. КРУТОЙ ПОДЪЕМ: БОРЬБА СССР ЗА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ США. 1930–1933 ГОДЫ	61
Комитет Фиша	62
Дело Дельгаса	65
Сквирский и Фиш	67
Друзья и враги	73
Сталин как предприниматель	74
Взлеты и падения	77
«Черное и белое»	79

Президент Рузвельт и начало с чистого листа	83
Лед тронулся	86
Литвинов едет в Вашингтон	89

ГЛАВА III. ОХЛАЖДЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ: ДЕЛО «МЕТРО-

ВИККЕРС». 1933 ГОД	106
Аресты в Москве	108
Разгар кризиса	112
Столкновение посла и наркома	120
Овия отозвали. Что теперь?	128
Суд	142
Ликвидация последствий	149
Прозрение	153
Решение	157

ГЛАВА IV. РАПАЛЛО ИЛИ НЕТ? СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

С ГЕРМАНИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ. 1933 ГОД	162
Могла ли нацистская Германия сохранить Рапальский договор?	162
Словом и делом	164
Николай Николаевич Крестинский	166
Литвинов и Дирксен	168
Будет ли продолжаться советско-польское сближение?	171
Жалоба Антонова-Овсенко	174
В дело вмешивается Радек	177
Юзеф Бек	180
Антонов-Овсенко по-прежнему не в ладах с Москвой	181
Крестинский и Дирксен	182
Не по словам судят, а по делам	185
«Нехватка дисциплины»	186
Литвинов в Берлине	188

ГЛАВА V. «КУЙ ЖЕЛЕЗО, ПОКА ГОРЯЧО»: УКРЕПЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С ФРАНЦИЕЙ. 1933 ГОД

Обмен военными атташе	190
Михаил Семенович Островский	192
Марсель Израилевич Розенберг	196
Будут ли сделаны шаги на пути к сближению с Францией?	198
Алексис Леже	208
Островский ужинает с де Латром и Кейролем	210

Пришло время двигаться вперед	211
Решение о коллективной безопасности	217
Большой риск	219
 ГЛАВА VI. У МОСКВЫ ПОЯВЛЯЮТСЯ СОМНЕНИЯ: УКРЕПЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. 1933–1934 ГОДЫ	
«Майн кампф»	222
Немецкие уши в Москве	226
Надольный против Литвинова	227
Советско-французские торговые переговоры	231
Снова Надольный и Литвинов	232
Небольшой скандал в маленьком французском городке	233
Это настоящий кошмар?	235
А что же Польша?	236
Бек в Москве	240
Яков Христофорович Давтян	248
Инструкции Стомонякова	250
Небольшой скандал привел к попытке государственного переворота	251
 ГЛАВА VII. «ШАГ ВПЕРЕД И ДВА НАЗАД»: ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ В СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ С ЗАПАДОМ. 1934 ГОД	
Оценка ущерба	256
Новый министр иностранных дел Франции	258
Переговоры Литвинова и Барту в Женеве	264
Литвинов и Бек	266
Поездка Барту в Париж и возвращение в Женеву	266
А в это время во французском посольстве в Москве...	268
И снова Германия (январь — июнь 1934 года)	270
А что же Великобритания?	277
А что же Польша?	281
Вступление СССР в Лигу Наций	283
Встреча Барту с Беком	286
Трагедия во Франции	288
 ГЛАВА VIII. НИКТО НЕ ХОЧЕТ ДАВАТЬ ЗАЕМ БОЛЬШЕВИКАМ: КРАХ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ. 1933–1935 ГОДЫ	
Александр Антонович Трояновский	293
Уильям Буллит	294
Поездка Буллита на поезде в Москву	297

Трудности с Трояновским	306
Скрытые сложности	308
Переговоры с Буллитом	310
Конец «медового месяца»	318
Переговоры заходят в тупик.	327
Переговоры перенесены в Вашингтон.	331
Столкновение Литвинова с Трояновским.	332
Буллит меняет стратегию	338
Переговоры Сквирского.	351
Колкости Буллита	354
Новое предложение США	354
Уход Буллита, выход Трояновского	359
Возвращение Трояновского в Вашингтон.	364

ГЛАВА IX. КОШМАР: УЖАСНЫЙ ПОВОРОТ В ОТНОШЕНИЯХ С ФРАНЦИЕЙ. 1934–1935 ГОДЫ.

Ущерб советской стороне	366
Владимир Петрович Потемкин	368
Азартная игра во французском казино.	370
Отчет Литвинова Сталину	372
Альфан и Мендрас предупреждают правительство в Париже	374
Польская ложка дегтя	375
Встреча Литвинова и Лавалья в Женеве	377
Донесения советской разведки	381
«Маленькие шажки» Лавалья	386
Вмешательство Эррио	387

ГЛАВА X. НАВОДЯ МОСТЫ: АНГЛО-СОВЕТСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ. 1934–1935 ГОДЫ.

Впечатление, произведенное Литвиновым	389
Кампания Майского	391
Встреча Майского с Джеймсом Гарвином.	396
Недоверие в Министерстве иностранных дел.	399
Сэр Роберт Гилберт Ванситтарт	401
Лига Наций	403
Майский прощупывает почву	404
Иван Михайлович Майский	411
Встречи Майского и Ванситтарта	414
Отношения потеплели... незначительно	428

Майский и Ванситтарт: все сначала	438
Литвинов настороже	443
Причины для волнения.	445
Британский визит в СССР	452
Иден едет в Москву	458
Московские переговоры Идена.	468
Британское Министерство иностранных дел против коллективной безопасности по-советски	472
Майский и Ванситтарт снова взялись за дело.	476
Камешек на дороге	478
Майский обедает с лордом Бивербруком	480
Встреча Майского с новым главой британского МИД	484
Новый «друг»	486
Британию штормит	490
 ГЛАВА XI. МОМЕНТ ИСТИНЫ: ПЕРЕГОВОРЫ О ФРАНКО- СОВЕТСКОМ ПАКТЕ. 1935 ГОД.	494
Январь 1935 года	494
Николае Титулеску	497
Михаил Семенович Островский	501
Дискуссии в Женеве	503
Французский визит в Лондон. Февраль 1935 года	505
Оценка Литвиновым лондонских переговоров	508
Жорж Мандель	511
Потемкинские встречи	512
Тем временем в Москве	515
Взгляды Ванситтарта.	521
Поразительное терпение	524
Отсутствие доверия	528
Надзиратель и плут	533
Новые предложения Москвы	536
Зыбучие пески французской политики	541
Пьер Лаваль.	542
Демарш Титулеску	544
Рекомендации Литвинова	546
Финал.	548
Предательство на набережной Орсе	553
Логика Литвинова	558
Саботаж англичан	563
Франко-советский пакт	565
	793

Тем временем в МИД Великобритании...	566
Эдуард Бенеш и пакт с Чехословакией	568
Визит Лаваля в Москву	578

ГЛАВА XII. КОНЕЦ НАВЕДЕННЫМ МОСТАМ: КРУШЕНИЕ АНГЛО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ. 1935 ГОД.	581
Майский ведет переговоры в Лондоне.	581
Абиссинский кризис	584
Обострение кризиса	588
Война в Абиссинии	591
Возвращение в Лондон	599
Майский и Бивербрук	609
Майский снова встречается с Черчиллем	609
Абиссинское Смоляное чучелко	612
Британский заем Москве под вопросом	618
«Кража со взломом».	623
А что же с займом?	624

ГЛАВА XIII. ШАТКАЯ ОПОРА: ФРАНЦИЯ И ЕЕ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИЕ СОЮЗНИКИ. 1935–1936 ГОДЫ.	626
Проблема с Польшей	631
Польша и Румыния	638
Давтян и Анатолий де Монзи	640
Хорошие новости и (в основном) плохие новости.	642
Литвинов, Островский и Титулеску	644
Новые проблемы	652
Нужда заставляет искать странных партнеров	653
Лаваль и немцы	657
Расчеты Литвинова	661
Сплетни	662
Плохие новости	664

ГЛАВА XIV. ПРОВАЛ В ЛОНДОНЕ: КОНЕЦ АНГЛО-СОВЕТСКОГО СБЛИЖЕНИЯ. 1936 ГОД	671
Энтони Иден: «друг» или враг?	672
Майский и Ванситтарт	676
Майский и Остин Чемберлен	677
Призрачная надежда	680
«Возможность достижения понимания с Германией в целом»	683
«Логика вещей»	686

Глупый вид	687
Черчилль: как сильно изменилось настроение!	689
Затянувшийся Абиссинский кризис.	692
Последние вздохи	699
 ГЛАВА XV. ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ НОВОСТИ: ПАДЕНИЕ ЛАВАЛЯ И КАПИТУЛЯЦИЯ ФРАНЦИИ. 1936 ГОД.	 703
Перспективы ратификации советско-французского пакта	 706
Кампания за ратификацию	712
Рейнский кризис. Ратификация советско-французского пакта	 728
Комическая опера	731
Кризис во Франции.	737
 ЭПИЛОГ	 744
 СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ	 760
 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	 761
 БИБЛИОГРАФИЯ	 778

Майкл Джабара Карлей

**РИСКОВАННАЯ ИГРА СТАЛИНА:
В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ ПРОТИВ ГИТЛЕРА
1930–1936 гг.**

Перевод *Н. Л. Алексеевой*
под общей редакцией *Е. Р. Секачевой*

Главный редактор *О. В. Сухарева*
Редакторы *О. Г. Андреева, В. Е. Климанов*
Дизайн *В. В. Забковой*
Компьютерная верстка *Е. М. Илюшиной*
Корректор *Л. А. Куртова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
117312, г. Москва, ул. Вавилова, д. 53, к. 1, помещ. 1Н
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 08.11.2023.
Формат 165 х 235 мм. Печ. л. 50.
Тираж 1500 экз. Заказ № 6828/23

ISBN 978-5-907171-98-5

Отпечатано в ООО «ИПК Парето-Принт»
Тверь, Боровлево 1. sales@pareto-print.ru
(4822) 62-00-17

«У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний».

— И. В. Сталин, 1934 г.

«...нам известно, что противники Гитлера вроде Остина Чемберлена... неделимость мира толкуют ограниченно, заботясь о гарантиях как для Франции и Бельгии, так и для Австрии и Чехословакии, но готовы отдать на съедение Гитлеру восток Европы или, по крайней мере, СССР».

— М. М. Литвинов, 1936 г.

«Дело не в том, чтобы Англия приняла на себя одинаковые формальные обязательства как в отношении Франции и Бельгии, так и других частей Европы. Важно общее отношение к агрессивности Германии, к нарушению ею договоров и к очевидной подготовке ею войны или серии войн. Все поведение Англии лишь подбадривает и поощряет Германию».

— М. М. Литвинов, 1936 г.

«Мы были бы совершеннейшими идиотами, если бы из-за гипотетической опасности социализма, угрожающей нашим детям или внукам, отказались от помощи СССР против Германии в настоящее время».

— У. Черчилль, 1936 г.

«Говорить о том, что европейский мир можно построить без СССР — нелепость. Это ясно всякому...»

— Э. Иден, 1935 г.

«Военная опасность со стороны Германии? Чепуха. Все эти толки страшно преувеличены. А если опасность даже есть, какое нам, англичанам, до этого дело?.. Если Германия и СССР подерутся, это их частное дело».

— Э. Х. Янг, 1935 г.

9 785907 171985